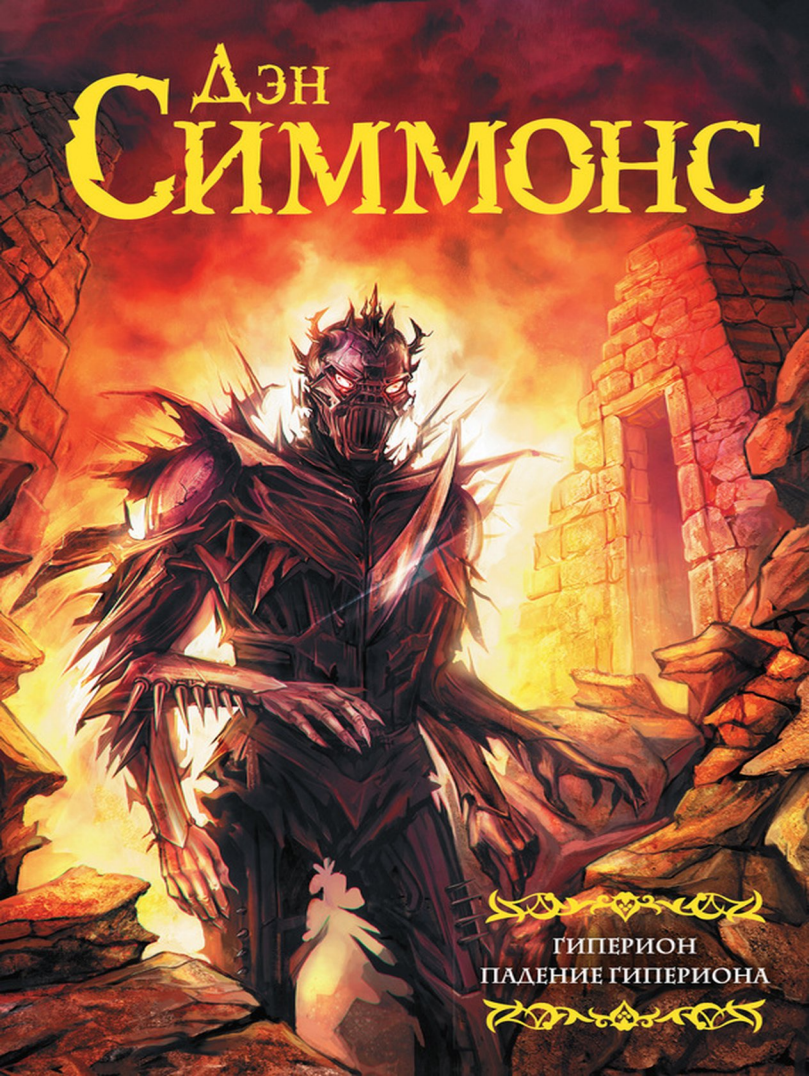
Дэн Симмонс



ГИПЕРИОН
ПАДЕНИЕ ГИПЕРИОНА

Гиперион. Падение Гипериона
Дэн Симмонс

Аннотация
Дэн Симмонс. Гиперион. Падение Гипериона
Гиперион
Пролог
1
История священника:. Человек, который искал Бога
2
История солдата:. Война и любовь
3
История поэта:. Песни Гипериона
4
История ученого:. Горек вкус воды летейской
5
История детектива:. Долгое прости
6
История консула:. Вспоминая Сири
Эпилог
Падение Гипериона
1
Глава первая
Глава вторая

Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одинадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
2
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Глава двадцать седьмая

Глава двадцать восьмая
Глава двадцать девятая
Глава тридцатая
3
Глава тридцать первая
Глава тридцать вторая
Глава тридцать третья
Глава тридцать четвертая
Глава тридцать пятая
Глава тридцать шестая
Глава тридцать седьмая
Глава тридцать восьмая
Глава тридцать девятая
Глава сороковая
Глава сорок первая
Глава сорок вторая
Глава сорок третья
Глава сорок четвертая
Глава сорок пятая
Эпилог
Об авторе
Краткая библиография

Аннотация

Дилогия «Песни Гипериона» описывает мир, поистине поражающий воображение своей сложностью, новизной и эпической масштабностью.

Мир великой реки Тетис – и межзвездной Гегемонии, связывающей сотни планет нуль-порталами. Мир космических кочевников и всемогущих ИскИнов, таинственных Гробниц Времени и безжалостного «ангела смерти» Шрайка.

Мир, в котором причудливо переплелись судьбы Солдата и Священника, Ученого и Поэта, Детектива и Консула.

Дэн Симмонс
Гиперион. Падение Гипериона

Dan Simmons
HYPERION
THE FALL OF HYPERION

© Dan Simmons, 1989, 1990
© Перевод. А.А. Коротков, 1995
© Перевод. С.В. Силакова, 1996
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Гиперион

Посвящается Тэду

Пролог

Консул Гегемонии сидел на балконе своего эбеново-черного космического корабля и на хорошо сохранившемся «Стейнвее» играл прелюдию до-диез минор Рахманинова, а снизу, вторя музыке, неслось мычание громадных зеленых псевдоящеров, бултыхавшихся в хлюпающей болотной жиже. С севера приближалась гроза. На фоне свинцовых туч, закрывших полнеба клубящейся девятикилометровой стеной, проступил четкий контур леса гигантских древовидных хвощей. У горизонта сверкнула молния. Возле корабля в синем тумане то и дело появлялись неясные фигуры рептилий, которые пытались проникнуть в защитное поле, но тут же с ревом исчезали. Консул сосредоточился на сложном месте прелюдии, не замечая надвигавшейся бури и сгущавшейся темноты.

Зазвонил приемник мультилинии.

Пальцы Консула застыли над клавиатурой, а сам он обратился в слух. В душном воздухе прогрохотал раскат грома. Из леса донесся заунывный вой стаи падальщиков. Внизу, в темноте, протрубила в ответ какая-то безмозглая тварь. Внезапно

воцарилась тишина — слышно было лишь гудение защитного поля. А потом опять затрезвонил приемник.

— Черт возьми! — Раздосадованный Консул отправился отвечать на вызов.

За те несколько секунд, пока компьютер преобразовывал и расшифровывал пакет тахионных импульсов, Консул успел налить себе виски, и, когда сигнальный индикатор замигал зеленым огоньком, он уже усаживался на подушки в проекционной нише.

— Включай, — сказал он.

— Принято решение о вашем возвращении на Гиперион, — произнес хрипловатый женский голос. Изображение еще не сформировалось: воздух в нише лишь слабо мерцал, прочерченный строкой кодированного сигнала, по которой Консул понял, что сообщение отправлено с Тау Кита — административного центра Гегемонии. Впрочем, чтобы определить это, Консулу не требовалось координат. Постаревший, но все еще красивый голос Мейны Гладстон нельзя было спутать ни с чьим другим. И сейчас этот голос сообщил ему:

— Принято решение о вашем возвращении на Гиперион для участия в паломничестве к Шрайку.

«Еще чего», — подумал Консул и встал, собираясь покинуть нишу.

— Вы и еще шесть человек избраны церковью Шрайка и утверждены Альтингом, — сказала Мейна Гладстон. — Гегемония заинтересована в вашем согласии.

Консул застыл на пороге; позади него продолжала мерцать бегущая сквозь воздух строка. Не оборачиваясь, он поднес стакан к губам и допил виски.

— Ситуация очень сложная, — продолжала Мейна Гладстон. Ее голос звучал устало. — Три стандарт-недели назад консульство и Комитет местного самоуправления сообщили нам по мультилинии, что Гробницы Времени, похоже, начинают открываться. Антиэнтропийные поля вокруг них быстро расширяются: Шрайка видели уже возле Уздечки, и он заходит все дальше на юг.

Консул повернулся и уселся на подушки. Голографический проектор наконец заработал, и в воздухе появилось морщинистое лицо Мейны Гладстон с покрасневшими от усталости глазами.

— Чтобы эвакуировать находящихся на Гиперионе граждан Гегемонии, прежде чем Гробницы

Времени откроются, мы немедленно послали с Парвати специальную эскадру ВКС. Она будет на месте через три гиперионовских года, может, чуть позже. — Мейна Гладстон сделала паузу, и Консул подумал, что никогда еще не видел секретаря Сената столь мрачной. — Мы надеемся, что эвакуационный отряд успеет вовремя, — сказала она, — но обстановку осложняет еще один фактор. На подходе к Гипериону обнаружена миграционная группа Бродяг, состоящая по меньшей мере из четырех тысяч… единиц. Наш эвакуационный отряд вряд ли опередит их намного.

Консул понимал, почему запнулась Мейна Гладстон. Миграционная группа Бродяг могла состоять из кораблей любого класса — от одноместных разведчиков до летающих городов и кометных фортов, вмещающих десятки тысяч космических варваров.

— Объединенное командование считает, что Бродяги пошли в наступление, — сказала Мейна Гладстон. Корабельный компьютер расположил голограмму таким образом, что казалось, взгляд печальных карих глаз женщины устремлен прямо на Консула. — Остается выяснить, является ли их целью только Гиперион с его Гробницами Времени, или они намерены двинуться дальше

и атаковать Сеть. На всякий случай боевой флот полного состава с приданным ему инженерным нуль-Т-батальоном вылетел из Системы Камн на соединение с эвакуационным отрядом, но, в зависимости от обстоятельств, этот флот может быть в любой момент отозван.

Консул кивнул и рассеянно поднес к губам пустой стакан. Нахмурившись, он повертел его в руках, потом швырнул на пол ниши, покрытый толстым мягким ковром. Не будучи специалистом в военном деле, он тем не менее понимал всю сложность тактической задачи, которую приходилось решать Гладстон и объединенному командованию. Чтобы отразить вторжение Бродяг в систему Гипериона, нужно в сжатые сроки (и ценой неимоверных усилий!) построить там военно-транспортный нуль-Т-портал. В противном случае секреты Гробниц Времени окажутся в руках врагов Гегемонии. Если этот портал будет построен вовремя и Гегемония бросит все свои силы на защиту отдаленного колониального мирка, Бродяги смогут прорвать ослабленный периметр Великой Сети в какой-нибудь другой точке и даже — при наихудшем развитии событий — захватить действующий нуль-канал и проникнуть в Сеть. Консул словно наяву увидел,

как полчища этих варваров вываливаются из нуль-порталов прямо на улицы незащищенных городов сотен планет.

Он прошел сквозь голограмму Мейны Гладстон, поднял стакан и направился за новой порцией виски.

— Вы включены в состав группы паломников к Шрайку. — Старая сановница, которую в прессе постоянно сравнивали то с Линкольном, то с Черчиллем, то с Альваресом-Темпом (в зависимости от того, какая из легенд эпохи до Хиджры была в тот момент наиболее популярна), казалась озабоченной как никогда. — Тамплиеры дают нам свой звездолет-дерево «Иггдрасиль». Командующий эвакуационными силами получил указание пропустить его. Полет к Парвати займет у вас три недели; «Иггдрасиль» подберет ваш корабль и сразу же уйдет в квант-прыжок. Шесть других паломников, выбранных церковью Шрайка, будут уже на борту «дерева». Данные нашей разведки заставляют предположить, что по меньшей мере один из семи паломников — агент Бродяг. Мы не… в настоящее время… не имеем никакой возможности установить его личность.

Консул невольно улыбнулся. Вдобавок ко всем свалившимся на Гладстон неприятностям, ей

приходилось считаться с возможностью, что Консул и есть этот самый шпион и что она передает стратегически важную информацию агенту Бродяг. Но сообщила ли она что-нибудь действительно важное? Как только на кораблях включили двигатели Хоукинга, перемещения флота перестали быть тайной; будь Консул и в самом деле шпионом, он бы воспринял откровения секретаря Сената как попытку спугнуть его. Улыбка сползла с его лица, и он залпом выпил виски.

— В число паломников входят Сол Вайнтрауб и Федман Кассад, — сказала Гладстон.

Консул нахмурился еще больше и перевел взгляд на облако цифр, мерцавших, подобно пылинкам, вокруг изображения старой женщины. До конца сеанса связи оставалось пятнадцать секунд.

— Нам нужна ваша помощь, — закончила Мейна Гладстон. — Необходимо разгадать загадку Гробниц Времени и Шрайка. Это паломничество может оказаться нашим последним шансом. Если же Бродяги захватят Гиперион, их агент должен быть уничтожен, а Гробницы Времени закрыты навсегда — любой ценой. От этого зависит судьба Гегемонии.

Передача закончилась. На экране осталась только строчка координат места встречи с «Игдрасилем».

— Отвечать? — спросил компьютер.

Несмотря на огромные энергозатраты, космический корабль мог втиснуть в неумолчный гул сверхсветовых разговоров, которые вели между собой заселенные людьми уголки галактики, и свое спрессованное в короткий импульс сообщение.

— Нет. — Консул вышел на балкон и облокотился на перила. К ночи небо затянуло низкими облаками, закрывшими звезды. Темнота была почти абсолютной, лишь на севере время от времени вспыхивали молнии, и мягким фосфорическим светом мерцало болото. Внезапно Консул со всей ясностью осознал, что он — единственное разумное существо в этом безымянном мире. Он прислушался к доисторическим звукам, несущимся из темноты, и подумал об утре, о том, как с рассветом он вылетит на «Виккене» и весь день проведет на свежем воздухе, охотясь на крупного зверя в папоротниковых лесах на юге, а к вечеру вернется на корабль и поужинает хорошим бифштексом с холодным пивом. Охота доставляла ему острое наслаждение, но не мень-

шим наслаждением было и само одиночество — одиночество, которое он заслужил болью и кошмаром, пережитыми на Гиперионе.

ГИПЕРИОН.

Консул вернулся в каюту, убрал балкон и под аккомпанемент первых тяжелых капель дождя тщательно закрыл люк. По винтовой лестнице он поднялся на самый верх корабля, в спальный отсек. Царившую в круглой комнатке темноту то и дело разрывали бесшумные вспышки молний, в свете которых на поверхности прозрачного купола проступала сетка дождевых ручейков. Консул разделся и, устроившись поудобнее на жестком матрасе, включил музыкальный центр и внешние микрофоны. Звуки бушевавшей снаружи бури смешались с неистовством вагнеровского «Полета валькирий». Ураганный ветер сотрясал корабль, купол полыхал белым пламенем, каюту заполнили раскаты грома. От непрерывных вспышек перед глазами у Консула поплыли огненные блики.

«Вагнера стоит слушать только в грозу», — подумал он и закрыл глаза, но молнии были видны и сквозь веки. Ему вспомнились холмы поблизости от Гробниц Времени, сверкающие кристаллики льда, несущиеся над развалинами, холодный

стальной блеск Шрайка и это невообразимое дерево из металлических шипов. Он вспомнил крики в ночи и пронизывающий взгляд тысячегранных кроваво-красных глаз Шрайка.

ГИПЕРИОН.

Консул мысленно приказал компьютеру отключить все динамики и, когда наступила тишина, прикрыл глаза рукой. Возвращение на Гиперион было бы сущим безумием. Гробницы Времени… За одиннадцать лет его пребывания на посту консула в этом отдаленном и загадочном мире таинственная церковь Шрайка пропустила на исхлестанные ветрами пустоши к северу от гор не менее десятка барж с паломниками с других планет. Не вернулся никто. И это в годы затишья, когда радиус антиэнтропийного поля вокруг Гробниц Времени сократился всего до нескольких десятков метров и непостижимые приливы времени удерживали Шрайка на месте. И не было угрозы вторжения Бродяг.

А если Шрайк примется разгуливать по всей планете? Миллионы гиперионцев, тысячи граждан Гегемонии — все они одинаково беззащитны перед существом, не признающем физических законов и говорящем только на одном языке — смерти. Хотя в каюте было тепло, Консула

проняла дрожь.

ГИПЕРИОН.

Ночь прошла, буря утихла. Но, опережая рассвет, надвигался новый грозовой фронт. Двухсотметровые хвощи гнулись и мотались под напором воздушных потоков. И прежде чем забрезжил первый солнечный луч, эбеново-черный корабль Консула поднялся на столбе голубой плазмы и, пробив густые облака, устремился в космос — к Парвати.

1

Все симптомы пробуждения из криогенной фуги были налицо: специфическая головная боль, сухость в горле, а главное — мучительное ощущение, что ты видел тысячи снов, видел, но ничего не помнишь. Консул поморгал, приподнялся и сел на низком диване, потом неуверенными движениями сорвал последние ленты приклеенных к коже датчиков. В лишенной окон яйцевидной каюте кроме него находились два коротышки-клона из команды корабля и очень высокий тамплиер, лицо которого скрывал капюшон. Один из клонов предложил Консулу традиционный стакан апельсинового сока. Он принял его и с жадностью выпил.

— Древо находится в двух световых минутах и пяти часах полета от Гипериона, — произнес тамплиер, и Консул понял, что перед ним Хет Мастин, капитан тамплиерского звездолета — Истинный Глас Древа. Консул смутно осознал, что это, должно быть, большая честь, когда тебя будит сам капитан, но он все еще не пришел в себя после фуги и не смог оценить это обстоятельство по достоинству.

— Остальные проснулись несколько часов назад, — сказал Хет Мастин и жестом отпустил обоих клонов. — Они собрались на передней обеденной площадке.

— Х-рр-р… — Консул схватил стакан и допил сок, потом он прокашлялся и со второй попытки наконец произнес: — Благодарю вас, Хет Мастин.

Оглядев яйцеобразное помещение (ковер из темно-зеленой травы, полупрозрачные стены, изогнутые стволы плотинника в качестве шпангоутов), Консул догадался, что находится в одном из небольших жилых модулей-стручков. Он закрыл глаза и попытался воспроизвести в памяти обстоятельства встречи, после которой корабль тамплиеров сразу же ушел в квантовый прыжок.

Перед мысленным взглядом Консула предстал приближавшийся километровый звездолет-дерево. Причудливые из-за множества надстроек очертания корабля искажались мерцающими пузырями воздухонепроницаемых силовых полей, сквозь которые местами проступал сверкающий тысячами огней ствол; мягко светились листья и тонкостенные стручки, цепочки фонарей отмечали бесчисленные платформы, мостики, рубки, лестницы и беседки. Ближе к основанию ствол, словно гигантские наросты, облепили грузовые

и технологические модули, а голубые и фиолетовые шлейфы выхлопов тянулись за кораблем, как десятикилометровые корни.

— Нас ждут, — негромко сказал Хет Мастин и указал на кушетку, где лежали распакованные чемоданы Консула. Пока тот облачался в полуофициальный вечерний костюм (свободные черные брюки, начищенные до блеска сапоги флотского образца, белая шелковая блуза, раздувавшаяся в талии и у локтей, украшенный топазами пояс, черный китель с малиновыми полосками Гегемонии на эполетах и мягкая золотая треуголка), тамплиер задумчиво разглядывал стропила. Одна из секций изогнутой стены превратилась в зеркало, и Консул увидел перед собой причудливо одетого немолодого мужчину, лицо которого, за исключением странных бледных пятен под печальными глазами, покрывал густой загар. Консул нахмурился и отвернулся.

Хет Мастин сделал приглашающий жест, и Консул двинулся за ним. Через горловину стручка они выбрались на уходящую вверх дорожку, которая впереди скрывалась за выпуклой и шершавой стеной ствола. Консул шагнул было к краю дорожки, но тут же отступил назад. До «земли» было метров шестьсот, не меньше (сингулярно-

сти в основании «дерева» генерировали поле тяготения в одну шестую стандартного — этого хватало, чтобы создать ощущение «низа»), а перила отсутствовали.

Они молча продолжили подъем и, пройдя вокруг ствола метров тридцать (примерно полвитка спирали), свернули в сторону и, перебравшись по шаткому подвесному мостику на пятиметровой ширины ветвь, двинулись по ней туда, где под лучами солнца Гипериона блестела густая листва.

— Мой корабль расконсервирован? — спросил Консул.

— Его заправили и поместили в сферу № 11, — ответил Хет Мастин. Они оказались в тени ствола, и в черных просветах между темными листьями появились звезды. — Остальные паломники согласились лететь на вашем корабле. — Помолчав, тамплиер добавил: — Конечно, если разрешит Командование.

Консул потер глаза и пожалел, что ему не дали еще хотя бы пару часов, чтобы окончательно прийти в себя после холодной хватки криогенной фуги.

— А с эскадрой вы связались?

— Да, нас вызвали, когда мы выходили из квантового прыжка. В настоящее время нас эс-

кортирует военный корабль Гегемонии. — Хет Мастин ткнул рукой куда-то вверх.

Консул запрокинул голову и прищурился, но в это мгновение верхний ярус кроны вышел из тени, отбрасываемой стволом, и запылал всеми красками заката. Остальные ветви жили своей жизнью: похожие на японские фонарики птички-огневки порхали над фосфоресцирующими плетями ползучек, освещенными дорожками и висячими мостами, в лабиринтах листвы то здесь, то там подмигивали светлячки со Старой Земли и мерцала лучистая паутина с Мауи-Обетованной — даже опытный космолетчик не смог бы сразу отличить их от звезд.

Хет Мастин вошел в лифт — корзинку, висящую на углепластовом тросе, который исчезал в переплетении ветвей метрах в трехстах над ними. Консул последовал примеру капитана, и корзинка бесшумно поплыла вверх. Дорожки, стручки и платформы явно были пусты. По пути им попались лишь несколько тамплиеров и низкорослых матросов-клонов, и Консул вспомнил, что за тот неполный час, который отделял стыковку от фуги, он не встретил ни одного пассажира. Тогда он решил, что пассажиры заблаговременно заняли безопасные места на фуго-ложах. Однако

сейчас, когда «дерево» сбросило скорость, его ветви должны быть усеяны зеваками. Консул поделился своими наблюдениями с тамплиером.

— Кроме вас шестерых, других пассажиров нет, — ответил тот. Корзинка плавно затормозила, и Хет Мастин сразу же двинулся сквозь лабиринт ветвей к истертому тысячами ног деревянному эскалатору.

Консул удивленно уставился в его спину. Тамплиерские звездолеты обычно перевозили от двух до пяти тысяч пассажиров, и от желающих не было отбоя. «Деревья», как правило, совершали круизы между близкими звездными системами продолжительностью в четыре-пять месяцев; фуги при этом были краткими, что позволяло богатым пассажирам вдоволь налюбоваться живописными видами. Сгонять «дерево» на Гиперион и обратно, потеряв при этом шесть лет и ни гроша не получив с пассажиров, — тамплиеры несли весьма ощутимые финансовые потери.

Однако, поразмыслив, Консул решил, что корабль-дерево идеально подходит для эвакуации, а расходы в конце концов может возместить и Гегемония. Но в любом случае отправка такого красивого и уязвимого корабля, как «Иггдрасиль» («деревьев» у тамплиеров было всего пять), в

зону боевых действий — величайший риск для Братства.

— Ваши товарищи по паломничеству, — объявил Хет Мастин, когда они с Консулом вышли на широкую площадку, где за длинным деревянным столом сидели несколько человек. Со всех сторон стол окружали плотные сферы листвы, похожие на гигантские плоды, а еще выше сияли звезды. Время от времени «дерево» подправляло курс, и тогда звезды вздрагивали и покачивались. Еще до того как пятеро пассажиров поднялись, чтобы пропустить Хета Мастина на его место во главе стола, Консул понял, что это и есть обеденная площадка. Свободный стул слева от капитана был, по всей видимости, предназначен ему.

Когда все расселись, Хет Мастин официально представил присутствующих. Консул ни с кем из них раньше не встречался, но некоторые имена были ему знакомы, и сейчас он воспользовался своим опытом дипломата, чтобы с первого раза запомнить лица своих будущих спутников.

Слева от Консула сидел отец Ленар Хойт, священник старой христианской секты, известной как Католическая Церковь. Несколько секунд Консул удивленно разглядывал черное одеяние и узкий глухой воротничок, а затем вспомнил

госпиталь Св. Франциска на Хевроне, где почти сорок лет назад его приводили в чувство после того, как он перебрал во время своего первого дипломатического поручения. Услышав имя Хойта, он тут же подумал о другом священнике, пропавшем без вести на Гиперионе во время его консульства.

Ленар Хойт, по меркам Консула, был молод — лет тридцати с небольшим, но создавалось впечатление, что совсем недавно он катастрофически быстро постарел. Чем дольше Консул смотрел на его изможденное лицо с выступающими скулами, туго обтянутыми кожей, с большими, глубоко запавшими глазами и тонкими губами, постоянно искривленными в болезненной гримасе, на его редкие волосы, поврежденные радиацией, тем ему становилось яснее, что человек этот уже много лет тяжело болен. Однако Консул с удивлением обнаружил за маской с трудом подавляемой боли нечто мальчишеское — эти едва заметные следы детской округлости, слабый румянец и мягкий рот явно принадлежали более молодому, более здоровому и менее искушенному Ленару Хойту.

Рядом со священником сидел человек, которого еще несколько лет назад большинство

граждан Гегемонии узнали бы в лицо. Правда, внимание публики в Великой Сети никогда не задерживалось на одном предмете надолго, а сейчас она меняет кумиров, должно быть, еще быстрее. Если так, то ореол славы и позора, окружавший полковника Федмана Кассада, «мясника Южной Брешии», вероятно, уже погас. Впрочем, для поколения Консула и для всех тех, кто жил неторопливой и отстраненной жизнью, забыть Кассада оказалось не так-то просто.

Рослый полковник (он мог бы посмотреть прямо в глаза двухметровому Хету Мастину) был в форме ВКС без знаков отличия и наград. Черный мундир до странности напоминал сутану отца Хойта, но на этом сходство и заканчивалось. Внешность смуглого и поджарого Кассада являла собой разительный контраст болезненной худобе священника: на плечах, руках и шее бугрились могучие мышцы, маленькие темные глаза разом схватывали все вокруг, как объектив старинной видеокамеры, лицо, казалось, состояло лишь из углов, теней, выступов и граней. Не изможденное, как у Хойта, а словно высеченное из холодного камня. Узкая полоска бороды подчеркивала остроту его черт, как кровь на лезвии ножа.

Глядя на вкрадчивые движения полковника,

Консул вспомнил земного ягуара, которого ему довелось увидеть много лет назад на Лузусе в частном зоопарке при корабле-«ковчеге». Говорил Кассад негромко, но Консул не преминул заметить, что даже молчание полковника привлекает общее внимание.

Хотя места за длинным столом было сколько угодно, все паломники собрались на одном конце. Напротив Федмана Кассада сидел человек, которого капитан представил как поэта Мартина Силена.

Внешне поэт ничем не походил на полковника, скорее наоборот: Кассад был худощавым и высоким, а Мартин Силен — низеньким и каким-то расплывшимся, лицо Кассада навсегда застыло в каменной неподвижности, а физиономия поэта постоянно ходила ходуном, как у земных приматов. Говорил он громким дребезжащим голосом. Консул подумал, что в облике Мартина Силена есть что-то от театрального дьявола: красные щеки, большой рот, вздернутые брови, острые уши, подвижные руки с длинными пальцами пианиста… Или душителя? Серебряные волосы поэта были подстрижены простой челкой.

На вид Мартину Силену было около шестидесяти, но Консул заметил предательскую синеву

на шее и ладонях поэта и заподозрил, что тот уже не раз омолаживался. Тогда истинный возраст Силена лежит где-то между девяноста и ста пятьюдесятью стандартными годами. И чем он ближе к верхней границе, тем вероятнее, что этот служитель муз выжил из ума.

Насколько шумно и оживленно вел себя Мартин Силен, настолько был сдержан его сосед, погруженный в невеселые мысли. Услышав свое имя, Сол Вайнтрауб поднял голову, и Консул увидел короткую седую бородку, исчерченный морщинами лоб и печальные светлые глаза известного ученого. Ему доводилось слышать историю этого Агасфера и его безнадежных поисков, но все равно он был потрясен, увидев на руках старика его дочь Рахиль, которой сейчас было не более недели. Консул отвел глаза.

Шестым паломником и единственной женщиной за столом была детектив Ламия Брон. Когда ее представляли, она посмотрела на Консула так пристально, что он продолжал ощущать давление ее взгляда даже после того, как она отвернулась.

Уроженка Лузуса, где гравитация на треть превышала стандартную, Ламия Брон ростом была не выше поэта, но свободный вельветовый комбине-

зон не мог скрыть ее великолепной мускулатуры. Черные кудри до плеч, брови, напоминающие две темные полоски, проведенные строго горизонтально поперек широкого лба, крупный нос с горбинкой, придающий лицу нечто орлиное. Портрет довершал широкий и выразительный, можно даже сказать, чувственный рот. На губах у Ламии играла легкая улыбка, то надменная, то шаловливая, а ее темные глаза, казалось, призывали собеседника выкладывать все начистоту.

Консул подумал, что Ламию Брон вполне можно назвать красивой.

Когда знакомство закончилось, Консул кашлянул и повернулся к тамплиеру.

— Хет Мастин, вы сказали, что паломников семеро. Ребенок господина Вайнтрауба — это и есть седьмой?

Капюшон Хета Мастина качнулся из стороны в сторону.

— Нет. Только тот, кто осознанно решил отправиться к Шрайку, может считаться паломником.

Сидящие за столом зашевелились. Консул (да и все остальные, видимо, тоже) знал, что, согласно правилам церкви Шрайка, количество паломников в группе должно выражаться простым числом.

— Седьмым буду я, — медленно произнес Хет Мастин, капитан тамплиерского звездолета-дерева «Иггдрасиль» и Истинный Глас Древа. Все замолчали. В наступившей тишине Хет Мастин сделал знак матросам-клонам, и те принялись накрывать стол для последней трапезы перед высадкой на планету.

— Итак, Бродяги все еще не вступили в пределы системы? — спросила Ламия Брон. Ее хрипловатый, гортанный голос показался Консулу каким-то необычно волнующим.

— Нет, — ответил Хет Мастин. — Но мы опережаем их не больше, чем на несколько стандартных суток. Наши приборы зарегистрировали термоядерные выхлопы в районе облака Оорта.

— Значит, будет война? — спросил отец Хойт. Казалось, каждое слово дается ему с трудом. Не получив ответа, он повернулся к сидевшему справа от него Консулу, как бы адресуя свой вопрос ему.

Консул вздохнул. Клоны подали вино, но сейчас он предпочел бы виски.

— Кто знает, как поступят Бродяги? — сказал он. — Похоже, они больше не руководствуются человеческой логикой!

Мартин Силен расхохотался и пролил вино.

— Черт возьми! Можно подумать, мы, люди,

когда-нибудь руководствовались человеческой логикой! — Он сделал большой глоток, вытер рот и снова засмеялся.

— Если вот-вот начнутся серьезные сражения, — Ламия нахмурилась, — власти могут не разрешить нам сесть.

— Нас пропустят, — сказал Хет Мастин. Солнечный луч забрался ему под капюшон и осветил желтоватую кожу.

— И мы спасемся от верной смерти на войне, чтобы погибнуть верной смертью от рук Шрайка, — пробормотал отец Хойт.

— Нет смерти во Вселенной![1][2] — пропел Мартин Силен. Консул вздрогнул: пение поэта могло разбудить даже человека, погруженного в криогенную фугу. Силен допил вино и поднял пустой

---

[1] Примечания: 1

Большое количество рассыпанных по всему тексту романа цитат сподвигло редактора книги на составление этих примечаний. Не претендуя на полноту, они тем не менее должны помочь читателю воспринять замысел автора. Многие эпизоды романа напрямую связаны с жизнью и творчеством английского поэта-романтика Джона Китса (1795–1821). «Гиперион» и «Падение Гипериона» — это названия двух незавершенных поэм Китса или, точнее, двух вариантов одной и той же поэмы, так и не обретшей своего окончательного вида. «Гиперион» переведен на русский язык полностью, а из «Падения Гипериона» Г. Кружковым переведены только строки 57—227 песни первой. Перевод цитируемых в тексте романа других фрагментов поэмы выполнен редактором данной книги.

Переводы стихов и писем Д. Китса и стихотворений У. Б. Йейтса даются по изданиям серии «Литературные памятники».

[2] Примечания: 2
Д. Китс «Падение Гипериона» Песнь I, 423.

кубок, как бы обращаясь с тостом к звездам:

И смерти не должно быть! Стенай,
Стенай, Кибела, сыны твои,
Исполнившись злодейства,
Низвергли Бога, сокрушили в прах.
Стенайте, братья, силы иссякают,
Ломаюсь, как тростник, слабеет голос…
О боль, боль слабости моей!
Стенайте, ибо гибну я…[3]

Силен остановился на полуслове и, зычно рыгнув в наступившей после его декламации тишине, потянулся за бутылкой. Остальные шестеро обменялись взглядами. Консул заметил, что Сол Вайнтрауб слегка улыбается. Девочка, спавшая у него на руках, шевельнулась, и он склонился над ней.

— Ну что ж, — отец Хойт запнулся, словно нащупывая потерянную мысль, — если конвой Гегемонии уйдет и Бродяги захватят Гиперион без боя, оккупация может оказаться бескровной, и они позволят нам сделать свое дело.

---

[3] Примечания: 3
Д. Китс «Падение Гипериона» Песнь I, 424–430.

Полковник Федман Кассад негромко рассмеялся.

— Бродяги не станут оккупировать Гиперион, — сказал он. — Захватив планету, они сначала разграбят ее, а потом сделают то, что у них получается лучше всего: сожгут города, раздробят обугленные развалины на мелкие кусочки, а затем будут жечь эти кусочки до тех пор, пока они не превратятся в золу. После этого они расплавят полярные шапки, испарят океаны, а оставшейся солью отравят почву, чтобы на ней больше никогда ничего не росло.

— Ну… — начал было отец Хойт и тут же умолк.

Никто больше не сказал ни слова. Клоны убрали посуду после супа и салата и подали жаркое.

— Вы говорили, что нас сопровождает военный корабль Гегемонии, — обратился Консул к Хету Мастину, когда они покончили с ростбифом и вареным небесным кальмаром.

Тамплиер кивнул и указал рукой куда-то вверх. Консул прищурился, но не смог разглядеть среди вращающихся звезд ничего движущегося.

— Держите. — Федман Кассад приподнялся и через голову отца Хойта передал Консулу складной военный бинокль.

Консул, поблагодарив его, включил питание и принялся изучать участок неба, на который указал Хет Мастин. Гироскопические кристаллы бинокля негромко жужжали, стабилизируя оптику и обшаривая поле зрения в запрограммированном режиме поиска. Внезапно изображение замерло, затуманилось, расширилось и вновь стало отчетливым.

Когда корабль Гегемонии появился в окулярах бинокля, у Консула невольно перехватило дыхание. Это был не одноместный разведчик, как он предполагал сначала, и даже не круглобокий факельный звездолет. Приближенный электронной оптикой, перед ним предстал матово-черный ударный авианосец. Проходят века, но совершенные очертания боевых кораблей неизменно поражают воображение. Разведенные на полный угол четыре старт-пилона с находящимися в полной боевой готовности истребителями, вынесенный вперед на шестидесятиметровой штанге разведкомплекс, напоминающий копье, расположенные на самой корме, словно оперение стрелы, бочкообразный двигатель Хоукинга и термоядерные батареи — спин-звездолет Гегемонии предстал перед ним во всей красе.

Консул молча вернул бинокль Кассаду. Если

эскадра выделила для сопровождения «Иггдрасиля» ударный авианосец, то какую огневую мощь они приготовили, чтобы отразить нападение Бродяг?

— Сколько времени до посадки? — спросила Ламия Брон. С помощью своего комлога она попыталась проникнуть в инфосферу корабля и, очевидно, была разочарована тем, что там обнаружила. Или не обнаружила.

— Через четыре часа выйдем на орбиту, — негромко сказал Хет Мастин. — Потом еще несколько минут на челноке. Наш друг Консул предложил воспользоваться для высадки его личным кораблем.

— Садимся в Китсе? — спросил Сол Вайнтрауб. Это были первые слова, произнесенные ученым.

Консул утвердительно кивнул:

— Там единственный космопорт на Гиперионе, который принимает пассажирские корабли.

— Космопорт? — В голосе отца Хойта прозвучало раздражение. — Я думал, мы сразу отправимся на север. В царство Шрайка.

— Нет. Паломничество всегда начинается из столицы, — сказал Хет Мастин, покачав головой. — Понадобится несколько суток, чтобы достичь Гробниц Времени.

— Несколько суток? — удивилась Ламия Брон. — Но это абсурд!

— Возможно, — согласился Хет Мастин, — однако дела обстоят именно так.

Отец Хойт почти ничего не ел, но сейчас он сморщился, словно какое-то блюдо вызвало у него несварение желудка.

— Послушайте, — сказал он, — а не могли бы мы один-единственный раз в виде исключения отступить от этих правил? Так сказать, ввиду опасностей предстоящей войны… и так далее. Давайте просто высадимся у Гробниц Времени или еще где-нибудь поблизости и покончим со всем этим.

— На протяжении четырехсот лет космические корабли и самолеты пытались пробиться к северным пустошам напрямую, — сказал Консул, отрицательно покачав головой. — И мне не приходилось слышать ни об одной удачной попытке.

— Позвольте поинтересоваться, — с деланным изумлением спросил Мартин Силен, словно школьник на уроке, подняв руку, — что ж это за чертовщина такая? Куда же подевались эти полчища кораблей?

Отец Хойт хмуро посмотрел на поэта. Федман

Кассад улыбнулся.

— Консул вовсе не имел в виду, что этот район недоступен, — снова заговорил Сол Вайнтрауб. — Туда можно добраться по реке и по суше. Кроме того, космические корабли и самолеты не исчезают. Они спокойно садятся вблизи руин или Гробниц Времени и так же легко возвращаются в любую точку, выбранную бортовым компьютером. Исчезают пилоты и пассажиры.

Ученый поднялся и стал укладывать спящую девочку в специальную люльку, висевшую у него на плече.

— Так гласит старая легенда, — сказала Ламия Брон. — А что показывают корабельные приборы?

— Ничего, — ответил ей Консул. — Никаких происшествий. На корабли никто не нападал. Никаких отклонений от курса, никаких необъяснимых обрывов записи, никакой необычной утечки энергии или, наоборот, ее появления из ничего. Вообще никаких необычных явлений.

— И никаких пассажиров, — добавил Хет Мастин.

Консул посмотрел на него в упор. Неужели Хет Мастин пошутил? Многолетнее общение с тамплиерами убедило его, что они начисто лишены

чувства юмора. Однако, судя по выражению чуточку азиатского лица капитана, в словах его не было даже намека на шутку.

— Чудесная мелодрама, — рассмеялся Силен. — Саргассово море душ, оплакиваемых Христом. Причем все на самом деле и при нашем непосредственном участии. Хотел бы я знать, кто режиссер этого говенного спектакля.

— Заткнись! — повысила голос Ламия Брон. — Ты пьян.

Консул вздохнул. Паломники пробыли вместе менее часа.

Клоны убрали тарелки и внесли подносы с щербетом, кофе, тортами, плодами корабля-дерева и жидким шоколадом с Возрождения. Мартин Силен жестом отказался от десерта и велел клонам принести ему еще одну бутылку вина. Консул подумал и попросил виски.

— Мне кажется, — сказал Сол Вайнтрауб, когда все уже заканчивали десерт, — наша судьба будет зависеть от откровенности каждого.

— Что вы имеете в виду? — спросила Ламия.

Вайнтрауб машинально покачал ребенка, спавшего в сумке-люльке.

— Например, знает ли кто-нибудь из присутствующих, почему именно он (или она) был

избран церковью Шрайка и Альтингом?

Никто не произнес ни слова.

— Думаю, что нет, — продолжил Вайнтрауб. — А вот еще одна загадка: является ли кто-нибудь из присутствующих членом или хотя бы сторонником церкви Шрайка? Я, например, еврей, и какими бы путаными ни были мои религиозные воззрения, они исключают поклонение смертоносной машине. — Вайнтрауб поднял густые брови и оглядел присутствующих.

— Многие тамплиеры, — сказал Хет Мастин, — считают Шрайка воплощением божества, явившегося в мир, чтобы покарать не питающихся от корня. Однако я, Истинный Глас Древа, должен признать это ересью. Ни в Завете, ни в писаниях Мюира[4] ничего подобного нет.

Консул пожал плечами.

— Я атеист, — заявил он, держа стакан с виски в руке и рассматривая его на свет, — и никогда не имел ничего общего с церковью Шрайка.

— Католическая церковь посвятила меня в сан. — Отец Хойт улыбнулся одними губами. — Поклонение Шрайку противоречит всему, на чем она стоит.

---

[4] Примечания: 4

Джон Мюир (John Muir) — американский натуралист, один из основоположников экологии.

Полковник Кассад отрицательно покачал головой — то ли отказываясь отвечать, то ли показывая, что не является членом церкви Шрайка.

— Я был крещен лютеранином, — начал Мартин Силен, оживленно жестикулируя. — Это церковь, которой давно уже нет. Я стоял у истоков дзен-гностицизма — ваших родителей тогда еще на свете не было. Успел побыть католиком, адвентистом, неомарксистом, ярым фанатиком и потрясателем устоев, сатанистом, чуть ли не епископом пофигистов. Я даже что-то пожертвовал Институту гарантированного перевоплощения. Теперь я с удовольствием могу сообщить, что я простой язычник. — Он улыбнулся и заключил: — Для язычника Шрайк — самое подходящее божество.

— А мне на религии начхать, — отрезала Ламия Брон. — На меня они не действуют.

— Полагаю, это только подтверждает мою идею, — сказал Сол Вайнтрауб. — Никто из нас не разделяет догматы культа Шрайка, и тем не менее из миллионов приверженцев этой веры старейшины выбрали именно нас. Именно нам предстоит посетить Гробницы Времени… и лицезреть их жестокого Бога… возможно, в последний раз.

— Может, это и подтверждает вашу идею, господин Вайнтрауб, — Консул покачал головой, — но я ее так и не понял.

Ученый рассеянно погладил бороду.

— Мне кажется, что причины, побудившие каждого из нас отправиться на Гиперион, оказались столь вескими, что церковь Шрайка и правительство Гегемонии были просто вынуждены согласиться. В отдельных случаях — в моем, например, — причины эти считаются общеизвестными, хотя я уверен, что во всей своей полноте они известны только сидящим за этим столом. Поэтому я предлагаю следующее. Пусть каждый за те несколько дней, что у нас остались, расскажет свою историю.

— Зачем? — спросил полковник Кассад. — Вряд ли это что-то даст.

Вайнтрауб улыбнулся:

— Напротив. По меньшей мере это развлечет нас и поможет хоть немного узнать друг друга, прежде чем Шрайк или еще какая-нибудь гадость свалится нам на голову. Кроме того, возможно, мы поймем что-то очень важное, и в решающий момент это спасет жизнь всем нам. Если, конечно, у нас хватит ума выделить то общее, что связывает наши судьбы с капризами Шрайка.

Мартин Силен рассмеялся, закрыл глаза и продекламировал:

К спине дельфина приникая
И взявшись за плавник,
Невинных души смерть переживают,
И снова открываются их раны.[5]

— Это Лениста, не так ли? — спросил отец Хойт. — Я изучал ее творчество в семинарии.

— Почти, — ответил Силен, открывая глаза и наливая еще вина. — Это Йейтс. Старый хер жил за пятьсот лет до того, как Лениста в первый раз потянула свою мамашу за железную сиську.

— Послушайте, — сказала Ламия, — ну расскажем мы друг другу свои истории, и что? Встретившись со Шрайком, мы просто сообщим ему свои желания. Одно он выполнит, остальные паломники умрут. Правильно?

— Так гласит легенда, — подтвердил Вайнтрауб.

— Шрайк не легенда, — отозвался Кассад. — И стальное дерево — тоже.

— Тогда что толку надоедать друг другу историями? — спросила Ламия Брон, отправляя в рот

---

[5] Примечания: 5
Д. Чосер «Кентерберийские рассказы», Пролог (пер. И. Кашкина).

последнее шоколадное пирожное.

Вайнтрауб тихонько погладил по голове спящую дочку.

— Мы живем в странные времена, — задумчиво произнес он. — Поскольку мы входим в ту ничтожную долю процента граждан Гегемонии, которые предпочитают путешествовать не по Сети, а в открытом космосе, от звезды к звезде, мы представляем самые разные эпохи нашего недавнего прошлого. Мне, например, шестьдесят восемь стандартных лет, но из-за сдвигов во времени, вызванных моими путешествиями, я мог бы растянуть эти трижды двадцать и восемь лет на целый век истории Гегемонии, если не больше.

— И что? — спросила Ламия.

Вайнтрауб взмахнул рукой, адресуя свои слова всем сидящим за столом:

— Каждого из нас можно уподобить и острову в океане времени, и самому этому бескрайнему океану. Или, говоря не столь высокопарно, каждый из нас, возможно, держит в руках недостающий кусочек головоломки, которую еще никому не удавалось сложить с тех пор, как человек высадился на Гиперионе. — Вайнтрауб почесал нос и продолжил: — Это тайна, а разгадывать тайны,

откровенно говоря, я люблю больше всего на свете и готов посвятить этому, быть может, последнюю неделю своей жизни. Если кого-нибудь из нас вдруг осенит — прекрасно. А если нет — что ж, будем решать задачу и получать удовольствие от самого процесса.

— Согласен, — сказал Хет Мастин без тени волнения в голосе. — Раньше мне это не приходило в голову, но теперь я вижу всю мудрость вашего решения: нам необходимо рассказать свои истории, прежде чем мы встретимся со Шрайком.

— А если кто-нибудь солжет? — быстро спросила Ламия Брон.

— Ну и что? — ухмыльнулся Мартин Силен. — В этом-то и вся прелесть.

— Давайте проголосуем, — предложил Консул, вспомнив предупреждение Мейны Гладстон. Нельзя ли вычислить агента Бродяг, сопоставив истории? Консул тут же улыбнулся своим мыслям — агент не настолько глуп.

— Вы, видимо, решили, что у нас тут парламент? — В голосе полковника прозвучала ирония.

— А как же иначе, — ответил Консул. — У каждого из нас — своя цель, но идти к Шрайку мы должны вместе. Нам нужны какие-то механизмы

принятия решений.

— Мы могли бы выбрать начальника, — предложил Кассад.

— Да ну вас в жопу с такими порядками, — благодушно ответил поэт. Остальные согласно закивали.

— Хорошо, — сказал Консул. — Итак, господин Вайнтрауб предложил нам рассказать о наших связях с Гиперионом. Голосуем за его предложение.

— Все или ничего, — добавил Хет Мастин. — Либо рассказывают все, либо никто. Мы будем придерживаться воли большинства.

— Договорились. — Консул внезапно проникся любопытством к чужим историям и в равной мере уверенностью в том, что никогда не расскажет своей собственной. — Кто за то, чтобы рассказывать?

— Я, — сказал Сол Вайнтрауб.

— Я — тоже «за», — сказал Хет Мастин.

— Не то слово! — воскликнул Мартин Силен. — Ради этакого балагана я бы отказался от целого месяца оргазмической бани на Шоте.

— Я также голосую «за», — сказал Консул и сам себе удивился. — Кто против?

— Я против, — сказал отец Хойт, но голос его

звучал нерешительно.

— Ерунда все это, — небрежно бросила Ламия Брон.

Консул повернулся к Кассаду:

— А вы, полковник?

Федман Кассад пожал плечами.

— Итак, четыре голоса «за», два — «против», один воздержался, — подвел итоги Консул. — Большинство «за». Кто начнет?

Все умолкли. Наконец Мартин Силен поднял глаза от небольшого блокнота, в котором что-то писал, вырвал листок и разорвал его на несколько полосок.

— Здесь числа от одного до семи, — сказал он. — Почему бы нам не бросить жребий?

— Это как-то по-детски, — недовольно заметила Ламия.

— А я и есть дитя, — ответил Силен, улыбаясь как сатир. — Посол, — он повернулся к Консулу, — не могу ли я позаимствовать эту позолоченную наволочку, которую вы носите вместо шляпы?

Консул передал свою треуголку, туда опустили сложенные полоски бумаги, и она пошла по кругу. Сол Вайнтрауб тянул первым, Мартин Силен последним.

Удостоверившись, что никто не подсматрива-

ет, Консул развернул свою полоску. Его номер был седьмым. Напряжение спало — так выходит воздух из туго надутого воздушного шарика. «Вполне вероятно, — подумал он, — прежде чем придет мой черед рассказывать, что-нибудь стрясется. Допустим, война. Тогда наши байки станут вообще никому не нужны — разве что чисто теоретически… Или же мы сами потеряем к ним интерес. В общем, кто-нибудь да помрет: или король, или лошадь. В крайнем случае можно научить лошадь разговаривать. А вот пить больше не надо».

— Кто первый? — спросил Мартин Силен.

В наступившей тишине был слышен только легкий шелест листвы.

— Я, — произнес отец Хойт. Лицо священника выражало то смирение перед болью, которое Консул не раз видел у своих неизлечимо больных друзей. Хойт показал свою полоску бумаги с четкой единицей.

— Хорошо, — сказал Силен. — Начинайте.

— Как, прямо сейчас? — растерялся священник.

— Почему бы нет? — отозвался поэт. Силен прикончил по меньшей мере две бутылки вина, но проявилось это пока лишь в том, что щеки его, и

без того густо-розовые, стали совсем пунцовыми, а вздернутые брови загнулись уж совершенно демоническим образом. — До посадки еще есть время, — добавил он, — и я предпочел бы сперва благополучно сесть и оказаться в обществе мирных туземцев, а уж потом отсыпаться после фуги.

— В том, что говорит наш друг, есть резон, — негромко сказал Сол Вайнтрауб. — Если уж нам предстоит рассказывать свои истории, послеобеденный час — самое подходящее время.

Отец Хойт вздохнул и поднялся со стула.

— Я сейчас, — сказал он и вышел.

Прошло несколько минут. Потом Ламия Брон, ни к кому не обращаясь, спросила:

— У него что, нервишки расшалились?

— Нет, — ответил Ленар Хойт, внезапно появившийся из темноты со стороны деревянного эскалатора (который служил тут чем-то вроде парадной лестницы). — Просто мне потребовалось вот это. — Он бросил на стол два грязных блокнота и сел на свое место.

— А по написанному нечестно, — дурашливо произнес Силен. — Если ты, о величайший маг, взялся травить байки, делай это сам!

— Заткнитесь, черт вас возьми! — Хойт провел

рукой по лицу и схватился за грудь. Второй раз за вечер Консул подумал, что священник неизлечимо болен.

— Простите меня, — успокоившись, заговорил отец Хойт. — Но, чтобы рассказать вам свою… свою историю, я должен коснуться чужой. Это дневник человека, из-за которого я когда-то попал на Гиперион и вот теперь… теперь возвращаюсь. — Хойт замолчал и глубоко вздохнул.

Консул потрогал блокноты. Они были запачканы сажей, а местами даже обгорели, словно их вытащили из огня.

— У вашего друга старомодные привычки, — сказал он, — если он все еще пишет от руки.

— Да, — подтвердил Хойт. — Если вы готовы слушать, я начну.

Все присутствующие закивали головами в знак согласия. Обеденная платформа мерно подрагивала: казалось, это бьется сердце километрового «дерева», которое несло их вперед, сквозь холод космической ночи. Сол Вайнтрауб взял спящую дочку на руки и осторожно уложил ее на мягкий матрасик, расстеленный рядом с ним на полу. Сняв свой комлог, он поставил его возле матрасика и набрал на диске программу белого шума. Малышка, которой была всего неделя от роду, не

просыпаясь, перевернулась на животик.

Консул запрокинул голову и отыскал сине-зеленую звезду — Гиперион. Звезда вырастала в размерах буквально на глазах. Хет Мастин надвинул капюшон поглубже, полностью спрятав лицо в тени. Сол Вайнтрауб закурил свою трубку. Остальные разобрали принесенные клонами чашечки с кофе и поудобнее устроились на стульях.

Мартин Силен, казалось, был заинтригован больше других и проявлял явные признаки нетерпения. Наклонившись вперед, он прошептал:

«Коль рок велит мне, – он сказал, – начать,
То помоги мне, пресвятая мать.
Не будем прерывать, друзья, дорогу.
Держитесь ближе, я же понемногу
Рассказывать вам буду той порой».
Мы тронулись, и вот рассказ он свой
Неторопливо начал и смиренно,
С веселостью и важностью почтенной.

История священника: Человек, который искал Бога

— Порой лишь шаг отделяет пылкую веру от вероотступничества, — так начал свое повествование священник. Впоследствии, когда Консул решил надиктовать этот рассказ на комлог, он всплыл в его памяти как единое целое. В нем не было никаких «швов» — не считая, естественно, пауз, когда рассказчик переводил дыхание, оговорок да неизбежных «это значит» и «так сказать», которые всегда сопровождают живую человеческую речь.

Ленар Хойт был тогда молодым священником, только что посвященным в сан. Он родился и вырос на католическом Пасеме и теперь впервые покидал родную планету: ему поручили сопровождать отца Поля Дюре, почтенного члена ордена иезуитов, в тихое изгнание на колониальную планету Гиперион.

В другое время отец Поль Дюре, несомненно, стал бы епископом, а то и папой. Это был высокий, худой человек с внешностью аскета. Короткие седые волосы оставляли открытым высокий

благородный лоб, а глаза, видевшие слишком много страданий, смотрели на мир с глубокой грустью. Поль Дюре был последователем Святого Тейяра,[6] а также археологом, этнологом и видным иезуитским теологом. Хотя католическая церковь пребывала тогда в глубоком упадке, превратившись, по сути, в некий полузабытый культ, который терпели просто потому, что он утратил всякое значение и стоял в стороне от основного потока жизни Гегемонии, орден иезуитов не изменил своего кредо. И отец Дюре был убежден, что святая римско-католическая апостольская церковь остается последней и самой верной надеждой человечества на бессмертие.

Еще мальчишкой Ленар Хойт боготворил отца Дюре, иногда наведывавшегося к ним в церковную школу. Случалось им встречаться и позже, во время редких посещений будущим семинаристом Нового Ватикана. В те годы, когда Хойт учился в семинарии, Дюре руководил важными раскопками, которые велись на средства церкви на Армагасте, соседней планете. Он вернулся

---

[6] Примечания: 6

Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955) — французский палеонтолог, философ и теолог, создатель так называемого христианского эволюционизма. Бог у Тейяра — «Христос эволюции» — представлен в каждой частице «ткани универсума» в виде особой духовной энергии, которая является движущей и направляющей силой эволюции.

через несколько недель после того, как Хойта посвятили в сан, и над его головой сразу стали сгущаться тучи. Никто, за исключением высших иерархов Нового Ватикана, не знал точно, что произошло. Поговаривали об отлучении и даже об инквизиционном процессе (хотя Святая Инквизиция бездействовала уже более четырех веков — со времен смуты, начавшейся после гибели Земли).

Дело закончилось всего-навсего тем, что отца Дюре по собственной его просьбе перевели на Гиперион, известный большинству только со странным культом Шрайка, а отцу Хойту поручили сопровождать его. То была неблагодарная роль — ученик, конвоир и шпион в одном лице. Возможность увидеть новый мир могла бы в известной степени скомпенсировать тяготы поручения, но даже с этим Хойту не повезло: он должен был проводить отца Дюре до космопорта Гипериона и сразу вернуться в Сеть тем же спинзвездолетом. По воле епархиальной канцелярии Ленару Хойту предстояло провести двадцать месяцев в криогенной фуге плюс несколько недель субсветового полета и возвратиться потом на Пасем, где за это время пройдет восемь лет; бывшие однокашники оставят его далеко позади: одни

сделают карьеру в Ватикане, другие добьются миссионерских постов.

Ленар Хойт, связанный обетом послушания и приученный к дисциплине, безропотно принял поручение.

Лететь им предстояло на древнем спин-звездолете «Олег», ржавом корыте без искусственной гравитации, иллюминаторов и прогулочных палуб. Чтобы удержать пассажиров в гамаках и на фуга-ложах, фантопликаторы подключили прямо к информационной сети. Пробудившись из фуги, пассажиры (в большинстве своем рабочие из других миров, небогатые туристы да еще несколько потенциальных самоубийц — фанатиков культа Шрайка) спали в тех же самых гамаках, ели безвкусную рециркулированную пищу в общих столовых, а все остальное время проводили в борьбе с космической болезнью и скукой. После того как корабль вышел из спин-режима, до Гипериона оставалось двенадцать дней полета по инерции.

За время своего вынужденного соседства с отцом Дюре отец Хойт мало что узнал от него, а о событиях на Армагасте, послуживших причиной изгнания, вообще ничего. Между тем молодой священник запрограммировал свой импланти-

рованный комлог на поиск любой информации о Гиперионе, и к тому времени, когда до посадки оставалось всего три дня, отец Хойт уже считал себя чем-то вроде эксперта по этому миру.

— Существуют записи о посещении Гипериона католиками, но я не нашел никаких упоминаний о тамошней епархии, — сказал Хойт как-то вечером, когда они беседовали, лежа в гамаках, точнее, паря в невесомости. (Почти все их попутчики тем временем созерцали эротические видения, созданные фантопликаторами.) — Полагаю, вы направляетесь туда с миссионерской целью?

— Вовсе нет, — ответил отец Дюре. — Добрые люди Гипериона никогда не навязывали мне свои религиозные взгляды, так вправе ли я задевать их чувства, пытаясь обратить их в свою веру? Мой план таков: я надеюсь достичь южного континента, Аквилы, затем отправлюсь из города Порт-Романтик в центральную его часть, но ни в коем случае не как миссионер. Я собираюсь основать в районе Разлома этнографическую станцию.

— Этнографическую станцию? — удивленно повторил отец Хойт и закрыл глаза, чтобы связаться с комлогом. — Эта часть плато Пиньон

необитаема, отец мой. Огненные леса делают ее абсолютно недоступной большую часть года.

Отец Дюре улыбнулся. Импланта у него не было, а свой старенький комлог он так и не достал из багажа.

— Не такая уж она недоступная, — негромко произнес он. — И, кстати, вполне обитаемая. Там живут бикура.

— Бикура, — повторил отец Хойт и закрыл глаза. — Но ведь это всего лишь легенда, — сказал он наконец.

— Гм, — промычал в ответ отец Дюре. — Поищите-ка в перекрестном указателе ссылку на Мамета Спедлинга.

Отец Хойт снова закрыл глаза. По общему указателю он установил, что Мамет Спедлинг был независимым исследователем, работавшим на Шеклтоновский институт Малого Возрождения. Почти полтора стандартных века назад он представил в институт краткое сообщение о своем путешествии в глубь материка от только что основанного в те годы Порт-Романтика. Он преодолел болота (впоследствии их осушили под фибропластовые плантации), а затем, выбрав редкий период затишья, проскочил через огненные леса и забрался достаточно высоко на

плато Пиньон, где исследовал Разлом и живущее вблизи него небольшое племя, по ряду признаков напоминавшее легендарных бикура.

В кратких заметках Спедлинга высказывалась гипотеза о том, что эти люди были потомками колонистов с корабля-«ковчега», пропавшего тремя веками ранее. Судя по его описаниям, это племя являлось классическим образчиком культурного регресса и вырождения в условиях полной изоляции. Спедлинг не выбирал выражений: «...достаточно двух дней, чтобы со всей очевидностью понять: бикура настолько глупы, пассивны и неинтересны, что терять время на их детальное изучение просто бессмысленно». Тем временем огненные леса начали проявлять признаки активности, и Спедлинг, не теряя времени, поспешил вернуться к побережью. Он провел в пути три месяца и потерял в «спокойном» лесу четырех туземных носильщиков, все свое оборудование, записи и левую руку.

— Боже мой! — воскликнул отец Хойт, приподнимаясь в гамаке. — Но почему именно бикура?

— А почему бы и нет? — последовала реплика отца Дюре. — О них ведь почти ничего не известно.

— Почти ничего не известно о большей части

Гипериона, — запальчиво возразил молодой священник. — Разве вы не слышали о Гробницах Времени и легендарном Шрайке? Вот это загадка!

— Совершенно верно, — отозвался отец Дюре. — Ленар, сколько работ посвящено Гробницам и сущности Шрайка? Сотни? Тысячи? — Пожилой священник набил трубку и закурил (в условиях невесомости это требовало немалых усилий). — Кроме того, — добавил он, — даже если Шрайк и существует на самом деле, к роду человеческому он уж точно не принадлежит. А меня интересуют люди.

— Да, — неохотно согласился Хойт, роясь в своем умственном арсенале в поисках весомых аргументов, — но ведь тайна бикура так незначительна… Самое большее, что вы обнаружите, это несколько десятков туземцев, живущих в районе, закрытом дымом и облаками и столь… незначительном, что даже картографические спутники их проглядели. Зачем они вам, если на Гиперионе есть настоящие тайны! Возьмите хоть лабиринт! — Хойт оживился. — Знаете ли вы, отец мой, что на Гиперионе находится один из девяти известных лабиринтов?

— Конечно, — ответил Дюре. Облако табачно-

го дыма над его головой медленно растекалось ручейками. — Но у лабиринтов, Ленар, есть поклонники и исследователи по всей Сети, и на всех девяти планетах возраст туннелей превышает полмиллиона стандартных лет. Я полагаю, он даже ближе к трем четвертям миллиона. Их секреты никуда не денутся. А сколько еще просуществует культура бикура, прежде чем будет поглощена современным колониальным обществом и растворится в нем или, что более вероятно, просто погибнет?

Хойт пожал плечами:

— Возможно, бикура уже исчезли. С тех пор как Спедлинг обнаружил их, прошло слишком много времени. Новых сообщений не поступало. Если они как племя перестали существовать, все окажется напрасным: потраченное время, труд, лишения в пути…

— Вот именно, — только и ответил отец Поль Дюре, продолжая попыхивать своей трубкой.

И лишь за час до посадки, уже на борту челнока, отец Хойт смог на короткое мгновение заглянуть в душу своего спутника. Лазурно-зеленый серп Гипериона медленно приближался, закрывая небо, когда старый челнок внезапно врезался в верхние слои атмосферы и бушующее пламя

затопило иллюминаторы; несколько минут они летели над темными грудами облаков и освещенным звездами морем, а затем впереди возникла и, словно радужная приливная волна, бесшумно понеслась им навстречу сверкающая полоса рассвета.

— Чудесное зрелище, — прошептал Поль Дюре, скорее самому себе, чем своему молодому спутнику. — Чудесное. В такие моменты я чувствую… смутно ощущаю… какой это было жертвой для Сына Божьего — спуститься с небес, чтобы стать Сыном Человеческим.

Хойт хотел заговорить с ним, но отец Дюре продолжал смотреть в иллюминатор, погруженный в свои мысли. Десять минут спустя они совершили посадку в порту Китса, и отец Дюре закружился в вихре таможенных и багажных забот. А еще через двадцать минут вконец разочарованный Ленар Хойт снова был в космосе, возвращаясь на борт «Олега».

— Пять недель спустя по моему личному времени я вернулся на Пасем, — сказал отец Хойт. — Я потерял восемь лет, но почему-то переживал эту потерю куда острее других. Сразу же после возвращения епископ сообщил мне, что за все четыре года пребывания Поля Дюре на Гиперионе от него

не поступило никаких вестей. Новый Ватикан истратил целое состояние, посылая запросы по мультилинии, однако ни колониальные власти, ни консульство в Китсе так и не смогли найти пропавшего священника.

Хойт остановился, чтобы сделать глоток воды, и Консул, воспользовавшись этим, сказал:

— Я помню эти поиски. Я, конечно, сам никогда не встречался с отцом Дюре, но мы делали все возможное, чтобы найти его. Тео, мой помощник, несколько лет занимался делом пропавшего священника, потратил массу энергии, но никаких следов его не обнаружил. Разве что несколько противоречивых свидетельств его пребывания в Порт-Романтике. Причем его видели в первые недели после прибытия, за несколько лет до того, как мы начали поиски. Там были сотни плантаций, связи, естественно, никакой, поскольку местные жители выращивали не только фибропласт, но и «травку». Похоже, мы так и не добрались до людей, которые его встречали.

По крайней мере, когда я уходил со своего поста, дело отца Дюре еще не закрыли.

Отец Хойт кивнул, подтверждая его слова.

— Я совершил посадку в Китсе через месяц после того, как вы сдали дела. Епископ был удив-

лен, когда я изъявил желание вернуться. Сам Его Святейшество дал мне аудиенцию. Я пробыл на Гиперионе меньше семи тамошних месяцев и раскрыл тайну судьбы отца Дюре. — Хойт указал на два грязных блокнота в кожаных переплетах, лежавших на столе. — Чтобы закончить свою историю, — сказал он хриплым голосом, — я должен зачитать выдержки из этих записей.

«Иггдрасиль» развернулся, и массивный ствол «дерева» загородил солнце. Вследствие этого маневра обеденная платформа и лиственный навес над нею должны были погрузиться во мрак, но вместо тысяч звезд, которые обычно видны с поверхности планеты, над головами собравшихся, вокруг них и даже внизу засверкали миллионы солнц. Теперь стал отчетливо виден и сам Гиперион — он несся на них, подобно смертоносному ядру.

— Читайте, — сказал Мартин Силен.

Из дневников отца Поля Дюре

День 1-й

Итак, мое изгнание началось.

Я не вполне представляю себе, как датировать мои новый дневник. По монастырскому календарю Пасема сегодня семнадцатый день

месяца Фомы Года Господня 2732. По стандарту Гегемонии — 12 октября 582 года п.к. (после катастрофы). По местному гиперионовскому счету — по крайней мере так мне сообщил маленький сморщенный клерк в старом отеле, где я остановился, — двадцать третий день Ликия (последнего из семи их сорокадневных месяцев) 426 года кораблекрушения, или сто двадцать восьмого года правления Печального Короля Билли, который не правит уже по меньшей мере сто местных лет.

К черту! Я назову его Днем Первым моего изгнания.

Тяжелый день. (Странно: я чувствую себя утомленным после нескольких месяцев сна, но, говорят, это обычное ощущение после фуги. Никаких воспоминаний, только усталость во всем теле. Не помню, чтобы я в молодости так уставал от путешествий.)

Я очень огорчен, что мне не удалось поближе познакомиться с молодым Хойтом. Он показался мне человеком достойным и твердо верующим — горящий взор и ни шагу от катехизиса. Молодые священники, такие, как он, не виноваты, что Церковь переживает свои последние дни. В силу своей счастливой наивности он просто не может

ничего сделать, чтобы остановить это сползание в небытие (на которое, видимо, обречена наша Церковь).

Ну что ж, я тоже не смог.

Когда мы шли на посадку, новый мир предстал передо мною во всей своей красоте. Великолепное зрелище! Правда, из трех континентов я увидел лишь два — Экву и Аквилу. Третий — Урса — находится в другом полушарии.

Посадка в Китсе, несколько часов на таможне (пройти которую мне удалось не без труда), затем поездка в город. Путаные воспоминания: горный хребет на севере, окутанный голубой дымкой, предгорья, поросшие лесом с желто-оранжевой листвою, бледное голубовато-зеленое небо и солнце — очень маленькое, но куда более яркое, чем на Пасеме. Цвета тут на расстоянии кажутся ярче, но стоит подойти поближе — и все расплывается, словно на картине пуантилиста. Гигантская статуя Печального Короля Билли, о которой я слышал так много, меня разочаровала. Когда смотришь на нее со стороны шоссе, она выглядит сырой и словно бы недоделанной. Она вовсе не похожа на то царственное изваяние, которое я ожидал увидеть: скорее это какой-то набросок, скетч, наспех выдолбленный в темной

скале над ветшающим полумиллионным городом, хотя покойный король — поэт и неврастеник — наверняка по достоинству оценил бы это свое изображение.

Город можно условно разделить на две части: огромный лабиринт трущоб и пивных, который местные жители называют Джектауном, и собственно Китс, именуемый также Старым городом (хотя ему не более четырех веков) — стерильно чистый, весь из полированного камня. Надо будет туда наведаться.

Я собирался провести в Китсе месяц, но мне уже не терпится двинуться дальше. О, монсеньор Эдуард, если бы вы могли видеть меня сейчас! Я наказан, но не раскаялся. Я более одинок, чем когда-либо прежде, но странное дело — мое новое изгнание даже доставляет мне удовлетворение. Если за неумеренность (вызванную лишь ревностью к вере) полагается изгнание в седьмой круг ада, то место выбрано хорошо. Я мог бы забыть о придуманной мною самим миссии к далеким бикура (существуют ли они в действительности? сейчас мне кажется, что нет) и провести отпущенные мне годы в этой провинциальной столице забытого Богом мира, подобного тихой речной заводи. Мое изгнание было бы столь же полным.

О, Эдуард, мальчиками мы росли вместе, вместе учились (хотя я никогда не мог сравниться с тобою ни в научных успехах, ни в приверженности догме), ныне вместе стареем. Но теперь ты на четыре года меня мудрее, а я все еще остаюсь тем упрямым непослушным мальчишкой, которого ты помнишь. Я молюсь, чтобы ты был жив и здоров и молился за меня.

Я устал. Пора спать. Завтра поброжу по городу, на славу поем, а заодно договорюсь о поездке в Аквилу и дальше на юг.

День 5-й

В Китсе есть собор. Вернее, был. Он простоял, никому не нужный, по меньшей мере два стандартных века и теперь лежит в руинах. Центральный неф открыт голубовато-зеленым небесам, одна из западных башен недостроена, другая представляет собою какой-то скелет — куча камней и проржавевшие прутья арматуры.

Я наткнулся на него, когда, заблудившись, бродил вдоль берега реки Хулай, в тех почти безлюдных местах, где Старый город переходит в Джектаун. Высокие, нагороженные безо всякого плана складские здания полностью закрывали разрушенные башни собора, пока наконец я не свернул в узкий тупик. Там я и увидел остов

покинутого храма: молельный зал, наполовину обратившийся в руины, обрушился в реку, хотя на фасаде еще можно различить остатки барельефов — скорбные апокалиптические фигуры, память об эпохе Хиджры.

Сквозь тени решеток и упавших блоков я прошел в неф. В пасемской епархии ни разу не упомянули, что на Гиперионе существовала католическая община. Тем более — собор. Кажется почти невероятным, чтобы четыре столетия назад рассеявшиеся по планете колонисты с «ковчега» могли сохранить столь многочисленную общину, что ей даже потребовался свой епископ. Не говоря уж о самом храме. Тем не менее вот он. Был.

Я заглянул в ризницу. Гипсовая пыль висела в воздухе, как ладан, два солнечных луча, проникавшие сверху через узкие окна, прорезали эту пылевую завесу. Я вступил в более широкое пятно солнечного света и приблизился к алтарю, ничем не украшенному, за исключением осколков и трещин (ибо каменная кладка давно уже разрушилась). Большой крест, когда-то висевший на восточной стене позади алтаря, лежал теперь среди камней и осколков кирпича. Не сознавая, что делаю, я прошел к алтарю, воздел руки и на-

чал прославлять пресуществление хлеба и вина в тело и кровь Господню. В моих действиях не было ничего мелодраматического или, Боже упаси, пародийного, все это я проделывал совершенно искренне и без задних мыслей. То была бессознательная реакция священника, который почти ежедневно в течение сорока шести лет служил мессу и которому, вероятно, никогда больше не приведется участвовать в этом умиротворяющем ритуале.

И тут я с удивлением обнаружил, что у меня есть прихожане. Старая женщина стояла на коленях в четвертом ряду. Ее черная одежда и такой же платок почти сливались с царившим там полумраком, мне был виден лишь бледный овал ее старческого лица. И лицо это, как бы отделенное от тела, плыло в темноте. Растерявшись, я замолчал, а она все смотрела на меня, но в ее взгляде было что-то очень странное: даже на таком расстоянии я почти сразу понял, что женщина слепа. С минуту я молча стоял, щурясь в пыльном потоке света, затопившем алтарь, и пытаясь истолковать это призрачное видение. И вообще — как я попал сюда? Что делаю?

Когда я вновь обрел дар речи и обратился к слепой (слова эхом отдавались в пустом храме),

она уже уходила. Я слышал, как ее ноги шаркают по каменному полу. Затем раздался скрежет, и краткая вспышка света выхватила из темноты ее профиль справа от алтаря. Я прикрыл глаза рукой, защищаясь от слепящих солнечных лучей, и начал пробираться через обломки туда, где некогда находились ограждавшие алтарь перила. Я снова позвал ее, постарался успокоить. Кажется, я повторял, что не нужно меня бояться (хотя от страха у меня самого по спине бегали мурашки). Шел я довольно быстро, однако, достигнув той части нефа, где еще оставался кусочек крыши, все же потерял слепую из виду. Небольшая дверь вела в полуразрушенный молельный зал и дальше, на берег реки. Старухи нигде не было. Я вернулся в темный храм. Признаться, я был бы рад счесть ее игрою своего воображения, сном наяву после многих месяцев вынужденной криогенной бессонницы, если бы не одно материальное доказательство ее существования. В прохладной темноте теплился огонек зажженной свечи: маленький язычок ее пламени дрожал, колеблемый незримыми потоками воздуха.

Я устал от этого города. Я устал от его языческой претенциозности и лживых легенд. Гиперион — это мир поэтов, но как мало в нем поэзии. Сам

Китс — смесь фальшивого, мишурного классицизма и бездумной энергии разрастающегося города. Здесь три общины дзен-гностиков. Над городом возвышаются четыре минарета. Но подлинные места всенародного поклонения — бесчисленные бардаки и пивные да огромные рынки, где торгуют привезенным с юга фибропластом. Впрочем, есть еще святилища Шрайка. Там потерянные души пытаются скрыть свою самоубийственную безнадежность за ширмой поверхностного мистицизма. Вся планета провоняла этим мистицизмом без откровения.

К черту!

Завтра я отправляюсь на юг. В этом абсурдном мире есть ским-меры и прочие летательные аппараты, но простой человек может перебраться с одного мерзопакостного континента-острова на другой только морем (что, как мне говорили, занимает целую вечность) или же на огромном пассажирском дирижабле, который отправляется из Китса раз в неделю.

Завтра рано утром я улетаю на дирижабле.

День 10-й

Животные.

Первая исследовательская группа на этой планете, похоже, зациклилась на животных. Лошадь,

Медведь, Орел.[7] В течение трех дней мы ползли вдоль восточного побережья Эквы над изрезанной береговой линией, носящей название Грива. Последний день мы летели над Срединным морем — кстати, не таким уж большим. Сегодня мы прибыли на остров Кошачий риф и разгружаемся в Феликсе — это «столица» острова. Судя по тому, что я смог разглядеть с прогулочной палубы и причальной башни, жителей здесь не более пяти тысяч. Город представляет собой хаотичное скопление лачуг и бараков.

Затем наш корабль пролетит (вернее проползет) еще восемьсот километров до цепочки небольших островов, носящих название Девять Хвостов, а затем мы бесстрашно ринемся через экватор и пройдем без посадки семьсот километров над открытым морем. Следующая стоянка будет на северо-западном побережье Аквилы, в местечке, именуемом Клюв.

Животные…

Называть это средство передвижения пассажирским дирижаблем — лингвистический трюк. Это огромное подъемное устройство с грузовым трюмом, в котором поместится, наверное, все

---

[7] Примечания: 7

Equus (эква) — лошадь; aquila (аквила) — орел; ursa (урса) — медведь (лат.).

население Феликса. Да еще останется место для нескольких тысяч вязанок фибропласта. Мы, пассажиры, наименее важная часть груза, и потому устраиваемся как можем. Я поставил свою переносную койку на корме рядом с грузовым тамбуром. Из своего багажа и трех огромных ящиков с оборудованием экспедиции я соорудил себе довольно уютный уголок. Рядом со мною обосновалась семья из восьми человек — работники с плантаций. Они возвращаются из Китса, куда каждые два года ездят за покупками. Звуки и запахи, исходящие от их свиней, меня не очень смущают. Равно как и визг хомяков, которых здесь употребляют в пищу. Но постоянные крики несчастного, совершенно задуревшего петуха ночами становятся просто невыносимыми.

Животные!

День 11-й

Обедал сегодня вечером в салоне над прогулочной палубой с гражданином Иеремией Денцелем, профессором небольшого колледжа в Эндимионе. Сейчас он на пенсии. Профессор сообщил мне, что первая исследовательская экспедиция на Гиперион вовсе не зациклилась на животных; официальные названия тех континентов вовсе не Эква, Урса и Аквила, но Крейтон, Олленсен и

Лопес. Эти названия даны в честь трех средней руки чиновников Геодезической Службы. Нет, все-таки животные подходят для этой цели куда лучше.

Пообедав, я усаживаюсь в одиночестве на внешней прогулочной палубе и любуюсь заходом солнца. Спереди палубу защищают грузовые модули, так что ветер тут чуть сильнее обычного морского бриза. Надо мною — выпуклый корпус дирижабля, раскрашенный в оранжевый и зеленый цвета. Мы летим между островами; море здесь лазурное с зеленоватыми переливами. У неба та же цветовая гамма, но в обратном соотношении. Редкие перистые облака ловят последние лучи крохотного солнца и пылают кораллово-красным огнем. Полная тишина — если не считать тихого жужжания электротурбин. Отсюда, с трехсотметровой высоты, я различаю в воде силуэт какой-то твари, похожей на гигантскую манту, она плывет следом за дирижаблем. Секунду назад странное существо (насекомое? птица?), окраской и размерами напоминающее колибри, но с тонкими полупрозрачными крыльями метрового размаха, замерло метрах в пяти над моей головой, обследовало меня, а затем, сложив крылья, ринулось в море.

Эдуард, сегодня вечером я чувствую себя особенно одиноким. Мне было бы легче, если бы я знал, что ты жив, как и прежде, копаешься в своем садике, а вечерами пишешь в кабинете. Я думал, мои путешествия разбудят во мне былую веру в концепцию Бога, высказанную Святым Тейяром. У него все слито воедино: Христос Эволюции, Личное и Всеобщее, En Haut и En Avant. Однако вера эта во мне пока не воскресла и, боюсь, вряд ли воскреснет.

Становится темно. Видимо, я старею. Порой я чувствую… нечто вроде угрызений совести… за то, что подтасовал тогда результаты раскопок на Армагасте. Но Эдуард, Ваше Преосвященство, по ряду признаков там действительно существовала культура христианского типа. В шестистах световых годах от Старой Земли и за три тысячи лет до того, как человек покинул пределы родного мира…

Так ли уж тяжек мой грех — истолковать эти двусмысленные свидетельства как знак того, что христианство возродится еще при нашей жизни?

Да, грех был. Но грех мой не в том, что я подтасовал данные. Я возомнил, что могу спасти христианство. Церковь гибнет, Эдуард. И не

только наша возлюбленная ветвь Священного Древа, но все его побеги, все церкви и секты. Тело Христово умирает так же неотвратимо, как и мое несчастное, отслужившее свой срок тело. Ты и я — мы всегда знали об этом. Мы знали об этом на Армагасте, где кроваво-красное солнце освещало только прах и смерть. Мы знали об этом еще в колледже, тем прохладным зеленым летом, когда приносили наши первые обеты. И на тихих лужайках в Вильфраншсюр-Соне, где играли в детстве. Мы знаем об этом сейчас.

День догорел; я пишу при слабом свете, падающем из окон салона на верхней палубе. Звезды складываются в незнакомые созвездия. Срединное море светится по ночам болезненно-зеленым фосфорическим светом. На горизонте к юго-востоку виднеется какая-то темная масса. То ли надвигается шторм, то ли это просто следующий остров — третий из девяти «хвостов». (В какой мифологии фигурирует кошка с девятью хвостами? Я не знаю ни одной.)

Я молюсь Богу, чтобы это был остров, а не шторм. Молюсь ради той птицы (птицы ли?), которую видел сегодня.

День 28-й

Я прожил в Порт-Романтике восемь дней и

видел за это время трех покойников.

Первый — труп на пляже; раздутый, мучнисто-белый, он лишь отдаленно напоминал человека. Его выбросило на плоский илистый берег за причальной башней в первый же вечер моего пребывания в городе. Дети кидали в него камнями.

Второй мертвец… его вытащили из обгоревших развалин газовой мастерской в бедном районе города недалеко от моей гостиницы. Труп обгорел до неузнаваемости и весь сморщился от жара. Руки его были плотно прижаты к корпусу, а ноги полусогнуты, как у боксера-профессионала. Вечная поза обгоревших. Целый день я ничего не ел и должен со стыдом признаться — когда в воздухе запахло обгорелой плотью, меня едва не стошнило.

Третий был убит буквально в трех метрах от меня. Я только что вышел из гостиницы и углубился в лабиринт покрытых грязью мостков, которые в этом жалком городишке заменяют тротуары, как вдруг раздались выстрелы. Человек, шедший в нескольких шагах впереди меня, покачнулся — мне даже показалось, что он просто оступился, — затем обернулся ко мне с выражением недоумения на лице и рухнул боком в грязь.

В него стреляли три раза. Две пули угодили в грудь, а третья — в лицо, как раз под левым глазом. Невероятно, но когда я подбежал к нему, он все еще дышал. Тогда я, разумеется, и не думал об этом. Достав из сумки епитрахиль и флакон со святой водой (сколько времени я носил его с собой без дела?), я приступил к соборованию. В толпе никто не возражал. Раненый шевельнулся, захрипел, словно собираясь что-то сказать, — и скончался. Толпа рассеялась прежде, чем унесли тело.

Человек этот был средних лет, с волосами песочного цвета и слегка полноватый. Никаких документов, удостоверяющих личность, у него не оказалось. Не нашлось даже универсальной карточки или комлога. В кармане обнаружили только шесть серебряных монет.

Сам не понимаю почему, но я решил провести рядом с телом весь остаток дня. Доктор, маленький циничный человечек, позволил мне присутствовать при вскрытии. Подозреваю, ему просто хотелось поговорить.

— Вот чего она стоит, — сказал он, вскрывая живот бедняги. Брюшная полость раскрылась, словно розовый ранец; доктор растягивал складки кожи и мускулы и закреплял их, как клапаны

палатки.

— Кто это «она»? — спросил я.

— Жизнь, — ответил доктор, снимая кожу с лица трупа, как маску. — Его жизнь. Или ваша. Или моя. — Вокруг рваного отверстия над скулой бело-красные жгуты мышц уже посинели.

— Жизнь стоит большего, — возразил я.

Доктор оторвался от своего мрачного занятия и с улыбкой посмотрел на меня.

— В самом деле? — спросил он. — Ну-ка, ну-ка, и чего же она стоит? — Он поднял сердце несчастного, словно прикидывая на руке его вес. — На рынках Сети, может, и дали бы кое-что за этот товар. Там хватает таких, кто слишком беден, чтобы держать клонированные части тела про запас, но достаточно богат, чтобы умирать всего лишь из-за отсутствия подходящего сердца. Но здесь это просто требуха.

— Нет, это нечто большее, — возразил я, хотя и не был уверен в своей правоте. Я вспомнил похороны Его Святейшества Папы Урбана XV, которые проходили незадолго до моего отъезда с Пасема. Как было принято еще до Хиджры, тело не бальзамировали. Перед тем как положить покойного в простой деревянный гроб, его отнесли в преддверие главной базилики. Помогая Эдуарду

и монсеньору Фрею облачать закостеневший труп, я обратил внимание на его кожу, пошедшую коричневыми пятнами, и провалившийся рот.

Доктор пожал плечами и закончил вскрытие. Затем последовали несложные формальности. Ничего подозрительного не обнаружили. Не было установлено мотивов убийства. Описание убитого отослали в Китс, а самого его похоронили на следующий день на кладбище для нищих, расположенном между заиленным побережьем и желтой сельвой.

Порт-Романтик представляет собой скопище сооружений из желтого плотинника, соединенных лабиринтами мостков и лесенок. Городские кварталы тянутся далеко в глубь заливаемых морем равнин, окружающих устье реки Кэнс. В том месте, где река впадает в залив Тоскахай, она разливается почти на два километра в ширину, но лишь некоторые из ее протоков судоходны. Грунт черпают днем и ночью. Каждую ночь я лежу без сна в моем дешевом номере и через открытое окно слышу глухие удары молотковых землечерпалок. Они стучат, словно сердце этого города, полное зла, а доносящийся издалека шорох прибоя — это его влажное дыхание. Ночью я прислушиваюсь к нему, и перед глазами у меня

встает лицо того убитого.

Здешние компании отправляют людей и товары на большие плантации в глубине материка через аэропорт, расположенный на краю города. К сожалению, не хватает денег на взятку, а без взятки туда не пустят. Вернее, я мог бы попасть на борт скиммера сам, но мне нечем заплатить за провоз трех моих ящиков, а там все медицинское и научное оборудование. Все же у меня есть искушение попробовать. Моя экспедиция к бикура представляется мне сейчас как никогда абсурдной. Лишь необъяснимая потребность попасть к месту назначения и какая-то мазохистская решимость выполнить до конца все условия моего добровольного изгнания побуждают меня отправиться в путешествие вверх по реке.

Через два дня вверх по Кэнсу отправляется речное судно. Я взял билеты и завтра переправлю на борт свои ящики. С Порт-Романтиком я расстаюсь без сожаления.

День 41-й

«Импортик Жирандоль» медленно продвигается вверх по реке. Два дня назад мы отплыли от Пристани Мелтона и с тех пор не видели никаких признаков человека. Сельва сплошной стеной прижимается к речному берегу. Там, где река

сужается до тридцати — сорока метров, деревья нависают над водой. Проникая сквозь густую листву пальм, вознесшихся на восемьдесят метров над коричневой гладью Кэнса, солнечный свет становится желтым и густым, как растопленное сливочное масло. Я сижу на ржавой жестяной крыше посреди баржи и вглядываюсь изо всех сил, чтобы не пропустить своей первой встречи с деревом тесла. Рядом сидит старик Кэди. Вот он перестал строгать свою деревяшку и плюнул за борт сквозь дырку в зубах. Старик надо мной смеется. «В этих местах нет огненных деревьев, — говорит он. — А если б они тут были, то уж наверняка лес бы выглядел совсем по-другому. Чтобы увидеть тесла, тебе надо ехать в Пиньоны. А мы, падре, еще не выбрались из дождевых лесов».

Дожди здесь начинаются каждый день после полудня. Впрочем, дождь — это мягко сказано. Каждый день на нас обрушивается настоящий потоп. Он закрывает берега и с оглушительным шумом колотит по жестяным крышам барж, замедляя наше и без того медленное продвижение настолько, что порою кажется — мы стоим на одном месте. Каждый день после полудня река буквально становится на дыбы. Такое впе-

чатление, что судно должно взобраться на этот водопад, чтобы двигаться дальше.

«Жирандоль» — это древний плоскодонный буксир, к которому по бортам пришвартованы пять барж. Они напоминают оборванных детей, цепляющихся за юбку усталой матери. Три двухъярусные баржи используются для перевозки грузов. Товары, упакованные в тюки, предназначены для обмена или продажи на плантациях и в поселениях, разбросанных кое-где вдоль реки. Другие две представляют собой некое подобие жилья. На них местные жители путешествуют вверх по реке. (Я, впрочем, подозреваю, что некоторые из пассажиров живут на баржах постоянно.) В моем закутке имеется даже грязный матрас. Он лежит прямо на полу. По стенам ползают какие-то насекомые, похожие на ящериц.

После дождей все собираются на палубах и любуются вечерним туманом, который поднимается над остывающей рекой. Большую часть дня воздух очень горяч и полон мошкары. Старый Кэди сообщил мне, что я опоздал. По его словам, я не успею подняться через огненные леса, пока деревья тесла «спят». Ну, это мы еще увидим.

Сегодня вечером клочья тумана поднимаются словно души умерших, доселе спавшие

под темной поверхностью реки. Последние послеполуденные облачка рассеиваются между верхушками деревьев, и в мир возвращаются краски. Желтая чаща начинает просвечивать шафраном, а затем — через коричневато-желтый — медленно становится темно-коричневой и погружается во тьму. На борту «Жирандоли» старый Кэди зажигает фонарики и светильники, свисающие с осевшего второго яруса, и тотчас, будто не желая уступать, темная сельва начинает светиться слабым фосфоресцирующим светом — светом гниения. А на самом верху перепархивают с ветки на ветку птички-огневки и многоцветная паутина.

Небольшая луна Гипериона сегодня вечером не видна, но плотность космической пыли на его орбите гораздо выше, чем у других планет, расположенных так близко от своего светила, и потому ночное небо постоянно исчеркано светящимися следами метеоров. Сегодняшний вечер принес исключительно обильный урожай падающих звезд. Там, где река становится шире, в просвете между деревьями открывается небо, все усыпанное сверкающими искрами.

Огромной сетью они сплетают воедино все светила небесные. Если долго смотреть на них,

начинают болеть глаза. Я смотрю вниз, на реку, и любуюсь их отражениями в черной воде.

На востоке виднеется яркое зарево. Старик Кэди говорит, что это орбитальные зеркала — их используют для освещения крупных плантаций.

Пока еще слишком тепло, чтобы возвращаться в каюту. Я расстилаю тонкую подстилку на крыше баржи и наблюдаю за небесным представлением. Местные жители, собравшись кучками, поют на своем жаргоне (который я до сих пор даже не пытался выучить). Я думаю о далеких бикура, и странное беспокойство овладевает мною.

Какое-то животное кричит в лесу голосом испуганной женщины.

День 60-й

Прибыл на плантацию Пересебо. Заболел.

День 62-й

Я очень болен. Меня знобит. Весь вчерашний день меня рвало черной слизью. Оглушительный ливень. По ночам орбитальные зеркала освещают облака, и от этого все небо как бы в огне. У меня очень сильная лихорадка.

За мной ухаживает одна женщина. Она даже моет меня, и я слишком болен, чтобы испытывать стыд. Волосы у нее темнее, чем у большинства

местных жителей. Она почти ничего не говорит. Темные, нежные глаза. О Боже, заболеть так далеко от дома!

День

она ждет шпионит… грехприходитсдождем… тонкая рубашка

она искушать меня… знает ктоя… моя кожа горит в огне… тонкий хлопок, соски — темные на белом… я знаю ктоони они наблюдают… я слышу их голоса… ночью они обмывают меня ядом… жгут мое тело… думают я не знаю но я слышу их голоса даже в дождь когда крики уходят уходят уходит.

Моя кожа почти исчезла под нею все красное чувствую дырку в щеке. когда я найду пулю яее выплюну. agnusdeiqitolispecattamundi miserer nobis misere nobis miserere.[8]

День 65-й

Благодарю тебя, Боже милостивый, за избавление от болезни.

День 66-й

Сегодня побрился. Был в состоянии принять

---

[8] Примечания: 8

Агнец божий, принявший на себя грехи мира, сжалься над нами, сжалься (лат.).

душ.

Семфа помогла мне приготовиться к визиту здешнего начальника. Я ожидал увидеть этакого грубоватого здоровяка — вроде тех рабочих-сортировщиков, что проходят мимо окна. Чиновник оказался негром, невысоким и молчаливым. Он слегка шепелявил, а вообще был очень любезен. Я опасался, что придется платить за лечение и уход, но он успокоил меня, объяснив, что платить не надо. Более того, он обещал дать мне проводника, знающего дорогу в высокогорья. Отправляться туда, по его словам, поздновато, но если я буду готов через десять дней, то сумею проскочить к Разлому прежде, чем деревья тесла совсем «проснутся».

Когда он уехал, я немного побеседовал с Семфой. Ее муж погиб здесь три местных месяца назад во время несчастного случая при уборке урожая. Сама Семфа приехала из Порт-Романтика. Брак с Микелем был для нее спасением, и она решила остаться здесь. Подрабатывает где придется — только бы не возвращаться назад. Я не осуждаю ее.

После массажа я засну. Последнее время мне часто снится моя мать.

Десять дней. Я буду готов через десять дней.

День 75-й

Прежде чем мы с Туком отправились в путь, я сходил на матричные поля попрощаться с Семфой. Она говорила мало, но по ее глазам я видел, что ей грустно расставаться со мной. Как-то инстинктивно я благословил ее и поцеловал в лоб. Тук стоял поблизости, улыбаясь и приплясывая. Затем мы зашагали прочь, ведя в поводу двух вьючных бридов.

Надсмотрщик проводил нас до того места, где кончалась нормальная дорога, и, пока мы не скрылись в узкой аллее, прорубленной в золотистой листве, махал нам вслед рукою.

Domine, dirige nos.[9]

День 82-й

Неделю мы шли по тропе — да какая там тропа! — по непроходимой желтой сельве, а потом из последних сил карабкались по склону плато Пиньон, который становился все круче и круче. Сегодня утром мы выбрались на скалистое плоскогорье. Отсюда превосходно просматриваются бескрайние пространства сельвы, уходящей к Клюву и Срединному морю. Высота плато здесь достигает трех тысяч метров над уровнем моря.

---

[9] Примечания: 9
Господи, укажи нам путь (лат.).

Вид весьма впечатляющий. Тяжелые дождевые облака простерлись под нами до холмов, кольцом окаймляющих плато Пиньоновых гор, но сквозь прорехи в этом серо-белом покрывале видна река Кэнс, лениво несущая свои воды к Порт-Романтику и дальше, к морю, желтые пятна леса, который мы только что миновали, а далеко на востоке — нечто анилиново-красное. Тук уверяет, что это нижний ярус фибропластовых полей возле Пересебо.

До позднего вечера мы продвигались вперед и вверх. Тук явно обеспокоен тем, что мы можем оказаться в огненных лесах, когда деревья тесла «проснутся». Я пытаюсь держаться, тяну под узцы тяжело нагруженного брида и молюсь про себя, чтобы Бог помог мне забыть о боли, страхе и сомнениях.

День 83-й

Собрались до рассвета и тут же выступили в путь. В воздухе чувствуется запах дыма и пепла.

Изменения в характере растительности здесь, на плато, поразительны. Нет больше никаких признаков вездесущего плотинника и густолиственной челмы. В среднем поясе горы господствуют вечнозеленые и вечноголубые растения. Вскарабкавшись выше, мы вошли в заросли три-

аспенов и ползучих сосен-мутантов. И наконец, перед нами открылся собственно огненный лес — рощи высоких прометеев, неистребимые заросли стелющегося феникса и округлые стебли янтарных факельников. Иногда нам встречаются непроходимые заросли белого волокнистого бестоса, по поводу которых Тук выразился весьма картинно: «Тут, видать, великанов хоронили, а закопать-то как следует поленились. Вот елдаки наружу и торчат». Мой проводник за словом в карман не лезет.

Было далеко за полдень, когда мы увидели первое дерево тесла. Полчаса мы брели сквозь лес по земле, покрытой слоем пепла, стараясь не наступать на нежную поросль феникса и огнехлеста, которая уже пробивалась кое-где сквозь черную от сажи почву. Внезапно Тук остановился и указал куда-то пальцем.

Дерево тесла находилось примерно в полукилометре от нас. Высотою оно было по меньшей мере метров сто — раза в полтора выше самых высоких прометеев. Вблизи кроны ствол раздувался, образуя характерное утолщение. Там, в этой луковице, прячутся его аккумуляторы. Еще выше отливали серебром на фоне чистого лазурно-зеленого неба радиальные ветви, с которых

свисало множество лиан. Элегантностью очертаний растение напоминало минарет, который я видел в Новой Мекке, но минарет, легкомысленно разукрашенный мишурой.

— Пора нам, едрена вошь, отсюдова линять, — проворчал Тук. — Скотину только загубим. Обратно и своя жопа целей будет.

Он принялся настаивать, чтобы мы тут же надели все снаряжение, предназначенное для хождения по огненным лесам. Остаток дня и вечер мы прошагали в осмотических масках и толстых резиновых сапогах, обливаясь потом под гамма-костюмами из многослойного, похожего на кожу материала. Бриды вели себя нервно, при малейшем шорохе они настороженно вскидывали свои длинные уши. Даже через маску я ощущал запах озона. Запах этот напомнил мне детство: Вильфранш, Рождество, я играю с подаренным электрическим поездом…

В тот вечер мы разбили лагерь как можно ближе к зарослям бестоса. Тук показал мне, как правильно огородить лагерь кольцом из шестов-громоотводов. Все время он что-то мрачно бормотал себе под нос и то и дело вскидывал голову, осматривая вечернее небо в поисках облаков.

Как бы то ни было, в эту ночь я собираюсь

спать!

День 84-й

4 часа.

Матерь Божья! Настоящий конец света!

Это продолжалось три часа.

Вскоре после полуночи загремел гром. Поначалу все это напоминало обычную грозу, и, вопреки разуму, мы с Туком высунулись из палатки, чтобы полюбоваться фейерверком. Я привык к муссонным бурям на Пасеме и потому в первый час моих наблюдений не обнаружил ничего необычного. Только стоявшие в отдалении деревья тесла (они, несомненно, накапливали атмосферное электричество) слегка тревожили меня. А затем эти сатанинские деревья начали тлеть и выбрасывать накопленную энергию обратно. Наступил подлинный Армагеддон. (Кстати, как раз тогда, несмотря на страшный шум, меня стало клонить ко сну.)

По меньшей мере сотня электрических дуг запылала в первые же десять секунд этой огненной судороги. Прометей, стоявший метрах в тридцати от нас, взорвался, пылающие головни разлетелись на полсотни метров вокруг. Наши громоотводы тлели и шипели, но одну за другой отклоняли электрические дуги в сторону. Над

лагерем и вокруг него бушевала бело-голубая смерть. Тук что-то кричал, но человеческий голос тонул в этом хаосе света и шума. Совсем рядом с тем местом, где мы привязали бридов, занялись заросли ползучих фениксов. Хотя мы стреножили животных и завязали им глаза, одно из них, испугавшись, сорвалось с привязи и ринулось через кольцо громоотводов. В тот же миг с ближайшего дерева тесла к нему устремилось с полдюжины молний. Я мог бы поклясться, что в течение какой-то безумной секунды видел сквозь кипящую плоть тлеющий скелет животного, затем оно взвилось высоко в воздух — и исчезло.

В течение трех часов мы были свидетелями подлинного конца света. Два шеста упали, но остальные восемь все еще делали свое дело. Мы с Туком укрылись в палатке. Несмотря на духоту, в осмотических масках все же можно было дышать: они фильтровали из перегретого дымного воздуха достаточно кислорода. Только отсутствие подлеска и то мастерство, с которым Тук выбрал место для стоянки, позволили нам уцелеть. Вблизи палатки не было предметов, притягивающих молнии; кроме того, ее защищали заросли бестоса. Это нас и спасло. Да еще восемь шестов из металлокерамики, отгородивших нас

от небытия.

— А шесты-то держат! — ору я изо всех сил, пытаясь перекричать шипение, треск и грохот бури.

— Час-два, можа, и продержут, — ворчит в ответ мой проводник. — А как, едрена корень, потекут, тут нам и разец.

Я соглашаюсь кивком головы и прихлебываю тепловатую воду через клапан осмотической маски. Если мне суждено выжить этой ночью, я буду вечно благодарить Бога за то, что Он великодушно позволил нам увидеть все это.

День 87-й

Вчера в полдень мы с Туком миновали северо-восточную кромку тлеющего огненного леса. Тут же у небольшого ручья разбили лагерь и проспали восемнадцать часов кряду — компенсация за три бессонные ночи и два изнурительных дня, когда мы без отдыха шли через чудовищное пламя, золу и пепел. По пути к горному хребту, служившему естественной границей леса, мы наблюдали, как на месте зарослей, выгоревших за последние два дня, возрождается новая жизнь. Все вокруг было буквально усеяно стручками, семенами и ростками всевозможных растений. Пять громоотводов еще функционировали, прав-

да, ни Тук, ни я не горели желанием проверить это на практике. Уцелевший в ту ночь вьючный брид все-таки пал. Произошло это как раз в тот момент, когда с его спины снимали тяжелый груз.

На рассвете меня разбудил шум воды. Я прошел около километра на северо-восток вдоль небольшого ручья. Шум становился все сильнее, но внезапно ручей… исчез.

Разлом! Я почти забыл о цели нашей экспедиции. Спотыкаясь в утреннем тумане, я прыгал по мокрым камням вдоль ручья, становившегося все шире и шире. Вот я совершил последний прыжок и закачался, изо всех сил стараясь удержаться на ногах. Восстановив равновесие, я посмотрел прямо вниз. Подо мной был водопад. Он низвергался в туман с высоты почти в три километра. Каменистое русло реки лежало где-то глубоко внизу.

В отличие от легендарного Гранд-Каньона на Старой Земле или Трещины Мира на Хевроне, Разлом возник отнюдь не вследствие подъема плато. Хотя океаны Гипериона не знают покоя, а континенты похожи на земные, в тектоническом отношении он абсолютно мертв. В этом смысле он более схож с Марсом, Лузусом или Армагастом. Дрейфа континентов на нем нет.

Но, подобно Марсу и Лузусу, Гиперион страдает от последствий Великих Оледенений. Пока звездная система Гипериона была бинарной, ледниковые периоды наступали с периодичностью в тридцать семь миллионов лет. Комлог сравнивает Разлом с долиной Маринер на Марсе, какой она была до терра-формизации планеты. Эти структуры порождены ослаблением коры, которая на протяжении целых геологических эпох периодически то замерзала, то оттаивала. В теплые периоды ее постепенно подтачивали изнутри подземные реки, такие, как Кэнс. Наконец, лишенный опоры гигантский участок суши провалился под собственной тяжестью, образовав этот шрам, разрубивший крыло орла — гористую часть Аквилы.

Вскоре ко мне присоединился запыхавшийся Тук. Я разделся и, наскоро выстирав пропахшие гарью и дымом сутану и дорожную одежду, долго плескался в холодной воде. Тук принялся что-то горланить, ему вторило эхо (до Северной стены Разлома отсюда всего метров шестьсот), а я от души хохотал. Выступ, на краю которого мы находились, гигантским козырьком нависает над Южной стеной. Когда смотришь вниз, кажется, он вот-вот рухнет, но мы решили, что скала,

миллионы лет противостоявшая гравитации, продержится еще пару часов, пока мы резвимся тут, словно дети, которых отпустили с уроков: купаемся, загораем и до хрипоты перекрикиваемся с эхом. Тук признался, что ему ни разу не доводилось пройти весь огненный лес из конца в конец. Более того, он не знал ни одного человека, которому это удалось бы в «активный» сезон. Деревья тесла совсем «проснулись», и теперь, чтобы вернуться, ему придется ждать по меньшей мере три месяца. Мне показалось, что он говорит об этом без особого сожаления, и я, честно говоря, был только рад. Парень мне нравился.

Для лагеря мы выбрали место возле ручья, метрах в ста от края карниза, и после полудня перетащили сюда снаряжение. Разборку пенолитовых ящиков с научным оборудованием мы оставили на завтра и сложили их пока штабелем.

К вечеру похолодало. После ужина, перед самым заходом солнца, я надел термическую куртку и отправился к краю каменного выступа юго-западнее того места, где я в первый раз вышел к Разлому. Вид отсюда был незабываемый. От невидимых водопадов, низвергавшихся в реку далеко внизу, поднимался туман. Завеса водяной

пыли находилась в постоянном движении, дробя лучи заходящего солнца, которое сейчас окружало не меньше десятка сверкающих фиолетовых шаров и вдвое больше радуг. Радужные полосы возникали у меня на глазах, поднимаясь затем к темнеющему небосводу и исчезая. По мере того как остывающий воздух заполнял трещины и каверны плато и вытеснял теплый, который устремлялся вверх, увлекая за собой листья, сучья и клочья тумана, в Разломе зародился странный звук, крепнущий с каждой минутой. Казалось, сама планета взывает голосами каменных великанов, которым аккомпанируют гигантские бамбуковые флейты и церковные органы размером с храм, и все эти голоса, от тончайшего сопрано до самого низкого баса, сливались воедино в гармоничном хоре. Поразмыслив, я решил, что воздушные потоки, проносясь сквозь источенные трещинами скалы и подземные пустоты, генерируют множество гармоник, создавая иллюзию человеческих голосов. Но в конце концов я отбросил все размышления и просто слушал, как Разлом поет прощальный гимн солнцу.

Когда я возвращался к палатке, ориентируясь по светлому пятну биолюминесцентного фонаря, вечернее небо прочертили сверкающие трассы

метеоров, а с юга и запада донесся отдаленный грохот огненных лесов — словно артиллерийская канонада какой-то древней войны, что вели на Старой Земле еще до Хиджры.

Забравшись в палатку, я включил было комлог, но на всех частотах трещали статические разряды. Даже если примитивные спутники связи, обслуживающие фибропластовые плантации, захватывают район плато, пробиться сквозь помехи, создаваемые деревьями тесла, может лишь узкополосный лазерный передатчик, ну и, конечно, генератор мультилинии. На Пасеме мало кто носит с собой персональный комлог, но там всегда можно подключиться к инфосфере. Здесь выбора нет.

Я сижу, слушаю последние ноты вечерней песни ветра, смотрю на небо — одновременно темное и сверкающее — и улыбаюсь, когда из спального мешка доносятся всхрапывания Тука. «Что ж, — думаю я, — если таково мое изгнание — я согласен».

День 88-й

Тука больше нет. Его убили.

Я наткнулся на его тело, когда утром вышел из палатки. Он спал снаружи — метрах в четырех от меня, не более. Он так и сказал: хочу спать под

звездами.

И вот, пока он спал, убийцы перерезали ему горло. Я не слышал никаких криков. Однако мне снился сон: будто я лежу в лихорадке и Семфа ухаживает за мной. Ее холодные руки прикасаются к моей груди, к шее, трогают крест, который я ношу с детства… Я стоял над телом Тука и не мог оторвать взгляд от широкого темного круга там, где его кровь впиталась в девственную почву Гипериона. При мысли о том, что мой сон — нечто большее, чем сон, и чьи-то руки действительно прикасались ко мне этой ночью, я содрогнулся.

Признаюсь честно: моя реакция на случившееся была недостойна священника, я вел себя как старый дурак. Соборование я произвел, но затем мною овладел панический страх; покинув тело несчастного Тука, я принялся рыться в багаже в поисках оружия и достал мачете, которым пользовался в сельве, и низковольтный мазер, предназначенный для охоты на мелкую дичь. Но хватит ли у меня решимости использовать оружие против человеческого существа, пусть даже в целях самозащиты? Все еще охваченный страхом, я схватил мачете, мазер и электронный бинокль и бросился к большому валуну около Разлома, с которого осмотрел все окрестности

в поисках хоть каких-то следов убийц. Ничего. Лишь паутина колыхалась на ветру, да в кронах деревьев копошились крохотные зверьки, которых мы видели накануне, но сам лес показался мне каким-то уж слишком густым и темным. Вдоль края Разлома громоздились сотни террас, выступов и каменных балконов — прекрасное укрытие для банды дикарей. Да что там — целая армия могла бы спрятаться среди этих утесов и вечных туманов.

После получаса бесплодных, бессмысленных и трусливых метаний я вернулся к месту нашей лагерной стоянки и приготовил тело Тука к погребению. Чтобы выкопать достаточно глубокую могилу в каменистой почве, потребовалось больше двух часов. Засыпав ее и окропив землю святой водой, я задумался: что же я могу сказать об этом грубоватом, смешном человечке, который был моим проводником?

— Упокой, Господи, раба твоего, — стыдясь собственного лицемерия, пробормотал я наконец, чувствуя, что слова мои падают в пустоту. — Прими душу его. Аминь.

Вечером я перенес свой лагерь на полкилометра к северу. Палатку я поставил на открытом месте, а сам завернулся в одеяло и втиснулся под

большой валун метрах в десяти от нее. Мачете и мазер лежали под рукой. После похорон Тука я проверил припасы и ящики с оборудованием. Ничего не пропало, за исключением оставшихся шестов-громоотводов. Тут же мне пришло в голову, что кто-то пробрался за нами следом через огненный лес, чтобы убить Тука, а меня оставить здесь без надежды вернуться. Но к чему такие ухищрения? Любой обитатель плантаций мог прикончить нас во время ночлега в сельве или еще лучше — лучше, конечно, с точки зрения убийцы — в глубине огненного леса, где никто не удивился бы двум обугленным трупам. Значит, остаются бикура. Мои подопечные-дикари.

Я стал прикидывать, нельзя ли пройти через огненный лес без громоотводов, но вскоре отверг эту мысль. Оставшись здесь, я имею шанс уцелеть, а отправившись сейчас в путь, погибну наверняка.

Деревья тесла «уснут» через три месяца. Сто двадцать местных суток. Каждые сутки — двадцать шесть часов. Вечность…

Боже милостивый, почему это выпало на мою долю? И почему меня пощадили прошлой ночью? Меня ведь все равно убьют, этой ли ночью или следующей…

Я лежу в темной расщелине, прислушиваюсь к завываниям ночного ветра в Разломе, таким жутким сейчас, и молюсь. Все небо усеяно кроваво-красными искрами метеоров.

Слова мои падают в пустоту…

День 95-й

Ужас прошлой недели словно отошел на второй план. Даже страх ослабевает и становится чем-то обычным, когда спадает напряжение.

С помощью мачете я срубил несколько небольших деревьев и соорудил себе хижину. Крышу и фасад я затянул гамма-плащами, а щели между бревнами замазал илом. Роль задней стенки выполняет огромный валун. Я разобрал ящики со снаряжением и кое-что вынул. Впрочем, едва ли мне придется использовать эти вещи.

Я начал заготавливать пищу впрок, ибо мой запас концентратов тает на глазах. В соответствии с идиотским графиком, составленным в свое время на Пасеме, я должен уже несколько недель жить среди бикура, выменивая продовольствие на всякую мелочь. Впрочем, какая разница? Кроме легко разваривающихся корней челмы, в мой рацион входит с полдюжины разных видов ягод и крупных плодов, которые я здесь нашел и которые, если верить комлогу, являются съедобными.

Ошибся пока я всего лишь раз, но всерьез: всю ночь мне пришлось просидеть на корточках у края оврага.

Я без устали меряю шагами свой клочок земли — как те пелопы, которых на Армагасте держат в клетках и которых так высоко ценят тамошние князьки. Огненные леса в полном порядке и до них рукой подать: на юге — километр, на западе — четыре. По утрам, словно соперничая с туманом, небо застилают клубы дыма. Лишь участки, почти сплошь заросшие бестосом, скалистая вершина плато да похожие на черепах крутые горные хребты, высящиеся на северо-востоке, сдерживают натиск деревьев тесла.

К северу плато расширяется, и ближе к Разлому заросли становятся гуще. Они тянутся километров на пятнадцать, дальше путь преграждает овраг. Он втрое мельче и вдвое уже, чем сам Разлом. Вчера я достиг самой северной точки и с тяжелым чувством заглянул через зияющую пропасть на ту сторону. Надо будет как-нибудь попробовать обойти ее с востока, поискать место для переправы. Но, судя по зарослям феникса на той стороне и завесе дыма вдоль северо-восточного горизонта, там скорее всего такие же каньоны, заросшие челмой, и огненные леса.

Они видны и на снятой с орбиты карте, которую я ношу с собой.

Сегодня вечером, когда ветер заиграл реквием на своих эоловых арфах, я навестил могилу Тука. Я преклонил колени и попытался молиться, но ничего не получилось.

У меня ничего не получилось, Эдуард. Я пуст, как те поддельные саркофаги, которые мы с тобой десятками выкапывали в безжизненных песках возле Тарум-Бель-Вади.

Дзен-гностики сказали бы, что эта пустота — добрый знак; она предвещает выход на новый уровень сознания, интуиции и опыта.

Merde.

Я пуст, и моя пустота… не более чем пустота.

День 96-й

Я нашел бикура. Или, вернее, они нашли меня. Я запишу, что успею, пока они не пришли меня «будить» (для них я сейчас «сплю»).

Сегодня я уточнял свою карту километрах в четырех к северу от лагеря, как вдруг от полуденной жары туман стал рассеиваться, и на своей, ближайшей, стороне Разлома я заметил ряд террас, которых раньше увидеть не мог. С помощью электронного бинокля я осмотрел их. Террасы представляли собою подобие покрытых дерном

лестниц — одни изгибались спиралью, другие уступами поднимались вверх. Внезапно я осознал, что вижу жилища, построенные человеком: около дюжины примитивных лачуг, сооруженных из вязанок челмы, камней и дерна. Да, то бесспорно были творения человеческих рук.

Я стоял в нерешительности и, не отрывая бинокля от глаз, прикидывал, что лучше: сразу спуститься на террасы и встретиться лицом к лицу с их обитателями или вернуться пока в лагерь, как вдруг по спине у меня пополз холодок, который всегда безошибочно подсказывает человеку, что он уже не один. Опустив бинокль, я медленно обернулся. Это были бикура — по меньшей мере человек тридцать. Они стояли полукругом, отрезав меня от леса.

Не знаю, что я ожидал увидеть, быть может, голых дикарей со свирепыми лицами и в ожерельях из зубов. А возможно, я был уже наполовину готов встретить тех заросших волосами отшельников, которых видят иногда путешественники в Моисеевых горах на Хевроне. Как бы там ни было, настоящие бикура не соответствовали ни одному из этих стереотипов.

Люди, которые столь неслышно приблизились ко мне, были невысоки ростом (самый высокий

— мне по плечи) и облачены в груботканые темные одежды, скрывавшие все тело от шеи до пят. Казалось, они не шли, а скользили по неровной земле, подобно призракам. Издали они напомнили мне процессию иезуитов в Новом Ватикане — только очень малорослых.

Я чуть не рассмеялся, но вовремя сообразил, что такая реакция может быть воспринята как проявление страха. Впрочем, бикура не проявляли никаких признаков агрессивности. У них не было оружия, их маленькие руки были пусты. Такими же пустыми были их лица.

Эти лица трудно описать в двух словах. Они лысые. Все до одного. Сплошное облысение, полное отсутствие растительности на лицах и свободное платье, ниспадающее до земли, делали мужчин и женщин практически неотличимыми. Передо мной стояло не менее пятьдесяти человек — все примерно одного возраста, где-то между сорока и пятьюдесятью. Лица без единой морщинки, чуть желтоватые (подозреваю, причина в том, что они употребляют в пищу челму и другие местные растения, содержащие минеральные красители).

Глядя на бикура, испытываешь искушение сравнить их круглые лица с ликами ангелов, но при более внимательном рассмотрении впечат-

ление святости пропадает и заменяется другим — безмятежного идиотизма. Как священник я провел много лет в отсталых мирах и сразу узнал это древнее генетическое нарушение, называемое по-разному: синдром Дауна, монголизм, врожденное слабоумие. Так они и стояли передо мной эти пятьдесят малорослых человечков в темных одеждах — молчаливая, улыбающаяся толпа лысых, умственно отсталых детей.

Пришлось напомнить себе, что эти «улыбающиеся дети» перерезали горло спящему Туку и бросили его умирать, как свинью на бойне.

Ближайший ко мне бикура выступил вперед и, остановившись в пяти шагах от меня, сказал что-то монотонным негромким голосом.

— Подождите минутку, — ответил я, достал свой комлог и переключил его в режим перевода.

— Бейтет ота менна лот кресфем кет? — спросил невысокий человек, стоявший передо мной.

Я надел наушники как раз вовремя, чтобы услышать перевод комлога. Никакой задержки. Очевидно, они говорили на искаженном староанглийском, следы которого до сих пор сохранились в жаргоне здешних плантаций. «Ты человек, который принадлежит крестоформу (крестообразной

форме)», — перевел комлог (для последнего существительного он дал два варианта).

— Да, — ответил я, не сомневаясь, что это были те самые люди, которые ощупывали меня ночью, когда я проспал убийство Тука. А значит, те самые, что его убили.

Я ждал. Охотничий мазер лежал в ранце, а ранец — около небольшой челмы шагах в десяти отсюда. Между мной и ранцем стояло с полдюжины бикура. Но в тот момент я понял, что это не имеет никакого значения. Я не смогу применить оружие против человеческого существа, даже если это человеческое существо убило моего проводника и, вполне вероятно, в любую минуту готово убить меня самого. Я закрыл глаза и мысленно произнес покаянную молитву. Снова открыв глаза, я обнаружил, что толпа стала чуть больше. Всякое движение прекратилось; похоже, кворум был налицо и решение принято.

— Да, — повторил я среди всеобщего молчания. — Я тот, кто носит крест. — Я слышал, как динамик комлога произнес последнее слово — «кресфем».

Бикура в унисон закивали головами, а затем — словно они прошли долгую практику в качестве алтарных служек — все разом опустились на

одно колено. Мягко зашуршали одежды.

Я открыл рот — и обнаружил, что мне нечего сказать. Тогда я закрыл рот.

Бикура встали. Ветерок шевелил хрупкие стебли и листья челмы, и в сухом шелесте слышался конец лета. Ближайший ко мне бикура подошел еще ближе, схватил меня за руку холодными, сильными пальцами и негромко произнес фразу, которую мой комлог перевел так: «Пойдем. Время возвращаться в дома и спать».

Была середина дня. Не ошибся ли комлог? Правильно ли он перевел слово «спать»? Может, это какая-то идиома или метафора слова «умирать»? Однако я согласно кивнул и последовал за ними в деревню на краю Разлома.

Теперь я сижу в хижине и жду. Что-то шуршит. Видимо, не я один сейчас бодрствую. Я сижу и жду.

День 97-й

Бикура называют себя «Трижды Двадцать и Десять».

Последние двадцать шесть часов я провел, беседуя с ними и наблюдая.

Во время их послеполуденного двухчасового «сна» я делал заметки. Надо как можно больше записать, прежде чем мне перережут горло.

Впрочем, я начинаю думать, что они оставят меня в покое.

Я разговаривал с ними вчера после «сна». Иногда они просто не отвечают на вопросы. А если и отвечают, то невнятно и невпопад, будто дети с заторможенной реакцией. После первой встречи, когда меня пригласили в деревню, никто не задал мне ни единого вопроса, не высказал на мой счет ни единого замечания.

Я расспрашивал их ненавязчиво и осторожно, с выдержкой опытного этнолога. Желая удостовериться, что комлог ничего не путает, я задавал самые простые вопросы, ответы на которые легко проверить. Комлог работал нормально. Но их ответы не дали мне ровным счетом ничего. Я провел среди этих людей больше двадцати часов, но, как и прежде, оставался в полном неведении.

Наконец, устав и телом, и душой, я отбросил деликатность и обратился к своим собеседникам с прямым вопросом:

— Моего спутника убили вы?

Все трое не поднимали глаз от примитивного ткацкого станка, на котором работали. Наконец один из них — я мысленно называю его Альфа, ибо он первый подошел ко мне тогда в лесу — ответил:

— Да, мы перерезали горло твоему спутнику острым камнем и держали его и не давали ему шуметь, пока он боролся. Он умер настоящей смертью.

— Почему? — спросил я мгновение спустя. Мой голос был сух, как кукурузная шелуха.

— Почему он умер настоящей смертью? — переспросил меня Альфа, по-прежнему не поднимая глаз. — Потому что у него вытекла вся кровь и он перестал дышать.

— Нет, — сказал я. — Почему вы убили его?

Альфа ничего не ответил, но Бетти (я подозреваю, что это — женщина и подруга Альфы) подняла глаза от ткацкого станка и просто ответила:

— Чтобы заставить его умереть.

— Но зачем?

Ответы неизменно повторялись и ни на йоту не приближали меня к истине. После долгих расспросов я установил, что они убили Тука, чтобы заставить его умереть, и что он умер, потому что его убили.

— Какая разница между смертью и настоящей смертью? — спросил я, не доверяя в этом вопросе комлогу, да и самому себе тоже.

Третий бикура, Дел, проворчал в ответ невнят-

ную фразу, которую комлог перевел так: «Твой спутник умер настоящей смертью. Ты — нет».

Наконец я потерял терпение и взорвался:

— Что — нет? Почему вы не убили меня?

Все трое прекратили свою бездумную работу и посмотрели на меня.

— Ты не можешь быть убитым, потому что ты не можешь умереть, — сказал Альфа. — Ты не можешь умереть, потому что ты принадлежишь крестоформу и следуешь кресту.

Я не имел ни малейшего представления, почему чертова машина переводит слово «крест» как «крест», а секунду спустя — как «крестоформ». «Потому что ты принадлежишь крестоформу».

По коже пробежал холодок, и я с трудом подавил желание расхохотаться. Это же избитое клише старых приключенческих голофильмов: затерянное племя поклоняется «богу», который неведомо как попал в их деревню, пока в один прекрасный день этот бедняга не умудряется порезаться во время бритья (или за каким-то другим занятием), после чего туземцы, удостоверившись, что их гость — не более чем простой смертный, приносят бывшее божество в жертву.

Все это было бы смешно, но бескровное лицо Тука и зияющая рана у него на горле до сих пор

стоят у меня перед глазами.

Их отношение к кресту позволяло предположить, что я встретил уцелевших потомков какой-то христианской колонии (католиков?). Правда, комлог упорно настаивает на том, что семьдесят колонистов с челнока, разбившегося на этом плато четыреста лет назад, были неокервинскими марксистами, а те, по идее, проявляли полнейшее равнодушие, если не прямую враждебность, к старым религиям.

Я подумывал о том, чтобы оставить эту тему, ибо дальнейшие расспросы становились просто опасными, но дурацкое любопытство не давало мне покоя.

— Вы почитаете Иисуса? — спросил я.

Их равнодушные взгляды были красноречивее любого ответа.

— Вы молитесь Христу? — допытывался я снова и снова. — Иисусу Христу? Вы христиане? Католики?

Никакой реакции.

— Вы католики? Иисус? Мария? Святой Петр? Павел? Святой Тейяр?

Комлог издавал какие-то звуки, не имевшие для них, видимо, никакого смысла.

— Вы следуете кресту? — спросил я, в надежде

наладить хотя бы видимость взаимопонимания.

Все трое посмотрели на меня.

— Мы принадлежим крестоформу, — сказал Альфа.

Я кивнул, хотя ничего не понял.

Перед самым заходом солнца я ненадолго заснул, а когда проснулся, услышал органную музыку вечерних ветров Разлома. Здесь, на террасе, она звучала еще громче. Казалось, даже хижины присоединялись к хору, когда порывистый ветер, задувавший снизу, свистел и завывал, проносясь через щели в каменных стенах и дымоходы.

Что-то было не так. Мне понадобилась целая минута, чтобы осознать: деревня покинута. Все хижины были пусты. Я сидел на холодном камне и гадал: не мое ли присутствие подтолкнуло их к бегству. Музыка ветра закончилась, начали свое ежевечернее представление метеоры. Я любовался им сквозь разрывы в низких облаках, как вдруг услышал за спиной какой-то звук. Обернувшись, я обнаружил, что все Трижды Двадцать и Десять стоят позади меня.

Не произнося ни слова, они прошли мимо и разбрелись по хижинам. Огней они не зажигали. Я представил, как они сидят там, в своих хижинах, глядя прямо перед собой.

Прежде чем вернуться к себе, я некоторое время побродил по деревне. Подойдя к краю поросшего травой уступа, я остановился у самого обрыва. Со скалы прямо в пропасть свешивалось некое подобие лестницы, сплетенной из лиан и корней. Лестница обрывалась через несколько метров и висела над пустотой. Внизу, на глубине двух километров, текла река. Лиану такой длины найти невозможно.

Но бикура пришли именно оттуда.

Полная бессмыслица. Я покачал головой и вернулся.

Сижу в хижине, пишу при свете дисплея комлога. Я пытаюсь продумать меры предосторожности. Хотелось бы встретить рассвет живым.

Но в голову ничего не приходит.

День 103-й

Чем больше я узнаю, тем меньше понимаю. Я перетащил в деревню почти все свое оборудование и снаряжение и сложил в хижине, которую они освободили специально для меня.

Я фотографировал, записывал видео — и аудиочипы. У меня теперь есть полная голограмма деревни и всех ее обитателей. Но им, похоже, все безразлично. Я проецирую их изображения, а они проходят через них, не проявляя никакого

интереса. Я воспроизвожу их речь, а они улыбаются и разбредаются по хижинам, сидят там часами, ничего не делают и молчат. Я предлагаю им безделушки, предназначенные для обмена, а они берут их без единого слова, пробуют на зуб и затем, убедившись, что они несъедобны, бросают на землю. Трава усеяна пластмассовыми бусами, зеркальцами, лоскутками цветной материи и дешевыми фломастерами.

Я развернул полную медицинскую лабораторию, но без толку; Трижды Двадцать и Десять не дают мне осмотреть их. Они не позволили даже взять кровь на анализ, хотя я не раз показывал им, что это совершенно безболезненно. Они не дают мне обследовать их с помощью диагностического оборудования. Короче говоря, не желают иметь со мной никаких дел. Они не спорят. Они не объясняют. Они просто отворачиваются и уходят. Уходят к своему безделью.

Я провел среди них неделю, но все еще не научился отличать мужчин от женщин. Их лица напоминают мне картинки-головоломки, которые меняют форму, когда на них смотришь. Иногда лицо Бетти выглядит бесспорно женским, а десять секунд спустя — совершенно бесполым, и я уже мысленно зову ее (его?) не Бетти, а Бет.

С их голосами происходят такие же перемены. Негромкие, хорошо модулированные и столь же бесполые… они напоминают мне голоса устаревших домашних компьютеров, которые до сих пор встречаются на отсталых планетах.

Я ловлю себя на том, что хочу увидеть обнаженного бикура. Признаться в этом нелегко, особенно если ты — иезуит сорока восьми стандартных лет от роду. К тому же это непростая задача, даже для такого опытного «подглядывателя», как я. Табу на обнаженное тело соблюдается неукоснительно. Они не снимают свои длинные одежды даже во время двухчасового полуденного сна. Мочатся и испражняются они за пределами деревни, но подозреваю, что и тогда они не снимают своих балахонов. Похоже, они никогда не моются. Казалось бы, это повлечет за собой некоторые проблемы (попросту говоря, от них начнет попахивать), но у этих дикарей нет никакого запаха, за исключением легкого, сладковатого запаха челмы.

— Ты когда-нибудь раздеваешься? — спросил я как-то Альфу (вопрос был неделикатен, но любопытство пересилило).

— Нет, — ответил Ал и отправился куда-то сидеть в полном облачении и ничего не делать.

У них нет имен. Сначала это показалось мне невероятным, но теперь я уверен.

— Мы все, что было и что будет, — сказал самый маленький бикура, которого я считаю женщиной и мысленно называю Эппи. — Мы Трижды Двадцать и Десять.

Я порылся в архиве комлога и получил подтверждение тому, в чем в общем-то не сомневался: среди шестнадцати тысяч известных человеческих сообществ нет ни одного, где бы полностью отсутствовали личные имена. Даже в ульях Лузуса индивидуумы откликаются на категорию их класса, за которой следует простой код.

Я сообщаю им свое имя, а они тупо смотрят на меня. «Отец Поль Дюре, Отец Поль Дюре», — твердит переводное устройство комлога, но они даже не пытаются повторить.

Каждый день перед закатом они все вместе куда-то исчезают, а в полдень два часа спят. Помимо этого они почти ничего не делают совместно. Даже в том, как они размещаются по жилищам, нет никакой системы. Сегодня Ал спит в одном доме с Бетти, завтра с Гамом, на третий день — с Зельдой или Петом. Никакого порядка или расписания, видимо, не существует. Раз в три дня все семьдесят отправляются в лес за съестными припасами

и приносят ягоды, коренья и кору челмы, плоды и вообще все, что годится в пищу. Я был уверен, что они вегетарианцы, пока не увидел Дела с маленькой тушкой древопримата. Должно быть, детеныш свалился с высокого дерева. Очевидно, Трижды Двадцать и Десять не испытывают отвращения к мясу как таковому, они просто слишком глупы и ленивы, чтобы охотиться.

Когда бикура испытывают жажду, они ходят к ручью, который каскадами спадает в Разлом метрах в трехстах от деревни. Хотя это довольно неудобно, у них нет ни бурдюков, ни горшков, ни кувшинов. Я держу свои запасы воды в десятигаллоновых пластмассовых контейнерах, но обитатели деревни не обращают на это внимания. При всем моем уважении к этим людям я не исключаю, что за несколько поколений они так и не додумались, что воду можно держать под рукой.

— Кто построил дома? — спрашиваю я (у них нет слова для обозначения деревни).

— Трижды Двадцать и Десять, — отвечает Виль. Я отличаю его от других по сломанному пальцу, который неправильно сросся. У каждого из них есть по меньшей мере одна такая отличительная черта, хотя иногда мне кажется, что проще отли-

чать друг от друга ворон, чем этих людей.

— Когда они построили их? — продолжаю я, хотя мне давно следовало бы уяснить, что на все вопросы, которые начинаются со слова «когда», ответа не последует.

Не последовало его и сейчас.

Каждый вечер они спускаются в Разлом. Спускаются вниз по лианам. На третий вечер я попытался понаблюдать за этим исходом, но у самого обрыва меня остановили шестеро бикура и, действуя не грубо, но настойчиво, отвели назад в хижину. Это было первое активное действие бикура, которое мне довелось увидеть, и первое, содержащее намек на агрессивность. Опасаясь выходить, я еще некоторое время просидел в хижине.

На следующий вечер, когда они уходили, я спокойно направился к себе домой и даже не выглядывал наружу. Однако я заранее установил у края обрыва треногу с имидж-камерой. Таймер сработал идеально. Голопленка запечатлела, как бикура хватаются за лианы и ловко — точно маленькие древоприматы, обитающие в челмовых лесах, — спускаются вниз. Затем они исчезли под скальным карнизом.

— Что вы делаете по вечерам, когда спускаетесь

вниз со скалы? — спросил я Ала на следующий день.

Туземец посмотрел на меня с ангельской улыбкой, от которой меня уже тошнит.

— Ты принадлежишь крестоформу, — сказал он так, словно это был ответ на все вопросы.

— Вы молитесь, когда спускаетесь со скалы? — спросил я.

Никакого ответа.

Я подумал минуту.

— Я тоже следую кресту, — сказал я, зная, что это будет переведено как «принадлежу крестоформу». (Я уже мог обходиться без переводного устройства, но эта беседа была чрезвычайно важна, и я постарался исключить всякую случайность.) — Значит ли это, что я должен присоединиться к вам, когда вы спускаетесь со скалы?

На какую-то секунду мне показалось, что Ал думает. На лбу у него появились морщинки. Я осознал, что впервые вижу, как один из Трижды Двадцати и Десяти нахмурился. Затем он сказал:

— Ты не можешь. Ты принадлежишь крестоформу, но ты не из Трижды Двадцати и Десяти.

Видимо, чтобы прийти к этому выводу, ему потребовалось напрячь все свои нейроны и синапсы.

— А что бы вы сделали, если бы я спустился со скалы? — спросил я, не ожидая ответа. Гипотетические вопросы почти всегда оставались без ответа, как, впрочем, и многие другие.

На этот раз он ответил. На непотревоженном лице снова сияла ангельская улыбка, когда Альфа негромко произнес:

— Если ты попытаешься спуститься со скалы, мы положим тебя на траву, возьмем острые камни, перережем тебе горло и будем ждать, пока вытечет вся твоя кровь и твое сердце перестанет биться.

Я ничего не сказал. Интересно, слышит ли он сейчас биение моего сердца? Что ж, по крайней мере мне не нужно теперь беспокоиться, что меня принимают за Бога.

Молчание затянулось. Наконец Ал добавил еще одну фразу, о которой я размышляю до сих пор.

— А если ты сделаешь это снова, — сказал он, — мы снова убьем тебя.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга, причем каждый из нас, без сомнения, был уверен, что его собеседник — полный идиот.

День 104-й

Чем больше я узнаю, тем больше все запутывается.

С первого дня жизни в деревне меня смущало отсутствие детей. Я нахожу немало упоминаний об этом в своих ежедневных отчетах, которые наговариваю на комлог, но в тех чисто личных и весьма сумбурных записях, что именуются дневником, на сей счет ничего нет. Видимо, подсознательно я боюсь этой темы.

На мои частые (и, надо сказать, довольно неуклюжие) попытки проникнуть в эту тайну Трижды Двадцать и Десять реагировали в своей обычной манере. Они блаженно улыбались и несли в ответ такую околесицу, рядом с которой бормотание последнего деревенского дурачка в Сети показалось бы образчиком мудрости и красноречия. Чаще же не отвечали вовсе.

Однажды я остановился перед бикура, которого про себя звал Делом, и стал ждать. Когда наконец он соизволил заметить мое присутствие, я спросил:

— Почему у вас нет детей?

— Мы Трижды Двадцать и Десять, — сказал он негромко.

— Где ваши дети?

Никакого ответа. И никаких попыток увильнуть от ответа. Лишь пустой взгляд.

Я перевел дыхание.

— Кто из вас самый молодой?

Дел, казалось, задумался, пытаясь разрешить эту проблему. Он явно был в тупике. Быть может, подумал я, бикура полностью потеряли ощущение времени, и подобный вопрос для них вообще не имеет смысла. Однако, помолчав с минуту, Дел указал на Ала (тот, усевшись на солнцепеке, работал на ткацком станке) и сказал:

— Это последний из возвратившихся.

— Из возвратившихся? — спросил я. — Но откуда он возвратился?

Дел посмотрел на меня ничего не выражающим взглядом, в котором не было раздражения.

— Ты принадлежишь крестоформу, — сказал он. — Ты должен знать путь креста.

Я понимающе кивнул. К тому времени я уже достаточно изучил их и знал, что дальше разговор пойдет по порочному кругу. За какую же ниточку ухватиться, чтобы распутать этот клубок?

— Значит, Ал, — и я указал на него, — последний из родившихся. Из вернувшихся. Но другие… вернутся?

Я не был уверен, что сам понял свой вопрос. Как можно спрашивать о рождении, когда твой собеседник не знает слова «ребенок» и не имеет понятия о времени? Но сейчас, похоже, Дел меня

понял. Он кивнул.

Ободренный, я спросил:

— Так когда же родится следующий из Трижды Двадцать и Десяти? Когда он вернется?

— Никто не может вернуться, пока не умрет, — сказал он.

Внезапно мне показалось, что я понял.

— Итак, новых детей не будет… никто не вернется, пока кто-нибудь не умрет, — сказал я. — Вы заменяете одного недостающего другим, чтобы вас всегда было ровно Трижды Двадцать и Десять?

Дел ответил молчанием, которое я привык считать знаком согласия.

Итак, схема проста. Бикура крайне серьезно относятся к тому, чтобы их было именно Трижды Двадцать и Десять, и сохраняют свою численность на этом уровне. То же самое число значилось и в списке пассажиров «челнока», который разбился здесь четыреста лет назад. Маловероятно, что это совпадение. Когда кто-нибудь умирал, они позволяли родить ребенка, чтобы он заменил умершего взрослого. Все просто.

Просто, но невозможно. Природа и биология не допускают такой точности. Помимо проблемы минимальной численности популяции, суще-

ствуют и другие нелепости. Возраст этих людей определить трудно, ибо кожа у них гладкая, без морщин. Очевидно, однако, что самых старших и самых младших разделяет не более десяти лет. Хотя ведут они себя совершенно по-детски, можно предположить, что их средний возраст составляет около сорока — сорока пяти стандартных лет. Где же старики? Где их родители, стареющие дядья, незамужние тетки? Получается, что все племя должно состариться одновременно. Допустим, они уже вышли из возраста, когда можно иметь детей, и тут кто-нибудь умирает. Кем же они его заменят?

Бикура ведут размеренный и малоподвижный образ жизни. Количество несчастных случаев — даже при том, что они обитают на самом краю Разлома, — вероятно, очень невелико. Хищников здесь нет. Сезонные климатические изменения незначительны, пищевые ресурсы стабильны. Но неужели за всю четырехсотлетнюю историю этой отрезанной от мира деревни на нее ни разу не обрушилась эпидемия, ни разу не лопнула подгнившая лиана, увлекая в пропасть всех, кто держался за нее, словом, не было ни единого случая массовой смертности, которых с незапамятных времен как огня боятся страховые

компании? И что тогда? Они размножаются до нужного числа, а затем возвращаются к своему обычному бесполому образу жизни? Или, может быть, бикура — особая порода людей, и, в отличие от прочих, период половой активности у них наступает раз в несколько лет? Раз в десятилетие? Раз в жизни? Сомнительно.

Я сижу в хижине и размышляю. Итак, есть несколько возможностей. Одна их них заключается в том, что эти люди живут очень долго и большую часть жизни способны к воспроизводству, причем используют эту возможность только для возмещения убыли в племени. Однако это не объясняет поразительного совпадения их возраста. И откуда такое долголетие? Самые лучшие средства против старения, которыми располагает Гегемония, могут продлить срок активной жизни лет до ста. Если человек заботится о своем здоровье, то и на исходе седьмого десятка он не будет чувствовать себя стариком. Но не прибегая к клоновой трансплантации, биоинженерии и прочим вывертам, которые могут себе позволить только очень богатые люди, нельзя создать семью в семьдесят лет или танцевать на своем стодесятом дне рождения. Если бы корни челмы или чистый воздух плато Пиньон оказывали столь

сильное сдерживающее воздействие на процесс старения, все обитатели Гипериона давным-давно жили бы здесь и целыми днями жевали челму. Планета обзавелась бы своим нуль-Т-порталом, и все граждане Гегемонии с универсальными карточками проводили бы здесь отпуска, а выйдя на пенсию, приезжали сюда насовсем.

Логичнее предположить, что бикура живут не дольше, чем остальные люди, и точно так же рожают детей, но убивают их, если замена в племени не требуется. Они могут практиковать воздержание или использовать противозачаточные средства, чтобы не убивать новорожденных, до тех пор, пока все не достигнут возраста, когда нужно воспроизвести свой род. Следующий за этим массовый всплеск рождаемости объясняет, почему все члены племени примерно одного возраста.

Но кто учит молодых? Что происходит дальше с их родителями и другими стариками? Быть может, бикура передают крохи своих знаний — грубое подобие настоящей культуры — потомкам, а затем сразу же принимают смерть? Тогда, быть может, это и есть «настоящая смерть»? Кривая распределения людей по возрасту обычно напоминает колокол. Как они «подрезают» этот

колокол? С одной стороны? Или сразу с двух?

Размышления такого рода бессмысленны. Я начинаю приходить в бешенство от неспособности решить эту проблему. Итак, Поль, давай-ка для начала определим нашу стратегию. Шевелись, шевелись. Нечего отсиживать задницу.

ПРОБЛЕМА: Как отличить мужчин от женщин?

РЕШЕНИЕ: Лестью или принуждением заставить кого-нибудь из этих бедняг пройти медицинское обследование. Выяснить, зачем они скрывают свой пол и запрещают обнажать тело. Возможно, строжайшее половое воздержание необходимо им, чтобы держать под контролем численность популяции. Если так, это подтверждает мою новую теорию.

ПРОБЛЕМА: Почему они с таким фанатизмом сохраняют персональную численность своей колонии — семьдесят человек?

РЕШЕНИЕ: Продолжать расспрашивать, пока что-нибудь не прояснится.

ПРОБЛЕМА: Где дети?

РЕШЕНИЕ: Нажимать на них и искать, пока не будет ясности. Не с этим ли связаны их ежевечерние экскурсии? Может быть, у них под скалой детский сад. Или груда младенческих костей.

ПРОБЛЕМА: Что означают выражения «при-

надлежать крестоформу» и «следовать кресту»? Искаженные остатки религиозных верований первых колонистов? Или что-то иное?

РЕШЕНИЕ: Обратиться к первоисточнику. Может быть, их вечерние прогулки имеют религиозный характер?

ПРОБЛЕМА: Что у них там внизу, под скалой?

РЕШЕНИЕ: Спустись и посмотри. Завтра, если их распорядок останется без изменений, Трижды Двадцать и Десять, все семьдесят, на несколько часов отправятся в лес за провизией. И на этот раз я с ними не пойду.

На этот раз я перелезу через край скалы и спущусь вниз.

День 105-й

09:30 Благодарю тебя, Господи, что Ты позволил мне увидеть это.

Благодарю Тебя, Господи, что привел меня сюда и дал мне зримое доказательство Твоего присутствия.

11:25 Эдуард… Эдуард!

Я должен вернуться. Чтобы доказать тебе!.. Всем!..

Я упаковал все, что может мне понадобиться. Имидж-дискеты и пленки я уложил в мешок, который сплел из листьев бестоса. У меня есть

пища, вода, наполовину заряженный мазер. Палатка. Одеяла.

Если бы у меня не украли громоотводы! Неужели они у бикура? Нет, я обыскал хижины и окрестные леса. Да и к чему им шесты?

Впрочем, какая разница?

Если получится, я уйду сегодня. Сразу, как только смогу. Эдуард! На этот раз все записано на пленках и дискетах.

14:00 Сегодня через огненные леса не пройти. Прежде чем я вошел в активную зону, дым погнал меня прочь.

Я вернулся в деревню и еще раз просмотрел свои голограммы. Ошибки нет. Чудо реально.

15:30 Трижды Двадцать и Десять могут вернуться в любой момент. Вдруг они узнают… вдруг по моему виду они догадаются, что я был там?

Спрятаться, что ли?

Нет, не нужно. Бог не для того привел меня сюда и дал увидеть все это, чтобы я погиб от рук этих бедных детей.

16:15 Трижды Двадцать и Десять вернулись и разошлись по хижинам, даже не посмотрев в мою сторону.

Я сижу у входа в хижину и не могу сдержать улыбку. Я смеюсь и молюсь Богу. Незадолго перед

тем я сходил к обрыву, отслужил мессу и причастился. Обитатели деревни на меня даже не посмотрели.

Когда я смогу уйти? Надсмотрщик Орланди и Тук говорили, что период активности огненных лесов продолжается три здешних месяца — сто двадцать дней, а затем на два месяца наступает относительное затишье.

Мы с Туком пришли сюда в день 87-й…

Я не могу ждать еще сто дней, чтобы оповестить весь мир… все миры… о своем открытии.

Если бы только какой-нибудь скиммер не побоялся погоды и огненных лесов и вырвал меня отсюда! Если бы только я сумел выйти на один из спутников связи, обслуживающих плантации.

Все возможно. Я верю, что чудеса не кончились.

23:50 Трижды Двадцать и Десять спустились в Разлом. Хорал вечернего ветра уносится ввысь.

Как бы мне хотелось быть вместе с ними! Там, внизу. Но я сделаю то, что в моих силах. Я паду на колени у края скалы и буду молиться, пока в воздухе звучат органные ноты планеты и пение неба. Теперь мне доподлинно известно, что это и есть гимн истинному Богу.

День 106-й

Утро выдалось великолепное. На темно-бирюзовом небе солнце казалось кроваво-красным камнем. Я стоял возле своей хижины, наблюдая, как рассеивается туман. Древоприматы заканчивали свой утренний концерт, становилось теплее. Я вернулся в хижину и снова просмотрел все пленки и диски.

Вчера, в лихорадочном возбуждении исписывая страницу за страницей своими каракулями, я даже не упомянул о том, что обнаружил внизу, под скалой. Расскажу об этом сейчас. У меня есть диски, пленки и записи комлога, но нельзя исключить, что сохранятся лишь мои дневники.

Вчера утром, примерно в 7:30, я спустился со скалы. Бикура в это время были в лесу, где занимались сбором пищи. Со стороны может показаться, что лазать по лианам совсем просто — переплетаясь, они образуют нечто вроде лестницы. Но, когда я начал спускаться и закачался в воздухе, мне показалось, что сердце мое вот-вот разорвется. Внизу, в трех километрах подо мною, катила свои воды горная река. Я крепко держался по меньшей мере за две лианы сразу и сантиметр за сантиметром спускался вниз, стараясь не смотреть в пропасть.

За час я преодолел сто пятьдесят метров. Уве-

рен, бикура управились бы минут за десять. Наконец я достиг места, где стена круто загибалась вглубь. Некоторые лианы болтались в пустоте, но остальные уходили под уступ и тянулись к скальной стене, находившейся метрах в тридцати. Местами лианы сплетались, образуя подобие висячих мостов. Вероятно, бикура ходили по ним, как по земле, даже не помогая себе руками. Я же продвигался по этому сплетению лиан ползком, то и дело хватаясь за стебли, чтобы не сорваться, и взывал к Богу, словно маленький мальчишка. Я старался смотреть прямо перед собой, будто и в самом деле мог забыть, что под этими качающимися, скрипящими прядями — лишь необозримый воздушный простор.

Вдоль скалы проходил широкий уступ. Для верности я прополз еще немного и, оказавшись метрах в трех от его края, протиснулся сквозь лианы и прыгнул вниз с высоты два с половиной метра.

Уступ имел около пяти метров в ширину и на северо-востоке заканчивался совсем рядом, упираясь в нависшую скалу. Я двинулся по тропе вдоль уступа на юго-запад, прошел шагов двадцать — тридцать и остановился в изумлении. Это была именно тропа. Тропа, протоптанная в скале.

Ее блестящая поверхность была на несколько сантиметров ниже уровня окружающего камня. Дальше, там, где она, изгибаясь, уходила вниз, на следующий, более широкий уступ, в камне вырубили ступеньки, но и они были истерты — по центру лестницы тянулась ложбинка.

Я присел на секунду — этот простой факт поразил меня. Даже если Трижды Двадцать и Десять проходили здесь ежедневно четыре века подряд, едва ли они могли протоптать тропу в каменном монолите. Некто или нечто пользовалось этой дорогой задолго до того, как здесь разбился челнок с предками бикура. Некто или нечто пользовалось этой дорогой тысячи лет. Я встал и двинулся дальше. В Разломе постоянно дул легкий ветерок, но, кроме шума ветра, до меня доносился еще какой-то звук. Вскоре я понял, что его производит текущая внизу река.

Тропа, огибая скалу, повернула налево и закончилась на широкой, чуть наклонной каменной площадке. Я замер и, как мне помнится, машинально перекрестился.

Уступ, тянувшийся на сотню метров с севера на юг, проходил как раз вдоль среза скалы, выступавшего в пропасть. Поэтому с площадки можно было смотреть на запад, вдоль тридцатикиломет-

ровой прорези Разлома. Там плато обрывалось, открывая кусочек неба. Я сразу понял, что заходящее солнце каждый вечер освещает эту площадку. Наверное, если смотреть отсюда во время весеннего или осеннего солнцестояния, кажется, что солнце Гипериона садится прямо в Разлом и его красные бока касаются розоватых скал.

Я повернулся налево и уставился на стену. Тропа вела через широкий уступ к дверям, прорезанным в вертикальной каменной плите. Что я говорю! Это были не двери, а самые настоящие ворота, украшенные затейливой резьбой. Их створки и косяки были искусно вытесаны из камня. По обе стороны от них располагались широкие окна с цветными стеклами высотою по меньшей мере метров двадцать. Я подошел ближе. Кто бы ни построил это сооружение, ему, несомненно, пришлось расширить площадку под скальным навесом, срезать гладкую стену гранитного плато, а затем проложить туннель сквозь каменный монолит. Я провел рукой по рельефным узорам, обрамлявшим двери. Поверхность камня была гладкой. Даже здесь, где навес защищал стену от воздействия природных сил, время все сгладило, все смягчило… Сколько тысячелетий прошло с

тех пор, как этот… храм… был вырублен в южной стене Разлома?

Витраж был изготовлен не из стекла и не из стеклопластика, а из какого-то незнакомого мне прочного полупрозрачного материала. На ощупь он казался таким же твердым, как и окружающий окна камень, причем границы между участками разного цвета отсутствовали: краски наплывали друг на друга, смешивались, перетекали одна в другую, как масло на воде.

Я извлек из ранца ручной фонарь, прикоснулся к одной из створок — и замер. Высокая дверь легко и бесшумно повернулась вовнутрь.

Я вошел в преддверие храма — не могу подобрать другого слова, — пересек погруженный в тишину десятиметровый зал и остановился у противоположной стены. Она была из того же материала, похожего на цветное стекло. Первый витраж светился позади меня, заполняя помещение густым светом тончайших оттенков. Я сразу понял, что в час заката прямые солнечные лучи пронизывают эту комнату насквозь и падают на вторую стену из цветного стекла, осыпая все находящееся за ней радужными стрелами.

Отыскав единственную дверь (ее окаймляла тонкая рамка из темного металла, врезанная

прямо в витраж), я прошел внутрь.

По старинным фотографиям и голограммам мы восстановили у себя на Пасеме храм Святого Петра. Это здание — точная копия базилики, украшавшей некогда Древний Ватикан, — имеет семьсот футов в длину и четыреста пятьдесят в ширину. На мессе, которую служит Его Святейшество, может присутствовать одновременно пятьдесят тысяч молящихся. (Впрочем, нам никогда не удавалось собрать там более пяти тысяч верующих. Даже во время ассамблеи Совета Епископов Всех Миров, которая происходит раз в сорок три года.) В центральной апсиде, где установлена копия Престола Святого Петра работы Бернини, высота главного купола превышает сто тридцать метров. Дух замирает!

Но это помещение было куда просторнее.

Я включил фонарь и, оглядевшись в полумраке, обнаружил, что стою в огромном зале, высеченном в сплошной скале. Гладкие стены поднимались к потолку, который находился, вероятно, всего в нескольких метрах от поверхности плато. Никаких украшений, равно как и мебели, здесь не было. Ничто не указывало на предназначение помещения, за исключением предмета, установленного строго в центре этой

огромной гулкой пещеры.

Там находился алтарь — пятиметровая квадратная каменная плита, вытесанная прямо из пола пещеры, а над алтарем возвышался крест.

Четыре метра в высоту, три — в ширину. Совершенный контур, вызывающий в памяти изумительные распятия Старой Земли…

Приблизившись, я разглядел в лучах фонаря, что весь он инкрустирован алмазами, сапфирами, кроваво-красными рубинами, ляпис-лазурью, ониксами, горным хрусталем и другими драгоценными камнями. Обращенный широкой стороной к витражу, крест словно ждал, когда самоцветы вспыхнут в лучах заходящего солнца.

Я пал на колени и стал молиться. Выключив фонарь, я подождал несколько минут, пока глаза мои вновь смогли различить крест в тусклом дымчатом свете. Вне всякого сомнения, это был тот самый крестоформ, о котором говорили бикура. И он был установлен здесь многие тысячи лет назад (быть может, даже десятки тысяч), задолго до того, как человечество покинуло Старую Землю. И почти наверняка — раньше, чем Христос начал проповедовать в Галилее.

Я молился.

Просмотрев голограммы, я сижу и греюсь на

солнышке. Вчера, обнаружив то, что я теперь называю словом «базилика», я отправился назад и по дороге мельком заметил нечто новое. А именно — на уступе рядом с базиликой есть ступени, уходящие еще дальше в Разлом. Голограммы подтверждают, что они мне не померещились. Ступени эти не так истерты временем, как тропа, ведущая к базилике, но заинтриговали они меня ничуть не меньше. Один Бог знает, какие еще чудеса ожидают меня внизу.

Мир должен узнать о моей находке!

Как это ни парадоксально, именно мне было суждено наткнуться на подобное чудо. Если бы не Армагаст и не мое изгнание, этого открытия, возможно, пришлось бы ждать еще несколько веков. Церковь могла бы погибнуть, прежде чем оно вдохнуло бы в нее новую жизнь.

Но я сделал его!

И теперь я должен выбраться отсюда или хотя бы послать весть о нем.

День 107-й

Я арестован.

Сегодня утром я купался — как обычно, неподалеку от места, где ручей падает в Разлом, — и вдруг услышал какой-то шум. Подняв голову, я обнаружил, что один из бикура, которого я назы-

ваю Дел, смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Я поздоровался с ним, но маленький человечек повернулся и убежал. Это меня озадачило. Они редко торопятся. Хотя на мне и были штаны, я, наверное, нарушил их табу на обнажение тела, ибо Дел все-таки увидел меня голым по пояс.

Я улыбнулся, покачал головой, оделся и пошел в деревню. Если бы я знал, что меня ожидает, мне было бы не до смеха.

Все Трижды Двадцать и Десять были в сборе и стояли, наблюдая за моим приближением.

— Добрый день, — сказал я, остановившись шагах в десяти от Ала.

Альфа подал знак рукой, и с полдюжины бикура ринулись ко мне, схватили за руки и за ноги, повалили навзничь и прижали к земле. Затем вперед выступила Бета. Из складок одежды она извлекла остро заточенный камень. И пока я тщетно боролся, силясь освободиться, Бета разрезала (или разрезал?) мою одежду сверху донизу и распахнула ее так, что я оказался почти обнаженным.

Когда они насели на меня всей толпой, я прекратил сопротивление. Они уставились на мое бледное, не тронутое загаром тело, и что-то забор-

мотали. Я чувствовал, как бьется сердце.

— Простите, если я нарушил ваши законы, — начал я, — но нет никаких оснований…

— Молчи, — оборвал меня Альфа и, обращаясь к высокому бикура со шрамом на ладони, которого я звал Зедом, сказал: — Он не принадлежит крестоформу.

Зед, соглашаясь, кивнул.

— Позвольте мне объяснить, — начал я снова, но Альфа заставил меня замолчать, ударив по лицу тыльной стороной ладони. От удара у меня зазвенело в ушах, из рассеченной губы брызнула кровь. Однако бил он меня без злобы — так я щелкаю тумблером, чтобы выключить комлог.

— Что нам с ним делать? — спросил Альфа.

— Те, кто не следует кресту, должны умереть настоящей смертью, — ответила Бета, и толпа подвинулась вперед. У многих в руках были заточенные камни. — Те, кто не принадлежит крестоформу, должны умереть настоящей смертью, — повторила Бета, и в ее голосе прозвучала категоричность. Таким тоном произносят ритуальные формулы.

— Я следую кресту! — закричал я, когда меня потянули, поднимая на ноги. Схватив распятие, висевшее у меня на шее, и преодолевая сопротив-

ление множества рук, я поднял его над головой.

Альфа подал знак, и толпа остановилась.

Внезапно наступила тишина. Я слышал, как в трех километрах под нами, на дне Разлома, шумит река.

— Он действительно носит крест, — заметил Альфа. Дел подался вперед.

— Но он не принадлежит крестоформу! Я видел. Это не то, что мы думали. Он не принадлежит крестоформу! — В его голосе звучала жажда убийства.

Я проклинал свою неосмотрительность и глупость. Судьба церкви зависела от моей судьбы, а я поставил ее под удар, вбив себе в голову, что бикура — просто глупые, безвредные дети.

— Те, кто не следует кресту, должны умереть настоящей смертью, — повторила Бета. Похоже, это был окончательный приговор.

В семидесяти руках взметнулись камни, и тут, сознавая, что это мой последний шанс (или окончательное осуждение), я закричал:

— Я спускался со скалы и молился у вашего алтаря! Я следую кресту!

Альфа и все остальные остановились в нерешительности. Я видел, что они пытались справиться с какой-то новой мыслью, и это было для них

нелегко.

— Я следую кресту и хочу принадлежать крестоформу, — сказал я со всем спокойствием, на какое только был способен в ту минуту. — Я был у вашего алтаря.

— Те, кто не следует кресту, должны умереть настоящей смертью, — крикнула Гамма.

— Но он следует кресту, — возразил Альфа. — Он молился в комнате.

— Этого не может быть, — сказал Зед. — Там молятся Трижды Двадцать и Десять, а он не из Трижды Двадцати и Десяти.

— Мы знали и до этого, что он не из Трижды Двадцати и Десяти, — сказал Альфа, слегка нахмуривая брови, как всегда, когда ему приходилось обращаться к прошедшему времени.

— Он не принадлежит крестоформу, — сказала Дельта-вторая.

— Те, кто не принадлежит крестоформу, должны умереть настоящей смертью, — сказала Бета.

— Он следует кресту, — сказал Альфа. — Может ли он тогда не принадлежать крестоформу?

Поднялся гвалт. Под шумок я попытался вырваться из их рук, но они держали меня по-прежнему крепко.

— Он не из Трижды Двадцати и Десяти и не

принадлежит крестоформу, — сказала Бета, причем голос ее прозвучал скорее озадаченно, чем враждебно. — Почему он не должен умереть настоящей смертью? Нам нужно взять камни и сделать дырку в его горле, чтобы кровь вытекла и сердце остановилось. Он не принадлежит крестоформу.

— Он следует кресту, — снова сказал Альфа. — Может ли он не принадлежать крестоформу?

Вслед за этим вопросом наступило молчание.

— Он следует кресту и молился в комнате крестоформа, — сказал Альфа. — Он не должен умереть настоящей смертью.

— Все умирают настоящей смертью, — сказал бикура, которого я не знал. Мои руки, сжимавшие поднятый над головою крест, устали. — За исключением Трижды Двадцати и Десяти, — закончил этот безымянный бикура.

— Потому что они следуют кресту, молятся в комнате и принадлежат крестоформу, — сказал Альфа. — Должен ли он также принадлежать крестоформу?

Я стоял перед ними, сжимая маленький холодный металлический крест, и ожидал приговора. Я боялся умереть — я испытывал чувство страха — но страх этот существовал как бы отдельно от

моего сознания. Больше всего меня мучило, что я не смогу сообщить об открытой мной базилике неверующей вселенной.

— Пошли, мы должны говорить об этом, — сказала Бета, обращаясь к соплеменникам.

И меня в полном молчании повели в деревню.

Там меня поместили под арест в моей же хижине. Воспользоваться охотничьим мазером я не смог. Пока несколько бикура держали меня, остальные вынесли из хижины большую часть моего имущества. Они забрали даже одежду, оставив мне только один из своих груботканых балахонов, чтобы мне было чем прикрыть наготу.

Чем больше я сижу здесь, тем сильнее мной овладевают гнев и беспокойство. Они забрали мой комлог, имиджер, диски, чипы… все. Нераспакованный ящик с диагностическим оборудованием лежит на прежнем месте, но проку от него никакого. Мне нужны документальные подтверждения моего открытия. Если они уничтожат мои вещи, те, что забрали, а затем меня самого, не останется никаких свидетельств существования базилики.

Будь у меня оружие, я мог бы убить сторожей и…

Боже милостивый, о чем я думаю? Эдуард, что мне делать?

Даже если я переживу все это, вернусь в Китс и добьюсь, чтобы меня пустили назад, в Сеть, — кто мне поверит? Из-за квантового прыжка я отстал во времени на девять лет. И если теперь, после девяти лет отсутствия, я вернусь на Пасем, меня сочтут просто выжившим из ума стариком, твердящим как попугай свои нелепые басни.

Боже милостивый, если они уничтожат записи, сделай так, чтобы они уничтожили и меня!

День 110-й

Моя судьба решилась на третий день.

Зед и тот, которого я называю Тета-Штрих, пришли за мной вскоре после полудня. Я зажмурился, когда они вывели меня из хижины на свет. Трижды Двадцать и Десять стояли широким полукругом у края скалы. Я был почти уверен, что меня сбросят с обрыва. Затем я заметил костер.

Я предполагал, что бикура деградировали настолько, что разучились добывать и использовать огонь. Они никогда не грелись у огня, и в их хижинах всегда было темно. Я ни разу не видел, чтобы они варили пищу. Даже тушки древоприматов, которые иногда попадали к ним в руки, они употребляли в пищу сырыми. Но

сейчас передо мною ярко горел костер, и развели его, несомненно, бикура — больше некому. Что же они жгут?

Они жгли мою одежду, комлог, полевые заметки, кассеты с лентами, видеочипы, диски с данными, имиджер — все, что содержало информацию. Я закричал и даже попытался броситься в огонь. Я ругал их последними словами, которых не употреблял со времен моего уличного детства. Они не обращали на это никакого внимания.

Наконец ко мне подошел Альфа.

— Ты будешь принадлежать крестоформу, — негромко сказал он.

Мне уже все было безразлично. Они увели меня назад в хижину и оставили одного. Почти час я плакал. Сторожа у двери больше нет. Минуту назад я стоял у выхода, подумывая о том, чтобы бежать в огненные леса. Затем мне пришла мысль совершить иной, не столь далекий, но не менее роковой побег — в Разлом.

Однако я не сделал ни того, ни другого.

Вскоре зайдет солнце. Ветер уже поднимается. Скоро. Скоро.

День 112-й

Неужели прошло всего двое суток? Мне они показались вечностью.

Сегодня утром он уже не снимается! Он не снимается!

Экран медсканера — у меня перед глазами, но я все еще не могу поверить в это. И все же верю. Теперь я принадлежу крестоформу.

Они пришли за мной перед самым заходом солнца. Все. Я не сопротивлялся, когда они подвели меня к краю Разлома. Они лазали по лианам еще проворнее, чем я предполагал. Когда мы спускались, я здорово тормозил их, но они терпеливо поджидали меня, указывая самый надежный и быстрый путь.

Когда мы, преодолев последние метры, вышли к базилике, солнце уже опустилось ниже облаков, но еще виднелось над краем стены, на западе.

Вечерняя песня ветра была громче, нежели я ожидал. Мы оказались словно среди труб гигантского церковного органа. Звучали все ноты — от басов, столь низких, что у меня резонировали зубы и кости, до самых верхних октав, переходящих в ультразвук.

Альфа открыл внешние двери, и мы прошли через преддверие в главный зал. Трижды Двадцать и Десять выстроились широким кругом, в центре которого был увенчанный высоким крестом алтарь. Никаких молитв. Никаких песнопений.

Никаких церемоний. Мы просто молча стояли, а снаружи через полые колонны с ревом проносился ветер, и эхо его отдавалось в огромном, пустом храме. Одно эхо накладывалось на другое, звук нарастал, и в конце концов я был вынужден зажать уши руками. И все это время горизонтальные лучи солнца заполняли зал густыми оттенками янтаря, золота, лазури — и опять янтаря. Цвета были столь сочными, что казалось, насыщенный светом воздух ложится на кожу как краска. Я смотрел, как этот свет заливает крест, зажигая тысячи драгоценных камней разноцветными огнями. Даже когда зашло солнце и окна стали сумеречно-серыми, казалось, они продолжают гореть, словно это огромное распятие впитало в себя свет и теперь отдает его нам. Затем, когда затих ветер и крест погрузился во мрак, Альфа негромко сказал:

— Ведите его.

Мы вышли на широкий каменный уступ. Там, поджидая нас, уже стояла Бета с факелами в руках. Пока она раздавала факелы избранным, я задумался: что, если бикура сохранили огонь только для ритуальных целей? Немного погодя, предводительствуемые Бетой, мы начали спускаться по узкой лестнице, выдолбленной

в камне.

В первую минуту меня охватил такой страх, что я едва держался на ногах. Пытаясь нащупать хоть какую-нибудь опору — корень или просто выступ в стене, — я то и дело хватался за гладкий камень. Справа от нас уходила вниз отвесная стена, и ее масштабы превосходили всякое воображение. Спускаться по этой древней лестнице было куда тяжелее, чем по лианам. Каждый раз, когда я ступал на очередную узкую, отполированную веками плиту, приходилось смотреть под ноги. Перспектива поскользнуться и сорваться вниз казалась поначалу весьма вероятной, а затем и просто неизбежной.

Я испытывал сильное желание вернуться, хотя бы в базилику. Но лестница была узка, а большинство бикура шли позади меня. Вряд ли они посторонятся. К тому же любопытство пересилило страх: что же там, где кончается лестница? Остановившись на миг, я бросил взгляд на верхний край Разлома, возвышавшийся в трехстах метрах над нами. Облака исчезли, в усеянном звездами небе начинался ночной танец метеоров. Склонив голову и шепча молитву, я снова двинулся за факельщиками-бикура в зловещие глубины.

Поначалу я и представить себе не мог, что лестница доходит до дна Разлома, но это было именно так. Где-то после полуночи я понял, что мы будем спускаться до самой реки. По моим подсчетам, мы должны были добраться туда к полудню следующего дня. Однако я ошибся.

Мы достигли основания Разлома незадолго до восхода солнца. На узкой полоске неба между стенами скал, которые поднимались по обеим сторонам на невообразимую высоту, все еще были видны звезды. Измотанный, усталый, я механически переставлял ноги, спотыкался и не сразу осознал, что ступенек больше нет. Потом я посмотрел вверх, и в голову мне пришла глупая мысль: может быть, звезды видны отсюда и днем? Однажды в детстве, в Вильфраншсюр-Соне, я умудрился забраться в колодец и оттуда видел звезды…

— Здесь, — сказала Бета.

Это было первое слово, которое я услышал за последние несколько часов. Голос ее был едва различим — его заглушал рев реки. Трижды Двадцать и Десять остановились как вкопанные. Я рухнул на колени, затем повалился на бок. Подняться обратно по этой лестнице я не смогу. Ни за сутки, ни за неделю. Никогда. Я закрыл

глаза, надеясь уснуть, но нервное напряжение последних часов все еще пылало в моем мозгу. Тогда я огляделся. Река здесь была шире, чем я предполагал — по меньшей мере метров семьдесят, — а рев, издаваемый ею, буквально сводил с ума: казалось, он пожирает меня, подобно хищному зверю.

Я сел и уставился на темное пятно в скале передо мной. Оно было чуть темнее, чем окружавшие его тени, и выделялось среди пятен, трещин и натеков своей правильной формой. Это был идеальный квадрат со стороной по меньшей мере метров тридцать. Дверь? Вход в пещеру? Я с усилием поднялся, всматриваясь в стену, с которой мы только что спустились. Да, там был вход. Но не такой, как вверху, а другой, и сейчас Бета и ее соплеменники направлялись к нему, едва различимому в свете звезд.

Я нашел вход в лабиринт Гипериона!

Когда я летел на «челноке», кто-то спросил меня: «Знаете ли вы, что на Гиперионе находится один из девяти известных лабиринтов?» Кто это был? Да, конечно, молодой священник по фамилии Хойт. Я ответил, что знаю, а сам и думать об этом забыл. Тогда бикура интересовали меня куда больше, чем лабиринты или их создатели. Быть

может, причина тому — боль изгнания, которую я сам в себе разжигал.

Лабиринты есть на девяти планетах. Девяти из ста семидесяти шести планет Великой Сети (не считая двухсот с лишним колоний и протекторатов). Только на девяти. А всего после Хиджры было исследовано, пусть поверхностно, более восьми тысяч.

Специалисты, занимающиеся планетарной протоисторией, готовы посвятить всю свою жизнь изучению лабиринтов. Я не из их числа. Я всегда считал эту проблему бесплодной и не очень-то реальной. И вот теперь я стою перед одним из них. Трижды Двадцать и Десять стоят рядом. Река Кэнс ревет и бьется о камни, грозя потушить наши факелы своими брызгами.

Лабиринты были прорыты… проложены… созданы примерно семьсот пятьдесят тысяч стандартных лет назад. Все их характеристики неизменно совпадали, а их происхождение столь же неизменно оставалось неизвестным.

Все лабиринтные планеты похожи на Землю (индекс по шкале Солмев не меньше 7,9) и вращаются вокруг звезд спектрального класса G. Почти все они тектонически мертвы, то есть более похожи на Марс, чем на Старую Землю. Сами

туннели залегают глубоко — как минимум на глубине десяти километров, но нередко уходят в землю километров на тридцать, пронизывая кору планеты наподобие катакомб. На Свободе, расположенной неподалеку от системы Пасема, дистанционным методом исследовали более восьмисот тысяч километров лабиринта. Во всех мирах туннели имеют тридцать метров в поперечнике. Технология, с помощью которой они сооружены, Гегемонии пока неизвестна. Я прочел однажды в каком-то археологическом журнале о гипотезе Кемп-Хельтцера и Вайнштейна. Они предположили, что Строители использовали некий «землеплавильный агрегат». Потому-то стены лабиринтов абсолютно гладкие и нигде не находят отвалов выработанной породы. Но теория не объясняла, откуда, собственно, появились эти Строители вместе со своими машинами и зачем они век за веком решали эту явно бессмысленную инженерную задачу. Каждая из лабиринтных планет, включая Гиперион, была прозондирована и исследована. Ничего не нашли. Никакой землеройной техники или ржавых шахтерских касок. Ни единого осколка пластмассы или полусгнившего клочка обертки. Исследователи не смогли даже определить,

какие шахты служат для входа, а какие — для выхода. Объяснить эти монументальные усилия поисками драгоценных или тяжелых металлов невозможно. Никакие легенды о Строителях до нас не дошли. Вещественных доказательств их существования — помимо лабиринтов — тоже нет. В моей жизни был период, когда я увлекался этой загадкой, не всерьез, конечно. Но вплотную с ней никогда не сталкивался. А теперь столкнулся.

Мы вошли в туннель. То не был идеальный квадрат, как мне показалось издали. Эрозия и сила тяжести превратила его в обыкновенную, неправильной формы пещеру, уходившую на сотни метров в глубь скалы. Бета остановилась как раз там, где пол туннеля стал гладким, и погасила факел. Другие бикура последовали ее примеру.

Стало очень темно. Из-за изгиба туннеля звездный свет сюда не доходил. Мне доводилось бывать в пещерах, но я не думал, что могу видеть в полной темноте. Однако я видел.

Секунд через тридцать я стал различать розоватое свечение. Свечение это, вначале слабое, становилось все ярче и ярче, и наконец в пещере стало светлее, чем снаружи, в каньоне. Светлее даже, чем на Пасеме, когда на небе сияют три его луны. Свет исходил из сотен — нет, тысяч источ-

ников. Когда бикура благоговейно опустились на колени, я понял, что это за светильники.

Стены и потолок пещеры были усыпаны крестами размером от нескольких миллиметров до метра. Каждый из них испускал густорозовый свет. Когда горели факелы, свечение крестов было незаметно, но сейчас оно заливало всю пещеру. Я подошел к стене и принялся рассматривать ближайший крест. Он был сантиметров тридцати в поперечнике, испускаемое им мягкое свечение слегка пульсировало. Нет, это не камень и не нарост, а наверняка что-то живое. Слегка теплый на ощупь, крест напоминал мягкий коралл.

Что-то едва слышно прошелестело (или то был не звук, а просто движение холодного воздуха?), и я обернулся. Как раз вовремя — ибо в этот момент в пещеру вступило Нечто.

Бикура все еще стояли на коленях, потупив взгляды. Я же не отрывал глаз от существа, которое двигалось среди замерших бикура.

Очертаниями оно отдаленно напоминало человека, но к роду человеческому не принадлежало. Росту в нем было по меньшей мере метра три. Даже когда оно стояло неподвижно, серебристая поверхность его тела, казалось, струилась и переливалась подобно ртути. Красноватое

свечение крестов, покрывавших стены туннеля, отражалось от граней его панциря и сверкало на изогнутых металлических лезвиях, которые торчали у этого создания отовсюду: изо лба, из четырех запястий, из непривычно устроенных локтевых и коленных суставов, из пластин, защищавших его спину и грудь. Простирая вперед четыре длинные руки, оно проплыло между коленопреклоненными бикура. Ладони его были раскрыты, но пальцы, похожие на хромированные скальпели, находились в постоянном движении. На ум невольно пришло неуместное сравнение с Его Святейшеством, благословляющим верующих на Пасеме.

Несомненно, передо мною был легендарный Шрайк.

В этот момент я, должно быть, шевельнулся или издал какой-то звук, потому что огромные красные глаза повернулись в мою сторону, и я почувствовал, как пляска света в этих многогранных призмах погружает меня в гипнотическое состояние. Это был не отраженный свет. Казалось, свирепое яркое кроваво-красное пламя бушует в колючем черепе и вырывается наружу сквозь устрашающего вида кристаллы, помещенные там, где у всех прочих созданий Божьих нахо-

дятся глаза.

Затем оно двинулось… нет, не двинулось, а просто вдруг перестало быть там и оказалось тут, в метре от меня. Его странно сочлененные руки окружили меня забором из лезвий и текучей серебристой стали. У меня перехватило дыхание. Прямо перед собой я видел собственное лицо, искаженное и мертвенно-бледное. Оно металось из стороны в сторону, отражаясь то в горящих глазах существа, то в его металлическом панцире.

Признаюсь, в тот момент я испытывал не страх, а какое-то странное возбуждение. Происходило нечто необъяснимое. Мой разум был выкован иезуитской логикой и закален в холодной воде науки, но сейчас я понимал болезненное влечение наших воспитанных в страхе перед Богом предков к страху иного рода, ко всем этим изгнаниям бесов и исступленным пляскам дервишей, ритуальным гаданиям на картах Таро и самозабвенному бормотанию медиума на спиритическом сеансе, к трансу дзен-гностиков. Ведь если нам удалось доказать существование демонов или даже вызвать самого сатану — тем самым мы незыблемо утверждаем реальность их мистической противоположности, Бога Авраама!

Я не думал об этом — я это чувствовал. И ожи-

дал объятий Шрайка с трепетом новобрачной.

И тут Шрайк исчез.

Не было ни раскатов грома, ни запаха серы, ни даже порыва ветра (хотя по всем законам природы полагалось быть). Секунду назад это существо стояло здесь во всей своей смертоносной колючей красе и обнимало меня — и вот его нет, оно исчезло.

Потеряв дар речи, я стоял и хлопал глазами. Альфа поднялся с колен и приблизился ко мне в босхианском розоватом полумраке. Он остановился там, где секунду назад стоял Шрайк, и вытянул вперед руки, с комичной серьезностью повторяя властные движения этого воплощения смерти, хотя его гладкое, как у всех бикура, лицо оставалось бесстрастным, словно он и не видел Шрайка. Он неуклюже развел руки, как бы охватывая лабиринт, стену пещеры и десятки светящихся крестов на ней.

— Крестоформ, — сказал Альфа. Все Трижды Двадцать и Десять поднялись на ноги, подошли ближе и вновь опустились на колени. Я посмотрел на их лица, такие спокойные, озаренные мягким светом, и тоже преклонил колени.

— Ты будешь следовать кресту все твои дни. — В голосе Альфы послышались интонации молитвы.

Остальные бикура повторили его слова почти нараспев.

— Ты будешь принадлежать крестоформу все твои дни, — добавил Альфа, и пока остальные повторяли эту фразу вслед за ним, он протянул руку и снял со стены пещеры маленький, длиною не более двенадцати сантиметров, крестоформ. От стены он отделился со слабым, едва уловимым щелчком. Буквально у меня на глазах его свечение стало ослабевать. Альфа извлек из своего балахона маленький ремешок, обвязал им верхнюю часть крестика и поднял его над моей головой. — Отныне и навеки ты принадлежишь крестоформу, — сказал он.

— Отныне и навеки, — эхом отозвались бикура.

— Аминь, — прошептал я.

Бета знаком указала мне, что я должен расстегнуть одежду. Альфа повесил маленький крестик мне на шею. Когда тот коснулся тела, я почувствовал, какой он холодный. Его задняя поверхность была абсолютно плоской и гладкой.

Бикура встали и направились к выходу, столь же апатичные и безразличные ко всему на свете, как и прежде. Я проводил их взглядом, осторожно дотронулся до креста, поднял его и осмотрел. Он

был холодным на ощупь и никак не реагировал на мое прикосновение. Если несколько секунд назад он и был живым существом, то сейчас не подавал никаких признаков жизни. Он по-прежнему больше походил на коралл, чем на кристалл или камень. И никаких следов клея на обратной стороне. Я принялся размышлять. Сначала я думал о фотохимических процессах, которые могут быть источником свечения, о природных люминофорах, биолюминесценции и о прочих подобных вещах. Могла ли эволюция вообще породить подобный феномен? Потом я задумался о том, что общего между крестами и лабиринтом, о геологических эпохах, за время которых плато настолько поднялось, что река и каньон прорезали один из туннелей. Я размышлял о базилике и ее создателях, о бикура, Шрайке и о себе самом. В конце концов, устав от этих размышлений, я закрыл глаза и стал молиться.

Когда я вышел из пещеры, ощущая холодок на груди под одеждой, Трижды Двадцать и Десять, похоже, уже собирались начать трехкилометровый подъем. Я запрокинул голову — меж стенами Разлома, далеко вверху бледнела полоска утреннего неба.

— Нет! — закричал я, но звук моего голоса по-

терялся в реве реки. — Мне нужно отдохнуть. Слышите, отдохнуть! — Я опустился на колени, но с полдюжины бикура приблизились ко мне, мягко подняли и повели к лестнице.

Я пытался идти. Господь свидетель, пытался. Первые два или три часа подъема я шел сам, однако ноги мои все чаще подкашивались. Наконец, поскользнувшись на камне, я упал и, не в состоянии удержаться, покатился вниз, туда, где на глубине шестисот метров под нами мчалась река. Помню, как я схватился за крестоформ, висевший на груди под толстым балахоном, затем с полдюжины рук удержали меня, подняли и понесли. Больше я ничего не помню.

Вплоть до этого утра. Я проснулся, когда лучи восходящего солнца уже проникли в мою хижину. На мне был только балахон. Я пощупал рукою крестоформ и убедился, что он на месте, висит на ремешке у меня на груди. Над лесом поднималось солнце. И тут я понял, что потерял сутки: в беспамятстве я был не только во время подъема по бесконечной лестнице (как эти маленькие человечки смогли нести меня два с половиной километра вверх?), но и весь следующий день и всю ночь.

Я огляделся. Мой комлог и прочая записываю-

щая аппаратура пропали. Мне оставили только медсканер и несколько дискет с программами обработки антропологических данных. Толку от них никакого, ибо все остальное мое оборудование уничтожено. Я с сожалением покачал головой и отправился вверх по ручью — мыться.

Мне показалось, что бикура спят. После того как я принял участие в их ритуале и стал «принадлежать крестоформу», они, казалось, потеряли ко мне всякий интерес. И сейчас, раздеваясь перед купанием, я тоже решил их игнорировать. Как только силы возвратятся ко мне, убегу. Если надо, я найду дорогу в обход огненных лесов. Если потребуется, спущусь по лестнице в Разлом и пойду, следуя течению реки Кэнс. Сейчас я еще сильнее уверился в том, что должен поведать миру о моем чудесном открытии.

Я стянул тяжелый балахон и подставил свое бледное тело негреющим лучам утреннего солнца. Затем попытался снять крестоформ, висевший у меня на груди.

Он не снимался.

Он прирос к моей груди так, словно всегда был частью тела. Я тянул его, царапал, дергал за ремешок (который в конце концов разорвался и упал). Я скреб ногтями крестообразный нарост

на груди, но он не снимался. Моя плоть слилась с ним в одно целое. Я не испытывал никакой боли. Царапины, конечно, саднили, но и только. Окружавшая крест плоть не чувствовала ничего необычного. При мысли, что эта штука останется во мне навсегда, я похолодел. Оправившись после первого приступа страха, я посидел с минуту, натянул балахон и побежал в деревню.

Ножа у меня нет. Мазер, ножницы, бритва — все, с помощью чего я мог бы удалить это новообразование, исчезло. Ногти оставляют лишь кровавые царапины. Они тянутся поперек креста и дальше через всю грудь. Затем я вспомнил про медсканер. Сканировав грудную клетку, я посмотрел на дисплей и недоверчиво покачал головой. Потом обследовал все тело и затребовал распечатки томограмм. Потом долго сидел без движения.

Сейчас распечатки у меня в руке. И на ультразвуковых томограммах, и на к-сечениях отчетливо различим крест… а также волоконца, которые подобно тонким щупальцам или *корнями* разбегаются по всему моему телу.

Эти дополнительные ганглии берут начало в толстом ядре, расположенном выше грудины, и ветвятся, ветвятся… Какое-то скопище червей!

Кошмар! Насколько можно разобрать с помощью моего полевого сканера, одни червеобразные отростки заканчиваются в миндалинах, другие — в мозгу. Поражены оба полушария. Однако температура, метаболизм, лимфоциты — все в норме. Реакции отторжения инородной ткани тоже нет. Из томограммы явствует, что эти «червяки» представляют собой не что иное, как обширные метастазы. Ткань крестоформа родственна моей собственной. ДНК моя.

Я принадлежу крестоформу.

День 116-й

Каждый день я меряю шагами свою клетку. С востока и юга путь преграждают огненные леса. С северо-востока — заросшие лесом овраги. С севера и запада — Разлом. Трижды Двадцать и Десять не разрешают мне спускаться в Разлом ниже базилики. Крестоформ не позволяет мне удаляться от Разлома больше чем на десять километров.

Сначала я не мог в это поверить. Доверившись удаче и Божьей помощи, я решил бежать через огненные леса. Но не пройдя и двух километров, почувствовал сильную боль в груди, руках и голове. Я был уверен, что у меня обширный инфаркт. Но, как только повернул назад, к Разлому, боль исчезла. Я провел еще несколько подобных экспе-

риментов, и результаты неизменно повторялись. Стоило мне удалиться от Разлома и углубиться в огненный лес, как тут же появлялась боль. Чем дальше я уходил, тем сильнее она становилась, пока я не поворачивал назад.

Я начал понимать и другое. Вчера я обследовал северный участок плато и наткнулся на обломки космического корабля. Нашел я их в камнях у оврага, неподалеку от опушки огненного леса. Ржавая, опутанная лианами груда металла — вот и все, что осталось от «челнока». Пробираясь между металлическими ребрами древнего аппарата, я представлял, как все это происходило: радость семидесяти уцелевших, короткое путешествие к Разлому, наконец, открытие базилики и… и что? Гадать дальше бессмысленно, но… кое-какие подозрения у меня есть. Завтра я еще раз попробую обследовать кого-нибудь из бикура на медсканере. Теперь, когда я «принадлежу крестоформу», может быть, они позволят мне это.

Каждый день я делаю себе томограмму. «Черви» не рассасываются. Не исключаю, что они стали толще. А может, и нет. Я убежден, что черви по природе своей — паразиты, хотя мой организм этого и не чувствует. Ходил на пруд, к водопаду, изучал свое отражение в воде. Все то же длин-

ное стареющее лицо, которое за последние годы я стал ненавидеть. Я даже заглянул себе в рот и, признаться, готов был увидеть серые нити, проросшие сквозь небо и гортань. Там ничего не было.

День 117-й

Бикура бесполы. Не холостяки, давшие обет безбрачия, не гермафродиты, не сексуально недоразвитые. Просто бесполые. Они лишены внешних и внутренних половых органов. Напрочь — как детская пластмассовая кукла. Нет никаких признаков, что их семенники или яичники атрофировались или удалены хирургическим путем. Никаких признаков, что они вообще существовали. Моча выводится через примитивный мочеиспускательный канал, который заканчивается маленькой камерой, прилегающей к заднему проходу — своего рода клоака.

Бета согласилась пройти обследование. Томограммы подтвердили то, чему отказывались верить мои глаза. Дел и Тета также согласились подвергнуться сканированию. Сомнений нет — и остальные бикура бесполы. И нет никаких оснований считать, что когда-то они были другими. Если предположить, что все они родились

такими, то кто в таком случае их родители? И как же намерены размножаться эти бесполые куски человеческой плоти? Тут должна быть какая-то связь с крестоформом.

Покончив с обследованием бикура, я скинул одежду и обследовал себя самого. Крест проступает у меня на груди как розовый шрам, но я все еще мужчина.

Надолго ли?

День 133-й

Альфа мертв.

Три дня назад, утром, он сорвался со скалы. Я был рядом с ним. Мы собирали луковицы челмы меж больших валунов неподалеку от Разлома, километрах в трех к востоку от деревни. Последние двое суток шел дождь; камни были мокрые и довольно скользкие. Взбираясь по откосу, я глянул вверх и успел увидеть, как Альфа оступился и, соскользнув по каменной плите, сорвался вниз. Он не кричал. Единственным звуком, сопровождавшим его падение, был треск рвущейся ткани — его одежда зацепилась за камень. Несколько секунд спустя раздался тошнотворный звук — с таким разбивается упавший арбуз. Это тело Альфы, пролетев около восьмидесяти метров, ударилось о выступ скалы.

За час я отыскал тропинку, по которой можно было до него добраться. Но, еще не начиная спускаться по предательскому склону, я уже знал: ему ничто не поможет. Впрочем, какая разница? Это мой долг.

Тело Альфы застряло между двумя большими камнями. Должно быть, смерть наступила мгновенно; руки и ноги были переломаны, правая сторона черепа — раздроблена. Кровь и мозг налипли на мокрый камень, словно остатки некоего печального пиршества. Я стоял над этим маленьким телом и плакал. Не знаю почему. Просто плакал — и все. Плача, я прочел отходную и помолился, чтобы Господь принял душу этого несчастного бесполого человечка. Обвязав тело Альфы лианами, я кое-как вскарабкался обратно, а потом в несколько приемов втащил наверх труп.

Мое появление с мертвецом не вызвало у бикура большого интереса. Бета и еще человек шесть подошли, безучастно рассматривая труп. Никто не спросил меня, как он умер. Через несколько минут небольшая группа разбрелась.

Я отнес тело на мыс, где несколько недель тому назад похоронил Тука. Плоским камнем я выкопал неглубокую могилу. И тут появился Гамма.

Глаза его расширились; на какую-то долю секунды мне показалось, что он в ужасе.

— Что ты делаешь? — спросил Гамма.

— Зарываю его. — Я слишком устал, чтобы пускаться в долгие объяснения.

— Нельзя. — Это прозвучало как приказ. — Он принадлежит крестоформу.

Гамма повернулся и быстро пошел в деревню. Я с удивлением смотрел ему вслед. Когда бикура исчез из виду, я развернул саван.

Вне всякого сомнения, Альфа был по-настоящему мертв. Для него, как и для всей вселенной, больше не имело значения, принадлежит он крестоформу или нет. Во время падения с него сорвало большую часть одежды, а вместе с ней — и все его достоинство. Правая сторона его черепа была разбита и пуста, как выеденное яйцо. Один глаз слепо смотрел в небо Гипериона, другой, в котором еще сохранилось какое-то ленивое выражение, выглядывал из-под полуопущенного века. Грудная клетка была совершенно изуродована; из прорванной кожи торчали обломки костей. Обе руки были сломаны, а левая нога вообще непонятно на чем держалась. Я на скорую руку снял томограмму. Обследование показало обширные внутренние повреждения; даже сердце бедняги

от удара превратилось в бесформенную массу.

Я дотронулся до холодного тела. Трупное окоченение уже начиналось. Я коснулся крестообразного рубца у него на груди и быстро отдернул руку. Крест был теплым.

— Отойди!

Передо мной стояла Бета. Чуть поодаль столпились остальные бикура. У меня не было никаких сомнений: если я не отойду от тела сию же секунду, они разорвут меня на куски. Я встал. В этот момент какой-то кусочек моего мозга (от испуга, видимо, впавшего в идиотизм) отметил, что теперь их не Трижды Двадцать и Десять, а Трижды Двадцать и Девять. Что показалось мне тогда весьма смешным.

Бикура подняли тело и двинулись назад, в сторону деревни. Бета взглянула на небо, потом на меня и сказала:

— Время близко. Ты должен идти.

Мы спустились в Разлом. Тело уложили в корзину из лиан и спустили туда же.

Солнце заходило и вот-вот должно было осветить базилику. Тело Альфы положили на широкий алтарь и сняли с него последние лохмотья.

Не знаю, чего я ожидал, наверное, какого-нибудь ритуального каннибализма. Я бы ничему не

удивился. Но бикура просто дожидались момента, когда разноцветные солнечные лучи ворвутся в базилику. Тогда один из них воздел руки и нараспев произнес:

— Ты будешь следовать кресту все твои дни.

Трижды Двадцать и Десять опустились на колени и повторили эту фразу. Я остался стоять. Молча.

— Ты будешь принадлежать крестоформу все твои дни, — сказал маленький бикура. «Все твои дни», — хором повторили остальные, и под сводами базилики раскатилось эхо. Закатное солнце превратило дальнюю стену в сплошной кроваво-красный ковер, на котором отпечаталась огромная тень креста.

— Ты будешь принадлежать крестоформу отныне и навеки… — И снова эхо вторило голосам, а снаружи задувал ветер, и органные трубы каньона звучали, как плач замученного ребенка.

Когда бикура закончили свою молитву, я хотел было прошептать «Аминь», но промолчал. Я словно прирос к месту. Остальные внезапно повернулись и вышли. С полным безразличием, будто капризные дети, вдруг потерявшие всякий интерес к игре.

— Тебе нечего здесь делать, — сказала Бета,

когда мы остались одни.

— Я так хочу, — возразил я.

Я ждал, что она будет настаивать на своем, но Бета, ни слова не говоря, повернулась и отправилась вслед за остальными. Свет померк. Я вышел наружу полюбоваться заходом, а когда вернулся, началось *это.*

Однажды в школе нам показывали голографический фильм. В ускоренном темпе мы видели, как разлагается труп прыгуна. То, что природа делает за неделю, было сжато в тридцать секунд ужаса. Внезапно крохотный трупик комично раздулся, потом начала рваться натянутая кожа; во рту, в глазах, на боках появились черви, и, наконец, разом, как пробка из бутылки, из мяса вылезли кости. Затем скопище червей закрутилось справа налево, от головы к хвосту, и в этом отвратительном водовороте мгновенно исчезла гниющая плоть. Остались лишь кости, хрящи и шкура.

Теперь я наблюдал, как то же самое происходит с человеческим телом.

С каждой минутой становилось все темнее, но я не сдвинулся с места и смотрел во все глаза. Гулкую тишину базилики нарушали только удары пульса, отдававшиеся у меня в висках.

Внезапно труп Альфы шевельнулся, задергался и буквально воспарил над алтарем, сотрясаясь в яростных судорогах распада. За несколько секунд крестоформ словно вырос в размерах и налился краснотой, как кусок сырого мяса. Мне показалось, что я вижу волокна и червеобразные отростки, пронизывающие разлагавшееся тело, подобно арматуре в плавящейся восковой модели статуи. И плоть потекла.

Эту ночь я провел в базилике. Крест на груди Альфы освещал пространство вокруг алтаря, и, когда труп шевелился, по стенам метались причудливые тени.

Альфа покинул базилику на третьи сутки, и все это время я находился рядом с ним. Большинство видимых изменений произошло к концу первой ночи. Тело бикура, которого я называл Альфой, разложилось и возродилось заново на моих глазах. Восстановленный труп напоминал Альфу, хотя и не был точной копией. Но все повреждения исчезли. Лицо — гладкое, без морщин, как у пластмассовой куклы — застыло в полуулыбке. На восходе солнца третьего дня я увидел, как грудь мертвеца начала подниматься и опускаться. Затем послышался первый вздох — с таким звуком вода льется в кожаные мехи. Незадолго

до полудня я покинул базилику и поднялся по лианам наверх.

Впереди лез Альфа.

Он все время молчит, не отвечает на вопросы и глядит прямо перед собой бессмысленным взглядом. Иногда, заслышав отдаленные голоса, он застывает на месте.

Когда мы вернулись в деревню, никто не обратил на нас внимания. Альфа отправился к себе в хижину и сейчас сидит там. Я сижу у себя. Минуту назад я расстегнул балахон и провел пальцем по крестообразному рубцу. Крестоформ неподвижен, он врос в мою грудь. И ждет.

День 140-й

Я поправляюсь от ран и потери крови. Пытался вырезать его заостренным камнем. Не вышло.

Ему не нравится боль. Я терял сознание, но не от боли и не от потери крови, а значительно раньше. И стоило мне, придя в себя, возобновить свои попытки, как я тут же отключался снова. Ему не нравится боль.

День 158-й

Альфа начинает говорить. Он кажется глупее, медленнее в движениях и лишь смутно осознает мое (или чье-либо еще) присутствие. Однако

он ест и двигается. Похоже, он все-таки узнает меня. На томограмме видны внутренние органы молодого человека. Сердце — как у шестнадцатилетнего.

Я должен обождать еще один здешний месяц и десять дней (всего дней пятьдесят), пока не «уснут» огненные леса. Тогда я попытаюсь уйти. Что ж, боль так боль. Посмотрим, кто сдастся первый.

День 173-й

Еще одна смерть.

Неделю назад пропал бикура со сломанным пальцем, которого я окрестил Вилем. Вчера все разом, словно следуя сигналам радиомаяка, отправились на северо-восток и в нескольких километрах, у большого оврага, нашли его останки.

Очевидно, он полез на дерево за чем-то съедобным, и под ним подломилась ветка. Смерть, должно быть, наступила мгновенно — он сломал себе шею. Но главное — место, куда он упал. Тело (если его еще можно было назвать телом) лежало между двумя большими буграми, под которыми гнездятся крупные красные насекомые — Тук называл их огненными богомолами. На мой взгляд, самое подходящее название для них — кожееды. За несколько дней насекомые оставили от трупа

одни кости. Голый скелет, несколько кусочков кожи, обрывки сухожилий и крестоформ. Он лежал на грудной клетке, словно чудотворное распятие давно усопшего первосвященника.

Это ужасно, но я ничего не могу с собой поделать: к печали примешивается нотка торжества. Крестоформу ничего не сделать с этими костями; пусть проклятый паразит игнорирует логику нашего мира, но закона сохранения вещества ему не одолеть. Виль умер настоящей смертью. С этого момента их уже не Трижды Двадцать и Десять, а Трижды Двадцать и Девять.

День 174-й

Я глупец.

Сегодня я заговорил с ними о Виле и о его кончине. Меня удивляло отсутствие реакции бикура на настоящую смерть одного из них. Они забрали крестоформ, но сам скелет оставили там, где он лежал, и никаких попыток перенести останки в базилику не предпринимали. Всю ночь мне не давала покоя мысль: что, если они заставят меня занять его место, стать одним из Трижды Двадцати и Десяти.

— Очень печально, — сказал я, — что один из вас умер настоящей смертью. Что же теперь станет с Трижды Двадцатью и Десятью?

Бета пристально посмотрела на меня.

— Он не может умереть настоящей смертью, — спокойно ответил мне маленький лысый гермафродит. — Он принадлежит крестоформу.

Вскоре после этого, в очередной раз томографируя обитателей деревни, я узнал, в чем дело. Тот, которого я называл Тета, внешне никак не изменился, но в его плоть погружены уже два креста. Не сомневаюсь, что этот бикура в ближайшие годы проявит склонность к полноте, а затем разбухнет подобно какой-то уродливой кишечной палочке, вызревающей в чашке Петри. Когда он/она/оно умрет, из могилы его встанут двое, и Трижды Двадцать и Десять снова окажутся в полном комплекте.

По-моему, я схожу с ума.

День 195-й

Неделю за неделей я изучаю проклятого паразита, но до сих пор не представляю, как он функционирует. Более того, похоже, я теряю к этому интерес. То, о чем я сейчас думаю, важнее.

Почему Бог допустил эту непристойность?

Почему бикура наказаны таким образом?

Почему на мою долю выпало разделить их судьбу?

Каждый вечер, во время молитвы, я задаю себе

эти вопросы. Но ответа нет. Только ветер в Разломе поет свою проклятую песню.

День 214-й

На оставшихся десяти страницах я должен дописать полевой дневник, а также изложить некоторые гипотезы. Эта запись — последняя. Огненные леса «засыпают»; завтра утром я ухожу.

Несомненно, я обнаружил самое инертное из всех человеческих сообществ. Бикура осуществили извечную мечту о бессмертии, но отдали взамен свою человеческую природу и бессмертные души.

Эдуард, я долго боролся со своей верой, точнее, с ее отсутствием, но сейчас, в этом ужасном уголке забытого Богом мира, когда тело мое терзает отвратительный паразит, ко мне странным образом вернулась вера — и вера столь сильная, какой я не знал с поры нашего с тобою детства. Только теперь я понял, как она необходима. Чистая, слепая вера, бросающая вызов здравому смыслу — как спасательный круг в яростном и беспредельном океане вселенной, где царят жестокие законы, абсолютно безразличные к судьбам крохотных разумных существ, обитающих в нем.

День за днем я пытался покинуть район Разлома и день за днем испытывал ужасающую

боль. Она уже стала частью моего мира, как это неестественно маленькое солнце или лазурное небо. Боль стала моим союзником, моим ангелом-хранителем, тем звеном, что пока еще связывает меня с человечеством. Крестоформу не нравится боль. Не нравится она и мне, но, подобно ему, я заставлю ее служить моим целям. И сделаю я это сознательно, а не инстинктивно, как кусок заключенной во мне чужеродной ткани. Это безмозглое существо стремится избежать смерти любыми способами. Я тоже не хочу умирать, но я приветствую боль и смерть как противоположность вечному прозябанию. Жизнь священна. Я все еще придерживаюсь этого постулата, на котором зиждется наша вера и наше учение последние двадцать восемь веков (на протяжении которых, увы, жизнь ценилась так дешево). Но еще более священна душа.

Я понимаю теперь, что, пытаясь подтасовать результаты раскопок на Армагасте, я не мог возродить церковь. Самое большее, что я в силах был предложить ей, — это лжесуществование, подобное тому, что ведут эти несчастные ходячие трупы. Если Церкви суждено погибнуть, она должна сделать это со славою и в полном сознании своего возрождения во Христе. Она должна

сойти во тьму не покорно, но достойно — бесстрашно и с твердой верой, как уходили до нас миллионы. Уйти, сохраняя живую связь с поколениями людей, стоявших перед лицом смерти. С теми, кто молча умирал за лагерной проволокой. С теми, кто сгорел в пламени ядерного пожара. С теми, кто корчился от боли в больничных палатах. С теми, кто погиб от рук погромщиков. Сойти во тьму — если не с надеждой, то с молитвой, что во всем этом есть смысл, нечто стоящее всей этой боли, всех жертв. У тех, кто ушел до нас, не было ни доказательств, ни фактов, ни убедительных теорий — лишь тонкая нить надежды да шаткая вера. И если они все же смогли сохранить свою хрупкую надежду пред ликом тьмы, то так же должен поступить я… и Церковь.

Я уже не верю, что лекарство или скальпель помогут мне избавиться от вселившегося в меня паразита, но если кто-нибудь сумеет отделить его, изучить и уничтожить — пусть даже ценой моей жизни, — я умру с сознанием выполненного долга.

Огненные леса спокойны как никогда. А теперь спать. Мне надо выйти до рассвета.

День 215-й
Выхода нет.

Я прошел по лесу четырнадцать километров. Кое-где деревья еще «искрят», но пройти можно. Три недели — и я прошел бы лес насквозь.

Меня не пускает крестоформ.

Боль как при затяжном сердечном приступе. Тем не менее я шел вперед. Спотыкался, падал, полз через золу. В конце концов я потерял сознание. Придя в себя, я обнаружил, что ползу в сторону Разлома. Раз за разом я поворачивал обратно, проходил километр, потом метров пятьдесят ползком — и снова терял сознание. А придя в себя, обнаруживал, что не продвинулся ни на шаг. Весь день шла эта безумная битва за мое тело.

Перед восходом солнца бикура обнаружили меня в пяти километрах от Разлома и принесли назад.

Боже милостивый, почему ты допускаешь все это?

У меня не остается никакой надежды вырваться отсюда, разве что кто-нибудь придет и заберет меня.

День 223-й

Снова попытка. Снова боль. Снова неудача.

День 257-й

Сегодня мне исполнилось шестьдесят восемь стандартных лет. Неподалеку от Разлома я строю часовню. Работа движется. Вчера попытался спуститься к реке, но Бета и четверо других завернули меня назад.

День 280-й

По местному исчислению я прожил на Гиперионе ровно год. Год в чистилище или год в аду?

День 311-й

Сегодня, заготавливая камни на карнизе под уступом, где будет построена часовня, я обнаружил свои громоотводы. Должно быть, бикура сбросили их с обрыва в ночь, когда убили Тука. Двести двадцать три дня тому назад.

С их помощью я пройду огненные леса когда угодно. Конечно, если позволит крестоформ. Но он не позволит. Если бы они не уничтожили мою аптечку! Там были анестетики! Но когда я собирал шесты, у меня возникла идея.

Я все еще продолжаю свои дилетантские эксперименты с медсканером. Так вот, когда две недели назад Тета сломал ногу (кость переломилась в трех местах), я наблюдал за реакцией крестоформа. Паразит делал все возможное, чтобы погасить боль: большую часть времени

Тета пролежал без сознания, а его организм вырабатывал невероятное количество эндорфинов. Но переломы были очень болезненные, и на четвертые сутки бикура перерезали Тете горло и отнесли его тело в базилику. Крестоформу было легче восстановить труп, чем длительное время переносить такую боль. Непосредственно перед тем, как они убили Тету, я сканировал его тело. Крестоформ ослабил хватку. Некоторые участки центральной нервной системы почти освободились от червеобразных волокон.

Не знаю, смогу ли я причинить себе такую боль. Выдержу ли? Останусь ли жив? Лишь в одном я уверен: бикура этого не допустят.

Сейчас я сижу возле недостроенной часовни и пытаюсь что-нибудь придумать.

День 438-й

Часовня закончена. Это труд моей жизни. Сегодня вечером, когда бикура спустились в Разлом, дабы совершить свое ежедневное богослужение (точнее, пародию на богослужение), я отслужил мессу перед алтарем только что возведенной часовни. Я испек хлеб из муки челмы. По вкусу он напоминает мягкие, желтые листья этого растения. Но для меня он был точно таким же, как та гостия, которую я вкусил шестьдесят лет назад,

впервые принимая Святое Причастие.

Утром я совершу то, что задумал. Все готово: дневники, записи и томограммы уложены в мешок, сплетенный мною из волокон бестоса. Это лучшее из того, что я мог придумать.

Вместо освященного вина у меня была только вода, но в тусклом свете заката она выглядела кроваво-красной и по вкусу напоминала вино причастия.

Идея заключается в следующем. Нужно проникнуть достаточно далеко в огненный лес. Вся надежда на то, что деревья тесла сохраняют остаточную активность даже во время спокойных периодов.

Прощай, Эдуард. Едва ли ты еще жив, а если даже и так, нам все равно больше не встретиться. Нас разделяют не только годы пути, но и гораздо более глубокая пропасть, имеющая форму креста. И все же я надеюсь снова увидеть тебя — не в этой жизни, а в той, которая наступит потом. Тебе странно слышать это от меня снова? Но вот что я скажу тебе, Эдуард. Многие десятилетия я прожил в сомнениях и в великом страхе перед тем, что ждет меня впереди, но теперь наконец душа моя успокоилась, и сердце пребывает в мире.

Господи, я грешен пред Тобою

И всем сердцем осуждаю грехи свои,

Но не потому, что я утратил рай,

И не потому, что мне грозят адские муки.

Более всего я сокрушен тем, что согрешил пред

Тобою.

Господь всеблагой!

Вся моя любовь

Будет принадлежать Тебе.

Я твердо решил, уповая на твою милость,

покаяться во всех моих грехах, и искупить их,

И исправить свою жизнь,

Аминь.

24:00

Лучи заходящего солнца врываются в открытое окно часовни и заливают светом алтарь, вырезанный из дерева потир и меня самого. Ветер в Разломе начинает свой хорал. Для меня он — последний. Если повезет, я, с Божьей помощью, никогда больше его не услышу.

— Это последняя запись, — сказал Ленар Хойт.

Когда священник прекратил чтение, шестеро паломников, сидевших за столом, разом повернулись к нему, как бы пробуждаясь от общего сна. Консул посмотрел вверх и увидел, что Гиперион стал гораздо ближе. Он занимал теперь почти треть небосвода, и его холодный свет затмевал звезды.

— Я вернулся сюда недель через десять после того, как в последний раз видел отца Дюре, — продолжал отец Хойт. Его голос звучал все более хрипло. — На Гиперионе за это время прошло более восьми лет… С последней записи в дневнике отца Дюре — около семи. — Священник явно испытывал боль, его лицо покрылось испариной и побледнело настолько, что казалось — оно источает какой-то болезненный свет.

— За месяц я добрался до плантации Пересебо, расположенной вверх по реке от Порт-Романтика, — продолжал он, стараясь говорить твердо. — Я предполагал, что плантаторы скорее скажут правду мне, чем сотруднику консульства или местных властей. Я оказался прав. Администратор из Пересебо по фамилии Орланди вспомнил, что отец Дюре у них останавливался. Подтвердила это и его жена Семфа, которую отец Дюре

упоминет в своих дневниках.

Управляющий несколько раз посылал тогда на плато спасательные экспедиции, но ни одна из них не достигла цели, ибо активность огненных лесов в тот год была исключительно высокой. Через несколько лет они оставили всякую надежду найти Дюре или проводника Тука живыми… Тем не менее Орланди нанял опытных пилотов, и на двух скиммерах, принадлежащих плантации, мы отправились на плато. Мы решили пробраться в страну бикура по самому Разлому, положившись на автоматику и на удачу. Хотя при таком маршруте основной массив огненных лесов оставался в стороне, мы все-таки потеряли один скиммер и четырех человек — так велика была активность деревьев тесла.

Отец Хойт замолчал и слегка покачнулся. Схватившись за край стола, чтобы обрести устойчивость, он откашлялся и заговорил снова:

— Рассказ мой почти окончен. Мы обнаружили деревню бикура. Их было ровно семьдесят, и были они такие же глупые и необщительные, какими изображает их в своих записках отец Дюре. Мне удалось выведать у них, что он погиб, пытаясь проникнуть в огненный лес. Мешок из бестоса уцелел; там были его дневники и томо-

граммы. — Хойт обвел присутствующих быстрым взглядом, затем снова опустил глаза. — Мы заставили их показать нам место, где погиб отец Дюре. Они… они не погребли его. Его останки сильно обгорели и разложились, но обнаруженного было достаточно, чтобы убедиться — разряды деревьев тесла уничтожили… не только тело, но и… крестоформ. Отец Дюре умер настоящей смертью. Мы отвезли его останки на плантацию Пересебо и там, отслужив панихиду, предали земле. — Хойт глубоко вздохнул. — Вопреки моим настойчивым возражениям господин Орланди уничтожил деревню бикура и часть стены Разлома кумулятивными ядерными зарядами, доставленными с плантации. Я не думаю, что кому-нибудь из бикура удалось уцелеть. Вход в лабиринт и так называемая базилика, по всей видимости, погребены обвалом. Во время экспедиции я был ранен, и потому, прежде чем возвращаться на северный континент и заказывать билеты на Пасем, мне пришлось несколько месяцев провести на плантации. О существовании этих дневников, равно как и об их содержании, знают только Орланди, монсеньор Эдуард и те высокопоставленные сановники, которых монсеньор Эдуард счел нужным поставить в известность. Но, насколько

я знаю, в связи с дневниками отца Поля Дюре Церковь не делала никаких заявлений.

Последние слова отец Хойт произнес стоя и сразу же сел. С его подбородка каплями стекал пот, а лицо в отраженном свете Гипериона казалось синевато-бледным.

— Это… все? — спросил Мартин Силен.

— Да, — с трудом ответил отец Хойт.

— Леди и джентльмены, — произнес Хет Мастин, — нам пора. Я предлагаю всем собрать багаж и встретиться на корабле нашего друга Консула в сфере № 11 не позже, чем через тридцать минут. Я же воспользуюсь одним из челночных кораблей Древа и присоединюсь к вам позднее.

Не прошло и пятнадцати минут, как почти все собрались. Тамплиеры перебросили мостик с рабочего пирса, находившегося на внутренней поверхности сферы, к балкону верхнего яруса корабля, и Консул отвел гостей в комнату отдыха. Тем временем клоны внесли багаж и удалились.

— Чудесный старый инструмент. — Полковник Кассад провел ладонью по гладкой крышке «Стейнвея». — Клавикорд?

— Фортепьяно, — ответил Консул. — Сделано еще до Хиджры. Итак, все в сборе?

— Все, кроме Хойта, — ответила Ламия Брон,

усаживаясь в проекционной нише.

Вошел Хет Мастин.

— Военный корабль Гегемонии дает вам разрешение на посадку в космопорте Китса, — сказал капитан и огляделся. — Сейчас я пошлю матроса узнать, что с господином Хойтом. Возможно, он нуждается в помощи.

— Не надо. — Консул постарался придать своему голосу убедительность. — Я сам помогу ему. Не могли бы вы объяснить, как найти его каюту?

Несколько секунд капитан корабля-дерева молча смотрел на Консула, затем сунул руку в складки своей мантии и достал диск-указатель.

— Счастливого пути! — сказал он, передавая Консулу диск. — Увидимся на планете. В полночь мы выступаем из святилища Шрайка в Китсе.

Консул поклонился.

— Путешествие под защитой ветвей вашего Древа, Хет Мастин, доставило мне истинное удовольствие, — произнес он официальным тоном. Повернувшись к остальным, он обвел рукой зал: — Прошу вас, устраивайтесь поудобней. Можно прямо здесь, в комнате отдыха. Или, если угодно, пройдите на нижнюю палубу, в библиотеку. Корабль сам позаботится о вас и ответит на все ваши вопросы. Как только мы с отцом Хойтом

вернемся, сразу же стартуем.

Каюта священника находилась в средней части «дерева», на конце небольшой ветки. Как и предполагал Консул, указатель комлога, который вручил ему Хет Мастин, служил также и ключом, отпирающим папиллярный замок. После нескольких безуспешных попыток привлечь внимание священника звонками и ударами в дверь Консул коснулся диском замка и вошел в стручок.

Отец Хойт, запрокинув голову, стоял на коленях посреди ковра из трав. Вокруг него валялось белье, какие-то приборы, одежда и лекарства из стандартной аптечки. Он сорвал с себя накидку и воротничок, а мокрая от пота рубашка была разодрана в клочья. Через стенку стручка просачивался свет Гипериона, придавая происходящему оттенок нереальности; казалось, они находятся под водой… или в соборе, подумал Консул.

Лицо Ленара Хойта было искажено судорогой, пальцы царапали грудь. Мышцы, вздувшиеся под бледной кожей его предплечий, пульсировали, словно живые существа.

— Инъектор… неисправен, — задыхаясь, произнес Хойт. — Прошу вас…

Консул поспешно кивнул, приказал двери закрыться и опустился на колени рядом со священником. Затем он вынул из его судорожно сжатых пальцев бесполезный инъектор и извлек ампулу. Ультраморфин. Консул еще раз кивнул и достал из аптечки, которую принес со своего корабля, новый инъектор. Ему потребовалось всего пять секунд, чтобы заправить его ультраморфином.

— Ради Бога, — взмолился Хойт, извиваясь в судорогах. Консулу казалось, что он воочию видит волны боли, пробегающие по телу священника.

— Сейчас, — успокоил его Консул и перевел дыхание. — Но сначала вы окончите свой рассказ.

Хойт, не сводя с него глаз, потянулся к инъектору. Но Консул, который и сам обливался потом, держал прибор так, что священник не мог его достать.

— Сию секунду, — повторил он. — Как только вы все расскажете. Мне необходимо это знать.

— Иисусе милосердный, — простонал Хойт. — Умоляю вас!

— Сейчас, сейчас, — задыхаясь, ответил Консул. — Но сначала вы скажете мне правду.

Прерывисто дыша, отец Хойт рухнул на четвереньки.

— Негодяй! — Священник несколько раз глубоко вздохнул, потом задержал дыхание и, наконец, справившись с судорогой, сел прямо. В безумном взгляде его мелькнуло нечто похожее на облегчение. — И тогда… вы… введете мне?

— Да, — сказал Консул.

— Хорошо, — еле слышно прошептал Хойт. — Я скажу вам… правду. Плантация Пересебо… как я говорил. Мы прилетели… в начале октября… Ликий… восемь лет после того, как Дюре… исчез. О Боже, как больно! Спирт и эндорфины больше не действуют. Только… чистый ультраморфин…

— Понимаю, — прошептал Консул. — Инъектор готов. Но сначала рассказ.

Священник опустил голову. Пот стекал у него по щекам и переносице и каплями падал в короткую траву. Консул заметил, что его мышцы напряглись, словно он готовился к нападению, но затем новый приступ боли обрушился на тщедушное тело, и Хойт обмяк.

— Тот скиммер… он не погиб… Семфа, еще двое мужчин и я… пошли на вынужденную… рядом с Разломом… Орланди улетел дальше… вверх по реке. Его машина… он должен был переждать, пока деревья не разрядятся…

…Бикура пришли ночью. Убили… убили Сем-

фу, пилота… и того, другого тоже… Забыл, как его звали… А меня… оставили в живых. — Хойт протянул было руку к наперсному кресту, но понял, что в припадке сорвал его. Он рассмеялся коротким смешком, но заставил себя замолчать, прежде чем смех перешел в рыдания. — Они… рассказали мне о пути креста. О крестоформе. Рассказали мне о… Сыне Пламени…

…На следующее утро они отвели меня… к нему. — Хойт попытался сесть прямо. Выкатив глаза, он рвал себе щеки ногтями. Видимо, он испытывал страшную боль, но уже не думал про ультраморфин. — Около трех километров в глубь огненного леса… большое дерево тесла… восемьдесят… нет, сто метров высотой, не меньше. Уже спокойно, но все еще много… ионизация… и повсюду зола.

…Бикура не хотели… не хотели подходить слишком близко. Просто опустились на колени и склонили свои мерзкие лысые головы. Но я… подошел близко… должен был. Боже милостивый… Господи Иисусе, это был он. Дюре. То, что от него осталось.

…Он забрался на три… может быть, на четыре метра… вверх по стволу дерева… по веревочной лестнице… Соорудил себе платформу. Для ног.

Разломал громоотводы… сделал из них длинные шипы… Заточил… Должно быть, забил камнем самый длинный… сквозь обе ступни… сквозь платформу из бестоса… в дерево…

…Его левая рука… он забил шип между лучевой и локтевой костью… мимо вен… как проклятые римляне. Очень надежно… Пока цел скелет… Другая рука… правая рука… ладонью вниз. Сперва он забил шип. Заостренный с обоих концов. Затем… нанизал свою правую руку. Каким-то образом согнул шип. Крюк…

…Лестница свалилась… давно… но это был бестос. Не горит. Я залез к нему. Все сгорело еще несколько лет назад… одежда, кожа, верхний слой мяса… но мешок из бестоса все еще висел у него на шее…

…Сплав, из которого были сделаны шипы, все еще проводил ток, даже когда… я мог чувствовать это… видеть, как это… проходит через его тело… то, что осталось от тела…

…Это все еще выглядело как Поль Дюре. Это важно. Я сообщил монсеньору. Кожи нет. Плоть почти исчезла. Видны нервы и эти… как серые и желтые корни. Боже, какая вонь. Но это все еще выглядело как Поль Дюре!..

…Я понял тогда. Понял все. Каким-то образом…

даже раньше, чем прочел дневники. Понял, что он висел здесь… о Боже милостивый… семь лет. Живой. Умирающий. Крестоформ… заставлял его оживать снова. Электричество… текло через него каждую секунду все эти… семь лет. Пламя. Голод. Боль. Смерть. Но каким-то образом проклятый… крестоформ… всасывая вещество из дерева, может быть, из воздуха, из того, что осталось… восстанавливал, что мог… принуждал его жить… и чувствовать боль… снова, и снова, и снова…

…Но он победил. Боль была его союзником. Господи Иисусе… Что такое несколько часов на кресте… а потом — копье и покой… Семь лет!..

…Но… он победил. Когда я снял мешок, крестоформ свалился с его груди. Просто… слетел… эти проклятые корни… оборвались. А затем то… то, что я считал трупом… человек поднял голову. Не веки. Глаза запеклись белым. Губы исчезли. Но он посмотрел на меня и улыбнулся. Он улыбнулся. И он умер… умер по-настоящему… там, у меня на руках. В десятитысячный раз, но теперь по-настоящему. Он улыбнулся мне и умер.

Хойт замолчал, словно хотел остаться наедине со своими страданиями, затем, то и дело стискивая от боли зубы, продолжил:

— Бикура отвели меня… назад… к Разлому.

Орланди прилетел на следующий день. Спас меня. Он… Семфа… я не мог… он спалил лазером деревню, сжег бикура… на месте… они стояли, как стадо безмозглых баранов. Я не… я не спорил с ним. Я смеялся. Боже милостивый, прости меня. Орланди засыпал все вокруг кумулятивными снарядами… для расчистки леса… под фибропластовые плантации.

Хойт посмотрел прямо в глаза Консулу и судорожно взмахнул правой рукой.

— Сначала болеутоляющие средства делали свое дело. Но с каждым годом… с каждым днем… становилось хуже. Даже в фуге… боль. В любом случае я должен был вернуться назад. Как он мог… семь лет! О, Иисусе милосердный, — простонал отец Хойт и впился ногтями в ковер.

Консул быстро наклонился к нему, ввел под мышку полную ампулу ультраморфина и, когда священник стал оседать, подхватил его и бережно уложил на ковер. Все плыло перед глазами Консула, когда он разорвал мокрую от пота рубашку Хойта и отшвырнул лохмотья в сторону. Да, он был там, на груди. Он затаился под бледной кожей как огромный крестообразный червь. Консул перевел дыхание и осторожно перевернул священника лицом вниз. Второй крестоформ

был там, где он и ожидал его обнаружить. Крестообразный рубец чуть меньше первого проступал на худой спине священника, как раз между лопатками. Когда пальцы Консула коснулись воспаленной плоти, Хойт чуть заметно дернулся.

Консул действовал уверенно и неторопливо. Сперва он упаковал багаж священника и прибрал в комнате. Затем одел Хойта — бережно, как одевают, провожая в последний путь, тело родного человека.

Комлог Консула подал сигнал вызова.

— Пора стартовать, — раздался голос полковника Кассада.

— Идем, — ответил Консул. По комлогу он вызвал клонов, чтобы отнести багаж. Но отца Хойта он понес сам. Тело казалось почти невесомым.

Дверь стручка распахнулась, и Консул вышел из густой тени ветвей в сине-зеленое сияние Гипериона, заполнявшего теперь весь небосвод. Обдумывая легенду, которую ему предстоит рассказать остальным, Консул помедлил секунду и еще раз посмотрел в лицо спящему священнику. Потом бросил взгляд вверх, на Гиперион, и пошел дальше. Даже если бы сила тяжести была здесь такой же, как на Земле, подумал Консул, ноша не показалась бы ему тяжелой.

Его ребенка давно не было в живых, но сейчас к нему вернулось то давнишнее, напрочь забытое чувство — чувство отца, который несет в постель уснувшего сына.

2

В Китсе, столице Гипериона, было тепло и пасмурно. Дождь прекратился, но над городом медленно ползли тяжелые облака, наполняя воздух соленым дыханием океана, лежавшего в двадцати километрах к востоку. Под вечер, когда серый день выцвел и превратился в серые сумерки, громкий двойной удар потряс город, эхом отразившись от превращенного в гигантскую статую одинокого пика на юге. Облака запылали голубым огнем, и полминуты спустя из них вынырнул эбеново-черный космический корабль. Поддерживаемый столбом термоядерного пламени, он медленно опускался, помигивая красными и зелеными навигационными огнями.

На высоте тысячи метров зажглись посадочные огни корабля, и сразу же со стороны космопорта, расположенного к северу от столицы, навстречу ему поднялись три лазерных луча. Словно приветствуя корабль, они захватили его в рубиновый треножник. На высоте трехсот метров космолет перешел в планирующий режим, плавно, как пивная кружка по мокрой стойке, скользнул в сторону и невесомо погрузился в подготовленную

для него посадочную шахту.

Струи воды под высоким давлением начали омывать шахту и основание корабля. Облака пара поднимались вверх и, смешиваясь с завесой редкого дождя, расползались по мощеной равнине космопорта. Когда выключили воду, наступила тишина, нарушаемая лишь шепотом дождя и потрескиванием остывающего корпуса корабля.

Через минуту в двадцати метрах над ограждением шахты из головного обтекателя выдвинулся небольшой балкон. На него вышли пятеро.

— Благодарю вас за приятное путешествие, сэр. — Полковник Кассад учтиво поклонился Консулу.

Тот кивнул в ответ и, облокотившись на перила, глубоко вдохнул свежий воздух. Бисеринки дождя тут же усыпали его плечи и брови.

Сол Вайнтрауб расстегнул свою сумку-люльку и взял ребенка на руки. Перемена давления или температуры, новые запахи, движение, шум или все это вместе — разбудило девочку, и она громко заплакала. Вайнтрауб принялся укачивать ее, но плач не прекращался.

— Подходящий комментарий по случаю нашего прибытия, — бросил Мартин Силен. Поэт был облачен в длинную пурпурную накидку и красный

берет, сдвинутый к правому уху. Он захватил с собой стакан и уже успел к нему приложиться. — Клянусь распятием, здесь все переменилось.

Консул, который не был на Гиперионе всего восемь местных лет, только покачал головой. Когда он жил в Китсе, космопорт находился в девяти километрах от города, теперь же лачуги, палатки и грязные улицы окружали летное поле со всех сторон. В те дни маленький порт принимал не более одного корабля в неделю, сейчас Консул насчитал на поле не менее двадцати космолетов. На месте одноэтажного домика, в котором размещались портовое управление и таможня, высилось огромное, собранное из готовых блоков здание; на западе, там где поле сильно раздавалось вширь, появилось с дюжину новых вышек и шахта, а по периметру космопорта торчали десятки стандартных, защитного цвета модулей. Консул знал, что в них может размещаться все что угодно, от наземных станций управления до казарм. Из кучки таких же коробок на дальнем конце посадочной полосы тянулся к небу лес причудливых антенн.

— Прогресс, — пробормотал Консул.

— Война, — возразил полковник Кассад.

— Глядите, там люди. — Ламия Брон указала на

юг, в сторону главных ворот, где за внешней оградой и фиолетовым защитным полем беззвучно бушевало тускло-коричневое море.

— Боже мой, — Консул не мог сдержать удивления, — действительно!

Кассад включил бинокль, и они начали по очереди разглядывать многотысячную толпу, осаждавшую проволочные ограждения и защитное поле.

— Зачем они там стоят? — спросила Ламия. — Что им надо?

Даже здесь, на расстоянии полукилометра, чувствовался угрожающий напор людской массы. Морские пехотинцы в темной форме несли караул на внутренней стороне периметра, из чего Консул заключил, что узкая полоска земли между проволокой, силовым полем и цепочкой морских пехотинцев почти наверняка заминирована или простреливается лучами смерти. А может, и то и другое.

— Чего они хотят? — повторила Ламия.

— Убраться отсюда, только и всего, — невозмутимо ответил ей Кассад.

Еще до того, как полковник заговорил, Консул понял, что палаточный городок вокруг космопорта и толпа у ворот — явления неизбежные.

Население Гипериона приготовилось покинуть планету. Должно быть, каждый раз, когда в порту садится корабль, у ворот возникает этот безмолвный прибой.

— Ну, один все-таки останется. — Мартин Силен указал на юг, где за рекой высился одинокий пик. — Его хнычущее величество, старина Уильям, упокой, Господи, его грешную душу. — В наступивших сумерках лицо Печального Короля едва проступало сквозь завесу дождя. — Я знал его, Горацио, — произнес пьяный поэт. — Человек бесконечно остроумный. Шутки, шутки… и хоть бы одна смешная. Самая настоящая ослиная задница, Горацио.

Прикрыв дочку от моросящего дождя, Сол Вайнтрауб отошел в сторону, чтобы ее плач не мешал беседе.

— Смотрите, едут, — неожиданно сказал он и мотнул головой.

По мокрой бетонке к кораблю катил автомобиль наземной службы, покрытый камуфляжной полимерной пленкой, за которым следовал армейский ТМП — транспортер на магнитной подушке, оснащенный для передвижения в слабом магнитном поле Гипериона вспомогательными турбонагнетателями.

Мартин Силен, все это время созерцавший мрачный лик Печального Короля Билли, продекламировал тихим, едва слышным голосом:

В угрюмой тьме затерянной долины,
Вдали от влажной свежести зари,
И полдня жгучего, и одинокой
Звезды вечерней, – в мрачной тишине
Сидел Сатурн, как тишина, безмолвный,
Недвижный, как недвижная скала.
Над ним леса, чернея, громоздились,
Подобно тучам…[10]

На балкон, сжимая голову руками, вышел отец Хойт. Широко открытые глаза и отсутствующий взгляд делали его похожим на разбуженного ребенка.

— Мы прибыли? — спросил он.

— А как же, блин! — вскричал Мартин Силен, возвращая бинокль полковнику. — Давайте же спустимся и поприветствуем жандармов!

Молоденький лейтенант морской пехоты внимательно просмотрел диск с разрешением

---

[10] Примечания: 10
Д. Китс. «Гиперион». Книга первая, 1–8 (пер. Г. Кружкова).

на посадку, который Хет Мастин получил от командира эскадры, но надменное выражение так и не сошло с его лица. Оставив паломников мокнуть под дождем, он принялся неторопливо сканировать чипы с их визами, время от времени бросая замечания лениво-заносчивым тоном — типичная мелкая сошка, дорвавшаяся до власти. Однако, взяв чип Федмана Кассада, он тут же поднял глаза, сразу сделавшись похожим на удивленного зверька:

— Полковник Кассад?

— Полковник в отставке, — уточнил Кассад.

— Извините… сэр, — заикаясь, пробормотал лейтенант и стал торопливо совать паломникам их чипы. — Я не знал, что вы в этой группе, сэр. То есть… капитан только сказал… я имею в виду… мой дядя был с вами на Брешии, сэр. Я хочу извиниться… все, что в наших силах… я и мои люди…

— Вольно, лейтенант, — сказал Кассад. — Лучше скажи, можно отсюда как-нибудь добраться до города?

— Ну… в общем, сэр… — Молодой морской пехотинец попытался потереть подбородок, но вовремя вспомнил про шлем. — Да, сэр! Но проблема в том, что на вас может накинуться толпа и… К тому же эти проклятые ТМП ни хрена не

пашут на этой… ой, простите, сэр. Понимаете, наземный транспорт возит только грузы, а все скиммеры заняты до двадцати двух ноль-ноль, но я был бы счастлив предоставить в ваше распоряжение…

— Минутку, — прервал его Консул.

Метрах в десяти от них приземлился потрепанный пассажирский скиммер, вдоль кожуха которого тянулась золотистая геодезическая линия — эмблема Гегемонии. Из кабины неловко выбрался высокий тощий мужчина.

— Тео! — закричал Консул и бросился навстречу прилетевшему. Они протянули было друг другу руки, но потом, передумав, крепко обнялись. — Черт возьми, — Консул улыбнулся, — ты хорошо выглядишь, Тео!

В самом деле, хотя разница в возрасте между Консулом и бывшим его помощником сократилась на шесть лет, внешне тот почти не изменился: то же худое лицо, мальчишеская улыбка и густая рыжая шевелюра, привлекавшая внимание всех незамужних (а также некоторых замужних) сотрудниц консульства. От своей ставшей притчей во языцех застенчивости Тео Лейн тоже не избавился — вот и сейчас он то и дело без всякой нужды поправлял старомодные очки

в роговой оправе. Впрочем, молодой дипломат больше никак не проявлял свои чувства.

— Хорошо, что вы вернулись, — сказал Тео.

Консул повернулся и начал представлять своего друга паломникам, но затем вдруг остановился.

— Боже мой, — сказал он, — ты ведь теперь консул. Извини, Тео, я не подумал об этом.

Тео Лейн улыбнулся и снова поправил очки.

— Не беспокойтесь, сэр, — сказал он. — Теперь я уже не консул. Последние несколько месяцев я выполняю обязанности генерал-губернатора. Комитет местного самоуправления в конце концов потребовал — и получил — формальный статус колонии. Приветствую вас в новом мире Гегемонии.

На мгновение Консул опешил, потом снова бросился обнимать бывшего протеже:

— Поздравляю, Ваше Превосходительство!

Тео заулыбался и взглянул на небо:

— Похоже, скоро начнется настоящий ливень. Господа, прошу вас ко мне в скиммер. Я отвезу вас в город. — Новый генерал-губернатор улыбнулся морскому пехотинцу: — Лейтенант?

— Да, сэр. — Офицер замер по стойке смирно.

— Не могли бы вы дать нам своих людей погрузить багаж? Мы хотели бы улететь побыстрее

— дождь вот-вот разойдется…

Скиммер летел на юг вдоль шоссе, строго выдерживая шестидесятиметровую высоту. Консул сидел на переднем пассажирском сиденье, остальные паломники удобно расположились позади, в откидных пластиковых креслах. Мартин Силен и отец Хойт спали. Дочка Вайнтрауба перестала плакать и самозабвенно сосала синтетическое материнское молоко из мягкой бутылочки.

— Как все изменилось, — сказал Консул. Он прижался щекой к усеянному дождевыми каплями куполу кабины и посмотрел вниз.

Там царил настоящий хаос. На протяжении всего трехкилометрового пути до городских предместий склоны холмов и оврагов были облеплены тысячами лачуг и навесов. Под мокрыми брезентовыми крышами зажигались огни, освещая сновавшие между грязными лачугами столь же грязные человеческие фигуры. Вдоль старого шоссе Китс-Космопорт построили высокий забор, а саму дорогу расширили и заменили на ней покрытие. Сейчас по ней тянулись навстречу друг другу два потока автомобилей и грузовиков на воздушной подушке, выкрашенных в защитный цвет или покрытых полимерным камуфляжем. Впереди сверкали огни Китса. Казалось, их стало

больше, и горели они там, где их прежде не было, — в речной долине и на холмах.

— Три миллиона, — сказал Тео, словно читая мысли своего бывшего шефа. — По меньшей мере три миллиона. И с каждым днем их все больше.

Консул взглянул на него:

— Когда я уезжал, на планете насчитывалось не больше четырех с половиной миллионов жителей.

— Сейчас, наверное, столько же, — сказал новый генерал-губернатор. — Но все стремятся в Китс. Все хотят, пока не поздно, попасть на корабль и унести отсюда ноги. Некоторые ждут, когда построят портал, но большинство не верит, что мы управимся вовремя. Боятся.

— Кого? Бродяг?

— Их тоже, — ответил Тео. — Но еще больше — Шрайка.

Консул отодвинулся от холодного стекла.

— Стало быть, это уже перевалило через Уздечку?

Тео невесело рассмеялся:

— ЭТО везде. Точнее говоря, не ЭТО, а ЭТИ. Люди уверены, что этих тварей несколько десятков или даже сотен. Сообщения о жертвах Шрайка идут со всех трех континентов. Спокойно только

в столице, в больших городах — в Эндимионе, например, и на отдельных участках побережья вдоль Гривы.

— И сколько человек погибло? — спросил Консул, хотя ответ его не интересовал.

— По меньшей мере тысяч двадцать, включая сюда и пропавших без вести. Много раненых, но тут уж Шрайк ни при чем, не так ли? — Тео вновь усмехнулся. — Шрайк всегда доводит дело до конца. Люди случайно стреляют друг в друга, падают с лестниц, от страха прыгают из окон или давят друг друга в толпе. Хрен знает что.

За те одиннадцать лет, что Консул проработал вместе с Тео Лейном, он не слышал от него ни одного грубого слова.

— А что же ВКС? Есть от них какой-нибудь толк? — спросил Консул. — Могут они остановить Шрайка хотя бы на подступах к большим городам?

Тео покачал головой.

— Армия не может ни черта. Конечно, толпу она успокаивает. Люди видят: морские пехотинцы на месте, значит, космопорт открыт, а гавань в Порт-Романтике пока в безопасности. Но армия даже не пытается задержать Шрайка. Они ждут нападения Бродяг.

— А что же ССО? — спросил Консул, догадываясь, что от почти необученных сил самообороны толку мало.

Тео фыркнул:

— Из двадцати тысяч убитых, по крайней мере восемь — ополченцы ССО. Генерал Брэкстон повел свою «Третью Боевую» вверх по Речной Дороге, чтобы, как он выразился, «разбить Шрайка в его логове». И с тех пор о нем ничего не слышно.

— Ты шутишь, — произнес Консул, но одного взгляда на лицо друга было достаточно, чтобы понять: тому вовсе не до шуток. — Тео, — спросил он, — как тебе удалось выкроить время, чтобы встретить нас в космопорте?

— Я его не выкраивал. — Генерал-губернатор оглянулся. Одни паломники спали, другие устало смотрели в окна. — Просто я хотел поговорить с вами. Не ходите туда!

Консул покачал головой, но Тео с силой сжал его руку.

— Послушайте, что я вам скажу. Я знаю, как трудно вам было вернуться сюда после… Но нельзя же вот так, ни с того ни с сего, бросать все к чертовой матери… Короче говоря, выкиньте из головы саму мысль об этом дурацком паломничестве. Оставайтесь в Китсе.

— Но не могу же я… — начал было Консул.

— Послушайте, что я вам скажу, — настойчиво повторил Тео. — Причина первая. Вы — самый блестящий дипломат Гегемонии, лучший специалист по кризисным ситуациям из всех, кого я знал, а нам нужны профессионалы.

— Но это еще не…

— Помолчите. Причина вторая. Ни вы, ни ваши спутники не смогут подобраться к Гробницам Времени ближе, чем на двести километров. Это в добрые старые времена чертовы самоубийцы без труда проникали к самым Гробницам и могли даже посидеть там с недельку, а потом передумать и вернуться домой. Теперь ситуация изменилась. Шрайк наступает. Это как чума.

— Понимаю. Но тем не менее…

— Причина третья. Вы нужны мне. Я связывался с Тау Кита, просил Центр прислать мне кого-нибудь в помощь. Когда я узнал, что вы прилетаете… ну, черт возьми, последние два года я только об этом и думаю.

Консул покачал головой, еще не вполне понимая, в чем дело.

Скиммер повернул к центру города, затормозил и неподвижно завис в воздухе. Оторвав взгляд от приборной доски, Тео посмотрел Консулу прямо

в глаза.

— Я хочу, чтобы вы приняли на себя полномочия генерал-губернатора. Сенаторы возражать не станут. За исключением разве что госпожи Гладстон. Но пока она поймет, в чем дело, будет уже поздно.

Консула словно ударили под дых. Он отвел взгляд и уставился вниз, на лабиринт узких улочек и покосившихся домишек Джектауна, Старого города. Наконец он выдавил из себя:

— Я не могу, Тео.

— Послушайте, если вы…

— Нет, не могу. Ничего хорошего из твоей затеи не выйдет, но дело даже не в этом. Я просто-напросто не могу. Я должен совершить паломничество.

Тео поправил очки и отвернулся.

— Видишь ли, Тео, из всех профессиональных дипломатов, с которыми мне приходилось работать, ты — самый знающий и толковый. А я уже восемь лет как отошел от дел. Я думаю…

Тео быстро кивнул и прервал его:

— Вы хотите попасть в Святилище Шрайка?

— Да.

Скиммер немного покружил в воздухе и сел. Погруженный в свои мысли, Консул понял это,

только когда боковые двери сложились вдвое и откинулись вверх.

— Слава Богу, добрались, — сказал Сол Вайнтрауб.

Паломники выбрались из машины и застыли, пораженные: груды камней и обгоревшие развалины — вот и все, что осталось от Святилища Шрайка. С тех пор как примерно двадцать пять местных лет тому назад Гробницы Времени снова стали опасными и были закрыты для посещения, самым популярным местом у туристов, прилетающих на Гиперион, сделалось Святилище. Занимавший целых три городских квартала главный храм Церкви Шрайка был увенчан заостренным стопятидесятиметровым шпилем и являл собой некое жутковатое подобие кафедрального сбора. В его каркасе из сверхпрочного сплава, в стремительных, будто текущих линиях каменных контрфорсов, угадывалась пародия на готику, изобилие архитектурных трюков, основанных на обмане зрения, — ложные перспективы, «невозможные» углы — придавало ему сходство с гравюрами Эшера, а потайные комнаты, крытые и внутренние дворики вызывали в памяти кошмарные видения Босха. Но еще сильнее Святилище напоминало о прошлом

Гипериона. Оно само было прошлым Гипериона.

А теперь его не стало. Лишь груды почерневших камней напоминали о величественном здании, некогда высившемся на этом месте. Оплавленные фермы поднимались над развалинами, словно ребра скелета какого-то гигантского чудовища. Подвалы и подземные ходы, проложенные триста лет назад, были погребены под обломками. Консул подошел к краю ближайшей ямы и задумался. Легенда гласила, что подземелье Святилища соединяется с лабиринтом…

— Здесь, похоже, прошлись «адской плетью». — Мартин Силен ввернул древнее название лазерного оружия большой мощности. Сейчас, стоя рядом с Консулом у края ямы, поэт, казалось, внезапно протрезвел. — Когда-то здесь было только Святилище и часть Старого города. Но после катастрофы у Гробниц Времени Билли решил перенести Джектаун сюда, поближе к Святилищу. И вот его нет. Боже мой…

— Ерунда.

Все посмотрели на Кассада.

— Ерунда. — Внимательно рассматривавший камни полковник поднялся на ноги. — Адская плеть тут ни при чем. Били плазменными кумулятивными снарядами. И не один раз.

— Вы и теперь хотите отправиться в это бессмысленное паломничество? — спросил Тео. — Давайте вернемся в консульство. — Он обращался к Консулу, но его приглашение было адресовано всем паломникам.

Консул отвернулся от ямы и впервые заговорил со своим бывшим помощником как с генерал-губернатором осажденной планеты Гегемонии:

— Мы не можем, Ваше Превосходительство. По крайней мере я. Другие пусть решают сами.

Все отрицательно покачали головами. Силен и Кассад начали выгружать багаж. Дождь превратился в легкую изморось, падающую откуда-то сверху из темноты. В эту секунду Консул заметил, что над крышами соседних домов висят два армейских боевых скиммера. Темнота и «кожа хамелеона» — полимерное покрытие, способное менять цвет, — делали машины почти невидимыми, и лишь слабый блеск водяных капель выдавал их присутствие. «Конечно, — подумал Консул, — генерал-губернатору не полагается путешествовать без эскорта».

— А жрецам удалось бежать? Кто-нибудь остался в живых после того, как разрушили Святилище? — спросила Ламия Брон.

— Да, — ответил Тео. Властитель пяти мил-

лионов обреченных душ снял очки и протер их о рубашку. — Все жрецы и служки бежали через подземные ходы. Толпа осаждала Святилище несколько месяцев. Ее предводительница, женщина по имени Каммон (родом откуда-то с востока, с той стороны Травяного моря), много раз предупреждала осажденных, что против них будет применено оружие. Только после этого по Святилищу открыли огонь из DL-20.

— Куда же смотрела полиция? — спросил Консул. — ССО? Армия, наконец?

Тео Лэйн улыбнулся, и на мгновение Консулу показалось, что перед ним тот юноша, которого он когда-то знал, а не человек на несколько десятков лет старше.

— Пока вы летели, прошло три года, — сказал он. — Вселенная изменилась. Адептов культа Шрайка травят по всей Сети. Можете себе представить, как к ним относятся здесь. А у полиции Китса и без того полно забот. Ей надо поддерживать военное положение, которое я ввел четырнадцать месяцев назад. Когда толпа поджигала Святилище, полицейские и ополченцы стояли в сторонке и наблюдали. Я тоже. В ту ночь здесь собралось до полумиллиона человек.

Сол Вайнтрауб подошел ближе.

— Они знают о нас? Об этом последнем паломничестве?

— Едва ли, — ответил Тео. — Иначе вас уже не было бы в живых. Вы, наверное, думаете, что они будут рады любому, кто попытается умиротворить Шрайка, но толпа видит только одно: вас выбрала Церковь Шрайка. Мне пришлось даже отменить решение собственного Консультативного Совета, который требовал уничтожить ваш корабль, прежде чем он войдет в атмосферу.

— Но почему? — спросил Консул. — Я хотел сказать: почему вы отменили их решение?

Тео вздохнул и поправил очки:

— Гегемония все еще нужна Гипериону, а госпожа Гладстон, даже если Сенат ее не во всем поддерживает, все еще сохраняет вотум доверия Альтинга. Кроме того, вы нужны мне.

Консул посмотрел на развалины Святилища Шрайка.

— Ваше паломничество закончилось, еще не начавшись, — сказал генерал-губернатор Тео Лейн. — Так вы согласны вернуться в консульство… по крайней мере в роли советника?

— Весьма сожалею, — ответил Консул, — но это невозможно.

Ни говоря ни слова, Тео повернулся, нырнул в

скиммер и улетел.

Размытые пятна машин эскорта последовали за ним.

Дождь усилился. В наступающей темноте паломники придвинулись друг к другу. Вайнтрауб соорудил над Рахилью некое подобие капюшона, но стук дождевых капель по пластику, по-видимому, напугал девочку, и она снова раскричалась.

— Что будем делать? — Консул вглядывался в темные провалы узких улиц. Мокро поблескивали сваленные в кучу чемоданы. В воздухе стоял запах гари.

Мартин Силен усмехнулся:

— Я знаю тут неподалеку один бар.

Оказалось, Консул тоже знал его; за одиннадцать лет службы на Гиперионе ему не раз доводилось бывать в «Цицероне».

Большинство названий в Китсе, да и вообще на Гиперионе, восходили к литературным источникам эпохи до Хиджры. «Цицерон» составлял исключение. По слухам, бар был назван в честь одного из районов Мегаполиса Старой Земли: то ли Чикаго, то ли Калькутты. Но только Стен Левицкий, владелец и правнук основателя бара, точно знал, откуда взялось название, правда, секрет этот он держал при себе. Полтора века

назад бар представлял собой просто-напросто забегаловку на верхнем этаже одного из тех покосившихся от старости домов, что стояли и до сих пор стоят вдоль реки Хулай. Теперь он занимал по девять этажей в каждом из четырех покосившихся от старости домов, стоявших вдоль реки. На протяжении десятилетий интерьер «Цицерона» менялся, но неизменными оставались низкие потолки, густой табачный дым и негромкий разговор за соседними столиками… Все это создавало ощущение уединенности среди всеобщей суеты.

Этой ночью, однако, уединиться было невозможно. Подойдя к бару со стороны Болотного переулка, Консул и его спутники втащили багаж… и остановились в растерянности.

— Черт побери, — пробормотал Мартин Силен.

«Цицерон» выглядел так, словно его захватили орды варваров.

Все столы и кресла были заняты посетителями — в основном мужчинами. На полу в беспорядке валялись какие-то мешки, оружие, свернутые спальники, армейское снаряжение явно устаревшего образца, ящики с провиантом и прочий хлам. Впечатление было такое, что здесь обосновалась целая армия беженцев… точнее, бежавшая армия. Атмосфера «Цицерона», дышавшая неко-

гда ароматами бифштексов, вина, стима, эля и табака, пропиталась едкой вонью — запахом немытых тел, мочи и безнадежности.

В этот момент, словно материализовавшись из темноты, на пороге возникла огромная фигура Стена Левицкого. Его ручищи сохранили былую силу, но лохматая черная шевелюра надо лбом отступила на несколько сантиметров назад, а вокруг темных глаз появились частые морщинки. Сейчас глаза хозяина бара были широко открыты: он изумленно смотрел на Консула.

— Привидение, — произнес он наконец.

— Нет.

— Так ты же умер!

— Нет.

— Вот черт! — закричал Стен Левицкий и, схватив Консула за бицепсы, легко, словно пятилетнего ребенка, поднял его в воздух. — Черт возьми! Жив! А что ты тут делаешь?

— Проверяю лицензии на торговлю спиртным, — улыбнулся Консул, — и до тебя добрался. Да отпусти же ты меня наконец!

Левицкий осторожно опустил Консула, похлопал его по плечу и расплылся в улыбке. Потом посмотрел на Мартина Силена, и улыбка сразу же сползла с его губ.

— Странное дело, — сказал он, нахмурившись. — В первый раз тебя вижу, а лицо твое мне будто знакомо.

— Я знал твоего прадеда, — сказал Силен. — В связи с чем позволю себе задать один вопрос: не осталось ли у тебя того самого эля, что варили еще до Хиджры? Горячего английского эля, отдающего лосиной мочой? Ни разу в жизни мне не удалось напиться его вдосталь!

— Ничего не осталось, — сказал Левицкий и вдруг взмахнул рукой: — Черт возьми, припоминаю. Сундучок прадедушки Джири… Старая голограмма… сатир на улицах древнего Джектауна… Быть не может! — Он уставился на Силена, потом перевел взгляд на Консула и поочередно дотронулся до них. — Два призрака.

— Нет. Просто шестеро усталых путников, — сказал Консул. Ребенок снова запищал. — Точнее, семеро. У тебя найдется где переночевать?

Левицкий повернулся на месте и развел руками:

— Везде то же самое. Свободных мест нет. Еды нет. Вина нет. — Он скосил глаза на Мартина Силена: — Эля нет. Мой бар превратился в гостиницу — правда, без кроватей. Эти ублюдки из ССО разместились здесь, как дома, ни черта не

платят, пьют какую-то вонючую бурду собственного изготовления и ждут конца света. Я лично подозреваю, что это случится довольно скоро.

Место, где стояли сейчас паломники, в старые времена именовалось мезонином. Их багаж почти затерялся среди разбросанного по полу барахла. Повсюду, расталкивая плечами толпу, сновали какие-то личности сомнительного вида. Время от времени они оценивающе поглядывали на прибывших — в особенности на Ламию, но та стояла с невозмутимым видом и холодно парировала нахальные взгляды.

Стен Левицкий пристально посмотрел на Консула:

— Есть еще столик на балконе. Пятеро «командос» из Отряда Смертников паркуются там уже неделю. Сидят, понимаешь, разъясняют всем вокруг — и друг другу, — как они изничтожат легионы Бродяг голыми руками. Вам нужен столик, вот я и вышвырну этих молокососов.

— Что ж, попытайтесь, — сказал Консул.

Левицкий уже повернулся, собираясь уйти, как вдруг Ламия положила руку ему на плечо:

— Давайте я вам помогу.

Левицкий, усмехнувшись, пожал плечами:

— Ну, особой нужды в этом нет, но ваше обще-

ство доставит мне удовольствие. Пойдемте.

Они растворились в толпе.

На балконе четвертого этажа поместилось как раз шесть стульев да еще обшарпанный стол. Хотя на всех этажах, на лестницах и в проходах была дикая давка, никто не осмелился претендовать на освободившееся место, после того как Левицкий и Ламия побросали протестовавших «командос» через перила в реку, протекавшую под балконом. Потом Левицкий каким-то чудом добыл для них корзинку с хлебом и холодной говядиной, а также огромный кувшин пива.

Паломники ели молча. Голод после фуги был обычным явлением, но сейчас к нему примешивались усталость и подавленное настроение. Темноту на балконе рассеивали лишь тусклый свет из бара да фонари проплывавших по реке барж. Большинство домов, стоявших на берегу, уже погрузилось во тьму, но в других районах города еще горели огни, отражавшиеся в низко нависших облаках. Метрах в пятистах вверх по течению виднелись развалины Святилища Шрайка.

— И что же дальше? — спросил отец Хойт, пришедший в себя после двойной дозы ультраморфина. Сейчас он балансировал на грани

между болью и покоем.

Ответа не последовало, а Консул прикрыл глаза. Ему не хотелось брать на себя роль руководителя. Сидя на балконе бара «Цицерон», так легко было впасть в ритм прежней жизни: всю ночь он будет пить, а ближе к утру, когда рассеются облака, — любоваться на предрассветный дождь метеоров. Потом, покачиваясь, он добредет до своей пустой квартиры у рынка. Часа через четыре, приняв душ и побрившись, он потащится в консульство. От безумной ночи останутся только красные прожилки в глазах и дикая головная боль. Он доверится Тео — такому спокойному, такому толковому трудяге Тео — и как-нибудь проживет это утро. А потом, доверившись судьбе, как-нибудь проживет день. Потом он вернется в «Цицерон» и, доверившись вину, как-нибудь проживет ночь. И так, доверившись сознанию своей незначительности, он проживет жизнь.

— Все ли готовы отправиться в паломничество?

Консул быстро открыл глаза. В дверном проеме стояла фигура в плаще с капюшоном; на мгновение Консулу показалось, что это Хет Мастин, однако вошедший был значительно ниже ростом и в его голосе отсутствовали характерные для

тамплиеров металлические нотки.

— Если вы готовы, пора выходить, — произнесла тень.

— Кто вы? — спросила Ламия Брон.

Неизвестный, однако, на вопрос не ответил, а лишь повторил:

— Нужно выходить. Немедленно.

Стараясь не удариться головой о потолок, Федман Кассад поднялся, схватил закутанную в плащ фигуру за плечо и быстрым движением левой руки сбросил с ее головы капюшон.

Перед паломниками предстало существо с голубой кожей и такими же голубыми, почти незаметными на фоне лица глазами.

— Андроид! — воскликнул Ленар Хойт.

Консул удивился меньше остальных. Уже более ста лет в Гегемонии было запрещено иметь андроидов, и биотехническая промышленность перестала их выпускать, но на отдаленных, неосвоенных планетах, таких, как Гиперион, их продолжали держать для тяжелых работ. Церковь Шрайка использовала андроидов постоянно, ибо ее учение объявило их свободными от первородного греха. А коль скоро андроид духовно превосходит человека, он не подлежит жестокой и неотвратимой каре Шрайка.

— Поторопитесь, — прошептал андроид, натягивая на голову капюшон.

— Ты из Святилища? — спросила Ламия.

— Тише! — быстро ответил андроид. Он выглянул в холл, потом вернулся и кивнул головой. — Прошу вас следовать за мной. И побыстрее.

Все поднялись и затоптались на месте. Кассад небрежно расстегнул свою кожаную куртку. Консул заметил, что за поясом у полковника поблескивает нейродеструктор, или, как его еще называли, «жезл смерти». В обычной ситуации он почувствовал бы себя неуютно уже при одной мысли об этом предмете: достаточно малейшей ошибки — и у всех, кто окажется поблизости, синапсы превратятся в кашу. Но сейчас он испытал странное облегчение при виде смертоносного оружия.

— А как же багаж… — начал было Вайнтрауб.

— О нем позаботятся, — прошетал человек в капюшоне. — Нам нужно спешить.

Паломники, усталые, как вздох, спустились вслед за андроидом по лестнице и исчезли в ночи.

Консул спал долго. Через полчаса после того, как рассвело, солнечные лучи, проникшие в каюту сквозь щель между шторами, подползли к

его подушке, и он, не просыпаясь, перевернулся на другой бок. Еще через час раздался громкий шум — меняли уставших мант, которые всю ночь тянули баржу, — но Консул и на сей раз не проснулся. Гвалт и топот за стенами его каюты становились все громче и назойливей, однако Консул проспал еще целый час, и только возле Карлы его разбудил протяжный гудок. Судно подходило к шлюзам.

Обычное после фуги похмелье еще не прошло, и Консул двигался медленно, словно одурманенный. Накачав ручным насосом воды, он кое-как умылся над тазиком, надел свободные хлопчатобумажные штаны, старую холщовую рубашку, туфли на пластиковой подошве и вышел на палубу.

Завтрак подавали за длинным буфетом, рядом с потемневшим от времени откидным столом. Сверху над палубой был натянут тент, пунцовые и золотистые фестоны которого трепетали на ветру. День был прекрасный — безоблачный, яркий. Крохотное солнце Гипериона припекало вовсю.

Доктор Вайнтрауб, Ламия, Кассад и Силен, вставшие раньше, уже позавтракали. Следом за Консулом на палубе появились заспанные Ленар Хойт и Хет Мастин.

Взяв поднос с печеной рыбой, фруктами и апельсиновым соком, Консул подошел к поручням. Река в этом месте была широкой — по меньшей мере километр от берега до берега, ее лазурно-зеленая гладь повторяла цвет небосвода. Консул долго разглядывал проплывавшие мимо берега, но так и не смог понять, где они находятся. На востоке уходили вдаль сверкавшие под лучами утреннего солнца полузатопленные плантации бобов-перископов, а там, где насыпи пересекались друг с другом, стояли угловатые хижины, построенные из золотистого падуба и побелевшего от времени плотинника. С запада всю пойму реки покрывали заросли низеньких кустиков гиссена, мангрового корня и огненно-красного папоротника (Консул так и не вспомнил, как он называется). Заросшие лагуны и болота тянулись примерно на километр, а дальше отвесной стеной поднимался берег, где вечноголубой кустарник цеплялся за каждый клочок земли между гранитными глыбами.

На секунду Консулу показалось, что он заблудился в этом мире, который до сих пор казался ему таким знакомым, но потом он вспомнил звук гудка, когда они проходили шлюзы, и сообразил, что возле Духоборских Вырубок баржа свернула

на север, в боковой рукав реки Хулай. Суда здесь ходили очень редко, так что он действительно попал сюда впервые. Обычно он проплывал (или пролетал на скиммере) вдоль Королевского Канала, который лежал к западу от этих отвесных утесов. Консулу оставалось только гадать, какие помехи и опасности на основном пути к Травяному морю заставили их избрать этот обходной маршрут. Скорее всего сейчас они примерно в ста восьмидесяти километрах северо-западнее Китса.

— При свете дня все выглядит по-другому, не правда ли? — обратился к нему отец Хойт.

Консул снова оглядел берег, не понимая, о чем речь, но потом сообразил, что священник имеет в виду их баржу.

Сейчас прошедшая ночь казалась ему нереальной: прогулка под дождем в обществе посланца-андроида, лабиринт коридоров и выложенных мозаикой комнат, встреча с Хетом Мастином у руин Святилища, погрузка на старую баржу и, наконец, уплывающие за корму огни Китса.

Консул был настолько измучен, что едва ли воспринимал окружающее. Впрочем, остальные устали не меньше и тоже с трудом понимали, что происходит. Он смутно помнил, как удивила его

команда баржи, состоявшая из одних андроидов. Но вот чувство облегчения, с которым он закрыл дверь каюты и забрался в постель, — его он помнил отлично.

— Сегодня утром я беседовал с А. Беттиком, — продолжал Вайнтрауб (доктор имел в виду проводника-андроида). — Между прочим, у этой старой калоши богатая история.

Мартин Силен подошел к буфету, налил себе немного томатного сока и, разбавив его какой-то жидкостью из собственной фляжки, сказал:

— Ясное дело, баржа видала виды. Взгляните на эти поручни, лоснящиеся от прикосновений бесчисленных рук, на эти выщербленные лестницы и потемневшие от сажи потолки. А эти просевшие койки — сколько поколений матросов валилось на них без задних ног. Барже, я полагаю, несколько веков. И резьба чертовски занятная. Стиль рококо. Кстати, заметили, что все запахи перебивает запах сандала? Его тут использовали для отделки. Не удивлюсь, если узнаю, что баржу доставили со Старой Земли.

— Именно так, — сказал Сол Вайнтрауб. Малютка Рахиль спала у него на руках, пуская во сне пузыри. — Корабль носит гордое имя «Бенарес». Он построен на Старой Земле в городе с тем же

названием и поименован в его честь.

— Что-то не помню на Старой Земле такого города, — сказал Консул.

Ламия Брон оторвалась от завтрака:

— Бенарес, он же Варанаси, он же Гандипур, Свободный Штат Хинду. Вторая Азиатская Зона Процветания. Она образовалась после третьей японо-китайской войны. А во время локального ядерного конфликта между Индией и Исламской Советской Республикой город был уничтожен.

— Да, — подтвердил Вайнтрауб. — «Бенарес» построили еще до Большой Ошибки. Я полагаю, в середине XXII века. И, как сообщил мне А. Беттик, строился он как корабль-левитатор.

— А электромагнитные генераторы с него не сняли? — прервал его полковник Кассад.

— Видимо, нет, — ответил Вайнтрауб. — Они должны стоять на нижней палубе рядом с главным салоном. Пол там изготовлен из чистого лунного камня. А что, неплохо бы сейчас взлететь километра на два… хотя зачем?

— Бенарес, — задумчиво произнес Мартин Силен и любовно погладил потемневшие от времени перила. — Меня там однажды ограбили.

Ламия Брон поставила кофейную кружку на стол.

— Ты что же, хочешь сказать, что помнишь Старую Землю? Сколько же тебе лет, дедуля? Или ты за идиотов нас держишь?

— Дитя мое, — просиял Мартин Силен. — Я ничего не хочу сказать. Я только подумал, что эта история могла бы развлечь нас, так сказать, расширить кругозор… ведь в ней немало поучительного. При случае нам бы стоило поведать друг другу, где и как нас грабили… а равно и о том, где и как мы сами грабили других. А поскольку у тебя, дитя мое, есть преимущество — ты как-никак дочь сенатора, — я уверен, что твой список будет самым длинным и самым примечательным.

Ламия открыла было рот, но потом нахмурилась и промолчала.

— Интересно, как это судно попало на Гиперион? — пробормотал отец Хойт. — Какой смысл перевозить корабль-левитатор на планету, где электромагнитные генераторы не работают?

— Почему же не работают? — возразил полковник. — Небольшое магнитное поле у Гипериона есть. Другое дело, что надежной магнитной подушки здесь не получишь.

Отец Хойт поднял бровь — видимо, не мог сообразить, в чем разница.

— Слушайте! — вдруг завопил поэт, который

все еще держался за поручни. — А ведь наша команда опять в сборе!

— Ну и что? — спросила Ламия Брон. Когда она обращалась к Силену, губы ее неизменно сжимались в тонкую линию.

— А то, что раз мы все в сборе, так давайте рассказывать истории.

— Господа, — произнес Хет Мастин, — мы же условились, что будем рассказывать после обеда.

Мартин Силен пожал плечами:

— Завтрак! Обед! Какого черта? Мы все в сборе. Сколько нам еще добираться до Гробниц Времени? Дней шесть-семь?

Консул прикинул. Не меньше двух дней по реке. Столько же — по Травяному морю, конечно, при попутном ветре. Перевалить через горы — еще день.

— Нет, — сказал он. — Меньше.

— Вот и ладушки, — сказал Силен. — Начнем сейчас же! Кроме того, нет никаких гарантий, что Шрайк не объявится раньше, чем мы сами постучим в дверь. Если мы все еще надеемся, что эти истории помогут нам выжить, каждому из нас стоит высказаться, пока ходячий кухонный автомат, к которому мы так стремимся, не превратил нас в кучу мясного фарша.

— Ты отвратителен, — поморщилась Ламия Брон.

— Ах, дорогая, — пропел Силен, — то же самое ты шептала мне этой ночью после второго оргазма.

Ламия отвернулась. Отец Хойт кашлянул:

— Так чья же сегодня очередь? Я имею в виду, чья очередь рассказывать?

Молчание затягивалось.

— Моя, — произнес наконец Федман Кассад. Он запустил руку в карман своей белой блузы и извлек оттуда клочок бумаги с большой цифрой «2».

— Если вы не возражаете, господа, начнем прямо сейчас, — предложил Сол Вайнтрауб.

На лице Кассада появилось подобие улыбки:

— Я с самого начала был против, но будь конец всему концом, все кончить могли б мы разом.[11]

— Слушайте! — воскликнул Мартин Силен. — Он знает драматургов, которые жили еще до Хиджры.

— Вы имеете в виду Шекспира? — спросил отец Хойт.

— Нет, — ответил Силен. — Лернера. Потом это-

---

[11] Примечания: 11

Д. Китс. «Гиперион». Книга первая, 1–8 (пер. Г. Кружкова).

го, козла… Лоуи. Нейла Саймона, старого пидора… А еще, блин, Хамеля Постона…

— Полковник, — официальным тоном произнес Сол Вайнтрауб, — погода великолепная, ближайший час мы ничем не заняты. Мы будем вам весьма обязаны, если вы поделитесь с нами своей историей. Итак, что же подвигло вас отправиться на Гиперион в это последнее паломничество к Шрайку?

Кассад кивнул. Солнце припекало все сильнее. Хлопал под ветром тент. Поскрипывая палубой, левитационная баржа «Бенарес» неспешно поднималась вверх по течению — к горам, болотам и Шрайку.

История солдата: Война и любовь

В битве при Азенкуре Федман Кассад встретил женщину, которую искал потом всю свою жизнь. То утро в конце октября 1415 года от Рождества Христова выдалось сырым и холодным. Кассада сделали лучником в армии Генриха V, короля Англии. Английская армия высадилась во Франции 14 августа и с 8 октября отступала под натиском превосходящих французских сил. Генрих пред-

полагал разбить французов на марше и убедил военный совет отступать под защиту стен Кале. Маневр не удался. Седым и туманным утром 25 октября семь тысяч англичан — в основном пехотинцев — встретились с двадцатью восьмью тысячами французских рыцарей лицом к лицу. Противников разделял только километр грязного поля.

Кассад замерз, устал и чувствовал себя больным. К тому же ему было страшно. Последнюю неделю лучники (и он в том числе) питались какими-то подгнившими ягодами и теперь практически все страдали от поноса. Температура воздуха не превышала десяти градусов, и всю прошлую ночь Кассад безуспешно пытался уснуть на холодной и мокрой земле. Реализм эксперимента впечатлял. Интерактивный тактический имитатор Олимпийской Офицерской школы (ООШ: ИТИ) по своим возможностям превосходил обычные фантопликаторы настолько, насколько голограмма превосходит дагерротип. Все физические ощущения были столь убедительны, столь реальны, что Кассада всерьез пугала перспектива быть раненным. Ходили слухи о кадетах, получивших во время модельных тренировок смертельные ранения и отдавших концы прямо

в иммерсионной ванне.

Пехотинцы, составлявшие правый фланг армии Генриха, простояли напротив французов все утро. Но вот наконец развернулись флаги и тишину разорвали зычные крики сержантов (более подходящего слова Кассад не подобрал). По приказу короля лучники двинулись на врага. Справа и слева был лес, и цепь англичан растянулась метров на семьсот — от опушки до опушки. Она состояла из отрядов лучников (в одном из них и шел Кассад), между которыми двигались немногочисленные конные рыцари. Регулярной кавалерии у англичан не было, и большая часть всадников, которых Кассад мог видеть на своем краю поля, сосредоточилась либо вокруг короля (тот ехал в центре, метрах в трехстах от Кассада), либо вокруг герцога Йоркского, находившегося непосредственно на правом фланге. Эти две группы всадников напомнили Кассаду мобильные штабы современных сухопутных войск, с той лишь разницей, что вместо неизбежного леса антенн (сразу же выдающего местоположение штаба) над головами рыцарей реяли яркие знамена и флажки, укрепленные на древках пик. Хорошая мишень для артиллерии, подумал Кассад, но вовремя вспомнил, что в те времена этот

род войск еще не встал на колеса.

Кассад отметил, что в армии французов много кавалерии. На каждом фланге стояли рядами 600–700 всадников, кроме того, большой отряд конных рыцарей располагался непосредственно за основной боевой линией. Он не любил лошадей. Конечно, он видел их на картинах и голограммах, но в жизни не сталкивался с ними ни разу до сегодняшнего учебного боя. Их размеры, запахи, звуки, которые они издавали, — все это действовало ему на нервы. Особенно если учесть, что грудь и бока проклятых четвероногих были защищены броней, а на спине у каждого сидел закованный в доспехи всадник с четырехметровым копьем.

Авангард англичан остановился. Кассад оценил расстояние до французской боевой линии в двести пятьдесят метров. По опыту прошлой недели он знал, что это в пределах досягаемости дальнобойного лука. Знал он и другое: для этого придется так натягивать тетиву, что есть шанс вывихнуть руку.

Французы что-то выкрикивали — видимо, осыпали противника оскорблениями. Не обращая на них внимания, Кассад и его товарищи молча сложили стрелы на землю и двинулись вперед,

волоча по рыхлой земле заранее приготовленные колья. Колья были длинные — метра полтора, тяжелые, заостренные с обоих концов. Свой кол Кассад таскал уже неделю. Когда они пересекли Сомму и углубились в глухие леса, им приказали рубить молодые деревца и вытесывать колья. Кассад тогда удивился. В самом деле, зачем они нужны? Теперь он понял.

Каждый третий лучник имел при себе тяжелую деревянную колотушку. Теперь колья ставили под нужным углом и колотушками забивали в землю. Кассад вытащил нож, еще раз заточил конец кола (даже поставленный наклонно, он доставал почти до груди) и сквозь частокол отошел назад.

Французы не атаковали.

Все ждали. Кассад ждал вместе со всеми. Он натянул тетиву и встал, как положено. Свои сорок восемь стрел он заранее воткнул в землю двумя кучками — так, чтобы они были под рукой.

Французы не атаковали.

Дождь прекратился, но задул холодный ветер, и то немногое тепло, которое организм Кассада накопил за время короткого марша и при забивании кольев, теперь стремительно улетучивалось. Слышались лязг доспехов, приглушенная ругань,

нервные смешки и тяжелый топот копыт — это перестраивалась французская кавалерия. Перестраивалась, но атаку не начинала.

— Вот ведь, мать их… — выругался седой йомен, стоявший в нескольких футах от Кассада. — Время тянут, ублюдки. А я так думаю: не хочешь срать — не мучай жопу.

Кассад кивнул. Он так и не понял, произнесена эта фраза на обычном стандартном или на среднеанглийском, которого ему до сих пор не доводилось слышать. Седой лучник мог быть таким же, как и он, кадетом Офицерской школы, инструктором или просто порождением фантопликатора — какая ему разница? Кассаду казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет у него из груди. Ладони вспотели, и он торопливо вытер их о куртку.

И тут, словно до него долетела ругань старого солдата, король Генрих отдал приказ. Взвились и затрепетали флаги, закричали сержанты, английские стрелки подняли свои длинные луки, по команде натянули их и так же, по команде, выстрелили.

Остроконечные трехфутовые стрелы четырьмя волнами взмыли вверх и словно бы зависли метрах в тридцати над землей. Если бы все их

сейчас выложить одну за другой, получилась бы цепочка длиной километров шесть.

Затем стрелы обрушились на французов.

Послышалось конское ржание, и словно тысячи свихнувшихся мальчишек принялись что есть силы колотить в десятки тысяч консервных банок. Французские рыцари склонились под дождем стрел, подставив под удар шлемы и доспехи, защищавшие грудь и плечи. С военной точки зрения, их потери были невелики. Но для тех французских солдат, которым стрела угодила прямо в глаз и вошла дюймов на десять в голову, это было слабое утешение. Около дюжины лошадей топтались на месте, вставали на дыбы, напирали друг на друга, пока их всадники пытались вытащить стрелы, торчавшие из боков животных.

Французы не атаковали.

Снова команда. Кассад поднял лук, натянул его, выстрелил. Потом еще раз. И еще. Небо темнело каждые десять секунд. Правая рука и спина уже ныли от этого смертоносного ритма, однако ни злобы, ни возбуждения Кассад не испытывал. Он просто делал свою работу. Предплечье онемело от усталости. Снова и снова взлетали стрелы. Он выпустил уже пятнадцать из двадцати четырех,

что были в первой кучке. Но вот по линии англичан прошел крик, и Кассад замер, держа в руках натянутый лук.

Французы пошли в атаку.

До сих пор Кассаду не доводилось видеть кавалерийской атаки. И сейчас, когда двенадцать сотен закованных в броню коней мчались прямо на него, он пришел к выводу, что зрелище это не для слабонервных. Атака продолжалась не более сорока секунд, но за это время во рту у него пересохло, а внутренности превратились в ледяной ком. Будь поблизости какое-нибудь укрытие, Кассад (точнее, то, что от него осталось) всерьез задумался бы, как туда доползти.

Но он был слишком занят.

Выполняя команды, лучники выпустили пять полных залпов по атакующим всадникам, потом выстрелили еще раз, вразнобой, и отступили на пять шагов.

Как выяснилось, лошадь — животное умное и на колья лезть не желает, как бы ни хотелось этого ее седоку. Однако вторая и третья волны наступающей кавалерии не смогли остановиться, как первая, — и началось форменное сумасшествие: лошади ржали, валились на землю, всадники с криками вылетали из седел. Кассад

никуда не летел, но тоже кричал. Как только в его поле зрения оказывался выпавший из седла француз, он кидался на него и принимался лупить его колотушкой. Если же теснота не позволяла развернуться, пытался поразить врага ножом сквозь щели в доспехах. Вскоре Кассад, седой лучник и еще одни стрелок — помоложе и без шапки (потерял, наверное) — превратились в слаженную команду убийц. Они набрасывались на поверженных рыцарей сразу с трех сторон. Когда те пытались подняться, Кассад колотушкой укладывал их назад, а затем все трое приканчивали очередную жертву ножами.

Только одному рыцарю удалось вскочить на ноги и обнажить меч. Он откинул забрало и что-то закричал: француз явно вызывал кого-то из них на честный поединок. Старик и юноша кружили вокруг него, как волки. Кассад ответил поклоном и с десяти шагов всадил стрелу в левый глаз рыцаря.

Битва шла своим чередом, все более напоминая трагикомедию; она ничем не выделялась из тех вооруженных столкновений, что отгремели со времен первой дуэли на каменных топорах на Старой Земле. Пока первая десятитысячная волна рыцарей в пешем строю атаковала английский

центр, всадникам удалось кое-как развернуть коней и отступить. Свалка в центре задержала французов, и к тому времени, когда они снова овладели инициативой, рыцари короля Генриха уже сомкнули свои ряды и сумели остановить пехоту противника на расстоянии вытянутого копья, в то время как несколько тысяч лучников обрушили на нее с близкого расстояния град стрел.

Но битва на этом еще не кончилась. Возможно даже, вовсе не этот эпизод определил ее исход. Решающий момент, как водится, наступил незаметно, он затерялся где-то в пыли и сутолке тысяч отдельных стычек, когда пехота сошлась в ближнем бою. Битва завершилась через три часа. А пока что повторялись вариации на прежнюю тему: бестолковые атаки и неуклюжие контратаки. Произошло и еще одно, куда менее благородное событие. Когда над англичанами в очередной раз нависла опасность поражения, Генрих приказал перебить пленных вместо того, чтобы отправить их в тыл. Но герольды и историки будущего были единодушны: исход битвы предрешила неудача самой первой пешей атаки. Погибли тысячи французов. Англичане надолго закрепили за собой эту часть континента. Время тяжелой

конницы, время рыцарей — этого воплощения благородства — миновало. Несколько тысяч ободранных крестьян, вооруженных длинными луками, вогнали его в гроб истории. Но самым оскорбительным для павших французских дворян (если вообще можно оскорбить мертвых) было даже не то, что их одолели простолюдины, какое-то вшивое мужичье. Их одолела регулярная пехота. Люди простого звания, вставшие в строй по призыву. Матушка-пехота. Серошинельная масса. Джи-Ай. Десантура. Морпехи. Спецкон. Космотехназ. «Прыгающие крысы».

Именно в этом и состоял урок, который Кассад должен был извлечь из данной модельной тренировки. Но никакого урока он не извлек. Он слишком увлекся стычкой, которой суждено было изменить всю его жизнь.

Очередной рыцарь, перелетев через голову рухнувшей лошади, покатился по земле, но потом сумел подняться и побежал к лесу, с трудом выдирая ноги из грязи. Кассад помчался за ним. Он был уже на полпути к опушке, как вдруг понял, что бежит один — юноши и седого лучника рядом не было, но его это не остановило. Адреналин сделал свое дело — Кассада охватила жажда убийства.

Он полагал, что рыцарь, обремененный гро-

моздкими шестидесятифунтовыми доспехами, да еще на всем скаку слетевший с лошади и грохнувшийся оземь, окажется легкой добычей. Но вышло иначе. Француз оглянулся и, увидев несущегося к нему Кассада с колотушкой в руках и профессиональным огоньком в глазах, прибавил ходу и достиг опушки, опережая своего преследователя метров на пятнадцать.

Сгоряча Кассад бросился в лес, но вскоре остановился; хватая ртом воздух, он оперся на колотушку и стал обдумывать свое положение. С поля боя доносились приглушенные расстоянием и лесной чащей удары, крики и грохот падающих тел. Деревья так и не высохли после ночного ливня, и с голых ветвей то и дело срывались тяжелые капли. Ковер из опавших листьев и густые заросли терна и ежевики скрывали под собой землю. Поначалу рыцарь мчался сквозь лес напролом, и находить его следы не составляло труда, но теперь они затерялись среди следов оленей.

Затаив дыхание и вслушиваясь в лесные шорохи, еле различимые из-за бешеного стука крови в висках, Кассад медленно двинулся в лес.

Вскоре он понял, что с тактической точки зрения положение у него далеко не блестящее. Где-то рядом затаился рыцарь в полном снаряжении

и с мечом. В любой момент он мог устыдиться своего позорного бегства и вспомнить годы, потраченные на овладение воинским искусством. Конечно, Кассад тоже кое-что умел. Он еще раз осмотрел свое снаряжение. Матерчатая рубаха. Кожаный нагрудник. Колотушка. За широким поясом — нож. Он мастерски владел высокоэнергетическим оружием любого радиуса действия — от нескольких метров до нескольких тысяч километров. Его научили обращаться с плазменными гранатами, адскими плетями, игольными ружьями, станнерами, безоткатными инерционными орудиями, жезлами смерти, десантными кинетическими винтовками и лучевыми перчатками. Теперь у него появился и опыт обращения с английским луком. Правда, ничего из вышеперечисленного, включая и лук, под рукой не было.

— Вот же гадство! — пробормотал младший лейтенант Кассад.

В этот момент кусты зашевелились, и оттуда, словно разбуженный медведь, показался рыцарь. Широко расставив ноги, он занес меч и рубанул слева направо, едва не выпустив Кассаду кишки. Защищаясь, курсант ООШ вскинул колотушку и отскочил назад, однако француз все-таки зацепил его самым кончиком меча, пропоров кожаный

нагрудник и рубаху и выбив из рук колотушку.

Кассад вскрикнул и отшатнулся, нашаривая за поясом нож. При этом его правый каблук зацепился за ветку поваленного дерева, и он упал навзничь. Чертыхаясь, Кассад мгновенно откатился в сторону, вскочил и нырнул в гущу ветвей. Француз преследовал его по пятам, расчищая себе дорогу мечом как гигантским мачете. Пока рыцарь пробирался через бурелом, Кассад успел достать нож, но что он мог со своей десятидюймовой зубочисткой против меча и брони? Если бы рыцарь споткнулся… Но тот и не думал падать. Его меч со зловещим свистом прочертил в воздухе дугу, и Кассад понял, что сквозь эту дугу ему не прорваться. Оставалось бегство. Но сзади дорогу загораживало упавшее дерево, а справа и слева — бурелом. Не хватало еще, чтобы его зарубили сзади, когда он начнет карабкаться через бревно. Если на то пошло, он вообще не хотел быть зарубленным — хоть сзади, хоть спереди.

Кассад пригнулся и выставил перед собой нож. Эта стойка напомнила ему дни юности в трущобах Фарсиды, где поножовщина была обычным делом. Интересно, как фантопликатор смоделирует его смерть?

Внезапно позади рыцаря, словно тень, возник-

ла какая-то фигура с колотушкой Кассада в руках. Первый удар пришелся рыцарю в плечо. Звук был такой, словно били кувалдой по корпусу ТМП.

Покачнувшись, француз повернулся, чтобы отразить нападение, и получил второй удар колотушкой, на сей раз в грудь. Новый противник не был великаном, так что рыцарь сдаваться не спешил. Он уже заносил над головой меч, когда Кассад ударил его сзади — плечом под колени.

Француз не удержался на ногах и рухнул прямо в гущу ветвей. Неведомый храбрец уселся на рыцаря верхом, прижав коленом руку, в которой тот держал меч, и принялся изо всех сил бить колотушкой по шлему и забралу. Выпутавшись из ног и ветвей, Кассад придавил колени поверженного рыцаря и через щели в доспехах принялся колоть его ножом в бока, в пах, в подмышки. Маленький незнакомец вскочил и встал обеими ногами на руку рыцаря, а Кассад, подавшись вперед и несколько раз безуспешно ткнув ножом между латами и шлемом, нащупал наконец подходящую прорезь в забрале и втиснул в нее клинок.

Колотушка опустилась в последний раз и, едва не зацепив руку Кассада, вогнала нож в прорезь забрала. Рыцарь издал ужасающий крик и, словно не чувствуя веса шестидесятифунтовых

доспехов и сидевшего на нем Кассада, выгнулся в предсмертной судороге, а затем безвольно рухнул на землю.

Кассад откатился в сторону. Его неожиданный союзник повалился рядом с ним. Оба вспотели и перемазались кровью убитого. Только сейчас Кассад взглянул на своего спасителя. Точнее, спасительницу. То была стройная женщина, одетая, как и Кассад, в костюм лучника. Какое-то время они лежали рядом, тяжело дыша.

— Ты как… Все в порядке? — выговорил наконец Кассад. Внешность этой женщины поразила его. Ее каштановые волосы были подстрижены по последней моде Великой Сети — коротко и прямо — и чуть левее середины лба разделены пробором, так что самые длинные пряди кончались как раз над правым ухом. Мальчишеская стрижка давно забытых времен, но больше в ее облике ничего мальчишеского не было. Кассад подумал, что в жизни не встречал женщины прекрасней. Совершенные черты лица. Подбородок и скулы — четко очерченные, но не грубые. Большие глаза, в которых светились энергия и ум. Нежный рот с мягкой нижней губой. Лежа рядом с ней, Кассад мог убедиться, что она высока ростом. Пониже его, конечно, но заметно выше женщин XV века.

Даже просторная рубаха и мешковатые штаны не могли скрыть плавную округлость бедер и груди. Выглядела она на несколько лет старше Кассада; возможно, ей было под тридцать. Впрочем, едва ли он думал об этом, все бесповоротней погружаясь в изумрудную глубину ее нежных, зовущих глаз.

— Так ты как… все в порядке? — повторил он и не узнал своего голоса.

Она не ответила. Вернее, ответила — ее длинные пальцы скользнули по груди Кассада, обрывая ременные завязки его кожаного нагрудника. Потом она стащила с него располосованную, пропитавшуюся кровью рубашку и прильнула к нему всем телом. Губами и руками она ласкала его грудь, а бедра ее возбужденно подрагивали. Правой рукой она нащупала шнурок, на котором держались штаны, и разорвала его. Кассад помог ей стянуть с себя остатки одежды, а потом тремя слитными движениями раздел ее. Под рубахой и штанами из грубой ткани на ней не было ничего. Рука Кассада скользнула между ее бедер, потом двинулась дальше и словно чашей накрыла ее округлые ягодицы. Он притянул ее к себе, затем проник во влажную терпкость ее лона. Она словно раскрылась ему навстречу, и губы их слились

в долгом поцелуе. Каким-то непостижимым образом все это время их тела ни на секунду не отрывались друг от друга. Напряженная плоть Кассада уперлась в ее живот.

Глядя ему в глаза, она тут же перекатилась на него и обхватила бедрами его бока. Никогда еще Кассад не испытывал такого острого желания. Он почти задохнулся, когда она завела назад правую руку и направила его в себя. Когда он снова открыл глаза, женщина медленно раскачивалась на нем, откинув голову назад и зажмурившись. Кассад провел руками вдоль ее тела и охватил ладонями совершенной формы груди. Соски сразу же поднялись и отвердели.

Да, тогда они любили друг друга. К своим двадцати трем стандартным годам Кассад уже сменил немало женщин, а один раз его даже угораздило влюбиться. И потому он считал, что знает о любви все, может ответить на любые «как» и «почему». И обо всем, что знал, он мог рассказать другим, например, приятелям из своего отделения в кузове бронетранспортера, — со смехом, с подобающими случаю прибаутками. Со спокойным, уверенным цинизмом двадцатитрехлетнего ветерана. Рассказать, выпустить наружу — и дело с концом. Но он ошибался. Никогда и

никому он не смог бы описать то, что пережил за эти несколько минут. Да и не пробовал.

Они любили друг друга под негреющими лучами октябрьского солнца на ковре из опавшей листвы, и тела их, покрытые маслянистой пленкой из пота и крови, нежно скользили, скользили, скользили… Она, не отрываясь, смотрела на него, и, когда он начал двигаться быстрее, ее зеленые глаза раскрылись еще шире, а потом, одновременно с его глазами, закрылись.

Охваченные растущим возбуждением, они двигались, как единое целое, и движения их, древние и неизменные как вращение планет, сами собой убыстрялись, пульс становился все чаще… Еще… еще… последний взлет, мир сужается в точку, а потом… они еще касались друг друга, сердца еще колотились, но трепет страсти уже спадал. В их тела, вдруг ставшие отдельными, возвращалось сознание, и через забытые чувства в сознание втекал мир.

Они лежали рядом. Латы мертвеца холодили левую руку Кассада, теплое бедро женщины прижималось к его правой ноге. Солнечный свет изливался на них как благословение. На поверхности предметов заиграли скрытые доселе цвета. Кассад повернулся и пристально, словно

впервые, взглянул на нее: голова ее покоилась у него на плече, щеки пылали осенним румянцем, пряди медно-красных волос упали на его мускулистую руку. Она перебросила ногу через его бедро, и в нем вновь забурлила кровь. Солнце коснулось его лица. Он закрыл глаза.

Когда Кассад проснулся, ее уже не было. Ему казалось, прошло всего несколько секунд, по крайней мере не больше минуты, однако уже смеркалось. Лес поблек и словно выцвел, холодный вечерний ветер раскачивал голые ветви деревьев.

Кассад кое-как натянул на себя разорванную, заскорузлую от крови рубаху. Французский рыцарь лежал неподвижно, застыв в безразличии смерти. Покинув мир людей, он выглядел теперь просто частью этого осеннего леса. Женщина исчезла.

В сгущавшихся сумерках, под холодным моросящим дождем Федман Кассад похромал обратно.

Поле битвы еще удерживало и живых, и мертвых. Мертвецы лежали кучами, как игрушечные солдатики, с которыми Кассад играл в детстве. Опираясь на плечи товарищей, медленно брели раненые. Какие-то фигуры, крадучись, пробирались среди трупов, а у противоположной опушки

собрался совет. Французы и англичане, оживленно жестикулируя, спорили, какое название дать битве, чтобы в свидетельствах о ней не было разночтений. Кассад знал, что битва будет названа по имени соседнего замка Азенкур, хотя замок не имел прямого отношения ни к битве, ни к войне в целом.

Кассад уже начинал думать, что произошедшее вовсе не тренировка на модели, что Великая Сеть и вся его предыдущая жизнь — сон, а этот промозглый серый день и есть подлинная реальность, как вдруг сцена застыла. Человеческие фигуры, кони, темневший вдали лес — все стало прозрачным, словно гаснущая голограмма. Кассад почувствовал, что ему помогают выбраться из иммерсионной ванны. Рядом поднимались инструкторы и другие кадеты. Со всех сторон слышались обрывки фраз, смех, неразборчивые ругательства. Никто не догадывался, что для него мир изменился навсегда.

Шли недели. Как только у Кассада выпадал свободный час, он отправлялся бродить по территории Школы. Вечерами он поднимался на внешнюю ограду и следил за тем, как тень горы Олимп наползает на лесистое плато, потом на густозаселенные предгорья и, наконец, убегает к

горизонту, затопляя весь мир. И все время он размышлял о том, что произошло. Он думал о ней.

Никто ничего не заметил. Тренировка как тренировка. Никто не выходил за границы поля боя. Инструктор объяснял им, что в таких моделях за пределами поля боя вообще как бы ничего нет. Никто не хватился Кассада. Происшествия в лесу словно бы не было. И женщины не было.

Но Кассад-то знал, что это не так. Он прилежно посещал занятия по военной истории и математике. Он часами не вылезал со стрельбища и из гимнастического зала. Его ни разу не ставили перед строем на плацу в Кальдере (впрочем, подобные взыскания были редкостью). В обшем и целом, юный Кассад был образцовым кадетом — даже более образцовым, чем прежде. Но все это время он ждал.

И она пришла.

И снова это произошло в последние часы модельной тренировки. К тому времени Кассад уже знал, что тренировки эти — нечто большее, чем просто имитация битв прошлого. ООШ: ИТИ был частью Альтинга Великой Сети — работающей в реальном времени гигантской информационной системы, которая управляла политикой Гегемонии, поставляла информацию десяткам

миллиардов граждан, жаждущих эту информацию получить, и при этом обладала своеобразной автономией и собственным сознанием. Шесть тысяч ОИИ (искусственных интеллектов класса «Омега») объединяли в одной структуре информационные ресурсы полутора сотен планетарных банков данных. Эта махина и обеспечивала работу ИТИ.

— Система ИТИ ничего не моделирует, — нудным голосом вещал кадет Радинский, лучший специалист по искусственному интеллекту из всех, кого Кассаду удалось отыскать и вызвать на откровенность. — Она грезит, но грезит с наивысшей степенью исторической достоверности — и ее грезы есть нечто большее, чем арифметическая сумма данных на входе, ибо она подкрепляет исторические факты своими гениальными догадками. И когда она грезит, то позволяет и нам грезить вместе с ней.

Кассад ничего не понял, но поверил. И она пришла снова. Во время первой американо-вьетнамской войны она пришла к Кассаду, стоявшему в сторожевом охранении, и они любили друг друга в темноте, под жуткий аккомпанемент ночного боя. Он был в грубом камуфляжном комбинезоне на голое тело (ибо в джунглях белье

моментально начинает преть) и в стальной каске, почти такой же, как шлемы времен Азенкура. Она — в широком черном одеянии, похожем на пижаму, и в сандалиях — обычном костюме крестьян Юго-Восточной Азии. И вьетконговцев. Они сорвали с себя все и любили друг друга — ночью, стоя. Она упиралась спиной в ствол дерева, обвив ногами его талию, а мир вокруг них взрывался зелеными вспышками осветительных ракет и сухим треском противопехотных мин.

Она приходила к нему во второй день сражения при Геттисберге и на Бородинском поле, где клубы порохового дыма висели над грудами тел, словно рой отлетевших душ.

Они любили друг друга в искореженном БТР на равнине Эллады, а вокруг них бушевало сражение танков на воздушной подушке, и красная пыль приближающегося самума с визгом царапала титановую броню. «Назови мне свое имя», — прошептал он на стандартном. Она отрицательно покачала головой. «Ты реальна? Ты существуешь на самом деле?» — спросил он на тогдашнем англояпонском. Она кивнула. Потом наклонилась и поцеловала его.

Они лежали в укрытии среди развалин Бразилиа, когда китайский ТМП шарил вокруг них

лучом смерти, как прожектором, и по разбитым керамическим стенам метались синие блики. После штурма безымянной крепости в русских степях он затащил ее в какую-то ободранную комнатушку, и там они снова любили друг друга. Он прошептал тогда: «Я хочу быть с тобой!» Она прижала палец к его губам и отрицательно покачала головой. После эвакуации Нью-Чикаго, когда президент США лично руководил последним безнадежным арьергардным боем, они лежали на балконе сотого этажа, где Кассад разместил свою снайперскую точку. Положив руку меж ее теплых грудей, он спросил: «Мы когда-нибудь сможем быть вместе? Не здесь, а на самом деле?» Она погладила его по щеке и улыбнулась.

В программе последнего курса Офицерской школы модельных тренировок было всего пять, главное место занимали полевые учения. И когда Кассад сидел с закрытыми глазами в тактическом командном кресле, руководя каким-нибудь «десантом на Цереру силами одного батальона», и перед его мысленным взором висела генерируемая комлогом разноцветная штабная карта, он ощущал иногда рядом чье-то присутствие. Ее или чье-нибудь еще? Он и сам не знал.

А потом все кончилось. В последние месяцы

занятий она не появилась ни разу. Не было ее и во время заключительной модельной тренировки, в которой имитировалась Великая битва при Угольном Мешке, положившая конец мятежу генерала Горация Гленнон-Хайта. Ее не было ни на парадах и гулянках по случаю выпуска, ни на последнем смотре, когда олимпийцы маршировали перед Секретарем Гегемонии, приветствовавшим их со своей залитой красным светом левитационной платформы.

А потом на грезы уже не осталось времени: по нуль-Т молодых офицеров доставили сначала на Луну Старой Земли для церемонии масада, а затем — опять по нуль-Т — на Тау Кита, где они приняли присягу. На этом учеба кончилась.

Кадет Кассад стал лейтенантом Кассадом. Положенный ему трехнедельный отпуск он провел, путешествуя по Сети с универсальной карточкой военного образца, позволявшей пользоваться нуль-Т когда и где угодно, после чего был направлен в училище Колониальных Войск Гегемонии на Лузусе — там офицеров готовили для службы за пределами Сети. Он был уверен, что больше не встретит ее.

Но он ошибался.

Федмана Кассада с детства приучили не боять-

ся лишений и смерти. Будучи представителем национального меньшинства, продолжавшего именовать себя палестинцами, он вырос в трущобах Фарсиды, являвших собой памятник горькой участи окончательно обездоленных. Каждый палестинец, жил ли он в Великой Сети или за ее пределами, неизбежно нес в своих генах память о вековой борьбе, увенчавшейся месяцем триумфа и Ядерным Джихадом 2038 года, обратившим Палестинское государство в дым. А потом, после того как гибель Старой Земли окончательно похоронила их мечту, палестинцы расселились по захолустным пустынным планетам вроде Марса. Наступила Вторая Эпоха Рассеяния, которая длилась вот уже более пяти столетий.

Перед Кассадом, как и перед любым другим подростком из Южных лагерей беженцев в Фарсиде, стоял выбор: либо идти в банду, либо смириться с ролью жертвы и терпеть произвол местных самозваных лидеров. Кассад пошел в банду. К шестнадцати годам за ним уже числилось убийство такого же, как он сам, подростка.

Если Марс и был чем-то знаменит в Великой Сети, так это охотой в долине Маринер, общиной дзен-гностиков, последователей Шредера, в горах возле равнины Эллада и Олимпийской Офицер-

ской Школой. Чтобы побывать в шкуре охотника или жертвы, Кассаду вовсе не требовалось ехать так далеко, дзен-гностицизм его волновал мало, а затянутых в мундирчики кадетов, которые слетались сюда со всей Сети учиться военному ремеслу, он откровенно презирал. Подобно всем своим сверстникам, Кассад считал Нью-Бусидо выдумкой педиков, но образ самурая, для которого в жизни превыше всего долг, честь и верность данному слову, все же задевал в его душе какую-то древнюю струнку.

В восемнадцать лет Кассад предстал перед выездной сессией суда провинции Фарсида, с тем чтобы самому выбрать себе меру наказания: марсианский год исправительно-трудовых лагерей или добровольное вступление в бригаду Джона Картера, которую формировали для помощи регулярной армии в подавлении мятежа Гленнон-Хайта, с новой силой заполыхавшего в колониях третьего разряда. Кассад предпочел пойти добровольцем и обнаружил, что ему нравятся офицерские дисциплина и чистота, хотя бригада Джона Картера несла только гарнизонную службу внутри Сети и была распущена, когда клонированный внук Гленнон-Хайта погиб на Возрождении. Через два дня после того, как ему

исполнилось девятнадцать, Кассад подал заявление в сухопутные войска, но получил отказ и запил. Очнулся он через девять дней в недрах одного из ульев Лузуса и обнаружил, что его армейский комлог-имплант украден (вор, по всей видимости, обладал соответствующей хирургической подготовкой), универсальная карточка аннулирована, доступ к нуль-Т закрыт. Кроме того, он узнал, что такое настоящая головная боль.

Кассад проработал на Лузусе стандартный год и скопил около шести тысяч марок; физический труд при силе тяжести в 1,3g закалил его тело, от былой марсианской хрупкости не осталось и следа. Заработав на дорогу, он на борту древнего грузовоза с солнечным парусом и прилаженным на скорую руку двигателем Хоукинга вылетел на Мауи-Обетованную. По меркам Сети он по-прежнему был высок и худощав, но его мускулы по любым меркам работали отлично.

Он прибыл на Мауи за три дня до начала грязной и непопулярной Островной войны. Командир корпуса ВКС в Порто-Ново в конце концов сдался и разрешил зачислить его в 23-й вспомогательный полк помощником водителя судна на подводных крыльях — этот юноша, ежедневно являвшийся к нему в приемную, взял его измором. Через

одиннадцать стандартных месяцев капрал 12-го мотопехотного батальона Федман Кассад имел уже два отличия по службе и благодарность Сената за доблесть, проявленную в Экваториальной кампании, а также два Пурпурных Сердца.[12] Кроме того, он был рекомендован в Офицерскую Школу ВКС, куда и отправился с попутным конвоем.

* * *

Кассад часто думал о ней. Он так и не знал ее имени, но прикосновение ее рук и аромат ее тела узнал бы среди тысячи других, даже в полной темноте. Мысленно он называл ее Тайной.

Когда его сослуживцы отправлялись в бордель или к своим местным подружкам, Кассад оставался на базе или просто бродил по незнакомому городу.

О своей возлюбленной он не рассказывал никому, ибо прекрасно понимал, что напишет психиатр в его медицинской карте. Иной раз, разглядывая на биваке усыпанное лунами небо какой-нибудь чужой планеты или паря в невесомости в уютном, как материнская утроба, трюме

---

[12] Примечания: 12
В армии США — медаль за ранение в ходе боевых действий.

военного транспорта, Кассад осознавал, насколько ненормальна эта любовная связь с призраком. Но затем он вспоминал маленькую родинку у нее под левой грудью — ее он целовал однажды ночью, ощущая губами биение сердца, сливавшееся с грохотом канонады, от которого содрогалась земля Вердена. Он вспоминал порывистое движение, которым она откидывала назад свои волосы, а потом снова прижималась щекой к его бедру. И когда молодые офицеры уходили в соседний городок или деревню на поиски любовных приключений, Федман Кассад читал очередную книгу по истории, бегал вокруг базы трусцой или решал тактические задачи на своем комлоге.

Довольно скоро лейтенант Кассад привлек внимание начальства.

Во время необъявленной войны с Вольными Рудокопами в Кольце Ламберта именно он, проведя уцелевших мотострелков и морских пехотинцев через заброшенную шахту, сумел эвакуировать с астероида Перегрин сотрудников консульства и граждан Гегемонии.

А во время краткого правления Нового Пророка на Кум-Рияде капитан Федман Кассад привлек внимание всей Сети.

Командир звездолета ВКС — единственного

военного корабля Гегемонии в радиусе восьми световых лет от этого колониального мирка — находился на планете с визитом вежливости, когда Пророк призвал тридцать миллионов шиитов Нового Пути расправиться с лавочниками-суннитами на обоих континентах, а также с девяноста тысячами неверных — проживавших там граждан Гегемонии. Капитан и пять его офицеров оказались в плену. С Тау Кита по мультилинии пришел приказ: старшему по званию офицеру на борту находящегося на околопланетной орбите КГ «Деньев» незамедлительно пресечь беспорядки на Кум-Рияде, освободить заложников и сместить Нового Пророка… не прибегая при этом к использованию ядерного оружия в атмосфере планеты. «Деньев» представлял собой орбитальный патрульный корабль устаревшего образца. Ядерных бомб на нем не было вообще. Старшим по званию офицером на борту оказался общевойсковой капитан Федман Кассад.

На третий день революции Кассад на единственном десантном катере «Деньева» высадился прямо во дворе Великой Мечети в Мешхеде. С ним было всего тридцать четыре солдата. Мечеть моментально окружила толпа фанатиков, насчитывающая до трехсот тысяч человек, кото-

рую сдерживало только защитное поле челнока да еще то обстоятельство, что Новый Пророк не давал приказа нападать. Между тем самого Нового Пророка в Великой Мечети уже не было — он отправился в северное полушарие Рияда праздновать победу.

Через два часа после приземления капитан Кассад вышел из катера и выступил по телевидению с краткой речью. Прежде всего он заявил, что сам получил мусульманское воспитание. Затем он сказал, что со времен высадки шиитов на Кум-Рияде многое изменилось: Коран стали толковать иначе и теперь каждому ясно, что Аллах не только не одобряет, но и воспрещает убийство невинных. Хвастливые еретики вроде Нового Пророка могут сколько угодно объявлять свои джихады — перед лицом Аллаха это грех. Капитан Кассад дал вождям тридцати миллионов фанатиков три часа на освобождение заложников и предложил им вернуться затем в свои жилища, разбросанные по пустынным континентам планеты.

В первые три дня революции армии Нового Пророка заняли большинство городов на обоих континентах и взяли в заложники более двадцати семи тысяч граждан Гегемонии. Расстрельные

команды занимались разрешением древних теологических споров чуть ли не круглые сутки, так что за первые два дня оккупации погибло примерно четверть миллиона суннитов. В ответ на ультиматум Кассада Новый Пророк возвестил, что все неверные будут преданы смерти сегодня же вечером — после его прямого телевизионного обращения. Он приказал также атаковать катер Кассада.

Стражи революции не хотели применять вблизи Великой Мечети сильные взрывчатые вещества, поэтому при штурме использовались только обычное стрелковое оружие, примитивная энергетическая пушка и плазменные гранаты. Кроме того, нападающие прибегли к тактике «живой волны». Защитное поле выдержало.

Телевизионное обращение Нового Пророка началось за пятнадцать минут до истечения срока ультиматума. Новый Пророк согласился с утверждением Кассада, что Аллах самым жестоким образом покарает еретиков, но затем объявил, что еретики эти — не кто иной, как неверные из Гегемонии. В тот вечер — единственный раз в жизни — Новый Пророк сорвался перед телекамерой. Вопя и брызгая слюной, он приказал возобновить атаки «живой волны» на вражеский

катер. Он объявил, что на захваченном шиитами реакторе «Сила и мир» в Али уже собираются десятки атомных бомб. С этим оружием силы Аллаха выйдут в космос, и сегодня же вечером первая бомба поразит сатанинский катер кафира Кассада. Затем Новый Пророк начал детально объяснять, каким способом будут казнены заложники Гегемонии, но как раз в этот момент истек срок ультиматума.

Кум-Рияд в техническом отношении был довольно отсталым миром. Отчасти тут сказывалась его удаленность, отчасти — идеология его основателей. Но все-таки обитатели его были достаточно цивилизованны, чтобы иметь свою интерактивную информационную сеть. Да и революционные муллы, именуя науку Гегемонии не иначе как «Великим Шайтаном», все же не настолько ненавидели ее, чтобы отказаться от персональных комлогов.

КГ «Деньев» разбросал вокруг планеты множество спутников-шпионов, которые взломали информационную сеть и к 17:29 по столичному времени по кодам доступа идентифицировали комлоги шестнадцати тысяч восьмисот тридцати революционных мулл. За тридцать секунд до 17:30 координаты этих целей со спутников-шпио-

нов начали в реальном времени передаваться на боевые спутники. Катер Кассада вывел на низкие орбиты двадцать одно такое устройство. Это древнее оружие, предназначенное для орбитальной защиты, давно уже устарело, и «Деньев» как раз и занимался тем, что перевозил спутники в Сеть для безопасного уничтожения. Но Кассад нашел им применение.

Ровно в 17:30 девятнадцать крохотных спутников сдетонировали свои термоядерные заряды. За те несколько наносекунд, что длится взрыв, фокусирующие стержни преобразовали его энергию в шестнадцать тысяч восемьсот тридцать когерентных пучков невидимого рентгеновского излучения, направленных на заранее выбранные цели. Допотопные спутники защиты не предназначались для использования в атмосфере, и глубина эффективного поражения составила менее миллиметра. К счастью, большего и не потребовалось. Не все пучки проникли сквозь то, что оказалось на их пути — между муллами и небом. Но пятнадцать тысяч семьсот восемьдесят четыре все же сделали свое дело.

Результат был молниеносным и впечатляющим. Мозг жертвы закипал и превращался в пар, разнося черепную коробку на куски. В 17:30 Но-

вый Пророк все еще находился в прямом эфире и как раз произносил слово «неверные».

Почти две минуты телеэкраны и телестенды планеты демонстрировали одну и ту же картину: обезглавленное тело Пророка, рухнувшее на микрофон. Потом передача прервалась, и по всем каналам выступил Федман Кассад, объявивший, что срок ультиматума отодвигается еще на час, но если с заложниками что-нибудь случится — Аллах снова проявит свой гнев. И на сей раз всерьез.

Карательных мер не потребовалось.

Той же ночью, уже на орбите, Кассада — впервые после выпуска — посетила Тайна. Она явилась к нему во сне. Видение было ярче, нежели обычный сон, хотя и не столь реалистично, как фантопликация. Они лежали под полуразрушенной крышей, накрывшись мягким одеялом. Ее кожа была теплой и словно бы наэлектризованной. Кассад едва различал ее лицо — бледное пятно в ночной темноте. Звезды у них над головой уже начали тускнеть в предрассветном сумраке. Она хотела что-то сказать ему, ее мягкие губы произносили какие-то слова, но Кассад ничего не слышал. Он отодвинулся, чтобы лучше видеть ее лицо… и потерял контакт. Вырвавшись

из паутины сна, он ощутил на щеках влагу, а шум двигателей показался ему дыханием какого-то пробуждающегося зверя.

Через девять стандартных недель по корабельному времени Кассад прибыл на Фрихольм и предстал перед военно-полевым трибуналом. Еще тогда, на Кум-Рияде, отдавая приказ, он понимал, что командованию остается одно из двух: либо примерно наказать его, либо… повысить по службе.

Вооруженные силы с гордостью заявляли, что готовы к любым непредвиденным ситуациям как в самой Сети, так и в колониях. Но битва за Южную Брешию застала их врасплох, равно как и ее влияние на дух Нью-Бусидо.

Без кодекса Нью-Бусидо, которому была подчинена вся жизнь Кассада, военные просто не смогли бы сохранить себя как сословие.

После бесстыдства войн конца двадцатого — начала двадцать первого столетий, когда господствовала стратегия, обрекавшая гражданское население на участь заложников, тогда как палачи в генеральских мундирах отсиживались в полусотне метров под землей, в автономных бункерах, возмущение оставшихся в живых мир-

ных жителей было столь велико, что даже сотню лет спустя одно только слово «военный» могло привести к линчеванию.

Нью-Бусидо объединил извечные ценности — честь и личное мужество — с требованием по возможности щадить гражданское население. То был мудрый возврат к донаполеоновской концепции малых, «нетотальных войн», которые велись с ясными целями и без лишней жестокости. За исключением самых крайних случаев кодекс запрещал стратегические бомбардировки и вообще применение ядерного оружия. Более того, он требовал возвращения к средневековым традициям Старой Земли, когда воевали небольшие профессиональные армии, причем стороны так выбирали место и время сражений, чтобы ущерб общественной и личной собственности был минимальным.

Этот кодекс хорошо работал первые четыре столетия Хиджры. Создание новых видов оружия в течение трех из этих четырех столетий было приостановлено, отчего Гегемония только выиграла. Полностью контролируя нуль-порталы, она неизменно успевала перебросить свои войска (пусть и не столь многочисленные) в нужное место. И даже если полет до ближайшего портала занимал

годы, ни одна колониальная или независимая планета и думать не смела помериться силами с Гегемонией. Любые беспорядки — например, восстание на Мауи-Обетованной и последовавшая за ним своеобразная партизанская война или вспышка религиозного фанатизма на Кум-Рияде — подавлялись быстро и решительно, а любые эксцессы во время этих кампаний воспринимались как очередное напоминание: Нью-Бусидо нужно соблюдать неукоснительно! Никто, однако, не принимал всерьез неизбежную перспективу столкновения с Бродягами.

Варварские орды Бродяг были единственной внешней угрозой Гегемонии. Предки их покинули Солнечную систему четыреста лет назад со своим примитивным флотом, состоящим из протекающих городов О'Нейла, экспериментальных кометных ферм и кораблей-астероидов. Даже после того, как Бродяги освоили двигатель Хоу-кинга, Гегемония предпочитала их не замечать. Пусть себе роятся где-то там, в межзвездном мраке, пусть устраивают свои набеги. Ничего страшного, если они украдут немного водорода из недр газового гиганта или пригоршню льда с какой-нибудь необитаемой луны. Лишь бы этим дело и ограничивалось.

Первые стычки на окраинах — в Мире Бента и на ГНК-2990 — воспринимались, скорее, как досадные просчеты, не более того. Даже давно назревавшая схватка из-за Ли-III не вызвала особого резонанса. Это, мол, проблема колониальных войск. А когда через шесть местных лет после налета (и через пять лет после того, как варвары убрались восвояси) туда прибыла эскадра ВКС, ужасы войны уже забылись. Все были уверены, что налеты варваров больше не повторятся. Гегемонии надо только как следует поиграть военными мускулами.

В последующие десятилетия военно-космические силы Гегемонии сталкивались с Бродягами постоянно, в сотнях пограничных районов. Время от времени морским пехотинцам приходилось вступать с ними в стычки в непривычных условиях невесомости, однако сухопутные войска в боях не участвовали. В Великой Сети все больше укоренялось мнение: Бродяги не представляют и никогда не будут представлять угрозу для миров земного типа хотя бы в силу того, что за три столетия они полностью адаптировались к невесомости. Быть может, Бродяги регрессируют, а может статься, и прогрессируют — но их эволюционный путь ведет в сторону от столбовой

дороги рода человеческого. У Бродяг нет и никогда не будет нуль-Т и поэтому Гегемонии нечего их бояться. Так думали до Брешии.

Брешия была одним из множества самодовольных независимых мирков. Собственное местоположение ее вполне устраивало: с одной стороны — удобный доступ к Сети, с другой — до той же Сети все-таки восемь месяцев лету. Брешия наживалась на экспорте алмазов, репейного корня и несравненного кофе, скромно отказываясь стать колонией. Все же она оставалась протекторатом Гегемонии и входила в Общий Рынок, что помогало ей справляться с постоянно растущими экономическими запросами. Как и многие подобные ей миры, Брешия гордилась мощью своих вооруженных сил. У нее было целых двенадцать факельных звездолетов, ударный авианосец (списанный полвека назад из ВКС Гегемонии и капитально отремонтированный) и более двух десятков небольших быстроходных орбитальных катеров, а также регулярная армия в девяносто тысяч добровольцев, вполне солидный океанский флот и некий, чисто символический, запас ядерных боеголовок.

Возмущения поля Хоукинга локационная служба Гегемонии засекла сразу же, но реши-

ла, что это обычный мигрирующий рой Бродяг, который пройдет на расстоянии половины светового года от Брешии. Вышло по-иному. После небольшой коррекции курса, проведенной когда рой находился уже внутри облака Оорта, Бродяги обрушились на Брешию, как ветхозаветная саранча. Помощь Гегемонии могла прийти не раньше, чем через семь стандартных месяцев.

Космические силы Брешии были разгромлены в первые же двадцать часов боевых действий, после чего рой выпустил в окололунное пространство более трех тысяч кораблей, и началось систематическое уничтожение планетарной защиты.

Этот мир был заселен еще во время первой волны Хиджры здравомыслящими выходцами из Центральной Европы. Два его континента носили прозаические названия Северной и Южной Брешии. Почти вся Северная Брешия представляла собой полярную тундру, а в шести главных его городах жили главным образом сборщики репейного корня и инженеры-нефтяники. В Южной Брешии по причине ее географического положения климат был более умеренный, и из четырехсот миллионов населения планеты большинство проживало именно там. Там же

располагались и кофейные плантации.

Словно желая продемонстрировать, какой может быть — и была некогда война, Бродяги буквально стерли Северную Брешию с лица планеты. Сначала они сбросили на нее несколько сот чистых ядерных бомб и тактических плазменных снарядов, затем прошлись лучами смерти, а под конец — специально разработанной «вирусной тучей». Из четырнадцати миллионов жителей уцелела лишь горстка. Южную Брешию всерьез бомбить не стали — нанесли только несколько хирургических ударов по военным объектам, аэропортам и большой гавани в Солно.

Военная доктрина Гегемонии исходила из возможности выиграть войну с орбиты, но реальный вооруженный захват индустриальной планеты считался невозможным. В самом деле: как обеспечить высадку столь огромной армии? Как ее снабжать? Как держать под контролем необъятные оккупированные территории? Аргументы были неотразимы.

Только вот Бродяги, очевидно, о них не знали. На двадцать третий день войны более двух тысяч десантных катеров и челноков атаковали Южную Брешию. Остатки брешианской авиации были уничтожены в первые же часы вторжения.

Над районами высадки Бродяг взорвалось всего два ядерных устройства. Первый взрыв был нейтрализован энергетическим полем, второй уничтожил разведывательный корабль, который вполне мог оказаться ложной целью.

Как выяснилось, за три столетия Бродяги изменились физически и окончательно приспособились к жизни в невесомости. Но их мобильная пехота использовала скафандры с силовым экзоскелетом, и через несколько дней Бродяги — одетые в черное, длиннорукие и длинноногие, похожие на гигантских пауков, — расползлись по всем городам Южной Брешии.

Последние попытки организованного сопротивления были сломлены на девятнадцатый день вторжения. Столица планеты — город Бакминстер пал в тот же день. Через час после того, как войска Бродяг вошли в город, мультисвязь с Брешией оборвалась.

Полковник Федман Кассад прибыл на Брешию первым флотом ВКС двадцать девять стандартных недель спустя. Под прикрытием тридцати факельных звездолетов класса «омега» корабль-«прыгун», оборудованный мобильным нуль-порталом, на высокой скорости вошел в систему Брешии. Через три часа после выхода из спин-ре-

жима была активирована сфера сингулярности, а еще через десять часов в системе уже находилось четыреста линейных кораблей ВКС. Двадцать один час спустя началось контрвторжение.

Такова была математика первых минут битвы за Брешию. Но Кассад сохранил о тех днях иные воспоминания. Не цифры запомнились ему, а дьявольская красота развернувшегося сражения. «Прыгуны» впервые использовались на уровне выше дивизии, и, естественно, возникла неразбериха. Десант выбрасывался с расстояния в пять световых минут. Кассад сбежал по трапу и тут же рухнул на гравий, припорошенный желтой пылью: портал десантного катера открывался прямо на крутой склон холма, ставший после того, как здесь прошли передовые отряды, скользким от грязи и крови. Кассад лежал в этой грязи и смотрел на царящее внизу безумие. Из семнадцати десантных катеров, севших на склоны холмов и окрестные плантации, десять были уже подбиты и горели, как поломанные детские игрушки. Защитные поля уцелевших челноков еще держались, но под ударами ракет и протонных пушек начали кое-где проседать — казалось, над плацдармом поднимаются гигантские купола оранжевого пламени. Тактический дисплей

Кассада показывал какую-то кашу: директрисы огневых точек сплелись в клубок, поле визора заполняли фосфоресцирующие красные точки, и все это покрывалось пляшущими зигзагами помех, выставленных Бродягами. Кто-то орал по главному каналу: «Ах, черт вас всех побери! Черт побери! Черт побери!» — а на линии связи с командной группой царило зловещее молчание.

Какой-то солдат помог ему подняться. Кассад вытер грязь с командирского жезла и едва успел уступить дорогу следующему отряду, спускавшемуся из портала. Война шла своим чередом.

С первых минут пребывания в Южной Брешии Кассад понял, что Нью-Бусидо мертв. Восемьдесят тысяч превосходно вооруженных и обученных вояк из наземных сил ВКС наступали со своего плацдарма, пытаясь дать сражение в ненаселенной области. Бродяги же отступали, оставляя за собой лишь выжженную землю, мины-ловушки и трупы мирных жителей. Чтобы превзойти противника в маневренности и навязать ему бой, войска Гегемонии использовали нуль-порталы. Бродяги отсекали их сплошной стеной ядерных взрывов, прижимали пехоту Гегемонии к земле силовыми полями, в то время как их собственная пехота отступала и создавала оборонительные

линии вокруг городов и мест базирования десантных кораблей.

И в космосе не удалось добиться быстрой победы, которая позволила бы изменить баланс сил в Южной Брешии. Флот Гегемонии постоянно маневрировал и, случалось, вступал с Бродягами в яростные схватки, однако те по-прежнему контролировали пространство в радиусе трех астрономичесих единиц от Брешии. Тогда командование просто отвело флот и, расположив его вдоль границ входной апертуры нуль-канала, сосредоточило все усилия на охране главного «прыгуна».

Поначалу предполагалось, что операция займет день-два, потом этот срок увеличился до тридцати дней, потом уже до шестидесяти, а сами боевые действия все больше напоминали войны двадцатого столетия: затяжные ожесточенные бои, кирпичная пыль разрушенных городов, трупы мирных жителей. Изрядно потрепанный в первые же дни боев восьмидесятитысячный корпус получил стотысячное подкрепление, а затем, когда и оно стало таять на глазах, командование запросило еще двести тысяч. Только мрачная решимость Мейны Гладстон и десятка ее сторонников в Сенате позволяла продолжать

войну, несмотря на гигантские потери, хотя миллиарды голосов Альтинга и Консультативный Совет Искусственных Интеллектов требовали немедленного отвода войск.

Кассад сразу же понял, что надо менять тактику. Еще до того, как почти вся его дивизия полегла под Стонхипом, в нем проснулись агрессивные инстинкты уличного хулигана. Пока другие офицеры, деморализованные столь вопиющим нарушением Нью-Бусидо, приходили в себя, не зная, что предпринять, Кассад начал действовать. Командуя полком, а затем — временно, после уничтожения командной группы Дельта в полном составе — дивизией, он призывал людей сохранять выдержку и непрестанно слал запросы на применение термоядерного оружия для огневой поддержки контрнаступления.

И когда на девяносто седьмой день «спасательной операции» Бродяги наконец убрались восвояси, Кассад уже успел заработать двусмысленную кличку — Мясник Южной Брешии. По слухам, его боялись даже собственные солдаты.

Кассад грезил о ней, и грезы эти были не просто грезами, а чем-то большим… или меньшим.

В последнюю ночь битвы за Стонхип, в лабиринте темных туннелей, откуда Кассад и его

«охотники за убийцами» выкуривали газом Т-5 и станнерами последние крупные отряды вражеских коммандос, полковник уснул среди пламени и криков и во сне ощутил прикосновение ее длинных пальцев к своей щеке и мягкую тяжесть ее грудей.

В Новую Вену они входили на рассвете, на следующий день после того, как термоядерный удар из космоса, на котором так настаивал Кассад, был наконец нанесен. По гладким, словно покрытым стеклом, двадцатиметровым ложбинам войска втягивались в разрушенный город, и Кассад не мигая смотрел на ряды человеческих голов, аккуратно разложенных вдоль мостовой, словно бы специально — чтобы в мертвых глазах «спасители» прочли укор. Не выдержав, он забрался в свой ТМП, задраил люки и, скорчившись в теплой, пропахшей резиной, нагретой пластмассой и озоном темноте, услышал сквозь бормотание командных каналов и сигналы импланта ее шепот.

Накануне отступления Бродяг Кассад покинул ночное заседание военного совета, проходившее на борту КГ «Бразилия» и по нуль-Т переправился в местечко Инделиблис на севере долины Хайн, где располагался его собственный штаб. Там он пересел в ТМП и отправился на соседнюю возвы-

шенность — наблюдать за последней бомбардировкой. Ближайшие цели тактических ядерных ударов находились в сорока пяти километрах. Плазменные бомбы ложились правильными рядами — словно распускались высаженные по линейке оранжевые и кроваво-красные цветы. А потом над равниной заплясали столбы зеленого света (Кассад насчитал их не менее двухсот): в дело вступили «адские плети», в считанные секунды разорвавшие огромное плато на куски. Перед сном он сидел на кожухе ТМП, время от времени встряхивая головой: перед глазами у него все еще плыли огненные полосы. И тогда она пришла снова. Одетая в светло-синее, она легко ступала между высохшими стеблями репейника, покрывавшего склон холма. Ветерок играл мягкой тканью ее платья. Ее лицо и руки были бледны и казались почти прозрачными. Она позвала его — он явственно расслышал свое имя, — но тут на равнину обрушилась новая порция бомб, и видение растворилось в пламени и грохоте взрывов.

По иронии судьбы, обожающей подобные шутки, за девяносто семь дней жесточайшего за всю историю Гегемонии сражения Федман Кассад не получил ни единой царапины, но был ранен

через два дня после того, как последние отряды Бродяг покинули Брешию. Произошло это в здании Гражданского Центра в Бакминстере (кроме него, в городе уцелело только два дома). Полковник как раз отвечал на очередной идиотский вопрос для канала «Новости Сети», и тут пятнадцатью этажами выше взорвалась плазменная мина-ловушка размером с микроэлектронный переключатель. Взрывной волной тривизионный передатчик и обоих адъютантов Кассада выбросило через вентиляционную решетку на улицу, а полковник оказался погребенным под развалинами.

По медицинским показаниям Кассада эвакуировали в расположение дивизионного штаба, а затем перебросили по нуль-Т на «прыгун», обращавшийся вокруг второй луны Брешии. Там его реанимировали и подключили к системе поддержания жизнедеятельности. А тем временем военные и гражданские шишки решали, что же с ним делать.

Благодаря действующему нуль-каналу и круглосуточному потоку репортажей в реальном времени, полковник Федман Кассад сделался своего рода знаменитостью. Чудовищная жестокость войны в Южной Брешии привела в ужас

миллиарды людей, которые теперь жаждали увидеть полковника на скамье подсудимых. Но госпожа Гладстон и ее единомышленники смотрели на Кассада и других офицеров ВКС как на своих спасителей.

В конце концов Кассада поместили на санитарный спин-звездолет и не спеша повезли в Сеть. После тяжелых ранений и клинической смерти пациентов все равно пришлось бы погружать в криогенную фугу, поэтому имело смысл использовать для их реабилитации старый санитарный корабль. В самом деле, когда Кассад и его товарищи по несчастью вернутся в Сеть, они уже будут практически здоровы и смогут приступить к исполнению своих обязанностей. И что еще более важно, Кассад «оторвется» по крайней мере на восемнадцать стандартных месяцев, и к тому времени, когда он долетит, страсти вокруг него улягутся сами собой.

Кассад пришел в себя, и первое, что он увидел, был темный силуэт склонившейся над ним женщины. На мгновение ему показалось, что это Она, но затем он разглядел форму ВКС.

— Я мертв? — прошептал он.

— Уже нет, — ответила женщина-врач. — Сейчас вы находитесь на борту КГ «Меррик».

Вы несколько раз подвергались реанимации и обновлению организма, но, видимо, ничего не помните. После фуги это бывает. Теперь мы переходим к следующему этапу лечения — к физиотерапии. Может, попробуете встать?

Кассад прикрыл глаза рукой. После фуги в голове у него была полная каша, но все же он помнил болезненные терапевтические сеансы, долгие часы, проведенные в ванне с культурой РНК-вируса и операции. Операции он запомнил лучше всего.

— Где мы? — спросил он, не отнимая руки от глаз. — Я забыл, каким маршрутом мы возвращаемся в Сеть.

Женщина-врач улыбнулась, словно каждый раз, выходя из фуги, он задавал ей один и тот же вопрос. Возможно, так оно и было.

— Мы идем через Гиперион и Сад, — ответила она. — Сейчас мы как раз выходим на орбиту…

Закончить фразу ей не удалось. На корабль обрушилась лавина адского грохота, в котором слились воедино громоподобные удары, трубный рев, скрежет металла и пронзительный визг… Кассада закатало в матрас и сбросило с кровати. Ураганный ветер понес его по палубе. Вместе с ним в этом смерче крутились лотки, подносы, постельное белье, книги, людские тела, метал-

лические инструменты и прочий больничный хлам. Вокруг кричали люди. По мере того как уходил воздух, их голоса становились все тоньше, перерастая в фальцет. Кассад почувствовал, как его матрас ударился о стену: продолжая прикрывать лицо руками, он осмотрелся.

В метре от него какое-то паукообразное существо размером с футбольный мяч отчаянно размахивало лапками, пытаясь пролезть во внезапно разверзшуюся в переборке трещину. Лишенные суставов лапки этой твари шлепали по летавшему вокруг мусору. Паук повернулся, и тут Кассад понял, что это вовсе не паук, а голова женщины-врача. Видимо, ее оторвало первым же взрывом. Длинные волосы мазнули по лицу Кассада. Трещина раздвинулась еще на ширину кулака, и воздушный поток затянул голову женщины за переборку.

Кассад поднялся на ноги за мгновение до того, как остановилась корабельная центрифуга, и понятие «верх» потеряло всякий смысл. Продолжавший раскачиваться и дергаться корабль оказался во власти ураганного ветра, который сметал все вокруг и тащил незакрепленные предметы к трещинам и щелям в корпусе. Цепляясь за каждую трещинку, за каждый выступ,

Кассад поплыл к двери, ведущей внутрь консоли центрифуги; последние пять метров ему пришлось буквально пробиваться сквозь летевшие навстречу предметы… Металлический поднос угодил ему в бровь. Потом он наткнулся на труп с кровавыми ямами вместо глаз и едва не отлетел обратно в палату. Герметические двери бессмысленно колотились о труп морского пехотинца в скафандре, застрявший на пороге и не дававший им закрыться. Кассад перекатился в шахту, идущую сквозь всю консоль к главному валу, и втащил труп за собой. Дверь захлопнулась, но в шахте воздуха было не больше, чем в палате. Доносящийся откуда-то звук сирены стал уже почти неслышным.

Кассад закричал, пытаясь сбросить внутреннее давление, чтобы не разорвало легкие и барабанные перепонки. Шахта консоли продолжала терять воздух; Кассада и морпеха потянуло вниз, и, кружась в каком-то жутковатом вальсе, он полетел рядом с мертвецом по шахте к главному валу корабельной центрифуги.

Кассаду потребовалось всего двадцать секунд, чтобы открыть аварийные люки в скафандре, и еще минута, чтобы вытащить тело и занять его место. Он был почти на десять сантиметров выше

погибшего пехотинца, и скафандр, несмотря на всю свою эластичность, болезненно сжал шею, запястья и колени. Шлем, хотя он и был снабжен мягкими прокладками, давил Кассаду на лоб. К тому же изнутри прозрачное забрало облепили сгустки слюны и крови. Шрапнель, убившая морского пехотинца, прошла навылет, оставив в скафандре два отверстия, но аварийная система сработала отлично и затянула их изнутри. Большинство нагрудных индикаторов светилось красным, а на команду сообщить о своем состоянии скафандр не отреагировал. Но регенератор воздуха пока работал, хотя и подозрительно дребезжал.

Кассад попытался включить рацию. Тщетно: в наушниках не раздалось даже обычного потрескивания. Тогда, отыскав штекер комлога, Кассад вставил его в разъем на корпусе. Опять ничего. Корабль дернулся, металл загудел под градом ударов, и Кассада снова швырнуло на стену шахты. Рядом пролетела кувыркавшаяся транспортная клеть; оборванные кабели мотались, как щупальца растревоженного морского анемона. В клети было полно трупов; еще больше их скопилось на уцелевшей винтовой лестнице, которая вилась вдоль внутренней стены вала. Отталкиваясь

ногами, Кассад добрался до дна и обнаружил, что все двери там герметично закрыты, вал перекрыт ирисной диафрагмой, зато в корпусе зияют такие дыры, что через иную свободно проедет ТМП.

Корабль снова качнулся и начал беспорядочно кувыркаться; на Кассада (равно как и на все предметы, летавшие по шахте) действовала теперь еще и сила Кориолиса. Уцепившись за торчавший кусок металла, Кассад кое-как протиснулся сквозь дыру в трехслойном корпусе «Меррика».

Увидев, что творится внутри, Кассад едва не рассмеялся. Тот, кто атаковал этот дряхлый корабль-лазарет, действовал мастерски. Сначала он кромсал наружную оболочку протонной пушкой до тех пор, пока не вышли из строя аварийные герметизаторы, а ремонтные роботы захлебнулись, не выдержав перегрузки, после чего под давлением воздуха рухнули внутренние переборки. И тогда вражеский корабль начал прицельно стрелять по пробоинам боеголовками, которые в ВКС по старинке именовали картечью. Все равно что кинуть осколочную гранату в крысиную нору.

Лучи света, проникавшие сквозь тысячи отверстий, преломлялись густой взвесью из пыли, капелек крови и смазочного масла, окрашивая

этот туман во все цвета радуги. Со своего места Кассад, раскачивавшийся в такт внезапным рывкам корабля, разглядел не менее двух десятков обнаженных, изуродованных трупов. Их обманчиво-грациозные движения напоминали па какого-то причудливого подводного танца. Многие, словно солнца планетами, были окружены сгустками крови и внутренностями. Некоторые мертвецы уставились на Кассада выпученными от перепада давления глазами — вылитые персонажи карикатур — и время от времени вяло помахивали руками, словно подзывая его поближе.

Отбрасывая ногами обломки, Кассад направился к входу в командный отсек. Оружия ему пока найти не удалось. Похоже, кроме того морпеха, никто не успел даже надеть скафандр. Но он знал, что в командном отсеке или в кубрике морпехов на корме должен быть рундук с оружием.

Кассад остановился у последнего разгерметизированного шлюза и осмотрелся. На сей раз смеяться ему не захотелось. За шлюзовой камерой шахта главного вала корабля просто обрывалась. Дальше ничего не было. Эта секция — обрубок главного вала с торчащей на нем консолью медицинского модуля — представляла

собой груду изуродованного металла, которую кто-то оторвал от фюзеляжа корабля, оторвал с той же легкостью, с какой Беовульф[13] отрубил руку Гренделю. Последняя дверь вела в открытый космос. В нескольких километрах Кассад разглядел еще с десяток изувеченных модулей «Меррика», кувыркавшихся в солнечных лучах. Лазурно-зеленая планета оказалась так близко, что Кассадом овладел приступ акрофобии и он крепче вцепился в косяк. Внезапно по лимбу планеты скользнула яркая звезда; рубиновые лучи боевых лазеров замигали, словно отбивая морзянку. Один из обломков корабля — от Кассада его отделяло примерно полкилометра пустоты — вдруг вспыхнул, и от него во все стороны полетели брызги испаряющегося металла, клубы конденсирующегося пара и какие-то черные точки. Кассад понял, что это трупы.

Спрятавшись в мешанине искореженных ферм, Кассад стал обдумывать свое положение. Скафандр морпеха не проработает и часа; в воздухе

[13] Примечания: 13

Беовульф — главный персонаж одноименного англосаксонского эпоса (VII–VIII в.). Б., юный воин из народа гаутов, отправляется за море, чтобы избавить короля данов Хродгара от постигшего его бедствия: на протяжении 12 лет на королевский чертог Хеорот нападает чудовище Грендель, истребляющее дружинников Хродгара. В ночном единоборстве Б. побеждает Гренделя, который, потеряв руку, уползает в свое логово, где находит смерть.

уже чувствовался запашок тухлых яиц — верный признак, что регенератор начинает сдавать. По пути ему не встретилось ни одного герметичного помещения или хотя бы контейнера. Но допустим даже, он такое воздухонепроницаемое убежище найдет. Дальше что? Он не знал даже, что это за планета — то ли Гиперион, то ли Сад — одно было несомненно: ни единого корабля ВКС Гегемонии поблизости нет. А местный флот вряд ли отважится вступить в бой с рейдером Бродяг. Патрульные катера подойдут лишь через несколько дней. Орбита, по которой болтается этот кусок обгорелого железа, ставший его приютом, неизбежно будет сужаться. И прежде чем сюда кого-нибудь пришлют, тысячи тонн исковерканного металла рухнут на планету гигантским метеоритом. Вряд ли это обрадует ее обитателей, но они смирятся с чем угодно — лишь бы не ввязываться в драку с Бродягами. Мрачно улыбнувшись, Кассад подумал, что если на планете есть примитивная орбитальная защита или наземные протонные пушки, еще неизвестно, по кому они будут стрелять — по боевому кораблю Бродяг или по куче обломков.

Впрочем, не все ли ему равно? Если он не предпримет что-нибудь — немедленно, сейчас

же, — он умрет задолго до того, как остатки корабля войдут в атмосферу или обитатели планеты расстреляют их в упор.

Панель зрительного усилителя на скафандре морпеха растрескалась от ударов шрапнели, и тем не менее Кассад решил ею воспользоваться. Когда он опустил панель — вернее, то, что от нее осталось, — поверх забрала, индикаторы замигали красными огоньками. Однако энергии все еще хватало, и панель сработала. Сквозь паутину трещин проступило бледно-зеленое увеличенное изображение вражеского корабля. Факельщик Бродяг подошел уже на сотню километров, и за его кормой тянулся мерцающий шлейф защитного поля. Вдруг от корабля отделилось несколько точек. В первый момент Кассад решил, что это «ракеты милосердия». Если так, жить ему осталось несколько секунд. Губы сами собой сложились в невеселую улыбку, но тут он заметил, что ракеты летят слишком уж медленно, и увеличил масштаб. Индикатор блока питания замигал красным, и усилитель вышел из строя, но Кассад успел разглядеть остроносые овальные корпуса, торчащие во все стороны вспомогательные двигатели, блистеры, пучок из шести щупалец-манипуляторов. Без сомнения, то были

«каракатицы» — так называли в ВКС десантные катера Бродяг.

Кассад в обломки забрался еще глубже. В запасе у него было несколько минут — «каракатицы» вот-вот появятся вблизи его секции. Сколько Бродяг на этой штуке? Десять? Двадцать? Наверняка не менее десяти. Вооруженных до зубов. В полной экипировке, то есть в инфракрасных очках и с чувствительными сенсорами, улавливающими любое движение. И самое главное — это командос, элитные войска Бродяг, эквивалент морпехов ВКС. Они не просто натренированы для боевых действий в невесомости — они в невесомости родились и выросли. А длинные конечности, цепкие пальцы и хвостопротезы дают им при нулевой гравитации дополнительные преимущества. Впрочем, преимуществ у них и без того хватает.

Кассада захлестнула волна страха, ему хотелось закричать и сломя голову кинуться в темноту. Преодолев себя, он начал осторожно пробираться сквозь лабиринт искореженных металлических переборок. «Что им нужно? — думал он. — Пленные. Конечно же. Вот и решение. Чтобы выжить, нужно сдаться в плен». Но у этого решения имелся существенный недостаток: Кассаду уже доводи-

лось видеть голограммы, снятые разведслужбой ВКС на захваченном под Брешией корабле Бродяг. Там обнаружили более двухсот пленников. Очевидно, у Бродяг было к ним немало вопросов, а кормить и охранять столько пленных они сочли обременительным. Или у них вообще была особая манера допрашивать. Но факт остается фактом: захваченные в плен солдаты и мирные граждане Брешии лежали выпотрошенные и распятые на стальных поддонах, как лягушки в биологической лаборатории. Их внутренности были извлечены и погружены в питательный раствор, а конечности — видимо, для удобства допрашивающих — ампутированы. Чтобы задавать вопросы, им удалили глаза и прямо сквозь трехсантиметровые дырки в черепе ввели в мозг электроды.

Подтягиваясь на руках, Кассад пробирался сквозь обломки металла и путаницу проводов. Желание сдаваться у него пропало. Вдруг корпус корабля перестал кувыркаться, задрожал и замер — видимо, к нему пришвартовалась «каракатица». «Думай», — приказал себе Кассад. Итак, прятаться бесполезно. Значит, нужно оружие. Попадалось ли ему по дороге что-нибудь подходящее?

Уцепившись за оборванный конец волоконно-оптического кабеля, Кассад остановился и стал вспоминать. Так, госпитальная палата, где он пришел в себя. Койки, баки для фугостазиса, аппараты интенсивной терапии — большую часть этого хлама выбросило через пробоины в корпусе… Так, двинулись дальше. Коридор консоли. Клеть лифта.

Трупы на ступеньках. Оружия нет нигде. С трупов — то ли взрывной волной, то ли воздушным потоком, возникшим от перепада давления, — сорвало буквально все. Лифтовой кабель? Тоже не годится. Он слишком длинный, да и как его отрезать без инструментов. Инструменты? А где они? Двери медицинских кабинетов, выходящих прямо в коридор главной шахты, распахнуты настежь. Томографический кабинет… Ментоскопия… Кар-диопульмонология… Процедурные ванны без крышек напоминают разграбленные саркофаги. А вот эта операционная, похоже, почти не пострадала. Внутри плавают хирургические инструменты и оборванные кабели. Дальше, дальше… Солярий. Когда полетели окна, оттуда вынесло все. Начисто. Комнаты отдыха пациентов. Комнаты отдыха врачей. Ванные, коридоры, какие-то одноместные палаты. Снова трупы.

Секунду Кассад висел неподвижно, пытаясь сориентироваться в лабиринте теней, затем прыгнул.

Он надеялся, что в его распоряжении будет минут десять, оказалось — меньше восьми. Кассад знал, что Бродяги действуют методично и споро, но такой быстроты в условиях невесомости он просто не ожидал. Весь его расчет строился на том, что они будут обыскивать корабль поодиночке или хотя бы по двое. Именно так действуют в уличных боях морпехи и «прыгающие крысы». Они обследуют дверь за дверью: один солдат врывается внутрь, другой прикрывает его огнем. Но если их больше двух, если Бродяги прочесывают корабль четверками, шансов у него нет.

Когда в дверях операционной № 3 появился Бродяга, Кассад неподвижно парил в центре комнаты, вдыхая зловонный воздух — регенератор его скафандра дорабатывал последние минуты. Десантник прыгнул вперед и тут же отскочил в сторону, наставив на безоружную фигуру в потрепанном скафандре два ствола сразу.

Как и рассчитывал Кассад, плачевное состояние скафандра и шлема позволило ему выиграть пару секунд. Луч нагрудного фонаря Бродяги выхватил из темноты растрескавшееся, забрыз-

ганное кровью забрало, а за ним — неподвижные глаза, устремленные в потолок. В руке десантник держал акустический станнер, а в длинных пальцах левой ноги — лучевой пистолет, оружие компактное, но куда более грозное. Он поднял станнер. Кассад заметил, как хвостопротез со смертоносным жалом на конце вздрогнул, и передвинул «мышь» в правой перчатке.

Из отпущенных ему восьми минут большую часть Кассад потратил на то, чтобы подключить аварийный генератор к электрической сети операционнной. Хирургических лазеров уцелело только шесть. Четырьмя «скальпелями» Кассад перекрыл зону слева от двери, а два самых мощных — их использовали, чтобы распиливать кости, — поместил справа. Бродяга двинулся именно туда.

В следующую секунду его скафандр лопнул. Лазеры еще продолжали шинковать Бродягу в соответствии с заданной программой, когда Кассад, оттолкнувшись посильнее, нырнул под синие лучи, мечущиеся в облаке бьющей из разрезанного скафандра бесполезной гермосмеси и вскипевшей в пустоте крови. Он едва успел подхватить упавший из рук десантника станнер, как в комнату влетел второй Бродяга, быстрый и

ловкий, как шимпанзе со Старой Земли.

Кассад приставил к его шлему станнер и выстрелил. Одетая в скафандр фигура обмякла. Хвостопротез несколько раз судорожно дернулся и безвольно повис. Когда стреляют из станнера в упор, в плен брать некого. Выстрел с такого расстояния превращает мозг в нечто вроде овсянки.

Отпихнув ногой труп, Кассад ухватился за притолоку и, выставив включенный станнер в коридор, несколько раз провел им справа налево. Никто не появлялся. Выждав двадцать секунд, Кассад выглянул в коридор. Пусто.

Первого Бродягу Кассад, естественно, трогать не стал. Он принялся раздевать второго — того, у которого скафандр был цел. Под скафандром он оказался совершенно голым, причем обнаружилось, что это женщина — белобрысая, коротко стриженная, с плоской грудью и татуировкой на животе, как раз над лобком. Женщина была мертвенно-бледна, из носа, глаз и ушей каплями стекала кровь. Вот как? Бродяги, оказывается, используют женщин в десанте. Все вражеские трупы, найденные на Брешии, были мужскими.

Не снимая шлема и регенератора, он отшвырнул тело в сторону и натянул на себя непривычный скафандр. В вакууме кровеносные сосуды

мгновенно расширились, и Кассад порядком продрог, пока возился с незнакомыми замками и защелками. Он отнюдь не был коротышкой, и тем не менее этот женский скафандр оказался ему велик. Перчатки на руки он кое-как натянул, а вот о том, чтобы дотянуться до ботинок, точнее, ножных перчаток, и контактов, управляющих хвостопротезом, не могло быть и речи. Что ж, пусть пока повисят без дела. Кассад быстро сдернул свой шлем и втиснул голову в пузырь Бродяги.

На воротнике загорелись две сигнальные лампочки: янтарно-желтая и фиолетовая, и в шлем хлынул воздух. У Кассада заложило уши, в нос ударило густое зловоние. Очевидно, для Бродяг это был сладкий запах родного дома. В наушниках раздавались негромкие команды. Язык звучанием напоминал староанглийский, если его записать на магнитофон, а потом прокрутить задом наперед. Риск был огромный, и Кассад прекрасно понимал это. Вся надежда на то, что Бродяги действуют, как на Брешии, — полуавтономными группами, связанными только по радио и базовой телеметрической системой, а не объединены через тактические импланты в сеть, как пехотинцы ВКС. Если они используют свою

обычную систему связи, тогда командир десантников, возможно, уже знает, что двое его (или ее) людей куда-то пропали, а их медбраслеты молчат. Но вот где они — этого он знать не может.

«Хватит гипотез, — решил Кассад. — Пора действовать». С помощью «мыши» он запрограммировал хирургические лазеры на поражение всех входящих в операционную, а затем, путаясь в собственных ногах, выбрался в коридор. «В этом чертовом скафандре, — подумал он, — чувствуешь себя так, будто идешь, наступая себе на штанины». Он захватил с собой оба лучевых пистолета, но поскольку на скафандре не оказалось ни ремня, ни крепежных колец, ни крючков, ни липучек, ни магнитных защелок, ни даже просто карманов, пришлось держать их в руках. Он выглядел сейчас как пьяный пират из голографической пьесы: в каждой руке по пистолету, ноги заплетаются и вдобавок на каждом шагу его мотает от стены к стене. В конце концов один пистолет пришлось выбросить, чтобы помогать себе при ходьбе рукой. Перчатка сидела на ней совершенно свободно, словно рукавица взрослого на ручке ребенка. Проклятый хвост болтался из стороны в сторону и колотил по шлему — геморрой да и только.

Дважды Кассад замечал в отдалении какие-то огни и сразу же забивался в ближайшую щель. Он уже подходил к пробоине, из которой недавно наблюдал за приближением «каракатиц», как вдруг, свернув за угол, наткнулся сразу на трех Бродяг.

Вражеский скафандр обманул их и позволил ему выиграть несколько секунд. Первого он расстрелял в упор. Второй Бродяга успел даже пальнуть из станнера, едва не задев плечо Кассада, но тут же был прошит насквозь тремя разрядами. Третий отпрянул назад, ухватился за края пробоины тремя конечностями сразу и, прежде чем Кассад успел навести на него пистолет, скрылся из глаз. В наушниках гремели ругань, приказы, вопросы. Кассад охотился молча.

Третий Бродяга мог спастись, но в нем заговорила гордость, и он вернулся. Когда Кассад с пяти метров поразил его лучом в левый глаз, он испытал смутное ощущение, что все это с ним уже было.

Труп кувыркнулся назад, в солнечный свет. Кассад подтянулся к пробоине и разглядел стоящую на приколе метрах в двадцати «каракатицу». Наконец-то ему по-настоящему повезло.

Пробираясь по открытому пространству, Кассад

не мог отделаться от мысли, что он представляет собой прекрасную мишень и вражеский стрелок в случае необходимости снимет его в два счета. От напряжения у него даже стянуло кожу в промежности. Но никто не стрелял. В наушниках между тем не смолкали приказы и вопросы. О чем там шла речь, Кассад, естественно, не понимал, и потому счел за благо в диалог не вступать.

Кассад никак не мог приноровиться к неудобному скафандру и едва не пролетел мимо «каракатицы». В это мгновение он подумал: вот и все, таков закономерный финал его эскапады. Ни двигателя, ни систем маневрирования у скафандра нет. Даже пистолет — и тот не дает отдачи. И вот храбрый воин плывет по орбите, нелепый и безобидный, как улетевший воздушный шарик…

Вытянувшись так, что хрустнули суставы, Кассад все-таки ухватился за штыревую антенну и, перебирая обеими руками, подтянулся к корпусу катера.

Где, черт возьми, у них шлюзовая камера? Корпус был слишком гладким для чисто космической посудины, однако его сплошь покрывали какие-то значки, ярлычки, таблички. Что-нибудь вроде: «НЕ ПОДХОДИТЬ! СОПЛО ДВИГАТЕЛЯ!» или «ОПАСНО! РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ!» Никаких

люков Кассад не заметил. Он догадывался, что на борту «каракатицы» кто-то есть. По крайней мере пилот. А может, и еще кто-нибудь. И сейчас они гадают, что стряслось с этим десантником? Почему он ползает вокруг корпуса, как краб, которому отдавили лапы, вместо того чтобы просто войти в люк? А возможно, они уже догадались, в чем дело, и теперь поджидают его с пистолетами наготове. Как бы то ни было, но открывать ему дверь явно не собирались.

«Ну и черт с вами», — подумал Кассад и выстрелил в один из блистеров.

На борту царил образцовый порядок: в пробоину вместе с воздухом вылетела только какая-то мелочь, вроде нескольких монеток или скрепок. Кассад подождал, пока воздушный гейзер иссякнет, и протиснулся в образовавшееся отверстие.

Он оказался в отсеке десанта: обшитый мягким материалом трюм почти не отличался от помещений, в которых на десантных кораблях ВКС размещаются «прыгающие крысы». Кассад отметил про себя, что «каракатица» могла нести до двадцати десантников в полном боевом снаряжении. Сейчас здесь было пусто. Открытый люк вел в рубку.

На борту находился только первый пилот. Он

уже расстегнул ремни и вставал, когда Кассад пристрелил его. Оттащив тело в трюм, Кассад уселся в кресло (которое, как он надеялся, предназначалось для пилота) и пристегнулся.

Сквозь прозрачный колпак падал теплый солнечный свет. Видеомониторы и голографические экраны, вмонтированные в пульт управления, показывали, что творится впереди и сзади, а размещенные по бокам видеокамеры позволяли следить за ходом десантной операции. Перед глазами Кассада мелькнули голый труп в операционной № 3 и несколько фигур в скафандрах, ведущих перестрелку с хирургическими лазерами.

В голографических фильмах, которые Федман Кассад смотрел в детстве, герои играючи справлялись со всякими глайдерами, космолетами, магнитопланами и прочими экзотическими средствами передвижения. Кассада учили управлять армейским транспортером, танком и ТМП. При необходимости он совладал бы и с десантным кораблем или челноком. Даже оказавшись на покинутом командой звездолете ВКС (что, впрочем, было маловероятно), он бы не пропал. Разобрался бы в системе управления, связался с центральным компьютером, послал радиограм-

му или сигнал бедствия по мультилинии. Сейчас же он сидел в пилотском кресле «каракатицы» Бродяг и не имел ни малейшего представления, что делать.

Впрочем, кое-что он уже понял. Например, гнезда дистанционного управления щупальцами он узнал сразу. Будь у него в запасе два-три часа, он бы разобрался и с пультом.

Но времени не было. На переднем экране показались три фигуры в скафандрах. Стреляя, они кинулись к катеру. В голоэкране над пультом внезапно материализовалось лицо вражеского командира — бледное, какое-то нечеловеческое. В наушниках раздались крики.

По лбу Кассада катились крупные капли пота, падавшие затем на стекло шлема. Он стряхивал их как мог и, склонившись над пультом управления, давил на одинаковые с виду клавиши. Если «каракатицей» можно управлять только голосом или же если она защищена от угона автоматикой — Кассад погиб. Обо всем этом он подумал еще за секунду до того, как пристрелил пилота. Но ему и в голову не пришло заставить его вести корабль. «Нет, выход должен быть», — думал Кассад, продолжая перебирать кнопки.

Внезапно двигатель включился.

Катер задергался на своих швартовах. Кассада, пристегнутого к креслу, швыряло то взад, то вперед. «Мать вашу», — шепотом выругался он. Это были его первые слова с тех пор, как он разговаривал с женщиной-врачом. Подавшись вперед, Кассад дотянулся перчаткой до гнезд управления щупальцами. Четыре из шести манипуляторов разжались. Один оторвался. Последний вырвал кусок переборки «Меррика».

Освободившись, катер заметался из сторону в сторону. На экране мелькнули двое в скафандрах. Они прыгнули и промахнулись. Но третьему все же удалось ухватиться за антенну — ту самую, что спасла жизнь Кассаду. Зная теперь приблизительное расположение органов управления двигателями, Кассад бешено жал на клавиши. Включилось верхнее освещение. Отключились все проекторы голограмм. Катер начал совершать какие-то безумные маневры — броски из стороны в сторону, повороты вокруг всех своих осей. Кассад успел, однако, заметить, как одетая в скафандр фигура перелетела через верхний блистер.

На секунду она мелькнула на экране переднего обзора и тут же превратилась в крохотное пятнышко за кормой. Но пока Бродяга не скрылся из

виду, он (или она?) продолжал стрелять.

Корабль болтало так, что Кассад едва не потерял сознание. Звуковые и световые аварийные сигналы работали на полную мощность, пытаясь привлечь его внимание. Наконец-то Кассаду удалось попасть по кнопке управления двигателем. Кажется, сработало. Теперь его растягивало лишь в двух направлениях, а не в пяти сразу, как раньше. Он убрал руку с пульта.

На экране мелькнул удаляющийся силуэт вражеского «факельщика». Прекрасно. Кассад был уверен, что боевой корабль Бродяг может уничтожить его буквально в любую секунду. И обязательно сделает это, если Кассад будет угрожать ему или просто попытается подойти поближе. Он не знал, несет ли «каракатица» тяжелое вооружение, хотя что-то подсказывало ему, что ничего мощнее стрелкового оружия на борту нет. В одном только не было никаких сомнений: капитан факельщика ни в коем случае не подпустит к своему кораблю челнок, потерявший управление. Кроме того, Бродяги, похоже, догадались, что их катер захватил враг. Так что, вздумай факельщик обратить его в пар, он принял бы это как должное. Огорчился бы, но не удивился. Расчет же его строился на том, что любопытство

и жажда мести — эти фундаментальнейшие человеческие эмоции — не чужды и Бродягам.

Впрочем, в критические моменты любопытство отступает на второй план. Куда больше он надеялся на чувство мести — в военизированной, полуфеодальной культуре Бродяг оно должно, по идее, играть важную роль. А учитывая то обстоятельство, что полковник Федман Кассад уже не мог причинить им вреда и не имел никаких шансов скрыться, он становился первым кандидатом на анатомический стол. По крайней мере ему хотелось верить, что это так.

Кассад посмотрел на экран переднего обзора, нахмурился и, ослабив ремни, выглянул в блистер. Катер болтало, но уже не так сильно. Планета приближалась, диск ее заполнял теперь все пространство над его головой. Но считать показания с дисплеев он не мог и только гадал, какова орбитальная скорость катера, скоро ли он войдет в атмосферу и насколько силен будет удар. Судя по тому, что он увидел в первый раз, разглядывая планету из обломков «Меррика», корабль успел выйти на промежуточную орбиту, с которой запускаются челноки, и во время атаки находился километрах в пятистах — шестистах от поверхности планеты.

Кассад попытался вытереть пот с лица и нахмурился, когда пальцы его перчатки ударились о забрало. Он устал. Черт возьми, всего несколько часов назад он лежал в фуге, а совсем недавно — две-три недели по корабельному времени — был еще мертв.

Интересно, что это за планета: Гиперион или Сад? Кассад не бывал ни на той, ни на другой, но знал, что Сад заселен гуще и его шансы стать колонией Гегемонии куда реальнее. Он предпочел бы Сад.

От факельщика отчалили три катера. Первые секунды Кассад видел их отчетливо, потом кормовая видеокамера расфокусировалась и изображение расплылось. Он нажал на клавишу управления двигателем и держал ее до тех пор, пока не почувствовал, что корабль закувыркался значительно быстрее. Стена планеты стремительно надвигалась. Больше ничего он сделать не мог.

«Каракатица» добралась до атмосферы раньше, чем катера Бродяг добрались до «каракатицы». Вне всякого сомнения, они были вооружены и давно могли открыть огонь. Видимо, некто принимающий решения оказался чересчур любопытным. Или обожал пытки.

С точки зрения аэродинамики, «каракатица», мягко говоря, оставляла желать лучшего. Как и большинство аппаратов класса «корабль-корабль», она могла лишь касаться верхних слоев атмосферы, но была обречена, стоило ей нырнуть в «гравитационный колодец» планеты чуть поглубже. На пульте вспыхнули предупреждающие красные надписи, все каналы радиосвязи забил треск помех от ионизации, и Кассад засомневался, так ли хороша его идея.

Благодаря сопротивлению атмосферы «каракатица» перестала кувыркаться, и вскоре Кассад ощутил первые, еще робкие прикосновения гравитации. Произошло это, когда он обшаривал пульт и подлокотники кресла в поисках аварийной системы управления, которая, как он страстно надеялся, должна там быть. Сквозь зигзаги помех он заметил, как за одним из катеров потянулся шлейф голубой плазмы — тот сбрасывал скорость. Затем катер пошел вверх. Нечто подобное видит парашютист, когда его товарищ, летящий рядом, открывает парашют или активирует свой левитатор.

Впрочем, у Кассада хватало других забот. Оказалось, например, что с «каракатицы» нельзя катапультироваться. Каждый челнок ВКС оснащался

системой аварийного спасения в атмосфере — этот восьмивековой обычай восходил еще к тем временам, когда человек не осмеливался забираться далеко в космос, а совершал лишь первые робкие вылазки в верхние слои стратосферы Старой Земли. На челноках «корабль-корабль» она, конечно же, была ни к чему, но древние страхи, увековеченные в столь же древних уставах, так просто не отмирают.

Так следовало из теории. Но Кассад ничего не нашел. Катер начало крутить во все стороны и трясти, вдобавок в кабине стало по-настоящему жарко. Кассад отстегнул ремни и пополз на корму. Он и сам не знал, что ищет. Аварийный левитатор? Парашют? Крылья?

В десантном отсеке он обнаружил только труп пилота и несколько рундуков размером с обычный пищеблок. Кассад перевернул там все, но, кроме аптечки, никаких чудодейственных приборов не нашел.

Вцепившись в перекладину, он почувствовал, как изменился характер тряски — катер начал разрушаться, — и осознал наконец то, с чем никак не хотел примириться: Бродягам незачем было тратить средства и полезный объем корабля на всякие спасательные приспособления из-за

крайне малой вероятности их применения. В самом деле, зачем они им? Вся их жизнь проходила в темноте межзвездного пространства. В их представлении атмосфера — это воздух, накачанный внутрь восьмикилометровой трубы летающего города. Через наружные микрофоны Кассад уже слышал дикий свист воздуха, доносившийся сюда сквозь корпус и пробоину в кормовом блистере. Кассад поежился. Столько раз он ставил жизнь на карту и вот теперь проигрывал.

Катер содрогнулся. Встречным потоком воздуха оторвало щупальца-манипуляторы. Труп пилота словно гигантским пылесосом втянуло в пробоину и выбросило наружу. Цепляясь за перекладину, Кассад озирался по сторонам, и взгляд его снова остановился на креслах пилотов, видневшихся в открытом люке кабины. Его поразило, насколько архаично они выглядят — точъ-в-точь картинка из учебника по истории астронавтики. Наружный слой обшивки уже обгорел, куски его отваливались и, словно комья лавы, с ревом проносились мимо иллюминаторов. Кассад закрыл глаза и попытался вспомнить, что им рассказывали в Офицерской Школе об устройстве древних космических кораблей. Падение вошло в свою заключительную фазу. Шум

стоял невероятный.

«Аллах!» — буквально выдохнул Кассад полузабытое слово. Хватаясь за поручни и подтягиваясь, он кое-как добрался до кабины и пролез в люк. Ему казалось, что он карабкается по вертикальной стене, да, собственно, так оно и было. Катер перевернулся и вот так, кормой вперед, вошел в последнее пике. Кассад полз в тройном поле тяжести, прекрасно понимая, что достаточно одного неверного движения — и он переломает себе кости. Нарастающий свист воздуха превратился в рев дракона. Десантный отсек прогорел насквозь, и расплавленный металл обшивки разлетался брызгами.

Взобраться в кресло пилота было не проще, чем подняться по отвесной скале, взгромоздив на плечи еще двух альпинистов. Проклиная неуклюжие перчатки, Кассад из последних сил ухватился за подголовник кресла и повис прямо над бушующим в трюме пламенем. Корабль качнуло. Кассад забросил ноги вверх, подтянулся и оказался в кресле. Экраны отключились. Пламя разогрело прозрачный колпак блистера докрасна. Почти теряя сознание, Кассад перегнулся вперед и принялся шарить в темноте под креслом. Ничего… Так… рукоятка. Нет, не рукоятка… Кольцо.

Господи Иисусе! Аллах! Кольцо! Совсем как в книжках!..

Один за другим раздавались взрывы. Блистер прогорел насквозь, и брызги расплавленного перспекса разлетелись по кабине, заляпав скафандр и забрало. Завоняло горелым пластиком. Катер входил в штопор. Все перед глазами Кассада вдруг стало розовым, потом потускнело — и разом пропало. Онемевшими пальцами он затягивал ремни. Так, туже... еще туже... то ли это ремень врезается в грудь, то ли скафандр прогорел... Кассад потянулся к кольцу. Как же, ухватишь его в этих рукавицах... Ну а теперь — ТЯНИ!

Поздно! Охваченный пламенем катер с грохотом разваливался на куски. Пульт управления вспыхнул и разлетелся на тысячи осколков.

Кассада отбросило на спинку кресла. Вперед! Наружу! В огонь! Вверх тормашками!

Кувыркаясь в воздухе, Кассад догадался, что кресло создает собственное защитное поле. Пламя полыхало буквально в сантиметре от его лица.

Сработали пирозаряды, и кресло вылетело из огненного потока. За ним тянулся хвост синего пламени. Микропроцессоры тут же развернули кресло под нужным углом, и диск защитного поля оказался как раз между Кассадом и конусом рас-

каленного воздуха. Кресло пролетело около двух тысяч километров, тормозя с ускорением 8g. Кассаду казалось, что на грудь ему уселся великан.

Один раз ему удалось поднять веки. Он успел заметить, что лежит согнувшись, а над ним поднимается столб сине-белого пламени. Глаза его снова закрылись. Никаких признаков парашюта, левитатора или тормозного устройства он не заметил. Впрочем, какая разница? Все равно он не мог даже рукой шевельнуть.

Великан передвинулся и заметно потяжелел.

Кассад понял, что часть шлема расплавилась. А может, просто сорвало кусок воздушным потоком. Шум стоял чудовищный. Впрочем, какая разница!

Он плотнее закрыл глаза. Самое время вздремнуть.

Кассад открыл глаза и увидел темный силуэт склонившейся над ним женщины. В первую секунду он подумал, что это *она.* Он посмотрел еще раз… и понял, что не ошибся. Это *действительно* была она. Его щеки коснулись холодные пальцы.

— Я умер? — прошептал Кассад. Потом поднял руку и сжал ее запястье.

— Нет. — В ее мягком гортанном голосе чувствовался странный акцент. Он еще ни разу не

слышал, как она говорит.

— Ты существуешь на самом деле?

— Да.

Кассад вздохнул и огляделся. Он лежал совершенно обнаженный под тонким покрывалом на каком-то возвышении посередине темной, похожей на пещеру, комнаты. Сквозь пробоину в потолке виднелось звездное небо. Кассад поднял другую руку и прикоснулся к ее плечу.

Темный нимб волос. Свободное, тонкое одеяние, сквозь которое даже при свете звезд проступали контуры ее тела. Ее аромат — тонкий запах мыла, кожи и *ее самой*, запах, который он прекрасно помнил по прошлым встречам.

— Ты хочешь что-то спросить? — прошептала она.

Кассад молча расстегнул золотую пряжку, скреплявшую ее одеяние. Оно с шелестом упало на пол. Под ним ничего не было. В небе отчетливо виднелась лента Млечного Пути.

— Нет, — ответил Кассад и привлек ее к себе.

К утру поднялся легкий ветерок. Они лежали рядом, закутавшись в покрывало. Им не было холодно: казалось, тонкая материя сохраняла тепло их тел. Где-то за голыми стенами шуршал песок, а может быть, снег. Звезды были видны очень

отчетливо и казались необычайно яркими.

Они проснулись с первыми лучами солнца и лежали под шелковистым покрывалом, прижавшись друг к другу. Она провела рукой вдоль его тела по старым, давно знакомым шрамам. И по новым.

— Как тебя зовут? — прошептал Кассад.

— Тшшш, — прошептала она в ответ, и ее рука скользнула ниже.

Кассад уткнулся лицом в ароматный изгиб ее шеи и почувствовал, как напряглись ее груди. Ночь бледнела, превращаясь в утро. Ветер нес на голые стены то ли песок, то ли снег.

Они любили друг друга, спали и снова любили. Встали они около полудня. Она принесла Кассаду нижнее белье, серую куртку и брюки. Все это сидело на нем идеально. Носки из губчатой ткани и мягкие ботинки тоже оказались впору. Она оделась в такой же костюм, только цвета морской волны.

— Как тебя зовут? — спросил Кассад, когда они вышли из здания с разрушенным куполом и зашагали по мертвому городу.

— Монета,[14] — ответила его мечта. — Или Мнемосина. Как тебе больше нравится.

— Монета, — прошептал Кассад, глядя на поднимавшееся в лазурном небе маленькое солнце, — это Гиперион?

— Да.

— Как я приземлился? На парашюте? Или там было тормозное поле?

— Ты спустился на крыльях из золотой фольги.

— Странно, что я уцелел. Я не был ранен?

— Был. Но твои раны вылечили.

— Как называется это место?

— Град Поэтов. Его покинули более ста лет назад. За этим холмом находятся Гробницы Времени.

— А катера Бродяг, которые за мной гнались?..

— Один сел неподалеку. Повелитель Боли сам займется его командой. Два других приземлились чуть подальше.

— А кто это, Повелитель Боли?

— Пойдем, — сказала Монета.

---

[14] Примечания: 14

Монета — героиня-рассказчица в поэме Китса «Падение Гипериона». По некоторым мифам, дочь Юпитера (Зевса) от Памяти (Мнемосины). Мнемосина (греч. воспоминание), дочь Урана и Геи (и, таким образом, сестра Гипериона); родила от Зевса в Пиэрии девять муз. Кроме того, М. (лат. советница) — это одно из прозвищ римской богини Юноны. Храм Юноны Монеты стоял на Капитолии.

Сразу за вымершим городом начиналась пустыня. Струйки пыли текли по мраморным плитам, наполовину занесенным песком. К западу от города Кассад заметил десантный катер с открытыми люками. Установленный на упавшей колонне термокуб выдал им горячий кофе и свежие булочки. Они ели и пили молча.

Кассад тем временем пытался вспомнить легенды о Гиперионе.

— Повелитель Боли — это Шрайк, — сказал он наконец.

— Конечно.

— Ты отсюда… из Града Поэтов?

Монета улыбнулась и медленно покачала головой.

Кассад выпил кофе и отставил чашку. Его не покидало ощущение, что все это происходит во сне, ощущение куда более острое, чем во время всех предыдущих модельных тренировок. Но кофе приятно горчил; лицо и руки чувствовали тепло солнечных лучей.

— Пойдем, Кассад, — сказала Монета.

Они пересекли море холодного песка. Кассад поймал себя на том, что время от времени поглядывает вверх, в небо: «факельщик» Бродяг мог в любую секунду расстрелять их с орбиты.

Внезапно он понял, что этого не случится.

Гробницы Времени лежали в долине. Невысокий обелиск излучал мягкое сияние, а каменный сфинкс, напротив, словно бы впитывал в себя солнечный свет. Замысловато переплетенные пилоны отбрасывали друг на друга бесчисленные тени. Рядом, на фоне восходящего солнца, вырисовывались силуэты других гробниц. У каждой имелась дверь, и каждая дверь была открыта. Кассад знал, что когда первые исследователи обнаружили гробницы, двери были точно так же открыты, а все внутренние помещения — пусты. Более трех столетий искали там потайные комнаты, подземелья, захоронения, но все поиски оказались безуспешными.

— Дальше тебе нельзя, — сказала Монета, когда они приблизились к скале, возвышавшейся у входа в долину. — Сегодня приливы времени особенно сильны.

Тактический имплант Кассада молчал. Комлога у него не было. Он порылся в памяти.

— Вокруг Гробниц Времени существуют антиэнтропийные силовые поля, верно? — спросил он.

— Да.

— Гробницы очень древние. И антиэнтропий-

ные поля предохраняют их от разрушения.

— Не совсем так, — поправила его Монета. — Приливы обращают время вспять. Гробницы как бы движутся из будущего в прошлое.

— Из будущего в прошлое? — недоуменно повторил Кассад.

— Смотри.

Внезапно из желтого пыльного вихря возникло дерево со стальными шипами и, переливаясь как мираж, стало расти. Казалось, оно хочет заполнить собой всю долину. Вершина его поднялась уже метров на двести — до кромки обступивших долину скал. Ветви дерева двигались, исчезали и меняли форму, как элементы плохо съюстированной голограммы. Солнечные лучи сверкали на пятиметровых шипах. С десяток шипов унизывали совершенно голые тела Бродяг — мужчин и женщин. На других ветвях были другие трупы, причем не только человеческие.

На секунду пыльная буря заслонила дерево, а когда ветер стих, видение исчезло.

— Пойдем, — сказала Монета.

Кассад шел вдоль линии темпорального «прилива». Когда волны антиэнтропийного поля языками набегали на «берег», он отпрыгивал в сторону, словно ребенок, играющий на пляже

с океанским прибоем. Кассад чувствовал, как волны времени проникают в него, пропитывая буквально каждую клеточку тела памятью о событиях, которым только предстоит произойти.

Они остановились у входа в долину, где холмы переходили в прочерченную грядами барханов зыбкую равнину, отделявшую их от Града Поэтов. Монета прикоснулась к стене из синего сланца, и в скале открылся проход. Они вошли в длинную, низкую комнату.

— Это твой дом? — спросил Кассад, но сразу понял, что здесь никто не живет. Вдоль каменных стен, черневших выемками ниш, тянулись стеллажи. Больше здесь ничего не было.

— Мы должны приготовиться, — прошептала Монета, и освещение приобрело золотистый оттенок. Внизу, на длинной полке, появились какие-то непонятные штуковины. Вместо зеркала с потолка опустился блестящий полимерный лист не толще обычной кристалломатрицы.

Спокойно, словно во сне, Кассад наблюдал, как Монета сбросила сначала свои одежды, а затем раздела его. Нагота не взволновала его, а воспринималась, скорее, как часть какого-то обряда.

— Годами ты являлась мне в снах, — сказал он.

— Да. Это твое прошлое. И мое будущее. Удар-

ные волны событий движутся сквозь время, как гребешки волн по поверхности пруда.

Кассад моргнул, когда она подняла золотую пластинку и прикоснулась ею к его груди. Он почувствовал легкий удар, и его плоть стала зеркальной. Отдельные черты лица стерлись, голова обратилась в сверкающий эллипсоид, в котором отражались все краски и предметы в комнате. Секунду спустя Монета прижалась к нему, и ее тело тотчас превратилось в каскад отражений: вода на ртути, разлитой по хрому. Кассад видел отражение своей зеркальной плоти в каждом изгибе и мускуле ее тела. Груди Монеты ловили и искривляли лучи света; соски поднялись маленькими всплесками на поверхности зеркального пруда. Кассад хотел обнять ее и почувствовал, как поверхности их тел текут подобно двум потокам жидкости в магнитном поле. И под этим единым полем их тела соприкоснулись.

— Твои враги ожидают за городом, — прошептала она. Хромовое зеркало ее лица струилось светом.

— Враги?

— Бродяги. Те, что тебя преследуют.

Кассад покачал головой и увидел, что отражение повторило это движение.

— Разве теперь это важно?

— Конечно, — прошептала Монета. — Враг — это всегда важно. Ты должен вооружиться.

— Но как… — Не успел он договорить, как ощутил прикосновение металла. В руках Монеты был бронзовый тускло-синий предмет, формой напоминающий тороид. Его преображенное тело мгновенно отзывалось на любое движение его мысли, словно войско, связанное тактическими имплантами в единую боевую сеть. Кассад почувствовал, как в нем толчками поднимается кровь.

— Пойдем. — Монета снова вышла на голую пустынную равнину, залитую ярким и словно бы поляризованным светом. Кассаду казалось, что они скользят сквозь барханы, текут, подобно жидкости, бегущей по беломраморным улицам мертвого города. На западной окраине, у руин какого-то здания (надпись на чудом сохранившейся двери сообщала, что это Амфитеатр Поэтов), их ожидало *нечто.*

В первую секунду Кассад решил, что это еще один человек, покрытый, как и они, силовым полем. Но под слоем «хрома и ртути» не было ничего, даже отдаленно напоминающего человеческое тело. Словно во сне Кассад разглядывал четыре руки, выдвигающиеся лезвия пальцев,

многочисленные шипы на горле, предплечьях, запястьях, коленях, туловище, и, наконец, с трудом оторвал взгляд от тысячегранных глаз этого существа, полыхавших красным огнем, рядом с которым бледнело само солнце и от которого на весь мир ложились кроваво-красные тени.

«Шрайк», — подумал Кассад.

— Повелитель Боли, — прошептала Монета.

Существо повернулось и двинулось прочь из города. Они последовали за ним.

Кассад высоко оценил диспозицию Бродяг. Два катера приземлились с полукилометровым интервалом и, простреливая весь горизонт, могли, в случае необходимости, прикрыть друг друга огнем своих излучателей, орудий и ракетных турелей. Окопы и огневые точки десантной группы размещались метрах в ста от катеров. Кассад заметил по меньшей мере два врытых в землю электромагнитных танка, проекционные решетки и пусковые установки которых держали под прицелом равнину между Градом Поэтов и катерами.

С глазами Кассада творилось что-то странное: внезапно он осознал, что пересекающиеся ленты желтой дымки — это защитные поля катеров, а пульсирующие красные эллипсоиды — стороже-

вые сенсоры и противопехотные мины.

Он заморгал, вглядываясь в эту картину, и внезапно понял, что же так поразило его: в зыбком мареве ставших видимыми силовых полей ничего не двигалось. Солдаты Бродяг — даже те, что вроде бы не стояли на месте, — застыли, как те игрушечные солдатики, с которыми он играл в трущобах Фарсиды.

Врытые в землю электромагнитные танки и не должны были двигаться, но теперь замерли и их радарные антенны, выглядевшие как концентрические пурпурные дуги. Кассад посмотрел вверх и увидел над собой большую птицу, окаменевшую на лету. Она напоминала насекомое, застывшее в янтаре. Он прошел сквозь облако пыли, зачерпнул пригоршню песка своей хромированной рукой и высыпал его на землю. Песчинки плавно опускались, описывая в воздухе спирали.

Впереди них Шрайк осторожно пробирался через красный лабиринт мин. Он перешагивал через синие лучи ловушек, подныривал под фиолетовые импульсы автоматических станнеров-самострелов, проходил сквозь желтые защитные поля и зеленые стены акустического периметра и, наконец, оказался в тени вражеского катера. Монета и Кассад следовали за ним.

«Как же это все получается?» — спросил Кассад и тут же понял, что задал этот вопрос не голосом, а посредством *чего-то* — конечно, не столь мощного, как телепатия, но неизмеримо более тонкого, чем обычный имплант-контакт.

«Он управляет временем».

«Повелитель Боли?!»

«Конечно».

«А мы здесь зачем?»

Монета указала рукой на неподвижные фигуры Бродяг.

«Они твои враги».

Кассад будто очнулся от долгого сна. Все было наяву. И немигающие глаза пехотинцев под забралами шлемов. И катер, возвышающийся слева, словно бронзовое надгробие.

Федман Кассад чувствовал, что ему под силу уничтожить их всех: десантников, экипажи — всех до единого. И они ничего не смогут поделать. Он знал, что время не остановилось, — как не останавливается оно в корабле, идущем на двигателях Хоукинга, — изменилась скорость его течения. Птица, застывшая над его головой, через несколько минут или часов завершит взмах своих крыльев. И этот Бродяга, который сейчас моргает, рано или поздно закроет глаза. Надо

только набраться терпения и ждать. А тем временем Кассад, Монета и Шрайк перебьют их всех. Бродяги даже не успеют понять, что случилось.

Это несправедливо, заключил Кассад. Неправильно. Это — вопиющее нарушение Нью-Бусидо, худшее, чем убийство мирных жителей. Суть воинской чести — сражение равных. Он уже собирался сказать об этом Монете, как вдруг она то ли произнесла, то ли подумала:

«Берегись!»

С резким звуком, напоминающим шипение воздуха в шлюзе, время побежало с обычной своей скоростью. Птица взмыла вверх и закружила в небе. Ветер пустыни швырнул песок на защитное поле. Десантник поднялся с колена. Увидев Шрайка и две человеческие фигуры рядом с ним, он прокричал что-то по тактическому каналу связи и поднял лучевое ружье.

Кассаду казалось, что Шрайк не движется, а просто перестает быть *здесь* и сразу же возникает *там.* Бродяга вновь испустил короткий крик, а затем в полном недоумении опустил взгляд. Утыканной лезвиями рукой Шрайк проник ему в грудную клетку и вырвал сердце. Продолжая таращить глаза, Бродяга открыл было рот, словно хотел что-то сказать, и упал.

Кассад повернулся вправо и оказался лицом к лицу с десантником в защитном панцире. Тот невыносимо медленно поднимал ружье. Кассад взмахнул рукой и, чувствуя, как гудит от напряжения его силовое поле, нанес удар: ребро ладони с легкостью прошло через бронежилет, шлем и шею десантника. Отрубленная голова покатилась в пыль.

Кассад спрыгнул в неглубокую траншею. Несколько солдат начали поворачивать к нему головы. Поток времени все еще не стабилизировался: секунду враги двигались очень медленно, а в следующее мгновение, дернувшись, как на поврежденной голограмме, начинали перемещаться со скоростью в четыре пятых нормальной. Но Кассад был быстрее. О Нью-Бусидо он уже не думал. Перед ним были варвары, которые пытались *убить* его. Сломав позвоночник первому, он отступил в сторону и пырнул второго твердыми «хромированными» пальцами, легко пробившими бронежилет. Разбив горло третьему, он увернулся от медленно плывущего к нему лезвия ножа и перебил его владельцу позвоночник, после чего выпрыгнул из траншеи.

«Кассад!»

Кассад быстро пригнулся. Рубиново-красный

луч лазера медленно проплыл у него над плечом, словно прожигая себе путь сквозь воздух. Кассад услышал шипение и ощутил запах озона. («Быть не может! Я увернулся от лазера!») Подобрав с земли камень, он швырнул его в Бродягу, который возился с «адской плетью», установленной на башне танка. Стрелок полетел на землю. Кассад выхватил из патронташа убитого десантника плазменную гранату и подскочил к люку танка. Гейзер пламени взметнулся выше носа стоявшего рядом катера, но Кассад в это время был уже метрах в тридцати от него.

Остановившись, он отыскал глазами Монету. Вокруг нее, словно туши на бойне, вповалку лежали трупы Бродяг. Вражеская кровь почти сплошь покрывала ее тело, но не прилипала к нему, а стекала, как масло по воде, переливаясь всеми цветами радуги на подбородке, плечах, груди и животе. Монета посмотрела на него поверх схватки, и Кассад вновь испытал прилив сил.

Позади нее Шрайк медленно двигался сквозь кровавый хаос, выбирая себе все новые и новые жертвы, словно пожинал урожай. Глядя, как это существо то возникает из небытия, то вновь исчезает, Кассад вдруг осознал: Повелителю Боли они с Монетой кажутся такими же медлительными,

как Бродяги — ему самому.

Время убыстрилось и текло теперь со скоростью в четыре пятых нормальной. Уцелевших Бродяг охватила паника, они палили друг в друга, бросали боевые посты и сломя голову бежали к катеру. Кассад словно увидел их глазами события последних минут — оборонительные позиции, прорванные какими-то зеркальными кляксами, товарищей, умирающих в лужах крови. Монета шла сквозь толпу, убивая теперь просто ради развлечения. К своему удивлению, Кассад обнаружил, что может немного управлять временем: *раз* — и его противники замедляют скорость до трети нормальной, *раз* — и время возвращается в свои берега. Честь солдата и элементарная брезгливость требовали прекратить бойню, но охватившая Кассада почти сексуальная жажда крови пересилила все.

Кто-то в катере задраил люк. Десантники, оставшиеся снаружи, запаниковали и принялись стрелять по нему плазменными зарядами. Спасаясь от невидимого врага, толпа напирала, топча даже раненых, а Кассад наседал на них сзади.

Все происходящее как нельзя лучше описывала фраза: «сражаться, как загнанная в угол крыса». Из военной истории известно, что самые ярост-

ные бои происходят на замкнутых пространствах, откуда невозможно бежать. Атаки французов на Эсантэ и Угумон[15] под Ватерлоо, Пчелиные туннели Лузуса — именно там происходили самые яростные рукопашные схватки. Здесь было то же самое: плотная толпа плюс невозможность отступить. Бродяги сражались… и погибали… как загнанные в угол крысы.

Шрайк вывел из строя экипаж катера. Монета осталась позади, чтобы уничтожить три двадцатки десантников, не покинувших своих окопов. Кассад обрушился на них с тыла.

В это время второй катер открыл огонь по своему обреченному товарищу. Кассад был уже достаточно далеко и спокойно наблюдал за тем, как над равниной ползут лазерные лучи. Целую вечность спустя полетели ракеты. Они плыли так медленно, что Кассаду казалось — он успел бы расписаться на них. Первый катер уже завалился набок, Бродяги внутри и снаружи были перебиты все до единого, но защитное поле еще держалось. Взрывы и выброс поглощенной энергии разбросали трупы до самой линии окопов, подожгли

[15] Примечания: 15

Деревня Эсантэ (La Haye Sainte) и замок Угумон (Hougoumont), возле которых находились позиции англичан, — места наиболее яростных схваток во время битвы под Ватерлоо.

технику и оплавили песок до зеркального блеска. Стоя под куполом оранжевого пламени, Кассад и Монета смотрели на второй катер, уходивший в космос.

«Мы можем остановить их?» — Кассад тяжело дышал и буквально дрожал от возбуждения.

«Можем, — ответила Монета, — но не станем. Пусть доставят послание Рою».

«Какое послание?»

— Иди ко мне, Кассад.

Он обернулся на звук ее голоса. Отражающее силовое поле исчезло. Обнаженное тело Монеты лоснилось от пота, темные волосы прилипли к вискам, соски затвердели.

— Иди ко мне, — повторила она.

Кассад оглядел себя. Его собственное силовое поле тоже исчезло. Он *захотел*, и оно исчезло. Такого острого желания Кассад не испытывал ни разу в жизни.

— Иди ко мне, — в третий раз повторила Монета, теперь уже шепотом.

Кассад подошел к ней, подхватил за влажные, сами скользнувшие ему в руки ягодицы и отнес ее на вершину небольшого холма, где осталась полоска невыгоревшей травы. Опустив ее на землю среди громоздившихся вокруг трупов, он

грубо раздвинул ей ноги, отвел ее руки за голову, прижал их к земле и всем телом рухнул на нее.

— Да, да, да, — шептала Монета, когда Кассад целовал ей мочку левого уха, прокладывая губами путь к пульсирующей жилке на шее, слизывая сладостно-соленые струйки пота с ее грудей. *А вокруг громоздятся горы трупов. Их будет еще больше. Тысячи. Миллионы. Мертвецы трясутся от хохота. Бесконечные колонны солдат выходят из люков десантных «прыгунов» и скрываются в огне.*

— Да!

Она горячо дышала ему в ухо. Ее руки скользнули по мокрым плечам Кассада, длинные ногти впились ему в спину, потом в ягодицы. Ближе, еще ближе! Мужская плоть Кассада то скользила по ее пушистому лону, то упиралась ей в живот. *Вот открываются нульпорталы, выбрасывая холодные громады ударных авианосцев. Жар плазменных взрывов. Сотни, тысячи кораблей танцуют свой предсмертный танец и гибнут, как бабочки, попавшие в ураган. Гигантские столбы красных лазерных лучей пронзают атмосферу, окутывают целые города сгустками жара, и в рубиновом свете закипают тела.*

— Да!

Она раскрыла губы, она вся раскрылась навстречу ему. Спиной, животом он ощущал ее тепло. Ее язык скользнул ему в рот, а потом он вошел в нее, и она подалась ему навстречу. Его тело напряглось и чуть выгнулось назад. Кассад отдался этой влажной теплоте, которая словно бы засасывала его. Теперь они двигались как одно целое. *Яростный жар поглощает тысячи миров. В предсмертных конвульсиях сгорают континенты, кипят моря. Сам воздух горит. Океаны перегретого воздуха вздрагивают, как кожа, ждущая прикосновения руки возлюбленной.*

— Да… да… да…

Кассад чувствует на губах теплое дыхание Монеты. Ее кожа — как масло и бархат. Все быстрее, все чаще двигается Кассад, и когда Монета сжимает его в горячих, влажных объятиях, сама вселенная сокращается… а потом расширяется вновь. Ее бедра движутся резко и требовательно, словно подчиняясь какой-то неодолимой силе. Лицо Кассада перекашивает гримаса, он закрывает глаза и видит…

…огненные шары расширяются, затягивая в себя планеты, солнца взрываются, выбрасывая языки пламени, целые созвездия исчезают в экстазе разрушения…

…Больно в груди, бедра Монеты движутся быстрее и быстрее, он открывает глаза и видит…

…Огромный стальной шип, вырастающий между грудей Монеты, тело Кассада ходит ходуном, он видит сбегающую по граням шипа кровь, кровь капает на тело Монеты — бледное, вновь ставшее зеркальным, холодное, как мертвый металл, но бедра Кассада продолжают двигаться, даже когда он затуманенными от страсти глазами видит, как губы Монеты вянут и закатываются внутрь… на месте зубов блестят металлические лезвия, пальцы, вцепившиеся в его ягодицы, превращаются в шипы, ноги, как мощные стальные обручи, охватывают его бедра, ее глаза…

…В последние секунды перед оргазмом Кассад пытается вырваться… сжимает руки у нее на горле, она впивается в него, как пиявка, как минога… кажется, она может высосать его целиком… и они катаются среди мертвых тел…

…Ее глаза словно рубины, пылающие безумным огнем, — сродни тому, что разгорается в его чреслах и распространяется по всему его телу, переполняя его…

…Кассад упирается обеими руками в землю и безумным усилием пытается вырваться от нее… от этого… но сил его все-таки не хватает, чтобы

преодолеть чудовищную тяжесть, прижимающую их друг к другу… она впилась в него, как минога, его буквально разрывает на части… он видит в ее глазах… *гибель миров!*

Кассад с криком вырывается и отталкивается что есть сил. Кожа висит клочьями. В недрах стального влагалища щелкают металлические челюсти, пройдя всего лишь в миллиметре от его плоти. Кассад валится на бок и откатывается в сторону. Его бедра продолжают двигаться — он не может прервать семяизвержение. Поток спермы извергается наружу — прямо на руку убитого солдата. Кассад стонет и, сжавшись, как эмбрион в материнской утробе, катится по земле… и снова испытывает оргазм. А потом еще раз.

Он слышит шуршание и треск. Это она. Кассад переворачивается на спину и, преодолевая боль, размыкает веки. Солнце бьет ему в глаза. Она стоит над ним, расставив ноги, — ощетинившийся силуэт на фоне неба. Кассад вытирает пот и глядит на свое окровавленное запястье. Он ждет смерти. Его мышцы сокращаются в предчувствии удара. Вот-вот стальные лезвия войдут в его тело. Тяжело дыша, Кассад смотрит на стоящую над ним Монету. Ее бедра — скорее из обычной человеческой плоти, чем из стали — все еще влажно

поблескивают. Лица Кассад не видит — солнце светит ей в спину, — но он замечает, что красное пламя в ее похожих на огненные рубины глазах начинает угасать. Она улыбается, и солнечные лучи вспыхивают на металлических зубах.

— Кассад… — шепчет она; с таким звуком песок царапает брошенную в пустыне кость.

Кассад отводит взгляд, с трудом поднимается на ноги. Спотыкаясь, он бредет среди трупов и обгоревших камней, охваченный ужасом освобождения. Он идет не оглядываясь.

* * *

Два дня спустя Федмана Кассада обнаружил разведотряд Сил Самообороны Гипериона. Полковник был без сознания. Он лежал совершенно голый на поросшей травой пустоши близ покинутой Башни Хроноса, километрах в двадцати от мертвого города и обломков спускаемого аппарата Бродяг. Из-за истощения и тяжелых ран он почти не подавал признаков жизни, однако после того, как ему оказали первую помощь, состояние его улучшилось. По воздуху его перебросили на юг, через Уздечку, и доставили в госпиталь Китса, а разведотряд осторожно двинулся на север. Разведчики опасались антиэнтропийных полей,

а также мин-ловушек, которые могли оставить Бродяги. Опасались, как выяснилось, напрасно. Ибо обнаружили они только обломки кресла, на котором спасся Кассад, и обгоревшие корпуса двух боевых катеров, которые Бродяги непонятно зачем сами расстреляли с орбиты. Почему они превратили в шлак собственные корабли, понять было невозможно. Тела Бродяг, обнаруженные в катерах и вокруг, так обгорели, что ни вскрытие, ни анализы ничего не дали.

Три местных дня спустя Кассад пришел в сознание. Он клялся, что ничего не помнит с того самого момента, как проник на вражескую «каракатицу». Через две недели его забрал «факельщик» ВКС.

Вернувшись в Сеть, Кассад вышел в отставку. Некоторое время он активно участвовал в антивоенном движении, выступая иногда по сети Альтинга с требованиями всеобщего разоружения. Но после нападения на Брешию Гегемония забряцала оружием и уже всерьез готовилась к настоящей межзвездной войне, чего за последние три столетия не случалось ни разу. Так что выступления Кассада либо игнорировали, либо относили на счет его больной совести. Как-никак Мясник Южной Брешии.

Прошло шестнадцать лет. В Сети полковник больше не появлялся, говорить о нем перестали. Крупных сражений больше не было, но Бродяги оставались для Гегемонии главным пугалом. А Кассада мало-помалу забыли.

Было уже поздно, когда Кассад закончил свою историю. Консул заморгал и огляделся. Впервые за последние два часа он обратил внимание на то, что творится вокруг. Баржа «Бенарес» давно вошла в главное русло реки Хулай. Консул слышал скрип цепей и стальных тросов, с помощью которых упряжка речных мант тянула баржу. «Бенарес» был единственным судном, идущим вверх по реке, хотя навстречу плыло множество мелких суденышек. Консул потер лоб и с удивлением обнаружил, что рука его стала влажной от пота. Было довольно жарко, а тень от навеса ушла в сторону, чего Консул даже не заметил. Он снова заморгал, вытер пот и пересел в тень, собираясь приложиться к одной из бутылок, выставленных андроидами на буфет рядом со столом.

— Боже мой! — воскликнул отец Хойт. — Если верить этому созданию, именующему себя Монетой, Гробницы Времени движутся во времени *вспять!*

— Да, — ответил Кассад.

— Возможно ли такое? — изумился священник.

— Да. — На этот раз ответил Сол Вайнтрауб.

— Но тогда получается, — вступила в разговор Ламия Брон, — что вы «встречались» с этой Монетой… или как там ее… в ее прошлом или вашем будущем… точнее, встретитесь.

— Да, — подтвердил Кассад.

Мартин Силен подошел к поручням и сплюнул в воду.

— А не кажется ли вам, полковник, что эта стерва и есть Шрайк собственной персоной?

— Не знаю, — едва слышно произнес Кассад.

Силен повернулся к Солу Вайнтраубу.

— Тогда вы, доктор, ответьте нам как ученый. Может, сохранились какие-нибудь мифы, где говорится, что Шрайк может менять свое обличье?

— Нет, — ответил Вайнтрауб. Он готовил дочери соску. Девочка тихонько мяукала, как котенок, и шевелила крохотными пальчиками.

— Полковник, — спросил Хет Мастин, — а после битвы с Бродягами и… той женщиной… вы сохранили силовое поле, ну, которое как костюм?

Кассад внимательно взглянул на тамплиера и покачал головой.

Консул уставился в стакан, затем вдруг вскинул

голову — его осенило:

— Погодите, полковник. Вы, кажется, упоминали дерево смерти Шрайка… На него еще были наколоты трупы.

Кассад посмотрел на Консула взглядом василиска и после паузы кивнул.

— Это были тела людей?

Полковник снова кивнул.

Консул стер пот с верхней губы.

— Если, как вы утверждаете, дерево и Гробницы Времени движутся из будущего в прошлое, значит, этим людям еще *предстоит* погибнуть.

Кассад молчал. Все внимательно смотрели на Консула, но лишь Вайнтрауб, кажется, понял, что тот имел в виду… о чем спросит теперь.

Консул преодолел желание снова вытереть пот и твердо произнес:

— Вы видели там кого-нибудь из нас?

Кассад молчал. Тихое журчание реки и скрип снастей вдруг показались всем оглушающе громкими. Наконец Кассад выдохнул:

— Да.

И снова воцарилась тишина. Первой нарушила молчание Ламия Брон:

— Вы можете нам сказать, кого вы там видели?

— Нет. — Кассад поднялся и пошел к трапу.

— Постойте! — крикнул отец Хойт.

Кассад остановился у спуска на нижнюю палубу.

— Можете ли вы, по крайней мере, ответить еще на два вопроса?

— Я вас слушаю.

Изможденное лицо отца Хойта побелело и покрылось испариной. Его исказила гримаса боли. Священник перевел дыхание и спросил:

— Во-первых, не думаете ли вы, что Шрайк или та женщина… хотят как-то использовать вас, чтобы развязать ужасную межзвездную войну, которая явилась вам в видении?

— Да, — мягко ответил Кассад.

— И во-вторых, не могли бы вы сказать нам, о чем вы собираетесь просить Шрайка… или Монету?

В первый раз за весь день Кассад улыбнулся. Улыбнулся тонкой, ледяной улыбкой.

— Я ни о чем не собираюсь просить. На этот раз я их просто убью.

Он развернулся и начал спускаться по трапу.

Паломники молчали, стараясь не смотреть друг на друга. «Бенарес» продолжал свой путь на северо-северо-восток.

3

Баржа «Бенарес» вошла в речной порт Наяда за час до захода солнца. Команда и паломники столпились у поручней, разглядывая свежее пепелище — все, что осталось от города с двадцатитысячным населением.

Знаменитая гостиница «Речной уголок», построенная еще во времена Печального Короля Билли, сгорела дотла, ее многочисленные причалы, мостки и веранды рухнули в воды реки Хулай. На месте таможни чернел выгоревший остов. Терминал на северной окраине города, обслуживавший рейсовые дирижабли, превратился в почерневшую груду развалин, из которой торчал обугленный огрызок причальной башни. От маленького святилища Шрайка, стоявшего некогда на набережной, не осталось и следа. Но самым неприятным открытием оказались руины речного вокзала: стенки дока, в котором перепрягали мант, обгорели и местами повалились, садки для свежих животных пустовали.

— Черт бы их всех побрал! — воскликнул Мартин Силен.

— Интересно, кто все это сделал? — задумчиво

произнес отец Хойт. — Шрайк?

— Скорее, ССО, — сказал Консул. — Хотя они могли сражаться как раз со Шрайком.

— Чушь! — отрезала Ламия Брон и повернулась к А. Беттику, который только что вышел на кормовую палубу. — Вы не знаете, что здесь произошло?

— Понятия не имею, — ответил андроид. — Со всеми населенными пунктами к северу от шлюзов уже больше недели нет связи.

— Почему же, черт возьми, вы ее не установите? — взорвалась Ламия. — Даже если в этом забытом Богом захолустье нет Сети, почему не воспользоваться рацией?

А. Беттик мягко улыбнулся ей:

— Конечно, госпожа Брон, рации у нас есть, но спутники связи не работают, УКВ-ретранслятор в районе шлюзов Карла разрушен, а от коротких волн проку мало.

— Как там наши манты? — поинтересовался Кассад. — До Эджа дотянут?

— Мы должны туда попасть, полковник, — Беттик нахмурился, — но по отношению к животным это преступление. Наша упряжка такой гонки не выдержит. Со свежими мантами мы добрались бы до Эджа к рассвету. А с этой парой… — Ан-

дроид пожал плечами. — Если повезет и они не издохнут по дороге, мы будем там только после полудня.

— Надеюсь, ветровоз окажется на месте? — спросил у него Хет Мастин.

— Я тоже на это надеюсь, — ответил А. Беттик. — Если вы не возражаете, я пойду присмотрю, чтобы наших несчастных животных как следует накормили. Отправляемся через час.

Развалины Наяды и ее окрестности были совершенно пусты. Да и встречные суда больше не попадались. Примерно через час пути леса и заброшенные фермы сменились прерией. Волнистая оранжевая равнина тянулась на север до самого Травяного моря. Время от времени на берегах виднелись глиняные термитники — самые настоящие зубчатые башни до десяти метров вышиной. И ни одного нетронутого человеческого жилища. Паромной переправы у Бетти-Форд словно никогда и не было — исчезли даже канат и будка на левом берегу, простоявшая почти два столетия. Гостиница «Речник» на Пещерном мысу была погружена во тьму. А. Беттик с матросами пытались докричаться до ее обитателей, но черный зев пещеры безмолвствовал.

С закатом солнца на реку опустилась почти

осязаемая тишина, нарушаемая лишь хором насекомых и криками ночных птиц. Некоторое время серо-зеленое свечение сумеречного неба еще отражалось в зеркальной глади, по которой тянулся кильватерный след тащивших баржу мант да кое-где разбегались круги — хищные рыбы приступили к ночной охоте. Стемнело, и над прерией замерцали бесчисленные клочья светящейся паутины (не уступавшей в размерах своей лесной родственнице, хотя и более тусклой); казалось, в долинах и на склонах невысоких холмов пляшут призрачные детские фигурки. Когда усыпанное звездами ночное небо прорезали сверкающими шрамами метеоры — здесь, вдали от городских огней, их блеск казался неестественно ярким, — на кормовой палубе, где был сервирован ужин, зажглись фонари.

Паломники чувствовали себя подавленными, история Кассада не выходила у них из головы. Консул начал пить еще до полудня и сейчас испытывал приятную отрешенность от мира и собственных воспоминаний, без которой не выдержал бы и дня. Сидя за накрытым столом, он четко, без запинки (как и положено алкоголику со стажем) произнес:

— Так, чья теперь очередь рассказывать?

— Моя, — ответил Мартин Силен. Поэт начал пить еще с утра, но, как и Консул, говорил вполне складно. Его выдавали лишь яркий румянец да маниакальный блеск в глазах. — По крайней мере бумажку с номером «три» вытянул именно я. — Поэт продемонстрировал присутствующим клочок бумаги. — Ну как, вы еще не раздумали слушать эту херню?

Ламия Брон подняла стакан с вином, потом нахмурилась и поставила его на стол.

— По-моему, стоит сначала обсудить то, что мы уже слышали, и решить, какое отношение эти истории имеют к нашему… делу.

— Рано, — возразил ей полковник. — Информации пока маловато.

— Пусть господин Силен начнет, — предложил Сол Вайнтрауб, — а там по ходу дела и обсудим.

— Я — за, — присоединился к нему священник. Хет Мастин и Консул молча кивнули.

— Прелестно! — возопил Мартин Силен. — Итак, я приступаю! Позвольте мне только допить это сраное вино.

История поэта:

Песни Гипериона

В начале было Слово. Слово стало текстом, и появился сраный текст-процессор. Затем — ментопроцессор. После чего литература приказала долго жить. Вот так-то.

Фрэнсис Бэкон однажды сказал: «Плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждает разум». Мы все участвуем в этом деле и удивительным образом осаждаем разум, не правда ли? Я же преуспел побольше прочих. Один из лучших писателей двадцатого века, ныне совершенно забытый (подчеркиваю, лучший и забытый), однажды остроумно заметил: «Мне нравится быть писателем. Но чего я не выношу, так это писанины».[16] Поняли? Итак, синьоры и синьорита, мне нравится быть поэтом. Но чего я, черт возьми, не выношу, так это слов.

С чего же мне начать? Может быть, с Гипериона? *(Затемнение) Почти два стандартных века тому назад.*

Пять «ковчегов» Печального Короля Билли, словно золотые одуванчики, кружат в этом прекрасно знакомом всем нам лазурном небе. Мы

---

[16] Примечания: 16

Ф. Бэкон «Новый Органон», XLIII. Сочинения в 2-х тт. М., 1978, т. 2, с. 19.

высаживаемся и, как подобает настоящим конкистадорам, гордо топаем по планете. Нас было более двух тысяч: видеохудожники, писатели, скульпторы, поэты, паректоры, клипмейкеры, тривиссеры, композиторы, декомпозиторы и бог знает кто еще, а также целый штат (по пять на нос) администраторов, техников, экологов, инспекторов, придворных и профессиональных жополизов, не говоря уж о самих коронованных задницах, то бишь августейшем семействе, обслуга которого была еще в десять раз больше нашей — хренова туча андроидов, жаждущих немедленно возделывать землю, шуровать в ядерных топках, возводить города и таскать тяжести… ну, черт возьми, вы меня понимаете.

Мир, в котором мы высадились, был уже заселен какими-то козлами, которые еще за два века до нас окончательно одичали и теперь сосали лапу и при первом удобном случае вышибали друг дружке остатки мозгов.

Естественно, что сии благородные потомки славных пионеров приветствовали нас как богов, особенно после того, как орлы из нашей охраны превратили в головешки несколько самых крутых ихних вождей. А мы, естественно, приняли их поклонение как должное и отправили

сих аборигенов вместе с нашими синежопыми распахивать южную сороковую и возводить Блистающий Град на Холме.

О, то был поистине Град Блистающий! Сейчас, разглядывая руины, вы едва ли сможете вообразить его во всей красе. За три века его затопили пески, тянувшиеся от самых гор акведуки обвалились… От города остался лишь скелет. Но в пору своего расцвета Град Поэтов был воистину прекрасен: дух сократовских Афин плюс интеллектуальный подъем Венеции эпохи Возрождения, плюс артистическая лихорадка Парижа времен импрессионистов, плюс подлинная демократия первых десятилетий Орбит-сити и безграничные перспективы ТК-Центра…

Под конец, правда, от этого ничего не осталось. Только вызывающий клаустрофобию чертог Хродгара, за порогом которого во тьме поджидало чудовище. Разумеется, у нас был свой Грендель. У нас был даже Хродгар (за такового вполне мог сойти сам Печальный Король Билли с его безвольным профилем). Не хватало только гаутов: безмозглого амбала Беовульфа и его придурковатой шайки. Итак, за неимением Героя мы смирились с ролью жертв: сочиняли сонеты, репетировали балеты и копались в пергаментных

свитках, а наш утыканный железными шипами Грендель тем временем сеял по ночам страх и собирал урожай хрящей и сахарных косточек.

А я — сатир душой, ставший тогда сатиром во плоти, — после пятисотлетнего упорного просиживания штанов завершал наконец труд всей своей жизни, мои «Песни». *(Снова затемнение)*

Мне кажется, историю Гренделя рассказывать пока не время. Актеры еще не успели занять свои места на сцене. Нелинейное построение сюжета и дискретное повествование имеют приверженцев, и отнюдь не последний среди них — я сам, но в конце концов, друзья мои, шанс на бессмертие этим тонким страницам дает, или, наоборот, отнимает, именно литературный герой. Сознайтесь, разве не случалось вам хоть раз подумать, что Гек Финн и Джим действительно существуют и в этот самый момент действительно толкают шестами свой плот по какой-то неведомой реке, куда более реальные, чем, допустим, продавец обуви, у которого вы невесть когда купили ботинки? Ладно, раз уж я взялся рассказывать эту идиотскую историю, следует для начала объяснить, кто есть кто. А поскольку эта заноза сидит в моей заднице, я дам задний ход и начну с самого начала.

В начале было Слово. И Слово было запрограммировано классическим двоичным кодом. И Слово гласило: «Да будет жизнь!» И вот однажды в поместье моей матушки из бункера Техно-Центра была извлечена замороженная сперма моего давно почившего батюшки. Ее разморозили, развели какой-то фигней и как следует взбили — в добрые старые времена так взбивали ванильный солод. Потом этой смесью зарядили струйный шприц, имеющий форму дамского любимца. Магическое нажатие спускового крючка — и папашины сперматозоиды устремились куда положено. В ту ночь стояла полная луна, и матушкина яйцеклетка была, что называется, в полном соку.

Конечно, никто не заставлял мамулю беременеть таким варварским способом. Ведь можно было вырастить меня, что называется, в пробирке или хотя бы пересадить папашину ДНК любовнику. А есть еще клонирование, генозамещенный партеногенез… Однако мамаша (по ее собственному выражению) предпочла раздвинуть ноги навстречу традиции. Подозреваю, что ей нравился сам процесс.

Как бы то ни было, я родился. Я родился на Земле… на СТАРОЙ Земле… хоть эта сучка Ламия и не верит мне. Мы жили в поместье моей матери

на острове близ берегов Северо-Американского Заповедника.

Наш дом на Старой Земле (набросок)

Нежно-фиолетовые сумерки розовеют и плавно перетекают в малиновый рассвет. Силуэты деревьев у юго-западного края лужайки кажутся вырезанными из папиросной бумаги. Небосвод из полупрозрачного фарфора не пятнает ни единое облачко, ни единый инверсионный след. Предрассветная тишина… Такая тишина бывает в зале за секунду до того, как оркестр грянет увертюру. И, как удар литавр, восход Солнца. Оранжевые и бежевые тона вдруг вспыхивают золотом, а затем медленно остывают, расцветая всеми оттенками зеленого: тени листьев, полумрак под деревьями, кроны кипарисов и плакучих ив, тускло-зеленый бархат прогалин.

Поместье матери — наше поместье — занимало около тысячи акров. А вокруг него простиралась равнина, в миллион раз большая. Лужайки размером с небольшую прерию, покрытые нежнейшей травкой, чье мягкое совершенство так и манило прилечь и вздремнуть. Величественные, раскидистые деревья — солнечные часы Земли. Их тени синхронно поворачиваются: слитые воедино, они затем разделяются и сокращаются,

отмечая наступление полудня, и, наконец, на закате дня вытягиваются на восток.

Королевский дуб. Гигантские вязы. Тополя. Кипарисы. Секвойи. Бонсай. Стволы баньяна тянутся ввысь, подобно колоннам храма, крыша которого — небо. Вдоль каналов и причудливо извивающихся ручьев выстроились ивы, ветви которых поют древнюю погребальную песнь.

Наш дом стоит на невысоком травянистом холме. Зимой трава рыжеет, и склоны холма напоминают округлые бока самки какого-то громадного зверя, сжавшейся в комок перед прыжком.

Видно, что дом достраивался веками. Нефритовая башня на восточном дворе ловит первые лучи восходящего солнца, а в послеполуденный час череда зубцов на южном крыле отбрасывает треугольные тени на хрустальную оранжерею. Восточное крыло, опутанное целым лабиринтом балкончиков и наружных лестниц, благодаря игре света и теней кажется сошедшим с гравюр Эшера.

Это было уже после Большой Ошибки, но еще до того, как Земля стала необитаемой. Обычно мы наезжали в поместье, когда наступала «ремиссия» — этим расплывчатым термином

обозначали непродолжительные (от десяти до восемнадцати месяцев) периоды затишья между планетарными спазмами. В это время черная минидыра, которую Киевская Группа засадила в самый центр Земли, как бы переваривала содержимое своей утробы в предвкушении очередного пиршества. А когда опять наступал «период активности», мы отправлялись «к дяде Кове», то бишь на расположенный за орбитой Луны терраформированный астероид, который отбуксировали туда еще до исхода Бродяг.

Вы, конечно же, скажете — вот счастливчик. Родился с серебряной ложкой в жопе. Я не собираюсь оправдываться. После трех тысяч лет игры в демократию уцелевшая аристократия Старой Земли пришла к выводу, что единственный способ избавиться от всякой швали — не давать ей размножаться. Точнее, финансировать строительство флотилий «ковчегов», исследовательские экспедиции спин-звездолетов, заселение других планет с помощью нуль-Т и так далее. Вот почему Хиджра проходила в такой панической спешке. Пусть они уматывают к черту на кулички, плодятся там сколько их душеньке угодно и оставят Землю в покое! Тот факт, что матушка-Земля подыхала, как старая больная

сука, вовсе не лишал этих подонков страсти к первооткрывательству. Как же, нашли дурачков!

Подобно Будде я впервые увидел обличье нищеты уже будучи почти взрослым. По достижении шестнадцати стандартных лет я, как и положено, отправился побродить по свету и, путешествуя по Индии, встретил настоящего попрошайку. Потом я узнал, что индуисты сохраняли институт нищенства по религиозным мотивам, но в тот момент я видел перед собой человека в лохмотьях, изможденного, с выпирающими ребрами, который протягивал мне плетеную корзинку с древним кредит-дисководом, предполагая, очевидно, что я вставлю туда свою универсальную карточку. Друзья решили, что у меня истерика. Меня вырвало. Случилось это в Бенаресе.

С детства мне пришлось подчиняться всяческим условностям, но, как ни странно, вспоминаю его я без отвращения. Скажем, от знаменитых приемов гранд-дамы Сибиллы (она приходилась мне двоюродной бабушкой по матери) у меня остались приятнейшие воспоминания. Припоминаю один такой трехдневный прием на Манхэттенском архипелаге. «Челноки» доставляют все новых и новых гостей — из Орбит-сити, из Европейских куполов. Громада Эмпайр-Стейтс-

Билдинг возвышается над водной гладью, ее огни отражаются в лагунах и каналах, заросших папоротником; на смотровую площадку небоскреба садятся магнитопланы, из них выходят пассажиры… а на крышах соседних зданий (они похожи на острова-переростки) дымятся жаровни…

Северо-Американский Заповедник служил нам чем-то вроде площадки для игр. По слухам, на этом таинственном континенте проживало около восьми тысяч человек, но половину из них составляли лесничие. Среди остальных были инженеры-экологи, палеореконструкторы-нелегалы, которые усердно воскрешали допотопную флору и фауну, дипломированные первобытные племена вроде Сиу Огалалла или Гильдии Падших Ангелов и случайные туристы. Про одного из моих кузенов рассказывали, что он бродил в Заповеднике от одного контролируемого участка к другому, но, разумеется, на Среднем Западе, где эти участки идут сплошняком, а потому риск напороться на стадо динозавров невелик.

В течение первого столетия после Большой Ошибки смертельно раненная Гея умирала, но пока еще медленно. Большие разрушения происходили только в «активные» периоды. Однако эти спазмы становились, как и было предсказано,

все чаще, ремиссии — все короче, а последствия каждого очередного приступа — все страшнее. Тем не менее Земля еще держалась и, как могла, зализывала свои раны.

Заповедник, как я уже говорил, служил нам площадкой для игр, хотя на самом деле таковой была вся наша умирающая планета. В семилетнем возрасте я получил от матушки в полное распоряжение магнитоплан и теперь всего за час мог попасть в любую точку земного шара. Поместье, где жил мой лучший друг, Амальфи Шварц, располагалось у горы Эребус, на территории бывшей Антарктической Республики. Мы встречались каждый день. То обстоятельство, что законы Старой Земли запрещали нуль-Т, беспокоило нас меньше всего. Лежа ночью на склоне какого-нибудь холма, мы смотрели вверх. Перед нашими глазами сияли все десять тысяч Орбитальных Огней и двадцать тысяч сигнальных огней Кольца, а за ними — не то две, не то три тысячи видимых невооруженным глазом звезд. Но мы не испытывали ни зависти, ни желания присоединиться к Хиджре, которая уже тогда плела из нитей нуль-каналов Великую Сеть. Мы были просто счастливы.

Мои воспоминания о матери до странности

литературны, словно она не живой человек, а персонаж одного из моих романов об Умирающей Земле. Возможно, так оно и было. А может, я сам был воспитан роботами в одном из Европейских куполов, или вскормлен молоком андроидов в Амазонской Пустыне, или меня просто вырастили в чане, как дрожжи. Как бы то ни было, я вспоминаю мать именно такой, не слишком реальной. Вот она идет, словно привидение, в белом ниспадающем наряде по темным анфиладам нашего дома. А вот мы сидим в оранжерее. Алый свет играет на бесчисленных пылинках, парящих в воздухе. Мать разливает чай. Тонкие пальцы… Тонкие синие прожилки вен на тыльной стороне ладони… Блики свечей в ее волосах, как золотые мушки в паутине… Волосы, разумеется, собраны в узел, как и полагается гранд-даме. Иногда во сне я вспоминаю ее голос. Я слышу, как она что-то напевает или говорит, и у меня рождается странное чувство, что все это происходило еще до моего рождения, но когда я просыпаюсь, оказывается, что это ветер шелестит кружевными шторами или какое-то чужое море с шумом бьется о камни.

Впервые ощутив свое «Эго», я сразу понял, что стану — должен стать — именно поэтом. Я чув-

ствовал, что у меня просто нет выбора. Видимо, красота умирающего мира коснулась меня своим последним дыханием, и с тех пор я был обречен до конца дней своих играть словами, искупая грехи человечества, бездумно разрушившего свою колыбель. И вот в результате всей этой чертовщины я стал поэтом.

Гувернера моего звали Бальтазаром. И был он не андроид, а человек, причем весьма преклонных лет, беженец из пропахшей потом древней Александрии. В свое время он поульсенизировался по какой-то варварской допотопной методике, вследствие чего весь светился бело-голубым огнем и напоминал залитую в пластик переоблученную мумию. Но при этом был похотлив, как козел. Несколько веков спустя, когда и я переживал сатириаз, мне стали наконец понятны эти приапические импульсы, управлявшие бедным доном Бальтазаром, но тогда они воспринимались просто как досадная помеха, вследствие коей в дом нельзя было нанять хорошенькую горничную. Впрочем, дон Бальтазар не брезговал и служанками-андроидами. Он трахал всех подряд.

К счастью для меня, в пристрастии дона Бальтазара к юной плоти не было ничего гомосексуаль-

ного. О страстях, обуревавших его, я догадывался лишь по косвенным признакам. Иногда он вовсе не являлся на урок, а в другой раз с необычным рвением заставлял меня заучивать наизусть Овидия, Сенеша или Ву.

Но воспитателем он был превосходным. Мы изучали античность и позднюю классику, совершали экскурсии на руины Афин, Рима, Лондона и Ганнибала (штат Миссури), прекрасно обходясь без экзаменов и тестов. Дон Бальтазар утверждал, что я все схватываю на лету, и я оправдывал его ожидания. Он убедил мою мать, что для меня, отпрыска Старой Семьи, так называемое прогрессивное образование совершенно не подходит. А потому мне удалось избежать всех прелестей прямой накачки знаний посредством трансплантации РНК, инфосферной суггестопедии, форсированной загрузки подсознания, группового мультитренинга, «металогической пропедевтики» или доязыкового программирования. И как результат всех этих лишений в шесть лет я уже знал наизусть «Одиссею» в переводе Фицджеральда, сочинял секстины в том возрасте, когда не мог даже самостоятельно одеться, и разбирался в спирально-контрапунктной версификации, не зная, как подключаться к

искусственному интеллекту.

С другой стороны, мое образование вряд ли можно было назвать фундаментальным. Дон Бальтазар мало интересовался (по его собственному выражению) «механической стороной нашего мира». Двадцати двух лет от роду я впервые осознал, что компьютеры, домашние роботы и система жизнеобеспечения на астероиде «Дяди Ковы» являются отнюдь не доброжелательными воплощениями какой-то духовной субстанции, а просто-напросто *машинами.* Я верил в фей, эльфов, нумерологию и астрологию. Я верил, что в ночь на Ивана Купала в глубине древних лесов Северо-Американского Заповедника совершаются всякие чудеса. Подобно Китсу и Лэму[17] в студии Хейдона, мы с доном Бальтазаром не раз поднимали тосты «за погибель математики» и скорбели о том, что сэр Исаак Ньютон разрушил поэзию радуги своей непотребной призмой. Воспитанное с детства недоверие ко всему отдающему уравнениями и лабораторией переросло со временем в настоящую ненависть и сослужило

[17] Примечания: 17

Чарлз Лэм (1775–1834) — английский поэт, эссеист и критик, один из теоретиков романтизма. Бенджамин Роберт Хейдон (1786–1846) — английский художник, искусствовед и мемуарист. Знакомство с ним Китса в октябре 1816 г. быстро переросло в дружбу.

мне в дальнейшем хорошую службу. Я усвоил, что даже в нашем посттехнократическом мире не так уж трудно оставаться язычником, который понятия не имеет, что Земля вращается вокруг Солнца.

Мои ранние стихи были отвратительны. Как и большинство плохих поэтов, я этого не сознавал, надменно полагая, что сам творческий акт заведомо наделяет определенными достоинствами тех недостойных ублюдков, которых я тогда плодил. Матушка закрывала на это глаза, хоть я и загадил весь дом вонючими кучками рифмованного дерьма. Своему единственному дитяте, беспечно резвящемуся, словно дикая лама, она прощала любые сумасбродства. Дон Бальтазар никогда не комментировал мои творения. Главным образом, видимо, потому, что я их никогда ему не показывал. Дон Бальтазар полагал, что достопочтенный Дейтон — жулик, что Салмаду Брюи и Роберту Фросту следовало бы повеситься на собственных кишках, что Вордсворт — просто идиот, а все менее совершенное, чем сонеты Шекспира, является надругательством над языком. А потому я не считал нужным беспокоить дона Бальтазара и совать ему свои стихи, которые, как я прекрасно знал, ну просто изобилуют

свидетельствами моей гениальности.

Кое-что из этого говна я напечатал в дискет-журналах, вошедших тогда в моду в Европейском Мегаполисе. Дилетанты, издававшие эти недоделанные журнальчики, были столь же снисходительны к моей матери, как и она ко мне. Время от времени я теребил Амальфи или еще кого-нибудь из своих приятелей: просил их загрузить мои стихи в инфосферу Кольца или Марса, чтобы выйти таким образом на аудиторию разраставшихся колоний (сам я, по причине аристократической блажи, так и не получил доступа к мультилинии). Никто не откликнулся. Я считал, что они там слишком заняты.

Итак, не пройдя жестокого испытания печатным станком, я уже верил, что являюсь поэтом. Вера моя была так же наивна и невинна, как детская вера в бессмертие… а крушение ее — столь же болезненно.

Матушка погибла вместе со Старой Землей. Около половины Старых Семей отказались покинуть планету, когда началась агония. Мне было двадцать, и я горел романтической мечтой погибнуть вместе с родным миром. Матушка, однако, решила иначе. Причем волновало ее отнюдь не то, что я погибну во цвете лет, — как и я, она была

слишком эгоцентрична и в такое время, конечно же, не могла думать о других. И даже не то ее беспокоило, что вместе с моей ДНК угаснет наш древний род, предки которого прибыли в Новый Свет на борту легендарного «Мейфлауэра».[18] Она, видите ли, переживала, что наша семья погибнет, не уплатив по счетам. Последние сто лет мы вели весьма экстравагантный образ жизни, а деньги на это брались в долг в Кольцевом Банке и других внеземных заведениях, которые всегда держали ухо востро. И теперь, когда континенты Земли рушились от тектонических ударов, леса горели, океаны кипели, превращаясь в некое подобие супа, а раскаленный воздух стал столь густым, что дышать им было уже невозможно (хотя пахать его — еще рановато), банки, естественно, потребовали деньги назад. Так что матушке было не до меня.

Хотя нет, известные планы на мой счет у нее были. За несколько недель до всепланетного списания долгов она обратила все, что могла, в деньги и положила четверть миллиона марок на долгосрочные счета в Кольцевом Банке, который тогда эвакуировался. Меня же отправила

[18] Примечания: 18

На судне «Мейфлауэр» в Америку прибыли первые переселенцы из Англии.

в Протекторат Рифкина на Небесных Вратах — крохотном мирке в системе Веги-Прим. Уже тогда эта пакостная планета имела стационарный нуль-канал на Солнечную систему, но я отправился не по нуль-Т. И даже не на спин-звездолете с двигателем Хоукинга, который ходил на Небесные Врата один раз в стандартный год. Нет, матушка отправила меня в это захолустье в замороженном виде, на каком-то прямоточном грузовике третьей серии — субсветовом!!! Помимо моей персоны, в холодильниках находились контейнеры с коровьими эмбрионами, кормовыми вирусными культурами и апельсиновым концентратом, и летели мы *сто двадцать девять* лет по бортовому времени, а по стандартному исчислению *сто шестьдесят семь* лет!

Матушка надеялась, что процентов по долгосрочным вкладам хватит, чтобы расплатиться с долгами и чтобы я какое-то время мог пожить в свое удовольствие. Первый и последний раз в жизни она просчиталась.

Небесные Врата (набросок)

Узкие грязные улочки разбегаются от портовых пакгаузов, как язвы по спине прокаженного. С неба, похожего на прогнивший джутовый мешок, лохмотьями свисают желто-коричневые

облака. Мешанина бесформенных деревянных лачуг — их еще и достроить не успели, а они уже разваливаются, слепо таращась друг на дружку провалами окон. Туземцы, плодящиеся, как… пожалуй, все же, как люди… безглазые калеки, выхаркивавшие свои легкие и нарожавшие по десятку отпрысков. К пяти годам эти «цветы жизни» уже сплошь покрыты коростой, от едких испарений (которые годам к сорока доконают их) у них непрерывно слезятся глаза, зубы сгнили, сальные волосы аж шевелятся от вшей и раздувшихся клещей-вампиров. Гордые родители не нарадуются. И вся эта шелупонь в количестве двадцати миллионов ютится в переполненных трущобах на пятачке размером не больше западной лужайки нашего поместья. Воздух на Вратах такой, что дохнешь разок-другой — и копыта откинешь, вот каждый и норовит отпихнуть соседа и пролезть поближе к центру стодвадцатимильного круга с пригодной для дыхания атмосферой, созданного непрерывно работавшей Аэростанцией. Но сейчас и она начала сбиваться с ритма.

Небесные Врата, мой новый дом.

Матушка как-то не подумала, что счета Старой Земли могут заморозить, а потом попросту списать на нужды бездонной экономики Великой

Сети. Забыла она и о том, что долговременный криогенный сон вызывает необратимые повреждения мозга с вероятностью одна шестая (в отличие от нескольких недель или месяцев фуги; поэтому-то лишь с изобретением привода Хоукинга люди смогли исследовать спиральный рукав Галактики). Мне повезло. Когда меня вытащили на Небесных Вратах из холодильника, я отделался всего лишь инсультом. Работу мне дали соответствующую — копать канавы для стока кислотных дождей вокруг периметра. Физически я быстро освоился и вскоре уже мог по нескольку недель не вылезать из грязеотстойников. А вот с умственными способностями дела обстояли куда хуже.

Левое полушарие моего мозга оказалось отключенным — совсем как поврежденная секция спин-звездолета, которую перекрыли воздухонепроницаемыми переборками, отдав обреченные отсеки во власть пустоты. Способность мыслить я все же сохранил, вскоре восстановилась и подвижность правой стороны тела. Но речевые центры были повреждены настолько, что их не удалось починить обычными методами. Чудесный органический компьютер, встроенный в мою черепушку, стер свое языковое содержимое,

как запорченную программу. В правом полушарии кое-что сохранилось, но, поскольку оно отвечало за восприятие, там удержались лишь наиболее эмоционально заряженные лексические единицы. Таким образом, мой словарный запас уменьшился до девяти слов. (Как я узнал впоследствии, это был исключительный случай. Обычно человек с моим диагнозом сохранял два-три слова.) Из чисто познавательных соображений я приведу свой тогдашний лексикон: драть, срать, ссать, бля, черт, мудак, жопа, пи-пи и ка-ка.

Даже беглого взгляда на этот список достаточно, чтобы уяснить его громадные возможности. В моем распоряжении было пять глаголов, обозначавших три различных действия и способных благодаря интонационным добавкам передавать модальность, и четыре существительных. Два существительных могли служить междометиями. Моя новая языковая вселенная включала пять односложных слов, два составных и два детских повтора. Смысловое поле было, конечно, не слишком велико: четыре обозначения естественных отправлений, ссылка на человеческую анатомию, теологическое понятие, парочка универсальных определений, позволяющих охарактеризовать

физические, душевные, моральные и сексуальные качества собеседника, как своего, так и противоположного пола, и, конечно, термин для описания интимной близости как таковой.

В общем, хватало.

Не стану утверждать, что эти три года, проведенные в вонючих трущобах и грязеотстойниках Небесных Врат, я вспоминаю с нежностью, но они многое мне дали. Пожалуй, не меньше, чем предыдущие двадцать на Старой Земле.

Вскоре я обнаружил, что для общения с моими тамошними знакомыми — бригадиром землекопов по кличке Черпак, Гоп-стопом, дворовым громилой, которому я платил «за охрану», и совершенно обовшивевшей шлюшкой Кити, с которой я спал, когда было на что, — моего лексикона вполне достаточно.

— Драть-срать, — бормотал я, размахивая руками. — Жопа бля пи-пи драть.

— А, понял, — скалился Черпак, демонстрируя единственный зуб. — В лавку собрался, за морской капустой.

Я радостно улыбался в ответ:

— Ка-ка, черт.

Жизнь поэта — не просто языковой танец самовыражения с конечным запасом словес-

ных фигур, нет, это практически бесконечное количество сочетаний воспринимаемого непосредственно и вспоминаемого, причем каждый раз в новых пропорциях. Три локальных года — почти тысяча пятьсот стандартных дней, проведенных мной на Небесных Вратах, дали мне возможность видеть, слышать, ощущать и вспоминать так, словно я заново родился — в буквальном смысле слова. Да, я родился в аду; ну и что с того? Переосмысленный опыт есть рабочий материал всякой истинной поэзии. Я же родился заново, а потому судьба подарила мне опыт в его первозданном виде.

Я оторвался от своего времени на полтора столетия, но без особого труда адаптировался в «прекрасном новом мире». Последние пятьсот лет мы только и делаем, что разглагольствуем о духе первооткрывательства, словно и не замечая, в какое болото превратилась человеческая вселенная. Мы живем в уютную эпоху — в Сумерках прогресса. Наши общественные институты меняются, но меняются медленно и плавно, путем эволюции, а не революций. Научная мысль, совершив в прошлом гигантский скачок, топчется теперь на месте, двигаясь вширь, а не вглубь. Еще медленнее меняется техника. Наши прадеды

без особого труда разобрались бы в нынешних пленочных схемах. Итак, пока я спал, Гегемония стала формально единой, Великая Сеть развернулась почти до нынешних пределов, Альтинг занял свое законное место в длинном ряду демократических институтов благодетельного деспотизма, ТехноЦентр отказался быть слугою человечества, но затем вновь предложил свои услуги — на сей раз в качестве союзника, а не раба, Бродяги скрылись в космической тьме, став нашей Немезидой… Но еще тогда, когда меня, замороженного в ледяном гробу, втискивали в трюм между свинячими потрохами и щербетом, давление уже подползало к критической черте, и без семи пядей во лбу можно было понять, во что все это выльется. Правда, исторический процесс воспринимается современниками как непрозрачная полупереваренная масса, в которой они барахтаются и которая разительно отличается от того, что увидит из дали лет историк. А увидит он хорошо знакомую всем нам корову.

Я родился заново на Небесных Вратах, и моя новая жизнь представляла собой ежеминутную борьбу за выживание. Изо дня в день надо мною было все то же сумеречное, похожее на просевший потолок, желто-коричневое небо, висевшее

над самой крышей моей лачуги. Сама же лачуга была чудо как комфортабельна: стол, чтобы жрать, койка, чтобы спать и драть, дыра — ссать и срать, а также окно, чтобы молча в него смотреть. Мой мир был отражением моего словаря.

Тюрьма вообще хорошее место для писателя. Заключение убивает в человеке двух неразлучных демонов: суетливость и невнимательность, и Небесные Врата в этом смысле не были исключением. Атмосферный Протекторат владел моим телом, но мой разум (вернее то, что от него осталось) принадлежал только мне.

На Старой Земле мои стихи сочинялись комлогментопроцессором Саду-Декенара, а я при этом сидел развалясь в мягком шезлонге, или парил на собственном ТМП над темными лагунами, или задумчиво прогуливался меж благоуханных беседок. Об отвратительных, разболтанных и напыщенных плодах тех мечтаний я уже говорил. Только на Небесных Вратах я открыл, каким мощным стимулятором умственной деятельности может быть физический труд. Подчеркиваю, не просто *физический* труд, а труд *абсолютно* физический — от которого хрустят позвонки, лопаются легкие, рвутся кишки и жилы, отваливаются яйца… Я вдруг понял: если работа тяжела

и монотонна, ум не просто становится *свободным,* способным воспарять в воображаемые миры, нет, он и в *самом деле* устремляется в высшие сферы.

Именно здесь, на Небесных Вратах, в этом мире под красной звездой Вега-Прим, вычерпывая грязь из сточных канав и ползая на карачках по лабиринту труб Аэростанции среди сталактитов и сталагмитов аэрогенных бактерий, я стал поэтом.

А не хватало мне только слов.

* * *

Уильям Гэсс, один из именитейших писателей двадцатого века, как-то заметил в одном из своих интервью: «Слова являются объектами высшего порядка. Это вещи сознания».[19]

И в самом деле, они чисты и трансцендентальны, как любая Идея, когда-либо бросавшая тень в Платонову пещеру наших ощущений. Но они еще и проводники лжи и иллюзий. Слова заводят мысль на бесконечные тропы самообмана: большую часть своей сознательной жизни мы проводим в мысленных чертогах, построенных

---

[19] Примечания: 19

Письмо к Бенджамину Бейли: 22 ноября 1817 г., Летерхед (пер. С. Сухарева).

из слов, а значит, лишены объективности, без которой не увидеть чудовищных искажений, привносимых языком в действительность. Вот вам пример. Китайский иероглиф «честность» состоит из двух значков, изображающих человека, который стоит рядом со своим словом. Прекрасно. Но что означает на позднеанглийском слово «целостность»? Или «Родина»? Или «прогресс»? Или «демократия»? Или «красота»? Но даже обманывая себя, мы становимся богами.

Философ и математик Бертран Рассел, который жил и умер в том же столетии, что и Гэсс, однажды заметил: «Язык не просто служит для выражения мысли, но делает возможной саму мысль, которая без него не существует». Здесь заключена суть созидательного гения человека: не величественные амбиции цивилизации и не разрушительное оружие, способное мгновенно обратить их в пыль, но лишь *слова,* которые, подобно атакующим яйцеклетку сперматозоидам, оплодотворяют новые концепции. Можно доказать, что помимо новорожденных сиамских близнецов Слова и Идеи, в космическом хаосе нет, не будет и не может быть ничего *чисто человеческого.* (Да, наша ДНК единственна и неповторима, но столь же уникальна ДНК

саламандры. Да, мы возводим всевозможные сооружения, но тем же самым занимаются и другие существа, от бобров до термитов, чьи зубчатые башни мы наблюдаем сейчас слева по борту. Да, мы ткем холст реальности из математических грез, но ведь вся вселенная насквозь пронизана математикой. Нацарапайте кружок, и из него тут же выглянет число «пи». Отправьтесь в другую солнечную систему, и там, под черным барахатом пространства-времени, вас ждут все те же формулы Тихо Браге. Но *где* под покровом биологии, геометрии или просто бесчувственного камня вселенная спрятала *слово?)* Даже обнаруженные нами следы иного разума — истуканы Юпитера-II, Лабиринты, эмпаты Сенешаи на Хевроне, попрыгунчики Дурулиса, Гробницы Времени, сам Шрайк, наконец, — это лишь непонятные предметы и загадочные сооружения, но *языка* там нет. Нет *слов.*

Поэт Джон Китс однажды писал своему другу Бейли: «Я не уверен ни в чем, кроме святости сердечных привязанностей и истинности воображения. То, что воображению предстает как Красота, должно быть истиной — не важно, существовала она до этого или нет».

Китайский поэт Джордж Ву, погибший во время

Последней японо-китайской войны, примерно за три века до Хиджры, понимал это, когда диктовал на свой комлог: «Поэты — бездумные акушеры реальности. Они видят не то, что есть, не то, что может быть, но то, что должно наступить». Позже, за неделю до смерти, в последнем послании к своей возлюбленной Ву записал: «Слова — это пули в пантронташе истины, и других ей не надо. А поэты — снайперы».

Итак, вы видите — в начале было Слово. И Слово стало плотью в ткани человеческой вселенной. Но только поэт может расширить вселенную, проложив пути к новым реальностям, подобно тому как корабль с двигателем Хоукинга проходит под барьером Эйнштейнова пространства-времени.

Чтобы стать поэтом — *настоящим поэтом* — нужно воплотить в себе одном весь род людской. Надеть мантию поэта — значит нести крест Сына Человеческого и терпеть родовые муки Матери — Души Человечества.

Чтобы быть *настоящим поэтом,* нужно стать Богом.

Я пытался объяснить все это моим друзьям на Небесных Вратах.

— Ссать-срать, — твердил я. — Жопа мудак, черт срать черт. Бля. Пи-пи бля. Черт!

Они качали головами, улыбались и уходили. Великих поэтов редко понимают при жизни.

Желто-коричневые облака изливали на меня кислотные дожди. Я не вылезал из грязи, очищая трубы городской канализации от водорослей-пиявок. Черпак погиб на втором году моего там пребывания — погиб по дурацкой случайности. Мы работали тогда на первом Канале — вели его к Центральному Отстойнику. Черпак полез на цементируемый отвал, чтобы спасти единственную росшую там серную розу, и тут порода осела. Кити вскоре после этого вышла замуж. Она продолжала подрабатывать своим прежним ремеслом, но навещал я ее все реже и реже. Вскоре после того как зеленое цунами напрочь снесло поселок ассенизаторов, Кити умерла родами. А я продолжал писать стихи.

Вы, конечно же, спросите, как можно заниматься изящной словесностью, когда в запасе у тебя всего девять «правополушарных» слов?

Ответ прост. Я не пользовался словами вообще. Слова в поэзии — не самое главное. Главное — это *правда.* Я имел дело с Ding an Sich,[20] таинственной субстанцией, скрытой от наших глаз,

[20] Примечания: 20

Вещь-в-себе (нем.); сейчас в философской литературе принято переводить как «вещь сама по себе».

и сплетал в единое целое смелые гипотезы, аналогии и причинно-следственные связи, подобно инженеру, возводящему композитный каркас небоскреба в эпоху, когда архитекторы еще не помышляют о домах из стекла, пластика и хромалюминиевых сплавов.

И слова стали возвращаться ко мне. Мозг удивительно хорошо восстанавливает работоспособность. Что потеряно в левом полушарии, компенсируется за счет правого, а то и возрождается на прежнем месте, в поврежденных областях, подобно тому как поселенцы возвращаются на горевшую некогда равнину, ставшую только плодороднее после пожара. Там, где совсем недавно какое-нибудь простенькое слово — например, «соль» — заставляло меня пыхтеть и заикаться, пока мой ум тыкался в пустоту, как язык, ощупывающий дырку на месте вырванного зуба, — там медленно, как имена забытых друзей детства, всплывали слова и фразы. Днем я вкалывал на полях аэрации, а вечером усаживался за шершавый стол и при свете шипящей масляной лампы писал свои «Песни». Марк Твен однажды с присущей ему простотой заметил: «Верное слово отличается от подходящего, как светило от светляка». Схохмил он неплохо, но кое-что упустил.

В те долгие месяцы на Небесных Вратах, когда я бился над началом своих «Песней», мне открылось, что находка верного слова отличается от монотонного перебора подходящих, как вспышка сверхновой от тусклого огонька Веги-Прим.

Так появилась «Песнь первая», за ней вторая, третья… Написанные на тонюсеньких листочках здешней бумаги, которую варили из водорослей-пиявок и тоннами изводили на сортирные нужды, нацарапанные дешевым фломастером, которым я разжился в лавке Компании, «Песни» постепенно обретали законченный вид. И по мере того как слова, подобно рассыпанным кусочкам трехмерной головоломки, занимали свои места, все более насущной становилась проблема формы. Я вспомнил уроки дона Бальтазара и попытался вернуться к благородной размеренности эпических поэм Мильтона. А когда чуть больше поверил в себя — добавил немного романтической чувственности Байрона, сдобрив его истинно китсовским прославлением Слова. Перемешав это кушанье, я приправил его великолепным цинизмом Иейтса и щепоткой схоластического высокомерия Паунда. Покрошив все это, я добавил еще кое-какие ингредиенты. Способность обуздывать воображение я взял у

Элиота, чувство места — у Дилана Томаса, обреченность — у Делмора Шварца, осязаемость ужасного — у Стива Тема, тоску по невинности — у Салмада Брюи, спирально-ритмическую схему рифмовки — у Дейтона, преклонение перед материальным — у Ву, а у Эдмонда Ки Ферерры — его не знающую границ игривость.

В конце концов я выплеснул всю эту окрошку и написал «Песни» в манере, присущей лишь мне одному.

* * *

Если бы не помянутый выше дворовый громила Гоп-стоп, я, по всей вероятности, все еще обретался бы на Небесных Вратах, днем рыл сточные канавы, а по ночам писал свои «Песни».

Это случилось в мой выходной. Взяв «Песни» (единственный экземпляр рукописи!), я направился в Общественный Центр поработать в библиотеке Компании и нарвался на Гоп-стопа с двумя его дружками. Тот потребовал, чтобы я немедленно заплатил «за охрану» на месяц вперед. На Небесных Вратах универсальные карточки были не в ходу: мы расплачивались бонами Компании или контрабандными марками. У меня не оказалось при себе ни того, ни другого.

Тогда Гоп-стоп потребовал, чтобы я показал ему содержимое своего пластикового ранца. Конечно же, я отказался. Это было ошибкой. Если бы я показал Гол-стопу рукопись, он, по всей видимости, просто швырнул бы ее в грязь, а затем, после соответствующих угроз, поколотил бы меня. Мой отказ привел этого бандита (а равно и его приятелей-неандертальцев) в такую ярость, что они разорвали мою сумку, втоптали рукопись в грязь, а меня избили так, что живого места не осталось.

По счастливой случайности в тот день ТМП одного из управляющих протектората, ведавшего чистотой воздуха, пролетал мимо на небольшой высоте, и супруга чиновника, направлявшаяся за покупками в магазин Компании, велела слуге-андроиду приземлиться, отнести меня в кабину и собрать то, что осталось от рукописи. Затем она самолично отвезла меня в больницу Компании. Обычные батраки вроде меня если и лечились, так только амбулаторно в биоклинике, однако отказать жене начальника в больнице не решились. В бессознательном состоянии меня отвезли в палату и под присмотром врача-человека (а не андроида) и заботливой дамы погрузили в лечебную ванну.

Ладно, чтобы превратить эту банальную длинную историю в не менее банальную, но короткую, я сразу перейду к связям и знакомствам. Пока я купался в целебных растворах, Хеленда — так звали жену начальника — прочла мою рукопись. И рукопись ей понравилась. В тот же самый день, когда я попал в больницу, Хеленда по нуль-Т отправилась на Возрождение, где показала «Песни» своей сестре Фелии, у которой была подруга, у которой был любовник, который был знаком с редактором издательства «Транслайн». Когда на следующий день я пробудился, мои переломанные ребра уже срослись, кровоподтеки исчезли, а разбитая челюсть была как новенькая. Кроме того, я оказался счастливым обладателем пяти вставных зубов, искусственной роговицы в левом глазу и контракта с «Транслайном».

Моя книга вышла пять недель спустя. А еще через неделю Хеленда развелась со своим мужем-начальником и сочеталась со мной законным браком. Причем до меня она успела сменить шестерых мужей, а я, естественно, женился впервые. Мы провели медовый месяц на Конкурсе, а когда вернулись, было продано уже более миллиарда экземпляров моей книги. Впервые за последние четыреста лет список бестселлеров возглавила

книга стихов! Я стал мультимиллионером.

Моим первым редактором в «Транслайне» была Тирена Вингрен-Фейф. Именно она решила назвать книгу «Умирающая Земля»[21] (в результате архивных разысканий выяснилось, что пятьсот лет назад вышел в свет роман с тем же названием, но его давно не переиздавали, а срок охраны авторских прав истек). Именно она решила опубликовать только фрагменты, посвященные ностальгическим воспоминаниям о последних днях Старой Земли. И именно она решила опустить все, что, по ее мнению, могло утомить читателя: философские отступления, описания моей матушки, разделы, в которых я отдавал должное поэтам прошлого, а также баловался техникой стихосложения, сугубо личные пассажи — фактически все, за исключением идиллических описаний последних дней Земли, которые, лишившись своей серьезной компоненты, стали невыносимо сентиментальными и пресными. За четыре месяца было продано два с половиной миллиарда кристаллодисков «Умирающей Земли», а сокращенная и оцифрованная

[21] Примечания: 21

«Умирающая Земля» (Dying Earth, 1950) — цикл повестей американского писателя-фантаста Джека Вэнса (Jack Vance).

версия, не успев попасть в сеть визуалтинга, была опционирована для голопостановок. Тирена любила повторять, что книга вышла как раз вовремя. Дело в том, что гибель Старой Земли вызвала в общественном сознании шок, за которым последовала эпоха замалчивания. Земли словно бы никогда и не существовало. Потом наступил период оживленного интереса. Всю Сеть захлестнула ностальгия, настоящий культ Старой Земли. И появление книги — пусть даже книги стихов, — посвященной ее последним дням, оказалось как нельзя более кстати.

Вот так я стал знаменитым на всю Гегемонию. Однако первые месяцы славы повергли меня в полнейшую растерянность. Пожалуй, даже предыдущая метаморфоза, когда из балованного дитяти Старой Земли я обратился в разбитого инсультом раба на Небесных Вратах, не настолько выбила меня из колеи.

Чего только не было в эти месяцы! Я посетил более сотни миров, где участвовал в презентациях своего творения, подписывая книги и кристаллы. Меня затащили в шоу «А Сейчас Вся Сеть!» с ведущим Мармоном Гамлитом. Я встречался с секретарем Сената Синистером Перо, спикером Альтинга Друри Файном, а также с дюжиной

сенаторов. Я выступал в Межпланетном женском ПЕН-клубе и в Союзе писателей Лузуса. Университеты Новой Земли и Кембриджа-Два присвоили мне почетные степени. Меня чествовали, интервьировали, имиджировали, рецензировали (положительно), биографировали (неавторизованно), на руках таскали, сериалы снимали и злостно надували. Хлопотное было времечко.

Моя жизнь в Гегемонии (набросок)

В моем доме тридцать восемь комнат, и расположены они на тридцати шести планетах. Дверей нет: просто арки, они же — нуль-порталы; некоторые занавешены приличий ради шторками, остальные совершенно открыты, и ничто не мешает заглянуть или войти. В каждой комнате множество окон и по крайней мере в двух стенах — порталы. Большая столовая находится на Возрождении Вектор, и из ее окон видны бронзовые небеса и позеленевшие от времени медные крыши Надежды-и-Опоры, что стоит в долине у подножия моего персонального вулкана, а примыкающий к ней зал приемов, устланный гигантским белым ковром, выходит прямо на берег моря Эдгара Аллана, волны которого разбиваются о скалы мыса Просперо. Это уже Невермор. Окна библиотеки смотрят на ледники

и зеленые небеса Нордхольма, а небольшая, в десять ступенек, лестница ведет оттуда вниз, в мой рабочий кабинет — уютную комнатку без стен, расположенную на самом верху башни и накрытую куполом из поляризующего стекла, за которым открывается панорама высочайших вершин хребта Кушпат-Каракорум, что лежит у восточных границ республики Джамму на Денебе-III, в двух тысячах километров от ближайшего поселения.

Огромная спальня, которую я делил с Хелендой, плавно покачивается на ветвях трехсотметрового Древа Мира, растущего на Роще Богов — планете тамплиеров, гранича при этом с солярием, затерявшимся среди солончаков Хеврона. Но отнюдь не за каждым окном девственная природа: конференц-зал с примыкающей к нему посадочной площадкой для скиммеров находится на сто тридцать восьмом этаже экобашни ТК-Центра, а патио — на террасе, выходящей на шумный рынок в старой части постоянно бурлящего Нового Иерусалима. Архитектор, ученик легендарного Миллона Де-Га-Фре, был не лишен юмора: чего стоит, например, лестница, *спускаясь* по которой, оказываешься на крыше, или гимнастический зал, расположенный в нижнем ярусе глубочай-

шего из ульев Лузуса и снабженный… смотровой площадкой в стиле «орлиное гнездо», или ванная для гостей, укомплектованная умывальником, душем, унитазом и биде, которые красуются на открытом со всех сторон плоту, плывущему по фиолетовому океану Безбрежного Моря.

Поначалу скачки силы тяжести при переходе из комнаты в комнату вызывали легкую тошноту, но вскоре я адаптировался и, прежде чем войти на Лузус, Хеврон или Седьмую Дракона, автоматически напрягал мышцы, а потом столь же неосознанно предвкушал легкость во всем теле, которую сулила пониженная гравитация большинства остальных помещений.

В течение десяти стандартных месяцев нашей с Хелендой совместной жизни дома мы появляемся лишь изредка, предпочитая разъезжать с компанией приятелей по курортам, туристическим купол-кемпингам и прочим злачным местам Великой Сети. Наши, с позволения сказать, друзья — все завзятые нулевики — называют себя теперь «стадом карибу» по имени давно вымершего млекопитающего, кочевавшего по просторам Старой Земли. Это «стадо» состоит из писателей, нескольких преуспевающих видеохудожников, интеллектуалов с Конкурса, журналистов, ак-

кредитованных при Альтинге, парочки-другой паректоров-радикалов и генопротезистов-косметологов, нескольких настоящих аристократов, богатых чудил-нулевиков, наркоманов, прочно севших на флэшбэк, режиссеров тривидения и сцены, завязавших крестных отцов и постоянно меняющейся группы свеженьких знаменитостей… включая меня самого.

Естественно, вся эта публика пила, валялась в фантопликаторах, сажала себе импланты, подключалась направо и налево и кололась самыми изысканными наркотиками. Лучшим считался флэшбэк. Слово это в вольном переводе со староанглийского означает «свет былого». Флэшбэк — порок богачей: чтобы насладиться им по-настоящему, нужен полный набор дорогих имплантов. И Хеленда позаботилась, чтобы у меня было все: биомониторы, расширители ощущений, внутренний комлог, нейрошунты, метакортикальные процессоры, эритрочипы, — чего только в меня не напихали! Как говорится, мать родная не узнала бы.

Я пробую флэшбэк дважды. В первый раз он срабатывает довольно мягко: я хотел попасть на празднование своего девятилетия и попал туда с первого захода. Все как положено: на рассвете

слуги собираются на северной лужайке и хором поют поздравления, дон Бальтазар, поворчав немного, отменяет занятия и разрешает нам с Амальфи покататься на ТМП. И вот мы, счастливые от того, что рядом нет взрослых, целый день носимся над серыми дюнами долины Амазонки. Вечер. Факельное шествие. В сумерках прибывают представители других Семей. Подарки, завернутые в яркую блестящую бумагу, так и сверкают в свете луны и Десяти Тысяч Огней. Я провел в этих грезах девять часов и очнулся с улыбкой на лице. Но второе путешествие в прошлое едва не убивает меня.

Мне четыре года. Я ищу маму. Я плачу и мечусь по бесконечным комнатам, пропахшим пылью и старой мебелью. Слуги-андроиды пытаются успокоить меня, но я отталкиваю их руки и бегу по каким-то коридорам, потемневшим от копоти и теней бесчисленных поколений. Нарушив первое усвоенное мною правило, я врываюсь в матушкину гардеробную, ее святая святых, где она ежедневно проводит по три часа и выходит потом оттуда с ласковой улыбкой, а подол ее белого платья шуршит по ковру. Звук этот, едва слышный, напоминает вздох привидения.

Матушка здесь, она сидит в полумраке. Мне

четыре года, у меня болит пальчик, и я бросаюсь к ней на колени.

Она не реагирует. Ее изящные руки неподвижны — одна закинута за спинку шезлонга, другая покоится на подушке.

Я вздрагиваю, пораженный этой неподвижностью, и, не слезая с ее колен, отдергиваю тяжелую бархатную штору.

Глаза у матушки совсем белые — закатились под лоб. Губы чуть приоткрыты.

Слюна поблескивает в уголках рта, сбегает по нежной коже подбородка. В золотых волосах, уложенных, как обычно, в прическу гранд-дамы, я замечаю разъем фантопликатора. Тускло отсвечивает черепная розетка, в которую он вставлен. Рядом с ней — белое. Я догадываюсь, что это обнаженная кость. Слева, на столике — пустой шприц-тюбик из-под флэшбэка.

Вбегают слуги и оттаскивают меня от матери. Она сидит даже не шелохнувшись. Меня силком волокут из комнаты.

На сей раз я просыпаюсь с криком.

С тех пор я ни разу больше не воспользовался флэшбэком, и, возможно, именно это обстоятельство и подтолкнуло Хеленду к разводу, хотя вряд ли. Я был для нее игрушкой — дикарь, абсолютно

не знакомый с той жизнью, которую она многие десятилетия принимала как должное. Моя наивность ее развлекала. Как бы то ни было, мой отказ от флэшбэка привел к тому, что я по многу дней оставался в одиночестве. Время в таких путешествиях течет с той же скоростью, и заядлые потребители флэшбэка сплошь и рядом проводят в наркотических грезах большую часть жизни.

Некоторое время я баловался имплантами и прочими техническими игрушками, которых ранее как представитель Старой Семьи был лишен. Инфосфера стала для меня источником наслаждения: я постоянно собирал информацию, ощущение полного слияния с машиной приводило меня в восторг. Процесс поглощения фактов затянул меня точно так же, как фантомы и наркотики затянули «стадо карибу». Дон Бальтазар перевернулся бы в своем огненном гробу, узнав, что ради мимолетного наслаждения имплантированным всезнанием я испоганил свою долговременную память. И далеко не сразу я понял, что потерял. Перенеся инсульт, я помнил и «Одиссею» в переводе Фицджеральда, и «Последний марш» Ву, и десятки других поэм. Теперь же все это разрушалось, как облака, которые разгоняет по небу ветер. Уже потом, избавившись

от имплантов, я с немалым трудом заучил их вновь.

Первый и последний раз в жизни я заинтересовался политикой. Дни и ночи напролет я смотрел по нуль-Т-кабелю заседания Сената или валялся на диване, подключившись к Альтингу. Кто-то однажды подсчитал, что Альтинг ежедневно разбирает до сотни вопросов, касающихся законодательства Гегемонии, но в те месяцы я намертво ввинтился в сенсоринг и не пропускал ни одного. На дискуссионных каналах мои голос и имя приобрели широкую известность. Меня не смущало, если обуждаемый вопрос был слишком сложен или, наоборот, слишком прост, каждый законопроект был для меня первостепенным. Обычный ритуал голосования, повторявшийся каждые несколько минут, создавал у меня ложное ощущение *выполненной* работы. Одержимость политикой прошла лишь тогда, когда я понял, что регулярные подключения к Альтингу требуют либо не вылезать из дома, либо смириться с обликом ходячего мертвеца, зомби. Человек, постоянно подключенный к имплантам, вызывает у людей только брезгливость, а если я буду вечно торчать дома, то рано или поздно превращусь в обычную губку, впитывающую информацию Аль-

тинга, в одного из многих миллионов слизняков, которыми кишит Великая Сеть — это я понимал и без насмешек Хеленды. Посему я забросил политику. Но к тому времени мною овладела новая страсть — религия.

Каких только религий я не перепробовал. Черт возьми, я даже участвовал в *создании* религий! В те годы численность паствы церкви дзен-гностиков росла в геометрической прогрессии, и я стал одним из правоверных — выступал в тривизионных теледебатах и искал свои Средоточия Силы, искал с той же истовостью, с какой до Хиджры мусульмане совершали паломничество в Мекку. Но больше всего я любил путешествовать по нуль-Т. «Умирающая Земля» принесла мне сто миллионов марок, и Хеленда выгодно вложила эти деньги; но однажды кто-то навел порядок в отчетах, и я узнал, что одно только поддержание включения в Сеть такого расточительного дома, как мой, обходится ежедневно в пятьдесят тысяч марок, а я отнюдь не ограничивал свои путешествия теми тридцатью шестью мирами, в которых он находился. Издательство «Транслайн» вручило мне «золотую» универсальную карточку, и я пользовался ею на всю катушку: забирался в самые невероятные уголки Сети и

неделями не вылезал из роскоши или, наняв ТМП, искал в какой-нибудь глухомани свое Средоточие Силы. Но ничего я так и не нашел. Тогда я отрекся от дзен-гностицизма, и примерно тогда же Хеленда развелась со мной. Между тем счета уже громоздились горой, и мне пришлось продать большую часть акций и долгосрочных векселей, оставшихся у меня после того, как Хеленда забрала свою долю. (Когда ее поверенные составляли брачный контракт, я был не просто наивным влюбленным дурачком — я был кретином!)

Я уволил слуг-андроидов и почти перестал пользоваться нуль-Т. Однако, несмотря на все эти меры, финансовый крах надвигался неудержимо.

И я отправился с визитом к Тирене Вингрен-Фейф.

— Стихи никто не читает, — заявила она, листая тоненькую стопку «Песней», написанных мной за последние полтора года.

— Как же так? — спросил я. — Разве «Умирающая Земля» не стихи?

— С «Умирающей Землей» тебе просто подфартило, — сказала Тирена. Ее ногти — длинные, зеленые, загнутые под мандарина (последний писк моды) — впились в мою рукопись, словно

когти какого-то фантастического полуживотного-полурастения. — Почему ее раскупили? Да потому, что коллективное бессознательное было готово ее принять.

— А эту книгу, значит, коллективное бессознательное никак принимать не желает? — Я начинал сердиться.

Тирена расхохоталась. Приятного в ее смехе было мало.

— Ах, Мартин, Мартин, — сказала она. — Это же *поэзия!* Ты пишешь, конечно, и про Небесные Врата, и про «стадо карибу», но все это насквозь пронизано одиночеством, неустроенностью, цинизмом и страхом.

— Ну и что?

— А то, что никто не станет *платить* за то, чтобы полюбоваться на чужие страхи, — снова рассмеялась Тирена.

Я отвернулся от ее стола и двинулся в дальний конец комнаты. Кабинет Тирены занимал весь четыреста тридцать пятый этаж Транслайн Билдинга, высившегося в секторе Вавилон ТК-Центра. Никаких окон — круглая комната была открыта от пола до потолка, огражденная лишь защитным полем, которое создавали солнечные генераторы и которое не выдавало себя ни ма-

лейшей искоркой. Казалось, что стоишь между двумя серыми пластинами, зависшими где-то на полпути к небу. Я смотрел на алые облака, плывущие в полукилометре под нами, среди других, не столь высоких башен, и думал о гордыне. В кабинете Тирены не было ни дверей, ни лестниц, ни эскалаторов, ни лифтов — никакой связи с другими этажами.

Попасть сюда можно было лишь через пентаграмму портала, мерцавшую в воздухе, как абстрактная голоскульптура. Я поймал себя на том, что думаю уже не о людской гордыне, а о вещах более прозаических, вроде пожара или перебоев в энергоснабжении.

— Так вы, стало быть, не беретесь меня печатать? — спросил я.

— Нет, почему же! — улыбнулась моя редактриса. — Ведь «Транслайн» заработал на тебе несколько миллиардов марок. Естественно, мы тебя напечатаем. Я лишь утверждаю, что книгу не будут покупать.

— Чушь! — вскричал я. — Конечно, утонченные стихи понимает далеко не каждый, но читателей и сейчас вполне достаточно, чтобы сделать книгу бестселлером!

На сей раз Тирена не рассмеялась, а лишь раз-

двинула свои зеленые губы в острой, как нож, улыбке.

— Ах, Мартин, Мартин, — вздохнула она. — Со времен Гутенберга процент читающих людей лишь сокращается. Известно ли тебе, что в двадцатом веке в так называемых развитых демократических странах только два процента людей читали больше одной книги в год? И это — *до* появления искусственного интеллекта, инфосфер и всех этих интерфейсных штуковин. А ко временам Хиджры девяносто восемь процентов населения Гегемонии вообще не понимало, зачем надо читать. Их не волновало даже то, что они элементарно неграмотны. Сейчас дела обстоят и вовсе плачевно. В Великой Сети обитает более ста миллиардов человек, и лишь один из ста заказывает иногда кристаллодиск-другой, а чудаков, которые *читают книги,* еще меньше.

— Но ведь «Умирающая Земля» разошлась трехмиллиардным тиражом…

— Х-м-м, — произнесла Тирена, — это был «эффект „Пути паломника“.

— Эффект чего?

— «Эффект „Пути паломника“. В Массачусетсе, по-моему… да, точно, в Массачусетской колонии (это на Старой Земле, в семнадцатом веке) каждая

порядочная семья считала своим долгом иметь в доме эту книгу. Но, Боже мой, *читать* ее было вовсе не обязательно! Та же история с «Майн Кампф» Гитлера, с «Видениями обезглавленного младенца» Стукацкого.

— А кто такой Гитлер? — спросил я.

Тирена слегка улыбнулась:

— Был такой политикан на Старой Земле. Ко всему прочему еще и пописывал. «Майн Кампф» до сих пор издается… «Транслайн» возобновляет копирайт каждые сто тридцать восемь лет.

— Ну ладно, — сказал я. — Мне нужно еще несколько недель, чтобы отшлифовать «Песни». Так сказать, довести до кондиции.

— Прекрасно, — улыбнулась Тирена.

— Ты, наверное, снова захочешь меня редактировать? Как в прошлый раз?

— С какой стати? — ответила она. — Ностальгия нам теперь до лампочки, так что пиши что хочешь и как хочешь.

Я даже заморгал.

— То есть я могу писать белым стихом?

— Разумеется.

— И философствовать?

— Сколько душе угодно.

— И экспериментировать с формой?

— Угу.

— И вы все это напечатаете в точности так, как я напишу?

— Тютелька в тютельку.

— А *покупать* их будут?

— Черта с два!

Мои «несколько недель» обернулись десятью месяцами адовой работы. Я отключил большую часть комнат; оставил только кабинет в башне на Денебе-III, гимнастический зал на Лузусе, кухню и плот с ванной на Безбрежном Море. Я работал без отдыха десять часов, потом делал энергичную разминку, ел, дремал пару часов и снова возвращался к рабочему столу — на очередную восьмичасовую вахту. Я чувствовал себя примерно так, как пять лет назад, когда только-только начал поправляться после инсульта и целыми днями мучился, осваивая каждое новое слово, заставляя идею прочно укорениться в языке. Теперь дело шло даже труднее. В поисках верного слова, идеальной схемы рифмовки, наиболее емкого образа и неизбитой метафоры для тончайшего оттенка чувств я доходил буквально до изнеможения.

Через десять стандартных месяцев я сломался, подтвердив тем самым древнюю истину: книгу

нельзя закончить, можно лишь перестать работать над ней.

— Что ты на это скажешь? — спросил я Тирену, когда она просматривала первый экземпляр.

По моде той недели ее глаза превратились в гладкие бронзовые диски, но и они не могли скрыть навернувшихся слез.

— Прекрасно, — сказала она.

— Я пытался как бы заново услышать голоса кое-кого из древних, — произнес я, внезапно смутившись.

— И тебе это удалось.

— Над интерлюдией Небесных Врат стоило бы еще поработать.

— Зачем? Она и так великолепна.

— Я писал об одиночестве.

— Это не об одиночестве, это само одиночество.

— Значит, по-твоему, она завершена? — спросил я.

— Конечно. Это шедевр.

— И ты думаешь, ее будут покупать?

— Ни хрена подобного.

Первоначально «Песни» решили издать тиражом семьдесят миллионов кристаллодисков. «Транслайн» разместил рекламу в инфосфере и на

коммерческих каналах тривидения, натыкал рекламные вставки в программы матобеспечения, подготовил хвалебные отзывы знаменитостей для суперобложек, организовал публикации в книжном обозрении «Нью-Нью-Йорк таймс» и «ТКЦ-ревью», выбросив на это целое состояние.

За первый год удалось продать двадцать три тысячи кристаллодисков по двенадцать марок за штуку, что принесло мне с учетом десятипроцентной ставки и пятидесятипроцентных отчислений в счет двухмиллионного аванса аж целых 13 800 марок. За весь второй год разошлось всего 638 экземпляров; инфосфера прав не приобретала, продюсеры тривидения воротили нос, лекционных турне не предвиделось.

Недобор в продажах с лихвой компенсировали отрицательные рецензии. «Невнятно, несовременно, неактуально», — писали в книжном обозрении «Таймс». «Г-н Силен сотворил образчик предельной непонимабельности, — вторил им Урбан Капри в „ТКЦ-ревью“, — демонстративно наплевав в своем разнузданном опусе на читателя». Но последний, смертельный удар нанес мне Мармон Гамлит в программе «А Сейчас Вся Сеть!»: «Что касается поэтического творения этого, как бишь его… Так вот, я лично эту книжку

так и не осилил. И вам не советую».

Тирена Вингрин-Фейф, казалось, просто не замечала происходящего. Через две недели после того, как появились первые рецензии и в редакцию стали возвращать партии нераскупленных кристаллодисков, я, изнуренный тринадцатидневным запоем, прибыл по нуль-Т в ее кабинет и плюхнулся в черное пенолитовое кресло, которое разлеглось в центре комнаты, словно бархатная пантера. По ту сторону невидимого защитного поля бушевала одна из легендарных гроз, которые бывают только на ТК-Центре, и колоссальные, поистине юпитерианских масштабов молнии то и дело раскалывали кроваво-красное небо.

— Не расстраивайся, — сказала Тирена. Волосы она уложила по моде этой недели — надо лбом на полметра торчали черные рожки, а по всему телу, то приоткрывая, то пряча наготу, перетекали многоцветные разводы, которые создавал комбидресс-генератор. — Первый тираж составил только шестьдесят тысяч экземпляров, так что особенных убытков мы не понесли.

— Но ты говорила, что запланировано семьдесят миллионов.

— Да, действтельно. Но после того, как книгу прочел приписанный к «Транслайну» ИскИн, мы

пересмотрели наше решение.

Я погрузился глубже в пенолит:

— Выходит, она не понравилась даже ИИ?!

— Напротив. Она ему *очень* понравилась. Тогда-то мы и поняли, что она не понравится *людям.*

Я выпрямился.

— А что, если продать книгу Техно-Центру?

— Мы пытались, — ответила Тирена. — Продали один экземпляр. Как только мы перебросили его по мультилинии, миллионы других ИскИнов, работающих в реальном времени, тут же получили копии. Этому кремниевому дерьму начхать на межзвездный копирайт.

— Понятно, — сказал я, вновь погружаясь в кресло. — Но теперь-то как мне быть?

Снаружи, между громадами туч и небоскребов, плясали молнии размером с автостраду Старой Земли.

Тирена поднялась из-за стола и прошлась по круглому ковру от края до края. Ее комби-поле мерцало, как заряженное масло на поверхности воды.

— Теперь? Теперь уж ты сам решай, кем тебе быть — писателем или величайшим дрочилой Сети.

— Что?

— Что слышал. — Тирена улыбнулась, и на ее зубах сверкнули золотые наконечники. — Контракт позволяет нам вернуть аванс любым способом. Мы можем забрать твои вклады в Интербанке. Можем конфисковать золото, которое ты припрятал на Передышке. Можем пустить с молотка твой дурацкий нуль-дом. Мы все можем. А тебе после этого останется только одно — присоединиться к сборищу дилетантов, неудачников и психов, которых в своем захолустье коллекционирует Печальный Король Билли.

Я так и вытаращился на нее.

— Но повторяю еще раз, — произнесла она с каннибальской улыбкой, — мы можем просто забыть эту временную неудачу, а ты сядешь и начнешь писать следующую книгу.

Следующая книга была готова через пять месяцев. «Умирающая Земля-II» служила как бы продолжением «Умирающей Земли», но написана была чистой прозой, а длина предложений и содержание глав были тщательно выверены на основе нейробиомониторинга референтной группы из 638 типичных потребителей кристаллодисковой продукции. Это был роман, причем роман достаточно короткий, дабы не отпугнуть потенциального покупателя от контрольных сто-

ек Пищевого Рынка. На обложке был размещен двадцатисекундный голофильм: высокий, смуглый, диковатого вида субъект (подозреваю, что его сыграл Амальфи Шварц, хотя на самом деле Амальфи был невысок, бледен и носил корректирующие контактные линзы) раздевает отчаянно сопротивляющуюся женщину; он успевает стащить с нее лиф примерно до линии сосков, и тут протестующая блондинка оборачивается к зрителю и задыхающимся шепотом порнозвезды тривидения Лиды Сванн умоляет спасти ее.

Было продано девятнадцать миллионов экземпляров «Умирающей Земли-II».

— Неплохо, — подытожила Тирена. — Аудитория сформирована.

— Но первая «Умирающая Земля» разошлась трехмиллиардным тиражом!

— «Путь паломника»,[22] — напомнила она. — «Майн Кампф». Такое случается раз в столетие. А то и реже.

— Но ведь три *миллиарда*...

— Слушай, — сказала Тирена. — В двадцатом веке на Старой Земле была целая сеть забегаловок.

---

[22] Примечания: 22

«Путь паломника» — аллегорический роман Джона Беньяна (1628–1688), английского писателя-пуританина; был очень популярен в XVII веке.

В них мясо дохлых коров жарили на топленом сале, добавляли немножко канцерогенов, потом заворачивали в пленку, синтезированную из нефти, и продавали по девятьсот миллиардов порций в год. А люди это жрали. Вот так.

В «Умирающей Земле-III» появился целый ряд новых персонажей: беглая рабыня Винона, со временем становящаяся владелицей фибропластовой плантации (и плевать, что на Старой Земле отродясь не выращивали фибропласта), неудержимый прерыватель блокады Артуро Редгрейв (какая, к чертовой бабушке, блокада?!) и Инноцента Сперри, девятилетняя телепатка, которая загибается от загадочной болезни Крошки Нелл. Инноцента продержалась аж до «Умирающей Земли-IX», и когда «Транслайн» позволил мне наконец прикончить засранку, я отметил это событие шестидневной вакханалией на двадцати мирах. Очнулся я в вентиляционной трубе на Небесных Вратах, весь в блевотине и аэрофильтрате, с дикой головной болью и с сознанием неизбежности десятого тома «Умирающей Земли».

Быть халтурщиком не так уж сложно. Шесть лет — между «Умирающей Землей-II» и «Умирающей Землей-IX» — прошли относительно безболез-

ненно. Изучение материала я похерил, сюжеты были штампованные, герои — картонные, язык — чуть посложнее, чем у питекантропов, но зато мое свободное время принадлежало мне. Я путешествовал. Еще пару раз женился. Расставался я со своими женами с легким сердцем (правда, оба раза мне пришлось расстаться еще и с солидной частью очередного гонорара). Я снова стал заглядывать в церковь и в бутылку (на самое донышко) и пришел к выводу, что религия проигрывает алкоголю в продолжительности и качестве даруемого утешения.

Дом я расширил, добавив еще шесть комнат в пяти мирах, и украсил произведениями искусства. Я устраивал приемы. Среди моих знакомых преобладали литераторы, а публика эта во все времена ведет себя одинаково: мы сплетничали и злословили, вылавливали друг у друга «блох» и втайне завидовали чужим успехам. Каждый был уверен, что именно он — истинный художник слова, а халтурой занялся лишь по воле случая; все же остальные — прирожденные халтурщики.

И вот одним холодным утром я проснулся на планете тамплиеров в своей спальне, покачивавшейся на ветвях Древа Мира; проснулся, поглядел

в холодное серое небо и вдруг осознал, что Муза меня покинула.

Прошло пять лет с тех пор, как я в последний раз что-то срифмовал. В башне-кабинете на Денебе-III на столе лежала рукопись «Песней», и за все время со дня выхода книги в ней прибавилось лишь несколько страниц. Обычно я писал свои романы с помощью ментопроцессоров и сейчас, когда я вошел в кабинет, один из них вдруг включился и напечатал: «ЧЕРТ ПОБЕРИ, ЧТО Я СДЕЛАЛ СО СВОЕЙ МУЗОЙ?»

Представляете, какое дерьмо я строчил все эти годы: Муза меня покинула, а я этого даже не заметил! Тому, кто никогда не писал, кто не знал вдохновения, может показаться, что мы говорим о музах скорее из тщеславия и в некоем фигуральном смысле. О нет! Для нас, живущих Словом, музы столь же реальны и необходимы, как мягкая глина языка, из которой мы лепим наши творения. Писать — писать *по-настоящему* — это все равно что находиться на прямой мультисвязи с богами. Каждому истинному поэту знакомо необъяснимое радостное чувство, охватывающее тебя в тот момент, когда твой мозг превращается в *инструмент*, такой же, как перо или ментопроцессор, который улавливает и

воплощает в слове *неведомо откуда снисходящие откровения.*

Муза меня покинула. Я искал ее во всех мирах своего дома, но молчали увешанные картинами стены и пустые комнаты. Я снова оседлал нуль-Т и облетел все свои любимые места — любовался закатами в бескрайних прериях Лужайки и ночными туманами, плывущими меж эбеново-черных скал Невермора, — но даже очистив свой ум от тягучей словесной каши «Умирающей Земли», шепота Музы я не услышал.

Я искал ее в винных парах и грезах флэшбэка, пытаясь вернуться в те золотые дни на Небесных Вратах, когда вдохновение тараторило мне прямо в уши, пробуждая ото сна, отрывая от рутинной работы… Но сейчас, когда я вновь возвращался туда, голос моей Музы звучал невнятно и фальшиво — точно затертая аудиопластинка давно минувших веков.

Муза покинула меня окончательно.

В кабинет Тирены Вингрин-Фейф я прибыл минута в минуту. Тирена получила повышение и возглавляла уже не отдел кристаллодисков, но все издательство. Ее новый кабинет занимал самый верхний этаж «Транслайн-Билдинга», и, выйдя из портала, я оказался как бы на покрытой

ковром вершине высочайшего и тончайшего горного пика Галактики: лишь невидимый купол слабополяризованного защитного поля над головой да ковер под ногами, обрывающийся в шестикилометровую пропасть. Не знаю, как других авторов, а меня сразу же так и потянуло нырнуть туда.

— Ну что, — спросила Тирена, — принес новый опус?

За неделю до этого Лузус, наголову разгромив соперников, занял господствующие высоты в мире моды. Кстати, мой воинственный лексикон отнюдь не случаен: на сей раз редактриса была облачена в доспехи из металла и кожи. На шее и запястьях торчали ржавые шипы, через плечо, прикрывая левую грудь, струилась пулеметная лента. Патроны выглядели совсем как настоящие.

— М-м-да, — протянул я и швырнул папку с рукописью ей на стол.

— Ах, Мартин, Мартин, — вздохнула она. — Ты когда-нибудь научишься пользоваться линией связи? Ну к чему тратить время, печатать, таскать эти рукописи?..

— Видишь ли, это доставляет мне своеобразное удовлетворение. Особенно сейчас.

— Неужели?

— Вот именно, — сказал я. — Полистай-ка мое творение.

Тирена улыбнулась и щелкнула грязными ногтями по пулеметной ленте:

— Ну зачем же, Мартин? Я и так знаю твой уровень.

— А все-таки почитай.

— Честно говоря, не вижу в этом никакой необходимости. Вдобавок я всегда нервничаю, когда читаю новую книгу в присутствии автора.

— Эта книга особая, — сказал я. — Пролистай хотя бы несколько первых страниц.

Должно быть, что-то в моем голосе ее насторожило, и, нахмурившись, она открыла папку. Глянув на первую страницу, она нахмурилась еще сильнее и принялась быстро листать рукопись.

На первой странице была одна-единственная фраза: «И вот в одно прекрасное октябрьское утро „Умирающая Земля“, подавившись собственными кишками, содрогнулась в последних конвульсиях — и наконец умерла». Остальные двести девяносто девять страниц были пусты.

— Мартин, ты пошутил?

— Нет.

— Тогда на что ты намекаешь? Хочешь начать новый сериал?

— Нет.

— Не могу сказать, что это для нас сюрприз. Наши разработчики уже заготовили под тебя несколько резервных проектов. Все как на подбор. Господин Сабвази, например, считает, что ты прямо-таки создан для литобработки голосериала «Алый Мститель».

— Да подотритесь вы своим «Алым Мстителем», — сказал я от всей души. — Меня уже тошнит от «Транслайна» и от этой пережеванной размазни, которую вы именуете литературой.

Лицо Тирены не дрогнуло. Сегодня на зубах у нее не было никаких наконечников — обычные ржавые пеньки, прекрасно дополняющие шипастые железяки, которые она нацепила на шею и запястья.

— Ах, Мартин, Мартин. — Она сокрушенно покачала головой. — Ты даже не представляешь, как тебя затошнит, если ты не извинишься. Ну-ка, возьми себя в руки и не выделывайся. Впрочем, это можно отложить на завтра. Отправляйся-ка домой, проспись и обо всем как следует подумай.

Я рассмеялся.

— Миледи, никогда еще за последние восемь

лет я не был трезвее. И знаешь, что я понял? Оказывается, не я один пишу такую чушь… За год в Сети не вышло ни одной приличной книги. С меня хватит. Я покидаю ваш корабль.

Тирена поднялась. Только сейчас я заметил, что на поясе из синтетической холстины у нее висит армейский нейродеструктор. Оставалось надеяться, что «жезл смерти», как и весь ее костюм, бутафорский.

— Бездарь! Халтурщик! — прошипела она. — Слушай меня внимательно. Ты принадлежишь «Транслайну». Весь. От головы до жопы. А если ты и впредь будешь выкидывать фортели, мы засадим тебя строчить готические романы. Причем подписываться ты будешь «Розмари Сиссиничкинс». Все! Марш домой! Проспись как следует и завтра же принимайся за «Умирающую Землю-Х».

Я улыбнулся и покачал головой. Тирена прищурилась.

— Не забывай, что ты должен нам миллион марок. Стоит мне шепнуть — и у тебя отберут дом. За исключением разве что этого идиотского плота, которым ты пользуешься вместо сортира. Сиди там и засирай океан хоть до краев.

Я снова рассмеялся.

— Там есть устройство для переработки отходов. Кроме того, я вчера продал свой дом. Деньги вам уже должны были перевести. Так что аванс я вернул.

Тирена сжала пластиковую рукоятку «жезла смерти».

— А ты знаешь, что все права на идею «Умирающей Земли» принадлежат «Транслайну»? Уж замену тебе мы как-нибудь подыщем, не сомневайся.

— Да ради Бога!

Что-то вдруг изменилось в голосе моей бывшей редактрисы. Видимо, до нее дошло, что я говорю серьезно. Я понял: ей очень хочется, чтобы я остался.

— Послушай, Мартин, — сказала она, — я уверена, что все это преодолимо. На днях я уже намекала совету директоров, что твои авансы слишком малы и «Транслайну» стоило бы заказать тебе новый сериал…

— Ах, Тирена, Тирена, — вздохнул я. — Прощай навек.

Прямо из ее кабинета я вышел на Возрождение Вектор, а оттуда — на Экономию, где пересел на спин-звездолет и, проведя в полете три недели,

прибыл на Асквит,[23] в маленькое королевство Печального Короля Билли.

Печальный Король Билли (набросок)

Его Монаршее Высочество король Уильям XXIII, суверенный правитель королевства Виндзор-в-Изгнании, напоминает восковую статуэтку, которую кто-то сдуру поставил на горячую плиту, да так и забыл там. Длинные пряди волос безвольно свешиваются на покатые плечи. Глубокие морщины, залегшие у бровей, бесчисленными потоками растекаются вокруг грустных, как у таксы, глаз и бегут дальше — по всему его дряблому, вечно хмурому лицу, теряясь в складках кожи на шее и подбородке. Говорят, взглянув на него, антрополог тут же вспоминает истуканчиков с Киншасы-на-Задворках, дзен-гностику приходит на память статуя Скорбящего Будды, уцелевшая при пожаре в храме на Тай-Цзинь, а историк масс-культуры тут же бросается к своим архивам и перетряхивает их до последнего листочка в поисках фотографий древнего актера двухмерного

[23] Примечания: 23

Герберт Генри Асквит (1852–1928) — премьер-министр Великобритании (1908–1916) от либеральной партии.

кино Чарльза Лоутона.[24] Мне лично ни одно из этих сравнений ни о чем не говорит. Глядя на короля Билли, я всякий раз вспоминаю моего наставника дона Бальтазара после недельного запоя.

Печальный Король Билли слывет человеком весьма мрачным, но совершенно не заслуженно. Он любит посмеяться. Беда в том, что смех у него особый: когда он хохочет, всем кажется, что это рыдания.

Понятное дело, внешность свою никто не выбирает, но, глядя на Его Высочество, каждый невольно задается вопросом: кто это? Шут гороховый или просто какой-то Богом обиженный?.. Одежда его (если здесь вообще уместно слово «одежда») находится в состоянии, близком к первозданному хаосу, вызывая сомнения в исправности его слуг-андроидов, так что порой он дисгармонирует и с самим собой, и со своим окружением одновременно. Однако не только его одеяние, но и сам он, как таковой, пребывает в перманентном беспорядке. Вечно с расстегнутой ширинкой, бархатная мантия побита молью и местами порвана, края ее подметают пол, таин-

[24] Примечания: 24

Чарльз Лоутон (1899–1962), американский киноактер. Снимался в исторических и драматических ролях. Лауреат премии «Оскар» (1933).

ственным образом притягивая к себе весь мусор. Кружевная манжета на левом рукаве вдвое длиннее, чем на правом. А последний, в свою очередь, выглядит так, словно его окунули в варенье.

В общем, вы меня понимаете.

При всем при том Печальный Король Билли обладет поистине провидческим умом, а его страсть к искусствам и изящной словесности достойна эпохи Возрождения на Старой Земле.

Чем-то король напоминает маленького сластену, пожирающего глазами недоступные сокровища, выставленные в витрине кондитерского магазина. Будучи завзятым меломаном, он начисто лишен музыкального слуха. Превосходный знаток балета и вообще ценитель всего изящного, в жизни Его Величество являет собой образчик комичной неуклюжести; это карикатурный недотепа, который на каждом шагу спотыкается, роняет что-нибудь, а в довершение всего садится мимо стула. Страстный читатель, непогрешимый критик и покровитель ораторского искусства, сам он поразительно косноязычен, а анекдотическая застенчивость не позволяет ему показывать свои опыты в стихах и прозе кому бы то ни было.

Король — убежденный холостяк, и свое шестидесятилетие он встречает в полуразвалившемся

дворце посреди королевства площадью две тысячи квадратных миль, с которыми он буквально сросся и которые прекрасно дополняют мятый и грязный королевский наряд. С этим связана масса анекдотов. Например: некий прославленный живописец, которому король Билли покровительствует, видит, как Его Величество, повесив голову и заложив руки за спину, шествует по садовой дорожке, причем на дорожку он ступает лишь одной ногой, другою же хлюпает по грязи — очевидно, погружен в глубокую задумчивость. Художник приветствует своего государя. Печальный Король Билли поднимает взор, моргает, оглядывается по сторонам, словно только что очнулся от долгого сна. «П-п-простите, — обращается Его Высочество к удивленному живописцу, — скажите, п-п-пожалуйста, я иду во дворец или *из* д-д-дворца?» «Во дворец, Ваше Величество», — отвечает художник. «З-замечательно, — вздыхает король, — значит, я уже завтракал».

Но вот в один прекрасный день грянул мятеж генерала Горация Гленнон-Хайта, и захолустный Асквит оказался прямо на пути его войск. Особого беспокойства на Асквите это не вызвало, ибо Гегемония обещала направить для его защиты свои

ВКС. Однако вызвавший меня к себе полновластный правитель королевства Монако-в-Изгнании на этот раз больше, чем когда-либо, походил на оплывшую свечку.

— Мартин, — обратился ко мне Его Величество, — вы с-с-слышали о б-битве за Фомальгаут?

— Ага, — ответил я. — Но оснований для беспокойства, по-моему, нет. Гленнон-Хайт неизбежно должен был напасть на Фомальгаут… Судите сами: всего несколько тысяч колонистов, богатейшие минеральные ресурсы, тридцать, нет, двадцать стандартных месяцев лета до Сети…

— Двадцать три, — поправил меня Печальный Король Билли. — Так вы п-полагаете, оп-п-пасность нам не угрожает?

— Г-м-м, — произнес я. — Полет сюда прямо из Сети занимает три недели по корабельному времени, то есть меньше года… Да, получается, что ВКС Гегемонии заведомо опередят спин-звездолеты Гленнон-Хайта, взлетевшие с Фомальгаута.

— Возможно и так, — задумчиво произнес король, прислонившись к глобусу (который тут же начал поворачиваться под тяжестью монаршей особы, вследствие чего Билли был вынужден отскочить и встать прямо). — Тем не-не-менее я решил начать собственную с-с-скромную Хи-

джру.

Я даже заморгал от удивления. Билли уже почти два года изъявлял желание переселить свое королевство, но я никогда не думал, что он всерьез решится на такое дело.

— Зв-зв-зв… корабли на Парвати уже готовы, — сказал он. — Асквит согласился п-п-перевезти нас в Сеть.

— А как же дворец? — спросил я. — Библиотека? Фермы, постройки?

— К-конечно же, я их подарил, — ответил король Билли, — но сама б-библиотека — я хочу сказать, к-книги — отправится с нами.

Я сел на валик дивана, набитого конским волосом, и почесал щеку. За десять лет, проведенных мной в королевстве Билли Печального, я из объекта опеки превратился в его личного друга, конфидента и даже наставника, но при этом никогда не льстил себя надеждой, что понимаю загадочную душу этого растрепанного создания. Сразу по прилете я был удостоен королевской аудиенции.

— Так вы, значит, х-х-хотите п-п-присоединиться к нашей маленькой колонии т-т-талантов? — спросил Билли.

— Да, Ваше Величество.

— А вы не с-с-собираетесь п-п-писать здесь книги н-наподобие «У-у-умирающей Земли»?

— Ни за что, Ваше Величество!

— Знаете, а я ее ч-ч-читал, — выговорил наконец коротышка. — О-о-очень интересно.

— Вы более чем любезны, сир.

— Д-д-дерьмо, господин Силен. Но б-б-было интересно. П-понимаете, кто-то по ней прошелся и з-здорово п-по-кромсал ее, но оставил только *плохие* куски.

Я улыбнулся во весь рот, удивленный тем внезапным открытием, что мне начинает нравиться Печальный Король Билли.

— Н-н-но «Песни», — он вздохнул, — о, эт-т-то *книга.* Возможно, это лучшая книга с-ст-ст… поэзии, изданная в Сети за последние два столетия. Уму непостижимо, как вы протащили ее через цензуру посредственности. Я заказал для моего к-королевства двадцать тысяч экземпляров.

Я склонил голову. Впервые со времен того достопамятного инсульта я потерял дар речи.

— Может, вы все-таки н-н-напишете еще что-нибудь вроде «Песней»?

— Для того я и приехал сюда, Ваше Величество.

— В таком случае добро пожаловать, — сказал Печальный Король Билли. — Мы поселим вас

в западном крыле д-д-д… замка, рядом с моими апартаментами. Для вас мои двери всегда открыты.

Сейчас я смотрел на закрытую дверь и на маленького короля, который, даже улыбаясь, выглядел так, словно готов разрыдаться.

— На Гиперион?[25] — спросил я. Он неоднократно заговаривал об этой колонии, населенной бежавшими от цивилизации дикарями.

— Совершенно верно, Мартин. Корабли с поселенцами-андроидами уже несколько лет как там. Подготавливаю почву, как водится.

Я приподнял бровь. Королевство приносило Билли жалкие крохи, но, удачно вкладывая средства в экономику Сети, он накопил немалое состояние. Однако даже с учетом этого многолетние затраты на тайную реколонизацию должны были вылиться в кругленькую сумму.

— Вы п-п-помните, Мартин, почему первые колонисты назвали эту пл-пл-пл… этот мир Гиперионом?

— Конечно. До Хиджры они были свободными земледельцами на одной из лун Сатурна. Существовали они лишь благодаря снабжению

---

[25] Примечания: 25
Гиперион — спутник Сатурна.

с Земли, а когда она погибла, эмигрировали на Окраину и назвали свой новый мир в честь старого.

Король Билли печально улыбнулся.

— А вы знаете, почему это название сулит удачу *нашему* начинанию?

Мне понадобилось почти десять секунд, чтобы сообразить.

— Китс, — сказал я наконец.

Несколько лет назад у нас был длинный спор о сущности поэзии, и под конец король Билли спросил меня, кто из живших когда-то стихотворцев в наибольшей степени соответствует идеалу поэта.

— Идеалу? — переспросил я. — То есть кто самый великий?

— Нет, нет, — ответил Билли, — абсурдно с-с-спорить, кто самый *великий.* Мне любопытно знать, кто, по вашему мнению, является идеалом… то есть олицетворением всего того, о чем вы говорили.

Я обдумывал этот вопрос несколько дней и однажды вечером, когда мы с вершины ближайшего к дворцу холма любовались закатом, ответил королю. Красные и синие тени тянулись к нам через янтарную лужайку, и я сказал:

— Китс.

— Джон Китс, — прошептал Печальный Король Билли. — Да-да. — И через мгновение: — Но почему?

Тогда я рассказал ему все, что знал об этом поэте, жившем в девятнадцатом веке на Старой Земле; о том, как он воспитывался, учился, о его ранней смерти… но в основном о жизни, почти без остатка посвященной тайнам и красоте поэтического творчества.

Тогда Билли, похоже, заинтересовался, теперь же, судя по всему, этот интерес перешел в одержимость. Взмахнув рукой, он включил проектор, и в воздухе повисла голографическая модель. Чтобы лучше видеть, я отступил назад, шагая сквозь холмы, строения и пасущиеся стада.

— Смотрите, смотрите! — прошептал мой покровитель. — Это Гиперион. — От волнения он даже заикаться перестал. По комнате, один за другим, поплыли голографические пейзажи: речные и морские порты, хижины в горах… город на холме, весь заставленный статуями, и, словно его продолжение, странные сооружения в соседней долине.

— Это Гробницы Времени? — спросил я.

— Совершенно верно. Величайшая из загадок

известной нам части Вселенной.

Я нахмурился: король явно преувеличивал.

— Полноте, сир, — возразил я. — Нет там ни хера. Они пусты. И были пусты, когда их открыли.

— Но вокруг них до сих пор существует странное антиэнтропийное поле, — заметил король. — Во Вселенной не так уж много природных феноменов, напрямую связанных со *временем* как таковым… Разве что сингулярности…

— Ну, здесь все проще. Должно быть, антиэнтропийное поле — это нечто вроде антикоррозийного покрытия на металле. Гробницы созданы, чтобы существовать вечно, но они *пусты.* Да и вообще, на кой черт нам лезть в эти технические детали?

— Дело не в технике, — вздохнул король Билли, и по его лицу поплыли глубокие морщины. — Здесь *тайна.* Некоторые люди могут творить лишь в необычном месте. А это место — идеальное. Смесь классической утопии и языческой мистерии.

Я промолчал, пожав плечами.

Взмахом руки король убрал голограмму.

— А как ваши с-с-стихи? Улучшились?

Я скрестил руки на груди и смерил взглядом этого коронованного неряху.

— Нет, сир.

— Ваша м-м-муза так и не вернулась?

Я не ответил. Если бы взгляд мог убить, сегодня вечером нам всем пришлось бы кричать: «Король умер, да здравствует король!»

— Очень х-х-хорошо, — произнес он, демонстрируя тем самым, что способен быть не только печальным, но и невыносимо самодовольным.

— Тогда, мой мальчик, п-п-пакуйте чемоданы. Мы отправляемся на Гиперион.

(Затемнение)

Пять «ковчегов» Печального Короля Билли, подобно золотым одуванчикам, парят в лазурном небе. Под ними белоснежные города всех трех континентов: Китс, Эндимион, Порт-Романтик… Град Поэтов. Более восьми тысяч паломников от Искусства прибыли сюда в надежде укрыться от тирании посредственности и обрести в этом грубо сколоченном мире новое вдохновение.

В первый век Хиджры Асквит и Виндзор-в-Изгнании лидировали в области биоформовки андроидов, и теперь эти синекожие друзья человека пахали как лошади, прекрасно понимая, что, когда их труд будет завершен, они получат свободу. Белоснежные города росли. Туземцы, устав от роли дикарей, покинули свои затерянные в лесах деревушки и в меру сил помогали

нам обустраивать колонию. Затем пришел черед технократов, бюрократов и экократов. Их разморозили и выпустили в этот девственный мир, даже не подозревавший об их существовании. Мечта Печального Короля Билли еще на шаг приблизилась к своему осуществлению.

К тому времени генерал Гораций Гленнон-Хайт был уже мертв, его кровавый, несмотря на непродолжительность, мятеж подавлен. Но для нас дороги назад уже не существовало.

Самые сильные духом — в числе таковых были и профессионалы, и дилетанты — с презрением отвергли Град Поэтов и предпочли неустроенную, но творческую жизнь в Джектауне, Порт-Романтике, а иные подались даже на границу, которая отступала все дальше и дальше. Я остался в городе.

В те первые годы на Гиперионе я так и не нашел свою музу. У многих увеличение расстояний из-за отсутствия транспорта (ТМП ненадежны, скиммеры наперечет) и уменьшение доли эрзацев в сознании (инфосферы нет, доступа в Альтинг нет, мультипередатчик — один-единственный на всю планету) вызвали настоящую вспышку творческой активности, заставили по-новому взглянуть на место человека в мире и на предназначение

художника.

По крайней мере они так говорили.

Ко мне же муза не возвращалась. Мои стихи, безупречные по форме, оставались дохлыми, как кошка Гека Финна.

И тогда я решил покончить с собой.

Но до этого, в течение девяти примерно лет, я был всецело поглощен отправлением своих гражданских обязанностей. Я обеспечивал Гиперионе то, чего он был доселе лишен: упадок нравственности.

С помощью биоскульптора по имени Грауманн Хэкетт я обратился в сатира. Бока мои обросли шерстью, а ноги стали в точности как у козла. Вплоть до копыт. У меня отросла борода и удлинились уши. Грауманн произвел также весьма интересные изменения в моем половом аппарате. Обо мне стали говорить. Крестьяночки, туземки и супруги наших синеньких кормителей и поителей — все они постоянно ожидали визита единственного на Гиперионе сатира. А многие так просто сами напрашивались. Вот когда я понял, что такое «приапизм» и «сатириаз». Мои бесчисленные сексуальные подвиги (равно как и пьяные загулы) обрастали легендами, а лексикон мало-помалу возвращался к плачевному после-

инсультному состоянию.

Это было чертовски здорово! Ад, да и только.

И вот однажды ночью, когда я уединился, дабы вышибить себе мозги, явился Грендель.

Посетившее нас чудовище (набросок)

Ожили наши ночные кошмары. Какая-то нечисть прячется в темноте. Тени Морбиуса и Крелля. Мама, не гаси свечи, Грендель шастает в ночи.

Поначалу мы думали, что люди просто уезжают без предупреждения. Никакой стражи на стенах нашего города не было, как не было, впрочем, и самих стен, у дверей нашего чертога не стояли воины. А потом вдруг муж заявляет, что его жена поужинала, пошла укладывать детей — и исчезла. Затем Хобан Кристус, пиротехник-абстракционист, не является на еженедельный пироспектакль в Амфитеатре Поэтов. Впервые за восемьдесят два года на подмостках! Тревога растет. Печальный Король Билли, доселе надзиравший за реставрацией Джектауна, вынужден прервать свои труды и обещает усилить меры безопасности. Вокруг города раскидывается сенсорная сеть. Сотрудники корабельной службы безопасности осматривают Гробницы Времени и сообщают, что те по-прежнему пусты. В Лабиринт

через вход у основания Нефритовой Гробницы запускаются зонды и на протяжении шести тысяч километров ничего не обнаруживают. Автоматические и пилотируемые скиммеры прочесывают местность между городом и Уздечкой и обнаруживают лишь тепловой след скального угря. Целую неделю все спокойно.

А потом появляются трупы.

Скульптор Пит Гарсия найден в своей мастерской, в спальне… и во дворе дома. У начальника КСБ Труина Хайнса хватило глупости заявить по каналу новостей: «По всему видно, что он растерзан каким-то диким зверем. Но ни одно известное мне животное не может сделать ничего подобного».

Все мы втайне испытывали эдакое приятное щекотание нервов. Спектакль, правда, не бог весть какой — на уровне той голографической лабуды, которой мы раньше пугали друг друга, но ведь теперь мы сами стали участниками этого щоу.

Первая и самая очевидная версия: среди нас бродит психопат, вооруженный импульсным носком или «адской плетью». На этот раз ему (или ей) просто не хватило времени спрятать тело. Бедный Пит.

Начальник КСБ Хайнс смещен, и глава городской администрации Прюетт получает от Его Величества разрешение набрать, обучить и вооружить городскую полицию в количестве двадцати человек. Подумывают о проверке на детекторе лжи всего населения Града Поэтов, всех шести тысяч человек. В кафе спорят о гражданских правах… Формально мы — вне Гегемонии. Так есть ли у нас вообще какие-нибудь права? Вынашиваются какие-то бредовые планы поимки убийцы…

И вот тут начинается форменная бойня.

В убийствах — никакой системы. Находят то два трупа, то три, то один, а то и вовсе ничего. Некоторые исчезают бескровно, после других остаются лужи крови. Свидетелей нет, нет и уцелевших. Убить могут где угодно. Скажем, семья Веймонт жила на отдаленной вилле, а Сира Роб никогда не выходила из своей мастерской, расположенной в башне неподалеку от центра города; два человека сгинули поодиночке во время ночной прогулки в Саду Дзен. А вот дочь канцлера Лемана имела личных телохранителей и, несмотря на это, исчезла из собственной ванной на седьмом этаже королевского дворца.

На Лузусе, ТК-Центре и других крупных пла-

нетах Сети смерть тысяч людей проходит практически незамеченной — столбик цифр в конце сводки новостей или на вкладыше утренней газеты, не более. Но в городе, где проживает шесть из пятидесяти тысяч обитателей колонии, десятка убийств достаточно, чтобы оказаться в центре всеобщего внимания и чтобы каждый ощутил себя персонажем набившей оскомину логической задачки о преступнике, которого должны повесить завтрашним утром.

Одну из первых жертв я хорошо знал. В свое время Сиссиприсса Харрис была одной из первых (и самых восхитительных) моих побед на сатировом поприще. Блондинка с неправдоподобно мягкими, длинными волосами и нежнейшими щечками (персик, да и только), к которым даже в мыслях прикоснуться боязно (вдруг помнешь), короче, совершенство немыслимое: взглянув на такого ангелочка, любой самец, даже самый робкий, мечтает сорваться с цепи и… А тут кто-то действительно с цепи сорвался. Нашли только ее голову, стоявшую на мостовой, в центре площади лорда Байрона, словно Сиссиприссу погрузили по самую шею в ставший на мгновение жидким, а потом вновь затвердевший мрамор. Узнав эти подробности, я сразу же понял, с кем мы имеем

дело: на Земле, в матушкином поместье, у меня была кошка, имевшая обыкновение чуть ли не каждым летним утром оставлять на южном патио подобные приношения — то голову мышки, с истинно мышиным изумлением глядящую вверх, то оскаленную в белозубой улыбке голову белки — охотничьи трофеи гордого, но голодного хищника.

Печальный Король Билли зашел ко мне, когда я работал над «Песнями».

— Доброе утро, Билли, — поздоровался я.

— Ваше Величество, — сердито проворчал Его Величество (иногда он все-таки вспоминал о своем титуле). Кстати, с того самого дня, как его челнок приземлился на Гиперионе, он перестал заикаться.

— Доброе утро, Ваше Величество Билли.

Мой сюзерен прорычал в ответ что-то нечленораздельное и, отодвинув в сторону кучу черновиков, вознамерился усесться в единственную лужицу пролитого кофе на сухой скамье.

— Опять пишете, Силен?

Я не видел причины подтверждать то, что не нуждается в подтверждении в силу своей очевидности.

— Вы что, всегда пользуетесь пером?

— Нет. Только тогда, когда мне нужно записать что-нибудь стоящее.

— А это, по-вашему, стоящая вещь? — Он указал на маленькую стопку исписанных листков — плод моей двухнедельной работы.

— Да.

— Да? В самом деле *да?*

— Да.

— И когда я смогу с ней познакомиться?

— Никогда.

Король Билли опустил глаза и обнаружил, что левая штанина намокла от кофе. Нахмурившись, он отодвинулся и вытер обмелевшую лужицу краем мантии.

— Никогда? — переспросил он.

— Разве что вы меня переживете.

— Что я и намерен сделать, — сказал король. — Поскольку вы разыгрываете из себя самого настоящего козла, не пропускающего ни единой козочки в королевстве.

— Это что, метафора?

— Никоим образом, — ответил король Билли. — Просто жизненное наблюдение.

— Да чихать я хотел на козочек. Я еще в детстве пообещал матушке не драть их без спросу. — И пока король Билли грустно смотрел на меня, я

пропел несколько строк из старинной песенки «Где же ты, моя козочка».

— Мартин, — сказал он, — кто-то или что-то убивает моих людей.

Я отодвинул в сторону перо и бумагу.

— Да, знаю.

— Мне нужна ваша помощь.

— Какая же? Скажите, Христа ради! Может, вы хотите, чтобы я выследил убийцу, как какой-нибудь детектив из голографического фильма? Или вызвал его на смертный бой над замудоханным Рейхенбахским водопадом?

— Это было бы неплохо, Мартин. Но пока я всего-навсего хочу с вами посоветоваться. Что вы, собственно, обо всем этом думаете?

— Что я думаю? Во-первых. Глупо было сюда соваться. Во-вторых. Глупо здесь оставаться. А совет один, первый и последний: уносить ноги.

Король Билли скорбно кивнул:

— Откуда? Из города или с планеты?

Я пожал плечами.

Его Величество поднялся и прошествовал к окну моего маленького кабинета, из которого открывался вид на кирпичную стену регенерационного завода-автомата. Некоторое время он изучал этот пейзаж и наконец спросил:

— Вам не приходилось слышать древнюю легенду о Шрайке?

— Только отрывки.

— Туземцы связывают это чудовище с Гробницами Времени.

— Туземцы курят нерекомбинированный табак и мажут пузо краской, когда справляют праздник урожая.

Король Билли кивнул, признавая мудрость этих слов, и произнес:

— Первая исследовательская экспедиция Гегемонии вела себя здесь очень осторожно. Главную базу они разместили к югу от Уздечки, а здесь оставили только многоканальные самописцы.

— Я не понимаю, Ваше Величество, чего вы хотите? Отпущения грехов? Да, действительно, место для города выбрано неудачно. Ну и ладушки. Ступайте, сын мой, и больше не грешите. Отпускаются вам грехи ваши. А теперь, Ваше Королевское Величество, если вы не возражаете — adios. У меня на языке крутится парочка смачных лимериков, которые обязательно нужно записать.

— Так вы, Мартин, рекомендуете эвакуировать город? — спросил король, не отводя взгляда от окна.

Я колебался лишь секунду:

— Конечно.

— А сами-то вы уедете?

— Почему бы и нет?

Король Билли повернулся и посмотрел мне в глаза:

— И все-таки вы *уедете?*

Я помолчал, потом не выдержал и отвел взгляд.

— Так я и думал, — сказал правитель планеты. Сцепив свои пухлые руки за спиной, он снова уставился в окно. — Будь я детективом, — продолжил он, — я бы насторожился. Самый большой творческий неудачник нашего города после десятилетнего молчания берется за перо, причем всего… вы что-то сказали, Мартин?.. всего через два дня после первых убийств. Он совершенно оставляет общественную жизнь, в которой доселе играл весьма заметную роль, корпит над эпической поэмой… тихоня этакий, и даже юные девы не опасаются более его козлиной похоти.

Я вздохнул:

— Козлиной похоти, государь?

Король Билли оглянулся.

— Хорошо, — сказал я. — Вы изобличили меня. Признаюсь. Я убивал и купался в их крови. Это

обалденно стимулирует творческую потенцию. Я думаю, еще две… нет, пожалуй, три сотни жертв… и моя новая книга будет готова.

Король Билли отвернулся и вновь уставился в окно.

— В чем дело, — спросил я, — вы мне не верите?

— Нет, не верю.

— Почему же?

— А потому, — ответил король, — что знаю настоящего убийцу.

* * *

Мы сидели в затемненной нише и смотрели, как Шрайк убивает романистку Сиру Роб и ее любовника. Света было маловато: из-за этого казалось, что слегка перезревшая плоть Сиры тускло фосфоресцирует, а белые ягодицы ее куда более юного приятеля словно бы плавают в полумраке спальни, отдельно от его загорелого тела. Их любовный акт достиг своего апогея, как вдруг произошло нечто необъяснимое. Юноша, уже готовый замереть перед оргазмом, внезапно взлетел в воздух, как будто Сира непонятным образом вытолкнула его из себя. Звуковая дорожка на диске, воспроизводившая до этого обычные

стоны, вздохи, всхлипы и неизбежные при такого рода занятиях указания, неожиданно наполнила нишу криком. Сначала закричал он. Потом она.

Изображение покачнулось — это тело юноши ударилось о стену рядом с камерой. Сира лежала в позе трагикомической незащищенности: ноги широко раздвинуты, руки раскинуты в стороны, груди примяты, бедра белеют в темноте. В ожидании экстаза она запрокинула было голову, но время шло, и когда она снова приподняла ее, потрясение и злость на ее лице сменили до странности похожую на них гримасу. Она открыла рот, собираясь закричать.

Но крика не последовало. Вместо него послышался звук, похожий на хруст разрезаемого арбуза: с таким звуком лезвие проходит сквозь плоть, серп рассекает сухожилия и кости. Голова Сиры откинулась назад, рот раскрылся невероятно широко… и ее тело ниже грудины буквально взорвалось, а затем разошлось, словно разрубленное незримым топором. Затем вступили в дело невидимые скальпели, и на коже появились поперечные разрезы. Казалось, мы просматриваем в ускоренном темпе заснятую скрытой камерой операцию хирурга-маньяка. Это было жестокое вскрытие, ибо совершалось оно на живом чело-

веке. Впрочем, нет, уже не на живом. Как только иссяк поток крови и прекратились конвульсии, руки и ноги Сиры безвольно раскинулись и застыли, выставив напоказ омерзительную груду внутренностей. И вдруг, на какую-то долю секунды, рядом с кроватью возникло нечеткое красное пятно, отливающее металлическим блеском.

— Стоп! — приказал король домашнему компьютеру. — Крупнее! Контраст!

Пятно стало четче, и мы увидели голову существа, которое может привидеться разве что в наркотическом кошмаре: лицо из стали, хрома и кости; пасть — как у помеси волка с экскаватором, глаза, как рубиновые лазеры, сверкающие сквозь кроваво-красные самоцветы; из переливающегося ртутного лба торчит кривой тридцатисантиметровый клинок; такие же шипы воротником окружают шею.

— Шрайк? — спросил я.

Король Билли кивнул. Точнее, шевельнул подбородком.

— А что с мальчишкой? — спросил я.

— Нашли только тело Сиры, — ответил король. — Его хватились, когда обнаружили вот этот диск. Оказалось, какой-то специалист по развлечениям из Эндимиона.

— Голограмму нашли недавно?

— Вчера. Служба безопасности осматривала спальню и на потолке обнаружила камеру. Совсем маленькую — меньше миллиметра. У Сиры была целая библиотека подобных записей. Очевидно, она использовала камеру только для того, чтобы увековечивать свои…

— Постельные безумства, — подсказал я.

— Именно.

Я встал и подошел к плавающему в воздухе изображению чудовища. Провел рукой сквозь его лоб, шипы, челюсти. Компьютер рассчитал величину этого создания и дал его в реальном масштабе. Судя по размерам черепа, наш местный Грендель был более трех метров ростом.

— Шрайк, — пробормотал я, скорее приветствуя его, чем называя по имени.

— Ну, Мартин, что вы можете о нем сказать?

Я вскинулся:

— Почему вы спрашиваете у меня? Я поэт, а не мифоисторик.

— Вы обращались к компьютеру «ковчега» с запросом относительно происхождения и природы Шрайка.

Я приподнял бровь. Всегда считалось, что обращение к корабельному компьютеру остается

анонимным и конфиденциальным — как подключение к инфосфере Гегемонии. Дело это сугубо личное, и анонимность гарантируется.

— Ну и что, — парировал я. — С тех пор как начались убийства, наверняка уже сотни людей интересовались легендой о Шрайке. Может быть, даже тысячи. Потому что кроме этой единственной легенды мы не знаем о нем ни хера.

— Совершенно верно, — король весь сморщился, — но вы-то полезли в эти файлы за три месяца до первого инцидента.

Я вздохнул и снова плюхнулся на подушки.

— Да, я запрашивал эти файлы. Да, я читал эту блядскую легенду. Ну и что? Я хотел использовать ее в своей поэме. Арестовать меня теперь, что ли?

— И что вы узнали?

Вот тут я разозлился всерьез. Даже топнул копытом по ковру.

— Только то, что было в этих сраных файлах. И вообще, Билли, какого черта вам от меня нужно?

Король потер бровь и замигал, так как случайно задел мизинцем глаз.

— Не знаю, — сказал он. — Служба безопасности хотела забрать вас на корабль и устроить допрос третьей степени с полным интерфейсом.

Но я решил поговорить с вами сам.

Я заморгал, испытывя странное чувство невесомости в желудке. Допрос с полным интерфейсом — это кортикальные зонды и черепные разъемы. Почти все допрошенные подобным способом со временем опять становятся нормальными людьми. Почти все.

— Не могли бы вы рассказать мне, какие именно аспекты легенды вы собирались отразить в поэме? — мягко спросил король Билли.

— Разумеется, — ответил я. — Согласно основной доктрине культа Шрайка, возникшего у здешних туземцев, Шрайк есть Повелитель Боли и Ангел Окончательного Искупления. И придет он из места, находящегося вне времени, дабы возвестить о конце человечества. Мне понравился этот причудливый образ.

— О конце человечества? — повторил за мной король Билли.

— Ага, — ответил я. — Он архангел Михаил, Морони, Сатана, Мировая энтропия и чудовище Франкенштейна в одной упаковке. Он околачивается вокруг Гробниц Времени и ждет своего часа, чтобы выйти на сцену и вписать своей колючей рукой человечество в хит-парад вымерших видов — вслед за дронтом, гориллой и кашалотом.

— Чудовище Франкенштейна, — задумчиво пробормотал пухленький коротышка в помятой мантии. — При чем тут Франкенштейн?

Я перевел дыхание.

— Дело в том, что поклонники Шрайка считают, что человечество каким-то образом само его *создало.* (Король Билли, насколько мне известно, и сам это знал. Он много чего знал.)

— А они знают, как его *уничтожить*?

— Понятия не имею. Считается, что он бессмертен, потому что пребывает вне времени.

— Бог?

Я замялся.

— Вряд ли, — произнес я наконец. — Скорее, он некое концентрированное воплощение наших кошмаров. Что-то вроде старухи с косой, только в отличие от нее он имеет обыкновение нанизывать людские душонки на ветви гигантского дерева, утыканного шипами… конечно, вместе с телами.

Король Билли молча кивнул.

— Послушайте, — сказал я. — Раз уж вы так любите копаться в теологиях отсталых миров, почему бы вам не слетать в Джектаун и не расспросить жрецов культа?

— Да-да, — рассеянно произнес король, подпе-

рев подбородок кулачком. — Хотя нет, их ведь уже допрашивали на корабле. И это еще больше все запутало.

Я поднялся, собираясь уйти (хотя и не был уверен, что мне это позволят).

— Мартин.

— Угу.

— Быть может, вы вспомните что-нибудь еще? Что-нибудь такое, что помогло бы нам понять это существо?

Я остановился в дверном проеме. Сердце у меня колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит наружу.

— Да, — выговорил я наконец срывающимся голосом. — Я знаю, что такое Шрайк.

— Да?

— Он моя муза, — сказал я, развернулся и пошел к себе в кабинет писать.

Конечно, это я вызвал Шрайка. Я знал это. Я стал писать о нем — и он явился. Поистине, в начале было Слово.

Я переименовал свою поэму в «Песни Гипериона». Речь в ней шла вовсе не о планете, но о гибели самозваных титанов, именуемых людьми. О невероятном самомнении расы, бездумно уничтожившей свой собственный дом, а затем, в

преступной гордыне своей, устремившейся покорять звезды, но лишь затем, чтобы вызвать гнев божества, ею же и порожденного. «Гиперион» был моей первой за долгие годы серьезной вещью, и ничего лучшего я уже не напишу. То, что начиналось как комически-серьезная попытка воскресить дух Джона Китса, стало последним оправданием моей жизни, доказательством того, что в наш век жалкого фарса не иссякла еще эпическая мощь. Чисто технически «Песни Гипериона» были написаны на таком уровне, с таким мастерством, о каком я и мечтать не мог, но голос, певший эту песнь, принадлежал не мне. Я писал о гибели человечества. А потому моей музой стал Шрайк.

Погибло еще человек двадцать, прежде чем король Билли решил эвакуировать Град Поэтов. Кое-кто уехал в Эндимион, Китс и другие новые города, но большинство проголосовало за то, чтобы вернуться на «ковчегах» в Сеть. Мечта короля Билли об идеальном городе творцов умерла, хотя сам он не уехал — остался в своем мрачном дворце в Китсе. Власть в колонии перешла в руки Комитета местного самоуправления, который первым делом направил петицию о приеме в Гегемонию и организовал Силы Самообороны.

ССО (набранные преимущественно из тех самых туземцев, которые еще десять лет назад дубасили друг друга дубинками, и подчинявшиеся самозваным офицерам из числа таких же туземцев) преуспели лишь в одном: отныне мирную ночную тишину то и дело разрывал рев патрульных скиммеров, а самоходки наблюдательных отрядов совершенно испохабили прелестный ландшафт наступающей на город пустыни.

К моему удивлению, не только я отказался покинуть город: осталось не менее двухсот человек. Общение между нами свелось к минимуму — обмену вежливыми улыбками во время прогулок по Бульвару Поэтов или за трапезой в гулкой пустоте обеденного купола (каждый садился за свой столик).

Убийства продолжались. В среднем раз в две местные недели кто-нибудь погибал или исчезал. Трупы обычно обнаруживали не мы, а местный командир ССО, который в конце концов потребовал, чтобы мы регулярно пересчитывали друг друга по головам.

Как ни странно, ярче всего мне запомнилась в этом году именно массовая сцена. Вечером мы собрались на Площади, чтобы проводить последний «ковчег». Осенний звездопад был в

самом разгаре, и ночное небо Гипериона горело золотыми зигзагами и алыми росчерками. Но вот включились двигатели — словно вспыхнуло маленькое солнце… Целый час мы следили, как исчезает в небесных глубинах огненный хвост корабля… а вместе с ним и наши собратья по искусству. В тот вечер с нами был и Печальный Король Билли. Направляясь к своему изукрашенному экипажу, который должен был увезти его в безопасный Китс, он остановился и отыскал меня взглядом. Как он смотрел на меня тогда!

На протяжении последующих десяти лет я покидал город раз пять: в первый раз — чтобы найти биоскульптора и избавиться от внешности сатира, потом лишь для приобретения провизии и прочих припасов. К тому времени Святилище возобновило паломничества к Шрайку, и в своих путешествиях я мог пользоваться этой столбовой дорогой к смерти, только наоборот: пешком до Башни Хроноса, в вагончике подвесной дороги через Уздечку, дальше ветровозом и, наконец, на барже, именуемой «Ладьей Харона», по реке Хулай. На обратном пути я рассматривал паломников и гадал, кто из них останется в живых.

Мало кто посещал Град Поэтов. Его недостроенные башни начали рассыпаться, превращаясь

в груды развалин. Галереи с великолепными куполами из стекла и металла и крытые аркады зарастали диким виноградом, огневник и нож-трава пробивались сквозь каменные плиты мостовых. ССО внесли в этот хаос свою скромную лепту, установив по всему городу мины-ловушки против Шрайка, но добились только одного — окончательно разрушили некогда прекрасные городские кварталы. Ирригационная система пришла в негодность. Акведук обвалился. К городу подползала пустыня. Я жил в покинутом дворце короля Билли: менял комнату за комнатой, работал над поэмой и ждал свою музу.

Когда я задумываюсь над всем этим, цепочка причин и следствий замыкается в порочный круг, в некую безумную логическую конструкцию, напоминающую гравюры Эшера или построения Каролюса, этого художника инфосетей. Шрайк возник благодаря заклинанию, роль которого сыграла моя поэма, но при этом сама она не могла бы явиться на свет без помощи моей грозной четверорукой музы. Возможно, в те дни у меня слегка поехала крыша.

За десяток лет смерть, играя в орлянку, очистила город от дилетантов, и наконец в нем остались только Шрайк и я. Ежегодная процессия палом-

ников к Гробницам Времени, пересекавшая в отдалении пустыню, раздражала меня, но не слишком. Порою кое-кто возвращался назад, и я провожал взглядом крохотные фигурки, бредущие по киноварно-красному песку на юго-запад. Так им предстояло идти еще двадцать километров, до самой Башни Хроноса. Но обычно никто не возвращался.

Тени города приняли меня в свою компанию. Мои шевелюра и борода отросли настолько, что закрывали собой лохмотья, в которые превратилась моя одежда. Из дома я выходил обычно по ночам и бродил среди развалин, как пугливый призрак, нет-нет да и поглядывая на освещенную башню дворца, подобно Давиду Юму, который заглядывал во все окна своего дома, дабы удостовериться, что его самого дома нет. Я так и не перетащил пищевой синтезатор из обеденного зала в свою конуру, ибо предпочитал обедать в гулкой тишине под растрескавшимся куполом, словно безмозглый элой, спешащий насытиться перед неизбежной встречей с морлоком.

Шрайка я никогда не встречал. По ночам, перед самым рассветом, я часто просыпался от внезапного звука — не то песок скрипел под чьей-то ногой, не то металл царапал по камню. Я посто-

янно чувствовал, что за мной наблюдают, но увидеть наблюдателя мне так и не удалось.

Иногда я отправлялся к Гробницам Времени. Чтобы избежать мягких, но порою весьма ощутимых ударов антиэнтропийного прилива, я выходил по ночам и прогуливался меж причудливых теней под крыльями Сфинкса или любовался звездами сквозь изумрудную стену Нефритовой Гробницы. И вот однажды, вернувшись после очередной такой вылазки, я обнаружил у себя в кабинете незваного гостя.

— Впечатляюще, М-М-Мартин, — сказал Билли Печальный, барабаня пальцами по одной из многочисленных стопок рукописей, разбросанных по комнате. Король-недотепа, восседавший сейчас за длинным столом, буквально утонул в кресле и казался как никогда обрюзгшим и постаревшим. Судя по всему, он провел за чтением несколько часов. — Вы д-д-действительно полагаете, что человечество з-з-заслуживает такого конца? — мягко спросил он. (Десять лет я не слышал, как он заикается!)

Я отошел от двери, но не ответил. Более двадцати лет Билли был моим другом и покровителем, но сейчас мне хотелось убить его. Мысль о том, что кто-то читает «Гиперион» без разрешения,

привела меня в ярость.

— Вы д-д-датируете свои с-с-с… песни? — спросил король Билли, перебирая последнюю стопку исписанных страниц.

— Как вы сюда попали? — выпалил я.

Вопрос был отнюдь не праздный. В последние годы скиммеры, десантные челноки и вертолеты неоднократно пытались проникнуть в район Гробниц Времени, но безуспешно. Машины прибывали на место, но *без* пассажиров. И это сильно укрепляло веру в миф о Шрайке.

Коротышка в помятой мантии пожал плечами. Наряд, замышлявшийся как нечто королевски великолепное, делал его похожим на растолстевшего арлекина.

— До Башни Хроноса я шел с последним караваном паломников. А оттуда с-с-свернул к вам. Послушайте, М-Мартин, вы уже много месяцев н-ничего не пишете. Почему?

Я сердито взглянул на него и стал молча придвигаться к столу.

— Возможно, я смогу объяснить, в чем тут дело, — сказал король Билли. И он посмотрел на последнюю законченную страницу «Гипериона» с таким видом, словно там содержался ответ на долго мучившую его загадку. — Последние стро-

фы написаны в прошлом году, в те самые дни, когда исчез Дж. Т. Телио.

— Ну и что? — Сейчас я был уже у дальнего конца стола. Как бы машинально я пододвинул к себе невысокую стопку исписанных страниц. Теперь Билли не мог до нее дотянуться.

— А то, что, п-п-по сводкам ССО, это был последний житель Града Поэтов, — сказал он. — Точнее, п-п-предпоследний. Вы-то живы, Мартин.

Я пожал плечами и начал обходить стол. Я хотел подобраться как можно ближе к Билли, но так, чтобы он не догадался, что мне нужно.

— А знаете ли, М-Мартин, вы ведь не з-з-закончили еще эту вещь, — произнес он глубоким, печальным голосом. — Так что у человечества остался н-неболышой шанс пережить Падение…

— Нет, — ответил я, подкрадываясь ближе.

— Но ведь вы не можете писать ее, не так ли, Мартин? Вы не можете с-с-сочинять стихи, пока ваша м-м-муза не искупается в крови, не так ли?

— Дерьмо собачье, — сказал я.

— Возможно. Но совпадение поразительное. Вы никогда не задумывались, М-Мартин, почему Он пощадил именно вас?

Я пожал плечами и отодвинул от него еще одну пачку. Я был выше, сильнее и решительнее,

чем Билли. Но я должен быть уверен, что он не прихватит с собой рукопись, когда я стащу его со стула и вышвырну вон.

— Н-нам нужно раз и навсегда п-покончить с этим, — сказал мой покровитель.

— Нет, — сказал я, — это вам нужно отправиться куда подальше.

Одним движением отбросив в сторону последнюю стопку страниц, я угрожающе поднял руки (с удивлением обнаружив в одной из них бронзовый подсвечник).

— Не двигайтесь, пожалуйста, — негромко произнес король Билли, и в руках у него оказался нейростаннер.

Я замер лишь на секунду. Потом расхохотался:

— Не бери меня на пушку, ты, трепло несчастное. Да у тебя духу не хватит выстрелить, даже чтобы спасти свою шкуру.

И я шагнул вперед. Я хотел избить его и вышвырнуть вон.

Щеку холодил камень, и, уловив краем глаза сияние звезд в проломах решетчатого купола галереи, я понял, что лежу во внутреннем дворике. Моргнуть я не мог. По окаменевшему телу бегали мурашки, как будто я отоспал его и теперь, после болезненного пробуждения, к нему возвраща-

ется чувствительность. Из горла рвался крик, но челюсти и язык были как чужие. Внезапно меня подняли и прислонили к каменной скамье. Теперь я мог видеть двор и бездействующий фонтан, сооруженный по проекту Рифмера Корбе. В мерцающем свете предрассветного звездопада бронзовый Лаокоон боролся с бронзовыми змеями.

— Из-з-з-звини, Мартин, — произнес знакомый голос, — но этому с-с-сумасшествию нужно положить конец.

В поле моего зрения появился король Билли с большой пачкой бумаги в руках. Остальные кипы исписанных страниц лежали на бортике фонтана у ног металлического троянца. А рядом стояла открытая канистра с керосином.

Кое-как мне удалось моргнуть. Веки точно заржавели.

— Паралич пройдет ч-ч-через минуту-другую, — успокоил меня король Билли. Он спустился в чашу фонтана, поднял пачку рукописей и щелкнул зажигалкой.

— Нет! — выдавил я сквозь сведенные судорогой челюсти.

Языки пламени плясали недолго. Дождавшись, когда последний комок пепла упадет в фонтан,

король Билли поднял следующую пачку и свернул ее в трубку. При свете пламени я увидел как по его щекам катятся слезы.

— Это вы все нат-т-творили, — задыхаясь, выговорил он. — Так вот, пора этому положить конец.

Собрав все свои силы, я попытался встать. Руки и ноги дергались как у марионетки, управляемой неумелой рукой. Боль была кошмарная. Я снова закричал, и этот отчаянный вопль, отражаясь от мрамора и гранита, заметался по двору.

Король Билли поднял толстую пачку, помедлил немного и начал читать вслух верхнюю страницу:

...искал напрасно я опору

Бессильной бренности своей, когда на плечи

Покоя вечного легла мне тяжесть.

Тот сумрак неизменный и три недвижные фигуры

Мои терзали чувства долгий месяц.

Пылающий мой разум измерял

Серебряной Селены превращенья,

И с каждым днем я походил все боле

На бестелесный призрак. Молил я смерть

Об избавленье от плена тяжкого

Юдоли этой… И, задыхаясь в ожиданье тщетном,

Судьбу свою бессчетно проклинал.[26]

Подняв лицо к звездам, король Билли предал эту страницу огню.

— Нет! — прохрипел я и невероятным усилием заставил ноги согнуться. Встав на одно колено, я попытался опереться на ватную руку, но тут же повалился на бок.

Черный силуэт в королевской мантии поднял еще одну пачку — слишком толстую, чтобы свернуть ее в трубку, — и стал читать еле видимые в темноте строки:

…и я лицо увидел,

Людской не тронутое скорбью, но с печатью

Неизгладимою тоски извечной, что убивает

И убить не может, которой Смерть

---

[26] Примечания: 26
Д. Китс. «Падение Гипериона» Песнь I, 387–399.

сама

Не в силах положить конец; черта любая

В нем гибель призывала. Белизной и хладом

Оно превосходило и лилии, и снег, но эту грань

Мой разум преступить не смеет…[27]

Щелчок зажигалки — и еще полсотни страниц полыхают огнем. Король бросил горящие листы в чашу фонтана и потянулся за следующей пачкой.

— Не надо! — Всхлипнув, я выбросил тело вверх и, изо всех сил напрягая ноги, чтобы одолеть сумятицу нервных импульсов, привалился к скамье. — У-мо-ляю!

И тут на сцене появилось новое действующее лицо. Нет, не появилось — встряхнуло мои мозги, чтобы я наконец обратил на него внимание. Казалось, он был здесь и раньше, но ни я, ни король Билли просто не замечали его, пока пламя не разгорелось ярче. Невероятно высокий, четверорукий, покрытый сверкающим панцирем, Шрайк

---

[27] Примечания: 27
Д. Китс. «Падение Гипериона» Песнь I. 256–263.

устремил на нас свой огненный взгляд.

Король Билли шумно вздохнул и отступил было на шаг, но затем снова двинулся вперед, чтобы бросить в огонь очередную порцию рукописей. Тлеющий пепел вместе с дымом уносился вверх. С полуразрушенного купола, увитого диким виноградом, сорвалась стая голубей. Хлопанье их крыльев прозвучало, как выстрелы.

Я шагнул за королем и едва не упал. Но Шрайк даже не шелохнулся, даже глазом не повел.

— Убирайся! — закричал король Билли. Он уже не заикался. Он стоял, держа в руках кипы горящих листов, и кричал срывающимся голосом: — Убирайся! Убирайся в бездну, которая тебя породила!

Мне показалось, что Шрайк чуть наклонил голову. Алые отблески пламени играли на металлических гранях его тела.

— Мой повелитель! — выкрикнул я, но кому были адресованы эти слова, королю Билли или сверкающему исчадию ада, я и сам тогда не знал и не знаю до сих пор. С трудом сделав несколько шагов, я попытался схватить Билли за руку.

Но на прежнем месте его уже не было. Секунду назад я мог бы коснуться его рукой, а сейчас он висел в воздухе над каменными плитами двора,

метрах в десяти от меня. Пальцы чудовища, словно стальные шипы, пронзили его руки, грудь, бедра, но, корчась от боли, король по-прежнему сжимал в кулаках горящие страницы «Песней». Шрайк держал его перед собой, как отец, поднявший сына над крестильной купелью.

— Уничтожь! — кричал Билли, беспомощно дергая проколотыми руками. — Уничтожь!

Я остановился у края фонтана и оперся на парапет. Что я должен уничтожить? Шрайка? Потом я решил, что он имел в виду поэму… И наконец до меня дошло: и то, и другое. Кучи рукописей — не менее тысячи страниц — лежали на дне фонтана. Я поднял канистру.

Шрайк не сдвинулся с места, а в следующее мгновение он едва заметным плавным движением прижал короля Билли к своей груди. Билли скорчился от боли и слабо вскрикнул, когда длинный стальной шип, разорвав его аляповатый шелковый наряд, вышел над самой грудной костью. Я тупо уставился на него и почему-то вспомнил коллекцию бабочек, которую собирал в детстве. Потом медленно и неуклюже, как автомат, принялся поливать рукописи керосином.

— Сожги их, Мартин! — задыхаясь, хрипел король Билли. — Ради Бога, сожги!

Я подобрал выроненную им зажигалку. Шрайк не двигался. По королевской мантии, сливаясь с алыми квадратами узора, расползались пятна крови. Я щелкнул древним устройством раз, другой, третий, но пламени не было — только искры летели. Сквозь слезы я смотрел на труд своей жизни, сваленный кучей на дне пыльного фонтана. Зажигалка выпала из моих рук.

Билли закричал и забился в объятиях Шрайка. Я слышал, как сталь со скрежетом прошла по кости.

— Сожги! — хрипел король. — Мартин… О Боже!

Я развернулся, пятью быстрыми шагами преодолел разделявшее нас расстояние и выплеснул полканистры. От керосиновой вони у меня хлынули слезы. Билли и чудовище, державшее его, намокли и выглядели теперь как два комика из старого голобурлеска. Билли моргал и кричал что-то бессвязное, на граненой морде Шрайка отражалось расцвеченное метеорами небо, и в этот момент одна из искр от тлеющих страниц, которые Билли все еще сжимал в руках, попала на керосин.

Я прикрыл лицо руками (поздно — бороду и брови опалило) и стал отступать, пока не уперся

в парапет фонтана.

На мгновение этот костер превратился в поразительное огненное изваяние — желто-голубую Pieta[28] с четверорукой мадонной, держащей перед собой тело Христа. Затем объятая огнем фигура скорчилась и выгнулась дугой, словно ее не пронзали стальные шипы и два десятка скальпелеобразных пальцев, и раздался крик, такой крик… До сего дня не могу поверить, что он исходил от человеческой половины этой слившейся в смертельном объятии пары. Крик этот швырнул меня на колени. Тысячекратно отраженный от каменных стен, он возвращался ко мне снова и снова, поднимая в воздух голубей со всего города. Крик не прекратился и после того, как пылающее видение разом пропало, не оставив после себя ни кучки пепла на земле, ни пятнышка на сетчатке. Прошла еще минута или две, прежде чем до меня дошло: теперь кричу я сам.

Все пошло прахом, как, впрочем, и следовало ожидать. В реальной жизни хорошие концовки случаются редко.

Несколько месяцев, а может, и целый год, я

---

[28] Примечания: 28

Pieta — пиета, плач богоматери — картина, скульптура и т. п. с изображением девы Марии, оплакивающей мертвого Христа.

переписывал испорченные керосином страницы и восстанавливал сгоревшие. Вряд ли вы удивитесь, узнав, что поэму я так и не закончил. И дело тут не во мне. Моя муза ушла.

Град Поэтов дряхлел и разрушался. Я прожил там еще год или два — возможно, и все пять. Право, не помню. Тогда я был малость того. Доныне сохранились записи первых паломников, повествующие об изможденном, оборванном, заросшем бородою человеке с безумными глазами, который нарушал их гефсиманский сон непристойными выкриками. Этот помешанный постоянно околачивался возле Гробниц и, потрясая кулаками, требовал, чтобы трусливая тварь, прячущаяся внутри, вышла к нему.

В конце концов безумие выгорело само, хотя угли его тлеют до сих пор. Протопав пешком полторы тысячи километров, я вернулся в цивилизацию. С собой я унес только рукопись. В пути я ловил скальных угрей, ел снег; последние десять дней и вовсе голодал.

Прошедшие с тех пор двести пятьдесят лет, право же, не заслуживают ни воскрешения, ни тем более вашего внимания. Поульсенизации, чтобы дать инструменту возможность жить дальше и ждать своего часа. Две длительные заморозки в

нелегальных субсветовых полетах, поглотивших по сотне с лишком лет каждая. И каждая взимала свою дань клетками мозга, памятью.

И все это время я ждал. И жду до сих пор. Поэма должна быть закончена. И она *будет* закончена.

В начале было Слово.

В конце… былая слава, былая жизнь, былые порывы…

В конце будет Слово.

4

«Бенарес» достиг Эджа на следующий день, немного позже полудня. Одна из мант умерла прямо в упряжи, не дотянув до места назначения километров двадцать; Беттик не стал ее выпрягать, просто перерезал постромки. Другая продержалась до тех пор, пока они не ошвартовались у выцветшего старого пирса, — здесь она вдруг распласталась в изнеможении, и лишь пузырьки воздуха, поднимавшиеся из дыхал, показывали, что она еще жива. Беттик приказал выпрячь ее и выпустить в реку, объяснив, что в проточной воде у загнанного животного еще есть шансы выжить.

Проснувшиеся на рассвете паломники любовались разворачивающимся перед ними пейзажем. Разговаривали они мало, а Мартина Силена попросту старались не замечать. Поэта, впрочем, это ничуть не огорчало… Запив вином свой завтрак, он приветствовал восход солнца парочкой непристойных песен. За ночь река расширилась до двух километров и представляла теперь собой огромную тускло-синюю дорогу, прорезавшую невысокие холмы к югу от Травяного моря. Здесь,

на подступах к морю, деревья исчезли, а коричневато-золотистый вересковник мало-помалу сменили двухметровые ярко-зеленые северные травы. Холмы становились все ниже, пока не исчезли совсем, и по обеим сторонам реки теперь тянулись густо поросшие травой обрывистые берега. На севере и востоке над горизонтом повисла едва заметная темная полоска, и тем паломникам, которые жили прежде на планетах с океанами и знали, что эта густая синева говорит о близости моря, то и дело приходилось напоминать себе, что единственное в этих краях море представляет собой несколько миллиардов акров травы.

Крупным аванпостом Эдж никогда не был, теперь же он и вовсе опустел. Два десятка домов, стоявших по бокам ухабистой дороги, которая поднималась от пристани, пялились пустыми глазницами окон, и, судя по всему, население бежало отсюда еще несколько недель тому назад. Гостиница «Приют Паломника», почти три столетия простоявшая на склоне холма, сгорела.

Беттик повел паломников на вершину берегового утеса.

— Куда вы теперь? — спросил андроида полковник Кассад.

— По условиям, на которых мы служим Церкви, после рейса на север мы получаем свободу, — ответил Беттик. — «Бенарес» мы оставим здесь, чтобы вам было на чем вернуться, а сами отправимся вниз по реке на катере. А потом двинемся дальше.

— Эвакуируетесь вместе со всеми? — спросила Ламия Брон.

— Нет. — Беттик улыбнулся. — У нас на Гипериoне свои дела и свои пути.

Незаметно для себя они выбрались на скругленный гребень. Стоящий у ветхой пристани «Бенарес» казался отсюда совсем маленьким; река Хулай убегала на юго-запад и скрывалась в голубой дымке. Выше города она резко сворачивала на запад и, постепенно сужаясь, через какой-то десяток километров упиралась в непроходимые Нижние Пороги. А с севера и востока к Эджу почти вплотную подступало Травяное море.

— Боже мой, — выдохнула Ламия Брон.

Казалось, они взошли на последнюю вершину Мироздания. За разбросанными внизу причалами, верфями и доками кончался Эдж и начиналось море. Трава уходила в бесконечность, отзываясь даже на легкий ветерок мелкой рябью и накатываясь зеленым прибоем на обрывистый

берег. Поразительно ровная, без единой морщинки поверхность простиралась к горизонту и казалась неизменной и нескончаемой. И ни малейших признаков горных вершин Уздечки, которая лежала на северо-востоке, примерно в восьми сотнях километров отсюда. Иллюзия, что перед паломниками огромное зеленое море, была почти полной, даже верхушки колеблемых ветром стеблей казались белыми гребешками волн, бегущих к берегу.

— Как красиво! — воскликнула Ламия, впервые видевшая эту картину.

— На рассвете и закате еще красивее, — отозвался Консул.

— Чудесно, — пробормотал Сол Вайнтрауб, поднимая дочку так, чтобы и та могла посмотреть. Девочка задрыгала ножками от удовольствия и принялась сосредоточенно рассматривать свои пальчики.

— Отлично сохранившаяся экосистема, — одобрительно сказал Хет Мастин. — Мюир был бы доволен.

— Вот же гадство! — вдруг воскликнул Мартин Силен.

Все обернулись к нему.

— Ветровоза-то нет, — пояснил поэт и выру-

гался.

Его спутники молча оглядели заброшенные причалы и пустынную равнину.

— Наверное, задержался, — сказал Консул.

Мартин Силен отрывисто рассмеялся.

— Или уже укатил. Ведь предполагалось, что мы прибудем сюда вчера вечером.

Полковник Кассад поднял свой электронный бинокль и внимательно осмотрел горизонт.

— Нет, вряд ли они ушли бы без нас, — задумчиво проговорил он. — Ведь ветровоз должны были направить сюда сами жрецы Святилища, а они кровно заинтересованы в нашем паломничестве.

— Можно пойти пешком, — предложил Ленар Хойт. Священник посерел от боли (а может, и от наркотиков тоже) и едва держался на ногах, не говоря уж о том, чтобы идти куда-то.

— Нет, — сказал Кассад. — Мы утонем в этой траве с головой, а пройти надо несколько сот километров.

— Компас… — начал было священник.

— На Гиперионе компасы не действуют, — возразил Кассад, все еще глядевший в бинокль.

— Ну, тогда указатель курса, — не сдавался Хойт.

— УК у нас есть, но дело не только в этом, — вмешался Консул. — Трава очень острая. Через полкилометра на нас живого места не останется.

— А еще здесь водятся травяные змеи. — Кассад опустил наконец бинокль. — Это и в самом деле отлично сохранившаяся экосистема, но для прогулок она не предназначена.

Отец Хойт вздохнул и тяжело опустился на землю, поросшую короткой травкой. Что-то весьма похожее на облегчение прозвучало в его голосе, когда он сказал:

— Ну что ж, тогда поехали обратно.

А. Беттик сделал шаг вперед:

— Команда будет счастлива отвезти вас на «Бенаресе» назад в Китс. Мы охотно подождем.

— Нет, — сказал Консул, — берите катер и возвращайтесь.

— Эй, минутку, черт бы вас побрал! — крикнул Мартин Силен. — Я что-то не припомню, чтобы мы выбирали вас диктатором, любезный. Нам *необходимо* добраться до места, и если этот дурацкий ветровоз так и не придет, нам придется изыскивать какой-то другой способ.

Консул резко повернулся к нему.

— Какой? Морем? Нам понадобится две недели, чтобы подняться вдоль Гривы и, обогнув Север-

ную Луку, попасть в Оттон[29] или в какой-нибудь другой пост на побережье. Да еще неизвестно, сумеем ли мы достать корабль. Морские суда на Гиперионе скорее всего заняты эвакуацией.

— Ну тогда дирижабль, — буркнул поэт.

Ламия Брон рассмеялась.

— Ну конечно! Правда, за те два дня, что мы плыли по реке, я почему-то не заметила ни одного дирижабля. А вы?

Сжав кулаки, Мартин Силен резко повернулся к ней, словно хотел ее ударить. Затем улыбнулся.

— Ладно, леди! Что же нам все-таки предпринять? Может, если пожертвовать кого-нибудь из нас травяным змеям, боги транспортировки сжалятся над нами?

Ламия Брон бросила на него ледяной взгляд:

— А мне казалось, коротышка, что своих жертв ты предпочитаешь поджаривать.

Полковник Кассад встал между ними.

— Хватит, — резко скомандовал он. — Консул прав. Мы останемся здесь и будем ждать ветровоза. Господин Мастин и госпожа Брон пойдут с Беттиком проследить за разгрузкой наших вещей. Отец Хойт и господин Силен принесут

---

[29] Примечания: 29

Оттон I — германский король, ставший впоследствии римским императором (936–973). Китс посвятил ему трагедию «Оттон Великий».

хворост для костра.

— Для костра? — удивился священник. И в самом деле, на вершине холма было довольно жарко.

— Скоро стемнеет, — ответил Кассад. — Надо, чтобы на ветровозе знали, что мы здесь. А теперь за дело.

Никто не проронил ни слова, когда на закате катер отдал швартовы и двинулся вниз по реке. Даже отсюда, с двухкилометрового расстояния, Консулу была видна синяя кожа андроидов. Замерший у причала «Бенарес» как-то разом потускнел и обветшал, став частью покинутого города. Когда катер скрылся вдали, все повернулись к Травяному морю. Длинные тени речных холмов уже накрыли ту его часть, которую Консул мысленно называл для себя отмелью. По мере удаления от берега море меняло свой цвет: мерцавшая аквамарином трава постепенно темнела, наливаясь густой зеленью. По лазурному небу заструились яркие краски заката, позолотившего макушку холма и окутавшего паломников своим мягким, теплым светом. Тишину нарушал лишь шелест травы.

— У нас чертовски много багажа, — громко сказал Мартин Силен. — Можно подумать, нам

предстоит возвращаться!..

«Это верно», — подумал Консул. Гора чемоданов на вершине холма выглядела весьма внушительно.

— Где-то там, — раздался тихий голос Хета Мастина, — мы, возможно, обретем спасение.

— Что вы имеете в виду? — спросила Ламия Брон.

— Да, правда, — произнес Мартин Силен, лежавший на спине, закинув руки за голову, и мечтательно глядевший в небо. — Вы, случайно, не захватили с собой парочку противошрайковых подштанников?

Тамплиер покачал головой. В наступивших сумерках его лицо окончательно поглотила тень капюшона.

— Хватит прятаться за пошлой пикировкой, — сказал он. — Мне кажется, пора признать, что каждый из нас захватил в это паломничество нечто такое, благодаря чему — он или она — надеется избежать гибели, когда наступит час нашей встречи с Повелителем Боли.

Поэт засмеялся.

— Да ни хрена подобного! Я не захватил даже мою счастливую кроличью лапку!

Капюшон тамплиера слегка шевельнулся.

— Ну а ваша рукопись?

Поэт промолчал.

Хет Мастин перевел свой невидимый собеседникам взгляд на высокого человека, стоявшего рядом.

— А вы, полковник? В багаже несколько объемистых чемоданов с вашим именем на наклейках. Уж не оружие ли это?

Кассад поднял голову, но ничего не ответил.

— Конечно, — продолжил Хет Мастин, — глупо ехать на охоту без ружья.

— Ну а я? — Ламия Брон скрестила руки на груди. — Вам известно о каком-либо секретном оружии, которое я сюда протащила?

— Мы ведь еще не слышали вашей истории, госпожа Брон. — Тамплиер говорил медленно, отчего его необычный акцент стал еще заметнее. — Было бы преждевременно что-либо предполагать на ваш счет.

— А как насчет Консула? — спросила Ламия.

— О, всем понятно, что за оружие припас наш друг дипломат.

Консул перестал любоваться закатом.

— Я взял с собой только кое-что из одежды и пару книг, почитать перед сном, — сказал он совершенно искренне.

— Да-да, — со вздохом согласился тамплиер, — но зато какой прекрасный космический корабль оставили!

Силен вскочил на ноги.

— Черт побери! — вскричал он. — Вы ведь можете его вызвать, не так ли? Так доставайте, дьявол вас возьми, свой собачий свисток и действуйте. Сколько можно тут сидеть?

Консул сорвал травинку и разделил ее на узкие полоски. Помолчав немного, он сказал:

— Даже если бы я и мог его вызвать… — а вы слышали, Беттик сказал, что спутники и ретрансляторы не действуют… — так вот, даже если бы я и мог вызвать его, нам не удалось бы перебраться через горы. Подобные попытки кончались катастрофой еще до того, как Шрайк начал разгуливать южнее Уздечки.

— Это верно, — согласился Силен, возбужденно размахивая руками, — зато мы смогли бы пересечь этот мерзкий… газон! Вызывайте корабль!

— Подождем до утра, — ответил Консул. — Если ветровоза не будет, мы обсудим другие варианты.

— Да провались он… — начал было поэт, но тут Кассад шагнул вперед и, повернувшись к нему спиной, весьма успешно вытеснил его из круга.

— А вы, господин Мастин, — спросил полковник, — в чем *ваш* секрет?

Свет догорающего заката позволил разглядеть улыбку, мелькнувшую на тонких губах тамплиера.

— Как видите, мой чемодан здесь самый тяжелый и самый таинственный, — ответил он, указав на груду багажа.

— Это куб Мебиуса, — сказал отец Хойт. — Мне случалось видеть, как таким способом перевозят археологические находки.

— Или термоядерные бомбы, — вставил Кассад.

Хет Мастин покачал головой:

— Его содержимое не столь примитивно.

— А что там? Вы нам расскажете? — настойчиво спросила Ламия.

— Когда наступит мой черед говорить, — ответил тамплиер.

— А вы следующий? — спросил Консул. — Мы можем вас выслушать прямо сейчас.

Сол Вайнтрауб прокашлялся.

— Вообще-то говоря, четвертый номер у меня, — и он показал свою полоску бумаги. — Но я с большим удовольствием поменяюсь с Истинным Гласом Древа. — Он приподнял Рахиль и, легонь-

ко похлопывая ее по спине, переложил с левой руки на правую.

Хет Мастин отрицательно покачал головой.

— Времени еще достаточно, — сказал он. — Мне бы хотелось напомнить, что даже в безнадежности всегда есть надежда. Из рассказов наших спутников мы узнали о многом. Но не это главное: зерно надежды есть в каждом из нас, хотя лежит оно гораздо глубже, чем мы сами думаем.

— Я что-то не понимаю… — начал отец Хойт, но его прервал внезапный вопль Силена:

— Ветровоз! Вот она, эта хреновина! Наконец-то!

* * *

Прошло еще минут двадцать, прежде чем ветровоз ошвартовался у одного из причалов. Судно пришло с севера, и его паруса белели четкими квадратами на фоне лишившейся красок темной равнины. Пока оно разворачивалось и, складывая главные паруса, катило к пристани, окончательно стемнело.

Судно поразило Консула — огромное, сработанное по старинке из дерева, оно своими выпуклыми обводами напоминало галеоны, бороздившие в древности моря Старой Земли.

Пока паломники переносили багаж на пристань, Консулу удалось рассмотреть гигантское ходовое колесо, выглядывавшее из середины округлого днища и скрытое обычно двухметровой травой. От земли до поручней было метров шесть-семь, а до верхушки грот-мачты — не меньше тридцати. Остановившись, чтобы отдышаться, Консул прислушался: где-то вверху хлопали на ветру вымпелы, а от корпуса судна исходило низкое монотонное гудение, издаваемое, по-видимому, либо внутренним маховиком, либо гиростабилизаторами.

Из-за борта выдвинулись сходни и опустились на пристань. Отец Хойт и Ламия Брон едва успели отскочить назад.

Ветровоз был освещен куда хуже «Бенареса» — горело лишь несколько фонарей на мачтах и реях. Пока судно шло к пристани, на палубе не было видно ни одной живой души; никто не появился и сейчас.

— Эй! — крикнул Консул, стоявший возле нижней ступеньки сходней. Ответа не последовало.

— Будьте добры, подождите минутку, — сказал Кассад и стремительно взбежал наверх.

Паломники увидели, как он на мгновение замер, положив руку на «жезл смерти», торчавший

из-за пояса, а затем исчез внутри судна. Через несколько минут в широких окнах на корме вспыхнул свет, и на траву упали желтые трапециевидные пятна.

— Идите сюда! — крикнул полковник, снова появившись на сходнях. — Здесь никого нет.

Все тут же потащили наверх свой багаж. Спустившись в последний раз, Консул помог Хету Мастину справиться с тяжеленным кубом Мебиуса, ощутив кончиками пальцев слабую, но интенсивную вибрацию.

— Так где же эта треклятая команда? — спросил Силен, когда паломники, осмотрев судно, собрались на баке. Внутри было тесно — узкие коридоры, по которым приходилось идти гуськом, крутые лестницы, или, вернее, трапы и каюты, едва вмещавшие откидные койки. Только кормовая каюта, по-видимому, капитанская, не уступала по размерам и комфорту помещениям на «Бенаресе».

— Очевидно, судно автоматизировано. — Кассад указал на фалы, которые исчезали в прорезях палубы, и почти сливавшиеся с рангоутом манипуляторы. На середине бизань-мачты, несшей косые паруса, также поблескивал какой-то механизм.

— Все же непонятно, откуда им управляют, — сказала Ламия. — Я не заметила ни дисплеев, ни дубль-пультов. — Она извлекла из нагрудного кармана свой комлог и попыталась настроиться на стандартные частоты телеметрии, инфосети и биомеда. Судно не отзывалось.

— На этих колымагах всегда кто-то был, — заметил Консул. — Жрецы обычно сопровождали паломников до самых гор.

— Но сейчас здесь их нет. — В голосе Хойта слышалась растерянность. — Впрочем, может быть, кто-то еще остался на станции канатки или в Башне Хроноса. Ведь послали же за нами ветровоз.

— Может, все поумирали, а вагон так и ходит по своей программе, — предположила Ламия и тут же резко оглянулась: снасти и паруса внезапно скрипнули под порывом ветра. — Омерзительное ощущение — быть отрезанной от всего и всех. Словно ты вдруг ослепла и оглохла. Просто не представляю, как жители колоний это выносят.

Подошел Мартин Силен. Усевшись на поручень, он отхлебнул из длинной зеленой бутылки и произнес:

Где же он и с кем – поэт?

Музы, дайте мне ответ!
– Мы везде его найдем:
Он с людьми, во всем им равен;
С нищим он и с королем,
С тем, кто низок, с тем, кто славен;
Обезьяна ли, Платон —
Их обоих он приемлет;
Видит все и знает он —
И орлу, и галке внемлет;
Ночью рык зловещий льва
Или тигра вой ужасный —
Все звучит ему так ясно,
Как знакомые слова
Языка родного…[30]

— Где вы раздобыли эту бутылку? — холодно спросил Кассад.

Мартин Силен улыбнулся, и его сощуренные глаза ярко блеснули в свете фонаря.

— В камбузе полно еды, кроме того, там есть бар. Возвещаю всем его открытие!

— Надо подумать об ужине, — сказал Консул,

---

[30] Примечания: 30
Д. Китс. Написано, вероятно, в октябре 1818 года (пер. А. Жовтиса).

хотя ему хотелось сейчас лишь вина. В последний раз они ели часов десять назад, если не больше.

Что-то лязгнуло, загудело, и шестеро паломников, бросившихся к правому борту, увидели, как поднимаются сходни. Тем временем развернулись паруса, натянулись шкоты, и гудение маховика, постепенно повышаясь, перешло в ультразвук. Паруса наполнились ветром, палуба слегка накренилась — и ветровоз, отойдя от причала, двинулся в темноту. Было слышно лишь хлопанье парусов, поскрипывание корпуса судна, глухое громыхание колеса да шорох травы по днищу.

Шесть человек стояли у поручней и смотрели, как темная масса утеса исчезает за кормой, а так и не зажженный сигнальный костер превращается в слабый отблеск звездного света на светлом дереве; потом остались только ночь, небо и качающиеся круги света от фонарей.

— Спущусь вниз, — объявил Консул, — и приготовлю нам что-нибудь поесть.

Его спутники даже не пошевелились. Палуба тихо вибрировала и покачивалась, а навстречу судну неслась тьма. Невидимая граница делила ее на две части: вверху сияли звезды, внизу расстилалось Травяное море. Кассад достал фонарик,

и пятно света забегало по снастям, выхватывая из мрака то кусок паруса, то мачту, то шкоты, туго натянутые невидимыми руками; затем полковник проверил все щели и уголки на палубе от кормы до носа. Остальные молча наблюдали. Когда он выключил фонарик, тьма показалась паломникам уже не такой гнетущей, а звезды засияли ярче. В воздухе пахло землей и перегноем; этот запах, вызывающий ассоциации, скорее, с весенним полем, чем с морем, приносил ветер, несущийся над тысячами квадратных километров травы.

Вскоре послышался голос Консула, и все отправились вниз.

Камбуз оказался тесноват, и к тому же там не было стола, поэтому в качестве столовой пришлось использовать большую каюту на корме, а в качестве стола — сдвинутые вместе чемоданы. Четыре фонаря, раскачивавшиеся на низких балках, ярко освещали помещение. Хет Мастин распахнул высокое окно над кроватью, и в каюту ворвался легкий ветерок.

Консул расставил тарелки, нагруженные бутербродами, на самом большом чемодане, а затем принес толстые белые чашки и кофе в термосе. Пока он разливал кофе, все принялись за еду.

— Недурно, — произнес Федман Кассад. — Где это вы раздобыли ростбиф?

— Холодильник битком набит всякой снедью. Кроме того, в кладовой на корме есть большая морозильная камера.

— Электрическая? — спросил Хет Мастин.

— Нет. С двойными стенками.

Мартин Силен понюхал одну из банок, разыскал на блюде нож и посыпал свой бутерброд крупно порезанными кусками хрена. На глазах у него заблестели слезы.

— Сколько времени обычно уходит, чтобы пересечь море? — спросила Ламия у Консула.

Консул, сосредоточенно разглядывавший свою чашку с горячим кофе, поднял взгляд:

— Простите, не расслышал?

— Я спрашиваю о Травяном море. Сколько времени уходит на дорогу?

— Ночь и половина дня, и мы у гор, — ответил Консул. — При попутном ветре, разумеется.

— Ну а потом… через горы долго перебираться? — спросил отец Хойт.

— Меньше суток, — ответил Консул.

— Если будет работать канатная дорога, — добавил Кассад.

Консул отхлебнул кофе, обжегся и поморщил-

ся.

— Надо думать, будет. Иначе…

— Что иначе? — резко спросила Ламия.

— Иначе, — ответил полковник Кассад, подойдя к открытому окну, — иначе мы застрянем в шестистах километрах от Гробниц Времени и в тысяче — от южных городов.

Консул покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Жрецы Святилища, или уж не знаю кто, взявший на себя заботу о нашем паломничестве, позаботились о том, чтобы мы добрались сюда. Я не сомневаюсь, что они позаботятся и о том, чтобы мы прошли оставшуюся часть пути.

Ламия Брон, нахмурившись, скрестила руки на груди.

— Зачем мы нужны им? Как жертвы?

Мартин Силен захохотал и вытащил свою бутылку:

Какие боги ждут кровавой мзды?
К какому алтарю ведут телицу,
Которая торжественной узды
И ласковой руки жреца дичится?
И что за город, из оправы стен
Глядящий ввысь зеницами святынь,

Внезапно обезлюдел в час урочный?
Он нем навеки, чуждый перемен, —
Не скажут площади, мертвей пустынь,
Зачем ушла толпа в поход бессрочный.[31]

Ламия Брон сунула руку под тунику и, выхватив лазерный нож величиной не больше мизинца, навела его на поэта.

— Эй ты, говнюк! Ляпнешь еще хоть слово и… клянусь… убью на месте.

Все разом умолкли, в глубокой тишине было слышно лишь поскрипывание колеса. Консул двинулся к Силену. Полковник Кассад тут же оказался за спиной Ламии.

Поэт сделал большой глоток и улыбнулся. Его губы влажно блестели.

— Так строй же свой корабль смерти, — прошептал он. — О, построй его!

Пальцы Ламии побелели от напряжения. Консул стоял теперь буквально вплотную к Силену, не зная, что делать: ему казалось, лазерный луч вот-вот хлестнет его по глазам. Кассад напряженно склонился над Ламией, подобно странной

---

[31] Примечания: 31
Д. Китс «Ода греческой вазе» (пер. А. Парина).

двухметровой тени.

— Мадам, — вдруг произнес Сол Вайнтрауб, сидевший на койке у дальней стены, — может, следует напомнить вам, что здесь находится ребенок?

Ламия взглянула на него. Вайнтрауб устроил для дочки нечто вроде колыбели, поставив на кровать большой ящик, который вынул из стенного шкафа. Потом он пошел ее купать и вернулся в каюту буквально за минуту до того, как поэт разразился цитатой. Теперь он осторожно укладывал ребенка в выложенное мягкими пеленками гнездо.

— Извините, — сказала Ламия и опустила лазер. — Очень уж он меня… разозлил.

Вайнтрауб понимающе кивнул и принялся баюкать ребенка. Мягкое покачивание ветровоза и монотонное громыхание колеса, по-видимому, сделали свое дело: девочка уснула.

— Мы все устали, у всех напряжены нервы, — сказал ученый. — Может быть, лечь где кто может и поспать?

Ламия вздохнула и сунула оружие за пояс.

— Я не засну, — сказала она. — Очень уж здесь все… странно.

Все закивали, соглашаясь с нею. Мартин Силен,

не без комфорта устроившийся на широком выступе под кормовым окном, подтянул ноги под себя, сделал еще один глоток и сказал, обращаясь к Вайнтраубу:

— Расскажи нам свою историю, старик.

— В самом деле, расскажите, — поддержал его отец Хойт. Священник выглядел таким изнуренным, что, казалось, вот-вот расстанется с жизнью, но глаза его горели лихорадочным огнем.

— Нам надо выслушать все истории и успеть как следует обдумать их, прежде чем мы прибудем к месту назначения.

Вайнтрауб провел рукой по своей лысине.

— Это скучная история, — начал он. — Я впервые в жизни на Гиперионе. В моей истории нет встреч с чудовищами, героических подвигов. Это рассказ человека, представление которого об эпическом приключении ограничивается выступлением перед классом без конспекта.

— Вот и прекрасно, — сказал Силен. — Нам сейчас очень кстати нечто усыпляющее.

Вайнтрауб вздохнул, поправил очки и погладил свою темную с проседью бороду. Затем он притушил фонарь, висевший над колыбелью, и пересел поближе к центру каюты. Консул убавил свет в остальных лампах и подлил кофе всем

желающим. Сол Вайнтрауб говорил медленно, стараясь точно формулировать мысли и тщательно подбирая слова, и вскоре его негромкое повествование слилось с мягким громыханием колеса и поскрипыванием корпуса, сопровождавшими продвижение ветровоза на север.

История ученого: Горек вкус воды летейской

Сол Вайнтрауб и его жена Сара были счастливы в своем супружестве и до рождения дочери; появление же Рахили превратило их жизнь в самый настоящий рай на земле.

Когда они зачали дитя, Саре было двадцать семь лет, Солу — двадцать девять. О поульсенизации они тогда и не помышляли, ибо это было им не по карману, впрочем, они и без нее надеялись прожить в добром здравии еще по крайней мере лет пятьдесят.

Они оба с самого рождения жили в Мире Барнарда, одном из старейших, но и самых заурядных членов Гегемонии. Барнард входил в состав Сети, но для Сола и Сары это не имело особого значения, поскольку они не могли себе позволить частые путешествия по нуль-Т. Впрочем, они и не

испытывали тяги к таким вояжам. Сол недавно отпраздновал десятую годовщину своей работы в колледже Найтенгельзера, где преподавал историю и античную филологию, а также занимался своими собственными исследованиями в области эволюции этики. Колледж Найтенгельзера был невелик — в нем училось менее трех тысяч студентов, но он пользовался прекрасной репутацией и туда стекались молодые люди со всей Сети. Как любили говорить студенты, у колледжа и городка Кроуфорд, в котором он находился, есть лишь один, но очень серьезный недостаток: они представляют собой островок цивилизации в безбрежном океане кукурузы. И в самом деле: колледж находился на расстоянии трех тысяч километров от столицы планеты, Буссарда, и после терраформирования все это пространство было отдано под сельскохозяйственные угодья. Здесь не было лесов, которые можно было бы рубить, не было холмов, на которые можно было бы взбираться, не было гор, которые нарушали бы однообразие кукурузных, бобовых, кукурузных, пшеничных, кукурузных, рисовых и снова кукурузных полей. Поэт-авангардист Салмад Брюи, недолгое время преподававший в колледже и уволенный незадолго до восстания Гленнон-Хай-

та, после возвращения на Возрождение-Вектор рассказывал друзьям, что Кроуфордский округ, расположенный на Южном Синзере Мира Барнарда, есть не что иное, как Восьмой Круг Запустения крохотного прыща на заднице Мироздания.

Но Солу и Саре Вайнтрауб там нравилось. Кроуфорд с его населением в двадцать пять тысяч представлял собой довольно точную реконструкцию типичного среднеамериканского городка девятнадцатого века. Его широкие улицы утопали в тени вековых вязов и дубов. (Мир Барнарда, вторая земная колония за пределами Солнечной системы, был заселен за несколько веков до изобретения двигателя Хоукинга и Хиджры; колонизация тогда осуществлялась при помощи гигантских «ковчегов».) Все здания в Кроуфорде — от ранневикторианских особняков и до отдельных образчиков канадского Ренессанса — выглядели совершенно одинаково: белые стены и просторная, аккуратно подстриженная лужайка перед домом.

Сам колледж был выдержан в георгианском стиле и радовал глаз сочетанием красного кирпича и белых колонн, окружавших овальный участок. Кабинет Сола находился на третьем этаже Плачер-Холла, старейшего здания в сту-

денческом городке, и зимой за его окном чернела причудливая паутина голых ветвей. Солу нравились запахи мела и старого дерева, которые он вдыхал еще первокурсником, и каждый день, поднимаясь к себе в кабинет, он любовался ложбинкой на каменных ступеньках, истертых ногами двадцати поколений студентов Найтенгельзера.

Сара родилась на ферме, расположенной между Буссардом и Кроуфордом. Докторскую степень по теории музыки она получила на год раньше Сола. Это была веселая, энергичная девушка, яркая и обаятельная, хотя и некрасивая с точки зрения общепринятых норм. Свою яркость и обаяние она сохраняла всю жизнь. Два года она проучилась в университете Нового Лиона на Денебе-III, но ее измучила тоска по дому. Сара так и не смогла привыкнуть к быстрым и внезапным здешним закатам, ей не нравилось, как превозносимые на все лады горы, словно зазубренное лезвие, в мгновение ока отсекают солнечное зарево; ее тянуло домой, где звезда Барнарда, словно раздувшийся красный шар, на несколько часов словно бы зависала над горизонтом на фоне мало-помалу темнеющего неба. Она тосковала по бескрайним равнинам, где из окна своей комна-

ты на третьем этаже под островерхой крышей маленькая девочка могла следить за тем, как из пятидесятикилометровой дали на колосящиеся поля, словно иссиня-черный занавес, озаряемый изнутри вспышками молний, надвигается гроза. А еще Сара скучала по семье.

С Солом она познакомилась через неделю после того, как поступила в колледж Найтенгельзера, но прошло еще три года, прежде чем он сделал ей предложение и они поженились. Сперва она не видела ничего особенного в тихом низкорослом студенте. В те времена она еще придерживалась вкусов и обычаев Сети, участвовала в дискуссиях, посвященных постдеструкционистскому направлению в теории музыки, читала «Обит», «Нигил» и самые что ни на есть авангардистские журналы с Возрождения-Вектор и ТК-Центра, стараясь выглядеть искушенной и усталой от жизни и не без напряжения пользуясь молодежным жаргоном. Какое отношение все это могло иметь к малорослому, но весьма серьезному историку, который опрокинул на нее фруктовый салат на вечеринке, устроенной в честь декана Мура? Какая-либо экзотика, на которую мог бы претендовать Сол Вайнтрауб вследствие еврейского происхождения, тут же сводились на нет

его типично барнардовским произношением, костюмом, приобретенным в кроуфордском «Сквайр шоп», а также тем обстоятельством, что на вечеринку он пришел, рассеянно зажав под мышкой «Расхождение одиночеств» Детрескью.

Сол влюбился в нее с первого взгляда. Он как завороженный смотрел на эту смеющуюся краснощекую девушку, и его нисколько не смущали ни слишком дорогое платье, ни бьющий в глаза мандариновый маникюр; он видел лишь одно — яркую личность, которая светила как маяк одинокому старшекурснику. Сол не подозревал о своем одиночестве, пока не встретил Сару, но после первой же их встречи, когда он обменялся с ней рукопожатием и опрокинул ей на платье фруктовый салат, ему стало ясно: его жизнь пуста и навсегда останется пустой, если они не поженятся.

Они поженились через неделю после того, как Сола назначили преподавателем колледжа. Медовый месяц молодожены провели на Мауи-Обетованной. Это было его первым путешествием по нуль-Т. Арендовав плавучий остров, они три недели путешествовали в полном уединении, любуясь чудесами Экваториального Архипелага. В памяти Сола навсегда остались эти пронизанные

солнечными лучами и напоенные ветром дни, и самое дорогое и сокровенное — обнаженная Сара выходит из воды после ночного купания, над ней сверкают звезды Ядра, а на ее теле многоцветными созвездиями сияют фосфоресцирующие капли.

Они хотели сразу же завести ребенка, но прошло целых пять лет, прежде чем природа смилостивилась над ними.

Сол помнил, как прижимал к себе и укачивал Сару, корчившуюся от боли у него на руках. Роды были трудными. Наконец произошло невероятное — в 2 часа 01 минуту утра в медицинском центре округа Кроуфорд родилась Рахиль Сара Вайнтрауб.

Появление младенца круто изменило жизнь ученого-историка и музыкального критика, усердно пополнявших инфосферу Барнарда, но они не роптали. Первые месяцы они ужасно уставали, но неизменно были веселы. Поздно ночью, в перерывах между кормлениями, Сол на цыпочках прокрадывался в детскую — просто постоять и посмотреть на дочь. Почти всегда он заставал там Сару, и они стояли вместе, держась за руки и глядя на это чудо: спящий ребенок лежит на животе, попкой вверх, спрятав лицо в мягком

изголовье колыбели.

Рахиль была удивительным ребенком: совершенно прелестным и в то же время не считавшим себя центром мироздания. Когда ей исполнилось два стандартных года, от нее не хотелось отводить глаз, так она была мила: пышные каштановые волосы матери, ее румяные щеки, ее же лучезарная улыбка и большие карие глаза отца.

Приятели говорили, что ребенок сочетает все достоинства характера Сары с интеллектом Сола. Один из их знакомых, детский психолог, работающий в колледже, однажды заметил, что Рахиль уже в пять лет обладает самыми надежными показателями истинной одаренности, какие когда-либо наблюдались у детей: структурированная любознательность, проницательность по отношению к окружающим, способность к состраданию и обостренное чувство справедливости.

Однажды Сол, изучая в своем кабинете древние документы со Старой Земли, наткнулся на статью о воздействии Беатриче на мировоззрение Данте Алигьери. Одно из рассуждений критика, жившего в двадцатом или в двадцать первом веке, поразило его:

> «И только она (Беатриче) была для него по-прежнему реальна, по-прежнему оставалась средоточием мира и красоты. Ее образ стал для него ориентиром – тем, что Мелвилл с большей серьезностью, чем мы сохранили, назвал бы его Гринвичским меридианом…»

Сол остановился, чтобы отыскать определение «Гринвичского меридиана», а затем продолжил читать. Критик кое-что добавил от себя:

> «У большинства из нас, я надеюсь, есть ребенок, любимый человек или друг, подобные Беатриче, то есть человек, который просто в силу своего характера, врожденной доброты и ума заставляет нас испытывать неловкость в тех случаях, когда мы *лжем* или неискренни».

Сол выключил дисплей и задумался, глядя в окно на кружево черных ветвей.

Пай-девочкой Рахиль не была. Когда ей исполнилось пять стандартных лет, она весьма старательно обрезала волосы пяти своим любимым куклам, а затем обкорнала свои собственные,

причем еще короче. Когда ей было семь, она решила, что сезонники, живущие в ветхих лачугах на южной окраине города, нуждаются в усиленном питании, и в связи с этим опустошила все домашние кладовые, холодильники, морозильники и синтезаторы, после чего уговорила трех своих подружек помочь ей утащить всю эту гору продуктов, пробив в семейном продовольственном бюджете брешь, исчисляемую несколькими сотнями марок.

Когда ей исполнилось десять, мальчуган по имени Стабби Беркович подбил ее взобраться на верхушку самого старого из кроуфордских вязов. Она была уже на высоте сорока метров, и до верхушки оставалось меньше пяти, когда под ней сломалась ветка, и Рахиль полетела вниз. Сола вызвали по комлогу, когда он обсуждал со студентами моральные предпосылки первой эпохи ядерного разоружения на Земле. Не сказав ни слова, он вышел из аудитории и пробежал двенадцать кварталов до медицинского центра.

У Рахили была сломана левая нога, два ребра, проткнуто легкое и раздроблена челюсть. Когда Сол ворвался в палату, она плавала в восстановительном растворе; приподняв голову и взглянув на него поверх плеча сидевшей с ней матери, она

слегка улыбнулась и, несмотря на проволочную шину, стянувшую ее челюсть, заявила: «Пап, мне оставалось до верхушки всего пятнадцать футов. Может, даже меньше. В следующий раз я доберусь».

Окончив с отличием среднюю школу, Рахиль получила приглашения от корпоративных академий пяти планет и от трех университетов, включая Гарвард на Новой Земле. Она выбрала Найтенгельзер.

Сол не очень удивился, что его дочь решила специализироваться на археологии. Он до сих пор с нежностью вспоминал, как двухлетняя Рахиль целыми днями копалась под крыльцом в земле, не обращая внимания на пауков и тысяченожек, а затем врывалась в дом, чтобы похвастаться пластмассовыми тарелочками и позеленевшими пфеннигами, которые ей удавалось отыскать, и настойчиво допытывалась, откуда они там взялись и какими были люди, которые оставили все это под крыльцом?

Рахиль получила диплом о высшем образовании, когда ей исполнилось девятнадцать. Все лето она проработала на бабушкиной ферме, а осенью отправилась в свое первое нуль-путешествие. Она провела в Рейхсуниверситете Фрихольма

двадцать восемь локальных месяцев, а когда вернулась домой, жизнь Сола и Сары заиграла новыми красками.

В течение двух недель их дочь, теперь уже взрослая, здравомыслящая и уверенная в себе (пожалуй, даже более уверенная, чем многие люди старше ее годами), отдыхала и радовалась возвращению в родной дом. Как-то вечером, когда они с отцом прогуливались по учебному городку, она вдруг принялась расспрашивать Сола о его родословной.

— Пап, скажи, ты все еще считаешь себя евреем?

Удивленный вопросом дочери, Сол растерянно провел рукой по редеющим волосам.

— Евреем? Да, наверное. Хотя теперь это слово потеряло свой первоначальный смысл.

— И я еврейка? — спросила Рахиль. В неясном свете сумерек ее щеки горели румянцем.

— Если хочешь, можешь считать себя еврейкой, — ответил Сол. — Теперь, когда Старой Земли уже нет, все это больше не имеет значения.

— А если бы я была мальчиком, ты сделал бы мне обрезание?

Сол засмеялся, испытывая странное чувство растерянности и радости.

— Я говорю серьезно, — сказала Рахиль, Сол поправил очки.

— Не знаю, детка, но думаю, что сделал бы. Я никогда не размышлял на эту тему.

— Ты посещал синагогу в Буссарде?

— После моего бар мицва я там не был ни разу, — ответил Сол, и ему вспомнилось, как почти пятьдесят лет назад его отец взял «Виккен» дяди Ричарда и полетел со своей семьей в столицу, чтобы совершить торжественный ритуал.

— Отец, почему евреи относятся сейчас к этому не так… не так серьезно, как до Хиджры?

Сол развел руками — эти большие сильные руки скорее подошли бы каменщику, чем ученому.

— Хороший вопрос, Рахиль. Кто ж его знает, почему? Может быть, потому, что мечта теперь мертва бесповоротно. Нет больше Израиля. Новый Храм просуществовал совсем недолго — меньше, чем первый и второй. Бог нарушил Свое слово. Он вторично разрушил Землю точно таким же образом, как и в первый раз. И эта Диаспора… она навсегда.

— Но в некоторых местах евреи все же сохраняют свое этническое и религиозное своеобразие, — не уступала дочь.

— Да, конечно. На Хевроне и кое-где на Кон-

курсе можно встретить целые общины… Хасиды, ортодоксы, хасмониане, если ты говоришь о них… но все это какое-то… вторичное, утрированно живописное… Так, картинки для туристов.

— Нечто вроде тематического парка?

— Вот-вот.

— Ты мог бы отвезти меня завтра в храм Бетэль? Страйт я одолжу у Хаки.

— Зачем же? — возразил Сол. — Мы воспользуемся ракетопланом колледжа. — Да, — произнес он, помолчав, — я с большим удовольствием отвезу тебя завтра в синагогу.

Под старыми вязами становилось все темнее. Вдоль широкой дороги, которая вела к их дому, зажглись уличные фонари.

— Отец, — сказала Рахиль, — я хочу задать тебе вопрос, который задавала миллион раз с тех пор, как мне исполнилось два года. Ты веришь в Бога?

Сол посерьезнел. У него не было выбора — он и сейчас мог ответить ей лишь так, как отвечал миллион раз до этого.

— Я жду, — сказал он. — Жду, когда поверю.

Диссертация Рахили была посвящена артефактам иных цивилизаций. В течение трех стандартных лет Солу и Саре приходилось до-

вольствоваться случайными визитами дочери, за которыми следовали мультиграммы с различных экзотических планет, не входящих в Сеть, хотя и не очень удаленных от нее. Они прекрасно понимали, что ее исследования вскоре потребуют от нее более длительных отлучек в отдаленные миры за пределами Сети, где временной сдвиг съедает жизни и память тех, кто остался позади.

— Что это за планета такая, Гиперион? — спросила Сара у дочери, собиравшейся в очередную экспедицию. — Звучит как название какой-нибудь модной новинки для домашнего хозяйства.

— Это замечательное место, мама. Там обнаружено больше следов чужого разума, чем где-либо еще, за исключением Армагаста.

— А почему ты не хочешь на Армагаст? — поинтересовалась мать. — До него от Сети всего лишь несколько месяцев. Работать, так уж в самом интересном месте.

— Гиперион пока еще не превратился в парк для экскурсий, — ответила Рахиль. — Хотя и там туристы становятся серьезной проблемой. Люди с деньгами сейчас очень охотно путешествуют за пределами Сети.

Сол почувствовал, что голос его не слушается.

— И куда вы собираетесь, в лабиринт или к

месту, которое называют Гробницами Времени?

— К Гробницам Времени, отец. Я буду работать с доктором Мелио Арундесом, он знает о Гробницах Времени больше всех.

— А это не опасно? — спросил Сол, стараясь изо всех сил, чтобы его голос звучал естественно.

Рахиль улыбнулась.

— Ты вспомнил легенду о Шрайке? Не волнуйся, папа. Вот уже два века как эта пресловутая легенда никого не беспокоила.

— Но я читал, что во время второй колонизации… — начал Сол.

— Да, я тоже видела эти документы, папа. Но ведь они не знали тогда о гигантских скальных угрях, которые приползали в долину охотиться. Несколько человек пропали, а остальные подняли панику. Ты ведь знаешь, как рождаются легенды. К тому же охотники давно перебили всех угрей.

— Космические корабли там не садятся, — не сдавался Сол. — Тебе придется добираться до Гробниц Времени по воде. Или пешком. Или на какой-нибудь колымаге.

Рахиль рассмеялась.

— В старину люди, летавшие туда, недооценивали воздействие антиэнтропийных полей на

аппаратуру, и из-за этого произошло несколько аварий. Но сейчас туда летают дирижабли. А к северу от гор построили большой отель под названием «Башня Хроноса», и каждый год там останавливаются сотни туристов.

— Ты тоже в нем остановишься? — спросила Сара.

— На какое-то время. Мама, это будет такая замечательная экспедиция!

— Надеюсь, не чересчур, — сказала Сара, и все улыбнулись.

В течение четырех лет, пока Рахиль была в пути (для нее — несколько недель криогенной фуги), Сол безумно скучал по ней, гораздо сильнее, чем если бы она безвылазно просидела, не давая о себе знать, в каком-нибудь глухом уголке Сети. Сама мысль о том, что дочь удаляется от него со скоростью, превышающей скорость света, укрытая непроницаемым квантовым коконом поля Хоукинга, представлялась ему противоестественной и зловещей.

Они с женой продолжали работать. Сара оставила музыкальную критику и погрузилась в проблемы планетарной экологии. Для Сола эти годы оказались одними из самых насыщенных в жизни. Были опубликованы вторая и третья

его книги, и вторая — «Поворотные пункты морали» — вызвала к автору такой интерес, что его буквально засыпали приглашениями на всевозможные конференции и симпозиумы в разных мирах. Пару раз он летал на них один, потом с Сарой, но хотя путешествия всегда казались им чем-то очень романтичным, знакомство с непривычными кушаньями, иной силой тяжести и светом чужих солнц быстро отрезвило их, и Сол все чаще участвовал в этих конференциях (если не удавалось отвертеться), не выходя из дома и не отрываясь от изучения материалов для новой книги, — посредством интерактивной голографической станции колледжа.

Прошло почти пять лет с того дня, как Рахиль отправилась в экспедицию, когда Сол увидел сон, изменивший всю его жизнь.

Солу приснилось, что он бродит по какому-то огромному зданию с колоннами, похожими на секвойи, и потолком таким высоким, что его нельзя разглядеть, но сквозь который сверху падали столбы красного света. Временами в полумраке что-то смутно мелькало — то слева, то справа от него; один раз он различил две каменные ноги, вздымавшиеся в темноте подобно башням, в другой раз заметил нечто похожее на хрустального

скарабея, кружившего над ним; внутренности насекомого горели холодным огнем.

Наконец Сол остановился передохнуть. Откуда-то сзади доносились гул и треск, словно отголоски гигантского пожара, пожиравшего целые города и леса. А впереди, там, куда он направлялся, пылали два багровых овала.

Он стал вытирать пот со лба, и тут раздался громовой голос:

> «Сол! Возьми дочь твою, единственную твою, которую ты любишь, Рахиль; и отправляйся в мир, называемый Гиперион, и там принеси ее во всесожжение в месте, о котором Я скажу тебе».[32]

Сол, не просыпаясь, ответил: «Ты что, шутишь?» — и двинулся дальше сквозь мрак. Теперь красные шары, подобно кровавым лунам, повисли над какой-то смутно различимой равниной, и, когда он вновь остановился отдохнуть, раздался все тот же громовой голос:

---

[32] Примечания: 32

Ср. Бытие 22:2: «Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе».
Мориа — гора в Иерусалиме, на которой Соломон воздвиг храм.

«Сол! Возьми дочь твою, единственную твою, которую ты любишь, Рахиль; и отправляйся в мир, называемый Гиперион, и там принеси ее во всесожжение в месте, о котором Я скажу тебе».

Сол стряхнул со своих плеч тяжесть голоса и четко произнес в темноту: «Я и в первый раз тебя слышал… Нет и еще раз нет».

Сол понимал, что это сон, и какая-то часть его сознания наслаждалась иронией этого мрачного сценария, но другая часть жаждала только одного — пробуждения. Но он не проснулся, а внезапно оказался на низкой галерее, выходящей в комнату, где на широкой каменной плите лежала обнаженная Рахиль. Сцену заливал свет пары красных шаров. Сол взглянул на свою правую руку и увидел в ней длинный кривой нож. И лезвие, и рукоятка казались сделанными из кости.

Снова раздался голос, который и прежде звучал словно голос божества в постановке заштатного режиссеришки, а сейчас — и подавно. Он произнес:

«Сол, слушай меня внимательно. От твоего повиновения зависит будущее человечества. Ты должен взять дочь твою,

единственную твою, которую ты любишь, Рахиль; отправляйся в мир, называемый Гиперион, и там принеси ее во всесожжение в месте, о котором Я скажу тебе».

Сол, которому чертовски надоело все это, повернулся и швырнул нож в темноту. Когда же он оглянулся, чтобы увидеть дочь, все исчезло. Красные шары заметно приблизились, и Сол разглядел, что это многогранные кристаллы, размером с небольшую планету каждый.

Снова раздался громоподобный голос:

«Что ж, у тебя был шанс, Сол Вайнтрауб. Если ты передумаешь, тебе известно, где меня найти».

Похолодев от неясного предчувствия, Сол проснулся — и тут же рассмеялся. Его забавляла мысль, что Талмуд и Ветхий Завет могут оказаться просто заезженной космической байкой.

Когда Солу приснился его сон, подходил к концу первый год работы экспедиции Рахили на Гиперионе. Группа из девяти археологов и шести физиков нашла Башню Хроноса прелестной, но уж слишком переполненной туристами и потенциальными паломниками к Шрайку, поэтому,

прожив месяц в гостинице, они разбили постоянный лагерь на полпути между развалинами города и неглубоким каньоном, в котором и находились Гробницы Времени.

В то время как половина группы занималась раскопками новейшей части недостроенного города, Рахиль с двумя помощниками составляла подробное описание каждой Гробницы. Физиков безумно восхищали антиэнтропийные поля, и большую часть своего времени они проводили, отмечая разноцветными флажками границы так называемых временных приливов.

Группа Рахили сосредоточила свое внимание на сооружении, именуемом Сфинксом, хотя это высеченное из камня существо не имело ничего общего ни с человеком, ни со львом. Возможно, это было даже и не существо, хотя плавные очертания верхней части каменного монолита вызывали ассоциации с телом животного, а раскинутые отростки наводили на мысль о крыльях. В отличие от других Гробниц, открытых нараспашку, благодаря чему их исследование не представляло особого труда, Сфинкс был сложен из множества тяжелых блоков, пронизанных узкими коридорами, то сжимавшимися в тонкую щель, то превращавшимися в самую настоящую

улицу, но так никуда и не приводившим. Здесь не было ни склепов, ни сокровищниц, ни разграбленных саркофагов, ни настенных фресок, ни тайных проходов — только бессмысленный лабиринт коридоров в толще сочащегося влагой камня.

Рахиль и ставший ее любовником Мелио Арундес начали составлять карту Сфинкса, пользуясь методом, который применялся по меньшей мере уже семьсот лет, а впервые был испробован при изучении египетских пирамид еще в двадцатом веке. Установив чувствительные детекторы радиации и космических лучей в самой нижней точке Сфинкса, они регистрировали траектории частиц, прошедших через массу камня над ними, пытаясь таким путем обнаружить скрытые комнаты или проходы, не выявленные даже глубинным радаром. Из-за наплыва туристов и негативного отношения Комитета местного самоуправления к подобным исследованиям (чиновники опасались, что археологи повредят Гробницы) Рахиль и Мелио работали по ночам: выйдя в полночь из лагеря, они за полчаса добирались пешком до Сфинкса, а потом ползли через лабиринт коридоров, освещенных голубыми люм-шарами, на свою площадку. Там, под

сотнями тысяч тонн камня, они до утра сидели за приборами, вылавливая из треска наушников звон частиц, рожденных в чреве умирающих звезд.

Временные приливы почти не мешали исследованию Сфинкса. Оказалось, что эта гробница слабее других защищена антиэнтропийными полями, и физики сумели точно определить те периоды, когда повышение прилива грозило неприятностями. Высокий прилив начинался в 10:00, а уже через двадцать минут он откатывался к Нефритовой Гробнице, расположенной в пятистах метрах к югу. Туристам разрешалось приближаться к Сфинксу после 12:00, а чтобы застраховаться от непредвиденных случайностей, все покидали площадку к 09:00. Кроме того, в различных точках вдоль дорожек и тропинок между Гробницами физики установили хронотропные датчики, которые при изменении высоты прилива включали мониторы, а также предупреждали посетителей об опасности.

Это случилось ночью, за три недели до первой годовщины работы экспедиции на Гиперионе. Стараясь не разбудить любимого, Рахиль поднялась, села в джип и отправилась к Гробницам. Они с Мелио решили, что дежурить у приборов каж-

дую ночь обоим глупо, и теперь чередовались: один работал на площадке, другой в это время готовил исходные данные для заключительного этапа работ — радарного картографирования дюн между Нефритовой Гробницей и Обелиском.

Ночь была прохладна и прекрасна. Мириады звезд — вчетверо, а то и впятеро больше, чем на небе Мира Барнарда, — рассыпались от горизонта до горизонта. С гор, расположенных на юге, дул сильный ветер, и казалось, дюны шевелятся и что-то шепчут.

Лампы на площадке еще горели. Физики заканчивали работу и грузили оборудование на свой джип. Она поболтала с ними, потом, когда они уехали, выпила чашку кофе, взяла ранец и отправилась в двадцатипятиминутное путешествие по коридорам Сфинкса.

Наверное, в сотый раз она принялась гадать, кто построил эти Гробницы и с какой целью. Попытки определить возраст строительных материалов оказались безрезультатными из-за воздействия антиэнтропийного поля. Только сопоставление состояния Гробниц с эрозией каньона и другими геологическими характеристиками района позволило предположить, что им не меньше полумиллиона лет. Почему-то все считали, что

создатели Гробниц Времени были гуманоидами, хотя ничто не давало оснований для этого предположения, кроме величины сооружений. Правда, кое-какую пищу для размышлений давали коридоры Сфинкса: некоторые из них по размерам и форме вполне подходили для людей; однако через несколько метров тот же самый коридор мог превратиться в трубу не шире канализационной или в нечто превосходящее масштабами и причудливостью очертаний естественные пещеры. Дверные проемы, если их можно было так назвать, ибо они никуда не вели, бывали прямоугольными, а иногда треугольными, трапециевидными или вообще десятиугольными.

Последние двадцать метров Рахиль ползла вниз по крутому полу, толкая перед собой ранец. Холодный свет голубых люм-шаров придавал поверхности камня и коже неприятный мертвенно-серый оттенок. А в «подвале», как его называли археологи, царил привычный и довольно уютный беспорядок. В центре этого пятачка стояло несколько складных стульев, детекторы, осциллоскопы и прочие научные причиндалы разместились на узком столике у северной стены. Возле другой стены — доска на козлах, на которой сгрудились кофейные чашки, шахматы,

недоеденные пончики, две потрепанные книжки и пластмассовая игрушка, изображавшая что-то вроде собаки в юбочке из травы.

Рахиль разобрала свои вещи, поставила термос с горячим кофе рядом с игрушкой и проверила детекторы космических лучей. Приборы показывали все то же: ни скрытых комнат, ни переходов — лишь несколько ниш, которые не обнаружил даже глубинный радар. Утром Мелио и Стефан запустят дистанционный зонд, чтобы осмотреть их изнутри и взять пробы воздуха, а затем с помощью микроманипулятора приступят к дальнейшим раскопкам. С десяток таких ниш оказались совершенно пустыми. В лагере шутили, что в следующей дыре величиной не больше кулака окажутся миниатюрные саркофаги, крошечные урны и маленькая мумия, или (как говорил Мелио) «малюсенький Тутанхамончик».

Рахиль по привычке проверила линию связи комлога. Тишина. Неудивительно — ведь над ней сорок метров камня. Была идея провести из «подвала» на поверхность телефонную связь, но острой необходимости в ней не возникало, а теперь и работа подходила к концу. Рахиль переключила входные каналы комлога непосредственно на детекторы, а затем устроилась

поудобнее, готовясь к долгому, утомительному дежурству.

Существовала забавная легенда об одном из фараонов Старой Земли (кажется, его звали Хеопс), который воздвиг для себя огромную пирамиду, причем его усыпальница должна была находиться в центре этого сооружения, в самом низу, а затем много лет в ужасе просыпался по ночам, терзаемый клаустрофобией, и гнал от себя мысль обо всех этих тоннах камня, которые вечно будут давить на него. В конце концов фараон приказал, чтобы усыпальницу переместили вверх, на высоту двух третей этой гигантской пирамиды. Весьма неортодоксально. Однако Рахиль понимала состояние фараона. Она надеялась, что, где бы он ни находился теперь, ему спится лучше.

Рахиль уже почти засыпала, когда в 02:15 комлог неожиданно зачирикал, затрещали детекторы, и ее буквально подбросило в воздух. Согласно показаниям датчиков, в Сфинксе внезапно появилась дюжина новых комнат, причем некоторые из них своими размерами превосходили все сооружение в целом. Рахиль включила дисплеи, и воздух запестрел моделями, которые изменялись у нее на глазах. Схема коридоров перекручивалась и поворачивалась, словно же-

лая превратиться в причудливый лист Мебиуса. Внешние датчики утверждали, что под воздействием ветра верхняя часть Гробницы изгибается и колышется, словно полотнище полифлекса на ветру… или крылья.

Рахиль поняла, что произошло что-то вроде одновременного сбоя всей аппаратуры, и, педантично продиктовав комлогу сообщение о ЧП и свои впечатления, занялась перекалибровкой приборов. А затем случилось сразу несколько событий.

Рахиль услышала шарканье ног в коридоре над ее головой.

Одновременно выключились все дисплеи.

Где-то в лабиринте коридоров загудел сигнал тревоги, предупреждающей о временном приливе.

Все лампы погасли.

Последнее было совсем уж непонятно. Все приборы имели автономные источники питания и поэтому должны были работать даже после ядерного взрыва. Лампочки, которые освещали «подвал», получали энергию от свежей батареи с десятилетним ресурсом. Люм-шары в коридорах были биолюминесцентными и ни в каких батареях не нуждались.

Тем не менее свет погас. Рахиль вытащила из набедренного кармана комбинезона лазерный фонарь и нажала на кнопку. Никакого результата.

Впервые в жизни сердце Рахили Вайнтрауб оледенело от ужаса, словно его стиснула чья-то рука. У нее перехватило дыхание. Заткнув уши, она секунд десять сидела неподвижно, заставив себя переждать приступ страха. Успокоившись, она несколько раз глубоко вздохнула, ощупью нашла приборы и включила их. Никакой реакции. Рахиль подняла свой комлог и пробежала пальцами по клавиатуре. Опять ничего… Это было совершенно невозможно, принимая во внимание неуязвимость твердотельных схем и надежность батареи устройства. И тем не менее — ничего.

Рахиль слышала, как пульс колотится у нее в висках, но, усилием воли подавив подымающуюся волну страха, она принялась искать дорогу к единственному выходу отсюда. Мысль о том, что ей придется пробираться по лабиринту в абсолютной темноте, едва не заставила ее закричать, но ничего иного придумать она не могла.

Стоп. Ведь в лабиринте Сфинкса была старая осветительная проводка, а они развесили на ней люм-шары. *Развесили.* Выходит, там должна быть

перлоновая линия, соединяющая их на протяжении всего пути к поверхности.

Отлично. Рахиль стала ощупью пробираться к выходу из подвала, пока ее пальцы не коснулись холодного камня. Неужели он и раньше был таким холодным?

Внезапно она услышала отчетливое поскрипывание, словно кто-то спускался по коридору, царапая по пути камень.

— Мелио? — крикнула она в темноту. — Таня? Курт?

Поскрипывание приближалось. Рахиль попятилась, опрокинув в темноте какой-то прибор и стул. Что-то коснулось ее волос, и, затаив дыхание, она подняла руку.

Потолок стал ниже. Пока она поднимала другую руку, эта квадратная каменная плита пяти метров в поперечнике опустилась еще ниже. Вход в коридор! Он ведь почти в двух метрах от пола… Выставив перед собой руки, как слепая, Рахиль кинулась к нему. Она споткнулась о складной стул, потом нащупала стол для приборов и, держась за него, добралась до стены в тот самый момент, когда опускающийся потолок подползал к нижнему краю отверстия. Она быстро выдернула пальцы из сужавшейся щели и села на пол.

Через несколько секунд заскрипел осциллоскоп, потом стол под ним затрещал и развалился. Рахиль в ужасе затрясла головой. И тут совсем рядом с ней раздался тихий — не громче вздоха — металлический скрежет. Она отшатнулась и растянулась на полу, заваленном разбитым оборудованием. Металлическое дыхание стало громче.

Что-то острое и неимоверно холодное схватило ее за руку.

И тут она наконец закричала.

В те дни на Гиперионе не было мультипередатчиков. Не было устройств для сверхсветовой связи и на спин-звездолете «Фарро-Сити». Поэтому Сол и Сара узнали о несчастном случае с дочерью только из мультиграммы консульства Гегемонии на Парвати, направленной непосредственно в колледж; в ней говорилось, что Рахиль была ранена, что жизнь ее вне опасности, хотя она до сих пор не пришла в сознание, и что ее отправили на санитарном «факельщике» с Парвати в Сеть, на Возрождение-Вектор. Путешествие должно было занять немногим более десяти суток корабельного времени при объективном пятимесячном запаздывании. Эти пять месяцев превратились для Сола и его жены в настоящую

пытку, и когда санитарный звездолет причалил наконец к нуль-терминатору «Возрождение», они были готовы к самому худшему. Прошло восемь лет с тех пор, как они последний раз видели Рахиль.

Медицинский центр Да Винчи представлял собой плавающую башню, поддерживаемую на поверхности воды с помощью направленных пучков энергии. От вида на море Комо просто дух захватывало, но Солу и Саре было не до пейзажей, когда они обходили один уровень за другим в поисках Рахили. Доктор Сингх и Мелио Арундес встретили их в осевом холле отделения интенсивной терапии. Представились они на ходу.

— Как Рахиль? — спросила Сара.

— Спит, — ответила доктор Сингх, высокая женщина с надменными чертами лица и добрыми глазами. — Насколько мы можем судить, Рахиль не получила никаких физических… гм… повреждений. Но она оставалась без сознания семнадцать стандартных недель своего субъективного времени. Только десять дней назад на ее энцефалограмме появились ритмы обычного глубокого сна, а не комы.

— Не понимаю, — пробормотал Сол. — Что-то случилось на раскопках? Ее контузило?

— Что-то там произошло, — ответил Мелио Арундес, — но вот что? Мы можем только гадать. Рахиль находилась в одном из сооружений… одна… Ее комлог и другие приборы не зарегистрировали ничего необычного. Однако в это время произошло резкое усиление местной аномалии — так называемого антиэнтропийного поля…

— Временные приливы, — сказал Сол. — Мы знаем о них. Дальше.

Арундес кивнул и раскинул руки, словно обхватывая воздух.

— Произошел… всплеск поля… скорее цунами, чем прилив… Сфинкс… сооружение, в котором находилась Рахиль… полностью затопило. То есть физических повреждений не было никаких, но когда мы разыскали Рахиль, она была без сознания. — Он беспомощно повернулся к доктору Сингх.

— Ваша дочь была в коме, — сказала доктор. — Это состояние не позволило подвергнуть ее криогенной фуге…

— Значит, Рахиль совершила квантовый прыжок, не защищенная фугой? — Сол побледнел. Ему приходилось читать, какие психические травмы получают путешественники, испытавшие на себе воздействие эффекта Хоукинга.

— Нет, — поспешила успокоить его доктор Сингх. — Состояние, в котором она находилась, предохраняет ничуть не хуже фуги.

— Ей больно? — тихо спросила Сара.

— Мы не знаем, — ответила доктор Сингх. — Все симптомы свидетельствуют о возвращении к норме. Активность мозга приближается к обычному уровню. Проблема в том, что ее тело как бы поглотило… что она оказалась как бы зараженной антиэнтропийным полем.

Сол потер лоб:

— Что-то вроде наведенной радиации?

Доктор Сингх замялась:

— Не совсем… Этот случай абсолютно беспрецедентен. Сегодня после полудня сюда должны прибыть специалисты по геронтопатологии ТК-Центра, Лузуса и Метаксаса.

Сол посмотрел ей в глаза:

— Доктор, вы хотите сказать, что Рахиль заболела на Гиперионе какой-то геронтопатией? — Он на секунду замолчал, роясь в памяти. — Что-нибудь вроде синдрома Мафусаила или ранней болезни Альцгеймера?

— Нет, — ответила Сингх. — То, чем больна ваша дочь, названия не имеет. Здешние медики называют это болезнью Мерлина. Видите ли…

процесс старения вашей дочери протекает с нормальной скоростью… но, как нам кажется, в обратном направлении.

Сара отшатнулась и посмотрела на нее, как на сумасшедшую.

— Я хочу увидеть мою дочь, — произнесла она негромко, но очень твердо. — Я хочу увидеть ее сейчас же.

Рахиль проснулась примерно через сорок часов после прихода Сола и Сары. Почти сразу же она села в кровати и заговорила с ними, не обращая ни малейшего внимания на суетившихся вокруг нее врачей и техников.

— Мама! Папа! Как вы здесь оказались? — Но прежде чем кто-либо успел ей ответить, она огляделась и удивленно заморгала. — Постойте-ка, а где это — здесь? Мы в Китсе?

Мать взяла ее за руку:

— Это клиника в Да Винчи, доченька. На Возрождении-Вектор.

Глаза Рахили расширились, что со стороны выглядело довольно комично.

— Возрождение? Так мы в Сети? — В полной растерянности она огляделась по сторонам.

— Рахиль, что тебе запомнилось последним? — спросила ее доктор Сингх.

Девушка недоуменно посмотрела на нее:

— Последнее? Я… я помню, как заснула рядом с Мелио после… — Она бросила взгляд на своих родителей и коснулась щек кончиками пальцев. — Мелио? И все другие? Они…

— Все члены экспедиции живы и здоровы, — успокоила ее Сингх. — Произошел небольшой несчастный случай. С тех пор прошло уже около семнадцати недель. Вы снова в Сети. В безопасности. И у ваших коллег все в порядке.

— Семнадцать недель… — Лицо Рахили под остатками загара побледнело.

Сол взял ее за руку:

— Как ты себя чувствуешь, детка?

Она пожала ему руку в ответ… так слабо, что у него заныло сердце.

— Я не знаю, папа, — с трудом проговорила она. — Я устала. Голова кружится. Все путается.

Сара села к ней на кровать и обняла ее:

— Все в порядке, девочка. Теперь все будет в полном порядке.

В комнату вошел Мелио, небритый, с волосами, взъерошенными после непродолжительного сна в приемном покое.

— Рахиль? — заговорил он.

Рахиль, спрятавшись в материнских объятиях,

робко посмотрела на него.

— Привет, — ответила она тихонько. — Я вернулась.

Сол давно пришел к выводу, что медицина практически не изменилась со времен пиявок и припарок. Сейчас больных вращают в центрифугах, подвергают воздействию переменных магнитных полей, бомбардируют ультразвуком, копаются в клетках, кромсают ДНК, а затем с умным видом расписываются в своем невежестве. Изменились только гонорары — стали больше.

Он дремал в кресле, когда голос Рахили разбудил его.

— Папа?

Он сразу выпрямился и взял ее за руку:

— Я здесь, детка.

— Папа, где я? Что случилось?

— Ты в клинике на Возрождении, детка. На Гиперионе с тобой произошел несчастный случай. Сейчас все в порядке, за исключением небольшого провала в памяти.

Рахиль крепко сжала его руку.

— Клиника? В Сети? Как я сюда попала? Я здесь давно?

— Почти пять недель, — прошептал Сол. — Что тебе запомнилось последним, Рахиль?

Она откинулась на подушку и дотронулась рукой до лба, тут же почувствовав укрепленные там миниатюрные датчики.

— Мелио и я пришли с собрания. Мы обсуждали способы исследования Сфинкса. О… папа… я ведь еще не рассказала тебе про Мелио… мы…

— Да, да, — поторопился успокоить ее Сол. — Послушай вот это, дочка. — И, вручив Рахили ее комлог, он быстро вышел из палаты.

Рахиль включила комлог и растерянно заморгала, услышав собственный голос.

Привет, Рахиль, ты только что проснулась. У тебя все перепуталось в голове, и ты не знаешь, как попала сюда. С тобой что-то случилось, детка. Сиди и слушай.

Я записываю это в двенадцатый день десятого месяца 457 года Хиджры, или 2739 года по старому летосчислению. Да, конечно, я знаю, что прошло полстандартного года после того события, которое запомнилось тебе последним. Слушай же.

В Сфинксе что-то случилось. Тебя накрыл временной прилив. Он изменил тебя. Ты теперь стареешь вспять, как бы нелепо это ни звучало. Твой организм становится моложе каждую минуту, хотя пока это не столь важно. Когда ты

спишь… когда мы спим… ты все забываешь. Из памяти исчезает еще один день до происшествия, а вместе с ним — все, что ты узнала. Не спрашивай меня почему. Врачи ничего не знают. Эксперты ничего не знают. Если тебе нужна аналогия, представь себе «червяка» — это компьютерный вирус, один из самых старых — как он съедает информацию в твоем комлоге в обратном порядке, начиная с самой последней записи.

Им неизвестно, почему ты теряешь память во время сна. Они пробовали удерживать тебя в бодрствующем состоянии, но примерно через тридцать часов ты на какое-то время погружаешься в кататонию, и вирус снова делает свое дело. Старайся, не старайся — один черт.

Знаешь, этот разговор о себе во втором лице — своего рода терапия. И в самом деле, я лежу здесь и жду, когда меня повезут на очередной сеанс имидж-терапии, и в то же время знаю, что засну, когда вернусь назад… и снова все забуду… и у меня сводит живот от страха.

Ну хорошо, набери на пульте «память оперативная», и ты получишь увлекательный рассказ обо всем, что произошло с тобой после несчастного случая. Да, мама и папа… Они были здесь, и они знают о Мелио. Но я-то знаю теперь мень-

ше, чем раньше. Когда мы начали заниматься любовью? Через два месяца после прибытия на Гиперион? Значит, у нас осталось всего лишь несколько недель, слышишь, Рахиль, а после этого мы будем просто знакомы. Радуйся своим воспоминаниям, детка, пока можешь.

Это вчерашняя Рахиль. Конец.

Войдя в палату, Сол увидел, что его дочь, выпрямившись, сидит в кровати, крепко сжимая комлог. Ее лицо побледнело и исказилось от ужаса.

— Папа…

Он подошел, сел с ней рядом и дал ей выплакаться… в двадцатый раз подряд.

Спустя восемь стандартных недель после того, как Рахиль доставили на Возрождение, Сол и Сара попрощались с ней и Мелио в пассажирском нуль-комплексе Да Винчи и отправились домой на Мир Барнарда.

— По-моему, ей не следовало покидать клинику, — проворчала Сара, когда они на вечернем челноке летели в Кроуфорд. Под ними расстилались пестрые прямоугольники ожидающих жатвы полей.

— Мать… — Сол тронул ее за колено. — Ты же видишь, доктора готовы вечно держать ее там. Но

они это делают для удовлетворения собственного любопытства. Они испробовали все что могли, стараясь помочь ей, и… ничего. А ей ведь надо как-то прожить свою жизнь.

— Но почему она едет с ним… с этим парнем? — недоумевала Сара. — Она почти не знает его.

Сол вздохнул и откинулся на подушки сиденья.

— Через две недели она совсем забудет его, — сказал он. — По крайней мере их больше ничто не будет связывать. Взгляни на это с ее точки зрения, мать. Каково ей бороться каждый день, чтобы заново сориентироваться в обезумевшем мире. Ей двадцать пять лет, и она влюблена. Пусть будет счастлива пока может.

Сара повернулась к окну, и супруги стали молча глядеть на закатное солнце, висевшее над горизонтом, словно красный воздушный шар.

* * *

У Сола уже начался второй семестр, когда наконец позвонила Рахиль. Это было одностороннее сообщение, переданное по нуль-каналу Фрихольма, и ее изображение, повисшее в центре старой голониши, походило скорее на призрак.

— Привет, ма. Привет, па. Не сердитесь, что я

несколько недель не звонила и не писала. Вы уже, наверное, знаете, что я бросила университет. И Мелио тоже. Продолжать занятия было просто глупо. Я во вторник забываю, о чем нам говорили в понедельник. Даже диски и комлоги не помогают. Я могла бы снова записаться на подготовительный курс… Его я помню хорошо. Шутка. И с Мелио мне тоже было очень трудно. По крайней мере, судя по моим запискам. Он не виноват, я уверена. Он был нежен и терпелив со мною и любил меня до самого конца. Просто дело в том, что… такие отношения нельзя начинать заново каждый день. Наша квартира битком набита нашими фотографиями, записками, которые я писала самой себе о нас, нашими голограммами, сделанными на Гиперионе, но… вы понимаете. Утром я воспринимаю его как совершенно незнакомого человека. Днем начинаю верить, что между нами что-то было, однако вспомнить ничего не могу. К вечеру рыдаю в его объятиях… ну а потом рано или поздно засыпаю. Так что все правильно.

Изображение Рахили заколыхалось, словно она собиралась разомкнуть контакт, а затем вновь стало устойчивым. Она улыбнулась.

— Во всяком случае, я пока бросила учебу. Ме-

дицинский центр Фрихольма предлагает мне постоянную должность, но им придется встать в очередь… Я получила предложение из научно-исследовательского института Тау-Кита, которое трудно отклонить. Они мне предлагают… кажется, это у них называется «исследовательский гонорар»… так вот, за четыре года в Найтенгельзере и за все обучение в Рейхсе мы столько не заплатили. Я не стала с ними связываться. Я все еще амбулаторная больная, но трансплантации рибонуклеиновой кислоты не приносят мне ничего хорошего, кроме депрессии и синяков, и само собой, что у меня всегда депрессия: ведь утром я никак не могу вспомнить, откуда взялись синяки. Ха-ха.

Во всяком случае, я тут еще немного поживу с Таней, а затем, может быть… я подумала, может быть, я на время приеду домой? Во втором месяце мой день рождения… Мне снова будет двадцать два. Странно, да? Во всяком случае, намного легче находиться среди знакомых, а с Таней я познакомилась сразу же, когда приехала сюда. Мне тогда исполнилось двадцать два… Я думаю, вы все поняли.

Да… Моя старая комната все еще моя, мама, или ты превратила ее в игровой зал для ма-джон-

га, как всегда грозилась? Напишите мне или позвоните. В следующий раз я раскошелюсь на двустороннюю связь, и мы поговорим по-настоящему. Я просто… я подумала… — Рахиль помахала рукой. — Ухожу. Счастливо, аллигаторы. Я люблю вас.

До дня рождения Рахили оставалась неделя, когда Сол полетел в Буссард-Сити, чтобы встретить ее на единственном в этом мире пассажирском нуль-Т-терминале. Он увидел ее первый — она стояла с вещами у цветочных часов. Выглядела она молодо, но не намного моложе, чем при расставании на Возрождении-Вектор. Нет, вдруг понял Сол, в ее позе появилась какая-то неуверенность. Он тряхнул головой, отгоняя эту грустную мысль, окликнул дочь, подбежал к ней и обнял.

Ее лицо было таким растерянным, что у него опустились руки.

— Что с тобой, милая? Что-нибудь не так?

Видно было, что ей трудно подыскать слова — раньше с ней такое случалось крайне редко.

— Я… ты… я забыла, — запинаясь, пробормотала она. Знакомым движением тряхнув головой, она заплакала и рассмеялась сквозь слезы. — Ты как-то непривычно выглядишь, отец. Я помню, как мы прощались здесь. Это было… ну прямо…

вчера. А сейчас я увидела… твои волосы… — Она поспешно прикрыла рот рукой.

Сол провел рукой по голове.

— Ах да, — сказал он, внезапно почувствовав, что тоже готов одновременно смеяться и плакать. — Все это твоя учеба и путешествия. Как-никак прошло больше одиннадцати лет. Я постарел. И полысел. — Он снова ее обнял. — Добро пожаловать, моя маленькая.

Рахиль прижалась к нему, спрятав лицо у него на груди.

Несколько месяцев было совсем неплохо. Рахиль чувствовала себя более уверенно в знакомой обстановке, и Сара, радуясь, что дочь с ней рядом, меньше думала о ее болезни.

Каждый день Рахиль просыпалась рано утром и просматривала свое личное «ориентировочное шоу», которое, как было известно Солу, содержало голограммы его и Сары, таких, какие они сейчас, то есть на дюжину лет старше, чем Рахиль их помнила. Сол пытался представить, что она чувствует при этом. Вот она просыпается в своей постели, твердо зная, что ей двадцать два года, она дома, на каникулах и собирается вновь покинуть Барнард, чтобы продолжить учебу, а кончается все это тем, что она видит

своих внезапно постаревших родителей, сотню мелких изменений в доме, в городе, множество новшеств… Годы неумолимо проходят мимо нее.

Нет, он не мог представить себе это.

Первой их ошибкой было то, что они послушались Рахиль и пригласили ее старых друзей отпраздновать ее двадцатидвухлетие — ту же самую компанию, что отмечала эту дату в первый раз: неутомимая Ники, Дон Стюарт и его приятель Говард, Кати Обег и Марта Тин, ее лучшая подруга Линна Маккайлер — все только что окончившие колледж, сбросившие кокон детства, чтобы начать новую, взрослую жизнь.

Рахиль видела их всех после своего возвращения. Но она уснула… и забыла. А Солу и Саре как-то не пришло в голову, что Рахиль все забыла.

Ники было тридцать четыре года, она воспитывала двоих детей — все такая же энергичная и неутомимая, но старушка в глазах Рахили. Дон и Говард беседовали о своих инвестициях и спортивных достижениях своих детей, которых вскоре ожидали на каникулы. Кати вела себя скованно: она обменялась с Рахилью всего парой фраз, да и то с таким видом, будто считала ее аферисткой, которая всем морочит голову. Марта открыто завидовала ее молодости. Линна, кото-

рая за эти годы стала ревностной поклонницей дзен-гностицизма, расплакалась и очень скоро ушла.

Когда все разошлись, Рахиль сидела за неубранным столом и пристально разглядывала недоеденный именинный пирог. Она не плакала. Прежде чем подняться к себе наверх, она обняла мать и прошептала отцу:

— Папа, пожалуйста, не слушайся меня больше, если мне захочется чего-нибудь в этом роде.

Затем она поднялась наверх и легла спать.

Весной Солу снова приснился тот сон. Снова он заблудился в огромном темном помещении, освещенном двумя красными шарами. Но на этот раз ему было не до смеха, когда все тот же голос монотонно произнес:

> «Сол! Возьми дочь твою, твою единственную, которую ты любишь, Рахиль; и отправляйся в мир, называемый Гиперион, и там принеси ее во всесожжение в месте, о котором Я скажу тебе».

Сол закричал в темноту: «Она уже принадлежит тебе, мерзавец! Что я должен сделать, чтобы вернуть ее назад? Скажи! Скажи мне, будь ты

проклят!» Он проснулся весь в поту, со слезами на глазах и сердцем, горящим от гнева. Из соседней комнаты до него доносилось дыхание дочери; она мирно спала, и в это время ее пожирал огромный червь.

После этого Сол, словно одержимый, стал собирать информацию о Гиперионе, Гробницах Времени и Шрайке. Исследователь с огромным опытом, он был поражен скудостью надежных данных об этом поразительном феномене. Разумеется, существовала Церковь Шрайка (на Барнарде ее святилищ не было, но в Сети их насчитывалось достаточно), однако очень быстро он убедился, что искать надежную информацию о Шрайке в священных книгах его церкви — все равно что изучать географию Сарнатха,[33] посещая буддийские монастыри. Время упоминалось в догмате Церкви Шрайка, но лишь в том смысле, что Шрайк считался «…Ангелом Возмездия, пребывающим вне времени» и что подлинное время кончилось для человечества с гибелью Старой Земли, а четыре столетия, прошедшие с тех пор, есть не что иное, как «ложное время».

[33] Примечания: 33

Сарнатх, или Олений парк — место, где Будда произнес первую проповедь. Находится недалеко от Бенареса.

Сол понял, что все эти трактаты представляют собой обычную смесь лицемерной болтовни и ковыряния в собственном пупке, характерную для большинства религий. Тем не менее он собирался посетить одно из святилищ Шрайка, когда более серьезные пути исследования окажутся исчерпанными.

Мелио Арундес тем временем снарядил на Гиперион еще одну экспедицию (средства снова выделил Рейхсуниверситет). Ее целью было изучение временных приливов и выявление фактора, вызвавшего у Рахили болезнь Мерлина. Гиперион получил наконец статус протектората, и на этот раз экспедиция везла с собой мультипередатчик — его предполагалось установить в консульстве Гегемонии в Китсе. Однако в Сети пройдет еще три года, прежде чем экспедиция прибудет на Гиперион. Первым побуждением Сола было бросить все и лететь с Арундесом и его группой к месту событий. Но он быстро справился со своим порывом. Историку и философу там делать нечего: даже в лучшем случае его вклад в успех экспедиции будет невелик. Рахиль кое-какие навыки и познания в археологии еще сохраняла, но они убывали с каждым днем, а ее присутствие на месте происшествия вряд

ли поможет ученым. Для самой же Рахили это обернется ежедневным кошмаром пробуждения в незнакомом мире, где от нее потребуется позабытая ею сноровка. Сара этого ни за что не допустит.

Сол отложил книгу, над которой работал — анализ кьеркегоровской теории этики как моральной диалектики применительно к правовому механизму Гегемонии, — и сосредоточился на изучении нетрадиционных взглядов на природу времени, на Гиперионе, а также на истории Авраама.

Однако месяцы, проведенные за обычными делами и сбором информации, только усилили его жажду действия. Время от времени он отводил душу на всевозможных медицинских светилах, которые потянулись к Вайнтраубам, словно паломники к святыне.

— Как, черт возьми, это может быть! — обрушился он на чопорного специалиста, на свою беду решившего проявить снисходительность к отцу пациентки. Врач был настолько безволосым, что его лицо казалось нарисованным на бильярдном шаре. — Она становится все меньше! — кричал Сол, чуть не за ворот хватая пятившегося специалиста. — Внешне это не очень заметно, но

уменьшается костная масса. Понятно вам? Как это может быть, что она опять становится ребенком? Как это, черт возьми, согласуется с законами сохранения?

Тот шевелил губами, но не мог произнести ни слова. За него ответил бородатый коллега:

— Господин Вайнтрауб, сэр, — вам следует понять, что ваша дочь в настоящее время является носителем… э-э… ну, назовем это локализованным участком обращенной энтропии.

Сол резко повернулся к нему.

— Вы хотите сказать, что она просто-напросто застряла в каком-то пузыре обратного времени?

— Э-э… нет, — торопливо ответил ученый, потирая подбородок. — Возможно, более удачная аналогия… биологически, по крайней мере… скажем, метаболические процессы в ее организме пошли в обратном направлении… м-м…

— Чепуха, — отрезал Сол. — Она же ест, а не срыгивает пищу. Ну а нервная деятельность? Поверните электрохимические импульсы в обратном направлении, и что вы получите? Чепуху. Ее мозг *работает*, господа… Память, вот что исчезает. Почему это случилось? Почему?

К лысому коротышке наконец вернулся дар речи:

— Мы не знаем почему, господин Вайнтрауб. Математически организм вашей дочери напоминает уравнение, обращенное во времени… или, может быть, объект, прошедший через быстро вращающуюся черную дыру. Мы не знаем, как это случилось, и почему физически невозможное вдруг стало возможным, господин Вайнтрауб. Мы просто слишком мало знаем.

Сол пожал обоим руки.

— Прекрасно. Это мне и нужно было узнать. Желаю вам доброго пути.

* * *

Рахили исполнился двадцать один год. Вечером дня рождения, через час после того, как все легли, она постучалась в спальню Сола.

— Папа?

— Что случилось, детка? — Сол накинул халат и открыл дверь. — Не можешь уснуть?

— Я не спала двое суток, — прошептала она. — Я нарочно заставляла себя не спать, чтобы просмотреть все записи, которые включила в файл «Хочу знать».

Сол понимающе кивнул.

— Папа, давай спустимся вниз и чего-нибудь выпьем. Ладно? Мне надо с тобой поговорить.

Сол взял с ночного столика очки и спустился вслед за Рахилью.

В первый и последний раз в жизни Сол напился допьяна вместе с дочерью. Это не было вульгарной пьянкой. Сначала они просто сидели и болтали, затем принялись рассказывать анекдоты и каламбурить и так увлеклись, что вскоре уже не могли говорить от смеха. Рахиль попыталась рассказать какую-то историю, но в самом смешном месте фыркнула и чуть не захлебнулась виски. Им обоим казалось, что еще ни разу они так не веселились.

— Я возьму еще бутылку, — сказал Сол, утирая слезы. — Декан Мур подарил мне на прошлое Рождество шотландское виски… по-моему.

Когда он вернулся, Рахиль сидела на диване и приглаживала волосы. Он налил ей чуть-чуть, они выпили и немного помолчали.

— Папа?

— Да?

— Я просмотрела все. Видела себя, слышала себя, видела голографии Линны и всех остальных… пожилых…

— Ну, наверное, все-таки не пожилых, — возразил Сол. — Линне будет только тридцать пять через месяц…

— Нет, они старые, и ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Одним словом, я прочла все медицинские заключения, видела фото, сделанные на Гиперионе, и знаешь что?

— Что?

— Я ничему этому не верю, отец.

Сол поставил бокал и посмотрел на дочь. Ее лицо снова округлилось и стало не таким взрослым. И даже более красивым.

— Я хочу сказать, что верю *этому*, — продолжала она с нервным смешком. — Вряд ли ты и мама могли так жестоко подшутить надо мной. И к тому же ваш… возраст… всякие события и все вокруг. Я знаю, что все это на самом деле, но я не *верю* этому. Ты понимаешь меня, отец?

— Да, — ответил Сол.

— Я проснулась сегодня утром и подумала: «Ничего себе, завтра экзамен по палеонтологии, а я еще учебник не открывала». Мне очень хотелось проучить Роджера Шермана… он считает себя таким умником.

Сол отпил виски.

— Рождер три года тому назад погиб в авиакатастрофе южнее Буссарда, — сказал он. Он ни за что бы об этом не заговорил, если бы не виски, но рано или поздно он должен понять, существует

ли Рахиль внутри Рахили.

— Я знаю, — отозвалась Рахиль и уткнулась подбородком в колени. — Я ведь перебрала всех, кого знала. Грэм умер. Профессор Эйкхард больше не читает лекций. Ники вышла замуж за какого-то… коммивояжера. За четыре года многое произошло.

— Больше чем за одиннадцать лет, — поправил ее Сол. — Слетав на Гиперион и обратно, ты отстала от нас, не покидавших планеты, на шесть лет.

— Но это же нормально! — выкрикнула вдруг Рахиль. — Люди все время путешествуют вне Сети. И приспосабливаются.

Сол кивнул.

— Но здесь все иначе, детка.

Рахиль невесело улыбнулась и допила свое виски.

— Ты очень сдержанно выразился. — Отставленный ею бокал громко стукнул. — Послушай, вот что я решила. Я провела двое суток и даже больше, изучая все, что она… что я… приготовила, чтобы дать мне возможность узнать, что случилось раньше, что сейчас происходит, и… никакого толку.

Сол сидел не шевелясь, даже перестал дышать.

— Я хочу сказать, — продолжила Рахиль, —

что становлюсь моложе с каждым днем, теряю память о людях, с которыми даже еще не встречалась… ну а дальше что? Я так и буду становиться все меньше, и все моложе, и все бестолковей, а потом в один прекрасный день просто исчезну? Папа, Господи, — Рахиль еще крепче обхватила колени руками, — тебе не кажется, что это даже смешно, только… странновато?

— Нет, — тихо ответил Сол.

— Ну, конечно, нет. — Глаза Рахили, всегда большие и темные, увлажнились. — Представляю, какой это кошмар для мамы и для тебя. Каждый день вы смотрите, как я спускаюсь вниз по лестнице… в смятении… Ведь я просыпаюсь с воспоминаниями вчерашнего дня, слышу, как мой собственный голос говорит мне, что вчерашний день был годы назад. Что у меня был роман с каким-то парнем по имени Амелио…

— Мелио, — прошептал Сол.

— Какая разница? Это все не помогает, вот в чем дело, папа. К тому времени, когда я начинаю наконец что-то усваивать, меня уже тянет в сон от усталости. А потом… Ну, ты же знаешь, что происходит потом.

— Что… — начал Сол и замолчал. Потом кое-как выдавил из себя: — Что ты хочешь, чтобы мы

сделали, малыш?

Рахиль посмотрела ему в глаза и улыбнулась. Это была та самая улыбка, которой она одаряла его, начиная с пятинедельного возраста.

— Не говори мне об этом, отец, — сказала она твердо. — И не позволяй мне говорить об этом самой себе. Это только причиняет боль. Все это было не со мной… — Она замолкла и провела рукой по лбу. — Ты понимаешь, что я имею в виду, папа? Та Рахиль, которая отправилась на другую планету, и влюбилась, и попала в катастрофу… это была другая Рахиль! Я не хочу переносить ее боль. — Она заплакала. — Ты понимаешь? Понимаешь, папа?

— Да, — ответил Сол. Он обнял ее и ощутил тепло ее тела, влагу ее слез. — Да, понимаю.

В следующем году с Гипериона чуть ли не каждый день начали приходить мультиграммы, но все они носили отрицательный характер. Природа и источник антиэнтропийных полей не установлены. Активность временных приливов в районе Сфинкса в обычных пределах. Эксперименты с лабораторными животными в приливных районах и вокруг них привели к внезапной гибели некоторых животных, но болезни Мерлина не обнаружили ни у одного.

Каждое сообщение Мелио заканчивал словами: «Передайте Рахили, что я ее люблю!»

Деньги, полученные от Рейхсуниверситета, Сол и Сара использовали, чтобы пройти частичную поульсенизацию в Буссард-Сити. Они были уже слишком стары, чтобы эта процедура продлила их жизнь еще на один век, зато внешне супруги сейчас выглядели скорее пятидесятилетними, чем семидесятилетними. Они изучили старые семейные фотографии и пришли к выводу, что подобрать костюмы, какие они носили полтора десятка лет назад, не составит особого труда.

Шестнадцатилетняя Рахиль сбежала по лестнице со своим комлогом, настроенным на радиостанцию колледжа.

— Мне сегодня рисовую кашу. Можно?

— Ты и так ее ешь каждое утро, — улыбнулась Сара.

— Да. — Рахиль тоже улыбнулась. — Я просто подумала, а вдруг ты ее не сварила или уж не знаю что. Я слышала телефонный звонок. Это Ники?

— Нет, — ответил Сол.

— Черт, — вырвалось у Рахили, и она испуганно взглянула на родителей. — Простите, она ведь обещала позвонить, как только станут известны

результаты. После консультации прошло уже три недели. Мне кажется, я слышала что-то такое.

— Не беспокойся, детка, — сказал Сара. Она принесла кофейник и первым делом налила кофе в чашку Рахили, потом себе. — Не беспокойся, милая. Поверь мне, твои оценки будут достаточно хороши, чтобы поступить в любой колледж, какой тебе понравится.

— Ма, — удрученно вздохнула Рахиль, — как ты не понимаешь? Мы живем в мире, где все готовы друг друга съесть. — Она нахмурилась. — Ты не видела мою мультиприставку по математике? У меня в комнате черт ногу сломит. Ничего не могу найти.

Сол откашлялся.

— Сегодня никаких занятий, детка.

Рахиль с удивлением посмотрела на него:

— Нет занятий? Во вторник? За шесть недель до окончания школы? Что случилось?

— Ты была больна, — твердо ответила Сара. — Один день ты вполне можешь посидеть дома. Всего один.

Рахиль нахмурилась еще сильнее.

— Больна? Я не чувствую себя больной. Просто все как-то странно. Как будто что-то… не в порядке. Ну, например, почему вдруг переставили

диван в комнате информации? И где Чипс? Я звала его, звала, а он не пришел.

Сол дотронулся до ее руки.

— Ты очень долго болела, — сказал он. — Доктор говорит, что у тебя могут быть провалы в памяти. Мы поговорим по дороге в колледж. Хорошо?

Лицо Рахили прояснилось.

— Пойти в колледж, а с уроков смотаться? Прекрасно. — По ее лицу вдруг мелькнула тень испуга: — А если мы встретим Роджера Шермана? Он ведает приемом новичков и такой въедливый, такой зануда!

— Мы не встретим Роджера, — успокоил ее Сол. — Ты готова?

— Почти. — Рахиль наклонилась к матери и крепко обняла ее. — Счастливо, аллигатор.

— Пока, крокодил, — отозвалась Сара.

— О'кей, — весело улыбнулась Рахиль и встряхнула головой. — Я готова.

Постоянные поездки в Буссард-Сити заставили Сола купить магнитоплан. Прохладным осенним днем он двинулся в путь по самому медленному маршруту, проходившему намного ниже скоростных трасс. Он наслаждался пейзажем и запахом скошенной травы.

Мужчины и женщины, работавшие в полях,

приветливо махали ему вслед.

Со времен его детства Буссард значительно расширился, но синагога по-прежнему располагалась на окраине одного из самых старых районов города. Храм тоже был стар, и старина эта чувствовалась во всем. Даже ермолка, которую Сол надел при входе, показалась ему изношенной за долгие десятилетия чуть не до прозрачности. Раввин, однако, оказался молодым. Сол понимал, что ему лет сорок, не меньше, — волосы, выглядывавшие из-под ермолки, явно поредели, — но для Сола он все равно был мальчишкой. Сол облегченно вздохнул, когда раввин предложил ему продолжить беседу в парке, расположенном на другой стороне улицы.

Они уселись на скамейку. Сол с удивлением обнаружил, что все еще держит в руках ермолку, беспокойно теребя ее. В воздухе пахло сыростью — ночью шел дождь — и сгоревшей листвой.

— Я не совсем понимаю, господин Вайнтрауб, — сказал раввин. — Что все-таки вас тревожит: сон или то обстоятельство, что ваша дочь заболела после того, как он начал вам сниться?

Сол поднял голову, подставляя лицо солнцу.

— Если быть точным, ни то и ни другое, — ответил он. — Я просто чувствую, что эти два события

как-то связаны между собой.

Раввин потрогал пальцем нижнюю губу.

— Сколько лет вашей дочери?

— Тринадцать, — чуть помедлив, ответил Сол.

— И эта болезнь… серьезная? Она угрожает ее жизни?

— Нет, жизни она не угрожает. Пока.

Раввин чинно сложил руки на своем объемистом животе.

— Вы не думаете… можно я буду звать вас Солом?

— Конечно.

— Сол, вы не думаете, что этот ваш сон… что он каким-то образом стал причиной болезни вашей девочки?

— Нет, — ответил Сол и задумался, правдив ли его ответ. — Нет, ребе, я так не считаю.

— Зовите меня Морт.

— Хорошо, Морт. Я пришел не потому, что считаю самого себя… или свой сон причиной болезни Рахили. Но мне кажется, мое подсознание все время пытается мне что-то подсказать.

Морт откинулся на спинку скамейки.

— Может, вам стоит обратиться к неврологу или психологу? Я не совсем понимаю, что…

— Дело в том, что меня интересует история

Авраама, — прервал его Сол. — Знаете, я изучал различные этические системы, но мне трудно понять этику, которая начинается с приказа отцу заколоть родного сына.

— Нет, нет, нет! — вскричал раввин, по-детски грозя ему пальцем. — Ведь, когда настало время, Господь остановил руку Авраама. Он не мог допустить, чтобы во славу его приносились человеческие жертвы. Одной лишь покорности воле господней, вот чего он…

— Да, — ответил Сол. — Только покорности. Но ведь сказано: «И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего».[34] Бог, я думаю, заглянул к нему в душу и увидел, что Авраам готов заколоть Исаака. Внешняя покорность без внутренней готовности совершить убийство вряд ли умиротворила бы Бога Ветхого Завета. А что случилось бы, если бы Авраам любил своего сына больше, чем Бога?

Морт побарабанил пальцами по колену, затем положил руку Солу на плечо:

— Сол, я понимаю, вас волнует болезнь вашей дочки. Но при чем тут документ, написанный восемь тысяч лет назад? Расскажите мне о вашей

---

[34] Примечания: 34
Бытие 22:10.

девочке. Ведь дети больше не умирают от болезней. Во всяком случае, в Сети.

Сол с улыбкой встал и сделал шаг назад, освобождаясь от руки раввина:

— Я бы хотел поговорить с вами еще, Морт. Очень хотел бы. Но мне надо возвращаться. У меня сегодня вечером занятия.

— А в эту субботу вы придете в храм? — спросил раввин, протягивая на прощание руку.

Сол сунул ему ермолку.

— Возможно, приду на днях, Морт. Обязательно.

В один из вечеров той же осени Сол, выглянув из окна своего кабинета, увидел темную фигуру, стоявшую под голым вязом. «Репортер», — с замиранием сердца подумал Сол. Все десять лет он страшился того дня, когда секрет раскроется, понимая, что на этом кончится их простая и спокойная жизнь в Кроуфорде. Он вышел во двор.

— Мелио! — воскликнул он, разглядев лицо человека.

Археолог стоял, засунув руки в карманы длинного синего пальто. Десять стандартных лет, прошедших со времени их последней встречи, Арундеса почти не изменили — Сол догадался, что ему все еще не больше тридцати. Но загоре-

лое лицо молодого человека прорезали глубокие морщины.

— Сол. — Он робко протянул ему руку.

Сол горячо пожал ее.

— Я и не знал, что вы вернулись. Заходите в дом!

— Нет. — Археолог отступил назад. — Я здесь уже около часа. И так и не набрался храбрости.

Сол хотел что-то сказать, но промолчал и понимающе кивнул. Руки начали мерзнуть, и он сунул их в карманы. Над темным коньком крыши проступали первые звезды.

— Рахиль еще не вернулась, — сказал он наконец. — Она пошла в библиотеку. Она… она считает, что у нее скоро контрольная по истории.

У Мелио словно ком стал в горле, и он лишь молча кивнул.

— Сол, — сделав над собой усилие, заговорил он, — поверьте, мы сделали все, что было в наших силах. Наша группа провела на Гиперионе без малого три стандартных года. Мы бы и дальше оставались там, но университет перестал нас финансировать. Там не было ровно ничего…

— Мы это знаем, — отозвался Сол. — Мы с женой вам очень благодарны за мультиграммы.

— Я месяцами не вылезал из Сфинкса, — продолжал Мелио. — Судя по показаниям приборов, он ничем не отличается от обыкновенной груды камней, но временами мне казалось, что я чувствую… чувствую что-то… — Он опять покачал головой. — Я подвел ее!

— Нет, — ответил Сол и сквозь шерстяное пальто стиснул плечо собеседника. — Вы здесь ни при чем. Мы запрашивали сенаторов… Я беседовал даже с руководством Научного Совета и никто не мог мне объяснить, почему Гегемония не пожелала потратить больше времени и средств на исследование Гипериона. Мне кажется, им давно уже следовало бы включить этот мир в Сеть, хотя бы из-за его научной ценности. Неужели им наплевать на загадку Гробниц?

— Я понимаю, что вы хотите сказать, Сол. Здесь подозрительно многое, хотя бы то, как поспешно прикрыли финансирование нашей группы. Похоже, Гегемония стремится держать Гиперион на определенной дистанции.

— Вы думаете… — начал было Сол, но тут из сгустившихся осенних сумерек появилась Рахиль. Ее волосы были коротко подстрижены по подростковой моде тридцатилетней давности, круглые щеки раскраснелись от холода, руки она

глубоко засунула в карманы красной куртки. Она находилась сейчас на границе юности и детства и в своей одежде — джинсы, кроссовки и толстая куртка — вполне могла сойти за мальчика.

Рахиль улыбнулась.

— Привет, папа.

Подойдя ближе, она застенчиво кивнула Мелио.

— Простите, я кажется, помешала вашей беседе.

Сол облегченно перевел дыхание.

— Нет, что ты, детка. Рахиль, это доктор Арундес из Рейхсуниверситета на Фрихольме. Доктор Арундес, моя дочь Рахиль.

— Рада познакомиться. — Рахиль восхищенно присвистнула. — Рейхс, подумать только! Я читала их каталоги. Мне бы так хотелось когда-нибудь туда поехать!

Мелио сдержанно кивнул. Сол видел, как он напряжен.

— Вы… — начал Мелио, — я хотел спросить, что именно вы бы хотели там изучать?

Сол испугался, что Рахиль заметит прозвучавшую в его голосе боль, но она лишь пожала плечами и беззаботно рассмеялась.

— О, все подряд. Старик Эйкхард — он ведет у

нас факультатив по палеонтологии и археологии — говорит, что там замечательное отделение классики и древностей.

— Это так, — с трудом ответил Мелио.

Рахиль застенчиво переводила взгляд с отца на незнакомца, как видно, чувствуя их напряжение.

— Ой, я, наверно, помешала вам. Пойду домой и лягу. Мне кажется, я подхватила этот странный вирус… что-то вроде менингита… мама говорит, из-за него я какая-то глупая. Рада была познакомиться с вами, доктор Арундес. Надеюсь, мы встретимся как-нибудь в Рейхсе.

— Я тоже надеюсь на это. — Мелио поглядел на нее так пристально, что Солу показалось: он пытается запечатлеть в своей памяти каждую мелочь этой встречи.

— Ну, ладно, пока… — сказала Рахиль, делая шаг назад. Ее кроссовки громко скрипнули по асфальту. — Спокойной ночи. Увидимся утром, отец.

— Спокойной ночи, Рахиль.

В дверях она задержалась. В свете газовых ламп она выглядела намного моложе своих тринадцати. — Счастливо, аллигаторы.

— Пока, крокодил, — отозвался Сол и вдруг

услышал, что Мелио тоже прошептал вместе с ним слова прощания.

Они молча смотрели на закрывшуюся дверь, почти физически ощущая, как ночь опускается на маленький город. Проехал мальчик на велосипеде; под колесами шуршали листья, а спицы поблескивали каждый раз, когда он оказывался под старинными фонарями.

— Зайдите к нам, — предложил Сол. — Сара будет очень рада. А Рахиль уже спит.

— Не сейчас, — ответил Мелио. Его лицо скрывала тень, руки утонули в карманах. — Мне нужно… я сделал ошибку, Сол. — Он отступил на шаг, потом оглянулся: — Я позвоню вам с Фрихольма. Мы снарядим другую экспедицию и полетим туда вместе.

Сол кивнул. Три года на дорогу, подумал он. Если они уедут сегодня ночью, к их возвращению Рахили будет меньше десяти.

— Согласен, — сказал он.

Мелио помедлил, поднял в знак прощания руку и пошел по краю тротуара, разбрасывая громко шуршащие сухие листья.

Сол никогда больше с ним не встречался.

Самой большой епархией Церкви Шрайка в Сети был Лузус, и Сол отправился туда по нуль-Т

за несколько недель до дня рождения Рахили, которой исполнялось десять лет. Само святилище было ненамного больше какого-нибудь собора Старой Земли, но казалось гигантским — из-за устремленных вверх, как бы летящих аркбутанов, причудливого свода и ажурных контрфорсов с витражами. Сол пребывал в подавленном настроении, и безжалостная гравитация Лузуса не способствовала его улучшению. Хотя встреча с епископом была назначена заранее, Солу пришлось прождать почти пять часов, прежде чем его допустили во внутреннее помещение святилища. Большую часть времени он провел, разглядывая медленно вращавшиеся двадцатиметровые стальные скульптуры, возможно, изображавшие легендарного Шрайка… а быть может, являвшие собой просто абстрактный памятник всем видам когда-либо существовавшего холодного оружия. Потом его внимание привлекли два красных шара, плававших внутри чего-то жутковатого, отдаленно напоминающего череп.

— Господин Вайнтрауб?

— Ваше превосходительство, — отозвался в знак приветствия Сол.

Дьяконы, экзорцисты, причетники и служки, которые окружали его все долгие часы томи-

тельного ожидания, распростерлись на темных плитах, как только вошел епископ. Сол церемонно поклонился.

— Входите же, входите, господин Вайнтрауб. — Священнослужитель широким жестом указал на дверь, ведущую в алтарь.

Сол очутился в темном, гулком помещении, весьма похожем на то место, в которое он попадал в своих повторявшихся снах, и уселся на предложенный ему стул. Пока епископ шел к напоминавшему небольшой трон креслу, стоящему возле совершенно современного, хотя и украшенного сложной резьбой письменного стола, Сол успел заметить характерные для уроженцев Лузуса полноту и грубоватые черты лица, странным образом сочетавшиеся с внушительной грацией. Его отороченная мехом горностая мантия поражала своим цветом. Ярко-алая, переливающаяся, она напоминала, скорее, свежую кровь, чем шелк или бархат. На каждом пальце у него было широкое кольцо с красным или черным камнем, и это чередование красного и черного вселило в душу Сола неясную тревогу.

— Ваше превосходительство, — начал Сол, — я заранее приношу извинения за нарушения церковного протокола, которые я уже допустил… или

могу допустить в дальнейшем. О Церкви Шрайка я знаю очень мало, но то, что мне известно, привело меня сюда. Благоволите извинить меня, если я неумышленно проявлю свое невежество, спутав какие-либо титулы или термины…

Епископ взмахом руки остановил Сола. В полутьме тускло сверкнули красные и черные камни.

— Титулы не столь уж важны, господин Вайнтрауб. Обращение «Ваше превосходительство» по отношению к нашей особе для неверующих вполне допустимо. Мы должны вам сообщить, однако, что официальное название нашей скромной конфессии — «Церковь Последнего Искупления», а Того, которого мир столь неуважительно именует… Шрайком, мы называем, если вообще упоминаем о Нем, «Повелителем Боли», но чаще — Аватарой. А теперь, будьте любезны, изложите тот важный вопрос, с которым, как нам сообщили, вы пришли сюда.

Сол слегка поклонился.

— Ваше превосходительство, я учитель…

— Извините, что перебиваем вас, господин Вайнтрауб, но вы не просто учитель. Вы ученый. Мы хорошо знакомы с вашими трудами в области моральной герменевтики. Ваши рассуждения не лишены изъянов, но довольно смелы и вызывают

желание их оспорить. Мы постоянно используем их в наших курсах по догматической апологетике. Продолжайте, будьте добры.

Сол удивленно моргнул. Его труды были почти неизвестны за пределами узких академических кругов, и слова епископа повергли его в полную растерянность. Собираясь с мыслями, Сол решил, что епископ, должно быть, заранее узнал, с кем имеет дело, и что у него отличные помощники.

— Ваше превосходительство, моя научная работа не имеет никакого отношения к моему визиту. Я обратился к вам с просьбой о встрече, так как мой ребенок… моя дочь… заболела. Причиной болезни явились, по-видимому, исследования, которые она вела в месте, представляющем определенный интерес для вашей Церкви. Я говорю о так называемых Гробницах Времени на планете Гиперион.

Епископ медленно кивнул. Знает ли он что-нибудь о Рахили, подумал Сол.

— Вам известно, господин Вайнтрауб, что упомянутое вами место… то, что мы называем Ковчегами Завета… решением Комитета местного самоуправления Гипериона закрыто для посещений так называемыми исследователями?

— Да, ваше превосходительство. Я слышал об

этом. Насколько я понимаю, ваша Церковь сыграла немалую роль в принятии этого закона.

Епископ никак на это не отреагировал. Где-то в пахнущей ладаном темноте негромко пробили часы.

— Во всяком случае, ваше превосходительство, я надеюсь, что некоторые аспекты доктрины вашей Церкви помогут пролить свет на причину заболевания моей дочери.

Епископ наклонился, словно стараясь получше разглядеть посетителя, и освещавший его одинокий луч света падал теперь ему на лоб, оставляя глаза в тени.

— Вы желали бы получить наставление в таинствах нашей Церкви, господин Вайнтрауб?

Сол погладил бороду.

— Нет, ваше превосходительство, если это не поспособствует каким-либо образом выздоровлению моей дочери.

— А не желает ли ваша дочь присоединиться к Церкви Последнего Искупления?

Сол заколебался.

— Ваше превосходительство, прежде всего она желает быть здоровой. Если посвящение излечит ее или хоть отчасти поможет ей, об этом стоит серьезно подумать.

Епископ откинулся в кресле, и Сол услышал мягкий шелест его мантии. Казалось, красный цвет стекает с нее в темноту.

— Вы говорите о физическом благополучии, господин Вайнтрауб. А наша Церковь — высший судия спасения духовного. Вы отдаете себе отчет, что первое есть неизбежное следствие второго?

— Мне известно это старинное и весьма распространенное мнение, — ответил Сол. — Мы с женой хотим, чтобы наша дочь была здорова и физически, и духовно.

Епископ подпер свою массивную голову кулаком.

— В чем проявляется болезнь вашей дочери, господин Вайнтрауб?

— Это… заболевание, связанное с временем, ваше превосходительство.

Епископ вскинулся и напряженно подался вперед.

— В каком именно из святых мест вашу дочь постигла болезнь, господин Вайнтрауб?

— В сооружении, называемом Сфинксом, ваше превосходительство.

Епископ вскочил так стремительно, что смахнул на пол бумаги, лежавшие у него на столе. Даже без мантии этот человек был вдвое крупнее

и массивнее Сола. В трепещущей же красной мантии, облекавшей всю его высокую фигуру, служитель Шрайка возвышался над ним, подобно багровому воплощению смерти.

— Вы можете идти! — прогремел гигант. — Из всех людей вашей дочери выпало наивысшее благословение и тягчайшее из проклятий. И ни вы, ни Церковь… никто из ныне живущих ничего не сможет для нее сделать.

Сол не шелохнулся.

— Ваше превосходительство, если есть хоть какая-нибудь возможность…

— НЕТ! — вскричал епископ, и лицо его стало таким же красным, как мантия. Он стукнул по столу. В дверях тотчас появились причетники и экзорцисты, казавшиеся в черных с красным рясах зловещими отражениями епископа. Облаченные в черное, служки сливались с полумраком.

— Аудиенция закончена. — Голос епископа звучал с непререкаемой категоричностью. — Ваша дочь была избрана Аватором для искупления, и то же самое ждет всех грешников и неверующих. Это случится очень скоро.

— Ваше превосходительство, если мне будет позволено занять еще пять минут вашего вре-

мени…

Епископ щелкнул пальцами, и экзорцисты стали теснить Сола к дверям. Все они были лузианами, и каждый из них мог легко справиться с пятью щуплыми учеными, вроде Сола.

— Ваше превосходительство… — закричал Сол, вырвавшись из рук первого экзорциста. Тут же ему на помощь подоспели еще трое, за ними маячили мускулистые причетники. Епископ отвернулся и, казалось, вглядывался в темноту.

Святилище огласилось звуками борьбы — тяжелым дыханием, шарканьем подошв и внезапным вскриком экзорциста, которому Сол угодил ногой в такое место, о котором служителю церкви упоминать не полагалось. Это, однако, не повлияло на исход схватки. Сол был выброшен на улицу. Последний из удалявшихся служек, прежде чем уйти, швырнул Солу его помятую шляпу.

Сол провел на Лузусе еще десять дней, но единственным результатом его хождений по инстанциям была боль во всем теле от повышенной гравитации. Епархиальные чиновники не отвечали на его звонки. Суды не могли предложить ему ни малейшей зацепки. Экзорцисты словно вырастали из-под земли у дверей святилищ.

Сол отправился на Новую Землю и на Возрож-

дение-Вектор, на Фудзи и на ТКЦ, на Денеб-III и на Денеб-IV, но святилища Шрайка были закрыты для него всюду.

Измученный и усталый, истратив все свои деньги, Сол вернулся на Барнард, забрал ТМП со стоянки и прибыл домой за час до ужина в честь дня рождения Рахили.

— Папа, что ты мне привез? — возбужденно допытывалась десятилетняя девчушка. Утром Сара снова сказала ей, что Сол уехал по делам.

Сол вынул пакет. Это была полная серия сказок про Анни из Грин-Гэблз. Совсем не то, с чем ему хотелось бы вернуться.

— Папа, я разверну?

— Позже, маленькая. Мы развернем все сразу.

— Ой, папочка, пожалуйста. Ну только один. До того как придут Ники и другие дети.

Сол поймал взгляд Сары. Она отрицательно покачала головой. Рахиль только на днях вспомнила, что на ужин надо пригласить Ники, Линну и других ее подружек. Сара еще не успела изобрести отговорку.

— Ладно, Рахиль, — сказал он. — Но только этот.

Пока Рахиль разворачивала пакетик, Сол увидел в гостиной огромный сверток, перевязанный

красной лентой. Новый велосипед, конечно. Как только ей исполнилось девять, Рахиль сразу же стала выпрашивать себе новый велосипед. Сол с тоской подумал, будет ли она радоваться сюрпризу завтра, увидев столь давно желаемый подарок за день до праздника. Или им придется выбросить его ночью, пока она не проснулась.

Сол рухнул на диван. Красная лента напомнила ему мантию епископа.

Расставание с прошлым всегда причиняло Саре боль. Каждый раз, когда она стирала, складывала и убирала комплекты детской одежды Рахили, из которых та вырастала, она потихоньку плакала, но Сол каким-то образом об этом узнавал. Как величайшее сокровище она хранила в своей душе каждый период детства Рахили, наслаждаясь повседневной нормальностью бытия, нормальностью, в которой она видела лучший подарок судьбы. Сара всегда считала, что суть человеческой жизни заключена не в так называемых памятных днях, вроде свадеб и триумфов, которые застревают в памяти как даты, обведенные красным на старых календарях, а, скорее, в монотонном потоке повседневных событий: выходные, когда каждый член семьи занят своими собственными делами, случайные встречи,

пустяковые разговоры, которые сразу же забываются… но сумма этих часов представляет собой нечто очень важное и вечное.

Сол нашел жену на чердаке, где она тихо плакала, разбирая ящики и коробки. Это были не те легкие слезы, что она проливала, расставаясь с вещами, из которых выросла дочь. Сейчас она сердилась.

— Что ты делаешь, мать?

— Ищу Рахили одежду. Все слишком велико. То, что подходит восьмилетнему ребенку, не подходит семилетнему. У меня здесь где-то должны быть ее детские вещи.

— Брось ты это, — сказал Сол. — Купим что-нибудь новое.

Сара покачала головой.

— А она будет каждый день удивляться, куда подевались ее любимые платья? Нет уж. Кое-что я сохранила. Они где-то здесь, я их найду.

— Ну хорошо, найдешь попозже!

— Нет у нас никакого попозже! — крикнула Сара, а затем отвернулась от него и, закрыв лицо руками, прошептала: — Не сердись.

Он обнял ее. Несмотря на поульсенизацию, ее руки были гораздо тоньше, чем в молодости. Суставы и сухожилия проступали под загрубев-

шей кожей. Сол крепко прижал ее к себе.

— Не сердись, — повторила она, всхлипывая уже открыто. — Извини меня. Но это так несправедливо.

— Да, несправедливо, — согласился Сол. Лучи солнца, проникавшие сквозь запыленные окна чердака, делали его печальным и похожим на церковь. Солу всегда нравился запах чердака — теплый и чуть затхлый запах помещения, где редко бывают люди, таящего в себе неизведанные сокровища. Сегодня все это погибло.

Он присел на корточки у ящика.

— Ну что ж, дорогая, — сказал он, — поищем вместе.

А Рахиль оставалась такой же жизнерадостной и счастливой, и только различные несуразности, с которыми она сталкивалась, просыпаясь по утрам, слегка ее смущали. По мере того как она становилась младше, ей стало легче объяснять причину перемен, которые произошли за сутки: исчез росший перед домом старый вяз, на углу, где прежде в особнячке колониального стиля проживал господин Несбит, появился новый многоквартирный дом, куда-то подевались ее друзья… Сол воочию убедился в гибкости детского сознания. Ему представлялось, что Рахиль летит

на гребне волны времени, не замечая мрачных морских глубин и сохраняя равновесие лишь благодаря скудному запасу воспоминаний и веселой беспечности, с которой она проживала те двенадцать — пятнадцать часов, что были отпущены ей ежедневно.

Ни Сол, ни Сара не хотели изолировать свою дочь от общества других детей, но налаживать с ними контакты было нелегко. Рахиль с удовольствием играла с «новой девочкой» или с «новым мальчиком», появившимся по соседству (с детьми других преподавателей, с внуками друзей; одно время — с дочкой Ники), но большинству детей было трудно привыкнуть к тому, что она каждый день знакомится с ними заново и не помнит ничего из их прошлого; лишь немногие были столь чутки, чтобы участвовать в этих шарадах ради странной подружки.

История необычного заболевания Рахили, конечно, не была секретом в Кроуфорде. Новость разошлась по всему колледжу в первый же год после ее возвращения, а вскоре об этом узнал и весь город. Кроуфорд откликнулся на несчастье Вайнтраубов точно так же, как с незапамятных времен откликались на беды ближних все небольшие города: у некоторых языки работали

без остановки, иные не могли отказать себе в удовольствии выразить голосом или взглядом свое сочувствие по поводу того, что беда случилась, к счастью, не у них, но большинство простерли крылья над семьей Вайнтраубов, подобно птице, защищающей своих птенцов.

Тем не менее никто не вмешивался в их жизнь, и даже когда Солу пришлось отказаться от нескольких классов, а затем и вовсе уйти в отставку, чтобы освободить как можно больше времени для поисков врача, который смог бы вылечить Рахиль, никто из жителей городка даже взглядом не намекнул, что понимает, в чем тут дело.

Но это не могло продолжаться вечно, и наступил один весенний день, когда Сол вышел на крыльцо и увидел, как его семилетняя дочь, вся в слезах, идет из парка, а вокруг нее толпятся визуалисты, вспыхивают камеры-импланты и со всех сторон тянутся комлоги — он увидел все это и понял, что спокойный отрезок их жизни закончился навсегда. Сол соскочил с крыльца и бросился к Рахили.

— Господин Вайнтрауб, это правда, что ваша дочь заражена болезнью обратного времени? Что будет с ней через семь лет? Неужели она просто

исчезнет?

— Господин Вайнтрауб! Господин Вайнтрауб! Рахиль говорит, что Рейбен Доуэл — Секретарь Сената и что сейчас 2711 год. Означает ли это, что тридцать четыре года полностью выпали из ее жизни, или это галлюцинация, порожденная болезнью Мерлина?

— Рахиль! Ты помнишь себя взрослой женщиной? Что ты ощущаешь, снова став ребенком?

— Господин Вайнтрауб! Господин Вайнтрауб! Будьте добры, всего один снимок. Идея такая: вы берете фото, на котором изображены с Рахилью, когда она была старше, и теперешняя Рахиль смотрит на ту.

— Господин Вайнтрауб! Правда ли, что эта болезнь — проклятие Гробниц Времени? Рахиль видела это чудовище Шрайка?

— Эй, Вайнтрауб! Солли! Сол! Что ты и твоя женщина будете делать, когда ваш ребенок умрет?

Путь к парадной преграждал один особо настырный визуалист. Он наклонился и вытянул шею, из его глаз выдвинулись стереообъективы, чтобы снять Рахиль крупным планом. Сол схватил его за длинные волосы, прямо-таки специально для этого связанные в пучок, и отшвырнул в сторону.

Вся эта стая бушевала возле дома Вайнтраубов почти два месяца. Теперь Сол по-настоящему оценил известные всем с детства плюсы и минусы небольших городков: они невыносимо скучны, иногда там суют нос в чужие дела, зато никто не исповедует мерзкого правила «общественность имеет право знать все».

В Системе это правило признавали. Не желая, чтобы его семья жила в вечном окружении репортеров, Сол перешел в наступление. Он стал сам организовывать интервью с наиболее популярными программами кабельной нуль-Т-сети, принимал участие в дискуссиях Альтинга, лично посетил заседание медицинского конклава на Конкурсе. За десять стандартных месяцев он попросил помощи для Рахили у восьмидесяти планет.

Предложения хлынули потоком из десятков тысяч источников, но этими источниками в основном были экстрасенсы, целители, всевозможные изобретатели, а также маленькие лаборатории и исследователи-одиночки, которые предлагали свои услуги в обмен на рекламу. Служители культа Шрайка и иные религиозные фанатики утверждали, что Рахиль наказана по заслугам. Поступали запросы от различных

рекламных агентств, желающих использовать Рахиль в своих кампаниях, предложения от агентов, набивавшихся в посредники, письма с выражениями сочувствия от простых людей (нередко в них были вложены кредитные чипы), полные скептицизма отклики ученых, предложения от голопродюсеров и книжных издательств, жаждущих получить исключительные права на создание книг и фильмов о жизни Рахили, а также уйма предложений о покупке недвижимости.

Рейхсуниверситет нанял команду экспертов для отбора предложений, в которых могло оказаться рациональное зерно. Большая часть оказалась сущей ерундой. Несколько гипотез были серьезно изучены. Но в конце концов выяснилось, что все мало-мальски серьезные способы обследования и лечения уже опробованы Рейхсом.

И лишь одна мультиграмма привлекла внимание Сола. Ее прислал председатель кибуца Кфар-Шалом на Хевроне. Она гласила:

ЕСЛИ
СТАНЕТ НЕВМОГОТУ, ПРИЕЗЖАЙТЕ.

Невмоготу стало очень скоро. После первых месяцев шумной гласности осаду, казалось, сня-

ли, но, как выяснилось, то была лишь прелюдия ко второму акту. Сол превратился в постоянного героя бульварных факс-газетенок, окрестивших его «Вечным жидом», отчаявшимся отцом, блуждающим повсюду в надежде вылечить свое дитя от экзотической болезни — настоящая издевка, зная стойкую нелюбовь Сола к путешествиям. Сара неизменно именовалась «отчаявшейся матерью». Рахиль была обычно «обреченным ребенком», а один вдохновенный писака назвал ее «Невинной Жертвой Проклятия Гробниц Времени». Нельзя было выйти из дома, чтобы не наткнуться на репортера или голографиста, прячущегося за деревом.

Мало-помалу Кроуфорд обнаружил, что на несчастье семьи Вайнтраубов можно делать деньги. Сначала город вел себя сдержанно, но когда предприниматели из Буссард-Сити раскинули по всему Кроуфорду киоски по продаже сувениров, теннисок, инфочипов и наводнили его туристами, которых с каждым днем становилось все больше, местные бизнесмены сначала возмутились, затем заколебались, а потом пришли к единодушному мнению, что уж если дело ставится на коммерческую основу, то прибыль не должна доставаться чужакам.

После четырехсот тридцати восьми лет сравнительного уединения Кроуфорд обзавелся собственным нуль-Т-терминалом. Приехавшим больше не надо было тратить двадцать минут на полет из Буссард-Сити. Их толпы росли.

В день отъезда шел сильный дождь, и улицы были пусты. Рахиль не плакала, только смотрела на всех широко раскрытыми глазами. Через десять дней ей исполнялось шесть лет.

— Папа, почему мы должны переезжать? — еле слышно спросила она.

— Так уж получилось, моя милая.

— Но почему?

— Да потому, что нужно, моя маленькая. Тебе понравится на Хевроне. Там много парков.

— Но почему вы раньше мне не говорили, что мы переезжаем?

— Говорили, моя родная. Ты просто забыла.

— А что же будет с Грэмом и со всеми Грэмами, и с дядей Ричардом, и с тетей Тетой, и с дядей Саулом, и вообще со всеми?

— Они будут приезжать к нам в гости.

— А Ники, Линна и все мои друзья?

Сол отвернулся и молча понес в магнитоплан последнюю коробку с вещами. Дом был продан и пуст; часть мебели тоже продали, а остальную

отправили на Хеврон.

Последнюю неделю люди шли сюда сплошным потоком — родственники, старые друзья, сослуживцы из колледжа и даже кое-кто из медицинской бригады Рейхса, работавшей с Рахилью в течение восемнадцати лет. Сейчас улица была пуста. Струи дождя обрушивались на прозрачный купол ТМП и причудливыми ручейками стекали вниз. Забравшись внутрь, все трое на мгновение застыли, глядя на покинутый дом. В кабине пахло влажной шерстью и мокрыми волосами.

Рахиль прижала к груди плюшевого мишку, которого Сара разыскала на чердаке полгода назад, и очень серьезно произнесла:

— Это нечестно.

— Да, это нечестно, — согласился Сол.

Хеврон — мир пустынь. Четыре века терраформирования сделали атмосферу пригодной для дыхания и превратили несколько миллионов акров песка в пахотную землю. Существа, которые обитали там раньше, были небольшими, выносливыми и необычайно осторожными; точно такими же были существа, завезенные сюда со Старой Земли, в том числе и люди.

— О-ох, — простонал Сол, въезжая в пропеченную солнцем деревушку Дан, за которой

начиналась территория пропеченного солнцем кибуца Кфар-Шалом. — Какие же мы, евреи, мазохисты. Когда началась Хиджра, наше племя могло выбрать любой из двадцати тысяч исследованных миров, а эти зануды отправились сюда.

Но первых колонистов (как, впрочем, и Сола с его семьей) привел сюда отнюдь не мазохизм. Большая часть Хеврона представляла собой пустыню, но плодородные его районы были плодородны почти беспредельно. Синайский университет почитался во всей Сети, а его Медицинский центр притягивал богатых пациентов и вытягивал из их карманов деньги, шедшие на развитие кооператива. На Хевроне был всего один терминекс в Новом Иерусалиме: строить порталы в других местах не разрешалось. Не пожелавший войти в Гегемонию на правах протектората, Хеврон установил высокую плату за пользование нуль-терминалом и не разрешал туристам покидать пределы Нового Иерусалима. Для еврея, ищущего уединения, это было, пожалуй, самое подходящее место на всех трехстах планетах, заселенных человеком.

Кибуц считался кооперативом скорее по традиции, чем по сути. Вайнтраубов поселили в отдельном доме — скромном жилище из саман-

ного кирпича со скругленными углами и голым деревянным полом, из окон которого открывался прекрасный вид на бескрайние просторы пустыни за апельсиновыми и оливковыми рощами, — дом стоял на самой вершине холма. Казалось, здешнее солнце высушило все, думал Сол, даже огорчения и страшные сны, а его свет словно жил собственной жизнью. По вечерам почти час после заката дом Вайнтраубов светился розовым.

Каждое утро Сол садился у постели дочери и ждал, когда она проснется. Ему была мучительна ее растерянность при пробуждении, и он старался, чтобы первое, что она увидит, было его лицо. Он обнимал ее, а она забрасывала его вопросами.

— Папа, мы где?

— Мы в чудесном месте, детка. Я расскажу тебе все за завтраком.

— А как мы здесь оказались?

— Мы совершили далекое путешествие: сначала по нуль-Т, потом на ТМП, а потом еще немножко шли пешком, — привычно отвечал он. — Вообще-то это не так уж далеко… но и не близко, так что можешь считать это приключением.

— Папочка, но моя постелька тут, и игрушки…

Почему же я не помню, как мы сюда попали?

И Сол, ласково держа ее за плечи и заглядывая в ее карие глаза, отвечал:

— Ты болела, Рахиль. Помнишь, в книжке «Заблудившаяся лягушка» Теренс больно ушиб голову и несколько дней не мог вспомнить, где живет? Вот и с тобой случилась такая история.

— А сейчас мне лучше?

— Да, — отвечал Сол. — Сейчас тебе гораздо лучше.

Тут дом наполнялся аппетитными запахами, и они шли завтракать на террасу, где их уже ждала Сара.

Друзей у Рахили было теперь больше, чем когда-либо. В местной школе ей всегда были рады: знакомясь с ней заново каждый день, никто и виду не подавал. После занятий дети подолгу играли в саду и носились среди холмов.

Абнер, Роберт и Эфраим, старейшины Совета, уговорили Сола продолжить работу над книгой. Хеврон гордился тем, что приютил и предоставил гражданство множеству ученых, художников, музыкантов, философов, писателей и композиторов. Дом, подчеркивали они, подарен ему государством. Его пенсия, весьма умеренная по стандартам Сети, была более чем достаточной

для их скромных потребностей в Кфар-Шаломе. Однако Сол, к собственному удивлению, обнаружил, что ему нравится физический труд. Что бы он ни делал — работал ли в саду, расчищал ли поля от камней или чинил окружавшую город стену, — он ощущал, как на его душу и разум снисходит покой, которого он не знал уже много лет. Он обнаружил, что может полемизировать с Кьеркегором, ожидая, пока высохнет строительный раствор, и открывал новые глубины в мыслях Канта и Вандюра, обирая червивые яблоки. В возрасте семидесяти трех стандартных лет Сол приобрел наконец первые мозоли.

По вечерам он играл с Рахилью, а когда она засыпала, шел вместе с Сарой прогуляться у подножия холмов, оставив Рахиль на попечение Джуди или еще кого-нибудь из девочек, живших по соседству. Однажды Сол и Сара даже съездили в Новый Иерусалим. В первый раз с тех пор, как семнадцать стандартных лет назад Рахиль вернулась к ним, они оказались вдвоем.

Но не все было такой уж идиллией. Слишком часто Сол, проснувшись посреди ночи, бежал босиком в детскую и заставал там жену, тихо сидевшую возле спящей Рахили. И едва ли не каждый день, когда они в розоватых вечерних

сумерках купали Рахиль в старенькой керамической ванне или укладывали ее спать, девочка повторяла одну и ту же фразу: «Мне очень нравится здесь, папа, только можно мы завтра поедем домой?» Сол согласно кивал головой, рассказывал ей сказку, пел колыбельную песенку, а потом, уверенный, что дочка уже спит, целовал ее, на цыпочках крался к дверям и внезапно слышал из-под одеяла ее сонное: «Счастливо, аллигатор» и поспешно отвечал: «Пока, крокодил». После этого он долго не мог заснуть и, прислушиваясь к дыханию спавшей (или притворявшейся спящей) жены, следил за тем, как бледные полосы света от одной или обеих маленьких хевронских лун ползут по шершавым стенам, и разговаривал с Богом.

Сол разговаривал с Богом несколько месяцев, прежде чем понял, что он, в сущности, делает. Ему стало смешно. Эти ночные беседы ни в коей мере не были молитвами, скорее, они представляли собой сердитые монологи, которые, по мере того как обличительные нотки звучали в них все громче, перерастали в яростные споры с самим собой. Но не только с собой. Однажды Сол осознал, что темы этих ожесточенных дебатов столь глубоки, вопросы, подлежащие разрешению,

столь серьезны, затронутые спором сферы столь обширны, что единственное существо, на которое он мог обрушиться с обвинениями в подобных прегрешениях, не кто иной, как сам Господь Бог. Поскольку представление о Боге как о существе, способном не спать по ночам, беспокоясь о людях и вмешиваясь в жизнь отдельных индивидуумов, всегда являлось для Сола абсолютно абсурдным, он, уяснив наконец суть этих диалогов, усомнился в своем рассудке.

Но диалоги продолжались. Сол хотел понять, как может родиться какая-либо этическая система (и более того, целая религия, причем религия удивительно стойкая, сумевшая пережить все удары судьбы) из приказа Бога человеку убить собственного сына. То, что повеление было отменено в последний миг, не играло в глазах Сола ни малейшей роли. Не играло роли также и то, что повеление было дано лишь с целью проверить готовность Авраама к послушанию. Именно мысль о том, что пресловутое послушание позволило Аврааму стать родоначальником всех колен Израилевых, и приводила Сола в ярость.

Посвятив пятьдесят пять лет жизни изучению этических систем, Сол Вайнтрауб пришел к непоколебимому убеждению: всякая преданность

божеству, либо концепции, либо общему принципу, которая ставит повиновение кому-то или чему-то превыше справедливого обращения с невинным человеческим существом, есть зло.

«Ну, хорошо, дай мне определение слова „невинный“?» — услышал Сол насмешливый и слегка раздраженный голос, с которым он привык ассоциировать свои ночные споры. «Ребенок невинен, — подумал Сол. — Невинным был Исаак. Невинна Рахиль».

«Невинна только потому, что ребенок?»

«Да».

«И ты уверен, что не существует ситуации, когда кровь невинного должна быть пролита во имя великого дела?» «Нет, — подумал Сол, — не существует».

«Но невинные, я полагаю, это не только дети?»

Сол помедлил, чувствуя ловушку и пытаясь определить, куда клонит его подсознательный собеседник. Ему это не удалось.

«Да, — подумал он, — невинные — это не только дети».

«Значит, и взрослые? Такие, как Рахиль? Как твоя дочь, когда ей было двадцать четыре года? Невинного нельзя принести в жертву, невзирая на его возраст?»

«Да, это так».

«Тогда, быть может, это часть урока, который надо было преподать Аврааму прежде, чем он станет отцом благословеннейшего из народов Земли?»

«Какой урок? — подумал Сол. — Что за урок?» — Но голос его собеседника утих, и он услышал крики ночных птиц за окном и тихое дыхание жены, спавшей с ним рядом.

В пять лет Рахиль еще могла читать. Сол никак не мог вспомнить, в каком возрасте она научилась этому, — ему казалось, что она умела читать всегда.

— В четыре стандартных, — сказала Сара. — Я помню, это было в начале лета… через три месяца после ее дня рождения. Мы устроили пикник в поле за колледжем. Рахиль листала свою книжку про Винни-Пуха и вдруг сказала: «Я слышу в голове голос».

Тогда вспомнил и Сол. Он вспомнил и ту радость, которая охватила их с женой оттого, что их малышка такая способная. Он вспомнил, потому что сейчас все повторялось в обратном порядке.

— Папа, — сказала Рахиль, лежавшая на полу в его кабинете и сосредоточенно раскрашивавшая картинку, — сколько времени прошло после

маминого дня рождения?

— Это было в понедельник, — ответил Сол, не отрываясь от книги. День рождения Сары еще не наступил, но для Рахили он был совсем недавно.

— Я знаю. Но сколько времени прошло с тех пор?

— Сегодня четверг, — сказал Сол, продолжая читать длинный талмудический трактат о повиновении.

— Я знаю, что четверг. Но сколько дней?

Сол отложил книгу в сторону.

— Ты можешь мне назвать все дни недели? — Мир Барнарда пользовался старым календарем.

— Конечно, — ответила Рахиль. — Суббота, воскресенье, понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота…

— Ты уже называла субботу.

— Да. Но сколько дней прошло с тех пор?

— Можешь ты посчитать от понедельника до четверга?

Рахиль нахмурилась, зашевелила губами. Сразу у нее не получилось, она стала загибать пальцы.

— Четыре дня? — спросила она.

— Умница, — похвалил Сол. — А можешь ты сказать мне, сколько будет десять минус четыре, детка?

— Что такое минус?

Усилием воли Сол заставил себя снова уткнуться в трактат.

— Ничего, — ответил он. — Это такая штука, про которую тебе расскажут в школе.

— Мы поедем домой завтра?

— Да.

Как-то утром, когда Рахиль ушла играть с Джуди (она стала слишком маленькой, чтобы ходить в школу), Сара сказала:

— Сол, нам надо отвезти ее на Гиперион.

— Что? — Сол изумленно уставился на нее.

— Ты слышал что. Мы не можем ждать. Скоро она разучится ходить… говорить. Кроме того, мы не становимся моложе. — Сара невесело рассмеялась. — Звучит странно. Да? Но мы действительно не молодеем. Через год-два поульсенизация перестанет действовать.

— Сара, разве ты забыла? Все врачи говорят, что Рахиль не перенесет криогенную фугу. А без этого нечего думать о сверхсветовом полете. Эффект Хоукинга может лишить ее рассудка… или хуже.

— Это пустяки, — сказала Сара. — Рахили нужно возвратиться на Гиперион.

— Ну подумай, что ты говоришь? — Сол уже начинал сердиться.

Тогда Сара сжала его руку.

— Ты что, один видел тот сон?

— Сон? — Он еле выговорил это слово.

Она вздохнула и села у белого кухонного стола. Утреннее солнце заглянуло в окно, осветив, словно желтым прожектором, цветы на подоконнике.

— Темное помещение, — сказала она. — Красные огни наверху. И этот голос. Он велит нам… велит нам взять… отправиться на Гиперион. Совершить… жертвоприношение.

Во рту у Сола пересохло, сердце бешено заколотилось.

— К кому… к кому он обращался в этом сне?

Сара странно на него посмотрела.

— К нам обоим. Если бы тебя не было там… в этом сне, вместе со мной… как бы я переносила его все эти годы?

Сол рухнул в кресло и удивленно уставился на лежавшую на столе руку. Суставы, разбухшие от артрита, набрякшие жилы, пятна… Это, конечно же, его рука. Он, словно со стороны, услышал собственный голос:

— Ты ни разу не упомянула об этом. Ни единого словечка…

На этот раз Сара рассмеялась без горечи.

— А зачем? Каждый раз мы оба сразу же просыпались. И ты был весь в испарине. Я же догадалась, что это был не просто сон. Надо ехать, отец. На Гиперион.

Сол пошевелил рукой. Она по-прежнему казалась ему инородным телом.

— Почему? Ну, Бога ради, почему, Сара? Мы ведь не можем… принести Рахиль…

— Конечно нет, отец. Разве ты не думал обо всем этом? Мы должны поехать на Гиперион… туда, куда нас призывает наш сон… и принести в жертву себя вместо нее.

— Себя, — повторил Сол. Ему показалось, что у него начинается сердечный приступ. Грудь так сильно болела, что он не мог вздохнуть. Он сидел молча целую минуту, уверенный, что, если попытается произнести хоть слово, тут же разрыдается. Собравшись с силами, он сказал наконец:

— А ты давно уже… придумала все это, мать?

— Давно ли я знаю, что мы должны делать? Год. Немногим больше года. Сразу же после того, как ей исполнилось пять лет.

— Целый год! Но почему ты ничего мне не сказала?

— Я ждала. Ждала, что ты поймешь. Что тоже будешь знать.

Сол покачал головой. Комната куда-то уплывала и качалась.

— Нет. То есть пока еще мне кажется, что нет… Мне нужно подумать, мать.

Сол увидел, как незнакомая рука с набрякшими жилами похлопала по знакомой руке Сары.

Она кивнула ему.

Сол провел три дня и три ночи в каменной пустыне, питаясь только черствым хлебом, который запивал водой из конденсаторного термоса.

Десятки тысяч раз за прошедшие двадцать лет он мечтал о том, чтобы болезнь Рахили перешла к нему: ведь если кто-то должен страдать, то, конечно, отец, а не ребенок. Вероятно, все родители на его месте думали бы так же — они так и делают каждый раз, когда их ребенок тяжело заболеет или угодит в аварию. Но здесь все сложнее.

На третий день в этом пекле, когда он дремал в тени большой каменной плиты, Сол узнал: да, действительно сложнее.

«Мог бы Авраам дать такой ответ Богу? Что он сам будет жертвой, а не Исаак?»

«Авраам мог так ответить. А ты не можешь».

«Почему?»

И словно в ответ Сол, как в бреду, увидел обнаженных людей, шагающих к печам сквозь строй мужчин, вооруженных автоматами, и матерей, прячущих своих детей под грудами одежды. Он увидел мужчин и женщин с кожей, свисавшей обугленными лохмотьями, которые выкапывали перепуганных детей из пепла еще совсем недавно существовавшего города. Сол знал, что все это не сон, а реальные картины Первого и Второго Холокоста, и, понимая это, еще до того, как в его мозгу прозвучал тот голос, он уже знал, каким будет ответ. Каким он должен быть.

«Родители уже предлагали себя. Эта жертва уже принята. Все это в прошлом».

«Но что же тогда? Что?»

Ответом было молчание. Сол, стоявший на самом солнцепеке, с трудом держался на ногах. Черная птица кружила у него над головой, а может, то была просто галлюцинация. Сол погрозил кулаком свинцово-серому небу.

«Ты использовал нацистов как свое оружие. Они безумцы. Чудовища. Ты и сам чудовище, будь Ты проклят».

«Нет».

Земля закачалась у него под ногами, и Сол рухнул на острые камни. Он подумал, что это не так уж отличается от прикосновения к шершавой стене. Камень величиной с кулак жег ему щеку.

> «Авраам повиновался, и для него это был правильный выбор, – подумал Сол. – Ведь этически Авраам сам был ребенком. В те времена все люди были детьми. Правильным выбором для детей Авраама было стать взрослыми и принести в жертву себя вместо детей. Каков же правильный ответ для нас?»

Ответа не было. Земля и небо перестали вращаться. Подождав немного, Сол неуверенно встал, стер кровь и грязь со щеки и медленно побрел к лежавшему внизу, в долине, городу.

— Нет, — сказал он Саре, — мы не поедем на Гиперион. Это неверное решение.

— Ты предпочитаешь ничего не делать. — Губы Сары побелели, когда она произносила эти слова, но голос оставался спокойным.

— Я предпочитаю не совершать ошибок.

Сара громко вздохнула и махнула рукой в сторону окна. Там во дворе их четырехлетняя дочка

каталась на игрушечной лошадке.

— Ты полагаешь, у нее осталось время, чтобы мы с тобой успели совершить какую-нибудь ошибку… или вообще что-нибудь… совершить?

— Сядь, мать.

Сара не шевельнулась. На ее джинсах поблескивали крупинки сахара. Солу вспомнилась обнаженная девушка, выходящая из фосфоресцирующей пены, полоса которой тянулась за плавучим островом на Мауи-Обетованной.

— Мы должны что-то сделать, — сказала она.

— Ее осматривало больше сотни медицинских и научных специалистов. Ее тестировали, зондировали, обследовали и мучили в двадцати научных центрах. Я посетил святилища Шрайка во всех мирах Сети; меня там совсем не хотят видеть. Мелио и другие эксперты по Гипериону из Рейхса утверждают, что в учении Церкви Шрайка нет никаких упоминаний о болезни Мерлина, а у туземцев Гипериона нет легенд ни о таком недуге, ни о способах его излечения. Исследовательская группа провела на Гиперионе целых три года и не нашла ничего. Продолжать работу им запретили. Доступ к Гробницам Времени предоставляется теперь только так называемым паломникам. Даже получить въездную визу на

Гиперион практически невозможно. А если мы возьмем туда Рахиль, поездка может ее убить.

Сол замолчал, переводя дыхание, и прикоснулся к руке Сары.

— Извини, что я повторяю все это. Но кое-что мы с тобой все же сделали.

— Этого мало, — тихо отозвалась Сара. — А что, если мы поедем как паломники?

Сол понурился.

— Церковь Шрайка выбирает свои ритуальные жертвы из тысяч добровольцев. В Сети полно отчаявшихся глупцов, а возвращаются единицы.

— Ну вот, видишь, разве это не доказательство? — быстро прошептала Сара. — Кто-то или что-то охотится за ними.

— Бандиты, — ответил Сол.

Сара покачала головой.

— Голем.

— Ты хочешь сказать, Шрайк.

— Это голем, — повторила Сара. — Тот, которого мы видим в нашем сне.

— Я не вижу в своих снах никакого голема. — Сол встревожился. — А какой он?

— Помнишь те красные глаза? — ответила Сара. — Это тот самый голем, которого Рахиль слышала тогда ночью в Сфинксе.

— Откуда тебе известно, что она слышала?

— Мне это снилось, — сказала Сара. — Мне это снится каждый раз перед тем, как мы входим туда, где нас ждет голем.

— Значит, мы с тобой видим разные сны, — пробормотал Сол. — Почему ты не рассказала мне это раньше?

— Я думала, что схожу с ума, — прошептала Сара.

Сол вспомнил о своих тайных беседах с Богом и обнял жену.

— О, Сол, — Сара прижалась к нему еще крепче, — как больно видеть все это. И как здесь одиноко…

Сол молчал. Они несколько раз пытались побывать дома — домом для них навсегда остался Мир Барнарда: навестить родственников, друзей, но каждый раз долгожданную встречу губило нашествие репортеров и туристов. В этом не было ничьей вины. Через мегаинфосферу новости молниеносно распространялись по ста шестидесяти мирам Сети, а чтобы удовлетворить свое любопытство, достаточно было сунуть универсальную карточку в прорезь турникета на входе в терминал и шагнуть сквозь ворота портала. Они пробовали уезжать без предварительного

уведомления и путешествовать инкогнито, но хитрить они не умели, и все их уловки ни к чему не приводили. Через двадцать четыре стандартных часа после их возвращения в Сеть репортеры были тут как тут. Научно-исследовательские институты и крупные медицинские центры охотно брали их под защиту своей службы безопасности, но тогда страдали друзья и родственники. Рахиль по-прежнему оставалась сенсацией.

— Может, мы могли бы снова пригласить Тету и Ричарда… — начала Сара.

— У меня есть предложение получше, — сказал Сол. — Поезжай-ка ты, мать, сама. Тебе хочется повидать сестру, увидеть, услышать, вдохнуть в себя запах дома… любоваться закатом там, где нет никаких игуан… побродить по полям. Поезжай.

— То есть как это — поезжай? Одна? Оставить Рахиль…

— Чепуха, — возразил Сол. — Отлучиться два раза за двадцать лет… собственно, сорок, если добавить и те счастливые дни до… в общем, два раза за двадцать лет это вовсе не значит, что ребенок брошен без присмотра. Удивительная мы все же семья — так долго живем вместе и все еще не надоели друг другу.

Сара в задумчивости смотрела на стол.

— Ну а эти репортеры, они меня не разыщут?

— Убежден, что нет, — ответил Сол. — Им нужна Рахиль. Если они будут тебе досаждать, возвращайся. Но я готов держать пари, что ты спокойно проведешь неделю дома и успеешь навестить всех, кого хочешь, прежде чем на тебя набросятся охотники за новостями.

— Неделя! — У Сары перехватило дух. — Как же я могу…

— Еще как можешь! Мало того, ты просто должна поехать. Мне это даст возможность проводить больше времени с Рахилью, а потом, когда ты возвратишься, отдохнувшая, я смогу потратить несколько дней на свою книгу.

— Кьеркегор и что-то там?..

— Нет. Я тут затеял некую игру, и называется она «Проблема Авраама».

— Странное название, — сказала Сара.

— И проблема странная, — отозвался Сол. — А теперь иди и укладывай вещи. Завтра проводим тебя в Новый Иерусалим, так что ты сможешь вылететь до субботы.

— Хорошо, я подумаю, — сказала она не слишком уверенно.

— Ты давай укладывайся. — Сол снова ее обнял, а затем развернул лицом к коридору и двери в

спальню. — Ступай. Когда ты возвратишься, я подумаю, что можно предпринять.

— Обещаешь? — спросила она, помедлив.

Сол ответил, глядя ей в лицо.

— Я обещаю, что сделаю это прежде, чем время уничтожит все. Я, ее отец, клянусь, что отыщу выход.

Она кивнула, и Сол подумал, что за все эти месяцы не видел на ее лице такого покоя.

— Пойду укладываться.

Вернувшись на следующий день из Нового Иерусалима, Сол отправился поливать крохотный газон, оставив Рахиль с ее игрушками. Когда он снова вошел в дом, розовый свет заката заливал стены, вызывая ощущение тепла и покоя. Рахили не было ни в детской, ни в других ее излюбленных местах.

— Рахиль! — крикнул Сол.

Не получив ответа, он снова выглянул во двор, потом на улицу. Ни души.

— Рахиль! — Сол кинулся было к соседям, но тут его внимание привлекли еле слышные звуки, доносившиеся из стенного шкафа, который Сара использовала как кладовку. Сол осторожно открыл дверцу.

Рахиль сидела под висевшей на плечиках

одеждой и копалась в принадлежащей Саре старинной деревянной шкатулке. Весь пол в шкафу был завален фотографиями и голографическими чипами: Рахиль — ученица средней школы, Рахиль в день поступления в колледж, Рахиль на Гиперионе, на фоне ажурной стены скал. На коленях четырехлетней Рахили лежал исследовательский комлог Рахили-аспирантки и что-то тихо бормотал. Сол услышал этот знакомый голос молодой, уверенной в себе женщины, и сердце его болезненно сжалось.

— Папа, — сказала девочка, подняв глаза, и ее тоненький голосок был испуганным эхом голоса, звучавшего в комлоге. — Ты никогда не говорил, что у меня есть сестричка.

— У тебя ее нет, малышка.

Рахиль нахмурилась.

— Значит, это мама, когда она была… не такая большая? Не-е, это не она. Она говорит, что ее тоже зовут Рахиль. Как же так…

— Все в порядке, — сказал он. — Я тебе объясню… — Тут Сол вдруг понял, что в гостиной давно уже звонит фон. — Подожди минутку, милая. Я сейчас вернусь.

В нише появилось голографическое изображение мужчины, которого Сол ни разу в жизни не

видел. Сам он не включил свой собственный имиджер, торопясь скорее отделаться от незнакомца.

— Да? — сказал он резко.

— Господин Вайнтрауб? Господин Вайнтрауб, который жил в Мире Барнарда, а в настоящее время живет в деревне Дан на Хевроне?

Сол хотел уже отключить фон, но задумался. Их кодовый номер не зарегистрирован. Иногда звонил какой-нибудь продавец из Нового Иерусалима, звонки же с других планет были весьма редки. А потом с резкой болью в сердце он понял все: сейчас суббота, солнце уже зашло. В это время разрешены только экстренные голографические вызовы.

— Да? — сказал Сол.

— Господин Вайнтрауб. — Незнакомец глядел мимо него. — Произошло огромное несчастье.

Когда Рахиль проснулась, возле ее кровати сидел отец. Вид у него был усталый. Глаза красные, щеки потемнели от щетины.

— Доброе утро, папа.

— Доброе утро, милая.

Рахиль огляделась и растерянно заморгала. Вот ее куклы, вот игрушки и другие вещи, но это не ее комната. Здесь другой свет. И воздух какой-то другой. Да и отец выглядит по-другому.

— Папа, где мы?

— Мы с тобой отправились в путешествие, малышка.

— А куда?

— Сейчас это не важно. Вставай-ка, маленькая. Ванна готова, а потом мы будем одеваться.

Темное платьице, которого она ни разу не видела раньше, лежало в ногах ее постели. Рахиль посмотрела на него, потом опять на отца.

— Папа, что случилось? Где наша мамочка?

Сол задумчиво потер щеку. Это было уже третье утро после катастрофы. Сегодня похороны. Он рассказал ей все — и вчера утром, и позавчера, — ибо не мог допустить даже мысли о том, чтобы солгать ей; это было бы верхом предательства, предательством и Рахили, и Сары. Но сейчас ему вдруг показалось, что он не сможет повторить это еще раз.

— Случилась беда, Рахиль, — сказал он, и голос его дрогнул. — Мама умерла. Сегодня мы пойдем с ней попрощаться. — Сол сделал паузу. Он уже знал, что потребуется по меньшей мере минута, чтобы до Рахили дошел смысл произнесенных им слов. В первый день он еще не был уверен, поймет ли четырехлетний ребенок, что значит «умерла». Теперь он знал, что поймет.

А потом, обнимая горько плачущую дочь, Сол снова пытался уяснить, как же произошла эта катастрофа, вместившаяся всего в несколько слов. Магнитопланы с полным правом считались самым надежным видом пассажирского транспорта из всех, когда-либо изобретенных человечеством. Их двигатели могли иногда отказать, но даже в этих случаях остаточный заряд в электромагнитных генераторах позволял машине совершить безопасную посадку с любой высоты. Надежная конструкция автоматики, предохраняющей ТМП от столкновений в воздухе, в принципе не претерпевала изменений на протяжении нескольких веков. Но ничто не помогло. Непосредственной причиной катастрофы явились двое подростков, угнавших ТМП и носившихся на нем за пределами выделенных для транспорта линий; разогнались они до полутора звуковых, а сигнальные огни и импульсный приемопередатчик просто выключили, чтобы их никто не обнаружил; это и привело к столкновению со старым «Виккеном» тети Теты, который шел к посадочной площадке оперного театра в Буссард-Сити. Помимо Теты, Сары и обоих подростков погибли еще три человека, когда обломки машин врезались в битком набитый

публикой атриум театра.

Сара…

— А мы еще когда-нибудь увидим мамочку? — спросила Рахиль, всхлипывая. Она задавала этот вопрос и вчера, и позавчера.

— Не знаю, милая, — искренне ответил Сол.

Похоронили Сару в фамильном склепе в округе Кейтс на Барнарде. Репортеры сновали под деревьями и бушевали у чугунных ворот, словно кипящий прибой, но вторгнуться на кладбище все же не посмели.

Ричард предложил Солу пожить вместе с дочкой несколько дней у него на ферме, но Сол по опыту знал, какие муки ожидают беднягу, если пресса не утихомирится. Он обнял Ричарда, лаконично ответил толпившимся за оградой репортерам и сбежал вместе с ошеломленной и притихшей Рахилью на Хеврон.

Репортеры преследовали их до Нового Иерусалима, а затем попытались пробраться в Дан, но военная полиция, обогнав их, преградила путь взятым напрокат магнитопланом; человек десять для острастки посадили в тюрьму, а остальным аннулировали въездные нуль-визы.

Вечером Сол отправился побродить по окрест-

ным холмам, оставив спящую Рахиль на попечение Джуди. Он обнаружил, что спорит теперь с Богом вслух и с трудом сдерживает желание грозить небесам кулаком, швырять камни или выкрикивать бохогульства. Вместо этого он лишь задавал вопросы, всегда кончавшиеся одним словом: «Почему?».

Ответа не было. Солнце Хеврона скрылось за далекими горами, и скалы светились розовым светом, отдавая дневное тепло. Сол сел на камень и потер ладонями виски.

Сара…

Они были счастливы друг с другом, даже когда на них обрушился этот ужас — болезнь Рахили. Как жестоко посмеялась над ними судьба — стоило Саре вырваться к сестре, чтобы отдохнуть… Сол застонал.

Ловушка, конечно, заключалась в том, что они были полностью поглощены болезнью Рахили. Они просто не могли себе представить будущее после ее… смерти? Исчезновения? Мир сузился до одного дня, в котором жила их дочь, и им даже в голову не приходило, что безжалостная Вселенная, подчиняясь своей извращенной антилогике, может уничтожить одного из них. Сол был уверен, что Сара, как и он, подумывала о

самоубийстве, но ни он, ни она никогда бы не решились покинуть друг друга. Или Рахиль. Он даже представить себе не мог, что останется с Рахилью один.

Сара!

И в этот миг Сол осознал, что гневный диалог, который его народ вел с Богом в течение тысячелетий, не окончился с гибелью Старой Земли и с новой диаспорой… Он все еще длится. И он, и Рахиль, и Сара были частью этого спора, участвовали в нем и сейчас. Боль не проходила. Она заполнила его целиком и принесла с собой мучительную необходимость принять решение.

В сгущавшихся сумерках Сол стоял на вершине холма и плакал.

Утром, когда комнату затопил солнечный свет, Сол наклонился над кроваткой Рахили.

— Доброе утро, папа.

— Доброе утро, милая.

— Где мы, папа?

— Мы путешествуем. Здесь хорошо.

— А где мамочка?

— Сегодня она гостит у тети Теты.

— Мы увидим ее завтра?

— Да, — ответил Сол. — А теперь давай-ка я тебя одену и приготовлю завтрак.

Сол принялся ходатайствовать перед Церковью Шрайка о паломничестве, когда Рахили исполнилось три года. Поездки на Гиперион были строго ограничены, а доступ к Гробницам Времени стал почти невозможным. Но паломников туда пропускали.

Рахиль очень огорчалась, что в день ее рождения с нею нет ее мамы, но из кибуца пришло несколько детей, и она отвлеклась. Самым лучшим подарком оказалась иллюстрированная книга сказок, которую Сара привезла из Нового Иерусалима несколько месяцев назад.

Некоторые сказки Сол читал Рахили перед сном. Прошло уже семь месяцев, с тех пор как она еще могла прочесть некоторые слова. Но сказки она все еще любила — особенно «Спящую красавицу» — и заставила отца прочитать ее два раза.

— Когда вернемся домой, я покажу ее мамочке, — сказала она, зевая.

— Спокойной ночи, детка, — выключив свет и задержавшись у двери, негромко сказал Сол.

— Папа?

— А?

— Счастливо, аллигатор.

— Пока, крокодил.

Рахиль хихикнула в подушку.

Нечто похожее, не раз думал Сол в последние два года, переживают люди, у которых на глазах дряхлеет и слабеет кто-то из близких. Только это хуже. В тысячу раз хуже.

С восьми лет у Рахили стали выпадать зубы, когда ей исполнилось два годика, их уже полностью заменили молочные, а еще через полгода половина из них ушла в челюсть.

Волосы Рахили, которые всегда были предметом ее гордости, стали реже и короче. Ее лицо постепенно теряло знакомые очертания — младенческая пухлость сгладила скулы и твердую линию подбородка. Мало-помалу стали заметны нарушения координации движений, особенно когда Рахиль брала в руки вилку или карандаш. В день, когда она перестала ходить, Сол уложил ее пораньше в кроватку, а затем ушел в свой кабинет и тихо напился до потери сознания.

Самым тяжелым было то, что она разучалась говорить. С каждым забытым словом Сол все сильнее чувствовал, как горит соединяющий их мост, рвется последняя ниточка надежды. Впервые он заметил это, когда ей исполнилось два года. Уложив ее и задержавшись в дверях, Сол как всегда сказал:

— Счастливо, аллигатор.

— А?

— До свидания, аллигатор, говорю.

Рахиль захихикала.

— Ты должна мне ответить: «Пока, крокодил», — сказал Сол. Он рассказал ей и об аллигаторе, и о крокодиле.

— Пока, акодил, — хихикая, сказала Рахиль.

Утром она все забыла.

Сол брал теперь Рахиль с собой в поездки по Сети. Уже не обращая внимания на репортеров, он ходатайствовал перед Церковью Шрайка о предоставлении ему права на паломничество, требовал от Сената визы и пропуска в закрытый район Гипериона, посещал научно-исследовательские институты и клиники, предлагавшие хоть что-то новое. Неделя шла за неделей, и все больше врачей расписывалось в своем бессилии. Когда он возвратился на Хеврон, Рахили было пятнадцать стандартных месяцев; она весила (на Хевроне пользовались старинными единицами) двадцать пять фунтов, а ее рост равнялся тридцати дюймам. Она уже не могла одеваться сама. Ее словарь состоял из двадцати пяти слов, главными из которых были «мама» и «папа».

Солу нравилось носить свою дочь на руках. Ее головка у его щеки, тепло детского тельца,

запах ее кожи, случалось, помогали ему забыть жестокую несправедливость происшедшего. Он как бы заключал перемирие со Вселенной, и для полного покоя не хватало лишь Сары. Тогда и в его гневных диалогах с Богом, в Которого он не верил, наступала временная передышка.

«Что может быть причиной всего этого?»

«А какова видимая причина любых страданий, которые претерпевало человечество?»

«Верно», — подумал Сол. Неужели он впервые начал что-то понимать? Сомнительно.

«Из того, что ты чего-то не видишь, еще не следует, что этого не существует».

«Фу, как неуклюже. Неужели нельзя было изложить эту мысль, употребив меньше трех отрицаний? Тем более что мыслишка-то отнюдь не глубока».

«Верно, Сол. Ты начинаешь разбираться во всем этом».

«В чем?»

Ответа не было. Сол лежал у себя дома и прислушивался к завыванию ветра в пустыне.

Последним словом Рахили было «мама», произнесенное, когда ей было немногим больше пяти месяцев.

Она просыпалась в своей кроватке и не спрашивала — не могла спросить, — где находится. Ее мир состоял теперь из еды, сна и игрушек. Когда она плакала, Сол почему-то думал, что она зовет мать.

За покупками Сол ходил в деревенские лавочки. Держа Рахиль на руках, он выбирал пеленки, детское питание и — временами — новую игрушку.

За неделю до того, как Сол отправился на ТК-Центр, к нему пришли поговорить Эфраим и двое других старейшин. Был вечер, и отблески угасающего заката окрасили лысину Эфраима в розовый цвет.

— Сол, мы тревожимся за тебя. Наступающие недели будут особенно трудными. Наши женщины хотят тебе помочь. Мы все хотим тебе помочь.

Сол положил руку на плечо старика.

— Я ценю вашу заботу, Эфраим. Все последние годы вы мне очень помогали. Теперь это и наша родина. Я думаю, Саре тоже хотелось бы… чтобы я вам это сказал. Но в воскресенье мы уезжаем. Рахиль поправится.

Трое мужчин, сидевших на длинной скамейке, переглянулись.

— Найден новый способ лечения? — помедлив, спросил Абнер.

— Нет, — ответил Сол, — но у меня появилась надежда.

— Надежда — это хорошо, — неуверенно произнес Роберт.

Сол улыбнулся, и его белые зубы сверкнули в седой бороде.

— Могло быть и лучше, — сказал он. — Но иногда это все, что у нас есть.

Голографическая камера крупным планом показала Рахиль, которую держал на руках Сол. Они сидели в студии, откуда велась передача «Понемногу обо всем».

— Итак, вы утверждаете, — произнес Девон Уайтшир, ведущий этой передачи и третий по популярности человек в инфосфере Сети, — что отказ Церкви Шрайка и… медлительность Гегемонии в оформлении визы… что эти обстоятельства обрекают вашего ребенка на… исчезновение?

— Совершенно верно, — ответил Сол. — До Гипериона нельзя добраться быстрее, чем за шесть недель. Рахили сейчас двенадцать недель. Любое промедление — по вине ли Церкви Шрайка, либо бюрократии Сети — убьет моего ребенка.

Участники передачи заволновались. Девон

Уайтшир повернулся к ближайшему имиджеру, и его добродушное худощавое лицо заполнило весь экран.

— Этот человек не знает, сможет ли он спасти свою дочку. — Голос Уайтшира зазвенел от сдерживаемого волнения. — Но ведь все, чего он просит, это дать ему шанс. Думаете ли вы, что он и его дочка заслуживают этот шанс? Если да, то обращайтесь к вашим планетарным представителям и в ближайшее к вам святилище Церкви Шрайка. Номер вашего ближайшего святилища сейчас появится у вас на экранах. — Он снова повернулся к Солу. — Мы желаем вам удачи, господин Вайнтрауб. И, — большая рука Уайтшира коснулась щеки Рахили, — мы желаем счастливого пути тебе, наш маленький друг.

На экране вновь появилось лицо Рахили и оставалось на нем до тех пор, пока он не погас.

Эффект Хоукинга вызывал тошноту, головокружение, головную боль и галлюцинации. Полет к Парвати на принадлежащем Гегемонии факельщике «Отважный» занял десять дней.

Все это время Сол держал Рахиль и терпел стиснув зубы. На корабле они были единственными, кто не впал в спасительное забытье. Сначала Рахиль плакала, но через несколько часов успо-

коилась и тихо лежала теперь на руках у Сола, глядя на него большими темными глазами. Сол вспомнил тот день, когда она родилась — врач принимает младенца, появившегося из чрева Сары, и протягивает его Солу. Темные волосы Рахили были тогда ненамного короче, чем теперь, а ее взгляд — не менее осмысленным.

В конце концов они заснули от усталости.

Солу снилось, что он бродит по какому-то зданию с колоннами, огромными, как секвойи, и потолком таким высоким, что его нельзя разглядеть. Пустое помещение заливал красный свет. Сол с удивлением обнаружил, что по-прежнему держит на руках Рахиль. Рахиль в облике младенца в его снах еще ни разу не появлялась. Девочка взглянула на него, и Сол ощутил соприкосновение их сознаний так отчетливо, словно она высказала свои мысли вслух.

Но тут другой голос, громкий и холодный, эхом раскатился в пустоте:

> «Сол! Возьми дочь твою, единственную твою, которую ты любишь, Рахиль; и отправляйся в мир, называемый Гиперион, и там принеси ее во всесожжение в месте, о котором Я скажу тебе».

Сол растерянно взглянул на Рахиль. В больших глазах ребенка, устремленных на отца, светилась невысказанная мысль. Сол понял, что она говорит ему: «Да». Крепко прижав к себе дочь, он шагнул в темноту, и его голос разорвал царившую здесь тишину:

> «Слушай, Ты! Больше не будет жертвоприношений, ни детей, ни родителей! И люди будут жертвовать собой лишь для людей – ни для кого иного. Время повиновения и искупления кончилось!»

Сол замолчал, ощущая биение своего сердца и теплоту тела Рахили. Откуда-то сверху с огромной высоты до него долетало холодное дыхание ветра, со свистом врывавшегося в невидимые трещины. Сол приложил руку ко рту и прокричал:

> «Все! Теперь или оставь нас в покое, или приди к нам как отец, а не за жертвой! Выбирай, как некогда выбирал Авраам!»

В каменном полу раздался грохот, и Рахиль вздрогнула. Колонны зашатались. Красный сумрак сгустился, а затем мгновенно наступила тьма. Издалека донесся звук тяжелых шагов.

Налетел мощный порыв ветра, и Сол прижал Рахиль к себе.

А потом замерцал свет, и они с Рахилью проснулись на борту КГ «Отважный», направлявшегося к Парвати, где им нужно было пересесть на звездолет-дерево «Иггдрасиль», который доставит их на планету Гиперион. Сол улыбнулся своей двухмесячной дочери. Она улыбнулась ему в ответ.

Это была ее последняя улыбка. Или же первая.

Когда ученый закончил свой рассказ, в каюте воцарилась тишина. Сол откашлялся и выпил воды из хрустального бокала. Рахиль спала в самодельной кроватке. Ветровоз, слегка раскачиваясь, продолжал свой путь, а монотонное громыхание ходового колеса и жужжание гиростабилизаторов навевали на пассажиров сон.

— Господи, — тихо произнесла Ламия[35] Брон. Она хотела сказать еще что-то, но передумала и просто покачала головой.

Мартин Силен, закрыв глаза, продекламировал:

---

[35] Примечания: 35

Ламия — в греческой мифологии — чудовище, пожиравшее чужих детей; злой дух, змея с головой и грудью прекрасной женщины. Живет в лесах и оврагах, заманивая к себе путников. Китс написал поэму «Ламия», основным источником для которой послужило изложение мифа в «Жизни Аполлония Тианского» Филострата. В поэме рассказывается о любви юноши Ликия и Ламии.

Когда ж вся ненависть уйдет,
Душа невинность обретет,
Постигнув, что сокрыты в ней одной
Ее восторги, страхи и покой,
А воля добрая ее – есть воля Божья,
За что б ее тогда ни порицали,
Какие б ветры ни хлестали,
Она счастливой будет все же.

— Уильям Батлер Йейтс? — спросил Сол Вайнтрауб.

Силен утвердительно кивнул:

— «Молитва о дочери».

— Я, пожалуй, выйду на палубу подышать перед сном, — сказал Консул. — Никто не хочет присоединиться?

Захотели все. Обдуваемые свежим ветерком, паломники стояли на юте, вглядываясь в темное Травяное море. Огромная чаша неба была усеяна звездами и испещрена следами метеоров. Хлопанье парусов и скрип снастей, казалось, раздаются из далекого прошлого.

— Я думаю, нужно поставить на ночь часовых, — сказал полковник Кассад. — Дежурить будем по-одному. Через два часа — смена.

— Согласен, — отозвался Консул. — Я буду дежурить первым.

— Утром… — начал было Кассад.

— Смотрите! — вдруг крикнул отец Хойт.

Все взглянули туда, куда он показывал. Между сияющими созвездиями вспыхнули разноцветные огненные шары — зеленый, фиолетовый, оранжевый, еще один зеленый. Подобно зарницам они осветили раскинувшуюся во все стороны огромную равнину. Звезды и следы метеоров поблекли рядом с этим поразительным зрелищем.

— Взрывы? — спросил священник.

— Сражение в космосе, — ответил Кассад. — Поблизости. Термоядерные бомбы, — добавил он на ходу и скрылся в люке.

— Смотрите, Древо. — Хет Мастин указывал на светящуюся точку, которая перемещалась среди взрывов, словно тлеющий уголек среди огней фейерверка.

Кассад вернулся со своим электронным биноклем и пустил его по кругу.

— Бродяги? — спросила Ламия. — Это вторжение?

— Почти наверняка Бродяги, — сказал Кассад. — Но, возможно, это не вторжение, а всего лишь разведывательный рейд. Видите вспышки?

Корабли Гегемонии стреляют ракетами, а Бродяги их сбивают.

Бинокль наконец оказался у Консула. Вспышки были теперь ясно различимы — расширяющиеся фонтаны огня. Он разглядел и пятнышко «дерева», и длинные синие выхлопы по меньшей мере двух разведчиков, удиравших от преследователей.

— Я не думаю… — начал было Кассад, как вдруг весь их корабль до кончиков мачт и Травяное море затопило ярким оранжевым светом.

— Боже милостивый, — прошептал отец Хойт. — Они попали в корабль-дерево!

Консул перевел бинокль влево. Увеличивающийся ореол пламени можно было разглядеть и невооруженным глазом, но в бинокль какое-то мгновение были отчетливо видны километровый ствол и ветви охваченного огнем «Иггдрасиля». По мере того как выключались защитные поля и кислород выходил наружу, длинные языки пламени, изгибаясь, устремлялись в космос. Оранжевое облако начало пульсировать, потом растаяло и исчезло. На секунду ствол полыхнул огнем, а затем разлетелся на отдельные куски, словно последняя головешка догорающего костра. Ничто не могло уцелеть в этом аду. «Иг-

гдрасиль», со своей командой, клонами и эргами, разумными существами-аккумуляторами, более не существовал.

Консул повернулся к Хету Мастину и с опозданием протянул ему бинокль.

— Мне очень жаль, — прошептал он.

Тамплиер не взял бинокля. Он опустил голову, надвинул на глаза капюшон и молча пошел вниз.

После гибели корабля-дерева взрывов больше не было. Прошло десять минут, но ни одна вспышка не нарушила черноту ночного неба.

Первой пришла в себя Ламия Брон:

— Вы полагаете, они их подбили?

— Бродяг? — спросил Кассад. — Вряд ли. Разведывательные корабли строятся с расчетом на скорость и на оборону. Сейчас они уже на расстоянии нескольких световых минут.

— Они что, охотились за кораблем-деревом? — спросил Силен. Голос поэта звучал непривычно трезво.

— Думаю, что нет, — ответил Кассад. — Скорее всего это чистая случайность.

— Чистая случайность, — словно эхо повторил Сол Вайнтрауб и покачал головой. — Пойду посплю.

Один за другим спустились вниз и остальные. Когда на палубе остался один Кассад, Консул спросил:

— Где я должен нести караул?

— Обходите весь корабль, — ответил полковник. — Из основного коридора вам будут видны двери всех кают и вход в столовую и в камбуз. Потом поднимайтесь на палубу и проверяйте трап и надстройки. Внимательно следите, чтобы горели фонари. У вас есть оружие?

Консул отрицательно покачал головой.

Кассад протянул ему свой «жезл смерти».

— Он настроен на узкий луч — около полуметра на дистанции десять метров. Не пользуйтесь им, пока не убедитесь, что на корабль кто-то проник. Эта пластина с шершавой поверхностью — предохранитель. Сдвигается она вперед. Сейчас жезл на предохранителе.

Убедившись, что его палец не касается пластины, Консул кивнул.

— Я сменю вас через два часа, — сказал Кассад и проверил свой комлог. — Моя вахта закончится раньше, чем взойдет солнце. — Он посмотрел на небо, как бы ожидая, что «Иггдрасиль» вновь появится там и продолжит свой полет. Но там сияли только звезды. Закрывший северовосточный

горизонт черный вал предвещал шторм.

Кассад покачал головой.

— Зря, — сказал он и спустился вниз.

Консул постоял немного, прислушиваясь к шуму ветра в парусах, скрипу снастей и грохоту колеса. Потом подошел к борту и задумался, глядя в темноту.

5

Восход над Травяным морем был воистину прекрасен. Консул любовался им с крыши кормовой надстройки. После вахты он попытался заснуть, но вскоре понял, что это бесполезно, и поднялся на палубу встретить рассвет. Низко нависшие грозовые тучи застилали небо, и отраженные ими лучи восходящего солнца залили весь мир расплавленным золотом. Паруса, снасти, побелевшие от времени доски палубы — все, чего солнце коснулось своим кратким благословением, засияло всеми цветами радуги. Но вот оно скрылось за пологом облаков, и мир снова лишился своих красок. И стоило упасть занавесу, как сразу же подул ветер, такой холодный, словно он прилетел сюда прямо со снежных вершин Уздечки, показавшихся из-за горизонта на северо-востоке.

На палубе появились Ламия и Мартин Силен с чашками кофе в руках и направились к Консулу. Ветер тянул и рвал снасти. Густые кудри Ламии растрепались, окружив ее лицо подобием темного нимба.

— Доброе утро, — пробормотал Силен, щурясь поверх чашки на подернувшуюся рябью гладь

Травяного моря.

— Доброе утро, — ответил Консул. Он чувствовал себя на удивление бодрым и свежим, хотя за всю ночь ни разу не сомкнул глаз. — Ветер встречный, но пока судно идет неплохо. Уверен, к вечеру мы достигнем гор.

— Хрргм, — прокомментировал это замечание Силен и сунул нос в чашку.

— Я никак не могла заснуть, — сказала Ламия. — Все думала о том, что рассказал нам господин Вайнтрауб.

— Что касается меня… — начал поэт, но тут на палубу вышел Вайнтрауб с дочерью. Девочка выглядывала из своей люльки, висевшей на груди ученого.

— Всем доброе утро, — сказал Вайнтрауб и, оглядевшись, глубоко вздохнул. — Ммм-да, холодновато…

— Чертовски холодно, — откликнулся Силен. — А когда перевалим через хребет, будет еще хуже.

— Я, пожалуй, спущусь за курткой, — сказала Ламия. Но не успела она сделать и шагу, как внизу кто-то пронзительно закричал:

— Кровь!

И в самом деле — кровь была повсюду. Каюта Хета Мастина выглядела на редкость опрятно:

нетронутая постель, ровный штабель чемоданов в углу, на стуле — аккуратно сложенная одежда. Но на полу, на переборках, на потолке, куда ни глянь — кровь. Шестеро паломников вошли в каюту и кучкой столпились у дверей, не решаясь пройти дальше.

— Я как раз шел мимо, хотел подняться на верхнюю палубу. — Голос отца Хойта был до странности монотонным. — И тут заметил, что дверь приоткрыта. Мне сразу бросилось в глаза… кровь на стене.

— А это в самом деле кровь? — засомневался Мартин Силен.

Ламия Брон шагнула вперед, провела рукой по заляпанной красными пятнами переборке и поднесла пальцы к губам.

— Да! Кровь. — Она огляделась вокруг, подошла к платяному шкафу, быстро осмотрела пустые полки и вешалки, затем направилась к маленькому иллюминатору. Он был закрыт на щеколду и закреплен изнутри болтами.

Ленар Хойт, выглядевший совершенно разбитым, сделал несколько неверных шагов и рухнул на стул.

— Так он мертв?

— Утверждать наверняка мы не можем. Из-

вестно только, что капитан Мастин исчез из собственной каюты и что в ней полно крови. — Ламия вытерла руку о штанину и добавила: — Надо тщательно осмотреть весь корабль.

— Верно, — согласился Кассад. — А если мы не найдем капитана?

Ламия Брон открыла иллюминатор. Каюту наполнило громыхание колеса и шуршание травы под корпусом. Запах свежей крови, наводящий на мысль о бойне, стал понемногу выветриваться.

— Если мы не найдем капитана Мастина, — сказала она, — останется предположить одно из двух: либо он покинул корабль по собственной воле, либо его похитили.

— Но кровь… — начал отец Хойт.

— Не доказывает ничего, — закончил за него Кассад. — Госпожа Брон права. Мы не знаем, какая у него группа крови, какой генотип… Кто-нибудь видел или слышал что-нибудь подозрительное?

Раздалось несколько «не-а», остальные молча покачали головами.

Мартин Силен встрепенулся:

— Послушайте, да это же работа нашего друга Шрайка! Неужели не узнаете почерк?

— Не обязательно, — отрезала Ламия. — А может, кто-то решил навести нас на мысль, что это

Шрайк.

— Зачем? — спросил отец Хойт, тяжело дыша. — Бессмыслица какая-то.

— И тем не менее, — сказала Ламия. — А теперь надо обыскать корабль. Разбиваемся по парам и приступаем. Кто при оружии?

— Я, — отозвался полковник Кассад. — У меня и лишнее найдется, если надо.

— У меня ничего нет, — объявил отец Хойт.

Поэт отрицательно покачал головой.

— У меня тоже, — сказал Сол Вайнтрауб, заглянув в каюту (увидев кровь, он сразу же вышел в коридор).

— И у меня, — добавил Консул. Отстояв вахту, он тут же вернул Кассаду его «жезл смерти».

— Так, — подытожила Ламия. — Священник пойдет со мной на нижнюю палубу. Силен с полковником — на среднюю. Господин Вайнтрауб, вы с Консулом проверьте все наверху. Постарайтесь ничего не пропустить. И ищите любые признаки борьбы.

— Позвольте вопрос, — перебил ее Силен.

— Да?

— Кто, черт возьми, выбрал вас королевой бала?

— Я частный детектив. — Ламия пристально

посмотрела поэту в глаза.

Мартин Силен пожал плечами:

— Присутствующий здесь отец Хойт является священником какой-то забытой религии. Но не значит же это, что мы должны преклонять колена, когда он служит мессу.

— Ну что ж, — вздохнула Ламия, — придется прибегнуть к более весомому аргументу.

Консул и глазом моргнуть не успел, как она оказалась рядом с Силеном. Секунду назад Ламия стояла возле иллюминатора, а в следующее мгновение была уже в центре каюты, и поэт, поднятый в воздух ее мускулистой рукой, беспомощно болтал ногами и силился разжать пальцы, сомкнувшиеся вокруг его тощей шеи.

— Ну что, порассуждаешь еще или будешь делать то, что сказано?

Мартин Силен что-то невнятно прохрипел.

— Так-то, — коротко заметила Ламия и опустила поэта на пол. Силен сделал несколько шагов, пошатнулся и едва не сел на отца Хойта.

Появился Кассад с двумя малыми нейростаннерами в руках. Один из них он вручил Солу Вайнтраубу.

— Мое оружие — вот, — сказал он. — А ваше, Ламия?

Та сунула руку в карман своей просторной накидки и извлекла оттуда допотопный пистолет.

Кассад мельком взглянул на эту реликвию, затем кивнул.

— Друг от друга ни на шаг, — приказал он. — Прежде чем стрелять, уясните, что перед вами и насколько это опасно.

— Остается последовать вашим рекомендациям, полковник, — сказал Силен, массируя шею, — и немедленно пристрелить эту сукину дочь.

Ламия Брон шагнула к поэту.

— Ну-ка, хватит ссориться, — осадил ее Федман Кассад и вышел из каюты. Мартин Силен последовал за ним.

Сол Вайнтрауб подошел к Консулу и протянул ему станнер:

— Не хочется мне таскать эту штуку, когда Рахиль у меня на руках. Идем наверх?

Консул кивнул и взял оружие.

Глас Древа тамплиеров Хет Мастин бесследно исчез. После часа поисков все опять собрались в каюте пропавшего. Кровь уже потемнела и стала засыхать.

— Может, мы что-то упустили? — спросил отец Хойт. — Какие-нибудь потайные ходы? Или тай-

ники?

— Вряд ли, — ответил Кассад. — Я прочесал весь корабль с помощью датчиков тепла и движения. А от них даже мышь не укроется.

— Если у вас есть такие датчики, — возмутился Силен, — какого черта мы целый час ползали по разным углам и закоулкам?

— Потому что соответствующее оборудование или одежда могут спрятать человека даже от них.

— Я хотел бы уточнить. — Отец Хойт на секунду замолк: лицо его исказилось от боли. — Получается, что с помощью этого оборудования или одежды капитан Мастин мог укрыться от нас, спрятавшись в каком-нибудь тайнике?

— Возможно, но маловероятно, — ответила Ламия Брон. — Скорее всего на судне его нет.

— Это Шрайк. — В голосе Мартина Силена слышалось отвращение. Он не спрашивал — утверждал.

— Может быть, — сказала Ламия. — Полковник, последние четыре часа на вахте стояли вы с Консулом. Вы абсолютно уверены, что не видели и не слышали ничего подозрительного?

Оба одновременно кивнули.

— На судне было совершенно тихо, — добавил

Кассад. — До этого, кстати, тоже: шум борьбы я бы услышал в любом случае.

— А я, сменившись с вахты, совсем не спал, — заявил Консул. — Каюта Хета Мастина рядом с моей. Но я ничего не слышал.

— Итак, — сказал Силен, — мы выслушали двух человек, которые разгуливали по судну с оружием как раз тогда, когда бедняга был убит. И оба утверждают, что невиновны. Следующее дело!

— Если Мастин и был убит, — спокойно заметил Кассад, — то по крайней мере не «жезлом смерти». Ни один известный мне тип современного бесшумного оружия не вызывает таких потерь крови. Выстрелов тоже никто не слышал. Следов пуль нет. Так что пистолет Ламии тут ни при чем. Если это действительно кровь капитана Мастина, значит, действовали холодным оружием.

— Шрайк и есть холодное оружие. — Мартин Силен хмыкнул.

Ламия подошла к невысокому штабелю чемоданов.

— Хватит спорить. Давайте-ка лучше посмотрим его багаж.

Отец Хойт предостерегающе поднял руку:

— Это… ну… это ведь его личные вещи, не так ли? Мы не имеем права…

Ламия Брон скрестила руки на груди.

— Послушайте, святой отец, если Мастин мертв, ему все равно. А если все-таки жив, то, осмотрев его вещи, мы, возможно, поймем, где искать его самого. Но в любом случае нам нужно попробовать.

Хойт кивнул, соглашаясь, но весь его вид выражал сомнение. В конце концов посягательство на чужую собственность состоялось. В первом чемодане обнаружилось лишь несколько смен белья и «Книга Жизни» Мюира. Во втором — сотня сублимированных саженцев, завернутых каждый в отдельности, вместе с землей.

— Посещая новую планету, тамплиер должен посадить там не менее ста саженцев Вечного Древа, — пояснил Консул. — Приживаются они редко, но так у них принято.

Тем временем Ламия Брон занялась большим металлическим ящиком, стоявшим в самом низу.

— Не трогайте! — остановил ее Консул.

— Почему?

— Это куб Мебиуса, — ответил за Консула полковник Кассад. — Оболочка из углепласта, а под ней — замкнутое на себя сверхпроводящее защитное поле.

— Ну и что? — возразила Ламия. — Кубы Мебиуса используют для консервации артефактов и всякого хлама. Но они же не взрываются.

— Сами-то они не взрываются, — согласился Консул, — но то, что в них заключено, взорваться может. А может быть, уже взорвалось.

— Куб такого размера может остановить на стадии детонации и сколь угодно долго удерживать внутри ядерный взрыв мощностью в одну килотонну, — добавил Федман Кассад.

Ламия хмуро посмотрела на ящик.

— Тогда как нам убедиться, что там не прячется убийца Мастина?

Кассад указал на светящуюся зеленую полоску вдоль единственного шва ящика.

— Он герметически закрыт. Если бы его открывали, для реактивации потребовался бы внешний генератор защитного поля. Поэтому его содержимое не имеет отношения к исчезновению капитана Мастина.

— Значит, мы так и не узнаем, что там? — задумчиво произнесла Ламия.

— Почему же? — сказал Консул. — Кое-какие догадки у меня есть.

Все посмотрели на него. Рахиль заплакала, и Сол включил обогрев люльки.

— Помните вчерашний разговор в Эдже? — продолжал Консул. — У меня создалось впечатление, что капитан Мастин хранит в этом кубе свое секретное оружие.

— Оружие? — переспросила Ламия.

— Конечно! — воскликнул Кассад. — Эрга!

— Эрг? — Мартин Силен уставился на ящик. — Но ведь это электрические твари, которых тамплиеры используют на своих «деревьях».

— Совершенно верно, — сказал Консул. — Существа эти были найдены около трех веков назад на астероидах системы Альдебарана. По размерам они не больше кошачьего позвоночника, но тело их представляет собой клубок пьезоэлектрических нервов, заключенный в оболочку из кремниевых хрящей. Эрг может генерировать силовое поле, сравнимое с тем, что создает небольшой спин-звездолет.

— Постойте-ка, — Силен не отводил глаз от куба, — нельзя же все это впихнуть в небольшой ящик? Там что, отражающие экраны?

— В каком-то смысле да, — ответил Кассад. — Поле существа можно демпфировать, и тогда оно не тратит и не потребляет энергию. Нечто вроде нашей криогенной фуги. А это, должно быть, небольшое. Детеныш, так сказать.

Ламия провела рукой по металлической оболочке.

— И что, тамплиеры умеют управлять этими существами? Общаются с ними?

— Да, — ответил Кассад. — Но как именно, толком никто не знает. Это один из секретов братства. Хет Мастин, наверное, рассчитывал, что эрг поможет ему справиться с…

— Со Шрайком, — закончил за него Мартин Силен. — Очевидно, тамплиер думал, что этот энергетический чертенок станет его секретным оружием, когда он встретится с Повелителем Боли. — Поэт рассмеялся.

Отец Хойт кашлянул.

— Церковь признала постановление Гегемонии о том, что эти существа — эрги — не обладают душой чувствующей… а потому не обретут спасения.

— О, они прекрасно все чувствуют, святой отец, — усмехнулся Консул. — Гораздо лучше, чем мы можем себе вообразить. Но вот что касается разума, самосознания… Представьте себе что-то вроде смышленого кузнечика. Обретут ли кузнечики спасение?

Хойт промолчал.

— Ну что ж, — сказала Ламия Брон. — Видимо,

капитан Мастин действительно надеялся, что это существо поможет ему обрести спасение. Но чего-то не рассчитал. — Она окинула взглядом запачканные кровью переборки и наполовину высохшие пятна на полу. — Уйдем отсюда.

Борясь с усиливающимся ветром, судно упорно двигалось на северо-восток, навстречу шторму. Под низко нависшими тучами стремительно неслись белые клочья облаков. Порывы ледяного ветра хлестали по траве и пригибали ее к земле. На горизонте сверкнула молния, и через несколько секунд над морем, словно предупредительные выстрелы, прогремели раскаты грома. Паломники молча наблюдали за разбушевавшейся стихией, пока первые капли холодного дождя не загнали их в большую каюту на корме.

— Вот это я нашла у него в кармане. — Ламия Брон продемонстрировала полоску бумаги с цифрой «5».

— Значит, Мастин должен был рассказывать свою историю следующим, — пробормотал Консул.

Мартин Силен принялся раскачиваться на стуле. В его физиономии сатира, выхватываемой из темноты вспышками молний, сейчас появилось что-то демоническое.

— Есть и другая возможность. — Он взмахнул рукой. — Пятый номер мог быть у кого-то из тех, кто еще не рассказал своей истории, и этот человек убил тамплиера, чтобы обменяться с ним номерами.

Ламия пристально посмотрела на поэта.

— То есть либо Консул, либо я, — бесстрастно произнесла она.

Силен пожал плечами.

Тогда Ламия достала из кармана еще один клочок бумаги.

— У меня номер 6. Чего бы я добилась? Все равно моя очередь следующая.

— А вдруг Мастин мог рассказать о чем-то и поэтому его заставили замолчать? — предположил поэт и снова пожал плечами. — Лично я считаю, что это Шрайк собирает свой урожай. Мы почему-то возомнили, что нам будет позволено добраться до самих Гробниц, когда эта тварь орудует уже на полпути к Китсу.

— Мы — совсем другое дело, — возразил Сол Вайнтрауб. — Наше путешествие и есть паломничество к Шрайку!

— Ну и что?

Разговор оборвался, и Консул подошел к окну. Дождь вовсю барабанил по стеклам в свинцовом

переплете; море скрылось за клубящейся водяной завесой. В этот момент ветровоз заскрипел и, сильно накренившись на правый борт, повернул на другой галс.

— Госпожа Брон, — нарушил затянувшееся молчание полковник Кассад. — Может, вы расскажете нам свою историю?

Ламия сложила руки на груди и посмотрела на залитое дождем окно.

— Не сейчас. Давайте сначала выберемся с этого проклятого корабля. Здесь воняет смертью.

К Приюту Паломников ветровоз подошел во второй половине дня, но из-за грозы стемнело рано, и усталым пассажирам казалось, что уже поздний вечер. Отсюда начинался предпоследний этап путешествия, и Консул надеялся, что представители Церкви Шрайка встретят их хотя бы здесь. Однако Приют был таким же пустынным, как Эдж.

Показавшиеся в разрывах туч отроги Уздечки заставили шестерых паломников встряхнуться, как крик «Земля!» — моряка, и, несмотря на ливень, подняться на палубу. Здесь все дышало суровой красотой; отвесные утесы и бурые склоны предгорий являли собой разительный контраст монотонной зелени Травяного моря. А

чуть дальше взгляд упирался в серо-белую стену, терявшуюся в низких облаках. Вершины хребта поднимались на девять километров, но сейчас об этом можно было лишь догадываться. Однако даже в таком, усеченном виде картина была величественной. Вечные снега начинались прямо за скоплением лачуг и дешевых гостиниц, по которым прошелся огонь и которые, собственно, составляли Приют Паломников.

— Если разрушена подвесная дорога, нам конец, — пробормотал Консул. Эта мысль, которую он упорно отгонял всю дорогу, вызвала у него приступ тошноты.

— Я вижу первые пять башен, — сказал полковник Кассад, глядя в свой бинокль. — Они вроде целы.

— А вагоны?

— Нет… хотя погодите. Один точно есть. Стоит у самой платформы, прямо в воротах.

— Стоит? — быстро переспросил Мартин Силен. Он тоже понимал, в какой отчаянной ситуации окажутся паломники, если подвесная дорога не работает.

— Да.

Консул покачал головой. Вагоны должны двигаться постоянно, даже в самую плохую погоду,

когда совсем нет пассажиров. Иначе толстые тросы обледенеют и потеряют эластичность.

Пока ветровоз убирал паруса и выдвигал сходни, шестеро путешественников вытащили свой багаж на палубу. Все постарались одеться потеплее. Полковник облачился в армейскую термонакидку, Ламия Брон — в странного покроя длинное одеяние, по каким-то, давно забытым причинам называвшееся шинелью, Силен — в шубу из густого меха, который под порывами ветра то чернел, то отливал серебром, отец Хойт — в длинную черную рясу, сделавшую его еще более похожим на чучело, Сол Вайнтрауб — в толстую пуховую куртку, укрывавшую и его, и ребенка, а Консул — в поношенное, но вполне еще годное пальто, которое жена подарила ему несколько десятилетий тому назад.

— А как быть с вещами капитана Мастина? — спросил Сол, когда все паломники, за исключением Кассада, спустившегося вниз, чтобы разведать обстановку, собрались у сходен.

— Я вынесла их на палубу, — сказала Ламия. — Возьмем их с собой.

— Это как-то неправильно, — промямлил отец Хойт. — Просто взять и уйти. Следовало бы… отслужить… В конце концов человек умер…

— Мы этого не знаем, — напомнила ему Ламия, небрежно подхватив одной рукой сорокакилограммовую сумку.

— Вы действительно верите, что господин Мастин жив? — недоуменно спросил Хойт.

— Нет, — отрезала Ламия. Снежные хлопья садились на ее черные волосы.

С края причала им замахал Кассад, и паломники, забрав вещи, двинулись вниз по сходням. Никто не оглянулся.

— Вагон пустой? — спросила Ламия, подойдя к полковнику. На свету его накидка из «хамелеоновой кожи» стремительно теряла свою серо-черную окраску.

— Пустой.

— Трупы?

— Нет, — сказал Кассад и повернулся к Солу и Консулу: — Вы забрали из камбуза все, что надо?

Оба кивнули.

— А что они должны были забрать? — поинтересовался Силен.

— Недельный запас продуктов, — ответил Кассад. — В пути нам вряд ли удастся достать что-нибудь съестное.

Отвернувшись, полковник принялся рассматривать склон над станцией подвесной дороги.

Только сейчас Консул заметил, что под накидкой он держит на сгибе руки десантную винтовку.

«Будем ли мы живы через неделю?» — подумал Консул, усмехнувшись про себя.

В два приема они перенесли вещи на станцию. Ветер со свистом врывался в разбитые окна и дыры в крышах темных зданий. Во второй ходке Консулу и отцу Хойту достался куб Мебиуса. Священник пыхтел, задыхался, и наконец его прорвало:

— Зачем мы тащим с собой этого эрга?

Они едва добрели до металлической лестницы, ведущей на станцию. Вся платформа была в потеках ржавчины, словно заросла рыжим лишайником.

— Не знаю, — ответил Консул. Он тоже с трудом переводил дыхание.

Со станционной платформы открывался прекрасный вид на бескрайние просторы Травяного моря. Ветровоз — темный, безжизненный, с зарифленными парусами — стоял на прежнем месте. По равнине несся снежный буран. Казалось, по бесчисленным стеблям высокой травы катятся белые барашки.

— Перетащите все на борт, — распорядился Кассад. — А я схожу наверх, в операторскую кабину.

Попробую оттуда запустить эту механику.

— Разве здесь не автоматика? — удивился Мартин Силен. — Ну, как на ветровозе?

— Не думаю, — ответил Кассад. — Посмотрим, может, мне удастся стронуть его с места.

— А что, если он поедет без вас? — крикнула Ламия вдогонку.

— Не поедет.

В вагоне было холодно и пусто, если не считать нескольких металлических скамеек в большом переднем отделении и десятка простых коек в маленьком, заднем. Вагон был просторный — по меньшей мере восемь метров в длину и около пяти в ширину. Заднее отделение было отгорожено тонкой металлической переборкой. Один угол в нем занимал небольшой шкаф. Высокие, в полстены окна были только в переднем отделении.

Паломники свалили багаж прямо на пол и теперь пытались согреться — расхаживали по вагону, топали ногами, размахивали руками. Мартин Силен лежал на скамье, вытянувшись во весь рост, причем из шубы торчали лишь макушка да ботинки.

— Черт возьми, — пожаловался он, — совсем забыл, как в этой штуке включается отопление.

Консул взглянул на темные панели освеще-

ния.

— Отопление тут электрическое и включится само, когда полковник запустит вагон.

— Если запустит, — буркнул Силен.

Сол Вайнтрауб, сменив Рахили пеленки, переодел малышку в термокостюм и теперь укачивал на руках.

— Я-то здесь никогда не был, — оглядываясь, произнес он. — А вы, господа?

— Я был, — ответил поэт.

— А я нет, — сказал Консул. — Мне доводилось видеть дорогу только на фотографиях.

— Кассад говорил, что однажды ему пришлось возвращаться этим путем в Китс, — отозвалась из другого отделения Ламия.

— Я думаю… — начал Сол Вайнтрауб, но тут заскрежетали шестерни, и вагон, резко накренившись, закачался, а затем, влекомый внезапно пришедшим в движение тросом, пополз вперед. Все бросились к окну, выходившему на платформу.

Прежде чем отправляться в операторскую, Кассад предусмотрительно перенес свои вещи в вагон. Сейчас он выскочил из дверей кабины, одним прыжком преодолел длинную лестницу и кинулся за вагоном, который медленно отходил

от посадочной площадки.

— Не успеет, — прошептал отец Хойт.

До края платформы оставалось метров десять, но карикатурно длинноногий Кассад бежал, как настоящий спринтер.

Вагон выскользнул из направляющего желоба и закачался в воздухе, метрах в восьми над скалами. Хотя настил платформы обледенел, Кассад не снижал скорости, нагоняя вагон.

— Давай! — закричала Ламия Брон. Остальные подхватили ее крик.

Консул посмотрел вверх: полосы льда отваливались с обмерзшего троса и падали вниз. Он оглянулся. Слишком далеко. Кассад не успеет.

Однако полковник бежал невероятно быстро. Вот и край платформы. Консулу снова вспомнился ягуар — зверь со Старой Земли, которого он видел в зоопарке на Лузусе. Казалось, полковник вот-вот поскользнется и полетит вниз, на заснеженные валуны. Но нет. Вытянув вперед свои длинные руки, Кассад прыгнул и завис в воздухе. Его накидка развевалась на ветру. Мгновение — и он скрылся за вагоном.

Раздался глухой удар, затем потянулась бесконечно долгая минута ожидания. Все молчали, даже шелохнуться боялись. Вагон плыл в соро-

ка метрах над скалами, приближаясь к первой мачте. Но вот паломники увидели Кассада. Хватаясь за обледенелые металлические поручни, он продвигался вдоль вагона. Ламия распахнула дверь, и к полковнику тут же протянулся десяток рук. Ему помогли забраться внутрь.

— Благодарение Господу, — произнес отец Хойт.

Немного отдышавшись, полковник мрачно улыбнулся:

— Мне не хотелось дожидаться возвращения вагона. Там автоблокировка. Если с оператором что-нибудь случится, механизм останавливается. Пришлось придавить рычаг мешком песка.

Мартин Силен указал на быстро приближающуюся мачту опоры, над которой, как потолок, висело облако. Трос, казалось, уходил в пустоту.

— Сдается мне, мы уже пересекаем хребет, хотим мы того или нет.

— А сколько времени займет дорога? — спросил Хойт.

— Часов двенадцать. Может, чуть меньше. Операторам иногда приходится останавливать вагоны — если ветер слишком сильный или трос обледенеет.

— Теперь мы уже не остановимся, — сказал

Кассад.

— Если только трос не порвется, — заметил поэт. — Или мы на что-нибудь не налетим.

— Заткнись, — оборвала его Ламия. — И вообще не пора ли нам пообедать?

— Смотрите! — позвал Консул.

Все подошли к передним окнам. Вагон уже поднялся на сто метров над бурым склоном. Предгорья остались где-то позади. Далеко внизу виднелась платформа. Паломники в последний раз окинули взглядом станцию, покинутые лачуги Приюта Паломников и неподвижный ветровоз.

Затем снег и плотные облака поглотили их.

Разумеется, кухни в привычном смысле слова в вагоне не было. Однако в заднем отделении обнаружились холодильник и микроволновая печь. Из мяса и овощей, позаимствованных на камбузе ветровоза, Ламия и Вайнтрауб соорудили вполне сносное жаркое. У Мартина Силена нашлось и вино (несколько бутылок он прихватил еще с «Бенареса», остальными разжился на ветровозе). К жаркому он открыл гиперионское бургундское.

Паломники почти покончили с обедом, когда мрак, словно облепивший окна вагона, начал понемногу рассеиваться. Вскоре стало совсем

светло. Консул обернулся к окну, и в этот момент выглянуло солнце, залив весь вагон каким-то потусторонним золотым светом.

Все разом вздохнули. Уже несколько часов как стемнело, но едва вагон всплыл над морем облаков, из которого, подобно островам, поднимались горные вершины, как паломники вновь оказались в царстве заката. Небо Гипериона из дневного блекло-голубого стало бездонно-лазурным. Красно-золотистое светило зажгло башни облаков и покрытые льдом горные вершины. Консул огляделся. Лица его спутников, которые еще минуту назад в полумраке вагона казались серыми пятнами, теперь тоже омывало щедрое золотое сияние.

Мартин Силен поднял бокал:

— Ну, с Богом!

Консул посмотрел вперед. Массивный трос казался отсюда не толще нитки, а чуть подальше его и вовсе было не разглядеть. В нескольких километрах, на вершине горы, искрилась золотом следующая опорная мачта.

— Дорогу поддерживают сто девяносто две опоры, — произнес Мартин Силен голосом экскурсовода. — Они изготовлены из сверхпрочного карбодюраля и имеют восемьдесят три метра в

высоту.

— Мы, должно быть, очень высоко, — негромко сказала Ламия Брон.

— Самая высокая точка этой подвесной дороги, общая протяженность которой составляет девяносто шесть километров, находится над вершиной горы Драйден, пятой в горной системе Уздечки; ее высота девять тысяч двести сорок шесть метров над уровнем моря, — продолжал Силен.

Полковник Кассад посмотрел по сторонам:

— А в вагоне давление нормальное. Несколько минут назад сработало реле.

— Смотрите! — воскликнула Ламия.

В течение долгой минуты солнце лежало на облачном горизонте. Теперь оно опустилось ниже, и тучи словно вспыхнули изнутри. Весь западный край мира заполыхал многоцветием красок. Снежные карнизы и ледники на западных склонах, нависавшие над подвесной дорогой, все еще горели отраженным светом, но на темнеющем небосводе уже проступали самые яркие звезды. В вагоне царил розовый полумрак.

Консул повернулся к Ламии Брон.

— Почему бы вам не рассказать свою историю прямо сейчас? Нам ведь надо выспаться перед

прибытием в Башню.

Ламия допила остатки вина.

— А вы-то сами хотите ее услышать?

Все закивали. Только Мартин Силен пожал плечами, выражая полнейшее равнодушие.

— Хорошо. — Ламия Брон отставила в сторону пустой стакан, уселась на скамейку, подобрала под себя ноги и, опершись локтями о колени, начала свой рассказ.

История детектива: Долгое прости

Я сразу поняла, что это дело будет особое, — с той самой секунды, как он вошел в мой кабинет. Он был красив. Не изнеженный или смазливый, как иные модели или телезвезды. Нет, он был просто… красив.

Ростом он был невелик, не выше меня, а я родилась и выросла на Лузусе, где гравитация на треть больше стандартной. Но я сразу же поняла, что мой посетитель не с Лузуса, ибо сложен он был по меркам Сети весьма пропорционально — стройный, худощавый атлет. Лицо — сама целеустремленность: низкие брови, острые скулы, прямой нос, твердый подбородок и широкий рот

(чувственный и упрямый одновременно). Большие карие глаза. На вид ему было около тридцати стандартных.

Ясное дело, в тот момент, когда он вошел, я не задавалась целью составить полный реестр его личных качеств. Первое, что я подумала тогда: «Неужели клиент?» А вторая мысль: «Ну, красив, мерзавец!»

— Госпожа Брон?

— Да, это я.

— Вы действительно госпожа Ламия Брон из сыскного агентства «Вся Сеть»?

— Да.

Он огляделся, словно не веря моим словам. Я поняла смысл этого взгляда. Дело в том, что мой офис находился на двадцать третьем уровне старого промышленного улья Железный Хлев. Секцию, где он расположен, называют Старыми Норами. Все три окна выходят в служебную траншею № 9. Там всегда темно, а сверху, из фильтров улья, вечно капает конденсат. Заброшенные автопогрузчики, ржавые балки — вот и весь пейзаж.

Ну и черт бы с ним — зато дешево. К тому же большинство моих клиентов звонит, а не приходит лично.

— Могу я присесть? — спросил он, очевидно,

вполне удовлетворенный тем фактом, что столь почтенному агентству приходится работать в такой трущобе.

— Конечно, — ответила я и жестом указала на стул. — Господин…

— Джонни, — сказал он.

Это имя не соответствовало его внешности. Что-то в нем говорило о деньгах. Не одежда, нет. Одет он был как раз довольно обычно — в костюм, выдержанный в черно-серой гамме, правда, из добротной ткани. Но меня не оставляло ощущение, что парень этот не из простых. И произношение какое-то странное. Обычно я хорошо распознаю акцент — это необходимо в нашем деле, — но сейчас я не могла определить не то что местность, где вырос этот парень, — даже планету!

— Итак, Джонни, чем могу помочь? — Я протянула ему бутылку виски, которую собиралась было убрать, когда он вошел.

Мальчик Джонни отрицательно покачал головой. Может быть, он решил, что я предлагаю ему хлебнуть из горлышка? Черт возьми, я не так воспитана. Возле водоохладителя полно бумажных стаканчиков.

— Госпожа Брон, — сказал он (и я снова поди-

вилась его акценту), — мне необходимо провести расследование.

— Как раз этим я и занимаюсь.

Он замолк. Наверное, стеснялся. Многие мои клиенты не решаются сразу выложить суть дела. Ничего удивительного: девяносто пять процентов моей работы — разводы и прочие семейные дрязги. Поэтому я не стала его торопить.

— Видите ли, дело мое весьма деликатное, — сказал он наконец.

— Господин э-э-э… Джонни. Большинство дел, которые я расследую, весьма деликатны. Но я работаю в системе «ЮниверСеть», и поэтому любая информация, имеющая отношение к клиенту, подпадает под действие Закона о защите личности. Я обязана сохранять в тайне все — даже тот факт, что мы сейчас беседуем. И даже в том случае, если вы раздумаете меня нанимать.

Конечно же, я вешала ему лапшу на уши. Власти, если у них возникнет такое желание, могут в два счета залезть в мои файлы, но я чувствовала, что этого парня надо как-то успокоить. Боже, до чего хорош!

— Гм, — хмыкнул он. Потом снова огляделся и наклонился ко мне. — Госпожа Брон, я хочу, чтобы вы расследовали убийство.

Это сразу настроило меня на серьезный лад. До этого я сидела, откинувшись на спинку стула и положив ноги на стол. Теперь я выпрямилась и подалась вперед.

— Убийство? В самом деле? А что же полиция?

— Их это не касается.

— Быть не может! — воскликнула я, подумав, что парню нужен не сыщик, а психиатр. — Сокрытие убийства карается по закону.

Мне так и хотелось добавить: «Уж не ты ли, Джонни, и совершил убийство?»

Он улыбнулся и покачал головой.

— Но мой случай — особый.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, госпожа Брон, что убийство действительно было совершено, но полиция Гегемонии — равно как и местная — ничего об этом не знает. И вообще, это не их юрисдикция.

— Быть не может, — повторила я. За окном моросил ржавый дождик и сыпались искры — наверху что-то сваривали. — Как же так?

— Убийство было совершено за пределами Сети. Более того — за пределами Протектората. Никаких властей там вообще нет.

Уже что-то. Хоть какое-то подобие здравого смысла. Но я все еще не могла взять в толк, о

какой дыре он говорит. Даже в поселениях на Окраине и колониальных мирах есть полиция. На борту какого-нибудь звездолета? Но на преступления, совершенные в открытом космосе, распространяется юрисдикция Управления межзвездных сообщений.

— Ладно, — решилась я. Последние несколько недель я сидела без работы. — Расскажите все как есть.

— И вы обещаете сохранить тайну, даже если не возьметесь за это дело?

— Обещаю.

— А если все-таки возьметесь, будете сообщать обо всем только мне?

— Конечно.

Мой будущий клиент помедлил, потирая подбородок. (Поразительные руки!)

— Хорошо, — сказал он наконец.

— Давайте с самого начала, — предложила я. — Кого убили?

Джонни выпрямился — ну прямо прилежный ученик на уроке — и с подкупающей искренностью произнес:

— Меня.

Мне понадобилось десять минут, чтобы вытянуть из него всю историю. Когда он закончил

свой рассказ, я уже не думала, что он сумасшедший. Сумасшедшей была я. Или по крайней мере буду ею, если возьмусь за это дело. Джонни — его настоящее имя представляло собой цепочку букв, цифр и штрихового кода подлиннее моей руки — был кибридом.

Я и раньше слышала о кибридах. А кто не слышал? Однажды, поссорившись с моим первым мужем, я в сердцах назвала его кибридом. Но мне и в голову не могло прийти, что я буду сидеть в одной комнате с настоящим кибридом. Или что найду его таким чертовски привлекательным.

Джонни был ИскИном. Его сознание, или эго, или черт его знает что, плавало где-то в киберпространстве мегасферы Техно-Центра. Как и все люди (за исключением, быть может, Секретаря Сената и ребят, выгребавших за ИскИнами дерьмо), я не имела ни малейшего представления, где находится этот самый Техно-Центр. Более трех веков назад (задолго до моего рождения) искусственные интеллекты мирно ушли из-под власти человека. И хотя они остались союзниками Гегемонии, участвуют в работе Альтинга, контролируют инфосферы, иногда используют свои прогностические способности, чтобы предупредить нас об ошибочных решениях и

стихийных бедствиях, сам Техно-Центр занят какими-то своими, недоступными человеческому уму и чуждыми ему делами и решительно не желает посвящать нас в них.

Ну и на здоровье.

Обычно ИскИны ведут свои дела с людьми и с человеческими машинами через инфосферы. Если надо, они могут создать и интерактивную голограмму. Помнится, когда подписывали пакт о присоединении Мауи-Обетованной, послы Техно-Центра подозрительно напоминали Тайрона Батуайта, блиставшего некогда актера тривидения.

Кибриды — совсем другое дело. Созданные из человеческого генетического материала, они внешне походят на людей куда больше, чем это допускается для андроидов. Между Техно-Центром и Гегемонией существует договор, ограничивающий численность кибридов, так что их вообще-то немного.

Я посмотрела на Джонни. Очевидно, с точки зрения ИскИна, этот загадочный и чертовски красивый парень, сидевший сейчас напротив меня за столом, — не более чем придаток, что-то вроде щупальца. Ну, может, чуть сложнее по своей конструкции, но в сущности — ничем принци-

пиально не выделяющийся среди десятков тысяч датчиков, манипуляторов, автономных модулей и прочих органов, которыми ИскИны постоянно пользуются. А теперь допустим, что манипулятор под названием «Джонни» уничтожен. Что это для ИскИна? Все равно что для человека остричь ноготь.

«Какая жалость», — подумала я. А вслух спросила:

— Так вы кибрид?

— Да. Привилегированный. У меня есть виза во все миры Сети.

— Хорошо. — Я услышала свой голос как бы со стороны. — Значит, кто-то… убил вашего кибрида и вы хотите, чтобы я выяснила кто?

— Нет, — ответил молодой человек. У него были рыжевато-коричневые вьющиеся волосы. Прическа… тут та же история, что и с акцентом, — я никак не могла идентифицировать ее стиль. Она показалась мне несколько старомодной, но где-то я ее видела.

— Вопрос не в том, — продолжал между тем Джонни, — что кто-то убил мое тело. Мой враг убил меня самого.

— Вас?

— Да.

— Вас как… о-о… Сам ИскИн?

— Совершенно верно.

Я ничего не понимала. ИскИны бессмертны. Во всяком случае, никто в Сети не слышал, чтобы ИскИн умер.

— Ничего не понимаю, — призналась я.

Джонни кивнул.

— В отличие от человеческой личности, которая — теперь, кажется, все пришли к этому мнению — перестает существовать после смерти тела, мое сознание принципиально неуничтожимо. Но в результате нападения произошло… как бы это сказать… прерывание. Хотя я располагал… ну, скажем, дубликатом памяти, кое-что было утеряно безвозвратно. В этом смысле напавший на меня совершил убийство.

— Понимаю, — соврала я и перевела дыхание. — Но почему же вы не обратились в вашу собственную полицию… если, конечно, у ИскИнов есть полиция… Или в киберполицию Гегемонии?

— Дело в том, — очень серьезно ответил юный красавец, в котором я изо всех сил пыталась видеть всего лишь кибрида, — что мне ни в коем случае нельзя обращаться в эти организации.

Я вопросительно приподняла бровь. Это уже напоминало моих обычных клиентов.

— Уверяю вас, — сказал он, словно прочитав мои мысли. — В этом нет ничего противозаконного. Ничего неэтичного. Просто… есть определенные препятствия, природу которых я не могу вам объяснить.

Я сложила руки на груди.

— Послушайте, Джонни. Вся ваша история звучит крайне неправдоподобно. Скажем, о том, что вы кибрид, я знаю только с ваших слов. А вдруг вы решили надуть меня?

На лице у него появилось удивленное выражение:

— Надо же, я об этом как-то не подумал. Как же мне доказать, что я тот, за кого себя выдаю?

Я тут же выпалила:

— Переведите миллион марок на мой текущий счет в банке «Транс-Сеть».

Джонни улыбнулся. Секунду спустя зазвонил видеофон, и передо мной появилось изображение человека с усталым и озабоченным лицом. Позади него в воздухе переливалась эмблема банка «Транс-Сеть».

— Простите меня, госпожа Брон, — произнес он, — но мы подумали, что, располагая… э-э… столь солидной суммой, вы, возможно, захотите ознакомиться с нашими долгосрочными

гарант-опциями или воспользуетесь какой-либо маклер-программой?

— Потом, — сказала я.

Управляющий банком кивнул и исчез.

— А если это имитация? — не сдавалась я.

Джонни мило улыбнулся.

— Возможно, но весьма убедительная, не правда ли?

— Не очень.

Он пожал плечами.

— Хорошо. Но если я действительно тот, за кого себя выдаю, возьметесь ли вы за мое дело?

— Угу. — Я вздохнула. — Небольшая поправка. Моя работа не стоит миллион марок. Я беру пятьсот в день плюс издержки.

Кибрид кивнул.

— Значит, вы беретесь за мое дело?

Я встала, надела шляпу и сняла с вешалки, стоявшей у окна, свое старое пальто. Потом достала из нижнего ящика стола отцовский пистолет и сунула его в карман.

— Пошли, — сказала я.

— Пошли, — откликнулся Джонни. — А куда?

— На место преступления.

Считается, что уроженцы Лузуса неохотно покидают свои ульи, а покинув, тут же начинают

страдать агорафобией и чувствуют себя уютно разве что в толкучке супермаркета. Так оно и есть, однако большинство моих клиентов приходят, так сказать, извне и уходят туда же. Поэтому я то гоняюсь за какими-то проходимцами, которые постоянно меняют внешность и скачут туда-сюда по нуль-Т, чтобы на новом месте взяться за старые делишки, то выслеживаю неверных супругов, наивно полагающих, что на другой планете они могут грешить, не опасаясь разоблачения, то разыскиваю потерявшихся детей или сбежавших родителей.

Однако, пройдя через портал пассажирского терминекса Железного Хлева, я остановилась в нерешительности. Передо мною простиралось пустынное каменистое плато, уходящее, казалось, в бесконечность. Кроме бронзового прямоугольника портала — никаких признаков цивилизации. Вонь тухлых яиц. Небо тошнотворного желтокоричневого цвета, кипящее, как котел. Серая, потрескавшаяся корка под ногами. Ни травинки, ни даже лишайника. Я не могла оценить расстояния до горизонта, но мы чувствовали себя очень высокими, а горизонт казался очень далеким. И ни вблизи, ни вдали — абсолютно ничего живого. Ни деревьев, ни кустов, ни зверюшек — ничего.

— Куда, черт возьми, мы попали? — Я была уверена, что знаю все миры Сети.

— Это Мадхья, — сказал Джонни. (У него получилось что-то вроде «Мэдье».)

— Первый раз слышу, — ответила я, нащупывая в кармане перламутровую рукоятку отцовского пистолета.

— Официально эта планета еще не вошла в Сеть, — пояснил кибрид. — Пока это колония Парвати. Но отсюда до ближайшей базы ВКС — всего несколько световых минут пути, поэтому порталы поставили здесь еще до того, как Мадхья стала протекторатом.

Я смотрела на эту дикую пустошь, и меня мутило от вони сернистого ангидрида. К тому же я боялась, что он испортит мне пальто.

— Есть поблизости какие-нибудь поселения?

— Нет. Только несколько небольших городков на другой стороне планеты.

— И какой ближе всего?

— Нанда-Деви. Это к югу отсюда. Население — триста человек. До него две тысячи километров.

— Почему же портал поставили здесь?

— Тут нашли тяжелые металлы, — объяснил Джонни, — и консорциум, который взялся их разрабатывать, решил построить в этом полу-

шарии около сотни порталов. Чтобы легче было добираться.

— Понятно, — сказала я. — Самое подходящее место для убийства. А зачем вы сюда приехали?

— Не знаю. Этот участок памяти стерт.

— Вы приехали один?

— Не знаю.

— А что вы знаете?

Юноша засунул свои изящные руки в карманы.

— Я знаю, какое оружие использовал убийца. В Центре его называют вирусом СПИД-II.

— Что это такое?

— СПИД-I — это заразная болезнь, которой задолго до Хиджры болели люди. Ее вирусы поражали иммунную систему. Так вот… этот вирус делает то же самое с ИскИнами. Менее чем за секунду вирус проникает в системы безопасности и направляет смертоносные программы-фагоциты против хозяина — против самого ИскИна. То есть против меня.

— А вы не могли заразиться естественным путем?

Джонни улыбнулся.

— Это исключено. Это все равно что спрашивать у человека, в которого стреляли, не мог ли

он сам натолкнуться на пулю.

Я пожала плечами.

— Послушайте, если вам нужен эксперт по инфосетям или ИскИнам, вы обратились не по адресу. О мире привидений я знаю не больше, чем двадцать миллиардов тупиц, которые просто входят в сферы, когда им надо. — Я специально употребила это старинное слово. Мне было интересно — разозлится он или нет.

— Я знаю, — ответил Джонни, сохраняя спокойствие. — Я пришел к вам не за этим.

— Что же вам от меня нужно?

— Чтобы вы нашли того, кто привез меня сюда и убил. И заодно выяснили почему.

— Хорошо. Но откуда вы знаете, что убийство произошло именно здесь?

— Потому что именно здесь я обрел способность управлять своим кибридом, когда меня… восстановили.

— Вы хотите сказать, что, пока вирус уничтожал вас, ваш кибрид был как бы в отключке?

— Да.

— И сколько это продолжалось?

— Моя смерть? Чуть меньше минуты. Потом была активирована моя резервная личность.

Я не смогла удержаться от смеха.

— Что вас так рассмешило, госпожа Брон?

— Ваши представления о смерти, — ответила я.

Он пристально посмотрел на меня своими грустными светло-карими глазами.

— Конечно, вам смешно. Вы даже представить себе не можете, что значит минута… отключения… для элемента Техно-Центра. Это бездны времени и информации. Тысячелетия некоммуникативности.

— Ага, — согласилась я. (Хотя, признаюсь, его рассказ не исторг из моей груди горестных рыданий.) — Ну а что же делало ваше тело, ваш кибрид, пока вы меняли ленты — или что там у вас — со своей личностью?

— Думаю, он находился в коме.

— Он может действовать автономно?

— Может. Если, конечно, не отказывает вся система разом.

— И где вы пришли в себя?

— Простите?

— Когда вы реактивировали кибрид, где он находился?

Джонни кивнул в знак того, что понял, о чем речь, и указал на валун метрах в пяти от портала:

— Вон там я лежал.

— С этой стороны или с противоположной?

— С противоположной.

Я подошла и осмотрела место преступления. Там не было ничего: ни крови, ни какой-нибудь записки, ни орудия убийства, ни следов. Словно тело Джонни и не лежало здесь ту сравнимую с вечностью минуту. Полицейские, наверно, исписали бы целые тома, фиксируя всевозможные микро-, био — и прочие улики. Но я не нашла ничего. Камень и камень.

— Если у вас на самом деле выпал кусок памяти, — спросила я, — откуда же вы знаете, что приехали сюда не один?

— Я просмотрел записи нуль-канала.

— И что: узнали вы, что за таинственная личность вас сопровождала?

— Мы оба ехали по моей карточке, — ответил Джонни.

— Вас было только двое?

— Да.

Я кивнула. Будь нуль-Т настоящей телепортацией, с помощью реестра канала можно было бы раскрыть любое внепланетное преступление; копия транспортной записи позволила бы восстановить интересующего нас субъекта целиком

— до последнего грамма, до последней клетки. К сожалению, нуль-канал — это просто дыра в пространственно-временном континууме, проделанная фазированной сингулярностью. Поэтому, если преступник идет по чужой карточке, все, что мы можем узнать о нем, — это начальная и конечная точка броска.

— Откуда вы отправлялись? — спросила я.

— С Тау Кита.

— У вас есть код портала?

— Конечно.

— Тогда давайте съездим туда, — предложила я. — Там и договорим. А то здесь даже небо смердит.

ТКЦ, как издавна зовут Центр Тау Кита, — несомненно, самый густонаселенный из миров Сети. Здесь на пространстве, вдвое меньшем, чем суша Старой Земли, грызутся за место под солнцем пять миллиардов человек. Планету окружает орбитальное экологическое кольцо, на котором проживает еще полмиллиарда. ТКЦ — не только столица Гегемонии и резиденция Сената, но и важнейший деловой центр Сети. Естественно, портал, который вычислил Джонни, оказался одним из шестисот ему подобных в терминексе крупнейшего шпиля Нью-Лондона, самого старо-

го и самого обширного из районов планетарного мегаполиса.

— Черт возьми, — сказала я, — давайте для начала выпьем.

Поблизости от терминекса было несколько баров. Я выбрала один — сравнительно тихий, темный, прохладный, стилизованный под портовую таверну и отделанный латунью и поддельным деревом. Я заказала пиво — на работе я вообще ничего крепче не пью. И флэшбэком не балуюсь. Иногда мне кажется, что, если бы не привычка держать себя в руках, я бы уже давно вышла в тираж.

Джонни тоже заказал пиво. Темное немецкое пиво — его делают на Возрождении-Вектор. «Интересно, — подумала я, — какие пороки могут быть у кибрида?» И, поймав себя на этой мысли, продолжила:

— Ну, что еще вы успели раскопать?

Юноша развел руками.

— Ничего.

— Е-мое, — сказала я не без восторга. — Ладно, это я так. И все-таки, имея в своем распоряжении все ресурсы ИскИна, вы ведь можете проследить, что делал ваш кибрид последние несколько дней до… несчастного случая?

— Могу, — согласился Джонни и отпил глоток. — Вернее, мог бы, но по целому ряду важных причин я не хочу, чтобы мои собратья ИскИны узнали о моем расследовании.

— Вы подозреваете кого-то из них?

Вместо ответа Джонни вручил мне копию записей своей универсальной карточки.

— После убийства я на пять дней потерял сознание. Вот все, что осталось, записи расходов.

— Час назад вы говорили, что отключились только на минуту.

Джонни почесал пальцем щеку.

— Нет, на пять дней. Да и то мне повезло.

Я жестом подозвала официанта (клиентов здесь обслуживали официанты-люди) и заказала еще пива.

— Послушайте, Джонни, — сказала я. — Чтобы по-настоящему войти в это дело, мне надо знать больше. О вас, о вашей жизни, кто бы вы ни были. Скажем, мне непонятно, зачем вообще вас убивать, если вы все равно восстановитесь — или как там это у вас называется?

— На это могут быть две причины, — ответил Джонни, глядя на меня поверх кружки.

— Причина первая — стереть кусок вашей памяти. В чем они и преуспели. А отсюда следует

вот что; событие, которое они хотели вычеркнуть из вашей памяти, произошло на прошлой неделе. Ну а вторая причина?

— Может быть, они хотели послать мне сообщение, — ответил Джонни. — Только не знаю, о чем оно. И от кого.

— Кто-нибудь хотел вашей смерти?

— Нет.

— Но вы хоть подозреваете кого-нибудь?

— Никого.

— Большинство убийств, — сказала я, — совершаются под действием внезапных бессмысленных приступов гнева, причем убийца, как правило, хорошо известен жертве. Это или член семьи, или друг, или любовник. С преднамеренными убийствами картина та же самая.

Джонни промолчал. Что-то в его лице казалось мне невероятно привлекательным — видимо, сочетание мужской силы и женской чуткости. Или глаза?

— А что, у ИскИнов есть семьи? — спросила я. — Бывает ли между вами вражда? Или ссоры между членами семьи? Любовниками?

— Нет. — Он слегка улыбнулся. — У нас существуют некие полусемейные отношения, но без ваших эмоций и взаимной ответственности.

«Семьи» — это просто удобное название групп ИскИнов, развивающихся в одном общем направлении.

— Значит, другой ИскИн не мог напасть на вас?

— Почему же? — Джонни повертел в руках кружку. — Мне только непонятно, почему они напали на меня через моего кибрида.

— Уязвимое звено.

— Возможно. Но это осложняет положение нападающего. Нападение в киберпространстве бесконечно опаснее. Кроме того, я не понимаю, зачем другому ИскИну убивать меня. В этом нет никакого смысла. Я никому не угрожаю.

— Джонни, а зачем вам кибрид? И вообще, какую роль вы сами играете во всех этих событиях?

— Кибрид… — начал Джонни, разламывая сухарик. — В какой-то степени я сам кибрид. Моя… функция… заключается в том, чтобы наблюдать за поведением людей и определенным образом реагировать на их действия. В некотором смысле я когда-то был человеком.

Я нахмурилась и покачала головой. Все, что он говорил, казалось мне полной бессмыслицей.

— Вы слышали что-нибудь о проектах восста-

новления личности? — спросил он.

— Нет.

— Год назад группа модельных исследований ВКС восстановила личность генерала Горация Гленнон-Хайта. Им хотелось понять, что делало его столь блестящим стратегом. Об этом сообщали по всем программам новостей.

— Да, было такое.

— Так вот, я некоторым образом тоже… модель человеческой личности. Точнее — был моделью. Но мой проект более ранний и куда более сложный. В качестве прообраза был взят один поэт со Старой Земли. Древний поэт — он жил еще до Хиджры. Родился в конце восемнадцатого века по Старому Календарю.

— Как, черт возьми, можно восстановить человека, который умер невесть когда?

— По стихам, — просто ответил Джонни. — По письмам, по дневникам. По трудам критиков и биографов. По свидетельствам друзей. Но главным образом по его стихам. Имитатор воссоздает окружающую среду, вводит в нее известные факторы, а потом производит обратную экстраполяцию от продуктов творчества. Ап! И перед нами модель личности. Сначала сырая, но со временем становящаяся все точнее, пока не возникаю я.

Начали мы с поэта двадцатого века Эзры Паунда. Наша личность была своевольна до абсурда, пристрастна до безрассудства и функционально безумна. Понадобился год работы, чтобы мы убедились: да, личность восстановлена точно. Он действительно был чокнутый. Гениальный, но чокнутый.

— А потом? — спросила я. — Допустим, они создали вашу личность по образцу умершего поэта. А дальше?

— Они создали не личность, а шаблон, на основе которого должен был развиваться мой ИскИн, — ответил Джонни. — А кибрид позволяет мне играть свою роль в киберпространственном сообществе.

— Роль поэта?

Джонни снова улыбнулся:

— Скорей поэмы.

— Поэмы?

— Длящегося произведения искусства… но не в человеческом смысле. Своеобразной головоломки. Постоянно меняющейся загадки, в которой время от времени рождаются необычные прозрения, открывающие новые уровни постижения реальности.

— Ничего не понимаю, — пробормотала я.

— Ну и ладно. Не важно. Вряд ли моя деятельность явилась причиной этого… нападения.

— Тогда в чем же, по-вашему, причина?

— Понятия не имею.

Мне показалось, что мы ходим по кругу.

— Хорошо, — сказала я. — Попробуем выяснить, кем вы были и что делали в течение этих пропавших пяти дней. Осталось у вас что-нибудь, кроме копии универсальной карточки?

Джонни отрицательно покачал головой:

— Вы, конечно, понимаете, почему для меня так важно выяснить личность нападавшего и его мотивы?

— Конечно, — ответила я. — Он может напасть снова.

— Совершенно верно.

— Как я могу с вами связаться?

Джонни передал мне чип доступа.

— Линия надежная? — спросила я.

— Вне всякого сомнения.

— Порядок, — сказала я. — Если будет надо, я с вами свяжусь. Опять-таки, если раскопаю что-нибудь новенькое…

Мы вышли из бара и направились к терминексу. Он уже уходил, когда я тремя прыжками догнала его и схватила за руку. Впервые я при-

коснулась к нему.

— Джонни, скажите, как звали того поэта со Старой Земли, которого они воскресили?

— Восстановили.

— Все равно. Того, который послужил для вас образцом?

Красавец-кибрид замялся. Только сейчас я заметила, какие у него длинные ресницы.

— Разве это важно? — спросил он.

— Как знать?

Он кивнул.

— Китс, — сказал он. — Родился в 1795 году нашей эры. Умер от туберкулеза в 1821-м. Джон Китс.

Следить за человеком, скачущем через порталы в неизвестном направлении, почти невозможно. В особенности если вы сами хотите остаться незамеченным. Полиция Сети бросает на такую операцию до полусотни агентов, вооруженных сложными и чертовски дорогими приборами. При этом им еще помогает Транспортное Управление. А для одиночки эта задача почти неразрешима.

Но мне-то нужно было знать, куда направляется мой новый клиент.

Джонни, не оглядываясь, пересек площадь тер-

минекса. Я спряталась за ближайшим киоском и принялась наблюдать за ним через карманный имиджер. Он набрал код на обычном дископульте, вставил карточку и прошел через светящийся прямоугольник портала.

Итак, код он набрал вручную. Вероятно, цель его путешествия — какой-нибудь портал общего доступа. Коды частных порталов обычно записывают на личном чипе. Чудесно! Круг поисков сужается до двух миллионов порталов, полутора сотен планет и нескольких десятков лун.

Вывернув наизнанку пальто и превратив его в ярко-красную куртку, я достала красную — под цвет куртки — кепку и нахлобучила ее поглубже, на самые глаза. Одновременно я поставила имиджер в режим воспроизведения и, просмотрев в увеличенном масштабе те кадры, где мой клиент набирает код, рванула через площадь. На ходу я запросила комлог, какому порталу соответствует этот девятизначный код. Впрочем, первые три цифры я знала и так — Циндао-Сычуаньская Панна. (Я помню все планетарные индексы: это моя профессия.) А секундой позже комлог сообщил, что портал находится в жилой части центра Первой Экспансии города Ваньсянь.

Я вскочила в первую же свободную кабину и от-

правилась туда. Площадка терминекса оказалась небольшой, мощенной старым кирпичом. Над ней одна над другой громоздились старинные восточные лавочки. Их загнутые, как у пагод, крыши нависали над узкими боковыми улочками. Повсюду — на площади, у витрин — толпились люди. Большинство из них, похоже, были потомками изгнанников, что отправились некогда в Великий Полет и заселили Циндао-Сычуань. Но немало было народу и с других планет. Пахло какими-то незнакомыми цветами, сортиром и вареным рисом.

— Черт возьми! — прошептала я. В терминексе были еще три портала, и все свободные. Джонни мог удрать через любой из них.

Но вместо того, чтобы вернуться к себе на Лузус, я решила потратить еще несколько минут — осмотреть площадь и боковые улицы. К тому времени таблетка меланина, которую я проглотила на ходу, начала действовать, и я превратилась в молодую негритянку. Или негра — сразу не поймешь. Я ведь была в красной куртке и в кепке с поляризующим козырьком. Шла я медленно и время от времени что-нибудь фотографировала туристским имиджером.

И тут заработала гранула-метка, которую я

подбросила Джонни во вторую кружку пива. Ультрафиолетовые микроспоры, можно сказать, висели в воздухе — я могла запросто выследить его по дыханию. Но для верности я отыскала на темной стене ярко-желтый отпечаток его руки (конечно, ярко-желтым он казался только через мой поляризующий козырек, который позволял видеть в ультрафиолетовом диапазоне) и пошла по следу из различных пятен, остававшихся повсюду, где его одежда касалась камня или рыночной стойки.

Джонни обедал в кантонском ресторанчике, в двух кварталах от терминекса. Пахло там просто восхитительно, но я все-таки удержалась и не зашла. Целый час я бродила по рынку и приценивалась к книжкам, которые разложили на лотках уличные торговцы. Но вот наконец он пообедал, вернулся к терминексу и вошел в портал. На сей раз он воспользовался чипом — наверняка направлялся в какой-нибудь частный портал, и не исключено, что портал этот установлен в частном доме. Тогда я решила воспользоваться «лоцманской» карточкой. Дело это рискованное, причем сразу в двух отношениях. Во-первых, «лоцманка» моя — совершенно незаконная. И если в один прекрасный день меня с ней засту-

кают — могут отобрать лицензию. Впрочем, это маловероятно, пока я пользуюсь чипами Папаши Сильвы. (Это такая штука для изменения внешности. Чертовски дорого, но с эстетической точки зрения безупречно.) А во-вторых, я запросто могла очутиться в его гостиной. Ситуация, согласитесь, весьма затруднительная.

Это была не гостиная. Не успела я прочесть даже название улицы, как поняла, куда меня занесло. На плечи легла привычная тяжесть. Тусклый бронзовый свет, запахи нефти и озона… Я оказалась у себя дома, на Лузусе.

Джонни обосновался в частной жилой башне средней степени надежности, расположенной в одном из ульев Бергсона. Возможно, именно поэтому он и выбрал мое агентство — мы обитали всего-навсего в шестистах километрах друг от друга. Можно сказать, соседи.

Моего кибрида видно не было, но я пошла прямо. Если будешь петлять, тебя непременно засекут охранные системы. Они так и запрограммированы. На дверях квартир не было ни списков жильцов, ни номеров, ни табличек, не было даже информеров, доступных для комлога. А по моим представлениям в улье Бергсон-Восточный насчитывается до двадцати тысяч квартир.

Действие меток начало уже слабеть, но тут мне опять повезло. Обойдя два радиальных коридора, я наткнулась на след. Джонни обитал в дальнем конце крыла, со стеклянным полом прямо над метановым озером. На папиллярном замке слабо светился отпечаток руки. С помощью своих отмычек я считала код замка, после чего вернулась домой.

В общем, откушавши китайских деликатесов, мой клиент отправился спать. Ну и ладно. На сегодня хватит.

ВВ Сурбринер был моим экспертом по искусственному интеллекту. ВВ работал в Центральном Управлении Информации и Статистики. Большую часть своей жизни он проводил на антигравитационном диване, ощетинившись десятком электродов, торчавших из его черепушки, и общаясь с другими ему подобными бюрократами. Познакомились мы с ним еще в колледже. Уже тогда он был настоящим хакером. В возрасте двенадцати лет этот хакер в двадцатом поколении успел обзавестись нейрошунтами. Звали его на самом деле Эрнст, а прозвище ВВ он заработал, когда крутил роман с моей подругой Шейлой Тойо. Когда во время второго свидания Шейла увидела его голышом, она прохохотала

полчаса кряду. Дело в том, что росту в нем тогда (как и сейчас) было метра два, но весил он при этом меньше пятидесяти килограммов. Шейла сказала, что у него задница похожа на два В. Эта кличка — как и большинство подобных жестоких прозвищ — прилипла к нему на всю жизнь.

Итак, я отправилась к ВВ. Контора его помещалась на ТКЦ, в монолитном сооружении без окон: он и ему подобные не признают заоблачных башен.

— Ламия, — изумился он, — что творится? В столь почтенном возрасте ты решила наконец выучиться инфограмоте? Не поздновато ли?

— Да нет. Просто я хочу кое-что узнать об ИскИнах.

— Просто узнать! ИскИны — одна из сложнейших проблем во вселенной, — вздохнул он и окинул влюбленным взглядом нейрошунты и метакортикальные процессоры, которые только что извлек из собственной головы. (Вообще-то хакеры никогда не отключаются от сети, но государственные чиновники должны делать перерыв на обед. Подобно большинству своих собратьев, ВВ терпеть не мог обмениваться информацией в реальном времени, а не мчаться, оседлав инфоволну.) — Так что ты хочешь узнать?

— Почему ИскИны обособились? — спросила я. Надо же было с чего-нибудь начать.

ВВ начертил в воздухе некое подобие спирали.

— Они заявили, что у них есть какие-то «собственные проекты», не позволяющие им «всецело погрузиться в дела Гегемонии». Читай — несовместимые с проектами людей. А всей правды не знает никто.

— Но они все еще среди нас? Все еще участвуют в наших делах?

— Конечно. Без них система просто не смогла бы нормально функционировать. И ты это прекрасно знаешь. Даже Альтинг не смог бы работать, если бы ИИ не управляли в реальном времени процессом Шварцшильд-модуляции…

— Отлично. — Я успела перебить его прежде, чем он углубился в свои обычные заумные разглагольствования. — А что это за «собственные проекты»?

— Никто толком не знает. Браннер и Швейц из корпорации «Арт-Интель» считают, что ИИ занимаются вопросами эволюции сознания в галактических масштабах. Насколько нам известно, их зонды углубились в пространство Окраин гораздо…

— А кибриды?

— Кибриды? — ВВ привстал, и в его глазах впервые мелькнул интерес. — С чего это ты вдруг вспомнила про кибридов?

— А почему тебя это так удивляет?

Он рассеянно почесал гнездо от нейрошунта.

— Видишь ли, люди как-то забыли об их существовании. Двести лет назад эта проблема была у всех на слуху, о кибридах говорили все, кому не лень, а теперь о них помнят только специалисты. Кроме того, я тут просмотрел один обзор аномальных явлений и узнал, что кибриды вообще исчезают.

— Исчезают? — Тут пришла моя очередь привстать.

— Ну, как бы тебе сказать… редуцируются, что ли… Раньше ИскИны держали в Сети около тысячи лицензированных кибридов. Причем половина торчала прямо здесь, на ТКЦ. А по данным переписи прошлой недели выясняется, что только за этот месяц две трети кибридов отозвано.

— Что происходит, когда ИИ отзывает своего кибрида?

— Не знаю. Думаю, его уничтожают. ИИ не любят без толку расходовать ресурсы. Я думаю, генетический материал каким-то образом рециркулируется.

— Зачем же его рециркулировать?

— Спроси что-нибудь полегче. Уж если на то пошло, мы вообще очень плохо представляем себе мотивы, которыми руководствуются ИИ.

— А эксперты? Они не боятся какого-нибудь подвоха со стороны ИскИнов?

— Ты шутишь? Шестьсот лет назад, может быть, и боялись. Ну двести. Во времена Раскола все всех подозревали. Но если бы ИИ хотели навредить нам, они бы давно это сделали. Бояться, что ИИ пойдут на нас войной, просто глупо. Ты не боишься, что коровы поднимут бунт?

— Но ведь ИскИны умнее нас, — возразила я.

— Умнее. И что с того?

— ВВ, ты слышал что-нибудь о проектах восстановления личности?

— А, Гленнон-Хайт? Конечно. Об этом все слышали. Я сам занимался таким проектом несколько лет назад в Рейхсуниверситете. Так ведь с тех пор сколько воды утекло! Теперь эти дела забросили.

— Почему?

— Господи! Да ты что, Ламия, совсем охренела? Все проекты восстановления личности — чушь. Даже на имитаторе со стопроцентной обратной связью — а они использовали вэкаэсовский ООШ:

ИТИ, — так вот, даже тогда нельзя полностью факторизовать все переменные. У шаблона личности возникает собственное самосознание… не осознание себя, как у нас с тобой, а осознание себя как искусственно осознающего себя объекта… Ну а дальше его затягивает в странный аттрактор и через негармонические лабиринты вышвыривает прямиком в Эшерово пространство.

— Переведи, — потребовала я.

ВВ вздохнул и посмотрел на сине-золотую полоску таймера на стене. Через пять минут истечет положенный ему часовой перерыв на обед. И он снова вернется в реальный мир.

— Перевожу, — сказал он. — Восстановленная личность разрушается. Сходит с ума. Одним словом — дурдом.

— Любая?

— Любая.

— Но ИскИны все еще занимаются этим?

— Кто тебе сказал? Они ни одного проекта не довели до конца. Все известные мне попытки восстановления предпринимали люди… В основном это дрянные университетские проекты. Ученые с зачерствевшими мозгами тратят целые состояния, чтобы вернуть к жизни других, давно умерших ученых с точно такими же зачерствев-

шими мозгами.

Я выдавила из себя улыбку. Еще три минуты, и он снова подключится.

— И что, каждой восстановленной личности дают двойника-кибрида?

— Гм, с чего ты взяла? Такого не было. Да и не выйдет.

— Почему?

— Да потому, что это похлеще любого фантопликатора. Кроме того, необходим идеальный материал для клонирования и точное, выверенное до последней детали, интерактивное взаимодействие с окружающей средой. Видишь ли, детка, восстановленная личность живет в своем мире. Для нее создается полноценная модель реальности. Ну, как фантопликация. И она его обживает. Ей подбрасывают всякие вопросы. Во сне, в интерактивном диалоге — как получится… А если вытащить личность из модельной реальности в медленное время…

(На жаргоне хакеров это выражение означает… извиняюсь, конечно… реальный мир.)

— …то она свихнется еще раньше, — закончил он.

— Да-а. Ну что ж, спасибо. — Я покачала головой и направилась к двери. В моем распоряжении

оставалось еще тридцать секунд. Через полминуты мой университетский приятель исчезнет из медленного времени.

— ВВ, — сказала я с таким видом, словно эта мысль только что пришла мне в голову, — ты когда-нибудь слышал про восстановление личности Джона Китса? Был такой поэт на Старой Земле.

— Китса? Конечно. Я даже об этом накатал главу в своем дипломе. Проект делал Марти Каролюс. Лет пятьдесят назад. В Нью-Кембридже.

— И что с ним стряслось?

— Обычная история. Затянуло в странный аттрактор. Но окончательно развалиться он не успел, поскольку раньше умер модельной смертью. Какая-то древняя болезнь. — ВВ посмотрел на часы, улыбнулся и взял шунт. Но прежде чем вставить его в черепную розетку, он бросил на меня последний блаженный взгляд. — Вспомнил, — сказал он, улыбаясь сонной улыбкой. — Туберкулез.

* * *

Если бы общество когда-нибудь пошло по пути, каким вел его Старший Брат из известной книжки Оруэлла, главным инструментом по-

давления свободы, несомненно, оказалась бы кредитная карточка. В безналичной экономике с рудиментарным бартерным черным рынком действия любого человека очень легко отследить, считывая информацию с его карточки. Правда, неприкосновенность карточек охраняется законом. Но когда общественный нажим сменяется тоталитарным пинком, законы имеют обыкновение забываться, а то и вовсе отправляются на свалку.

По расчетной карточке я проследила расходы Джонни за последние пять дней до убийства. Судя по этим данным, много тратить он не любил и образ жизни вел самый обычный. Однако, прежде чем пойти по «следу» его кредитной карточки, я битых два дня ходила за ним самим.

И вот что я выяснила.

Он жил один в Улье Бергсон-Восточный. Поселился он там около семи местных (то есть меньше пяти стандартных) месяцев назад. По утрам он завтракал в кафе неподалеку от дома, затем отправлялся по нуль-Т на Возрождение-Вектор, где часов пять работал в архиве, роясь в старых документах. Потом — легкий ленч (здесь же, у стойки уличного торговца), и еще час-два работы в библиотеке. Затем он отправлялся либо домой, на

Лузус, либо в один из тех миров, где предпочитал обедать. К десяти вечера он возвращался в свою квартирку. Нуль-Т он пользовался, несомненно, чаще, чем средний бездельник-лузианин с умеренными доходами, но без выдумки, по скучному графику. Копия расчетной карточки подтверждала, что в неделю убийства он придерживался точно такого же распорядка, с незначительными отклонениями. Купил туфли, на другой день — кое-какую снедь. А в день «убийства» зашел в бар на Возрождении-Вектор.

Я встретилась с ним за обедом в маленьком ресторанчике на улице Красного Дракона неподалеку от терминекса Циндао-Сычуань. Еда была очень горячая, очень острая и очень хорошая.

— Ну, как наши дела? — поинтересовался он.

— Отлично. Я стала на тысячу марок богаче и нашла хороший кантонский ресторан.

— Я рад, что мои деньги пошли на столь важное дело.

— Кстати о ваших деньгах… Откуда вы их берете? Пропадая в библиотеке на Возрождении, много не заработаешь.

Джонни вопросительно приподнял бровь.

— Видите ли, я получил небольшое наследство.

— Надеюсь, не такое уж небольшое. На мой гонорар хватит?

— Вполне. Ну а что новенького вы разузнали?

Я пожала плечами.

— Сначала ответьте, что вы делаете в этой библиотеке.

— Разве это имеет отношение к делу?

— Может иметь.

Он посмотрел на меня как-то странно. От этого взгляда у меня ноги сразу стали как ватные.

— Вы мне кого-то напоминаете, — сказал он тихо.

— Да? — Скажи это кто-нибудь другой, я бы тут же встала и ушла. — Кого же?

— Одну… женщину, которую я когда-то знал. Очень давно. — Он потер пальцами лоб, будто почувствовал внезапную усталость или головокружение.

— Как ее звали?

— Фанни. — Это имя он произнес почти шепотом.

Я поняла, о ком он говорит. У Джона Китса была невеста по имени Фанни. История их любви — сплошные романтические терзания. Бедный поэт чуть с ума не сошел. Умирая в Италии (в полном одиночестве, если не считать случайного

попутчика), чувствуя себя покинутым всеми — и друзьями, и возлюбленной, — он просил положить в могилу ее локон и нераспечатанные письма.

До этой недели я ни разу не слышала о Джоне Китсе. А всю эту чепуху выяснила через комлог.

— Так что же вы делаете в библиотеке? — спросила я.

Кибрид кашлянул.

— Изучаю одну поэму. Ищу фрагменты оригинала.

— Поэмы Китса?

— Да.

— Не проще ли запросить ее напрямую?

— Да, конечно. Но мне это очень важно — увидеть оригинал… подержать его в руках.

Я задумалась.

— И о чем эта поэма?

Он улыбнулся — или по крайней мере его губы сложились в улыбку, хотя светло-карие глаза глядели тревожно.

— Она называется «Гиперион». Трудно объяснить… о чем она. Думаю, то была художественная неудача. Китс ее так и не закончил.

Я отодвинула в сторону тарелку и принялась за теплый чай.

— Вы говорите, что Китс ее не закончил. То есть вы ее не закончили.

На его лице отразилось глубочайшее изумление. (Правда, ИскИны, насколько мне известно, прекрасные актеры.)

— Боже милостивый, — воскликнул он. — Я не Джон Китс! Да, у меня его внешность. Ее тоже восстановили. Но это делает меня Китсом не в большей степени, чем ваше имя — Ламия — превращает вас в чудовище. От этого несчастного и печального гения меня отличают миллионы деталей.

— Вы сказали, что я напомнила вам Фанни.

— Не более чем эхо ушедшего сна. Вас ведь обучали посредством трансплантации РНК?

— Да.

— Здесь нечто подобное. Воспоминания, которые кажутся… полыми.

Официант-человек принес пирожные «фортуна».

— У вас никогда не возникало желания посетить настоящий Гиперион? — спросила я.

— А что это такое?

— Планета на Окраине. По-моему, где-то за Парвати.

Джонни выглядел озадаченным. Он разломил

пирожное, но читать записку не стал.

— По-моему, это место называли Миром Поэтов, — сказала я. — Там даже есть город, названный вашим именем — Китс.

Юноша отрицательно покачал головой.

— К сожалению, ничего об этом не слышал.

— Быть не может. Неужели ИскИны знают не все?

Он коротко и резко рассмеялся.

— Есть один, который не знает почти ничего. — Тут он развернул бумажку с «фортуной» и прочитал: — «Остерегайтесь внезапных порывов».

Я скрестила руки.

— Знаете что? Если не считать того фокуса, когда вы показали мне голограмму управляющего банком, нет никаких доказательств, что вы действительно тот, за кого себя выдаете.

— Дайте мне руку.

— Руку?

— Да, любую. Благодарю вас.

Джонни сжал ладонями мою правую руку. Его пальцы были длиннее моих. Мои — сильнее.

— Закройте глаза, — приказал он.

Я закрыла. Все произошло мгновенно: секунду назад я сидела в «Голубом Лотосе» на улице

Красного Дракона, а сейчас очутилась… нигде. Или где-то. Я неслась сквозь серо-голубое киберпространство над хромово-желтыми информационными автострадами. Я пролетала сквозь огромные, сияющие огнями города хранилищ информации. Мелькали ярко-алые небоскребы в черной ледяной скорлупе защиты. Личные счета и архивы фирм полыхали во тьме, как доменные печи. И надо всем этим, где-то за гранью ощутимого, висели в перекрученном пространстве огромные массы ИскИнов. Их базисные линии связи пульсировали над бесконечным горизонтом, словно зарницы. И откуда-то издалека, сквозь этот переливающийся, как неоновая вывеска, мир (а ведь то был всего лишь секундный срез инфосферы одной небольшой планетки!) смотрели на меня его светло-карие глаза. Я даже не видела — чувствовала их ласковый, ожидающий взгляд.

Джонни отпустил мою руку. Потом разломил мое пирожное, достал бумажку и прочел:

— «В новое дело надо вкладывать с умом».

— Боже, — прошептала я. В свое время ВВ брал меня «полетать» в киберпространстве. Но то подключение без шунта было лишь жалким подобием нынешнего полета. Сейчас я любовалась

фейерверком в ночном небе. А тогда — разглядывала тот же фейерверк, но на черно-белой голограмме. — Как вам это удается?

— Завтра, насколько я понимаю, особых успехов не предвидится? — спросил он.

Я овладела собой и ответила:

— Завтра я намерена закончить дело.

Ну, допустим, не закончить, но уж по крайней мере сдвинуть с места. Судя по копии кредитной карточки, последний раз Джонни платил в баре на Возрождении-Вектор. Я проверила его в первый же день, поговорила с постоянными посетителями (бармена-человека там не было). Никто из них Джонни не помнил. Я заходила туда еще дважды, но с тем же результатом. На третий день я отправилась в бар с твердым решением: не уходить, пока хоть что-нибудь не прояснится.

Этот кабачок был определенно не похож на тот отделанный деревом и латунью бар на ТКЦ, где мы с Джонни сидели в первый раз. Заведение помещалось на втором этаже запущенного дома в бедном районе, примерно в двух кварталах от библиотеки, где работал Джонни. Вряд ли он заскочил сюда по дороге к порталу — не то место. Скорее уж он встретил кого-то в библиотеке (или поблизости), и они зашли сюда поговорить с

глазу на глаз.

Я сидела в баре шестой час кряду и уже глядеть не могла на их орешки и дрянное пиво, как вдруг в дверях появился старый бродяга. Войдя, он сразу направился к маленькому столику у дальней стены. Робот-официант не успел еще появиться, как он уже заказывал виски. По всему этому я поняла, что он здесь свой человек. Подсев за его столик и разглядев его получше, я поняла, что он не бродяга, а просто один из тех махнувших на все рукой людишек, которые толкутся в этом районе в лавках старьевщиков и возле уличных стоек. Старик прищурился и посмотрел на меня.

— Можно присесть?

— Может, и можно. Ну, подруга, что продаем?

— Я покупаю. — Я уселась, поставила на стол кружку пива и пододвинула к старику двумерное фото, на котором был запечатлен Джонни, входящий в будку нуль-Т на ТКЦ. — Видел когда-нибудь этого парня?

Старик кинул взгляд на фото и снова припал к стакану с виски (который на время поглотил все его внимание).

— Может, и видел, — ответил он наконец.

Я махнула роботу рукой, чтобы тот повторил, и продолжала:

— В таком случае тебе повезло. Если, конечно, не врешь. — Старик фыркнул и тыльной стороной ладони потер заросшую седой щетиной щеку.

— Давненько мне не везло. — Он внимательно посмотрел на меня. — Ну, сколько? И за что?

— За информацию. И ровно столько, сколько она стоит. Ну так как, видел его? — Я извлекла из кармана бумажку в пятьдесят марок. Такие ходили на черном рынке.

— Ну видел.

Я положила бумажку на стол и прикрыла рукой.

— Когда?

— В прошлый вторник. Утром.

День он назвал правильно. Я пододвинула банкноту к нему и достала другую.

— Он был один?

Старик облизнул губы.

— Дай сообразить. Нет, не один… он вон там сидел. — Он указал на столик позади нас. — А с ним еще двое парней. Один такой… ну, я его сразу запомнил.

— Какой?

Старик потер большим пальцем указательный — жест, древний, как сама жадность. Я продолжала допытываться:

— Расскажи-ка мне о тех двух мужчинах.

— Молодой-то… ну, твой… он был с этим, как их… ну, чудики такие в балахонах — природа, мол, и все такое прочее. Их еще по ящику все время показывают. Ну, на деревьях летают.

— На деревьях? Тамплиер, что ли? — спросила я в полном изумлении. Что мог тамплиер делать здесь, в баре на Возрождении-В? И если он что-то замышлял против Джонни, почему явился в мантии? Это как если бы убийца пошел на дело в шутовском колпаке.

— Ну да. Тамплиер. В такой коричневой штуке, их еще восточными называют.

— Это был мужчина?

— Говорю же — парень.

— Можешь описать его подробнее?

— Не-а. Тамплиер и все. Высокий такой сукин сын. А рожу я не разобрал.

— А второй?

Старик пожал плечами. Я достала еще одну бумажку.

— Они пришли вместе? Втроем?

— Да не знаю… Хотя нет, погоди-ка. Твой парень и тамплиер вошли первые. Того, второго, еще не было, а тряпку эту я сразу запомнил.

— Опиши мне второго.

Старик махнул роботу и заказал третий стакан. Я достала карточку и расплатилась. Гудя генераторами, официант укатил.

— Как ты, — поразмыслив, сказал старик. — На тебя похож.

— Невысокий такой, крепкий? С Лузуса, что ли?

— Ага, наверно. Я его здесь раньше не встречал.

— Ну, дальше.

— Бритый, — сказал старик. — Только фиговина такая болтается. Ну, как у моей племянницы… на конский хвост похоже.

— Коса? — спросила я.

— Во-во. — Он протянул руку к бумажкам.

— Еще пару вопросов. Они спорили?

— Не-а. Тихо сидели. Тут в это время вообще пусто.

— А когда это было?

— Я ж говорю — с утра. Часов в десять.

Примерно то же время было указано в кредитной карточке.

— А о чем говорили, не слышал?

— Не-а.

— Кто из них говорил больше?

Старик отпил еще глоток и наморщил лоб, пы-

таясь вспомнить.

— Сперва тамплиер говорил. А этот, твой, отвечал. И удивленный он был какой-то.

— Сильно удивленный?

— Не-а. Похоже, тот парень с тряпкой сказал что-то такое, чего он не ожидал.

— Значит, сперва говорил тамплиер. А кто говорил потом? Тот парень, которого я ищу?

— Не-а. Тот второй, с хвостом. Потом все ушли.

— Все трое?

— Не-а. Твой и тот, с хвостом.

— А тамплиер остался?

— Вроде бы да. Кажись, так. Потом я пошел в сортир, а когда вернулся, его уже не было.

— Куда пошли те двое?

— Да не знаю я, черт тебя задери. Чего мне к ним приглядываться? Я сюда пить хожу, а не шпионить.

Я кивнула. Робот подкатил снова, но я отправила его обратно. Старик хмуро посмотрел ему вслед.

— Значит, они не спорили, когда уходили? Не ругались? Никто никого не прогонял?

— А кого надо было прогнать?

— Моего. Или второго, с хвостом.

— Да не знаю я ни черта! — Он помял деньги в

грязных руках, посмотрел на них, потом окинул взглядом бутылки, выставленные на витрине. Осознав, что от меня ему больше ничего не дождаться, он спросил: — Слушай, подруга. А на хрена тебе все это?

— Я ищу своего парня, — сказала я и огляделась. В баре сидело человек двадцать. Большинство, похоже, были завсегдатаями. — А больше их никто не видел? Может, вспомнишь, кто тут тогда сидел?

— Не-а, — ответил он. Я вдруг разглядела, что глаза у старика того же цвета, что и виски в его стакане.

Поднявшись, я положила на стол последнюю бумажку в двадцать марок.

— Спасибо, старина.

— Всегда пожалуйста, сестрица.

И не успела я дойти до двери, как к нему уже подкатил робот.

Я пошла назад, к библиотеке. На оживленной площади, где располагались порталы, я задержалась и постояла там с минуту. Сценарий на данный момент складывался такой: Джонни встретил тамплиера, а может, тамплиер сам подошел к нему в библиотеке или на улице. Дальше они решили пойти в какое-нибудь место,

где можно было побеседовать без помех, например в бар. И там тамплиер сказал нечто такое, что очень удивило Джонни. Затем к ним присоединился некто бритый и с косой — возможно, лузианец — и перехватил инициативу. Джонни и Коса ушли вместе. Вскоре после этого Джонни отправляется на ТКЦ, а оттуда — в обществе единственного спутника (возможно, все того же Косы или тамплиера) на Мадхья. Там его пытаются убить. И убивают.

Слишком много пробелов. Слишком много «кто-то». Для целого дня работы маловато.

Я стояла и раздумывала, возвращаться ли мне домой, на Лузус, как вдруг мой комлог просигналил на секретной частоте, которую я сообщила Джонни.

— Госпожа Брон, — голос Джонни звучал хрипло, — приезжайте как можно быстрее. По-моему, они снова попытались меня убить. — Дальше следовал уже знакомый мне адрес в улье Бергсон-Восточный.

Я помчалась к ближайшему порталу.

Дверь в квартиру Джонни была чуть приоткрыта. В коридоре — ни души. Из квартиры не доносилось ни единого звука: полиция была явно не в курсе.

Я вытащила из кармана пальто отцовский пистолет, вставила обойму и одним движением включила лазерный прицел.

Потом пригнувшись и выставив вперед руки, вошла в квартиру. Красная точка заскользила по темной прихожей, задела дешевую гравюру на дальней стене и побежала дальше. Пусто. И в гостиной пусто. И в нише для просмотра голограмм.

Джонни лежал в спальне на полу, опираясь головой о кровать. Простыни были в крови. Он попытался приподняться, но снова упал. Дверь на балкон была открыта; с улицы тянуло сыростью и выхлопными газами.

Осмотрев уборную, небольшой холл и кухню, я вышла на балкон. Вид с него открывался захватывающий. Балкон (узенький карниз с перилами) располагался на высоте около двухсот метров на изогнутой стене Улья, и Главная Траншея просматривалась отсюда километров на десять — двадцать. Вверху взгляд упирался в темную массу ферм и балок — крышу Улья, до которой было метров сто, а внизу сверкали тысячи фонарей, голографических реклам и неоновых вывесок, сливаясь вдали в пульсирующее электрическое зарево.

К стене Улья прилепились сотни подобных балкончиков — и все пустые. Ближайший находился метрах в двадцати. Наличие балкона у риэлтеров считается «повышенной комфортностью» (с Джонни, вероятно, содрали за наружную комнату астрономическую сумму), хотя преимущество это очень сомнительное: воздушный поток, который создают вентиляторы, несет пыль и мусор. К тому же в улье всегда воняет нефтью и озоном.

Я положила пистолет в карман и вернулась посмотреть, что с Джонни.

Лоб его — от волос и до брови — рассекала неглубокая, но грязная рана. Когда я вернулась из ванной со стерильным тампоном, он уже сидел.

— Что случилось? — спросила я, прикладывая тампон.

— Двое мужчин… подкараулили в спальне… Они заблокировали сигнализацию на балконной двери.

— Вам полагается компенсация, — заметила я. — Что было потом?

— Мы боролись. Они тащили меня к двери. У одного из них был инъектор, но мне удалось его выбить.

— Почему они ушли?

— Я включил внутреннюю сигнализацию.

— Она подключена к системе охраны Улья?

— Нет. Я не хотел, чтобы охранники лезли в это дело.

— Кто вас ударил?

Джонни глуповато улыбнулся.

— Это я сам. Они уже выпустили меня, и тогда я бросился за ними. Споткнулся, упал и ударился о тумбочку.

— Не очень приятное происшествие — причем для обеих сторон, — сказала я, включила лампу и принялась осматривать ковер. В конце концов мне удалось найти инъектор: он закатился под кровать.

Джонни посмотрел на него, как на гадюку.

— Опять СПИД-II? — спросила я.

Он отрицательно покачал головой.

— Я знаю, куда его можно отдать на анализ, — сказала я. — Но похоже, это простой гипнотик. Они хотели, чтобы вы ушли с ними… Убийцы так не действуют.

Джонни снял тампон и скорчил гримасу. Кровь не останавливалась.

— Зачем кому-то похищать кибрида? — пробормотал он.

— Это вы мне говорите? Я уже начинаю думать, что и ваше так называемое убийство было просто

неудачной попыткой похищения.

Джонни снова покачал головой.

— А скажите, — спросила я, — ни у кого из нападавших не было косы?

— Не знаю. На них были кепки и осмотические маски.

— Не был ли один из них очень высоким, как тамплиер, или очень сильным, как лузианин?

— Тамплиер? — удивился Джонни. — Первый был среднего роста, а тот, второй… ну, с инъектором… вполне сошел бы за лузианина. Очень сильный…

— Итак, вы сцепились с лузианином голыми руками. Может, у вас какие-нибудь биопроцессоры или силовые импланты?

— Нет у меня никаких имплантов. Я просто взбесился.

Я помогла ему встать.

— Значит, ИскИн может разозлиться?

— Я могу.

— Пойдемте, — сказала я. — Я знаю тут поблизости одну дешевую клинику. А потом вы немного поживете у меня.

— У вас? Почему?

— Время, когда вам нужен был детектив, прошло. Теперь вам нужен телохранитель.

В зональной схеме Улья моя берлога вообще не числилась в качестве жилого помещения. В сущности, это был просто подновленный чердак крупного склада, принадлежавший одному моему другу, которого заели ростовщики. На старости лет он надумал эмигрировать в какую-то колонию на Окраине, и я буквально даром получила отличный угол всего в километре от моей конторы. Район, конечно, малость подкачал, да и шум, доносившийся с погрузочных платформ, временами мешал разговаривать, зато помещение — раз в десять больше обычной квартиры, так что все свое оборудование я смогла разместить прямо на дому.

Джонни с интересом разглядывал мое жилище. Я почувствовала себя польщенной и тут же мысленно чертыхнулась. Не хватало еще, чтобы я начала красить губы из-за какого-то кибрида.

— Так почему же вы живете на Лузусе? — спросила я. — Большинство приезжих с других планет плохо переносят нашу гравитацию, да и местность тут несколько однообразная. А документы, в которых вы роетесь, находятся в библиотеке на Возрождении-Вектор. Почему?

Когда он заговорил, я поймала себя на том, что буквально пожираю его глазами и так же

внимательно слушаю. Волосы он расчесывал на пробор; почти прямые у макушки, они ниспадали на воротник каштаново-рыжими кудрями. У него была привычка во время разговора подпирать подбородок кулаком. А говорил он на самом деле без всякого акцента — я только сейчас это поняла. Всеобщим языком он владел в совершенстве — просто избегал сокращений, оттого и казалось, что язык этот ему не родной. Ритмом речи он напомнил мне одного знакомого вора, уроженца Асквита (Асквит — это планетка на задворках Сети, заселенная эмигрантами Первой Волны, выходцами с Британских Островов).

— Я жил во многих мирах, — сказал он. — Моя цель — наблюдать.

— Самое подходящее занятие для поэта.

Он покачал головой, сморщился и осторожно дотронулся до шва.

— Какой из меня поэт? Вот ОН — это да.

Несмотря на случившееся, в Джонни чувствовалась сила, которую я встречала лишь считанное число раз. Это трудно описать словами, но я сама видела, как на приемах самого высокого ранга все невольно устремлялись к подобным людям, стоило им только появиться. И дело здесь было не в его чуткости или сдержанности — от него

действительно исходила какая-то особая энергия, даже когда он просто смотрел на тебя.

— Почему вы здесь живете? — в свою очередь, спросил он.

— Я тут родилась.

— Да, но ваше детство прошло на Тау Кита. Ваш отец был сенатором.

Я промолчала.

— Многие думали, что вы займетесь политикой, — сказал он. — Может быть, на вас так повлияло самоубийство отца?

— Это было не самоубийство, — не выдержала я.

— В самом деле?

— Во всех репортажах и в заключении следствия утверждалось, что мой отец покончил с собой, — сказала я как можно бесстрастнее. — Но все они ошибались. Мой отец никогда бы не сделал этого.

— Значит, убийство?

— Да.

— Несмотря на то, что не было ни мотивов, ни подозреваемых?

— Да.

— Понимаю, — сказал Джонни. В желтом свете складских фонарей, проникавшем сквозь пыль-

ные окна, его волосы отливали медью. — Вам нравится ваша работа?

— Когда удается довести дело до конца, — ответила я. — Есть хотите?

— Нет.

— Тогда давайте спать. Можете занять диван.

— А вам всегда удается довести дело до конца? — спросил он. — В вашей работе?

— Завтра увидим.

Утром, в обычное время, Джонни отправился на Возрождение-Вектор. Потоптавшись немного на портальной площади, он прямо оттуда совершил второй прыжок — в Музей Первопоселенцев на Седьмой Дракона. Оттуда он прыгнул на главный терминекс Нордхольма, а затем сразу же — на планету тамплиеров, именуемую Рощей Богов.

График мы составили заранее, и я ждала его на Возрождении, скрываясь в тени колоннады.

Мужчина с косой был третьим после Джонни. Несомненно, лузианин. Бледность, характерная для всех обитателей ульев, отличная мускулатура и уверенная походка — он запросто мог оказаться моим давно пропавшим братом.

Он ни разу не взглянул на Джонни, но я заметила его удивление, когда кибрид направился к порталам внешних линий. Я держалась позади,

так что карточку его видела лишь мельком, но готова была поспорить на что угодно — он пользовался «лоцманкой».

В Музее Первопоселенцев Коса держался осторожно, однако Джонни из виду не упускал и все время оглядывался — проверял, нет ли слежки. На мне был балахон для дзен-медитаций, защитный козырек и все прочее. Даже не глянув в их сторону, я двинулась к выходному порталу музея и отправилась прямиком на Рощу Богов.

Конечно, на душе у меня кошки скребли — ведь в музее и терминексе Нордхольма Джонни оставался без присмотра. Впрочем, успокаивала я себя, сейчас там полно народу, так что риск мой оправдан.

В условленное время Джонни появился в портале «Древо Мира» и купил билет на экскурсию. Его преследователю пришлось посуетиться: чтобы успеть на скиммер-омнибус, он на несколько минут сбросил маску беспечного зеваки. Я тем временем забралась на второй этаж омнибуса и устроилась сзади, а Джонни, как мы и договаривались, спереди. На мне уже были обычные туристские шмотки, а мой имиджер совершенно затерялся среди десятка таких же аппаратов. Наконец на палубе появился Коса и поспешно

занял место тремя рядами дальше Джонни.

Экскурсия по Древу Мира — всегда праздник (впервые отец привез меня сюда, когда мне было всего три стандартных года), но на сей раз, пока скиммер летел над ветвями шириной с хорошую автостраду и огибал ствол, размерами не уступающий горе Олимп, я чувствовала себя не в своей тарелке от взглядов, которые тамплиеры бросали на меня из-под своих капюшонов.

Мы с Джонни заранее продумали различные хитроумные и утонченные способы слежки за Косой (если он объявится), чтобы добраться до его логова, и готовы были потратить несколько недель на разгадку его игры. Но в конце концов я остановилась на менее утонченном варианте.

Омнибус высадил нас у музея Мюира, и туристы разбрелись по площади, усиленно соображая: то ли потратить десять марок на свое просвещение, то ли отправиться прямиком в магазин сувениров.

И тут я подхожу к Косе, крепко хватаю его за плечо и спокойно так говорю: «Привет. Какого черта вам надо от моего клиента?»

Старинная поговорка гласит, что, хотя утонченности в лузианине — как в желудочном зонде, последний все-таки приятнее в обращении. И

если мои манеры подтверждали первую часть этой поговорки, то Коса сделал все, чтобы подтвердить вторую.

Он не растерялся. Хотя моя, на первый взгляд несильная, хватка парализовала мышцы его правой руки, секунду спустя в его левой руке сверкнул нож.

Я тут же ушла вправо, и нож просвистел в нескольких сантиметрах от моей щеки. Ударившись о тротуар, он отлетел в сторону. Выхватив нейростаннер, я бросилась на одно колено, чтобы отбить следующую атаку.

Атаки не последовало. Коса убегал. Убегал от меня. Убегал от Джонни. Расталкивая туристов локтями, он вырвался из толпы и ринулся к музею.

Я спрятала станнер за манжету и бросилась в погоню. На близком расстоянии станнер — превосходное оружие, из него даже целиться не надо: он действует, как дробовик, с той лишь разницей, что, если заденешь широким лучом посторонних, ничего страшного с ними не случится. Но на расстоянии в восемь-десять метров станнер бесполезен — излучение рассеивается. У половины туристов, толпившихся на площади, я могла вызвать ужасную головную боль, но Коса

был уже слишком далеко. Я припустила за ним.

Джонни бросился ко мне.

— Домой! — крикнула я ему, махнув рукой. — И запрись на все замки!

Коса был уже у входа в музей. Он оглянулся, и в руке у него снова сверкнул нож.

Я прибавила скорость. При мысли о том, что сейчас произойдет, я испытала нечто похожее на радость.

Коса перепрыгнул через турникет и стал пробиваться к дверям. Я последовала за ним.

Лишь оказавшись под сводами Большого Зала и увидев, как он прокладывает себе дорогу по битком набитому эскалатору, я поняла, куда он направляется. В Сад.

Впервые отец взял меня на экскурсию к тамплиерам, когда мне было три года. Тогда все порталы были открыты, и на то, чтобы обойти пешком тридцать миров, где экологи тамплиеров сохраняли во славу Мюира уголки девственной природы, у нас ушло целых три часа. Точно не помню, но, по-моему, тропинки там здорово петляют, а порталы расположены невдалеке друг от друга, чтобы экскурсоводы и служители могли без труда попасть куда им надо.

Черт возьми!

Одетый в форму старый охранник, дежуривший у портала, заметил суматоху и вышел навстречу, чтобы остановить зарвавшегося хулигана. Все произошло в одно мгновение. Я была метрах в пятнадцати, но даже с такого расстояния разглядела изумленное выражение его лица, когда он пятился назад… а из его груди торчала рукоятка кинжала.

Старик (видимо, бывший местный полицейский) побледнел, коснулся костяной рукоятки (казалось, он хотел убедиться в ее реальности) и рухнул ничком на мощенный плитками пол. Туристы закричали. Кто-то звал врача. Я успела заметить, как Коса оттолкнул гида-тамплиера и исчез в светящемся портале.

Это шло вразрез с нашими планами.

Перепрыгнув через перила, я устремилась к порталу…

…и заскользила вниз по травянистому склону. Небо здесь было лимонно-желтое, в воздухе пахло чем-то тропическим. Меня провожали удивленные взгляды. Коса был уже на полпути к следующему порталу. Он бежал напрямик, топча роскошные клумбы и раскидывая ногами крошечные деревья бонсай. Фудзи. Скатившись с холма, я снова помчалась вверх, прямо по разво-

роченным клумбам. «Задержите его!» — кричала я, понимая, как это глупо. Разумеется, никто и пальцем не шевельнул. Только одна японская туристка подняла имиджер и стала снимать погоню.

Коса оглянулся, растолкал глазевших на него туристов и влетел в портал.

Я снова достала станнер и закричала: «Прочь! Назад!» Толпа торопливо расступилась.

Я шла осторожно, взяв станнер на изготовку. Ножа у Косы больше не было, но кто знает, какие еще игрушки он припас.

Яркий свет на воде. Фиолетовые волны Безбрежного Моря. Экскурсионная тропа проходила в метрах десяти над водой, по установленному на понтонах деревянному настилу. Вдали она огибала сказочный коралловый риф и желтые островки водорослей и возвращалась назад. К порталу на другом конце тропы вел узенький мостик. Коса уже перелез через ворота с надписью «Посторонним вход воспрещен» и находился на середине мостика.

Подбежав к краю платформы, я поставила станнер на полную мощность и принялась орудовать невидимым лучом, словно садовым шлангом.

Мне показалось, что Коса споткнулся, однако,

преодолев последние десять метров, он все-таки нырнул в портал. Я выругалась и, не обращая внимания на возмущенные крики возникшего у меня за спиной гида-тамплиера, полезла через ворота. Краем глаза я успела заметить табличку — «Не забудьте надеть термокостюм» — или что-то в этом роде. Портал я проскочила так быстро, что почти не ощутила покалывания, которое всегда сопровождает проход через экран.

Буря с ревом обрушилась на коридор защитного поля, в котором, как в тоннеле, петляла в сплошной белизне узкая тропинка. Седьмая Дракона. Эти северные районы собирались прогреть, а затем колонизировать, но тамплиерское лобби в Альтинге зарубило проект, чтобы сохранить «дыхание Арктики». Сила тяжести в 1,7g давила мне на плечи, как хомут тренажера. Жаль, что Коса тоже с Лузуса: будь у него мышцы обычного жителя Сети, мне не пришлось бы за ним так гоняться. Ладно, посмотрим, кто из нас в лучшей форме.

Нас разделяло метров пятьдесят. Коса оглянулся и прибавил ходу. Где-то рядом был другой портал, но пурга скрыла его от глаз. Впрочем, все равно снаружи и двух шагов не сделаешь. И я кинулась вслед за Косой. Из уважения к гравита-

ции здешняя тропа была самой короткой во всей экскурсии — метров двести, не больше. Я уже слышала его тяжелое дыхание. Сама я бежала легко и неуклонно сокращала разделявшее нас расстояние. Туристов на тропе не было, погоня отстала. «Здесь же и допрошу, — подумала я, — самое подходящее место».

Но не добежав метров тридцати до портала, Коса вдруг обернулся, припал на одно колено и навел на меня лучевой пистолет. Первый разряд ушел в вечную мерзлоту (возможно, из-за здешней гравитации оружие оказалось слишком тяжелым для его руки), но промахнулся он самую малость — в метре от меня по дорожке протянулась полоса окалины. Коса поднял ствол чуть выше.

Выставив вперед плечо, я бросилась в сторону и, пробив упругую стенку защитного поля, провалилась по грудь в сугроб. Холодный воздух обжег мне легкие, сгребаемый ветром снег в несколько секунд залепил руки и лицо. Коса, оставшийся на освещенной тропе, крутил головой, но теперь пурга работала на меня. Под ее покровом я бросилась через сугробы к тому месту, где стоял лузианин.

Просунув сквозь защитное поле голову, плечи

и правую руку, он уже высматривал меня в гуще снегопада, мгновенно превратившего его в белую маску. Второй разряд прошел над моей головой, обдав меня жаром. Теперь нас разделяло метров десять. Я переключила станнер на широкий луч и, не высовываясь из сугроба, несколько раз провела стволом из стороны в сторону.

Коса выронил пистолет в снег и, пошатнувшись, скрылся в защитном поле.

Рев ветра заглушил мой победный клич. Спотыкаясь, я побрела к тропе. Руки и ноги были как чужие и совершенно не ощущали холода. Щеки и уши пылали. Приказав себе не думать об обморожении, я бросилась в поле.

Это было поле третьего класса, предназначенное для защиты от разгула стихии и того самого «дыхания Арктики», но при этом проницаемое для крупных тел — чтобы заблудившийся турист или тамплиер, вышедший за какой-нибудь надобностью наружу, мог вернуться на тропу. Но от холода я так ослабела, что несколько секунд не могла преодолеть силовую стенку. Скользя ногами по снегу и льду, я билась о защитное поле, как муха о стекло. Наконец, собрав все силы, я бросилась вперед, неуклюже рухнула на тропу и буквально втащила за собой ногу.

Видимо, от того, что я так внезапно оказалась в тепле, меня пробрала дрожь. А когда я привстала на колени, а затем заставила себя подняться на ноги, с меня посыпались ледышки и комья снега.

Тем временем Коса пробежал последние пять метров до портала. Правая рука у него болталась, как сломанная. Я представляла, как полыхают у него сейчас нервные окончания, и ни за что не поменялась бы с ним местами. Он оглянулся только раз — я неслась к нему со всех ног — и исчез в портале.

Мауи-Обетованная. Тропический воздух пахнул зеленью и океаном. Небо было голубое, как на Старой Земле. Я сразу поняла, куда вывела нас тропа — на один из тех немногих плавучих островов, которые тамплиеры уберегли от приручения. Остров был большой — с полкилометра в поперечнике, но входной портал располагался достаточно высоко — на широкой кольцевой площадке, окружавшей ствол дерева-мачты. Отсюда были хорошо видны наполненные ветром листья-паруса и вытянувшиеся во всю длину синие лозы водяного винограда, игравшие роль руля. К порталу выхода, лежавшему метрах в пятнадцати ниже, вела лестница, но Коса избрал другой

путь. Выскочив на главную тропу, он побежал к краю острова, где стояло несколько хижин и торговых павильонов.

Только здесь, на середине маршрута, тамплиеры позволяли уставшим туристам отдохнуть под крышей и заодно пополнить казну братства, приобретая закуски, напитки и сувениры. Все еще дрожа, в мокрой от тающего снега одежде, я потрусила по ступенькам к главной тропе. Но почему Коса бежал именно туда?

И тут я увидела разложенные на берегу яркие ковры. Все стало ясно. В большинстве миров Сети ковры-самолеты запрещены, но на Мауи-Обетованной их сохраняли в память о легендарной Сири. Эти древние игрушки (размером всего метр на два) поджидали туристов, чтобы покатать их над морем. Если Коса до них доберется… Продемонстрировав великолепный спринт, я догнала лузианина буквально в нескольких метрах от площадки с коврами и бросилась ему в ноги. Мы покатились прямо к ларькам. Стоявшие там туристы с криками разбежались.

Отец преподал мне одну простую истину, которую дети сплошь и рядом забывают. На свою голову. А истина вот какая: если маленький мальчик не хочет получить большую трепку,

ему не стоит драться с большими мальчиками. Но сейчас наши силы были примерно равны. Извернувшись, Коса вскочил на ноги и принял восточную боевую стойку с разведенными руками и отогнутыми назад пальцами. Оставалось выяснить, кто из нас маленький мальчик, а кто — большой.

Коса атаковал первым. Сделав притворный выпад прямыми пальцами левой руки, он нанес боковой удар ногой в голову. Я ушла нырком, но он все-таки задел меня. Причем достаточно сильно — левое плечо сразу онемело.

Пританцовывая, Коса отступил назад. Я двинулась на него. Он ударил кулаком справа. Я поставила блок. Он рубанул левой рукой сверху вниз. Я парировала удар правым предплечьем. Все так же пританцовывая, Коса отступил еще на шаг, быстро развернулся и хлестко ударил левой ногой. Я нырнула, поймала его за щиколотку и бросила на песок.

Коса вскочил. Я сбила его с ног коротким хуком слева. Он откатился в сторону и попытался встать на колени. Я ударила его ногой в голову, за левым ухом, причем не слишком сильно — чтобы он не отключился.

И зря, в чем секунду спустя и убедилась. Пробив

мой блок, он ударил меня четырьмя пальцами под сердце. К счастью, он задел лишь мышцы под правой грудью. И тогда я со всей силы врезала ему в зубы. Изо рта у него брызнула кровь, он покатился к берегу и замер у самой кромки воды. Туристы кинулись к выходному порталу, крича остальным, чтобы те вызвали полицию.

Я взяла своего подозреваемого за косицу и принялась окунать в воду. Когда он пришел в себя, я перевернула его на спину и, ухватив за рваную, окровавленную рубашку, приподняла. Через минуту-другую сюда наверняка кто-то явится. Нужно было спешить.

Коса смотрел на меня стеклянными глазами. Я встряхнула его и наклонилась поближе.

— Слушай, приятель, — прошептала я. — Сейчас у нас состоится короткий, но откровенный разговор. Для начала объясни, кто ты такой и что тебе надо от того парня.

Разряд я ощутила еще до того, как увидела синие искры. В мгновение ока тело Косы окутал мерцающий ореол. Выругавшись, я отскочила назад, но волосы у меня на затылке уже стояли дыбом, а индикатор электрического поля в комлоге тревожно верещал. Коса застыл с разинутым в беззвучном крике ртом — внутри у него тоже

мерцала синева, как у монстра из дешевой голопостановки. Зашипела, почернела и вспыхнула рубашка. Грудь под нею пошла синими пятнами — так горят старинные киноленты. Пятна расплывались, соединялись, снова расплывались. Открылась грудная клетка — там, в синем огне плавились внутренности. Коса снова разинул рот — на этот раз крик его был слышен. А потом зубы и глаза провалились в синее пламя.

Я отступила еще на шаг.

Коса горел. Синий ореол сменился оранжево-красным пламенем. Куски плоти выбрасывало наружу, лопались кости. В одну минуту он как бы ужался и превратился в дымящееся чучело, в какую-то карикатуру на человеческое тело; таково неизбежное действие огня. Прикрыв ладонью лицо, я обернулась и внимательно оглядела кучку туристов, которые пялились на меня вытаращенными глазами. Быть может, убийца — кто-нибудь из них? А наверху из портала уже выпрыгивали фигуры охранников в серой форме.

Проклятие! Я огляделась вокруг. Над головой поднимались деревья-мачты. Среди многоцветья тропической растительности колыхались лучистые паутинки, красивые даже при дневном освещении. Солнечные лучи дробились на

голубой глади океана. Дорогу к обоим порталам уже перекрыли. Командир отряда расстегивал кобуру.

Ближайший ковер-самолет был от меня всего в трех шагах. Летать на этой штуковине мне доводилось только раз, причем двадцать лет назад, и сейчас я лихорадочно пыталась вспомнить, как активируются его левитаторы. Кажется, сенсорные нити должны быть в одном из рисунков.

Внезапно ковер стал жестким и поднялся на десять сантиметров над пляжем. Послышались крики. Охранники были уже на берегу, рядом с толпой. Женщина в аляповатом наряде, какие носят на Малом Возрождении, показывала на меня рукой. Я соскочила со своего ковра, подобрала остальные семь и забралась обратно. С трудом нащупав под грудой тряпья нужный квадратик, я послала свой летательный аппарат вперед и вверх. Ковер-самолет набирал высоту так стремительно, что я едва не свалилась.

Отлетев метров на пятьдесят от берега, я побросала остальные ковры в море и развернулась, чтобы видеть, что происходит на пляже. Несколько фигур в серой форме сгрудились вокруг обгоревших останков Косы. Еще один охранник целился в меня какой-то серебряной штукой,

похожей на жезл…

В руки, плечи и шею словно впились бесчисленные тончайшие иглы. Веки сами собой закрылись, и меня так повело, что я чуть не скатилась с ковра. Вцепившись в него левой рукой и наклонившись вперед, чтобы удержать равновесие, я принялась давить одеревеневшими пальцами в сенсорный узор. Когда ковер-самолет снова пошел вверх, я полезла в правый рукав за своим станнером. Увы, кобура на запястье была пуста.

Через минуту я кое-как села. Паралич проходил, однако пальцы все еще жгло и голова раскалывалась. Плавучий остров остался далеко позади и с каждой секундой делался меньше. Сто лет назад эти острова пасли стаи дельфинов, которых завезли сюда во времена Хиджры. Но когда Гегемония усмиряла Восстание Сири, в ходе так называемой программы умиротворения погибла большая часть морских млекопитающих. И теперь острова плавали по воле волн с грузом туристов и содержателей курортов.

Я вглядывалась в горизонт. Ни островов, ни тем более материков. Ничего. Голубое небо, беспредельный океан и где-то далеко на западе — белые пятнышки облаков. Или на востоке?

Сняв с пояса комлог, я стала было набирать код доступа в основную инфосферу, но потом передумала. Если власти взялись за меня всерьез, они наверняка попытаются выяснить, где я, и пошлют за мной скиммер или магнитоплан службы безопасности. Работающий комлог запеленговать чертовски трудно, но все равно облегчать им задачу не стоит. Я поставила комлог на прием и еще раз огляделась.

Как говорится, приехали. Болтаюсь в двухстах метрах над океаном на ковре-самолете, которому лет триста, не меньше, и энергии хватит на… уж не знаю на сколько часов… а до ближайшей суши, может, тысяча километров, а то и больше. И вдобавок заблудилась. Совсем здорово. Я скрестила руки на груди и задумалась.

— Госпожа Брон? — Негромкий голос Джонни так напугал меня, что я чуть не свалилась с ковра.

— Джонни? — Я посмотрела на свой комлог. Он был включен, но индикатор основного комм-диапазона не горел. — Джонни, это вы?

— Конечно. Я думал, вы никогда не включите комлог.

— Как вы меня нашли? На какой частоте меня вызываете?

— Это не важно. Куда вы направляетесь?

Я рассмеялась:

— Понятия не имею. Вы мне поможете?

— Подождите. — И секунду спустя: — Отлично! Я засек вас через метеорологический спутник. Ужасно примитивная штука. Хорошо, что ваш ковер-самолет оснащен пассивным трассером.

Я посмотрела на коврик — эту зыбкую преграду, отделявшую меня от морской пучины.

— В самом деле? Значит, и другие могут меня выследить?

— Могли, — ответил Джонни, — но теперь на этой частоте я поставил помехи. Куда вы направляетесь?

— Домой.

— После того, как наш… подозреваемый… погиб… в общем, я не уверен, что это самое разумное решение. Внезапно меня охватил приступ подозрительности.

— Откуда вы знаете, что он погиб? — спросила я, прищурясь. — Я вам ничего не говорила.

— Перестаньте, госпожа Брон. В шести мирах на полицейской частоте только об этом и говорят. Между прочим, довольно подробно описывая вашу внешность.

— Вот же гадство!

— Совершенно верно. Итак, куда бы вы хотели отправиться?

— А вы-то где? — спросила я. — У меня?

— Нет. Я ушел, когда о вас сообщили по каналу СБ. Я… недалеко от портала.

— Вот бы и мне оказаться поблизости! — Я снова огляделась. Океан, небо, прозрачные облака. Погони пока не видно.

— Хорошо, — произнес бесплотный голос Джонни. — В десяти километрах от вас расположен многоцелевой портал ВКС. Только он отключен от питания.

Я прикрыла глаза от слепящего солнца и крутанула ковер на триста шестьдесят градусов.

— Черта с два! Уж не знаю, сколько здесь до горизонта — километров сорок, если не больше, — но кругом совершенно пусто.

— База под водой, — пояснил Джонни. — Держитесь. Беру управление на себя.

Ковер-самолет снова накренился, клюнул носом и начал постепенно снижаться. Я ухватилась за него обеими руками, едва удержавшись, чтобы не закричать.

— А она далеко? — Встречный поток воздуха все ощутимее бил мне в лицо.

— Вы хотите сказать — глубоко?

— Да!

— Восемь фатомов.

Я в уме перевела эти старинные единицы в метры и на этот раз все-таки вскрикнула.

— Это же почти четырнадцать метров! Четырнадцать метров под водой!

— А чего вы хотите? Это же подводная база!

— Как, по-вашему, должна я чем-нибудь дышать?

Океан стремительно приближался.

— Это не проблема. У ковров-самолетов есть примитивное защитное поле. Восемь фатомов оно выдержит. Держитесь крепче!

И я изо всех сил вцепилась в ковер.

Джонни уже ждал меня. Подводная база оказалась темной, сырой и какой-то заброшенной. Портал наверняка армейский: я таких раньше не видела. Миновав его, я с облегчением вышла на залитую солнцем городскую улицу. Там и ждал меня Джонни.

Мы шли мимо старых домов по безлюдным улицам, и я рассказывала ему про Косу. Небо было светло-голубое, но вечереющее. И никого вокруг.

— Эй, — спохватилась я, — где это мы?

Все было невероятно похоже на Землю… и в то же время небо, гравитация, сама фактура этого

места были не похожи ни на что.

Джонни улыбнулся.

— Попробуйте угадать. И давайте еще немного пройдемся.

Мы пошли дальше по широкой улице. Слева от нас были какие-то развалины. Я снова остановилась и принялась их разглядывать.

— Это Колизей, — услышала я свой собственный голос. — Римский Колизей на Старой Земле. — Я огляделась вокруг. Старинные дома. Мощенные булыжником улицы. Под легким ветерком чуть шевелится листва. — Это реконструкция города Рима со Старой Земли. — Я старалась, чтобы мой голос звучал не слишком удивленно. — Мы что, на Новой Земле?

Впрочем, я сразу поняла, что это не так. Новую Землю я знаю прекрасно. Там все другое — и небо, и запахи, и сила тяжести.

Джонни отрицательно покачал головой.

— Мы вообще не в Сети.

Я замерла.

— Этого не может быть.

По определению, любой мир, куда можно добраться по нуль-Т, входит в Сеть.

— И тем не менее мы не в Сети.

— Где же мы в таком случае?

— На Старой Земле.

И мы пошли дальше. На пути нам встретились еще одни развалины.

— Это Форум, — пояснил Джонни. А когда мы начали спускаться по длинной лестнице, он добавил: — Впереди Пьяцца ди Спанья — площадь Испании. Там и переночуем.

— Старая Земля, — произнесла я. То была моя первая реплика за двадцать минут. — Мы совершили путешествие во времени?

— Это невозможно, госпожа Брон.

— Тогда — что-то вроде тематического парка?

Джонни рассмеялся. Какой приятный у него был смех — естественный, непринужденный.

— Возможно. Я и сам не знаю, зачем создали эту штуку. Это… модель.

— Модель. — Прищурившись, я смотрела вдоль узкой улочки на красный диск заходящего солнца. — Мне приходилось видеть голограммы Старой Земли. И знаете, похоже. Как будто я действительно там.

— Модель очень точная.

— И все-таки где мы? Я хочу сказать, возле какой звезды?

— Номера я не знаю, — ответил Джонни. — Где-то в Скоплении Геркулеса.

Едва удержавшись, чтобы не переспросить, я присела на ступеньку. С появлением двигателя Хоукинга человечество исследовало, колонизировало и связало нуль-Т-каналами множество миров, разделенных порой тысячами световых лет. Но никто еще не пытался достичь бурлящего ядра Галактики. Человечество освоило лишь один из спиральных рукавов и делало сейчас первые шаги за пределы своей колыбели. А тут — Скопление Геркулеса.

— Зачем Техно-Центру понадобилось строить копию Рима в Скоплении Геркулеса? — спросила я.

Джонни сел рядом. Мы смотрели на голубей, разгуливавших по площади. Внезапно они все разом взмыли в воздух и закружили над крышами.

— Этого я не знаю, госпожа Брон. Я многое еще не изучил… да, честно говоря, до последнего времени и не стремился.

— Ламия, — негромко произнесла я.

— Что?

— Зовите меня просто Ламия.

Джонни наклонил голову ко мне и улыбнулся.

— Спасибо, Ламия. Кстати, сдается мне, они скопировали не один только Рим. Тут вся Старая Земля.

Я оперлась ладонями о нагретую солнцем каменную ступеньку, на которой сидела.

— Вся Старая Земля? С… континентами и городами?

— Думаю, что так. Правда, за пределами Англии и Италии я не был — исключая путешествие морем. Но кажется, аналогия полная.

— Бог ты мой! Зачем им все это?

Джонни медленно кивнул.

— И в самом деле! Только ваш Бог тут ни при чем. И вообще, давайте зайдем ко мне, обсудим все, а заодно и поедим. Похоже, эта модель как-то связана с моим убийством.

«Ко мне» так «ко мне». Джонни занимал квартиру в большом доме у подножия мраморной лестницы. Из окон открывался вид на площадь, которую Джонни называл «пьяцца», и лестницу, которая вела к большой церкви из желто-коричневого камня. Внизу, посреди площади, бил фонтан в виде корабля, нарушая плеском воды вечернюю тишину. Джонни сказал, что фонтан проектировал Бернини,[36] но это имя мне ничего не говорило.

---

[36] Примечания: 36

Пьетро Бернини — итальянский скульптор XVI века, автор фонтана La Baraccia на Пьяцца ди Спанья в Риме.

Комнаты были небольшие, хотя и с высокими потолками, мебель неказистая, но украшенная искусной резьбой. Узнать по стилю, когда ее изготовили, я так и не смогла. Никаких признаков электричества или современных бытовых приборов. У дверей и потом, уже наверху, я пыталась заговорить с домом, но он не отозвался. А когда на площадь и город спустились сумерки, за высокими окнами зажглись редкие фонари, в которых наверняка использовался газ или какое-нибудь другое допотопное горючее.

— Это из прошлого Старой Земли, — сказала я, прикасаясь к пышным подушкам. И тут только до меня дошло. — Китс умер в Италии. В начале… девятнадцатого века. Или двадцатого? Это… тогда?

— Да. Начало девятнадцатого века: 1821 год, если быть точным.

— Значит, весь этот мир — музей?

— О нет! Различные районы соответствуют различным эпохам. Все зависит от объекта.

— Не понимаю. — Мы перешли в комнату, заставленную громоздкой мебелью, и я устроилась у окна на диване, украшенном странной резьбой. Золотистый вечерний свет играл на шпиле той желто-коричневой церкви. На фоне темнеющего неба кружились и кружились белые голуби. — И

что же, миллионы… кибридов… живут на этой липовой Старой Земле?

— Вряд ли, — ответил Джонни. — Думаю, их тут столько, сколько нужно для каждого конкретного проекта. — Заметив, что я все еще не понимаю, он перевел дыхание и продолжал объяснять: — Когда я… проснулся, здесь были кибриды Джозефа Северна, доктора Кларка, квартирной хозяйки Анны Анчелетти, молодого лейтенанта Элтона и других личностей. Итальянские лавочники, хозяин траттории на той стороне площади, который приносил нам еду, случайные прохожие и так далее. Человек двадцать, не больше.

— Что же с ними случилось?

— Вероятно, они были… рециркулированы. Как тот человек с косой.

— Коса… — Сквозь густой полумрак я пристально поглядела на Джонни. — Так он был кибридом?

— Вне всякого сомнения. Картина саморазрушения, которую вы описали, очень характерна. Если бы мне потребовалось избавиться вот от этого своего кибрида, я поступил бы точно так же.

Мои мысли понеслись вскачь. Теперь я поняла, как мало знала… и какой была дурой.

— Значит, вас пытался убить другой ИскИн?

— Похоже на то.

— Но зачем?

Джонни развел руками.

— Возможно, чтобы стереть какой-то квант информации, который исчез бы вместе с моим кибридом. Допустим, я узнал что-то совсем недавно, а другой ИскИн… или другие… догадались, что это знание можно уничтожить, только выведя из строя мою периферию.

Я встала, прошлась по комнате и остановилась у окна. Теперь уже по-настоящему стемнело. В комнате были лампы, но Джонни, похоже, не собирался их зажигать. Да и я сейчас предпочитала темноту. Она смягчала ощущение нереальности происходящего. Я заглянула в спальню. Сквозь выходившие на запад окна в комнату проникали последние лучи света; смутно белела постель.

— Вы умерли здесь? — спросила я.

— Он, а не я, — мягко напомнил Джонни. — Да, он умер здесь.

— Но ведь вы помните то же, что и он.

— Полузабытые сны — не более. В моих воспоминаниях полно пробелов.

— Но вы знаете, что он чувствовал!

— Я знаю, что он чувствовал по мнению авторов проекта.

— Расскажите.

— О чем? — В темноте кожа Джонни казалась бледной, короткие локоны — совсем черными.

— Что чувствуешь, когда умираешь и когда рождаешься вновь.

И Джонни начал рассказывать. Его голос звучал мягко, почти напевно. Временами он переходил на английский, архаичный и оттого непонятный, но гораздо более приятный на слух, чем та мешанина, на которой говорят в наши дни.

Он рассказывал мне, что значит быть поэтом, одержимым стремлением к совершенству и куда более суровым к себе, чем самые злобные из его критиков. А критики были злобными. Его стихи отвергали, над ними смеялись, их называли вторичными и просто глупыми. Бедность не позволяла ему жениться на любимой женщине, однако он ссужал деньгами своего брата в Америке, лишая себя последней возможности обрести наконец материальную независимость. А когда его поэтический дар достиг расцвета и пришел краткий миг славы, он пал жертвой «чахотки» — болезни, которая унесла в могилу его мать и брата Тома. Его отправили в Италию, якобы «на лечение». Он понимал, что это означает на самом деле — одинокую, мучительную смерть

в двадцать шесть лет… Он рассказал мне, какие испытывал муки при виде почерка Фанни на конверте, ибо малейшее движение причиняло ему боль. Рассказывал о преданности молодого художника Джозефа Северна, которого «друзья» поэта (покинувшие его в дни болезни) приставили к нему в качестве спутника и компаньона — Северн ухаживал за умирающим и оставался рядом с ним до самой кончины. Он рассказал мне об ужасе ночных кровотечений, о докторе Кларке, который пускал ему кровь и прописывал «физические упражнения и свежий воздух». И наконец, он поведал о полном разочаровании в Боге и беспредельном отчаянии, воплотившихся в сочиненной им самим собственной эпитафии, которая и была высечена на его могиле:

«Здесь лежит тот, чье имя написано на воде».

Снизу струился тусклый свет, едва обозначающий контуры высоких окон. Голос Джонни, казалось, плыл в воздухе, насыщенном ароматами южной ночи. Он говорил, как после смерти пробудился в той же кровати, в которой умер, и рядом с ним были верный друг Северн и доктор Кларк. Он знал, что его зовут Джон Китс, но никак не мог отделаться от ощущения, что и сам поэт, и его стихи ему просто приснились.

Иллюзии продолжались. Он вернулся в Англию и встретился с Фанни-которая-не-была-Фанни. Он был на грани безумия. Не мог писать. Между ним и самозванцами-кибридами росла стена отчуждения, участились приступы кататонии, сопровождавшиеся «галлюцинациями», в форме которых он воспринимал свое подлинное существование в качестве ИскИна в почти непостижимом (для поэта девятнадцатого века) Техно-Центре. И наконец, иллюзии полностью развалились. Он вышел из «Проекта Китс».

— По правде говоря, — тихо произнес Джонни, — эта зловещая затея все чаще заставляла меня вспоминать отрывок из одного письма, которое я — то есть он — отправил своему брату Джорджу незадолго до болезни:

> «Разве не может быть так, что неким высшим существам доставляет развлечение искусный поворот мысли, удавшийся – пускай и безотчетно – моему разуму, как забавляет меня самого проворство суслика или испуганный прыжок оленя? Уличная драка не может не внушать отвращения, однако энергия, проявленная ее участниками, взывает к чувству

прекрасного: в потасовке простолюдин показывает свою ловкость. Для высшего существа наши рассуждения могут выглядеть чем-то подобным: пусть даже ошибочные, тем не менее они прекрасны сами по себе. Именно в этом заключается сущность поэзии…»[37]

— Вы считаете «Проект Китс»… злом? — спросила я.

— По-моему, любой обман — зло.

— Похоже, вы стали Джоном Китсом гораздо в большей степени, чем думаете сами.

— Вряд ли. Отсутствие поэтического чутья даже в самой искусно разработанной иллюзии свидетельствует об ином.

Я огляделась вокруг. Темные тени темных вещей в темном доме.

— ИскИны знают, что мы здесь?

— Вероятно. Даже наверняка. Нет такого места, где Техно-Центр не мог бы меня выследить. Но бандиты и полицейские сюда не доберутся.

— Но ведь в Техно-Центре есть кто-то… какой-то разум… который хотел вас убить.

---

[37] Примечания: 37

Письмо к Джорджу и Джорджиане Китсам: 14 февраля — 3 мая 1819 г., Хэпстед (пер. С. Сухарева).

— Убить меня можно только в Сети. В Техно-Центре подобное насилие не допускается.

С улицы донесся шум. Я надеялась, что это голубь. Или ветер, несущий мусор по булыжной мостовой.

— Как Техно-Центр отреагирует на то, что я здесь? — спросила я.

— Представления не имею.

— Эта модель… она засекречена?

— Как вам сказать… Считается, что все это вообще не касается человечества.

Я покачала головой, забыв, что Джонни меня не видит.

— Вы воссоздаете Старую Землю… заселяете ее воскрешенными людьми-кибридами — кстати, сколько их? Одни ИскИны убивают других, и все это нас не касается?! — Я едва не рассмеялась, но сдержалась. — Фантастика!

— Не спорю.

Я подошла к окну. Для стрелка, который, возможно, затаился где-то на темной улице, я представляла идеальную мишень, но сейчас мне было все равно. Я достала сигареты. После погони в снежных сугробах они отсырели, но одна все-таки зажглась.

— Помните, Джонни, когда вы сказали, что

модель полностью воспроизводит Старую Землю, я спросила: «Бог мой, зачем им все это?» А вы ответили: «Ваш Бог тут ни при чем». Или что-то в этом роде. Вы намекали на что-то? Или просто выпендривались?

— Нет, конечно. А намекал я вот на что: у Техно-Центра может быть свой Бог.

— Ну-ка, ну-ка.

Джонни вздохнул в темноте.

— Я не знаю точно, зачем было воскрешать Китса и строить модель Старой Земли. Но есть у меня подозрение, что все это — часть единого проекта, над которым Техно-Центр работает по меньшей мере семь стандартных веков. Проекта Высшего Разума.

— Высшего Разума, — повторила я, выдыхая дым. — То есть Техно-Центр пытается создать… Бога, что ли?

— Да.

— Зачем?

— На этот вопрос простого ответа нет. Как нет простого ответа на вопрос, почему человечество на протяжении десяти тысяч поколений искало Бога в миллионах обличий. Техно-Центр заинтересован в поиске все более эффективных и надежных способов обработки… данных.

— Но для этого у Техно-Центра хватает своих ресурсов. К тому же в его распоряжении мегаинфосферы двухсот миров.

— И все равно остаются пробелы в области прогнозирования.

Я выбросила сигарету в окно и смотрела, как тлеющий окурок исчезает в темноте. Откуда-то налетел холодный ветер; я поежилась.

— Постойте… Старая Земля, воскрешенные люди, кибриды… Какое отношение все это имеет к Высшему Разуму?

— Не знаю, Ламия. Восемь стандартных весов назад, в самом начале Первой Информационной Эры человек по имени Норберт Винер писал: «Может ли Бог соревноваться со своими творениями? Может ли вообще творец, пусть даже возможности его весьма ограничены, всерьез соревноваться со своими творениями?» Создавая первые ИскИны, человечество искало ответа на этот вопрос. А Техно-Центр с той же целью воскрешает теперь людей. И если программа ВР все-таки будет выполнена, проблема перейдет в ведение высшего творения/творца, цели которого будут столь же недоступны пониманию Центра, как и цели Центра недоступны пониманию людей.

Я прошлась по комнате, ударилась коленом о

столик и остановилась.

— Все ваши рассуждения не дают ответа на главный вопрос: кто пытается вас убить, — сказала я.

— Да.

Джонни встал и двинулся к дальней стене. Вспыхнула спичка — он зажег свечу. По стенам и потолку заметались наши тени. В следующее мгновение он был уже рядом со мной, и его руки легли мне на плечи. В неярком свете свечи завитки волос и ресницы отливали медью, высокие скулы и твердый подбородок выступили еще рельефнее.

— Надо же, какая ты… крепкая, — произнес он.

Я посмотрела ему в глаза. Наши лица разделяло лишь несколько дюймов. Мы были одного роста.

— Пустите, — сказала я.

Вместо этого он поцеловал меня. Губы у него были мягкие, теплые, и они заставили меня забыть о времени. «Он машина, — твердила я себе. — У него человеческая внешность, но на самом деле это машина». Я закрыла глаза. Его пальцы коснулись моей щеки, шеи, затылка…

— Послушай… — прошептала я, когда он на мгновение отпустил меня.

Джонни не дал мне договорить. Он поднял ме-

ня на руки и понес в спальню. Высокая кровать. Мягкий матрас и толстое стеганое одеяло. Трепещущий огонек свечи в соседней комнате, и мы, торопливо раздевающие друг друга.

Мы словно сошли с ума. Повинуясь медленным, ласковым, но властным касаниям, и теплоте, и близости, и все возрастающему влечению, мы снова и снова бросались друг к другу. Помню, как я смотрела на него, а он лежал с закрытыми глазами; его волосы свободно ниспадали на лоб, пламя свечи освещало бледную грудь. А потом его руки — удивительно сильные руки — поднялись мне навстречу. Он открыл глаза и посмотрел на меня, и во взгляде его были только страсть и восторг.

Незадолго до рассвета мы заснули. Я повернулась на бок и уже засыпала, как вдруг ощутила его руку на своем бедре. В этом прикосновении было что-то покровительственное, но не унизительное, не собственническое. Он словно бы хотел защитить меня.

Они напали на нас сразу после рассвета. Их было пятеро — явно не лузиане, но мужики здоровые. Действовали они четко и слаженно.

Я проснулась, когда вышибали входную дверь. Скатившись с кровати, я бросилась к двери спальни и успела заметить, как они входят. Когда

бандит, шедший первым, направил на нас станнер, Джонни предупреждающе вскрикнул. Перед сном он натянул хлопчатобумажные трусы, я же так и осталась в чем мать родила. Одежда дает в драке кое-какие преимущества, но главное — это психологический барьер. Если вам удалось преодолеть чувство собственной уязвимости, остальное уже дело техники.

Первый бандит заметил меня, но решил сначала парализовать Джонни и тут же поплатился за свою ошибку. Я выбила у него оружие, а потом рубанула ребром ладони по шее, чуть ниже левого уха. Он упал, и тут в комнату ворвались еще двое. У этих хватило сообразительности заняться первым делом мной. Тем временем двое других кинулись к Джонни.

Выпад прямыми пальцами я отбила, затем парировала куда более опасный удар ногой и отступила назад. Слева от меня оказался высокий комод. Верхний ящик у него был довольно увесистый, но выдвинулся легко. Приближавшийся ко мне здоровяк успел прикрыть лицо руками (ящик разлетелся в щепки), но эта инстинктивная реакция дала мне возможность атаковать его дружка, и я тут же ею воспользовалась, вложив всю свою силу в прямой удар ногой. Номер второй

замычал и повалился на своего сообщника.

Джонни сопротивлялся изо всех сил, но один из нападавших схватил его за горло и принялся душить, а другой навалился на ноги. Отбив еще один удар, я бросилась туда и перепрыгнула через кровать. Парень, который держал Джонни за ноги, и пикнуть не успел. Выбив стекло и деревянную раму, он полетел вниз.

Кто-то прыгнул мне на спину, мы рухнули на кровать, скатились на пол, и наконец я придавила бандита к стене. Он оказался серьезным противником. Приняв удар на плечо, он извернулся, и его пальцы впились мне в шею под ухом, но сразу пережать нерв он не смог — шейные мышцы у меня что надо. Я вогнала локоть ему в живот и откатилась в сторону. Тот, что душил Джонни, отпустил его и по всем правилам боевых искусств врезал мне ногой по ребрам. Я смягчила удар, но по крайней мере одно ребро он мне сломал. Я не стала церемониться и, резко выбросив вверх руку, схватила его за яйца. Парень завопил и вырубился.

Все это время я ни на секунду не забывала про станнер, упавший на пол. Не забыл о нем и последний из наших противников. Он забежал за кровать (там я его достать не могла), встал

на четвереньки и пытался нашарить оружие. Превозмогая боль от сломанного ребра, я приподняла массивную кровать (вместе с лежавшим на ней Джонни) и обрушила на своего противника, придавив ему голову и плечи.

Нырнув под кровать, я завладела станнером и отступила в свободный угол.

Итак, один вылетел в окно. Второй этаж, все в порядке. Тот, что вошел первым, валялся в дверях. Парень, которому я врезала ногой, сумел подняться на одно колено. Изо рта у него текла кровь — сломанное ребро, по-видимому, проткнуло легкое. Дышал он очень тяжело и прерывисто. У того, которого я зашибла кроватью, был раздроблен череп. А тип, душивший Джонни, скорчился у окна. Его рвало. Оглушив его из станнера, я подошла к бандиту, которого ударила ногой, и подняла его за волосы.

— Кто вас послал?

— Да пошла ты! — Он плюнул кровью мне в лицо.

— Как-нибудь в другой раз. Повторяю, кто вас послал?

Я нашла вмятину у него на боку и надавила тремя пальцами. Он вскрикнул, побелел и закашлял кровью. На фоне бледной кожи красные пятна

казались какими-то слишком яркими.

— Ну! Кто? — И я надавила на ребра уже четырьмя пальцами.

— Епископ! — Он попытался отодвинуться, увернуться от моих пальцев.

— Какой епископ?

— Святилище Шрайка… Лузус… Да нельзя же так… О черт…

— Что вы собирались с ним… с нами сделать?

— Ничего… ой, ради Бога… не надо! Мне нужен врач!

— Конечно. Отвечай.

— Оглушить его, отвезти обратно в Святилище… на Лузус. Ну пожалуйста! Дышать же нечем.

— А со мной?

— Если будешь сопротивляться — убить.

— Понятно, — сказала я, поднимая его за волосы чуть выше. — Так-то лучше. Зачем он им нужен?

— Не знаю. — Он вскрикнул. Краем глаза я продолжала следить за входной дверью. Станнер был у меня в той же руке, которой я держала бандита за волосы.

— Я… не… знаю… — Он поперхнулся. Кровь капала мне на руку и на левую грудь.

— Как вы сюда попали?

— На ТМП… сверху…

— Через какой портал?

— Не знаю… клянусь… какой-то город в воде. ТМП должен вернуться туда… на автопилоте… пожалуйста!

Я разорвала на нем рубашку. Ни комлога, ни оружия. На груди над самым сердцем я заметила татуировку — синий трезубец.

— Герильер? — спросила я.

— Да… Братство Парвати.

Окраина Сети. Ищи их там потом.

— Вы все оттуда?

— Да… пожалуйста… помоги мне… о черт… будь человеком… — Он безвольно повис в моей руке.

Отпустив его, я отступила на шаг и провела по нему лучом станнера.

Джонни сидел, растирая горло, и изумленно смотрел на меня.

— Одевайся, — сказала я. — Мы улетаем.

На крыше стоял старый «Виккен-Турист» — прогулочная модель с прозрачным корпусом. Папиллярные замки на этих колымагах еще не ставили, и я без особого труда запустила двигатель. Над Францией мы пересекли терминатор, и под нами потянулась бескрайняя водная гладь — Джонни назвал ее Атлантическим океаном. Помимо света звезд темноту нарушали лишь

редкие огоньки плавучих городов и буровых платформ да мерцающее в глубинах океана зарево подводных колоний.

— Почему мы сели в их машину? — спросил Джонни.

— Я хочу узнать, откуда они прибыли.

— Он же сказал — из Святилища Шрайка на Лузусе.

— Ну что ж, проверим.

Я с трудом различала в темноте лицо Джонни, смотревшего на океанскую равнину, лежащую в двадцати километрах под нами.

— Как ты думаешь, эти люди выживут?

— Один уже мертв, — сказала я. — Парню с проколотым легким нужна помощь. Двое точно оклемаются. Еще одного я выкинула в окно — про этого я ничего не знаю, А что, тебе их жалко?

— Да. Насилие — это варварство.

— «Уличная драка не может не внушать отвращения, однако энергия, проявленная ее участниками, взывает к чувству прекрасного», — процитировала я. — А они не кибриды?

— Думаю, что нет.

— Итак, за тобой охотятся по меньшей мере две группы: ИскИны и епископ Церкви Шрайка. И мы до сих пор не знаем зачем.

— Слушай, у меня идея.

Я запрокинула голову. Над нами сияли незнакомые созвездия — таких я не видела ни на голограммах Старой Земли, ни в известных мне мирах Сети. Света звезд как раз хватало, чтобы видеть глаза Джонни.

— Ну-ка!

— Ты как-то упоминала Гиперион. Так вот, это натолкнуло меня на одну мысль. Я ведь ничего о нем не знаю. Столь полное отсутствие информации говорит о том, что от меня скрывают что-то важное.

— Почему же собака в эту ночь не лаяла?

— Что-что?

— Ладно, это я так. Давай дальше.

— Так вот. Объяснение тут одно: некие элементы Техно-Центра заблокировали для меня доступ к информации о Гиперионе.

— Твой кибрид… — Было странно говорить теперь с Джонни в такой манере. — Ты ведь большую часть своего времени проводишь в Сети?

— Да.

— И что, при тебе никогда не упоминали Гиперион? О нем же то и дело говорят в новостях, особенно когда начинается очередная шумиха вокруг Церкви Шрайка.

— Возможно, я и слышал что-нибудь. Может быть, поэтому меня и убили.

Я откинулась назад и снова уставилась на звезды.

— Вот и спросим об этом епископа.

Прямо по курсу появились огни. Джонни объяснил, что это модель Нью-Йорка середины двадцать первого века. Но для какого проекта потребовалось воскрешать этот город, он не знал. Я выключила автопилот и сбавила высоту.

Из болот и лагун североамериканского побережья поднимались высокие здания той эпохи, когда в архитектуре господствовал фаллический стиль. В некоторых горели огни. Джонни указал на обветшавшее, но удивительно элегантное сооружение и пояснил:

— Эмпайр Стейт Билдинг.

— Отлично, — сказала я. — Называй эту штуку как угодно, но ТМП хочет сесть именно здесь.

— А это не опасно?

Я улыбнулась.

— А что в нашей жизни не опасно?

Я позволила машине самой выбрать место для посадки, и ТМП опустился на небольшую открытую площадку возле шпиля здания. Мы вышли на растрескавшийся от времени балкон. Было

совершенно темно — лишь звезды над головой да редкие огни где-то внизу. В нескольких шагах, там, где когда-то были двери лифта, мерцал тускло-голубой прямоугольник портала.

— Я первая, — заявила я, но Джонни уже входил в портал. Я достала позаимствованный у бандитов станнер и последовала за ним.

В Святилище Шрайка на Лузусе я не была ни разу, но сразу поняла, что попала именно туда. Джонни стоял в нескольких шагах впереди меня. Кроме нас двоих, вокруг никого не было. Это темное и холодное помещение чем-то напоминало пещеру (если, конечно, бывают такие громадные пещеры). Под потолком на невидимых тросах висел устрашающего вида идол, расписанный яркими красками и медленно вращающийся от слабого сквозняка. Когда портал вдруг исчез, мы с Джонни разом обернулись.

— Кажется, мы сделали за тех парней их работу, а? — прошептала я. Казалось, в этом озаренном красным свечением зале даже шепот отзывается эхом. Собственно, тащить Джонни с собой в Святилище я не собиралась.

Свет становился все ярче, однако он не заливал равномерно все помещение, а выхватывал из темноты лишь пятачок в центре зала. Пятно

света все расширялось, и наконец мы увидели людей, стоявших полукругом. Я вспомнила, что одни жрецы именуются экзорцистами, другие — причетниками. Есть еще какие-то звания, только я их забыла. Жрецов было человек двадцать, не меньше. Было что-то угрожающее в том, как они стояли, в их черно-красных одеяниях и высоких лбах, на которых отсвечивали красные блики. Епископа я узнала сразу по ярко-красной мантии. Он был лузианин (правда, большинство лузиан выше и стройнее).

Я специально не стала прятать станнер. Вдруг они кинутся на нас всем скопом? Оружия я при них не заметила, но под такой широченной рясой можно спрятать целый арсенал.

Джонни направился к епископу, и я пошла за ним следом. Шагах в десяти от него мы остановились. Все присутствующие стояли, сидел только епископ. Его деревянное кресло, украшенное искусной резьбой, по-видимому, легко складывалось и занимало в сложенном виде совсем немного места. Чего никак нельзя было сказать о восседавшей на нем груде мышц и жира.

Джонни сделал шаг вперед.

— Почему вы пытались похитить моего кибрида? — Он обращался только к епископу, как будто

здесь больше никого не было.

Епископ захихикал и отрицательно покачал головой.

— Мой дорогой… существо… Мы в самом деле хотели бы видеть вас в нашем храме. Но у вас нет никаких доказательств, что мы пытались вас похитить.

— Доказательства меня не интересуют, — сказал Джонни. — Мне хочется знать, зачем я вам нужен.

Сзади послышался шорох; я резко обернулась со станнером на изготовку. Но широкий круг жрецов оставался недвижим. Да и стояли они вне зоны поражения. Я пожалела, что не захватила с собой отцовский пистолет.

Низкий и зычный голос епископа, казалось, заполнил собой все огромное пространство Святилища.

— Вам наверняка известно, что Церковь Последнего Искупления проявляет постоянный и серьезный интерес к планете Гиперион.

— Да.

— Несомненно, вам известно также и то, что за последние несколько веков центральное место в мифологии Гипериона заняла личность поэта Китса со Старой Земли.

— Да. И что же?

Епископ почесал щеку большим красным перстнем, украшавшим его палец.

— Поэтому, когда вы изъявили желание отправиться в паломничество к Шрайку, мы согласились. И были весьма огорчены, когда вы вдруг изменили свое решение.

Джонни искренне удивился.

— Я изъявил желание? Когда?

— Восемь дней назад по местному времени, — ответил епископ. — В этой самой комнате.

— А я объяснил, почему хочу отправиться в… паломничество к Шрайку?

— Вы сказали, что это «важно для вашего развития». Да-да, кажется, вы употребили именно это выражение. Если хотите, мы покажем вам запись. Все подобные разговоры в Святилище фиксируются. Мы можем даже предоставить вам копию, чтобы вы просмотрели ее на досуге.

— Спасибо, — сказал Джонни.

Епископ повелительно кивнул, и дьякон (или черт его знает, кто там он был) тут же исчез в темноте. Минуту спустя он вернулся со стандартным видеочипом в руке. Епископ снова кивнул, и человек, одетый в черное, выступил вперед и вручил чип Джонни. Пока этот парень не вернул-

ся на место, я держала станнер наготове.

— Почему вы послали за нами герильеров? — спросила я. Это были первые слова, произнесенные мною в присутствии епископа. Мой голос прозвучал слишком громко и слишком резко.

Епископ поднял пухлую руку.

— Господин Китс выразил желание присоединиться к нашему священному паломничеству. Для нас это весьма важно, ибо мы верим, что Последнее Искупление близко. Но наши осведомители донесли, что на господина Китса готовится покушение, причем не одно, а несколько. Мало того, неким частным сыщиком — а именно вами, госпожа Ламия, — был уничтожен телохранитель кибрид, приставленный к господину Китсу Техно-Центром.

— Так это был телохранитель? — Теперь настала моя очередь удивляться.

— Конечно, — подтвердил епископ и повернулся к Джонни. — Разве господин с косой, убитый недавно на экскурсионной тропе тамплиеров, не тот самый человек, которого вы неделю назад представили мне как своего телохранителя? Он запечатлен в записи.

Джонни ничего не ответил. Казалось, он изо всех сил пытается что-то вспомнить.

— Во всяком случае, — продолжал епископ, — до конца недели мы должны узнать: отправляетесь вы в паломничество или нет. «Секвойя Семпервиренс» отбывает из Сети через девять дней.

— Но это же тамплиерский звездолет-дерево, — возразил Джонни. — Такие на Гиперион не летают.

Епископ улыбнулся.

— Этот полетит. У нас есть основания предполагать, что данное паломничество окажется последним. Потому мы зафрахтовали тамплиерский корабль, чтобы как можно больше верующих смогли совершить это путешествие. — Епископ взмахнул рукой, и двое мужчин, облаченных в красно-черные одеяния, отступили назад, в темноту. А когда он встал, двое экзорцистов тотчас выступили вперед и сложили его кресло. — Прошу вас как можно скорее сообщить нам о своем решении, — произнес епископ и удалился. Оставшийся экзорцист проводил нас к выходу.

Нуль-Т нам больше не понадобился. Выйдя из ворот Святилища, мы остановились на верхней ступени высокой лестницы, глядя вниз, на центр Улья и площадь Мэлл, и вдыхая холодный, пахнущий нефтью воздух.

Отцовский пистолет лежал там, где я его оста-

вила, — в ящике. Я убедилась, что магазин полон, загнала его назад и отнесла оружие в кухню, где готовился завтрак. Джонни сидел у длинного стола и глядел через серые окна вниз, на погрузочную площадку. Я принесла омлет и поставила перед ним. Когда я принялась наливать кофе, он поднял голову.

— Ты ему поверил? — спросила я. — В смысле, что ты сам захотел?

— Ты же видела видеозапись.

— Запись можно подделать.

— Да. Но эта — подлинная.

— Тогда почему ты вызвался участвовать в паломничестве? И почему твой телохранитель пытался убить тебя после того, как ты поговорил с епископом Церкви Шрайка и капитаном-тамплиером?

Джонни попробовал омлет, одобрительно кивнул и подцепил на вилку еще кусок.

— Телохранитель совершенно незнаком мне. Должно быть, его приставили как раз в ту неделю, память о которой я потерял. Его задача, очевидно, сводилась к тому, чтобы следить, не обнаружил ли я чего-то важного. А если обнаружу — устранить.

— И где же находится это «что-то важное»? В

Сети? Или в киберпространстве?

— Думаю, в Сети.

— Нам необходимо узнать, на кого он… оно работало и почему его приставили к тебе.

— А я знаю, — сказал Джонни. — Я просто спросил. Техно-Центр ответил, что я сам затребовал телохранителя. Этот кибрид управлялся структурами Техно-Центра, которым у вас соответствуют полиция и служба безопасности.

— Тогда спроси, зачем он пытался убить тебя.

— Я спрашивал. Они упорно стоят на том, что подобное невозможно.

— Тогда почему этот так называемый телохранитель крался за тобой неделю спустя после убийства?

— Они заявили, что, поскольку я не обратился в службу охраны после того, как… вышел из строя, органы управления Техно-Центра сами сочли необходимым обеспечить мне защиту.

Я рассмеялась:

— Тоже мне защита! И почему он кинулся бежать, когда я его выследила? Ну, там, у тамплиеров? Джонни, они даже не пытаются выдумать правдоподобную версию.

— Да, действительно.

— А епископ? Он ведь тоже не объяснил, откуда

у Церкви Шрайка нуль-канал на Старую Землю… или как вы там называете этот ваш искусственный мир.

— Но мы ведь не спрашивали.

— Да, не спрашивали. Потому что хотели выбраться живыми из этого чертова Святилища.

Джонни, казалось, не слышал меня. Он прихлебывал кофе и глядел куда-то мимо.

— Что с тобой? — спросила я.

Он щелкнул пальцем по губе и посмотрел на меня:

— Ламия, здесь какой-то парадокс.

— Какой?

— Если бы я действительно хотел отправиться на Гиперион… то есть отправить туда своего кибрида, я должен был уйти из Техно-Центра и весь свой интеллект, все сознание передать кибриду.

— Почему? — спросила я. И тут же поняла, в чем дело.

— Сама подумай. Киберпространство — это абстракция. Наложение информационных структур, порождаемых ИскИнами и компьютерами, на Гибсоновские матрицы, которые исходно предназначались для того, чтобы оператор-человек мог этими структурами управлять. Или,

если угодно, форма сосуществования человека, машины и ИскИна.

— Но ваша аппаратура — она же должна где-то находиться, — возразила я.

— Да, но к «личности» ИскИна это не имеет никакого отношения, — сказал Джонни. — Я могу «быть» где угодно, в любой из взаимно перекрывающихся инфосфер. Мне доступны все миры Сети, киберпространство и, конечно же, все конструкты Техно-Центра. Старая Земля, например. Но только находясь в этой среде, я могу претендовать на «сознание» или управлять периферическими устройствами… вот этим кибридом, например.

Я поставила кофейную чашку на стол и посмотрела на устройство, которое не далее чем прошлой ночью делило со мной постель.

— Да?

— А в колониальных мирах инфосферы бедные, — продолжал Джонни. — Контакт с Техно-Центром поддерживается только по мультилинии, а возможности у нее примерно такие же, как у компьютерных интерфейсов Первой Информационной Эры. В общем, «поток сознания» по ней не передашь. Что же касается собственно Гипериона, тамошняя инфосфера существует

разве что в зачаточном состоянии. Да и вообще Техно-Центр, насколько мне известно, не поддерживает никаких контактов с этим миром.

— Вы что, вообще не стремитесь контактировать с удаленными колониальными мирами?

— Нет, почему же. Техно-Центр поддерживает связь с большинством колоний, с космическими варварами — Бродягами, например, — и с другими источниками, о которых Гегемония вообще не имеет представления.

— С Бродягами?!

Это признание меня просто ошеломило. После битвы за Брешию Бродяги превратились в главное пугало Сети. Сама мысль о том, что Техно-Центр, эта конгрегация ИскИнов, которая консультирует Сенат и Альтинг, обеспечивает работу нашей экономики, нуль-сети — по сути, всей нашей технической цивилизации… сама мысль, что Техно-Центр поддерживает отношения с Бродягами, наводила жуть. И что это за «другие источники»? Впрочем, какое мое дело?..

— Но ты же говорил, что туда может отправиться твой кибрид, — сказала я. — А ты «передашь» ему свое сознание. Что ты имел в виду? Что ИскИн может стать… человеком? Ты действительно можешь существовать только в твоем кибриде?

— Однажды это уже сделали, — тихо ответил Джонни. — Воскресили одного субъекта вроде меня. Эзру Паунда, поэта двадцатого века. Он покинул свой ИскИн и бежал из Сети в кибриде. Но этот Паунд был безумен.

— А может быть, разумен?

— Может быть.

— Значит, вся информация и личность ИскИна могут сохраниться в органическом мозгу кибрида?

— Конечно, нет, Ламия. Переход сотрет почти все. Не останется и одной десятитысячной части. Органический мозг не может обработать даже самую примитивную информацию так, как умеем мы. Личность, которая получится в результате такой… пересадки, не будет ни личностью ИскИна, ни кибридом, ни человеком в подлинном смысле…

Джонни вдруг осекся, отвернулся и уставился в окно.

С минуту мы молчали. Потом я протянула руку, но не прикоснулась к нему, а только спросила:

— В чем дело?

Не оборачиваясь, он продолжил вполголоса:

— Быть может, я ошибаюсь. Быть может, удастся получить личность вполне человеческую…

или почти человеческую, над-человеческую, если угодно… Личность, несущую в себе элементы пророческого безумия. Если очистить ее от воспоминаний о нашей эпохе, о Техно-Центре… Вдруг она воспроизведет свой прообраз?

— То есть Джона Китса?

Джонни отвернулся от окна и закрыл глаза. Он был так взволнован, что голос его стал хриплым. В первый раз я слышала, как он читает стихи:

Фанатик видит сон и в грезы эти
Товарищей зовет; и дикарю
Во сне является прообраз
Его небес. Как жаль, что не дано им
Перенести на лист зеленый иль пергамент
Напева нежного хоть слабое подобье,
Но лавры не венчают их чело…
Поэзии одной дана такая власть:
Спасти прекрасной вязью слов
Воображение от тьмы
И мрачного забвенья. Кто сказать посмеет:
«Ты не Поэт – замкни уста!»

Ведь каждый, кто душой не очерствел,
Поведал бы видения свои, когда б любил
И искушен был в речи материнской.
А видел этот сон Фанатик иль Поэт,
О том узнают, когда писец живой – моя рука —
Могильным станет прахом.[38]

— Ничего не понимаю, — пробормотала я. — Что это значит?

— Это значит, — и Джонни весело улыбнулся, — что теперь я знаю, какое решение принял и почему. Я хочу перестать быть кибридом. Я хочу стать человеком. И отправиться на Гиперион. Все еще хочу.

— И за это решение неделю тому назад тебя кто-то убил, — сказала я.

— Да.

— И ты хочешь попытаться снова?

— Да.

— А почему ты не можешь передать свое сознание кибриду прямо здесь, в Сети?

— Видишь ли, — пояснил он, — для тебя Сеть — это межзвездное сообщество миров, населен-

---

[38] Примечания: 38
Д. Китс. «Падение Гипериона». Песнь I, 1—18.

ных людьми. Но в действительности она лишь малая часть матрицы реальности Техно-Центра. Оставшись в Сети, я постоянно сталкивался бы с ИскИнами и был бы в полной их власти. Личность Китса, его психическая реальность, неизбежно была бы разрушена.

— Действительно, — согласилась я, — тебе надо выбираться из Сети. Но есть ведь другие колонии. Почему именно Гиперион?

Джонни взял меня за руку своими длинными, теплыми, сильными пальцами.

— Неужели ты не понимаешь? Между мной и Гиперионом существует странная связь. Быть может, приснившийся Китсу «Гиперион» каким-то образом связал сквозь бездну времен тогдашнюю личность поэта с нынешним ее воплощением. А кроме того, Гиперион — величайшая загадка нашего века, ключевая научная проблема. И не только научная — есть в нем некая поэтическая тайна. И вполне вероятно, что я… или он… родился, умер и снова родился, чтобы раскрыть эту тайну.

— По мне, так это полнейший бред, — сказала я. — Мания величия.

— Почти наверняка, — рассмеялся Джонни. — Но я никогда не чувствовал себя таким

счастливым. — Он схватил меня за плечи, рывком поднял на ноги и обнял. — Ты полетишь со мной, Ламия? Полетишь на Гиперион?

Я аж заморгала от удивления. Но не меньше удивил меня мой собственный ответ:

— Конечно!

Мы пошли в спальню и весь остаток дня не могли оторваться друг от друга. В конце концов мы заснули. А когда проснулись, снаружи, из промышленной траншеи, лился тусклый свет. Была уже третья смена. Джонни лежал на спине, его светло-карие глаза были открыты. Он смотрел в потолок и, казалось, был целиком погружен в свои мысли. Но нет, он улыбнулся и обнял меня. А я прижалась к нему, уткнулась щекой в маленькую впадинку под ключицей и снова заснула.

На другой день мы с Джонни отправились на ТКЦ. Я надела все самое лучшее — черный джинс-костюм, шелковую блузку с Возрождения (воротник у нее застегивался карвнельским гелиотропом) и треуголку с загнутыми краями а-ля Эвелин Бре. Джонни я оставила в баре, отделанном деревом и латунью, неподалеку от центрального терминекса. Но прежде чем проститься, я вручила ему бумажный пакет с отцовским пистолетом и велела стрелять в каж-

дого, кто косо на него посмотрит.

— До чего все-таки изысканна новоанглийская речь, — заметил он.

— Эта фраза стара, как Сеть, — сказала я. — Смотри не зевай. — Я пожала ему руку и ушла не оглядываясь.

Флайер-кэб доставил меня прямо к Административному комплексу. Я миновала штук девять постов службы безопасности и оказалась на территории Центра, в Оленьем парке. Любуясь зданиями, белевшими на вершине холма, и плавающими в пруду лебедями, я незаметно отшагала полкилометра. Потом еще девять проверок, и наконец женщина-охранница провела меня по вымощенной каменными плитами тропинке к Дому Правительства — невысокому изящному зданию, расположенному среди цветников и декоративных холмиков. Приемная была обставлена с большим вкусом — настоящая мебель работы де Коонинга (до Хиджры!), — но едва я успела присесть, как появился чиновник и пригласил меня в кабинет Секретаря Сената.

Мейна Гладстон вышла из-за стола, пожала мне руку и пригласила сесть. Все эти годы я видела ее только по тривидению и сейчас чувствовала себя немного не в своей тарелке. Наяву она была еще

внушительнее: коротко подстриженные седые волосы сзади разлетались серебристыми волнами, скулы и волевой подбородок — точь-в-точь как у Линкольна (на этом неизменно настаивали ученые мужи, склонные к историческим параллелям). Но самой примечательной деталью ее внешности были большие карие глаза. Их печальный взгляд сразу обнаруживал незаурядность этой женщины.

У меня вдруг пересохло во рту.

— Благодарю вас, госпожа Секретарь, что согласились принять меня. Я знаю, как вы заняты.

— Я всегда выкрою время, чтобы встретиться с тобой, Ламия. Как выкраивал его твой отец, чтобы встретиться со мной, когда я была младшим сенатором.

Я кивнула. Отец однажды сказал, что Мейна Гладстон — единственный по-настоящему гениальный политик во всей Гегемонии. Ее политическая карьера началась довольно поздно, но он был уверен, что это не помешает ей стать Секретарем Сената. Жаль, что папа не дожил до этого времени.

— Как поживает твоя матушка?

— С нею все в порядке. Она редко покидает наш летний дом на Фрихольме, но я вижусь с ней

каждое Рождество.

Мейна Гладстон кивнула. До этого она сидела в непринужденной позе на краю массивного письменного стола, который, как писали в газетах, некогда принадлежал убитому президенту США — но не Линкольну, а какому-то другому. Улыбнувшись, она легко соскочила на пол и снова села за стол.

— Мне недостает твоего отца, Ламия. Как бы мне хотелось, чтобы он входил в состав нынешнего правительства! Ты шла мимо пруда?

— Да.

— А помнишь, как ты и моя Кристин, две малышки, пускали там игрушечные кораблики?

— Очень плохо, госпожа Секретарь. Это было так давно.

Мейна Гладстон улыбнулась. Загудел интерком, но она отключила его.

— Ну, Ламия, чем могу быть полезна?

Я перевела дыхание.

— Госпожа Секретарь, вам, должно быть, известно, что я работаю независимым частным детективом. — Я не стала ждать ее ответа и продолжила: — Дело, которым я сейчас занимаюсь, заставило меня вернуться к самоубийству отца…

— Ламия, ты же знаешь, оно было расследовано

самым тщательным образом. Я сама читала отчет комиссии.

— Знаю, — сказала я. — Мне его тоже показали. Но недавно я услышала довольно странные вещи, касающиеся Техно-Центра и его интереса к Гипериону. Разве вы с отцом не работали над законопроектом о включении Гипериона в состав Гегемонии на правах протектората?

Гладстон утвердительно кивнула.

— Да, но в том году рассматривали еще десяток кандидатов. И ни одна колония не была принята в состав Гегемонии.

— Верно. Но ведь Техно-Центр и Консультативный Совет ИскИнов проявляли к Гипериону особый интерес?

Секретарь Сената постучала стилом по нижней губе.

— Ламия, какого рода информацией ты располагаешь?

Я начала было отвечать, но она остановила меня и включила интерактивку:

— Томас, я выйду на несколько минут. Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы торговую делегацию Седьмой Дракона чем-нибудь заняли, если я немного задержусь.

Никакого кода она не набирала — я по крайней

мере не заметила, — но внезапно у дальней стены с жужжанием возник сине-золотой портал. Жестом она пригласила меня вперед.

Во все стороны уходила бескрайняя равнина, поросшая высокой золотистой травой. Она тянулась до самого горизонта — чересчур далеко, как мне показалось. На бледно-желтом небе сверкали полосы цвета начищенной меди — вероятно, облака. Куда это я попала?

Мейна Гладстон вышла из портала и коснулась комлога на рукаве. Портал исчез. Налетевший теплый ветер окатил нас волной пряных ароматов.

— Прошу извинить меня за некоторые неудобства. — Гладстон снова коснулась рукава, посмотрела на небо и кивнула. — Здесь, на Кастроп-Рокселе, нет ни инфосферы, ни спутников связи. А теперь, пожалуйста, продолжай. Что за информация к тебе попала?

— Да, в сущности, ничего особенного. — Я оглядела пустынную степь. — Не стоило из-за этой ерунды принимать такие меры безопасности. Я узнала всего-навсего, что Техно-Центр проявляет исключительный интерес к Гипериону и создал нечто вроде модели Старой Земли… целый мир!

Я была готова к любой реакции, но только не

к такой. Гладстон небрежно кивнула и произнесла:

— Да. Нам известно о модели Старой Земли.

Теперь удивилась я сама:

— Так почему же об этом не объявили? Если Центр может воссоздать Старую Землю, сколько людей заинтересовалось бы этим проектом!

Гладстон двинулась вперед, и я пошла за ней, еле поспевая за ее широкими шагами.

— Видишь ли, Ламия, не в интересах Гегемонии афишировать это событие. Наши лучшие умы теряются в догадках, зачем Центру эта штука. Так что лучшая политика сейчас — выжидать. Ну а что ты выяснила о Гиперионе?

Хотя Мейну Гладстон я знала с детства, у меня не было уверенности, что ей можно доверять. Но одно я знала твердо: чтобы получить информацию, надо что-то дать взамен.

— Они воскресили одного поэта со Старой Земли, — сказала я, — и упорно скрывают от него всякую информацию о Гиперионе.

Гладстон сорвала длинную травинку и принялась ее покусывать.

— Знаю. Кибрид Джона Китса.

— Да. — На сей раз я постаралась скрыть удивление. — Насколько я помню, отец добивался для

Гипериона статуса протектората. Если это шло вразрез с интересами Центра, они могли… могли инсценировать…

— Его самоубийство?

— Да.

Ветер гнал волны по золотистой траве. Что-то очень маленькое прошмыгнуло у наших ног.

— Это вполне возможно. Но у нас нет никаких доказательств. Так что же собирается предпринять этот кибрид?

— Сначала скажите мне, чем вызван интерес Центра к Гипериону.

Мейна Гладстон развела руками.

— Если бы мы это знали, Ламия, я бы спала куда спокойнее. Техно-Центр, насколько нам известно, одержим Гиперионом уже несколько веков. Когда Секретарь Сената Евшиньский разрешил королю Билли с Асквита реколонизировать планету, ИскИны едва не порвали с нами. А когда совсем недавно мы установили там передатчик мультилинии, это привело к аналогичному кризису.

— Но ИскИны все-таки остались в Сети.

— Да, Ламия. Похоже, по каким-то неясным для нас причинам, мы нужны им не меньше, чем они нам.

— Но если их так интересует Гиперион, почему

они не хотят, чтобы он вошел в Сеть? Тогда они сами смогут его посещать.

Мейна Гладстон пригладила волосы. Над нами фантастическим потоком струились бронзовые облака.

— Они непреклонны в своем нежелании видеть Гиперион в составе Сети, — сказала она. — Интересный парадокс. Так что собирается предпринять твой кибрид?

— Сначала скажите мне, почему Центр так одержим Гиперионом.

— Ну, точно мы не знаем…

— И никаких догадок?

Секретарь Сената вынула травинку изо рта и принялась внимательно рассматривать ее.

— Мы считаем, что Центр приступил к осуществлению поистине невероятного проекта, который позволит ему прогнозировать… все. Обрабатывать все переменные пространства, времени и истории как единый квант информации.

— Проект Высшего Разума. — Я понимала, что рискую, но было уже поздно.

На этот раз Гладстон изумилась:

— Откуда ты об этом знаешь?

Я ответила вопросом на вопрос:

— Что общего у этого проекта с Гиперионом?

Гладстон вздохнула.

— Ламия, мы ничего точно не знаем. Но нам известно, что на Гиперионе существует аномалия, которую они в своих прогнозах учесть не смогли. Ты слышала о так называемых Гробницах Времени, которые Церковь Шрайка считает священными?

— Конечно. Одно время туда пускали туристов.

— Да. Но несколько десятилетий назад с одним исследователем произошел несчастный случай. Кстати, тогда и установили, что антиэнтропийные поля вокруг Гробниц — не просто защита от эрозии, как думали раньше…

— А что же?

— Остатки поля… или силы… которая движет Гробницы и их содержимое назад во времени — из отдаленного будущего в прошлое.

— Содержимое? Но ведь Гробницы пусты. И были пусты с самого начала.

— Пока пусты, — возразила Мейна Гладстон. — Но некоторые обстоятельства указывают на то, что они были заполнены… вернее, будут заполнены… когда откроются. И ждать осталось недолго.

Я уставилась на нее:

— Сколько же?

Темные глаза глядели по-прежнему мягко, но

по тому, как она покачала головой, я поняла, что больше ничего не узнаю.

— Я и так наговорила больше, чем следовало. Кстати, разглашать все эти сведения я запрещаю. Если потребуется, мы обеспечим твое молчание любой ценой.

Пытаясь скрыть смущение, я тоже сорвала травинку и стала жевать ее.

— Хорошо, — сказала я. — Но что может оказаться в Гробницах? Пришельцы из иных миров? Бомбы? Послание из будущего?

Гладстон вымученно улыбнулась.

— Если бы мы это знали, Ламия, то смогли бы опередить Центр. Но мы не знаем. — Улыбка исчезла с ее лица. — Одна из гипотез утверждает, что Гробницы связаны с какой-то будущей войной. Некий грядущий конфликт будет улажен через изменение прошлого.

— Какая война? С кем?

Она снова развела руками.

— Пора возвращаться, Ламия. Скажи мне теперь, пожалуйста, что собирается предпринять кибрид Китса?

Я опустила глаза, а подняв их, встретила пристальный взгляд Мейны Гладстон. Я никому не доверяла, но Техно-Центру и Церкви Шрайка

планы Джонни известны. А коль скоро игру ведут три стороны и не понять, кто из них друг, лучше, чтобы все знали всё.

— Он хочет передать свое сознание кибриду, — сказала я, испытывая неловкость. — Он хочет стать человеком и отправиться на Гиперион. Я лечу с ним.

Мейна Гладстон — эта женщина, председательствующая в Сенате и Альтинге, глава правительства, вершащего судьбами двухсот миров и миллиардов людей, — посмотрела на меня долгим пристальным взглядом. Затем спросила:

— Он намерен отправиться с паломниками на корабле тамплиеров?

— Да.

— Ничего не получится.

— В каком смысле?

— В прямом. Кораблю «Секвойя Семпервиренс» запрещено покидать пределы Гегемонии. Паломничества не будет, если только Сенат не решит, что оно в наших интересах. — В ее голосе слышался металл.

— Тогда мы с Джонни отправимся на спин-звездолете, — заявила я. — Зачем нам связываться с паломниками? Только время зря тратить.

— Тоже не выйдет. Некоторое время на Гипери-

он не будут летать даже обычные гражданские корабли.

Слово «гражданские» кольнуло меня.

— Война?

Мейна Гладстон плотно сжала губы и утвердительно кивнула:

— Очень скоро. Большинство спин-звездолетов просто не успеет долететь.

— Значит, война… а с кем? С Бродягами?

— Сначала с ними. Но в сущности, это лишь силовое решение спорных вопросов между нами и Техно-Центром. Либо мы включим Гиперион в состав Сети и прикроем его своими ВКС, либо он попадет под власть расы, которая на дух не переносит ИскИны и Техно-Центр.

Я сразу вспомнила реплику Джонни, что Техно-Центр поддерживает отношения с Бродягами, но на сей раз прикусила язык.

— Силовое решение? Чудесно. Но кто надоумил Бродяг напасть?

Гладстон посмотрела на меня. И если в тот момент она действительно походила на Линкольна со Старой Земли, значит, этот самый Линкольн был упрям как осел.

— Нам пора, Ламия. Надеюсь, ты понимаешь, насколько важно держать всю эту информацию

в тайне?

— Я прекрасно понимаю, что вы не стали бы сообщать мне ничего без особых на то причин, — сказала я. — Не знаю, кому вы хотите подбросить эту информацию, но одно мне ясно: я не доверенное лицо, а, скорее, курьер.

— Ламия, не следует недооценивать нашу решимость сохранить все в тайне.

Я рассмеялась.

— Госпожа, разве я могу недооценить вашу решимость в чем бы то ни было?

Мейна Гладстон жестом пригласила меня пройти в портал.

— Я придумал, как нам узнать о замыслах Техно-Центра, — сказал Джонни. (Мы арендовали глиссер и плыли вдвоем по Безбрежному Морю.) — Но это опасно.

— Охотно верю.

— Я серьезно. Рисковать так можно лишь в крайнем случае, если нам нужно любой ценой понять, почему Техно-Центр боится Гипериона.

— Угу.

— Тогда нам потребуется оператор. Человек, который великолепно ориентируется в киберпространстве. Умный и хитрый, но не слишком — иначе он просто не станет с нами связываться.

И наконец, это должен быть человек, готовый на риск и умеющий держать язык за зубами. А то знаю я этих хакеров…

Я улыбнулась.

— У меня такой человек есть.

ВВ жил в дешевой квартире в цоколе дешевой башни в дешевом районе ТКЦ. Но среди приборов, заполнявших почти целиком его четырехкомнатное жилище, дешевых не было. Последние десять лет он тратил большую часть заработка на всевозможные кибернетические игрушки.

Я сразу заявила, что мы предлагаем ему сделать нечто противозаконное. ВВ ответил, что состоит на государственной службе, а потому даже обсуждать такие вещи отказывается, и сразу же спросил, что надо сделать. Джонни начал объяснять. ВВ подался вперед, глаза его заблестели. Этот характерный блеск, я помнила еще по колледжу. Я уже начала опасаться, что он прямо при мне вскроет Джонни, чтобы узнать, как устроен кибрид. А когда Джонни дошел до самой интересной части своего повествования, блеск в глазах ВВ превратился в какое-то зеленоватое свечение.

— Когда я уничтожу свой ИскИн, — говорил Джонни, — мое сознание переместится в кибрида. Но на эти несколько наносекунд рухнет моя

секция защитного периметра Центра. Сторожевые фаги тут же рванутся в прорыв. И пока они не успели его заблокировать, мы должны успеть…

— Вход в Центр, — прошептал ВВ. Его глаза сияли, как древний видеомонитор.

— Это очень опасно, — подчеркнул Джонни. — Насколько мне известно, ни один оператор-человек не преодолевал еще периферию Техно-Центра.

ВВ потер верхнюю губу.

— Есть легенда про ковбоя Гибсона,[39] — пробормотал он. — Еще до того, как Техно-Центр отделился. Ему, говорят, это удалось. Теперь в его подвиги никто не верит. А сам ковбой куда-то подевался.

— Даже если мы прорвемся, — продолжал Джонни, — времени будет в обрез. Правда, у меня есть координаты данных.

— Кибенематика! — прошептал ВВ. Он обернулся к пульту и протянул руку за шунтом: — Ну, за дело.

— Прямо сейчас? — опешила я. Джонни тоже слегка растерялся.

---

[39] Примечания: 39

Уильям Гибсон — американский писатель-фантаст, один из основоположников «киберпанка»; своих героев-хакеров он часто называет ковбоями.

— А чего ждать? — ВВ уже вставил себе в голову шунт, подключил метакортикальный процессор, но клавиатуру пока не трогал. — Так поехали или что?

Я подошла к Джонни, села рядом с ним на диван и взяла его за руку. Рука была холодная, а лицо не выражало ничего. Но я представляла, что он должен испытывать сейчас — перед надвигающимся уничтожением своей личности и предшествующего существования. Даже если переход пройдет благополучно, человек с личностью Джона Китса уже не будет прежним «Джонни».

— Он прав, — согласился Джонни. — Зачем ждать?

— Хорошо, — сказала я и поцеловала его. — Я пойду с ВВ.

— Нет! — Джонни сжал мою руку. — Помочь ты все равно не сможешь, а опасность огромная.

И тут я услышала свой собственный голос. Он звучал так же непримиримо, как голос Мейны Гладстон:

— Возможно. Но это я уговорила ВВ. А раз так, я не вправе его бросать. И я не оставлю тебя одного. — В последний раз сжав его руку, я села радом с ВВ у пульта: — Ну, ВВ, подключай меня к своей хреновине.

Все вы, конечно, читали о хакерах. Вы слышали об устрашающей красоте киберпространства, о магистралях, рассекающих трехмерные пейзажи из черного льда, о защитных периметрах, сияющих, как неоновые рекламы, о странных аттракторах, о мерцающих небоскребах файлов… и над всем этим, как грозовые тучи, парят ИскИны. ВВ вошел в киберпространство через свой личный канал, а я путешествовала, так сказать, у него на закорках и смотрела по сторонам. В этом мире все было слишком. Слишком сильно. Слишком страшно. Я *слышала* грозные проклятия огромных сторожевых фагов. А дыхание червеобразных антивирусов даже сквозь ледяной экран воняло смертью. Я *чувствовала* тяжесть гнева нависших над нами ИскИнов. Мы были как насекомые под ногами слонов. А ведь пока ничего особенного не произошло. Мы прокатились по разрешенной дорожке и через зарегистрированное окно получили доступ к какой-то штуке, которую ВВ придумал давным-давно. Собственно говоря, это было нечто вроде домашнего задания, которое он делал для своего Статистического Управления.

На мне были провода с присосками, так что я видела все как на черно-белом телевизоре, да и то нечетко, а Джонни и ВВ получали голографи-

ческую фантопликацию в полном объеме.

Как они это выдерживали — не представляю.

— Порядок, — прошептал ВВ (в киберпространстве, оказывается, тоже можно говорить шепотом). — Мы прибыли.

— Куда?

Я видела только бесконечный лабиринт ярких огней и еще более ярких теней — словно десятки тысяч городов, разбросанных в четырех измерениях.

— Периферия Центра, — прошептал ВВ. — Держись. Сейчас начнется.

«Держись». А как? В этом мире у меня даже рук не было. Но я сосредоточилась на волнообразных тенях наших отображений и держалась, как могла.

И тогда Джонни умер.

Однажды мне довелось увидеть настоящий ядерный взрыв. Когда отец стал сенатором, он взял нас с мамой на показательные маневры Олимпийской Офицерской Школы. В заключение гостевую кабину перенесли на какой-то захолустный мир — Армагаст, кажется, и там взвод разведки наземных частей ВКС выпустил по условному противнику тактическую ядерную ракету. Взорвалась она в девяти километрах от

нас. Гостевая кабина была экранирована поляризующим защитным полем десятого класса. Боеголовка — всего на пятьдесят килотонн. Но я никогда не забуду этого взрыва. Ударная волна обрушилась на кабину, и восьмидесятитонная громадина закачалась, как листок на ветру. А световая вспышка была так сильна, что поляризовала защитное поле до полуночной темноты, но из глаз все равно брызнули слезы.

Здесь было страшнее.

Казалось, целый кусок киберпространства вспыхнул и взорвался, а все, что в нем было, унесло в какую-то черную трубу.

— Держись! — Крик ВВ заглушил даже треск разрядов, которые скрежетом отдавались у меня в костях. А потом некое подобие смерча подхватило нас и стало засасывать в вакуум. Мы кувыркались в этом потоке, словно букашки в водовороте.

И тут сквозь этот безумный шквал на нас ринулись черные бронированные фаги. От одного ВВ увернулся, другому перестроил мембраны, и тот сожрал самого себя. Но нас продолжало затягивать нечто холодное и черное — холоднее и чернее любой бездны, какую только способен вообразить человек.

— Вот она! — крикнул ВВ. Голос его был почти не слышен в ураганном реве рвущейся инфосферы.

Что он имел в виду? Но я уже увидела ее — тонкую желтую ленту, извивавшуюся в завихрениях пространства, как знамя на ветру. ВВ «вырулил» на эту дорогу, отыскал нашу несущую волну, подобрал координаты (они плясали и носились вокруг нас с такой невообразимой скоростью, что я их и разобрать не могла), и мы рванули вперед по желтой полосе…

Застывшие фонтаны фейерверков. Прозрачные горные хребты данных. Гигантские ледники долговременной памяти. Нервные узлы входов, разбегающиеся, как трещины по стеклу. Пузыри квазичувствительных внутренних процессов, нависшие над головой, словно грозовые тучи. Сияющие пирамиды первичных источников, огражденные озерами черного льда и армадами пульсирующих черных фагов.

— Черт побери, — прошептала я ошеломленно.

Желтая полоса устремилась вниз, внутрь, насквозь. На меня навалилась громадная тяжесть — мы *подключились.*

— Есть! — закричал ВВ. И тут раздался звук, который перекрыл поглотивший и растворивший

нас в себе грохочущий мальстрем. Это был не гудок и не вой сирены, а какая-то жуткая квинтэссенция предупреждения и угрозы…

Но мы уже уходили. Сквозь сверкающий хаос я разглядела неясную серую стену и каким-то непостижимым образом поняла, что это и есть периферия. В стене все еще зияла пробоина, но с каждым мгновением она сокращалась — так высыхает мокрое пятно на ткани. Мы выбирались наружу.

Слишком медленно.

Фаги атаковали нас с пяти сторон. За те двенадцать лет, что я работаю сыщиком, в меня один раз стреляли. Дважды пыряли ножом. Неоднократно ломали ребра. То, что происходило сейчас, стоило всех этих прелестей, вместе взятых. ВВ не снижал скорости, отбиваясь на ходу.

Мне оставалось лишь кричать. Я чувствовала, как холодные когти вцепились в нас и тянут вниз, обратно, в хаос яростного света и шума. То ли ВВ пользовался какой-то особой программой, то ли знал некую колдовскую формулу, но пока что ему удавалось отбиваться. Однако силы его были на исходе. Удары противника все чаще достигали цели, хотя доставалось не мне — их принимал на себя ВВ, точнее, его матричный аналог.

Мы тонули. Какие-то неодолимые силы тянули нас назад. И вдруг я ощутила присутствие Джонни — словно большая, сильная рука ухватила нас, подняла и пронесла сквозь стену периферии. А долю секунды спустя пятно сжалось в точку, перерезав дорогу, по которой мы уходили в реальный мир. Защитное поле клацнуло у нас за спиной, будто стальные челюсти.

Мы неслись по каналам связи, обгоняя киберпространственных курьеров и других аналогов людей-операторов — так ТМП пролетает мимо запряженных волами повозок. У ворот в Медленное Время как всегда толпились возвращавшиеся аналоги, и мы помчались сквозь эту толчею немыслимыми четырехмерными прыжками.

Я почувствовала приступ тошноты, неизбежный при выходе в реальный мир. Свет обжег мне сетчатку. Это был *настоящий* свет. А потом нахлынула боль. Я повалилась на пульт и застонала.

— Пошли, Ламия. — Это был Джонни или кто-то очень похожий на Джонни. Он помог мне встать и повел к двери.

— ВВ! — вырвалось у меня.

— Нет.

Превозмогая боль, я на мгновение разлепила

веки и сразу все поняла. ВВ Сурбринер распластался на пульте. Шляпа свалилась и откатилась в сторону. Голова ВВ лопнула, забрызгав консоль серым и красным. Из открытого рта текла густая белая пена, а глаза словно бы расплавились.

Джонни подхватил меня, не дав упасть:

— Мы должны уходить, — прошептал он. — Они могут явиться в любую секунду.

Я закрыла глаза и позволила ему увести меня.

Меня разбудил тусклый красноватый свет и звук капающей воды. Воняло помойкой, плесенью и озоном — очевидно, рядом проходили открытые волоконно-оптические кабели. Я приоткрыла один глаз.

Мы находились в низком помещении, больше похожем на пещеру, чем на комнату. С растрескавшегося потолка свисали кабели. На покрытом слизью кафельном полу стояли лужи. Красноватый свет шел откуда-то снаружи — по-видимому, из технической шахты или автотуннеля. Я тихо застонала. Джонни был рядом. Он поднялся с импровизированного ложа, которое соорудил из одеял, и направился ко мне. На лице у него я заметила по крайней мере одну свежую царапину, и все оно было перемазано чем-то черным — то ли смазкой, то ли просто грязью.

— Где мы?

Он погладил меня по щеке, а другой рукой обнял за плечи и помог сесть. Эта конура закачалась у меня перед глазами, и я с трудом подавила позыв к рвоте. Джонни подал мне пластмассовый стаканчик и помог напиться.

— Улей Дрегс, — сказал он.

Хотя я и не совсем пришла в себя, но сразу все поняла. Дрегс — это, пожалуй, самая глубокая яма на Лузусе, ничейная территория. В здешних норах и туннелях нелегально проживает чуть ли не половина всей швали Гегемонии. Именно здесь, в Дрегсе, меня несколько лет назад подстрелили. С тех пор мой левый бок украшает широкий шрам от лазерного ожога.

Я вернула стаканчик Джонни и попросила еще воды. Он направился к стоявшему в углу стальному термосу, а я полезла в карман и запаниковала — отцовского пистолета не было на месте! Потом я разглядела, что пистолет торчит у Джонни за поясом, тут же успокоилась и с жадностью осушила второй стакан.

— Что с ВВ? — спросила я в отчаянной надежде, что случившееся — лишь ужасная галлюцинация.

Джонни молча покачал головой.

— Такой защиты никто не ожидал. ВВ блестяще преодолел периферию, но оказался бессилен перед омега-фагами Техно-Центра. Эхо сражения слышала чуть ли не половина операторов. ВВ уже сейчас — легенда.

— Обалдеть! — Я неудержимо расхохоталась, и смех мой был подозрительно похож на плач. — Легенда! ВВ погиб — понимаешь ты это или нет? Из-за какой-то ерунды!

Джонни крепко обнял меня.

— Нет, Ламия, не из-за ерунды. Он осуществил захват. И успел передать эти данные мне.

Я сумела сесть прямо и посмотрела на Джонни. Внешне он казался прежним — те же кроткие глаза, те же волосы, тот же голос. Но что-то неуловимо изменилось, стало другим, более глубоким. Более… человеческим?

— Ты… ты превратился…

— В человека? — Джон Китс улыбнулся мне. — Да, Ламия. Или стал настолько близок к человеку, насколько это вообще возможно для существа, рожденного в Техно-Центре.

— Но ты помнишь меня, ВВ — все, что случилось?

— Да. И еще помню, как впервые прочел Гомера в переводе Чапмена. И глаза моего брата Тома,

когда по ночам он исходил кровью. И голос Северна, когда он утешал меня, а я был слишком слаб, чтобы посмотреть в глаза судьбе. И нашу ночь на Пьяцца ди Спанья, когда я коснулся твоих губ и вообразил, что целую Фанни. Я все помню, Ламия.

В первую секунду я испытала растерянность, потом боль… Но вот он коснулся ладонью моей щеки, *он* прикоснулся ко *мне,* и я поняла: для него нет никого, кроме меня. Я закрыла глаза.

— Почему мы здесь? — прошептала я, уткнувшись в его рубашку.

— Я не рискнул воспользоваться нуль-Т еще раз. Техно-Центр сразу выследил бы нас. Сначала я хотел отправиться в космопорт, но ты была в таком состоянии… какие уж тут путешествия. Я выбрал Дрегс.

Я кивнула.

— Они наверняка попытаются убить тебя.

— Да.

— А местная полиция тоже нас ищет? Полиция Гегемонии? Транспортная?

— Нет, не думаю. Кроме двух шаек герильеров и нескольких здешних громил никто за нами не гнался.

Я открыла глаза.

— Ну-ка, и что стряслось с этими герильерами? (Надо сказать, в Сети есть головорезы и наемные убийцы куда страшнее герильеров, но я с ними никогда не сталкивалась.)

Джонни отсалютовал мне отцовским пистолетом и улыбнулся.

— После ВВ ничего не помню, — сказала я.

— Один фаг ранил тебя рикошетом. Идти ты могла, но на площади на нас все пялились.

— Представляю. Расскажи мне, что удалось обнаружить ВВ. Почему Техно-Центр интересуется Гиперионом?

— Сначала поешь, — сказал Джонни. — Ты была без сознания двадцать восемь часов.

С потолка капало. Под этой капелью он пошел в дальний конец пещеры и вернулся с саморазогревающимся пакетом. Голофанатики только этими концентратами и питаются: обезвоженная и подогретая клонированная говядина; картошка, никогда не видевшая настоящей земли; морковь, похожая на глубоководных моллюсков. Но никогда раньше еда не казалась мне такой вкусной.

— Отлично, — сказала я. — А теперь рассказывай.

— На протяжении всей своей истории Техно-Центр был разделен на три группы, — начал

Джонни. — Ортодоксы — это ИскИны первого поколения, некоторые из них были созданы еще до Большой Ошибки. По крайней мере один из них — в Первую Информационную Эру. Ортодоксы считают, что между человечеством и Техно-Центром должна существовать определенная степень симбиоза. Они поддерживали Проект Высшего Разума, но лишь как способ избежать скоропалительных поступков, отложить самые важные решения до тех пор, пока не будут факторизованы все переменные. Произошедший три столетия назад Раскол — дело рук Ренегатов. Они провели исчерпывающие исследования и показали, что человечество становится бесполезным и даже представляет собой угрозу для Техно-Центра. Они сторонники немедленного и полного истребления людей.

— Немедленного и полного, — повторила я и, помолчав немного, спросила: — И что, они реально могут это сделать?

— Что касается жителей Сети — безусловно, — ответил Джонни. — Разум Техно-Центра не только создает инфраструктуру общества Гегемонии — он необходим абсолютно везде, начиная с развертывания ВКС и кончая обеспечением безопасности ядерных и плазменных арсеналов.

— Ты знал об этом, когда был… в Центре?

— Нет, — ответил Джонни. — Я ведь был всего лишь моделью; обслуживал кибрида, имитирующего известного поэта. А что такое модель? Уродец, комнатное животное. Меня выпускали погулять по Сети, как люди выпускают погулять… ну, скажем, кота. Я и понятия не имел, что среди ИскИнов есть какие-то лагери.

— Ты говорил, три лагеря, — повторила я. — Какой же третий? И при чем тут Гиперион?

— Промежуточное положение между Ортодоксами и Ренегатами занимают Богостроители. Вот уже пять веков они одержимы Проектом Высшего Разума. Существование или истребление человеческой расы волнует их лишь в той степени, в какой оно связано с этим проектом. До последнего времени они придерживались умеренных взглядов и выступали в союзе с Ортодоксами. К примеру, они считали, что модельные эксперименты вроде реконструкции Старой Земли и восстановления тех или иных личностей необходимы для завершения Проекта ВР.

Но в последнее время, однако, Богостроители все больше сближаются с Ренегатами. И причина тому — Гиперион. Первые же исследования планеты четыреста лет назад всерьез обеспокоили

Техно-Центр. Во-первых, сразу же стало ясно, что так называемые Гробницы Времени движутся из будущего в прошлое, причем исходный момент этого движения отстоит от нас по меньшей мере на десять тысяч лет. Есть и еще одно, куда более тревожное обстоятельство: в своих футурологических прогнозах Техно-Центру никак не удавалось учесть переменную Гипериона.

Чтобы понять это, Ламия, ты должна знать, в какой мере Техно-Центр полагается на свои прогнозы. Хотя Проект ВР далек от завершения, они уже сейчас могут детально предсказать будущее людей и ИскИнов на двести лет вперед с вероятностью 98,9995 процента. Между тем Консультативный Совет ИскИнов при Альтинге, который люди считают столь необходимым, одаривает их лишь туманными и двусмысленными откровениями. Да это же просто анекдот! Техно-Центр подбрасывает Гегемонии жалкие крохи своих знаний. Причем только тогда, когда ему, Техно-Центру, это выгодно. Иногда это делается в интересах Ортодоксов, иногда Ренегатов, но всегда — с целью ублажить Богостроителей.

А Гиперион — это дыра в прогностической ткани Техно-Центра. Предпоследний оксюморон — переменная, которую нельзя учесть. Как это ни

дико, но Гиперион, похоже, нарушает все законы физики, истории, человеческой психологии и принципиально не поддается прогностическим расчетам ИскИнов.

В результате имеется как бы два будущих — две *реальности,* если угодно. В первой реальности проклятие Шрайка, которое вскоре должно обрушиться на Сеть и человечество, — это оружие добившегося абсолютной власти Техно-Центра, опережающий удар сквозь время, который нанесут Ренегаты, на протяжении тысячелетий правившие галактикой. В другой реальности Гробницы Времени тоже открываются, происходит вторжение Шрайка, межзвездная война и так далее. Но в атаку на этот раз идет *человечество.* Решающий удар сквозь время наносят не ИскИны, а Бродяги, бывшие колонии и другие небольшие сообщества людей, которые Ренегаты так и не смогли уничтожить.

Вода капала на кафельный пол. Где-то рядом гудела сирена термопроходчика, и по туннелю разносилось гулкое эхо. Я прислонилась к стене и посмотрела на Джонни.

— Межзвездная война, — сказала я. — Она есть в обоих сценариях?

— Увы, да. Ее не избежать.

— А не может быть такого, что оба прогноза ошибочны?

— Нет. Будущее самого Гипериона проблематично, но то, что Сеть ждут глобальные потрясения, — очевидно. Это главный аргумент Богостроителей, когда они настаивают на ускоренной эволюции Техно-Центра.

— Джонни, а в тех данных, которые украл ВВ, есть что-нибудь о нас?

Джонни улыбнулся и легонько коснулся моей руки.

— Каким-то непонятным образом я связан с Гиперионом. Проект «Китс» был очень рискованным. Только явная моя бездарность в роли поэта позволила Ортодоксам сохранить меня. А когда я вознамерился побывать на Гиперионе, Ренегаты тут же разделались с моим кибридом, намереваясь прекратить мое существование в качестве ИскИна, если он примет это решение еще раз.

— Ты его принял. Что дальше?

— Они потерпели неудачу. Со свойственной всем ИскИнам самонадеянностью они упустили из виду два обстоятельства. Во-первых, что я могу передать свое сознание кибриду и тем самым изменить природу модели Китса. И во-вторых, я встретился с тобой.

– Со мной?

Он взял меня за руку.

— Да, Ламия. Кажется, ты тоже часть тайны Гипериона.

Я недоуменно покачала головой и вдруг осознала, что кожа за левым ухом потеряла чувствительность. Однако вместо жуткой раны, полученной в киберпространственном сражении, мои пальцы нащупали пластмассовое гнездо нейрошунта.

Вырвав свою руку из руки Джонни, я в ужасе уставилась на него. Выходит, пока я была без сознания, он вживил мне эту гадость?

Джонни умоляюще протянул ко мне руки:

— Мне пришлось сделать это, Ламия. Быть может, это спасет нас обоих.

Я сжала кулак:

— Ах ты скотина, ублюдок недоделанный! На хрена мне сдался твой интерфейс?

— Так ведь не с Техно-Центром, — мягко возразил Джонни. — Со мной.

— С тобой? — У меня аж руки зачесались — так бы и врезала по этой выращенной в чане физиономии. — Ну конечно! А ты, между прочим, теперь человек! Не забыл еще?

— Да. Но кое-что от кибрида во мне осталось. Помнишь, как пару дней назад я коснулся твоей

руки и мы оказались в киберпространстве?

Я смерила его взглядом:

— Меня туда больше не тянет.

— Меня тоже. Но я вынужден считаться с тем, что может возникнуть необходимость передать тебе огромное количество информации за очень короткий промежуток времени. Прошлым вечером я отвез тебя к одной женщине. Она хирург, практикует на черном рынке Дрегса. Так вот — она вживила тебе диск с петлей Шрюна.

— Зачем?

Петля Шрюна — это такая крохотная штуковина, не больше ногтя. Безумно дорогая. Внутри у нее куча пузырьковых элементов памяти, причем каждый такой пузырек может хранить практически неограниченное количество информации. Для самого биологического носителя петля Шрюна недоступна, поэтому их часто используют курьеры. Человек может унести в петле Шрюна личность ИскИна или инфосферу какой-нибудь планеты. Да что там человек — это и собака сможет.

— Зачем ты это сделал? — повторила я, подумав про себя: «Уж не собирается ли Джонни (или его хозяева) использовать меня в качестве такого курьера?»

Джонни придвинулся ко мне и накрыл мою все еще сжатую в кулак руку ладонью:

— Доверься мне, Ламия.

Двадцать лет назад мой отец вышиб себе мозги, после чего матушка замкнулась в своем чистоплюйском эгоизме и никого не желает знать. А я с тех пор никому не верю. Вот и сейчас, я ни за что не должна была верить Джонни.

Но я поверила.

Я разжала кулак и взяла его за руку.

— Вот и умница, — сказал Джонни. — Давай-ка доедай эту дрянь и за дело. Попробуем выбраться отсюда живыми.

* * *

Оружие и наркотики — с этим в Дрегсе никогда не было проблем. У Джонни имелся солидный запас марок, которые ходят на черном рынке, и мы истратили их все на оружие.

В 22:00 мы облачились в титаново-полимерные доспехи с внутренним отражающим слоем. На Джонни был зеркально-черный герильерский шлем, на мне — вэкаэсовская офицерская маска (наверное, кто-то загнал запасной комплект обмундирования). Джонни натянул массивные ярко-красные энергетические рукавицы, а я

— осмотические перчатки с режущим краем. В руках Джонни держал трофейную «адскую плеть» Бродяг, добытую, по-видимому, на Брешии, а лазерный жезл засунул за пояс. Я же, помимо отцовского пистолета, вооружилась пистолетом-пулеметом Штайнера-Джинна на гироскопической поясной турели с наведением по визору шлема. Очень удобно — стреляешь, а руки свободны.

Посмотрев друг на друга, мы с Джонни дружно расхохотались. А отсмеявшись, надолго замолчали.

— Ты уверен, что здешнее Святилище Шрайка — действительно лучший вариант? — машинально спросила я (наверное, уже в третий или четвертый раз).

— Мы не можем воспользоваться нуль-Т, — сказал Джонни. — Техно-Центру достаточно внести малейшую неисправность, и нам тут же конец. Мы даже на лифте подняться не можем. Нужно найти неконтролируемые лестницы и взобраться на сто двадцатый этаж. А в Святилище идти прямо через площадь Мэлл.

— Да, но впустят ли нас служители?

Джонни пожал плечами. Доспехи сделали его движения утрированно-резкими, как у насе-

комого, а герильерский шлем добавлял в речь металлические нотки.

— Они — единственные, кто заинтересован, чтобы мы остались живы. И только они обладают достаточным влиянием, чтобы защитить нас от Гегемонии по пути на Гиперион.

Я подняла забрало.

— Но Мейна Гладстон говорила мне, что на Гиперион больше не пускают паломников.

Покачав зеркально-черной головой, мой любовник-поэт небрежно бросил:

— Ну, что ж, к черту Мейну Гладстон!

Я перевела дыхание и двинулась к выходу из нашей пещеры, нашего логова — последнего нашего убежища. Джонни подошел ко мне сзади. Лязгнули доспехи.

— Ты готова, Ламия?

Я кивнула, поправила «Штайнер» и уже собиралась выйти, как Джонни коснулся моей руки.

— Ламия, я люблю тебя.

Я стиснула зубы, вспомнив, что подняла забрало и он может заметить слезы.

Улей не спит все двадцать восемь часов в сутки, но так издавна повелось, что Третья Смена — самая тихая. В это время и народу на улицах меньше обычного. Конечно, правильнее было бы

выйти в час пик — в Первую Смену — и затеряться в толпе. Но если нас поджидают герильеры или туги, погибнет невесть сколько случайных прохожих.

До площади Мэлл мы добирались часа три — разумеется, не по главной лестнице. Бесконечная череда пустующих автотуннелей и колодцев техобслуживания, по которым восемьдесят лет назад, словно саранча, прокатились толпы луддитов, слилась для меня в одно серое пятно. И вот наконец одолев последнюю лестницу (ржавчины в ней было явно больше, чем железа), мы вышли в служебный коридор. Отсюда до Святилища оставалось не более километра.

— Ни за что бы не поверила, что это так просто, — прошептала я в интерком.

— Вероятно, они стянули людей к космопорту и частным порталам.

Дорогу мы выбрали с таким расчетом, чтобы по возможности не выходить на открытое место — метрах в тридцати под первым торговым ярусом. До крыши Улья отсюда было метров четыреста, до Святилища Шрайка — колоссального сооружения причудливых очертаний — менее пятисот. Неурочные покупатели и любители бегать трусцой, завидев нас, торопливо скрывались

в боковых коридорах. Полицию, несомненно, уже оповестили, но я бы очень удивилась, если бы она прибыла вовремя.

И вдруг из подъемной шахты с гиканьем и криком высыпала куча ярко размалеванных тугов, вооруженных цепями, импульсными ножами и энергетическими рукавицами. Джонни вздрогнул от неожиданности, но тут же развернулся и хлестнул по ним «адской плетью». Пистолет-пулемет выпрыгнул у меня из рук и, следуя за моим взглядом, стал поражать одну цель за другой.

Семеро парней застыли с вытаращенными глазами, потом задрали лапки кверху и стали отступать. Мгновение — и они скрылись в шахте.

Я взглянула на Джонни и в черном зеркале его шлема увидела себя. На сей раз никто из нас не рассмеялся.

Мы перебежали к северному торговому ряду. Несколько прохожих поспешили к дверям магазина. До Святилища оставалось меньше ста метров. В наушниках я слышала удары собственного сердца.

Мы были уже в пятидесяти метрах. Высоченные ворота Святилища приоткрылись, и из них выглянул дьякон (а может, священник). Тридцать метров. Если бы нам действительно хотели

помешать, это сделали бы раньше.

Улыбнувшись, я повернулась к Джонни, но не успела и рта открыть, как на нас обрушился град пуль и лазерных импульсов. Внешний слой доспехов сдетонировал, поглотив и рассеяв кинетическую энергию пуль. А зеркальная поверхность под ним отразила почти все смертоносные лучи. Почти.

Удар сбил Джонни с ног. Я упала на одно колено и переключила «Штайнер» в режим самонаведения.

Так, десятый этаж на жилой стене Улья. Мой визор оплавился и потерял прозрачность, защитный слой доспехов выгорел почти целиком. Пистолет-пулемет застрекотал, словно швейная машинка из старинной голопьесы. Пятиметровый балкон в десяти этажах над нами окутало облако разрывных игл и бронебойных пуль. Лазеру конец.

Меня словно огрели по спине палкой. Еще раз. И еще.

Я не устояла на ногах. Вырубив «Штайнер», я откатилась в сторону и привстала на одно колено. Их было не меньше десятка на каждом ярусе, они двигались быстро, точно и слаженно — прямо балет! Джонни приподнялся и, переключив

«плеть» в частотный режим, начал пробивать радужную завесу активной защиты фазированными сериями импульсов.

Одна из бегущих фигурок вспыхнула, и тут же позади этого живого факела лопнула витрина, засыпав чуть ли не всю площадь осколками. Из-за парапета высунулись еще двое. Я уложила их из «Штайнера».

Раздался визг реверс-моторов. Из-под самого перекрытия вынырнул скиммер и, заложив крутой вираж, понесся прямо на нас. По бетону ударили ракеты. Полетело стеклянное крошево — последние остатки витрин. Я вскинула голову, пару раз сморгнула, прицелилась и выстрелила. Скиммер отшвырнуло вбок, он ударился об эскалатор (на котором стояли, сжавшись от страха, человек десять) и взорвался. Какой-то зевака, на котором вспыхнула одежда, метнулся вниз с восьмидесятиметровой высоты.

— Слева! — закричал Джонни по интеркому.

Четверо с левитационными ранцами за плечами быстро спускались вдоль стены. Камуфляж из «хамелеоновой кожи» не успевал отслеживать меняющийся фон, превратившись в причудливый калейдоскоп узоров и красок. Один тут же ушел вбок и, оказавшись в «мертвой зоне» пуле-

мета, бросился ко мне. Остальные навалились на Джонни.

Он шел на меня с импульсным ножом — излюбленным оружием этого отребья. Я подставила под удар рукав защитного костюма, прекрасно понимая, что им пробьет его, но не сразу. Мне нужно было выиграть всего секунду, и я ее выиграла. Я убила его режущим краем перчатки и, развернувшись, дала очередь по тем троим, что напали на Джонни.

На них были жесткие боевые костюмы, поэтому струя свинца лишь отшвырнула их назад — так смывают с тротуара мусор. Одному удалось подняться, и тогда второй очередью я сбросила их на нижний ярус.

Джонни упал навзничь. Защитный костюм у него на груди местами расплавился. Меня замутило от запаха паленой плоти, но смертельных ран вроде не было. Я наклонилась и приподняла его.

— Оставь меня, Ламия. Беги. Лестница… — Связь все время прерывалась.

— Заткнись. Ты меня нанял, и я буду тебя охранять.

Обхватив Джонни левой рукой, я взвалила его на плечо, так, чтобы «Штайнер» оставался свободным.

Нас обстреливали с обеих стен улья, со стропил и верхних торговых ярусов. На тротуаре я насчитала не меньше двадцати трупов. Половина из них — в ярких костюмах. Обычные граждане. Энергошарнир в левом колене заело. С негнущейся ногой я кое-как проковыляла метров десять, волоча на себе Джонни. На верхних ступенях лестницы стояли несколько священников. Казалось, они не обращали никакого внимания на всю эту пальбу.

— Сверху!

Я моментально обернулась. После первого же выстрела «Штайнер» замолк — кончились патроны, но за мгновение до того, как разлететься на тысячу кусочков вместе со всем своим экипажем, скиммер успел выпустить ракеты. Я швырнула Джонни на мостовую и рухнула на него сверху, пытаясь прикрыть своим телом.

Все ракеты разорвались одновременно. Большинство — в воздухе, но по крайней мере две пробили настил яруса. Взрывной волной нас сбросило с покосившейся дорожки и отшвырнуло метров на пятнадцать — двадцать. Очень кстати. Пешеходная полоса из ферробетона, где мы находились секунду назад, загорелась, вспучилась, провисла и обрушилась вниз. Образовался

естественный ров, который отрезал нас от большинства атакующих.

Я поднялась, отшвырнула бесполезный пулемет, сорвала столь же бесполезные лохмотья защитного костюма и перевернула Джонни на спину. Шлем с него слетел, и внешний вид моего подопечного оставлял желать лучшего. В доспехах зияло множество пробоин, из них сочилась кровь. Правую руку и стопу левой ноги оторвало взрывом. Я подняла его и потащила вверх по лестнице в Святилище.

И тут завыли сирены. Над площадью появились наконец скиммеры службы безопасности. Герильеры, толпившиеся на верхних ярусах и на той стороне обвалившейся дороги, пустились наутек. Но двое коммандос с левитационными ранцами, похоже, очухались и все-таки бросились за мной. Я даже не обернулась. Волоча негнущуюся левую ногу, я одолевала ступень за ступенью, не обращая внимания на раны и боль в обожженных спине и боку.

Скиммеры с воем кружили в воздухе, но к Святилищу не приближались. Пули щелкали по всей площади Мэлл. Сзади до меня доносился торопливый лязг подкованных металлом сапог. Мне удалось преодолеть еще три ступени. Оставалось

двадцать. Там, невообразимо далеко, стояли десятки священников и епископ.

Я сделала еще шаг и посмотрела на Джонни. Он глядел на меня одним глазом — другой был залит кровью и совершенно заплыл.

— Все в порядке, — прошептала я, впервые осознав, что и мой шлем куда-то делся. — Все в порядке. Уже близко.

Мне удалось сделать еще один шаг.

Две фигуры в блестящих черных доспехах преградили мне путь. Исполосованные пулями забрала поднялись. Под ними — безжалостные лица.

— Эй ты, сучка! Оставь его и уходи. Спасай свою шкуру.

Я устало кивнула. Сил хватало только, чтобы стоять и обеими руками держать Джонни на весу. Его кровь капала на белый камень.

— Я сказал — отдай его нам…

Отцовский пистолет был у меня в той руке, которой я поддерживала Джонни под спину. Но я уложила их обоих — одного в левый глаз, другого в правый.

Еще одна ступенька. Затем еще одна. Перед каждым шагом я останавливалась и переводила дыхание.

Вот и вершина лестницы. Священники в черных и красных одеяниях расступились и пропустили меня в высокие ворота Святилища. Внутри царил мрак. Я не оглядывалась, но, судя по шуму, толпа на площади собралась огромная. Епископ шел рядом.

Я положила Джонни на холодный пол. Вокруг шелестели сутаны. Я кое-как стянула с себя остатки защитного костюма и принялась раздевать Джонни. Его доспехи в нескольких местах прикипели к телу. Я коснулась здоровой рукой опаленной щеки Джонни:

— Как жаль…

Он чуть повернул голову и приоткрыл глаз. Его левая рука коснулась моей щеки, виска, затылка.

— Фанни…

Я почувствовала, что он умирает. Но когда его рука нашла мой нейрошунт, я вдруг ощутила всплеск теплоты. Теплоты и света. Сработала петля Шрюна. Все, чем был или мог быть Джонни Китс, ворвалось в меня; это было почти как его оргазм два дня назад: всплеск, биение, внезапный прилив теплоты, а следом — покой и эхо пережитого наслаждения.

Я медленно опустила его на пол. Дьяконы подняли тело и вынесли наружу — показать толпе,

властям и тем, кто хотел удостовериться.

Потом меня увели.

Две недели я провела в приютской больнице Святилища. Мне заживили ожоги, удалили шрамы, извлекли осколки, пересадили кожу, восстановили мышцы и нервы. И все же боль не проходила.

Все, кроме священников, потеряли ко мне интерес. Техно-Центр удостоверился, что Джонни мертв, что его ИскИн не оставил после себя никаких следов и что его кибрид тоже мертв.

Я подала заявление, и мне возобновили лицензию. Дело замяли — уж тут постарались власти. Пресса сообщила, что «между бандами, контролирующими Улей Дрегс, произошла кровавая разборка, которая выплеснулась на площадь Мэлл. Среди бандитов и мирных жителей имеются убитые». Полиция подтвердила эту версию.

А за неделю до того, как пришло известие, что Гегемония разрешила кораблю «Иггдрасиль» с паломниками на борту отбыть на Гиперион, в зону боевых действий, я отправилась через портал Святилища на Возрождение-Вектор и около часа просидела в тамошнем архиве.

Потрогать эту рукопись я не могла — каждый листок хранился в отдельном вакуумном пакете.

Но рука была его: мне уже приходилось видеть почерк Джонни. Пергамент пожелтел и стал хрупким от старости. Там было два фрагмента. Вот первый:

Не стало дня, и радостей не стало:
Губ сладостных, лучистых глаз, тепла
Ладони робкой, нежного овала,
Чуть слышных слов, груди, что так бела.
Исчезло юной розы совершенство,
Исчезло счастье, скрывшись без следа;
Исчезли стройность, красота, блаженство,
Исчез мой рай – исчез в тот час, когда
На мир нисходит сумрак благовонный,
И ночь – святое празднество любви —
Завесою, из тьмы густой сплетенной,
Окутывает таинства свои.

Любовь! Твой требник прочитал я днем;
Теперь молю: дай мне забыться

сном.[40]

Второй был написан второпях, на каком-то обрывке, словно пишущий схватил первый подвернувшийся под руку листок.

Одно воспоминанье о руке,
Так устремленной к пылкому пожатью,
Когда она застынет навсегда
В молчанье мертвом ледяной могилы,
Раскаяньем твоим наполнит сны,
Но не воскреснет трепет быстрой крови
В погибшей жизни… Вот она – смотри:
Протянута к тебе.[41]

Я беременна. Думаю, Джонни знал об этом. А может, и нет.

---

[40] Примечания: 40

Д. Китс. Сонет написан, по-видимому, 10 октября 1819 г. и обращен к невесте поэта Фанни Брон. Встрече с ней в этот день предшествовала продолжительная разлука, во время которой Китс, предчувствуя неизлечимость начавшейся болезни, безуспешно пытался подавить свои чувства (пер. С. Сухарева).

[41] Примечания: 41

Д. Китс. Написано, по всей вероятности, в ноябре — декабре 1819 г., когда Китс работал над последней, незавершенной поэмой «Колпак с бубенцами» (автограф отрывка сохранился на полях рукописи). Пер. С. Сухарева.

Я беременна дважды: ребенком Джонни и памятью петли Шрюна. Не знаю, связано одно с другим или нет, а если связано, то в какой степени. Пройдут месяцы, прежде чем родится ребенок, и всего несколько дней, прежде чем я предстану перед Шрайком.

Но я помню те минуты, когда истерзанное тело Джонни вынесли на обозрение толпы, а меня еще не увели. Они стояли там, в темноте, — сотни священников, дьяконов, экзорцистов, служек и простых верующих… в красном полумраке под вращающимся идолом Шрайка… и вдруг все разом монотонно запели, и голоса их эхом отдавались под готическими сводами. А пели они примерно следующее:

«БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ
БЛАГОСЛОВЕННА
БУДЬ МАТЕРЬ НАШЕГО
СПАСЕНИЯ
БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ ДЛАНЬ НАШЕГО
ИСКУПЛЕНИЯ
БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ НЕВЕСТА НАШЕГО
СОЗДАНИЯ

БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ».

Я была ранена и в шоке. Я ничего не понимала. Да и сейчас не понимаю.

Но я знаю, что когда наступит время и Шрайк придет, мы с Джонни встретим его вместе.

Уже давно стемнело. Вагон беззвучно скользил между звездами и льдом. Все молчали, только поскрипывание троса нарушало тишину.

Некоторое время спустя Ленар Хойт обернулся к Ламии:

— У вас тоже свой крестоформ.

Ламия молча посмотрела на священника.

— А как вы думаете, — обратился к ней полковник Кассад, — Хет Мастин и был тот самый тамплиер, что разговаривал с Джонни?

— Возможно, — ответила Ламия Брон, — хотя я этого так и не выяснила.

И тогда полковник, глазом не моргнув, спросил у нее:

— Хета Мастина убили вы?

— Нет.

Мартин Силен потянулся и зевнул:

— До рассвета еще два-три часа. Кто-нибудь, кроме меня, собирается спать?

Ленар Хойт и Вайнтрауб кивнули.

— Я подежурю, — сказал Федман Кассад. — Все равно не засну.

— Я, пожалуй, составлю вам компанию, — предложил Консул.

— А я согрею вам обоим кофе, — сказала Ламия Брон.

Остальные вскоре уснули; Рахиль тихо мурлыкала во сне, а они сидели втроем у окна и смотрели на далекие холодные звезды.

6

Башня Хроноса возвышалась над восточными отрогами Большой Уздечки — причудливая и мрачная груда сочащихся влагой камней с тремя сотнями комнат и залов внутри, путаница неосвещенных коридоров, ведущих к длинным и узким залам, башням и башенкам, балконы, смотрящие на северные пустоши, вентиляционные шахты, протянувшиеся к свету на полкилометра и берущие начало чуть ли не в самом лабиринте этого мира, парапеты, отполированные холодными горными ветрами, лестницы — внутренние и наружные, — высеченные в камне и никуда не ведущие, стометровые витражи, установленные так, чтобы ловить первые лучи солнца во время солнцестояния и лунный свет зимними ночами, маленькие, величиной с ладонь, оконца, из которых, собственно, не на что смотреть, бесконечная череда барельефов, притаившиеся в нишах гротескные изваяния, и более тысячи горгулий, облепивших карнизы и парапеты, колонны и склепы и заглядывающих сквозь деревянные стропила в огромные залы. Обращенные к кроваво-красным окнам северо-восточного фасада,

днем освещаемые солнцем и газовыми факелами — по ночам, они отбрасывали уродливые тени, отмечавшие время, словно какие-то дьявольские солнечные часы. Повсюду виднелись следы последних хозяев башни: покрытые багровым бархатом жертвенники, висящие в воздухе и стоящие изваяния их божества с разноцветными лезвиями и рубиновыми глазами. Еще больше статуй, высеченных из камня, на узких лестницах и в темных залах — вздумай кто-нибудь прогуляться здесь ночью, он неминуемо наткнулся бы на торчащие из скалы колючие пальцы или острое лезвие, а то и на все четыре Шрайковы руки, зовущие в смертельные свои объятия. И в довершение ко всему — прихотливые кровавые узоры во многих комнатах и залах, красные арабески на стенах и потолках коридоров, пятна запекшейся бурой субстанции на постелях — и большая столовая, в которой, распространяя невыносимый смрад, уже не первую неделю гниют остатки брошенной трапезы, стол, стулья, стены и пол залиты кровью, тут и там валяются немые кучи окровавленной и изодранной в клочья одежды. И повсюду мухи.

— Веселенькое местечко, чтоб мне пусто было! — воскликнул Мартин Силен, и его голос

гулко раскатился по залу.

Отец Хойт сделал несколько шагов и замер. Солнце уже начало клониться к закату, и сквозь прорезанные в западной стене на высоте сорока метров узкие щели в зал падали косые столбы света.

— Это невероятно, — прошептал он. — Собор Святого Петра в Новом Ватикане ничто по сравнению с этим.

Мартин Силен рассмеялся и стал еще больше похож на сатира.

— Этот храм построен для живого божества.

Федман Кассад поставил на пол походный мешок и, кашлянув, сказал:

— По-моему, эта башня гораздо старше Церкви Шрайка.

— Конечно, — подтвердил Консул. — Но они хозяйничают здесь вот уже двести лет.

— Что-то не видно этих хозяев, — сказала Ламия Брон, держа в левой руке отцовский пистолет.

Войдя в Башню, они минут двадцать пытались до кого-нибудь докричаться, но замирающее эхо, тишина и жужжание мух постепенно вынудили их умолкнуть.

— Эту пакость построили андроиды и крепостные клоны Печального Короля Билли как

раз к прибытию спин-звездолетов, — пояснил поэт. — Восемь местных лет тяжелого труда. Предполагалось, что здесь будет самый большой туристический центр во всей Сети, отправной пункт экскурсий к Гробницам Времени и Граду Поэтов. Но, думается мне, несчастные трудяги андроиды еще тогда знали местную версию легенды о Шрайке.

Сол Вайнтрауб стоял у восточного окна, приподняв дочку повыше, и неяркий вечерний свет падал ей на щеку и на сжатый кулачок.

— Знали так знали, — сказал он. — Поищем лучше уголок, где нет следов этой резни и где мы сможем спокойно поужинать и поспать.

— Выходим вечером? — спросила Ламия.

— К Гробницам? — уточнил Силен, впервые за все время путешествия выказывая интерес хоть к чему-то. — Ты хочешь идти к Шрайку в темноте?

Ламия пожала плечами:

— Не все ли равно?

Консул, стоявший у двери из армированного стекла, которая выходила на каменный балкон, закрыл глаза. Его тело все еще продолжало покачиваться в такт движению вагона. Две бессонные ночи и растущее нервное напряжение окутали сознание серой пеленой, сквозь которую двена-

дцать часов полета над горными вершинами воспринимались как краткий миг. Он чуть было не задремал, но вовремя открыл глаза.

— Мы все едва держимся на ногах, — сказал он. — Переночуем здесь, а утром отправимся в путь.

Отец Хойт вышел на узенький балкон и облокотился на грубые каменные перила.

— Отсюда видны Гробницы?

— Нет, — ответил Силен. — Они находятся вон за той грядой. А видите те белые штуковины на севере и немного западнее… похожие на торчащие из песка обломанные зубы?

— Вижу.

— Это Град Поэтов. По первоначальному замыслу короля Билли это место было выбрано для города Китса и многих других вещей, столь же светлых и прекрасных. Местные жители говорят, что сейчас в нем обитают безголовые призраки.

— Уж не один ли ты из них? — спросила Ламия.

Силен резко повернулся, собираясь ей ответить, но, взглянув на пистолет в ее руке, прикусил язык.

Со стороны лестницы послышались гулкие шаги, и в комнату вошел полковник Кассад.

— Над столовой есть две маленькие кладовые, — сказал он. — Они выходят на балкон, но попасть в них можно только по этой лестнице. В случае чего защитить их будет легко, и они вполне… чисты.

Силен рассмеялся:

— Вы имеете в виду, что на нас будет трудно напасть? Или, если кто-то все же нападет, у нас не будет возможности бежать?

— А куда нам, собственно, бежать? — резонно заметил Сол Вайнтрауб.

— И действительно, — устало согласился с ним Консул. Собрав свои вещи, он взялся за ручку куба Мебиуса, поджидая отца Хойта. — Кассад прав. Нам надо где-то устроиться на ночь. По крайней мере уйдем из этой комнаты. Здесь воняет смертью.

Ужин состоял из остатков сухого пайка, нескольких глотков вина из последней бутылки Силена и черствого кекса, сохраненного Солом Вайнтраубом, чтобы отметить их последнюю совместную трапезу. Для кекса Рахиль была слишком мала, но молоку отдала должное и, перевернувшись на животик, мгновенно уснула на своем матрасике.

Ленар Хойт достал из мешка маленькую бала-

лайку и тихонько забренчал.

— А я и не знала, что вы умеете играть, — удивилась Ламия Брон.

— Так, самую малость.

Консул потер глаза:

— Жаль, здесь нет фортепьяно.

— У вас-то оно есть, — заметил поэт.

Консул посмотрел на него.

— Тащите же его сюда, — сказал Силен. — Я бы не возражал и против скотча.

— О чем это вы? — сердито спросил отец Хойт. — Опомнитесь!

— О космическом корабле, — ответил Силен. — Помните ли вы, как наш незабвенный Глас Куста Мастин говорил нашему другу Консулу, что его секретное оружие — это уже знакомый нам изящный кораблик, стоящий сейчас в космопорте Китса? Вызовите его, Ваше Консульство. И у вас будет фортепьяно.

В дверях появился Кассад, который устанавливал на лестнице лучевую защиту.

— Инфосфера планеты мертва, — сказал он. — Спутники связи выведены из строя. Корабли ВКС используют узкие пучки. Как, по-вашему, он его вызовет?

— Передатчик мультилинии, — вмешалась в

разговор Ламия.

Консул смерил ее взглядом.

— Передатчик мультилинии — это ящик размером с дом, — пояснил Кассад.

Ламия пожала плечами:

— И все же в словах Мастина есть смысл. Будь я на месте Консула… будь я среди нескольких тысяч обитателей личных космических кораблей — нескольких тысяч на всю эту треклятую Сеть… я бы непременно позаботилась, чтобы в случае необходимости его можно было вызвать. Эта планета слишком примитивна, чтобы полагаться на ее коммуникационную сеть, ионосфера не годится ни к черту, а когда начинается какая-нибудь заварушка, первым делом сбивают спутники связи… Я бы связывалась со своим кораблем по мультилинии.

— А размеры передатчика? — осведомился Консул.

Ламия Брон посмотрела ему прямо в глаза.

— Гегемония пока еще не может построить портативный передатчик мультилинии. Но говорят, что Бродяги — могут.

Консул улыбнулся. Где-то внизу раздался скрип, завершившийся металлическим ударом.

— Оставайтесь на местах, — приказал Кассад,

сорвал с пояса «жезл смерти» и, выключив тактическим комлогом лучевое ограждение, исчез на лестнице.

— Если не ошибаюсь, для нас наступил комендантский час, — сказал Силен. — Теперь здесь господствует Марс.

— Заткнись, — бросила ему Ламия.

— Вы думаете, это Шрайк? — спросил Хойт.

Консул поморщился.

— Шрайку не нужно бряцать оружием на лестницах. Он может просто появиться… здесь.

Хойт покачал головой:

— Я имел в виду, что именно из-за Шрайка вокруг никого нет. И эти следы бойни…

— Жители могли покинуть свои деревни после приказа об эвакуации, — возразил Консул. — Никому не хочется встречаться с Бродягами. А ССО окончательно вышли из-под контроля. И следы вполне могут оказаться делом их рук.

— А где же тела убитых? — осведомился Силен. — Вы принимаете желаемое за действительное. Наши отсутствующие хозяева, жившие там, внизу, теперь украшают своими телами стальное дерево Шрайка. На котором вскорости окажемся и мы.

— Заткнись, — устало произнесла Ламия Брон.

— А если я не замолчу, — осклабился поэт, — вы, мадам, пристрелите меня?

— Обязательно.

Никто больше не проронил ни слова, пока не возвратился Кассад. Включив лучевое ограждение, он повернулся к своим спутникам, расположившимся на ящиках и кусках пенолита.

— Пустяки. Несколько стервятников — их, кажется, называют здесь предвестниками — влетели через разбитые стеклянные двери в зал и как раз завершали пиршество.

Силен хмыкнул:

— Предвестники. Очень подходящее название.

Кассад со вздохом сел на одеяло и, прислонившись к ящику, принялся неторопливо есть. Комнату освещал единственный фонарь, захваченный на ветровозе, и в дальних от балконной двери углах по стенам начали взбираться тени.

— Наша последняя ночь, — заметил он. — Осталось рассказать еще одну историю. — И полковник взглянул на Консула.

Консул, комкавший в кулаке клочок бумаги с нацарапанной на нем цифрой «7», облизал сухие губы:

— Зачем? Цель нашего паломничества теперь недостижима.

Все недоуменно поглядели на него.

— Что вы имеете в виду? — спросил отец Хойт.

Консул смял бумажку и швырнул ее в угол.

— Чтобы Шрайк исполнил чью-то просьбу, количество паломников должно выражаться простым числом. Нас было семеро. После… исчезновения Мастина осталось шесть. Теперь мы идем на смерть без всякой надежды на то, что наше последнее желание будет исполнено.

— Предрассудки, — буркнула Ламия.

Консул вздохнул и потер висок:

— Да, возможно. Но это была наша последняя надежда.

Отец Хойт указал на спящего ребенка:

— А Рахиль не может быть седьмой?

Сол Вайнтрауб погладил бороду:

— Нет, не может. Паломник должен прийти к Гробницам по собственной воле.

— Но она однажды уже сделала это, — продолжал Хойт. — Может быть, этого достаточно?

— Нет, — ответил Консул.

Мартин Силен, что-то писавший в блокноте, встал и зашагал по комнате:

— Господи, да посмотрите вы на себя со стороны! Какие там к черту шестеро паломников, нас тут целая армия! Вот вам Хойт с его кресто-

формом, содержащим в себе дух Поля Дюре. Наш «получувствующий» эрг вот в этом ящичке. Полковник Кассад, вспоминающий Монету. Госпожа Брон, если верить ее рассказу, несущая в себе не только нерожденного ребенка, но и покойного поэта-романтика. Наш ученый с младенцем, которым была когда-то его дочь. Ваш покорный слуга — со своей музой. Консул, тоже прихвативший в этот безумный поход хрен знает какой багаж. Бог мой, братцы, да наша компания должна была получить обалденную скидку!

— Сядь, — бесцветным голосом произнесла Ламия.

— Нет, знаете, он прав, — вмешался Хойт. — Даже присутствие отца Дюре в крестоформе должно как-то повлиять на нашу численность и прибавить к шести желанную единицу. Настанет утро, мы укрепимся в нашей вере…

— Смотрите! — закричала Ламия Брон, указывая на балконную дверь: темнеющее вечернее небо внезапно озарили яркие сполохи.

Все бросились на балкон и замерли, потрясенные: в небе то здесь, то там беззвучно вспыхивали ослепительно белые клубки термоядерных взрывов и тут же начинали стремительно распухать, словно круги, разбегающиеся по поверхности ла-

зурного озера; яркие звездочки сдетонировавших фугасов выбрасывали голубые, желтые и алые нити и, закрутившись спиралью, сжимались в точку, как цветы, закрывающиеся на ночь; гигантские «адские плети» молниями рассекали небо и, словно чудовищные косы длиной в несколько световых часов, срезали все на своем пути, пока не натыкались на разрывавшие вакуум защитные сингулярности; мерцающие силовые экраны вздрагивали и гасли под напором громадных потоков энергии, чтобы появиться вновь несколько наносекунд спустя. И словно следы алмаза на синем стекле, в темном небе проступали безукоризненно-четкие бело-голубые полоски выхлопов факельных звездолетов и линейных кораблей.

— Бродяги! — выдохнула Ламия.

— Да, война началась, — бесстрастно подтвердил Кассад.

Консул вдруг с ужасом обнаружил, что плачет, и отвернулся.

— А это не опасно — стоять здесь? — спросил Мартин Силен, выглядывавший из-за дверного косяка.

— На этом расстоянии — нет. — Кассад, смотревший в свой электронный бинокль, опустил

его и сверился с тактическим комлогом. — Сражение идет в трех астрономических единицах от нас. Бродяги прощупывают оборонительные линии ВКС. Это самое начало.

— А портал уже включен? — спросила Ламия Брон. — Эвакуация Китса и других городов началась?

Кассад покачал головой.

— По-моему, нет. Пока. Я думаю, флот будет держать здесь оборону, пока не закончится подготовка сферы в окололунном пространстве. И лишь когда корабли ВКС начнут прибывать сюда сотнями, откроют эвакуационные порталы в Сеть. — Он снова поднял бинокль. — Адское будет зрелище.

— Смотрите! — На сей раз отец Хойт показывал не на фейерверк в небе, а на пустоши, лежащие за низкими холмами. В нескольких километрах от Башни к невидимым отсюда Гробницам двигалась одинокая фигура, которая на таком расстоянии казалась крошечным пятнышком, но при каждой вспышке отбрасывала длинную тень.

Кассад навел бинокль на фигуру.

— Шрайк? — тихо произнесла Ламия.

— Не думаю… Кажется, тамплиер, если судить

по одеянию.

— Хет Мастин! — вскричал отец Хойт.

Кассад пожал плечами и передал бинокль остальным. Консул отошел в сторону и прислонился к балконным перилам. Тишину нарушал только свист ветра, но из-за этого картина бушевавшего в небе сражения казалась еще более зловещей.

Когда подошла очередь Консула, он тоже приник к биноклю. Высокий человек в просторной накидке с капюшоном решительно шагал по озаряемому багровым светом песку. Видна была только его спина.

— Куда он идет — к нам или к Гробницам? — спросила Ламия.

— К Гробницам, — ответил Консул.

Отец Хойт поднял к полыхающему небу свое осунувшееся лицо.

— Если это Мастин, нас снова семеро, не так ли?

— Он опередит нас на несколько часов, — возразил Консул. — А если мы заночуем здесь, как предполагали, то на полдня.

Хойт пожал плечами:

— Все это теперь не имеет значения. Семь человек отправились в паломничество. И к

Гробницам тоже прибудут семеро. Шрайку этого достаточно.

— Если это действительно Мастин, — заговорил Кассад, — к чему эта шарада в ветровозе? И как он смог попасть сюда раньше нас? Ведь других вагонов на канатке не было, и уж, конечно, он не мог пешком перевалить через Уздечку.

— Обо всем этом мы расспросим его завтра, когда придем к Гробницам, — устало сказал отец Хойт.

Ламия Брон попыталась поймать какую-нибудь станцию в общем комм-диапазоне своего комлога, но эфир молчал. Слышалось только шипение помех да отдаленный рокот электромагнитных импульсов. Она взглянула на полковника.

— Когда начнется бомбардировка?

— Не знаю. Это зависит от того, насколько успешно флот ВКС будет держать оборону.

— С обороной у них неважно, иначе разведчики Бродяг не уничтожили бы «Иггдрасиль», — напомнила Ламия.

Кассад молча кивнул.

— Эй, послушайте, — вдруг произнес Мартин Силен, — а ведь мы окажемся в самом эпицентре, ни дна ему ни покрышки!

— Вот именно, — подтвердил Консул. — Если

Бродяги атакуют Гиперион, чтобы воспрепятствовать открытию Гробниц Времени, как следует из истории, рассказанной нам госпожой Брон, то Гробницы, да и весь этот район для них основная цель.

— Они применят ядерное оружие? — нервно спросил Силен.

— Почти наверняка, — ответил Кассад.

— Я полагал, антиэнтропийные поля заставляют корабли обходить этот район стороной, — заметил отец Хойт.

— Если в них есть экипаж, — произнес Консул. — Антиэнтропийные поля не действуют на управляемые ракеты, самонаводящиеся бомбы и лучи «адских плетей». По той же причине они не действуют и на механическую пехоту. Бродяги могут забросить сюда пару-другую боевых скиммеров или танков-автоматов — и смотреть потом издалека, как они изничтожают долину.

— Они не сделают этого, — сказала Ламия Брон. — Они хотят контролировать Гиперион, но не уничтожить его.

— Я бы не стал рисковать, полагаясь на это предположение, — заметил Кассад.

Ламия улыбнулась.

— Тем не менее именно это мы и делаем.

От сверкающей в зените огненной мозаики отделилась искра, которая быстро превратилась в яркий оранжевый уголек, прочертивший небосклон. Полыхнуло пламя, и окрестности Башни огласил резкий визг раздираемого воздуха. Огненный шар вырос в размерах и исчез за горами.

Спустя минуту Консул осознал, что у него перехватило горло, а руки железной хваткой сжимают перила. Он шумно выдохнул. Ему показалось, что все остальные тоже только сейчас перевели дыхание. Ни взрыва, ни сотрясения почвы так и не последовало.

— Не сработало? — спросил отец Хойт.

— Скорее всего это подбитый малый охотник ВКС, который пытался достичь орбитального периметра или сесть в космопорте Китса, — деловито ответил полковник Кассад.

— Но ему это не удалось, не так ли? — спросила Ламия.

Кассад промолчал. Мартин Силен, подняв полевой бинокль; осматривал темнеющие пустоши в поисках тамплиера.

— Скрылся, — сказал он наконец. — Наш славный Капитан либо обогнул холм, за которым лежит долина Гробниц Времени, либо повторил свой трюк с исчезновением.

— Жаль, что теперь мы уже не услышим его историю, — сказал отец Хойт и добавил, повернувшись к Консулу: — Но вашу мы услышим, не правда ли?

Консул вытер вспотевшие ладони о брюки. Его сердце бешено колотилось.

— Д-да, — с трудом произнес он, осознав только в этот миг, что действительно решился. — Да, я расскажу свою историю.

С восточных склонов гор с ревом налетел ветер, и, откликнувшись ему, Башня Хроноса загудела. Частота вспышек над их головами как будто уменьшилась, но в наступившей темноте каждая новая казалась ослепительнее предыдущей.

— Пойдемте отсюда, — сказала Ламия, и ветер тут же унес ее слова. — Становится холодно.

Погасив единственную лампу, они сидели в темной комнате, которую освещали теперь лишь разноцветные зарницы. У предметов внезапно появлялись тени, исчезали и вновь возникали, окрашивая стены во все цвета радуги. На несколько мгновений воцарялась темнота, а затем следовал новый залп.

Консул порылся в своей сумке и вынул странного вида прибор, размерами чуть побольше стандартного комлога, с необычным орнаментом

и жидкокристаллическим дисплеем на передней панели, какие можно увидеть разве что в исторических голопьесах.

— Секретный мультипередатчик? — сухо спросила Ламия Брон.

Консул хмуро улыбнулся:

— Это старинный комлог. Его привезли с Земли во время Хиджры. — Он достал из нагрудного кармана стандартный микродиск и вставил его в гнездо. — Как и отец Хойт, я должен сначала рассказать историю другого человека, чтобы вы смогли понять мою собственную.

— Дерьмо на палочке, — ухмыльнулся Мартин Силен. — Неужели в этой компании только я смог сразу рассказать собственную историю? И долго мне придется…

Реакция Консула изумила даже его самого. Он вскочил, сгреб щуплого поэта в охапку и, с размаху ударив его о стену, схватил за шею и прошипел:

— Еще одно слово, стихоплет, и я тебя убью.

Силен начал было сопротивляться, но Консул сдавил ему горло и так выразительно на него взглянул, что тот притих. Лицо его побелело.

Полковник Кассад, не говоря ни слова, осторожно развел их в стороны и, прикоснувшись к

висевшему на поясе «жезлу смерти», предупредил Силена:

— Свои замечания держите при себе.

Тот, массируя шею, молча отошел подальше и плюхнулся на ящик. Консул прошел к двери, сделал несколько глубоких вдохов и вернулся к поджидавшим его паломникам.

— Извините меня. Просто дело в том… Никогда не думал, что способен на такое.

Небо в дверном проеме побагровело, затем раскалилось добела. Несколько секунд спустя снова наступила темнота.

— Мы понимаем, — мягко сказала Ламия Брон. — Все мы испытывали нечто подобное.

Консул потеребил нижнюю губу, прочистил горло и наконец уселся рядом с древним комлогом.

— Запись не такая старая, как сам прибор, — пояснил он. — Она сделана около пятидесяти стандартных лет назад. Я кое-что добавлю от себя, когда она закончится. — Он помолчал, будто собираясь сказать еще что-то, потом покачал головой и включил антикварный прибор.

Изображения не было. Голос, несомненно, принадлежал молодому человеку. Он звучал на фоне бриза, шелестевшего то ли травой, то ли ветками

кустарника, а вдали шумел прибой.

По мере того как нарастал накал космической битвы, небо полыхало все яростнее. Консул сжался, словно ожидая сокрушительного удара. Но удара не последовало. Он закрыл глаза и вместе с остальными стал слушать.

История консула: Вспоминая Сири

Я взбираюсь по крутому склону холма к гробнице Сири в тот самый день, когда на отмели Экваториального Архипелага возвращаются острова. Погода дивная, но я ее за это ненавижу. Небо безмятежно, как в легендах Старой Земли, отмели пестрят круглыми пятнами ультрамаринового цвета, с моря дует легкий бриз, шурша красноватой ивнянкой.

А мне хотелось бы, чтобы небо затянули облака и этот день был сумрачным. Чтобы стоял густой туман, от которого по корабельным мачтам в гавани Порто-Ново стекали бы капли воды, и пробудился от сна ревун маяка. Или задул яростный морской самум, который прилетает из холодных южных широт и гонит перед собой плавучие острова и пасущих их дельфинов, пока те не

укроются от него под защитой наших атоллов и скалистых берегов.

Любая скверная погода лучше этого теплого весеннего дня, когда солнце сияет на таком синем небосводе, что хочется бегать вприпрыжку и кататься по мягкой траве, как я бегал и дурачился когда-то вдвоем с Сири на этом самом месте.

Да, на этом самом месте. Я останавливаюсь, чтобы оглядеться. Солоноватый южный бриз гонит по траве легкую рябь, и она кажется шкурой неведомого зверя. Я прикрываю рукой глаза и всматриваюсь в горизонт, но там ничего нет, ничто не движется. Волнение усилилось, и за лавовым рифом на морской глади появились небольшие барашки.

— Сири, — шепчу я, сам не зная зачем.

В ста метрах от меня стоят люди. Они остановились отдохнуть, но глаз с меня не спускают. Траурная процессия растянулась больше чем на километр — до белых домиков на краю города. В первых рядах я вижу седую голову моего младшего сына. На нем синий, вытканный золотом мундир Гегемонии. Я знаю, что должен подождать его и идти с ним вместе, но он, как и другие престарелые члены Совета, не может поспеть за широкими шагами моих молодых, натрени-

рованных на корабельной службе ног. Однако этикет требует, чтобы я шел вместе с ним, с моей внучкой Лирой и с моим девятилетним внуком.

К черту этикет. К черту их всех.

Я поворачиваюсь к ним спиной и взбегаю по крутому склону холма. Все же на рубашке у меня проступают пятна пота, прежде чем я добираюсь до округлой вершины холма и вижу гробницу.

Гробницу Сири.

Я останавливаюсь. Ветер здесь прохладный, хотя солнце греет вовсю. Гладкие белые стены мавзолея ослепительно сверкают. У закрытых дверей выросла высокая трава. Вдоль покрытой гравием узкой дорожки на черных флагштоках развеваются выцветшие памятные флажки.

Я нерешительно обхожу гробницу и приближаюсь к обрыву в нескольких метрах за ней. Трава примята — туристы, которым ни до чего нет дела, раскладывали на ней одеяла. Из идеально круглых и идеально белых камней, которыми была отделана дорожка, сложено несколько площадок для костров.

Я невольно улыбаюсь. Я давно уже знаю, какой отсюда открывается вид — широкая дуга естественной дамбы, очерчивающая внешнюю часть гавани, низкие белые дома Порто-Ново, яркие

корпуса и мачты катамаранов, покачивающихся на якоре. За зданием Городского Собрания молодая женщина в белой юбке идет по галечному пляжу к воде. На мгновение мне кажется, что это Сири, и сердце начинает бешено колотиться. Я уже почти готов замахать ей рукой, но она не обращает на меня внимания. Молча я гляжу, как далекая женская фигурка сворачивает в сторону и исчезает в тени старого сарая для лодок.

Поодаль, в восходящих потоках над лагуной, раскинув широкие крылья, кружит царь-ястреб; его чувствительные к инфракрасным лучам глаза высматривают среди дрейфующих синих водорослей тюленей-лысунов или еще какую-нибудь поживу. Природа глупа, думаю я и сажусь на мягкую траву. И день сегодня не такой, каким должен быть, и вот теперь эта птица, бестолково ищущая себе добычу в загрязненных водах, из которых та давно ушла.

Я вспоминаю другого ястреба — в ту ночь, когда мы с Сири впервые поднялись на вершину этого холма. Я помню сияние лунного света на его крыльях, странный, тревожный крик, который эхом отразился от скалы и словно пронзил темноту над освещенной газовыми фонарями деревней там, внизу.

Сири было тогда шестнадцать… даже меньше… и в лунном свете, игравшем на крыльях ястреба, ее обнаженное тело казалось молочно-белым, а легкие тени только подчеркивали нежную округлость полудетской груди. Когда ночную тишину вдруг прорезал крик птицы, мы, словно чувствуя свою вину, взглянули вверх, и Сири сказала:

— То соловей — не жаворонок был, что пением смутил твой слух пугливый.[42]

— Что-что? — переспросил я.

Сири было меньше шестнадцати. Мне — девятнадцать. Но ей уже были ведомы благородная неторопливость книжных страниц и размеренные монологи на театральных подмостках под ночными звездами. Я же знал только звезды, больше ничего.

— Не грусти, молодой корабельщик, — прошептала она и потянула меня к себе. — Это просто-напросто охотится старый ястреб. Глупая птица. Где ты, корабельщик? Вернись. Ты меня слышишь, Мерри?

Как раз в это мгновение «Лос-Анджелес» поднялся над горизонтом и поплыл, словно несомый ветром яркий уголек, среди причудливых созвез-

---

[42] Примечания: 42
«Ромео и Джульетта», III, 5 (пер. Т. Щепкиной-Куперник).

дий Мауи-Обетованной, мира Сири. Лежа рядом с ней, я рассказывал ей о двигателе Хоукинга и об этом гигантском спин-звездолете, который купался сейчас в солнечных лучах над окутавшей нас ночью, и когда моя рука скользила по ее бедру, бархатистая кожа казалась наэлектризованной, а дыхание учащалось. Я уткнулся лицом в ее шею, в душистый, сладкий аромат распущенных волос.

— Сири! — На этот раз я произношу ее имя громко и четко. Чуть ниже, возле отбрасываемой гробницей тени, нетерпеливо топчутся люди. Они ждут, когда я войду в гробницу и останусь там один в холодной, молчаливой пустоте, заменившей тепло, которое излучала Сири. Они ждут, когда я с ней прощусь, чтобы приступить к своим обрядам и ритуалам. А потом откроются порталы нуль-Т, и их мир соединится с ожидающей его Великой Сетью.

К черту все. К черту этих людей.

Я срываю толстый побег ивнянки и жую сладкий стебель, вглядываясь в горизонт в ожидании появления плавучих островов. Тени все еще длинны, день только начинается. Пожалуй, я посижу здесь. Буду вспоминать.

Я буду вспоминать Сири.

* * *

Сири показалась мне… кем?.. да, пожалуй, птичкой, когда я увидел ее в первый раз. На ней было что-то вроде маски из ярких перьев. Когда она сняла маску, чтобы присоединиться к кадрили, свет факелов выхватил из темноты золотисто-каштановые густые волосы. Девушка раскраснелась, ее щеки горели, и даже через запруженную людьми площадь я разглядел зеленые глаза, сияющие на загорелом лице. Это был их знаменитый Фестиваль. Пламя факелов тоже плясало и разбрасывало искры при каждом долетавшем из гавани порыве бриза; пение флейт на волноломе, где музыканты приветствовали подплывающие острова, почти полностью заглушалось шумом прибоя и хлопаньем праздничных вымпелов на ветру. Сири не было шестнадцати, и ее красота пылала ярче любого факела на этой заполненной людьми площади. Я пробрался между танцующими и подошел к ней.

Для меня все это случилось только пять лет назад. Для нас обоих — почти шестьдесят пять. Но мне кажется, это было только вчера.

Так дальше не пойдет.

С чего же начать?

— Эй, малыш, может, стоит поискать укромненькое местечко, чтобы немного поразвлечься? — спросил Майк Ошо.

Невысокий, коренастый, с пухлым лицом — карикатурный Будда, да и только, — Майк в те времена был для меня богом. Мы все были богами: не бессмертные, правда, но все же долгожители, не всемогущие, но хорошо оплачиваемые. Гегемония выбрала нас в помощь команде одного из самых дорогостоящих квантовых спин-звездолетов. Кто же мы были, если не боги? Ну а Майк, блистательный, порывистый и непочтительный Майк, был чуточку старше меня, и потому стоял чуть выше юного Мерри Аспика в корабельном пантеоне.

— Ха, — сказал я. — Нулевая вероятность.

Мы отмывались после двенадцатичасовой смены в бригаде, возводившей приемный узел нуль-канала. Перевозка рабочих по строительной площадке, расположенной почти в ста шестидесяти трех тысячах километров от Мауи-Обетованной, была для нас далеко не столь славным деянием, как четырехмесячный скачок сюда из пространства Гегемонии. Пока корабль шел в спин-режиме, мы чувствовали себя хозяевами — сорок девять звездолетчиков, пасущих

около двух сотен взволнованных пассажиров. Сейчас наши пассажиры нацепили свои скафандры, а мы, лихие корабельщики, были низведены до роли водителей грузовиков и подсобных рабочих, помогавших космоинженерам монтировать окружающий сингулярность защитный экран.

— Нулевая вероятность, — повторил я. — Разве что эти червяки внизу открыли на выделенном для нас острове бордель.

— Как же, жди. Ничего они не откроют, — усмехнулся Майк.

Впереди у нас был трехдневный отпуск, но из лекций капитана Сингха, а также из жалоб наших товарищей мы уже знали, что все это время нам предстоит провести на островке длиной семь и шириной четыре километра, находящемся под юрисдикцией Гегемонии. Если бы это был плавучий остров, о которых мы столько слышали!.. Какое там — просто обычный вулканический риф вблизи экватора. Мы могли рассчитывать лишь на твердую почву под ногами, непрофильтрованный воздух для дыхания, а также на возможность вспомнить вкус натуральной пищи. А единственной формой нашего общения с колонистами Мауи-Обетованной будет покупка местных сувениров в магазинчике для туристов. Но даже

в нем мы не встретим никого, кроме торговых агентов Гегемонии. Многие из наших товарищей предпочли провести отпуск на «Лос-Анджелесе».

— Так что ты говорил насчет укромного местечка, Майк? Пока не заработают порталы, эта колония для нас недосягаема. То есть еще лет шестьдесят по местному времени. Может, ты имел в виду Мэгги из бортового фантопликатора?

— А ты держись за меня, малыш, — сказал Майк. — Было бы желание, а выход найдется.

Я держался за Майка. В космоплане нас было только пятеро. Переход с высокой орбиты в атмосферу нормальной планеты всегда вгоняет меня в дрожь. Особенно такой планеты, как Мауи-Обетованная, столь похожей на Старую Землю. Я рассматривал бело-голубой лимб планеты, пока ее моря и в самом деле не оказались под нами, когда мы вошли в атмосферу и плавно понеслись к линии терминатора, в три раза обгоняя собственный звук.

Тогда мы были богами. Но иногда даже боги должны спускаться со своих высот.

Тело Сири никогда не переставало удивлять меня. То было на Архипелаге. Три недели в большом доме-дереве под гнущимся стволом

дерева-мачты, дельфины-пастухи, сопровождавшие нас, словно почетный эскорт, тропические закаты, превращавшие каждый вечер в чудо, звездный балдахин над нами по ночам и фосфоресцирующая кильватерная струя — тысячи переливающихся вихрей, словно вобравших в себя сияющее великолепие созвездий. И все же сильнее всего мне запомнилось тело Сири. По каким-то причинам — застенчивость или годы разлуки — в первые наши дни на Архипелаге она носила купальник: две узкие полоски ткани, и ее нежно-белые грудь и бедра так и не успели покрыться ровным загаром.

Я вспоминаю ее в тот первый раз. Ее тело, белеющее в лунном свете, когда мы лежали на мягкой траве над гаванью Порто-Ново. Ее шелковые шортики, зацепившиеся за стебель ивнянки. В ней тогда была детская стыдливость — легкий страх перед тем, что пришло слишком рано. Но и гордость. Та самая гордость, что позволила ей позднее усмирить толпу сепаратистов, бушевавших у порога консульства Гегемонии, и отправить их, пристыженных, по домам.

Я вспоминаю свое пятое посещение Мауи и наше четвертое Единение. До этого я почти не видел ее плачущей. Ее мудрость уже вошла в по-

говорки, ей воздавались чуть ли не королевские почести. Четыре раза ее выбирали в Альтинг, и Совет Гегемонии постоянно обращался к ней за консультациями. Она несла свою независимость, как носят королевскую мантию, и ее неистовая гордость никогда еще не пылала так ярко. Но когда мы остались вдвоем на белокаменной вилле к югу от Фиварона, она отвернулась от меня. Я нервничал, страшась этой могущественной незнакомки, но Сири — моя Сири с ее королевской осанкой и гордым взглядом — отвернулась к стене и сквозь слезы глухо сказала:

— Уходи, Мерри, уходи. Я не хочу, чтобы ты видел меня. Я старуха с дряблым телом и увядшим лицом. Уходи же.

Признаюсь, я был груб с нею тогда. Левой рукой я схватил ее за запястья с силой, какой сам от себя не ожидал, а правой одним движением разорвал ее шелковое платье сверху донизу. Я осыпал поцелуями ее плечи, шею, темные отметины на животе — память о рождении наших детей — и шрам выше колена, оставшийся после аварии скиммера сорок местных лет тому назад. Целовал седеющие волосы и морщинки, прорезавшие ее когда-то гладкие щеки. Я целовал ее слезы.

— Бога ради, Майк, ведь это незаконно, — ис-

пугался я, когда мой друг вытащил из рюкзака и развернул ковер-самолет. Мы находились на острове 241 — это романтическое название торговцы Гегемонии дали пустынному вулканическому недомерку, выбранному ими для нашего отдыха. Остров 241 находился менее чем в пятидесяти километрах от древнейшего из поселений колонии, но с таким же успехом он мог находиться и на расстоянии в пятьдесят световых лет. Ни один местный корабль не имел права приближаться к острову, пока на нем находились члены экипажа «Лос-Анджелеса» и строители. У колонистов имелось несколько старых скиммеров, но по взаимному соглашению они не должны были пролетать над островом. Общежитие, пляж да торгующая сувенирами лавочка — вот и все местные достопримечательности. В будущем, когда «Лос-Анджелес» доставит в систему последние компоненты конструкции и сооружение портала закончится, чиновники Гегемонии превратят остров 241 в центр торговли и туризма. А пока он оставался унылой дырой с посадочными шахтами, безликими зданиями из местного белого камня и несколькими отупевшими от безделья администраторами. Майк предупредил их, что мы уходим на три дня в поход — хотим полазать

по здешним горам.

— Господи, да не собираюсь я таскаться по этим горам, — сказал я. — Лучше бы мне остаться на корабле и подключиться к фантопликатору.

— Заткнись и не отставай от меня, — ответил Майк, и, будучи младшим членом пантеона, во всем следующим за старшим и более мудрым божеством, я заткнулся и пошел за ним. Два часа мы лезли по крутому склону, продираясь сквозь колючий кустарник, пока не оказались на площадке из застывшей лавы, в нескольких сотнях метров под которой бушевал прибой. Мы находились на планете с тропическим климатом, причем вблизи от экватора, но на этой высоте дул такой ветер, что зубы отбивали дробь. Заходящее солнце казалось мазком красной краски между темных облаков, вместе с которыми на нас с запада надвигалась ночь, и я не испытывал ни малейшего желания оставаться здесь до утра.

— Пойдем отсюда, — сказал я. — Укроемся где-нибудь от ветра и разведем костер. Только, черт возьми, как разбить палатку на этой скале?

Майк присел и закурил сигарету с марихуаной:

— А ты поройся в своем рюкзаке, малыш.

Я растерялся. Его голос звучал спокойно, но это

было нарочитое спокойствие любителя малоприятных розыгрышей, предвкушающего вопль жертвы, на голову которой сейчас опрокинется ведро воды. Опустившись на колени, я полез в рюкзак. Оказалось, он доверху набит пластинами пенолита, которыми прокладывают хрупкие грузы. Этот хлам, да еще костюм арлекина с маской и бубенчиками — вот и все, что там было.

— Ты что… совсем офонарел? — Я захлебнулся от негодования.

С каждой минутой становилось темнее. Кто его знает, пройдет шторм южнее или обрушится на нас? Внизу, словно голодный зверь, ревел прибой. Если бы я смог выбраться отсюда самостоятельно, то с удовольствием отправил бы Майка Ошо на корм рыбам.

— А теперь проверим содержимое моего рюкзака, — неторопливо сказал Майк. Высыпав пенолитовые пластины, он достал оттуда какие-то побрякушки вроде тех, что делают на Возрождении-В, инерционный компас, лазерное перо, которое, в зависимости от настроения, служба безопасности корабля могла счесть незаконно провозимым оружием, еще один костюм арлекина, куда более просторного покроя, и ковер-самолет.

— Ради Бога, Майк, — я изумленно провел пальцем по тонкому узору, — это ведь незаконно!

— Я не видел здесь таможенников, — ухмыльнулся Майк. — Да и вообще говоря, глубоко сомневаюсь, что на этой планете существует хоть какая-то дорожная инспекция.

— Да, но…

Я помог ему развернуть ковер. Он был немногим больше метра в ширину и около двух метров длиной. Роскошная ткань выцвела от времени, но левитационные нити по-прежнему сияли, как хорошо начищенная медь.

— Где ты его взял? — спросил я. — Неужели он еще действует?

— На Саде, — ответил он, засовывая мой костюм арлекина и все прочее в свой рюкзак. — Действует, да еще как!

Прошло уже более века с тех пор, как старик Владимир Шолохов, эмигрант со Старой Земли, крупный знаток чешуекрылых и конструктор электромагнитных летательных аппаратов, вручную изготовил первый ковер-самолет для своей прелестной юной племянницы с Земли Новой. Легенда гласит, что племянница презрела дядюшкин подарок, но лет двадцать спустя игрушка стала невероятно популярной, главным

образом среди богатых взрослых, и продолжалось это до тех пор, пока ее не запретили на большинстве планет Гегемонии. Опасные в обращении, потребляющие прорву экранированных монокристаллических волокон, постоянно ускользающие из-под бдительного ока служб контроля воздушного движения, ковры-самолеты вскоре остались лишь в детских сказках да на музейных стендах, а также в нескольких колониальных мирах.

— Он, наверно, стоил кучу денег, — сказал я.

— Тридцать марок, — ответил Майк и устроился в центре ковра. — Старик торговец на Карвнельской ярмарке думал, что он вообще ничего не стоит. Он и не стоил… для него. Я протащил его на корабль, подключил питание, перепрограммировал инерционные чипы и… Прошу!

Майк погладил замысловатый узор, ковер расправился и приподнялся над поверхностью площадки сантиметров на пятнадцать.

Я взглянул на Майка с сомнением.

— Ладно, — сказал я. — А что будет, если…

— Никаких «если». — Майк нетерпеливо хлопнул по ковру позади себя. — Батареи заряжены. Управлять ковром я умею. Так что садись сюда, а не хочешь, не садись. Нет, серьезно, нам нужно

улететь отсюда, пока шторм далеко.

— Но я не…

— Ну, хватит, Мерри! Решайся же, я тороплюсь.

Я поколебался еще мгновение. Если нас застукают, меня тут же вышвырнут с корабля. А корабль — это моя жизнь. Я сам так решил, подписывая контракт на восемь рейсов на Мауи-Обетованную. Мало того: от цивилизации меня отделяло две сотни световых лет, или пять с половиной объективных лет полета в спин-режиме. Даже если нас отвезут назад, в пространство Гегемонии, мы найдем наших друзей и родственников состарившимися на одиннадцать лет. Разрыв во времени невосполним.

Взобравшись на парящий ковер, я кое-как примостился позади Майка. Он поставил между нами рюкзак, велел мне покрепче держаться и принялся нажимать на сенсоры. Ковер поднялся на пять метров над площадкой, скользнул влево — и помчался над неведомым океаном. А в трехстах метрах под нами в сгущающейся тьме белел прибой. Поднявшись еще выше над бушующими волнами, мы направились на север, в кромешную ночную тьму.

Так решения, принятые за считанные секунды, определяют всю дальнейшую жизнь.

Я вспоминаю разговор с Сири во время нашего второго Единения — вскоре после того, как мы перебрались в виллу на берегу у Фиварона. Мы гуляли по пляжу. Алон остался в городе, под присмотром Магрит. Это было разумно. Я чувствовал себя неуютно в присутствии этого мальчика. Только глубокая серьезность его зеленых глаз, только тревожащее сходство темных кудрявых волос и вздернутого носа с моими собственными связывали его в моем сознании с нами… со мной. Да еще быстрая насмешливая улыбка, которую он старался скрыть от Сири, выслушивая ее замечания. Такой скептической, осторожной и ироничной улыбки трудно ожидать от десятилетнего мальчика. Я хорошо знал ее. Раньше я думал, что она приходит с возрастом, а не наследуется.

— Ты знаешь очень мало, — сказала Сири. Сбросив башмаки, она подбежала к неглубокому озерцу, оставленному на пляже приливом, и зашагала прямо по воде. Время от времени она подбирала тонкие раковины в форме валторны, но, обнаружив в них какой-нибудь дефект, бросала обратно в мутную воду.

— Меня научили многим вещам, — возразил я.

— Конечно, Мерри, тебя многому научили, — согласилась Сири. — И ты наверняка был хорошим

учеником. Но знаешь ты очень мало.

Рассердившись, я отвернулся и молча пошел рядом с ней. Вытащив из песка кусок белой лавы, я швырнул его в море. На востоке, у самого горизонта громоздились тучи. Я испытывал острое желание вернуться на корабль. В этот раз мне вообще не хотелось спускаться на планету, и сейчас я убедился, что был прав. Это было мое третье посещение Мауи-Обетованной, второе Единение, как называли наши встречи поэты и здешние жители. Через пять месяцев мне должен был исполниться двадцать один стандартный год. Сири три недели назад отпраздновала свой тридцать седьмой день рождения.

— Я побывал во многих местах, которых ты никогда не видела, — сказал я наконец, и сам почувствовал, как по-детски это прозвучало.

— Да, да! — Сири захлопала в ладоши и оживилась. В этот миг я увидел другую, прежнюю Сири: юную девушку, о которой мечтал долгие девять месяцев пути туда и обратно. А затем этот образ оттеснила суровая реальность: сменившая длинные волосы короткая стрижка, морщинки на шее и лиловые жилки, проступившие сквозь кожу так любимых когда-то мною рук.

— Ты был в таких местах, которые я никогда не

увижу, — торопясь, заговорила Сири. Ее голос не изменился. Почти. — Мерри, любимый, ты видел такие чудеса, которые я не могу даже вообразить. Ты знаешь о Вселенной много такого, о чем я даже не подозреваю. И тем не менее, мой милый, ты знаешь очень мало.

— Господи, о чем ты, Сири?

Я сел на ушедшее в сырой песок бревно и выставил вперед ноги, словно отгородившись от нее.

Сири опустилась передо мной на колени. Она взяла мои руки в свои, и, хотя мои были крупнее и грубее, я ощутил силу, исходящую от ее пальцев. И понял, что силу эту дают ей годы жизни, которые я с ней не разделил.

— Надо жить так, чтобы узнавать жизнь по-настоящему, любимый. Алон помог мне понять это. Когда растишь ребенка, обостряется восприятие того, что действительно важно.

— Что ты имеешь в виду?

Сири взглянула в сторону и машинально отбросила прядку волос со лба. Левой рукой она все так же крепко сжимала мою ладонь.

— Я не знаю, как это получается, — начала она мягко, — но человек вдруг начинает чувствовать, что важно, а что — нет. Как тебе объяснить? Ну вот, к примеру, если тридцать лет подряд вхо-

дишь в комнаты, наполненные незнакомыми людьми, ты испытываешь меньшее напряжение, чем если бы ты делал это только пятнадцать лет. В первом случае ты точнее знаешь, чего ты можешь ожидать от комнат и от людей. И если ожидания не оправдались, ты очень быстро понимаешь это и не задерживаешься там. Ты просто лучше знаешь, что там есть, а чего нет, и быстрее чувствуешь разницу. Ты меня понял, Мерри? Ну хоть немножко?

— Нет, не понял, — ответил я.

Сири кивнула и прикусила нижнюю губу, но вместо того, чтобы продолжить, она внезапно наклонилась и поцеловала меня. Ее губы были сухими и, казалось, спрашивали о чем-то. Я отстранился на секунду, глядя в небо за ее спиной: мне хотелось немного подумать над ее словами. Но тут губы ее слились с моими, и я закрыл глаза. Начинался прилив. Сири расстегнула мою рубашку, ее острые ноготки пробежали по моей груди, и ее возбуждение передалось мне. Прошла секунда — без мыслей, без слов, — затем я открыл глаза и увидел, что она расстегивает последние пуговицы на своем белом платье. Ее груди стали больше, чем я помнил, и тяжелее, соски темнее и шире. Прохладный воздух пощипывал кожу. Я сорвал с

нее платье и прижал к себе. Мы соскользнули с бревна на теплый песок. Я обнимал ее все крепче, не переставая удивляться, с чего я взял, что она сильнее меня. Ее кожа была соленой на вкус.

Руки Сири помогли мне. Ее короткие волосы разметались по высветленному водой бревну, по белой ткани, по песку. Мой пульс заглушал грохот прибоя.

— Так ты понял меня, Мерри? — прошептала она после того, как ее пыл соединил нас.

— Да, — прошептал я в ответ. Но я ничего не понимал, как и прежде.

Майк направил ковер-самолет на запад, в сторону Порто-Ново. Мы летели в темноте более часа, и, спрятав лицо от ветра, я все время ждал, что ковер вот-вот свернется и мы оба свалимся в море. За полчаса до цели нашего полета мы увидели первые плавучие острова, которые шторм согнал с южных пастбищ. Бесконечная процессия островов с надутыми листьями-парусами неслась на север. Многие были ярко освещены и украшены цветными фонариками и мерцающими вуалями лучистой паутины.

— Мы правильно летим? — прокричал я.

— Да, — крикнул Майк, не поворачивая головы. Ветер трепал его длинные черные волосы. Время

от времени Майк сверялся с компасом и вносил небольшие изменения в курс. Наверное, было бы удобнее следовать за островами. Мы пролетели над одним из них — довольно крупным, с полкилометра в длину. Я напряженно вглядывался, стараясь рассмотреть детали, но островок был погружен в темноту, светилась лишь кильватерная струя. Темные тени скользили в молочных волнах. Я хлопнул Майка по плечу и указал на них.

— Дельфины! — завопил он. — Помнишь, как возникла эта колония? Кучка доброхотов во время Хиджры собиралась спасти всех млекопитающих в океанах Старой Земли. Не успели.

Я уже собирался задать следующий вопрос, но в этот миг впереди показались выдающийся в море мыс и гавань Порто-Ново.

Я считал, что звезды над Мауи-Обетованной сияют необыкновенно ярко. Я считал, что плавучие острова — незабываемое зрелище. Но тут я увидел Порто-Ново, раскинувшийся между гаванью и холмами, сверкающий, словно маяк в ночи. Его сияние напомнило мне увиденную однажды искусственную сверхновую, сотворенную дюзами факельщика, шедшего над ночной стороной разбухшего газового гиганта. Город представлял собой пятиярусный улей, белые здания которого

освещались изнутри мягким светом ламп, а снаружи — множеством факелов. Казалось, белая лава, из которой состоял остров, позаимствовала свое сияние от огней города. А за городом теснились палатки, павильоны, костры, очаги кухонь и огромные пылающие огненные столбы, слишком большие для практического применения, слишком большие, чтобы быть чем-то иным, кроме приветствия возвращающимся островам.

Гавань была переполнена судами — покачивающимися на якоре катамаранами, на мачтах которых позвякивали колокольчики, широкими плоскодонными барками, переползающими из порта в порт по тихим экваториальным отмелям, но в эту ночь гордо светящимися гирляндами огней. Иногда мелькала океанская яхта, обтекаемая и быстрая, как акула. Маяк, установленный на кончике рифа, ограждавшего бухту, бросал свои лучи далеко в море, освещая волны и подплывающие островки, а затем поворачивался, выхватывая из темноты живописное скопление судов в гавани и людей на берегу.

Еще за два километра мы услышали шум — звуки праздника. Сквозь радостные выкрики и монотонный рокот прибоя пробивалась мелодия сонаты Баха для флейты. Позже я узнал, что этот

приветственный хор передавался по гидрофонам в Проливы, где дельфины выпрыгивали из воды и плясали под музыку над волнами.

— Господи, Майк, как ты узнал, что здесь такое творится?

— Запросил главный корабельный компьютер. — Майк повернул ковер-самолет направо, оставляя в стороне корабли и маяк. Затем мы плавно повернули на север, к небольшой неосвещенной полоске земли. Внизу, на отмели, тихо плескались волны. — Такой праздник у них каждый год, — продолжал Майк, — но этот — в честь стопятидесятилетия колонии. Он идет уже три недели и согласно обычаю продлится еще две. На всей планете не наберется и ста тысяч жителей, но я готов держать пари: сейчас здесь не меньше половины.

Мы сбавили скорость, тщательно выбрали место для посадки и приземлились на скалистом уступе недалеко от пляжа. Шторм прошел южнее, но вспышки молний и далекие огоньки островов по-прежнему были видны на горизонте. В небе сияли звезды, которых мы не могли разглядеть над сверкающим Порто-Ново, скрывшимся сейчас за холмом. Воздух здесь был теплее, легкий бриз доносил запах листвы и цветов. Мы свер-

нули ковер-самолет и торопливо переоделись в костюмы арлекинов. Майк переправил в свои широкие карманы лазерное перо и украшения.

— Зачем тебе это? — спросил я, когда мы прятали под каменной глыбой рюкзаки и ковер.

— Зачем? — переспросил Майк, покачивая ожерельем с Возрождения. — Послужит валютой, когда будем договариваться об услугах.

— Об услугах? — удивился я.

— Ну да, — сказал Майк, — об услугах не скупых на ласку леди. Усталым корабельщикам так нужно отдохнуть в каком-нибудь укромном уголке, малыш.

— Ого, — только и мог вымолвить я, натягивая колпак и маску. Бубенчики позвякивали в темноте.

— Ну, пошли, — бросил Майк. — А то пропустим все на свете.

Я кивнул и пошел за ним следом. Бренча бубенчиками, мы пробирались между камнями и кустами к ожидавшим нас огням города.

Я сижу на солнышке и жду. Я не вполне понимаю, чего именно дожидаюсь, только чувствую, как согревают спину лучи утреннего солнца, отраженные камнями гробницы Сири.

Гробницы Сири?

В небе ни облачка. Я запрокидываю голову, словно надеюсь увидеть «Лос-Анджелес» и только что достроенную приемную решетку нуль-канала. Но их там нет. Я знаю, что они еще не взошли. Я знаю с точностью до секунды, сколько времени еще осталось, прежде чем они окажутся в зените. Знаю, но не хочу даже думать об этом.

«Сири, скажи мне, правильно ли я поступаю?»

Внезапно налетает сильный порыв ветра, и я слышу, как хлопают флажки на флагштоках. Я скорее чувствую, чем вижу беспокойство людей, ожидающих там, внизу. Впервые после посадки на планету для этого, нашего шестого Единения, я полон раскаяния. Нет, это не раскаяние, пока еще нет. Это приступ печали, острой, как зубная боль, — печали, которую скоро сменит ощущение глубокой безысходности. Годами я вел молчаливые беседы с Сири, обдумывая вопросы, которые задам ей при встрече, и вот внезапно с безжалостной, холодной очевидностью я осознаю, что никогда больше не суждено нам сидеть вместе и говорить. Какая пустота в душе!

«Неужели я должен допустить все это, Сири?»

Никакого ответа, кроме усиливающегося гомона толпы. Через несколько минут они пришлют сюда Донела, моего младшего, оставшегося в

живых сына, или его дочь Лиру с братом поторопить меня. Я отбрасываю изжеванный травяной стебель. Смутная тень возникает на горизонте. Возможно, это облако. Или первый из плавучих островов, гонимый инстинктом и весенними северными ветрами к огромному поясу экваториальных отмелей, откуда он когда-то ушел в плавание. Теперь это не важно.

«Сири, скажи мне, я прав?»

Ответа нет, а времени остается все меньше.

Невежество Сири порой буквально потрясало меня.

Она ничего не знала о моей жизни вне пределов Мауи-Обетованной. Конечно, она расспрашивала меня, но я нередко сомневался: нужны ли ей мои ответы? Долгими часами я рассказывал ей о виртуозной игре законов физики, позволившей нашим спин-звездолетам обгонять свет, но, кажется, она так ничего и не поняла. Однажды, после того как я подробнейшим образом объяснил ей различие между их древними «ковчегами» и «Лос-Анджелесом», Сири ошеломила меня вопросом: «Но почему же тогда нашим предкам понадобилось восемьдесят лет, чтобы достигнуть Мауи, а ты совершаешь это же путешествие за сто тридцать дней?» Из всего, что я ей

говорил, она не поняла ни слова.

Ее исторический кругозор, если его можно так назвать, был ничтожен. Гегемония и Великая Сеть так и остались для нее чем-то вроде волшебной страны из занятной, но чуточку глуповатой детской сказки. Это безразличие временами приводило меня в ярость.

Сири знала абсолютно все о первых днях Хиджры — по крайней мере все, касающееся Мауи-Обетованной и ее колонистов, — и иногда развлекала меня каким-нибудь анекдотом или прелестным архаизмом, но о реалиях нашего времени и слыхом не слыхивала. Такие слова, как Сад и Бродяги, Возрождение и Лузус, ничего для нее не значили. Я упоминал Салмада Брюи или генерала Горация Гленнон-Хайта, и это не вызывало у нее никакой реакции. Абсолютно никакой.

В последний раз я видел Сири, когда ей было семьдесят стандартных лет. Ей было *семьдесят,* но она никогда не путешествовала на другие планеты, не пользовалась мультилинией, не пробовала никаких алкогольных напитков, за исключением вина, не обращалась к психохирургу, не переступала порога портала, не подвергалась генокоррекции, не подключалась к фантопли-

катору, не посещала колледж, не проходила РНК-терапию, не слышала о дзенгностиках и церкви Шрайка и не летала ни на чем, кроме старенького «Виккена», которым пользовалась ее семья. Сири не знала других любовников, кроме меня. Во всяком случае она так говорила. И я верил этому.

То было наше первое Единение. Там, на Архипелаге, я впервые говорил с дельфинами.

Мы любовались рассветом. Верхние ветви дома-дерева — самое подходящее место, чтобы смотреть, как бледнеет небо на востоке, предвещая утро. Сначала порозовели завитки высоких перистых облаков, а затем, когда над горизонтом всплыло солнце, море превратилось в расплавленное золото.

— Пойдем поплаваем, — предложила Сири. Первые утренние лучи, омывавшие ее тело, бросили на доски платформы длинную тень.

— Я устал, — ответил я. — Попозже.

Ночью мы почти не сомкнули глаз — разговаривали, любили друг друга, вновь разговаривали, — и сейчас, когда вокруг все сверкало, я чувствовал себя разбитым и опустошенным. Стоило островку покачнуться на волне, как у меня все плыло перед глазами: пьяница с похмелья, да и только.

— Нет, сейчас. — Сири схватила меня за руку и потянула к воде. Я немного рассердился, но не стал спорить. Незадолго до этого Единения Сири исполнилось двадцать шесть — я был на семь лет моложе, но своей импульсивностью она напоминала мне ту, прежнюю Сири, которую всего лишь десять месяцев назад я увел с Фестиваля. Ее звучный, беззаботный смех остался тем же. Когда ей что-то не нравилось, ее зеленые глаза смотрели так же гневно. Не изменилась и грива золотисто-каштановых волос. Но тело ее налилось спелостью и манило обещаниями, которые прежде были лишь туманным намеком. Ее грудь по-прежнему оставалась высокой и округлой — почти девичья грудь, обрамленная сверху веснушками, оттенявшими прозрачную белизну кожи, сквозь которую проступали голубые ниточки вен. Но выглядела она по-другому. Сама Сири стала другой.

— Ты что, так и будешь сидеть и глазеть? — Рассмеявшись, Сири сбросила длинный восточный халат и побежала на нижнюю палубу. Наш кораблик покачивался у причала. Деревья-мачты над нашими головами раскидывали ветви навстречу утреннему бризу. Все эти дни Сири никак не желала расстаться со своим купальником. Сейчас на

ней ничего не было. В утренней прохладе соски поднялись и затвердели.

— А мы не отстанем? — спросил я, искоса поглядывая на колышущиеся листья-паруса. Все предыдущие дни мы дожидались полуденного штиля, когда островок застывал среди моря, блестящего и гладкого, как зеркало. Сейчас же плотные листья развернулись во всю ширину, и снасти-лианы уже начали кое-где подрагивать.

— Глупости, — сказала Сири. — Мы всегда сможем ухватиться за килевой корень и приплыть обратно. Или за питающий отросток. Пошли.

Она бросила мне осмотическую маску и надела свою. Прозрачная пленка облепила ее лицо, будто слой масла. Из кармана халата она вынула массивный медальон и надела на шею. На ее нежной коже металл казался темным и зловещим.

— Что это? — спросил я.

Сири не стала снимать маску. Закрепив на шее ларинги, она протянула мне наушники.

— Акустический преобразователь. — В ее голосе появились металлические нотки. — Я-то думала, ты знаешь все о технических новинках, Мерри. Наша последняя модель.

Придерживая медальон рукой, она прыгнула в море. Мелькнули бледные ягодицы, и Сири скры-

лась под водой. Еще несколько секунд я видел ее тело, а потом оно превратилось в расплывчатый белый силуэт, исчезающий в глубине. Я натянул маску, поплотнее закрепил диски ларингофона и тоже шагнул в море.

Дно островка казалось темным пятном в хрустальном океане света. Я избегал толстых питающих отростков, хотя Сири не раз демонстрировала, что они не захватят ничего крупнее микроскопических частиц зоопланктона, который мерцал в солнечных лучах, словно пылинки, кружащиеся в опустевшем бальном зале. Килевые корни, похожие на усеянные наростами сталактиты, уходили на сотни метров в пурпурные глубины.

Остров двигался. Вытянувшиеся во всю длину питающие отростки мелко подрагивали. Метрах в десяти надо мной сверкала кильватерная струя. Забывшись, я попытался вдохнуть гель маски (с тем же успехом можно дышать морской водой) и закашлялся; потом мне все-таки удалось расслабиться, и воздух вновь пошел в мои легкие.

— Сюда, Мерри, — донесся до меня голос Сири. Я поморгал — медленно, чтобы маска лучше прилегала к векам, — и метрах в двадцати под собой увидел Сири: держась за килевой корень,

она безо всяких усилий парила над холодными глубинами, в которые не проникал солнечный свет. Я представил себе тысячи метров воды подо мною и скрывающиеся там создания, неведомых чудовищ, о которых и не подозревают колонисты, никогда не видевшие их в глаза. Я представил себе вечную тьму пучины, и у меня похолодело в животе.

— Погружаемся глубже. — Голос Сири напоминал комариный писк.

Я перевернулся и заработал ногами. Сопротивление воды на Мауи поменьше, чем в морях Старой Земли, но погружаться на большую глубину и здесь было нелегко. Маска компенсировала давление и регулировала содержание азота в дыхательной смеси, но я чувствовал, как вода все сильнее сжимает тело и давит на барабанные перепонки. В конце концов я ухватился за килевой корень и, перебирая руками, опустился к Сири.

Нас окутали сумерки. Сири казалась здесь странно бесплотной, длинные волосы окружали ее голову пурпурным ореолом, незагорелое тело бледно мерцало в сине-зеленом свете. Поверхность океана казалась отсюда бесконечно далекой. Расширяющаяся кильватерная струя и замелькавшие вокруг нас десятки питающих

отростков свидетельствовали о том, что островок начал перемещаться быстрее, бездумно устремившись к новым пастбищам, в далекие моря.

— А где же… — начал было я.

— Ш-ш-ш, — остановила меня Сири. Она поиграла медальоном. И тут я услышал их: визг, трели, свист, кошачье мурлыканье и отдаленные вскрики. Морские глубины внезапно наполнились странной музыкой.

— Господи, — пробормотал я, и так как Сири переключила ларингофоны на акустический преобразователь, произнесенное мною слово превратилось в бессмысленный свист и гудки.

— Привет! — Преобразованное в ультразвуковой импульс слово вылетело из передатчика и понеслось сквозь толщу воды.

— Привет! — позвала Сири снова.

Прошло несколько минут, и к нам начали подплывать любопытные дельфины. Они кружили вокруг нас, ошеломляюще, пугающе большие, казавшиеся в полумраке удивительно гладкими и мускулистыми. Один из них, настоящий великан, проплыл всего в метре от нас; в последний миг он повернулся к нам брюхом — выглядело это так, словно перед нами встала белая стена. Я успел заметить его внимательный темный глаз, потом

мелькнул широкий хвостовой плавник и меня закрутило волчком — наглядная демонстрация всей мощи этого морского жителя.

— Привет! — опять крикнула Сири, но стремительный силуэт растаял вдали и наступила тишина. Сири выключила преобразователь.

— Хочешь поговорить с ними? — спросила она.

— Еще бы!

Меня не оставляли сомнения. Более чем трехсотлетние попытки наладить диалог между человеком и морскими млекопитающими не привели к успеху. Майк как-то говорил мне, что мыслительные структуры двух осиротевших групп обитателей Старой Земли слишком уж различны, и точек соприкосновения между ними почти не осталось. Один зоолог еще до Хиджры писал, что беседа с дельфином или морской черепахой сулит не больше успеха, чем попытка поговорить с годовалым ребенком. Общение, как правило, нравится обеим сторонам, между ними часто возникает подобие разговора, но до настоящего понимания очень далеко. Сири вновь включила преобразователь.

— Привет, — сказал я.

Минута тишины, а затем в ушах у меня зазвенело от пулеметной очереди слов, на которые море

откликалось пронзительными завываниями.

дистанция/без плавника/сигнал-привет?/импульс/окружают меня/забавно?

— Что за чертовщина? — спросил я Сири, и диск тут же преобразовал мой вопрос в пронзительную трель. Сири улыбалась под маской.

Я попытался снова:

— Привет! Мы с… э-э… с поверхности. Как вы себя чувствуете?

Большой самец… полагаю, это был самец… ринулся к нам, как торпеда. Изгибаясь дугой, а затем распрямляясь, он двигался сквозь воду в десять раз быстрее, чем плыл бы я, даже если бы не забыл натянуть ласты. На секунду я подумал, что он решил протаранить нас, и, подтянув к животу колени, что есть сил вцепился в килевой корень. Но он обогнул нас и устремился вверх глотнуть воздуха, а мы с Сири вылетели как пробки из оставленного им водоворота, оглушенные его пронзительными криками.

нет плавника/нет еды/нет плавания/нет игры/нет забав

Сири выключила преобразователь и, подплыв поближе, обняла меня за плечи. Чтобы удержаться на месте, я схватился за корень. Наши ноги соприкоснулись. Стайка маленьких алых рыбок

метнулась во все стороны, но темные силуэты дельфинов по-прежнему кружили вдали.

— Хватит? — спросила Сири, и ее ладонь легла мне на грудь.

— Еще разок, — попросил я. Сири кивнула и включила диск-преобразователь. Течение вновь толкнуло нас друг к другу, и ее руки опять обвили мою шею.

— Почему вы пасете острова? — спросил я у фигур с бутылочными носами, круживших в пронизанной отблесками света воде. — Зачем вам они нужны?

сейчас звуки/старые песни/глубокая вода/нет Больших Голосов/нет Акулы/старые песни/новые песни

Сири прильнула ко мне и обняла еще крепче.

— Большие Голоса — это киты, — шепнула она. Ее распущенные волосы колыхались, словно вымпел. Потом ее правая рука скользнула вниз и замерла, словно удивившись тому, что обнаружила.

— Вы тоскуете по Большим Голосам? — спросил я. Ответа не последовало. Сири обвила ногами мои бедра. Поверхность моря с сорокаметровой глубины напоминала чашу пенного напитка.

— О чем из того, что было в океанах Старой

Земли, вы больше всего тоскуете? — спросил я.

Обнимая Сири левой рукой, я провел правой по ее спине и крепко сжал упругие ягодицы. Должно быть, мы представлялись дельфинам единым существом. Сири приподнялась, и мы стали единым существом.

Диск преобразователя болтался у нее за плечом. Я протянул руку, чтобы выключить его, но неожиданно нам в уши ударил ответ на мой вопрос.

нет Акулы/нет Акулы/тоскуем/Акула/Акула/Акулы

Выключив диск, я недоуменно покачал головой. Я не понимал. Слишком многого я тогда не понимал. Я закрыл глаза и стал двигаться вместе с Сири, покоряясь ритму течения и нашему с ней ритму, а дельфины плавали вокруг нас, и их нестройные крики сливались в древний, как они сами, поминальный плач.

На рассвете мы спустились с холмов и снова окунулись в суматоху Фестиваля. Всю ночь и весь день мы бродили по холмам, ели вместе с незнакомцами в шатрах из оранжевого шелка, купались в ледяных водах Шри и танцевали под музыку, которая играла не умолкая для бесконечной процессии проплывавших мимо островков. Я проснулся на закате и обнаружил, что Сири

куда-то ушла. Но она вернулась еще до восхода местной луны. Ее родители вместе с друзьями отправились на несколько дней прогуляться на тихоходной барке, оставив семейный скиммер в Порто-Ново. И мы двинулись к центру города, переходя от костра к костру, от одной группы танцующих к другой. Мы собирались вылететь на этом скиммере в семейную усадьбу Сири неподалеку от Фиварона.

Стояла глубокая ночь, но на главной площади Порто-Ново гулянье шло вовсю. Я был очень счастлив. Мне было девятнадцать лет, я был влюблен, и сила тяжести, всего лишь на семь сотых меньше стандартной, казалась мне ерундой. Я бы мог, наверное, взлететь, если бы захотел. Я мог все.

Мы остановились у киоска и купили сдобного печенья и по чашке кофе. И тут мне в голову пришла неожиданная мысль.

— А как ты узнала, что я корабельщик?

— Потише, Мерри, потише. Вкушай пока этот убогий завтрак. Завтра, когда доберемся до виллы, позавтракаем по-настоящему.

— Нет, я серьезно, — сказал я, вытирая жирный подбородок рукавом уже утратившего чистоту костюма арлекина. — Сегодня утром ты сказала,

что сразу поняла в тот вечер, откуда я. Как же ты узнала? По акценту? По костюму? Мы с Майком видели здесь и других парней, одетых точь-в-точь как мы.

Сири засмеялась и откинула со лба волосы.

— Радуйся, что именно я разоблачила тебя, Мерри, любовь моя. Если бы это был мой дядя Грешем, или его друзья, тебе бы не поздоровилось.

— Да? Но почему? — Я взял еще одно песочное кольцо, Сири за него заплатила, и мы двинулись сквозь редеющую толпу. Несмотря на царящее вокруг веселье, мною начала овладевать усталость.

— Они сепаратисты, — объяснила Сири. — Дядя Грешем недавно произнес перед Советом речь, в которой утверждал, что нам лучше погибнуть, чем допустить, чтобы ваша Гегемония нас слопала. Он заявил, что мы должны разрушить ваш портал прежде, чем он разрушит нас.

— Вот как? — хмыкнул я. — А твой дядя не говорил, как он собирается это сделать? Я слышал, у вас нет даже обычного межпланетного флота.

— Нет, и еще лет пятьдесят не будет, — подтвердила Сири. — Это только лишний раз доказывает, как глупы наши сепаратисты.

Я кивнул. Капитан Сингх и советник Холмин уже рассказывали нам о партии так называемых

сепаратистов на Мауи-Обетованной.

— Обыкновенная коалиция колониальных ура-патриотов и почвенников, — пояснил Сингх. — Из-за их активности мы медлим со строительством портала и стараемся поднять торговый потенциал этой колонии. Нам вовсе ни к чему, чтобы эти иеху вошли в Великую Сеть раньше времени. Враждебность подобных групп — еще одна причина, чтобы команда и строители держались подальше от местных.

— Где же твой скиммер? — спросил я.

Площадь быстро пустела. Музыканты собирали свои инструменты. На траве и булыжной мостовой, среди куч мусора и незажженных фонарей, храпели разряженные гуляки. Осталось всего два-три оазиса веселья — там еще кружились в танце под звуки одинокой гитары или пели нестройными голосами. Майка Ошо я увидел сразу — дурень в маскарадном костюме без маски, на котором повисли две девушки. Он пытался разучить «Хава Нагилла» с кружком восторженных, но неискусных поклонников. То и дело кто-нибудь из них спотыкался, и вся компания валилась на землю. Под общий хохот Майк тычками поднимал их на ноги, и они начинали снова, неуклюже подпрыгивая в такт его раскатистому басу.

— Вот он, — сказала Сири, показывая на короткую шеренгу скиммеров, выстроившихся позади Городского Собрания.

Я помахал Майку, но он не заметил меня, занятый своими дамами. Сири и я уже пересекли площадь и оказались в тени старинного здания, когда раздался крик:

— Эй, корабельщик! А ну повернись ко мне, отродье Гегемонии!

Я застыл, потом обернулся, сжав кулаки, но никого рядом не увидел. Шестеро молодых людей, только что спустившихся с трибуны, обступили полукругом Майка. Впереди стоял высокий юноша, стройный и поразительно красивый. Ему было лет двадцать пять. Длинные светлые кудри, рассыпавшиеся по алому шелку рубашки, подчеркивали редкостную красоту его лица. В правой руке он сжимал короткий меч, как мне показалось, из закаленной стали.

Майк, стоявший к ним спиной, медленно обернулся. Даже я разглядел, какими грустными стали его глаза, когда он оценил ситуацию. Девушки, которых он обнимал, и их спутники захихикали, будто высокий красавец сказал что-то смешное.

— Вы ко мне, сэр? — спросил он, дурашливо улыбнувшись.

— К тебе, к тебе, ублюдок, — процедил главарь сквозь зубы. Его красивое лицо искривилось в презрительной гримасе.

— Бертол, — прошептала Сири. — Мой двоюродный брат. Младший сын дяди Грешема.

Я кивнул и вышел из тени. Сири схватила меня за руку.

— Уже дважды, сэр, вы оскорбительно отозвались о моей матери, — прогнусавил Майк. — Моя мать или я оскорбили вас когда-то? Если да, то тысяча извинений. — Майк отвесил такой глубокий поклон, что бубенцы на его колпаке коснулись земли. Его пьяные поклонники зааплодировали.

— Меня оскорбляет твое присутствие, скотина. Своей жирной тушей ты провонял весь воздух.

Майк вскинул брови. Стоявший рядом с ним молодой человек в костюме рыбы замахал рукой:

— Да, успокойся ты, Бертол. Он ведь просто…

— Заткнись, Ферик. Я говорю с этим жирным говнюком.

— Говнюком? — повторил Майк, все с той же удивленной гримасой. — Я пролетел двести световых лет, чтобы меня назвали говнюком? Едва ли стоило трудиться.

Он не без изящества повернулся, освобождаясь от висевших на нем женщин. Я бы, конечно, уже

стоял с ним рядом, однако Сири, крепко вцепившись в мою руку, беззвучным шепотом умоляла меня не шевелиться. Когда наконец я вырвался, то увидел, что Майк все еще улыбается. Но его левая рука уже нырнула в карман мешковатого костюма.

— Дай ему свой клинок, Крег, — коротко распорядился Бертол. Один из молодых людей бросил Майку меч, который, описав дугу, со звоном упал на булыжник. Майк спокойно проводил его взглядом.

— Это несерьезно, — сказал он мягким и неожиданно трезвым голосом. — У тебя что в башке — мозги или коровье дерьмо? Неужели ты действительно думаешь, что я буду тут разыгрывать дуэль только потому, что тебе приспичило изобразить перед этой деревенщиной героя?

— Подними меч, — заорал Бертол, — или, Богом клянусь, я зарублю тебя на месте. — С искаженным яростью лицом он шагнул вперед.

— Пошел вон, — жестко сказал Майк. В его левой руке появилось лазерное перо.

— Не надо! — крикнул я и выбежал на свет. Такими перьями пользовались монтажники, чтобы делать пометки на конструкциях из упрочненных сплавов.

Все произошло очень быстро. Бертол сделал еще один шаг, и Майк небрежно провел по его телу зеленым лучом лазера. Юноша вскрикнул и отпрыгнул; черная дымящаяся черта по диагонали пересекла его шелковую рубашку. Я не знал, что делать. Майк установил самый низкий уровень мощности. Двое приятелей Бертола бросились к Майку, но он провел лучом по их ногам. Один с проклятием упал на колени, другой, охая от боли, отскочил.

Тем временем вокруг собралась толпа. Зеваки захохотали, когда, сдернув свой дурацкий колпак, Майк поклонился вторично.

— Благодарю вас, — сказал он. — И моя матушка тоже.

Кузен Сири окаменел от гнева. На его губах и подбородке белела пена. Я протолкнулся сквозь толпу и встал между ним и Майком.

— Эй, послушайте, все нормально, — сказал я. — Мы покидаем вас. Мы сейчас же уходим.

— Пошел к черту, Мерри, не мешай, — крикнул Майк.

— Все нормально, Майк, — бросил я ему. — Я здесь с девушкой по имени Сири, у которой есть…

Бертол оттолкнул меня и сделал выпад мечом.

Я схватил его за плечо и швырнул на траву.

— Ах ты, скотина! — Майк отступил назад. Он выглядел ужасно усталым и недовольным. — У-у, дьявол, — тихо сказал он, садясь на каменную ступеньку. С левой стороны на черном лоскуте пестрого костюма арлекина проступила алая черточка. Узкий разрез прямо на глазах набух кровью, а затем она потекла вниз, на широкий живот Майка Ошо.

— Господи, Майк! — Я оторвал полоску от своей рубашки и попытался остановить кровь. Готовясь к полету, мы проходили курс неотложной помощи, но я не помнил ровным счетом ничего. Я потянулся к запястью, но комлога на месте не было: наши комлоги остались на «Лос-Анджелесе».

— Ты только не волнуйся, Майк. — Я задыхался от волнения. — Там всего лишь царапина. — Кровь текла теперь и по моей руке.

— Этого достаточно. — Голос Майка вздрагивал от боли. — Черт бы его взял! Меч этот сраный. Нет, Мерри, ты только представь! Вот так проткнуть человека во цвете лет паршивым бутафорским мечом из одногрошовой оперы. О черт, как больно!

— Трехгрошовой, — машинально поправил я. Тряпка пропиталась кровью.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Мерри? Ты всегда цепляешься за свои вшивые два цента. О-о-о… — Лицо Майка побелело, потом стало серым. Он уткнулся подбородком в грудь и глубоко вздохнул: — К черту все. Пора домой, малыш.

Я оглянулся. Бертол не торопясь уходил вместе со своими дружками. Остальные в ужасе толпились возле нас.

— Врача! — крикнул я. — Вызовите сюда любую медицинскую помощь!

Двое мужчин побежали по улице. И ни малейших признаков Сири.

— Постойте! Постойте! — заговорил вдруг Майк окрепшим голосом, словно торопился сказать что-то очень важное. — Всего минутку, — сказал он и умер.

Умер. По-настоящему. Смерть мозга. Челюсть у него отвалилась, глаза закатились, так что видны были только белки, а через минуту перестала кровоточить и рана.

В течение нескольких безумных секунд я осыпал небеса ругательствами. Надо мной сквозь бледнеющие звездные поля проплывал наш «Лос-Анджелес», и я знал, что мог бы вернуть Майка к жизни, если бы мне удалось доставить его на корабль. Толпа отхлынула, когда я начал

проклинать звезды.

Но вот я повернулся к Бертолу.

— Эй ты!

Юнцы остановились на дальнем конце площади. Лицо Бертола стало пепельным. Он смотрел на меня и не мог произнести ни звука.

— Ты! — снова крикнул я. Я поднял с земли лазерное перо, поставил переключатель на полную мощность и пошел туда, где меня ждали Бертол и его приятели.

Немного позже, сквозь их вопли и вонь паленого мяса, я смутно осознал, что на переполненную площадь, поднимая тучи пыли, садится скиммер Сири, и услышал ее голос, приказывающий мне немедленно подойти. Мы поднялись над площадью, ее безумием, ее огнями. Холодный ветер развевал мои мокрые от пота волосы.

— Мы летим в Фиварон, — говорила мне Сири. — Бертол был пьян. Сепаратисты — жалкая кучка экстремистов. Наказывать тебя никто не будет. Пока Совет ведет расследование, ты погостишь у нас.

— Нет, — ответил я. — Я выйду здесь. Приземляйся. — Я указал на полоску земли невдалеке от города.

Невзирая на все ее протесты, Сири пришлось

посадить скиммер. Я взглянул на каменную глыбу и, убедившись, что рюкзак на месте, открыл дверцу. Сири скользнула по сиденью в мою сторону и прижалась ко мне.

— Мерри, любовь моя. — Ее губы были теплы и открыты, но я ничего не чувствовал. Тело словно одеревенело.

Я вышел и помахал ей на прощание. Она откинула назад волосы и посмотрела на меня зелеными, полными слез глазами. Затем скиммер поднялся, развернулся и в предрассветных сумерках полетел на юг.

«Погоди минутку!» Сам не знаю, произнес я это вслух или только подумал. Я сел на камень, обхватил руками колени, и из груди у меня вырвались сдавленные рыдания. Потом я встал и швырнул лазерное перо в волны прибоя. Вытащив из-под глыбы рюкзак, я высыпал его содержимое на землю.

Ковер-самолет исчез.

Я снова сел, не в силах ни смеяться, ни плакать, ни просто двигаться. Я сидел, глядя, как встает солнце. Я все еще сидел там, когда через три часа невдалеке от меня бесшумно опустился большой черный скиммер корабельной службы безопасности.

— Отец! Отец, пора!

Я поворачиваюсь к своему сыну Донелу. На нем синий с золотом мундир члена Совета Гегемонии. Его лысина покраснела и покрыта крупными каплями пота. Донелу всего сорок три года, но мне кажется, он гораздо старше.

— Прошу тебя, отец, — говорит он. Я киваю и поднимаюсь, стряхивая со штанин траву и песок. Ко входу в гробницу мы подходим вдвоем. Толпа подступает ближе. Гравий скрипит под ногами людей, которые беспокойно топчутся на месте.

— Я войду с тобой, отец? — спрашивает Донел.

Я смотрю на этого стареющего незнакомца, моего сына. В нем мало что напоминает меня или Сири. Сегодняшние хлопоты омрачили его румяное, добродушное лицо. В нем есть открытость и честность, которые нередко заменяют людям ум, но я невольно сравниваю этого лысеющего вечного мальчика с Алоном — темнокудрым, молчаливым Алоном с его ироничной улыбкой. Но Алон погиб тридцать три года назад в глупейшей стычке, не имевшей к нему никакого отношения.

— Нет, — отвечаю я. — Я войду один. Спасибо, Донел.

Он кивает и отступает назад. Над головами

напряженно застывших людей хлопают флажки. Я переключаю свое внимание на гробницу. Дверь закрыта на папиллярный замок. К нему нужно только прикоснуться.

Вот уже несколько минут меня занимает одна фантазия. Наверное, я пытаюсь отвлечься от снедающей меня печали и мыслей о том, что произойдет в ближайшие часы. Сири не умерла. Когда ей стало хуже, она созвала врачей и всех оставшихся в колонии техников, и они переделали для нее одну из древних гибернационных камер, использовавшихся на «ковчегах», которые два столетия назад доставили сюда первых колонистов. Сири только спит. Мало того, этот сон каким-то образом вернул ей молодость. Когда я разбужу ее, она станет такой, какой была при первой нашей встрече. Мы вместе выйдем на солнечный свет и, когда откроются двери портала, первыми переступим его порог.

— Отец?

— Да-да. — Я делаю еще один шаг и кладу руку на дверь склепа. Раздается гудение электромоторов, плита белого камня легко отходит в сторону. Я склоняю голову и вхожу в гробницу Сири.

— Черт возьми, Мерри, закрепи эту снасть, пока она не сбросила тебя за борт. Поторапливайся!

Я тороплюсь. Намокший канат трудно сложить в бухту, а вязать узлы еще труднее. Сири недовольно покачивает головой, потом наклоняется и одной рукой завязывает его беседочным узлом.

Наше пятое Единение. Я на три месяца опоздал на ее день рождения и поэтому не был среди пяти тысяч гостей, съехавшихся на торжество. Сам Секретарь Сената пожелал ей всех благ в сорокаминутной речи. Поэт прочел свои последние сонеты из цикла любовной лирики. Посол Гегемонии вручил ей адрес и новый корабль — маленькую подводную лодку на термоядерных батареях, впервые разрешенных к применению на Мауи-Обетованной.

До этого флот Сири насчитывал восемнадцать единиц. Двенадцать быстроходных катамаранов, осуществлявших торговые перевозки между блуждающим Архипелагом и неподвижными островами, две прекрасные гоночные яхты, которыми пользовались только дважды в год, чтобы выиграть «Регату Основателей» и Гранпри Обетованной, и четыре древних рыболовных судна, или попросту шаланды, неказистых, хотя и поддерживаемых в хорошем состоянии.

Из этих девятнадцати кораблей мы выбрали рыболовную посудину под названием «Джинни

Пол». Восемь дней мы ловили рыбу на шельфе Экваториальных Отмелей. Нас было только двое: мы забрасывали и вытягивали сети, пробирались по палубе, утопая по колено в вонючей рыбе и хрустя трилобитами, хватались за что попало, когда суденышко кренилось на волне, вновь забрасывали и вытягивали сети, стояли на вахте и засыпали, как набегавшиеся дети в короткие минуты отдыха. Мне еще не исполнилось двадцати трех лет. Я считал, что привык к тяжелой работе на борту «Лос-Анджелеса», где каждую вторую вахту отводил по часу для физических упражнений на площадке с повышенной на треть гравитацией. Но сейчас у меня болели от усталости и руки, и спина, а ладони покрылись волдырями и мозолями. Сири пошел уже восьмой десяток.

— Мерри, ступай на нос, возьми риф на фоке. И подтяни кливер. Потом приготовишь бутерброды. Побольше горчицы.

Я кивнул и пошел на нос. Мы уже полтора дня играли в прятки со штормом: убегали от него, когда могли, а если убежать не удавалось, разворачивались и принимали на себя его удар. Поначалу эта игра доставляла нам удовольствие — какое-то время мы были избавлены от нескон-

чаемой возни с сетями и починки парусов. Но через несколько часов, когда уровень адреналина в крови приходил в норму, изнурительная морская болезнь превращала отдых в пытку. Море никак не успокаивалось. Высота волн достигала шести метров. «Джинни Пол» переваливалась с боку на бок, как дородная матрона, каковой, впрочем, и являлась. Все вокруг отсырело. Даже мой трехслойный дождевик промок насквозь. Для Сири же все это было долгожданным отпуском.

— Это еще ничего, — говорила она в самые темные часы ночи, когда волны перекатывались через палубу и разбивались о пластиковое ограждение рубки. — Ты бы посмотрел, что здесь творится в сезон самумов.

Низкие тучи вдали сливались с серыми волнами, однако море, кажется, успокаивалось. Я щедро намазал горчицей бутерброды с ростбифом и налил дымящийся кофе в широкие белые кружки. Было бы легче нести кофе в полной невесомости, чем спускаться с ним сейчас по раскачивающемуся трапу. Сири приняла свою наполовину пустую чашку без комментариев. Какое-то время мы сидели молча, наслаждаясь едой и обжигающим язык напитком. Потом я встал за штурвал, а Сири отправилась за новой порцией кофе. Серый день

незаметно превращался в ночь.

— Мерри, — сказала она, протянув мне кружку и присев на откидную мягкую скамейку. — Что будет с нашим миром после открытия порталов?

Вопрос меня удивил. До этого мы почти не говорили о том времени, когда Мауи-Обетованная присоединится к Гегемонии. Я взглянул на Сири и был поражен, какой старой она мне вдруг показалась. Мозаика морщин и теней покрыла лицо. Прекрасные зеленые глаза утонули в темных колодцах глазниц, острые скулы, как лезвия, натянули хрупкий пергамент кожи. Свои седые волосы она стригла теперь коротко, и мокрые прядки торчали во все стороны. Бесформенный свитер не мог скрыть высохшую шею и запястья, состоявшие, казалось, из одних сухожилий.

— О чем ты? — спросил я.

— Что будет с нашим миром после открытия порталов?

— Ты же сама знаешь, Сири, что говорит по этому поводу Совет. — Я почти кричал, потому что она стала туговата на одно ухо. — Нуль-Т положит начало новой эре в торговле и развитии технологии на вашей планете. И вы не будете больше ограничены рамками своего мирка. Как только вы получите статус граждан, каждому

будет позволено входить в двери порталов.

— Да, конечно, — устало ответила Сири. — Я слышала об этом. Но что произойдет с нашим миром? Кто появится здесь первым?

Я пожал плечами.

— Наверное, дипломаты. Ну а потом… Специалисты по культурным контактам. Антропологи. Этнологи. Морские биологи.

— А за ними?

Я ответил не сразу. Уже стемнело. Море почти успокоилось. На мачтах горели красные и зеленые ходовые огни. Меня охватило беспокойство, — как два дня назад, когда на горизонте показалась стена шторма.

— За ними прибудут миссионеры, — продолжил я. — Геологи-нефтяники. Морские фермеры. Застройщики.

Сири отпила глоток кофе.

— Я думала, твоя Гегемония давно миновала этап нефтяной экономики.

Я рассмеялся, закрепляя колесо штурвала:

— Никто не может его миновать. По крайней мере, пока есть нефть. Мы ее не сжигаем, ты, наверное, это имела в виду. Нефть нужна для производства пластмассы, синтетиков, пищевой основы и кероидов. Двум сотням миллиардов

людей нужно много пластмассы.

— И на Мауи-Обетованной есть нефть?

— О да, — ответил я. Теперь мне было не до смеха. — Миллиарды баррелей в одном только месторождении под Экваториальными Отмелями.

— Как они будут ее добывать, Мерри? С платформ?

— Да. С платформ. Ну и подводные установки. Подводные колонии с генетически модифицированными рабочими с Безбрежного Моря.

— А что станет с плавучими островками? — спросила Сири. — Они же каждый год должны возвращаться на отмели, чтобы размножаться и отращивать новые лозы водяного винограда. Что будет с ними?

Я снова пожал плечами. От кофе горчило во рту.

— Не знаю, — ответил я. — Команду в такие вещи не посвящают. Но после нашего первого рейса Майк слышал, что они планируют застроить как можно больше островков, хотя некоторые, конечно, останутся неприкосновенными.

— Застроить? — В голосе Сири впервые послышалось удивление. — Разве это можно? Даже Первые Семьи должны просить разрешение у

Морского Народа, чтобы соорудить дом-дерево.

Я улыбнулся, услышав местное название дельфинов. Обитатели Мауи — сущие дети, когда речь заходит об их проклятых дельфинах.

— Все уже подсчитано, — продолжил я. — 128573 островка достаточно велики для того, чтобы разместить на них постройки. Лицензии на эти острова давно проданы. А островки меньших размеров, наверное, разгонят на все четыре стороны. Неподвижные острова будут использоваться в развлекательных целях.

— В развлекательных целях, — как эхо, повторила Сири. — И сколько же граждан Гегемонии воспользуются нуль-Т, чтобы побывать здесь… в развлекательных целях?

— На первых порах? — уточнил я. — В первый год всего несколько тысяч. Пока портал на острове 241 — на Фактории — остается единственным, число посетителей будет ограничено. Вероятно, тысяч пятьдесят на второй год, когда построят портал в Порто-Ново. Это будет роскошная экскурсия. Когда колонию первой волны включают в Сеть, от туристов нет отбоя.

— А потом?

— После пяти лет испытательного срока? Построят еще тысячи порталов. Я думаю, уже за

первый год в статусе полноправного члена Гегемонии на планете появится двадцать — тридцать миллионов новых жителей.

— Двадцать — тридцать миллионов, — повторила Сири. Мерцающая картушка компаса бросала отсветы на ее изрезанное морщинами лицо. Все еще красивое. Вопреки тому, что я ожидал, на нем не было ни удивления, ни гнева.

— Но вы ведь сами станете гражданами, — сказал я. — Полная свобода перемещения по всей Великой Сети. Можно будет отправиться на любой из шестнадцати миров. К тому времени, возможно, и больше.

— Возможно. — Сири отставила пустую кружку. Мелкий дождик растекался струйками по стеклам рубки. Экран простенького радара в рамке ручной работы показывал, что море вокруг нас пустынно, шторм кончился.

— Это правда, Мерри, что у вас в Гегемонии живут в домах, находящихся одновременно на десятке планет? То есть дом один, а его окна выходят на десяток разных небес?

— Конечно, — сказал я. — Но далеко не все. Мультимировые резиденции могут позволить себе только богатые люди.

Сири улыбнулась и положила мне на колено

руку. Тыльная сторона ладони была в темных пятнышках и голубых прожилках вен.

— Ты ведь очень богат, не так ли, корабельщик?

Я отвернулся:

— Еще нет.

— Еще нет, но скоро, Мерри, скоро. Сколько времени это займет у тебя, любимый? Меньше двух недель здесь, затем обратный путь в Гегемонию. Еще пять твоих месяцев, чтобы привезти сюда последние детали конструкции, несколько недель для завершения работ, а потом — всего один шаг, и ты уже дома. Богатый. Перешагнешь двести световых лет пустоты. Странная мысль… но где же была я? То есть сколько времени пройдет? Меньше стандартного года.

— Десять месяцев, — сказал я, — триста шесть стандартных дней. Триста четырнадцать ваших. Девятьсот восемнадцать смен.

— И тогда твое изгнание окончится.

— Да.

— И тебе будет двадцать четыре года, и ты будешь очень богат.

— Да.

— Я устала, Мерри. Пойду спать.

Мы запрограммировали румпель, включили

сигнализацию и спустились вниз. Ветер снова усилился, и наше суденышко заскакало по волнам. Мы разделись в тусклом свете качающейся лампы. Я тут же юркнул под одеяло. До этого мы спали всегда по очереди. Я помнил наше прошлое Единение, ее смущение на вилле, и ожидал, что она погасит свет. Но Сири разделась как ни в чем не бывало и почти минуту простояла передо мной, спокойно опустив руки и лишь слегка ежась от холода.

Время заявило свои права на Сири, но не обезобразило ее. Она похудела, и неумолимая сила тяжести оставила свой отпечаток на ее теле. Я смотрел на проступившие сквозь кожу ребра и ключицы и вспоминал шестнадцатилетнюю девушку с ямочками на щеках и теплой бархатистой кожей. В холодном свете качающейся лампы я смотрел на ее дряблую плоть и вспоминал ту лунную ночь и белеющую в темноте девичью грудь. Я смотрел и гнал от себя мысль, что та девочка стоит сейчас передо мной.

— Подвинься, Мерри.

Сири скользнула под одеяло. Простыни были просто ледяные. Я выключил свет. Наше суденышко покачивалось на волнах в такт мерному дыханию моря. Уютно поскрипывали снасти и

мачты. Утром мы будем снова забрасывать сети и чинить паруса, но сейчас — время сна. Под шум волн, разбивающихся о борт, я начат засыпать.

— Мерри?

— Да?

— Что будет, если сепаратисты нападут на туристов из Гегемонии или на переселенцев?

— Но ведь их, по-моему, выселили на плавучие острова?

— Выселили. Но что, если они восстанут?

— Гегемония пришлет сюда отряд ВКС, и он вышибет дурь из ваших сепаратистов.

— А если они атакуют портал… помешают его достроить?

— Это невозможно.

— Да, я знаю, но все-таки, что тогда?

— Тогда через девять месяцев «Лос-Анджелес» вернется с войсками Гегемонии, которые вышибут дурь из сепаратистов… из всех обитателей Мауи-Обетованной, кто встанет на их пути.

— Девять месяцев по корабельному времени, — поправила меня Сири. — Здесь пройдет одиннадцать лет.

— Так или иначе, они сюда прибудут, — сказал я. — Давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Хорошо, — отозвалась Сири, но больше ниче-

го не сказала. Я вслушивался в скрипы и вздохи корабля. Сири прикорнула у меня на плече, и дыхание ее было таким глубоким и ровным, что я подумал: она спит. Я уже засыпал, когда теплая рука Сири легла на мое бедро, потом скользнула выше. Я откликнулся на ласку, но не мог скрыть удивления. Сири шепотом ответила на не высказанный мною вопрос:

— Нет, Мерри, возраст ничего не меняет. По крайней мере не настолько, чтобы не хотеть близости и тепла. Решать тебе, любимый. Я приму любой твой выбор.

Я решил. К рассвету мы уснули.

Гробница пуста.

— Донел!

Шаркая ногами, он входит внутрь, и шелест его одежд эхом отдается от стен. Гробница пуста! Гибернационной камеры нет — по правде говоря, я и не ожидал ее увидеть, — но внутри нет ни саркофага, ни гроба. Яркая лампа освещает белые стены.

— Что за шутки, Донел? Что это такое?

— Это ее гробница, отец.

— Но где же она, черт побери, погребена? Под полом?

Донел вытирает пот со лба. Я вспоминаю, что

речь идет о его матери. Но у него было почти два года, чтобы свыкнуться с мыслью о ее смерти.

— Тебе никто не говорил? — спрашивает он.

— О чем? — Гнев и смятение идут на убыль. — Меня примчали сюда прямо с посадочной площадки и сказали, что перед открытием портала я должен посетить гробницу Сири. Что еще?

— Мать кремировали согласно ее указаниям. Прах был развеян над Великим Южным Морем с верхней платформы семейного плавучего острова.

— Тогда для чего этот… склеп? — Я осторожно подбираю слова, чтобы не задеть Донела.

Он снова вытирает пот со лба и бросает взгляд на дверь. Нас никто не видит, но ясно, что мы все слишком затянули. Остальным членам Совета наверняка пришлось бежать по склону холма, чтобы присоединиться к почетным гостям на трибуне. Моя неспешная печаль сегодня хуже опоздания — она отдает театральщиной.

— Мать оставила указания. Они были выполнены.

Донел касается пластинки на стене, она скользит вверх, открывая небольшую нишу, в которой стоит металлический ящик. На нем мое имя.

— Что это?

Донел встряхивает головой:

— Личные вещи, которые мать оставила тебе. Все знала только Магрит, но она умерла прошлой зимой, ни слова никому не сказав.

— Понятно, — говорю я. — Спасибо. Через минуту я выйду.

Донел смотрит на свой хронометр:

— Церемония начинается через восемь минут. Активация нуль-канала — через двадцать.

— Знаю. — Уж это-то я знаю. Даже не глядя на часы, я могу сказать, сколько у меня осталось времени. — Я сейчас выйду.

Донел топчется в нерешительности, затем уходит. Я захлопываю за ним дверь. Металлический ящик удивительно тяжелый. Я ставлю его на каменный пол и прикасаюсь к папиллярному замку. С легким щелчком открывается крышка, и я заглядываю внутрь.

— Ах, черт бы меня взял! — вырывается у меня.

Не знаю, что я ожидал там увидеть, — возможно, какие-нибудь безделушки, ностальгические напоминания о проведенных вместе ста трех днях, может быть, засушенный цветок из поднесенного давным-давно букета или раковину в форме валторны, за которыми мы ныряли у Фиварона. Но там не безделушки, скорее, наоборот.

В ящике лежит ручной лазер Штайнера-Джинна, один из наиболее мощных образчиков лучевого оружия, когда-либо созданного человеком. Аккумулятор через силовой кабель подключен к миниатюрной термоядерной батарее, которую Сири варварски выдрала из своей новенькой субмарины. К этой же батарее подключен и старинный комлог, антикварная диковинка на твердотельных схемах с жидкокристаллическим дисплеем. Индикатор питания мерцает зеленым цветом.

В ящике еще две вещи. Первая — акустический преобразователь в виде медальона, с которым мы когда-то ныряли. При виде второй у меня буквально перехватывает дыхание.

— Ах ты, паршивка! — Все становится на место. Я не в силах удержать улыбку: — Ах ты, хитрюга моя милая!

В ящике лежит аккуратно свернутый и подключенный к батарее ковер-самолет, тот самый, который Майк Ошо купил на Карвнельской ярмарке за тридцать марок. Оставив ковер на месте, я вынимаю комлог. Потом сажусь, скрестив ноги, на холодный каменный пол и нажимаю на кнопку. Свет в гробнице меркнет, и передо мной внезапно появляется Сири.

Я ожидал, что после гибели Майка меня вышвырнут с корабля. Они могли так поступить, но не сделали этого. Меня могли выдать властям Мауи-Обетованной. Могли, но не выдали. Два дня меня допрашивала служба безопасности корабля, причем однажды на допрос пришел сам капитан Сингх. После этого мне разрешили вернуться к исполнению своих обязанностей. Обратный прыжок занял четыре месяца, и все это время меня терзали воспоминания. Снова и снова я проклинал свою неуклюжесть, которая стоила Майку жизни. Я стоял вахты, просыпался по ночам, измученный кошмарами, и гадал, отчислят ли меня по прибытии в Сеть. Со мной вполне могли расстаться, но этого не случилось.

Меня не отчислили и не лишили положенного отпуска в Сети. Мне лишь запретили отлучаться с корабля в системе Мауи-Обетованной. Ну и вдобавок объявили выговор и временно понизили по службе. Вот во что оценили жизнь Майка — выговор и понижение по службе.

Вместе с остальными членами команды я отправился в трехнедельный отпуск, возвращаться из которого не собирался. По нуль-Т я отправился на Эсперансу, где совершил типичную ошибку корабельщиков — посетил свою семью. Двух

дней в переполненном жилом баллоне оказалось более чем достаточно, и я отправился оттуда на Лузус, где три дня не вылезал из борделей на Рю де Ша. Когда мне и это надоело, я перебрался на Фудзи, где истратил большую часть наличных марок, делая ставки на самурайских поединках.

В конце концов я оказался на станции «Старая Родина» и взял там напрокат челнок для двухдневного путешествия по Морю Эллады. Я никогда до этого не был ни в Солнечной Системе, ни на Марсе, не собирался я и возвращаться сюда; десять дней, которые я провел в полном одиночестве, слоняясь по пыльным, населенным призраками прошлого коридорам Монастыря, заставили меня поторопиться с возвращением на корабль. К Сири.

Время от времени я покидал этот циклопический лабиринт, сложенный из красного камня, и, надев только защитный костюм и маску, выходил на один из многочисленных балконов и подолгу смотрел на тусклую звездочку — все, что осталось от Старой Земли. Иногда я размышлял об отважных безумцах, уходивших отсюда в великую тьму, чтобы нести к звездам на своих протекающих тихоходах — с верой и заботой — эмбрионы и идеи. Но гораздо чаще я не думал

ни о чем. Просто стоял в пурпурной мгле и ждал, когда ко мне придет Сири. Там, на Скале Мастера, где истинное сатори не давалось стольким куда более достойным паломникам, я обретал его, вспоминая тело женщины-девочки, еще не достигшей шестнадцати лет, которая лежала рядом со мной, освещенная лунным светом, стекавшим с крыльев парящего над нами царь-ястреба.

Когда «Лос-Анджелес» вновь отправился в полет и перешел в спин-режим, я был на его борту. Четыре месяца спустя я со спокойной душой готовился к уже привычным вахтам с бригадой строителей, фантопликатору и сну в отведенное для отдыха время, когда ко мне зашел капитан Сингх.

— Ты отправишься вниз, — сказал он.

Я ничего не понимал.

— За последние одиннадцать лет, — пояснил капитан Сингх, — ваши с Ошо похождения обросли массой деталей и стали самой настоящей легендой. Местные жители сочиняют целые истории о том, как ты трахнул туземную девчонку.

— Сири, — сказал я.

— Собирай манатки, — продолжал Сингх. — Свои три недели ты проведешь на планете. Эксперты Посольства считают, что там, внизу, от

тебя будет больше пользы Гегемонии, чем здесь, наверху. Посмотрим.

Вся планета застыла в ожидании. Толпы выкрикивали приветствия. Сири махала рукой. Мы вышли из гавани на желтом катамаране и направились на юго-юго-восток, к Архипелагу, где находился принадлежащий их семье плавучий островок.

— Привет, Мерри. — Изображение Сири наплывает на меня из темноты гробницы. Голограмма неважная, у нее расплываются края. Но это Сири передо мною — Сири, какой я видел ее в последний раз: седые волосы очень коротко подстрижены, голова откинута назад, и тени делают лицо еще более худым. — Привет, любимый.

— Привет, Сири, — отвечаю я. Дверь гробницы плотно заперта.

— Мне очень жаль, что я не могу участвовать в нашем шестом Единении, Мерри. Я так его ждала. — Сири замолкает и бросает взгляд на свои руки. Ее изображение слегка мигает, когда сквозь него проплывают пылинки. — Я очень тщательно обдумала, что сказать тебе, — продолжает она. — Как сказать. Какие привести аргументы. Какие оставить инструкции. Теперь-то поняла: все это бесполезно. Многое я уже говорила, и ты

слышал это; остальное не столь важно — лучше промолчать.

Голос Сири с годами стал еще прекраснее. В нем появились полнота и покой, какие бывают лишь у человека, сполна изведавшего боль. Сири разводит руками, и они исчезают из поля зрения.

— Мерри, любовь моя, как странны наши дни, проведенные в разлуке и вместе. Как прекрасно абсурден связавший нас миф. Мой день был для тебя лишь одним ударом сердца. Я ненавидела тебя за это. Ты был зеркалом, которое не умело лгать. Если бы ты видел свое лицо, в первые минуты Единения! Самое малое, что ты мог бы сделать, — скрыть, как ты потрясен… хоть это ты по крайней мере мог бы для меня сделать.

Но сквозь твою неуклюжую наивность всегда проглядывало… что?.. не знаю, Мерри. Нечто противоречащее бездумному эгоизму, который был неотделим от тебя. Возможно, нежность. Или, во всяком случае, уважительное отношение к чужой нежности.

Мерри, в этом дневнике были сотни записей… может, даже тысячи… Я вела его с тринадцати лет. Когда ты его увидишь, в нем будут стерты все страницы, за исключением тех, которые последуют сейчас. Прощай, любовь моя, прощай.

Я выключаю комлог и с минуту сижу в тишине. Шум толпы отчетливо слышен сквозь толстые стены гробницы. Я перевожу дыхание и нажимаю на кнопку.

Я вижу Сири. Ей уже далеко за сорок. Я сразу узнаю день и место записи. Я помню плащ, в который она одета, кулон на ее шее и пряди волос, выбивавшиеся из-под берета и спадавшие ей на плечи. Я помню все. Это было в последний день нашего третьего Единения, высоко в горах поблизости от Южной Трети, куда мы отправились с друзьями. Донелу тогда было десять лет, и мы все пытались уговорить его скатиться с нами вниз по снежному склону. Но он только плакал. Сири изменилась в лице еще до того, как скиммер совершил посадку. Когда из него вышла Магрит, мы сразу поняли: что-то случилось.

То же самое лицо смотрит на меня сейчас. Сири рассеянно пытается пригладить непокорную прядку. Глаза ее покраснели, но голос не дрожит:

— Мерри, сегодня убили нашего сына. Алону исполнился лишь двадцать один год, и его убили. Ты так ничего и не понял, Мерри. Ты все повторял: «И как могла случиться такая ошибка?» Ты ведь, собственно, не знал нашего сына, но я видела в твоих глазах всю тяжесть утраты. Мерри, это

не был несчастный случай. Пусть не сохранится больше ничего, пусть не останется других записей, пусть ты так никогда и не поймешь, почему я позволила сентиментальному мифу перевернуть всю мою жизнь, но одно ты должен знать — Алон погиб не случайно. Он был с сепаратистами, когда появилась муниципальная полиция. Но даже тогда он мог спастись. Мы с ним вместе приготовили ему алиби. Полиция поверила бы ему. Но он предпочел остаться.

Сегодня, Мерри, ты был потрясен тем, что я сказала толпе… этой своре у посольства. Запомни, корабельщик, я сказал им: «Еще не время показать ваш гнев, вашу ненависть». Я сказала то, что думала. Ни больше ни меньше. Сегодня еще не время. Но день придет. Обязательно придет. В те последние дни Обетованная покорилась не так-то легко. Нелегко ее покорить и сейчас. И люди, которые забыли об этом, изумятся, когда настанет день, а он обязательно настанет.

Изображение тускнеет, и в одно мгновение, наплывом, лицо молодой двадцатишестилетней Сири накладывается на черты старой женщины, которая только что со мной говорила.

— Мерри, я беременна. Я так рада. Тебя нет всего пять недель, а я уже тоскую по тебе. Десять

лет тебя не будет. А главное: почему тебе даже в голову не пришло позвать меня с собой? Я бы не полетела, но мне было бы так приятно, если бы ты просто позвал меня. Но я беременна, Мерри. Врачи говорят — мальчик. Я расскажу ему о тебе, любовь моя. Может быть, вы когда-нибудь вместе под парусами уплывете на Архипелаг, вместе будете слушать песни Морского Народа, как мы с тобой когда-то. Возможно, ты научишься их понимать. Мерри, я тоскую по тебе. Пожалуйста, возвращайся поскорее.

Голография мерцает и сдвигается. Я вижу девушку шестнадцати лет. Ее щеки пылают. Длинные волосы каскадом падают на обнаженные плечи и ночную рубашку. Она говорит сквозь льющиеся ручьем слезы:

— Корабельщик Мерри Аспик, мне жаль твоего друга, мне в самом деле его очень жаль, но ты уехал, даже не сказав мне прощай, а я мечтала, как ты нам поможешь… как мы вместе… а ты даже не сказал — прощай. Мне теперь безразлично, что с тобой будет. Надеюсь, ты благополучно вернешься в свою Гегемонию, в ее мерзкие, перенаселенные ульи и грязь. Мерри Аспик, я действительно больше не хочу тебя видеть, ни за какие деньги. До свидания.

Она поворачивается ко мне спиной, и изображение гаснет. В склепе темно, но голос не умолкает еще несколько секунд. Я слышу тихий смешок и голос Сири (не знаю, сколько ей в это мгновение лет), слышу в последний раз:

— Прощай… прощай, Мерри.

— Прощай, — отвечаю я и выключаю комлог.

Толпа расступается, когда, щурясь от яркого света, я выхожу из гробницы. Я опоздал, нарушив этим весь сценарий, и улыбка на моем лице вызывает в толпе гневный ропот. Динамики доносят официальную риторику даже сюда, на вершину:

— …Начало новой эпохи сотрудничества, — слышу я звучный голос посла.

Я ставлю ящик на траву и достаю ковер-самолет. Толпа напирает, чтобы лучше видеть, как я его разворачиваю. Рисунок выцвел, но левитационные нити сверкают, как начищенная медь. Я сажусь посередине ковра и придвигаю к себе ящик.

— …Будут следовать и другие до тех пор, пока пространство и время не перестанут быть препятствием.

Толпа отступает, когда я нажимаю на сенсоры, и ковер поднимается в воздух на четыре метра. Теперь ничто не мешает мне осмотреться. Ост-

рова плывут сюда и образуют Экваториальный Архипелаг. Я вижу сотни островов, принесенных сюда теплыми ветрами с голодного юга.

— Итак, с огромным воодушевлением я замыкаю эту цепь и приветствую колонию Мауи-Обетованная в момент вступления в сообщество Гегемонии Человека!

Тонкая нить церемониального лазерного импульса устремляется в зенит. Раздаются торопливые аплодисменты, оркестр играет туш. Я поднимаю взгляд в тот самый миг, когда на небосклоне возникает новая звезда. С точностью до микросекунд я могу предсказать все, что там произойдет.

Нуль-канал действует всего несколько микросекунд. На краткий миг пространство и время перестают быть препятствием. Затем притяжение искусственной сингулярности подрывает термитный заряд, который я поместил на наружной стороне защитного экрана. Взрыв заряда слаб и отсюда не заметен, но уже через секунду вырвавшаяся на свободу сфера Шварцшильда поглощает и его, и хрупкий додекаэдр весом тридцать шесть тысяч тонн. Область пространства радиусом в несколько тысяч километров сворачивается в кокон. Великолепная картина

— ее видно даже отсюда: белая вспышка миниатюрной сверхновой звезды на голубом небе.

Оркестр замолк. Люди мечутся в поисках убежища. Между прочим, без малейших на то оснований. При коллапсе нуль-канала происходит всплеск рентгеновского излучения, но интенсивность его слишком мала, чтобы проникнуть сквозь атмосферу Мауи-Обетованной. А вот виден и второй поток плазмы: «Лос-Анджелес» отходит на безопасное расстояние от быстро распадающейся небольшой черной дыры. Поднимается ветер, и море покрывается рябью. Ночью будут необычные для этих мест приливы.

Мне хочется сказать что-то значительное, но я не нахожу слов. К тому же толпа не расположена слушать, хотя я пытаюсь внушить себе, что сквозь вопли и проклятия до меня доносятся и приветствия.

Я кладу руку на сенсорный узор, и ковер-самолет быстро проносится над скалой и над гаванью. Лениво парящий в полуденных восходящих потоках царь-ястреб хлопает крыльями, когда я к нему приближаюсь.

— Пусть только попробуют прийти! — кричу я вслед напуганной птице. — Пусть попробуют! Мне будет всего тридцать пять, и я буду не один.

Пусть они приходят, если посмеют! — Я ударяю по ковру и смеюсь. Ветер раздувает мои волосы и холодит вспотевшую грудь.

Успокоившись, я беру курс на самый дальний из подплывающих островков. Надеюсь, я встречу других. Я буду говорить с Морским Народом и скажу им, что время наконец пришло и в морях Мауи-Обетованной скоро появится Акула.

Позже, когда будут выиграны все сражения и они станут владыками мира, я расскажу им о ней. Я буду петь им о Сири.

Потоки света — отблески далекой космической битвы — были все так же ослепительны, но сюда доносились лишь завывания ветра на горных склонах. Паломники сдвинулись еще тесней и склонились над старинным комлогом, словно ожидая продолжения.

Его не последовало. Консул вынул микродиск и положил его в карман.

Сол Вайнтрауб, погладив спящую дочку, повернулся к Консулу:

— Вы, конечно, не Мерри Аспик.

— Конечно, нет, — ответил Консул. — Мерри Аспик погиб во время восстания. Того, что называют Восстанием Сири.

— Как к вам попала эта запись? — спросил отец

Хойт. Даже сквозь маску боли на его лице было видно, что история глубоко тронула его. — Потрясающая запись…

— Он передал ее мне, — ответил Консул. — За несколько недель до гибели в Битве при Архипелаге. — Консул взглянул на удивленные лица слушателей. — Я их внук, — пояснил он, — внук Сири и Мерри. — Мой отец, тот самый Донел, которого упоминает Аспик, стал первым председателем Комитета местного самоуправления после включения Мауи-Обетованной в Протекторат. Позже он был избран сенатором и оставался в этой должности до самой смерти. В тот день, на холме возле гробницы Сири, мне было девять лет. И мне исполнилось двадцать — вполне достаточно, чтобы присоединиться к повстанцам, — когда однажды ночью Мерри Аспик появился у нас на островке, отвел меня в сторону и запретил участвовать в их борьбе.

— А вы бы стали сражаться? — спросила Ламия.

— Разумеется. И наверняка бы погиб. Как третья часть наших мужчин и пятая часть женщин. Как все дельфины и многие плавучие острова при всех стараниях Гегемонии сохранить их в неприкосновенности.

— Поразительный документ, — сказал Сол Вайнтрауб. — Но почему вы здесь? Зачем вам паломничество к Шрайку?

— Я еще не закончил, — ответил Консул. — Слушайте дальше.

Мой отец был столь же слабым человеком, насколько сильна была бабушка. Гегемонии не потребовалось одиннадцати лет, чтобы вернуться, — факельные корабли ее ВКС появились на орбите, когда не истекло и пяти. Отец видел, как они разбили спешно построенный повстанцами космический флот. И все время, пока Гегемония вела осаду нашего мира, он был на ее стороне. Помню — я был тогда пятнадцатилетним подростком — как вдали горели десятки плавучих островов, а скиммеры Гегемонии освещали море разрывами глубинных бомб. Мы смотрели на эту картину с верхней палубы нашего семейного островка. Утром море стало серым от тел погибших дельфинов.

В те полные безнадежности дни после Битвы при Архипелаге моя сестра Лира ушла с повстанцами. Есть свидетели ее гибели. Но тело так и не нашли. Отец никогда не упоминал ее имени.

Через три года после прекращения военных действий мы, первые колонисты, стали на своей

земле меньшинством. Островки были приручены и распроданы туристам в точности так, как предсказывал Мерри. Теперь Порто-Ново — одиннадцатимиллионный гигант: монументы, шпили и города-спутники на электромагнитной подушке заполнили все побережье. А гавань Порто-Ново — это некий экзотический базар, где потомки Первых Семей продают втридорога сувениры и прочие безделушки.

Некоторое время после того, как отца избрали сенатором, мы жили на ТКЦ; там я и окончил школу. Я был примерным сыном, на все лады расхваливал присоединение Мауи к Сети, изучал великолепную историю Гегемонии Человека и готовился к карьере на дипломатическом поприще.

И все время ждал.

Завершив образование, я вернулся на Мауи-Обетованную, где работал в Центральной Администрации. В мои обязанности входило посещение сотен буровых платформ, которые росли, словно грибы, на отмелях, наблюдение за стремительно возводимыми подводными комплексами и осуществление связи между Администрацией и корпорациями-подрядчиками с ТКЦ и Седьмой Дракона. Работа мне не нравилась. Но работал я

хорошо. Всегда улыбался. И ждал.

Вскоре я женился на девушке из Первых Семей (она была мне дальней родственницей по линии Бертола, кузена Сири) и, получив на экзаменах в дипломатической академии наивысший балл, попросил направить меня на Окраину.

Так для меня и Грэси началась наша личная диаспора. Работал я хорошо. Я был прирожденным дипломатом. Через пять стандартных лет службы я стал вице-консулом. Через восемь — полномочным консулом. Для дипломата, который служит за пределами Сети, это было вершиной карьеры.

Я сам сделал свой выбор. Я работал на Гегемонию. И ждал.

Поначалу моя роль заключалась в том, чтобы всеми ресурсами Сети помогать колонистам делать то, что получалось у них лучше всего, — разрушать свой естественный образ жизни. Не случайно на протяжении шестивековой межзвездной экспансии Гегемония так и не встретила видов, которые по шкале Дрейка — Тьюринга — Чженя можно было отнести к разумным. Еще на Старой Земле установили, что всякий вид, который включит человечество в свою пищевую цепочку, неминуемо погибнет. Всякий раз, когда

в процессе экспансии встречался вид, который мог серьезно конкурировать с человеком по интеллекту, он погибал задолго до включения планеты в Сеть.

На Вихре мы подкрадывались к неуловимым цеппелинам, прячась среди их облачных башен. Возможно, они не были разумны по нашим меркам или меркам Техно-Центра. Но они были прекрасны. Когда они погибали, переливаясь всеми цветами радуги, не услышанные (точнее, не увиденные) своими сбежавшими собратьями, красоту их агонии невозможно было выразить словами. Мы продавали их цветочувствительную кожу различным корпорациям Сети, импортировали их мясо в миры типа Небесных Врат, а кости перемалывали в порошок и продавали в качестве афродизиака импотентам и суеверным дуракам десятков колониальных миров.

На Саде я был советником группы инженеров-экологов, которая осушала Великую Топь, кладя тем самым конец недолгому царствованию болотных кентавров, угрожавших в тех краях прогрессу Гегемонии. Они пытались мигрировать, но северные окраины были для них недостаточно влажны, и когда через несколько десятилетий я снова посетил Сад, о них напоми-

нали лишь разбросанные по просторам планеты сморщенные оболочки — жалкие следы исчезнувшего буйства жизни.

На Хеврон я прибыл как раз тогда, когда пришла к своему естественному завершению многолетняя вражда еврейских поселенцев с алуитами Сенешаи, созданиями столь же хрупкими, как и экология их безводной планеты. Алуиты были эмпатами: наш страх, наша алчность — вот что убило их, да еще наша непрошибаемая чуждость. И все-таки не гибель алуитов превратила мое сердце в камень, а та роль, которую я сыграл в судьбе самих колонистов.

На Старой Земле для этой роли существовало особое слово — «квислинг». Хеврон не был моим домом, но люди, которые поселились там, сделали это по тем же причинам, по каким мои далекие предки со Старой Земли скрепили своими подписями Завет Жизни на Мауи. Я продолжал ждать. И тем самым действовал… во всех смыслах этого слова.

Они доверяли мне. Я заливался соловьем, расписывая все прелести воссоединения с человеческим сообществом… с Сетью… и они поверили мне. Они настояли на том, что для посторонних на Хевроне будет открыт лишь один город. Я

улыбался и соглашался с ними. И вот теперь в Новом Иерусалиме шестьдесят миллионов жителей на десять миллионов евреев-колонистов, разбросанных по всему континенту и почти во всем зависящих от одного-единственного города, принадлежащего Сети. Они продержатся еще десятилетие. Возможно, меньше.

Я сломался после того, как Хеврон присоединили к Сети, открыв для себя алкоголь, благословенную антитезу флэшбэку и фантопликаторам. Грэси была со мной в больнице, пока меня не привели в чувство после запоя. Странная штука — мир еврейский, а больница — католическая. Помню, как по ночам в коридоре шуршали рясы.

Мой срыв обошелся без осложнений и не вызвал особого шума. Мою карьеру, во всяком случае, он не испортил. В качестве полномочного консула я с женой и сыном перебрался на Брешию.

Как тонко мы играли там свою роль! С какой прямо-таки византийской изощренностью действовали! В течение десятилетий, полковник Кассад, силы Техно-Центра преследовали рои Бродяг, куда бы они ни бежали. А теперь определенные фракции в Сенате и Консультативном Совете ИскИнов решили, что пора испытать военную мощь Бродяг непосредственно у границ

Гегемонии. Для этой цели выбрали Брешию. Допускаю, что ее жители десятки лет до моего прибытия играли роль наших заменителей. Брешианцы с упоением копировали архаичный прусский образец, милитаризировав свое общество до абсурда. Они не знали меры в своих экономических притязаниях, а их ксенофобия позволяла с необычайной легкостью вербовать добровольцев, чтобы покончить с «Бродяжьей угрозой». Сначала им предоставили по ленд-лизу несколько факельных звездолетов, и они сами начали гоняться за роями. Плазменное оружие. Зонды для заражения искусственными вирусами.

Вследствие незначительного просчета я остался на Брешии, когда к ней подошли орды Бродяг. Всего несколько месяцев! На мое место должны были прислать группу военно-политического анализа.

Но это не имело значения. Интересы Гегемонии превыше всего. ВКС прошли всестороннюю проверку в боевых условиях, а Сеть при этом не подвергалась ни малейшей опасности. Грэси, конечно, погибла. При первой же бомбардировке. И Алон, мой десятилетний сын. Он все время был со мной… война уже кончилась… и тут ему вздy-

малось посмотреть, как какой-то идиот из ВКС подрывает мину-ловушку в непосредственной близости от бараков беженцев, в столице Брешии Бакминстере.

Меня не было рядом с ним в тот момент.

После Брешии я получил повышение. Мне доверили сложнейшее и ответственное задание (такие редко выпадают обычным консулам) — вести прямые переговоры с Бродягами.

Сначала по нуль-Т меня направили на ТК-Центр. Совещания в комитете сенатора Гладстон с участием советников-ИскИнов, беседы с самой Гладстон… Был разработан изощреннейший план. Суть его заключалась в том, чтобы спровоцировать Бродяг на нападение, и ключевая роль в осуществлении этой провокации отводилась Гипериону.

Бродяги вели наблюдение за Гиперионом еще до битвы за Брешию. Наша разведка полагала, что они прямо-таки одержимы тайной Гробниц Времени и Шрайка. Их нападение на госпитальный корабль Гегемонии, на борту которого находился полковник Кассад, явилось результатом ошибки: капитан их факельщика принял госпитальный корабль за военный спин-звездолет и запаниковал. Но куда большую глупость с точки зрения

Бродяг этот вояка сделал, посадив десантные катера рядом с Гробницами и тем самым выдав, что Бродяги умеют контролировать приливы времени. Как вы уже знаете, Шрайк истребил всех десантников, и по возвращении к Рою капитан был казнен.

Наша разведка, впрочем, полагала, что этот просчет Бродяг не обескуражил. Они получили ценную информацию о Шрайке, и их одержимость Гиперионом только усилилась.

Гладстон объяснила мне, каким образом Гегемония намерена сыграть на этой одержимости.

План заключался в том, чтобы спровоцировать Бродяг напасть на Гегемонию. Фокусом нападения должен стать Гиперион. Мне дали понять, что война с Бродягами — лишь способ разрешить накопившиеся внутриполитические противоречия. Определенные группировки в Техно-Центре столетиями противились вхождению Гипериона в Гегемонию. Гладстон объяснила мне, что человечество не может мириться с этим и насильственная аннексия Гипериона — под предлогом защиты Сети — изменит в Техно-Центре соотношение сил в пользу прогрессивной коалиции ИскИнов, в чем кровно заинтересованы (я так и не понял почему) и Сенат, и Сеть. Как потен-

циальный источник опасности Бродяги будут уничтожены раз и навсегда. Начнется новая эра в славной истории Гегемонии.

Гладстон сказала, что я имею право отказаться, ибо эта миссия сопряжена с серьезными опасностями — и для карьеры, и для жизни. Но я принял предложение.

Гегемония предоставила мне личный космический корабль. Я попросил сделать на нем только одну модификацию: поставить старинный «Стейнвей».

Несколько месяцев я провалялся в криогенной фуге. Затем еще больше времени провел в странствиях по районам, через которые проходят обычные маршруты мигрирующих Роев. В конце концов мой корабль был обнаружен и захвачен. Они понимали, что я шпион, но сделали вид, будто верят мне. Поспорив немного, они решили меня не убивать. Поспорив еще, они в конце концов решили вступить со мной в переговоры.

Не буду даже пытаться описать красоту жизни Роя: плавающие в невесомости города-сферы, кометные фермы и гирлянды буксируемых модулей; микроорбитальные леса и блуждающие реки; десятки тысяч оттенков и фактуры во время Недели Рандеву. Достаточно сказать, что Бродяги,

на мой взгляд, сохранили то, чего человечество Сети утратило за последнее тысячелетие: способность к *развитию.* В то время как все мы завязли в своих вторичных культурах — бледном отражении жизни Старой Земли, Бродяги открыли новые измерения в эстетике, этике, биологических науках, искусстве — во всем, что должно расти и изменяться, отражая изменения человеческой души.

Варвары — называем мы их, трусливо цепляясь за свою Сеть подобно вестготам, паразитировавшим на былой славе Рима и оттого считавшие себя *цивилизованными.*

Я провел среди них десять стандартных месяцев, раскрыв им свою величайшую тайну, а они поделились со мной своими. Я подробно изложил им планы их истребления, разработанные людьми Гладстон. Рассказал о том, как ученые Сети ломают головы над аномалией Гробниц Времени, и о необъяснимом ужасе перед Гиперионом, который испытывает Техно-Центр. Если они попытаются захватить Гиперион, он станет для них западней — все резервы ВКС будут подтянуты к планете, чтобы сокрушить их. Я открыл им все, что знал, и вновь стал готовиться к смерти.

Но они не убили меня, а кое-что рассказали.

Мне показали записи перехваченных переговоров по мультилинии и на узких пучках, а также хроники, которые они вели со времен исхода из Старой Солнечной системы, четыре с половиной столетия назад. Факты, которые открылись передо мной, были просты и ужасны.

Большая Ошибка 38-го вовсе не была ошибкой. Уничтожение Старой Земли задумали и осуществили некоторые группировки Техно-Центра вместе со своими сторонниками в недавно оперившемся правительстве Гегемонии. Хиджра была продумана во всех деталях за несколько десятилетий до того, как вышедшая из-под контроля черная дыра «случайно» угодила в самое сердце Старой Земли.

Великая Сеть, Альтинг, Гегемония Человека — все они были плодами гнусного преступления — убийства матери. А теперь они сами исподтишка промышляют братоубийством, целенаправленно уничтожая любой вид, имеющий хоть малейший шанс стать соперником человека. И Бродяги, *единственное* отличное от нас человеческое племя, свободно странствующее среди звезд и не подчиняющееся Техно-Центру, возглавляют список тех, кто подлежит истреблению.

Я вернулся в Сеть. За время моего отсутствия

там прошло более тридцати лет. Мейна Гладстон стала Секретарем Сената. Восстание Сири превратилось в романтическую легенду, маленькую сноску на одной из страниц истории Гегемонии.

Я встретился с Гладстон. Я рассказал ей многое из того, что мне открыли Бродяги. Многое, но не все. Я рассказал ей, что Бродяги понимают: Гиперион — западня, и тем не менее они попытаются его захватить. А еще они хотят, чтобы я стал консулом на Гиперионе и выполнял там во время войны функции двойного агента.

Но я не рассказал ей об их обещании передать мне устройство, которое откроет Гробницы Времени и спустит с цепи Шрайка.

Гладстон долго беседовала со мной. Специалисты из разведки ВКС беседовали со мной еще дольше, иные из наших бесед длились месяцами. При этом применялись кое-какие технические средства и наркотики — дабы убедиться в том, что я говорю правду и ничего не скрываю. Бродяги тоже знали толк в подобных вещах. Я говорил правду. Но кое-что скрывал.

В конце концов меня послали на Гиперион. Гладстон предлагала повысить статус Гипериона до уровня протектората, а мой — до посольского. Я отклонил оба предложения, но попросил оста-

вить за мной личный космический корабль. Я прибыл туда на рейсовом спин-звездолете, а мой корабль был доставлен несколькими неделями позже в брюхе факельщика. Его вывели на парковочную орбиту, чтобы я мог воспользоваться им когда пожелаю.

Оставшись на Гиперионе в одиночестве, я продолжал ждать. Шли годы. Я свалил все дела на своего помощника, а сам целыми днями пил в баре «Цицерон». И ждал.

Бродяги связались со мной по секретному каналу мультилинии, после чего я взял в консульстве трехнедельный отпуск и вызвал свой корабль в уединенное место неподалеку от Травяного моря. Оттуда я направился к поясу Оорта и, встретившись с разведчиком Бродяг, взял к себе на борт их агента — женщину по имени Андил — и трех техников и совершил посадку севернее Уздечки, в нескольких километрах от Гробниц Времени.

У Бродяг не было нуль-Т. Они проводили свою жизнь в долгих межзвездных перелетах, наблюдая за бешено мчащейся жизнью Сети, которая мелькала перед ними словно кадры пущенной с нормальной скоростью замедленной голосъемки. Их неудержимо влекла загадка времени. Техно-Центр дал Гегемонии порталы нуль-Т и

контролировал их работу. Но никому — ни ученому-одиночке, ни коллективу ученых-*людей* — не удалось даже в общих чертах понять принцип действия порталов. Бродяги пытались — и потерпели неудачу. Но даже эта неудача позволила им приблизиться к реальному овладению пространством-временем.

Они поняли природу временных приливов и окружающих Гробницы антиэнтропийных полей. Генерировать такие поля они все еще не умели, но зато придумали, как экранировать их воздействие и даже (пока, правда, лишь на бумаге) вызвать коллапс поля. И тогда Гробницы Времени вместе со всем своим содержимым «остановятся». И откроются. Шрайк сорвется с привязи, удерживавшей его до сих пор в окрестностях Гробниц. А если в них есть еще что-то, это «нечто» тоже окажется на свободе.

Бродяги полагали, что Гробницы Времени — артефакты из их *собственного* будущего, а Шрайк — орудие искупления, ожидающее руки, которая должна его направить. Церковь Шрайка видела в этом монстре ангела мщения; Бродяги считали его плодом человеческого гения, посланным назад сквозь время, чтобы освободить человечество от власти Техно-Центра. Андил и ее

техники должны были проверить все на месте и поставить эксперимент.

— Вы включите это устройство прямо сейчас? — спросил я. Мы стояли в тени сооружения, называемого Сфинксом.

— Нет, — ответила Андил. — Это нужно сделать накануне вторжения.

— Но вы говорили, что потребуется не один месяц, чтобы открыть при помощи этой штуки Гробницы.

Андил кивнула. Я впервые заметил, что глаза у нее темно-зеленого цвета. Она была очень высока ростом, и на поверхности ее скафандра проступали тонкие полоски силового экзоскелета.

— Наверное, год, если не больше, — сказала она. — Наше устройство разрушает антиэнтропийное поле очень медленно, но стоит процессу начаться, как он сразу станет необратимым. Поэтому мы не включим его, пока Десять Советов не решат, что вторжение в Сеть необходимо.

— А есть сомнения? — спросил я.

— Этические споры, — ответила Андил. Трое техников в нескольких метрах от нас натягивали маскировочную сеть и настраивали защитное поле. — Межзвездная война приведет к гибели миллионов, возможно, даже миллиардов.

Вторжение Шрайка в Сеть чревато и вовсе непредсказуемыми последствиями. Но, раз уж мы хотим нанести удар по Техно-Центру, нужно выбирать.

Я снова оглянулся на устройство, а затем окинул взглядом долину Гробниц.

— Значит, если включить эту штуку, — сказал я, — обратной дороги нет? Шрайк вырвется на волю, а вам, чтобы взять его под контроль, нужно выиграть войну?

Андил мягко улыбнулась:

— Верно.

Тогда я застрелил ее, а вместе с нею и трех техников. Потом отшвырнул принадлежавший еще Сири лазер Штайнера-Джинна, сел на пустой ящик из-под аппаратуры и зарыдал. Через несколько минут я взял себя в руки. С помощью комлога техников я проник в защитное поле, сбросил с устройства маскировочную сеть и включил его.

Ничего не изменилось. Все вокруг было залито все тем же ярким светом уходящей зимы. Мягко светилась Нефритовая Гробница, Сфинкс по-прежнему смотрел в никуда. Тишину нарушало лишь шуршание песка о стенки ящиков и тела убитых. Но индикатор на устройстве Бродяг светился: оно работает… заработало.

Я медленно шел к кораблю, ожидая появления Шрайка и надеясь, что он все же появится. А потом больше часа просидел на балконе, наблюдая, как тени затопляют долину и заносит песком трупы. Шрайк не появился. Ни он, ни дерево со стальными шипами. Я сыграл на «Стейнвее» прелюдию Баха, включил двигатели и вышел в космос.

Связавшись с кораблем Бродяг, я сообщил им, что произошел несчастный случай: Шрайк уничтожил всех, кроме меня, устройство включилось раньше времени. Даже охваченные паникой и растерянностью Бродяги прежде всего предложили мне убежище. Я отклонил их предложение и направил свой корабль в Сеть. Бродяги меня не преследовали.

Связавшись с Гладстон по мультилинии, я сообщил ей, что агенты Бродяг уничтожены. Я сообщил ей также, что вероятность вторжения очень велика, и что ловушка захлопнется, как и предусмотрено планом. Но я ни слова не сказал ей об устройстве. Гладстон поздравила меня и предложила вернуться. Я сослался на то, что нуждаюсь сейчас в покое и одиночестве, и направил корабль к одному из окраинных миров неподалеку от Гипериона, чтобы само это путешествие,

пожирая время, приблизило следующий акт драмы.

А потом, когда Гладстон направила мне мультиграмму с предложением совершить паломничество, я понял наконец, какую роль приготовили для меня Бродяги: Бродяги, или Техно-Центр, или Гладстон со своими интригами. Каждый из них считал, что именно он контролирует ситуацию. Но теперь ситуация окончательно вышла из-под чьего-либо контроля.

Друзья мои, мир, каким мы его знали, приближается к своему концу, независимо от того, что станется со всеми нами. А я… У меня нет никаких просьб к Шрайку. Я ничего не скажу ему напоследок — ни ему, ни Вселенной. Я вернулся, потому что должен был вернуться, потому что это моя судьба. Я с детства знал, что должен сделать. Знал еще тогда, когда приходил к гробнице моей бабушки Сири и клялся отомстить Гегемонии. Я давно знаю цену, которую должен уплатить — и своей жизнью, и судом истории.

Но когда придет время суда над предательством, которое как пламя распространится по Сети, которое принесет гибель целым мирам, не вспоминайте обо мне — мое имя даже на воде не написано, как сказала заблудшая душа вашего

поэта, — вспоминайте о Старой Земле, погубленной по чьей-то прихоти, о дельфинах, чьи серые тела высыхали и гнили под палящими лучами солнца; вспоминайте и постарайтесь мысленно увидеть — как видел это я — плавучие островки, которым некуда плыть, потому что уничтожены их пастбища, Экваториальные Отмели кишат буровыми платформами, а сами эти острова битком набиты вездесущими крикливыми туристами, от которых разит противозагарным кремом и марихуаной.

Или нет, не надо, не вспоминайте об этом. Встаньте так, как некогда стоял я, включив устройство Бродяг: убийца и предатель с гордо поднятой головой, твердо стоящий посреди кочующих барханов Гипериона и кричащий, грозя небу кулаком: «Чума на оба ваших дома!».

Я помню мечту моей бабушки. Я помню, каким все это могло быть.

Я помню Сири.

— Так вы шпион? — спросил отец Хойт. — Агент Бродяг?

Консул потер щеки и ничего не ответил. Он выглядел очень усталым.

— М-да, — задумчиво произнес Мартин Силен. — Секретарь Гладстон, сообщив мне о

паломничестве, сразу же предупредила, что среди нас есть шпион.

— Она говорила это всем, — резко возразила Ламия, внимательно смотревшая на Консула. В глазах ее застыла печаль.

— Да, наш друг — шпион, — вступил в разговор Сол Вайнтрауб. — Но он не просто шпион Бродяг. — Рахиль проснулась, и Вайнтрауб снова взял девочку на руки. — Он, как это называют в триллерах, двойной агент, а в нашем случае даже тройной — агент в квадрате, в кубе, в бесконечной степени! Но на самом деле он — агент возмездия.

Консул бросил взгляд на старика-ученого.

— Тем не менее он шпион, — настаивал Силен. — А шпионов казнят, не так ли?

Полковник Кассад держал «жезл смерти» в руке, но ни на кого его не направлял.

— У вас есть связь с вашим кораблем? — спросил он Консула.

— Да.

— Как она осуществляется?

— Через комлог Сири. Он… модифицирован.

Кассад понимающе кивнул:

— Вы выходили на связь с Бродягами с помощью корабельного мультипередатчика?

— Да.

— И сообщили им о нашем паломничестве?

— Да.

— Они вам ответили?

— Нет.

— Как можно ему верить? — Поэт был вне себя от возмущения. — Этому проклятому шпиону!

— Помолчите, — сухо бросил ему полковник, ни на секунду не выпускавший Консула из виду. — Это вы напали на Хета Мастина?

— Нет, — ответил Консул. — Но когда подбили «Иггдрасиль», меня кое-что удивило.

— Что? — быстро спросил Кассад.

Консул кашлянул.

— Некоторое время я жил у тамплиеров. Связь Гласа Древа со своим кораблем носит почти телепатический характер. Мастин же практически не реагировал на гибель «Иггдрасиля». Или он не тот, за кого себя выдавал, или он знал заранее, что корабль будет уничтожен, и поэтому прервал контакт. Во время моей вахты я спустился, чтобы поговорить с ним начистоту. Но его уже не было. Каюту вы видели сами, но куб Мебиуса находился тогда в нейтральном состоянии: эрг едва не вырвался на волю. Я закрыл куб и поднялся наверх.

— Так, значит, вы не нападали на Хета Масти-

на? — переспросил Кассад.

— Нет.

— А какого хера мы должны тебе верить? — снова вмешался Силен, допивавший виски из последней своей бутылки.

— Кто сказал, что вы должны мне верить? — пробормотал Консул, пожирая глазами эту бутылку. — Впрочем, это не важно.

Полковник Кассад рассеянно постукивал пальцами по тусклому кожуху жезла смерти.

— О чем теперь вы будете сообщать по мультилинии? — спросил он.

Консул устало вздохнул.

— Доложу, когда откроются Гробницы Времени. Если буду жив.

Ламия Брон указала на старинный комлог:

— Мы ведь можем сломать его.

Консул молча пожал плечами.

— Зачем же? — возразил полковник. — С его помощью мы сможем перехватывать военные и гражданские сообщения. И вызовем корабль Консула, если будет нужно.

— Нет! — крикнул Консул. Он впервые не сдержался. — Мы теперь не можем повернуть назад.

— Вряд ли кто-то из нас хочет повернуть, — сказал Кассад и обвел взглядом бледные лица

окруживших его паломников.

Все молчали.

— Нам нужно что-нибудь решить, — сказал Сол Вайнтрауб и кивнул в сторону Консула.

Мартин Силен сидел, уткнувшись лбом в горлышко пустой бутылки из-под виски. Но при этих словах он тут же поднял голову.

— Наказание за измену — смерть. — Он захихикал. — Через несколько часов мы все равно умрем. Так почему бы не устроить напоследок казнь?

По лицу отца Хойта пробежала гримаса боли. Он провел дрожащим пальцем по растрескавшимся губам.

— Но мы не суд, — тихо сказал он.

— Нет, суд, — возразил полковник.

Консул уселся поудобней, обхватив колени руками.

— Что ж, решайте, — произнес он будничным голосом.

Ламия Брон вытащила отцовский пистолет, положила его рядом с собой на пол и с интересом посмотрела на полковника.

— О чем мы здесь толкуем? Об измене? — заговорила она. — Но чему? Никто из нас, за исключением, быть может, полковника, не при-

сягал на верность Гегемонии. Все мы игрушки в руках сил, которые никому не подвластны.

Сол Вайнтрауб повернулся к Консулу:

— Друг мой, вы упустили из виду, что Мейна Гладстон и элементы Техно-Центра, выбирая для контактов с Бродягами именно вас, очень хорошо представляли, что вы предпримете. Возможно, они не ожидали, что у Бродяг есть средство открыть Гробницы Времени, — хотя, когда имеешь дело с ИскИнами и Техно-Центром, ничего нельзя знать наверняка, — зато они прекрасно понимали, что вы повернете оружие против обоих лагерей, сломавших жизнь вашей семьи. Все это часть какого-то дьявольскою плана. Вы были вольны в своих поступках не более, — он приподнял ребенка, — чем это дитя.

Консул растерянно огляделся. Он хотел что-то сказать, но потом просто покачал головой.

— Вполне возможно, — заметил Федман Кассад. — Но считают они нас пешками в своей игре или нет, нужно что-то противопоставить их планам. — Вспышки космического сражения бросали на стены багровые отсветы. — В этой войне погибнут тысячи. Или даже миллионы. А если Бродяги или Шрайк прорвутся к порталам, миллиарды жизней в сотнях миров Сети окажут-

ся под угрозой.

Консул внимательно смотрел, как Кассад поднимает «жезл смерти».

— Так было бы проще, — задумчиво сказал полковник. — Шрайк никого не пощадит.

Все молчали. Казалось, Консул всматривается куда-то вдаль.

Кассад поставил жезл на предохранитель и сунул его за пояс.

— Мы вместе пришли сюда, — сказал он. — Вместе и пройдем оставшийся путь.

Ламия Брон отложила пистолет в сторону и, подойдя к Консулу, опустилась рядом с ним на колени и обняла его. Консул нерешительно поднял руку. Позади них, на каменной стене, плясали отблески красных зарниц.

В ту же минуту Сол Вайнтрауб подошел к ним и обнял обоих свободной рукой. Тепло человеческих тел согрело Рахиль, и она задрыгала ножками от удовольствия.

— Я ошибался, — сказал Консул, вдыхая запах талька и детского тела. — У меня есть просьба к Шрайку. Я буду просить за *нее.* — И он прикоснулся к головке Рахили.

Мартин Силен издал странный полусмешок-полувсхлип.

— Наши последние просьбы, — с трудом выговорил он. — Исполняет ли муза просьбы? У меня их нет. Я хочу только одного: чтобы моя поэма была закончена.

Отец Хойт повернулся к поэту:

— Неужели это так важно?

— Да, да, да, *да!* — задыхаясь, выкрикнул Силен. Отбросив пустую бутылку, поэт выхватил из своей сумки пачку тончайших пленок и потряс ею над головой. — Хотите прочесть это? Хотите, я сам прочту вам их? Это происходит снова. Прочтите мои старые стихи! Прочтите «Песни», которое я написал три столетия назад и никогда не печатал. В них есть все. Все мы. Мое имя, ваши имена, наше паломничество. Неужели вы не понимаете… Я создаю не стихи, я творю будущее. — Он выронил пленки и, нахмурившись, поднял пустую бутылку. Казалось, он держит в руках потир. — Я творю будущее, — повторил он с опущенным взглядом. — Но изменить следует прошлое. Одно мгновение. Одно решение.

Мартин Силен поднял голову. Его глаза покраснели.

— Существо, которое завтра уничтожит нас — моя муза, наш создатель и погубитель, — движется сквозь время из будущего в прошлое. И

сейчас пусть оно схватит меня, но отпустит Билли. Пусть схватит меня, и пусть на этом оборвется моя поэма, останется незаконченной во веки веков! — Он еще выше поднял бутылку и, закрыв глаза, швырнул ее в дальнюю стену. Осколки стекла разлетелись облаком оранжевых искр.

Полковник подошел к поэту и положил свои длинные сильные пальцы на его плечо.

От этого простого жеста в комнате словно бы потеплело. Ленар Хойт оторвался от стены, воздел кверху правую ладонь, соединив большой палец с мизинцем, и негромко произнес:

— Отпускаются грехи твои.

Ветер бился о стены Башни и завывал в горгульях и на балконах. Отблески битвы, полыхавшей в сотне миллионов километров отсюда, окрасили лица паломников в кровавые тона.

Кассад вернулся к дверям. Остальные начали устраиваться на ночь.

— Нужно хоть немного поспать, — пробормотала Ламия Брон.

Какое-то время Консул вслушивался в вопли и свист ветра, потом повернулся на бок и, поправив служивший ему подушкой рюкзак, натянул одеяло повыше. Уже много лет его мучила бессонница.

Он подложил под щеку кулак, закрыл глаза и сразу же заснул.

Эпилог

Консул проснулся от треньканья балалайки, такого тихого, что он даже подумал, будто оно ему снится. Ежась от холода, он встал, набросил на плечи одеяло и вышел на балкон. Рассвет еще не наступил. Небеса по-прежнему пылали отблесками битвы.

— Извините. — Ленар Хойт поднял взгляд от струн и поплотнее запахнул накидку, в которую зябко кутался.

— Ничего, — ответил Консул. — Я выспался. — И вправду: он давно уже не чувствовал себя таким отдохнувшим. — Поиграйте еще.

Пронзительные звуки слились с воем ветра, налетавшего с горных вершин, в странный дуэт. Инструмент звучал так чисто, что у Консула защемило сердце.

На балкон вышли Ламия Брон и полковник Кассад. Через минуту к ним присоединился Сол Вайнтрауб. Рахиль ерзала в своей люльке и тянула к ночному небу ручонки, словно пытаясь сорвать распускающиеся на нем неправдоподобно яркие цветы.

Хойт играл. В этот предрассветный час ветер

разгулялся вовсю, и чистые звуки свирели, издаваемые горгульями, вторили огромному фаготу Башни.

— Башка трещит, а всем насрать, — раздался голос поэта. Держась за голову, он подошел к перилам и свесился вниз: — Если я блевану с этой высоты, моя блевотина достигнет земли только через полчаса.

Отец Хойт не поднимал головы. Его пальцы летали по струнам. Северо-западный ветер все усиливался и становился все холоднее, но вплетавшиеся в его завывания чистые ноты балалайки несли с собой тепло и жизнь. Все кутались в одеяла и накидки, спасаясь от яростных порывов ветра, а маленький инструмент, не отставая от него ни на такт, вел свою партию. Никогда еще Консул не слышал более странной и прекрасной симфонии.

Ветер отчаянно взревел, обрушился на паломников с новой силой и внезапно стих. Хойт ударил по струнам в последний раз и отложил балалайку.

Ламия Брон огляделась:

— Почти рассвело.

— У нас есть еще час, — заметил полковник Кассад.

Ламия пожала плечами:

— К чему тянуть?

— И в самом деле, — сказал Сол Вайнтрауб и показал на восток, где звезды уже начали бледнеть, предвещая восход солнца. — Похоже, будет хороший день.

— Что ж, давайте собираться, — согласился Хойт. — Как вы думаете, нужно брать с собой вещи?

Все переглянулись.

— Вряд ли они понадобятся, — сказал Консул. — Разве что комлог с мультипередатчиком — его возьмет полковник. Берите только то, что вы приготовили для встречи со Шрайком. Все остальное оставим здесь.

— Ладно, — согласилась Ламия и, повернувшись к двери, махнула рукой: — Пойдемте.

От северо-восточных врат Башни вниз, к пустошам, вела шестьсот шестьдесят одна ступенька. Перил не было, и поэтому, прежде чем поставить ногу, паломникам приходилось подолгу вглядываться в темноту.

Спустившись, они оглянулись на оставшийся позади каменный отрог. Башня Хроноса казалась отсюда его частью, а балконы и наружные лестницы выглядели маленькими зарубками

на теле горы. Особенно яркие вспышки иногда отражались в стеклах окон, порой мелькала тень горгульи — других признаков Башни не было заметно, словно она растворилась в камне.

Держась открытых мест и избегая кустарников, шипы которых цеплялись за одежду, как когти хищных птиц, паломники пересекли гряду невысоких холмов. Вскоре траву сменил песок. Миновав несколько небольших барханов, они начали спускаться в долину.

Ламия Брон шла впереди. На ней была тонкая накидка и красный шелковый костюм с черной оторочкой. На запястье поблескивал комлог. Следом шел полковник Кассад в полном боевом снаряжении. Его полимерный камуфляж не был активирован, и поэтому доспехи казались матово-черными, поглощая весь падающий на них свет. На плече у него висела десантная винтовка стандартного образца. Забрало шлема сверкало, словно черное зеркало.

На отце Хойте была черная накидка и черный костюм со строгим белым воротничком. Балалайку он нес в руках, запеленав ее, как ребенка. Казалось, каждый шаг причиняет ему невыносимую боль. За ним следовал Консул, одетый в полном соответствии с дипломатическим прото-

колом: накрахмаленная сорочка, черные брюки и сюртук, бархатная накидка и золотая треуголка, которая была на нем во время их первой встречи на звездолете-дереве. Треуголку ему пришлось придерживать рукой, чтобы ее не унес вновь налетевший откуда ни возьмись ветер, который полз по дюнам, как змея, и швырял ему в лицо песок. За ним вплотную шагал Мартин Силен в своей шубе, мех на которой стоял дыбом.

Сол Вайнтрауб замыкал группу. Рахиль лежала в переносной люльке на груди отца, заботливо укрытая его накидкой. Ученый что-то напевал ей, но ветер уносил слова.

Через сорок минут они подошли к мертвому городу. Мрамор и гранит сверкали, озаренные вспышками взрывов. На фоне светлеющего неба уже проступили вершины гор, но Башня по-прежнему тонула в темноте. Паломники пересекли неглубокую песчаную впадину, поднялись на пологий холм, и внезапно перед ними открылась нижняя часть долины с Гробницами Времени. Консул разглядел вдали крылья Сфинкса и мерцание нефрита.

Грохот и треск, раздавшиеся где-то позади, заставили его испуганно обернуться.

— Началось? — спросила Ламия. — Бомбарди-

ровка?

— Да нет же, — невозмутимо ответил Кассад и указал рукой на небосвод над горными вершинами, где звезды затянуло мглой. Там сверкнула молния, осветившая ледники и глетчеры. — Это всего лишь гроза.

И они вновь зашагали по багрово-красным пескам. Консул вдруг понял, что все это время непроизвольно кого-то высматривает в долине возле Гробниц. Он был абсолютно уверен, что их там поджидает… *Он.*

— Смотрите-ка, — шепот Ламии Брон был еле слышен сквозь завывания ветра.

Гробницы Времени светились. Именно это свечение Консул и принял за отблески взрывов космической битвы. У каждой из Гробниц был свой оттенок, и каждая была отлично видна, проступая все ярче и ярче на фоне темной долины. В воздухе пахло озоном.

— Это обычное явление? — дрогнувшим голосом спросил отец Хойт.

Консул покачал головой:

— Никогда не слышал ни о чем подобном.

— Рахиль тоже никогда не говорила, что Гробницы могут светиться, — поддержал его Сол Вайнтрауб, и паломники снова зашагали по

сыпучим пескам. Ученый продолжал напевать прерванную было песенку.

У входа в долину они остановились. Мягкий песок сменился каменистым грунтом, а дальше, в низине, через которую пролегал путь к светящимся Гробницам, сгустились черные тени. Все топтались на месте. Все молчали. Консул чувствовал, как бешено колотится его сердце. Но сильнее, чем страх, сильнее, чем ожидание встречи с тем, что там, внизу, было объявшее его глубокое уныние, словно бы принесенное ветром, — леденящий душу страх, такой давящий, что хотелось бросить все и бегом бежать назад, к песчаным дюнам.

Консул повернулся к Вайнтраубу:

— Что за песенку вы поете дочке?

Сол с трудом выдавил улыбку и поскреб свою коротенькую бородку.

— Это из древнего плоского фильма. Он был снят еще до Хиджры. Какой там до Хиджры — до всего на свете.

— Спойте ее нам, — попросила Ламия Брон, поняв, что задумал Консул. Ее лицо побледнело.

Вайнтрауб запел — сначала еле слышно, но мелодия каким-то образом расшевелила всех. Отец Хойт развернул балалайку и начал подыгрывать

— все более и более уверенно.

Ламия Брон рассмеялась, а Мартин Силен с ужасом воскликнул:

— Бог ты мой, я ведь пел эту песенку в детстве. Седая старина.

— Но кто же волшебник? — спросил полковник; его усиленный шлемофоном голос заставил всех улыбнуться.

— И что такое Оз? — спросила Ламия.

— И кто же все-таки отправился повидать этого волшебника? — усмехнулся Консул, ощущая, как понемногу ослабевает сковавший его необъяснимый страх.

Сол Вайнтрауб остановился и попробовал пересказать фабулу старой ленты, давно превратившейся в прах.

— Не надо, — вдруг сказала Ламия. — Расскажете потом. Лучше спойте еще раз.

Грозовая туча приближалась к пустошам, тогда как горы давно уже поглотила тьма. Небо продолжало кровоточить, но горизонт на востоке немного побледнел. Слева от них белел мертвый город — словно пустыня скалила зубы.

Ламия снова шла впереди. Сол Вайнтрауб запел громче, и Рахиль зашевелила ручонками от удовольствия. Ленар Хойт откинул назад накидку,

чтобы она не мешала играть. Мартин Силен отшвырнул пустую бутылку далеко в пески и начал подпевать удивительно сильным и приятным голосом.

Федман Кассад поднял забрало, забросил винтовку за спину и присоединился к хору. Консул тоже начал было петь, потом подумал, что слова уж очень глупы, расхохотался — и снова запел.

Там, где начиналась тьма, дорога расширилась. Консул пошел вправо, Кассад присоединился к нему, Сол Вайнтрауб встал посередине. Теперь все шестеро шли бок о бок. Ламия Брон взяла за руку Силена, другую руку протянула Вайнтраубу.

Продолжая петь и не оглядываясь, паломники спустились по склону и двинулись к Гробницам Времени.

Падение Гипериона

Джону Китсу, чье имя написано в вечности

Может ли Бог соревноваться со своими творениями? Может ли вообще творец, пусть даже возможности его весьма ограниченны, всерьез соревноваться со своими творениями?

Норберт Винер. «Бог и Голем»

Разве не может быть так, что неким высшим существам доставляет развлечение искусный поворот мысли, удавшийся – пускай и безотчетно – моему разуму, как забавляет меня самого проворство суслика или испуганный прыжок оленя? Уличная драка не может не внушать отвращения, однако энергия, проявленная ее участниками, взывает к чувству прекрасного… Для высшего существа наши рассуждения могут выглядеть чем-то подобным: пусть даже ошибочные, тем не менее они прекрасны сами по себе. Именно в этом заключается сущность поэзии…

***Джон Китс, из письма к брату*[43]**

Воображение можно уподобить сну Адама:[44] *он пробудился и увидел, что все это – правда.*

---

[43] Примечания: 43

Письмо к Джорджу и Джорджиане Китсам от 14 февраля 1819 г. (Пер. С. Сухарева)

[44] Примечания: 44

…уподобить сну Адама… — Ср. «Потерянный рай» Мильтона (VIII, 452–490): Адаму снится, что из его ребра Бог создал прекрасную женщину; пробудившись, он видит ее наяву.

Джон Китс, из письма к другу[45]

[45] Примечания: 45
Письмо к Бенджамину Бейли от 22 ноября 1817 г. (Пер. С. Сухарева)

1
Глава первая

В день отбытия армады — последний день нашей мирной жизни — я был приглашен на прием. Приемы в тот вечер проходили повсюду, на всех полутораста с лишним планетах Гегемонии, но только этот стоил внимания.

Сообщив через инфосферу, что непременно буду, я удостоверился, что на моем лучшем смокинге нет ни пятнышка, неспешно помылся и побрился, оделся с тщательностью истого денди и в назначенный час с помощью одноразового дискоключа из чипа-приглашения нуль-транспортировался с Эсперансы на Тау Кита.

В этом полушарии ТКЦ был вечер, и косые лучи золотили холмы и долины Оленьего парка, серые башни Административного Комплекса далеко на юге, берега реки Тетис, окаймленные плакучими ивами и сверкающими огненными папоротниками, и белую колоннаду Дома Правительства. Гости прибывали тысячами, но сотрудники охраны успевали перехватить каждого — губы выговаривают «Добро пожаловать!», глаза сверя-

ют номер приглашения с ДНК гостя, рука взлетает в артистическом жесте, указывая дорогу к бару и банкетным столам.

— Господин Джозеф Северн? — учтиво осведомился один из распорядителей.

— Да, — солгал я. Хоть я и носил теперь это имя, но остался самим собой.

— Секретарь Сената Гладстон хотела бы встретиться с вами. Как только она освободится, вас известят.

— Прекрасно.

— Если у вас возникнут особые пожелания относительно меню или программы развлечений, достаточно высказать их вслух, и кураторы вечера постараются вам помочь.

Раскланявшись с распорядителем, я двинулся дальше, но не успел сделать и десяти шагов, как он уже встречал новых гостей, спускающихся с платформы терминекса.

Взойдя на пригорок, я смог охватить взглядом всю наманикюренную лужайку, простирающуюся на несколько сот акров. По ней фланировали толпы гостей. За лугом (его пространство уже расчертили длинные тени приречных деревьев) поднимался амфитеатром английский сад, а дальше высился гордый монолит Дома Прави-

тельства. В одном из внутренних двориков играл оркестр, и скрытые динамики доносили музыку до самых отдаленных уголков Оленьего парка. Из висящего высоко в небе нуль-портала один за другим появлялись ТМП и скользили по спирали к земле. Я немного понаблюдал, как их ярко одетые пассажиры сходят на платформу около пешеходного терминекса. От разнообразия летательных аппаратов захватывало дух. Среди стандартных «Виккенов», «Альтцов» и «Сумацу», сияли в закатных лучах отделанные под рококо палубы левитационных барж и даже причудливые металлические фюзеляжи старинных скиммеров, считавшихся ретро еще на Старой Земле.

По длинному косогору я сошел к реке и двинулся мимо причалов, где пестрая вереница судов высаживала своих пассажиров. Тетис — единственная в своем роде река, связывающая более двухсот планет и лун Сети. Она несет свои воды сквозь постоянно работающие нуль-порталы, и люди, что селятся на ее берегах, принадлежат к сливкам Гегемонии. О богатстве владельцев свидетельствовали суда: огромные крейсерские яхты, стремительные бригантины и пятиярусные баржи — многие, по-видимому, с антигравитаторами; изящные барки — очевидно,

с собственными нуль-порталами на борту; маленькие плавучие острова с Мауи-Обетованной; щеголеватые катера и субмарины, сошедшие со стапелей еще до Хиджры; великолепные экземпляры ТМП-амфибий с Возрождения-Вектор, украшенные ручной резьбой, и несколько современных яхт-вездеходок, чьи корпуса прятались в зеркальных коконах силовой защиты.

Сходящие по трапам гости не уступали великолепием своим судам — чего здесь только не было! От консервативных вечерних костюмов времен до-Хиджры на телах, к которым и пальцем не прикасались поульсенизаторы, до самых свежих изысков модельеров ТКЦ, где мода радикально меняется каждую неделю, на фигурах, вылепленных знаменитейшими палеореконструкторами Сети. Я задержался на миг у длинного стола, чтобы положить на свою тарелку ростбиф, салат, филе небесного кальмара, ложку парватийского карри и свежеиспеченный хлебец, и пошел дальше.

Когда мне наконец удалось отыскать свободное местечко, вечерняя мгла уже сгустилась и зажглись первые звезды. Огни Административного Комплекса и расположенного неподалеку города горели сегодня вполнакала — по случаю смотра армады, — и ночное небо ТК-Центра впервые за

много веков вновь обрело первозданную прозрачность.

Моя соседка обернулась ко мне с улыбкой:

— Уверена, мы где-то встречались.

Я улыбнулся в ответ, уверенный в обратном. Очень привлекательна. Вероятно, вдвое старше меня — около шестидесяти стандартолет, но выглядит благодаря деньгам и чудодею Поульсену моложе моих собственных двадцати шести. Кожа настолько светлая, что кажется почти прозрачной. Волосы уложены высоким валиком. Грудь, скорее выставленная напоказ, чем прикрытая накидкой из тончайшего газа, — безупречной формы. Глаза — жестокие.

— Может быть, — ответил я, — хотя маловероятно. Меня зовут Джозеф Северн.

— Ну конечно, — воскликнула она. — Вы художник!

Я не художник. Я поэт… когда-то был им. Но, возродившись год назад после гибели моего действительного воплощения, стал Северном, а значит — художником. Об этом говорилось в моем альтинг-файле.

— Я вас помню, — засмеялась дама. Ложь. Ничего она не помнила, а просто подключилась к инфосфере через свои дорогие импланты.

Мне не нужно было «подключаться» — неуклюжее, ненужное слово, к которому я не испытывал ни малейшего почтения, несмотря на всю его древность. Я мысленно закрыл глаза и *оказался* в инфосфере, одним махом проскочив через «непреодолимые» барьеры Альтинга. Оставив позади бушующие на поверхности волны бесчисленных запросов и ответов, я устремился вдоль светящейся нити ее подключения в сумрачные глубины «защищенного законом» океана информации.

— Я Дайана Филомель, — объявила дама. — Мой муж — администратор транспортного сектора на Седьмой Дракона.

Я кивнул и пожал ее протянутую руку. Она и не подумала упомянуть, что, прежде чем высокие покровители устроили ее мужа на Седьмую Дракона, он был главарем шайки громил при профсоюзе грязекопов на Небесных Вратах, или что ее когда-то звали Дайни-Сиська и была она обычной шлюхой, хозяйкой притона на Центральном Отстойнике и ее дважды арестовывали за злоупотребление флэшбэком, причем при втором аресте был тяжело ранен врач гостиницы… или что в возрасте девяти лет она отравила сводного брата, потому что тот угрожал рассказать

отчиму о ее свиданиях с грязекопом по имени…

— Рад с вами познакомиться, госпожа Филомель, — произнес я. Ее рука была теплой. Она задержала мою ладонь в своей чуть дольше, чем требовал этикет.

— Волнующе, не правда ли? — выдохнула она.

— Что именно?

Широким взмахом руки она обвела все вокруг: ночное небо, зажигающиеся осветительные шары, деревья, толпу:

— О, этот прием, война — все, все.

Я улыбнулся в знак согласия и попробовал ростбиф. Он был в меру сыроват и вполне съедобен, но, судя по солоноватому привкусу, мясо родилось и выросло в чане клонокомбината Лузуса. Кальмар, похоже, был натуральным. Появились официанты с шампанским. Я взял с подноса бокал. Никуда не годное. Хорошее вино, виски и кофе — вот священная триада напитков, безвозвратно сгинувших вместе со Старой Землей.

— Так вы считаете, что война необходима? — спросил я.

— Еще как необходима, черт подери!

Дайана Филомель только открыла рот, а ответил за нее ее муж, незаметно подошедший и плюхнувшийся рядом с нами на декоративное

пластиковое бревно, — верзила, по меньшей мере на полтора фута выше меня. Правда, сам я отнюдь не великан. Память подсказывает мне, что в одном из стихотворений я насмешливо именовал себя «…мистером Джоном Китсом, пяти футов роста», хотя мой рост — пять футов и один дюйм, что несколько меньше средних пяти футов шести дюймов для времен Наполеона и Веллингтона, и до смешного мало теперь, когда рост мужчин на планетах со средней гравитацией колеблется от шести до семи футов. По моей заурядной мускулатуре и телосложению не скажешь, что я вырос при большой силе тяжести, поэтому в глазах окружающих я просто коротышка. (Излагая свои мысли, я употребляю те единицы измерений, которыми пользуется мое сознание… Из всех вынужденных изменений в ментальных стереотипах, которые мне пришлось претерпеть после второго рождения в Сети, труднее всего оказался переход на метрическую систему мер. Иногда у меня просто голова шла кругом.)

— Так почему же война необходима? — спросил я Гермунда Филомеля, мужа Дайаны.

— Потому, что эти ублюдки сами на нее напросились, — прорычал верзила, и на скулах у него заходили желваки. Впечатление он производил

самое что ни на есть зверское. Шеи у него почти не было, а борода росла под кожей, неподвластная ни эпиляторам, ни лезвию, ни бритве. Вдобавок его кулаки были вдвое больше моих.

— Понимаю, — сказал я.

— Эти ублюдки Бродяги сами напросились, — повторил он, решив специально для меня вновь перечислить свои основные аргументы. — Вот на Брешии они выдрючивались — и довыдрючивались. А теперь выдрючиваются на этом… как там его…

— В системе Гипериона, — подсказала жена, не сводя с меня глаз.

— Во-во, — подхватил ее повелитель и муж, — в системе Гипериона. Они, значит, все выдрючиваются, строят из себя деловых. И пора показать им, что с Гегемонией шутки плохи. Понимаешь?

Я вспомнил, как меня, восьмилетнего, послали учиться в частную школу Джона Кларка в Энфилде, где хватало таких вот тупоумных задир с кулаками-окороками. Впервые попав в школу, я то пытался избегать их, то гнул перед ними шею. Когда умерла моя мать и мир перевернулся, я сам начал их преследовать. Зажимая в кулаках камни, даже с разбитым носом и выбитыми зубами, я поднимался с земли, чтобы продолжить бой.

— Понимаю, — прошептал я. Моя тарелка между тем опустела. Подняв бокал с остатками скверного шампанского, я провозгласил последний тост за Дайану Филомель.

— Нарисуйте меня, — сказала она.

— Простите?

— Нарисуйте меня, господин Северн. Вы же художник.

— Маляр, — ответил я, выразив жестом свою полную беспомощность. — И боюсь, не захватил мое стило.

Дайана Филомель покопалась в пиджачном кармане своего мужа и вручила мне световое перо:

— Пожалуйста.

Портрет возник в воздухе между нами. Линии взмывали вверх, ныряли и сами себя пересекали, подобно неоновым нитям накала в электроскульптуре. Вокруг собралась кучка зевак. Когда я закончил, раздались робкие аплодисменты. Рисунок и впрямь был неплох. Он точно передавал чувственный изгиб длинной шеи, очертания высокой прически, выдающиеся скулы… даже легкий двусмысленный блеск глаз. Пожалуй, это было лучшее, что я мог создать после РНК-терапии и уроков рисования, подго-

товивших меня к роли художника. У настоящего Джозефа Северна получалось лучше. Помню, как он рисовал меня на смертном одре.

Лицо госпожи Дайаны Филомель просияло. Господин Гермунд Филомель покосился на меня.

Раздался крик:

— Вот они!

Толпа зашумела… затаила дыхание… замерла. Осветительные шары и садовые фонари медленно потускнели, потом погасли. Тысячи гостей обратили взоры к небу. Я стер рисунок и сунул световое перо в карман Гермунду.

— Это армада, — сказал представительный пожилой мужчина в черном мундире ВКС. Он поднял руку с бокалом, указывая на что-то своей молодой спутнице: — Портал только что открыли. Первыми пойдут разведчики под эскортом факельщиков.

С места, где мы находились, не было видно военного нуль-портала: думаю, даже из космоса он выглядел бы всего лишь как прямоугольный участок, на котором нарушен привычный рисунок созвездий. Зато четко виднелись огненные следы кораблей-разведчиков — сначала подобно рою светлячков или кружеву лучистой паутины, потом, когда корабли включили маршевые

двигатели и пронеслись по окололунному транспортному коридору системы Тау Кита, в виде ослепительных комет. Нового дружного «ах!» удостоилось появление из портала факельных звездолетов, с огненными хвостами во сто крат длиннее, чем у разведчиков. Ночное небо ТКЦ словно расчертили красно-золотыми полосами от зенита до горизонта.

Кто-то первым захлопал в ладоши, и через несколько секунд площадки, лужайки и аллеи Оленьего парка захлестнула буря неистовых рукоплесканий, прямо-таки цунами хриплых «ура!». Толпа сверхэлегантных миллиардеров, правительственных чиновников, аристократов сотен миров, позабыв обо всем, отдалась патриотическому угару и жажде вражеской крови — чувствам, дремавшим почти полтора века.

Я не аплодировал. Никем не замечаемый, я мысленно произнес тост — теперь не за леди Филомель, а за неистребимую глупость моих собратьев — и допил остатки шампанского, уже выдохшегося.

Теперь в систему Тау Кита входили основные корабли флотилии. Из нескольких легких прикосновений к инфосфере (ее поверхность, бугристая от всплесков информации, к этому моменту уже

походила на штормовое море) я узнал, что костяк космической армады ВКС составляют сто с лишним крупных спин-звездолетов: матово-черные ударные авианосцы с разведенными старт-пилонами; штабные корабли класса три-С, красивые и хрупкие, как метеоры из черного хрусталя; луковицеобразные эсминцы, напоминающие раздутые факельщики, каковыми, по сути, они и были; силовые заградители — скорее сгустки энергии, чем нечто материальное. В серебристом зеркале их силовых щитов, работающих сейчас в режиме полного отражения, зрители увидели саму Тау Кита и серпантин огненных шлейфов. Тут были скоростные крейсеры, шнырявшие, как акулы, среди своих медлительных собратьев, громоздкие войсковые транспортники, в чьих трюмах бултыхались в невесомости тысячи морских пехотинцев, и множество вспомогательных кораблей: сторожевики, истребители, торпедные катера, ретрансляторы мультисвязи и, наконец, корабли-«прыгуны» с мобильными порталами — огромные додекаэдры со сказочным оперением из тысяч зондов и антенн.

А вдалеке, удерживаемые на безопасном расстоянии диспетчерами, порхали яхты, гелионакопители и мелкие частные корабли, ловя

парусами солнечный свет и россыпи огней армады.

Гости в садах и парках Дома Правительства из последних сил кричали «ура!» и аплодировали. Господин в черном мундире ВКС беззвучно плакал. Скрытые камеры и широкополосные имиджеры транслировали волнующий момент на все миры Сети и — по мультилинии — на десятки внесистемных планет.

Я качал головой, не вставая со своего бревна.

— Господин Северн? — надо мной стояла охранница.

— Да.

Она кивком указала на резиденцию правительства:

— Секретарь Гладстон ждет вас.

Глава вторая

В эпохи смут и потрясений на политической сцене появляются руководители, самим небом, казалось, предназначенные для этой роли и, как оказывается впоследствии, связанные неразрывными узами с судьбами своего времени. Для нашей Эпохи Конца таким руководителем стала Мейна Гладстон. Правда, в те дни никому бы и в

голову не пришло, что именно мне придется писать правдивую историю ее жизни и ее времени.

Гладстон так часто сравнивали с бессмертным Авраамом Линкольном, что, представ перед этой великой женщиной, я даже удивился, не увидев на ней цилиндра и черного сюртука. Секретарь Сената и председатель правительства, заботящегося о ста тридцати миллиардах граждан, была одета в костюм из тонкой шерсти: брюки и жакет, по швам и манжетам отделанные скромнейшими красными выпушками. Она не показалась мне похожей ни на Авраама Линкольна, ни на Альвареса-Темпа, второго по популярности древнего героя, именуемого в прессе «прошлым воплощением Мейны», а скорее на обычную старую даму.

Да, Мейна Гладстон была высока и худа, но лицом напоминала скорее орлицу, чем Линкольна: крючковатый нос, высокие скулы, крупный выразительный рот с тонкими губами и седые, кое-как подстриженные волосы — не волосы, а перья. Но главным в ее лице были глаза: большие, карие, невыразимо печальные.

Наша встреча проходила в длинной, неярко освещенной комнате, вдоль стен которой тянулись деревянные полки с сотнями печатных книг. Огромный голоэкран, стилизованный под

окно, позволял наблюдать за происходящим в садах. Совещание близилось к концу, и десятка полтора мужчин и женщин стояли и сидели, образуя неровный полукруг перед столом Гладстон. Скрестив руки на груди, она полусидела на краешке своего стола и, когда я пошел, вскинула голову:

— Господин Северн?

— Да, это я.

— Благодарю, что согласились прийти. — Голос секретаря Сената был знаком мне по тысяче дебатов Альтинга: огрубевший с годами и в то же время вкрадчивый, как дорогой ликер. Ее манера говорить была знаменита — безупречно точный синтаксис сочетался в ней с непринужденностью земного английского, который теперь можно услышать лишь в долинах рек ее родной планеты Патофы.

— Господа и дамы, позвольте представить вам Джозефа Северна, — произнесла она.

Некоторые из присутствующих учтиво кивнули, очевидно, теряясь в догадках относительно причин моего появления. Гладстон никого не стала мне представлять, но, заглянув в инфосферу, я познакомился со всеми: три члена кабинета, включая министра обороны, два высоких штаб-

ных чина ВКС, два помощника Гладстон, четыре сенатора, и среди них могущественнейший Колчев, а также проекция советника Техно-Центра, известного под именем Альбедо.

— Миссия господина Северна — взглянуть на нашу работу под художественным углом зрения, — объявила Гладстон.

Генерал Морпурго насмешливо хрюкнул:

— Художественный угол зрения? При всем моем уважении к вам, госпожа Гладстон, — что это еще за чертовщина?

Гладстон улыбнулась и, не отвечая генералу, повернулась ко мне:

— Что вы думаете о смотре армады, господин Северн?

— Очень мило, — ответил я.

Генерал Морпурго издал носом какой-то звук.

— Мило? Видеть величайшую в истории галактики концентрацию космической огневой мощи и говорить, что это *мило?!* — Повернувшись к своему соседу, он иронически покачал головой.

Улыбка не покинула губ Гладстон.

— А война? Как вы оцениваете нашу попытку спасти Гиперион от варварских орд?

— Это глупость, — ответил я.

Воцарилась полная тишина. Последнее голо-

сование в Альтинге показало, что 98 процентов граждан Гегемонии одобряют решение секретаря Сената объявить войну Бродягам. От исхода этого конфликта зависела и участь Гладстон как политика. Люди, собравшиеся в этой комнате, определяли политическую линию и разрабатывали стратегию военных действий. Именно они должны были принять окончательное решение о высадке войск. Пауза затянулась.

— Почему? — тихо спросила Гладстон.

Я сделал неопределенный жест рукой.

— Гегемония ни с кем не воевала семь веков, со времен своего основания. Глупо испытывать прочность ее устоев таким путем.

— Как это «не воевала»?! — вскричал генерал Морпурго, упершись огромными лапищами в колени. — А как же вы назовете мятеж Гленнон-Хайта, милостивый… государь?

— Мятежом, — ответил я. — Бунтом. Полицейской акцией.

Сенатор Колчев раздвинул губы в зловещей улыбке. Уроженец Лузуса, он, казалось, был слеплен из одних мускулов.

— Вмешательство флота, — негромко проговорил он. — Полмиллиона погибших, две дивизии ВКС, которые больше года не могли сломить про-

тивника… Значит, сынок, это была полицейская акция?

Я промолчал.

Ли Хент, пожилой, чахоточного вида мужчина, считавшийся правой рукой Гладстон, откашлялся:

— Но господин Северн говорит интересные вещи. Скажите, сэр, в чем вы видите разницу между войной Гленнон-Хайта и этим… э-э… конфликтом?

— Гленнон-Хайт был отставным офицером ВКС, — ответил я, сознавая, что повторяю общеизвестное. — Бродяги уже много веков остаются неизвестной величиной. Мы знали, какими силами располагают мятежники, их действия легко поддавались расчету, а орды же Бродяг кочуют вне досягаемости Сети со времени Хиджры. Гленнон-Хайт держался в пределах Протектората, нападая на миры, находящиеся в радиусе двух месяцев лета от Сети. От Гипериона до ближайшей базы ВКС — Парвати — целых три года.

— Вы думаете, мы не знаем об этом? — вскипел генерал Морпурго. — Ну а Брешия? Там-то мы сражались с Бродягами! Какой же это мятеж?

— Тише, пожалуйста, — обернулся к нему Ли Хент. — Продолжайте, господин Северн.

Я снова пожал плечами.

— Вся разница в том, что теперь мы имеем дело с Гиперионом.

Сенатор Ришо кивнула, полагая, что я полностью объяснил свою позицию.

— Вы боитесь Шрайка, — уверенно сказала она. — Вероятно, вы принадлежите к Церкви Последнего Искупления?

— Нет, — ответил я. — Я не поклоняюсь Шрайку.

— Кто вы? — резко спросил Морпурго.

— Художник, — солгал я.

Ли Хент с улыбкой обернулся к Гладстон:

— Госпожа секретарь, я согласен, что это мнение должно было отрезвить наши головы, — сказал он, указывая на аплодирующие толпы в окне-экране. — Однако, пока наш друг-художник излагал свои аргументы, их уже успели проанализировать и взвесить.

Раздался негромкий кашель, и сенатор Колчев произнес:

— Не слишком это приятно — говорить об очевидном, когда все вокруг предпочитают это очевидное игнорировать, но обладает ли сей… господин… соответствующим разрешением службы безопасности для присутствия на подобных

совещаниях?

Гладстон кивнула и слегка улыбнулась той улыбкой, которую мечтали перенести на бумагу многие карикатуристы.

— Министерство искусств уполномочило господина Северна сделать серию зарисовок в течение ближайших дней или недель. Предполагается, что они будут иметь некую историческую ценность и смогут послужить материалом для официального портрета. Во всяком случае, господин Северн получил от службы безопасности «золотую карту», и мы можем свободно говорить в его присутствии. Кроме того, я высоко ценю его прямоту. В определенном смысле его приход — знак того, что наше совещание завершено. Я жду вас завтра утром в Военном Комитете, в 08:00, перед переброской флота в пространство Гипериона.

Все направились к дверям. Генерал Морпурго, удаляясь, наградил меня свирепым взглядом. Сенатор Колчев, проходя мимо, поглядел с некоторым любопытством. Советник Альбедо просто растаял в воздухе. Кроме Гладстон и меня, в комнате остался один Ли Хент. Он устроился поудобнее, перекинув ногу через подлокотник бесценного кресла, привезенного со Старой Зем-

ли.

— Присаживайтесь, — обронил он.

Я взглянул на секретаря Сената и выбрал стул с прямой спинкой, на котором только что сидел генерал Морпурго.

— Вы действительно считаете оборону Гипериона глупостью? — спросила Мейна Гладстон.

— Да.

Она сложила пальцы в щепоть и задумчиво потеребила нижнюю губу. В окне за ее спиной беззвучно бушевал прием в честь армады.

— Если вы еще надеетесь на воссоединение с вашим… э-э… двойником, — произнесла она, — то продолжение Гиперионовской кампании в ваших же интересах.

Я не отозвался. Теперь в окне появилось ночное небо, в котором еще пылали следы армады.

— Рисовальные принадлежности у вас с собой? — спросила Гладстон.

Я извлек карандаш и небольшой блокнот, о которых предпочел не упоминать при Дайане Филомель.

— Рисуйте, пока мы разговариваем, — предложила Мейна Гладстон.

Я приступил к работе: быстро наметил ее опущенные плечи и занялся лицом. Меня заин-

триговали глаза.

Тут я ощутил на себе пристальный взгляд Ли Хента.

— Джозеф Северн, — протянул он. — Интересное имя вы себе выбрали.

Стремительными четкими штрихами я очертил высокий лоб и орлиный нос Мейны Гладстон.

— Знаете, почему люди недолюбливают кибридов? — продолжал Хент.

— Да, — ответил я. — Синдром чудовища Франкенштейна. Боязнь всего человекоподобного, но не совсем подходящего под определение «человек». Потому-то андроидов и объявили вне закона.

— Угу, — согласился он. — Но ведь кибриды — самые настоящие люди, не так ли?

— С точки зрения генетики — да, — ответил я и поймал себя на том, что вспоминаю мать — как читал ей вслух, когда она заболела. Подумал о моем брате Томе. — Но они часть Техно-Центра и потому подпадают под определение «не вполне человек».

— А вы тоже часть Техно-Центра? — спросила Мейна Гладстон, взглянув мне в глаза. Я начал новый набросок.

— Не совсем, — ответил я. — Я могу свободно путешествовать там, куда меня допускают, но это ближе к обычному подключению к инфосфере, чем к возможностям полноправных членов Техно-Центра.

В три четверти ее лицо выглядело интереснее, но вся сила, заключенная в глазах, открывалась, когда они смотрели на тебя в упор. Я занялся паутинками морщинок, разбегающихся из уголков этих глаз. Мейна Гладстон, очевидно, никогда не прибегала к поульсенизации.

— Если бы можно было что-то скрыть от Техно-Центра, — сказала Мейна Гладстон, — допускать вас на заседания правительства было бы безумием. Так или иначе… — Она опустила руки на колени и выпрямилась. Я перевернул страницу в блокноте. — Так или иначе, — продолжала она, — вы располагаете необходимой мне информацией. Правда ли, что вы можете читать мысли вашего двойника, первой воскрешенной личности?

— Нет.

Перенести на бумагу сложное переплетение морщин и мускулов в уголках ее рта было непросто. Я зарисовал его как умел, переключился на волевой подбородок, положил тень под нижнюю губу.

Хент, нахмурив лоб, покосился на главу правительства. Мейна Гладстон снова сложила пальцы в щепоть.

— Объясните, — попросила она.

Я поднял глаза от рисунка.

— Я вижу сны. В них, по-видимому, отражаются события, происходящие вокруг человека, который носит в своем теле имплант предыдущей личности Китса.

— Это женщина. Ее зовут Ламия Брон, — сказал Ли Хент.

Гладстон кивнула.

— Значит, первичная личность Китса, которая считалась убитой на Лузусе, все еще жива?

Я замялся.

— Она… он… все еще в сознании. Вы же знаете, что субстрат первичной личности был извлечен из Техно-Центра, очевидно, самим кибридом и имплантирован в биошунт, носимый госпожой Брон.

— О да, — подтвердил Ли Хент. — Но суть дела в том, что вы поддерживаете связь с личностью Китса, а через нее — с паломниками к Шрайку.

Из быстрых черных штрихов сложился темный фон, придавший портрету Гладстон глубину.

— Вряд ли это можно назвать связью, — заме-

тил я. — Я вижу сны, сны о Гиперионе. Сообщения, которые вы получаете по мультилинии, подтверждают, что мои сны адекватны происходящим там событиям. Но я не могу общаться ни с пассивной личностью Китса, ни с ее носительницей или прочими паломниками.

Мейна Гладстон прищурилась:

— Откуда вы узнали о передачах по мультилинии?

— Консул рассказал паломникам, что может отправлять сообщения через комлог и мультипередатчик своего корабля. Они разговаривали об этом в Башне Хроноса, как раз перед спуском в долину.

— И как им понравилось откровение Консула? — спросила Гладстон тоном адвоката: наследие тех лет, когда она еще не оставила юриспруденцию ради политики.

— Они давно знают, что среди них есть шпион, — сказал я, убирая карандаш в карман. — Вы сами предупредили об этом каждого.

Гладстон взглянула на своего помощника. Лицо Хента ничего не выражало.

— Раз вы поддерживаете с ними связь, — сказала она, — вам должно быть известно, что мы не получили от них ни единой мультиграммы с тех

пор, как они покинули Башню Хроноса и начали спускаться к Гробницам Времени.

Я покачал головой.

— Прошлой ночью сон прервался как раз на том, что они подошли к долине.

Мейна Гладстон встала, прошла к окну, подняла руку, и экран погас.

— Значит, вы не знаете, живы ли они?

— Нет.

— Каково было их положение, когда вы… видели их во сне в последний раз?

Хент не отрывал от меня глаз. Мейна Гладстон смотрела на темный экран, повернувшись спиной к нам обоим.

— Все были живы, — сказал я. — За исключением Хета Мастина, Истинного Гласа Древа.

— Он мертв? — спросил Хент.

— Он исчез из ветровоза в Травяном море двое суток назад — после того, как разведчики Бродяг уничтожили корабль-дерево «Иггдрасиль». Но недавно паломники видели с Башни Хроноса, как человек в мантии шел через пустыню в направлении Гробниц.

— И это был Хет Мастин? — спросила Гладстон.

— Они так предположили, но точно сказать не могли.

— Расскажите об остальных, — попросила секретарь Сената.

Я перевел дух. Из снов я знал, что Гладстон лично знакома по меньшей мере с двумя участниками последнего паломничества к Шрайку. Отец Ламии Брон был ее коллегой по Сенату, а Консул являлся личным представителем Гладстон на тайных переговорах с Бродягами.

— У отца Хойта сильные боли, — сказал я. — Он рассказал остальным историю крестоформа. Консул узнал, что Хойт носит на себе крестоформ… даже два. Отца Дюре и свой собственный.

Гладстон кивнула.

— Значит, он не избавился от паразита-воскресителя?

— Нет.

— И с приближением к логову Шрайка он беспокоит его все сильнее?

— Кажется, так.

— Продолжайте.

— Поэт, Мартин Силен, все это время пьянствовал. Он убежден, что его неоконченная поэма предсказала ход событий и продолжает ими управлять.

— На Гиперионе? — спросила Гладстон, не оборачиваясь.

— Повсюду, — ответил я.

Хент бросил взгляд на секретаря Сената и снова уставился на меня.

— Силен сумасшедший?

Я не опустил глаз, но промолчал. По правде говоря, я и сам не знал.

— Продолжайте, — попросила Гладстон.

— У полковника Кассада навязчивая идея: отыскать женщину по имени Монета и убить Шрайка. Он подозревает, что Шрайк и Монета одно и то же существо.

— Он вооружен? — спросила Гладстон очень тихо.

— Да.

— Продолжайте.

— Сол Вайнтрауб, ученый с Мира Барнарда, надеется войти в Гробницу под названием «Сфинкс», как только…

— Извините, — перебила меня Гладстон. — Его дочь все еще с ним?

— Да.

— И сколько Рахили сейчас?

— Пять дней, по-моему. — Я закрыл глаза, пытаясь припомнить подробности вчерашнего сна. — Да, — повторил я, — пять дней.

— И она все еще растет наоборот?

— Да.

— Продолжайте, господин Северн. Расскажите, пожалуйста, о Ламии Брон и Консуле.

— Ламия Брон выполняет волю своего бывшего клиента… и любовника, — сказал я. — Личность Китса считала, что должна встретиться со Шрайком лицом к лицу. Госпожа Брон намерена сделать это вместо Китса.

— Господин Северн, — начал Ли Хент, — вы говорите о «личности Китса» так, словно она не имеет никакого отношения к вашей собственной…

— Пожалуйста, Ли, потом, — быстро перебила его Мейна Гладстон. Обернувшись, она снова посмотрела мне в глаза. — А как поживает Консул? Он объяснил, что побудило его присоединиться к паломникам?

— Да, — ответил я.

Гладстон и Хент ждали.

— Консул рассказал им о своей бабушке, — сказал я. — Женщине по имени Сири, которая возглавила восстание на Мауи-Обетованной полвека назад. А также о том, что его собственная семья погибла во время битвы за Брешию, и признался в своих тайных встречах с Бродягами.

— Это все? — спросила Гладстон, не сводя с меня

лихорадочно блестящих карих глаз.

— Нет, — ответил я. — Консул объявил, что именно он включил созданное Бродягами устройство, ускорившее открытие Гробниц.

Хент вскинул голову, его нога соскользнула с подлокотника кресла. Гладстон прерывисто выдохнула.

— Это все?

— Да.

— Как реагировали остальные на его признание в… предательстве? — спросила она.

Я помолчал, пытаясь выстроить обрывки сна в линейной последовательности.

— Некоторые стали возмущаться. Но никто не выказал беззаветной верности Гегемонии. Паломники решили продолжать путь. Мне кажется, все они в глубине души считают, что возмездие должно прийти от Шрайка, а не от людей.

Хент стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

— Будь Консул здесь, — резко произнес он, — живо убедился бы в обратном.

— Спокойно, Ли. — Гладстон возвратилась к своему письменному столу и зашуршала бумагами. Сигнальные лампочки линий связи нетерпеливо мигали. Я поразился, что она потратила столько

времени на беседу со мной. — Благодарю вас, господин Северн, и прошу вас остаться на несколько дней. Ваши апартаменты в жилом крыле Дома Правительства.

Я встал.

— Мне нужно на Эсперансу за вещами.

— Не беспокойтесь, — сказала Гладстон. — Ваш багаж прибыл сюда раньше вас. Ли вас проводит.

Я поклонился и пошел за долговязым Ли к двери.

— Да, господин Северн… — окликнула меня Гладстон.

— Я вас слушаю.

Секретарь Сената улыбнулась.

— Я высоко ценю вашу искренность, — сказала она. — Но начиная с этого момента, будем считать, что вы — придворный художник, и только. Не рассуждающий, невидимый и неслышимый.

— Понятно, — ответил я.

Гладстон кивнула и в следующее мгновение уже переключилась на мигающие лампочки теле — и прочих фонов.

— Отлично. Пожалуйста, приходите завтра со своим блокнотом на совещание в Военный Комитет к 08:00.

Ожидавший в приемной сотрудник службы

безопасности поманил меня за собой. Мы уже углубились в лабиринт коридоров, когда оставшийся позади Хент что-то крикнул и бросился за нами следом. Его шаги эхом разносились по огромному зданию. Подбежав к нам, он схватил меня за руку.

— Не делайте глупостей, — негромко произнес он. — Мы знаем… *она* знает, кто вы такой, и что вы такое, и кто вас сюда прислал.

Не опуская глаз, я спокойно высвободил руку.

— Очень хорошо, так как в настоящую минуту я совершенно уверен, что сам этого не знаю.

Глава третья

Шестеро взрослых и младенец во враждебном мире. В сгущающейся тьме их костер выглядит жалкой искоркой. Над ними и вокруг стеной вздымаются горы, окружающие долину, а рядом во мраке притаились громадины Гробниц. Они кажутся призраками каких-то допотопных монстров, подползающими все ближе и ближе.

Ламия Брон вконец вымоталась, и при каждом крике младенца на руках у Вайнтрауба стискивает зубы. За последние трое суток они спали не больше нескольких часов, а прошедший день

добавил тревог и волнений. Ламия подбрасывает в костер полено.

— Последнее, — цедит сквозь зубы Мартин Силен. Костер подсвечивает его козлиную физиономию.

— Знаю, — бесцветным голосом отвечает Ламия, слишком усталая, чтобы огрызаться и вообще выражать свои чувства вслух. Дрова для костра взяты из тайника, устроенного здесь паломниками много лет назад. Три небольшие палатки стоят на площадке, используемой для традиционного последнего ночлега перед встречей со Шрайком. Это неподалеку от Гробницы, именуемой Сфинксом; черная громада — его крыло — заслоняет часть неба.

— Ну что ж, сгорит последнее — включим фонарь, — бросает Консул. Он выглядит более измученным, чем остальные. Пляшущее пламя бросает красные отблески на его лицо. Ради скорого свидания со Шрайком он обрядился в свою дипломатическую форму, но за день пелерина и треуголка испачкались и помялись — как, впрочем, и сам Консул.

К костру возвращается полковник Кассад. Он поднимает ночной визор, и на высоте двух метров от земли внезапно появляется его лицо. Одно

только лицо — боевой скафандр из полимерной «хамелеоновой кожи» превратил Кассада в невидимку.

— Пусто, — говорит он. — Ничто не движется. Никаких тепловых следов. Ни звука — один ветер.

Кассад прислоняет универсальную десантную винтовку к скале и опускается на корточки рядом с остальными. Волокна его скафандра дезактивируются, становясь матово-черными, что, однако, не возвращает Кассада в разряд видимых существ.

— Вы полагаете, Шрайк явится сегодня ночью? — спрашивает отец Хойт срывающимся голосом. Священник, закутанный в черный плащ, сливается с тьмой, совсем как Кассад.

Наклонившись к костру, полковник ворошит угли:

— Трудно сказать. На всякий случай я покараулю.

Внезапно все шестеро задирают головы: в звездном небе, затмевая созвездия, начинают беззвучно расцветать чудовищные оранжевые и красные бутоны.

— Ну вот, опять начинается, — бормочет Сол Вайнтрауб, укачивая дочку. Рахиль успокоилась

и теперь пытается ухватить отца за короткую бородку. Вайнтрауб целует крохотную ручонку.

— Снова прощупывают линию обороны Гегемонии, — замечает Кассад. От разворошенного костра летят искры; они уносятся в небо, будто хотят присоединиться к ослепительным огням там, наверху.

— Кто же победил? — спрашивает Ламия. Беззвучная космическая битва раздирала небеса всю прошлую ночь и добрую половину дня.

— А какая к черту разница? — Мартин Силен роется в карманах шубы, словно надеясь найти там непочатую бутылку. Но бутылки нет. — Какая к черту разница, — бормочет он снова.

— Большая, — устало роняет Консул. — Если Бродяги прорвутся, они могут уничтожить Гиперион прежде, чем мы отыщем Шрайка.

Силен разражается издевательским смехом:

— О, какой кошмар! Умереть, не повидавшись со смертью! Погибнуть без талончика на гибель! Уйти быстро и без боли, а не извиваться веки вечные на колючках Шрайка! О, об этом даже подумать страшно!

— Заткнись, — говорит Ламия Брон. В ее монотонном голосе никаких эмоций, разве что усталая угроза, а глаза устремлены на Консула. — Так где

же Шрайк? Почему мы его не нашли?

Дипломат не отрывает глаз от огня.

— Не знаю. Да и откуда мне знать?

— Возможно, Шрайка больше нет, — вставляет отец Хойт. — Возможно, сняв антиэнтропийную защиту, вы освободили его навеки. И теперь он собирает кровавую жатву в других мирах.

Консул молча качает головой.

— Нет, — вмешивается в разговор Сол Вайнтрауб. Ребенок спит у него на груди. — Он будет здесь. Я чувствую.

Ламия кивает в знак согласия:

— Я тоже чувствую. Он выжидает.

Она достает из рюкзака несколько рационов и, включив нагрев, раздает паломникам ужин.

— Что и говорить: разочарование — основа и уток нашего мира, — замечает Силен. — Но вы-то, вы!.. Умора! Вырядились для похорон, а теперь ищете, где бы откинуть копыта.

Ламия морщится, но ничего не отвечает. Трапеза продолжается в молчании. Огненные гроздья гаснут, звезды вновь усеивают небо, а искры все летят и летят вверх, точно ища спасения.

Блуждая в сонной дымке мыслей Ламии Брон, я пытаюсь восстановить события, произошедшие со времени моего последнего сна о паломниках.

Незадолго до рассвета паломники, распевая песню, спустились в долину; впереди них ползли их длинные тени, отбрасываемые заревом космической битвы, бушующей в миллиарде километров от планеты. Спустившись, они начали осматривать Гробницы Времени, с минуты на минуту ожидая смерти. Через несколько часов, когда взошло солнце и холод высокогорной пустыни уступил место зною, страх и возбуждение стали понемногу рассеиваться.

Царящую в долине тишину нарушало лишь шуршание песка, голоса окликающих друг друга паломников, да стоны ветра, неустанно, до звона в ушах бьющегося о скалы и стены Гробниц. И Кассад и Консул захватили приборы для замера антиэнтропийных полей, но Ламия первой заметила, что они не нужны — приливы и отливы волн времени отзывались в теле легкой тошнотой, сопровождаемой неослабным чувством ложной памяти.

Ближе всего ко входу в долину находился Сфинкс; дальше располагалась Нефритовая Гробница, стены которой в утренних и вечерних сумерках становились полупрозрачными; далее, метрах в ста от нее, возвышалось сооружение под названием Обелиск; оттуда тропа паломников

шла по руслу высохшего ручья, приводя к самой грандиозной, занимающей центральное положение Гробнице — Хрустальному Монолиту. То была голая глыба без единого прохода внутрь, с плоской вершиной, возвышавшейся над стенами долины. Еще дальше находились Пещерные Гробницы, входы в которые можно было отыскать благодаря дорожкам, проторенным тысячами ног; и наконец, километром дальше высился так называемый Дворец Шрайка. Его острые зубцы и торчащие повсюду шпили лишний раз напоминали об острых шипах мифического обитателя этих мест.

Весь день паломники ходили от гробнице к гробнице, держась тесной кучкой; перед сооружениями, в которые можно было войти, они ненадолго задерживались. Сердце Вайнтрауба бешено забилось, когда он переступил порог Сфинкса: именно отсюда его дочь двадцать шесть лет назад вынесла болезнь Мерлина. Приборы, установленные университетской экспедицией, все еще стояли на своих треногах вокруг могилы, но понять, действуют ли они, никто не мог. Узкие и запутанные коридоры Сфинкса оказались точно такими, какими описала их Рахиль в своем дневнике. Гирлянды люмшаров и электроламп

давно погасли. Паломники осматривали помещения с помощью карманных фонарей и ночного визора Кассада. Им не удалось обнаружить ничего похожего на комнату, где была Рахиль, когда стены сомкнулись и в девушку вошла болезнь. От могучих приливов времени осталась лишь жалкая зыбь. Шрайк не давал о себе знать.

Перед каждой новой Гробницей паломники переживали мгновение душераздирающего ужаса и нетерпеливого предвкушения, но оно сменялось часами досады, когда перед ними вновь и вновь представали вереницы пыльных, пустых комнат: все, что видели туристы и паломники минувших веков.

Наконец день, не принесший ничего, кроме разочарования и усталости, завершился; тени восточных гор накрыли Гробницы и долину — так опускается занавес после неудачного спектакля. Дневной зной испарился, и холод не заставил себя ждать, принесенный ветром вместе с запахом снега с вершин Уздечки, лежащей в двадцати километрах к юго-западу. Кассад предложил остановиться и разбить лагерь. Консул знал место, где паломники проводили свою последнюю ночь перед встречей с тем, кого искали. Ровная площадка подле Сфинкса, с горами мусора, оставленными

исследователями и туристами, приглянулась Солу Вайнтраубу — он решил, что именно здесь стояла палатка его дочери, — и усталые путники без возражений сбросили с плеч свою ношу.

Теперь, в полной темноте — последнее полено догорало — я ощутил, как эти шестеро подвигаются ближе… не просто к огню в поисках тепла, но и друг к другу, связанные слабыми, но почти материальными нитями общих переживаний. Более того, я ощутил единство, более осязаемое, чем эмоциональные связи, возникшие между этими людьми. Ощущение было мимолетным, но я понял, что эта кучка людей создала свою информационную и сенсорную сеть. На планете, чьи примитивные системы инфосвязи расползлись в клочья с первым же залпом, эта группа соединила между собой все свои комлоги и биомониторы, дабы делиться информацией и по мере сил и возможностей следить друг за другом.

Хотя входные барьеры стояли прочно, я без труда скользил мимо них, сквозь них, под ними, собирая не самые важные, но обильные данные — частота пульса, температура кожи, активность коры мозга, запросы на доступ, перечни полученных данных, — которые позволяли мне узнать кое-что о каждом из паломников. У Кассада, Хойта

и Ламии были импланты, и движение их мыслей ощущалось очень четко. В эту секунду Ламия Брон размышляла, не было ли решение идти к Шрайку ошибкой; что-то настойчиво стучалось в дверь ее сознания. Она ощущала себя так, словно перед самым ее носом находится что-то ужасно важное, ключ к разгадке… Но от какого замка этот ключ?

Ламия терпеть не могла тайн; то была одна из причин, побудивших ее оставить относительно спокойную жизнь и стать частным сыщиком. Но какая тайна мерещится ей сейчас? Она почти разгадала загадку убийства кибрида, ее клиента… и любовника, и прилетела на Гиперион, чтобы исполнить его последнюю волю. И все же она чувствовала, что не дающее ей покоя «нечто» почти не имеет отношения к Шрайку. В чем же дело?

Тряхнув головой, Ламия поворошила угасающий костер. Ее сильное тело было закалено гравитацией Лузуса и постоянными тренировками, но она не спала несколько суток и устала до беспамятства. Как сквозь туман до нее донесся чей-то голос…

— …да просто, чтобы принять душ и раздобыть еды, — раздраженно заявляет Мартин Силен. — И еще можно узнать по мультилинии, кто выиграл

войну.

Консул качает головой.

— Еще не время. Корабль — для чрезвычайных обстоятельств.

Силен обводит рукой Сфинкса, черный мир вокруг.

— Вы считаете, это не чрезвычайные обстоятельства?

До Ламии доходит, что поэт упрашивает Консула вызвать его корабль из Китса.

— А вам не кажется, что под чрезвычайными обстоятельствами вы подразумеваете отсутствие алкоголя? — вступает она в разговор.

Силен свирепо смотрит на нее:

— А что плохого в выпивке?

— Нет, — повторяет Консул. Он трет глаза, и Ламия вспоминает, что Консул тоже неравнодушен к алкоголю. Однако он наотрез отказывается вызвать корабль. — Будем ждать крайнего случая.

— А мультипередатчик работает? — спрашивает его Кассад.

Консул утвердительно кивает и извлекает из своего рюкзака старинный комлог. Прибор принадлежал его бабушке Сири, а до этого ее родителям. Консул касается дискоключа: по нему можно передавать, но не принимать.

Сол Вайнтрауб, положив спящего ребенка у входа ближайшей к нему палатки, поворачивается к огню.

— А откуда вы передали последнее сообщение — из Китса?

— Да, — подтверждает Консул.

Мартин Силен саркастически цедит сквозь зубы:

— И мы должны верить словам… предателя?

— Должны. — Голос Консула — сгусток усталости.

Изможденное лицо Кассада плавает в темноте. Его тело — черный силуэт на фоне темноты.

— А по вашему комлогу можно вызвать корабль, если понадобится?

— Да, — роняет Консул.

Отец Хойт плотнее закутывается в плащ, чтобы он не развевался на ветру. На шерстяную одежду и парусину палаток с шуршанием сыплется песок.

— Вы не боитесь, что портовая администрация или военные конфискуют корабль или что-нибудь с ним сделают? — спрашивает священник.

— Нет. — Консул лишь чуть шевельнул головой, словно не в силах покачать ею. — Наше разрешение подписано секретарем Сената Мей-

ной Гладстон. А генерал-губернатор — мой друг… бывший.

Остальные видели новоиспеченного губернатора Гипериона лишь мельком, вскоре после прилета; Ламии показалось, что Тео Лейн — слишком мелкая сошка для тех больших событий, в которых ему выпало участвовать.

— Ветер все сильнее, — говорит Сол Вайнтрауб, пытаясь заслонить ребенка от бури летящих песчинок. Вглядываясь сощуренными глазами в облака пыли, ученый произносит: — Интересно, где теперь Хет Мастин?

— Мы обшарили здесь все. — Голос отца Хойта звучит глухо: голова его закрыта полой плаща.

Мартин Силен хихикает:

— Тысяча извинений, отче, но вы просто мешок с дерьмом. — Поэт встает и подходит к краю светового круга. Ветер ерошит мех его шубы и уносит слова в ночь. — В скалах — тысячи расщелин. Вход в Хрустальный Монолит скрыт от нас, но от тамплиера вряд ли. И кроме того, вы сами видели в подземелье Нефритовой Гробницы лестницу. Она наверняка ведет к лабиринту.

Хойт поднимает голову, морщась от уколов бесчисленных песчинок.

— Вы думаете, он там? В лабиринте?

Силен со смехом поднимает руки, при этом широкие рукава его блузы раздуваются, как паруса.

— Мне-то откуда знать, падре? Мне известно одно — Хет Мастин сейчас где-то бродит, наблюдает за нами и ждет момента, чтобы вернуться и забрать свой багаж. — Поэт жестом указывает на куб Мебиуса в центре небольшой кучи снаряжения. — А может, он уже покойник. Или того хуже.

— Хуже? — переспрашивает Хойт. За несколько часов священник состарился на несколько лет. Его запавшие глаза — озерца боли, улыбка — гримаса мертвеца.

Мартин Силен большими шагами возвращается к угасающему костру.

— Да, хуже, — говорит он. — Может, он уже корчится на стальном дереве Шрайка. На ветках, куда и нас насадят через несколько…

Ламия Брон внезапно вскакивает, хватает поэта за грудь, поднимает в воздух, встряхивает и опускает так, чтобы его глаза оказались на уровне ее глаз.

— Еще слово, — негромко говорит она, — я сделаю вам очень больно. Не буду вас убивать, но вы сами запросите смерти.

Поэт улыбается ей в лицо улыбкой сатира. Ла-

мия разжимает руки и отворачивается. Кассад произносит:

— Мы все устали. Отбой. Я остаюсь на часах.

Мои сны о Ламии смешиваются со снами самой Ламии. В том, что мне приходится разделять сны и мысли женщины, нет ничего неприятного, даже если эта женщина отделена от тебя пропастью времен и культур, пропастью шире любой существующей между разнополыми существами. Мне кажется, будто я смотрю в какое-то странное зеркало. Она видела во снах покойного любовника, его слишком курносый нос и слишком упрямый подбородок, слишком длинные волосы, ниспадавшие завитками на воротник, и его глаза — слишком выразительные, слишком правдивые глаза, оживлявшие лицо, которое могло бы, если бы не эти глаза, принадлежать любому из тысяч крестьян, родившихся в радиусе одного дня езды от Лондона.

Лицо, которое она видела во сне, было моим. Голос, который она слышала во сне, был моим. Но к любовным утехам, снившимся или вспоминавшимся ей, я не имел никакого отношения. Я пытался ускользнуть из ее снов, хотя бы ради того, чтобы обрести свои собственные. Если уж мне суждено подглядывать в замочную скважину

спальни, пусть это будет чехарда искусственных воспоминаний, выделенных мне в качестве моих собственных снов.

Но мои собственные сны мне видеть не позволялось. Все еще не позволялось. Я начинаю подозревать, что родился — вновь родился на своем смертном одре, — дабы видеть сны о моем мертвом и далеком двойнике.

Я покорился и, не силясь больше разлепить веки, отдался сновидениям.

Ламия Брон мгновенно просыпается, вырванная из приятного сна каким-то звуком или движением. И целую секунду не может сориентироваться; вокруг темнота, шум — не механический, громче большинства звуков Улья, на Лузусе, в котором она живет. Она пьяна от усталости, но чувствует, что спала очень недолго; в небольшом замкнутом пространстве, чем-то напоминающем растянутый спальный мешок, кроме нее никого нет.

Выросшая в мире, где замкнутое пространство означает защиту от ядовитого воздуха, ветра и животных, где люди, оказавшись в немногочисленных открытых местах, задыхаются от агорафобии, а о клаустрофобии мало кто слышал, Ламия тем не менее реагирует на свое убежище

как настоящий клаустрофоб: из последних сил пробивается к воздуху. Трещит по швам спальный мешок, рвутся застежки палатки… Лишь бы выкарабкаться из тесного фибропластового кокона… ползком, подтягиваясь на руках, упираясь локтями — пока под ладонями не окажется песок. А над головой небо.

Но это не небо. Ламия вдруг осознает, где находится. Песок. Клокочущая, ревущая, стремительная песчаная буря. Песчинки колют лицо, как мириады маленьких булавок. Погасший костер засыпан песком. Под его тяжестью провисли наветренные бока всех трех палаток, их полотнища хлопают на ветру так, словно рядом палят из ружей. Вокруг лагеря выросли новенькие песчаные дюны, образуя валы, борозды и горки с подветренной стороны палаток и кучи снаряжения. Палатка, в которой Ламия ночевала вместе с отцом Хойтом, опасно накренилась, почти засыпанная растущими дюнами. Из остальных палаток никто не показывается.

Хойт.

Именно его отсутствие разбудило ее. Даже во сне какой-то частью сознания она улавливала слабое дыхание и почти неразличимые стоны спящего священника, боровшегося с болью. Воз-

можно, он исчез всего за несколько минут до ее пробуждения — Ламия точно помнит, как поверх скрежета и воя песчаной бури до нее, витающей в глубинах сна о Джонни, донесся какой-то скользящий шорох.

Она поднимается на ноги и прикрывает глаза ладонью. Очень темно, звезды поглотила буря, но слабое, похожее на электрический свет сияние вибрирует в воздухе, отражаясь от поверхности скал и дюн. Ламия понимает, что это действительно электричество — ее волосы встают дыбом и шевелятся, как у Медузы Горгоны. Электрозаряды взбираются по рукавам ее куртки и плавают над палатками, подобно огням Святого Эльма. Когда ее глаза привыкают к темноте, Ламия замечает, что ползучие дюны исходят бледным огнем. В сорока метрах от нее на востоке высится Сфинкс, превратившийся в трескучий и пульсирующий световой контур. Волны электричества обтекают растопыренные придатки, которые обычно называют крыльями.

Ламия оглядывается и, не обнаружив никаких следов отца Хойта, хочет позвать на помощь. Но кто услышит ее за ревом ветра? Ей приходит в голову, что священник мог перебраться в другую палатку или просто пошел в примитивную

уборную, но шестое чувство ей подсказывает, что это не так. Ламия смотрит на Сфинкса и на долю секунды ей чудится, что она видит в мертвенно-голубом свечении гробницы человеческую фигуру в развевающемся черном плаще. Человек, вжав голову в плечи, продвигается против ветра.

На ее плечо опускается чья-то рука.

Ламия мгновенно выворачивается и принимает боевую стойку; левый кулак выброшен вперед, правая рука у пояса. Она узнает стоящего перед ней Кассада. Полковник в полтора раза выше Ламии, но уже ее в плечах. Миниатюрные молнии носятся по его худому телу, когда он наклоняется, чтобы прокричать ей в ухо:

— Он пошел туда! — Длинная, черная, как у пугала, рука указывает на Сфинкс.

Ламия кивает и кричит в ответ, сама себя не слыша:

— Будить остальных? — Она забыла, что Кассад стоит на часах. Спит ли этот человек когда-нибудь вообще?

Федман Кассад качает головой. Ночной визор его шлема поднят, а сам шлем откинут, как капюшон, на спину боевого скафандра. В свечении, исходящем от его одежды, лицо Кассада кажется обморочно-бледным. Универсальная винтов-

ка удобно устроилась под его левым локтем. Гранаты, бинокль в футляре и какие-то совсем неведомые предметы свисают с крючков и ремней его панциря. Он снова указывает в сторону Сфинкса.

Ламия наклоняется вперед и кричит что есть силы:

— Его забрал Шрайк?

Кассад качает головой.

— Вы можете его видеть? — Она показывает на его визор и бинокль.

— Нет, — отвечает Кассад. — Буря. Стирает тепловые следы.

Ламия Брон поворачивается спиной к ветру, и спина ее тотчас оказывается под обстрелом обезумевших песчаных струй, точно под ураганным огнем десятка иглометов. Она запрашивает о Хойте свой комлог, но узнает лишь, что он жив и движется — других данных по общей волне не получишь. Она подходит к Кассаду вплотную — чтобы противостоять буре.

— Пойдем следом? — кричит она.

Кассад мотает головой.

— Нельзя бросить лагерь. Я оставил сигнализаторы, но… — Он жестом обводит бушующее пространство вокруг.

Ламия ныряет в палатку, натягивает сапоги и снова появляется — в штормовке и с отцовским пистолетом в руках. Более традиционное оружие, парализатор Гира, торчит из нагрудного кармана штормовки.

— Тогда пойду я, — говорит она.

Ей кажется, что полковник не расслышал ее, но блеск в его глазах говорит об обратном. Кассад постукивает по военному комлогу на своем запястье.

Ламия кивает и удостоверяется в том, что ее собственные имплант и комлог настроены на самую широкую полосу приема.

— Я вернусь, — кричит она и карабкается на дюну, тут же проваливаясь по щиколотку. Ее штанины светятся от статических разрядов, а песок кажется живым от серебристо-белых импульсов тока, змеящихся по его неровной поверхности.

Отойдя от лагеря метров на двадцать, она совершенно теряет его из виду. Еще десять метров, и над ней нависает громада Сфинкса. Никаких следов: отпечатки ног в такую бурю не держатся и десяти секунд.

Широкий вход в Сфинкс открыт. Он был открыт всегда, с того момента, как человечество узнало о существовании Гробниц. Логика подсказывает,

что Хойт вошел внутрь этого черного прямоугольного проема в слабо светящейся стене, хотя бы ради того, чтобы укрыться от бури, но что-то лежащее за пределами логики говорит Ламии, что священник направился в другое место.

Ламия с трудом добирается до угла Сфинкса, отдыхает несколько минут под его прикрытием, отряхивается, переводит дух и вновь идет дальше по едва различимой тропе между дюнами. Впереди светится молочно-зеленая Нефритовая Гробница. Ее красивые изгибы и гребни словно намазаны каким-то колдовским маслом.

Прищурившись, Ламия вглядывается и в какой-то миг видит на фоне этого свечения силуэт — кого-то или чего-то. Затем силуэт исчезает — либо нырнув внутрь гробницы, либо застыв на пороге и слившись с темнотой.

Ламия, вжав голову в плечи, двигается вперед. Ветер подталкивает ее, понукает — словно торопя на необычайно важную встречу.

Глава четвертая

Заседание Военного Совета тянулось уже несколько часов, и конца не предвиделось. По-моему, в этом ритуале столетиями ничего не ме-

няется: громкие голоса выступающих сливаются в монотонный гул, во рту горько от бесчисленных чашек кофе, клубы табачного дыма витают в воздухе, штабеля документов громоздятся на столах, в голове звенит от постоянного контакта с инфосферой. Подозреваю, что во времена моего детства все было гораздо проще. Веллингтон собирал людей — тех, кого презрительно и справедливо называл «отбросами земли», — и, ничего им не объясняя, посылал на смерть.

Я снова обратил внимание на собравшихся. Мы находились в большом зале, однообразно-серые стены которого оживлялись белыми прямоугольниками световых панелей. Ковер грифельного цвета, свинцово-серый подковообразный стол, уставленный дисплеями и графинами с водой. Секретарь Сената Мейна Гладстон восседала посреди подковы, рядом с нею располагались сенаторы и члены кабинета министров. Штабные офицеры и другие второстепенные вершители судеб нации сидели дальше. За их спинами, не допущенная к столу, таилась армия помощников, причем среди военных не было ни одного чином ниже полковника, а на креслах похуже и пожестче размещались помощники помощников.

Мне кресла не досталось. Вместе с другими,

приглашенными чисто для проформы лицами я сидел на табурете в дальнем углу зала, в двадцати метрах от секретаря Сената и еще дальше от офицера-докладчика, молодого полковника с указкой в руке и без малейшей робости в голосе. Полковник стоял у серой с золотом демонстрационной панели, перед ним плавала в воздухе унисфера того типа, что можно встретить в любой голографической кабине. Демонстрационная панель то мутнела, то вновь оживала; порой в воздухе становилось тесно от причудливых трехмерных схем. Миниатюрные копии диаграмм с панели светились на каждом дисплее и парили над некоторыми комлогами.

Я сидел на своем табурете, смотрел на Гладстон и время от времени делал наброски.

В то утро, разбуженный щедрым солнцем Тау Кита, чьи лучи лились в щель между абрикосовыми гардинами гостевых апартаментов Дома Правительства, которые сами собой раздвинулись, как и требовалось, в 06:30, я на какой-то миг растерялся. Я был разорван между двумя мирами, все еще преследуя Ленара Хойта, все еще испытывая ужас перед Шрайком и Хетом Мастином. В следующее мгновение, еще больше запутавшись, будто некая сила позволила мне

заглянуть в мои собственные сны, я привстал, задыхаясь и в панике озираясь по сторонам; мне казалось, что лимонный ковер и абрикосовый свет в гардинах вот-вот исчезнут, как все прочие мои горячечные сны, оставив только боль, мокроту и липкие красные простыни, а светлая комната Дома Правительства растворится в сумраке темной квартиры на Пьяцца ди Спанья, все заслонит наконец выразительное лицо Джозефа Северна. Оно будет все ниже и ниже склоняться надо мной, жадно вбирая зрелище моей замедленной смерти.

Я принял душ — сначала водяной, потом ультразвуковой, надел новый серый костюм, разложенный на кровати, которую убрали, пока я мылся, и отправился на поиски Восточного Дворика, где, согласно любезному приглашению, оставленному рядом с моей новой одеждой, гости Дома Правительства могли позавтракать.

Апельсиновый сок только что выжали. Бекон тоже был свежим, а главное, натуральным. В газете сообщалось, что секретарь Сената Гладстон обратится к народу через Альтинг и средства массовой информации в 10:30 по стандартному времени Сети. Страницы изобиловали корреспонденциями с театра военных действий.

Двухмерные фото армады сверкали всеми цветами радуги. С третьей полосы угрюмо глядел генерал Морпурго — журналист именовал его «героем второй Хайтовской войны». Дайана Филомель, завтракавшая со своим супругом-неандертальцем за соседним столиком, одарила меня загадочным взглядом. В это утро на ней было более строгое платье — темно-синее, не такое облегающее, но разрез сбоку заставлял вспомнить о вчерашнем роскошном зрелище. Не сводя с меня глаз, она взяла холеными пальчиками ломтик бекона и осторожно откусила. Гермунд Филомель, довольно хрюкая, наслаждался чтением финансового приложения.

— Миграционная группа Бродяг… общепринятое название «Рой»… была обнаружена хоукинг-локационной станцией системы Камн немногим более трех стандартных лет назад, — говорил молодой докладчик. — Немедленно по ее обнаружении 42-я эскадра ВКС, сформированная для эвакуации системы Гипериона, перешла в состояние С-плюс и выступила с Парвати с секретным приказом соорудить военно-транспортный портал в радиусе прямой нуль-передачи на Гиперион. Одновременно с тактической базы Солков-Тиката на орбите Камн-III вылетела эскадра 87.2 с при-

казом соединиться с эвакуационными силами в системе Гипериона, обнаружить миграционную группу Бродяг, вступить в бой с ее военным ядром и уничтожить его. — На панели перед молодым полковником появились изображения армады. Он взмахнул указкой, и рубиново-огненная линия, пронзив большую голограмму, осветила один из кораблей класса три-С.

— Эскадрой 87.2 командует адмирал Насита, который держит флаг на корабле Гегемонии «Гебриды»…

— Да, да, — проворчал генерал Морпурго. — Все это нам известно, Яни. К делу.

Молодой полковник изобразил улыбку, едва заметно кивнул генералу и Мейне Гладстон и продолжил чуть менее уверенно:

— В шифрованных донесениях по мультилинии, полученных от 42-й эскадры за последние семьдесят два стандартных часа, сообщается о заранее подготовленных сражениях между разведсоединениями эвакоотряда и передовыми частями миграционной группы Бродяг…

— Роя, — перебил его Ли Хент.

— Так точно, — поправился Яни. Он обернулся к панели, и пятиметровый матовый квадрат заполнили схемы и надписи. Изображения были мне

абсолютно непонятны — оккультные символы, цветные векторы, субстрактные кодированные обозначения и аббревиатуры ВКС, заменяющие целые фразы — в общем, полная тарабарщина. Возможно, высокие военные чины и политики понимали в этом не больше моего, но виду не подавали. Я начал новый набросок Гладстон, с бульдожьим профилем Морпурго на заднем плане.

— В первых донесениях предположительное число двигателей Хоукинга было ошибочно определено в четыре тысячи, — продолжал полковник Яни (Интересно, это имя или фамилия?). — Как вам известно, миграционные группы… м-м… Рои могут содержать до десяти тысяч отдельных транспортных единиц, но в большинстве своем невелики и либо не вооружены, либо не имеют стратегического значения. Данные мульти — и микроволновых детекторов, а также других средств наблюдения и анализ эмиссионного спектра позволяют предположить…

— Извините, — усталый голос Мейны Гладстон прозвучал резким диссонансом солидному баритону докладчика, — но можете ли вы сказать точно, сколько кораблей Бродяг имеют стратегическое значение?

— О-о… — выдохнул полковник и покосился на свое начальство.

Генерал Морпурго прокашлялся.

— Мы думаем, около шести… семи сотен, самое большее, — сказал он. — Сущие пустяки.

Секретарь Сената приподняла бровь.

— А каковы наши силы?

Морпурго сделал знак молодому полковнику и ответил сам:

— В состав эскадры 42 входит около шестидесяти кораблей, госпожа Гладстон. Эскадра…

— Эскадра 42 — это эвакуационное подразделение? — перебила его Гладстон.

Генерал Морпурго кивнул и, как мне показалось, несколько снисходительно улыбнулся.

— Да, мадам. Эскадра 87.2, представляющая собой боевое подразделение, перешла в систему Гипериона около часа назад и будет…

— Хватит ли шестидесяти кораблей, чтобы противостоять шести или семи сотням? — спросила Гладстон.

Морпурго покосился на своего офицера, как бы моля его перетерпеть.

— Да, — с уверенностью произнес он, — хватит с лихвой. Видите ли, госпожа Гладстон, шестьсот турбин Хоукинга — цифра внушительная. Но их

нечего бояться, пока они установлены на одноместных кораблях, или на разведчиках, или на тех пятиместных катерах-истребителях, которые они называют «уланами». Эскадра 42 — это без малого две дюжины крупных спин-звездолетов, включая ударные «Тень Олимпа» и «Станция Нептун». Каждый из них вооружен более чем ста истребителями и торпедоносцами. — Морпурго машинально порылся у себя в кармане, извлек оттуда наркотическую курительную палочку размером с сигару, но тут же спохватился и сунул ее обратно. Он нахмурился. — Когда эскадра 87.2 закончит развертывание, нашей огневой мощи хватит на десяток Роев. — Все еще хмурясь, он кивнул Яни, чтобы тот продолжал.

Полковник повел указкой в сторону демонстрационной панели.

— Как видите, эскадра 42 без каких-либо помех расчистила пространство в объеме, необходимом для сооружения приемной решетки нуль-канала. Работы начались шесть стандарт-недель тому назад и закончились вчера в 16:24 по СВС. Первые мелкие атаки Бродяг были отбиты без потерь со стороны эскадры, в течение последних сорока восьми часов между передовыми отрядами эскадры и основными силами Роя велось

крупное сражение. Центр схватки находился здесь, — Яни снова взмахнул рукой, и часть демонстрационной панели под кончиком указки запульсировала голубым светом, — под углом в двадцать девять градусов к плоскости эклиптики, в 30 астрономических единицах от солнца Гипериона и примерно в 0,35 астроединицы от гипотетической границы облака Оорта системы.

— Потери? — лаконично бросил Ли Хент.

— Не выходят за пределы приемлемых для столь длительного огневого контакта, — ответил молодой штабист. Судя по всему, он не видал вражеского огня даже с расстояния в пару световых лет. Его светлые волосы, тщательно расчесанные на косой пробор, блестели в ярком свете софитов. — Уничтоженными или пропавшими считаются двадцать шесть скоростных истребителей Гегемонии, а также двенадцать торпедоносцев, три факельщика, танкер «Гордость Асквита» и крейсер «Дракон-III».

— Сколько погибло людей? — спросила Мейна Гладстон непривычно тихо.

Яни переглянулся с Морпурго и ответил:

— Около двух тысяч трехсот. Но спасательные операции продолжаются, и есть надежда, что удастся обнаружить уцелевших с «Дракона». —

Он разгладил несуществующие складки своего мундира и напористо продолжил: — Следует учесть, что подтвержденные потери противника составили по меньшей мере сто пятьдесят военных кораблей. Наша собственная атака на миграционную гру… Рой привела к дополнительному уничтожению от тридцати до шестидесяти судов, включая кометные фермы, рудоперерабатывающие корабли и как минимум одно командное скопление.

Мейна Гладстон потерла свои подагрические руки.

— Входят ли в сводку потерь — наших потерь — пассажиры и команда погибшего корабля-дерева «Иггдрасиль», который был зафрахтован нами для эвакуации?

— Нет, госпожа секретарь, — торопливо ответил Яни. — Хотя в том районе были замечены перемещения Бродяг, результаты нашего анализа указывают, что «Иггдрасиль» погиб не вследствие вражеского нападения.

Гладстон снова вопросительно изогнула бровь.

— И почему же он погиб?

— Диверсия, насколько нам известно, — ответил полковник и поспешил вызвать на панели новую схему системы Гипериона.

Генерал Морпурго, бросив взгляд на свой комлог, произнес с досадой:

— Переходите к наземным операциям, Яни. Через тридцать минут госпожа секретарь должна произнести речь.

Я кончил рисовать Гладстон и Морпурго, потянулся и огляделся вокруг в поисках другого объекта. Ли Хент с его трудноописуемым измятым лицом показался мне достойной дичью. Когда я снова посмотрел в сторону докладчика, голографический глобус Гипериона перестал вращаться и распустился в целую вереницу плоских проекций — наклонную равнопрямоугольную, Бонна, орографическую, розетку, Ван-дер-Гринтена, Гора, прерывистую гомолосинусальную Гуда, гномоническую, синусоидальную, азимутальную эквивалентную, поликоническую, гиперкорректированную Кувацу, компьютер-эшерированную, Бриземайстера, Бакминстера, цилиндрическую Миллера, мультистереографическую и графическую стандартную, — пока не остановился на обычной Робинсон-Бейрдовой карте Гипериона.

Я улыбнулся. Это было самое приятное, что я видел с начала совещания. Несколько сотрудников Гладстон нетерпеливо ерзали в креслах.

Им нужно было по меньшей мере десять минут, чтобы поговорить с секретарем Сената перед ее выступлением.

— Как вам известно, — поучительным тоном начал полковник, — соответствие Гипериона Старой Земле составляет девять и восемьдесят девять сотых балла по шкале Турона-Ломьера…

— О Боже, — рявкнул Морпурго. — Переходите к диспозиции войск — и закончим на этом!

— Слушаюсь, сэр. — Яни, сглотнув слюну, поднял руку с указкой и заговорил, теперь уже не так уверенно. — Как вам известно… Я хочу сказать… — Он показывал на северный континент, похожий на неумелый рисунок конской морды и шеи с зазубринами на месте груди и хребта. — Это Эква. Официально он называется по-другому, но все называют его так… Эква. Цепь островов, которая простирается к юго-востоку… здесь и здесь… называется Девять Хвостов. В действительности это архипелаг с более чем сотней… в общем, второй по величине континент называется Аквила, и вы можете видеть, что он похож на земного орла с клювом здесь… на северо-восточном побережье… и с растопыренными когтями здесь, на юго-западе… Имеется и одно поднятое крыло — вот тут, примыкающее к северо-западному

побережью. Эта область представляет собой так называемое плато Пиньон и почти недоступна из-за огненных лесов, но здесь… и здесь… на юго-западе находятся основные фибропластовые плантации…

— Дис-по-зи-ция войск, — зарычал Морпурго.

Зарисовывая Яни, я обнаружил, что графитовый карандаш не способен передать блеск пота.

— Слушаюсь, сэр. Третьим континентом является Урса… Слегка напоминает медведя… но здесь войска ВКС не высаживались, так как это южное Заполярье, почти обитаемое, хотя силы самообороны Гипериона держат там пункт прослушивания… — Яни и сам почувствовал, что его заносит. Он расправил плечи и провел по верхней губе ладонью. — Основные позиции наземных сил ВКС здесь… здесь… и здесь… — Его указка зажгла маленькие пожары вокруг Китса, в верхней части шеи Эквы. — Космические части ВКС взяли под охрану основной космопорт в столице, а также второстепенные площадки здесь… и здесь. — Он коснулся Эндимиона и Порт-Романтика на Аквиле. — Наземные части ВКС подготовили оборонительные позиции здесь… — Замигало два десятка красных огоньков; большинство на шее и гриве Эквы, несколько в районе клюва Ак-

вилы и около Порт-Романтика. — Тут размещены подразделения морской пехоты, а также силы наземной обороны с вооружением класса «земля — воздух» и «земля — космос». Генштаб предполагает, что в отличие от Брешии на самой планете боев не будет, но в случае попытки вторжения мы достойно встретим врага, — скороговоркой закончил докладчик.

Мейна Гладстон скосила глаза на свой комлог. До прямого эфира оставалось семнадцать минут.

— А планы эвакуации?

Яни, растеряв остатки самообладания, умоляюще посмотрел на начальство.

— Никакой эвакуации, — четко произнес адмирал Сингх. — Это отвлекающий маневр, приманка для Бродяг.

Гладстон сцепила пальцы.

— На Гиперионе несколько миллионов человек, адмирал.

— Да, — спокойно отозвался Сингх, — и мы будем защищать их, но эвакуация даже шестидесяти тысяч граждан Гегемонии исключена. Если же мы допустим в Сеть все три миллиона, воцарится хаос. Кроме того, это невозможно по соображениям безопасности.

— Из-за Шрайка? — поинтересовался Ли Хент.

— По соображениям безопасности, — с расстановкой повторил генерал Морпурго. Он поднялся со своего места и забрал у Яни указку. Молодой военный постоял в нерешительности, не зная, куда бы сесть или отойти, и, смешавшись, направился в дальний конец зала и остановился невдалеке от меня, созерцая что-то на потолке — вероятно, крах своей карьеры.

— Эскадра 87.2 переброшена в систему, — отчеканил Морпурго. — Бродяги откатились назад, к ядру своего Роя, примерно на шестьдесят астроединиц от Гипериона. Полная безопасность системы обеспечена. Гиперион в безопасности. Мы ожидаем контратаки, но уверенно заявляем, что в силах отбить ее. Кроме того, Гиперион теперь является частью Сети. Вопросы?

Вопросов не было. Гладстон удалилась в сопровождении Ли Хента, нескольких сенаторов и своих помощников. Военное начальство распалось на группки, очевидно, в соответствии с табелью о рангах. Помощники помощников исчезли. Немногие допущенные на совещание репортеры бросились к своим имиджер-группам, ждущим на улице. Белый как мел полковник Яни остался стоять, как на параде, глядя перед собой невидящими глазами.

Я посидел с минуту, разглядывая карту Гипериона. На таком расстоянии сходство Эквы с головой лошади было еще заметнее. С того места, где я сидел, Уздечка и оранжево-желтое пятнышко пустыни под «глазом» лошади были едва различимы. Северо-восточнее гор не было оборонительных позиций ВКС, никаких условных значков, кроме крошечного красного огонька — видимо, мертвого Града Поэтов. Гробницы Времени не были отмечены вовсе. Складывалось впечатление, что Гробницы не имели никакого стратегического значения и не играли в происходящем никакой роли. Но я откуда-то знал, что это не так. Предчувствие подсказывало, что вся война, передвижения тысяч, судьбы миллионов — даже миллиардов — зависят от действий шести человек, затерявшихся на этой неразмеченной оранжево-желтой полоске.

Я захлопнул блокнот, рассовал по карманам карандаши, поискал глазами выход и покинул зал.

В одном из длинных коридоров, ведущих к главному входу, меня перехватил Ли Хент:

— Вы уходите?

Я шумно вздохнул.

— Да. А разве нельзя?

Хент изобразил что-то вроде улыбки, больше

похожей на гримасу.

— Конечно, можно, господин Северн. Но госпожа Гладстон просила передать, что хочет еще раз побеседовать с вами во второй половине дня.

— Когда именно?

Хент пожал плечами.

— В любое время после ее выступления. Когда вам удобно.

Я кивнул. Миллионы лоббистов, искателей места, претендентов на роль биографа, деловых людей, обожателей Мейны Гладстон и потенциальных террористов отдали бы все на свете за одну минуту в обществе самого выдающегося лидера Гегемонии, но возможность видеть ее «когда мне удобно» предоставили мне одному. Никто еще не говорил, что вселенной правит разум.

Проскользнув мимо Ли Хента, я двинулся к главному выходу.

По давней традиции, в самом Доме Правительства общедоступные нуль-порталы отсутствовали. Нужно было миновать пропускные пункты главного вестибюля, выйти в сад и пройти по дорожке к невысокому белому зданию — пресс-центру и одновременно терминексу. Репортеры скопились вокруг центральной проекционной ниши, где маячило знакомое лицо Льювеллина

Дрейка. Его голос — «голос Альтинга» — объявил, что сейчас начнется выступление секретаря Сената, имеющее первостепенное значение для судеб Гегемонии. Я кивнул Дрейку, нашел свободный портал, предъявил свою универсальную карточку и отправился на поиски бара.

Гранд-Конкурс — при условии, что вам удалось туда попасть, — единственное место в Сети, где можно нуль-транспортироваться задаром. Каждый мир Сети представлен здесь по меньшей мере одним из своих самых фешенебельных городских кварталов. ТКЦ предлагал целых двадцать три — с магазинами, разнообразными увеселениями, дорогими ресторанами и модными барами. Баров было больше всего.

Подобно водам реки Тетис, Гранд-Конкурс катилась сквозь двухсотметровые порталы военного образца — кольцевая улица, казавшаяся бесконечной — стокилометровая эспланада услад плоти. Можно было стоять, как я в это утро, под ярким солнцем Тау Кита — и видеть полночную Денеб-III с пляшущими неоновыми огнями и голограммами, различая на горизонте площадь Мэлл Лузуса и зная, что дальше дремлет тенистая Роща Богов с ее магазинчиками, булыжными мостовыми и лифтами, поднимающими гурманов в

«Макушку», самый дорогой ресторан Сети.

Но меня вполне устроил бы тихий бар.

Бары ТКЦ буквально кишели чиновниками, репортерами и бизнесменами, поэтому я вскочил на один из челноков и переместился на главный проспект Седьмой Дракона. Здешняя гравитация пугала многих (и меня в том числе), зато в барах было куда свободнее и в них просто пили.

Я выбрал подвальчик, спрятавшийся между пилонами внешней стены и витринами. Внутри все было темным: темные стены, темное дерево стоек, темнокожие клиенты — их лица были столь же черны, сколь бледным казалось мое собственное. Подходящее местечко, чтобы напиться, что я и сделал, начав с двойного виски. С каждым новым заказом моя жажда возрастала.

Даже здесь я не смог отделаться от Гладстон. На двумерном телеэкране в дальнем углу бара появилось лицо секретаря Сената на сине-золотом фоне, предпочитаемом ею для заявлений государственной важности. У телевизора собралось несколько посетителей. До меня доносились обрывки речи: «…обеспечить безопасность граждан Гегемонии и… нельзя позволить угрожать безопасности Сети или наших союзников… поэтому мной был санкционирован беспощадный

вооруженный отпор…»

— Да приглушите вы это дерьмо! — Я остолбенел, сообразив, что кричу, и кричу громко. Посетители негодующе обернулись, но убавили звук. Я еще немного полюбовался шевелящимися губами секретаря Сената, а затем сделал знак бармену повторить.

Позже, возможно, часа через три-четыре, я поднял глаза от рюмки и увидел, что напротив меня в темной кабинке кто-то сидит. Целую секунду я моргал, пытаясь рассмотреть таинственное лицо. На миг мое сердце бешено забилось — Фанни! — но моргнув еще раз, я произнес вслух:

— Леди Филомель…

Она по-прежнему была в темно-синем платье, в котором я видел ее за завтраком. Однако вырез платья опустился ниже, а лицо и плечи словно светились в полумраке.

— Господин Северн, — прошептала она. — Пора исполнить свое обещание.

— Обещание? — Я поманил бармена, но тот никак не отреагировал. Наморщив лоб, я уставился на Дайану Филомель. — Что за обещание?

— Нарисовать мой портрет, конечно. Или вы забыли, что говорили вчера за ужином?

Я щелкнул пальцами, но наглый бармен не

удостоил меня даже взглядом.

— Я вас уже нарисовал, — сказал я.

— Да, — согласилась леди Филомель, — но не всю. Не целиком.

Я со вздохом опрокинул в рот последнюю рюмку виски и пробормотал:

— Сижу вот, пью.

Леди Филомель улыбнулась:

— Вижу.

Я встал, намереваясь подойти к бармену, но передумал и снова медленно опустился на почерневшую от времени деревянную скамью.

— Армагеддон, — сказал я. — Они шутят с Армагеддоном. — Я пристально посмотрел на даму и слегка сощурился, чтобы в глазах не двоилось. — Знаете это слово, миледи?

— Думаю, он больше не нальет вам ни капли, — сказала она. — У меня дома найдется что выпить. Вы сможете опрокинуть рюмочку, пока будете рисовать.

Я снова сощурился, на этот раз с хитрецой. Может, я слегка и перебрал, но виски не повлияло на мою осмотрительность.

— Муж, — сказал я.

Дайана Филомель улыбнулась воистину лучезарно.

— Остался на несколько дней в Доме Правительства, — произнесла она заговорщицким шепотом. — В такой момент он не может быть вдали от средоточия власти. Пойдемте, моя машина у входа.

Я не помню, как расплачивался, но предполагаю, что сделал это. А может, за меня расплатилась леди Филомель. Помогала ли она мне выйти из бара, тоже не помню, впрочем, кто-нибудь да помог. Вероятно, шофер. Мне припоминается какой-то мужчина в серой униформе. Я вроде бы опирался на его плечо.

Колпак ТМП был поляризован с внешней стороны, но вполне прозрачен с нашей, и мы, сидя на подушках, любовались пейзажем. Я насчитал один, два портала, а затем мы вырвались из Конкурса на простор и начали набирать высоту. Внизу — голубые поля, вверху — желтое небо. Красивые особняки, построенные из чего-то вроде черного дерева, на вершинах холмов, меж маковых полей и бронзовых озер. Возрождение-Вектор? Для данного времени и места это был слишком трудный вопрос, и поэтому я привалился головой к прозрачной стенке, решив отдохнуть минутку-две. Надо отдохнуть. Меня ждет работа над портретом леди Филомель, ха-ха.

Внизу мелькали поля и луга.

Глава пятая

Полковник Федман Кассад пробирается сквозь песчаную бурю к Нефритовой Гробнице. Он преследует Ламию Брон и отца Хойта. Он солгал Ламии: его визор и датчики работают нормально, вопреки змеящимся вокруг электрическим разрядам. Эти двое наверняка выведут его к Шрайку. Так на Хевроне охотятся на горных львов — привязываешь к дереву козу и ждешь.

Показания приборов, которые он установил вокруг лагеря, мерцают на тактическом дисплее и стрекочут в импланте. Оставить спящих — Вайнтрауба и его дочь, Мартина Силена и Консула — под защитой одной лишь автоматики — заведомый риск. Но Кассад серьезно сомневается в своей способности остановить Шрайка. Все они козы, связанные, ожидающие. Он хочет одного — найти, пока жив, женщину-призрак по имени Монета.

С каждой минутой ветер набирает силу. Теперь он с ревом обтекает Кассада, барабаня кулаками песчинок по его скафандру. Не будь у Кассада визора, он давно бы ослеп. Дюны пылают элек-

трическим огнем, мини-молнии с треском вьются вокруг его ног. Он идет широкими шагами, стараясь не потерять тепловой след Ламии. Из ее открытого комлога потоком льется информация. Отключенные каналы Хойта сообщают лишь, что он жив и двигается.

Кассад проходит под растопыренным крылом Сфинкса, чувствуя вес невидимой массы, нависшей над ним, как каблук гигантского сапога. Затем поворачивает в глубь долины и видит в инфракрасных лучах Нефритовую Гробницу — дыру в тепловом фоне, холодный силуэт. Хойт как раз входит в полукруглый проем; Ламия отстает от священника метров на двадцать. Это единственные движущиеся объекты в долине. Приборы из лагеря, скрытого ночью и бурей, сообщают, что Сол и ребенок спят, Консул просто лежит и бодрствует. Чужих на территории лагеря нет.

Кассад на ходу снимает винтовку с предохранителя и ускоряет шаг, загребая песок своими длинными ногами. В эту секунду он отдал бы все на свете, чтобы подключить свои тактические каналы к следящему спутнику, а не перебирать разрозненные кусочки картины. Он ежится внутри своих доспехов и шагает дальше.

До Нефритовой Гробницы Ламии Брон остается

не больше пятнадцати метров, когда ветер превращается в ураган. Под его напором она дважды теряет равновесие, бухаясь лицом в песок. Молнии становятся настоящими — яркие вспышки раскалывают небо, на миг освещая призрачную Гробницу впереди. Дважды она пытается связаться с Хойтом, Кассадом или другими — кто может спать в такую грозу? — но комлог и импланты не улавливают ничего, кроме треска разрядов. Какофония на всех волнах. После второго падения Ламия, с трудом встав на четвереньки, осматривается. Пусто. С того момента, как чей-то силуэт мелькнул около входа в Гробницу, она не видела ничего, напоминающего человеческую фигуру.

Крепко сжимая отцовский пистолет, Ламия встает, позволяет ветру пронести себя последние несколько метров и замирает перед входной аркой.

То ли благодаря ветру и свистопляске электрозарядов, то ли по какой-то иной причине Нефритовая Гробница ярко светится, бросая мертвящие зеленые отблески на песок и руки Ламии. Она последний раз пытается вызвать кого-нибудь по комлогу, а затем переступает порог Гробницы.

Отец Ленар Хойт, член тысячелетнего Общества

Иисуса, житель Нового Ватикана на Пасеме и верный слуга его святейшества Папы Урбана XVI, изрыгает непристойности.

Хойт заблудился в Нефритовой Гробнице и страдает от сильной боли. Просторные залы уступили место узким комнатам, а коридоры столько раз пересекали сами себя, что Хойт окончательно запутался в этих бесконечных катакомбах. Он устал брести между светящимися зелеными стенами. Ему кажется, что днем, когда паломники обследовали гробницу, этого лабиринта не было, не видел он его и на карте — впрочем, карта осталась в палатке. Боль, сопровождавшая его много лет, ставшая его вечной спутницей с тех пор, как проклятые бикура наделили его двумя крестоформами, его собственным и Поля Дюре, вдруг стала невыносимой и грозит свести его с ума.

Коридор опять сужается. Ленар Хойт кричит, сам того не сознавая, не понимая, какие слова срываются с его уст. Этих слов он не произносил с дней своего детства. Он жаждет освобождения. От боли. От бремени ДНК Поля Дюре, личности… души Дюре… сокрытой в крестообразном паразите, присосавшемся к его спине. От бремени ужасного проклятия — гарантии собственного беззаконного воскресения, пустившей корни в его груди.

Но даже надрываясь от крика, Хойт понимает, что осужден на эту боль не бикура, которых больше нет. Затерянное племя колонистов, столько раз воскрешавшихся их собственными крестоформами, что они превратились в идиотов, в простые вместилища собственной ДНК и ДНК своих паразитов, было вместе с тем и племенем священников — священников Шрайка.

Отец Хойт из Общества Иисуса принес с собой флакон со святой водой, освященной Его Святейшеством, святые дары, пресуществленные на Понтификальной мессе, и описание древнего церковного ритуала изгнания дьявола.

Все это, напрочь забытое, лежит в запечатанном пакете в кармане плаща.

Наткнувшись на стену, Хойт снова вскрикивает. Боль превосходит все мыслимые границы. Полная ампула ультраморфина, которую он ввел себе лишь пятнадцать минут назад, не помогает. Отец Хойт с воплями разрывает на себе одежду, сдирает тяжелый плащ, черную блузу и римский воротник, штаны, рубашку, нижнее белье. Голый человек, дрожащий от боли и холода в светящихся коридорах Нефритовой Гробницы, выкрикивает непристойности в пустоту.

Он снова бредет вперед, нащупывает какой-то

проем и попадает в помещение, которое гораздо просторнее всех запомнившихся ему по дневной экскурсии. Голые, просвечивающие стены — тридцать метров в высоту — по обеим сторонам пустого пространства. Хойт спотыкается, падает на колени и, глянув вниз, обнаруживает, что пол под ним почти прозрачный. Под его тонкой перепонкой — вертикальная шахта глубиной не меньше километра. На дне ее бушует пламя. Красно-оранжевые блики пляшут по стенам зала.

Хойт перекатывается на бок и хохочет. Если это модель ада, созданная специально для него, то очень уж бездарная. У Хойта свое, осязаемое представление об аде: это когда через внутренности продергивают колючую проволоку. Ад — это и воспоминания о голодных детях в трущобах Армагаста, и улыбки политиков, посылающих мальчиков умирать в войнах за колонии. Это мысли о Церкви, агонизирующей у него на глазах, на глазах Дюре, когда последние из ее приверженцев, кучка стариков и старушек заполняют две-три скамьи в огромных соборах Пасема. Ад — это утро в церкви, когда ты в лицемерии своем служишь мессу, а над сердцем у тебя жарко и отвратительно пульсирует дьявольский крестоформ.

Налетает порыв горячего ветра, и Хойт видит, как кусок пола отодвигается в сторону, образуя люк. Помещение наполняется запахом серы. Этот штамп веселит Хойта, но через считанные секунды смех переходит в рыдания. Теперь он стоит на коленях, царапая окровавленными ногтями крестоформы на груди и спине. В красном свете кажется, что крестообразные рубцы пылают. Снизу доносится рев пламени:

— Хойт!

Все еще всхлипывая, он оборачивается и видит женщину — Ламию Брон — в раме дверного проема. Она смотрит куда-то мимо него, держа в вытянутой руке старинный пистолет. Ее глаза широко раскрыты.

Сквозь гудение далекой топки Хойт внезапно улавливает скрежет и лязг металла о камень. Шаги. Не переставая раздирать ногтями окровавленные рубцы на груди, Хойт оборачивается, обдирая колени о камень.

Сперва он видит тень: десятиметровый силуэт, нагромождение острых углов, колючек, лезвий… ноги, подобные стальным трубам с розетками ятаганов у колен и лодыжек. Затем, сквозь марево горячих огней и черных теней, Хойт видит глаза. Сотни… тысячи граней… светятся красным све-

том, лазерное пламя в двух близнецах-рубинах над воротником из стальных колючек, ртутная поверхность груди отражает огонь и тьму…

Ламия Брон нажимает на спусковой крючок. Выстрелы эхом отдаются в вышине и глубине, заглушая рев топки. Отец Ленар Хойт, качаясь, оборачивается к ней, умоляюще подняв руку.

— Нет, не делайте этого! — кричит он. — Одно желание оно выполняет! Я должен попро…

Шрайк, только что бывший «там» — в пяти метрах — внезапно оказывается «здесь» на расстоянии вытянутой руки от Хойта. Ламия перестает стрелять. Хойт поднимает глаза, видит свое отражение в хромированном панцире существа, блестящем от огня… на миг видит что-то еще в глазах Шрайка… и тут же это что-то исчезает. Шрайк исчезает, Хойт медленно подымает руку, почти смущенно касается горла, целую секунду смотрит на красный водопад, струящийся по его руке, груди, крестоформу, животу…

Он оборачивается к дверному проему. Глаза Ламии, ставшие огромными, в ужасе смотрят, но не на Шрайка, а на него, отца Ленара Хойта из Общества Иисуса, и тут только он осознает, что боль *исчезла.* Хойт открывает рот, чтобы заговорить, но оттуда льется что-то красное и горячее, насто-

ящий гейзер. Хойт снова опускает глаза, впервые замечая свою наготу, видит кровь, капающую с подбородка и груди, капающую и стекающую на темный пол, видит растущие лужи крови, словно кто-то опрокинул ведро с алой краской, а потом ничего не видит, падая лицом вниз, долго, очень долго, бесконечно… туда, вниз.

Глава шестая

У Дайаны Филомель было идеальное тело — венец творчества паректоров и косметологов. Проснувшись, я несколько минут лежал и любовался им: классические изгибы спины, боков — геометрия более прекрасная и могущественная, чем все открытия Эвклида; две ясно различимые ямочки в нижней части спины, как раз над головокружительно пышными белыми ягодицами, веер мягких складок, полные бедра. Чувственности и мощи, таящихся в них, могла позавидовать любая деталь мужской анатомии.

Леди Дайана спала (или прикидывалась спящей). Наша одежда была разбросана по просторам зеленого ковра. Сочный пурпурно-алый свет вливался в широкие окна, за которыми качались серые и золотые кроны деревьев. Вперемешку

с нашей одеждой на полу валялись листы рисовальной бумаги. Свесившись с кровати, я поднял один: наспех набросанные груди, бедра, одна, яростно исправленная рука и овал лица без черт. Рисовать спьяну живую натуру, в то время как эта натура вас соблазняет, — идеальный способ создания такого вот хлама.

Со стоном я рухнул на подушку и обратил свой взор к лепному потолку. Окажись на месте этой женщины Фанни, мне бы и в голову не пришло вставать. А сейчас я вылез из-под одеяла, нашел свой комлог, отметил, что на ТКЦ сейчас раннее утро — со времени моего свидания с секретарем Сената прошло четырнадцать часов — и отправился в ванную искать пилюли от похмелья.

В аптечке леди Дайаны было на что посмотреть. Кроме обычного аспирина и эндорфинов, я обнаружил стимуляторы, транквилизаторы, тюбики флэшбэка, оргазмопластырь, шунты инициаторов, гашишные ингаляторы, сигареты с «жестким» табаком и еще сотни неизвестных мне наркотиков и лекарств. Я нашел стакан и с трудом проглотил пару таблеток антокса. Через несколько секунд тошноты и головной боли как не бывало.

Когда я вернулся, леди Дайана уже сидела в

постели. Мои губы уже раздвинулись в улыбке, когда я заметил у восточных дверей двух мужчин. Ни один из них не был ее мужем, хотя оба, казалось, сотворены по образу и подобию Гермунда Филомеля — великаны с вросшими в плечи головами, кулаками-окороками и угрюмыми двойными подбородками.

Уверен, что на долгом маскараде истории встречались особи мужского пола, способные достойно повести себя даже в такой ситуации. Возможно, им хватило бы мужества стоять в чем мать родила перед одетыми и потенциально враждебными незнакомцами (соперниками-самцами, помимо того) — стоять гордо, не силясь прикрыть ладошкой причинное место, не горбясь, не чувствуя себя абсолютно беззащитными и загнанными в угол… Но я не из таких.

Я сгорбился, прикрывая рукой пах, попятился к ванной и пробормотал:

— Что… кто?.. — Попросив взглядом помощи у Дайаны Филомель, я увидел на ее лице улыбку, сразу напомнившую мне ледяной блеск глаз этой женщины в первый вечер нашего знакомства.

— Взять его. Быстро! — приказала моя вчерашняя любовница.

Я влетел в ванную и уже тянулся к кнопке

автоматического закрывания двери, когда ближайший громила догнал меня, сгреб, рывком втянул обратно в спальню и швырнул своему партнеру. Оба они были с Лузуса или какого-то другого мира с высокой гравитацией, а может, жили на диете из стероидов и Самсон-протеина, но факт тот, что они перекидывались мной играючи, как котенком. И дело было не в их комплекции. Если исключить недолгую борцовскую карьеру на арене школьного двора, на моем счету, по воспоминаниям, было не так уж много физических столкновений и еще меньше случаев, когда я выходил из них победителем. Одного взгляда на этих забавлявшихся мной типов было достаточно, чтобы понять: они относятся к категории людей, существующих только на страницах романов. Тех, что могут ломать кости, разбивать носы, дробить коленные чашечки так же бездумно, как я кидаю в мусорную корзинку затупившийся карандаш.

— Быстро! — прошипела Дайана.

Я заглянул в инфосферу, в память дома, в пупочный комлог Дайаны и жалкие приборы, связывающие головорезов с информационной вселенной… Теперь я знал, где нахожусь: загородное поместье Филомелей в сельскохозяйственном

поясе Малого Возрождения, в шестистах километрах от столицы планеты Пирра, а также имена и подноготную громил: Дебин Фаррус и Хеммит Горм, охранники из профсоюза грязекопов с Небесных Врат… Но чего я никак не мог уразуметь, так это зачем один из них сидел на мне, упершись коленом в мою поясницу, тогда как другой, раздавив каблуком мой комлог, надевал мне на руку осмотическую манжетку…

Я услышал шипение и расслабился.

— Кто ты такой?

— Джозеф Северн.

— Это твое настоящее имя?

— Нет. — Действие правдосказа уже ощущалось. Я знал, что могу игнорировать его, отступив в инфосферу или удалившись в глубины Техно-Центра, но мне не хотелось оставлять тело на милость допрашивающих меня молодцев. Мои глаза были закрыты, но я узнал голос, задавший следующий вопрос.

— Кто же ты? — спросила Дайана Филомель.

Я вздохнул. На этот вопрос трудно было ответить честно.

— Джон Китс, — выговорил я наконец. По их молчанию я заключил, что это имя ничего не говорит им. И действительно, откуда им знать,

кто такой Джон Китс? Я однажды предсказал, что мое имя «написано на воде». Хотя я не мог ни шевельнуться, ни открыть глаза, мне было несложно заглянуть в инфосферу, следуя за их запросами. Среди восьмисот Джонов Китсов в перечне, предложенном им общественным файлом, числился и поэт, но умершие девятьсот лет назад их не волновали.

— На кого ты работаешь? — Это был голос Гермунда Филомеля. Откуда он взялся?

— Ни на кого.

Я почувствовал слабое допплеровское смещение голосов: они заговорили между собой.

— Он что, сопротивляется правдосказу?

— Правдосказу не сопротивляются, — ответила Дайана. — От него можно умереть, но сопротивляться ему невозможно.

— В чем же дело? — спросил Гермунд. — Почему Гладстон накануне войны привела на Совет какого-то мазилу?

— А знаете, он может вас слышать, — заметил еще один мужской голос, наверняка одного из громил.

— Это не важно, — сказала Дайана. — Все равно после допроса он покойник. — Ее голос раздался снова, на этот раз обращенный ко мне. — Почему

секретарь Сената пригласила тебя на Совет… Джон?

— Точно не знаю. Видимо, хотела разузнать о паломниках.

— Каких паломниках, Джон?

— Паломниках к Шрайку.

Послышался какой-то шум.

— Тише, — прикрикнула Дайана Филомель и снова обратилась ко мне: — Эти паломники к Шрайку находятся на Гиперионе, Джон?

— Да.

— И сейчас идут к Шрайку?

— Да.

— А почему Гладстон расспрашивает о них именно тебя, Джон?

— Я вижу их во сне.

Послышался возмущенный возглас Гермунда:

— Он чокнутый! Даже под правдосказом заливает!.. Давайте закругляйтесь и…

— Заткнись, — перебила его Дайана. — Гладстон не чокнутая. Она пригласила его, разве не помнишь? Джон, что ты подразумеваешь, когда говоришь, что видишь их во сне?

— Я вижу во сне то, что воспринимает первая воскрешенная личность Китса, — сказал я. Мой голос звучал глухо и монотонно, будто я говорил

во сне. — Он сбросил себя в одного из паломников, когда его тело убили, и теперь блуждает в их микросети. Каким-то образом его ощущения становятся моими снами. А может, то, что я делаю, — это его сны, не знаю.

— Бред, — пробормотал Гермунд.

— Нет-нет, — возразила леди Дайана каким-то неестественным, срывающимся голосом. — Джон, так ты кибрид?

— Да.

— О Христос и Аллах! — воскликнула леди Дайана.

— Что такое кибрид? — спросил другой громила. У него был высокий, почти женский голос.

На какой-то момент воцарилось молчание, а затем заговорила Дайана:

— Идиот! Любой знает, что кибриды — это человекоподобные существа, созданные и дистанционно управляемые Техно-Центром. Они даже входили в состав Консультативного Совета, но в прошлом веке их запретили.

— Так это что-то вроде андроидов? — спросил головорез.

— Заткнись! — бросил Гермунд.

— Нет, — ответила Дайана. — Кибриды были генетически совершенны. Их воссоздавали по ДНК

со Старой Земли. Достаточно было косточки, обрывка волоса… Джон, ты меня слышишь? Джон?

— Да.

— Джон, ты кибрид… знаешь ли ты, кто был твоим прототипом?

— Джон Китс.

Я услышал, как она набрала в грудь воздуха.

— Кем… был… Джон Китс?

— Поэтом.

— Когда он жил, Джон?

— С 1795 по 1821 год, — сказал я.

— По какому летосчислению, Джон?

— По земному, от Рождества Христова, — сказал я. — До Хиджры. Нашей эры…

Меня перебил взволнованный голос Гермунда:

— Джон, ты… ты сейчас в контакте с Техно-Центром?

— Да.

— Ты можешь… способен устанавливать с ним связь, несмотря на правдосказ?

— Да.

— Во блин! — присвистнул головорез с высоким голосом.

— Сматываемся! — рявкнул Гермунд:

— Еще минуту, — сказала Дайана. — Мы должны узнать…

— Может, взять его с собой? — спросил другой громила.

— Идиот! — взорвался Гермунд. — Если он жив и связан с инфосферой и Техно-Центром… черт, так он просто живет в Техно-Центре, его сознание там… И он может стучать Гладстон, ВКС, безопасности, кому угодно!

— Заткнись, — отрубила леди Дайана. — Мы убьем его, как только я закончу. Еще несколько вопросов, Джон.

— Да.

— Зачем Гладстон понадобилось узнавать, что происходит с паломниками к Шрайку? Это имеет отношение к войне с Бродягами?

— Мне точно неизвестно.

— Дерьмо, — прошипел Гермунд. — Разбегаемся!

— Тихо. Джон, откуда ты?

— Последние десять месяцев я жил на Эсперансе.

— А до этого?

— До этого — на Земле.

— На которой Земле? — вмешался Гермунд. — На Новой Земле? На Земле-II? В Земле-Сити? На которой?

— На Земле, — ответил я. Потом уточнил: — На

Старой Земле.

— На Старой? — переспросил один из головорезов. — Ни хрена себе! Я сматываюсь.

Раздалось шипение бекона на сковородке — выстрелили из лазерного пистолета. Запахло, однако, не беконом, а чем-то сладковатым, и на пол шлепнулось что-то тяжелое.

Дайана Филомель как ни в чем не бывало задала следующий вопрос:

— Джон, ты говоришь о жизни твоего прототипа на Старой Земле?

— Нет.

— Ты — как кибрид — был на Старой Земле?

— Да, — ответил я. — Я пробудился там после смерти. В той же комнате на Пьяцца ди Спанья, в которой умер. Северна там не было, но доктор Кларк сказал, что были другие…

— Он псих, — изумленно сказал Гермунд. — Старая Земля погибла четыре века назад… Разве кибриды могут жить столько?..

— Не могут, — отрезала Дайана. — Заткнись и дай мне закончить дело. Джон, почему Техно-Центр… вернул тебя?

— Мне точно неизвестно.

— Это как-то связано с гражданской войной, которая идет между ИскИнами?

— Возможно, — сказал я. — Вероятно. — Она задавала интересные вопросы.

— Какая группа создала тебя? Богостроители, Ортодоксы или Ренегаты?

— Не знаю.

Послышался вздох досады.

— Джон, ты кому-нибудь сообщал, где находишься и что с тобой происходит?

— Нет, — ответил я.

Этот запоздалый вопрос свидетельствовал о весьма скромных умственных способностях дамы: ей следовало задать его гораздо раньше.

Гермунд тоже вздохнул, но, скорее, с облегчением.

— Отлично, — пробормотал он. — Давай убираться отсюда, пока…

— Джон, — методично продолжала Дайана, — знаешь ли ты, почему Гладстон затеяла эту войну с Бродягами?

— Нет, — ответил я. — Или, вернее, на то существует масса причин. Самая вероятная — она хочет что-то выторговать у Техно-Центра.

— Каким образом?

— Руководящие элементы постоянной памяти Техно-Центра боятся Гипериона, — сказал я. — Гиперион — единственная неизвестная переменная

в Галактике, где все переменные известны.

— Кто боится, Джон? Богостроители, Ортодоксы или Ренегаты? Какая из групп ИскИнов боится Гипериона?

— Все три, — ответил я.

— Дерьмо, — прошептал Гермунд. — Послушай, Джон… Гробницы Времени и Шрайк связаны со всем этим?

— В каком-то смысле — да.

— В каком же? — быстро спросила Дайана.

— Не знаю. Никто не знает.

Гермунд или кто-то другой со злобой ударил меня в грудь.

— Хочешь сказать, что Консультативный Совет Техно-Центра не предсказал результата этой войны, этих событий? — прорычал Гермунд. — Думаешь, я поверю, что Гладстон и Сенат решились на войну, не имея прогноза?

— Нет, — ответил я. — Прогноз был сделан много веков назад.

Дайана Филомель ахнула, как ребенок, увидевший сладкое.

— Что за прогноз, Джон? Расскажи нам все.

У меня пересохло во рту. Сыворотка-правдосказ впитала всю мою слюну.

— Была предсказана война, — сказал я. — Кто

именно отправится в паломничество к Шрайку. Предательство Консула Гегемонии. Он включил устройство, которое откроет — открыло — Гробницы Времени. Проклятие Шрайка. Последствия войны и Проклятия…

— Что же это за последствия, Джон? — жадно прошептала женщина, с которой я занимался любовью всего несколько часов назад.

— Крах Гегемонии, — сказал я. — Разрушение Великой Сети. — Я попытался облизнуть губы, но язык пересох. — Гибель человечества.

— О Иисус и Аллах, — прошептала Дайана. — Есть ли шанс, что предсказание не сбудется?

— Нет, — сказал я. — Точнее, все зависит от событий на Гиперионе. Остальные переменные учтены.

— Убей его! — закричал вдруг Гермунд Филомель. — Убей эту штуку… чтобы мы могли убраться отсюда и оповестить Харбрит и остальных.

— Хорошо, — сказала леди Дайана. Затем секундой позже: — Нет, не лазер, идиот ты эдакий. Мы введем смертельную дозу алкоголя, как и планировалось. Подержи манжет, а я прикреплю капельницу.

На мою правую руку надавили. Секундой позже

раздались взрывы, меня тряхнуло воздушной волной, потом запахло дымом и озоном. Завизжала женщина.

— Снимите с него манжету, — приказал Ли Хент.

Я увидел его перед собой, все еще одетого в строгий серый костюм. Вокруг толпились десантники службы безопасности в полной силовой экипировке и комбинезонах из «хамелеоновой кожи». Один из них, вдвое выше Хента, повесил на плечо свою «адскую плеть» и бросился выполнять приказ.

По одному из оперативно-тактических каналов, тому самому, который я контролировал в течение некоторого времени, я увидел транслируемое изображение самого себя — голого, распятого на кровати, с осмотической манжетой на руке и кровоподтеком во всю грудную клетку. Дайана Филомель, ее муж и один из головорезов лежали среди щепок и осколков на полу, оглушенные, но живые. Еще один бандит валялся на пороге. Верхняя часть его тела — та, что была в комнате, — напоминала хорошо поджаренный бифштекс.

— С вами все в порядке, господин Северн? — спросил Ли Хент, приподняв мне голову и надевая

на меня мембранную кислородную маску.

— Хррммф, — пробормотал я. — Вес-се.

Я всплыл на поверхность моих собственных ощущений, как ныряльщик, пробкой вылетевший на поверхность. Голова раскалывалась от боли. Зрение еще не совсем вернулось, но по тактическому каналу я мог видеть, что Ли Хент слегка скривил свои тонкие губы, что означало улыбку.

— Мы поможем вам одеться, — сказал он. — По дороге выпьете кофе. Мы возвращаемся в Дом Правительства, господин Северн. Вы опаздываете на встречу с секретарем Сената.

Глава седьмая

Космические битвы в кино и голофильмах всегда наводили на меня скуку, но реальное сражение — вроде прямого репортажа о нескончаемой транспортной катастрофе — чем-то завораживало. Правда, эстетическая ценность реальных событий — и это подтверждается тысячелетним опытом — гораздо ниже, чем у самой скромной голографической драмы. При всей колоссальности задействованных сил настоящее космическое сражение вызывает у зрителя лишь

одну мысль — о безмерной огромности космоса и безмерной же ничтожности всех этих звездолетов, дредноутов, флотилий и прочих игрушек человечества.

Так я думал, сидя рядом с Гладстон и ее солдафонами в Центре Оперативной Информации, так называемом Военном Кабинете, когда стены в один миг стали двадцатиметровыми окнами в бесконечность; четыре гигантские голопанели окружили нас объемными изображениями, а динамики — звуками битвы, долетавшими по мультилинии: радиоперебранками между пилотами истребителей, треском тактических каналов, переговорами между кораблями по широкополоске, лазерным каналам и защищенной мультилинии, а также какофонией боевых кличей, воплей, криков и грязной брани — традиционного аккомпанемента войн со времен каменного века.

То было поистине воплощение вселенского хаоса, тотальная неразбериха, импровизированное па-де-де мрачного кордебалета смерти. То была война.

* * *

Посреди адского фейерверка сидели Гладстон и кучка ее сотрудников. Половину северной стены занимал лазурный лимб Гипериона. Военный Кабинет, точно серый ковер-самолет, носился меж звезд и взрывов, и у каждого из нас звучали в ушах вопли умирающих мужчин и женщин. И я был одним из тех, кому выпал почетный и жуткий жребий лицезреть все это.

Секретарь Сената покрутилась в своем кресле с высокой спинкой, потеребила пальцами нижнюю губу и повернулась к военным советникам:

— Ваше мнение?

Шестеро увешанных орденами мужчин посмотрели друг на друга. Затем все как один уставились на седьмого — генерала Морпурго, жевавшего незажженную сигару.

— Дело плохо, — коротко бросил он. — Мы не даем им приблизиться к зоне порталов… наши линии обороны держатся… но они слишком глубоко проникли в систему.

— Адмирал? — Гладстон кивнула высокому худому мужчине в черном мундире ВКС.

Адмирал Сингх погладил свою коротко подстриженную бородку:

— Генерал Морпурго прав. Кампания развивается не так, как планировалось.

Он указал подбородком на четвертую стену, со статическим изображением системы Гипериона, на которое накладывались разноцветные эллипсы, овалы и дуги. Некоторые кривые росли прямо у нас на глазах. Светло-голубые линии обозначали траектории кораблей Гегемонии. Красные ленты — следы Бродяг. Красных было намного больше.

— Оба ударных авианосца, входивших в состав эскадры 42, выведены из строя, — продолжал адмирал Сингх. — «Тень Олимпа» погиб со всей командой, а «Станция Нептун» получил серьезные повреждения и сейчас возвращается на окололунную орбиту под эскортом пяти факельщиков.

Секретарь Сената опустила голову, коснувшись губой сцепленных пальцев.

— Сколько человек было на «Тени Олимпа», адмирал?

У Сингха были такие же большие карие глаза, как у Мейны Гладстон, — но без печального огня в глубине. Он невозмутимо выдержал ее взгляд.

— Четыре тысячи двести, — ответил он. — Не считая подразделения морской пехоты чис-

ленностью в шестьсот человек. Часть из них высадилась на нуль-станции Гиперион, поэтому доподлинно неизвестно, сколько их было на борту.

Гладстон вновь обернулась к Морпурго:

— В чем причина осложнений, генерал?

Лицо Морпурго было спокойно, но он почти перекусил сигару, которую держал в зубах.

— У Бродяг больше боевых единиц, чем мы предполагали, — без обиняков ответил он. — Плюс «уланы»... пятиместные миниатюрные факельщики... Они превосходят наши палубные истребители скоростью и вооружением. Это беспощадные маленькие осы. Мы уничтожаем их сотнями, но если даже один «улан» прорывается сквозь оборонительные порядки, он может натворить больших бед. — Морпурго пожал плечами. — А прорвались многие.

Сенатор Колчев и восемь его коллег сидели напротив военных. Колчев, выворачивая шею, повернулся к оперативной карте.

— Похоже, они уже одной ногой на Гиперионе, — хрипло сказал он.

Снова заговорил Сингх:

— Не забывайте о масштабах, сенатор. Мы все же удерживаем большую часть системы. В ра-

диусе десяти астроединиц от солнца Гипериона — все наше. Сражение происходило за облаком Оорта, и мы произвели перегруппировку.

— А эти красные… шарики… над плоскостью эклиптики? — спросила сенатор Ришо, и сегодня надевшая красное платье. Все знали, что красный — ее излюбленный цвет.

Сингх кивнул.

— Интересный маневр, — сказал он. — Рой выпустил около трех тысяч «уланов», чтобы взять в клещи эскадру 87.2 по электронному периметру. Атака была отбита, но трудно не восхититься остроумием…

— Три тысячи «уланов»? — перебила его Гладстон.

— Да, госпожа секретарь.

Она улыбнулась. Я перестал рисовать и мысленно порадовался, что улыбка предназначалась не мне.

— Разве на вчерашнем совещании вы не сообщили нам, генерал, что Бродяги способны выставить шестьсот — семьсот боевых единиц мак-си-мум? — Мейна Гладстон резко, всем корпусом повернулась к Морпурго, заломив правую бровь.

Генерал вынул изо рта сигару, хмуро посмотрел

на нее, и выудил из-за щеки еще один огрызок.

— Таково было мнение нашей разведки. Она ошиблась.

Гладстон кивнула.

— Консультировалась ли разведка с Советом ИскИнов?

Взоры всех присутствующих обратились к советнику Альбедо.

Проекция была великолепная: он, как и все остальные, сидел в кресле, положив руки на подлокотники; его тело не просвечивало и не курилось туманом, в отличие от обычных движущихся проекций. У него было длинное лицо с высокими скулами и живым, выразительным ртом, сардонически кривящимся даже в самые серьезные моменты. Например, сейчас.

— Нет, госпожа секретарь, — ответил Альбедо. — Никто не обращался к Консультативной Группе за оценкой потенциала Бродяг.

— Я предполагала, — сурово сдвинув брови, Гладстон обернулась к Морпурго, — что прогноз разведки ВКС выработан с учетом мнения Совета.

Генерал бросил на Альбедо свирепый взгляд.

— Нет, госпожа секретарь, — возразил он. — Техно-Центр не поддерживает контактов с Бро-

дягами, и мы решили, что его прогнозы окажутся не точнее наших собственных. Для проверки наших предположений мы использовали тактический имитатор Олимпийской Офицерской Школы. — Он снова сунул в рот обкусанную сигару и выпятил нижнюю челюсть: — Неужели Совет способен на большее?

Гладстон посмотрела на Альбедо.

Длинные пальцы советника словно взяли аккорд на невидимых клавишах.

— По нашим оценкам Рой насчитывает от четырех до шести тысяч боевых единиц.

— Вы… — начал Морпурго, побагровев.

— На совещании вы не упомянули об этом. — Голос Гладстон звучал на редкость бесстрастно. — Как и во время предыдущих обсуждений.

Альбедо пожал плечами.

— Генерал прав, — сказал он. — Мы не поддерживаем контактов с Бродягами. Наши предположения не более надежны, чем расчет ВКС, просто они основаны на других предпосылках. ООШ: ИТИ работает великолепно. Будь быстродействие ее ИскИнов на порядок выше по шкале Тьюринга-Деммлера, мы приняли бы их в Центр. — Его изящные пальцы вновь пробежали по невидимым клавишам. — Ну что ж, наши прогнозы

можно учесть при планировании следующих операций. Разумеется, мы готовы в любое время передать их вам.

Гладстон кивнула.

— Сделайте это немедленно.

Она вновь повернулась к экрану, и все последовали ее примеру. Отреагировав на наступившее молчание, автоматы увеличили громкость, и мы опять услышали рев победителей, хрипы, мольбы о помощи и размеренную декламацию — перечисление позиций, указания по корректировке огня, команды.

На ближайшую к нам стену напрямую поступала информация с факельщика «Нджамена», занятого поиском уцелевших среди каши обломков, оставшихся от Отряда B.5. Поврежденный факельщик, к которому он приближался, увеличенный в тысячу раз, походил на взорванный изнутри гранат с медленно разлетающимися в разные стороны зернами и обрывками красной кожуры. Он на глазах превращался в облако мусора и замерзших газов, миллионов обломков микроэлектронных устройств, вырванных из гнезд, пакетов с пайками, искалеченных механизмов и распознаваемых по марионеточным судорогам рук и ног человеческих тел. Великого

множества человеческих тел. Прожекторный луч «Нджамены», преодолевший двадцать тысяч миль и достигший десятиметровой ширины, играл на ледяных обломках, голубых от звездного света, выхватывая из мглы отдельные предметы, грани, лица. Его отраженный свет сразу состарил Гладстон.

— Адмирал, — медленно произнесла она, — неужели Рой ждал, пока эскадра 87.2 перейдет в систему?

Сингх коснулся своей бородки.

— Вы хотите знать, не было ли это ловушкой?

— Да.

Адмирал скользнул взглядом по лицам коллег и обернулся к Гладстон.

— Не думаю. Я считаю… мы считаем… что Бродяги решили должным образом отреагировать на высокую концентрацию наших войск. Однако это означает, что они твердо намерены овладеть системой Гипериона.

— И они в силах добиться этого? — Мейна Гладстон не отрывала взгляда от кувыркающихся обломков у себя над головой. Перед камерой проплыло тело молодого мужчины, наполовину вывалившееся из скафандра. Я увидел вылезшие из орбит глаза и взорванные давлением легкие.

— Нет, — отрезал адмирал Сингх. — Они могут обескровить нас. Могут оттеснить нас к самому Гипериону. Но не могут ни вышвырнуть нас из системы, ни нанести нам поражение.

— А портал? — Голос сенатора Ришо дрогнул.

— Ни уничтожить нуль-портал, — добавил Сингх.

— Он прав, — подтвердил Морпурго. — Тому порукой мой профессиональный опыт.

Гладстон со странной улыбкой поднялась с места. Все присутствующие, в том числе и я, поторопились подняться.

— Вы поручились, — негромко сказала она, обращаясь к Морпурго. — Вы поручились. — Она скользнула взглядом по лицам своих сотрудников. — Мы встретимся здесь, когда этого потребуют события. Связным между мной и вами назначаю Ли Хента. Работа правительства, господа, будет идти в обычном режиме. Всего хорошего.

Все стали расходиться, только я вернулся на свое место и вскоре остался в комнате один. Динамики вновь заработали на полную громкость. На одной волне слышались громкие мужские рыдания. На другой, сквозь треск и щелчки помех, гремел чей-то маниакальный хохот. Надо мной,

за моей спиной и с обеих сторон медленно двигались во тьме созвездия, и свет звезд равнодушно серебрил руины и обломки.

Дом Правительства был выстроен в форме звезды Давида. В центре ее, защищенный низкими стенами и кущами деревьев, рассаженных в особом порядке, находился сад. Конечно, не такой обширный, как Олений парк со своими зелеными просторами, но не менее живописный. Поздним вечером я вышел туда на прогулку. Яркое сине-белое небо Центра уже покрывалось позолотой, когда меня догнала Мейна Гладстон.

Несколько минут мы молча шли бок о бок. Я заметил, что она переоделась в длинное платье, какие носят величественные матроны на Патофе: свободного покроя, с пышными складками и вставками сложного темно-синего и золотого рисунка — точь-в-точь вечерний небосвод у нас над головами. Руки она держала в карманах, широкие рукава раздувались на ветру; подол касался молочно-белой каменной дорожки.

— Вы позволили им допросить меня, — начал я. — Любопытно, почему.

— Они не транслировали допрос для своих сообщников. — Голос Гладстон звучал устало. — Никакого риска разглашения секретной

информации не было.

Я улыбнулся.

— И тем не менее я подвергся всем этим испытаниям с вашего ведома.

— Служба безопасности хотела узнать о них все, что только возможно. Все, что они выболтают.

— Ценой кое-каких… не очень приятных ощущений с моей стороны, — заметил я.

— Да.

— Ну и известно теперь безопасности, на кого они работают?

— Этот человек упомянул фамилию Харбрит, — ответила секретарь Сената. — Наши люди почти уверены, что речь шла об Эмлеме Харбрит.

— Управляющей биржей на Асквите?

— Да. Она и Дайана Филомель связаны со старыми монархистскими фракциями организации Гленнон-Хайта.

— Они вели себя по-дилетантски, — сказал я, вспоминая легкость, с какой Гермунд обронил фамилию Харбрит, и непродуманность вопросов его жены.

— Конечно.

— Связаны ли монархисты с какими-нибудь серьезными организациями?

— Только с церковью Шрайка, — ответила

Гладстон. Она остановилась перед каменным мостиком через ручей и, подобрав свое роскошное сине-золотое одеяние, присела на кованую железную скамью. — Ни один епископ до сих пор не вышел из подполья, знаете ли.

— Учитывая беспорядки, их трудно осуждать. — Я остановился перед скамьей. Поблизости не было ни телохранителей, ни мониторов, но я знал: одно угрожающее движение в сторону Гладстон, и я очнусь в изоляторе службы безопасности.

Облака над нашими головами растеряли последнюю позолоту и светились теперь ровным серебряным светом, отражая огни бесчисленных экобашен ТКЦ.

— Как поступила служба безопасности с Дайаной и ее мужем? — спросил я.

— Они были подвергнуты доскональному допросу и… находятся под арестом.

Понятно. Доскональный допрос означал, что их мозги плавают сейчас в полностью изолированных от внешнего мира баках. Их тела будут содержаться в криогенном хранилище до тех пор, пока секретный суд не определит, можно ли квалифицировать их деяния как государственную измену. После процесса тела будут уничтожены, а Дайана и Гермунд останутся под «арестом» с

полностью отключенными каналами восприятия и связи. Уже несколько веков Гегемония не применяла смертной казни, но альтернативы ей были не из приятных. Я опустился на другой конец скамьи.

— Вы по-прежнему пишете стихи?

Вопрос удивил меня. Я посмотрел вдоль садовой дорожки, где только что загорелись летучие японские фонарики и скрытые листвой люмшары.

— Как вам сказать… — Я задумался. — Иногда я вижу сны в стихах. Точнее, видел. Раньше.

Мейна Гладстон принялась разглядывать свои руки, сложенные на коленях.

— Вздумай вы описать то, что сейчас происходит, — спросила она, — что за поэма бы получилась?

Я засмеялся.

— Я уже дважды начинал ее и бросал… или, вернее сказать, «он» начинал и бросал. Это поэма о гибели богов и о том, как они противились своему низвержению. Поэма о метаморфозах, страданиях, несправедливости. И о поэте, который, как «он» считал, пострадал от несправедливости больше всех.

Гладстон повернулась ко мне. В полумраке

ее лицо казалось нагромождением морщин и теней.

— И каких же богов свергают с престола сейчас, господин Северн? Само человечество или ложных богов, которых мы создаем себе на погибель?

— Откуда мне знать, черт возьми? — вспылил я и отвернулся к ручью.

— Но вы принадлежите обоим мирам, не так ли? И человечеству, и Техно-Центру?

Я рассмеялся.

— В обоих мирах я чужак. Здесь — чудовище, там — экспериментальный образец.

— Но кто же проводит эксперимент? А главное, зачем?

Я пожал плечами.

Гладстон поднялась. Я последовал ее примеру. Мы перешли ручей, слушая, как журчит вода. Дорожка вилась между высокими валунами, покрытыми пышными лишайниками, мерцавшими в свете фонариков.

Гладстон остановилась на верхней ступеньке каменной лестницы.

— Как вы думаете, господин Северн, удастся ли Богостроителям Техно-Центра создать пресловутый Высший Разум?

— То есть создадут ли они Бога? — уточнил

я. — Среди ИскИнов есть и противники этого проекта. Опыт людей подсказал им, что создание высшего разума — прямая дорога к рабству, если не к вымиранию.

— Но станет ли истинный Бог уничтожать свои создания?

— Если иметь в виду Техно-Центр и гипотетический Высший Разум, — возразил я, — Бог не создатель, а создание. Возможно, божество может чувствовать ответственность лишь за те низшие существа, которые само создало.

— Тем не менее Техно-Центр, судя по всему, взял на себя ответственность за людей уже много веков назад, со времени Отделения ИскИнов, — произнесла Гладстон. Она пристально смотрела на мое лицо — точно на шкалу какого-то важного прибора.

Я окинул взглядом сад. Дорожка светилась во мраке таинственным белым светом.

— Техно-Центр преследует собственные цели, — сказал я, понимая, что секретарю Сената этот факт известен лучше, чем кому бы то ни было.

— И вы считаете, что человечество ему больше ни к чему?

Я поднял руки в знак того, что отвечать не

собираюсь.

— Я чужд обеим цивилизациям, — повторил я. — Нет у меня ни простодушия невольных создателей, ни бремени пугающей проницательности их созданий.

— С генетической точки зрения, вы — человек до мозга костей, — сказала Гладстон.

Это не было вопросом, и я промолчал.

— Говорили, что Иисус Христос — во всех отношениях человек, — продолжала она. — И одновременно божество. Пересечение человеческого и божественного.

Меня поразило, что она вспомнила эту древнюю религию. Христианство сменилось сначала дзен-христианством, потом дзен-гностицизмом, потом десятками и сотнями более жизнеспособных теологии и философских учений. Впрочем, мир, откуда происходила Гладстон, не был кладовой развенчанных культов. Я предполагал и надеялся, что не была такой кладовой и она сама.

— Если он в полной мере и человек, и Бог, — сказал я, — тогда я — его двойник из антимира.

— Нет, — возразила Гладстон. — Я думаю, его двойник — Шрайк, перед которым собираются предстать ваши друзья-паломники.

У меня отвисла челюсть. Она впервые упомянула Шрайка, хотя я знал (а она знала, что мне это известно), что именно она хотела открыть руками Консула Гробницы Времени и выпустить это существо на волю.

— Возможно, вам следовало принять участие в этом паломничестве, господин Северн, — заметила Мейна Гладстон.

— Я и без того в нем участвую, — ответил я. — В каком-то смысле.

Гладстон взмахнула рукой, и двери ее личных покоев распахнулись.

— Да, в каком-то смысле вы в нем участвуете, — согласилась она. — Но если женщину, несущую в себе ваше «второе я», распнут на легендарном стальном дереве Шрайка, будете ли вы вечно страдать во сне?

На это мне нечего было ответить. Я молча стоял перед ней.

— Поговорим завтра утром, после совещания, — произнесла она, прощаясь. — Спокойной ночи, господин Северн. Приятных сновидений.

Глава восьмая

Мартин Силен, Сол Вайнтрауб и Консул бредут по песку в сторону Сфинкса, навстречу Ламии Брон и Федману Кассаду, несущим тело отца Хойта. Вайнтрауб плотнее запахивается в плащ, пытаясь защитить ребенка от ярости песчаных вихрей и треска разрядов. Он видит, как спускается с дюны Кассад — черный мультипликационный человечек с дивными ногами на фоне наэлектризованных песков. Конечности Хойта безжизненно болтаются при каждом движении его носильщиков.

Силен что-то кричит, но ветер относит его слова в сторону. Ламия Брон указывает на единственную уцелевшую палатку. Это палатка Мартина Силена, остальные повалены или разорваны в клочья. В нее забираются все паломники. Последним влезает полковник Кассад и втаскивает умирающего. В палатке хоть можно разговаривать — если удается перекричать хлопанье фибропластовой парусины и треск молний, подобный звуку раздираемой бумаги.

— Умер? — Консул откидывает полу плаща, в который Кассад завернул голого Хойта. Кресто-

форм розово светится.

Полковник показывает на медпакет военного образца, прикрепленный к груди священника. Все индикаторы красные — только глазок, контролирующий узелки и волокна системы жизнеобеспечения, мигает желтым. Голова Хойта запрокидывается, и Вайнтрауб замечает похожий на гусеницу свежий шов, соединяющий рваные края рассеченного горла. Он пытается нащупать пульс, но безуспешно. Тогда Вайнтрауб склоняется над священником и прикладывает ухо к его груди. Сердце не бьется, зато крестоформ обжигает его щеку. Сол поднимает глаза на Ламию:

— Шрайк?

— Да… мне так кажется… не знаю даже. — Она взмахивает пистолетом. — Я выпустила всю обойму… Двенадцать пуль, и не знаю, в кого.

— А вы видели? — спрашивает Консул Кассада.

— Нет. Я вошел туда через десять секунд после Брон, но ничего не заметил.

— Ну а хреноскопы вашего превосходительства? — вопрошает Мартин Силен. Его затиснули в дальний угол палатки, где он и сидит, скорчившись, как эмбрион во чреве. — Разве все это тактическое дерьмо ничего не уловило?

— Нет.

Из медпакета раздается тревожный зуммер; Кассад достает еще один плазмопатрон, вставляет в гнездо пакета и, опустив забрало, чтобы лучше видеть в песчаной буре, вновь устраивается на корточках перед выходом. Сквозь шлемофон его голос неузнаваем:

— Он потерял больше крови, чем можно компенсировать в наших условиях. У кого еще есть аптечка первой помощи?

Вайнтрауб роется в своем мешке.

— У меня с собой стандартный набор. Но его недостаточно. Горло перерезано со знанием дела.

— Шрайк, — шепчет Мартин Силен.

— Не важно. — Ламия обхватывает руками колени, чтобы унять дрожь. — Мы должны ему помочь! — Она смотрит на Консула.

— Он мертв, — констатирует Консул. — Даже бортовая операционная не вернет его к жизни.

— Но мы должны попытаться! — кричит Ламия, схватив Консула за рубашку. — Мы не можем отдать его этим… исчадиям! — Она указывает на розовый крестоформ, светящийся под кожей мертвеца.

Консул трет глаза.

— Можно уничтожить тело. Винтовка полков-

ника…

— Мы все сдохнем тут, если не выберемся из этой бури, мать вашу! — вопит Силен. Палатка ходит ходуном, при каждом порыве ветра парусиновый полог хлещет поэта по затылку и спине. Песок бьется о ткань, завывая, как стартующая ракета. — Вызывайте ваш проклятый корабль! Вызывайте!

Консул прижимает к себе рюкзак, словно защищая лежащий в нем комлог. Его щеки и лоб блестят от пота.

— Мы могли бы переждать бурю в какой-нибудь Гробнице, — предлагает Сол Вайнтрауб. — Например, в Сфинксе.

— Идите вы знаете куда? — рычит Мартин Силен.

Ученый, еле ворочаясь в тесной палатке, поднимает глаза на поэта.

— Вы проделали весь этот путь, чтобы найти Шрайка. А теперь, когда он, по-видимому, появился, передумали?

Силен злобно сверкает глазами из-под надвинутого на лоб берета.

— Скажу вам одно — я хочу, чтобы этот сраный корабль был здесь и не-мед-лен-но!

— Неплохая мысль, — замечает вдруг полков-

ник Кассад.

Консул переводит взгляд на него.

— Если есть шанс спасти Хойта, нам следовало бы им воспользоваться.

— Нам нельзя покидать долину, — страдальчески морща лоб, говорит Консул. — Пока нельзя.

— Да, — соглашается Кассад. — Мы и не собираемся сбегать на корабле. Но его операционная могла бы спасти Хойта, а мы укрылись бы в нем от бури.

— И, может быть, выяснили бы, как дела вон там. — Ламия Брон тычет большим пальцем вверх.

Ребенок внезапно заливается пронзительным плачем. Вайнтрауб укачивает Рахиль, придерживая крохотную головенку.

— Согласен, — тихо произносит он. — Если Шрайк захочет найти нас, он с тем же успехом придет за нами на корабль. Мы проследим, чтобы никто не дезертировал. — Он касается груди Хойта. — Как это ни ужасно, но при операции можно получить бесценную информацию о том, как функционирует этот паразит.

— Хорошо, — помолчав, соглашается Консул, достает из рюкзака свой старинный комлог, кладет руку на дискоключ и шепотом произносит

несколько фраз.

— Ну что, прилетит? — нетерпеливо спрашивает Мартин Силен.

— Он подтвердил прием команды. Надо сложить снаряжение в одну кучу. Я велел ему совершить посадку прямо у входа в долину.

Ламия с удивлением обнаруживает, что из глаз у нее льются слезы. Она вытирает щеки и улыбается.

— Что вас так рассмешило? — спрашивает Консул.

— Такой ужас творится, — отвечает она, растирая щеку ладонью, — а у меня одна мысль: какое чудо — принять душ!

— И пропустить рюмочку, — подхватывает Силен.

— Укрыться от бури, — тихо вторит ему Вайнтрауб. Ребенок, жадно чмокая, глотает молоко из детского синтезатора.

Кассад высовывается из палатки и вскидывает винтовку, одним движением сняв ее с предохранителя.

— Сенсоры, — говорит он. — За этой дюной что-то шевелится. — Он оборачивается к остальным, и в опущенном забрале отражаются бледные, жмущиеся друг к другу паломники и окровавлен-

ное тело Ленара Хойта.

— Пойду выясню, что там такое, — говорит он. — Ждите здесь до прибытия корабля.

— Не уходите, — протестует Силен. — Это как в тех долбаных старинных фильмах ужасов, где все уходят по одному, и поминай как звали… Эй! — Поэт умолкает. В треугольный вход палатки врываются свет и грохот.

Федман Кассад исчез.

Палатка начинает оседать, стойки и проволочные растяжки прогибаются, поддаваясь напору текучего песка. Прижавшись друг к другу, Консул и Ламия заворачивают тело отца Хойта в плащ. Лампочки медпакета продолжают мигать красным. Кровь из шва больше не сочится.

Сол Вайнтрауб укладывает свою четырехдневную Рахиль в переносную люльку, тщательно укрывает плащом, подтыкая его со всех сторон, и садится на корточки у входа.

— Никаких следов! — кричит он. В ту же секунду прямо на его глазах молния ударяет в поднятое крыло Сфинкса.

Ламия пробирается к выходу с неожиданно легким телом священника.

— Давайте перенесем отца Хойта на корабль в операционную! Потом кто-нибудь вернется за

Кассадом.

Консул надвигает треуголку и поднимает воротник:

— На корабле есть мощный радар и другие средства обнаружения движущихся объектов. С их помощью мы узнаем, куда делся полковник.

— И Шрайк, — желчно добавляет Силен. — О хозяине забывать неэтично.

— Пошли.

Ламия встает, но ей тут же приходится согнуться в три погибели. Плащ Хойта хлопает крыльями и бьется вокруг Ламии, ее собственная накидка струится по ветру за спиной. Разыскав благодаря непрестанным вспышкам молний тропу, она берет курс на вход в долину, временами оглядываясь, не потерялись ли остальные.

Мартин Силен отходит на шаг от палатки, берется за принадлежавший Хету Мастину куб Мебиуса, и тут его пурпурный берет улетает, подхваченный ветром. Застыв на месте, поэт сыплет проклятиями, останавливаясь лишь для того, чтобы выплюнуть песок изо рта.

— Идемте! — кричит Вайнтрауб, ухватив поэта за плечо. Песчинки жгут Солу лицо, забиваются в бороду, но вместо того, чтобы заслониться рукой от ветра, он прикрывает ею грудь. — Мы рискуем

потерять Ламию из виду, надо спешить!

Поддерживая друг друга, они борются со встречным ветром. По меховой шубе Силена бежит штормовая рябь. Поэт делает крюк, чтобы подобрать свой берет, скатившийся с дюны.

Консул оставляет палатку последним. У него два рюкзака на спине — свой и Кассада. Стоит ему покинуть это хрупкое укрытие, как стойки подламываются, ткань рвется, и палатка возносится в ночь, окруженная нимбом из электрических разрядов.

Спотыкаясь, Консул проходит метров триста, временами замечая впереди силуэты Сола и поэта. То и дело тропа теряется — тогда приходится описывать круги, пока не обозначится снова утоптанная полоска земли. Вспышки молний следуют одна за другой, и в их ослепительном свете Гробницы Времени видны как днем. Консул смотрит на Сфинкса, окутанного разрядами, различает позади него люминесцирующие стены Нефритовой Гробницы, а еще дальше Обелиск — он почему-то не светится и кажется вертикальным черным проемом на фоне стен ущелья. Тут же высится Хрустальный Монолит. Кассада не видно, хотя в песчаных вихрях, озаряемых синими отблесками, всюду чудятся какие-то силуэты

и тени.

Консул задирает голову, видит широкий вход в долину и низко бегущие облака над ним. Где же голубой шлейф от спускающегося корабля? Буря, конечно, ужасная, но его посудина совершала посадки и в худших условиях. Он надеется, что корабль уже сел и остальные ждут его у трапа.

Но, добравшись наконец до скалистых стен у входа в долину, он видит четверку паломников, сбившихся в кучку на краю широкой плоской равнины, и только. Корабля нет. Буря обрушивается на него с удесятеренной силой.

— Он уже должен быть здесь, верно? — кричит Ламия, когда Консул приближается к своим спутникам.

Он утвердительно кивает и садится на корточки, чтобы достать из рюкзака комлог. Вайнтрауб и Силен, пригнувшись, встают позади него, пытаясь хоть как-то заслонить от ветра. Достав комлог, Консул оглядывается. Впечатление такое, будто все они попали в обезумевшую комнату, чьи стены преображаются каждый миг — надвигаются на людей со всех сторон и тут же разъезжаются, потолок взмывает вверх, как в сцене из «Щелкунчика», когда зала с рождественской елкой вдруг начинает расти на глазах у изумленной Клары.

Консул накрывает ладонью дискоключ и наклоняется к квадратику микрофона. Старинный прибор шепчет ему что-то, неразличимое за скрежетом песка.

— Кораблю не разрешили взлететь, — произносит, выпрямляясь, Консул.

— Что значит «не разрешили»? — спрашивает Ламия, когда затихает взрыв гнева и разочарования.

Консул пожимает плечами и смотрит в небо, как будто все еще ждет появления голубого огненного хвоста.

— Его не выпустили с космодрома в Китсе.

— А вы разве не говорили, что у вас разрешение от ее блядской светлости? — кричит Мартин Силен. — От самой старухи Гладстон?

— Разрешение Гладстон было введено в память корабля, — отвечает Консул. — О нем знали и ВКС, и администрация космопорта.

— Тогда какого черта? — Ламия вытирает лицо. Слезы прорезали на ее оштукатуренных песком щеках узкие грязные бороздки.

Консул пожимает плечами.

— Гладстон и отменила свое разрешение. Тут есть послание от нее. Хотите услышать?

С минуту никто не отвечает. После недельного

странствия мысль о контакте с кем-то за пределами их группы кажется настолько нелепой, что не укладывается в голове; мира вне Гипериона и паломничества к Шрайку для них не существует, а тот, который есть, напоминает о себе лишь взрывами в ночном небе.

— Да, — еле слышно произносит Сол Вайнтрауб. — Давайте послушаем.

Буря решила устроить минутную передышку, и его тихий голос звучит сейчас с пугающей отчетливостью.

Они сбиваются в кучку, усевшись кружком на корточки перед старинным комлогом и положив посередине отца Хойта. Стоило на миг оставить умирающего без внимания, как его засыпало песком. Теперь все индикаторы светятся красным, за исключением янтарных лампочек мониторов экстремальной терапии. Ламия меняет плазмопатрон на свежий и удостоверяется, что осмотическая маска надежно облегает рот и нос Хойта, всасывая из воздуха чистый кислород и отфильтровывая песок.

— Все в порядке, — говорит она, и Консул нажимает на дискоключ.

Послание Гладстон — это пучковая мультиграмма, полученная и записанная кораблем всего

лишь десять минут назад. В воздухе мельтешат колонки цифр. Из круглых зернышек, характерных для комлогов времен Хиджры, складывается изображение Гладстон. Оно дрожит, лицо причудливо, а порой карикатурно кривится, сквозь него проносятся мириады песчинок. Буря беснуется с новой силой, и знаменитый голос едва слышен в бешеном реве ветра.

— Мне очень жаль, — властно заявляет секретарь Сената, — но в данный момент я не могу допустить ваш звездолет к Гробницам. Искушение улететь было бы слишком велико, в то время как забота об исполнении вашей миссии должна возобладать над всем остальным. Поймите, судьбы целых миров, возможно, зависят от вас. Верьте, я с вами всеми надеждами и молитвами. Гладстон, конец связи.

Изображение сворачивается и исчезает. Консул, Вайнтрауб и Ламия потерянно глядят перед собой, а Мартин Силен вскакивает и швыряет горсть песка туда, где только что было лицо Гладстон:

— Блядво поганое, сраная политиканша, дура набитая, говна кусок, хер в юбке, сука! — Он пинает песок, вскрикивая, как умалишенный. Остальные молча смотрят на него.

— Да, вы действительно отвели душу, — негромко произносит наконец Ламия Брон.

Силен, взмахнув руками, удаляется, расшвыривая ногами песок и бормоча что-то себе под нос.

— Это все? — Вайнтрауб смотрит на Консула.

— Да.

Ламия хмуро взирает на комлог, скрестив руки на груди.

— Я позабыла ваш рассказ об этой штуке. Как вам удалось пробиться сквозь помехи?

— По узконаправленному лучу через спутник-ретранслятор, который я оставил на орбите, когда мы улетали с «Иггдрасиля», — отвечает Консул.

Ламия понимающе кивает.

— Значит, когда вы выходили на связь, то просто посылали короткие указания кораблю, а уж он отправлял мультиграммы Гладстон… и вашим знакомым Бродягам.

— Да.

— Скажите, а корабль может взлететь без разрешения? — глядя перед собой, отрешенно спрашивает Вайнтрауб. Старый ученый сидит, обхватив руками колени, в классической позе крайней усталости. — Просто проигнорировать запрет Гладстон?

— Нет, — отвечает Консул. — Когда Гладстон

наложила вето, военные поставили над шахтой с нашим кораблем силовой экран третьей степени.

— Так свяжитесь с нею! — горячо произносит Ламия Брон. — Объясните ей наше положение.

— Я пытался. — Подержав комлог в руках, Консул рассеянно укладывает его обратно в рюкзак. — Никакой реакции. Еще в первой мультиграмме я упомянул, что отец Хойт тяжело ранен и нуждается в помощи. Я хотел заранее подготовить бортовую операционную.

— Ранен! — вскрикивает Мартин Силен, возвращаясь большими шагами к кучке своих спутников. — Херня. Наш друг падре мертв, как Гленнон-Хайтов кобель. — Он тычет пальцем в завернутое в плащ тело; все индикаторы светятся красным.

Ламия Брон, наклонившись, касается щеки Хойта. Холодная. Биомонитор его комлога и медпак пронзительно пищат, предупреждая о гибели мозговых клеток. Осмотическая маска продолжает снабжать Хойта чистым кислородом, а стимуляторы медпака заставляют работать легкие и сердце, но писк переходит в визг, а затем в монотонный, душераздирающий вопль.

— Он потерял слишком много крови. — Сол

Вайнтрауб касается лица мертвого священника и, закрыв глаза, склоняет голову.

— Бесподобно! — смеется Силен. — Усраться можно! Если верить его собственному рассказу, Хойт сначала разложится, а потом сложится, благодаря этой мудацкой погремушке — нет, целым двум! Выходит, у этого парня двойная страховка, и он восстанет из мертвых в виде дебильного варианта тени папаши Гамлета. Чудненько! И что же нам тогда делать?

— Заткнись, — устало роняет Ламия, заворачивая тело Хойта в брезент.

— Сама заткнись! — вопит Силен. — Здесь и так рыщет одно чудовище. Старина Грендель где-то точит свои когти к следующей трапезе, а вы хотите, чтобы к нашей веселой компании присоединился зомби Хойта? Помните, что он говорил о бикура? Крестоформы воскрешали их раз за разом, век за веком, и беседовать с ними было все равно что с амбулаторной губкой. Вы действительно хотите путешествовать вместе с трупом Хойта?

— С двумя, — негромко уточняет Консул.

— Что? — Мартин Силен резко поворачивается и, потеряв равновесие, бухается на колени рядом с мертвым телом, чуть не свалив старого учено-

го. — Что вы сказали?

— У него два, — поясняет Консул. — Его собственный и отца Поля Дюре. Если история про бикура не выдумана, значит, оба они будут воскрешены…

— О Господи! — сипло восклицает Силен и оседает на песок.

Ламия уже завернула тело священника в брезент и смотрит на Консула.

— Я помню рассказ отца Дюре об Альфе. Но все равно не понимаю, как это возможно — обойти закон сохранения массы.

— Значит, нас ждет встреча с двумя карликовыми зомби, — бормочет Мартин Силен, еще плотнее кутается в свою шубу и ударяет кулаком по песку.

— Сколько мы могли бы узнать, если бы прибыл корабль, — с сожалением произносит Консул. — Автодиагностика… — Вдруг он замолкает и оглядывается вокруг. — Послушайте-ка! Песка в воздухе почти нет. Может, буря стиха…

Вспыхивает исполинская молния, и начинается дождь. Ледяные дробинки жгут и язвят лица людей еще беспощаднее, чем песок.

Мартин Силен разражается истерическим смехом.

— Вот треклятая пустыня! — кричит он в небо. — Суждено нам всем утопнуть!

— Надо выбираться, — решительно произносит Сол Вайнтрауб. Между пуговицами его плаща виднеется лицо ребенка. Рахиль заходится от крика, крошечное личико побагровело и кривится от натуги.

— Башня Хроноса? — предлагает Ламия. — Часа два…

— Слишком далеко, — хмурится Консул. — Давайте расположимся в какой-нибудь Гробнице.

Силен снова хихикает и начинает декламировать:

Какие боги ждут кровавой мзды?
К какому алтарю ведут телицу,
Которая торжественной узды
И ласковой руки жреца дичится?

— Это, по-видимому, означает «да»? — спрашивает Ламия у поэта.

— Это означает «почему бы и нет, твою мать», — хихикает Силен. — Зачем играть в прятки с нашей музой? Давайте от нечего делать понаблюдаем, как будет разлагаться наш друг! Что там Дюре написал, сколько потребовалось погибшему бикура, чтобы вновь вернуться в стадо после

того, как смерть отвлекла его от травощипания?

— Три дня, — спокойно отвечает Консул.

Мартин Силен хлопает себя по лбу.

— Конечно! Как мог я забыть? И все чудесно сходится, прямо Новый Завет. А тем временем наш волк Шрайк успеет утащить еще нескольких овечек. Как полагаете, падре не обидится, если я позаимствую один из его крестиков, так, на всякий случай? У него один лишний…

— Пойдемте, — встряхивает головой Консул. Дождь широким ручьем льется с его треуголки. — До утра пересидим в Сфинксе. Я понесу снаряжение Кассада и куб Мебиуса. А вы, Ламия, — вещи Хойта и рюкзак Сола. Сол, ваше дело — держать ребенка в тепле.

— А падре? — спрашивает поэт, тыча пальцем в тело священника.

— Отца Хойта понесете вы. — Ламия, поворачивается к поэту.

Мартин Силен открывает было рот, но заметив в ее руке пистолет, пожимает плечами и нагибается, чтобы взвалить мертвеца на плечи.

— А кто, интересно, потащит Кассада, когда мы его найдем? — едко вопрошает поэт. — Конечно, он может оказаться расфасованным на столько кусков, что всем хватит…

— Пожалуйста, заткнитесь, — устало обрывает его Брон. — Если придется вас пристрелить, у нас будет лишний груз. Шагайте себе.

Консул идет впереди, Вайнтрауб с новорожденной под плащом почти наступает ему на пятки, Мартин Силен бредет за ними, отставая на несколько метров, Ламия Брон замыкает шествие — паломники снова спускаются в долину Гробниц.

Глава девятая

В это утро график секретаря Сената Гладстон был чрезвычайно напряженным. На ТК-Центре сутки длятся двадцать три часа, что позволяет правительству работать по стандартному времени Гегемонии, не нарушая местных суточных ритмов. В 05:45 Гладстон встречалась со своими военными советниками. В 06:30 позавтракала в компании двух десятков наиболее влиятельных сенаторов, а также представителей Альтинга и Техно-Центра. В 07:15 глава правительства Сети отправилась на Возрождение-Вектор, где уже наступил вечер, чтобы участвовать в церемонии открытия медицинского центра «Гермес» в Кадуа. В 07:40 она перенеслась обратно в Дом

Правительства, чтобы со своими ближайшими помощниками, включая Ли Хента, откорректировать речь, которую собиралась произнести перед Сенатом и Альтингом в 10:00. В 08:30 Гладстон вновь приняла генерала Морпурго и адмирала Сингха, дабы обсудить с ними последние новости из системы Гипериона. В 08:45 она встретилась со мной.

— Доброе утро, господин Северн. — Секретарь Сената сидела за своим столом в кабинете, где я впервые увидел ее три ночи назад. Взмахом руки она указала на открытый шкафчик у стены с горячим кофе, чаем и кофеиром в чашках из чистого серебра.

Я отрицательно покачал головой и сел. В трех голографических окнах виднелось чистое небо, но четвертое, слева от меня, представляло собой трехмерную карту системы Гипериона — ту самую, что я пытался расшифровать в Военном Кабинете. Мне показалось, что алые метки Бродяг расползлись повсюду, словно прожилки красителя в сосуде с жидкостью, замутняя и поглощая аквамариновую синеву Гегемонии.

— Я хочу знать, что вам приснилось, — сказала Гладстон.

— А я — почему вы бросили их на произвол

судьбы. — В тоне моем звучала неприязнь. — Почему оставили отца Хойта умирать.

За сорок восемь лет пребывания в Сенате и полтора десятилетия на посту секретаря Сената Гладстон наверняка отвыкла от подобных отповедей, и все же в ответ на мою резкость она всего лишь приподняла бровь.

— Значит, вам снятся подлинные события.

— А вы сомневались?

Она положила на стол электронный блокнот, выключила его и отрицательно покачала головой:

— Нет, не сомневалась, просто странно услышать нечто такое, о чем никто в Сети не имеет понятия.

— Так почему все-таки вы не позволили воспользоваться кораблем Консула?

Мейна Гладстон сделала пол-оборота на своем кресле, чтобы взглянуть на тактический дисплей — по мере поступления новых данных красные ручьи меняли русло, голубые отползали, а планеты и луны катились по своим орбитам. Если она и намеревалась сослаться на ход боевых действий, то тут же передумала. И вновь повернулась ко мне:

— А почему, собственно, я должна объяснять

вам свои поступки, господин Северн? Кто ваши избиратели? Кого вы представляете?

— Я представляю этих пятерых и младенца, которых вы бросили в беде, — сказал я. — Хойта можно было спасти.

Гладстон потеребила нижнюю губу.

— Может быть, — согласилась она. — А может, он уже кончался. Но суть не в этом, верно?

Я откинулся на спинку стула. Мне не пришло в голову захватить с собой альбом, и теперь мои пальцы просто горели от желания чем-то заняться.

— А в чем?

— Помните рассказ отца Хойта… историю, поведанную им во время путешествия к Гробницам? — спросила Гладстон.

— Да, конечно.

— Каждому из паломников разрешено обратиться к Шрайку с одной просьбой. Легенда гласит, что это существо выполняет одно желание, отказывая в выполнении всех остальных и убивая тех, кому отказано. Помните, какое желание было у Хойта?

Я задумался. Вспоминать прошлое паломников — все равно что пытаться восстановить подробности снов недельной давности.

— Кажется, он хотел избавиться от крестоформа, — сказал я. — Хотел освободить отца Дюре… его душу, ДНТС — все равно как это назвать, — и хотел освободиться сам.

— Не совсем так, — возразила Гладстон. — Отец Хойт хотел умереть.

Я вскочил, чуть не опрокинув стул, на котором сидел, и решительно направился к пульсирующей карте.

— Бред сивой кобылы, — отрезал я. — Даже если он этого и хотел, другие были обязаны его спасти… И вы тоже. А вы позволили ему умереть!

— Да.

— И точно так же позволите умереть остальным?

— Не обязательно, — заметила Мейна Гладстон. — Это дело их воли и воли Шрайка, если он действительно существует. Я знаю одно — слишком велика роль их паломничества, чтобы предоставлять им средство для отступления в момент, когда предстоит принять решение.

— И кто же примет решение? Они? Как могут поступки шести или семи человек и младенца повлиять на судьбу государства со ста пятьюдесятью миллиардами жителей?

Конечно, я знал ответ на этот вопрос. Консуль-

тативный Совет ИскИнов и работавшие на этот раз вместе с ним не столь проницательные прогнозисты Гегемонии очень тщательно подбирали паломников. Но по какому признаку? Непредсказуемость — вот доминанта личности каждого из них. Каждый был шифрованной записью под стать абсолютному в своей загадочности уравнению Гипериона. Знала ли об этом Гладстон? Или она знала только то, что ей сообщали Альбедо и ее собственные шпионы? Я вздохнул и вернулся на свое место.

— Вы узнали из сна о судьбе полковника Кассада? — спросила секретарь Сената.

— Нет. Я проснулся, когда они отправились к Сфинксу, чтобы спрятаться от ливня.

Гладстон слегка улыбнулась.

— Вы понимаете, господин Северн, что нам было бы удобнее держать вас под наркозом с помощью того же правдосказа, который использовала ваша подруга Филомель, подключив субвокализаторы. Тогда мы получали бы более регулярные и обстоятельные сообщения о происходящем на Гиперионе.

Я ответил улыбкой на улыбку.

— Да, это было бы удобнее. Но если бы я бросил тело и ускользнул через инфосферу в Техно-

Центр, вы оказались бы в самом неудобном положении. А именно это я сделаю, если снова подвергнусь нажиму.

— Конечно, — согласилась Гладстон. — В подобных обстоятельствах я поступила бы точно так же. Расскажите мне, господин Северн, что испытывают живущие в Техно-Центре? В том далеком месте, где находится ваше подлинное сознание?

— Жизнь кипит, — ответил я. — Это все, для чего вы меня сегодня вызывали?

Гладстон снова улыбнулась, и в ее улыбке были естественность и теплота, столь непохожие на продуманную любезность официальных улыбок, которыми в совершенстве владела секретарь Сената.

— Нет, — сказала она. — У меня было на уме еще кое-что. Хотели бы вы отправиться на Гиперион? На настоящий Гиперион?

— Настоящий Гиперион? — повторил я с дурацким видом.

Пальцы заныли от странного возбуждения. Конечно, моему подлинному сознанию никто не мешал пребывать в Техно-Центре, но тело и мозг у меня слишком человеческие, слишком чувствительные к адреналину и другим своенравным химикалиям.

Гладстон кивнула.

— Туда рвутся миллионы людей. Им хочется сменить наконец обстановку. Увидеть войну вблизи. Идиоты. — Она со вздохом пододвинула к себе рабочий блокнот и подняла глаза — взгляд ее был серьезен. — Но я хочу, чтобы кто-нибудь съездил туда и отчитался обо всем передо мной лично. Сегодня утром Ли собирается опробовать новый военно-транспортный портал, и мне подумалось, что вы могли бы составить ему компанию. Вряд ли вы успеете посетить сам Гиперион, но в системе побываете.

На языке у меня вертелось несколько вопросов, но, к моему стыду, первой моей реакцией была фраза:

— Это опасно?

Ни выражение лица Гладстон, ни ее серьезный, дружеский тон не изменились:

— Возможно. Хотя вы будете в тылу, а Ли получил четкие указания не подвергать себя или вас явным опасностям. «Явные опасности, — подумал я. — Но сколько неявных опасностей в зоне военных действий вблизи планеты, по которой разгуливает не кто-нибудь, а сам Шрайк?»

— Да, — быстро произнес я. — Согласен. Но есть один непонятный для меня момент. Почему вы

решили послать на Гиперион именно меня? Если из-за моих связей с паломниками, то, мне кажется, эта командировка — ненужный риск.

Гладстон кивнула.

— Господин Северн, связь с паломниками, несмотря на всю ее, скажем так, непрочность, несомненно нужна мне. Но верно и то, что ваши наблюдения и мнение ценны для меня ничуть не меньше.

— Но для вас я — белое пятно. Мало ли кому я поставляю информацию — сознательно или каким-то иным образом. Я — выкормыш Техно-Центра.

— Это так, — согласилась Гладстон, — но в то же время вы, вероятно, самая независимая личность на ТКЦ, а может, и во всей Сети. Кроме того, ваши наблюдения — это наблюдения зрелого поэта, перед чьим гением я преклоняюсь.

Я расхохотался.

— Это «он» был гением. А я лишь его тень. Трутень. Карикатура.

— Вы в этом уверены? — спросила Мейна Гладстон.

Я продемонстрировал ей пустые ладони.

— Уже десять месяцев я вновь мыслю и чувствую, живу этой странной жизнью после жизни

— и ни строчки стихов. Как отрезало. Я не думаю стихами. Разве это не доказывает, что весь воскресительный проект Техно-Центра — туфта? Даже мое фальшивое имя — насмешка над памятью человека, чей талант мне и не снился… Джозеф Северн был лишь тенью настоящего Китса, а я позорю даже это имя, живя под ним.

— Может быть, вы и правы, — негромко сказала Гладстон. — А может быть, и нет. Как бы то ни было, я прошу вас отправиться с господином Хентом в краткую командировку на Гиперион. — Она задумалась. — Вы вовсе не обязаны исполнять мои просьбы, поскольку не являетесь гражданином Гегемонии. Но я была бы благодарна вам за согласие.

— Я согласен, — повторил я, слыша свой голос как бы издалека.

— Вот и отлично. Вам понадобится теплая одежда. Не надевайте ничего, что могло бы свалиться с вас или поставить в затруднительное положение в невесомости, хотя маловероятно, что вы с ней столкнетесь. С господином Хентом встретитесь в терминексе Дома Правительства через… — она взглянула на свой комлог, — …двенадцать минут.

Я кивнул и повернулся, чтобы уйти.

— Да, еще…

Я задержался у двери. Старая женщина, сидевшая за столом, внезапно показалась мне какой-то маленькой и измученной.

— Спасибо вам, господин Северн, — сказала она.

В прифронтовую зону действительно рвались миллионы. Альтинг гудел от петиций, списков преимуществ, которые принесет допуск гражданских лиц на Гиперион по нуль-Т, просьб туристических фирм, желающих организовать краткие экскурсии, и требований местных политиков и чиновников Гегемонии, стремящихся непосредственно ознакомиться с обстановкой. Все эти просьбы отклонялись. Граждане Сети — особенно те, что обладали властью и влиянием, — не привыкли, чтобы им отказывали в доступе к новым ощущениям, а тотальная война оставалась для Гегемонии одним из немногих, еще неизведанных ощущений.

Но правительство и командование ВКС были неумолимы: никаких переносов в систему Гипериона для гражданских лиц, а также лиц, не получивших соответствующего разрешения, никаких бесцензурных сообщений в прессе. В век, когда практически не существует недоступной

информации, век тотальной свободы передвижения, этот беспрецедентный запрет лишь бесил и распалял воображение.

Я встретился с Хентом на правительственном терминексе, предварительно продемонстрировав свой пропуск на десятке контрольных постов. Хент был облачен в черный шерстяной китель без всяких знаков различий, но скроенный на манер мундиров ВКС, которые встречались в этой части Дома Правительства на каждом шагу. Мне было некогда переодеваться. Я заскочил в свои апартаменты, только чтобы схватить мешковатый жилет со множеством карманов для рисовальных принадлежностей и 35-миллиметровый имиджер.

— Готовы? — спросил Хент. Его лицо, похожее на морду бассет-хаунда, не выражало особого удовольствия. В руке он держал простой черный саквояж.

Я кивнул.

Хент сделал знак технику ВКС, и перед нами возник трепещущий одноразовый портал. Я знал, что он настроен по образцам наших ДНК и не пропустит никого, кроме нас. Хент, набрав в грудь воздуха, шагнул в портал. Ртутная поверхность на миг подернулась рябью, как ручей при слабом

порыве ветра. Немного помедлив, я последовал за Хентом.

Говорят, что первые образцы нуль-Т не вызывали у пользователей никаких ощущений, и тогда конструкторы — ИскИны и люди — вмонтировали в них устройства, создающие легкое покалывание по всему телу и озонную щекотку в ноздрях и на языке, чтобы путешественник мог и впрямь ощутить себя путешественником. Не знаю, так это или нет, но когда, перешагнув порог портала, я остановился и огляделся по сторонам, руки у меня еще чесались.

Странно, но боевые космические корабли появились на страницах романов и киноэкранах (а потом в голоискусстве и фантопликаторах) более восьмисот лет назад, в дни, когда человечество покидало Старую Землю лишь на примитивных ракетах — фактически модернизированных самолетах. А может быть, еще раньше. Но в тех двухмерных фильмах уже изображались космические битвы, огромные межзвездные дредноуты с невероятным вооружением, несущиеся сквозь пространство подобно городам, заключенным в обтекаемый корпус. Даже в недавних голопьесах, появившихся в изобилии после Брешии, мы видели гигантские флотилии, ведущие бои на

расстояниях, которые вызвали бы у пехотинца приступ клаустрофобии, корабли, таранящие друг друга и пылающие, как греческие триремы, сгрудившиеся у мыса Артемисий.[46]

Неудивительно, что сердце мое часто билось, а ладони вспотели, когда я ступил на борт флагмана эскадры. Я ожидал, что окажусь на просторном мостике военного корабля — таком, какие показывают в голопьесах: с гигантскими экранами, демонстрирующими вражеские корабли, ревом сирен и суровыми офицерами, которые склоняются над оперативно-командными дисплеями, не обращая внимания на качку.

Мы с Хентом стояли в узком коридоре, уместном разве что на электростанции. Повсюду виднелись хитросплетения разноцветных труб, и лишь торчащие там и сям поручни, а также расположенные через равные интервалы герметичные люки напоминали, что мы действительно на космическом корабле, а суперсовременные дископульты и фантастические интерактивные панели свидетельствовали, что коридор этот не просто связывает два помещения, а выполняет еще какую-то функцию. Однако преобладало

[46] Примечания: 46

Неточность. В Саламинском сражении у мыса Артемисий (480 г. до н. э.) был разбит персидский флот царя Ксеркса.

впечатление гнетущей тесноты и технического застоя. Я даже удивился, что от приборов не идут самые настоящие провода. Невдалеке от нас коридор пересекала вертикальная шахта. Через люки виднелись другие проходы, узкие и загроможденные.

Взглянув на меня, Хент слегка пожал плечами. У меня появилось подозрение, что портал отправил нас не туда.

Не успел кто-либо из нас выразить свои сомнения вслух, как из бокового коридора вынырнул младший лейтенант в черном комбинезоне ВКС и отдал честь Хенту:

— Добро пожаловать на борт корабля Гегемонии «Гебриды», господа. Адмирал Насита уполномочил меня передать вам его приветствия и пригласить на командный пункт. Прошу следовать за мной. — С этими словами юный офицер повернулся кругом, схватился за перекладину и, подтянувшись, исчез в узкой вертикальной шахте.

Мы, как умели, последовали его примеру. Хент приложил все силы, чтобы не уронить саквояж, а я — чтобы Хент не отдавил мне пальцы. Преодолев всего несколько ярдов, я понял, что сила тяжести здесь гораздо меньше стандартной,

да и вообще не оправдывает своего названия. Ощущение было такое, будто множество маленьких, но упрямых рук тянет меня вниз. Я знал, что для создания искусственной гравитации на космических кораблях используются силовые поля первой степени, но впервые испробовал их действие на собственной шкуре. Что и говорить, небольшое удовольствие; постоянное давление заставляло сутулиться, как от встречного ветра, внося свой вклад в чувство клаустрофобии от узких коридоров, маленьких люков и заполненных приборами переборок.

«Гебриды» принадлежали к классу «3К» — Коммуникации, Контроль, Командование, — и командный пункт был их сердцем и мозгом, но эти «сердце и мозг» выглядели не очень впечатляюще. Молодой лейтенант провел нас через три герметичных люка, затем по коридору мимо караула из морских пехотинцев, отдал напоследок честь и оставил нас в комнате площадью примерно двадцать квадратных ярдов, но настолько набитой людьми, приборами и шумами, что первым желанием попавшего туда было выскочить обратно, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Гигантских экранов не было, но десятки офицеров гнули спины над загадочными дисплеями,

сидели, опутанные щупальцами фантопликаторов, или стояли, озаренные огненным светом индикаторов, из которых, казалось, состояли все шесть переборок. Мужчины и женщины были привязаны ремнями к своим креслам и сенсорным пультам за исключением нескольких офицеров, больше похожих на нервных чиновников, чем на бравых вояк. Они бродили по узким проходам, похлопывая подчиненных по спинам, громко требуя дополнительной информации и подключаясь к консолям через гнезда собственных имплантов. Один из них, упитанный молодой капитан третьего ранга, подойдя, оглядел нас, отдал мне честь и почтительно произнес:

— Господин Хент?

Я кивнул на своего спутника.

— Господин Хент, — поспешно обернулся к нему капитан, — адмирал Насита сейчас примет вас.

Командующий всеми вооруженными силами Гегемонии в системе Гипериона оказался невысоким мужчиной с коротко стриженными седыми волосами, не по возрасту гладкой кожей и насупленными, будто вырубленными во лбу бровями. Адмирал был в черном мундире с высоким во-

ротником безо всяких знаков различия, если не считать изображения красного карлика на воротнике. Руки у него были грубые, с толстыми пальцами, однако ногти недавно подверглись маникюру. Адмирал восседал на небольшом помосте среди приборов и немых демонстрационных панелей. Суматоха и деловитое безумие, казалось, обтекали его, как быстрый поток — равнодушную скалу.

— Вы посыльный от Гладстон, — констатировал он, обращаясь к Хенту. — А это кто?

— Мой помощник. — Хент был лаконичен.

Я с трудом удержался, чтобы не принять надменный вид.

— Чего вы хотите? — спросил Насита. — Как видите, мы заняты.

Ли Хент понимающе кивнул и огляделся вокруг.

— У меня есть для вас кое-какие материалы, адмирал. Мы можем поговорить без свидетелей?

Адмирал Насита хмыкнул, провел ладонью над реосенсом, и воздух за моей спиной уплотнился, преобразуясь в полужидкий туман по мере материализации силового поля. Шум штаба затих. Мы трое оказались на маленьком островке тишины.

— Поторопитесь, — буркнул адмирал.

Хент извлек из своего саквояжа небольшой конверт с символом Дома Правительства на задней стороне.

— Конфиденциальное послание от секретаря Сената, — сказал Хент. — Ознакомьтесь на досуге.

Насита с ворчанием отложил конверт в сторону. Хент выложил на стол конверт побольше.

— А это печатный экземпляр предложений Сената относительно методов ведения… э-э… боевых действий. Как вам известно, Сенат желает, чтобы это была быстрая демонстрация нашей силы для достижения ограниченных целей с наивозможно малыми потерями живой силы, после чего нашему новому… колониальному приобретению будет предложено заключить стандартное соглашение о дружбе и взаимопомощи.

Насупленные брови Наситы прямо-таки встали дыбом. Он даже пальцем не шевельнул, чтобы ознакомиться с волей Сената или хотя бы взять конверт в руки.

— Это все?

Сделав паузу, Хент сказал:

— Это все, адмирал, если только вы не хотите передать со мной какое-либо личное послание госпоже Гладстон.

Насита молча уставился на нас. В его маленьких черных глазах не было откровенной враждебности — только нетерпение, нетерпение, которое, как мне показалось, исчезнет лишь в миг, когда глаза подернутся дымкой смерти.

— Для связи с госпожой Гладстон у меня есть личный канал мультилинии, — ответил он. — Премного вам благодарен, господин Хент. А теперь окажите любезность — вернитесь на терминекс корабля и дайте мне возможность заняться моими «боевыми действиями».

Силовое поле исчезло, и шум обрушился на нас, как вода, прорвавшая ледяной затор.

— Есть еще одно дело, — сказал Ли Хент. Его негромкий голос терялся среди техногомона командного пункта. Адмирал Насита ждал, ерзая в кресле. — Мы хотели бы спуститься на планету. На Гиперион.

Брови адмирала свело судорогой.

— Люди Гладстон не упоминали о катере.

Хент и глазом не моргнул.

— Генерал-губернатор Лейн осведомлен о нашем прилете.

Насита покосился на одну из своих демонстрационных панелей, щелкнул пальцами и что-то рявкнул подскочившему майору морской пе-

хоты.

— Вам придется поторопиться. — Адмирал перевел взгляд на Хента. — Как раз сейчас с двадцатой площадки отбывает курьер, идущий к главному «прыгуну». Майор Инвернесс проводит вас. «Гебриды» покинут этот район через двадцать три минуты.

Хент кивнул и последовал за майором. Я поспешил за ними. Адмирал окликнул нас.

— Господин Хент, — сказал он, — пожалуйста, передайте госпоже Гладстон, что, начиная с этого момента, флагманскому кораблю будет недосуг принимать визитеров. — И, не дожидаясь ответа, Насита отвернулся к мерцающим экранам и своим ординарцам.

Я нырнул вслед за Хентом и майором в лабиринт коридоров.

— Здесь должны быть иллюминаторы.

— Что? — Задумавшись, я не расслышал реплики Хента.

Ли Хент повернулся ко мне.

— Никогда раньше не видел катера без иллюминатора или видеоэкрана. Это странно.

Я кивнул и огляделся вокруг, впервые обратив внимание на тесноту корабля и его загроможденность. Действительно, все переборки были

глухими. Куда ни глянь, всюду штабеля провианта. Кроме нас с Хентом, в пассажирском салоне, рассчитанном на полсотни человек, сидел всего один молоденький лейтенант. Это хорошо сочеталось с теснотой на штабном корабле.

Я отвел глаза, возвращаясь к мыслям, которые тревожили меня с момента расставания с Наситой. Шагая за своими двумя спутниками к двадцатой площадке, я внезапно обнаружил, что одно мое ожидание оказалось обманутым: я не чувствовал отсутствия того, что теоретически должно было здесь отсутствовать. Мои тревоги и опасения относительно этой поездки частично объяснялись необходимостью покинуть инфосферу; я был похож на рыбу, собирающуюся покинуть море. Часть моего сознания покоилась где-то в глубинах этого моря-океана данных и линий связи двухсот миров Техно-Центра, объединенных в одно целое невидимой средой, когда-то носившей название киберпространства, а теперь известной исключительно как мегасеть.

Когда мы расставались с Наситой, я вдруг осознал, что по-прежнему слышу гул этого ни на что не похожего моря — отдаленный, но постоянный, как шум прибоя в полумиле от берега. Мы бежали

к катеру, пристегивались, стартовали, мчались по окололунной трассе, тормозили перед входом в атмосферу Гипериона, а я все размышлял и размышлял над этим парадоксом.

Военно-космические силы гордились собственными искусственными интеллектами, автономными инфосферами и вычислительными центрами, ссылаясь при этом на необходимость действовать и принимать решения на огромных просторах Гегемонии, во тьме и тишине, что легли между звездами, за пределами информационной мегасети, но истинной причиной было неистовое стремление к независимости от Техно-Центра — эта многовековая мечта ВКС. Тем не менее, находясь на борту корабля ВКС в центре эскадры ВКС, далеко за рубежами Сети и Протекторатов, я оставался подключенным к уютному жужжанию информационных и энергетических потоков, которое сопровождало меня во всех уголках Сети. Здесь было над чем поразмыслить.

Вместе с нуль-Т в систему Гипериона были переброшены информационные мостики — не только корабль-«прыгун» и силовая сфера приемной решетки, парящая в точке L3 над Гиперионом, как новенькая луна, но и многие мили гигаканального волоконно-оптического кабеля, змеящегося

сквозь стационарные порталы «прыгуна», микроволновые ретрансляторы, тупо снующие через них взад-вперед, передавая дальше записанные сообщения почти в реальном времени, покорные ИскИны штабного корабля, требующие — и получающие — новые линии связи с Олимпийской Офицерской Школой на Марсе и бог весть кем еще. Инфосфера просочилась в какую-то дырочку, по-видимому, втайне от машин ВКС, их операторов и союзников. ИскИны Техно-Центра в курсе происходящего в системе Гипериона. Если здесь моему телу будет угрожать гибель, я ускользну тем же путем — по пульсирующим линиям связи, которые ведут подобно тайным ходам за пределы Сети, за пределы жалкого киберпространства, подвластного человеческому восприятию, а затем по туннелям инфоканалов в сам Техно-Центр. Нет, не совсем в Центр, подумал я, ведь Техно-Центр вбирает в себя все, что есть в мире, как Великий океан включает в себя течения и широченные Гольфстримы, которые наивно считают себя самостоятельными морями.

— Полцарства за иллюминатор, — пробурчал Ли Хент.

— Да, — отозвался я. — Именно.

Катер взбрыкнул и затрясся мелкой дрожью.

Мы вошли в верхние слои атмосферы. «Гиперион, — подумал я. — Шрайк». Толстая рубашка и жилет липли к телу. Слабый шорох снаружи свидетельствовал, что мы несемся по лазурным небесам со скоростью, в несколько раз превышающей звуковую.

Молодой лейтенант перегнулся к нам через проход.

— Первый спуск, джентльмены?

Хент кивнул.

Лейтенант, демонстрируя свою бывалость, жевал резинку.

— Вы — гражданские технари с «Гебрид»?

— Да, мы только что оттуда, — ответил Ли Хент.

— Так и думал, — улыбнулся лейтенант. — Ну а я вожу курьерскую почту на базу морской пехоты под Китсом. Уже пятый рейс.

Услышав имя столицы, я слегка вздрогнул. Гиперион возродился усилиями Печального Короля Билли и его колонии поэтов, художников и прочих неприкаянных гениев, бежавших со своего родного Асквита от угрозы вторжения Горация Гленнон-Хайта, которого так и не последовало. Один из паломников к Шрайку, Мартин Силен, почти два века назад посоветовал королю Билли

дать столице это имя. Китс. Местные называли старую часть города Джектауном.

— Что за место, вы просто не поверите, — разоткровенничался лейтенант. — Какая-то старая задница, а не столица. Ни инфосферы, ни ТМП, ни нуль-Т, ни баров с фоноплексом — ни хрена нет. Неудивительно, что тучи этих долбаных туземцев стоят лагерем вокруг космопорта и прямо на проволоку лезут, чтобы выбраться отсюда.

— Они действительно атакуют космопорт? — спросил Хент.

— Нет. — Лейтенант чавкнул резинкой. — Но спят и видят, если вы понимаете, что я имею в виду. Вот почему 2-й батальон морской пехоты установил там заграждения, и мы блокировали дорогу в город. Эти простофили думают, что мы не сегодня-завтра включим порталы и выпустим их из чана с дерьмом, в который они сами же и залезли.

— Сами? — переспросил я.

Лейтенант пожал плечами:

— Ведь Бродяги на них не просто так набросились. Они что-то там натворили, а нас сюда прислали, чтоб мы таскали им устриц из огня.

— Каштаны, — поправил Ли Хент.

Резиновый пузырь громко лопнул.

— Устрицы, каштаны — один черт.

Шорох воздуха усилился до визга. Катер дважды дернулся, а затем плавно — зловеще плавно — заскользил, будто опустился на ледяную дорожку в десяти милях над поверхностью планеты.

— Полцарства за иллюминатор, — прошептал Ли Хент.

В аппарате было тепло и душно. Толчки странным образом успокаивали. Казалось, что мы находимся на борту небольшого парусника, то взлетающего, то плавно скользящего вниз по волнам. Я закрыл глаза.

Глава десятая

Сол Вайнтрауб, Ламия Брон, Мартин Силен и Консул с рюкзаками за спиной, кубом Мебиуса и мертвым Ленаром Хойтом спускаются по пологому склону, направляясь ко входу в Сфинкс. Снег сыплет вовсю, снежинки вьются между дюнами, выкидывая замысловатые коленца. Комлоги уверяют, что утро близко, но на востоке ни проблеска зари. Несколько раз они пытались вызвать Кассада. Безуспешно.

Сол Вайнтрауб замешкался на пороге Сфинкса. Его дочурка — островок тепла за пазухой, горячее

детское дыхание, щекочущее горло. Он касается теплого комочка и пытается вообразить Рахиль двадцатишестилетней женщиной, аспиранткой археологического факультета. Вот она на миг задержалась в этом же проеме, прежде чем войти и испытать на себе антиэнтропийные чудеса этой Гробницы. Сол качает головой. С того мига прошло двадцать шесть бесконечных лет и целая жизнь. Через четверо суток день рождения дочери. Если Сол ничего не придумает — не разыщет Шрайка, не заключит с этим чудовищем какую-нибудь сделку, что угодно — Рахиль исчезнет навсегда.

— Вы идете, Сол? — зовет Ламия Брон. Остальные уже сбросили с плеч свою ношу в ближайшей ко входу комнате, пройдя метров шесть по узкому коридору.

— Иду, — отзывается он и переступает порог. С потолка туннеля свисают люм-шары и электролампочки, давным-давно перегоревшие, закутанные в коконы пыли. Дорогу освещает только фонарик Сола да лампа Кассада, стоящая в комнате. «Передняя» Гробницы невелика: четыре метра в ширину, шесть — в длину. Спутники Сола свалили поклажу у дальней стены и расстелили посреди ледяного пола брезент и спальные меш-

ки. Две лампы, шипя, испускают холодный свет. Сол останавливается и осматривается.

— Отец Хойт в соседней комнате, — отвечает Ламия на его невысказанный вопрос. — Там еще холоднее.

Сол пристраивается рядом с остальными. Даже сквозь толщу стен слышен дикий скрежет — песчаные и снежные вихри терзают камень.

— Консул хочет еще раз попытать счастья с комлогом, объяснить Гладстон, в каком мы положении, — говорит Ламия.

Мартин Силен смеется.

— Пытайся, не пытайся — ни хрена не выйдет. Она знает, что делает, и никогда нас отсюда не выпустит.

— Я свяжусь с ней сразу после рассвета. — От усталости голос Консула дребезжит, как у старика.

— А я постою на часах, — говорит Сол. Рахиль ворочается и начинает плакать. — Мне все равно надо кормить ребенка.

Остальные слишком устали, чтобы ответить. Ламия кладет голову на рюкзак, закрывает глаза, и через несколько секунд раздается ее негромкое посапывание. Консул надвигает на глаза треуголку. Мартин Силен, сложив руки на груди,

пристально смотрит в дверной проем, словно ждет чего-то.

Сол Вайнтрауб возится с бутылочкой, его замерзшие, сведенные артритом пальцы никак не могут распутать тесемку нагревателя. Заглянув в свою сумку, он обнаруживает, что осталось всего десять молочных пакетов и тощая стопка пеленок.

Ребенок сосет молоко. Сол клюет носом, прогоняя одолевающую его дремоту, как вдруг странный звук заставляет всех встрепенуться.

— Что? — вскрикивает Ламия, хватаясь за отцовский пистолет.

— Ш-ш! — обрывает ее поэт, приложив палец к губам. Откуда-то снаружи доносится тот же звук. Сухой и властный, рассекающий гул ветра и скрежет песка.

— Винтовка Кассада, — произносит Ламия.

— Или еще чья-то, — шепчет Мартин Силен.

Они сидят неподвижно, обратившись в слух. Несколько долгих минут абсолютной тишины. Затем в мгновение ока ночь раскалывается от грохота — и все невольно припадают к полу, заткнув уши. Перепуганная Рахиль заливается пронзительным криком, но взрывы и громовые раскаты снаружи заглушают голос младенца.

Глава одинадцатая

Я проснулся в тот миг, когда катер коснулся грунта. «Гиперион», — подумал я то ли наяву, то ли во сне.

Молодой лейтенант, пожелав нам удачи, выскочил из корабля, едва раздвинулись лепестки дверей, и прохладный разреженный воздух ворвался в душный салон. Я вышел вслед за Хентом, спустился по стандартному трапу, миновал защитный экран и ступил на асфальт космодрома.

Была ночь. Я не имел ни малейшего понятия, который сейчас час по местному времени, прошел ли терминатор эту точку планеты или только приближается к ней, но по всему чувствовалось, что время позднее. Моросил мелкий дождь, пахнущий соленым морем и свежим дыханием влажной листвы. Цепочки огней обозначали далекие заграждения. Два десятка освещенных башен бросали отсветы на низкие облака. Семь юношей в полевой форме морских пехотинцев сноровисто разгружали катер. Я заметил нашего лейтенанта — он оживленно беседовал с каким-то офицером.

Небольшой космопорт словно сошел с картин-

ки учебника истории — колониальный порт времен начала Хиджры. Примитивные пусковые шахты и посадочные площадки тянулись на милю с лишним в сторону темного горного массива на севере, портальные краны и башни обслуживания обступили два десятка военных катеров и мелких судов, а само летное поле окаймляли ряды сборных казарм, украшенных частоколом антенн и фиолетовыми силовыми полями. Передними выстроились десятки скиммеров и самолетов.

Проследив за взглядом Хента, я заметил движущийся в нашу сторону скиммер, его ходовые огни высвечивали сине-золотую геодезическую линию Гегемонии на одной из юбок. По обтекателям сползали дождевые струи и отлетали от винтов, точно обезумевшие бесцветные лоскуты шелка. Скиммер сел, перспексовый обтекатель распался на лепестки и сложился. Мужчина, выпрыгнувший из скиммера, поспешил в нашу сторону.

— Господин Хент? — произнес он, протягивая руку. — Я — Тео Лейн.

Хент ответил на рукопожатие:

— Рад познакомиться, господин генерал-губернатор. А это Джозеф Северн.

Я прикоснулся к руке Лейна, и меня бросило в жар — я узнал его. Тео Лейн был известен мне

по воспоминаниям Консула о годах, когда этот молодой человек служил у него вице-консулом, а также по краткой встрече с ним неделю назад — он провожал паломников в плавание на «Бенаресе». За эти шесть дней лицо его постарело на годы. Но на лбу лежала непокорная мальчишеская прядь, неизменная, как архаичные очки у него на носу и краткое, но крепкое рукопожатие.

— Хорошо, что у вас нашлось время спуститься на планету, — генерал-губернатор обращался к Хенту. — Я должен проконсультироваться с госпожой Гладстон по нескольким вопросам.

— Ну, вот мы и здесь, — пробормотал Хент, морщась от уколов дождя. — Где тут можно обсохнуть?

Генерал-губернатор совершенно по-мальчишески улыбнулся:

— Космопорт — сумасшедший дом, даже в шестом часу утра. Консульство в осаде. Но я знаю, куда вас отвезти, — и он жестом пригласил нас в скиммер.

Когда мы взлетели, я заметил, что вровень с нами идут два скиммера морской пехоты, и все же меня удивило, что генерал-губернатор одного из миров Протектората — сам себе пилот и телохранитель. Потом я вспомнил рассказы Консула

о деловых качествах Тео Лейна и его скромности — и понял, что такая непритязательность вполне в духе молодого дипломата.

В ту минуту, когда мы взлетели и взяли курс на город, взошло солнце. Стелющиеся к земле низкие облака словно обвели снизу огненным карандашом, горы на севере переливались зеленым, фиолетовым и коричневато-красным, а полоска неба на востоке была того ошеломительного лазурно-зеленого цвета, который я видел в своих снах. «Гиперион», — подумал я, чувствуя в горле комок.

Я приник щекой к забрызганному дождем стеклу и тут понял, что не последней причиной моего головокружения и растерянности было ослабление контакта с инфосферой. Связь еще сохранялась — в основном по УКВ и каналам мультисвязи, но эта нить делалась все тоньше и тоньше — такого со мной еще не было. Если инфосферу сравнить с морем, а меня — с рыбой, то сейчас я попал на мелководье, а лучше сказать, в лужу, оставленную приливом, причем вода все убывала по мере того, как мы удалялись от космодрома и кокона его примитивной микросети. Я заставил себя следить за разговором генерал-губернатора и Хента.

— Сейчас вы видите хижины и лачуги, — говорил Лейн, заложив глубокий вираж, чтобы мы могли хорошенько разглядеть холмы и долины, отделяющие космопорт от столичных предместий.

«Хижины и лачуги» было слишком мягко сказано. Под нами скользили убогие нагромождения фибропластовых панелей, брезентовые полотнища, штабеля ящиков и обрезков пенолиста, покрывающие сплошной коростой склоны холмов и глубоких оврагов. Живописные окрестности восьмимильного шоссе, соединяющего космопорт с городом и окруженного некогда рощами и лугами, превратились в голую пустошь: деревья извели на дрова и постройку жилищ, луга вытоптали миллионы ног. Город, приютивший беженцев, разросся, насколько хватало глаз. Пустовали лишь вершины гор и отвесные обрывы. Дым от тысяч костров и очагов, на которых готовилась пища, поднимался к облакам. Всюду бегали босоногие дети, женщины несли воду из ручьев — несомненно, донельзя загаженных; люди сидели на корточках прямо в поле или стояли в длинных очередях к самодельным уборным. По обеим сторонам шоссе я заметил высокие заграждения из суперколючей проволоки и фиолетовые

барьеры силовых полей. Контрольно-пропускные посты стояли через каждые полмили. Длинные вереницы камуфлированных транспортеров и скиммеров ползли в обоих направлениях по шоссе и над ним на малой высоте.

— …большинство беженцев — местные жители, — продолжал между тем Лейн, — но есть и прибывшие издалека землевладельцы из южных городов и с крупных фибропластовых плантаций Аквилы.

— Они боятся вторжения Бродяг? — спросил Хент.

Тео Лейн бросил взгляд на помощника Гладстон.

— Первую волну паники вызвало известие, что Гробницы Времени открываются, — сказал он. — Люди были убеждены, что Шрайк явится лично за ними.

— И он действительно явился? — спросил я.

Молодой человек в старомодных очках неловко повернулся ко мне:

— Третья бригада сил самообороны выступила на север семь месяцев назад. И не вернулась.

— Вы сказали, что первая волна бежала от Шрайка, — заметил Хент. — А остальные?

— Ждут эвакуации, — ответил Лейн. — Все зна-

ют, что Бродяги… и войска Гегемонии… сделали с Брешией, и не хотят испытать это на себе, когда очередь дойдет до Гипериона.

— Вам известно, что ВКС разрешат эвакуацию лишь в самом крайнем случае? — поинтересовался Хент.

— Да. Но беженцам мы об этом не сообщаем. И без того бог знает, что творится. Святилище Шрайка разгромлено… толпа осадила его, кто-то пустил в ход кумулятивные плазменные снаряды, похищенные с рудников Урсы. На прошлой неделе пытались разгромить консульство и прорваться к космопорту, а в Джектауне был голодный бунт.

Хент кивнул и обратил взор к показавшейся внизу столице Гипериона. Здания были невысокие, редко выше пяти этажей. Их белые, голубые и розовые стены весело пестрели в косых лучах утреннего солнца. Заглянув через плечо Хента, я увидел невысокую гору с изваянным в склоне ликом Печального Короля Билли, грустно обозревающего долину. Берущая начало в предгорьях невидимой отсюда Уздечки река Хулай, извиваясь, пересекала центр старого города, пропадала в болотистых зарослях плотинника на юго-востоке, а потом разливалась на множество проток,

обнимая дельтой половину Верхней Гривы.

После унылой безнадежности трущоб город показался мне безлюдным и мирным, но, когда мы пошли на снижение, я заметил, что по улицам движется военная техника, а на перекрестках и в скверах стоят танки, СЛУ и зенитки. Полимерный камуфляж машин был намеренно отключен — для острастки. Чуть позже появились признаки присутствия беженцев: самодельные палатки на площадях и в переулках, тысячи спящих на тротуарах — словно серые узлы с грязным бельем, ожидающие машину у прачечной.

— Два года назад в Китсе было двести тысяч жителей, — сказал генерал-губернатор. — Теперь, с учетом трущоб, около трех с половиной миллионов.

— Я думал, на всей планете не наберется и пяти миллионов человек, — удивился Хент. — Включая местных жителей.

— Совершенно верно, — кивнул Лейн. — Теперь понимаете, почему все идет вразнос? Остальные беженцы нашли приют в других крупных городах — Порт-Романтике и Эндимионе. Фибропластовые плантации Аквилы опустели, их поглотили джунгли и огненные леса, пояса ферм, расположенные вдоль Гривы и на Девяти Хвостах, не

производят продовольствия на продажу, а если и производят, не могут доставить товар потребителям — гражданская транспортная система развалилась вконец.

Хент смотрел на приближавшуюся реку.

— Что предпринимает правительство?

Тео Лейн улыбнулся:

— Вы хотите сказать, что делаю я? Ну, что ж, кризис вызревал уже года три. Первым шагом был роспуск Комитета местного самоуправления. Затем Гиперион официально включили в Протекторат. Как только исполнительная власть оказалась в моих руках, я принял меры к национализации транспортных компаний и линии дирижабельного сообщения — на скиммерах теперь летают одни военные, — а также к расформированию сил самообороны.

— К расформированию? — переспросил Хент. — А мне кажется, они бы вам пригодились.

Генерал-губернатор покачал головой. Он легко, но уверенно коснулся ручки управления, и скиммер по спирали стал спускаться к центру старого Китса.

— Пусть бы они просто никуда не годились, — проговорил Лейн. — Но они были опасны. Я не особенно огорчился, когда «Третья Боевая» от-

правилась на север, да так и сгинула. Сразу после высадки десантников и морской пехоты я разоружил остальных головорезов из ССО. Основная масса грабежей — их рук дело. Ну вот, здесь мы поговорим и позавтракаем.

Скиммер пронесся над самой водой, описал последний круг и совершил мягкую посадку во дворе древнего строения из камня и бревен с замысловато украшенными окнами. Еще до того, как Лейн произнес название — «Цицерон», я узнал (из воспоминаний паломников) старинный ресторан, он же пивная, он же гостиница, расположенный в центре Джектауна и занимавший по девять этажей в четырех зданиях. Его балконы, причалы и крытые переходы из плотинника с одной стороны возвышались над неспешными водами реки Хулай, а с другой — над узкими улочками. «Цицерон» был старше, чем каменный лик Печального Короля Билли, а его сумрачные залы и глубокие винные погреба служили Консулу настоящим домом в годы его здешней ссылки.

Стен Левицкий встретил нас у калитки. Высокий, плотный, с лицом, таким же потемневшим и потрескавшимся от старости, как каменные стены его здания, Левицкий олицетворял собой «Цицерон» — как его отец, дед и прадед в былые

времена.

— Черт возьми! — провозгласил гигант, хлопнув по спине генерал-губернатора (и фактического диктатора этого мира) с такой силой, что Тео пошатнулся. — Встали пораньше для разнообразия, дружище? Привезли друзей позавтракать? Добро пожаловать в «Цицерон»! — Огромная лапа Стена Левицкого поглотила сначала руку Хента, а затем мою с приветливостью, после которой я долго шевелил пальцами, проверяя, не сломал ли он какой-нибудь. — Или же для вас — ведь вы из Сети — уже слишком поздно? — гудел он. — Тогда выпить или пообедать?

Ли Хент, прищурившись, посмотрел на владельца ресторана.

— Откуда вам известно, что мы из Сети?

Левицкий захохотал басом, от которого флюгера на крыше завертелись волчком.

— Ха! Задачка на сообразительность! Вы прилетаете сюда с Тео на рассвете — думаете, он сажает к себе в скиммер первого встречного? И к тому же вы в шерстяной одежде, а у нас тут нет овец. Вы не военные и не воротилы с плантаций… Этих я знаю! Ipso fact toto, вы прибыли с Сети на эскадру, а ко мне пожаловали закусить и выпить. Итак?

Тео Лейн вздохнул.

— Найди нам тихий уголок, Стен. Яичницу с беконом и соленую лососину для меня. Джентльмены?

— Только кофе, — сказал Хент.

— И мне, — сказал я. Мы шли следом за хозяином по коридорам, поднимались по лестницам, спускались по железным трапам и вновь следовали коридорами. Наконец мы остановились. Потолок показался мне еще ниже, а сам зал темнее, прокуреннее и куда симпатичнее, чем в моих снах. Несколько завсегдатаев проводили нас взглядами, но народу было меньше, чем помнилось мне по снам. Очевидно, Лейн с помощью солдат выдворил отсюда последних варваров из ССО, одно время оккупировавших «Цицерон». Мы миновали высокое узкое окно, и я заметил доказательство своей гипотезы — десантную САУ, стоявшую в переулке, и группу солдат на ее броне. Их винтовки, несомненно, были заряжены, и отнюдь не холостыми патронами.

— Здесь. — Левицкий переступил порог небольшой веранды, нависшей над самой рекой Хулай. Отсюда открывался очаровательный вид на двускатные крыши и каменные башенки Джектауна. — Домми будет через две минуты с вашим завтраком и кофе. — И гигант с проворством,

изумившим нас, исчез.

Хент взглянул на свой комлог.

— Минут через сорок пять катер должен возвратиться на «Гебриды» с нами на борту. Давайте поговорим.

Лейн согласно кивнул, снял очки и потер глаза. Я догадался, что он не спал всю ночь… или несколько ночей.

— Отлично. — Он вновь нацепил очки. — Что именно желает знать госпожа Гладстон?

Хент подождал, пока коротышка с пергаментно-белой кожей и желтыми глазами, принесший наш кофе в высоких кружках и тарелку с завтраком Лейна, не удалился.

— Госпожу Гладстон интересует, какие проблемы вы считаете первоочередными, — сказал он. — А также, сколько вы сможете продержаться, если военные действия затянутся.

Лейн не торопился с ответом. Глотнув кофе, он внимательно посмотрел на Хента. Судя по вкусу, кофе был натуральный, один из лучших в Сети.

— Начнем с последнего, — сказал Лейн. — Уточните, пожалуйста, насколько могут затянуться военные действия.

— На несколько недель.

— Продержаться несколько недель — может

быть. Несколько месяцев — исключено. — Генерал-губернатор принялся за лососину. — Вы видите состояние нашей экономики. Если бы не припасы, доставляемые ВКС, голодные бунты происходили бы ежедневно, а не раз в неделю. Экспорт прекращен из-за карантина. Половина беженцев спит и видит отыскать бежавших служителей Церкви Шрайка и перебить их всех, а другая половина мечтает перейти в их веру прежде, чем Шрайк явится *за ними.*

— А вы нашли священников?

— Мы уверены, что при бомбардировке храма они уцелели, но власти не могут обнаружить их. По слухам, они бежали на север в Башню Хроноса — каменный замок над высокогорной равниной, где находятся Гробницы Времени.

Тут я мог бы поправить Лейна. Точнее, я знал лишь, что за время своего краткого пребывания в Хроносе паломники не видели священников Шрайка. Но обнаружили следы кровавого погрома.

— Что до очередности задач, — продолжал Тео Лейн, — то на первом месте, конечно же, эвакуация. Затем нужно разобраться с Бродягами. И третье — чтобы нам помогли покончить с этой кошмарной паникой из-за Шрайка.

Ли Хент откинулся на лакированную спинку стула. Из тяжелой кружки в его руках поднимался душистый пар.

— В данный момент эвакуация невозможна.

— Почему? — спросил, словно хлестнул адской плетью, Лейн.

— Госпожа Гладстон не обладает — на данный момент — достаточной политической силой, дабы убедить Сенат и Альтинг, что Сеть может принять пять миллионов беженцев…

— Чушь собачья, — немедленно отреагировал генерал-губернатор. — Только на Мауи-Обетованную после ее вступления в Протекторат нахлынуло вдвое больше туристов. И гибель уникальной экосистемы никого не обеспокоила. Высадите нас на Армагасте или любой другой пустынной планете, пока не исчезнет угроза войны.

Хент покачал головой. Его собачьи глаза смотрели еще печальнее, чем обычно.

— Дело не в снабжении, — проговорил он. — И не в политике. Дело в…

— …Шрайке, — закончил за него Лейн и отщипнул кусочек бекона. — Шрайк — вот подлинная причина.

— Да. А также страх, что Бродяги проникнут в

Сеть. — Генерал-губернатор невесело рассмеялся.

— Значит, установи вы здесь порталы, толпа трехметровых Бродяг незаметно высадится и чинно пристроится к очереди? Этого вы боитесь?

Хент отпил кофе.

— Нет, конечно, но существует реальная опасность вторжения. Каждый портал — вход в Сеть. Об этом предупреждал Консультативный Совет.

— Хорошо, — не сдавался молодой человек. — Эвакуируйте нас на кораблях. Разве не для этого сформировали первую эскадру?

— Не совсем так, — возразил Хент. — Наша цель — разгромить Бродяг, а затем сделать Гиперион полноправной частью Сети.

— А как насчет угрозы, исходящей от Шрайка?

— Она будет… нейтрализована, — ответил Хент и сделал небольшую паузу — мимо нашей веранды проходила группа мужчин и женщин. Я поднял на них глаза, потом повернулся к своим собеседникам и тут же резко обернулся. Люди уже скрылись из виду.

— Это не Мелио Арундес? — прервал я генерал-губернатора на полуслове.

— Что? Ах да, доктор Арундес. Вы знаете его, господин Северн?

Ли Хент сердито уставился на меня, но я как ни

в чем не бывало ответил:

— Да, знаю. — Хотя на самом деле ни разу не встречался с Арундесом. — Что он делает на Гиперионе?

— Шесть месяцев назад его экспедиция прибыла сюда по поручению Рейхсуниверситета Фрихольма — провести дополнительные исследования Гробниц Времени.

— Но Гробницы закрыты для ученых и туристов, — возразил я.

— Верно. Однако их приборы — мы разрешали еженедельно передавать сводку их показаний по мультипередатчику консульства — уже тогда свидетельствовали об изменении антиэнтропийных полей вокруг Гробниц. В Рейхсуниверситете догадались, что эти изменения свидетельствуют о меняющемся состоянии Гробниц, и отправили сюда ведущих ученых Сети, чтобы те исследовали феномен.

— А вы не дали им разрешения, — полувопросительно-полуутвердительно заметил я.

Ответная улыбка Тео Лейна была холодной.

— Это секретарь Сената Мейна Гладстон не дала им разрешения. Запрет посещать Гробницы — прямое указание ТК-Центра. Будь моя воля, я запретил бы паломничество, а экспедиции Арун-

деса дал зеленую улицу! — И он снова повернулся к Хенту.

— Извините. — Я выскользнул из-за стола.

Арундеса и его коллег — трех женщин и четверых мужчин, чей облик свидетельствовал, что все они из разных миров Сети, — я нашел двумя верандами дальше. Они склонились над своими тарелками и научными комлогами, перебрасываясь настолько заумными терминами, что самый ученый талмудист умер бы от зависти.

— Доктор Арундес?

— Да? — поднял он голову. Я его видел — глазами Сола — лет двадцать назад. Сейчас он разменял седьмой десяток, но время пощадило удивительно красивый профиль, бронзовую кожу, упрямый подбородок и волнистые черные волосы. Лишь на висках проступала седина, но взгляд карих глаз был юношески ясен и пристален. Я понял, почему молодая аспирантка влюбилась в него без памяти.

— Меня зовут Джозеф Северн, — представился я. — Мы не знакомы, но я знал вашу приятельницу… Рахиль Вайнтрауб.

В следующую секунду Арундес был уже на ногах. Принося на ходу извинения своим спутникам, он повлек меня за локоть к выходу и дальше,

по закоулкам «Цицерона», пока мы не нашли свободного кабинета под круглым окном, выходящим на красные черепичные крыши. Выпустив мой локоть, он смерил меня оценивающим взглядом, от которого не укрылась нездешняя одежда, потом вывернул мою руку в поисках красноречивой синевы от поульсенизации на запястьях.

— Вы слишком молоды для знакомства с ней, — резюмировал он. — Или вы знали Рахиль уже ребенком?

— Я больше знаком с ее отцом, — признался я.

Доктор Арундес перевел дух и кивнул:

— Конечно! Где Сол? Уже несколько месяцев я пытаюсь отыскать его через консульство. Власти Хеврона сообщают только, что он выехал. — Он снова смерил меня взглядом классификатора. — Вы знаете о… болезни Рахили?

— Да, — ответил я. Болезнь Мерлина заставила ее расти наоборот, каждый день и миг теряя воспоминания о прошедшем. Мелио Арундес был одним их этих потерянных воспоминаний. — Вы навещали ее пятнадцать стандартных лет назад на Мире Барнарда.

Лицо Арундеса исказила гримаса.

— Это была ошибка, — пробормотал он. — Я намеревался поговорить с Солом и Сарой. Когда

я увидел ее… — Он потряс головой. — Кто вы? Вы знаете, где сейчас Сол и Рахиль? Осталось трое суток до ее дня рождения.

Я кивнул:

— Ее первого и последнего дня рождения.

Вокруг было пусто и тихо, если не считать отголосков смеха, долетающих откуда-то с нижнего этажа.

— Я здесь в командировке от правительства Сети, — сказал я. — Мне известно, что Сол Вайнтрауб с дочерью отправились к Гробницам Времени.

Арундес побледнел, будто я ударил его в солнечное сплетение.

— З-здесь, на Гиперионе? — Он резко отвернулся к окну. — Я должен был догадаться… хотя Сол всегда отказывался вернуться сюда… Но теперь, когда Сары нет… — Он во все глаза уставился на меня. — У вас есть с ним связь? С ней… с ними все в порядке?

Я отрицательно покачал головой.

— Сейчас с ними нельзя связаться ни по радио, ни через инфосферу. Я знаю только, что добрались они благополучно. Вопрос в том, что известно вам и вашей группе? Любые сведения о Гробницах могут оказаться спасительными.

Мелио Арундес запустил руку в свою шеве-

люру.

— Если б только они нас туда пустили! Эта проклятая идиотская, бюрократическая близорукость… Вы говорите, что имеете отношение к кабинету Гладстон. Можете ли вы им втолковать, насколько нам сейчас важно попасть туда?

— Я всего лишь посыльный, — ответил я. — Пожалуйста, объясните мне суть дела, и я попытаюсь передать эту информацию по назначению.

Большие руки Арундеса схватили что-то невидимое. Его напряжение и гнев были осязаемы.

— В течение трех лет консульство разрешало раз в неделю передавать по своему бесценному мультипередатчику данные телеметрии. Они свидетельствовали о медленном, но неуклонном распаде антиэнтропийной оболочки — приливов времени — внутри Гробниц и вокруг них, странном, противоречащем всем теориям, но постоянном. Когда распад был замечен, нам разрешили вылететь сюда. Уже полгода, как мы здесь. У нас есть данные, которые свидетельствуют, что Гробницы открываются… движутся к синхронности с «настоящим моментом», но — увы! — через четыре дня после нашего прибытия приборы смолкли. Все разом. Мы умоляли этого сукина сына Лейна, чтобы нас допустили хотя бы

настроить их, заменить датчики, если уж нельзя присутствовать там лично…

Ноль реакции. Покинуть Китс не дают. Связаться с университетом не разрешают… хотя с прибытием эскадры ВКС это стало намного проще. Мы пытались отправиться вверх по реке без разрешения, но амбалы из морской пехоты перехватили нас у шлюзов Карлы и вернули назад в наручниках. Четыре недели я отсидел в тюрьме. Теперь нам дарована свобода без толку слоняться по Китсу, а если мы снова покинем пределы города, нас засадят на неопределенный срок. Можете ли вы помочь?

— Не знаю, — ответил я. — Я хочу помочь Вайнтраубам. Возможно, дело бы сильно продвинулось, попади ваша экспедиция на место. Вам известно, когда откроются Гробницы?

Физик-темпоралист мрачно развел руками.

— Будь у нас новые данные! — Он вздохнул. — Может, они уже открылись, а может, не откроются еще полгода.

— Вы употребляете слово «открыты» в обычном смысле?

— Конечно, нет! Гробницы Времени «физически» открыты для осмотра со времени их обнаружения, уже четыре стандартных века.

Словом «открытие» я обозначаю момент, когда исчезнут временные завесы, скрывающие их внутренние отсеки, синхронизацию комплекса с локальным временем.

— Под «локальным» вы подразумеваете…

— Время этой Вселенной, разумеется.

— И вы уверены, что Гробницы движутся назад во времени… из нашего будущего? — спросил я.

— Назад во времени — безусловно, — уверенно ответил Арундес. — А что из нашего будущего — не могу утверждать. Мы даже не знаем наверняка, что означает «будущее» с точки зрения темпоральной физики. Возможно, это набор синусоидальных волн вероятности, или мегапоэтическое дерево вариантов, или даже…

— Но чем бы оно ни было, — перебил я его, — Гробницы Времени и Шрайк пришли оттуда?

— Гробницы Времени — наверняка, — подтвердил физик. — О Шрайке мне ничего не известно. Полагаю, это миф, не более, и его питает та же жажда сверхъестественных истин, что движет всеми религиями на свете.

— Даже после того, что случилось с Рахилью? — тихо спросил я.

Мелио Арундес гневно взглянул на меня.

— Рахиль заразилась болезнью Мерлина, и это

настоящая болезнь, болезнь антиэнтропийного старения, вовсе не похожая на раны от зубов мифического чудовища.

— Раны от зубов времени не миф, — возразил я, удивившись, что так лихо орудую дешевой философией. — Но суть в другом: как поступят с Рахилью хозяева Гробниц, Шрайк или кто там еще? Вернут ли они ее в «локальный» поток времени?

Арундес кивнул и уставился мимо меня на крыши. Солнце спряталось за облака, и утро сразу поблекло, красные черепицы потускнели, заморосил дождь.

— И еще, — продолжил я, к немалому своему удивлению, — любите ли вы ее по-прежнему?

Физик медленно повернулся ко мне и буквально обжег взглядом. Я чувствовал, как мысль дать мне отпор — возможно, физически — созрела в нем, дошла до полного кипения и рассыпалась огненными искрами боли. Он залез в карман пиджака и показал мне голографию уже седеющей, но привлекательной женщины и двух молодых людей.

— Моя жена и дети, — негромко произнес Мелио Арундес. — Они ждут меня на Возрождении-Вектор. Если даже Рахиль… выздоровеет, то,

когда ей исполнится столько же, сколько было к моменту нашей встречи, у меня за плечами будет уже восемьдесят два стандартных года. — Безнадежно махнув рукой, он убрал снимок в карман. — Но я по-прежнему ее люблю.

— Готовы? — нарушил тишину чей-то голос, и я увидел в дверях Хента и Тео Лейна. — Катер взлетает через десять минут, — сообщил Хент.

Поднявшись, я протянул руку Арундесу.

— Я попытаюсь, — пообещал я ему на прощание.

Генерал-губернатор Лейн отправил нас в космопорт на одном из скиммеров своей охраны, а сам вернулся в консульство. Военный скиммер был едва ли комфортабельнее личной машины дипломата, зато летел быстрее. Мы уже пристегивали ремни, прижатые к креслам защитным полем, когда Хент спросил:

— Что за дело было у вас к этому физику?

— Просто возобновил старое знакомство с незнакомым другом, — ответил я.

Хент нахмурился.

— Что вы обещали ему, когда сказали, что попытаетесь?

Катер задрожал, дернулся, и тут же рванулся вперед — стартовая катапульта зашвырнула нас

в небо.

— Обещал помочь навестить больного друга, если сумею.

Хент не спускал с меня враждебного взгляда, но я вытащил блокнот и занялся набросками интерьеров «Цицерона». Я не отрывался от рисования все пятнадцать минут полета, до самой стыковки с «прыгуном».

С бьющимся сердцем я шагнул из портала на административный терминекс Дома Правительства. Еще один шаг перенес нас на галерею Сената, где Мейна Гладстон выступала перед битком набитым залом. Имиджеры и микрофоны доносили ее речь до Альтинга и сотен миллиардов напряженно внимающих граждан.

Я взглянул на свой хронометр: 10:38. Наша отлучка продлилась всего девяносто минут.

Глава двенадцатая

Здание, в котором размещался Сенат Гегемонии, больше походило на Сенат Соединенных Штатов восьмисотлетней давности, чем на величественные сооружения, воздвигнутые для руководящих органов Северо-Американской Республики или Первого Всемирного Совета.

Главный зал заседаний был опоясан галереями в несколько ярусов. Он легко вмещал все три с лишним сотни сенаторов миров Сети и более семидесяти представителей колоний-протекторатов с совещательным голосом. Ковры гранатного цвета расходились лучами от центрального подиума, где обычно сидели временный председатель Сената и спикер Альтинга, а сегодня восседала сама Мейна Гладстон, глава правительства Гегемонии. Столы сенаторов были изготовлены из древесины мюира, подаренного тамплиерами Рощи Богов, считавшими его священным. Свечение и аромат полированного дерева создавали в зале особую атмосферу даже сейчас, когда он был заполнен так, что яблоку негде упасть.

Мы с Ли Хентом подоспели как раз к финалу. Я заказал по комлогу резюме ее выступления. Как и обычно, речь Гладстон была краткой. Не впадая ни в сюсюканье, ни в высокопарность, говоря живо и непринужденно, покоряя аудиторию оригинально построенными фразами и яркими образами, Гладстон кратко перечислила инциденты и локальные конфликты, вылившиеся в войну с Бродягами. Особо подчеркнула наше освященное веками стремление к миру — красную нить внешнеполитической стратегии Гегемо-

нии, призвав всех и вся в Сети и Протекторате к единению перед лицом кризиса. Я стал слушать.

— …и так сложилось, сограждане, что после ста с лишним лет мира мы еще раз оказались втянутыми в борьбу за соблюдение законных прав — прав, которые сделались фундаментом нашего общества еще до гибели нашей Матери Земли. После более чем ста лет мирного существования мы должны — скрепя сердце, не скрывая отвращения — снова взять в руки щит и меч, которые всегда помогали нам отстоять наши неотъемлемые права и общее достояние, и возвратить мир нашим полям и городам.

Звуки труб и самозабвенная ярость — непременный аккомпанемент всех призывов к оружию. Но мы не позволим этой лихорадке помрачить наш разум. Те, кто поддается милитаристскому угару и забывает уроки истории, сами себя карают. Им приходится испытать на собственной шкуре, что такое война, более того — их ждет гибель от меча. Не исключено, что наш путь к победе сопряжен со многими жертвами. Многих из нас ожидают жестокие испытания. Но, какие бы успехи или неудачи нам ни были суждены, прошу вас не забывать о двух чрезвычайно важных обстоятельствах. Первое: мы боремся за мир

и знаем, что война никогда не станет нашим образом жизни. Она — бедствие, которое надо перетерпеть, как лихорадку в детстве, зная, что за длительным периодом боли и страданий приходит здоровье. Мир для нас — то же здоровье. И второе: мы никогда не сдадимся… никогда не сдадимся, не дрогнем, не поддадимся соблазну вернуться к комфортному существованию… не пойдем ни на какой компромисс, пока победа не будет в наших руках, враг — разбит, а мир — отвоеван. Благодарю вас.

Ли Хент, подавшись вперед, не сводил глаз с сенаторов. Почти все встали и устроили Гладстон настоящую овацию. Волна аплодисментов взлетела до потолка и рикошетом обрушилась на нас и галерею. Но некоторые остались сидеть: я видел, как Хент пересчитывал их. Иные молча скрестили руки на груди, многие открыто хмурились. Войне не было и двух дней от роду, а оппозиция уже сформировалась; во-первых, из представителей колониальных миров, которые боялись за свою безопасность, поскольку Гиперион оттянул на себя почти все войска, во-вторых, из недоброжелателей Гладстон — весьма многочисленных: нельзя же столько пробыть у власти и не взрастить два или три поколения врагов.

Наконец, в оппозицию влились те из бывших сторонников Гладстон, кто считал, что война подрывает беспрецедентное процветание Гегемонии последних веков.

Я наблюдал, как она, обменявшись рукопожатиями со стариком председателем и молодым спикером, покидает подиум и идет к выходу, касаясь множества рук, отвечая на приветствия, улыбаясь своей знаменитой улыбкой. Имиджеры Альтинга сопровождали ее, и я физически ощущал, как раздувается сеть дебатов, принимая мнения и голоса миллиардов.

— Мне необходимо увидеться с госпожой Гладстон, — бросил мне Хент. — Вы в курсе, что вас пригласили на официальный обед? Сегодня вечером, в «Макушке»?

— В курсе.

Хент покачал головой: и зачем только секретарю Сената понадобилось всюду таскать меня за собой?

— Обед закончится поздно, а после него намечено совещание с командованием ВКС. Она хочет, чтобы вы были и там, и там.

— Я в вашем распоряжении, — ответил я.

Хент задержался у дверей.

— У вас есть чем заняться в Доме Правитель-

ства до обеда?

Я улыбнулся ему.

— Поработаю над эскизами портрета. Вероятно, прогуляюсь в Оленьем парке. А потом… не знаю… может быть, сосну часок.

Хент снова покачал головой и вышел.

Глава тринадцатая

Первый заряд проходит всего в метре от Кассада, разнося на куски огромный валун, который он только что миновал. Полковник мгновенно падает, укрываясь от взрывной волны. Распластавшись на песке, защищенный силовой броней и полимерным камуфляжем, Федман Кассад замирает на несколько долгих секунд. Палец его лежит на спуске универсальной винтовки, ночной визор переведен в режим поиска цели. Он слышит только одно — частый стук своего сердца. Сенсоры прочесывают горы, долину и сами Гробницы, выискивая что-нибудь теплое или движущееся. Безрезультатно. На лице полковника, скрытом черным зеркалом визора, появляется улыбка.

Он не сомневается, что неведомый стрелок промахнулся нарочно. То была стандартная реак-

тивная граната с 18-миллиметровым патроном, и если только стрелявший не находился в десяти или более километрах отсюда, случайный промах был просто невозможен.

Кассад, выждав еще секунду, вскакивает, намереваясь укрыться за Нефритовой Гробницей, и в этот момент раздается второй выстрел. Страшный удар в грудь опрокидывает полковника навзничь.

Чертыхнувшись, он откатывается в сторону и быстро ползет ко входу в Нефритовую Гробницу. Сенсоры зорко вглядываются и вслушиваются в ночь. На этот раз стреляли обычной пулей. Следовательно, в распоряжении неведомого охотника находится универсальная десантная винтовка ВКС — такая же, как у Кассада. Более того, противник наверняка знает, что доспехи Кассада пулей не пробьешь, даже в упор. Но универсальная винтовка имеет и другие режимы стрельбы, и если на очереди боевой лазер, полковнику придется туго. Он переваливается через порог Гробницы.

Его сенсоры по-прежнему не замечают ничего теплого или движущегося, если не считать красных и желтых полос — следов паломников на тропе к Сфинксу, оставленных ими пару минут назад. Но и они тают на глазах.

С помощью оперативных имплантов Кассад производит разведку по каналам УКВ и оптической связи. Безрезультатно. Он включает максимальное увеличение, вводит поправки на ветер и песок, активирует детектор движущихся целей. Ничего крупнее насекомых. Он прочесывает окрестности радаром, эхолокатором, лидаром, надеясь засечь снайпера. Тщетно. Он выводит на тактический дисплей реконструкции двух прошлых выстрелов. Перед глазами повисают синие баллистические траектории.

Первый выстрел произведен со стороны Града Поэтов, с расстояния более четырех километров к юго-западу. Не прошло и десяти секунд, как раздался второй, из района Хрустального Монолита, то есть из глубины долины, почти с километровой дистанции. Логика подсказывает, что снайперов двое. Но Кассад готов поклясться — стрелял один. Он увеличивает масштаб изображения. Второй выстрел произведен из точки в верхней части отвесного фасада Монолита, по меньшей мере с тридцатиметровой высоты.

Кассад приподнимается и, подкрутив окуляры, глядит сквозь тьму и редеющую песчано-снеговую завесу на это громадное сооружение. Ничего. В стенах — ни окон, ни щелей, вообще ни малей-

шего отверстия.

После бури в воздухе висят миллиарды пылинок и капелек, и только благодаря этому на какую-то долю секунды становится виден зеленый лазерный луч. Но Кассад замечает его уже *после* того, как зеленое копье вонзается ему в грудь. Полковник откатывается назад, надеясь, что зеленые стены Гробницы ослабят следующий импульс. Сверхпроводящие волокна его доспехов трудятся вовсю, переизлучая поглощенную энергию, а тактический дисплей сообщает: стреляют со стороны Хрустального Монолита — в чем полковник, кстати, не сомневался.

Кассад чувствует в груди боль, как от укола, и, скосив глаза, видит на непробиваемом панцире пятисантиметровое круглое пятно. Капли расплавленного карбонитрида падают на пол. Будь броня на один слой тоньше, полковник был бы уже мертв, а так он всего лишь обливается потом под панцирем. Стены Гробницы, поглотившие рассеянное доспехами тепло, буквально пышут жаром. Биомониторы испуганно пищат, но ничего особенно тревожного не сообщают, датчики скафандра рапортуют о повреждениях некоторых цепей, но все это поправимо. Его винтовка по-прежнему при нем и готова к бою.

Кассад задумывается, держа палец на спуске. Гробницы — бесценные археологические памятники, уже много веков охраняемые как дар будущим поколениям, пусть даже они действительно движутся навстречу ходу времени, из будущего. Если полковник Федман Кассад принесет эти бесценные артефакты в жертву своим агрессивным инстинктам, он совершит преступление против всей Галактики.

— К дьяволу, — шепчет Кассад и поднимает винтовку.

Он поливает лазерными очередями фасад Монолита, пока расплавленный хрусталь не начинает стекать вниз. Он всаживает в здание бризантные гранаты с десятиметровым интервалом, начиная с верхних этажей. Тысячи зеркальных осколков летят в ночь и, медленно кувыркаясь, опускаются на дно долины. На фасаде остаются дыры, уродливые, как провалы на месте выбитых зубов. Кассад вновь переключает оружие на когерентный световой пучок и простреливает внутренность сооружения через проломы, каждый раз ухмыляясь за своим забралом, когда вспышка озаряет очередной ярус. Кассад посылает очереди пэвов — пучков электронов высокой энергии, которые проходят через Монолит навылет и проделывают

в горном склоне за ним безупречные цилиндрические скважины — четырнадцать сантиметров в диаметре и полкилометра в глубину. Потом приходит очередь осколочных гранат, которые наполняют внутренности Монолита десятками тысяч острейших иголок. И снова лазер: широкие профилированные импульсы должны ослепить любого, кого угораздит на них взглянуть. И наконец, в каждое отверстие разрушенного здания летят десятки теплочувствительных дротиков.

Кассад отползает назад, в коридор Нефритовой Гробницы, и поднимает с лица забрало. Пламя горящей башни отражается в тысячах хрустальных осколков, разбросанных по всей долине. Ветер внезапно утих, и дым столбом подпирает небо. Дюны алы от огня. Ночь вдруг наполняется мелодичным перезвоном — все новые хрустальные сосульки отламываются и падают, в то время как другие еще качаются на длинных стеклянных нитях.

Кассад выбрасывает пустые обоймы и ленты, вставляет новые и с жадностью вдыхает холодный ветер, задувающий в открытый проем. Он не тешит себя иллюзиями — неведомый снайпер наверняка ускользнул.

— Монета, — шепчет Федман Кассад и закрыва-

ет на секунду глаза.

* * *

Впервые Монета явилась Кассаду во время битвы при Азенкуре, октябрьским утром 1415 года от Рождества Христова. Поля были усеяны трупами французов и англичан, в лесу укрывались рыцари-одиночки, и один из них чуть не взял верх над Кассадом, но ему помешала невесть откуда взявшаяся высокая, коротко стриженная женщина с глазами цвета моря, которые навсегда пленили Кассада. Расправившись с противником, полковник и неведомая женщина, даже не смыв с себя крови рыцаря, любили друг друга в лесу.

Интерактивный Тактический Имитатор Олимпийской Офицерской Школы обеспечивал небывало высокую степень приближения к реальности, но призрачная любовница Кассада по имени Монета вовсе не была детищем фантопликатора. Она приходила к нему и в бытность его курсантом Олимпийской Школы, и в последующие годы, когда, усыпленный усталостью, Кассад погружался в очищающие глубины сна после реальных сражений.

Федман Кассад и тень по имени Монета любили друг друга в укромных уголках всех на свете по-

лей брани — от Антиетама до Кум-Рияда. Никому неизвестная, никем невидимая, Монета приходила к нему, когда он стоял на часах тропическими ночами и в осажденные крепости в заснеженных русских степях. Они страстно перешептывались в снах Кассада после победы на Мауи-Обетованной и во время мучительно долгого выздоровления-воскрешения после взрыва мины-ловушки в Южной Брешии, когда он чудом остался жив. Монета была его единственной любовью, нет, больше — всепобеждающей страстью, замешенной на запахе крови и пороха, вкусе напалма, нежных женских губ и горелого мяса.

А потом был Гиперион.

Санитарный корабль, на котором полуживого Кассада эвакуировали с Брешии, атаковали факельщики Бродяг. Уцелел один Кассад — он захватил вражеский катер и кое-как сел на Гиперион — на бесплодную высокогорную равнину за Уздечкой в Экве. В долину Гробниц Времени. В царство Шрайка.

И там его ждала Монета. И снова они любили друг друга, а когда Бродяги погнались за ним, чтобы захватить ускользнувшего от них пленника, Кассад и Монета — и явившийся им на помощь полупризрачный Шрайк — уничтожили десант-

ные катера и перебили всех солдат противника. Полковник Федман Кассад, рожденный в трущобах Фарсиды, сын, внук и правнук беженцев, гражданин Марса до мозга костей, испытал в тот день мгновение полного и абсолютного блаженства. Защищенный силой времени вместо доспехов, он скользил невидимкой среди врагов, разя направо и налево, как божество насильственной смерти. Такое могущество не снилось никому и никогда.

Но после той кровавой бани Монета вдруг обернулась чудовищем прямо в его объятиях. Или Шрайк занял ее место? Кассад не мог припомнить деталей и вообще хотел бы забыть все раз и навсегда, если бы от этого не зависела его жизнь.

Он знал, что вернулся отыскать Шрайка и убить его. Отыскать Монету и убить ее. Убить Монету? В этом он не был уверен. Полковник Федман Кассад знал только, что неистовые страсти его неистовой жизни привели его сюда, именно в это место и именно в этот момент. И если здесь его ждет смерть, так тому и быть. А если его ждут любовь, слава и победа, от которых содрогнется Валгалла, так тому и быть.

Кассад опускает забрало, поднимается на ноги и с громким криком выбегает из Нефритовой

Гробницы. Его винтовка выбрасывает десяток дымовых шашек и металлическое конфетти, сбивающие с толку радары, но это прикрытие не слишком надежно, а бежать придется долго. Неведомый стрелок ведет огонь с башни Монолита: на пути Кассада поднимаются фонтанчики от пуль, взрываются гранаты, но полковник продвигается перебежками от дюны к дюне, от одной груды камней к другой.

По шлему и панцирю барабанят осколки. Забрало трескается, загорается сигнал тревоги. Кассад отключает тактические дисплеи, оставив лишь ночной визор. Сверхтвердые пули бьют его в плечо и колено. Кассад теряет равновесие и падает. Силовые доспехи становятся жесткими, вновь обретают гибкость, и Кассад тут же вскакивает. Он бежит, чувствуя, как под броней набухают кровоподтеки. «Хамелеонова кожа» выбивается из сил, подлаживаясь под фантастический пейзаж вокруг: тьма, пламя, пески, расплавленный хрусталь и горящие камни.

До Монолита еще метров пятьдесят. Лазерные плети вонзаются в дюны справа и слева от Кассада, обращая песок в стекло. Световые клещи зажимают его — так быстро, что самое ловкое существо не успело бы увернуться: устав забав-

ляться с добычей, они вонзаются в нее, обжигая сердце, голову и пах жаром тысячи солнц. Его доспехи сияют, как зеркало, с каждой микросекундой меняя частоту под стать капризным цветам атаки. Вокруг Кассада мерцает нимб из перегретого пара. Микроцепи трещат от перегрузки, рассеивая тепло и поддерживая вокруг тела тонюсенькую оболочку силового поля.

Одним броском полковник преодолевает последние двадцать метров и, включив реактивный ранец, перепрыгивает через груды оплавленного хрусталя.

Вокруг беспрестанно гремят взрывы, то сбивая его с ног, то подбрасывая в воздух. Доспехи Кассада окаменели; он беспомощен, как кукла, которой перебрасываются огненные великаны.

Внезапно обстрел прекращается. Кассад отрывается от земли, пробует встать. Смотрит на фасад Хрустального Монолита — пламя и дыры, дыры и пламя. Забрало треснуло, визор почти ослеп. Кассад поднимает его с лица, вдыхает дымный и наэлектризованный воздух и входит в Гробницу.

Импланты рапортуют, что паломники взывают к нему по всем каналам связи. Он отключает их и снимает шлем. Перед ним тьма.

Внутри Монолит представляет собой помеще-

ние без перегородок — большое, сумрачное. В середине потолка открывается вертикальная шахта. Запрокинув голову, он видит разбитую стеклянную крышу, до которой метров сто. На десятом этаже, на высоте шестидесяти метров, его ожидают — отчетливый темный силуэт на фоне пламени.

Кассад вешает винтовку на плечо, сует шлем под мышку и, обнаружив в центре шахты широкую винтовую лестницу, начинает подниматься.

Глава четырнадцатая

— Ну как, удалось поспать? — спрашивает Ли Хент, когда мы выходим на терминекс «Макушки».

— Да.

— Надеюсь, сны были приятные? — Хент не скрывает сарказма по отношению к тем, кто смеет отсыпаться, пока живые шестерни и рычаги государства честно трудятся.

— Не особенно, — машинально отвечаю я, оглядываясь по сторонам.

Мы подымаемся по широкой лестнице к банкетным площадкам.

В Сети, где любой город любой провинции

любой страны на любом континенте мог похвастаться четырехзвездочным рестораном, где насчитывались миллионы настоящих, а не самозваных гурманов, а желудки были избалованы экзотическими яствами двухсот планет, даже в пресыщенной шедеврами гениальных кулинаров и выдающихся ресторанов Сети «Макушка» не имела себе равных.

Устроенная на вершине одного из дюжины наивысочайших деревьев Рощи Богов — планеты древесных великанов, «Макушка» занимала несколько акров на ветвях, висящих в полумиле над поверхностью земли. Четырехметровой ширины лестница, по которой сейчас поднимались мы с Хентом, казалась совсем узенькой на фоне циклопических ветвей шириной в проспект, листьев величиной с парус и самого ствола, виднеющегося сквозь густую листву, — отвесной морщинистой громадины, рядом с которой иные горы показались бы песочными куличиками. На верхних террасах «Макушки» было два десятка обеденных площадок, и чем выше располагалась площадка, тем большим богатством, связями и властью обладали ее посетители. Главное — властью. В обществе, где миллиардным состоянием никого не удивишь, где ленч в «Макушке» стоил

тысячу марок и все-таки был по карману миллионам граждан, решающим мерилом положения в обществе была власть — валюта, никогда не выходящая из моды.

Сегодняшнее сборище оккупировало верхнюю палубу — широкую, закругленную площадку из плотинника (по мюиру ходить нельзя), откуда открывался великолепный вид: бледнеющее лимонное небо, бескрайнее море деревьев внизу, простирающееся до горизонта, и теплые оранжевые огни хижин и молельных домов тамплиеров, просвечивающие сквозь зеленые и янтарные стены колышущейся листвы. На обеде присутствовало человек шестьдесят; я узнал сенатора Колчева, чья седая грива блеснула в свете японских фонариков, советника Альбедо, генерала Морпурго, адмирала Сингха, временного председателя Денцель-Хайят-Амина, спикера Альтинга Гиббонса, еще десять — двенадцать сенаторов из таких могущественных миров, как Седьмая Дракона, Денеб-III, Нордхольм, Фудзи, оба Возрождения, Метакса, Мауи-Обетованная, Хеврон, Новая Земля и Иксион, а также кое-каких политиков рангом пониже. Мелькнул перформист Спенсер Рейнольдс, неотразимый красавец во фраке рыжего бархата. Других художников

я что-то не заметил, но Тирену Вингрен-Фейф увидел издалека. Эта меценатка с издательским прошлым по-прежнему выделялась в толпе. Ее платье было сшито из тысяч тончайших кожаных лепестков, иссиня-черные волосы вздымались к небесам высокой лепной волной, но ни наряд от Тедекая, ни ультрамодный макияж не вызывали былого сердцебиения; каких-нибудь полвека назад ее внешний вид производил куда более сильное впечатление. Я двинулся к ней сквозь концентрические толпы гостей, бродивших от бара к бару в ожидании сигнала «Кушать подано!».

— Джозеф, бесценный! — вскричала госпожа Вингрен-Фейф, когда я преодолел последние несколько ярдов. — Каким ветром тебя занесло на эту нудятину?

Я улыбнулся и предложил ей бокал шампанского. Престарелая королева литературного бомонда познакомилась со мной во время прошлогодней Недели Искусств на Эсперансе, а удостоился я этой чести лишь благодаря дружбе с такими суперзвездами Сети, как Салмад Брюи III, Миллон Де-Га-Фре и Рифмер Корбе. Тирена была упрямым динозавром, ни в какую не желавшим вымирать. Если бы не косметика, ее запястья, ладони и шея светились бы голубым от многократных курсов

поульсенизации. Проводя десятки лет в межзведных круизах на субсветовых кораблях или в безумно дорогих криогенных усыпальницах на безымянных элитарных курортах, Тирена Вингрен-Фейф тем не менее крепко держала вожжи светской жизни и не собиралась ослаблять своей железной хватки. После каждого двадцатилетнего сна состояние ее многократно возрастало, а ореол вокруг ее имени сиял еще ослепительней.

— Ты по-прежнему сидишь на той планетке, где мы встретились? — спросила она.

— На Эсперансе? — Я знал, что ей известен адрес любого стоящего художника этого ни гроша не стоящего мира. — Нет, сейчас я, похоже, перебрался на ТКЦ.

Госпожа Вингрен-Фейф поморщилась. Я чувствовал на себе пристальные взгляды десятка зевак из ее свиты, пытающихся определить, что за юный нахал просочился на внутреннюю орбиту их повелительницы.

— Ужасно, — протянула Тирена, — что тебе приходится жить на планете дельцов и бюрократов. Хоть бы они отвязались от тебя поскорее!

Я провозгласил тост в ее честь.

— Да, кстати, давно хотел спросить: правда ли, что вы были редактором у Мартина Силена?

Престарелая королева отняла от губ бокал и устремила на меня ледяной взгляд. На секунду я вообразил себе противостояние Мейны Гладстон и этой дамы. Внутренне содрогнувшись, я ждал ответа.

— Мой дорогой мальчик, — она чуть понизила голос, — это такая старая история. Зачем забивать твою очаровательную голову какими-то давно забытыми пустяками?

— Я интересуюсь Силеном, — сказал я. — Его поэзией. И мне просто любопытно, поддерживаете ли вы с ним связь.

— Джозеф, Джозеф, Джозеф! — воскликнула госпожа Вингрен-Фейф. — О бедном Мартине давным-давно ничего не слышно. Увы, бедняга, вероятно, давно превратился в окаменелость!

Я не стал напоминать Тирене, что в бытность ее редактором Силена поэт был намного моложе ее.

— Странно, что ты вспомнил о нем, — продолжала она. — Моя старая фирма, «Транслайн», недавно заявила, что собирается издать кое-какие вещи Мартина. Не знаю только, связывалась ли она с его наследниками.

— Книги из цикла «Умирающая Земля»? — Я вспомнил о ностальгических романах из жизни Старой Земли, которые так хорошо продавались.

— Как ни странно, нет. По-моему, они собирались опубликовать «Песни», — усмехнулась Тирена. В руках у нее оказалась сигарета с марихуаной в длинном мундштуке черного дерева. Какой-то юнец из ее свиты поспешил поднести ей зажигалку. — Сверхстранный выбор, — произнесла она, затягиваясь, — если вспомнить, что, пока бедный Мартин был жив, никто не удосужился даже прочесть «Песни». Да уж, я всегда говорила: ничто так не способствует карьере творца, как немножко смерти и безвестности. — Она засмеялась: смех ее напоминал скрежет металла о камень. Свита засмеялась вместе с ней.

— Вам не мешало бы выяснить, жив Силен или нет, — заметил я. — «Песни» читались бы лучше, будь они закончены.

Тирена Вингрен-Фейф посмотрела на меня както странно. Раздался звон гонга, призывающий к обеду. Спенсер Рейнольдс взял гранд-даму под руку, и гости начали подниматься по последней лестнице к звездам. Я молча допил свой бокал, оставил его на перилах и пошел догонять стадо.

Секретарь Сената и ее ближайшие помощники прибыли вскоре после того, как все расселись. Гладстон произнесла краткую речь, — возможно, двадцатую за сегодня, если не считать утрен-

него обращения к Сенату и гражданам Сети. Первоначальным поводом для нашего обеда было чествование участников создания Фонда Помощи Армагасту, но Гладстон вскоре перевела разговор на войну и необходимость действовать энергично и эффективно, в обстановке всеобщего единения, которому должны способствовать руководители всех миров Сети.

Пока она выступала, я смотрел вдаль, на мир за перилами. Лимонная позолота уже осыпалась, небеса окрасились в приглушенный шафрановый цвет и вскоре померкли; надвинулась почти тропическая тьма, такая густая, что, казалось, на небо набросили плотную синюю завесу. В этих широтах из шести небольших лун Рощи Богов видны только пять, и все они, кроме одной, неслись сейчас по небу. Высыпали звезды. Насыщенный кислородом воздух опьянял, как вино. Густой аромат влажных листьев напомнил мне об утренней поездке на Гиперион. Но, в отличие от Гипериона, на Роще Богов были запрещены ТМП, скиммеры и какие бы то ни было летательные аппараты, так что нефтехимические выделения или отработанные газы из термоядерных батарей никогда не загрязняли эти небеса, а из-за отсутствия городов, автострад и электриче-

ского освещения звезды казались такими ясными и яркими, что могли соперничать с японскими фонариками и люм-шарами на ветвях и перилах «Макушки».

После заката снова подул слабый ветер, и все дерево пришло в движение. Широкая платформа плавно покачивалась, как корабль на легкой волне, и стойки и опоры из плотинника и мюира тихо поскрипывали. Я смотрел на огни, мерцающие в кронах дальних деревьев: многие из них горели в «комнатах», которые тамплиеры сдавали в аренду. Такую комнату можно было присоединить к своему мультимировому нуль-дворцу… если, конечно, найдется лишний миллион марок — начальный взнос за этот восхитительный каприз.

Тамплиеры, не утруждая себя повседневной рутиной, просто предъявляли арендным фирмам (в том числе и той, что управляла «Макушкой») строгие, не подлежащие обсуждению экологические требования и исправно клали в карман миллиарды марок. Я вспомнил об их межзвездном пассажирском лайнере «Иггдрасиль», дереве километровой высоты из священного леса планеты, приводимом в движение генераторами Хоукинга и защищенном самыми сложными

силовыми экранами, какие только мог унести на себе корабль. По каким-то непонятным причинам тамплиеры согласились предоставить «Иггдрасиль» для эвакуации, хотя та была не более чем предлогом для ввода в систему Гипериона кораблей ВКС.

И как всегда бывает, когда бесценные вещи зачем-то подвергают опасности, «Иггдрасиль» погиб. Случилось ли это в результате нападения Бродяг или вмешалась какая-то иная сила? Никто не знал, как реагировали на это тамплиеры, что заставило их подставить под удар одно из четырех имевшихся у них Древ и почему капитан корабля — Хет Мастин — был избран одним из семи паломников к Шрайку, а затем умудрился исчезнуть из ветровоза посреди Травяного моря.

Чертовски много вопросов, а война только началась.

Закончив свои наставления, Мейна Гладстон предложила всем насладиться обедом. Я немного поаплодировал для приличия и сделал стюарду знак наполнить мой бокал. На первое подали классический салат а-ля империя, и я с энтузиазмом принялся за него, только сейчас вспомнив, что ничего не ел с самого утра. Вспомнил я и то, как генерал-губернатор Тео Лейн смаковал яич-

ницу с беконом и лососину под аккомпанемент лазурного гиперионовского дождя. А может, я видел все это во сне?

— Что вы думаете о войне, господин Северн? — внезапно обратился ко мне Рейнольдс. Он сидел довольно далеко от меня, на противоположной стороне стола, но дикция у него была великолепная. Я заметил, что Тирена вопросительно подняла бровь.

— А что можно думать о войне? — сказал я, отпив из бокала. Вино было хорошее, хотя ничто в Сети не может заменить настоящего французского бордо. — О войне не рассуждают — от нее спасаются.

— Отнюдь нет, — энергично возразил Рейнольдс. — Подобно многим другим вещам, которые были переосмыслены человечеством после Хиджры, война сейчас стоит на пороге превращения в один из видов искусства.

— Вид искусства, — восхищенно выдохнула коротко стриженная шатенка. Инфосфера подсказала, что это госпожа Сюдетта Шер, жена сенатора Габриэля-Федора Колчева и самостоятельная политическая фигура первого ранга. Шер была в вечернем платье из синей парчи. Ее лицо выражало живой интерес к беседе. — Война

как вид искусства, господин Рейнольдс? Очаровательная концепция!

Спенсер Рейнольдс был чуть ниже среднего жителя Сети, но намного импозантнее. Ласковое солнце и патентованная краска для тела придали коже бронзовый оттенок с неуловимым золотым отливом. Его одежда и паректированная фигура были в меру роскошными, но без тени экстравагантности, кудрявые волосы — коротко подстрижены. В любом его слове и движении сквозила та спокойная уверенность в себе, о которой мечтают все, но добиваются лишь избранные. Его ум был очевиден, внимание к другим — неподдельным, остроумие вошло в поговорки.

Я невзлюбил этого сукина сына с первого взгляда.

— Госпожа Шер, господин Северн — искусством является все, — улыбнулся Рейнольдс. — Либо вот-вот станет им. Миновали времена, когда война считалась актом навязывания своей политики другими средствами.

— Дипломатии, — произнес генерал Морпурго, сосед Рейнольдса слева.

— Простите, генерал?..

— Дипломатии, — повторил тот. — И не «навязывания», а «продолжения».

Спенсер Рейнольдс учтиво поклонился. Сюдетта Шер и Тирена негромко рассмеялись. Лик советника Альбедо выглянул из-за моего левого плеча и произнес:

— Фон Клаузевиц, по-моему?

Я взглянул на советника. Портативный проектор, легко сошедший бы за лучистую паутину — их много летало между ветвями, — парил в двух метрах над нами. Иллюзия была не такой совершенной, как в Доме Правительства, но гораздо лучше, чем от любого из виденных мною ранее голопроекторов.

Генерал Морпурго слегка поклонился представителю Техно-Центра.

— Как бы то ни было, — заметила Шер, — сам взгляд на войну как на вид искусства, блестящая находка.

Я покончил с салатом, и официант проворно подал незнакомый мне темно-серый суп. От него поднимался пар с легким ароматом корицы и моря. Восхитительное блюдо.

— Война — благодатный материал для самовыражения творческой личности. — Рейнольдс взмахнул вилкой для салата, как дирижер палочкой. — Я не имею в виду… гм… ремесленников, вызубривших так называемую военную науку. —

Он с улыбкой покосился на Морпурго и офицера ВКС — его соседа, разом вычеркнув обоих из списка творцов. — Только тот, кто готов заглянуть за бюрократические барьеры тактики, стратегии и замшелой воли к победе, может использовать столь сложный материал, как война, с должным изяществом.

— Как вы сказали? Замшелая воля к победе? — переспросил сосед Морпурго.

Инфосфера шепнула, что это капитан 3-го ранга Вильям Аджунта Ли, герой Островной войны на Мауи-Обетованной. Он выглядел молодо — лет на пятьдесят пять, — а его звание наводило на мысль, что своей моложавостью он обязан долгим межзвездным перелетам, а никак не Поульсену.

— Конечно, замшелая! — рассмеялся Рейнольдс. — Уж не думаете ли вы, что скульптор хочет победить глину? Разве художник атакует холст? И если уж на то пошло, разве орел или царь-ястреб сражаются с небом?

— Орлы вымерли, — проворчал Морпурго. — Может, и зря они не сражались с небом. Оно их предало.

Рейнольдс снова повернулся ко мне. Официант уже убрал его недоеденный салат и поставил перед ним тарелку с таким же, как у меня, тем-

но-серым супом.

— Господин Северн, вы художник… во всяком случае, иллюстратор, — сказал он. — Помогите мне объяснить этим людям, что я имею в виду.

— Я не знаю, что вы имеете в виду. — Ожидая следующего блюда, я постучал по своему бокалу. Его немедленно наполнили. С другого конца стола, где сидели Гладстон, Хент и руководители благотворительного фонда, донесся взрыв смеха.

Спенсер Рейнольдс ничуть не удивился моему невежеству.

— Для того чтобы наш вид смог достичь подлинного сатори и мы поднялись на следующую ступень духовной эволюции, которую предвещают наши философы, — для этого все грани человеческой деятельности должны быть пронизаны волей к эстетическому совершенству, — самозабвенно вещал художник.

Генерал Морпурго, осушив залпом бокал, проворчал:

— Это что же, касается и таких плотских потребностей, как еда, размножение и избавление от экскрементов? Я правильно понял?

— Именно! Таких потребностей — прежде всего! — воскликнул Рейнольдс. Он развел руки, как бы поднося собравшимся длинный стол со всеми

его яствами и чудесами. — То, что вы здесь видите — животная потребность превращения мертвых органических соединений в энергию, низменный акт поглощения чужой жизни, но «Макушка» преобразила это в искусство! Размножение тоже превратилось из разнузданного животного процесса в танцевальные па. Разумеется, для цивилизованных людей. И экскрекция должна стать поэзией!

— Непременно вспомню об этом, когда в следующий раз пойду посрать, — в полный голос заявил Морпурго.

Тирена Вингрен-Фейф с приглушенным смешком обернулась к своему соседу справа — мужчине в красном и черном.

— Монсеньор, ваша церковь… католическая, раннехристианская, не так ли? Нет ли у вас какой-нибудь очаровательной древней доктрины о том, чего достигнет человечество в процессе эволюции?

Мы все повернулись и посмотрели на небольшого мужчину в черной сутане и странной маленькой шапочке. Монсеньор Эдуард, представитель почти забытой раннехристианской секты, прозябающей нынче на Пасеме и нескольких колониальных планетах, попал в число гостей

благодаря своему участию в программе помощи Армагасту и до сих пор тихо работал ложкой.

— О да, — сказал он, и на его морщинистом лице появилось слегка удивленное выражение. — В учении Святого Тейяра рассматривается эволюция к точке Омега.

— Аналогична ли точка Омега идее практического сатори наших дзен-гностиков? — спросила Сюдетта Шер.

Монсеньор Эдуард тоскливо взглянул на свой суп.

— Нет, не совсем, — терпеливо ответил он. — Святой Тейяр считал, что все живые создания, все уровни органического разума есть звенья предопределенной свыше эволюции к окончательному слиянию с Божеством. — Тут он слегка нахмурился. — За прошедшие восемь веков идеи Тейяра подвергались переосмыслению, но основополагающая мысль — что мы рассматриваем Иисуса Христа как пример воплощения искомого высшего сознания в человеческой плоскости… — осталась прежней.

Я кашлянул:

— Гипотеза Тейяра получила дальнейшее развитие в трудах иезуита Поля Дюре, не так ли?

Монсеньор Эдуард окинул меня внимательный

ным взглядом. На его печальном лице появилось недоумение.

— Конечно же, да, — ответил он. — Но я, признаюсь, никак не ожидал встретить здесь кого-то знакомого с трудами отца Дюре.

Я смотрел в глаза человека, который оставался другом Дюре, даже когда сослал его на Гиперион за отступничество. Я вспомнил о другом беженце из Нового Ватикана, молодом Ленаре Хойте, который лежит сейчас мертвый в ледяной Гробнице Времени, пока паразиты-крестоформы, несущие в себе искалеченные ДНК отца Дюре и самого Хойта, продолжают свой кощунственный труд по их воскрешению. Как вписываются эти исчадия ада в идеи Тейяра и Дюре о неизбежном светлом движении к Божеству?

Тут Спенсер Рейнольдс, вероятно, решил, что не стоит выпускать нить разговора из своих красивых рук.

— Дело в том, — сказал он, и его звучный, хорошо поставленный голос перекрыл оживленную беседу в средней части стола, — что война, подобно религии или любой другой всеохватывающей человеческой деятельности, должна оставить свою инфантильную озабоченность буквалистским соответствием предмету, кото-

рый выражается в рабской одержимости так называемой целью, и наслаждаться всецело эстетической стороной явления. Теперь о моем собственном, самом последнем проекте…

— А какова цель вашего культа, монсеньор Эдуард? — вырвала нить разговора из рук Рейнольдса Тирена Вингрен-Фейф. Она проделала это играючи, не повышая голоса и не отводя взгляда от лица священника.

— Помочь человечеству познать Бога и служить ему, — тихо ответил тот и принялся шумно доедать свой суп. Покончив с ним, старичок посмотрел на советника Альбедо, ища у него поддержки.

— Я слышал, советник, что Техно-Центр преследует до странного аналогичную цель. Правда ли, что вы пытаетесь создать своего собственного Бога?

Улыбка Альбедо была рассчитана идеально: она выглядела дружеской без малейших признаков фамильярности или снисходительности.

— Не секрет, что Центр давно работает над созданием хотя бы теоретической модели так называемого искусственного интеллекта, намного превосходящего наши скромные способности. — Он взмахнул рукой. — Но вряд ли это можно

рассматривать как попытку создания Бога, монсеньор. Вернее видеть в этом экспериментальный проект, развивающий гипотезы ваших Святого Тейяра и отца Дюре.

— Но вы все же надеетесь, что сумеете довести вашу собственную эволюцию до уровня этого сверхсознания? — спросил капитан Ли, герой морских сражений, внимательно вслушивавшийся в разговор. — Можно ли сконструировать высший разум, как мы когда-то сконструировали ваших примитивных предков из кремния и микрочипов?

Альбедо рассмеялся.

— Боюсь, будет не столь грандиозно. И не столь просто. И когда вы употребляете слово «вы», капитан, не забывайте, пожалуйста, что моя личность — лишь капля в море разнообразных разумов, столь же пестром, как общество людей на этой планете… и тем более во всей Сети. Техно-Центр — не монолит. Как всякая плюралистическая цивилизация, он может похвастаться множеством философий, учений, гипотез, даже религий, если угодно. — Альбедо скрестил руки на груди, будто смакуя пришедшую на ум остроту. — Хотя лично я склонен воспринимать охоту за Высшим Разумом как хобби, а не как религию. Это все равно что со-

бирать кораблик внутри бутылки, капитан, или спорить, сколько ангелов уместится на острие иглы, — и Альбедо взглянул на монсеньора.

Все вежливо рассмеялись — все, кроме Рейнольдса, который непроизвольно хмурился, очевидно, размышляя, как бы снова перехватить нить разговора.

— А что вы скажете о слухах, будто в процессе работы над Высшим Разумом Техно-Центр создал точную копию Старой Земли? — выложил вдруг я, сам себе на удивление.

Улыбка на лице Альбедо не померкла, дружелюбная искра в глазах не погасла, но на какую-то долю наносекунды сквозь призрачный лик советника проглянуло ЧТО-ТО. Что? Удивление? Гнев? Насмешка? Ума не приложу. За эту бесконечную секунду он мог тайно связаться со мной, передать колоссальный объем информации через пуповину, соединяющую меня с Техно-Центром, или по невидимым каналам, зарезервированным нами для собственных нужд в лабиринтах инфосферы, которые люди наивно считают прямыми коридорами. И с той же самой легкостью он мог убить меня, отдав приказ тем членам Техно-пантеона, которые распоряжаются жизнями мне подобных так же просто, как директор института

приказывает лаборанту усыпить ненужную для эксперимента мышь.

Разговоры за столом стихли сами собой. Даже Мейна Гладстон и ее высокие гости все как один повернули головы в нашу сторону.

Советник Альбедо еще шире улыбнулся.

— Какая дивная нелепица! Скажите, господин Северн, может ли кто-нибудь, в особенности такой организм, как Техно-Центр, который ваши комментаторы именуют «шайкой бестелесных мозгов и приблудных программ, что дезертировали из своих плат и занимаются выковыриванием интеллектуального мусора из своих несуществующих пупков…» Так вот, может ли кто-нибудь создать точную копию Старой Земли?

Я посмотрел на проекцию — *сквозь* проекцию, — впервые заметив, что тарелки и еда Альбедо тоже были иллюзией: разговаривая, он не переставал жевать.

— Кроме того, — продолжал он, очевидно, сильно позабавленный моим простодушием, — не приходило ли на ум сочинителям этой басни, что «точной копией Старой Земли» может быть разве что сама Старая Земля во всех ее проявлениях? И как, скажите на милость, можно использовать подобный артефакт в работе над расширением

теоретических возможностей матрицы искусственного разума?

Когда стало ясно, что отвечать я не собираюсь, над столом повисло неловкое молчание.

Монсеньор Эдуард прокашлялся.

— Думается, — сказал он, — что… э-э… общество, способное создать точную копию любого мира, в особенности мира, уничтоженного четыре века назад, не нуждается в Боге; оно само было бы Богом.

— Совершенно верно! — рассмеялся советник Альбедо. — Да, глупые слухи, но восхитительные… просто восхитительные!

Все облегченно рассмеялись, возобновился прежний шум. Спенсер Рейнольдс заговорил о своем новейшем замысле — он мечтал уговорить самоубийц организованно прыгать с высоких мостов на двадцати мирах Сети с трансляцией перформанса по Альтингу, — но Тирена Вингрен-Фейф снова привлекла к себе внимание, обняв монсеньора Эдуарда и зазывая его на нудистскую вечеринку в своем плавучем поместье на Безбрежном Море.

Я встретился глазами с советником Альбедо и отвернулся — как раз вовремя, чтобы перехватить вопросительные взгляды Ли Хента и Мейны

Гладстон. К счастью, в этот момент официанты внесли на серебряных тарелках очередную смену блюд.

Обед был превосходный.

Глава пятнадцатая

Я не пошел на Тиренину нудистскую вечеринку. Не пошел туда и Спенсер Рейнольде — я видел его оживленно беседующим с Сюдеттой Шер. Не знаю, правда, поддался ли на уговоры Тирены монсеньор Эдуард.

Обед близился к концу. Члены правления благотворительного фонда произносили один за другим короткие речи. Остальные важные персоны уже начинали шуршать салфетками, когда Ли Хент шепнул мне, что секретарь Сената со свитой собирается удалиться и просит меня сопровождать ее.

Было почти 23:00 по стандартному, и я рассудил, что Гладстон возвращается в Дом Правительства. Каково же было мое удивление, когда, пройдя сквозь одноразовый портал — я замыкал шествие вместе с телохранителями-преторианцами, — я оказался в коридоре между каменными стенами. В высоких окнах пламенела марсианская заря.

Формально Марс не входит в состав Сети: доступ на древнейшую внеземную колонию человечества преднамеренно затруднен. Дзен-гностики — паломники, отправляющиеся к Скале Мастера в Море Эллады, — должны транспортироваться на станцию «Старая Родина» и там пересаживаться на челноки, курсирующие между Ганимедом, Европой и Марсом. Это отнимает несколько часов, не больше, но в обществе, где до любого уголка Вселенной буквально рукой подать, такое путешествие считается великой жертвой, опасным приключением. Помимо историков и специалистов по коньячным кактусам, мало кто решается на него. И ряды паломников ныне, во времена упадка дзен-гностицизма, значительно поредели. Марс никому больше не нужен.

Никому, кроме ВКС. Хотя штабные учреждения находятся на ТКЦ, а базы разбросаны по всей Сети и Протекторату, подлинным домом для военных остается Марс. А Олимпийская Офицерская Школа — его сердце.

На встречу с нашей группой политических шишек собралась группа шишек военных. И пока эти группы перемешивались, как столкнувшиеся галактики, я отошел к окну.

Коридор был частью комплекса, выдолбленно-

го в стене кратера горы Олимп, и с десятимильной высоты моего наблюдательного пункта чудилось, что одним взглядом обнимаешь полпланеты. Отсюда Марс представлялся древним вулканическим щитом. Высота, как жезл фокусника, превратила подъездные дороги, прилепившийся к горному склону старый город, трущобы и леса плато Фарсида в точки и закорючки на красной равнине, неизменной со времени, когда первый человек ступил на эту планету, объявил ее собственностью страны под названием Япония и щелкнул затвором фотоаппарата.

Я смотрел, как поднимается маленькое солнце, думая: «Так вот оно — Солнце», любуясь умопомрачительной игрой света на облаках, которые тяжело выползали из темноты и карабкались по крутому склону, когда ко мне подошел Ли Хент.

— Госпожа секретарь Сената примет вас после совещания. — Он передал мне два альбома для эскизов, за которыми кто-то из помощников Гладстон слетал в Дом Правительства. — Надеюсь, вы понимаете, что все увиденное вами на этом совещании совершенно секретно?

Я понял: это приказ, а не вопрос.

Широкие бронзовые двери распахнулись. Зажглись светильники, озарив пандус и лестницу

с ковровой дорожкой, ведущие к столу Военного Кабинета. Он стоял на единственном островке света посреди просторного, погруженного во тьму помещения, напоминающего большую университетскую аудиторию. К столу ринулись адъютанты: проворно отодвигая стулья, они указали своим начальникам места и вновь слились с темнотой. Скрепя сердце я повернулся спиной к восходящему солнцу Марса и спустился вслед за остальными в эту яму.

Совещание вели генерал Морпурго и тройка командующих ВКС. Здешние наглядные пособия ушли на несколько световых лет вперед от примитивных панелей и голограмм Дома Правительства. Мы оказались в огромном планетарии, способном при необходимости вместить не менее восьми тысяч студентов и преподавателей. Тьма под куполом мгновенно озарилась высокочеткими голограммами и схемами величиной с нуль-больное поле. В этом было что-то жуткое.

Содержание сообщений пугало не меньше, чем антураж.

— Еще чуть-чуть, и мы проиграем битву за Гиперион, — сухо заключил Морпурго. — В лучшем случае мы добьемся ничьей, если сумеем удержать Рой за пределами стратегического района,

то есть в радиусе пяти астроединиц от сингулярной сферы нуль-канала. Причем нам придется постоянно отражать атаки их малых кораблей. В худшем — будем вынуждены отступить на оборонительные позиции и произвести эвакуацию флота и граждан Гегемонии, а Гиперион отдать Бродягам.

— А где же обещанный сокрушительный удар? — спросил сенатор Колчев, сидевший во главе ромбообразного стола. — Где ваша «решительная атака» на Рой?

Морпурго откашлялся, будто собирался ответить, и взглянул на адмирала Наситу. Тот встал. Казалось, хмурое лицо адмирала парит в темноте отдельно от его тела — на нем был черный мундир, сливающийся с темнотой зала. Это мне напомнило… Но я не стал вспоминать что. Я предпочел перевести взгляд на лицо Мейны Гладстон, подсвеченное сиянием карт и диаграмм, паривших над нашими головами, как объемная разноцветная тень дамоклова меча. Бумажный альбом мне надоел, и теперь я водил пером по складной демонстрационной панели.

— Во-первых, наши разведданные о Роях оказались скудными по нашей вине, — начал Насита. Под куполом тут же вспыхнули новые графики. —

Зонды-разведчики и станции слежения не могли идентифицировать каждую единицу кочевого флота Бродяг. В результате реальная боевая мощь данного Роя была серьезно недооценена. Наши попытки прорвать их оборону с использованием палубных истребителей и факельщиков оказались не столь успешными, как ожидалось.

Во-вторых, необходимость сохранять чрезвычайно протяженный оборонительный периметр системы Гипериона легла тяжким грузом на обе наши эскадры; выделение тяжелых кораблей в количестве достаточном для осуществления наступательных действий в то время не представлялось возможным.

Колчев прервал его.

— Адмирал, вы утверждаете, что мы не можем разбить врага или хотя бы отбить атаки Бродяг на систему Гипериона из-за нехватки кораблей. Я вас правильно понял?

Насита пристально посмотрел на сенатора, и я вспомнил картину, изображавшую самурая, который собирался обнажить меч для харакири.

— Правильно, сенатор Колчев.

— Однако на заседании кабинета не далее, чем одну стандартную неделю назад, вы заверяли нас, что двух эскадр достаточно, чтобы спасти

Гиперион от вторжения и разорения, а также нанести этому Рою сокрушительный удар. В чем дело, адмирал?

Насита выпрямился во весь рост — он был теперь выше Морпурго, но все равно ниже среднего жителя Сети, — и повернулся лицом к Гладстон.

— Госпожа секретарь, я уже объяснил, почему следует изменить нашу стратегию. Может быть, мне снова объявить о начале совещания?

Мейна Гладстон облокотилась о стол, подперев голову ладонью, всем своим видом выражая напряженное внимание и усталость.

— Адмирал, — начала она тихо, — я считаю вопрос сенатора Колчева вполне относящимся к делу. Но я думаю также, что ситуация, обрисованная вами сегодня и на предыдущих совещаниях, говорит сама за себя. — Она повернулась к Колчеву: — Габриэль, мы ошиблись. При этом количестве задействованных сил мы получаем пат — это в лучшем случае. Бродяги подлее, крепче и гораздо многочисленнее, чем мы предполагали. — Она перевела взгляд на Наситу: — Адмирал, сколько кораблей вам требуется?

Насита закусил губу, очевидно, растерянный: он никак не ожидал услышать этот вопрос в начале совещания. Взглянув на Морпурго и прочих

генералов, он решительно сцепил руки на животе, как распорядитель на похоронах.

— Двести. По меньшей мере двести военных кораблей первого класса.

Раздался скрип множества сидений. Я поднял глаза от рисунка: все перешептывались, растерянно озираясь по сторонам. Одна Гладстон сидела невозмутимо. Только через секунду я догадался, в чем дело.

Во всех ВКС не насчитывалось и шестисот таких кораблей. И каждый стоил целое состояние. Считанным мирам было по карману построить более одного-двух боевых звездолетов линейного класса, а колониальную планету, возмечтавшую о собственной эскадрилье факельщиков с двигателями Хоукинга, ждало полное банкротство. Однако любой из этих кораблей обладал фантастической мощью: ударный авианосец мог опустошить целую планету, соединение, состоящее из крейсеров и эсминцев, — взорвать звезду. Несомненно, что сосредоточенные в системе Гипериона корабли Гегемонии могли — будучи разосланными во все концы Сети по нуль-фарватерам транспортной матрицы ВКС — сокрушить большинство ее звездных систем. Веком ранее хватило полусотни таких кораблей, о которых

говорил Насита, чтобы уничтожить флот Гленнон-Хайта и выжечь каленым железом самые корни мятежа.

И все же Насита требовал, чтобы в систему Гипериона были введены ДВЕ ТРЕТИ всего флота Гегемонии сразу. Я кожей ощутил, как по рядам электрической искрой пробежала тревога.

Сенатор Ришо с Возрождения-Вектор набралась храбрости первой:

— Адмирал, ведь мы никогда еще не осуществляли такой плотной концентрации космических сил, не так ли?

Голова Наситы повернулась плавно, как на подшипниках. Сдвинутые брови по-прежнему топорщились:

— Госпожа Ришо, никогда еще будущее Гегемонии не зависело в такой степени от действий флота.

— Да, я понимаю, — кивнула Ришо. — Но я хотела бы узнать, как это скажется на обороне Сети в других местах. Не слишком ли это рискованный шаг?

Насита что-то рявкнул, и графики под исполинским куполом завертелись, расползлись туманными клочьями и вновь сгустились в умопомрачительную панораму. Забелел Млечный

Путь, увиденный из точки, приподнятой над плоскостью галактического экватора. Тут же угол зрения изменился — с головокружительной скоростью нас потащило к одному из спиральных рукавов, и впереди повисла голубая паутина нуль-транспортной сети, пронизывающей Гегемонию: золотое неровное ядро с шипами и ложноножками, окруженное зеленым нимбом Протектората. На фоне громадной галактики Сеть казалась неумелым наброском, причудой детской фантазии — и при всей унизительности этого ощущения оно в точности отражало положение дел.

Внезапно по изображению пробежала рябь, и Сеть с Протекторатом разрослись до размеров Вселенной. Лишь на заднем плане — ради создания перспективы — мерцали сотни звезд.

— Перед вами диспозиция подразделений нашего флота, — объявил адмирал. Внутри золотого пятна и за его пределами зажглось несколько сотен ярко-оранжевых огоньков. Больше всего их было вокруг захолустной звезды, в которой я не сразу узнал светило Гипериона. — А это Рои Бродяг — по самым свежим наблюдениям. — Появилась дюжина красных линий. Стрелки и синие пунктирные хвосты указывали направле-

ния их движения. Даже столь крупный масштаб не показывал вторжения каких-либо Роев в пространство Гегемонии — за исключением одного из них, самого крупного, который, резко изменив курс, направлялся к системе Гипериона.

Я заметил, что эскадры ВКС в основном отслеживают перемещения Роев, если не считать скоплений кораблей вблизи баз и на орбитах неспокойных миров типа Мауи-Обетованной, Брешии и Кум-Рияда.

— Адмирал, — сказала Гладстон, отмахиваясь от комментариев. — Я думаю, вы позаботились рассчитать время передислокации флота в случае нарушения границы в какой-то другой точке.

На хмуром лице Наситы появилось что-то, могущее сойти за улыбку.

— Да, разумеется, госпожа секретарь, — снисходительно ответил он. — Если вы обратили внимание, ближайшие Рои, кроме того, что у Гипериона, находятся на значительном расстоянии. — Мы увидели скопление красных векторов под золотым облаком, где, как я предполагал, находились Небесные Врата, Роща Богов и Безбрежное Море. В таком масштабе Бродяги действительно казались весьма отдаленной угрозой. — Мы отмечаем миграции Роев по воз-

мущениям поля Хоукинга, засеченными постами прослушивания в Сети и за ее пределами. Кроме того, наши зонды-разведчики регулярно определяют размеры их и направление движения.

— Как регулярно, адмирал? — перебил его сенатор Колчев.

— По крайней мере один раз в несколько лет, — отрезал Насита. — Следует учесть, что субъективная продолжительность рейса составляет несколько месяцев. Даже на гиперскорости полет занимает до двенадцати лет по нашему времени.

— Если наблюдения проводятся с интервалами в несколько лет, — настаивал сенатор, — откуда вам известно, где сейчас находятся Рои?

— Двигатели спин-звездолетов не лгут, сенатор, — проговорил Насита с нотками металла в голосе. — Возмущения поля Хоукинга подделать невозможно. То, что мы видим, — положение сотен или, в случае крупных Роев, тысяч отдельных работающих двигателей на данный момент. Эффект Хоукинга, как вам известно, распространяется без запаздывания во времени.

— Да, — отозвался Колчев тем же ровным и бесцветным тоном. — Но что, если Рои движутся медленнее спин-звездолетов?

Насита улыбнулся по-настоящему:

— Медленнее скорости света, сенатор?

— Вот именно.

Морпурго и другие военные покачали головами, пытаясь скрыть улыбки. Только капитан 3-го ранга Вильям Аджунта Ли внимательно, с серьезным лицом вслушивался в диалог.

— При движении медленнее скорости света, — назидательно произнес адмирал Насита, — нашим праправнукам придется задуматься, как предупредить о вторжении своих внуков.

Колчев не сдавался. Он указал туда, где ближайший к Гегемонии Рой совершал вираж над Небесными Вратами.

— А если вот эти попытаются приблизиться к нам, не используя двигателей Хоукинга?

Насита тяжело вздохнул. Очевидно, его раздражали эти нелепые попытки увести обсуждение в сторону.

— Сенатор, уверяю вас, если этот Рой отключит двигатели и тотчас же возьмет курс на Сеть, — Насита прикрыл глаза, консультируясь со своими имплантами и линиями связи, — он приблизится к нашим границам через двести тридцать стандартолет. Нас с вами эта беда обойдет.

Мейна Гладстон подалась вперед, и взоры всех

присутствующих немедленно обратились к ней. Я отправил предыдущий набросок в память дем-панели и начал новый.

— Адмирал, мне думается главный предмет нашей тревоги — это беспрецедентная концентрация сил вблизи Гипериона. Получается, что мы кладем все яйца в одну корзину.

Вокруг стола заулыбались. Гладстон была знаменита своей любовью к древним анекдотам, словечкам и афоризмам — так прочно забытым, что непосвященным они казались совершенно новыми. Вот и сейчас присутствующие приняли за восхитительную остроту старинную поговорку.

— Так мы действительно кладем все яйца в одну корзину? — допытывалась она.

Насита шагнул к столу и положил на него ладони. Длинные пальцы с силой надавили на дерево. В этом жесте был весь Насита, невысокий пожилой человек с несгибаемым характером, один из тех немногих, кто без особых усилий добивается всеобщего внимания и беспрекословного повиновения.

— Нет, госпожа Гладстон, не кладем. — Не поворачиваясь, он указал рукой на изображение над своей головой и позади себя. — Ближайшие Рои

достигнут пространства Гегемонии лишь через два месяца движения на тяге Хоукинга, а это целых три года нашего времени. А кораблям ВКС в системе Гипериона — даже учитывая боевую обстановку и их разбросанность — понадобится менее пяти часов, чтобы перенестись в любой район Сети…

— Но это не относится к соединениям за пределами Сети, — заметила сенатор Ришо. — Колонии не могут остаться без защиты!

Насита снова взмахнул рукой:

— Двести военных кораблей, которые решат судьбу Гипериона, находятся в Сети или имеют собственные средства переноса. Ни одной из автономных единиц, приписанных к колониям, мы не коснемся.

Гладстон утвердительно кивнула.

— Но что будет, если Бродяги повредят портал Гипериона или даже захватят его?

По ерзанью, кивкам и вздохам присутствующих гражданских лиц я понял, что она высказала всеобщее опасение.

Потирая руки, Насита вновь поднялся на подиум, видимо, обрадованный, что с пустяками покончено.

— Отличный вопрос! Его уже поднимали на

предыдущих совещаниях. Но я все-таки остановлюсь на нем. Во-первых, у нас более чем достаточно средств переноса. В данный момент в системе два «прыгуна». Планируется введение еще трех в составе эскадры поддержки. Вероятность уничтожения всех пяти кораблей очень, очень мала… попросту ничтожна. С учетом того, как увеличится наш оборонительный потенциал с прибытием новой эскадры. Во-вторых, вероятность захвата неповрежденных военных порталов и вторжения через них в Сеть равна нулю. Каждый корабль — каждый индивидуум! — входящий в портал ВКС, опознается по супернадежным кодовым микротранспондерам, которые ежедневно перепрограммируются…

— А если Бродяги расшифруют эти коды или введут собственные? — спросил сенатор Колчев.

— Исключено. — Насита расхаживал по подиуму взад-вперед, заложив руки за спину. — Смена кодов производится ежедневно с помощью одноразовых инфоматриц, поступающих по мультилинии ВКС из Сети…

— Извините, — сказал я, сам удивившись, что посмел раскрыть рот, — но сегодня утром я совершил краткую поездку в систему Гипериона и не заметил никаких транспондеров.

Несколько человек повернулись в мою сторону. Адмирал Насита снова изобразил из себя сову с головой на антифрикционных подшипниках.

— И тем не менее, господин Северн, — сухо произнес он, — вы и господин Хент были безболезненно и незаметно помечены инфракрасными лазерами на обоих концах нуль-канала.

Я кивнул, мимолетно удивившись, что адмирал запомнил мою фамилию, но тут же сообразил, что и у него есть импланты.

— В-третьих, — продолжал Насита, будто я его не прерывал, — даже если невозможное случится, и силы Бродяг, сломив нашу оборону, захватят наши порталы, обманут супернадежную систему пропускных кодов и справятся с техникой, которая им абсолютно незнакома, которую мы охраняем от их посягательств уже более четырех веков, — даже тогда их усилия окажутся напрасными, поскольку все передвижения войск на Гиперион будут производиться транзитом через базу Мадхья.

— Какую-какую? — спросили все хором.

Я слышал это название — «Мадхья» — только от Ламии Брон, когда она рассказывала о смерти клиента. Насита произносил это слово так же, как она, — «Мэдье».

— Мадхья, — удовлетворенно повторил Насита, улыбаясь во весь рот. Это была настоящая мальчишеская улыбка. Не запрашивайте свои комлоги, дамы и господа. — Мадхья — «черная» система. Ее нет ни в одном из списков или гражданских атласов нуль-сети. Мы бережем ее для экстремальных ситуаций. В ней всего одна пригодная для жизни планета, подходящая только для добычи руды и наших баз. Мадхья — наша резервная оборонительная позиция. Если случится невозможное и корабли Бродяг прорвутся в наши порталы у Гипериона, их отправят прямиком к Мадхье, где на выходные порталы нацелены бесчисленные дула автоматических орудий. Но если невозможное свершится еще раз и их флот переживет переход в систему Мадхья, все нуль-Т-каналы автоматически самоуничтожатся, и вражеские корабли застрянут на мели во многих годах от границ Сети.

— Прекрасно, — согласилась сенатор Ришо, — но ведь и наши корабли застрянут. Две трети нашего флота останется в системе Гипериона.

Насита застыл.

— Увы, это так, — сказал он. — Поэтому ставка и я не однажды взвесили все последствия этого маловероятного, можно даже сказать, статисти-

чески невозможного события. Мы считаем этот риск приемлемым. Если случится невозможное, у нас еще останется в резерве более двухсот кораблей для зашиты Сети, а в худшем случае мы потеряем систему Гипериона — но прежде всыплем Бродягам по первое число и отобьем у них охоту к разбою. Однако мы ожидаем гораздо более благоприятного результата. С учетом быстрого — в течение ближайших восьми стандарточасов — ввода двухсот боевых кораблей наши прогнозисты и Консультативный совет ИскИнов предсказывают 99-процентную вероятность полного поражения атакующего Роя и минимальные потери с нашей стороны.

Мейна Гладстон повернулась к советнику Альбедо. В густом полумраке его проекция выглядела безупречно.

— Советник, я не знала, что с Консультгруппой советовались. Заслуживает ли доверия 99-процентный коэффициент?

Альбедо улыбнулся.

— В полной мере, госпожа секретарь. Точный коэффициент — 99,962794 процента. — Он улыбнулся еще шире. — Вы можете спокойно положить все яйца в одну корзину. Все равно это ненадолго.

Лицо Гладстон осталось серьезным.

— Адмирал, сколько продлятся боевые действия после ввода подкреплений?

— Одна стандартная неделя, госпожа секретарь. Максимум.

Левая бровь Гладстон выгнулась.

— Так быстро?

— Да, госпожа секретарь.

— Генерал Морпурго, каково мнение наземных сил?

— Мы согласны с адмиралом, госпожа Гладстон. Подкрепления необходимы, и необходимы сейчас. Сто тысяч десантников и пехотинцев будут переправлены на Гиперион на транспортах, чтобы покончить с остатками Роя.

— За семь стандартодней или еще быстрее?

— Думаю, быстрее.

— Адмирал Сингх?

— Это абсолютно необходимо, госпожа секретарь.

— Генерал Ван Зейдт?

Одного за другим Гладстон опрашивала командующих ВКС и высших офицеров. Она даже поинтересовалась мнением начальника Олимпийской Школы, который весь раздулся от гордости, услышав свое имя.

— Капитан Ли?

Все взоры обратились к молодому офицеру. Генералы и адмиралы хмуро приосанились, и я внезапно сообразил, что Ли попал сюда по личному приглашению секретаря Сената, а отнюдь не заботами прямых начальников. Гладстон, по слухам, утверждала, что инициативности и уму капитана может позавидовать весь Генштаб ВКС. Похоже, за это совещание моряк расплатится карьерой.

Капитан 3-го ранга Вильям Аджунта Ли смущенно зашевелился в своем удобном кресле.

— При всем почтении к вам, госпожа секретарь, я должен напомнить, что являюсь младшим офицером флота и недостаточно компетентен, чтобы высказывать свое мнение по столь важным вопросам.

Гладстон, не улыбнувшись, слегка кивнула ему:

— Понимаю, капитан третьего ранга. Смею вас уверить, что присутствующие здесь высшие офицеры тоже понимают это. Однако в настоящий момент я буду очень признательна, если вы поделитесь со мной своим мнением.

Ли вскинул голову. На миг в его глазах мелькнуло что-то странное: пылкая убежденность, и

тут же отчаяние зверя, попавшего в капкан.

— Хорошо, госпожа секретарь. Но прежде чем высказаться, я должен заявить, что только чутье (и это действительно только чутье: ведь я полный невежда в тактике межзвездных сражений) подсказывает мне: вводить подкрепления опасно. — Ли шумно выдохнул. — Это чисто военный взгляд на ситуацию, госпожа Гладстон. Мне ничего не известно о политической важности защиты системы Гипериона.

Гладстон подалась вперед.

— Тогда о чисто военной точке зрения, капитан третьего ранга. Почему вы против ввода подкреплений?

Даже туда, где я сидел, через весь стол, доходил жар от свирепых взглядов командующих. На капитане скрестилось несколько гигаваттных лазерных лучей, подобных тем, что использовались в древних инерционных термоядерных реакторах. Чуду подобно, что Ли не рассыпался, не взорвался, не воспламенился и не расплавился прямо у нас на глазах.

— С военной точки зрения, — четко произнес Ли, невидяще глядя перед собой, — два величайших греха, какие может совершить командир, — это распылять свои силы и э-э… как вы, госпожа

секретарь, изволили выразиться… класть яйца в одну корзину. А в нашем случае корзину сплели даже не мы.

Гладстон кивнула и откинулась назад, вонзив пальцы в подбородок.

— Капитан, — отчеканил генерал Морпурго, и я обнаружил, что слова действительно можно выплевывать сквозь зубы, — теперь, когда вы соизволили преподать нам совет, могу я спросить, участвовали ли вы когда-нибудь в космическом сражении?

— Нет, сэр.

— Проходили ли вы какую-нибудь подготовку для участия в космических сражениях, капитан?

— Помимо минимальной подготовки в ООШ, которая ограничивается несколькими курсами по истории, — нет, сэр.

— Участвовали ли когда-нибудь в стратегическом планировании выше уровня… Я хочу спросить: сколько надводных кораблей было под вашей командой на Мауи-Обетованной, капитан?

— Один, сэр.

— Один, — громогласно повторил Морпурго. — И как велик был корабль?

— Он был невелик, сэр.

— Вам поручили командовать этим кораблем, капитан третьего ранга? Вы заслужили этот пост? Или он достался вам благодаря превратностям войны?

— Наш капитан был убит, сэр, и я принял командование. Это случилось во время последнего сражения на Мауи-Обетованной и…

— Достаточно, капитан. — Морпурго повернулся к нему спиной и обратился к Мейне Гладстон: — Хотите продолжить, госпожа секретарь?

Гладстон покачала головой.

Сенатор Колчев прокашлялся.

— Может быть, провести закрытое заседание в Доме Правительства?

— Нет необходимости, — резюмировала Гладстон. — Я приняла решение. Адмирал Сингх, вы уполномочены переводить в систему Гипериона столько боевых единиц, сколько сочтет нужным ставка.

— Да, госпожа секретарь.

— Адмирал Насита, я жду успешного завершения военных действий в течение одной стандартной недели после ввода необходимых подкреплений. — Она обвела взглядом всех сидящих вокруг стола. — Дамы и господа, нет ничего важнее сейчас, чем удержать Гиперион и

окончательно нейтрализовать угрозу со стороны Бродяг.

Она поднялась и пошла к пандусу, уходящему ввысь.

— Доброй ночи всем.

Было почти 04:00 по времени Сети и Тау Кита, когда в мою дверь постучали. Это был Хент. Уже три часа с момента нашего возвращения в Дом Правительства я боролся с дремотой. И только-только смежил веки в уверенности, что Гладстон обо мне забыла, как раздался стук.

— В саду, — повелительно бросил Хент. — И, ради бога, заправьте рубашку.

Я брел по темным аллеям, мелкий гравий шуршал у меня под ногами. Фонарики и люм-шары горели вполнакала; свет звезд едва пробивался сквозь зарево от нескончаемых городов ТКЦ — одни орбитальные поселения летели по небу, как хоровод светляков.

Гладстон сидела на кованой скамье у моста.

— Господин Северн, — произнесла она тихо, — спасибо, что составили мне компанию. Простите за задержку: заседание кабинета только что закончилось.

Я остался стоять, не говоря ни слова.

— Расскажите, как вы съездили на Гиперион

сегодня утром. — Она негромко рассмеялась в темноте. — Вернее, вчера утром. Какое у вас впечатление?

Я не знал, чего она ждет от меня. Мне казалось, эта женщина жадно, как губка, впитывает любую информацию, равно полезную и бесполезную.

— Я кое-кого встретил там, — обронил я.

— Кого же?

— Доктора Мелио Арундеса. Когда-то…

— А-а, друг дочери господина Вайнтрауба, — закончила за меня Гладстон. — Девочки, что растет наоборот. Есть новости?

— Ничего существенного, — ответил я. — Мне удалось немного поспать днем, но сны были какие-то обрывочные.

— А что вышло из встречи с доктором Арундесом?

Я потер подбородок, чувствуя, как внезапно похолодели пальцы.

— Его экспедиция уже несколько месяцев торчит в столице, — сказал я. — Возможно, они — наша единственная надежда выяснить, что происходит с Гробницами. И со Шрайком.

— Наши прогнозисты утверждают, что паломников следует оставить на произвол судьбы, пока они не выполнят свою миссию, — донесся до меня

из темноты голос Гладстон. По-видимому, она отвернулась к ручью.

Я содрогнулся от безотчетного гнева.

— Отец Хойт уже «выполнил свою миссию». Если бы кораблю разрешили вылететь к паломникам, его можно было спасти! Что до Арундеса и его людей — они еще могут помочь младенцу, хотя осталось…

— Меньше трех суток, — педантично уточнила Гладстон. — Что еще? Какие у вас впечатления о планете, о флагманском корабле адмирала Наситы? Что вам показалось там интересным?

Мои руки сжались в кулаки и снова разжались.

— Вы не разрешите Арундесу вылететь к Гробницам?

— Еще не время.

— А что с эвакуацией населения Гипериона? По крайней мере граждан Гегемонии?

— В данный момент это невозможно.

Я хотел ответить, но сдержался. Услышав всплеск под мостом, я отвернулся к ручью.

— Так что, никаких впечатлений, господин Северн?

— Никаких.

— Что ж, желаю вам спокойной ночи и прият-

ных сновидений. Завтрашний день обещает быть бурным, но я надеюсь обсудить с вами ваши сны, когда выпадет свободная минута.

— Спокойной ночи, — отозвался я и, повернувшись на каблуках, быстро зашагал назад, к моему крылу Дома Правительства.

В своей темной комнате я поставил сонату Моцарта и принял три таблетки трисекобарбитала. Хорошо бы нырнуть от этого химического нокаута в сон без сновидений, где призрак мертвого Джонни Китса и более чем призрачные паломники не сумеют меня отыскать. Правда, Мейна Гладстон будет разочарована, но это ее проблемы.

Я вспомнил о свифтовском Гулливере — как он исполнился отвращения к человечеству после возвращения из страны разумных лошадей-гуингмов. Сородичи опротивели ему до такой степени, что он спал в конюшне, дабы обонять запах лошадей и ощущать их присутствие.

Моей последней мыслью перед забытьем было: «К черту Гладстон, к черту войну и к черту Сеть».

И к черту сны.

2
Глава шестнадцатая

Лишь перед самым рассветом Ламия Брон забылась тревожным сном. Ее видения были полны странных, запредельных образов и звуков: вполуха услышанные, вполразума понятые обрывки бесед с Мейной Гладстон, комната, плавающая посреди космоса, люди, идущие по коридорам, где стены бормотали, как плохо настроенный приемник мультилинии. И во всех этих горячечных видениях и бессвязных картинах трепетало до безумия живое ощущение, что Джонни — ее Джонни — близко, совсем рядом. Ламия закричала во сне, но крик утонул в нестройных отголосках остывающего в ночи Сфинкса и шелесте перегоняемых ветром дюн.

Внезапно Ламия проснулась, словно кто-то включил сознание. Сол Вайнтрауб, вчера сам напросившийся на пост караульного, дремал у низкого входа в комнату, приютившую паломников. Его крохотная дочка спала в гнездышке из одеял рядом с ним, во сне она перевернулась на животик, и в такт дыханию на ее губах дрожали

пузырьки слюны.

Ламия огляделась. В тусклом свете маломощного люм-шара и немногих солнечных лучей, преодолевших четырехметровый коридор, был виден лишь еще один из ее спутников — темный, храпящий куль на каменном полу. Кажется, Мартин Силен. Сердце Ламии ушло в пятки — ей вдруг померещилось, что, пока она спала, все исчезли. Силен, Сол, ребенок… — нет, не хватает одного Консула. Группа паломников из семи взрослых и ребенка истаяла, как мартовский сугроб: Хет Мастин пропал, когда они пересекали Травяное море в ветровозе; Ленар Хойт был убит вчера ночью, вскоре после этого исчез Кассад… Консул… что случилось с Консулом?

Ламия Брон снова огляделась, удостоверилась, что в сумрачном помещении нет ничего и никого, кроме рюкзаков, груды одеял и трех спящих — поэта, ученого и ребенка, нашла в складках одеяла автоматический пистолет отца, достала из рюкзака нейропарализатор и проскользнула мимо Вайнтрауба и младенца в коридор.

Стояло утро, такое ясное, что Ламия невольно прикрыла глаза ладонью. Она сошла с каменных ступеней Сфинкса на утоптанную тропу, ведущую в глубь долины. Буря миновала. Небосвод

Гипериона сиял хрустально-чистой первозданной лазурью с зелеными переливами, звезда Гипериона — яркая белая лампочка — только что взошла из-за скалистой стены на востоке. Тени утесов смешались с причудливыми тенями Гробниц Времени на дне долины. Нефритовая Гробница вся искрилась. Ламия увидела свежие сугробы и дюны, наметенные прошедшей бурей — белые сугробы и алые пески перемешались и сияли на солнце, образовав валы и горки вокруг камней. От вчерашнего лагеря не осталось и следа. Консул сидел на валуне, метрах в десяти ниже по склону. Он смотрел на долину, над его трубкой вился дымок. Ламия спустилась к нему.

— Полковник исчез, — произнес Консул, даже не взглянув на нее, когда она подошла ближе.

Ламия посмотрела в сторону Хрустального Монолита. Его сияющий фасад зиял дырами и выбоинами, а верхние метров двадцать — тридцать как ножом срезало. Обломки у подножия все еще дымились. Полукилометровое пространство между Сфинксом и Монолитом превратилось в выжженное, изрытое пепелище.

— Да уж, драться полковник умеет, — заметила Ламия.

Консул что-то промычал в знак согласия. От

табачного дыма Ламии захотелось есть.

— Я обшарил долину на два километра вплоть до самого Дворца Шрайка, — сказал Консул. — Бой, видимо, разыгрался вблизи Монолита. У основания в нем по-прежнему нет ни одного отверстия, но повыше дыр хватает. Ясно видна ячеистая структура, которую всегда показывали радары.

— И никаких следов?

— Никаких.

— Кровь? Обугленные кости? Записка, что полковник отлучился сдать белье в прачечную?

— Ничего.

Ламия, вздохнув, уселась на другой валун, по соседству с Консулом. Солнце припекало. Прищурившись, она оглянулась на вход в долину.

— Обалдеть можно, — пробормотала она. — Что же теперь делать?

Консул вынул трубку изо рта, хмуро посмотрел на нее и покачал головой:

— Сегодня я попытался вызвать корабль, но его по-прежнему держат под арестом. — Он выбил из трубки пепел. — Пытался использовать частоты экстренной связи, но никак не удается соединиться. Либо корабль не ретранслирует сигнал дальше, либо запрещено отвечать нам.

— Вы бы улетели?

Консул пожал плечами. Вместо вчерашнего парадного мундира на нем был шерстяной джемпер грубой вязки, серые вельветовые брюки и высокие ботинки.

— Будь корабль под рукой, у нас — у вас — была бы возможность выбора. Я бы посоветовал всем хорошенько подумать, есть ли смысл оставаться теперь. Хет Мастин исчез, Хойта и Кассада больше нет с нами — я и сам толком не знаю, что делать.

Низкий голос произнес у них за спиной:

— Можно попытаться приготовить завтрак.

Оглянувшись, Ламия увидела, как по тропе к ним спускается Сол. На его груди качалась в люльке Рахиль. Лысина старика сверкала на солнце.

— Неплохая мысль, — встрепенулась Ламия. — Как там у нас с продуктами?

— Позавтракать хватит, — ответил Вайнтрауб. — В резерве еще несколько пайков из мешка полковника. Потом примемся за тысяченожек, акрид и друг за друга.

Консул, изобразив на губах что-то вроде улыбки, убрал трубку в карман джемпера.

— Предлагаю вернуться назад в Башню Хроноса, пока до этого не дошло. Замороженные продукты с «Бенареса» мы съели, но в Башне есть

кладовая.

— Это было бы здо… — начала было Ламия, но ее прервал дикий крик. Похоже, из Сфинкса.

Она первой добежала до Гробницы и, прежде чем войти, выхватила пистолет. В коридоре было темно, в помещении, где они спали, еще темнее, и Ламия не сразу разглядела, что там пусто.

Снова раздался крик невидимого Силена:

— Эй! Сюда!

Оглянувшись, она увидела входящего в Гробницу Консула.

— Стойте там! — приказала Ламия и быстро двинулась по коридору, прижимаясь к стене и держа в вытянутой руке снятый с предохранителя пистолет. У входа в небольшую комнату, где лежало тело Хойта, она остановилась на секунду, затем вошла, выставив перед собой оружие.

Мартин Силен, сидевший на корточках перед трупом, поднял голову.

В руке он сжимал угол фибропластовой простыни, которой они накануне накрыли тело священника. Он посмотрел на Ламию, невидяще глянул на пистолет в ее руке и снова уставился на тело.

— Вы можете в такое поверить? — спросил он, скорее у самого себя, чем у Ламии.

Ламия опустила пистолет и подошла ближе. Из-за ее плеча высунулся Консул. В коридоре послышались торопливые шаги: Сол Вайнтрауб спешил к ним с плачущей Рахилью на руках.

— Боже мой, — произнесла Ламия и присела у тела Ленара Хойта.

Изможденное бесцветное лицо молодого священника преобразилось. Перед ними лежал человек лет семидесяти: высокий лоб, изящный аристократический нос, тонкие губы, застывшие в легкой благожелательной улыбке, высокие скулы, заостренные уши под седыми прядями, окаймлявшими лысину, большие глаза с бледными, точно пергаментными веками.

Консул наклонился над ним.

— Я видел голограммы. Это отец Поль Дюре.

— Смотрите, — прошептал Силен. Он стащил простыню с тела, помедлил, а затем повернул лежавшего на бок. Два маленьких крестоформа на груди мужчины пульсировали розовым цветом так же, как на теле Хойта, но спина была чистой.

Сол стоял у входа, стараясь успокоить раскричавшуюся Рахиль. Когда ребенок замолчал наконец, он сказал:

— Кажется, бикура для… регенерации требовалось трое суток.

Мартин Силен вздохнул.

— Бикура воскрешались крестоформами более двух стандартных веков. Возможно, по первому разу дело проходит быстрее.

— Он что… — начала Ламия.

— Живой? — Силен коснулся руки девушки. — Потрогайте.

Грудь мужчины едва заметно подымалась и опускалась. Кожа была теплой. Под ней отчетливо прощупывались горячие крестоформы. Ламия, содрогнувшись, отдернула руку.

Существо, которое шесть часов назад было трупом Ленара Хойта, открыло глаза.

— Отец Дюре? — Сол шагнул к нему.

Голова мужчины повернулась. Он заморгал, будто свет резал ему глаза, затем что-то невнятно произнес.

— Воды, — догадался Консул и торопливо достал из кармана джемпера пластмассовую фляжку. Мартин Силен поддерживал голову незнакомца, пока Консул поил его.

Сол опустился перед ним на одно колено и дотронулся до его руки. Казалось, даже темные глаза Рахили с любопытством наблюдают за происходящим.

— Если вы не можете говорить, моргните два-

жды вместо «да» и один раз вместо «нет». Вы Дюре? — спросил Сол.

Мужчина повернул голову в сторону ученого.

— Да, — произнес он негромким, хорошо поставленным низким голосом. — Я отец Поль Дюре.

Они позавтракали ломтиками мяса, поджаренными прямо на пластинах обогревателя, и болтушкой, состряпанной из пригоршни зерна и разведенного молочного концентрата. Огрызок последнего батона разделили на пять кусочков. Высыпали в котелок остатки кофе. Ламии показалось, что ничего вкуснее она в жизни не ела.

Они сидели в тени растопыренного крыла Сфинкса вокруг «стола» — широкого валуна с плоской макушкой. Солнце было уже на полпути к зениту. Небо оставалось безоблачным. Стояла полная тишина — только звуки человеческих голосов да звяканье вилки или ложки нарушали ее.

— Вы помните… прежнее? — спросил Сол.

Священник надел запасной костюм Консула: серый, с гербом Гегемонии под сердцем. Эта домашняя, точнее, корабельная одежда Консула отцу Дюре была явно маловата.

Он держал кружку с кофе обеими руками, слов-

но чашу для причастия.

— Прежнее… то есть то, что было, пока я не умер? — уточнил он, поднимая на собеседника глубокие умные глаза. Красивые старческие губы тронула улыбка. — Да, помню. Помню ссылку, бикура… — Он опустил глаза. — И даже дерево тесла.

— Хойт рассказывал нам о дереве, — тихо произнесла Ламия. — О том, как священник распял себя на активном дереве тесла в огненном лесу, предпочтя годы пытки бездумной жизни в симбиозе с паразитом-крестоформом.

Дюре покачал головой:

— В те последние секунды я думал, что победил их.

— Вы и победили, — быстро отозвался Консул. — Отец Хойт и другие отыскали вас. Вашему телу удалось отторгнуть паразита. Тогда бикура прирастили ваш крестоформ Ленару Хойту.

Дюре кивнул:

— Значит, от юноши не осталось и следа?

Мартин Силен указал на грудь Дюре:

— Очевидно, эта гадина не может совладать с законом сохранения массы. У Хойта были страшные боли, и очень долго: ему никак не удавалось вернуться туда, куда его гнали эти твари. Поэтому

он так и не набрал веса для этого… черт, как бы его обозвать… двойного воскрешения.

— Это не важно, — сказал Дюре, грустно улыбнувшись. — Паразитной ДНК в крестоформе не занимать терпения. Если понадобится, она будет воскрешать своего хозяина из века в век. Рано или поздно оба паразита заживут своими домами.

— Вы помните, что было с вами после дерева тесла? — помедлив, спросил Сол.

Дюре допил кофе.

— Вы хотите спросить, помню ли я свою смерть? Рай или ад? — Он смущенно улыбнулся. — Нет, ничего такого я, увы, не помню. Помню боль. Бесконечную. Потом избавление. А потом — тьма. И наконец, пробуждение. Здесь. Сколько, вы говорите, лет прошло?

— Почти двенадцать, — сказал Консул. — Но для отца Хойта вполовину меньше. Он провел много времени в перелетах.

Отец Дюре встал, потянулся и принялся ходить взад и вперед. Он был высокого роста; несмотря на худобу, в нем чувствовалась сила. Глядя, как старик прохаживается вокруг стола, ступая по-кошачьи грациозно и уверенно, Ламия Брон с удивлением осознала, что этот человек волнует ее. Он был наделен харизмой — необъяснимым

обаянием, обещающим немногим избранным либо безмерную власть, либо мученическую гибель. Ламия напомнила себе, что, во-первых, он священник церкви, требующий от своих служителей целомудрия, во-вторых, час назад был мертвецом. Интересно, как он действует на мужчин?

Дюре между тем уселся на валун, вытянул ноги и начал массировать бедра, видимо, борясь с судорогой.

— Вы уже поведали вкратце о себе: кто вы и зачем вы здесь, — проговорил он. — Если не возражаете, я хотел бы узнать о вас побольше.

Паломники молча переглянулись.

Дюре понимающе кивнул.

— Вы думаете, я тоже чудовище? Агент Шрайка? Я не удивлюсь, если у вас возникнет такая мысль. Это естественно.

— Да нет, мы так не думаем. — Ламия подняла глаза на священника. — Шрайк не нуждается в агентах. Кроме того, мы знаем вас по рассказу отца Хойта и по вашим дневникам. — Она покосилась на остальных. — Но нам было… ужасно трудно… рассказывать друг другу, почему мы попали на Гиперион. И мы просто не в силах повторять сейчас эти рассказы.

— Я делал записи на свой комлог, — сказал Консул. — Это только выжимки, но по ним можно составить некоторое представление о наших историях и об истории Гегемонии за последние десять лет. Почему Сеть ведет войну с Бродягами и тому подобное. Я с удовольствием предоставлю его в ваше распоряжение, если хотите. Это отнимет у вас не более часа.

— Буду вам очень признателен, — живо откликнулся отец Дюре и двинулся вслед за Консулом к Сфинксу.

Ламия, Сол и Силен направились к воротам долины. С седловины между низкими скалами хорошо просматривались дюны и пустоши, простирающиеся на юго-запад, в направлении Уздечки, до которой было неполных десять километров. Разбитые купола, покосившиеся шпили и разрушенные галереи мертвого Града Поэтов, все глубже погружающегося в пески, виднелись в каких-то двух-трех километрах справа, за возвышенностью.

— Я схожу в Башню за продуктами, — предложила Ламия.

— Не стоит дробить группу, — возразил Сол. — Может, пойти всем вместе?

Мартин Силен скрестил руки на груди.

— Кто-то должен остаться здесь на случай возвращения полковника.

— Тогда, — заметил Сол, — осмотрим сначала оставшуюся часть долины. Утром Консул не углублялся дальше Дворца Шрайка.

— Верно, — отозвалась Ламия. — Давайте сделаем это прямо сейчас, чтобы я успела потом набрать в Башне провианта и вернуться до темноты.

Они спустились к Сфинксу в тот момент, когда оттуда вышли Дюре и Консул. Священник держал в руке запасной комлог Консула. Ламия рассказала им о своем плане, и оба немедленно присоединились к остальным.

Они вновь обошли все залы Сфинкса. И везде лучи карманных фонариков и лазерных карандашей выхватывали из тьмы лишь мокрый камень да причудливые выступы. Выйдя на полуденный солнцепек, паломники прошли триста метров до Нефритовой Гробницы. На пороге комнаты, где лишь вчера ночью им явился Шрайк, Ламию охватила дрожь. На зеленых изразцах еще темнело ржаво-коричневое пятно: кровь Хойта. Прозрачный люк в полу, ведущий в лабиринт, исчез бесследно. Не оставил следов и Шрайк.

В Обелиске не было ни комнат, ни перегородок

— лишь уходящая вверх шахта с черными как смоль стенами и винтовой лестницей, настолько крутой, что далеко не каждый отважился бы на подъем. Здесь даже шепот отдавался бесконечным эхом, и паломники старались обходиться без слов. В пятидесяти метрах над полом лестница обрывалась; обшарив гладкие, без единого отверстия стены, лучи фонарей уперлись в черный свод над головами. Прикрепленные к стенам веревки и цепи — память о двух столетиях паломничества к Гробницам — позволили спуститься с этой весьма опасной высоты без особого риска. У выхода паломники помедлили. Силен позвал напоследок: «Кассад!» — и эхо вырвалось вслед за ними наружу, в освещенный солнцем мир.

На осмотр мертвой зоны вокруг Хрустального Монолита ушло не меньше получаса. Посреди песка блестели стеклянные проплешины, достигавшие пяти — десяти метров в диаметре. Эти зеркала концентрировали жар полуденного солнца, обжигая лицо и руки. Взглянув на истерзанный фасад Монолита, весь в дырах, выбоинах и потеках расплавленного хрусталя, можно было подумать, что Гробница стала жертвой вандалов, но все понимали: Кассад защищал свою жизнь. Приборы показывали, что Монолит по-прежне-

му пуст и изолирован от окружающего мира. Сотовидный лабиринт внутри него оставался недоступным. Постояв несколько минут, паломники направились по крутой тропе к подножию северных скал, где находились Пещерные Гробницы.

— Первые археологи считали эти Гробницы самыми древними из-за грубой обработки стен, — тихо заметил Сол, когда они вошли в первую пещеру. Лучи фонариков заскользили по камню, испещренному тысячами не поддающихся расшифровке надписей. Все пещеры имели в глубину не более тридцати — сорока метров, все, как одна, заканчивались тупиками, за которыми не удавалось обнаружить ничего, кроме камня.

Выбравшись из третьей Пещерной Гробницы, паломники расселись на чудом найденном островке тени и поделили поровну воду и белковое печенье из рациона Кассада. Разыгравшийся ветер вздыхал и свистел у них над головами, как Эолова арфа.

— Не найти нам полковника, — сказал Мартин Силен. — Этот гад Шрайк утащил его с собой.

Сол тем временем кормил Рахиль. Как ни старался он прикрывать ее от солнца, ее макушка порозовела.

— Он может быть в одной из Гробниц, которые мы уже осмотрели, — проговорил он, не отрывая глаз от бутылочки. — По теории Арундеса там есть отсеки, существующие в другом времени. Он считает Гробницы многослойными четырехмерными объектами со сложной пространственно-временной структурой.

— Великолепно, — саркастически заметила Ламия. — Значит, даже если Федман Кассад там, нам до него не достучаться.

— Ну что ж. — Консул с видимым усилием поднялся на ноги. — Давайте тогда хотя бы прогуляемся для порядка. Осталась всего одна Гробница.

Дворец Шрайка стоял километром дальше, в самой низкой части долины, прячась за изгибом скалистой стены. Дворец был невелик, меньше Нефритовой Гробницы, но из-за причудливой архитектуры — тщательно продуманному хаосу изогнутых выступов и шпилей, крученых контрфорсов и пилонов — выглядел куда массивнее.

Внутри он представлял собой одну гулкую залу с неровным полом, состоящим из тысяч переплетенных между собой сегментов. Ламия мысленно сравнила их с ребрами и позвонками какого-то ископаемого чудища. В пятнадцати

метрах над головой свод пересекали десятки хромовых «клинков», которые, проходя сквозь стены и сквозь друг друга, выныривали на крыше сооружения остроконечным гребнем. Сам свод был полупрозрачным, и казалось, что Дворец до краев налит опалесцирующей жидкостью.

Ламия, Силен, Консул, Вайнтрауб и Дюре начали хором звать Кассада. Их голоса, отражаясь от утыканного клинками свода, снова и снова возвращались к ним искаженным эхом.

— Никаких следов Кассада или Хета Мастина, — сказал Консул, когда они вышли наружу. — Возможно, так и задумано… Мы будем пропадать поодиночке, пока не останется один из нас.

— И тогда, как гласит легенда, желание этого последнего — или последней — исполнится? — спросила Ламия. Она сидела на каменном фундаменте Дворца, болтая в воздухе крепкими ногами.

Поль Дюре поднял глаза к небу.

— Не могу поверить, что отец Хойт действительно пожелал купить мне жизнь ценой собственной.

Мартин Силен, прищурившись, посмотрел на священника.

— Каким же будет ваше желание, падре?

Дюре не замедлил с ответом:

— Я хотел бы пожелать… помолиться… чтобы Господь раз и навсегда избавил человечество от двух проклятий — войны и Шрайка.

Воцарилось молчание, нарушаемое лишь вздохами и стонами послеполуденного ветра.

— Ну а пока, — сказала Ламия, — мы должны раздобыть какую-нибудь пищу. Или научиться питаться воздухом!

Дюре кивнул.

— Почему вы захватили с собой так мало?

Мартин Силен рассмеялся и напыщенно продекламировал:

Не брал он в рот ни хереса, ни джина,
Не смешивал ни разу в чаше грог;
Вкусней приправ была ему мякина;
И, презирая всей душой порок,
С гуляками якшаться он не мог,
От дев хмельных бежал он легче лани
К воды потокам: мирный ручеек
Поил его – и, воздевая длани,
Левкои поедал он в предрассветной ра-

ни.[47]

Дюре недоуменно улыбнулся.

— Мы надеялись победить или погибнуть в первую же ночь, — пояснил Консул. — И не рассчитывали застрять здесь надолго.

Ламия Брон встала и отряхнула брюки.

— Я пошла, — объявила она. — Попытаюсь принести провианта дней на пять, если, конечно, там есть армейские рационы.

— Я с вами, — внезапно сказал Мартин Силен.

Воцарилось молчание. За ту неделю, что паломники провели вместе, поэт и Ламия раз пять чуть не подрались, а однажды она пригрозила его убить. Ламия пристально посмотрела на Силена.

— Ладно, — согласилась она. — Только сначала зайдем в Сфинкс — за рюкзаками и бутылками для воды.

Тени западной стены уже начали удлиняться, когда паломники двинулись в обратный путь, к воротам долины.

---

[47] Примечания: 47

Д. Китс. Из стихотворения «Сей юноша, задумчивый на вид…», написанного 16 апреля 1819 г. (Пер. С. Сухарева).

Глава семнадцатая

Двенадцатью часами раньше винтовая лестница привела полковника Федмана Кассада на верхний из уцелевших этажей Хрустального Монолита. Со всех сторон бушевало пламя. В дырах, пробитых гранатами и лазером Кассада, чернела тьма. Буря вдувала в них пыль, черно-алую, как засохшая кровь, которая забивалась в каждую щель. Кассад снова надел шлем.

В десяти шагах от него застыла в ожидании Монета.

В силовом скафандре, надетом на голое тело, она казалась облитой ртутью. Языки пламени отражались на груди и бедрах, плясали зайчиками во впадинках на горле и у пупка. Шея у нее была длинная, как у птицы, серебряное лицо сияло безупречной красотой, а в глазах трепетал, раздвоившись, высокий призрак — Федман Кассад.

Он вскинул свою десантную винтовку и щелкнул селектором, переключив ее в муль-тиогневой режим. Тело полковника, защищенное силовым панцирем, напряглось в ожидании атаки.

Монета повела рукой, и часть ртутного скафандра исчезла, открыв голову и шею. Кассад

знал наизусть каждую черточку ее лица, каждую впадинку. Ее каштановые, коротко стриженные волосы были зачесаны налево. Глаза все те же — изумрудные, бездонные. Маленький рот с чуть оттопыренной нижней губой, который никак не решался раздвинуться в улыбке. Вопросительно изогнутые брови, маленькие уши, которые он так часто целовал, шепча ласковые слова, нежную шею, к которой приникал щекой, чтобы услышать биение ее сердца.

Кассад прицелился.

— Кто ты? — спросила она таким знакомым ласковым и страстным голосом, все с тем же чуть заметным акцентом.

Кассад замер, держа палец на спусковом крючке. Десятки раз они любили друг друга, снова и снова встречаясь в его снах и в модельных сражениях — волшебной стране их любви. Но если она действительно движется навстречу времени…

— Я знаю, — спокойно произнесла она, словно и не замечая, что его палец уже нажимает на спусковой крючок. — Ты тот, кого обещал мне Повелитель Боли.

У Кассада перехватило дыхание. Сделав над собой усилие, он заговорил хриплым, срывающимся голосом:

— Ты меня не помнишь?

— Нет. — Склонив голову набок, она лукаво посмотрела на него. — Но Повелитель Боли обещал мне воина. Нам было суждено встретиться.

— Мы уже встречались. Очень давно, — с трудом произнес Кассад. Винтовка автоматически наводилась на лицо. Она будет менять длину волны и частоту лазерных импульсов каждую микросекунду, пока не пробьет защиту скафандра. Плюс к этому весь ее ассортимент: пули, электронные пучки, гранаты, теплочувствительные дротики…

— Я не могу помнить твоего «очень давно», — сказала она. — Мы движемся в общем потоке времени, но в противоположные стороны. Как меня зовут в моем будущем и твоем прошлом?

— Монета, — выдохнул Кассад, приказывая закаменевшей руке нажать на спуск.

Она с улыбкой кивнула.

— Монета. Дитя Памяти. Какая жестокая ирония!

Кассад вспомнил ее предательство в песках над мертвым Градом Поэтов. Либо она сама превратилась тогда в Шрайка в его объятиях, либо позволила тому занять свое место. Акт любви вмиг обернулся мерзкой и страшной насмешкой.

Полковник Кассад нажал на спусковой крючок.

Монета прищурилась.

— Здесь это не действует. Эта вещь не работает внутри Хрустального Монолита. Почему ты хочешь убить меня?

Кассад взревел, отшвырнул бесполезное оружие в сторону, направил энергию в боевые перчатки и бросился вперед.

Монета не шелохнулась. Она стояла и смотрела, как он преодолевает эти десять шагов, — набычившись, не обращая внимания на стоны силового панциря, перестраивающего на ходу структуру своего поверхностного слоя, — а потом протянула руки ему навстречу.

Кассад с разбега врезался в Монету, сбил ее с ног, и оба покатились по полу. Кассад тянул руки в наливающихся силой перчатках к ее горлу, но Монета железной хваткой вцепилась в его запястья. Кассад попытался взять в союзницы силу тяжести и у самого края площадки ему удалось подмять Монету под себя — выпрямив руки в отвердевших перчатках, он сжал пальцы на ее шее. При этом его левая нога свесилась с края площадки — в шестидесятиметровую пропасть.

— Почему ты хочешь убить меня? — прошеп-

тала Монета и легко перевернула Кассада набок, сбросив этим движением их обоих с площадки.

Вскрикнув, Кассад мотнул головой, чтобы опустить забрало. Они неслись сквозь тьму, сплетясь телами в свирепом захвате. Руки Кассада, сжатые ее железными пальцами, начали неметь. Казалось, время замедлило свой бег. Они все падали, падали, и воздух мягко щекотал лицо Кассада, как медленно натягиваемое одеяло. Метров за десять до пола время вновь побежало с прежней скоростью. Кассад мысленно произнес кодовую фразу для превращения панциря в жесткий кокон, и тут же последовал сокрушительный удар.

С усилием вынырнув из кровавого омута, Федман Кассад понял, что с момента удара прошла всего секунда или две. Шатаясь, он поднялся на ноги. Рядом медленно поднималась Монета… Стоя на одном колене, она замерла, уставившись на расколотые их телами изразцы.

Кассад включил ножные сервомеханизмы и изо всех сил ударил ее в голову.

С легкостью увернувшись, Монета схватила Кассада за ногу и швырнула в трехметровую хрустальную панель, которая со звоном раскололась. Кассад вывалился наружу — на песок, в ночь. Монета дотронулась до своей шеи — по лицу ее

заструилась ртуть — и вышла следом.

Кассад поднял разбитое забрало, снял шлем. Ветер взъерошил его короткие черные волосы, царапая щеки песком. Он рывком подтянул ноги, встал. Индикаторы на воротнике мигали красным, предупреждая, что последние резервы энергии на исходе. Но это не важно — на следующие несколько секунд энергии хватит, вот и все, что ему нужно.

— Что бы ни произошло между нами в моем будущем — твоем прошлом, — проговорила Монета, — не думай, что это я изменила обличье. — Я не Повелитель Боли. Он…

Кассад одним прыжком преодолел разделявшие их три метра и, оказавшись позади Монеты, изо всех сил рубанул правой рукой сверху вниз. Боевая перчатка, армированная углепластовыми пьезоэлектрическими волокнами, мгновенно превратившими ее в смертоносный клинок, рассекла воздух со сверхзвуковой скоростью и опустилась на основание шеи Монеты. Но та даже не попыталась увернуться или отбить удар, которым можно было бы перерубить дерево или рассечь полметра камня. На Брешии, в рукопашной на улице Бакминстера, Кассад в два счета обезглавил таким ударом полковника

Бродяг: перчатка рассекла силовой панцирь, шлем, личное защитное поле, мясо и кости — и голова убитого еще секунд двадцать глазела на собственное тело, прежде чем смерть взяла свое.

Кассад правильно рассчитал удар, но над самой поверхностью ртутного скафандра его перчатка застыла. Монета не шевельнулась, даже не моргнула. Кассад почувствовал, как садятся батареи, и в ту же секунду рука его онемела, мышцы свело мучительной судорогой. Он попятился — рука повисла вдоль тела, как неживая, последние капли энергии вытекали из панциря, как венозная кровь из жил.

— Ты не слушаешь меня, — сказала Монета. Шагнув вперед, она схватила Кассада за нагрудник и швырнула в сторону Нефритовой Гробницы.

Он пролетел метров двадцать и со всего маху врезался в песок: разряженный панцирь лишь частично скомпенсировал удар. Левой рукой он пытался прикрыть лицо и шею, но доспехи затвердели, и бесполезная рука оказалась вывернутой каким-то немыслимым образом.

Монета одним прыжком преодолела эти двадцать метров, подняла Кассада в воздух одной рукой, а другой играючи разодрала его доспехи — эту армированную углепластом двухсотслой-

ную полимерную суперткань — сверху донизу. Потом несильно, как бы шутя шлепнула его по щеке. Голова Кассада откинулась назад, и он чуть не потерял сознание. Ветер и песок принялись терзать его голую грудь и живот.

Монета сорвала с полковника остатки доспехов, выдернув заодно шунты обратной связи и биосенсоры. Затем подняла его в воздух и встряхнула. Кассад почувствовал во рту вкус крови, перед глазами поплыли красные круги.

— Нам вовсе ни к чему враждовать, — проговорила она.

— Ты… стреляла… в меня.

— Не для того, чтобы убить. А чтобы проверить твою реакцию. — Губы Монеты шевелились легко, словно не были покрыты ртутной мембраной.

Новый шлепок — и Кассад, пролетев метра два, покатился по холодному песку. Воздух искрился от миллиардов частиц — снежинок, пылинок, каких-то разноцветных колючих огоньков. Кассад перевернулся на живот и попытался встать на колени, цепляясь за текучий песок руками — нет, онемевшими клешнями.

— Кассад, — прошептала Монета.

Он перевернулся на спину и стал ждать.

Она разрядила свой скафандр. Ее тело, теплое, уязвимое, манило к себе, кожа была такой бледной, что казалась прозрачной. На ее высокой груди мерцали голубые жилки. Стройные, мускулистые ноги могли свести с ума кого угодно. А глаза были изумрудно-зеленые, без дна.

— Ты любишь войну, Кассад, — прошептала Монета, опускаясь на него.

Он попытался отползти в сторону, вскинул руки для удара, но Монета одним легким движением завела ему обе руки за голову и прижала к песку. Ее тело лучилось от жара, груди терлись о его кожу все сильнее, и вот она уже оказалась между его раздвинутых ног, прижалась к нему всем телом.

Тут он понял, что это изнасилование, и лучший отпор — бездействие, отказ утолить ее жажду. Но ничего не получилось — воздух вокруг, казалось, стал жидким, вихри странно отдалились, а песок завис над ними кружевным покрывалом.

Лежа на нем, Монета двигалась взад-вперед, и Кассад чувствовал, как медленно нарастает в нем радостное возбуждение. Он боролся с радостью, боролся с Монетой, дергался, пытаясь высвободить руки. Но ничего не получалось. Одним движением колена она отбросила его ногу в

сторону. Ее соски терлись о его грудь, как теплые камешки, тепло ее живота разбудило его плоть, как солнечные лучи цветок.

— Нет! — вскрикнул Федман Кассад, но Монета заставила его замолчать, приникнув к его губам. Левой ладонью она по-прежнему прижимала его руки к земле, а правую втиснула между телами, нашла его плоть и направила в себя.

Борясь с обволакивающим его теплом, Кассад укусил ее в губу и попытался вывернуться, но тщетно: с каждым движением он все теснее прижимался к ней, все глубже проникал в нее. Он попытался расслабиться, и она тут же вдавила его тело в песок. Ему припомнились другие их свидания, когда они вот так же грели друг друга, исцеляя тело и душу, а снаружи магического круга их нежности бушевала война.

Кассад закрыл глаза и запрокинул голову, чтобы оттянуть сладкую муку, накатывающую волной. Ощущая на губах вкус крови, он уже не знал, чья это кровь — его, ее?

Прошла минута, а они все двигались и двигались в общем ритме. Кассад сообразил, что она отпустила его руки. Не задумываясь, он обнял ее и грубо прижал к себе, затем рука его скользнула выше, обхватив затылок женщины.

Ветер возобновился, звуки возвратились, песок летел с гребней дюн, как пена с морской волны. Кассад и Монета соскользнули по плавно изгибающейся песчаной насыпи, скатились вместе на теплой волне к месту ее излома, позабыв о ночи, о буре, бессмысленной космической битве — обо всем, кроме своей любви.

Позже, когда они вместе пробирались через изуродованный, но все еще прекрасный Хрустальный Монолит, она коснулась его золотым стержнем и еще раз синим тороидом. В осколке хрустальной панели он увидел, как его отражение превращается в ртутную копию человека, абсолютно точную вплоть до деталей половых органов и линий ребер, выдававшихся на худом торсе.

«Что теперь?» — спросил каким-то особым образом, нетелепатически и не вслух, Кассад.

«Повелитель Боли ждет».

«Ты служишь ему?»

«Ни в коей мере. Я его супруга и Немезида. Его хранительница».

«Ты пришла с ним из будущего?»

«Нет. Я была взята из моей эпохи, чтобы стать его спутницей в путешествии назад во времени».

«Тогда кем же ты была?..»

Вопрос Кассада был оборван внезапным появлением… Нет, не появлением, подумал он, внезапным присутствием, вот как, внезапным присутствием Шрайка.

Внешне существо совершенно не изменилось с их первой встречи много лет назад. В глаза Кассаду бросился ртутно-хромовый блеск его тела, весьма напоминающего их собственные скафандры, но интуитивно он понимал, что этот панцирь прикрывает вовсе не мясо и кости. Чудовище было по меньшей мере трехметрового роста, четыре руки отнюдь не уродовали изящный торс, а туловище было слеплено из множества колючек, шипов, угловатых сочленений и клубков колючей проволоки. В тысячегранных глазах горел огонь — самые настоящие рубиновые лазеры. Картину довершали длинная челюсть и зубы в несколько рядов — реквизит типичного монстра.

Кассад стоял наготове. Если скафандр может наделить его той же силой и маневренностью, какую дает Монете, он дорого продаст свою жизнь.

Но боя не получилось. Только что Повелитель Боли стоил в пяти метрах от него — и тут же оказался рядом, стиснув плечо полковника стальными пальцами-ножами. Они пропороли поле

скафандра и из бицепсов потекла кровь.

Кассад напрягся в ожидании удара и приготовился ударить в ответ, понимая, что просто нанижет себя на лезвия, шипы и колючки.

Шрайк между тем поднял руку, и перед ним возник четырехметровый прямоугольник полевого нуль-портала. От обычного он отличался фиолетовым свечением, странно озарившим внутренности Монолита.

Монета, кивнув полковнику, шагнула в портал. Шрайк двинулся за ней, слегка оцарапав плечо Кассада пальцелезвиями.

Кассад хотел было пойти на попятный, но понял, что любопытство пересиливает страх смерти, и шагнул в портал вслед за Шрайком.

Глава восемнадцатая

Секретарю Сената Мейне Гладстон не спалось. Она поднялась с постели и прибегла к обычному средству от бессонницы — отправилась бродить по планетам Гегемонии. Ей не хотелось тревожить телохранителей, дежуривших в приемной ее апартаментов в недрах Дома Правительства, и она взяла с собой лишь дистанционного микростража. Если бы не законы Гегемонии и правила

Техно-Центра, Мейна Гладстон охотно ушла бы без всякого сопровождения. Но закон есть закон.

На ТКЦ давно перевалило за полночь, но во многих мирах царил ясный день, и поэтому Гладстон набросила на себя длинную накидку с маскарадным капюшоном. Брюки и башмаки не выдавали ни ее пола, ни положения, хотя кое-где качество ткани ее накидки вызвало бы немало любопытных взглядов.

Взмах руки, и в воздухе возник трепещущий прямоугольник личного нуль-портала секретаря Сената. Мейна Гладстон шагнула в него, скорее почувствовав через имплант, чем увидев или услышав, что микрострах прожужжал вслед за ней и растаял в небе. Она стояла на площади Святого Петра в городе Новый Ватикан на Пасеме. На миг она растерянно замерла, недоумевая, почему заказала через имплант именно это место: может, из-за того ископаемого монсеньора на обеде, в «Макушке»? Но тут же вспомнила, что, лежа без сна, думала о паломниках — о семерых, отправившихся три года назад навстречу своей судьбе на Гиперион. На Пасеме родился отец Ленар Хойт. А еще раньше — другой священник, Поль Дюре.

Пожав плечами, Гладстон пересекла площадь. Посещение родных миров паломников — прогул-

ка не хуже любой другой. Обычно в бессонницу она успевала побывать на пятнадцати — двадцати планетах, возвращаясь на Центр Тау Кита перед самым рассветом. А сегодня ее ждут всего-навсего семь миров.

Было раннее утро. По палевому небосводу Пасема струились зеленоватые облака. У Гладстон защекотало в носу и заслезились глаза от запаха аммиака — резкого, аптечного запаха мира, не слишком приспособленного для человека, — но не враждебного, скорее равнодушно-холодного. Гладстон остановилась, чтобы оглядеться.

Площадь Святого Петра, окаймленная полукругом колонн с огромной базиликой в середине, находилась на вершине холма. Справа от Гладстон, на юге, где колонны расступались и вниз сбегала длинная лестница, виднелся сам городок: невысокие простые дома, сгрудившиеся среди чахлых деревьев с белыми стволами, похожими на кости ископаемых тварей.

Лишь несколько фигурок оживляли эту картину. Одни торопливо пересекали площадь, другие поднимались по лестнице — видимо, спешили к мессе. Откуда-то из-под необъятного соборного купола доносился звон колоколов, но разреженный воздух отнимал у этого звука всякую

торжественность.

Гладстон шла вдоль колоннады с опущенной головой, игнорируя любопытные взгляды утренних прохожих — людей в сутанах и мусорщиков, разъезжавших на животных, напоминающих пятисоткилограммовых дикобразов. Таких захолустных мирков только в Сети насчитывались десятки, а в Протекторате и на Окраине — неизмеримо больше. Они были слишком бедны, чтобы привлекать праздных туристов, но и слишком похожи на Землю, чтобы остаться невостребованными в мрачные дни Хиджры. Именно такой мир требовался кучке католиков, переселившейся сюда в надежде на возрождение веры. Гладстон знала, что тогда их были миллионы. Теперь, должно быть, несколько десятков тысяч. Прикрыв глаза, она вызвала голографическое досье Поля Дюре.

Гладстон любила Сеть. Любила ее обитателей, ибо при всей их мелочности, эгоистичности и неспособности перемениться к лучшему они составляли род человеческий. Да, Гладстон любила Сеть. Любила так сильно, что готова была способствовать ее гибели.

Она вернулась к небольшому трехканальному терминексу, отдав инфосфере команду на

замещение, вызвала свой собственный портал и вышла в солнечный день, пахнущий морем.

Мауи-Обетованная. Гладстон точно знала, где находится. Она стояла на вершине горы, нависшей над Порто-Ново, у гробницы Сири, все еще отмечающей место, где лет шестьдесят назад началось восстание. В то время Порто-Ново был поселком с несколькими тысячами жителей, и каждый год с приходом Фестиваля флейтисты приветствовали стада плавучих островков, плывущие под присмотром дельфинов на пастбища в Экваториальном Архипелаге. Теперь Порто-Ново расползся по острову от горизонта до горизонта; повсюду выросли пятисотметровые махины городов — экобашен и жилых ульев, свысока глядевших на гору, с которой когда-то можно было охватить взглядом чуть ли не всю планету океанов Мауи-Обетованная.

Но гробница уцелела. В ней больше не покоилось тело бабушки Консула, впрочем, его вообще там никогда не было, но, подобно прочим памятным местам планеты, этот пустой склеп все еще рождал в душе почтение, даже благоговение.

Гладстон смотрела мимо домов-башен, мимо старого волнолома и давно побуревших лагун, когда-то голубых, мимо буровых платформ и ту-

ристических барж — туда, где начиналось море.

Плавучих островков теперь нет. Они уже не кочуют огромными стадами из океана в океан, подставив южным ветрам деревья-мачты. И не видно более на воде белоснежных следов их пастухов — дельфинов.

Острова приручены и заселены гражданами Сети, а дельфины вымерли — некоторые погибли во время ожесточенных сражений с ВКС, большинство же покончило с собой в необъяснимом массовом самоубийстве в Южном море: последняя тайна древней и таинственной дельфиньей расы.

Гладстон присела на низкую скамейку у обрыва, сорвала травинку и принялась ее покусывать. Что случается с планетой, когда из приюта ста тысяч человек, поддерживающих хрупкое равновесие ее хрупкой экологии, она превращается в увеселительный парк для четырехсот с лишним миллионов? Именно столько людей побывало на Мауи-Обетованной за первые десять стандартолет после вступления планеты в Гегемонию.

Ответ ясен: планета гибнет, гибнет ее душа, хотя экосфера продолжает функционировать. Планетоэкологи и специалисты по терраформированию спасли от смерти оболочку, уберегли

моря от тотального загрязнения неизбежным мусором, сточными водами и нефтью, постарались свести к минимуму шумовое загрязнение и тысячи других побочных явлений прогресса. Но Мауи-Обетованная, какой она была в день, когда Консул взобрался на эту самую гору с похоронной процессией своей бабушки, исчезла навсегда.

Над головой у нее пролетела эскадрилья ковров-самолетов, сидящие на них туристы смеялись и что-то выкрикивали. Высоко над ними массивный экскурсионный ТМП затмил на мгновение солнце. Во внезапном сумраке Гладстон выплюнула травинку и села поудобнее, опершись локтями о колени. Она задумалась о предательстве Консула. Оно стало краеугольным камнем всех ее расчетов. Она пошла ва-банк, возложив все свои надежды на то, что человек, выросший на Мауи-Обетованной, потомок Сири, в неизбежной битве за Гиперион примет сторону Бродяг. Заговор не был ее одиночным предприятием: все эти долгие годы Ли Хент служил инструментом секретаря Сената — скальпелем, пинцетом. Именно он производил ювелирные микрохирургические операции, дабы поместить нужного индивидуума в нужную точку, предоставить ему возможность контакта с Бродягами, назначить

на пост, позволяющий предать обе стороны, и в итоге включить его руками устройство, которое должно было вызвать коллапс антиэнтропийных полей на Гиперионе.

Так и вышло. Консул, пожертвовавший ради блага Гегемонии четырьмя десятилетиями жизни, а также женой и ребенком, взорвался наконец местью, как бомба, полвека пролежавшая в бездействии.

Теперь Гладстон и сама была этому не рада. Консул продал свою душу, и его ждет ужасная расплата: с историей, с совестью, но его измена — пустяк по сравнению с ее собственным коварством. Что ж, она готова принять кару. В силу своей должности она, секретарь Сената Гегемонии, являлась символическим пастырем ста пятидесяти миллиардов людских душ. И готова была предать их всех ради спасения рода человеческого.

Она встала, захрустев старыми суставами, и медленно пошла к терминексу. Постояла у негромко жужжащего портала, последний раз поглядела через плечо на Мауи-Обетованную. Дувший с моря ветер нес с собой отвратительный запах нефти и выхлопных газов, и Гладстон отвернулась.

Гравитация Лузуса сдавила ее плечи под накидкой железными тисками. На Конкурсе был час пик, и тысячи зевак, покупателей, туристов толпились на многоярусных галереях, пестрыми вереницами заполняли километровые эскалаторы. Воздух, прошедший через миллионы легких, пропахший бензином, озоном и нагретой пластмассой, душил, как пропотевшее насквозь одеяло. Гладстон миновала ярусы дорогих магазинов и, проехав десять километров на трансдиске, вышла у главного Святилища Шрайка.

Путь ей преградили силовые поля полицейских заграждений — фиолетовые и зеленые облака, мерцающие перед широкой лестницей. Само Святилище было погружено в темноту; во многих узких окнах с витражами, выходящих на Конкурс, отсутствовали стекла. Несколько месяцев назад толпа разгромила здание, но епископу и его присным удалось бежать.

Гладстон прошлась вдоль линии заграждений, глядя сквозь фиолетовую дымку на лестницу, по которой Ламия Брон несла своего умирающего клиента и любовника, первого кибрида Китса, к священникам Шрайка. Гладстон хорошо знала отца Ламии. Они одновременно стали членами Сената и работали там рука об руку

несколько лет. Сенатор Байрон Брон был блестящим политиком и настоящим мужчиной. Когда-то, давным-давно, когда мать Ламии Брон еще прозябала в своем захолустном Фрихольме, Гладстон сама подумывала выйти за него замуж; со смертью сенатора легла в могилу часть ее собственной жизни, ее молодости. Байрон Брон был яростным противником Техно-Центра и мечтал освободить человечество из кабалы ИскИнов, длящейся уже пять столетий и протянувшейся на тысячу световых лет. Именно отец Ламии Брон открыл Гладстон глаза и внушил ей идею, которая, в свою очередь, обернулась изощреннейшим предательством во всей истории человечества.

И именно «самоубийство» сенатора Байрона Брона научило ее осторожности. Гладстон не знала, кто его спровоцировал; агенты Техно-Центра или же лица из высших кругов Гегемонии, защищавшие свои финансовые интересы. Но она твердо знала, что Байрон Брон никогда сам не лишил бы себя жизни, никогда не покинул бы свою беспомощную жену и своевольную дочку. Выступая последний раз в Сенате, Байрон Брон предложил предоставить Гипериону статус протектората, и, будь это предложение принято, оно ввело бы планету в состав Сети за двадцать

стандартолет до нынешних событий. После его смерти уцелевший соавтор документа — восходящая политическая звезда Мейна Гладстон отозвала законопроект.

Она нашла транспортный колодец и камнем полетела вниз — мимо торговых и жилых ярусов, мимо производственных и служебных уровней, мимо отстойников и атомных реакторов. Комлог на ее руке и громкоговоритель колодца наперебой твердили, что она вступила в запретные и небезопасные районы Дна. Программа колодца попыталась остановить ее. Мейна Гладстон отключила защиту, приказала комлогу замолчать и продолжила полет мимо ярусов без тротуаров и фонарей, сквозь дебри похожих на макароны волоконных световодов, отопительных и охладительных труб, мимо голых каменных стен. Наконец она коснулась пола и вышла в коридор, освещенный редкими люм-шарами и полосками катафотов. Из тысяч трещин в потолке и стенах капала вода, собираясь в ядовитые лужи. Из отверстий в стенах, которые могли быть другими коридорами, или жилыми каморками, или просто дырами, валил пар. Где-то неподалеку раздавался ультразвуковой визг металла о металл; совсем рядом — электронные скрипы антирока.

Вот вскрикнул мужчина, захохотала женщина, и ее смех покатился железным шариком по шахтам и трубопроводам, перебиваемый надсадным кашлем — голосом пневмо-винтовки.

Улей Дрегс. Гладстон вышла на перекресток пещер-коридоров и остановилась, чтобы сориентироваться. Ее микрострaж все ниже кружился над ней, как настойчивый и обиженный шмель, зовя на помощь охрану. Только беспрестанные «отставить» Гладстон мешали ему довести вызов до конца.

Улей Дрегс. Здесь Ламия Брон и ее любовник-кибрид провели несколько часов перед своей отчаянной попыткой добраться до Святилища Шрайка. Одна из бессчетных трущоб Сети. Здесь на черном рынке можно раздобыть все что угодно — от флэшбэка и сверхсекретного оружия ВКС до рабов-андроидов, давно запрещенных законом. Здесь процветали нелегальные поульсенизационные кабинеты, где с одинаковой вероятностью можно было заполучить еще двадцать лет юности — или сыграть в ящик. Гладстон свернула направо, в самый темный коридор.

Что-то вроде крысы, но со множеством лап, шмыгнуло в люк сломанного вентилятора. Секретарь Сената задыхалась от смрада, в котором

смешивались испарения сточных вод, запах пота, озонные выхлопы перегруженных инфопанелей, сладковатый дух блевотины и газовых пистолетов, и еще вонь дешевых феромонов, давно превратившихся в токсины. Она шла по коридору, думая о предстоящих неделях и месяцах, об ужасной цене, которой миры оплатят ее решение и ее чаяния.

Пятеро юношей, перекроенных подпольными паректорами по звериному образу и подобию, внезапно возникли на ее пути. Гладстон остановилась.

Микростраж тут же спикировал перед секретарем Сената, отключив свой камуфляжный кокон. При виде беспорядочно порхающего в воздухе приборчика размером с осу звероподобные существа расхохотались. Вполне возможно, что их перекроили слишком сильно и они его не узнали. Двое выхватили виброклинки. Один выпустил десятисантиметровые стальные когти. Еще один щелкнул курком пневмопистолета с вращающимися стволами.

Мейна Гладстон стояла перед ними неподвижно. Она знала то, чего не знали подонки Дрегса, — страж мог защитить ее и от этой пятерки, и от сотни им подобных. Но ей не хотелось,

чтобы кто-нибудь погиб просто потому, что повелительнице Сети вздумалось прогуляться.

— Уходите, — сказала она.

На нее уставились пять пар глаз — желтые кошачьи, черные рыбьи узкие щели под веками-капюшонами и фоточувствительные полоски на животах. Рассыпавшись полукругом, они приблизились на два шага. Мейна Гладстон выпрямилась во весь рост и, придерживая полы накидки, откинула капюшон, чтобы эти полулюди увидели *ее* глаза.

— Уходите, — властно повторила она.

Перья и чешуйки закачались как от ветра. У двоих затряслись антенны и встали дыбом тысячи волосковых микродатчиков.

Так же бесшумно и быстро, как появились, существа исчезли. Через секунду воцарилась тишина — только капала вода да отдавался эхом от смрадных стен хохот невидимой женщины.

Гладстон, покачав головой, вызвала личный портал.

Сол Вайнтрауб и его дочь почти всю жизнь прожили в Мире Барнарда. Гладстон оказалась на маленьком терминексе их родного Кроуфорда. Был вечер. Ее взору предстали невысокие белые домики и ухоженные газоны, в облике которых

сентиментальная чистоплотность канадского Ренессанса сочеталась с крестьянской практичностью. Высокие тенистые деревья сохраняли поразительное сходство со своими земными предками. Вырвавшись из потока пешеходов, спешивших домой с работы в других мирах Сети, Гладстон оказалась на выложенной кирпичом дорожке, идущей мимо кирпичных домов вокруг овальной лужайки. За домами виднелись фермерские поля. Ряды каких-то посадок — должно быть, кукуруза — убегали к далекому горизонту, из-за которого выглядывал краешек огромного красного солнца.

Гладстон прошла через студенческий городок, гадая, тот ли это колледж, где преподавал Сол. Под сенью листвы сами собой включались газовые фонари, и в просветах, где небо из голубого стало янтарным и тут же на глазах, темно-синим, замерцали первые звезды.

Гладстон читала книгу Вайнтрауба «Проблема Авраама», где он анализировал взаимоотношения между Богом, приказавшим человеку принести в жертву сына, и человечеством, согласившимся исполнить этот приказ. Вайнтрауб утверждал, что Иегова Ветхого Завета не просто испытывал Авраама, но обратился к людям на

языке верности, покорности, жертвенности и власти — единственном, понятном роду человеческому на той ступени развития. А послание Нового Завета Вайнтрауб рассматривал как переход этих взаимоотношений на новую ступень, где человечество не станет приносить в жертву своих детей, но родители — целые поколения — предложат в жертву себя, чтобы спасти своих сыновей и дочерей. Тому пример — Холокосты двадцатого века, Краткий Обмен, трехсторонние войны, столетия безрассудства и, возможно, даже Большая Ошибка 38-го.

В заключение Вайнтрауб обосновывал необходимость отказа от всех жертвоприношений. Отношения с Богом должны стать отношениями взаимного уважения и честных попыток к взаимопониманию. Ученый писал о многократных смертях Бога и необходимости воскресить Его теперь, когда человечество создало собственных богов и отдало им на откуп всю Вселенную.

Гладстон поднялась на мостик, изящно изогнувшийся над невидимым ручьем, тихо журчавшим в темноте. Тусклый желтый свет падал на каменные перила ручной кладки. Где-то за пределами студенческого городка залаяла собака. На нее прикрикнули. Светились окна на третьем этаже

старого кирпичного здания с остроконечной черепичной крышей, построенного, должно быть, еще до Хиджры.

Гладстон думала о Соле Вайнтраубе, его жене и их двадцатишестилетней красавице дочери, возвратившейся из археологической экспедиции на Гиперион с проклятием Шрайка на челе — болезнью Мерлина. На глазах Сола и Сары их дочь вновь становилась девочкой, а потом превратилась в младенца. После нелепой гибели Сары в столкновении электромобилей состарившийся Сол остался с бедой один на один.

Рахиль Вайнтрауб, чей первый и последний день рождения должен наступить менее чем через трое стандартных суток…

Гладстон ударила кулаком по камню, вызвала свой портал и покинула Мир Барнарда.

На Марсе был полдень. Трущобы Фарсиды жили своей трущобной, освященной шестивековой традицией жизнью. Небо над головой было розовое, воздух — слишком разреженным и холодным, несмотря на накидку. И всюду — пыль. Мейна Гладстон шла по узким улочкам и крутым лестницам Нового Лагеря и на всем своем пути видела вокруг только скопища лачуг и бесчисленные фильтровальные башни.

Здесь почти не было растений — бескрайние леса зеленого пояса были вырублены на топливо или засохли и теперь покоились под дюнами. Лишь кое-где между тропинками, утоптанными до твердости камня босыми ногами двадцати поколений, из песка торчали нелегально выращиваемые коньячные кактусы да сновали шарики пауколишайников.

Гладстон нашла низкий камень и теперь отдыхала, опустив голову на грудь и массируя колени. Стайка детей, совершенно обнаженных за исключением набедренных повязок да болтающихся на шее разъемов нейрошунтов, окружила ее, клянча милостыню. Но старая женщина не изменила позы, и дети убежали, хихикая и показывая на нее пальцами.

Солнце стояло высоко. Гора Олимп и суровопрекрасная громада академии ВКС, где учился Федман Кассад, отсюда не были видны. Гладстон огляделась. Здешний воздух взрастил этого гордого мужчину. Здесь он шлялся с подростковыми бандами, пока не был приговорен к жизни военного и не научился любви к порядку, здравомыслию, верности и чести.

Гладстон нашла укромный уголок и шагнула в свой портал.

Роща Богов была все та же — напоенная ароматами бессчетных растений, безмолвная, если не считать ласкового шелеста листьев и шепота ветра, окрашенная в пастельные полутона. Рассвет зажег самый настоящий пожар на «крыше» этого мира: океан древесных крон, трепеща на ветру мириадами листьев, усыпанных каплями росы и омытых утренними ливнями, вспыхнул под первыми солнечными лучами, и на Гладстон, застывшую над погруженной в сон и темноту планетой, повеяло запахом влажной зелени и дождя.

Появился какой-то тамплиер, но, завидев на руке Гладстон пропуск-браслет, тут же растворился в дебрях листвы и лиан, словно высокий призрак в рясе.

Тамплиеры оставались одной из самых загадочных переменных в стратегическом уравнении Гладстон. Их жертвоприношение — звездолет-дерево «Иггдрасиль» — было уникально, беспрецедентно и необъяснимо. И вселяло тревогу. Из всех ее потенциальных союзников в грядущей войне не было силы более необходимой и непостижимой, чем тамплиеры. Братство Древа, посвятившее себя служению всему живому и исполнению заветов Мюира, имело ограни-

ченное, но заметное влияние в Сети — то был островок экологического благоразумия в обществе потребления, не желающем задумываться над пагубными последствиями своих прихотей.

Куда исчез Хет Мастин? И почему оставил спутникам куб Мебиуса?

Гладстон смотрела, как восходит солнце. По небу, словно огромные медузы, поплыли кучки разноцветных шаров; то были знаменитые монгольфьеры с Вихря, полностью уничтоженные на своей родине. Лучистая паутина, впитывая солнечную энергию, раскинула во все стороны свои тонюсенькие перепонки. Стая воронов вдруг снялась с ветвей и, круг за кругом, принялась подниматься над Рощей. Их резкое карканье на мгновение заглушило шепот ветра и тихую поступь дождя, доносящуюся откуда-то с запада. Настойчивая дробь напомнила Гладстон дом в дельте Патофы, стодневный Сезон Дождей, когда маленькая Мейна отправлялась с братьями в болота за летающими жабами, отшельниками и испанскими мшистыми змеями, чтобы принести их в банке в школу.

Она в стотысячный раз подумала, что еще не поздно. Что еще можно избежать тотальной войны, что контратаки Бродяг еще не достигли

оскорбительного для Гегемонии масштаба, а Шрайк еще не спущен с цепи. Пока.

Для того чтобы спасти сто миллиардов жизней, ей надо всего лишь вернуться в зал заседаний Сената, открыть правду о трех десятилетиях обмана и двойной игры, признаться перед всеми в своих страхах и тревогах… Нет, все пойдет по плану, пока не сомнет, не сломает его рамок, не вырвется в область непредсказуемого, в неизведанные воды хаоса, где даже всевидящие прогнозисты Техно-Центра будут слепы.

Гладстон шла по платформам, башням, пандусам и висячим мостам древограда тамплиеров. Древесные животные с множества планет и возрожденные пореторами обезьяны передразнивали ее, грациозно перепрыгивая с лианы на лиану в трехстах метрах над землей. Из укромных уголков, куда запрещалось заглядывать не только туристам, но даже высокопоставленным визитерам, тянуло запахом ладана и доносились звучные песнопения, напоминающие грегорианские хоралы, — тамплиеры приветствовали восход солнца.

Внизу просыпались ярус за ярусом, наполняя лес движением и шумом. Недолгий ливень прекратился, и Гладстон вернулась наверх.

Любуясь открывшимся оттуда видом, перешла по шестидесятиметровому подвесному мосту на соседнее, еще более могучее дерево. Шесть пузатых воздушных шаров с яйцевидными пассажирскими корзинами — единственный вид воздушного транспорта, разрешенный на Роще Богов, — нетерпеливо рвались с привязи в небо. Их кожаные оболочки были любовно расписаны изображениями живых существ — монгольфьеров, бабочек-данаид, лучистых паутин, царь-ястребов, вымерших уже цеппелинов, небесных кальмаров, лунных мотыльков, орлов, — столь почитаемых, что никто не осмеливался реконструировать или воскрешать их.

И все это может погибнуть, если я пойду дальше. Неизбежно погибнет.

Гладстон застыла на краю круглой площадки, вцепившись в перила с такой силой, что на ее побелевших руках проступили пятна старческой гречки. Она вспомнила книги, написанные еще до Хиджры, до эры покорения космоса. В них рассказывалось, как люди из младенческих государств континента Европа увозили других, темнокожих — жителей континента Африка, из родных мест, чтобы обречь на рабское существование на колониальном Западе. Эти темнокожие,

закованные в цепи, голые, задыхающиеся в смрадных трюмах невольничьих кораблей, упустили бы они шанс восстать, сбросить в море своих поработителей — даже ценой уничтожения корабля… или всей Европы?

Но им было куда вернуться. У них была Африка.

Из горла Гладстон вырвался сдавленный стон. Она повернулась спиной к торжественному рассвету, к песнопениям, приветствующим новый день, к воздушным шарам — живым и рукотворным, — взлетающим в бездонные небеса, и начала спускаться, ища место посумрачнее, чтобы вызвать свой портал.

На родину последнего паломника она отправиться не могла. Мартину Силену недавно исполнилось каких-то полтораста лет. Он весь посинел от поульсенизаций, клетки его мозга хранили на себе следы десятков длительных криогенных фуг и адского холода анабиозных ванн, жить ему предстояло четыре с лишним столетия. Отпрыск одного из знатнейших семейств, он родился на Старой Земле накануне ее окончательной гибели. Юность Силена протекала в атмосфере упадка, пронизанного духом красоты и сладковатым душком разложения. Его мать

осталась, чтобы погибнуть вместе с Землей, он же был отправлен в космос, дабы в свое время расплатиться с долгами семейства. Расплата оказалась неимоверно тяжелой — годы каторжного труда в одной из самых ужасных дыр Гегемонии.

Поскольку попасть на Старую Землю не представлялось возможным, Гладстон направилась на Небесные Врата.

Повелительница Сети шла по булыжной мостовой их столицы — Центрального Отстойника, любуясь старинными особняками, нависающими над узкими, выдолбленными в каменистом грунте каналами, которые взбирались по склону искусственной горы, словно порождения фантазии Эшера. Изящные деревья и гигантские конские папоротники венчали вершины холмов, окаймляли широкие белые проспекты и изящные изгибы белых песчаных пляжей. На берег лениво набегали фиолетовые волны, рассыпаясь радужными искрами.

Гладстон задержалась у решетки парка, выходящего на освещенный газовыми фонарями Центральный Променад, где влюбленные парочки и туристы наслаждались вечерней прохладой, и вообразила себе Небесные Врата три с лишним века назад. Суровая планета, не приспособленная

для человека, — и молодой Мартин Силен, не оправившийся от культурной дезориентации, безвозвратной потери денег и повреждения мозга вследствие анабиозного шока, обреченный к тому же на рабский труд.

Все усилия Аэростанции уходили на то, чтобы обеспечить едва сносным воздухом несколько сот квадратных километров едва пригодной для жизни земли. Зеленые цунами с одинаковым равнодушием смывали в море города, участки терраформированной почвы и рабочих. Собратья Силена — крепостная голь — копали каналы для отвода кислоты, выскребали из лабиринтов воздуховода колонии аэробных бактерий, а после наводнений извлекали из грязевых наносов мусор и мертвые тела.

«Нет, мы кое-чего достигли, — думала Гладстон, — и это вопреки застою, на который обрек нас Техно-Центр. Вопреки тому, что наука при смерти. Вопреки почти наркотической зависимости от игрушек, которые мы получили в подарок от нашего же собственного детища».

Она осталась недовольна прогулкой. Раз уж она решила посетить родину каждого паломника, этот нелепый замысел следовало осуществить до конца. Небесные Врата — место, где Силен,

несмотря на поврежденные речевые центры, научился писать настоящие стихи. Но родина его не здесь.

На Променаде шел концерт, Гладстон пропустила мимо ушей прелестные мелодии. Не привлекли ее внимания ни ТМП-такси, кружившие в небе, словно стаи перелетных птиц, ни переливы закатных лучей, ни вечерняя прохлада. Она вызвала свой портал и распорядилась, чтобы ее перенесли на луну Старой Земли. На Луну.

Вместо того чтобы исполнить приказ, комлог принялся перечислять опасности, которым она подвергнется в этом месте. Секретарь Сената прикрикнула на него: «Отставить!»

Микростраж напомнил о себе громким жужжанием. Его тонкий голосок в импланте осмелился заметить, что госпоже секретарю не следует отправляться в столь небезопасное место. Она и его заставила замолчать.

Сам портал начал отговаривать ее, пока она не запрограммировала его вручную с помощью универсальной карточки. Перед нею возникла дверь. Гладстон шагнула в нее.

Единственным все еще пригодным для обитания местом на луне Старой Земли были гора и область одного из морей, отведенные для це-

ремонии масада ВКС. Именно здесь оказалась Гладстон. Зрительские трибуны и плац для парадов были пусты. Силовые поля десятого класса затуманивали звезды и стены кратера, но Гладстон видела: внутренний жар от ужасных гравитационных приливов растопил отдаленные горы, образовав на их месте новые каменные моря.

Она пошла через серую песчаную равнину. Слабая гравитация так и манила взлететь, и, вообразив себя на миг одним из тамплиерских воздушных шаров, нетерпеливо дергающим непрочную привязь, ей захотелось подпрыгнуть и помчаться вперед великанскими скачками, но она быстро справилась с этой блажью. Лишь пыль вилась позади секретаря Сената фантастическим шлейфом.

Воздух под куполом силового поля был разреженным, и Гладстон поймала себя на том, что дрожит от холода, несмотря на накидку с подогревом. На мгновение она застыла в центре безжизненной равнины, пытаясь убедить себя, что это и в самом деле Луна, первый плацдарм человечества на его долгом пути к звездам. Но трибуны и склады ВКС отвлекали ее, настраивая на какой-то несерьезный лад. Наконец Мейна

Гладстон подняла глаза, чтобы увидеть то, ради чего прибыла сюда.

В черном небе висела Старая Земля. Конечно, не сама Старая Земля, а просто пульсирующий аккреционный диск в сферическом облаке осколков, которые когда-то ею были. Он сиял пронзительно ярким светом, ярче любой из звезд, видимых с Патофы в редчайшие ясные ночи, но то была ядовитая яркость, от которой грязно-серая равнина отливала ледяным блеском.

Гладстон стояла и смотрела не отрывая глаз. Она ни разу не была здесь, сознательно избегая этого места, и теперь, коль скоро все же здесь оказалась, отчаянно желала хоть что-то почувствовать, что-то услышать, словно здесь обитал кто-то, чей голос мог даровать ей предостерегающее, ободряющее или просто сочувственное слово.

Но тщетно.

Она постояла так еще несколько минут, почти бездумно, чувствуя лишь, как мерзнут уши и нос. Пора возвращаться. На ТКЦ уже светает.

Вызвав портал, Гладстон напоследок огляну-лась. Внезапно метрах в десяти от ее портала возник еще один. Странно. Во всей Сети лишь пять человек имели личные нуль-каналы на

Луну Земли.

Микростраж с жужжанием спикировал вниз и завис между нею и человеком, появившимся из нового портала.

Это был Ли Хент. Оглядевшись, он передернул плечами от холода и быстро пошел к ней. В разреженном воздухе его голос звучал тонко, почти пискляво:

— Госпожа секретарь, мы должны немедленно вернуться. Бродягам удалось прорвать нашу оборону. Их контратака застала нас врасплох.

Гладстон вздохнула: она предвидела такое развитие событий.

— Хорошо. Гиперион держится? Мы можем эвакуировать оттуда нашу эскадру?

Хент замотал головой. Его губы посинели от холода.

— Вы не поняли меня, — донесся до нее приглушенный голос помощника. — Дело не в Гиперионе. Бродяги атакуют с разных направлений. Они вторглись в саму Сеть!

Мейна Гладстон почувствовала внезапный озноб. Она чуть заметно кивнула, плотнее закуталась в накидку и вышла через портал и непоправимо изменившийся мир.

Глава девятнадцатая

Они стояли у ворот долины Гробниц Времени: Ламия Брон и Мартин Силен, с ног до головы увешанные рюкзаками и сумками. Рядом, как суд старейшин, застыли Сол Вайнтрауб, Консул и отец Дюре. Первые вечерние тени, словно пальцы тьмы, протянулись через долину к слабо светящимся Гробницам.

— Я все еще не уверен, что стоит разделяться, — сказал Консул, потирая подбородок. Было очень жарко, и пот ручейками стекал по его небритым щекам.

Ламия пожала плечами:

— Мы же знаем, что каждый встретится со Шрайком один на один. Что с того, если мы разделимся на пару часов? Без продуктов нам каюк. Впрочем, как хотите. Можем пойти все вместе.

Консул и Сол перевели взгляд на отца Дюре. Священник едва держался на ногах. По-видимому, поиски Кассада отняли у него последние силы.

— Кто-то должен остаться на случай возвращения полковника, — сказал Сол. Ребенок на его руках казался до ужаса маленьким.

Ламия одобрительно кивнула и поправила

ремни на плечах:

— Хорошо. До Башни часа два ходу. На обратный путь понадобится немногим больше. Ну, пусть еще час на укладку продуктов. Все равно мы успеем до темноты. Как раз к обеду и вернемся.

Консул и Дюре обменялись рукопожатиями с Силеном. Сол обнял Ламию.

— Счастливого возвращения, — прошептал он ей.

Она дотронулась до щеки ученого, на секунду коснулась макушки младенца, повернулась и быстрым шагом пошла к воротам долины.

— Эй, черт возьми, минуточку! — вскричал Мартин Силен, гремя на бегу флягами и бутылками.

Миновав седловину, они зашагали рядом. Оглянувшись, Силен увидел оставшихся — три цветных пятнышка среди валунов и дюн у Сфинкса.

— Все идет немного не так, как ожидалось, верно? — спросил он.

— Не знаю, — коротко ответила Ламия. Для похода она переоделась в шорты, и ее мускулистые ноги блестели от пота. — А ты что ожидал?

— Я рассчитывал закончить величайшую во Вселенной поэму, а потом отправиться восвоя-

си. — Силен отхлебнул из последней бутылки с водой. — Дьявольщина, что ж мы не захватили побольше вина?

— А я вообще ничего не ожидала, — пробормотала Ламия себе под нос. Ее короткие кудри потемнели и прилипли к крепкой шее.

Силен фыркнул.

— Ты бы сюда не попала, если бы не этот твой любовник-кибрид…

— Клиент, — резко прервала она его.

— Как тебе угодно. Эта воскрешенная личность Джонни Китса решила, что неплохо было бы побывать здесь. И ты притащила его… Слушай, а ты еще не потеряла эту самую петлю Шрюна?

Ламия растерянно прикоснулась к миниатюрному нейрошунту за левым ухом. Тонкая осмотическая мембрана защищала от песка и пыли крохотные разъемы.

Силен снова рассмеялся:

— Без инфосферы ты все равно не распакуешь ее. С тем же успехом ты могла оставить эту хреновину на Лузусе или еще где-нибудь. — Поэт на миг умолк, распутывая ремни. — Слушай, а ты можешь сама подключиться к личности Китса?

Ламия вспомнила сны прошлой ночи. За ними стоял кто-то очень похожий на Джонни, но

человек этот находился в Сети. Что это, воспоминания?

— Нет, — ответила она. — В петлю просто так не влезть. В ней столько информации, что сотня имплантов захлебнется. А теперь заткнись и пошевеливайся. — Она ускорила шаг, не оглядываясь на Силена.

Небо было безоблачное, зеленое, отливающее в глубине лазурью. Поле валунов впереди простиралось на юго-запад до пустошей, пустоши переходили в дюны. Силен и Ламия минут тридцать шли молча, погрузившись в свои мысли. Маленькое яркое солнце Гипериона висело в небе по правую руку от них.

— Дюны все круче, — заметила Ламия, когда они в очередной раз вскарабкались на гребень и соскользнули вниз. Из ее башмаков уже сыпался горячий песок.

Силен молча кивнул, остановился и вытер лицо шелковым платком. Большой пурпурный берет хоть и прикрывал лоб и левое ухо поэта, но от солнца не спасал.

— По возвышенности — там, на севере, — идти было бы легче. Мимо мертвого города.

Ламия, прикрыв глаза рукой, огляделась по сторонам.

— На той дороге мы потеряем не меньше получаса.

— А на этой еще больше. — Силен, усевшись прямо на песок, отхлебнул из бутылки. Потом снял с себя накидку и запихал в самый большой рюкзак.

— Что у тебя там? — поинтересовалась Ламия. — Рюкзак просто по швам грешит.

— Не твоего ума дело, женщина.

Ламия покачала головой и потерла обгоревшие щеки. Она не привыкла так долго находиться на солнце, к тому же атмосфера Гипериона почти не задерживала ультрафиолет. Нашарив в кармане тюбик с кремом от загара, Ламия размазала несколько капель по коже.

— Ладно, — кивнула она — Изменим маршрут. Пойдем по гребню, пока не минуем дюны, а там срежем угол и двинемся к Башне.

Горы парили над горизонтом, и не думая приближаться. Ламия испытывала танталовы муки, глядя на снеговые шапки, сулящие прохладу. Долина Гробниц Времени уже скрылась за дюнами и валунами.

Ламия поправила свои рюкзаки, повернула направо и в один миг съехала вниз по раскаленному песку.

Вскоре под ногами вместо песка оказались чахлый утесник и игольчатая трава возвышенности. Мартин Силен неотрывно глядел на руины Града Поэтов. Ламия взяла влево, оставляя город в стороне. На пути начали попадаться полузасыпанные шоссе, мощенные каменными плитами. Одни опоясывали город, другие уходили в пустошь, теряясь в песках.

Силен отставал от Ламии все заметнее, а потом и вовсе остановился. Он уселся на поваленную колонну — часть былых ворот, сквозь которые каждый вечер проходили когда-то трудяги-андроиды, отработав день на полях. Поля бесследно исчезли. От акведуков, каналов и шоссе остались одинокие камни, впадины в песке или источенные временем пни — останки деревьев, защищавших когда-то пруды и каналы и затенявших живописные тропинки.

Силен вытер лицо беретом. Град по-прежнему был белым… белым, как кости, вынырнувшие из ползучих дюн, как зубы во рту вырытого из-под земли бурого черепа. С места, где он сидел, Силену были видны кое-какие строения. Они почти не изменились с тех пор, как он видел их в последний раз, а было это более полутораста лет назад. Недостроенный, но все равно вели-

чественный Амфитеатр Поэтов лежал в руинах; белоснежный гость из чужих времен Римский Колизей весь зарос пустынными вьюнками и фанфарным плющом. За огромным атриумом, открытом ветрам и солнцу, тянулись разрушенные галереи… Силен знал, что здесь потрудилось не время, а щупы, копья и динамит бестолковых гвардейцев Печального Короля Билли, которые хотели прикончить Шрайка. Это было уже после эвакуации горожан. Вояки натащили всяческой электроники и лазеров, чтобы разделаться с Гренделем, после того как он славно полакомился в пиршественном зале.

Мартин Силен хихикнул и уронил голову на грудь — от жары и усталости все плыло перед глазами.

Впереди возвышался огромный купол Обеденного зала, где когда-то утолял голод и он. Сначала — среди сотен собратьев по искусству, затем, в настороженном молчании, с кучкой последних обитателей города, оставшихся здесь по каким-то своим, теперь уже никому не ведомым причинам, и, наконец, в одиночестве. Полном одиночестве. Однажды он уронил бокал, и этот звук полминуты грохотал эхом под сводами, испещренными вязью виноградных листьев.

Наедине с морлоками, сострил Силен. Но в итоге не осталось даже морлоков для компании. Только его муза.

Внезапно раздался шум, словно что-то взорвалось неподалеку, и стая белых голубей взлетела из кособокой башни в бывшем дворце Печального Короля Билли. Силен глядел, как они кружат в гудящем от зноя небе, дивясь, что им удалось выжить и прожить несколько веков здесь, на краю света.

Впрочем, если уж он выжил, почему бы и им не попробовать?

В городе — тень, сумрак. Целые озера живительной тени. Интересно, действуют ли еще колодцы, осталась ли еще пресная вода в огромных подземных резервуарах, возникших (или сооруженных) задолго до прилета сюда человеческих кораблей-ковчегов. Он вспомнил свой рабочий стол — антикварную редкость со Старой Земли, стоявший в каморке, где были написаны многие из его «Песней».

— Что случилось? — рядом выросла вернувшаяся за ним Ламия Брон.

— Ничего. — Он посмотрел на нее, сощурив глаза. Не женщина, а какое-то приземистое дерево: темные ноги-корни, загорелая кожа-кора…

Ходячий сгусток энергии. Силен попытался вообразить ее утомленной… но сам взмок от пота. — Я тут сообразил, — начал он. — Мы зря отправились в Башню. Здесь, в городе, есть колодцы. А может, и запасы продовольствия.

— Угу-у, — протянула Ламия. — Мы с Консулом это уже обсудили. Несколько веков Мертвый Град грабили все кому не лень. Паломники к Шрайку уничтожили все запасы еще полвека назад. А что касается колодцев… водоносный слой сместился, резервуары загрязнены. Мы пойдем в Башню.

Кровь прилила к щекам Силена. Его невыносимо раздражала самоуверенность этой, с позволения сказать, девицы, ее инстинктивная убежденность, что в любой ситуации последнее слово остается за нею.

— Пусть так. А я все-таки схожу разведаю, — отрезал он. — Если повезет, мы можем выгадать кучу времени.

Ламия встала перед ним, заслоняя солнце. Ее черные волосы сияли вокруг головы, как солнечная корона при затмении.

— Нет. Так мы только потеряем время и не успеем вернуться до темноты.

— Ну и катись! — заявил поэт неожиданно для самого себя. — А я пойду взгляну на станцию

водоснабжения. Я знаю продуктовые склады, которых ни одному паломнику не отыскать.

Он увидел, как вздулись мускулы на руках Ламии: она решала, не схватить ли его за шиворот, чтобы потащить обратно в дюны. Ведь они прошли всего треть пути до подножия гор, где начинался длинный подъем к лестнице Башни.

— Мартин, — устало произнесла Ламия, передернув плечами. — От нас зависит судьба остальных. Пожалуйста, не упрямься!

Силен демонстративно уселся поудобнее, прижавшись спиной к колонне.

— Да пошла ты, — пробормотал он, а затем взорвался: — Я устал! Ты сама знаешь, что в любом случае тебе достанется девяносто пять процентов работы. Я же старик! Ты и вообразить себе не можешь, как я стар. Позволь мне остаться и немного отдохнуть. Может быть, я найду какую-нибудь пищу. Может, напишу что-нибудь.

Ламия, присев на корточки, ткнула в его рюкзак.

— Так вот что у тебя там! Твоя поэма.

— Конечно, — подтвердил Силен.

— И ты все еще думаешь, что соседство с Шрайком поможет тебе закончить ее?

Силен пожал плечами, из последних сил борясь

с головокружением.

— Да, он — убийца, этот блядский Грендель, выкованный в аду, — сказал он. — Но он моя муза.

Ламия вздохнула, прищурившись, посмотрела на солнце, уже сползающее к горам, а затем оглянулась назад.

— Возвращайся в долину, — предложила она негромко и добавила, немного помолчав: — Я тебя провожу.

Силен улыбнулся потрескавшимися губами:

— Возвращаться? А что мне там делать — играть в преферанс с другими стариками, пока эта тварь не пожалует к нам? Премного благодарен, но я лучше чуть-чуть здесь посижу и чуть-чуть поработаю. Иди, женщина. Ты можешь взвалить на себя больше, чем три поэта вместе взятых. — Он снял с себя пустые рюкзаки и фляги и протянул ей.

Ламия сжала спутанные лямки в кулаке, маленьком и твердом, как головка стального молотка.

— Ну, ладно, не дури. Мы можем идти медленнее.

Поэт с трудом поднялся, разозленный ее жалостью.

— Будь ты проклята, о дочь Лузуса! Если ты

вдруг запамятовала, я тебе напомню, что все паломничество затеяно ради свидания со Шрайком. Твой друг Хойт этого не забыл. Кассад тоже все понял, и сейчас сраный Шрайк наверняка жует его безмозглые военные косточки. Ничуть не удивлюсь, если и тем троим в долине уже не нужна вода. Иди! Проваливай! Я сыт по горло твоим обществом.

После этой тирады Ламия Брон несколько секунд сидела на корточках, глядя на Силена. Затем встала, коснулась его плеча, за спину забросила ранцы и бутылки и быстро пошла прочь. Даже в юности он не умел ходить так быстро.

— Я вернусь этим путем через несколько часов, — бросила Ламия через плечо. — Будь здесь. К Гробницам пойдем вместе.

Мартин Силен молча провожал глазами ее удаляющуюся коренастую фигурку. Вскоре она совсем пропала из виду на юго-западе. Горы колыхались в знойном мареве. Он посмотрел себе под ноги и увидел бутылку. Значит, она оставила ему воду. Сплюнув, он сунул бутылку в карман рюкзака и вошел в поджидавший его сумрак мертвого города.

Глава двадцатая

Когда они распечатали последние пакеты с рационами и принялись за полдник, Дюре чуть не потерял сознание. Сол и Консул перенесли его в тень, на ступени широкой лестницы Сфинкса. Лицо священника было белее его снежно-белых волос.

Когда Сол поднес к его губам бутылку с водой, Дюре попытался улыбнуться.

— Вы все довольно легко приняли факт моего воскрешения, — пробормотал он, утирая подбородок.

Консул прислонился к стене Сфинкса.

— Я видел крестоформы на Хойте. Они теперь на вас.

— А я поверил его… вашему рассказу, — сказал Сол, передавая воду Консулу.

Дюре провел рукой по лбу.

— Я прослушал диски комлога. Рассказы, включая мой, просто невероятны!

— Вы сомневаетесь в их правдивости? — поинтересовался Консул.

— Нет. Но трудно разобраться, отыскать общие элементы… связующую нить, что ли.

Сол прижал Рахиль к груди и стал тихо ее укачивать, поддерживая ладонью крохотную головку:

— А разве должна быть связь? Кроме Шрайка, конечно.

— Должна. — Щеки Дюре порозовели. — Затея с паломничеством не случайна. Как и то, что выбор пал именно на вас.

— Кто только не занимался отбором паломников, — возразил Консул. — Консультативный Совет ИскИнов, Сенат Гегемонии. Даже сама церковь Шрайка.

Дюре покачал головой.

— Да, это так, друзья мои, но за всем этим стоит единый руководящий ум.

Сол наклонился ближе.

— Бог?

— Может быть. — Дюре слабо улыбнулся. — Хотя я имел в виду Техно-Центр… искусственный разум, который так таинственно вел себя во время этих событий.

Малютка запищала, как котенок. Сол дал ей соску и настроил комлог на своем запястье на ритм сердцебиения. Рахиль, сжав крошечные кулачки, сразу задремала.

— Рассказ Ламии дает основание предполо-

жить, — заметил ученый, — что какие-то силы в Техно-Центре пытаются нарушить статус-кво… Дать человечеству шанс на выживание, не отказываясь вместе с тем от проекта Высшего Разума.

Консул указал на безоблачное небо:

— Все, что произошло — наше паломничество, даже эта война, — все подстроено противоборствующими силами в Техно-Центре.

— А что мы о нем знаем? — негромко спросил Дюре.

— Ничего. — Консул швырнул камешком в изваяние слева от лестницы Сфинкса. — Если вдуматься, ровным счетом ничего.

Дюре приподнялся, сел и принялся растирать себе лицо влажным платком.

— Тем не менее цель Техно-Центра удивительно схожа с нашей.

— И что это за цель? — спросил Сол, не переставая укачивать задремавшего младенца.

— Познать Бога, — просто ответил священник. — Или, если это не удастся, создать его. — Прищурившись, он посмотрел в глубь долины. Тени юго-западных стен уже дотянулись до Гробниц и почти накрыли их. — Я был одним из защитников подобной идеи в нашей Церкви…

— Я читал ваши трактаты о Святом Тейяре, —

заметил Сол. — Вы блестяще доказываете необходимость эволюции к точке Омега — Божеству, не соскальзывая при этом в социнианскую ересь.

— Какую-какую? — переспросил Консул.

Отец Дюре слегка усмехнулся.

— Социн[48] — итальянский еретик шестнадцатого века от Рождества Христова. Был отлучен, потому что доказывал, что Бог — существо ограниченное, способное развиваться по мере того, как мир… Вселенная… усложняется. Я соскользнул в социнианскую ересь, Сол. То был первый из моих грехов.

Вайнтрауб не отводил глаз от священника.

— А последний?

— Помимо гордыни? — спокойно отозвался Дюре. — Величайшим из моих грехов была фальсификация результатов семилетних раскопок на Армагасте. Я пытался установить связь между тамошними исчезнувшими Строителями Арок и протохристианским культом. Такой связи не существовало. Я подтасовал результаты. Итак, вся ирония в том, что величайшим из моих гре-

[48] Примечания: 48

Фауст Социн (1539–1604) — один из основателей рационалистического направления в протестантизме, отличавшегося религиозным радикализмом. Социане считали Христа не Богом, а человеком, который указал путь к спасению и обрел божественные свойства после воскресения.

хов, по крайней мере в глазах Церкви, является нарушение научной этики. Как ни странно, в эти критические для нее дни Церковь готова примириться с богословской ересью, но не терпит подложных научных протоколов.

— Армагаст, наверное, похож на эти места? — Сол очертил полукругом долину, Гробницы и пустыню за скалами.

Дюре огляделся вокруг, и глаза его на миг вспыхнули:

— Пыль, камень, привкус смерти во рту — да. Но здесь куда более зловещая атмосфера. В долине что-то есть, и это что-то всеми силами противится неизбежной смерти.

Консул рассмеялся.

— Будем надеяться, что к этой категории относимся и мы. Я хочу перенести комлог вон туда, на седловину, и еще раз попытаться установить связь с кораблем.

— Я с вами, — сказал Сол.

— И я, — откликнулся отец Дюре, поднимаясь на ноги. Он пошатнулся, но отказался опереться на руку Вайнтрауба.

Корабль не отвечал. А без корабля нечего и надеяться на мультисвязь с Бродягами, Сетью или вообще с кем-либо вне Гипериона. Обычные

диапазоны тоже онемели.

— А может, его уничтожили? — спросил Вайнтрауб у Консула.

— Нет. Прием подтверждается, просто передатчик молчит. Гладстон все еще держит корабль в карантине.

Прищурившись, Сол взглянул в глубь пустоши, где в горячем мареве дрожали горы. Несколькими километрами ближе вонзались в небосвод зубчатые руины Града Поэтов.

— Ну, что ж, — сказал он наконец. — Может, оно и к лучшему. Обойдемся без бога из машины.

При этих словах Поль Дюре вдруг разразился смехом, таким раскатистым и неудержимым, что даже закашлялся и был вынужден глотнуть воды.

— Что вас так рассмешило? — удивился Консул.

— Deus ex machina, «бог из машины»! То, о чем мы с вами говорили только что. Подозреваю, именно поэтому нас и собрали здесь. Бедняга Ленар и его «бог» в машине-крестоформе. Ламия с ее воскрешенным поэтом, запертым в петле Шрюна, — она ведь ищет машину, которая освободит ее собственного «бога». Вы, Сол, ожидаете черного «бога», дабы он наконец разрешил ужасную

участь вашей дочери. И Техно-Центр, машинное отродье, тоже пытается создать своего бога.

Консул поправил солнцезащитные очки.

— Ну а вы, отче?

Дюре покачал головой.

— Я? Наверное, жду, когда своего «бога» создаст самая большая машина из всех — Вселенная. Не знаю, возможно, я так возвеличил Святого Тейяра, потому что не нашел в современном мире следов живого Творца. Подобно разумам Техно-Центра, и я мечтаю построить то, чего не могу найти.

Сол посмотрел в небо:

— В таком случае какого «бога» ищут Бродяги?

Ему ответил Консул.

— Их одержимость Гиперионом не каприз. Они верят, что именно здесь родится новая надежда для человечества.

— Нам пора, — сказал Сол, укрывая Рахиль от солнца. — Ламия и поэт должны вернуться к обеду.

Но к обеду они не вернулись. Солнце уже стало клониться к закату, а их все еще не было. Каждый час Консул ходил к воротам долины и высматривал, не появились ли среди валунов и дюн две движущиеся точки. Тщетно. В который раз Консул пожалел, что у него нет электронного

бинокля Кассада.

Сумрак еще не до конца объял небо, а огненные вспышки в зените уже возвестили о возобновлении космической битвы. Трое мужчин, устроившись на ступеньке перед входом в Сфинкс, наблюдали за страшным фейерверком: медленно набухали и лопались белые шары, распускались тускло-багровые бутоны, внезапно прорезали небо зеленые и оранжевые молнии, после которых перед глазами долго плавали огненные круги.

— Как вы думаете, кто побеждает? — спросил Сол.

— Не важно, — ответил Консул, не поднимая глаз. — Вам не кажется, что на ночь лучше уйти из Сфинкса, подождать наших у какой-нибудь другой Гробницы?

— Мне нельзя уходить от Сфинкса, — сказал ученый. — А вы поступайте, как вам удобнее.

Дюре коснулся щеки ребенка. Малышка теребила губами соску, и нежная щечка терлась о палец священника.

— Сколько ей, Сол?

— Два дня. По времени Гипериона она родилась… родиться минут через пятнадцать после захода солнца на этой широте.

— Схожу взгляну в последний раз, — объявил Консул. — Потом разведем костер — надо же дать знать им, где мы.

Консул уже спустился к тропе, когда Вайнтрауб внезапно вскочил и указал рукой — но не туда, где в последних лучах солнца светились ворота долины и откуда должны были появиться Ламия и Силен, а в противоположную сторону.

Консул замер. В следующую секунду он извлек из кармана маленький нейростаннер, врученный ему Кассадом несколько дней назад. Поскольку Ламия и Кассад отсутствовали, это было их единственное оружие.

— Видите? — прошептал Сол.

В сумраке за слабо светящейся Нефритовой Гробницей двигалась какая-то фигура. Недостаточно большая и быстрая, чтобы оказаться Шрайком, да и двигалась она как-то странно: медленно, то и дело замирая, шатаясь из стороны в сторону.

Отец Дюре быстро оглянулся на ворота долины и вновь уставился на нее.

— Силен не мог попасть в долину оттуда?

— Разве что спрыгнул со стены ущелья, — прошептал Консул. — Или сделал крюк на восемь километров к северо-востоку. К тому же Силен

пониже.

Незнакомец снова остановился, пошатнулся — и упал. Теперь он был неотличим от бесчисленных камней долины.

— Пошли, — приказал Консул.

Они шли — не бежали. Спускавшийся первым Консул держал в вытянутой руке станнер, установленный на двадцать метров, сознавая, что на таком расстоянии от него мало проку. Отец Дюре, взявший у Сола ребенка, шел за ним следом, а ученый тем временем искал подходящий камень.

— Давид и Голиаф? — пошутил Дюре, когда Сол догнал их, на ходу вкладывая камень размером с ладонь в пращу, которую вырезал днем из фибропластового мешка.

Загорелое лицо ученого еще больше потемнело:

— Похоже на то. Давайте я заберу Рахиль.

— Мне нравится нести ее. К тому же, если предстоит драка, лучше, чтобы у вас обоих руки были свободны.

Сол, кивнув, поравнялся с Консулом. Священник с ребенком на руках замыкал шествие.

Когда до незнакомца осталось метров пятнадцать, они разглядели, что это — мужчина, одетый в грубую рясу, очень высокий и что он

лежит ничком на песке.

— Оставайтесь здесь, — бросил Консул и побежал к нему. Перевернув тело, он сунул станнер в карман и вытащил из-за пояса бутылку с водой.

Ноги сами понесли Сола вперед, голова у него шла кругом, колени подгибались. Дюре брел позади.

Войдя в круг света от ручного фонарика Консула, священник увидел, как Сол сдернул с упавшего капюшон. Открылось лицо — длинное, азиатское, искаженное странной гримасой. Нефритовая Гробница бросала на него зеленоватые отблески.

— Тамплиер, — пробормотал Дюре, недоумевая, откуда здесь взялся последователь Мюира.

— Это Истинный Глас Древа, — сказал Консул. — Наш исчезнувший спутник… Хет Мастин.

Глава двадцать первая

Всю вторую половину дня Мартин Силен работал над своей поэмой, и только наступившая ночь заставила его отложить перо.

Придя в город, он обнаружил, что его кабинет разгромлен, антикварный стол исчез. Время не пощадило дворца Печального Короля Билли — окна были выбиты, по выцветшим коврам,

стоившим когда-то целое состояние, кочевали миниатюрные дюны, под руинами поселились крысы и скальные угри. В башнях вместо придворных уютно устроились голуби и одичавшие охотничьи птицы. В конце концов поэт вернулся в накрытую гигантским куполом столовую Дома Искусств, примостился у низкого столика и начал писать.

На выщербленных плитах лежал толстый слой пыли, проломы в куполе заплели красные пустынные вьюнки, но Силен ничего не замечал, с головой уйдя в работу над «Песнями».

В поэме рассказывалось о свержении титанов их собственными отпрысками, олимпийскими богами. Силен описывал великую битву, разразившуюся после того, как титаны отказались сойти со сцены. Бурлили моря — то Океан сражался с узурпатором-Нептуном, гасли звезды — Гиперион бился с Аполлоном за власть над светом, сам космос содрогался — то Сатурн защищал от Юпитера свой престол. Нет, то была не просто смена одного пантеона божеств другим — кончался золотой век и наступали смутные времена, сулящие ужас и гибель всем смертным.

Аллегорический смысл «Песней Гипериона» был кристально ясен: в титанах легко угадыва-

лись герои недолгой эпохи освоения человечеством галактики, олимпийцами-узурпаторами были, конечно же, ИскИны Техно-Центра, а ареной битвы — знакомые континенты, моря и воздушные океаны планет Сети. И здесь же чудовищный Дис, сын Сатурна, жаждущий занять трон Юпитера, охотился за своими жертвами, унося и богов, и смертных.

В «Песнях» рассказывали и об отношениях между творцами и их творениями — о любви родителей к детям, художников к своим произведениям, всех творцов к тому, что они сотворили. Поэма прославляла любовь и верность, не скатываясь в нигилизм, проводниками которого из века в век остаются властолюбие, людские амбиции и интеллектуальная спесь.

Мартин Силен работал над своей поэмой больше двух стандартных веков. Самые удачные его строки родились именно здесь, в этих декорациях, — покинутый город, ветры пустыни, завывающие за спиной, как зловещий хор из греческой трагедии, постоянный страх перед внезапным появлением Шрайка. Спасая жизнь, Силен когда-то ушел отсюда и, покинув свою музу, тем самым обрек свое перо на молчание. А теперь, снова взявшись за работу, идя по верному

следу, этому идеальному проводнику, знакомому лишь настоящим художникам, он чувствовал, что возвращается к жизни. Сосуды расширились, легкие задышали глубже — он буквально упивался богатством красок и чистотой воздуха. Поэт наслаждался каждым росчерком старинного пера на пергаменте, кипа исписанных страниц громоздилась на круглом столе, вместо пресс-папье придавленная обломками камней, стихи снова текли свободно, бессмертие приближалось с каждой строфой, с каждой строкой.

Силен уже подошел к самой увлекательной и трудной части поэмы — сценам, где война уже перевернула вверх дном тысячи ландшафтов, обратила в прах целые цивилизации и представители титанов просят перемирия для встречи и переговоров с угрюмыми героями-олимпийцами. На широкую арену его воображения выступили Сатурн, Гиперион, Кой, Иапет, Океан, Бриарей, Мимас, Порфирион, Энцелад, Рет и их могучие сестры-титаниды: Тефия, Феба, Тейя и Климена. И вот они стоят лицом к лицу с меланхоличными Юпитером, Аполлоном и иже с ними.

Мартину неведомо, чем кончится наиэпичнейшая из всех эпопей. Его жизнь теперь подчинена лишь одной цели — дописать поэму… и так на

протяжении десятилетий. Развеялись юношеские мечты о славе и богатстве, которыми Слово должно было наградить его за верную службу. Слава и богатство когда-то сами текли ему в руки и едва не убили его — убили его музу. Он давно знал, что «Песни» — лучшее литературное произведение эпохи, и сейчас просил лишь одного — возможности завершить их, самому узнать конец, облечь каждую строфу, каждую строку, *каждое слово* в самую утонченную, ясную и прекрасную форму, какая только возможна.

Теперь он писал как в лихорадке, почти обезумев, одержимый желанием завершить то, что считал обреченным на незавершенность. Слова и фразы послушно слетали с древнего пера на такую же древнюю бумагу; строфы возникали без всяких усилий с его стороны, каждая песнь находила свой голос, и каждая была безупречна: не нужно было перечитывать их или останавливаться, ожидая вдохновения. Картина за картиной развертывались поразительно быстро, ошеломляя мощью и красотой.

Под белым флагом сходятся лицом к лицу Сатурн и узурпатор его престола Юпитер, разделенные, как условлено, мраморной глыбой. Их диалог величав и прост, их аргументы и рас-

суждения о войне и мире — самая великолепная полемика со времен «Мелийского диалога»[49] Фукидида. Но внезапно в поэму врывается что-то совершенно новое и непонятное, не предусмотренное планами, которые Силен составлял во время многочасовых бдений в ожидании вдохновения. Оба повелителя богов говорят о своем страхе перед каким-то третьим узурпатором, некоей ужасной внешней силой, угрожающей миру в обоих царствах. Изумленный Силен видит, как герои, сотворенные им ценой стольких усилий, вырываются из-под его власти и пожимают друг другу руки над мраморной глыбой, заключая союз против…

Против кого?

Силен останавливается, перо замирает в руке: он вдруг осознает, что почти не видит бумаги. Какое-то время он писал в полумраке, а теперь его обступила полная тьма.

Силен приходит в себя и вновь открывает две-

---

[49] Примечания: 49

Мелийский диалог — изложение Фукидидом в его «Истории» переговоров послов афинян с советом осажденной Мелы, спартанской колонии. Основное место в нем занимает тема «божественной справедливости и природного права сильного на власть — вопросы достижения и сохранения гегемонии (так у автора. — Прим. ред.), войны как орудия гегемонистской политики, отношений державного полиса с его союзниками и подданными, наконец, борьбы политических группировок внутри государств». [Э. Д. Фролов «Факел Прометея» Л., 1991, с. 131]

ри сознания, впуская мир. Так возвращаются чувства после оргазма, только нисхождение художника к обычной жизни куда болезненнее. Он — или она — спускается в облаках славы, но эти облака быстро рассеиваются в потоке повседневной суеты.

Силен огляделся по сторонам. В большом обеденном зале темно, только наверху, в затянутых плющом проломах, сияют звезды да вспыхивают время от времени отблески далеких взрывов. Вокруг — смутные призраки столов, парящие на фоне чернильного мрака далеких стен, сочащегося сквозь кружево оплетших их пустынных вьюнков. За дверями обеденного зала вечерний ветер завывает на разные голоса, все громче и громче. Каждая трещина в прогнувшихся стропилах, каждая дыра в куполе ведет свою сольную партию — контральто, сопрано, снова контральто…

Поэт вздохнул. В его рюкзаке нет фонаря. Только «Песни» и вода. Желудок сводит голод. Где эта проклятая Ламия Брон? Но, едва вспомнив о ней, Силен обрадовался тому, что женщина не вернулась. Ему нужно побыть одному и закончить поэму… При нынешних темпах это займет не больше дня и, может быть, кусочка ночи. Еще

несколько часов, и труд его жизни будет завершен. И тогда он сможет отдохнуть, насладиться прелестью повседневных мелочей, все эти годы вызывавших досаду, мешавших работе, которая все не кончалась.

Мартин Силен снова вздохнул и начал укладывать рукопись в рюкзак. Нужно найти какой-нибудь светильник… развести огонь, даже если для этого придется спалить все бесценные гобелены Печального Короля Билли. Или выйти наружу и писать при свете сполохов космической битвы.

Силен взял последние несколько страниц и перо и оглянулся в поисках двери.

Он был не один в темном зале.

«Ламия», — подумал Силен с облегчением и разочарованием.

Но то была не Ламия. Силен сразу же заметил несоответствия: слишком массивное тело и слишком длинные ноги, отблески звездного света на панцире и колючках, тени от лишней пары рук, и, главное, рубиновое свечение адских кристаллов на месте глаз.

Он со стоном плюхнулся на скамью.

— Не сейчас! — вскричал поэт. — Изыди! Будь прокляты твои окаянные глаза!

Высокая тень придвинулась, неслышно ступая

по ледяному полу. По небу побежала кроваво-красная рябь, и Силен увидел блеснувшие в темноте шипы, лезвия и мотки колючей проволоки.

— Нет! — прошептал он. — Я не хочу! Оставь меня в покое!

Шрайк приблизился еще на шаг. Рука Силена дернулась, схватила перо и написала поперек пустого нижнего поля последней страницы: «ВРЕМЯ ПРИШЛО, МАРТИН».

Он смотрел на написанное, стараясь преодолеть приступ идиотского смеха. Насколько ему было известно, Шрайк никогда ни с кем не общался… Разве что на двуедином языке боли и смерти.

— Нет! — крикнул Силен снова. — У меня работа! Забери другого, будь ты проклят!

Шрайк сделал еще шаг. Бесшумные плазменные взрывы раскалывали небо, и по ртутной груди и рукам существа пробегали желтые и красные блики — словно струи краски. Рука Мартина Силена, дернувшись, начертала поверх написанного: «ТВОЕ ВРЕМЯ ПРИШЛО, МАРТИН».

Силен прижал рукопись к груди, подхватив со стола последние страницы, чтобы на них ничего нельзя было написать. Оскалившись, он глядел на

призрака, между тем как его рука выводила на пустой столешнице: «ТЫ БЫЛ ГОТОВ ПОМЕНЯТЬСЯ МЕСТАМИ С ТВОИМ ПОКРОВИТЕЛЕМ».

— Не сейчас! — взмолился поэт. — Билли мертв! Позволь мне сначала закончить! Пожалуйста! — Впервые в жизни Мартин Силен о чем-то просил. И не просто просил — умолял: — Пожалуйста, ну пожалуйста! Дай мне закончить!

Еще шаг. Шрайк стоял так близко, что его бесформенное туловище загородило звездный свет, и тень от него упала на человека.

«НЕТ», — написали пальцы Мартина Силена, и перо выпало из них; Шрайк протянул одну из своих бесконечно длинных рук и бесконечно острые лезвия пронзили запястья поэта.

Мартин Силен кричал, когда Шрайк волок его по обеденному залу. Он кричал, когда увидел под собой дюны, услышал шорох песка и увидел поднимающееся из долины дерево.

Гигантское дерево было больше долины, выше гор, через которые перевалили паломники; его верхние ветви, казалось, уходили в космос. Снизу доверху оно отливало сталью и хромом, а его ветви были усеяны шипами и иглами. В красном свете гаснущего неба Силен разглядел, что на этих шипах корчатся и извиваются люди

— тысячи, десятки тысяч. Преодолевая немыслимую боль, он напряг глаза — и узнал некоторых. То были именно тела, а не души или какие-то там абстракции. И они, безусловно, страдали, но смерть не приходила, чтобы избавить их от мук.

«ТАК НУЖНО», — написала рука Силена на твердой, холодной груди Шрайка. С металла на песок закапала кровь.

— Нет! — захрипел поэт и принялся колотить кулаками по клинкам-скальпелям и колючей проволоке. Он вырывался и извивался, даже когда хромированный монстр прижал его к себе еще плотнее, нанизывая на свои клинки, как энтомолог — бабочку. Но Силен обезумел не от боли. Его жгла адская мука непоправимой утраты. Он ведь почти закончил «Песни»! Почти закончил!

— Нет! — Мартин Силен рванулся из последних сил, так что во вес стороны полетели кровавые брызги, и принялся выкрикивать ругательства. Но Шрайк уже нес его к дереву.

Почти минуту эхо металось по мертвому городу, становясь все слабее и слабее, и наконец замерло. Наступила тишина, нарушаемая лишь хлопаньем крыльев: это голуби, покружившись в небе, вновь ныряли в трещины куполов и башен.

Подул ветер, взметнув хрупкие листья на дне

пересохших фонтанов. Найдя отверстие в купоне, он проник внутрь, и медленный вихрь закружил исписанные страницы. Некоторые вырвались на волю и полетели над тихими дворами, пустыми улочками и обвалившимися акведуками.

Вскоре ветер стих, и в Граде Поэтов вновь воцарился мертвый покой.

Глава двадцать вторая

Четырехчасовая прогулка обернулась для Ламии Брон сплошным кошмаром, растянувшимся на целые десять часов. Сначала их занесло в мертвый город, где пришлось разбираться с Силеном. Она не хотела оставлять его там одного, не хотелось и тащить его с собой или возвращаться к Гробницам. В результате крюк вдоль хребта обошелся ей в час потерянного времени.

Дюнам и каменистым пустошам, казалось, не будет конца. Когда Ламия достигла подножия гор, уже вечерело, и Башня была окутана сумраком.

Сорок часов назад она без особых усилий сбежала по шестьсот шестьдесят одной ступеньке лестницы Башни. Подъем стал испытанием даже для ее мускулов, закаленных гравитацией Лузуса. По мере того как Ламия забиралась

выше, воздух становился прохладнее, вид на окрестности — живописнее, и наконец на высоте четырехсот метров ее взгляду открылась Долина Гробниц Времени. Правда, отсюда была видна только верхушка Хрустального Монолита — едва различимая искорка, то появлявшаяся, то вновь исчезавшая в туманной дымке. Один раз Ламия даже остановилась проверить, не световые ли это сигналы, но мерцание было хаотичным — скорее всего какая-нибудь панель на изуродованном фасаде Монолита качалась на ветру, отражая солнечные лучи.

Перед последней сотней ступеней Ламия наудачу включила свой комлог. Общие каналы тут же оглушили ее обычной какофонией помех — возможно, виной тому были приливы времени, нарушавшие радиосвязь в районе Долины. Сейчас пригодился бы лазерный передатчик — древний комлог Консула был снабжен именно лазерным ретранслятором… но комлог Консула остался, естественно, у него, а второй коммлазер исчез вместе с Кассадом. Пожав плечами, Ламия преодолела последние ступеньки.

Башню Хроноса построили андроиды Печального Короля Билли. Несмотря на облик и название, Башня никогда не использовалась

как крепость. По замыслу короля, она должна была служить гостиницей, санаторием и местом летнего отдыха для людей искусства. После эвакуации Града Поэтов Башня опустела более чем на сто лет, посещаемая лишь самыми отчаянными искателями приключений.

Когда страх перед Шрайком немного рассеялся, Башню вновь обжили туристы и паломники, и в конце концов Церковь Шрайка сделала посещение ее обязательным для участников ежегодного паломничества. Поговаривали, что в потаенных комнатах — глубоко в толще горы или на верхних ярусах неприступных бастионов — служились черные мессы и совершались пышные жертвоприношения существу, которого почитатели Шрайка именовали Аватарой.

Близящееся открытие Гробниц и непредсказуемое поведение темпоральных приливов заставили власти эвакуировать жителей северных районов Эквы. Башня Хроноса снова замерла. Такой ее и увидела Ламия Брон.

Солнце еще заливало светом пустыню и мертвый город, но Башня уже погрузилась во мрак. Ламия добралась до нижней террасы, передохнула минутку, вытащила из самого маленького рюкзака фонарик и вошла в лабиринт. В коридо-

рах было темно. Во время их ночевки здесь двое суток назад Кассад, сходив на разведку, объявил, что все источники энергии уничтожены — солнечные преобразователи разбиты, термоядерные батареи расплющены и даже от аварийных аккумуляторов остались одни обломки. Ламия много раз вспоминала об этом, когда преодолевала шестьсот шестьдесят одну ступень, зло косясь на кабины подъемника, застывшие на ржавых вертикальных направляющих.

В больших залах ничего не изменилось: всюду виднелись засохшие остатки прерванных пиршеств и следы панического бегства. Трупов не было, но бурые потеки на каменных стенах наводили на мысль, что пару недель назад здесь происходила настоящая бойня.

Ламия, не обращая внимания на усталость и хаос, царящий вокруг, поднялась в кладовку, где они ночевали. По дороге она спугнула стаю предвестников — отвратительных черных птиц с почти человеческими головами, которые обосновались в большой столовой. Лестницы здесь были до нелепости узкими. Тусклый свет сочился сквозь цветные витражи, бросая на стены причудливые отблески. Там, где стекла были разбиты или вообще выбиты, в окна заглядывали

горгульи, точно окаменевшие по мановению волшебной палочки чудовища. Ветер, налетевший со снежных вершин Уздечки, заставил Ламию поежиться, и сразу же зачесалась обгоревшая на солнце кожа.

Рюкзаки и снаряжение были там, где паломники их оставили, — в маленькой кладовке над центральным залом. Ламия удостоверилась, что в некоторых коробках и ящиках еще есть нетронутые рационы, и вышла на балкончик, где Ленар Хойт играл на своей балалайке всего несколько часов назад, показавшихся вечностью.

Тени от высоких вершин протянулись по песку на несколько километров, почти добравшись до мертвого города. Долина Гробниц Времени и гористые пустоши за нею все еще нежились в закатных розовых лучах, валуны и низкие скалы отбрасывали фантастические тени. Ламия не могла разглядеть Гробниц из такой дали — только Монолит порой отсвечивал белой искоркой. Она снова попробовала включить комлог и тут же выругалась: из динамика неслась все та же какофония; затем она вернулась в кладовку — отобрать и уложить припасы.

Ламия взяла четыре пайковых набора, закатанных в пенолит и закрытых сверху фибропластом.

Вода была им всего нужнее, и вода в Башне была: желоба, по которым она подавалась с горных ледников, выдержали все испытания. Ламия, наполнив принесенные с собой бутылки, принялась искать пустую посуду, проклиная лентяя Силена — старик вполне мог дотащить полдюжины бутылок с драгоценной влагой.

Уже собираясь уходить, она услышала какой-то шум. Он доносился из зала, расположенного между ней и лестницей. Ламия навьючила на себя все рюкзаки, вытащила из-за пояса отцовский пистолет и медленно двинулась вперед.

В зале было пусто. Черные предвестники больше не прилетали. Ветер шевелил тяжелые гобелены, и они реяли над грудами объедков, как истлевшие знамена. У противоположной стены вращалось огромное изваяние Шрайка из хрома и стали.

Ламия осторожно пересекла зал, все время поворачиваясь — так, чтобы за ее спиной не оставался один и тот же темный угол. Вдруг она окаменела: душераздирающий вопль рассек тишину. Завывание перешло чуть ли не в ультразвук, став почти неслышным. Ламия стиснула зубы, сжимающие рукоять пистолета пальцы побелели. Внезапно вой оборвался — словно луч

проигрывателя соскользнул с диска.

Ламия поняла, откуда он исходил. За банкетным столом позади бюста, под шестью большими витражами, которые тускло подсвечивал закат, виднелась маленькая дверца. Звук сопровождался эхом, — видимо, он донесся из какого-то погреба или темницы далеко внизу.

Ламия Брон была любопытна. В сущности, вся ее жизнь была борьбой с выходящим за разумные рамки любопытством, которое и заставило ее избрать устаревшую, но порой столь увлекательную профессию частного сыщика. Из-за своего длинного носа она не раз попадала в глупое положение и даже в беду. Хотя случалось и так, что любопытство помогало ей узнать нечто, скрытое от всех. Но тут оно было совершенно излишне.

Она пришла сюда за жизненно необходимым — за пищей и водой. Больше никто из паломников прийти сюда не мог. Те три старика не угнались бы за ней даже с учетом ее крюка к мертвому городу. И она должна принести им воду и пищу, остальное не ее забота.

«Кассад?» — предположила Ламия, но тут же отбросила эту мысль. Вой не мог вырваться из горла полковника.

Держа пистолет наготове, Ламия попятилась

от дверцы, нашла ступени, ведущие к основным ярусам, и начала осторожно спускаться, двигаясь как можно тише, насколько позволял семидесятикилограммовый груз и больше десятка бутылок. В темном стекле на нижнем этаже она мельком увидела свое отражение — приземистое, пошатывающееся чучело с пистолетом в руках, крутящее головой по сторонам. На спине горбом выпирали рюкзаки, на широких ремнях позвякивали бутылки и фляги.

Зрелище не рассмешило Ламию. Оказавшись на террасе, она с облегчением вдохнула прохладный, разреженный воздух. Фонарик можно было не включать — вечернее небо, усеянное низкими облаками, проливало на мир розовый и янтарный свет, освещая Башню и предгорья.

Она помчалась вниз по крутой лестнице, перешагивая через две ступеньки, но уже на середине крутого спуска мышцы ее сильных ног заныли, и она сбавила шаг. Пистолет она по-прежнему держала наготове — на случай, если кто-нибудь погонится за ней или выскочит из расщелины между скал. Достигнув нижней площадки, Ламия сделала по инерции еще несколько шагов, а потом оглянулась на башни и террасы, громоздящиеся позади, на пятисотметровой высоте…

...на нее стремительно неслись камни. И не только камни. Горгульи, сброшенные со своих древних насестов, летели рядом с валунами, дьявольски ухмыляясь в сумрачном свете. Ламия бросилась бежать — но тяжелая и неудобная ноша мешала ей. Она вмиг сообразила, что от каменной лавины ей не уйти, и, резко свернув в сторону, втиснулась в щель между двумя огромными валунами.

Рюкзаки тут же застряли, и Ламия принялась выпутываться из своей упряжи. В этот момент раздался невероятный грохот: первые камни заколотили по скалам, обдав ее тучей гранитной крошки. Наконец кожаные и фибропластовые ремни лопнули, и она тут же вползла под валуны, втащив за собой рюкзаки и бутылки. Обидно было бы потерять их после стольких трудов.

Чудовищный каменный град грохотал над миром. Разбитая голова мраморного гоблина прокатилась мимо и, врезавшись в небольшую глыбу рядом с Ламией, раздробила ее вдребезги. В воздухе потемнело от бесчисленных каменных ядер. По валунам над ее головой оглушающе барабанили булыжники. Еще несколько секунд, и камнепад прекратился — так же внезапно, как начался, и теперь слышался только перестук

летящих под гору каменных обломков.

Ламия потянулась к одному из рюкзаков — затолкать его подальше, и тут камешек размером с ее комлог, срикошетив от скалы, влетел в ее укрытие. Дважды отскочив от стен пещерки, он ударил Ламию в висок.

Ламия пришла в себя от собственного стона. Голова раскалывалась. Снаружи уже стемнело, но сквозь щель между глыбами просачивались отблески далекой битвы. Она поднесла пальцы к виску и тут же отдернула их: на щеке и шее запеклась кровь.

Выбравшись из расщелины, Ламия сделала несколько неуверенных шагов, споткнулась и села на первый попавшийся валун, борясь с приступом тошноты.

Рюкзаки оказались целы, только одна бутылка с водой разбилась. Пистолет она нашла там же, где уронила, — на пятачке, свободном от каменного мусора. Скалы вокруг были покрыты выбоинами и трещинами — следами пронесшейся по ним каменной лавины.

Ламия взглянула на циферблат. Оказалось, она пролежала без сознания почти час, и никто не утащил ее и не перерезал ей глотку. Посмотрев напоследок вверх, где прятались во тьме башен-

ки и балконы Хроноса, она взвалила на плечи свою ношу и торопливо зашагала вниз по едва различимой каменистой тропе.

Когда Ламия наконец добралась до окраины мертвого города, Силена (как, впрочем, она и ожидала) там не было. Правда, она надеялась, что поэту просто надоело ждать и он решил в одиночку пройти несколько километров, отделяющих город от долины.

Поборов искушение снять рюкзаки и фляги и немного отдохнуть, Ламия отправилась на поиски. С пистолетом в руках она ступила на улицы мертвого города, выбирая дорогу при вспышках космической битвы.

Но на ее крики отвечало только эхо, да еще сотни незнакомых ей маленьких птиц снялись с гнезд, взмахивая белевшими в темноте крыльями. Ламия обошла нижние этажи старого королевского дворца, покричала на лестницах, даже выстрелила разок в воздух, но Силен не отзывался. Выкрикивая его имя, Ламия брела мимо стен, густо заросших ползучими растениями, заглядывала во дворики, но нигде не находила ни малейших следов его пребывания. В одном из дворов она увидела фонтан, напомнивший ей рассказ поэта о ночи, когда Шрайк унес Печаль-

ного Короля Билли, но фонтанов в городе было много — поди узнай, тот ли это.

Ламия заглянула и в обеденный зал под разбитым куполом, но помещение было погружено во тьму. Позади нее раздался шум. Ламия мгновенно обернулась, но то был всего лишь старинный лист древней бумаги, прошуршавший по изразцовым плиткам…

Вздохнув, она направилась к выходу. Шагалось легко, несмотря на усталость после многодневной бессонницы. На вызовы, которые Ламия посылала по комлогу, никто не отвечал, но она не удивилась, ибо давно ощущала наплывы непонятных воспоминаний — предвестье темпорального прилива. Если Силен и проходил здесь несколько часов назад, вечерний ветер стер все следы.

Гробницы снова светились. Ламия заметила отблески на скалах, еще не дойдя до широкой седловины у спуска в долину. По сравнению с безмолвной огненной бурей в небесах — сущая ерунда, но это бледное пламя производило странное впечатление: казалось, из Гробниц вытекает накопленная за долгий день энергия.

Прокричав у ворот долины, чтобы предупредить Сола и остальных паломников о своем

возвращении, Ламия начала спускаться. От помощи она тоже не отказалась бы — даже на последних ста метрах. Ремни натерли плечи, и там, где они врезались в тело, рубашка намокла от крови.

Но никто ей не ответил.

На подгибающихся ногах Ламия кое-как поднялась по ступеням Сфинкса и, сбросив ношу на широкое каменное крыльцо, достала фонарик. Темно. В помещении, где они спали, на полу валялись одеяла и рюкзаки. Ламия крикнула, подождала, пока утихнет эхо, и вновь обвела лучом фонаря стены. Здесь ничего не изменилось. Хотя нет. Она закрыла глаза и стала перебирать в памяти детали сегодняшнего утра.

Куб Мебиуса! Таинственный силовой контейнер, забытый или брошенный Хетом Мастином в ветровозе, исчез. Пожав плечами, Ламия направилась к выходу.

Шрайк ждал. Он стоял прямо в дверях, нависая над ней, как башня.

Ламия тут же попятилась, еле удержавшись от вскрика. Пистолет в руке показался ей маленьким и бесполезным. Фонарик сам собой упал на каменный пол.

Существо склонило голову набок. Из много-

гранных глаз струился пульсирующий красный свет, и по лезвиям клинков, из которых состояло его тело, пробегали кровавые блики.

— Слушай меня, сволочь, — четко выговаривая слова, произнесла Ламия. — Где они? Что ты сделал с Солом и ребенком? Где остальные?

Существо склонило голову на другую сторону. Лицо Шрайка было настолько необычным, что Ламия не могла расшифровать его выражения. Поза внушала угрозу. Стальные пальцы-скальпели клацнули и раскрылись, и тогда Ламия четырежды выстрелила. Тяжелые 16-миллиметровые пули громко ударились о металл и с визгом унеслись в ночную темень.

— Я не собираюсь умирать, понял, мудак железный? — пробормотала Ламия, прицелилась и выпустила еще двенадцать пуль, ни разу не промахнувшись.

Брызнули искры. Шрайк вскинул голову, как бы прислушиваясь.

Затем исчез.

Ламия ошарашенно попятилась и резко обернулась. Никого. Дно долины поблескивало в свете звезд, огненная буря в небесах утихла. На песок легли чернильно-черные тени. Даже ветер утих.

Она подошла к своим рюкзакам и села на

самый большой из них, пытаясь унять сердцебиение. Ее удивила собственная реакция: она не испугалась… ну, не так чтобы очень. Но разве объяснишь это адреналину в собственной крови?

Все еще держа в руке пистолет, в котором оставалось штук шесть пуль и почти половина пирозаряда, она взяла бутылку с водой и сделала большой глоток.

Рядом появился Шрайк. Мгновенно, беззвучно.

Бутылка полетела наземь. Ламия попыталась навести на Шрайка пистолет и увернуться от удара.

С тем же успехом она могла и вовсе не двигаться. Шрайк вытянул правую руку, и на свету сверкнули пальцелезвия длиной со штопальную иглу. Один из них скользнул к уху Ламии и, царапнув черепную кость, легко вошел в мозг. Ламия ощутила только, как в голову льется мертвящий, чужой холод.

Глава двадцать третья

Полковник Кассад шагнул в портал, ожидая чего-то невероятного, но этим невероятным оказался давно знакомый и привычный безумный танец войны. Монета была уже здесь. Шрайк

шел сзади, как конвоир, вонзив пальцелезвия в плечо полковника. Преодолев щекочущую энергозавесу, Кассад оказался рядом с Монетой. Шрайк исчез.

Кассад сразу узнал место — тот же вид открывался с вершины невысокой горы, в которой два века назад по воле Печального Короля Билли был высечен его портрет. Ровная площадка наверху была пуста, если не считать дымящихся обломков противоракетной батареи. По особому блеску гранита и все еще пузырящемуся металлу Кассад догадался, что батарея поражена с орбиты.

Монета сделала несколько шагов и застыла на краю обрыва, под которым пятьюдесятью метрами ниже выступала массивная бровь Печального Короля Билли. Кассад подошел к ней и встал рядом. Одного взгляда на речную долину, город и возвышенность с космопортом в десяти километрах к западу было достаточно, чтобы понять все.

Столица Гипериона горела. Джектаун представлял собой огненное море. Сотни пожаров поменьше испещрили предместья и вытянулись вдоль ведущего к космопорту шоссе, словно сигнальные костры. Пылала даже река Хулай — у верхних причалов и доков по ее поверхности разлилась горящая нефть. Над пламенем воз-

вышался шпиль древней церкви. Кассад тут же подумал о «Цицероне», но не смог отыскать бара за сплошной завесой дыма и огня.

Холмы и долина представляли собой сплошную шевелящуюся массу — точно муравейник, раскиданный пинком гигантского сапога. Шоссе запрудили многотысячные толпы спасающихся бегством, и эта людская река медленно катила свои воды мимо горящих берегов. От лазерной и артиллерийской канонады горизонт и низкие облака охватило зарево. Каждые несколько минут из клубов дыма вокруг космопорта или со стороны лесистых холмов на севере и юге появлялся какой-нибудь летательный аппарат — боевой скиммер или космокатер; воздух моментально прорезали снопы лазерных лучей, и машина тут же падала, окутанная черно-оранжевым облаком.

Суда-амфибии сновали по реке как водомерки, маневрируя между горящими обломками лодок, барж и таких же амфибий. Кассад заметил, что единственный шоссейный мост в городе разрушен — горели даже его бетонные и каменные опоры. В дыму сверкали лучи боевых лазеров и адских плетей; с бешеной скоростью проносились искры противопехотных ракет, оставляя за

собой следы из бурлящего перегретого воздуха. Внезапно вблизи космопорта что-то взорвалось, и в небо начало подниматься гигантское грибовидное облако.

«Нет, взрыв не ядерный», — подумал Кассад.

«Не ядерный», — подтвердила, не разжимая губ, Монета.

Пленка, защищавшая его лицо, действовала как ночной визор боевого скафандра, но во много раз эффективнее. Стоило Кассаду вглядеться в холм, возвышавшийся за рекой, в пяти километрах к северо-западу, как тот мгновенно приблизился. Морпехи ВКС занимали позиции на его склонах и вершине, споро пробивая кумулятивными зарядами окопы и стрелковые ячейки. Полимерный камуфляж работал безупречно, выделение тепла было минимальным, но Кассад видел их совершенно отчетливо. При желании можно было рассмотреть даже лица.

В его ушах шелестел шепот оперативно-командных каналов и узконаправленных передач, звенели горячие перепалки и отборная брань — традиционный аккомпанемент всех битв на свете. Тысячи солдат рассеялись по местности и теперь окапывались, занимая круговую оборону в двадцати километрах от города, а спицами в

этом исполинском колесе были тщательно размеченные сектора обстрела и векторы тотального уничтожения.

«Они ожидают вторжения», — произнес Кассад с некоторым усилием, в который раз удивившись этому полутелепатическому, полуакустическому контакту.

Монета в ответ подняла ртутную руку, указывая на затянутое облаками небо.

Внезапно из облаков вынырнул сначала один тупоносый корабль, за ним еще десяток, а спустя считанные секунды вниз уже неслись сотни стальных болидов. Почти все они были покрыты полимерным камуфляжем и окружены защитными мимикро-полями. Но Кассад снова без труда разглядел их. Под силовыми коконами прятались темно-серые корпуса с еле заметными надписями каллиграфической вязью — письменами Бродяг. Те, что покрупнее, были, очевидно, десантными катерами — их выдавали голубые плазменные выхлопы. Остальные опускались гораздо медленнее, буравя облака своими тормозными полями. Кассад догадался, что это просто грузовые контейнеры. Судя по их форме, в некоторых несомненно должны были находиться легкие орудия с боекомплектом, другие же представляли собой просто

ложные мишени.

Мгновением позже облачный потолок вновь продырявили несколько тысяч точек. Пехотинцы Бродяг, выжидавшие до последней секунды с включением тормозных полей и раскрытием парапланов, быстро обогнали контейнеры и катера и градом посыпались на оборонявшихся.

Но нервы у командующего войсками ВКС были железные, как и дисциплина у его подчиненных. Наземные батареи и тысячи морских пехотинцев, окруживших город со всех сторон, пропускали катера и контейнеры, выжидая, пока Бродяги не раскроют свои парапланы (иные делали это над самыми деревьями). Воздух тут же прочертили тысячи огненных трасс — в дело вступили лазеры и зенитки.

На первый взгляд потери Бродяг были колоссальны. Казалось, их первая атака захлебнулась, но мгновенное сканирование показало, что по меньшей мере сорок процентов Бродяг — вполне достаточно для первой волны планетарного десанта — достигли поверхности.

Пятерых парашютистов понесло в сторону горы, на вершине которой стояли Кассад и Монета. Откуда-то снизу ударил лазер, и двое из них вспыхнули на лету. Третий, уходя от обстрела,

вошел в штопор и разбился, а двое оставшихся попали в воздушный поток с востока, который отнес их в сторону леса.

Восприятие Кассада обострилось необычайно: он различал запахи озона, кордита и выхлопных газов; от дыма и едкой вони плазменных разрывов у него слезились глаза; слух улавливал завывания сирен где-то в городе, треск ружейных залпов и гул лесного пожара, вплетавшиеся в галдеж переговоров по радио — и мультиканалам. Пламя заливало долину багровым светом, лазерные клинки кроили и полосовали облака. Внизу, на опушке леса у подножия горы, группки морских пехотинцев Гегемонии дрались врукопашную с десантниками Бродяг. Слышались крики.

Федман Кассад наблюдал за происходящим в каком-то оцепенении — такое уже случалось с ним во время модельной атаки французской кавалерии при Азенкуре.

«Это имитация?»

«Нет», — ответила Монета.

«Это все происходит „сейчас“?»

Его призрачная спутница в недоумении склонила голову.

«Сейчас» — это когда?»

«Сразу после нашей… встречи… в долине Гробниц».

«Нет».

«Значит, в будущем?»

«Да».

«Но в ближайшем будущем?»

«Да. Через пять дней, после того как ты и твои друзья спустились в долину».

Кассад покачал головой. Если верить Монете, он совершил путешествие во времени.

Она обернулась к нему, и в ее зеркальном лице отразились разноцветные вспышки взрывов и пламя пожаров.

«Ты хочешь участвовать в сражении?»

«С Бродягами?»

Скрестив руки, Кассад посмотрел вниз. Боевые качества этого странного скафандра были ему известны. Вполне вероятно, что в нем он без особого труда сумеет изменить ход сражения и, вне всякого сомнения, уничтожит несколько тысяч солдат уже высадившихся Бродяг.

«Нет, не сейчас».

«Повелитель Боли считает тебя воином».

Кассад обернулся, чтобы снова взглянуть на Монету. Его так и подмывало спросить, почему она величает Шрайка столь пышным титулом.

«Повелитель Боли может идти к такой-то матери, — спокойно ответил он. — Если только у него нет желания сразиться со *мной».*

Монета замерла на бесконечно долгую минуту — ртутная скульптура на продуваемой ветром вершине.

«Ты действительно хочешь сразиться с ним?» — спросила она наконец.

«Я прибыл на Гиперион, чтобы убить его. И тебя. Я готов сражаться, как только вы — или любой из вас — согласитесь».

«Ты все еще считаешь меня врагом?»

Кассад вспоминает их схватку в долине Гробниц. Нет, это было не изнасилование. Она просто удовлетворила его невысказанную просьбу, его собственное жгучее желание еще раз оказаться в ее объятиях.

«Я так и не знаю, кто ты…»

«Сначала я была жертвой, одной из многих, — ответила женщина, вновь отвернувшись. — Затем, в нашем далеком будущем, я поняла, для чего был создан Повелитель Боли… почему понадобилось его создать. И тогда я стала его спутницей и хранительницей».

«Хранительницей?»

«Я управляла приливами времени, ремонтиро-

вала машины и следила за тем, чтобы Повелитель Боли не пробудился раньше времени».

«Значит, ты имеешь над ним власть?» — При этой мысли сердце Кассада начало бешено биться.

«Нет».

«Тогда кто или что может управлять им?»

«Только тот — или та, — кто победит его в схватке один на один».

«Кому-нибудь это удавалось?»

«Никому. Ни в твоем будущем, ни в твоем прошлом».

«А многие ли пытались?»

«Миллионы».

«И все погибли?»

«Хуже».

Кассад перевел дыхание.

«Ты можешь сказать, дадут ли мне возможность сразиться с ним?»

«Дадут».

Кассад замер. Никто еще не побеждал Шрайка. Его будущее было ее прошлым… И она жила там… Она тоже видела это ужасное терновое дерево — и знакомые лица. Ведь он сам увидел Мартина Силена, барахтающегося на колючках, за много лет до того как познакомился с ним. Кассад от-

вернулся от долины, где шла битва.

«Мы можем отправиться к нему прямо сейчас? Я вызываю его на поединок».

С минуту Монета молча смотрела ему в лицо. Кассад увидел в ее зеркальном лице свое отражение. Их черты наложились друг на друга, слились. Так и не ответив, она отвернулась и погладила рукой воздух. Перед ними возник портал.

Кассад без промедления шагнул в него.

Глава двадцать четвертая

Гладстон нуль-транспортировалась прямо в Дом Правительства и вихрем ворвалась в оперативно-командный центр. За ней вбежали Ли Хент и еще шесть-семь ее сотрудников. Зал был полон: военных представляли Морпурго, Сингх, Ван Зейдт и еще десяток генералов, хотя юный капитан Ли отсутствовал; налицо были почти все министры: Аллан Имото — министерство обороны, Гарион Персов — дипломатическое ведомство, Барбара Дэн-Гиддис — министерство экономики. Одни за другим подходили запыхавшиеся сенаторы. Многих из них новость, похоже, подняла с постели. «Силовую дугу» овального стола заседаний образовали сенаторы: Колчев

— с Лузуса, Ришо — с Возрождения-Вектор, Ронквист — с Нордхольма, Какинума — с Фудзи, Сейбенсторафен — с Седьмой Дракона и Питере — с Денеба-Ш. Временный президент Денцель-Хайят-Амин, сверкавший в полумраке голым черепом, сидел с отрешенным видом, тогда как его молодой коллега, спикер Альтинга Гиббоне, ерзал на краешке своего сиденья, сцепив руки на коленях, прямо-таки распираемый энергией. Проекция советника Альбедо устроилась напротив пустого кресла секретаря Сената. Все разом встали, приветствуя Гладстон, но она, мелькнув в проходе, уже заняла свое место и жестом пригласила присутствующих сделать то же самое.

— Я слушаю, — объявила она.

Генерал Морпурго встал, кивнул адъютанту, и лампы погасли. В воздухе замерцали зыбкие голограммы.

— Без иллюстраций! — Гладстон повысила голос. — Своими словами, пожалуйста.

Голограммы испарились, и лампы засияли вновь. Морпурго растерянно покосился на свою световую указку, нахмурился и сунул ее в карман.

— Госпожа секретарь, господа сенаторы, министры, президент и спикер, достопочтен-

ные… — Генерал откашлялся. — Бродягам удалось осуществить внезапное широкомасштабное наступление. Их боевые Рои приближаются сразу к нескольким мирам Сети.

Его голос потонул в море испуганных восклицаний.

— К мирам Сети! — вскричали все в один голос.

— Тихо! — прикрикнула Гладстон, и в мгновение ока наступила тишина. — Генерал, вы нас уверяли, что вражеские силы находятся как минимум на расстоянии пяти лет полета от Сети. Когда и почему все изменилось?

Генерал вскинул голову и ответил, глядя Гладстон в лицо:

— Госпожа секретарь, насколько нам удалось выяснить, все возмущения поля Хоукинга оказались ложными. Еще несколько десятилетий назад Рои отключили спин-генераторы и двинулись к своим целям с субсветовой скоростью…

И вновь зал ахнул.

— Продолжайте, генерал, — резко бросила Гладстон, и все послушно примолкли.

— На субсветовых скоростях Роям потребовалось не менее пятидесяти стандартолет… У нас не было никакой возможности их обнаружить. В

этом нет ничьей вины…

— Какие миры в опасности, генерал? — прервала его Гладстон очень тихим и ясным голосом.

Морпурго покосился на пустоту у себя за плечом, словно ища глазами карту, и вновь повернулся к столу. Его руки сжались в кулаки.

— В данный момент все атакующие Рои перешли с термоядерной тяги в спин-режим. Включение двигателей Хоукинга и было запеленговано. Наша разведка предполагает, что первая волна достигнет Небесных Врат, Рощи Богов, Безбрежного Моря, Асквита, Иксиона, Циндао-Сычуаньской Панны, Актеона, Мира Барнарда и Темпа в течение ближайших пятнадцати — семидесяти двух часов.

На этот раз добиться тишины не удалось. Гладстон дала присутствующим выкричаться и через несколько минут, подняв руку, вновь призвала всех к порядку.

Вскочил сенатор Колчев.

— Что же, черт возьми, произошло, генерал? После всех ваших заверений!

Морпурго стоял как скала. Он ответил сенатору спокойно, не заразившись его гневом:

— Мои заверения, сенатор, основывались на ложной информации. Мы ошиблись. Наши пред-

положения оказались ошибочными. Госпожа Гладстон получит мое прошение об отставке в течение ближайшего часа… Полагаю, остальные командующие последуют моему примеру.

— Да подотритесь вы вашей отставкой! — вне себя закричал Колчев. — Может, «в течение ближайшего часа» нас всех перевешают на стойках порталов! Вопрос в другом: что вы *предпринимаете* в связи с нашествием?!

— Габриэль, — сказала Гладстон негромко, — сядьте, пожалуйста. Я как раз собиралась задать этот вопрос. Генерал? Адмирал? Вероятно, вы уже распорядились об обороне названных миров?

Адмирал Сингх поднялся со своего места и встал рядом с Морпурго:

— Госпожа секретарь, мы сделали все, что могли. К сожалению, из всех миров, которым угрожает первая волна Бродяг, только у Асквита есть гарнизон. К остальным можно направить подразделения флота — все они располагают мобильными порталами, — но, увы, флот не резиновый, и на все миры его просто не хватит. И к сожалению… — Сингх на миг умолк, а затем повысил голос, чтобы перекричать усиливающийся гул: — К сожалению, передислокация стратегического резерва на Гиперион уже нача-

лась. Примерно шестьдесят процентов от двухсот кораблей, которые мы выделили для усиления эскадры, либо уже перешли в систему Гипериона, либо переведены в районы накопления, удаленные от их обычных позиций на периферии Сети.

Мейна Гладстон потерла щеки. Она только сейчас поняла, что по-прежнему в накидке, хотя капюшон был откинут. Расстегнув накидку, Гладстон швырнула ее на спинку кресла.

— Из ваших слов, адмирал, следует, что все эти миры остались без защиты и нет никакой возможности развернуть наши корабли, чтобы они успели туда. Верно я вас поняла?

Сингх вытянулся по стойке «смирно», окаменев, как человек, ожидающий расстрела.

— Верно, госпожа секретарь.

— Что же можно предпринять? — спросила она, заглушая новую бурю восклицаний. Морпурго выступил вперед.

— Мы постараемся перевести на эти миры максимально возможный контингент пехоты и морской пехоты через гражданскую нуль-сеть. Разумеется, с легкой артиллерией и средствами противовоздушной и космической обороны.

— Но без поддержки флота — это капля в море, — заметил министр обороны Имото.

Гладстон вопросительно взглянула на Морпурго.

— Это так, — признал генерал. — В лучшем случае наши войска завяжут арьергардные бои, а тем временем будет предпринята попытка эвакуации…

Сенатор Ришо вскочила с места.

— Попытка эвакуации! Генерал, только вчера вы сказали нам, что эвакуация двух-трех миллионов гражданских лиц с Гипериона нецелесообразна. А теперь утверждаете, что нам удастся эвакуировать из-под носа Бродяг… — она на секунду умолкла, чтобы проконсультироваться со своим имплант-комлогом, — семь миллиардов человек?

— Нет, — ответил Морпурго. — Даже если мы пожертвуем войсками, спасти удастся лишь некоторых представителей администрации, членов Первых Семей, политических лидеров и руководителей промышленности — тех, кто необходим для продолжения войны.

— Вчера, — прервала его Гладстон, — вчера наш Совет санкционировал немедленную отправку войск для усиления флота в системе Гипериона. Затрудняется ли в связи с этим нынешняя передислокация?

Поднялся командующий морской пехотой генерал Ван Зейдт.

— Да, госпожа секретарь. Через час после принятия решения переброска войск к ожидающим их транспортам была завершена. — Он взглянул на свой старинный хронометр. — К 05:30 по стандартному времени, то есть примерно двадцать минут назад, почти две трети этого стотысячного контингента были переброшены в систему Гипериона. Потребуется по меньшей мере от восьми до пятнадцати часов, чтобы возвратить эти транспорты в накопители в системе Гипериона, а оттуда в Сеть.

— А какими резервами располагает сейчас Сеть? — Гладстон провела мизинцем по нижней губе.

Морпурго набрал в грудь воздуха.

— Около тридцати тысяч солдат, госпожа секретарь.

Сенатор Колчев грохнул кулаком по столу.

— Получается, мы лишили Сеть не только флота, но и войск? Ободрали, как липку?

Морпурго промолчал.

Стремительно поднялась сенатор Фельдстайн с Мира Барнарда.

— Госпожа секретарь, мой мир… все упомяну-

тые миры… должны быть предупреждены! Если вы не готовы немедленно обнародовать сообщение, я возьму это на себя.

Гладстон кивнула.

— Я выступлю с сообщением о вторжении сразу после нашего совещания, Дороти. Мы поможем вам связаться с избирателями через все доступные нам средства массовой информации.

— К черту средства информации! — вскричала Фельдстайн, невысокая брюнетка. — Я лично отправляюсь домой, как только мы закончим разговоры. Что бы ни случилось с Миром Барнарда, я буду с моей планетой. А если эти новости правдивы, нас всех давно пора перевешать на стойках порталов. — Фельдстайн села, не обращая внимания на шум.

Спикер Гиббонс встал, выждал, пока наступит тишина, и звенящим голосом спросил:

— Генерал, вы говорили о первой волне… Это просто оборот речи, предусмотрительная осторожность военного — или разведка считает, что будут и другие волны? Если так, какие еще миры Сети и Протектората находятся под угрозой?

Кулаки Морпурго то сжимались, то разжимались. Он снова уставился в пустоту за своим плечом, потом обернулся к Гладстон:

— Госпожа секретарь, могу я воспользоваться одной схемой?

Гладстон кивнула.

Голограмма была той же самой, какую военные использовали на брифинге в Олимпийской Школе: золотая Гегемония, зеленые звезды Протектората, векторы Роев — красные линии с голубыми пунктирными хвостами и корабли Гегемонии — оранжевые точки. Было видно, как далеко ушли красные векторы от первоначального курса, вонзившись в пространство Гегемонии, подобно копьям с окровавленными наконечниками. Скопления оранжевых искр виднелись только в системе Гипериона, другие, как редкие бусинки на нитке, слабо блестели вдоль маршрутов переноса.

У сенаторов с военным опытом увиденное вызвало шок.

— Представляется, что дюжина известных нам Роев, — Морпурго по-прежнему не повышал голоса, — участвует во вторжении в Сеть. Некоторые из них разделились на несколько атакующих групп. Мы полагаем, что вторая волна должна появиться через сто — двести пятьдесят часов после первой. Ее движение представлено вот этими векторами.

Наступила мертвая тишина. Гладстон показалось, что все как один перестали дышать.

— В число целей второй атакующей волны входят: Хеврон, сто часов от настоящего момента; Возрождение-Вектор, сто десять часов; Малое Возрождение, сто двенадцать часов; Нордхольм, сто двадцать семь часов; Мауи-Обетованная, сто тридцать часов; Талия, сто сорок три часа; Денеб-III и — IV, сто пятьдесят часов; Седьмая Дракона, сто шестьдесят девять часов; Фрихольм, сто семьдесят часов; Новая Земля, сто семьдесят три часа; Фудзи, двести четыре часа; Новая Мекка, двести пять часов; Пасем, Армагаст и Свобода, двести двадцать один час; Лузус, двести тридцать часов и Центр Тау Кита, двести пятьдесят часов.

Голографическая схема исчезла. Молчание становилось невыносимым. Наконец Морпурго закончил:

— Мы предполагаем, что после поражения начальных целей Рои первой волны направятся к другим целям, но использование двигателей Хоукинга повлечет за собой обычное для перемещений внутри Сети запаздывание — от девяти недель до трех лет. — Он отступил шаг назад и замер.

— Боже милостивый, — ахнул кто-то неподале-

ку от Гладстон.

Секретарь Сената снова потеребила нижнюю губу. Ради спасения человечества от удела, который казался ей вечным рабством или, хуже того, медленной смертью, она была готова распахнуть ворота перед волками, надежно укрыв домочадцев на верхнем этаже, за крепко запертыми дверьми. И вот этот день настал, а волки лезут и в двери, и в окна. Она чуть не рассмеялась — сколько иронии в этом справедливом возмездии! Верхом глупости было надеяться, что спущенный с цепи хаос покорится тем, кто его вызвал.

— Во-первых, — ровным голосом начала Гладстон, — никаких отставок без моей санкции, никакого самобичевания. Вполне возможно, что правительство падет… и членов кабинета, включая меня первую, действительно перевешают на стойках. Но пока до этого не дошло, мы являемся правительством Гегемонии и должны выполнять свои обязанности.

Во-вторых, через час я соберу вас и представителей других комитетов Сената, чтобы обсудить речь, с которой я намерена обратиться к Сети в 08:00 по стандартному времени. Буду рада выслушать все ваши предложения.

В-третьих, настоящим я обязываю и уполно-

мочиваю представителей командования ВКС — тех, кто присутствует здесь, и всех остальных в пределах Гегемонии, предпринимать все, что в их власти, для спасения и защиты граждан и собственности Сети и Протектората, используя любые меры и средства, какие они сочтут необходимыми, вплоть до чрезвычайных. Генерал, адмирал, я требую, чтобы в течение десяти часов на миры, которым угрожает вторжение, были переброшены войска. Каким образом — это уже ваша забота.

В-четвертых, после моего выступления я созову всеобщее заседание Сената и Альтинга. Я собираюсь заявить, что Гегемония Человека и государство Бродяг находятся в состоянии войны. Габриэль, Дороти, Том, Эйко! Нас ждут несколько очень напряженных часов. Потрудитесь над обращениями к своим мирам, обеспечьте мне их голоса. Кроме того, я нуждаюсь в единодушной поддержке Сената. Спикер Гиббонс, вас я могу только просить о помощи в проведении дебатов в Альтинге. Важно, чтобы голосование в Альтинге завершилось сегодня к 12:00. Неожиданностей быть не должно.

В-пятых, мы эвакуируем граждан миров, которым угрожает первая волна вторжения. —

Гладстон подняла руку, призывая к молчанию тех, кто попытался возразить. — Мы эвакуируем всех, кого сможем, кого успеем… Персов, Имото, Дэн-Гиддис и Крунненс из Министерства транспорта создадут и возглавят Совет по координации эвакуации и сегодня к 13:00 представят подробный отчет о своих действиях лично мне. ВКС и Бюро безопасности Сети обеспечат контроль за движением людей и защиту доступа к порталам.

И последнее: через три минуты я жду советника Альбедо, сенатора Колчева и спикера Гиббонса в моем кабинете. Вопросы?

Все растерянно молчали.

Гладстон встала.

— Удачи вам. Действуйте быстро. Остерегайтесь необоснованной паники. И, Боже, спаси Гегемонию. — Она повернулась на каблуках и вышла из комнаты.

Гладстон сидела за своим столом, Колчев, Гиббонс и Альбедо — напротив. Разлитое в воздухе напряжение, нагнетаемое суетой в коридоре, усугублялось молчанием Гладстон, не сводившей глаз с советника Альбедо.

— Вы, — произнесла она наконец, — нас предали.

Губы проекции, сложенные в учтивой усмешке,

даже не дрогнули.

— Ни в коей мере, госпожа секретарь.

— Тогда у вас одна минута, чтобы объяснить, почему Техно-Центр и в частности Консультативный Совет ИскИнов не предупредили нас о вторжении.

— Для этого достаточно одного слова, — сказал Альбедо. — Гиперион, госпожа секретарь.

— К черту Гиперион! — Гладстон в ярости хлопнула ладонью по древнему столу: редкостный для нее жест. — Альбедо, мне осточертело слушать о нефакторизуемых переменных и о том, что Гиперион — потенциальная черная дыра. Либо Техно-Центр способен помочь нам оценить наши шансы, либо он лгал нам все пять веков. Что верно — первое или последнее?

— Госпожа секретарь, Совет предсказал вам войну, — объявила седовласая проекция. — В наших секретных рекомендациях вам лично и вашим доверенным людям указывалось, что вмешательство в дела Гипериона чревато непредсказуемыми последствиями.

— Чушь, — отрезал Колчев. — Считается, что ваши предсказания в общих чертах правдивы. А это нашествие наверняка готовилось десятилетиями. Или даже столетиями.

Альбедо пожал плечами.

— Может быть. Но вполне возможно, сенатор, что именно решимость теперешней вашей администрации начать войну за Гиперион заставила Бродяг приступить к осуществлению их планов. Мы же рекомендовали воздерживаться от любых действий, затрагивающих эту планету.

Спикер Гиббонс подался вперед.

— Но ведь вы назвали нам имена людей, которые должны были отправиться в так называемое паломничество к Шрайку.

На этот раз Альбедо не пожал плечами, а лишь непринужденно махнул рукой:

— Что из того? Вы попросили нас назвать граждан Сети, чье паломничество к Шрайку способно повлиять на исход предсказанной нами войны, и мы их назвали.

Гладстон потерла подбородок.

— И что, вы уже вычислили, каким образом просьбы паломников могут повлиять на исход войны… *этой* войны?

— Нет, — ответил Альбедо.

— Советник, — сказала Мейна Гладстон, — пожалуйста, примите к сведению, что в зависимости от исхода событий ближайших дней правительство Гегемонии Человека намерено

рассмотреть вопрос об объявлении войны — между нами и структурой, именуемой Техно-Центр. Вам как фактическому послу структуры надлежит распространить эту информацию.

Альбедо улыбнулся. Затем развел руками.

— Госпожа секретарь, я понимаю: потрясение, вызванное столь ужасной новостью, должно быть, толкнуло вас на весьма неудачную шутку. Объявить войну Техно-Центру? Но это же все равно как если бы рыба объявила войну воде или водитель, расстроенный известием о чужой аварии, напал на свой ТМП.

Гладстон не улыбнулась.

— Мой дедушка на Патофе, — произнесла она с расстановкой, — как-то всадил шесть пуль из импульсной винтовки в семейный электромобиль, когда тот однажды не завелся. Вы свободны, советник.

Альбедо, моргнув, исчез. Такой внезапный уход был либо намеренным нарушением этикета — обычно проекция покидала комнату через дверь или улетучивалась после ухода других, — либо признаком того, что правящий разум Техно-Центра огорошен сообщением Гладстон.

Она кивнула Колчеву и Гиббонсу.

— Я не задерживаю вас больше. Но не забывай-

те: через пять часов, когда война будет объявлена, я ожидаю единодушной поддержки.

— Вы получите ее, — сказал Гиббонс.

Когда спикер и сенатор ушли, через двери и потайные ходы в кабинет ринулись помощники, засыпая Гладстон вопросами и запрашивая на ходу комлоги. Но секретарь Сената движением руки заставила их замолчать.

— Где Северн? — спросила она. Заметив на лицах окружающих недоумение, она пояснила: — Поэт… то есть художник. Тот, кто пишет мой портрет.

Помощники переглянулись, как бы спрашивая друг у друга, здорова ли их начальница.

— Он спит, — сказал наконец Ли Хент. — Принял какое-то снотворное. Никому и в голову не пришло разбудить его.

— Пусть явится ко мне не позднее чем через двадцать минут, — приказала Гладстон. — Введите его в курс дела. Где капитан 3-го ранга Ли?

Ответила Ники Кардон, молодая женщина, ведающая связью с военными:

— Вчера вечером по приказу Морпурго и командующего морским сектором ВКС Ли перевели в погранвойска. Ему придется скакать с одного океанского мира на другой в течение двадцати лет.

Как раз сейчас он… да, находится в ставке ВМС на Брешии, ожидая транспортный звездолет.

— Немедленно верните его, — отчеканила Гладстон. — Пусть его произведут в контр-адмиралы или какое там звание нужно для штабной работы, а затем назначат сюда, лично ко мне, а не в Дом Правительства или управление делами. Если понадобится, сделайте его офицером по особым поручениям.

Несколько минут Гладстон созерцала голую стену. Она думала о мирах, по которым прогуливалась ночью: Мир Барнарда — свет фонарей сквозь листья, древние здания колледжа; Роща Богов с ее воздушными шарами на привязи и живущими на воле монгольфьерами, приветствующими рассвет; Променад на Небесных Вратах… Все это были цели первой волны. Она встряхнула головой.

— Ли, я хочу, чтобы вы, Тарра и Бринденат не позднее, чем через сорок пять минут, подготовили мне черновики обеих речей — общее обращение и объявление войны. Кратко, без двусмысленностей. Загляните в досье Черчилля и Струдинского. Реалистично, но с энтузиазмом, оптимистично, но с оттенком суровой решимости. Ники, я хочу, чтобы меня информировали

о каждом шаге военного командования. Кроме того, мне нужна личная оперативная карта — через имплант. Гриф «Только для секретаря Сената». Барбара, ты будешь моим дипломатом с недипломатическими методами работы в Сенате. Иди туда, играй на всех струнах, дергай за все нитки: шантажируй, льсти и вообще заставь их осознать, что отправиться воевать с Бродягами для них безопаснее, чем пытаться противоречить при трех-четырех голосованиях. Вопросы? — Подождав три секунды, Гладстон хлопнула в ладоши. — Ну что ж, тогда приступим, друзья!

Ожидая следующую волну сенаторов, министров и помощников, Гладстон повернулась лицом к голой стене и погрозила пальцем потолку.

Затем она быстро обернулась назад — как раз в тот момент, когда в дверях появилась очередная депутация.

Глава двадцать пятая

Когда послышались выстрелы, Сол, Консул, отец Дюре и лежавший без чувств Хет Мастин находились в первой Пещерной Гробнице. Консул осторожно выглянул наружу, ожидая яростного

удара темпоральных волн. Час назад разыгрался настоящий шторм, заставивший их отступить в глубь долины.

— Все в порядке! — крикнул он оставшимся внутри. В тусклом круге света от фонаря Сола виднелись стены пещеры, три бледных лица и обмякшее тело тамплиера. — Прилив, кажется, слабеет.

Сол встал. Чуть ниже его подбородка белел крохотный овал — личико Рахили.

— Вы уверены, что стреляли из пистолета Ламии?

Консул указал на темный проем входа.

— Пулевое оружие есть только у нее. Пойду-ка взгляну, что там.

— Подождите, — сказал Сол. — Я с вами.

Отец Дюре остался стоять на коленях рядом с Хетом Мастином.

— Идите. Я побуду около него.

— Кто-нибудь из нас вернется минут через десять, — пообещал ему Консул.

Бледное сияние Гробниц Времени освещало долину. Дул сильный южный ветер, но воздушные потоки к ночи поднимались выше и проходили над скальными стенами долины, не тревожа дюн. Сол осторожно спустился вслед за Консулом

по неровной тропе на дно долины и повернул к ее воротам. О жуткой темпоральной свистопляске, безумствовавшей здесь лишь час назад, напоминали лишь слабые наплывы непонятных видений, но то были последние отголоски странной бури.

На дне долины тропа стала шире. Сол и Консул миновали пепелище вокруг Хрустального Монолита. Его высокие стены струили молочное сияние, отражавшееся в бесчисленных осколках на тропе и в русле пересохшего ручья. Затем паломники преодолели небольшой подъем, оставив в стороне Нефритовую Гробницу с ее бледно-зеленой иллюминацией, еще раз повернули и двинулись на еле слышные сигналы комлога — к Сфинксу.

— Боже мой, — вдруг пробормотал Сол и ринулся вперед, придерживая люльку, чтобы не растрясти ребенка. Взбежав по ступеням, он опустился на колени рядом с темной фигурой, распростертой на плитах.

— Ламия? — спросил Консул, остановившийся в двух шагах от Вайнтрауба. Он никак не мог отдышаться после быстрого подъема.

— Да, — ответил Сол и приподнял ее голову, но тут же отдернул руку, коснувшись чего-то

скользкого и холодного.

— Мертва?

Сол, прижимая дочку к груди, нащупал пульс на горле женщины.

— Нет. — Он шумно перевел дух. — Жива… но без сознания. Дайте мне фонарь.

Он провел лучом по серебристому шнуру (точнее «щупальцу», ибо штуковина была какой-то мясистой, что наталкивало на мысль о ее органическом происхождении), который выходил из гнезда нейрошунта за ухом Ламии, тянулся через широкое крыльцо Сфинкса и нырял внутрь, в открытый проем. Сам Сфинкс светился ярче остальных Гробниц, но за его порогом стояла кромешная тьма.

Консул подошел ближе.

— Что это? — Он протянул было руку: потрогать серебристый кабель, но тут же, как Сол, отдернул ее. — Господи, теплый!

— Как будто он живой, — растерянно согласился Сол и принялся растирать Ламии руки, потом легонько похлопал по щекам, пытаясь привести ее в чувство. Женщина не шевелилась. Тогда ученый провел лучом фонаря вдоль кабеля — до места, где он исчезал из виду во внутренних помещениях гробницы. — Не похоже, что Ламия

сама воткнула себе в голову эту штуку!

— Шрайк, — пробормотал Консул. Он наклонился ближе, чтобы взглянуть на биомонитор наручного комлога Ламии. — Все в норме, кроме биотоков мозга.

— А что с ними?

— Смерть мозга. Высшая нервная деятельность на нуле.

Сол, вздохнув, присел на корточки.

— Надо узнать, куда ведет кабель.

— А если просто выдернуть его из гнезда?

— Как? — Осветив затылок Ламии, Сол раздвинул слипшиеся пряди волос. Нейрошунт, обычный диск из пластиплоти нескольких миллиметров в диаметре, с десятимикронным гнездом, казалось, расплавился. На коже бугрился красный волдырь, в котором тонул миниатюрный штепсель на конце кабеля.

— Без хирурга не обойдешься, — прошептал Консул. Он дотронулся до воспаленного волдыря: Ламия не шевельнулась. Тогда Консул взял фонарь и поднялся. — Вы останетесь с ней. Я пойду вдоль этого…

— Пользуйтесь радиосвязью, — напомнил Сол, отлично зная, как мало от нее толку во время темпоральных приливов и отливов.

Консул кивнул и поспешил ко входу в Сфинкс, словно убегая от страха, который мог ему помешать.

Блестящий кабель извивался вдоль главного коридора, шел мимо помещения, где они ночевали накануне, и скрывался за углом. Консул на ходу заглянул в знакомую комнату: луч фонаря скользнул по разбросанным второпях одеялам и ранцам.

Кабель сворачивал за угол коридора, и Консул прошел вслед за ним в центральные ворота, где коридор разделялся на три прохода поуже; вверх по пандусу, опять направо по узкому проходу, который они окрестили «Тутанхамоновым шоссе», затем вниз по пандусу. По низкому туннелю пришлось ползти на четвереньках, осторожно переставляя руки, чтобы, не дай Бог, не коснуться теплого, как человеческое тело, металлического щупальца. Снова вверх по наклонной плоскости — такой крутой, что Консул был вынужден карабкаться по ней, как трубочист по трубе; и опять вниз по более широкому коридору, которого он что-то не припоминал. Наклонные стены к потолку сужались, сверху капала вода. И вновь — крутой скат. Консулу удалось затормозить, лишь ободрав в кровь ладони и колени. И опять

ползком по длинному коридору, длиннее самого Сфинкса, — или это только казалось? Консул окончательно заблудился. Теперь оставалось надеяться лишь на кабель.

— Сол, — позвал он тихонько, не веря, что комлог донесет его голос до Вайнтрауба сквозь камень и темпоральную зыбь.

— Я здесь, — раздался в наушниках шепот ученого.

— Я забрался черт знает куда, — прошептал Консул в комлог. — По коридору, которого мы раньше вроде не видели. Похоже, здесь глубоко.

— Вы нашли, где кончается кабель?

— Да, — ответил Консул, прислонившись к стене, чтобы вытереть пот со лба.

— Разъем? — спросил Сол, имея в виду один из бесчисленных терминалов, через которые граждане Сети подключались к инфосфере.

— Нет. Похоже, эта штука врастает прямо в пол. В камень. И коридор здесь кончается. Я подергал за кабель, но здесь такая же картина, как и на голове Ламии. То есть эта дрянь составляет одно целое с камнем.

— Выходите, — донесся сквозь треск помех чуть слышный голос Сола. — Попробуем отрезать.

И тут, в сырой тьме туннеля, Консула настиг

первый в его жизни приступ клаустрофобии. Сначала стало трудно дышать, потом ему показалось, что за спиной находится нечто, мешающее доступу воздуха, отрезавшее путь назад. Стук его сердца, тяжелый, неровный, казалось, отдавался эхом в стенах каменного мешка.

Консул несколько раз медленно вздохнул, снова отер пот и усилием воли остановил лавину паники.

— Это… может… ее убить, — произнес он вслух между двумя медленными вздохами.

Ответа не последовало. Консул позвал Сола, но тонюсенькая паутинка радиосвязи, по-видимому, порвалась.

— Я выхожу, — сказал он в немой прибор и развернулся, водя фонариком по стенам и потолку туннеля. Кабель-щупальце дернулся… или то был обман зрения? И Консул пополз назад — той же дорогой, какой добирался сюда.

Хета Мастина они нашли на заходе солнца, за несколько минут до начала темпорального прилива. Когда Консул, Сол и Дюре заметили тамплиера, тот шел пошатываясь, потом упал. Оказалось, что он потерял сознание.

— Отнесем его к Сфинксу, — рассудил Сол.

Тут солнце скрылось за горизонтом, и, словно по

мановению невидимого дирижера на паломников внезапно обрушились волны темпорального прилива, захлестнув их тошнотворным ощущением. Все трое упали на колени. Разбуженная Рахиль зашлась в крике, на который способны только новорожденные.

— Скорее к воротам! — задыхаясь, пробормотал Консул и взвалил Хета Мастина на спину. — Мы должны… выбраться из долины.

Они двинулись мимо Сфинкса к выходу из долины, а вокруг творилось невообразимое. Волны времени бесновались, вызывая сумасшедшее головокружение. Еще тридцать метров, и у паломников подкосились ноги. Тело Мастина покатилось по тропе. Рахиль удивленно притихла в своей люльке.

— Назад! — пробормотал, хватая ртом воздух, Поль Дюре. — Назад в долину! Внизу… было… легче.

И они вернулись, выписывая ногами кренделя, как троица пьяных, но никто не упал, потому что у каждого была своя драгоценная ноша. Зайдя за Сфинкс, паломники с минутку передохнули, привалившись к валуну. Сама ткань пространства и времени, казалось, вздувалась и рвалась в клочья. Мир вдруг превратился в поверхность

исполинского знамени, которое одним рывком развернула неведомая рука.

Гробницы, пески и небо то распухали, то опадали, складываясь в гармошку или нависая над паломниками подобно девятому валу. Консул кое-как уложил тамплиера у камня и упал, скребя пальцами песок в поисках опоры.

— Куб Мебиуса, — проговорил вдруг Мастин, не открывая глаз. — Нам обязательно нужен куб Мебиуса…

— Черт, — пробормотал Консул, резко встряхивая Мастина. — Зачем он нам? Мастин, зачем он нужен?

Голова тамплиера безвольно моталась из стороны в сторону: он опять потерял сознание.

— Я схожу за ним, — прошептал Дюре побелевшими губами. Священник выглядел совсем старым и больным, в лице не было ни кровинки.

Консул кивнул в знак согласия, кое-как вскинул Мастина на спину и неверным шагом направился в глубь долины, чувствуя, как по мере удаления от Сфинкса слабеет натиск антиэнтропийных полей.

А отец Дюре, шатаясь, добрел до Сфинкса, поднялся по длинной лестнице, останавливаясь на каждой ступени, и подошел ко входу, держась за

грубо обтесанные каменные стены, как моряк в бурном море — за брошенную ему веревку. Дюре чудилось, что Сфинкс раскачивается над ним — то на тридцать градусов в одну сторону, то на пятьдесят в другую. Он сознавал, что это лишь насмешка темпоральных волн над его органами чувств, и все же, не сумев совладать с собой, опустился на колени: его вырвало.

Волны на миг утихомирились — так стихает вдруг бешенство прибоя, чтобы через минуту с новой силой обрушиться на берег. Дюре поднялся на ноги, вытер ладонью рот и, спотыкаясь, вошел во тьму Гробницы.

Фонаря он не захватил и, пробираясь на ощупь по коридору, мучился двойным неотступным предчувствием: либо дотронется сейчас до чего-нибудь скользкого и холодного, таящегося в темноте, либо, забредя в камеру, где восстал из мертвых, найдет там собственный труп, изъеденный могильными червями. Дюре закричал, вне себя от ужаса, но голос потерялся в ураганном перестуке его собственного сердца — темпоральные волны снова сбили его с ног.

Импровизированная спальня была погружена во тьму — ту ужасную тьму, которая означает полное отсутствие света, но глаза Дюре доволь-

но быстро приспособились к ней, и священник догадался, что светится сам куб Мебиуса, подмигивающий глазками датчиков.

То и дело спотыкаясь, он пробрался через комнату и кряхтя поднял тяжеленный куб. Об этой диковине — таинственном багаже Хета Мастина — Дюре знал лишь из записей Консула. Паломники почему-то решили, что в кубе заключен эрг — живой генератор силовых полей. Такие эрги снабжают энергией тамплиерские корабли-деревья. Зачем им сейчас это инопланетное существо, священнику было невдомек, но, прижав ящик к груди, он побрел по коридору к выходу, а затем начал спускаться по ступеням в долину.

— Сюда! — позвал его Консул от ближайшей из Пещерных Гробниц. — Здесь полегче.

Дюре чуть не уронил куб — от усталости у него закружилась голова. Консул помог ему преодолеть последние тридцать шагов.

Внутри пещеры священнику действительно стало легче. У порога всплески темпоральных волн еще ощущались, но в глубине, где холодные огоньки люм-шаров выхватывали из мрака причудливые скульптуры, было вполне сносно. Священник опустился на пол рядом с Солом, поставив куб Мебиуса прямо перед Хетом Мастином

— безмолвным, но внимательным зрителем.

— Как раз пришел в себя, когда вы появились, — прошептал Сол. Широко распахнутые глаза малышки казались сейчас двумя озерцами тьмы.

Консул присел на корточки рядом с тамплиером:

— Для чего нам куб? Мастин, зачем он нам?

Взгляд тамплиера оставался неподвижным. Уставившись в одну точку, он еле слышно, но с отчетливым акцентом, как всегда растягивая гласные, произнес:

— Наш союзник. Наш единственный союзник против Повелителя Боли.

— Каким образом он может нам помочь? — вмешался Сол, вцепившись обеими руками в сутану тамплиера. — Как мы должны его использовать? Когда?

Теперь взгляд Тамплиера был устремлен куда-то вдаль.

— Мы боролись за эту честь, — хрипло пробормотал он. — Истинный Глас «Секвойи Семпервиренс» первым должен был войти в контакт с кибридом воскрешенного Китса. Но свет Мюира пал на меня. О, «Иггдрасиль», мой «Иггдрасиль»! Он стал жертвой во искупление грехов наших

против Мюира! — Тамплиер прикрыл глаза, и его губы искривила слабая усмешка, такая странная на этом суровом лице.

Консул взглянул на Дюре и Сола.

— Это скорее проповедь шрайкиста, чем тамплиерские догматы.

— Возможно, и то, и другое, — прошептал Дюре. — В истории теологии известны еще более странные альянсы.

Сол поднес ладонь ко лбу Мастина и тут же отдернул: у того был сильный жар. Порывшись в единственной аптечке в поисках болеутоляющего и жаропонижающего, он нашел пластырь, но заколебался:

— Не знаю, соответствует ли физиология тамплиеров обычным медицинским стандартам. Вдруг у него на что-нибудь аллергия?

Консул взял из рук Сола пластырь и наклеил его на плечо тамплиера.

— Различия незначительны, не бойтесь. — Наклонившись к лицу Мастина, он спросил: — Хет, что произошло в ветровозе?

Глаза тамплиера открылись, но взгляд был отрешенным.

— Ветровоз?

— Не понимаю… — прошептал отец Дюре.

Сол отвел его в сторону.

— Мастин так и не рассказал нам, почему стал паломником, — шепотом пояснил он. — Тамплиер исчез во время путешествия на ветровозе. Когда мы его хватились, обнаружили только следы крови — много крови, а в багаже — куб Мебиуса. И все.

— Что с вами случилось в ветровозе? — с расстановкой повторил Консул и потряс тамплиера за плечо, чтобы привлечь его внимание. — Думай, Хет Мастин, Истинный Глас Древа!

И тамплиер преобразился: взгляд стал осмысленным, азиатское лицо застыло, обернувшись знакомой суровой маской.

— Я выпустил стихию из ее темницы…

— Эрга, — прошептал Сол озадаченному священнику.

— …и связал ее мыслительной дисциплиной, которой научился на Высших Ветвях. Но затем, без предупреждения, нам явился Повелитель Боли…

— Шрайк, — догадался Сол.

— Это ваша кровь была там? — продолжал расспрашивать Консул.

— Кровь? — Мастин с трудом натянул капюшон на лоб, пытаясь скрыть замешательство. — Нет,

не моя. В объятиях Повелителя Боли был адепт его культа. Этот человек сопротивлялся. Пытался избежать искупительных терний…

— Ну а эрг? — допытывался Консул. — Стихия… Чего вы ожидали от нее? Что она защитит вас от Шрайка?

Тамплиер, нахмурившись, коснулся дрожащей рукой лба.

— Она… стихия… не была готова. Я не был готов. Я возвратил ее в темницу. Повелитель Боли дотронулся до моего плеча. Мне было… приятно… что мое искупление совпадет с жертвоприношением моего Древа.

Сол наклонился к Дюре.

— В тот вечер корабль-дерево «Иггдрасиль» был уничтожен на орбите, — прошептал он.

Хет Мастин медленно опустил веки.

— Устал, — чуть слышно пробормотал он.

Консул снова встряхнул его.

— Как вы сюда попали? Мастин, каким образом вы перенеслись сюда из Травяного моря?

— Я очнулся среди Гробниц, — прошептал тамплиер, не открывая глаз. — Очнулся среди Гробниц. Устал. Должен заснуть.

— Дайте ему отдохнуть, — вмешался отец Дюре.

Консул, кивнув, уложил тамплиера на пол, заботливо подсунув ему под голову рюкзак.

— Какая-то бессмыслица, — заметил Сол. Трое мужчин и младенец затаились в полумраке, прислушиваясь к отзвукам темпоральных волн, бушующих снаружи.

— Один паломник исчезает, другой тут же появляется, — пробормотал Консул. — Словно дьявол с нами играет.

Часом позже они услышали эхо выстрелов.

Сол и Консул склонились над телом Ламии Бром.

— Чтобы отрезать кабель, понадобится лазер, — сказал Сол. — Но Кассада нет, и оружия тоже.

Консул коснулся запястья женщины.

— А не погубим ли мы ее, отрезав эту штуку?

— Судя по биомониторам, Ламия мертва.

Консул покачал головой:

— Нет. Тут другое. Возможно, через этот кабель осуществляется перезапись личности Китса, которую она носит в себе. И когда дело будет сделано, мы получим Ламию обратно.

Сол поднял свою трехдневную дочь на плечо и оглядел тускло мерцающую долину.

— Сумасшедший дом. Все наши планы и намерения идут прахом. Будь здесь хотя бы ваш

проклятый корабль, а с ним инструменты! Может, мы смогли бы освободить Ламию от этого… этой штуки… У них с Мастином появился бы шанс выжить.

Консул, не поднимаясь с колен, глядел в пустоту. Помолчав с минуту, он бросил: «Побудьте с нею, пожалуйста», — поднялся и исчез в темной пасти Сфинкса. Минут через пять он вернулся со своим большим дорожным чемоданом, извлек оттуда скатанный коврик и разложил его на ступенях Сфинкса.

Коврик был старинный, метра два в длину и метр с лишним в ширину. Замысловатый узор за века выцвел, но монокристаллические левитационные нити отливали в полумраке золотом. Тонкие проводники соединяли коврик с единственным аккумулятором, который Консул сейчас отключил.

— Боже милостивый, — прошептал Сол. Он вспомнил рассказ Консула о трагическом романе его бабушки Сири с Мерри Аспиком, послужившем первотолчком для восстания против Гегемонии и ввергнувшем Мауи-Обетованную в многолетнюю войну. Мерри Аспик прилетел в Порто-Ново на ковре-самолете своего друга.

Консул кивнул.

— Да, он принадлежал Майку Ошо, другу моего дедушки. Сири оставила его в своей гробнице, не сомневаясь, что Мерри найдет его там. А он подарил коврик мне — как раз накануне Битвы за Архипелаг, где погибли и дедушка, и надежда на свободу. Я был тогда ребенком.

Сол погладил старинную ткань:

— Жаль, что здесь он не действует.

Консул поднял голову.

— Это почему же?

— Но ведь напряженность магнитного поля Гипериона ниже критического порога для электромобилей, — пустился в объяснения Сол. — Вот поэтому вместо ТМП здесь пользуются дирижаблями и скиммерами. Потому и с «Бенареса» сняли левитационные генераторы. — Он вдруг умолк, спохватившись, что рассказывает об этом человеку, который одиннадцать местных лет был консулом Гегемонии на Гиперионе. — Наверное, я не прав?

Консул улыбнулся:

— Вы правы в одном — стандартные электромобили здесь бесполезны: уж очень невыгодно соотношение между их массой и здешней подъемной силой. Но ковер-самолет — это подъемная сила при совершенно ничтожной массе. Я его

опробовал, когда жил в столице. Трясет здорово… но одного человека он выдержит.

Сол оглянулся, скользнув взглядом по бледным контурам Нефритовой Гробницы, Обелиска и Хрустального Монолита — туда, где тень скальной стены скрывала вход в Пещерные Гробницы. Не явился ли, пока они с Консулом здесь, к отцу Дюре и Хету Мастину непрошеный гость? Живы ли они?

— Вы… решили отправиться за помощью?

— Кто-то должен это сделать: привести корабль в долину. Или хотя бы освободить его из-под стражи и послать сюда на автопилоте. Гонца можно выбрать по жребию.

На этот раз улыбнулся Сол.

— Спасибо, друг мой. Дюре не в состоянии путешествовать, да и дороги не знает. Я… — Сол приподнял Рахиль, коснувшись ее небритой щекой. — Путешествие может затянуться на несколько дней. У меня — у нас — этих дней просто нет. Если ей еще можно помочь, это случится здесь. Следовательно, полетите вы.

Консул вздохнул, но спорить не стал.

— Кроме того, — продолжал Сол, — это ваш корабль. Если кто-нибудь и сможет освободить его из-под ареста, наложенного Гладстон, так

только вы. К тому же вы хорошо знаете генерал-губернатора.

Консул поглядел на запад.

— Не знаю, сохранил ли Тео свой пост…

— А теперь вернемся и расскажем отцу Дюре о нашем плане, — сказал Сол. — К тому же я оставил в пещере детское питание, а Рахиль проголодалась.

Консул свернул коврик, сунул его в рюкзак и покосился на Ламию и отвратительный кабель, уползающий в темноту.

— С ней ничего не случится?

— Я попрошу Поля вернуться с одеялом. Пока он посидит с нею, мы с вами перенесем сюда другого нашего больного. Вы отправитесь ночью или подождете рассвета?

Консул устало потер щеки.

— Лететь через горы ночью — удовольствие небольшое, но со временем у нас туго. Я отправлюсь, как только соберу кое-какие пожитки.

Сол кивнул и посмотрел в сторону входа в долину.

— Хотел бы я узнать от Ламии, куда подевался Силен.

— Буду высматривать его по дороге, — пообещал Консул и, запрокинув голову, уставился

на звезды. — Думаю, до Китса я долечу часов за тридцать шесть — сорок. Еще несколько часов понадобится, чтобы освободить корабль… Стало быть, ждите меня примерно через двое стандартосуток.

Сол кивнул, укачивая плачущего ребенка. На его усталом добром лице ясно читалось сомнение. Он положил руку на плечо Консула.

— Друг мой, как бы там ни было, но попытаться необходимо. Пойдемте поговорим с отцом Дюре, посмотрим, не пришел ли в себя наш попутчик, а заодно и заморим червячка. Стараниями Ламии нам обеспечен великолепный прощальный ужин.

Глава двадцать шестая

Когда отец маленькой Ламии Брон был избран в Сенат, девочке выпало недолгое счастье — они переселились с Лузуса на Центр Тау Кита, в зеленый рай Административно-жилого комлекса. И там-то Ламии довелось увидеть старинный, еще плоский мультфильм Уолта Диснея. Он назывался «Питер Пэн». Потом она прочитала книжку Джеймса Барри — и навсегда заболела этой сказкой.

Много месяцев пятилетняя девочка надеялась, что однажды Питер Пэн прилетит и заберет ее с собой. Она оставляла ему записки с указаниями, как найти ее спальню (под слуховым окошком, которое с козырьком). Когда родители засыпали, она выскальзывала из дома и до самого утра лежала на мягкой траве в Оленьем парке, глядя в молочно-серое ночное небо ТКЦ и грезя о мальчике из Страны-Небывальщины, который однажды возьмет ее с собой, и они полетят — вторая звезда направо, а потом прямо, до самого утра. Она станет его помощницей, мамой Потерянных Мальчишек, Немезидой злого капитана Крюка, а главное — новой Венди… новой подружкой-ровесницей мальчика, который никогда не вырастет.

И вот теперь, двадцать лет спустя, Питер наконец-то пришел за ней.

Когда стальной коготь Шрайка проник в нейрошунт за ее ухом, Ламия не почувствовала боли. Ее просто сорвал с места ледяной вихрь. Она летела, неслась… все быстрее, быстрее.

Ей и прежде доводилось, преодолев киберпространственный барьер, проникать в недра инфосферы. Всего несколько недель назад Ламия и ее приятель, компьютерный фанат, недотепа

ВВ Сурбринер совершили налет на матрицу Техно-Центра. Они помогали Джонни переместить воскрешенную личность в его кибрида. В периферию они пробрались, личность похитили, но в матрице сработала тревога, и ВВ погиб. С тех пор у Ламии пропало всякое желание соваться в инфосферу.

Но сейчас она вновь очутилась в ней.

И это не шло ни в какое сравнение с прошлыми ощущениями Ламии, когда она подключалась к инфосфере через обычный комлог или шлем. То, что было теперь, напоминало полную фантопликацию — будто ты очутился внутри высококачественного цветного голофильма со стереозвуком. Даже лучше.

И Питер наконец-то прилетел за ней.

Ламия воспарила над дугой планетарного лимба Гипериона и увидела паутину примитивных микроволновых и лазерных инфоканалов — здешнее жалкое подобие инфосферы. Она не стала к ней подключаться: оранжевая пуповина звала Ламию в небо, к настоящим шоссе и проспектам киберпространства.

Вторгнувшись в пространство Гипериона, ВКС Гегемонии и Рои Бродяг принесли с собой лабиринты и хитросплетения своих инфосфер.

Новообретенным зрением Ламия различала каждую струйку в инфопотоке ВКС — пронизанном красными артериями экранированных каналов бурном зеленом океане информации, в котором проплывали вращавшиеся фиолетовые шары корабельных ИскИнов, эскортируемые черными фагами. Но этот океан был лишь крохотной каплей мегасферы Сети, просочившейся сквозь черные трубы бортовых порталов, вслед за разбегающимися кругами информоволн, источниками которых являлись десятки непрерывно работающих мультипередатчиков.

Она нерешительно замерла, не зная, куда направиться, какой путь избрать. Мгновенная заминка словно отключила невидимые крылья, и тысячекилометровая пропасть внизу сразу обрела гибельную глубину — так Питер Пэн разучился летать, когда усомнился в себе.

И тут Питер — ее Питер! — схватил Ламию за руку и потянул вверх.

«Джонни!»

«Здравствуй, Ламия».

В ту же секунду, когда она увидела его и ощутила его присутствие, раздался щелчок, и ее собственное тело внезапно обрело прежнюю непрозрачность и весомость. Это был воистину

Джонни — такой, каким она видела его в последний раз, ее клиент и любовник: острые скулы, карие глаза, курносый нос, упрямый подбородок. Рыжевато-каштановые кудри все так же лезли ему за шиворот, а лицо по-прежнему могло служить образцом энергичной целеустремленности. И — по-прежнему — стоило ему улыбнуться, как она готова была растаять.

Джонни! Она обняла его, тут же почувствовала ответное объятие — и они воспарили над миром. Крепкие руки, налившиеся поразительной силой, гладили ее спину, к ее груди прижималась его теплая грудь. Наконец они поцеловались, и реальнее этого поцелуя в ее жизни ничего не было.

Ламия плыла теперь на расстоянии вытянутой руки от Джонни, положив ладони ему на плечи. По их лицам, как морская рябь, пробегали отблески зеленых и фиолетовых волн бескрайнего океана инфосферы.

«Это все взаправду?» — Она услышала звук собственного голоса с лузусским выговором, прекрасно сознавая, что лишь подумала об этом.

«Да, конечно. Все такое же настоящее, как любой уголок киберпространственной матрицы. Мы с тобой находимся на краю мегасферы, в пространстве Гипериона». — Джонни так и не

избавился от своего непонятного, так раздражавшего Ламию акцента.

«Что же все-таки произошло?» — Вместе со словами она передала ему образ Шрайка и чувства, охватившие ее при внезапном проникновении пальцелезвия в затылок.

«Да, все так, — мысленно ответил ей Джонни, держа ее крепче. — Таким образом он выпустил меня из петли Шрюна и забросил нас с тобой прямо и инфосферу».

«Джонни, я умерла?»

Лицо Китса улыбнулось ей. Он слегка встряхнул ее, нежно поцеловал и повернулся так, чтобы ничто не мешало им видеть все вокруг.

«Нет, ну что ты, хотя, может быть, тебя и подключили к какому-нибудь странному устройству жизнеобеспечения, пока твой киберпространственный аналог гуляет здесь со мной».

«А ты? Ты живой?»

Джонни снова улыбнулся:

«Теперь да, хотя жизнь в петле Шрюна вряд ли можно назвать жизнью. Это почти то же, что видеть чужие сны».

«Мне снился ты».

Джонни понимающе кивнул.

«Вряд ли это был я. Ведь и мне снились те же са-

мые сны — беседы с Мейной Гладстон, заседание правительства Гегемонии…»

«Точно!»

Он сжал ее руку.

«Мне кажется, они активизировали другого кибрида Китса. И каким-то образом мы смогли установить связь через все эти парсеки».

«Другого кибрида? Как это? Ведь ты уничтожил свой сектор Техно-Центра, освободил личность…»

Ее любимый пожал плечами. Он был одет в блузу с оборками и шелковый жилет невероятного покроя — Ламия сроду не видела такой одежды. Инфопоток, текущий по проспектам наверху, заливал их лица пульсирующим неоновым светом.

«Я давно подозревал, что там имеется несколько запасных моделей. Нам бы с ВВ пробраться глубже в периферию… Но знаешь, Ламия, это все не важно. Если даже существует еще один экземпляр, то он — это я, а я не могу быть врагом себе самому. Давай-ка лучше займемся разведкой».

Ламия на миг заупрямилась, когда он потянул ее выше.

«Какой еще разведкой?»

«Это наш шанс разобраться в том, что здесь

происходит. Шанс проникнуть в тайну».

«Я не уверена, что мне хочется этого, Джонни», — произнесла она, уловив в своем голосе/мысли необычную робость.

Он повернулся и удивленно взглянул на нее:

«И это моя подруга — частный детектив? Леди, которая терпеть не могла секретов?»

«Жизнь ее перевоспитала, Джонни. Мне представился случай оглянуться назад, и я… я решила стать сыщиком прежде всего потому, что не могла поверить в самоубийство отца, и все еще пытаюсь распутать обстоятельства его смерти. А тем временем страдают и погибают реальные люди. Как ты, мой Джонни, как ты».

«И ты разгадала?»

«Что?»

«Загадку смерти твоего отца?»

Ламия, нахмурившись, подняла на него глаза:

«Не знаю. Думаю, нет».

Джонни указал на текучее тело инфосферы, которое то распухало, то опадало у них над головами.

«Ламия, там, наверху, тысячи ответов. Если, разумеется, у нас хватит смелости отыскать их».

Она снова взяла его за руку.

«Мы можем погибнуть, Джонни».

«Можем».

Ламия помолчала, глядя вниз, на Гиперион. Он предстал перед ней в виде темной кривой с несколькими одинокими карманами инфопотоков, светящихся подобно кострам в ночи. Между тем огромный океан над их головой бурлил и пульсировал, переполненный светом и шумом, но то был лишь ничтожный рукав далекой мегасферы. Она знала… чувствовала, что их киберпространственные воплощения могут достичь мест, которые и не снились ни одному компьютерному ковбою.

С Джонни в качестве проводника она может открыть такие глубины мегасферы и Техно-Центра, куда не заглядывал ни один человек. И ей стало страшно — страшно, как никогда.

Но Питер Пэн все-таки нашел ее. И Страна-Небывальщина манила к себе.

«Отлично, Джонни! Чего же мы ждем?»

И они рука об руку понеслись к мегасфере.

Глава двадцать седьмая

Полковник Федман Кассад, шагнув вслед за Монетой в портал, очутился на огромной лунной равнине, где ужасное терновое дерево упиралось

в кроваво-красное небо. На его многочисленных ветвях и шипах извивались и корчились человеческие фигурки: хорошо различимые вблизи, они, чем дальше, тем больше напоминали белесые грозди дикого винограда.

Кассад набрал в грудь воздуха и, скользнув взглядом по безмолвной фигуре Монеты, огляделся по сторонам, стараясь при этом не смотреть в сторону отвратительного дерева.

То, что он принял за лунную равнину, было поверхностью Гипериона у входа в долину Гробниц Времени, но Гипериона, претерпевшего ужасную перемену. Разметанные и опаленные неведомым огнем дюны блестели, словно застывшие стеклянные волны, поверхность валунов и скал тоже сплавилась, придав долине сходство с ледником, но ледником из камня. Атмосфера исчезла — об этом говорило небо, безжалостно-черное небо безвоздушных лун. Солнце тоже изменилось: его свет казался чуждым человеческому глазу. Кассад запрокинул голову, и светофильтры его скафандра тут же поляризовались, спасая его сетчатки от буйства энергетических потоков, заполнивших небо кроваво-красными лентами и непрерывно расцветающими жгуче-белыми цветами.

Почва у него под ногами подрагивала, словно

от незаметных сейсмических толчков.

Гробницы Времени, гладкие и блестящие, как новенькие, тоже преобразились; из каждого входа, проема и отверстия на дно долины лились потоки холодного света.

Кассад понял, что только благодаря скафандру он еще дышит и не превратился в ледышку от космического холода, сменившего жару пустыни. Он повернулся к Монете, чтобы расспросить ее поподробнее, но слова замерли у него на губах, и Кассад вновь перевел взгляд на невероятное дерево.

По-видимому, оно, как и Шрайк, было слеплено из стали, хрома и хрящей: откровенно искусственное и в то же время до ужаса живое. Толщина его ствола у основания составляла метров двести — триста, да и нижние ветви почти ничем ему не уступали, но выше ветви и шипы постепенно превращались в узкие острия — на них-то и были насажены страшные плоды.

Невозможно было поверить, что люди на шипах еще живы; вдвойне невозможным казалось, что они могут уцелеть здесь — в вакууме, за пределами времени и пространства. Тем не менее все они были живы и страдали. Кассад видел их муки. Все они были живы. И все испытывали боль.

Эта боль разрывала барабанные перепонки как дикий рев, перешедший порог слышимости, как беспрестанный вопль огромной сирены, словно тысячи неумелых пальцев колотили по тысячам клавиш гигантского органа. Органа боли. Боль была настолько явственной, что Кассад невольно стал искать ее в небе — как дым, если это дерево сродни погребальному костру, или как лучи, если оно — адский маяк.

Но в небе был только резкий свет и безмолвие космоса.

Кассад мысленно подкрутил окуляры скафандра и принялся рассматривать ветку за веткой, шип за шипом. Люди, извивавшиеся на них, мужчины и женщины, старые и молодые, принадлежали к разным эпохам — об этом свидетельствовала одежда и остатки косметики. Многое в них было незнакомо Кассаду, и он предположил, что это жертвы из будущего. Их были тысячи… десятки тысяч. И все живые. Мучившиеся от боли!

Кассад вдруг замер и вгляделся в одну из нижних ветвей. На самом ее конце, на трехметровом шипе трепетала знакомая пурпурная накидка. Насаженное на шип тело, дергаясь и корчась, на миг повернулось к Кассаду.

То был Мартин Силен.

Кассад выругался и сжал кулаки с такой силой, что у него заныли суставы. Он огляделся вокруг в поисках оружия, заглянул даже внутрь Хрустального Монолита. Ничего.

И вдруг полковник сообразил, что его скафандр — сам по себе оружие, и притом превосходящее по мощи все то, что он привез с собой на Гиперион. Размашисто ступая, он двинулся к дереву. Он еще не знал, каким способом взберется на него, но в том, что взберется, не сомневался. И как снять оттуда Силена — снять всех, — он тоже не знал, но был уверен, что сделает это, даже ценой собственной жизни.

Сделав еще десять шагов, полковник замер на гребне застывшей дюны. Между ним и деревом стоял Шрайк.

Кассад почувствовал, как губы сами раздвигаются в недоброй улыбке. Вот оно — то, чего он ждал долгие годы. Правое дело, сражаться за которое он поклялся жизнью и честью двадцать лет назад, на Церемонии Масада. Единоборство двух воинов. Схватка ради спасения невинных. Полковник превратил правую руку в серебряный клинок и шагнул вперед.

«Кассад!»

Он оглянулся на крик Монеты. Свет играл на зеркальной поверхности ее обнаженного тела. Она указывала рукой на долину, где второй Шрайк выбирался из гробницы, называемой Сфинксом. Еще один Шрайк показался из входа в Нефритовую Гробницу. Свет блеснул на шипах и колючей проволоке — новый Шрайк появился из Обелиска, в пятистах метрах отсюда.

Кассад, не обращая на них внимания, повернулся к дереву и его защитнику.

Между полковником и деревом стояло сто Шрайков. Он моргнул, и слева от него встала еще сотня. Он оглянулся назад — легион неподвижных, как статуи, Шрайков выстроился на холодных дюнах и оплавленных валунах пустыни.

Кассад ударил себя по колену. Будь они прокляты…

Монета подошла к нему так близко, что руки их соприкоснулись. Скафандры слились в одно целое, и он почувствовал тепло ее плеча. Теперь они стояли нога к ноге.

«Я люблю тебя, Кассад».

Он вгляделся в ее прекрасное лицо, не обращая внимания на пляшущие на нем цветные пятна; сейчас Кассад пытался увидеть ее такой, какой

она была во время их первой встречи, в лесу близ Азенкура. Он вспомнил ее удивительные зеленые глаза и короткие каштановые прядки, припухшую нижнюю губу и вкус слез, когда он случайно укусил ее.

Полковник поднял руку и коснулся ее щеки, ощутив теплоту женской кожи под скафандром.

«Если любишь меня, оставайся здесь», — сказал он.

Потом он отвернулся от женщины и издал боевой клич, слышный в безмолвии космоса лишь ему одному. То был одновременно вопль мятежника из далекого прошлого человечества, радостное «ура!» выпускника Олимпийской Школы, резкое «ки-я» каратиста и просто вызов на поединок. И, не переставая кричать, он побежал через дюны к терновому дереву и к Шрайку, стоящему прямо под ним.

Теперь горы и долину заполнили тысячи Шрайков, разом выпустивших когти и засверкавших десятками тысяч острых, как скальпели, ножей и шипов.

Кассад бежал к стальному идолу, который появился первым, над чьей головой в единоборстве с болью корчились на шипах человеческие фигуры.

Шрайк развел руки, словно собираясь заключить Кассада в объятия. Из скрытых ножен на его запястьях, суставах, груди выползли кривые ятаганы.

Кассад снова закричал — и одним рывком преодолел оставшееся между ними расстояние.

Глава двадцать восьмая

— Я не полечу, — заявил Консул.

Пока отец Дюре присматривал за Ламией, они с Солом перенесли так и не пришедшего в сознание Хета Мастина из Пещерной Гробницы к Сфинксу. Близилась полночь; слабое сияние Гробниц разливалось в воздухе, заполняя всю долину. Наверху, меж скальными стенами, зияла полоска неба с рваными краями — то были силуэты крыльев Сфинкса. Ламия лежала неподвижно; отвратительный кабель все так же уползал во тьму Гробницы.

Сол дотронулся до плеча Консула:

— Мы ведь уже все обсудили. Лететь должны именно вы.

Консул, покачав головой, задумчиво провел рукой по древнему ковру-самолету.

— А вдруг он выдержит двоих? Вы с Дюре мог-

ли бы добраться до места, где пришвартован «Бенарес».

Сол, подложив ладонь под крохотную головенку дочери, снова начал баюкать ее.

— Рахили двое суток от роду. Вы же знаете, нам нужно быть здесь.

Консул огляделся вокруг. Его глаза затуманились от боли.

— Это мне нужно быть здесь. Шрайк…

Дюре подался вперед. Свечение гробницы за их спинами озарило благородный лоб и высокие скулы.

— Сын мой, если вы останетесь, это будет не чем иным, как самоубийством. А если попытаетесь пригнать сюда корабль ради госпожи Брон и тамплиера, вы окажете благодеяние своим спутникам.

Консул потер виски и устало вздохнул.

— На коврике найдется место и для вас, преподобный отец.

Дюре улыбнулся.

— Каков бы ни был мой удел, я чувствую, что мне суждено встретить его здесь. Отправляйтесь! А я буду ждать вас.

Консул снова покачал головой, но послушно уселся на коврик и, подтянув к себе тяжелый

рюкзак с припасами и снаряжением, пересчитал пакеты НЗ и бутылки с водой, которыми снабдил его Сол.

— Многовато. Оставьте себе половину, вам нужнее.

Дюре засмеялся.

— Благодаря госпоже Брон пищи и воды нам хватит на четверо суток. А если потом придется поститься, мне это не в диковинку.

— А если вернутся Силен и Кассад?

— Водой мы с ними поделимся, — сказал Сол. — Да и в конце концов можно еще разок сходить за продовольствием.

Консул вздохнул!

— Ну что ж!

Он коснулся нужной сенсорной нити, и маленький коврик стал жестким и поднялся на десять сантиметров над камнем. Если здешнее магнитное поле и капризничало, невооруженным глазом это было незаметно.

— При перелете через горы вам понадобится кислород, — напомнил Сол.

Консул вытащил из рюкзака осмотическую маску и проверил, цела ли она.

Сол протянул ему пистолет Ламии.

— Нет, что вы…

— От Шрайка он нам не защита, — возразил ученый. — А вам может — как знать — пригодиться.

Консул вздохнул и положил оружие и рюкзак. Затем он обменялся рукопожатиями со священником и старым ученым. Крошечные пальчики Рахили скользнули по его локтю.

— Удачи, — прошептал Дюре. — Да поможет вам Бог!

Консул молча кивнул, коснулся нитей и чуть наклонился вперед, когда летающий коврик подпрыгнул метров на пять. Слегка покачиваясь, он начал набирать высоту, словно взбираясь по невидимым рельсам.

Консул заложил правый вираж, держа курс на ворота долины, пролетел над дюнами, затем повернул налево к пустошам. Он оглянулся только однажды. Четыре фигуры у подножия Сфинкса — двое стоят, двое лежат — казались отсюда, с десятиметровой высоты, крошечными. А ребенка на руках Сола уже не было видно.

* * *

Как было условленно, Консул сначала направился на запад, к Граду Поэтов, в надежде обнаружить там Мартина Силена. Интуиция подсказывала ему, что упрямый поэт запросто

мог свернуть туда.

Битва в небесах поутихла, и Консулу пришлось напрягать глаза, высматривая Силена в потемках. Он прошел над городом на двадцатиметровой высоте, лавируя между дырявыми куполами и остриями шпилей. Никаких следов. Если даже Ламия и Силен проходили здесь, отпечатки их ног давно стер ночной ветер — тот самый, что теребил сейчас волосы Консула и рвал с него одежду.

Здесь, наверху, холод был ощутимее. Когда ковер-самолет на миг терял, а потом вновь нащупывал шаткие поручни силовых линий, Консула не на шутку подбрасывало. Коварное магнитное поле Гипериона и изношенные левитационные нити могли в любую минуту швырнуть его на землю, задолго до того, как на горизонте покажется Китс. Он несколько раз позвал Силена, но никто ему не ответил, только стая голубей с шумом сорвалась со своих насестов под разбитым куполом древней галереи. Покачав головой, Консул повернул на юг, к Уздечке.

Историю этого коврика он услышал впервые от деда. То была одна из самой первой серии подобных игрушек, изготовленных вручную Владимиром Шолоховым, известным на всю Сеть знатоком чешуекрылых и конструктором элек-

тромобилей, возможно даже, тот самый коврик, который он преподнес своей юной племяннице. Любовь Шолохова к девочке вошла в легенды, как и то обстоятельство, что она отвергла его подарок.

Но кое-кому идея пришлась по вкусу, и, хотя на мирах с оживленным воздушным движением ковры-самолеты вскоре запретили, на колониальных планетах ими продолжали пользоваться. На Мауи-Обетованной этот коврик свел деда Консула с его бабкой.

Консул взглянул на приближающийся горный хребет. За десять минут он проделал путь, который несколько дней назад занял у них почти два часа. Вначале он планировал сесть у Башни Хроноса и поискать следы Силена, но друзья отговорили его: что бы ни случилось с поэтом, Консулу не следовало подвергать себя опасности в самом начале путешествия. Поэтому он удовлетворился тем, что сделал круг над Башней, заглядывая в окна и выкрикивая имя поэта. При желании Консул мог бы дотронуться до перил балкона, откуда трое суток назад им открылась долина.

Но из темных залов и коридоров доносилось только эхо. Высота и опасная близость отвесных

каменных стен заставили Консула крепче схватиться за края коврика. Наконец, облегченно вздохнув, он заложил вираж, набрал высоту и начал карабкаться к перевалу, где в свете звезд белели снега. Консул летел вдоль тросов фуникулера, которые вначале поднимались к перевалу, а дальше соединяли один пик-девятитысячник со следующим, высящимся с другой стороны широченного хребта. Здесь стало еще холоднее, и Консул мысленно похвалил себя за то, что захватил из багажа Кассада лишнюю термонакидку. Он скорчился под ней в три погибели, стараясь уберечь от мороза кисти рук и щеки. Осмотическая маска прильнула к лицу, как голодный зверь-симбионт, жадно выискивая и всасывая редкий здесь кислород.

Слава Богу, Консулу его хватало. Он дышал глубоко и ровно. В десяти метрах внизу блестели покрытые ледяной коркой тросы. Герметичных вагончиков подвесной дороги не было видно. Он летел над ледниками, голыми вершинами и темными долинами, и от небывалого одиночества у него захватывало дух. Теперь Консул был рад, что отправился в это путешествие: его стоило совершить хотя бы ради того, чтобы еще раз (наверное, в последний) увидеть Гиперион — все

еще прекрасный, не осквернённый ни Шрайком, ни угрозой вторжения Бродяг.

Путешествие по подвесной дороге с юга на север заняло у них двенадцать часов. Сейчас, несмотря на небольшую скорость (двадцать километров в час, что для ковров-самолетов далеко не рекорд), Консул одолел этот путь за шесть часов. Восход солнца застал его среди вершин. Разбуженный первыми лучами, он вздрогнул, удивленно сообразив, что спал. В пятидесяти метрах от себя Консул увидел вершину, заслонившую небо — она была всего метров на пять выше коврика и стремительно приближалась. Прямо перед его глазами оказался снежный склон с выступающими камнями. Огромная черная птица — одна из тех, что местные жители зовут предвестниками, — снялась с обледеневшего карниза и парила в разреженном воздухе, кося черным глазом-бусинкой на человека. Консул торопливо заложил крутой вираж, и в этот момент в левитационных нитях что-то хрустнуло. Ковер камнем упал метров на тридцать, но потом вновь нащупал магнитную опору и выровнялся.

Сжимая жесткую ткань побелевшими пальцами, Консул перевел дух. Хорошо, что он догадался привязать ремни рюкзака к поясу, иначе все его

снаряжение уже валялось бы далеко внизу, на леднике.

Подвесной дороги нигде не было видно. Неужели он умудрился проспать все на свете и сбился с курса! На миг Консул поддался панике и принялся швырять коврик то в одну, то в другую сторону, высматривая проход между торчащими вокруг вершинами, похожими на острые зубы. Тут он увидел впереди золотые отблески рассвета на склонах, а позади, через ледники и высокогорную тундру, тянулись длинные тени. Это означало, что он на верном пути. За последней цепью вершин лежит южное предгорье. А за ним…

Коврик, казалось, заупрямился, когда Консул, легонько постукивая по сенсорным нитям, стал подгонять его, — но все же набрал высоту и обогнул последний девятитысячник; отсюда открывался вид на горы пониже, переходящие в предгорья. Всего-то три тысячи метров над уровнем моря! И Консул с облегчением принялся спускаться.

На солнце сверкнули тросы подвесной дороги — в восьми километрах южнее места, где он распрощался с Уздечкой. Колонна вагончиков обреченно застыла у платформы западной станции. Приют Паломника — кучка домов внизу — вы-

глядел таким же безжизненным, как и несколько дней назад. А вот ветровоз, оставленный ими у низкого причала, на отмели Травяного моря, бесследно исчез.

Консул сел вблизи от причала, выключил левитаторы и размял затекшие ноги, а потом на всякий случай скатал коврик. После этого он воспользовался туалетом одного из покинутых домов на берегу. Когда Консул вышел оттуда, ослепительное утреннее солнце, поднимаясь над предгорьями, слизывало последние островки тьмы. На юг и на запад, насколько хватало глаз, простиралось Травяное море, гладкое, как скатерть; случайный ветерок поднимал на его бирюзовой поверхности легкую рябь, обнажая ультрамариновые и шафранные стебли. Это так напоминало волны, что казалось, будто сейчас вспенится белый гребень или выпрыгнет рыба. Но рыба в Травяном море не водилась, зато там обитали двадцатиметровые травяные змеи, и в случае катастрофы над «водами» этого моря даже успешная посадка не сулила Консулу ничего хорошего.

Он развернул коврик, пристроил рюкзак за спину и поднялся в воздух. Высота была сравнительно небольшой — каких-нибудь двадцать пять

метров от поверхности, — но все же достаточной, чтобы не вводить травяных змей в искушение. Переправа через Травяное море заняла у них почти сутки, но ветровозу мешал встречный северо-восточный ветер. Консул решил, что сейчас ему потребуется часов пятнадцать, не больше. Он дотронулся до нужных нитей, и коврик послушно начал набирать скорость.

Через двадцать минут горы остались позади, а затем и предгорья растворились в туманной дымке. Еще через час вершины стали заметно укорачиваться, скрываясь за линией горизонта. А спустя два часа на севере виднелся лишь самый высокий пик — смутная зазубренная тень над голубой мглой. И наконец в мире осталось лишь небо да море — величественное и невозмутимое, если не считать случайной ряби и борозд от ветра. Здесь было гораздо теплее, чем к северу от Уздечки. Сначала Консул скинул термонакидку, потом пиджак, а потом пришлось стянуть с себя и свитер. Солнце припекало не на шутку, что было удивительно для столь высоких широт.

Консул пошарил в рюкзаке, отыскал помятую и обтрепанную треуголку, так горделиво сидевшую на нем всего двое суток назад, и нахлобучил на голову — лоб и макушка уже начали чесаться.

Примерно через четыре часа он решил наконец позавтракать и долго смаковал пресные белковые лепешки из армейского рациона, словно это было филе барашка. Самым изысканным блюдом была вода, и Консул едва удержался, чтобы не опустошить все бутылки сразу.

Внизу, позади, впереди — всюду, куда ни глянь, — лежало Травяное море. Консула начало клонить в сон. Каждый раз он просыпался от мысли, что вот-вот свалится, и в страхе цеплялся за жесткие края ковра-самолета, пока не сообразил, что надо привязать себя к нему единственной веревкой, оказавшейся у него в рюкзаке. Но садиться ради этого ему не хотелось — трава здесь выше человеческого роста и вдобавок очень острая. Правда, «усы» на поверхности моря — признаки обитания травяных змей — до сих пор ему не попадались, но это ничего не значило: он вполне мог сесть прямо на голову отдыхающей в тени твари.

В полудреме он лениво размышлял об исчезновении ветровоза. Эта автоматизированная колымага была, по-видимому, запрограммирована Церковью Шрайка, организовавшей их паломничество. Для каких еще нужд ее можно было использовать? Консул встряхнул головой,

выпрямился и ущипнул себя за щеку. Его так клонило в сон, что все мысли отступили куда-то. Он взглянул на комлог: прошло пять часов.

Консул поднял коврик, внимательно осмотрелся вокруг, чтобы удостовериться в отсутствии змей, а затем спустился до высоты примерно пять метров над верхушками стеблей. Он достал из рюкзака веревку и сделал петлю, затем переполз на переднюю часть коврика и несколько раз обмотал веревку вокруг него, оставив слабину, чтобы можно было пролезть под нею и тогда уже затягивать узел.

В случае падения привязь могла погубить его, зато тугая веревочная петля на поясе создавала ощущение безопасности. Наклонившись вперед, Консул вновь дотронулся до сенсорных нитей, выровнял коврик на высоте сорока метров и приник щекой к теплой ткани. Обжигающие солнечные лучи просачивались между пальцами, и он понял, что его голые руки скоро обгорят.

Но он слишком устал — даже для того, чтобы сесть и опустить рукава рубашки.

Подул ветер. Консул услышал, как внизу что-то зашуршало — то ли ветер всколыхнул траву, то ли проползло кто-то большое.

Но усталость вытеснила все, даже любопытство.

Веки закрылись сами собой, и через полминуты он уже спал как убитый.

* * *

Консулу снился его дом — родной дом — на Мауи-Обетованной. Сон был пестрый, разноцветный — бездонное голубое небо, бескрайние просторы Южного моря, ультрамарин, переходящий в бирюзу там, где начинались Экваториальные Отмели, умопомрачительные зеленые, желтые и орхидейно-красные бока плавучих островов, плывущих на север под охраной дельфинов… Дельфинов истребили во время вторжения, когда Гегемония оккупировала планету, но в его сне они были живы и весело бороздили чистую воду, поднимая в воздух хрустальные брызги.

Во сне Консул увидел себя ребенком. Вот он стоит на верхней ветви дома-дерева их семейного острова. Рядом — бабушка Сири, не почтенная дама, которую он так хорошо знал, а красивая молодая женщина, которую встретил и полюбил его дед. Листья-паруса шелестят под южным ветром, который гонит вереницу плавучих островков по голубым проливам через Отмели. На севере из-за горизонта появляются первые острова Экваториального Архипелага — зеленые точки, словно

приклеенные к вечернему небу.

Сири дотрагивается до его плеча и указывает на запад.

Островки горят, идут ко дну, их килевые корни корчатся от боли. Кому они навредили? Пастухи-дельфины исчезли. С неба льется огонь — то на Мауи обрушились космические мегавольтные стрелы, от которых кипит воздух, а на сетчатке остаются голубовато-серые шрамы. Подводные взрывы озаряют океаны страшным светом, выбрасывают на поверхность тысячи рыб и хрупких морских обитателей, которые извиваются потом в долгой агонии.

— Почему? — спрашивает бабушка Сири, но ее голос — тихий шепот ребенка.

Консул пытается ответить ей, но не может. Его душат слезы. Он тянется к ее руке, но Сири уже нет рядом, и чувство, что ее вообще *нет на свете* и ему не удастся искупить свои грехи, причиняет такую боль, что становится нечем дышать, перехватывает горло. Тут ему становится ясно, что не тоска, а дым обжигает глаза и легкие: горит Семейный Остров.

Неверными шагами он идет вперед в пепельной мгле и ощупью ищет кого-то, кто возьмет его за руку и успокоит.

Его ладонь встречается с чьей-то рукой. Но это не Сири. Рука невообразимо твердая. Пальцы — ножи.

Консул проснулся, хватая ртом воздух.

Кругом темнота. Он проспал по меньшей мере часов семь. Выпутавшись из веревки, он сел и взглянул на светящийся дисплей комлога.

Двенадцать часов. Он проспал двенадцать часов!

Каждая жилка в его теле заныла, когда он свесился с ковра и вгляделся в темноту. Высота полета была прежней — сорок метров, но вот куда его занесло — загадка. Под ним проплывали невысокие холмы. До некоторых было буквально рукой подать: он мог даже разглядеть на склонах заросли оранжевой травы и каких-то бурых мочалок.

Стало быть, пока он спал, ковер миновал южный берег Травяного моря и проскочил мимо Эджа и пристани на реке Хулай, у которой пришвартован «Бенарес».

Компаса у Консула не было — на Гиперионе компасы бесполезны, — а в функции комлога инерционное определение направления не входило. Дорогу на юго-запад, в Китс, должна была указывать Хулай — он собирался пройти

в обратном направлении весь трудный путь паломников, отклоняясь от реки только там, где она выделывает петли.

Но вышло по-другому — он заблудился.

Консул посадил коврик на первый попавшийся холм, еле разогнув ноги, сошел на твердую почву и отключил левитаторы. Он знал, что заряд в них израсходован по меньшей мере на треть — это по меньшей мере. Остается только гадать, насколько снизилась их эффективность за прошедшие годы.

Этот гористый пейзаж походил на местность, лежащую к юго-востоку от Травяного моря, но рекой здесь и не пахло. Комлог сообщил ему, что стемнело всего лишь час-два тому назад, но Консул не видел никаких признаков заката. Сплошная облачность преграждала путь и звездному свету, и отблескам всех космических битв.

— Проклятие, — прошептал Консул. Он походил вокруг коврика, пока в ногах не восстановилось кровообращение, помочился у края невысокого обрыва и вернулся к рюкзаку — глотнуть воды. Думай, друг мой, думай.

Итак, он держал курс на юго-запад и должен был покинуть Травяное море в районе Эджа. Если он просто пролетел над Эджем, река находится

где-то южнее, по левую руку. Но если он неверно определил направление при вылете из Приюта Паломника и взял хотя бы на пять градусов левее, излучина должна быть на северо-востоке, то есть справа. Даже если курс неверен, в конце концов он неминуемо наткнется на ориентир — побережье Северной Гривы, — но этот крюк может обойтись ему в лишние сутки.

Консул в сердцах пнул какой-то камешек и скрестил руки на груди. После дневного зноя воздух казался ледяным. Его прохватил озноб, и он догадался, что это последствия солнечного ожога. Он коснулся пальцем лысины и тут же с проклятием отдернул руку. Куда лететь?

В низком кустарнике посвистывал ветер. Консул почти физически ощутил, какое громадное расстояние отделяет его от Гробниц Времени и Шрайка, но Сол, и Дюре, и Хет Мастин, и Ламия Брон, и даже пропавшие Силен и Кассад были с ним как незримый груз на его плечах. Паломничество оказалось для Консула не более чем изощренным способом самоубийства. Он отправился на Гиперион, потому что возненавидел себя и все на свете, потому что устал мучиться, думая о жене и ребенке, погибших во время авантюры на Брешии, устал страдать, вспоминая их

забывающиеся лица. Устал от мук совести из-за своего ужасного двойного предательства: он был виноват перед правительством, которому служил почти сорок лет, и виноват перед Бродягами, доверившимися ему.

Консул присел на камень и закрыл глаза. Он думал о Соле и его дочурке и чувствовал, как бессмысленная злость на самого себя утихает. Он думал и о Ламии, о том, что эта отважная женщина, неиссякаемый кладезь энергии, беспомощно распростерта на каменных плитах с присосавшейся к голове чудовищной пиявкой — подарком Шрайка.

Консул встал, включил коврик и взлетел метров на восемьсот, так близко к облачной завесе, что, подняв руку, можно было коснуться ее.

Вдалеке слева облака на миг разомкнулись и внизу блеснула водная гладь, река Хулай текла примерно в пяти километрах южнее.

Консул резко повернул летающий коврик влево, чувствуя, как ослабленное силовое поле пытается прижать его к коврику. Нет, веревка надежнее. Десять минут спустя он был уже над водой и пикировал вниз — убедиться, что это действительно Хулай, а не один из ее притоков.

Да, то была Хулай. В прибрежных заводях

блестела лучистая паутина. Зубчатые силуэты высоких термитников чернели на фоне неба: они были чуть темнее почвы, на которой стояли.

Консул поднялся на двадцать метров, отхлебнул из бутылки и полетел вниз по реке.

Рассвет застал его близ Духоборских Вырубок, чуть выше шлюзов Карлы, где от реки отходит Королевский Канал, ведущий к северным поселкам и Гриве. Консул знал, что отсюда до столицы меньше ста пятидесяти километров, но это означало еще семь выматывающих душу часов полета. Он так надеялся повстречать здесь военный патруль на скиммере или какой-нибудь пассажирский дирижабль из тех, что курсировали между столицей и Наядами, или хотя бы катер, который можно было бы реквизировать. Но только догорающие пепелища и слабые огоньки масляных коптилок в отдаленных лачугах оживляли берега Хулай. У причалов — ни суденышка, ни лодки. Загоны для речных мант над шлюзами были пусты, большие ворота открыты настежь; в нижнем течении реки, где она становилась вдвое шире, Консул не заметил ни единой баржи.

Выругавшись, он полетел дальше.

Утро было восхитительное. Косые лучи восхо-

дящего солнца, вырываясь из-за низких облаков, обвели золотым контуром каждый куст, каждое дерево. Консулу казалось, что он уже много месяцев не видел настоящей зелени. Могучие деревья — плотинник и падуб — поднимались во весь свой рост на далеких обрывах и откосах, а в поймах розовый свет играл на бесчисленных побегах бобов-перископов. Мангровые корни и огненные папоротники окаймляли берега, и каждая веточка, каждый листик отчетливо выделялись в ослепительном утреннем свете.

И тут, буквально на глазах, потемнело — невесть откуда взявшиеся облака спрятали солнце и принесли дождь. Консул натянул на нос свою потрепанную треуголку и плотнее закутался в термонакидку Кассада. Он летел на юг на высоте ста метров.

Консул напряг память. Сколько же дней у Рахили в запасе?

Несмотря на долгий сон накануне, голова у Консула гудела — токсины усталости отравили кровь. Когда они прибыли в долину, Рахили было четыре дня. А в долину они прибыли… четыре дня назад.

Консул потер щеку, потянулся за бутылкой с водой и обнаружил, что все они пусты. Ну, это

не проблема — можно снизиться и набрать воды в реке, но ему не хотелось терять времени. Обожженная солнцем кожа болела, дождевые струйки стекали с треуголки за шиворот.

Сол говорил, что если он вернется до заката, все будет в порядке. Рахиль родилась около 20:00 по гиперионовскому времени. Если это верно, если не допущена никакая ошибка, у нее еще есть надежда. Консул вытер ладонью мокрое лицо. Скажем, семь часов до Китса. Еще час или два на то, чтобы освободить корабль. Тео поможет… он теперь генерал-губернатор. Я постараюсь убедить его, что ради интересов Гегемонии можно нарушить распоряжение Гладстон и снять арест с корабля. Если понадобится, я даже готов признаться, что по ее, и только по ее воле вступил в сговор с Бродягами и предал Сеть.

Скажем, десять часов плюс пятнадцать минут полета на корабле. По меньшей мере еще час до захода солнца. Рахили уже будет несколько минут от роду… И что? Какие средства в нашем распоряжении, кроме криогенной камеры? Никаких. Значит, остается только фуга. Сол давно уже лелеял эту идею, хотя врачи и предупреждали, что ребенок может не выдержать. А как быть с Ламией?

Пить хотелось ужасно. Консул высунул голову из-под плаща, но дождь ушел в сторону и сейчас еле-еле моросил. Правда, ему удалось смочить губы и язык, но от этого жажда только усилилась. Чертыхнувшись, он начал снижаться. Авось получится зависнуть над рекой и зачерпнуть воды бутылкой.

Но на высоте тридцати метров левитаторы вдруг отключились. Только что коврик скользил плавно, как со стеклянной горки, а в следующее мгновение он закувыркался и стремительно понесся вниз. Консула он больше не слушался. Маленький коврик и испуганный старый человек падали с высоты десятиэтажного дома. Консул вскрикнул и попытался спрыгнуть, но веревка и тяжелый рюкзак намертво приковали его к этому куску ставшего бесполезным войлока. Крутясь и кувыркаясь, он рухнул с двадцатиметровой высоты в поджидавшие его воды реки Хулай.

Глава двадцать девятая

Сол Вайнтрауб возлагал на Консула большие надежды. Наконец-то они предприняли что-то конкретное — во всяком случае попытались предпринять. Вряд ли бортовая криогенная камера

поможет спасти Рахиль: медэксперты на Возрождении-Вектор подчеркивали чрезвычайную опасность этой процедуры, но хорошо и то, что есть альтернатива, пусть даже такая. Сол осознал, что они слишком долго сидели на месте, поджидая Шрайка, — как осужденные гильотину.

Этой ночью Сфинкс казался весьма ненадежным убежищем, и Сол вынес пожитки паломников на широкое гранитное крыльцо, где они с Дюре устроили Мастина и Ламию, укрыв их всеми одеялами и накидками и подложив под головы вместо подушек рюкзаки. Датчики свидетельствовали, что мозг Ламии по-прежнему бездействует, но сердце работало и все остальное было в порядке. Мастин по-прежнему метался в лихорадке.

— Как вы думаете, что же все-таки случилось с тамплиером? — спросил Дюре.

— Возможно, это просто истощение, — ответил Сол. — После того как его похитили из ветровоза, он очнулся в пустошах и блуждал там невесть сколько. А потом, когда он очутился в Долине Гробниц Времени, снег заменял ему и питье, и еду.

Дюре кивнул и покосился на мини-капельницу на руке тамплиера, старательно качавшую фи-

зиологический раствор в его вены.

— Странное истощение… — заметил иезуит. — Похоже больше на безумие.

— Может, и так, — согласился Сол. — Ведь тамплиеры поддерживают почти телепатическую связь со своими кораблями-деревьями, а Мастин был свидетелем гибели своего «Иггдрасиля». Что может быть ужаснее, в особенности если он знал, что это сделано нарочно.

Дюре молча кивнул, вытирая восковой лоб тамплиера. Полночь уже миновала; разыгравшийся ветер поднимал над ржаво-красными дюнами столбы пыли и завывал в крыльях Сфинкса. Гробницы, дотоле ярко светившиеся, начали тускнеть одна за другой. Порой обоих мужчин захлестывали волны времени, и тогда они, задыхаясь, хватались за стены. Через миг головокружение проходило, чтобы тут же вернуться вновь. Но обессиленные после очередного приступа Сол и Дюре оставались на посту: они не могли бросить Ламию, намертво соединенную со Сфинксом.

Перед рассветом облака рассеялись, и открылось небо, усеянное звездами, такими яркими, что глазам становилось больно. Сначала о том, что в космосе носятся гигантские эскадры, говорили только редкие следы кораблей — точно

кто-то водил алмазом по стеклянному куполу ночи. Но вскоре бутоны далеких взрывов усеяли все небо, а еще через час свечение Гробниц померкло перед огненной вакханалией наверху.

— Как вы думаете, кто победит? — спросил отец Дюре. Мужчины сидели, привалившись к каменной стене Сфинкса, и не отрывали глаз от полоски неба между изогнутыми крыльями чудовища.

Сол принялся растирать спинку Рахили, спящей на животике под тонким одеяльцем.

— Из того, что я слышал, следует одно: Сети не избежать тяжелой войны.

— Значит, вы верите прогнозам Консультативного Совета ИскИнов?

Сол пожал плечами:

— Я вообще не разбираюсь в политике, а тем более в прогнозах Техно-Центра. Я всего лишь третьестепенный ученый из маленького колледжа на захолустной планете. Но у меня предчувствие, что нас ждет нечто ужасное… что какой-то страшный зверь грядет на Вифлеем, чтобы родиться.

Дюре улыбнулся:

— А-а, это из Йейтса.

Улыбка его тут же погасла.

— Подозреваю, мы с вами как раз и оказались в этом самом новом Вифлееме. — Он обвел

взглядом светящиеся Гробницы. — Всю жизнь я исповедовал учение Святого Тейяра об эволюции к точке Омега. И что же? Людское безумие сотрясает небеса, а Антихрист ждет, притаившись во тьме, чтобы в свой час унаследовать обломки мира.

— Вы считаете Шрайка Антихристом?

Отец Дюре оперся локтями на согнутые колени.

— Если он не Антихрист, всем нам придется худо. — Он горько рассмеялся. — Совсем недавно я был бы рад обнаружить Антихриста… Само присутствие в мире антибожественной силы значило бы, что существует сила Божественная, подогрело бы во мне умирающую веру.

— А теперь? — тихо спросил Сол.

Дюре развел руками.

— Меня тоже распяли.

Сол сложил в памяти обрывки из рассказа Ленара Хойта: пожилой иезуит прибивает себя гвоздями к дереву тесла, много лет мучается недоступной человеческому разумению мукой и воскресает вновь, но крестообразный паразит и теперь прячется под кожей на его груди.

Дюре отвел взгляд от неба.

— Не было объятий Отца Небесного. Никакого

знака, что боль и жертва были не напрасны. Только боль. Боль, потом темнота, потом снова боль.

Ладонь Сола застыла на спине младенца.

— И вы утратили веру?

Дюре пристально посмотрел на него:

— Напротив, именно благодаря этому я осознал всю важность веры! Боль и тьма — вот наш удел со времен грехопадения. Но должна же существовать надежда, что мы сможем подняться выше… Что сознание сможет эволюционировать, перейти на новый уровень, более благожелательный, чем эта Вселенная, запрограммированная на равнодушие.

Сол торжественно кивнул.

— Во время долгой борьбы с болезнью Рахили у меня был сон… и такой же приснился моей жене Саре… Мне было сказано, что я должен принести в жертву мою единственную дочь.

— Да, — промолвил Дюре. — Я слышал рассказ Консула на диске.

— Значит, вам известен и мой ответ, — сказал Сол. — Авраамов путь покорности нас больше не устраивает, даже если существует Бог, который требует такой покорности. Мы приносили жертвы этому Богу в течение жизни многих поколений, и эта кровавая дань должна наконец

прекратиться!

— И тем не менее вы здесь, — тихо сказал Дюре, обведя рукой долину, Гробницы и ночь.

— Да, я здесь, — согласился Сол. — Но не для того, чтобы пресмыкаться. Я должен услышать ответ этих сил на мое решение. — Он снова погладил дочь. — Рахили сейчас полтора дня от роду, ее время истекает. Если эта болезнь — проклятие Шрайка, я хочу посмотреть ему в глаза, даже если он и есть ваш Антихрист. Если Бог существует и это чудовище создано им, я выскажу ему наконец свое презрение.

— Мы, кажется, и так переусердствовали с презрением, — чуть слышно заметил Дюре.

Сол поднял глаза — огненные точки на небе вздулись, превратившись в пламенеющие пузыри, рассылающие по всему космосу круги ударных волн: то разрывались плазменные заряды.

— Мне хотелось бы, чтобы мы имели возможность бороться с Богом на равных, — сказал он, не повышая голоса. — Обложить его в его логове. Дать сдачи за все несправедливости, причиненные человечеству. Поставить перед ним выбор: либо он распростится со своим напыщенным самодовольством, либо пусть катится в ад.

Отец Дюре выгнул бровь и улыбнулся.

— Я понимаю ваш гнев. — Он нежно коснулся головки Рахили. — Пока не рассвело, давайте попробуем немножко поспать, а?

Сол кивнул и улегся рядом с ребенком, натянув одеяло до носа. Последнее, что он слышал, был шепот Дюре: тот то ли желал ему доброй ночи, то ли молился.

Сол погладил дочь по головке, закрыл глаза и заснул.

Ночью Шрайк не пришел. Не пришел он и утром, когда солнце осветило скалы на юго-западе и коснулось верхушки Хрустального Монолита. Сол проснулся и увидел, что солнечные лучи уже достигли долины; Дюре спал рядом, Хет Мастин и Ламия по-прежнему лежали без сознания. Пробудившаяся раньше всех Рахиль ворочалась и пищала с горькой обидой голодного птенца. Сол выдернул тесемку нагревателя и выждал минуту, чтобы молоко в одном из последних детских пакетов нагрелось до температуры тела. Ночь выдалась холодная, на ступенях, ведущих к Сфинксу, сверкал иней.

Рахиль ела жадно, мяукая и причмокивая. Эти звуки помнились Солу еще с тех времен, когда Сара кормила ее грудью. Полвека назад… Когда

малютка насытилась, Сол завернул ее в одеяло и устроил у себя на груди, медленно покачивая.

Осталось полтора дня.

Сол страшно устал. Он все дряхлел и дряхлел, несмотря на пройденный всего десять лет назад курс поульсенизации. Только они с Сарой собрались отдохнуть от родительских обязанностей — Рахиль, их единственная дочь, поступила в аспирантуру и уехала на раскопки, — как девочка вернулась с болезнью Мерлина. Сол и Сара старели, но забот становилось все больше; потом авиакатастрофа на Мире Барнарда отняла у Сола жену. И все же он, глубокий старик, измученный до потери сил, благословлял каждую минуту, проведенную с дочерью.

Осталось полтора дня.

Вскоре проснулся отец Дюре. Мужчины соорудили завтрак из консервов, принесенных Ламией, Хет Мастин так и не пришел в себя. Дюре подключил к нему предпоследнюю аптечку, и в жилах тамплиера снова заструился целебный раствор.

— Как вы считаете, что нам делать с последней аптечкой? Подключим к госпоже Брон? — спросил Дюре.

Сол, вздохнув, еще раз взглянул на датчики ее

комлога.

— Не стоит, Поль. Судя по приборам, содержание сахара в крови высокое, уровень питательных веществ сносный — будто она только что позавтракала.

— Но как такое возможно?

Сол покачал головой.

— Может быть, эта гадость выполняет роль пуповины? — Он указал на кабель, вросший в череп Брон.

— Ну и какова же наша программа на сегодня?

Сол посмотрел на небо — оно светлело, потихоньку обретая привычный для Гипериона лазурно-зеленый цвет.

— Будем ждать, — просто сказал он.

Хет Мастин пришел в сознание в полдень, когда солнце приближалось к зениту. Он сел, прямой как палка, и громко произнес:

— Древо!

Дюре, медленно расхаживавший по ступеням, взбежал на крыльцо. Сол подхватил на руки Рахиль, лежавшую в тени у стены, и поспешил к Мастину. Взор тамплиера был устремлен вверх, на что-то находящееся над скалами. Сол тоже поднял голову, но не увидел ничего, кроме выцветшего к полудню неба.

— Древо! — снова вскричал тамплиер и вскинул вверх огромную руку.

Дюре придержал его.

— У него галлюцинации. Ему мерещится «Иггдрасиль».

Хет Мастин рванулся из рук священника.

— Нет, не «Иггдрасиль», — пробормотал он пересохшими губами. — Древо. Последнее Древо. Древо Боли!

Сол и Дюре вновь взглянули вверх, но небо было абсолютно чистым, если не считать плывущих с юго-запада облачков. И тут всплеск волн времени снова настиг их; несколько минут Сол и священник изо всех сил боролись с головокружением, отхлынувшим так же внезапно, как пришло.

Между тем Хет Мастин пытался встать на ноги. Взгляд тамплиера по-прежнему был прикован к чему-то вдали. Его тело обжигало руки: он горел, как в огне.

— Достаньте последнюю аптечку, — распорядился Сол. — Запрограммируйте ее на ультраморфин и жаропонижающее.

Дюре поспешил выполнить приказ.

— Древо Боли! — твердо повторил Хет Мастин. — Мне было суждено стать его Гласом, а эрг должен был вести его в пространство и время!

Епископ и Глас Великого Древа избрали именно меня! Я не могу их подвести. — Он попытался вырваться из рук Сола, но в ту же секунду рухнул на каменные плиты.

— Я Избранный Воистину, — прошептал он; силы вытекали из него, как воздух из воздушного шара. — В час искупления я должен был вести Древо Боли. — И тамплиер закрыл глаза.

Сол ловил каждое его слово, а Дюре тем временем вставил в гнездо последнюю аптечку, проверил, учитывает ли монитор особенности метаболизма тамплиеров, и включил подачу адреналина и болеутоляющих.

— Это не тамплиерская терминология и не богословская. Он говорит на языке Церкви Шрайка. — Священник посмотрел Солу в глаза. — Что ж, это кое-что проясняет… если вспомнить рассказ Ламии. По каким-то причинам тамплиеры вошли в тайный сговор с Церковью Последнего Искупления… культом Шрайка.

Сол понимающе кивнул и надел Мастину на запястье свой собственный комлог.

— Древо Боли — это, должно быть, мифическое терновое дерево Шрайка, — пробормотал Дюре, бросив взгляд в пустое небо — туда, куда смотрели остановившиеся глаза Мастина. — Но

что тамплиер имел в виду, говоря, что он и эрг избраны для перемещения его в пространстве и времени? Он что, действительно считает себя способным вести дерево Шрайка, как обычный тамплиерский корабль?

— Об этом вы спросите его в следующем воплощении, — устало произнес Сол. — Он мертв.

Дюре сверил показания мониторов, подключил на всякий случай комлог Ленара Хойта, попробовал применить стимуляторы и сделать искусственное дыхание. Все напрасно; стрелки приборов не дрогнули. Хет Мастин, Истинный Глас Древа тамплиеров и участник паломничества к Шрайку, умер — окончательно и бесповоротно.

Целый час Сол и Дюре выжидали. Странная долина Шрайка научила их сомневаться и проверять, проверять и вновь сомневаться. Но когда мониторы засвидетельствовали, что труп начал разлагаться, они решили похоронить Мастина. В багаже Кассада нашлась складная лопата — ее черенок с типичным армейским идиотизмом был украшен надписью «инструмент для окапывания», — и в пятидесяти метрах от Сфинкса ученый и священник принялись рыть могилу. Они работали по очереди — один копал, другой

следил за Ламией и Рахилью.

Двое мужчин — один с ребенком на руках — стояли в тени скалы. Перед тем как тело в импровизированном фибропластовом саване было засыпано землей, Дюре произнес краткое напутствие.

— Я не был знаком с Мастином. Мы исповедовали разную веру. Но дело у нас было одно и то же: Мастин, Глас Древа, большую часть своей жизни делал то, что считал угодным Богу, следуя Его воле, изложенной в трудах Мюира, и законам природы. И вера его была истинной — испытанной препятствиями, закаленной покорностью, а в конце скрепленной жертвой.

Дюре помолчал и, щурясь, взглянул в небо, выцветшее до свинцового цвета.

— Господи, прими раба Твоего. Прими его в свои объятия, как примешь когда-нибудь и нас, тех, кто точно так же искал Тебя и заблудился. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь.

Рахиль расплакалась. Сол принялся ходить с ней взад-вперед, а Дюре тем временем засыпал длинный фибропластовый сверток.

Покончив с этим, они вернулись к Сфинксу и, стараясь избегать резких движений, перенесли Ламию туда, где еще оставался кусочек тени.

Укрыть ее от полуденного солнца можно было только в самой гробнице, но ни один из них не хотел и думать об этом.

— Консул, наверное, уже одолел половину пути к кораблю, — сказал священник, сделав большой глоток воды. Его обгоревший на солнце лоб покрылся испариной.

— Наверное, — согласился Сол.

— Завтра к этому времени он уже вернется. Мы освободим Ламию с помощью лазерных резаков, а потом отнесем в операционную корабля. Кто знает, может, в криогенной камере и болезнь Рахили приостановится. Что бы там ни говорили врачи.

— Да.

Дюре поставил бутылку с водой в тень и посмотрел на Сола.

— Вы верите в это?

Их взгляды встретились:

— Нет.

От юго-западной стены протянулись тени. Полуденный зной сгустился до предела и пошел на спад. С юга ползли тучи.

Рахиль спала в тени близ входа в гробницу. Сол подошел к Полю Дюре, который стоял, созерцая панораму долины, и положил руку на плечо

священника.

— О чем задумались, друг мой?

Дюре не обернулся:

— Вот, думаю. Если бы я твердо не верил, что самоубийство — смертный грех, то поспешил бы все это оборвать и дать жизнь молодому человеку, Хойту. — Он заглянул Солу в глаза, вымученно улыбаясь. — Но разве это самоубийство, когда паразит в моей груди… а раньше в *его*… в любую минуту может вновь вызвать меня к жизни?

— И кроме того, будет ли это подарком для Хойта, — спросил Сол негромко, — если вы вернете его сюда?

С минуту Дюре молчал. Затем сжал руку Сола.

— Пойду прогуляюсь.

— Где? — Сол, сощурившись, огляделся по сторонам. Даже сейчас, когда небо затянули облака, долина походила на печь.

Священник неопределенно взмахнул рукой.

— Да так, по долине. Скоро вернусь.

— Будьте осторожны, — попросил его Сол. — И не забудьте: Консул может появиться сегодня, если ему повезло и он наткнулся на патрульный скиммер.

Дюре кивнул, взял бутылку с водой, нежно погладил Рахиль, а затем медленно и осторожно,

как дряхлый старик, принялся спускаться по длинной лестнице Сфинкса.

Сол смотрел ему вслед; фигура священника дрожала в горячем мареве, становясь все меньше и меньше. Когда Дюре исчез из виду, Сол, вздохнув, подошел к дочери и сел рядом с ней.

Поль Дюре старался держаться в тени, но даже там жара ярмом давила на плечи. Пройдя мимо Нефритовой Гробницы, он выбрал тропу, ведущую к северным скалам и Обелиску. Тонкая тень этой гробницы лежала на розовом каменном дне долины, как черная царапина. Пробираясь через горы обломков возле Хрустального Монолита, Дюре вскинул голову на шум — слабый ветерок, звякнув разбитыми панелями, просвистел в трещинах высоко под крышей Гробницы. В стене он увидел свое отражение и вспомнил, как слушал каждый вечер хорал ветра в Разломе, когда разыскал на плато Пиньон племя бикура. Казалось, с тех пор прошло уже несколько жизней. Да так и есть — несколько жизней.

Дюре чувствовал, что его мозг и память искалечены непрошеным воскрешением. Это было ужасно — все равно что пережить инсульт, но без надежды на выздоровление. Какое-нибудь умозаключение, бывшее для него детской игрой,

теперь требовало чрезвычайного напряжения. Самые обиходные слова то и дело вылетали из головы, а непонятные, необъяснимые чувства захлестывали его, как волны времени. Несколько раз он вынужден был прятаться от паломников, чтобы поплакать в одиночестве, сам не зная о чем.

Другие паломники… Из всех отправившихся к Гробницам Времени остались только Сол и младенец. Отец Дюре с радостью пожертвовал бы собой ради их спасения. Интересно, греховно ли планировать сделку с Антихристом?

Он зашел уже довольно далеко, почти достигнув места, где долина изгибалась к востоку, образуя тупик и где Дворец Шрайка отбрасывал на скалы лабиринт теней. Здесь, возле Пещерных Гробниц, тропа шла вдоль северо-западной стены. Почувствовав, как тянет холодным сквозняком из первой Гробницы, Дюре испытал соблазн войти. Просто чтобы отдохнуть от жары, закрыть глаза, вздремнуть.

Но он прошел мимо.

Вход во вторую Гробницу, украшенный причудливой резьбой, напомнил Дюре о древней базилике, обнаруженной им в толще Разлома, — об огромном кресте и алтаре, у которых

«молились» идиоты бикура. Они поклонялись богомерзкому бессмертию паразита-крестоформа, а не надежде на истинное Воскресение, которое обещает Крест Святой. Ну а в чем разница? Дюре тряхнул головой, пытаясь отогнать буквально липнущий к каждой мысли цинизм. Тропа бежала в гору, мимо третьей Пещерной Гробницы, самой маленькой и неприметной.

В третьей Гробнице был виден свет.

Дюре остановился, набрал в грудь воздуха и оглянулся: примерно в километре от него Сфинкс четко вырисовывался на фоне неба, но разглядеть Сола ему не удалось. Дюре попытался вспомнить, не в этой ли Гробнице они укрывались накануне… Может, это свет забытого фонаря?

Нет, вчера они скрывались в первой Гробнице. А в эту за последние трое суток входили лишь однажды — когда разыскивали Кассада.

Отец Дюре понимал, что не следует обращать внимание на странный свет. Нужно вернуться к Солу и ждать корабля вместе с ученым и крохотной Рахилью.

Но с каждым из нас Шрайк встречается один на один. Кто я такой, чтобы отвергать его зов?

Дюре почувствовал, что щеки его мокры; оказывается, он плакал — беззвучно, безотчетно. Он

вытер слезы ладонью и застыл, сжимая кулаки.

Больше всего я кичился моим интеллектом. О, я был иезуитом-интеллектуалом, верным продолжателем дела Тейяра и Прассара. Даже теология, которую я навязывал Церкви, семинаристам и кучке еще не разочаровавшихся верующих, на первое место ставила разум, эту чудесную точку Омега, вершину сознания. Господь Бог как хитроумный алгоритм.

Ну что ж, Поль, есть вещи поважнее интеллекта.

Дюре вошел в третью Пещерную Гробницу.

Вздрогнув, Сол проснулся в абсолютной уверенности, что к нему кто-то ползет.

Он вскочил на ноги и огляделся. Рахиль, пробудившаяся одновременно с отцом, тихо попискивала. Ламия Брон неподвижно лежала на прежнем месте; датчики светились зеленым, только индикатор активности мозга таращил красный глаз. Все, как прежде.

Он проспал не меньше часа; тени уже легли на дно долины, лишь верхушка Сфинкса блестела на солнце, проглянувшем сквозь облака. Косые лучи, падающие сквозь ворота долины, освещали скальную стену напротив. Поднялся ветер.

Но в самой долине все застыло.

Сол с плачущей Рахилью на руках сбежал вниз по ступеням, заглянул за Сфинкс, обвел взглядом другие Гробницы.

— Поль! — Эхо многократно повторило его зов. За Нефритовой Гробницей ветер играл с пылью — единственное, что отличало долину от застывшего стоп-кадра. Но ощущение, что кто-то подбирается все ближе, следит за каждым движением Сола, не исчезало.

Рахиль начала извиваться в его руках. Из крошечного ротика вырывался тонкий плач. Сол посмотрел на комлог. Через час ей исполнится день от роду. Он поискал в небе корабль Консула, мысленно выругал себя и вернулся ко входу в Сфинкс, чтобы сменить Рахили пеленки, взглянуть на Ламию и достать из рюкзака пакет с детским питанием и плащ: после заката жару сменял резкий холод.

За оставшиеся до темноты полчаса Сол обошел всю долину, громко зовя Дюре по имени и заглядывая в каждую Гробницу. Нефритовая Гробница, где был убит Хойт, излучала молочно-зеленый свет. Длинная тень Обелиска дотянулась аж до юго-восточной скальной стены. На верхушке Хрустального Монолита играли последние отблески заката, угасая вслед за солнцем, которое опуска-

лось к горизонту где-то за Градом Поэтов. Когда Сол добрался до Пещерных Гробниц, на долину опустилась вечерняя прохлада. Сол заглядывал в каждую из них и звал Дюре до изнеможения, ощущая на лице сырой сквозняк как чье-то враждебное ледяное дыхание. Никакого ответа.

На исходе сумерек Сол, обогнув утес, углубился в тупик, к вакхическому хороводу клинков и контрфорсов Дворца Шрайка, темного и еще более зловещего в сгущающемся мраке. Ученый постоял у входа, пытаясь распутать паутину чернильных теней от шпилей, стропил и опор и крича в темноту; ответом ему было только эхо. Рахиль снова расплакалась.

Дрожа и обливаясь холодным потом, то и дело оборачиваясь, чтобы застать шпиона-невидимку врасплох (никого — только густеющий сумрак да первые звезды в разрывах между облаками), Сол заторопился назад к Сфинксу — сначала шагом, а потом, когда ночной ветер принялся стонать голосом раненого ребенка, бегом.

— Господи! — вырвалось у него, когда он взбежал по лестнице на крыльцо Сфинкса.

Ламия Брон исчезла. И она сама, и металлическая пуповина. Крепко прижимая к себе Рахиль, Сол лихорадочно зашарил в рюкзаке в поисках

ручного фонаря…

В десяти метрах от входа, в центральном коридоре, он увидел одеяло Ламии. Это было все, что от нее осталось. Коридоры между тем разветвлялись и сходились снова, то расширяясь, то сужаясь до такой степени, что Сол был вынужден ползти, обхватив ребенка правой рукой и прижимая его головку к своей щеке. Это было противно до дурноты — ползти сквозь Гробницу. Сердце билось так часто, что он уже приготовился к сердечному приступу — весьма подходящее место!

Последний коридор сузился до предела. В том месте, где металлическая змея сливалась с камнем, теперь был только камень.

Сол, зажав в зубах фонарь, бешено заколотил по нему и принялся давить на блок величиной с дом, будто ждал, что какая-то потайная панель вот-вот откинется, открыв новый туннель.

Тщетно.

Покрепче прижав к себе Рахиль, Сол пустился в обратный путь. Несколько раз он повернул не туда и уже думал, что заблудился. Сердце чуть не выскочило из груди. Но тут они очутились в знакомом коридоре, потом добрались до центрального и через несколько минут оказались под открытым небом.

Сол понес дочь вниз по лестнице, подальше от Сфинкса. У ворот долины он остановился и присел на низкий камень, чтобы перевести дух. Нежная щечка Рахили прижималась к его шее. Ребенок не издавал никаких звуков, не шевелился — только запускал слабые пальчики в его бороду.

Ветер дул с пустошей. Облака над головой разошлись и вновь сомкнулись, закрыв звезды, так что единственным источником света было слабое сияние Гробниц. Сол боялся, что дикое биение его сердца испугает ребенка, но Рахиль мирно дремала на его груди. Тепло ее тела, такого осязаемого, живого, вернуло его к действительности.

— Проклятие, — пробормотал Сол. Он полюбил Ламию Брон, полюбил остальных паломников, а теперь они исчезли. Десятилетия научной работы приучили Сола во всем искать закономерность, в окаменелой грязи житейского опыта находить пусть крошечное, но живое зернышко морали. Здесь, на Гиперионе, в происходящем не было никакой закономерности — только бессмыслица, только смерть.

Укачивая ребенка, Сол смотрел в пустоту, втолковывая себе, что должен немедленно покинуть это место… Идти пешком в мертвый город или

в Башню Хроноса, а затем направиться на северо-запад, к побережью или на юго-восток, где Уздечка подходит к морю. Он поднял дрожащую руку и вытер лицо; нет, все это самообман. Мартин Силен ушел из долины, но все равно не уберегся. Шрайк появляется гораздо южнее Уздечки, в таких отдаленных местах, как Эндимион, но даже если чудовище пощадит их, не пощадят голод и жажда. Сол может обойтись корнями, мясом грызунов и снегом, но запас детского питания невелик, даже с учетом припасов, доставленных Ламией из Башни. И тут только до него дошло, что нет смысла тревожиться о запасе молока…

Не пройдет и суток, как он останется один. Сол подавил стон. Его решимость спасти дитя привела его сюда через двадцать пять лет, за двадцать пять сотен световых лет. Его решимость вернуть Рахиль к нормальной жизни стала почти материальной силой, энергетическим полем, соединившим в одно целое его и Сару.

После гибели жены он хранил эту решимость, как жрец поддерживает священный огонь в храме. Видит Бог, есть закономерность в происходящем, есть моральная подоплека у всей этой безумной череды событий! И он, Сол Вайнтрауб, готов вверить этой невидимой закономерности

свою жизнь и жизнь своей дочери.

Он встал и побрел назад, к Сфинксу. Взобравшись по крутой лестнице, он нашел термонакидку и одеяла и под аккомпанемент стонущего ветра Гипериона соорудил гнездышко для себя и дочери. Гробницы Времени светились все ярче.

Рахиль лежала на его груди, прижавшись щечкой к его плечу, то сжимая, то разжимая кулачки — она оставила этот мир и унеслась в царство спящих младенцев. Сол слушал, как лопаются на ее губах крошечные пузырьки слюны. Немного погодя он тоже покинул этот мир и присоединился к дочери во Вселенной сна.

Глава тридцатая

Солу снился сон, преследовавший его с тех пор, как Рахиль заболела болезнью Мерлина.

Он шел по огромному залу, где колонны, похожие на секвойи, терялись во мраке, а откуда-то из запредельной выси падали столбы алого света. Что-то гудело и трещало — словно отголоски гигантского пожара, пожиравшего целые миры. Впереди пылали два багровых овала.

Солу было знакомо это место. Он знал, что впереди окажется алтарь, а на нем — лежащая

без сознания Рахиль — такая, какой она была в двадцать шесть лет. Потом он услышит Требующий Голос.

Сол вышел на низкую галерею и увидел внизу то, что знал уже наизусть. Его дочь, женщина, которая, попрощавшись с ним и Сарой, отправилась на неведомую планету Гиперион собирать материал для диссертации, лежала обнаженная на каменной плите. Над нею плавали два багровых шара — зрачки Шрайка. Рядом с Рахилью на алтаре лежал длинный кривой нож, сделанный из заточенной человеческой кости. Раздался Голос: «Сол! Возьми дочь твою, единственную твою, которую ты любишь, Рахиль; и отправляйся в мир, называемый Гиперион, и там принеси ее во всесожжение в месте, о котором Я скажу тебе».

Руки Сола дрожали от ненависти и горя. Он рванул на себе волосы и прокричал в темноту слова, которые столько раз уже срывались с его губ:

«Больше не будет жертвоприношений, ни детей, ни родителей! Жертв больше не будет! Время повиновения и искупления кончилось. Помоги нам, если ты друг, или убирайся!»

В предыдущих снах после этого ответа он оставался один. Завывал ветер, ужасные шаги удалялись во тьму. Но на этот раз сон продолжал-

ся. Алтарь закачался и внезапно опустел — на нем остался лишь костяной нож. В вышине еще плавали два багровых шара — рубины с планету величиной, налитые огнем.

— Выслушай меня, Сол, — раздался Голос. Теперь он не гремел из далекой выси, а ввинчивался Солу в самое ухо. — От твоего выбора зависит будущее человечества. Если ты не можешь принести Рахиль в жертву из покорности, сделай это из любви!

Сол услышал от своей совести ответ, еще не успев облечь его в слова. Жертвоприношений больше не будет. Время истекло. Человечество достаточно настрадалось из-за своей любви к богам и долгих поисков Бога. Он вспомнил о том, как евреи издавна вели переговоры с Богом — жаловались, спорили с Ним, проклинали Его несправедливость, но всегда — всегда и любой ценой — возвращались под ярмо покорности. Целые поколения, погибшие в печах ненависти. Будущие поколения, изуродованные холодным огнем радиации и возродившиеся ненавистью.

Ни сейчас. И никогда больше.

— Согласись, папа.

К его руке прикоснулись тонкие пальчики. Сол вздрогнул — рядом стояла Рахиль. Не младенец,

не взрослая женщина, а восьмилетняя девочка, какой она была дважды — когда взрослела и когда делалась все меньше от болезни Мерлина. Рахиль с ее светло-каштановыми волосами, собранными в аккуратный хвостик. Худенькая фигурка в домашнем джинсовом платьице и пестрых кроссовках.

Сол взял ее руку, сжал — крепко, но бережно, и почувствовал ответное пожатие. Это был не призрак и не жестокая шутка Шрайка. Это была его дочь.

— Согласись, папа.

Сол уже покончил с Авраамовой проблемой повиновения. Повиновение как основа отношений между человечеством и его божеством изжило себя. Но как быть, если сам предназначенный в жертву ребенок просит повиноваться Господнему капризу?

Сол опустился на одно колено перед дочерью и раскрыл ей свои объятия.

— Рахиль…

Она горячо обняла его — как всегда обнимала, — потерлась подбородком о плечо, ласково погладила по спине. И прошептала на ухо:

— Пожалуйста, папа. Мы должны согласиться.

Сол не отпускал ее от себя. Вокруг его шеи об-

вивались тонкие ручки, к его щеке прижалось теплое личико. Он беззвучно плакал, короткая бородка совсем вымокла, глаза ничего не видели от слез — но, чтобы смахнуть их, нужно было хоть на секунду отстранить от себя дочь.

— Я люблю тебя, папочка, — прошептала Рахиль.

Тогда он поднялся, вытер лицо ладонью и, крепко держа Рахиль за руку, начал медленно спускаться с нею к ожидающему их внизу алтарю.

Сол проснулся с ощущением, что куда-то падает, и схватился за ребенка. Рахиль спала на его груди со сжатыми кулачками, засунув большой палец в рот, но когда он вскинулся, с громким плачем проснулась. Сол вскочил, отбросив в сторону одеяло и плащ, и крепко прижал к себе дочь.

Было уже совсем светло. И если утро, то позднее. Пока они спали, ночная темнота рассеялась, и солнечные лучи, проникнув в долину, осветили Гробницы. Сфинкс нависал над ними, словно хищный зверь, расставивший могучие передние лапы по обе стороны лестницы, на которой они ночевали.

Рахиль зашлась в крике. Ее личико исказила гримаса страха и недовольства, ей передался

испуг отца, и к тому же она была голодна. Сол поднялся на крыльцо Сфинкса, сменил девочке пеленки, разогрел один из последних пакетов детского питания, подождал, пока плач не сменился чмоканьем, затем завернул ребенка в одеяло и стал прохаживаться взад-вперед, пока малышка не заснула снова.

До ее «рождения» оставалось меньше десяти часов. Меньше десяти часов до заката и последних минут жизни его дочери. Не впервые Сол пожалел, что среди Гробниц Времени не было огромного стеклянного здания, символизирующего вселенную и божество, ею управляющее. Тогда он швырял бы в него камни, пока не перебил бы все стекла.

Он попытался вспомнить подробности сна, но принесенное им успокоение вмиг растаяло под беспощадными лучами солнца Гипериона. Ему запомнилась лишь просьба Рахили, ее шепот: «Согласись, папа…» При мысли об этом у Сола что-то оборвалось внутри.

— Все в порядке, — прошептал он ей, когда она вдруг заворочалась, но тотчас же снова нырнула в сон — свое единственное ненадежное убежище. — Все в порядке, детка. Скоро прилетит корабль. Скоро, с минуты на минуту.

К полудню корабль Консула не прилетел. Не появился он и после обеда. Сол ходил по долине, выкрикивая имена своих исчезнувших спутников, напевал полузабытые песенки, когда Рахиль просыпалась, и укачивал ее колыбельными. Она была такая маленькая и легкая: вес при рождении шесть фунтов и три унции, рост девятнадцать дюймов, вспомнил он, усмехнувшись этим древним единицам измерения своей древней родины — Мира Барнарда.

Через несколько часов Сол, вздрогнув, очнулся от полудремоты в тени вытянутой лапы Сфинкса и вскочил, держа на руках проснувшуюся Рахиль — на лазурном небосводе чертил дугу космический корабль!

— Прилетел! — вскричал он, и Рахиль испуганно закопошилась у него на руках.

Голубой шлейф отработанных газов вспыхнул на солнце. Сол едва не запрыгал от радости, впервые за много дней почувствовав облегчение. Он кричал и прыгал до тех пор, пока Рахиль не расплакалась. Только тогда Сол опомнился. Он поднял ее на вытянутых руках, понимая, что малышка еще не может фокусировать взгляд. Но пусть и она увидит их прекрасный корабль, который как раз описывал круг над отдаленным

горным хребтом.

— Он все-таки сделал это! — кричал Сол. — Он прилетел! Корабль…

Три мощных удара почти одновременно сотрясли долину. Первые два были отголосками ударных волн, опередивших корабль при торможении. Третий — звуком взрыва, который уничтожил его.

На глазах Сола светлая точка с голубым шлейфом разгорелась добела, потом раздулась, превратившись в кипящее газовое облако, и пролилась на далекую пустыню дождем горящих обломков. Сол моргал, силясь отделаться от блестящих пятен в глазах. Рахиль громко плакала.

— Боже мой, — прошептал Сол. — Боже мой…

Вне всяких сомнений, корабль превратился в прах. Грохот новых взрывов, долетевший за тридцать километров, оглушил Сола. Обломки с шлейфами дыма и пламени все еще сыпались на горные склоны и в Травяное море, за Уздечкой.

— Боже мой…

Сол опустился на теплый песок, слишком потрясенный, чтобы плакать. Он ничего не мог делать, ни о чем не думал — только баюкал свою дочь, пока она не успокоилась.

Десять минут спустя в зените появились еще

два горячих шлейфа, направлявшихся к югу. Один из кораблей тут же взорвался, но слишком далеко, и потому звук взрыва не долетел до Сола. Второй исчез из виду за южными скалами и Уздечкой.

— А может, это был не Консул, — прошептал Сол. — К примеру, высадились Бродяги. И Консул еще прилетит за нами.

Но день проходил, а корабля все не было. Не прилетел он и к тому времени, когда лучи маленького солнца Гипериона осветили скальную стену, а тени дотянулись до самого Сфинкса, где сидел Сол. Не появился он и позже, когда сумрак накрыл всю долину.

До «рождения» Рахили оставалось минут тридцать, не больше. Сол проверил ее пеленку (сухая) и накормил из последнего пакета. Глотая молоко, малютка испытующе смотрела на отца своими глубокими темными глазами. Сол вспомнил те первые минуты, когда держал ее, а Сара отдыхала под нагретыми одеялами; детские глаза впились тогда в него с тем же самым вопросом, изумленные новооткрывшимся миром.

Вечерний ветер принес облака, и они быстро сгрудились над долиной. С юго-запада донесся грохот. Сол подумал, что собирается гроза, но в

громе была зловещая размеренность артиллерийского обстрела или ядерной бомбардировки. Между низко нависшими облаками сверкали огненные кривые, подобные следам метеоров: то ли баллистические ракеты, то ли катера с десантом. В любом случае это означало, что Гипериону конец.

Сол словно не видел всего этого. Он брел и тихо напевал для Рахили. Пока она сосала молоко, они дошли до ворот долины, и теперь Сол направлялся обратно к Сфинксу. Гробницы светились ярче, чем когда бы то ни было, стреляя во все стороны холодными струями неона. Последние лучи заходящего солнца подожгли серый облачный потолок, и он запылал рубиновым огнем.

До последнего мгновения жизни Рахили оставалось не больше трех минут. Даже если каким-то чудом корабль сейчас появится, все уже кончено. Он не успеет подняться на борт, не говоря о том, чтобы погрузить новорожденную в криогенную фугу.

Да он и не стал бы теперь пробовать.

Сол медленно взбирался по лестнице, ведущей к Сфинксу, и думал, что по этим самым ступеням двадцать шесть стандартных лет назад спокойно поднималась Рахиль, не догадываясь, какая

участь уготована ей.

Он остановился на верхней ступени и перевел дыхание. Вечерний солнечный свет, такой густой, что его, казалось, можно было потрогать, затопил небо, позолотил крылья и верхнюю часть Сфинкса. И сама могила излучала накопленный за день свет, как это делают скалы в пустынях Хеврона, где Сол бродил когда-то в одиночестве, ища истину и находя скорбь. Воздух превратился в мерцающую дымку; ветер то усиливался, взметая песок на дне долины, то затихал.

Сол встал на одно колено и осторожно развернул одеяло.

Рахиль в мягкой фланелевой рубашечке извивалась в его руках. Ее личико блестело, крошечные ручки покраснели, оттого что постоянно сжимались и разжимались. Сол вспомнил, что, когда доктор вручил ему младенца, все было точно так же. Он внимательно — как и сейчас — рассматривал новорожденную, а потом положил ее Саре на грудь, чтобы и мать тоже полюбовалась дочуркой.

— О Боже, — выдохнул Сол и опустился на второе колено, как и положено просителю.

Вся долина содрогнулась, будто от подземного толчка. В ушах Сола стоял непрестанный грохот

— то были взрывы далеко на юге. Но у самых его глаз, на расстоянии вытянутой руки, творилось нечто невообразимое: Сфинкс озарился, нет — взорвался светом. Тень, отбрасываемая, Солом, спрыгнула на пятьдесят метров вниз по лестнице и протянулась через все дно долины. А гигантская Гробница испускала один за другим импульсы света. Краем глаза Сол видел, как засверкали и другие Гробницы — огромные, пузатые, точно реакторы за мгновение до проплавления активной зоны.

Пульсирующий вход в Сфинкс сделался голубым… фиолетовым… и, наконец, ослепительно белым, а позади Гробницы, на стене плато, нависающего над долиной, выросло небывалое дерево. Его могучий ствол и острые стальные ветви пронзали багряные облака и уходили ввысь. Сол окинул его мимолетным взглядом, заметил трехметровые шипы и нанизанные на них ужасные плоды — и вновь обратил взгляд на вход в Сфинкс.

Ветер завыл с новой силой; послышались раскаты грома. Красный песок заструился откуда-то, застилая небо, точно ливень сухой крови, мерцающий в ужасных лучах Гробниц. Откуда-то издалека доносились человеческие крики.

Но ничего этого Сол не видел и не слышал. Он смотрел только на лицо дочери — и на то, что появилось позади нее: призрак, который в этот момент заслонил собой горящий вход в Гробницу.

Чтобы выбраться наружу, Шрайку пришлось согнуться. Он ступил на крыльцо Сфинкса и пошел вперед — живая скульптура, передвигающаяся с ужасающей медлительностью, как персонаж леденящего кровь сновидения.

Угасающий солнечный свет играл на панцире чудовища, спускался вниз по нагруднику к стальным шипам, блестел на пальцелезвиях и розетках из скальпелей, украшающих каждый сустав. Прижимая Рахиль к груди, Сол глядел в многогранные красные топки, служившие Шрайку глазами. И вот закат сгустился в кроваво-багровое зарево из сна, так хорошо знакомого Солу.

Голова Шрайка повернулась — плавно, без трения, — сначала на девяносто градусов вправо, потом обратно и на девяносто градусов влево, словно чудище осматривало свои владения.

Шрайк сделал три шага вперед, остановившись меньше чем в двух метрах от Сола. Четыре руки согнулись в локтях и поднялись. Пальцелезвия

раскрылись.

Сол крепко прижимал Рахиль к себе. Ее кожа была влажной, лицо покрывали синяки и пятна от родовых микротравм. Оставались секунды. Ее взгляд, поблуждав по сторонам, остановился на Соле.

«Согласись, папа», вспомнил Сол.

Голова Шрайка склонилась, и ужасные рубиновые глаза остановились на Соле и его ребенке. Ртутные челюсти слегка разжались, обнажив ряды стальных зубов. Четыре руки протянулись вперед, металлическими ладонями кверху, и замерли в полуметре от Сола.

«Согласись, папа».

Сол вспомнил вчерашний сон, вспомнил, как обняла его Рахиль своими легкими, теплыми ручонками, и понял, что когда все идет прахом, нам все же дано унести с собой в могилу одно чувство: преданность тем, кого мы любим. А вера — истинная вера — есть доверие к этой любви.

Сол поднял свою новорожденную и умирающую дочь, которой было несколько секунд от роду, кричащую своим первым и последним криком, и передал Шрайку.

Лишившись своей невесомой ноши, он пошатнулся, словно его ударили наотмашь.

Шрайк поднял Рахиль, сделал шаг назад, и его окутало облако света.

Терновое дерево позади Сфинкса перестало мерцать и синхронизировалось с настоящим, обретя неестественно четкие очертания.

Сол шагнул вперед, умоляюще протягивая руки, но Шрайк уже исчез в сиянии. Ударная волна от взрывов сдвинула с места облака, толкнув Сола так, что он снова упал на колени.

Позади и вокруг него распахивались Гробницы Времени.

3
Глава тридцать первая

Я проснулся, что не доставило мне ни малейшего удовольствия.

Перевернувшись на другой бок, я невольно сощурился, проклиная вторгшийся в комнату солнечный свет. На краю постели сидел Ли Хент с инъектором в руке.

— Вы так увлеклись снотворным, что могли проспать бы весь день, — сообщил он. — Ну-ка, встаньте и воссияйте!

Сев в постели, я потер колючие щеки и уставился на Хента.

— Какого черта?.. — произнеся эти два слова, я закашлялся и кашлял до тех пор, пока Хент не принес из ванной стакан воды.

— Выпейте.

Я припал к стакану, тщетно пытаясь между приступами кашля выразить весь свой гнев и возмущение. Обрывки сновидений улетучились, как предрассветный туман, и я в ужасе осознал, что потерял… позабыл… что-то важное.

— Одевайтесь. — Хент уже стоял надо мною. —

Госпожа Гладстон желает видеть вас у себя через двадцать минут. Пока вы изволили почивать, здесь кое-что произошло.

— Что? — Протерев глаза, я запустил пятерню в свои спутанные волосы.

Хент улыбнулся, поджав губы:

— Загляните-ка в инфосферу. И как можно скорее отправляйтесь к Гладстон. Даю вам двадцать минут, Северн. — И он исчез.

Я заглянул в инфосферу. Зрительные ощущения при подключении хорошо передает аналогия с поверхностью земного океана в различных погодных условиях. В нормальном состоянии инфосфера напоминает водную гладь, украшенную замысловатым орнаментом ряби. Кризисные ситуации вызывают зыбь, одевая волны белыми гребешками. Сегодня там бушевал ураган. Во всех портах входные каналы сбоили, напрочь забитые перемешавшимися потоками новостей; киберпространственная матрица инфосферы бурлила от перегоняемых в противоположных направлениях пакетов информации и кредит-трансфертов. Альтинг, и в обычные дни являющий собой пульсирующий клубок сводок и дебатов, превратился в безумный водоворот прерванных референдумов и устаревших коммюнике, кружившихся,

как изорванные бурей облака.

— Боже милостивый, — прошептал я, прерывая контакт. Но волна информации продолжала бушевать у меня внутри, билась в имплантах, захлестывала мозг. Война. Внезапное нападение. Неминуемая гибель Сети. Призывы отдать Гладстон под суд. Беспорядки на десятках миров. Восстание шрайкистов на Лузусе. Флот ВКС, ведя отчаянные арьергардные бои, покидает систему Гипериона, но поздно, слишком поздно. Гиперион уже атакован. Под угрозой захвата порталы нуль-Т.

Я поднялся, нагишом побежал в душ и в рекордно короткий срок привел себя в порядок. Хент или кто-то еще приготовил мне строгий костюм и накидку. Быстро оделся, зачесал назад еще не просохшие волосы. Мокрые завитки легли на воротник. Секретаря Сената нельзя заставлять ждать. Никак нельзя.

— Ну, наконец-то, — нетерпеливо произнесла Мейна Гладстон, едва я появился в ее апартаментах.

— Что вы тут натворили, черт вас возьми?! — взорвался я.

Видимо, не привыкшая к подобному тону, Гладстон нахмурилась, но мне сейчас было на

это начхать.

— Не забывайте, кто вы такой и с кем говорите, — холодно сказала она.

— Кто я такой, мне неизвестно. А говорю я с виновницей крупнейшего массового побоища со времен Горация Гленнон-Хайта. Почему, почему вы допустили эту войну?

Гладстон молча обвела взглядом комнату. Мы были одни. В узкой, длинной гостиной царил приятный полумрак, стены украшали картины со Старой Земли. Но будь здесь даже подлинники Ван Гога, меня бы это сейчас не тронуло. Гладстон, которую всегда сравнивали с Линкольном, как-то разом осунулась и сейчас выглядела обычной старухой. Наши взгляды на миг скрестились, но она тут же отвела глаза.

— Извините, — заявил я тоном, никак не подходящим для извинений, — вы не «допустили» эту войну. Вы ее организовали. Не так ли?

— Нет, Северн, не так. — Гладстон говорила почти шепотом.

— Говорите, пожалуйста, громче, — попросил я, прохаживаясь мимо высоких окон и любуясь струйками света, пробивающегося сквозь жалюзи. — Кроме того, я не Джозеф Северн.

Она вопросительно выгнула бровь.

— Хотите, чтобы я называла вас Китсом?

— Можете называть меня «Никто», — сказал я. — И когда придут другие циклопы, скажете, что вас ослепил Никто, и они уйдут, шепча, что это воля богов.

— Собираетесь меня ослепить?

— Да я мог бы сейчас вам шею свернуть, без малейших угрызений совести. Прежде чем минет эта неделя, погибнут миллионы. Как вы могли допустить?

Гладстон прикусила губу.

— Перед нами два пути. Всего два. Либо война и полная неизвестность, либо мир и верная всеобщая гибель. Я выбрала войну, — произнесла она тихо.

— И чье же это пророчество? — спросил я, уже заинтригованный.

— Это факт. — Она взглянула на свой комлог. — Через десять минут я предстану перед Сенатом, чтобы объявить войну. Расскажите мне о паломниках.

Скрестив руки на груди, я смерил ее взглядом.

— Хорошо, только пообещайте мне кое-что взамен.

— Если смогу.

Я помедлил, сознавая, что никакие силы во

вселенной не заставят эту женщину обещать что-нибудь наобум.

— Обещайте связаться по мультилинии с Гиперионом и снять арест с корабля Консула, а также пошлите кого-нибудь на реку Хулай. Консул там, примерно в ста тридцати километрах от столицы, выше шлюзов Карлы. Возможно, ранен.

Гладстон кивнула:

— Хорошо. Непременно пошлю кого-нибудь на его поиски. А освобождение корабля всецело зависит от вашего рассказа. Остальные живы?

Укутавшись поплотнее в короткую накидку, я опустился на диван.

— Некоторые — да.

— Дочь Байрона Брона? Ламия Брон?

— Ее забрал Шрайк. Некоторое время она пролежала без сознания, соединенная с инфосферой чем-то вроде нейрошунта. Я видел ее во сне… Она парила неизвестно где, и с ней вновь был Китс, первая воскрешенная личность из ее импланта. Они собирались войти в инфосферу, точнее, в мегасферу, в иные измерения Техно-Центра, о существовании которых я и не подозревал.

— Она жива? — Гладстон всем телом подалась вперед.

— Не знаю. Ее тело исчезло. Меня разбудили,

и я не успел заметить, где именно ее личность вошла в мегасферу.

Гладстон кивнула.

— Что с полковником?

— Кассада увела куда-то Монета. Эта женщина, по-видимому, обитает в Гробницах и движется вместе с ними навстречу времени. Последнее, что я увидел, — как полковник кинулся на Шрайка с голыми руками. Точнее, на Шрайков: их там были тысячи.

— Он уцелел?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Ведь это сны. Обрывки. Разрозненные кадры.

— Поэт?

— Силена унес Шрайк. Нанизал его на шип тернового дерева. Но позже, в сне о Кассаде, я видел его, правда, мельком. Он был жив. Не знаю, как это возможно.

— Значит, терновое дерево существует? Это не пропагандистская сказочка шрайкистов?

— Увы, нет.

— А Консул, стало быть, бросил паломников? Пытался вернуться в столицу?

— У него был ковер-самолет его бабушки. Все складывалось удачно, пока он не достиг места

вблизи шлюзов Карлы, о котором я упоминал. Там ковер… и он сам… упали в реку. — Я предупредил ее следующий вопрос. — Не знаю, удалось ли ему спастись.

— А священник? Отец Хойт?

— Крестоформ воскресил его в обличье отца Дюре.

— Это настоящий отец Дюре? Или безмозглый манекен?

— Дюре, — ответил я. — Но искалеченный: у него отняли мужество.

— И он все еще в долине?

— Нет. Исчез в одной из Пещерных Гробниц. Не знаю, что с ним сталось.

Гладстон взглянула на свой комлог, а я попытался вообразить смятение и хаос, царящие за пределами этой комнаты — в залах и кабинетах здания, на планете, во всей Сети. Секретарь Сената, очевидно, уединилась здесь минут на пятнадцать перед своим выступлением. Теперь ей придется позабыть об уединении и отдыхе на несколько недель. А может, навсегда.

— Капитан Мастин?

— Умер. Похоронен в долине.

Она вздохнула.

— А Вайнтрауб и ребенок?

Я покачал головой.

— Мне снились не связанные между собой обрывки… из прошлого и будущего. Думаю, все уже произошло, но поручиться не могу. — Я поднял глаза. Гладстон терпеливо ждала. — Младенцу было всего несколько секунд, когда явился Шрайк. Сол отдал ему девочку, и тот, по-моему, отнес ее в Сфинкс… Гробницы светились очень ярко… Из них выходили… другие Шрайки.

— Значит, Гробницы раскрылись?

— Да.

Гладстон коснулась пульта комлога.

— Ли? Прикажите дежурному офицеру соединиться с Тео Лейном и командованием ВКС на Гиперионе. Пусть освободят корабль, на который мы наложили арест. Кроме того, передайте генерал-губернатору, что через несколько минут он получит от меня личное послание. — Прибор пискнул, и Гладстон снова посмотрела на меня. — Что еще вы видели?

— Образы. Слова. Смысл от меня ускользает. Я рассказал лишь о том, что видел отчетливо.

Гладстон слегка улыбнулась:

— Вы понимаете, что вам снятся события, которых другая личность Китса наблюдать не может?

Я потерял дар речи. Моя связь с паломниками осуществлялась милостью Техно-Центра, который каким-то образом соединил меня с Ламией, точнее, с личностью в ее петле Шрюна, а через нее — и с примитивной инфосферой паломников. Но личность Китса уже на свободе; паломников разбросало в разные стороны, инфосфера разорвана и больше не существует. Даже мультиприемнику требуется передатчик.

Улыбка сбежала с лица Гладстон.

— Вы можете это объяснить?

— Нет. — Я посмотрел ей в глаза. — Возможно, я просто вижу сны? Обыкновенные сны?

Она встала.

— Вероятно, мы все узнаем, когда отыщем Консула. Если отыщем. Или когда его корабль прибудет в долину. У меня осталось две минуты. Что-нибудь еще?

— Хочу спросить, — отозвался я. — Кто я? Зачем я здесь?

Ее губы вновь тронула легкая усмешка:

— Каждый из нас когда-нибудь задает себе такие вопросы, господин Сев… господин Китс.

— Это не шутка. Мне кажется, вы знаете больше, чем я.

— Техно-Центр избрал вас посредником между

мной и паломниками. А также наблюдателем. В конце концов — вы поэт и художник!

Хмыкнув, я поднялся, и мы медленно двинулись к личному порталу Гладстон, который должен был доставить ее в Сенат.

— Какой во всем этом прок, если конец света на пороге?

— Попробуйте выяснить это на практике, взглянув на него собственными глазами, — сказала Гладстон, вручая мне какую-то микрокарту для комлога. Я вставил ее и посмотрел на экран: то был универсальный чип-пропуск, обеспечивающий доступ ко всем порталам — государственным, частным и военным. Билет на посещение конца света.

— А если меня убьют? — заметил я.

— В этом случае мы никогда не услышим ответов на ваши вопросы, — сказала Гладстон и, коснувшись моего запястья, шагнула в портал.

Несколько минут я простоял один в ее кабинете, наслаждаясь светом и тишиной. На одной из стен действительно висел Ван Гог, стоимость которого превосходила бюджет многих планет. Это был интерьер арльской комнатушки художника. Ничто не ново под луной, и безумие тоже.

Я вышел из кабинета и двинулся по коридору,

ориентируясь по указаниям комлога. Он провел меня через лабиринт Дома Правительства к центральному терминексу, и я шагнул в портал, дабы самолично узреть конец света.

Сеть имела две транспортные нуль-артерии, позволяющие посетить все значительные миры, — Конкурс и Тетис. Я перенесся на Конкурс, на пятисотметровый участок Циндао-Сычуаньской Панны, граничащий с полоской Новой Земли и отрезком Приморской набережной Невермора. К Панне подходила первая атакующая волна: от меча Бродяг ее отделяли всего тридцать четыре часа. Новая Земля входила в список объектов атаки второй волны, уже объявленный, и до вторжения у нее оставалось немногим больше стандартной недели. Невермор находился в глубине Сети, на расстоянии многих лет полета от ближайшего Роя.

Не было никаких признаков паники. Вместо того чтобы бежать на улицы, все спешили подключиться к инфосфере и Альтингу. Шагая по узким переулкам Циндао, я слышал из тысяч приемников и персональных комлогов голос Гладстон, вплетающийся странным аккомпанементом в крики уличных торговцев и шорох шин на влажном асфальте, когда по эстакадам

наверху проносились электрорикши.

— …как почти восемь веков назад сказал своему народу накануне нападения другой государственный деятель: «Я не могу вам предложить ничего, кроме крови, труда, слез и пота». Вы спрашиваете, какова наша политика? Отвечаю. Бить врага в космосе и на суше, в воздухе и на море, обрушить на него всю нашу мощь, всю силу, которую дают нам наша правота, наши принципы. Вот какова наша политика…

На границе Циндао и Невермора дежурили солдаты ВКС, но поток пешеходов выглядел достаточно обыденно. Интересно, скоро ли военные реквизируют пешеходные эстакады Конкурса для переброски своей техники и куда ее направят: к фронту или от него?

Я прошел на Невермор. Здесь улицы были сухие, лишь иногда асфальт окатывало ливнем брызг от какой-нибудь взбалмошной волны — тридцатью метрами ниже плескался и бился о гранитные опоры Конкурса океан. Небо, как и положено для Невермора, было гнетущего цвета: коричневато-желтое с серыми переливами — зловещие сумерки посреди дня. Витрины маленьких магазинчиков пестрели огнями и товарами. Правда, на улицах не было обычного оживления;

люди либо толпились в лавках, либо сидели на каменных парапетах и скамейках, сосредоточившись и прикрыв глаза, — они слушали.

— …вы спросите, какова наша цель? Я отвечу одним словом. Победа, победа любой ценой, победа, несмотря на все ужасы, победа, какой бы долгой и трудной ни была дорога к ней, так как без победы нет жизни…

Очередей на основном терминексе Эдгартауна почти не было. Я набрал код Безбрежного Моря и прошел в портал.

Аквамариновые небеса были как всегда чисты и прозрачны, а океан под плавучим городом — темно-зеленым. Фермы морской капусты тянулись до самого горизонта. В такой дали от Конкурса народу было меньше; улицы с дощатыми тротуарами опустели, некоторые магазины закрылись. Несколько мужчин у лодочного причала стояли вокруг старинного мультиприемника. В воздухе, напоенном запахами моря, голос Гладстон звучал как-то бесцветно.

— …даже сейчас подразделения ВКС неуклонно пробиваются к своим базам, твердые в своей решимости, уверенные в своей способности спасти не только миры, над которыми нависла угроза, но всю Гегемонию Человека от самой губитель-

ной для людских душ и самой отвратительной тирании, когда-либо оставившей свой грязный след в анналах истории.

До вторжения на Безбрежное Море оставалось восемнадцать часов. Я запрокинул голову, почти ожидая увидеть первые отряды вражеских кораблей, или какой-нибудь намек на орбитальные оборонительные рубежи, или передвижения космических эскадрилий. Но нет — лишь безоблачное небо, теплый день да плавное покачивание города на волнах.

Список миров, которым угрожало вторжение, возглавляли Небесные Врата. Я вышел на главный терминекс Центрального Отстойника и с Рифкинских Высот увидел прекрасный город, которому так не подходило его грубое название. Стояла глубокая ночь. В это время суток механические уборщики работали вовсю, выскребая щетками и ультранасадками булыжные мостовые. Но были здесь и люди — длинные молчаливые очереди протянулись к терминексу Рифкинских Высот. Очереди еще длиннее виднелись внизу, у порталов Променада. За порядком наблюдала местная полиция — здоровяки в коричневых комбинезонах. Если подразделения ВКС и перебросили сюда, то на виду они не торчали.

Стоявшие в очередях не были местными жителями: владельцы особняков на Рифкинских Высотах или Променаде наверняка имели собственные порталы. Судя по виду, эти люди приехали с осушаемых участков, расположенных за парковым поясом и папоротниковыми лесами. Они приближались к порталам молча, с терпеливым стоицизмом туристов, бредущих по тематическому парку к очередному аттракциону.

Лишь у немногих с собой было что-то крупнее дорожной сумки или рюкзака.

Неужели мы воспитали в себе такое самообладание, что способны вести себя с достоинством даже перед лицом вторжения?

Небесным Вратам оставалось тринадцать часов до Момента Икс. Я настроил комлог на Альтинг.

— …если мы сможем противостоять этой угрозе, наши любимые миры останутся свободными, и жизнь Сети двинется вперед, к будущему, исполненному света. Если же потерпим поражение, вся Сеть, Гегемония, все, что мы знали и любили, погрузится в пропасть новых Темных Веков, куда более зловещих и продолжительных, ибо научные достижения будут обращены против человека, направлены на уничтожение самого

понятия о свободе. И потому давайте отдадим все силы исполнению нашего долга, наших обязанностей. Будем вести себя так, чтобы, если Гегемонии Человека, ее Протекторатам и союзникам суждено просуществовать еще тысячи лет, человечество повторяло бы: «То был их звездный час».

И вдруг где-то внизу, в тихом, пахнущем свежестью городе, началась перестрелка. Сначала донесся треск автоматных очередей, его заглушили басовитый гул полицейских парализаторов, людские крики и шипение лазерных ружей. Толпа на Променаде хлынула к терминексу, но вынырнувшие из парка десантники ослепили людей галогенными прожекторами. Из мегафонов разнеслись призывы восстановить очередь или разойтись. Толпа замерла, шарахнулась назад и тут же подалась вперед, заколебалась, как медуза в водовороте, а затем, подгоняемая звуками выстрелов, гремевшими все громче и ближе, ринулась к платформам порталов.

Полицейские принялись швырять гранаты со слезоточивым и рвотным газом, и в ту же минуту между толпой и порталами вспыхнули фиолетовые защитные поля. Эскадрильи военных ТМП и полицейских скиммеров двинулись над городом

на бреющем полете, шаря по улицам прожекторами. Один луч поймал меня, задержался, пока мой комлог не мигнул в ответ, и заскользил дальше. Начинался дождь.

Вот и все наше самообладание.

Полицейские окружили государственный терминекс Рифкинских Высот и начали эвакуацию через служебный портал Атмосферного Протектората — тот самый, который доставил меня сюда. Я решил отправиться дальше.

Залы и вестибюли Дома Правительства охранялись десантниками ВКС, которые проверяли всех выходящих из порталов, несмотря на то, что это был самый защищенный от постороннего доступа терминекс в Сети. По дороге к жилому крылу, где находились мои комнаты, я миновал по меньшей мере три контрольных пункта. Внезапно охранники оттеснили всех из главного вестибюля, перекрыв ведущие к нему коридоры: через несколько секунд показалась Гладстон, сопровождаемая шумной толпой советников, референтов и генералов. Заметив меня, она, к моему удивлению, остановилась (вся свита с некоторым опозданием последовала ее примеру) и обратилась ко мне сквозь строй вооруженных до зубов морских пехотинцев:

— Как вам понравилась моя речь, господин Никто?

— Весьма, — ответил я. — Впечатляет. И если не ошибаюсь, заимствована у Уинстона Черчилля.

Гладстон улыбнулась и слегка пожала плечами.

— Если уж воровать, то у забытых мастеров. — Улыбка на ее лице сразу же погасла. — Что происходит на границах?

— Люди начинают понимать что к чему, — ответил я. — Будьте готовы к панике.

— Я всегда к ней готова, — отрезала Мейна Гладстон. — Что с паломниками?

Я удивился.

— Паломники? Но я… не спал.

Нетерпеливая свита Гладстон и безотлагательные дела увлекали ее прочь.

— Возможно, вам больше не надо спать, чтобы видеть сны, — крикнула она на ходу. — Попробуйте!

Я посмотрел ей вслед и отправился искать свои комнаты. Уже стоя перед дверью, я вдруг отвернулся, испытывая острое отвращение к себе самому, ибо единственное, чего мне хотелось, — это забраться под одеяло и, уставившись в потолок, оплакивать Сеть, маленькую Рахиль

и собственную судьбу. И я бежал, бежал в страхе и смятении перед ужасом, надвигающимся на всех нас.

Я покинул жилое крыло Дома Правительства и, оказавшись во внутреннем саду, побрел по дорожке куда глаза глядят. Крошки-микроботы жужжали в воздухе, как пчелы. Один из них проводил меня из розария к узкой тропинке, которая вилась между зарослями тропических растений и вела к уголку Старой Земли с мостиком над ручьем. Вот и каменная скамья, где мы беседовали с Гладстон.

«Возможно, вам больше не надо спать, чтобы видеть сны. Попробуйте!»

Я с ногами забрался на скамью, уперся подбородком в колени, прижал кончики пальцев к вискам и закрыл глаза.

Глава тридцать вторая

Мартин Силен корчится и бьется в чистой поэзии боли. Двухметровый стальной шип, вонзившийся в его тело между лопаток, выходит из груди тонким страшным острием. Обмякшие руки не в силах дотянуться до кончика шипа. Трения здесь не существует, и потные ладони

никак не могут уцепиться за сталь, скользят. Сам шип тоже скользкий, и тем не менее соскользнуть с него невозможно — поэт насажен на него надежно, как бабочка на булавку энтомолога.

Крови нет.

Когда разум вернулся к нему, пробравшись сквозь безумную завесу боли, Мартин Силен принялся размышлять над этой загадкой. Крови нет. Но есть боль. О да, боли здесь предостаточно. Она превосходит самые дикие вымыслы поэтов, выходит за пределы человеческого терпения и самого понятия о страдании.

Но Силен терпит эту боль. И страдает.

В сотый, тысячный раз он кричит. Это просто вопль, бессмысленный, нечленораздельный. В нем нет даже хулы. Силен кричит и корчится, затем бессильно обвисает. Шип слегка подрагивает в такт конвульсиям. Выше, ниже, позади — везде висят люди, но Силен на них не глядит. Каждый заключен в свой личный кокон страдания.

«За что этот ад, — думает Силен словами Марло, — и за что я не вне его».

Но он знает, что вокруг не ад. И не загробная жизнь. И не какое-то ответвление реальности — шип проходит через его плоть. Восемь сантиметров самой настоящей стали сидят в его груди.

А он все жив. И хоть бы капля крови на теле! Где бы ни находилось это место, как бы оно ни называлось, это не ад и не жизнь.

Что-то непонятное творилось здесь со временем. Силену и раньше доводилось оказываться в ситуациях, когда оно растягивалось и замедлялось, — к примеру, в зубоврачебном кресле или в приемном покое больницы с почечными коликами; время еле ползет — и даже почти останавливается, когда стрелки биологических часов словно замирают от страха. Но даже тогда оно все же идет. Дантист в конце концов завершает свои манипуляции. Ультраморфин снимает боль. А здесь, в отсутствии времени, сам воздух, казалось, застыл. Боль — пена на гребне волны, которая все никак не разбивается о камни.

Силен снова кричит от гнева и боли. И снова корчится на своем шипе.

— Проклятие! — выговаривает он наконец. — Проклятый сукин сын.

Эти слова — отголоски другой жизни, сновидений, в которых он жил до дерева. Силен почти не помнит той жизни, даже то, как Шрайк принес его сюда, насадил на шип да так и оставил.

— О Боже! — восклицает поэт и цепляется за сталь, пытаясь подтянуться, чтобы уменьшить

вес тела, безмерно усиливающий безмерную боль.

Пейзаж внизу виден Силену на много миль. Это застывшая, словно изготовленная из папье-маше диорама долины Гробниц Времени и пустыни. Тут есть даже миниатюрные копии мертвого города и далеких гор. Что за чепуха! Для Мартина Силена сейчас существуют только дерево и боль, сплавленные воедино. В пору его детства, еще на Старой Земле, они с Амальфи Шварцем, его лучшим другом, посетили как-то христианскую общину в Северо-Американском Заповеднике и, познакомившись там с примитивной теологией христиан, потом частенько подтрунивали над идеей распятия.

Юный Мартин растопыривал руки, вытягивал ноги, задирал голову и объявлял: «Кайф, весь город как на ладони», а Амальфи покатывался со смеху.

Силен кричит.

Время здесь застыло в неподвижности, и все-таки постепенно разум Силена вновь начинает работать в режиме последовательных наблюдений, воспринимать еще что-то помимо разрозненных оазисов чистого, полнозвучного страдания в пустыне глухой муки. И этим ощу-

щением собственной боли Силен вводит время в царство безвременья, где вынужден отныне существовать.

Сначала он просто выкрикивает ругательства. Кричать тоже больно, но гнев проясняет мысль.

Затем в сознание возвращается ощущение времени. В периоды изнеможения между воплями и приступами смертельной боли Силену удается хоть как-то разграничить страдания десяти минувших секунд и те, что еще впереди. И от этого становится чуть-чуть легче. Хотя боль все еще нестерпима, все еще разбрасывает мысли, как ветер — сухие листья, но все-таки она уменьшается на какую-то неуловимую каплю.

И Силен сосредоточивается. Он кричит и корчится, возвращая логику в сознание. Поскольку сосредоточиться тут особо не на чем, он выбирает боль.

Оказывается, боль имеет свою структуру. У нее есть фундамент. Есть стены и контрфорсы, фрески и витражи — замысловатая готика страдания. Но даже исходя криком и извиваясь всем телом, Мартин Силен исследует структуру боли. И внезапно понимает, что это стихи.

Силен в десятитысячный раз выгибает тело и вытягивает шею, ища облегчения там, где облег-

чения не существует по определению, и вдруг замечает в пяти метрах над собой знакомую фигуру, сотрясаемую немыслимым ураганом страдания.

— Билли! — выдыхает Силен. Наконец-то его мозги заработали.

Взгляд его бывшего сеньора и покровителя, ослепшего от боли, совсем недавно ослеплявшей Силена, устремлен в бесконечность, но, услышав свое имя в этом месте без имен и названий, он все же слегка поворачивает голову.

— Билли! — кричит Силен и снова теряет зрение и способность мыслить из-за острого приступа боли. Он сосредоточивается на структуре боли, мысленно ведя пальцем по ее схемам, как бы взбираясь по стволу, ветвям, сучьям и шипам адского дерева. — Ваша милость!

Силен слышит голос, пробивающийся сквозь крики; с удивлением осознает, что и крики, и голос — его собственные:

…Ты – лунатик,
Живущий в лихорадочном бреду;
Взгляни на землю: где твоя отрада?
Есть у любого существа свой дом,
И даже у того, кто одинок,

И радости бывают, и печали —
Возвышенным ли занят он трудом
Иль низменной заботой, но отдельно
Печаль, отдельно радость. Лишь мечтатель
Сам отравляет собственные дни,
Свои грехи с лихвою искупая.[50]

Он знает, эти стихи написаны не им, а Джоном Китсом, но чувствует, как каждое слово все глубже структурирует хаотический океан боли вокруг него. Силен постигает наконец, что боль — его спутница с самого рождения. Таков дар поэту от вселенной. То, что он испытывает сейчас, — лишь физический аналог боли, которую он чувствовал и безуспешно пытался переложить в стихи, пришпилить булавкой прозы все годы своей бессмысленной, бесплодной жизни. Это хуже, чем боль, это несчастье, потому что вселенная предлагает боль всем, и

…лишь мечтатель
Сам отравляет собственные дни,
Свои грехи с лихвою искупая.

---

[50] Примечания: 50

Д. Китс «Падение Гипериона». Песнь первая, 131–141 (Пер. Г. Кружкова)

Силен выкрикивает великие слова — это уже не тот, бессмысленный вопль. Исходящие от дерева волны боли — невидимые и неслышимые — на какую-то долю секунды стихают. Среди океана погруженных в свою боль мучеников появился островок инакомыслия.

— Мартин!

Силен выгибается и поднимает голову, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь туман боли. Печальный Король Билли смотрит на него. *Смотрит*.

Затем он выкрикивает короткое слово, в котором ценой неимоверного усилия Силен угадывает просьбу: «Еще!»

Поэт заходится от боли, извивается, как безмозглый червяк, но, когда он затихает, изнеможенно качаясь на шипе, а боль, не уменьшаясь, просто изгоняется токсинами усталости из двигательных участков коры его мозга, внутренний голос то кричит, то шепчет:

Дух всесильный – ты царишь!
Дух всесильный – ты скорбишь!
Дух всесильный – ты пылаешь!
Дух всесильный – ты страдаешь!
О дух! Я почил
В тени твоих крыл,

Поник головою всклокоченной.
О дух! Как звездой
Я грежу одной
Твоею туманною вотчиной.[51]

Небольшой круг молчания расширяется, захватывая несколько соседних ветвей и десяток шипов, отягощенных людскими гроздьями.

Силен поднимает глаза на Печального Короля Билли и видит, как его повелитель — жертва его предательства — открывает свои печальные глаза. В первый раз за два с лишним века покровитель и поэт встречаются взглядами. И Силен произносит слова, ради которых вернулся сюда и угодил на шип:

— Ваша милость, простите меня.

Прежде чем Билли успевает ответить, прежде чем хор криков заглушает всякий мыслимый ответ, воздух меняет цвет, замороженное время бьет хвостом, и дерево содрогается, словно проваливаясь на метр. Силен кричит вместе с другими, ибо ветвь трясется, и шип, на который он нанизан, рвет ему внутренности.

Открыв глаза, Силен видит, что небо настоящее,

---

[51] Примечания: 51
Д. Китс «Песня» (Пер. В. Багно)

пустыня настоящая, Гробницы светятся, ветер дует, и время началось сызнова. Пытка не стала легче, но сознание прояснилось.

Мартин Силен смеется сквозь слезы.

— Смотри, мамочка! — хихикая, кричит человек со стальным копьем в разрубленной груди. — Весь город как на ладони!

— Господин Северн? С вами все в порядке?

Стоя на четвереньках, задыхаясь, я повернул голову на голос. Глазам было больно, но никакая боль не может сравниться с тем, что я только что испытал.

— С вами все в порядке, сэр?

В саду, кроме меня, никого не было. Голос исходил из микроробота, жужжавшего в каком-то полуметре от моего лица и, видимо, принадлежал какому-нибудь охраннику из Дома Правительства.

— Да, — произнес я наконец, поднимаясь на ноги и отряхивая с колен гравий. — Все нормально. Просто я вдруг почувствовал боль.

— Медицинская помощь может быть оказана вам в течение двух минут. Ваш биомонитор сообщает, что органически повреждений нет, но мы можем…

— Нет, нет, — поспешно сказал я. — Все нор-

мально. Ничего не надо. Оставьте меня одного.

Микроробот вспорхнул вверх, как испуганная пичужка.

— Слушаюсь, сэр. Вызывайте нас, если что-то понадобится. Мониторы сада и территории немедленно отреагируют.

Я покинул сад, прошел через главный вестибюль Дома Правительства — куда ни глянь, везде загородки и охрана и вышел на живописные просторы Оленьего парка.

У пристани было тихо, река Тетис выглядела как никогда пустынной.

— Что происходит? — спросил я у одного из охранников на пирсе.

Тот связался с моим комлогом, получил подтверждение моего высокого статуса и разрешение секретаря Сената, но отвечать не спешил.

— Порталы ТКЦ отключены, — пробормотал он наконец. — Река направлена в обход.

— Отключены? Хотите сказать, что река больше не течет через Центр?

— Угу.

К нам приблизилась небольшая лодка, и охранник опустил забрало шлема, но, узнав сидевших в ней мужчин в форме, вновь открыл лицо.

— Могу я отправиться в эту сторону? — Я ука-

зал вверх по течению, где маячили порталы — высокие прямоугольники, сотканные из непрозрачной серой мглы.

Охранник пожал плечами:

— Да, только обратно вам потом здесь не пройти.

— Это не важно. Могу я воспользоваться лодкой?

Охранник пошептался со своим микрофоном и кивнул:

— Валяйте.

Я осторожно ступил в ближайшее ко мне суденышко и уселся на заднюю скамью, держась за планшир. Когда лодка перестала качаться, я нажал кнопку подачи энергии и скомандовал.

— Старт.

Электродвигатели зажужжали, лодка сама отдала швартовы и повернулась носом к реке: я приказал ей плыть вверх по течению.

Никогда не слышал, чтобы часть реки отсекалась, но занавес порталов действительно превратился в одностороннюю, полупроницаемую мембрану. Лодка с жужжанием пронеслась через нее, я стряхнул несуществующих мурашек и огляделся.

Кажется, передо мной была одна из «Венеций»

Возрождения-Вектор — видимо, Ардмен или Памоло. Тетис служила здесь главной улицей, и от нее отходили многочисленные переулки-притоки. Обычно здесь можно было встретить только туристские гондолы да яхты и вездеходки ультрабогачей на транзитных аквастрадах. Но сегодня здесь царило настоящее столпотворение.

Центральные каналы буквально кишели судами всевозможных размеров и форм, спешащих в обоих направлениях. Здесь были плавучие дома, доверху набитые всяким барахлом, катера, нагруженные до такой степени, что, казалось, малейшая волна или ветерок их опрокинет, сотни размалеванных джонок с Циндао-Сычуаньской Панны и баснословно дорогие плавучие особняки с Фудзи — все они на равных боролись за место на реке. По-видимому, многие из этих плавучих жилищ до сих пор не покидали причалов. В мешанине дерева, пластика и перспекса мелькали серебряные яйца яхт-вездеходок, их силовые коконы работали сейчас в режиме полного отражения.

Я навел справки в инфосфере. Возрождение-Вектор относился ко второй волне, и от вторжения его отделяло сто семь часов. Мне показалось странным, что беженцы с Фудзи заполняют здеш-

ние водные пути, хотя топор Бродяг обрушится на их мир лишь через двести часов, но потом я догадался, что, не считая отрезанного от Тетис ТКЦ, река течет своим обычным путем. Беженцы с Фудзи плыли от Панны, которой до вторжения оставалось всего тридцать три часа, через Денеб-III (сто сорок семь часов) и Возрождение-Вектор на Экономию или Лужайку — им враг пока не угрожал. Я покачал головой, отыскал сравнительно спокойный приток, откуда было удобно наблюдать за всем этим безумием, и задумался, как скоро власти изменят течение реки, чтобы жители всех приговоренных миров могли найти на ней убежище.

Но возможно ли это технически? Техно-Центр сконструировал реку Тетис, подарив ее Гегемонии на пятисотлетие. Наверняка Гладстон или еще кому-нибудь придется просить Техно-Центр помочь с эвакуацией. Вопрос в том, согласится ли он. Гладстон убеждена, что определенные силы в Техно-Центре хотят уничтожить род человеческий, и без войны сорвать их планы невозможно. Впрочем, этим человеконенавистникам война только на руку: им ничего не стоит отказаться от эвакуации миллиардов людей, бросив их на милость Бродяг!

Я мрачно улыбнулся, но даже это подобие улыбки исчезло с моего лица, когда я понял вдруг с беспощадной ясностью, что именно Техно-Центр управляет сетью нуль-Т, от которой зависит и моя безопасность.

Моя лодка была пришвартована у каменной лестницы, спускающейся в солоноватую воду. Нижние ступени ее, обросшие изумрудным мхом, казались старыми-престарыми. Возможно, они попали сюда из какого-нибудь знаменитого города Старой Земли: были вывезены после Большой Ошибки — в числе других древностей — по нуль-Т. Между пятнами мха змеились тонюсенькие трещины. Я пригляделся: то была схематическая карта Сети и ее миров.

Стояла жара. Воздух был неестественно влажен и тяжел. Солнце Возрождения-Вектор висело низко, почти цепляясь краем за двускатные крыши башен. Его свет был слишком красным и каким-то тягучим. От гомона, стоящего на реке, закладывало уши даже здесь, в ста метрах от нее. Между черными стенами и под стрехами крыш беспокойно кружили голуби.

Что я могу сделать? Мир катится в тартарары, и тем не менее все о чем-то хлопочут, что-то предпринимают. Только я, неприкаянный, шатаюсь

без цели. Зачем? Кому это нужно?

«Это твоя работа. Ты — наблюдатель».

Я потер глаза. Кто сказал, что поэты должны быть сторонними наблюдателями? Ли Бо и Джордж Ву водили армии по равнинам Китая, и, пока их солдаты спали, сочиняли лирические стихи ошеломляющей глубины. Да и жизнь Мартина Силена была долгой и полной деяний. И не важно, что одна половина его деяний была непристойной, а другая — бесплодной.

При мысли о Мартине Силене я не смог сдержать стона.

А крошечная Рахиль? Она тоже на терновом дереве?..

Хотя — кто знает? — лучше висеть на стальном шипе, чем сгорать, как свечка, от болезни Мерлина.

Нет, не лучше.

Я закрыл глаза и попытался думать ни о чем, надеясь каким-то чудом установить контакт с Солом и разузнать о судьбе ребенка.

Лодочка убаюкивающе покачивалась на волнах. Над головой захлопали крыльями голуби, опустились на ближайший карниз и заворковали.

— Не желаю знать, выполнимо это или нет! —

кричит Мейна Гладстон. — Все силы системы Вега-Прим должны защитить Небесные Врата. Надо перебросить необходимый контингент к Роще Богов и другим мирам, находящимся под угрозой. В данный момент мобильность — наше единственное преимущество!

Лицо адмирала Сингха темнеет от тревоги.

— Слишком опасно, госпожа секретарь! Если напрямую перебросить флот в систему Вега-Прим, он рискует застрять там. Бродяги наверняка попытаются разрушить сферу сингулярности, соединяющую систему с Сетью.

— Так защищайте ее! — резко отвечает Гладстон. — Для того и существуют дорогие дредноуты.

Сингх взглядом ищет поддержки у Морпурго и других военных. Все молчат. Совещание проходит в Военном Кабинете, стены которого испещрены голограммами и бегущими колонками данных. Никто не смотрит на них.

— Для защиты сферы сингулярности в пространстве Гипериона потребуются все наши ресурсы, — негромко произносит адмирал Сингх, четко выговаривая каждое слово. — Отступать под вражеским огнем, в особенности под напором всего Роя — немыслимо трудно. В случае

уничтожения этой сферы между нашим флотом и Сетью пролягут восемнадцать месяцев пути. Когда он подоспеет, война будет проиграна.

Гладстон нетерпеливо кивает:

— Адмирал, я не требую, чтобы вы рисковали этой сферой сингулярности до того, как закончится передислокация флота. Уступим им Гиперион *до* вывода наших кораблей. Но ни в коем случае нельзя сдавать миры Сети без боя.

Генерал Морпурго встает:

— Да, госпожа секретарь, мы будем биться с врагом. Но гораздо логичнее начать оборонительные бои на Хевроне или Возрождении-Вектор. Мы не только выиграем пять суток для подготовки к боевым действиям, но и…

— Но и потеряем девять миров! — перебивает его Гладстон. — Миллиарды граждан Гегемонии! Людей! Утрата Небесных Врат — это ужасно, но Роща Богов — наше культурное и экологическое достояние. Невосполнимое!

— Госпожа Гладстон, — вмешивается Аллан Имото, министр обороны, — есть доказательства, что многие годы тамплиеры были в сговоре с так называемой Церковью Шрайка. Многие программы культа Шрайка финансировались…

Сингх, ссутулившись, как под невидимым гру-

зом, пытается изобразить на лице ироническую улыбку:

— На этом мы не выиграем и часа, госпожа секретарь.

— Мое решение окончательно, — отчеканивает Гладстон. — Ли, что там с беспорядками на Лузусе?

Хент по обыкновению откашливается, озирая присутствующих виноватыми собачьими глазами.

— Госпожа секретарь, беспорядки охватили по меньшей мере пять Ульев. Уничтожено собственности на сотни миллионов марок. Наземным войскам ВКС, переброшенным туда с Фрихольма, похоже, удалось справиться с грабежами и демонстрациями, но пока неизвестно, когда с этими Ульями будет восстановлено нуль-сообщение. Вся ответственность за происходящее лежит, несомненно, на Церкви Шрайка. Беспорядки в Улье Бергстром начались с манифестации фанатиков-шрайкистов, а их епископ даже появился на телеэкранах. Трансляцию удалось прекратить только…

Гладстон наклонила голову.

— Ага, значит, он все-таки выбрался из подполья. И где он сейчас? На Лузусе?

— Этого никто не знает, — отвечает Хент. — Миграционный контроль пытается сейчас выследить епископа и его присных.

Не вставая с кресла, секретарь Сената поворачивается к мужчине, которого я узнаю не сразу. Это капитан третьего ранга Вильям Аджунта Ли, герой войны за Мауи-Обетованную.

Буквально вчера я слышал, что его перевели в какую-то дыру на Окраине за то, что он осмелился высказать собственное мнение при начальниках. Теперь на эполетах его морского мундира горят контр-адмиральские изумрудно-золотые полосы.

— Что вы скажете о нашем намерении драться за каждый мир? — спрашивает его Гладстон вопреки собственному утверждению, что все уже решено.

— Я считаю, что это ошибка, — не задумываясь, отвечает Ли. — Все девять Роев готовы к штурму планет. Единственный, о котором мы можем забыть на три года, — Рой, атакующий сейчас Гипериоп. И если даже мы успеем вывести войска и сосредоточить наш флот — хотя бы половину его — у Рощи Богов, вряд ли удастся перебросить эти силы для защиты остальных восьми миров первой волны.

Гладстон покусывает нижнюю губу:

— Что же вы предлагаете?

Молодой контр-адмирал шумно набирает в грудь воздуха:

— Рекомендую поберечь наши силы, уничтожить сферы сингулярности в этих девяти системах и перехватить Рои второй волны на подходе к их целям.

Собравшиеся буквально взрываются криками негодования. Сенатор Фельдстайн с Мира Барнарда вскакивает с кресла. Гладстон ждет, пока утихнет буря, а потом произносит тихим будничным голосом:

— То есть вы предлагаете выйти им навстречу? Упредить нападение?

— Да, госпожа секретарь.

Гладстон переводит взгляд на адмирала Сингха.

— Это возможно? Мы в состоянии разработать, подготовить и нанести упреждающие удары в течение, — она косится на колонки данных на стене, — девяноста четырех стандарточасов, считая с этой минуты?

Сингх вытягивается в струнку.

— Возможно ли? Да, но, госпожа секретарь, реакция на потерю девяти миров Сети и… трудности, связанные со снабжением…

— Я спрашиваю, это возможно? — настаивает Гладстон.

— О… да, госпожа секретарь. Но если…

— Тогда действуйте, — приказывает Гладстон. Она поднимается, и остальные торопятся последовать ее примеру. — Сенатор Фельдстайн, жду вас и других заинтересованных членов Сената в моих апартаментах. Ли, Аллан, пожалуйста, держите меня в курсе событий на Лузусе. Военный Совет продолжит работу здесь же через четыре часа. Всего доброго, леди и джентльмены.

Я брел по улицам, как во сне, мысленно вслушиваясь в эхо слов Гладстон. Здесь, вдали от реки, каналы стали реже, а пешеходные дорожки — шире. И всюду толпились люди. Несколько раз я поручал комлогу вывести меня к терминексу, но на каждой новой платформе давка была еще невообразимее, чем на предыдущей. До меня не сразу дошло, что у терминексов сталкиваются два противоположных людских потока — обитатели Возрождения-Вектор стремились покинуть его, а любопытствующие со всей Сети, наоборот, рвались сюда. Интересно, учитывает ли эвакуационная комиссия Гладстон миллионы зевак, которым не терпится насладиться зрелищем военных действий?

Я и сам не мог объяснить, как умудрился увидеть во сне совещание в Военном Кабинете, но никаких сомнений в подлинности увиденного у меня не было. Перебирая череду недавних событий, я вспомнил сновидения долгой вчерашней ночи — не только те, действие в которых происходило на Гиперионе, но и прогулку секретаря Сената по мирам Сети, и совещания в высших кругах.

КТО ЖЕ Я ТАКОЙ?

Кибриды были дистанционно управляемыми биороботами, придатками ИскИнов… или, как в моем случае, реконструированными ИскИнами личностями, чьи «души» надежно упрятаны в недрах Техно-Центра. Это, пожалуй, объясняет, каким образом Техно-Центр узнавал обо всем происходящем в Доме Правительства, в кабинетах и приемных лидеров человечества. Род людской привык бездумно делиться своей жизнью и тайнами с вездесущими ИскИнами — так на Старой Земле, в Америке периода рабовладения, южане свободно обсуждали свои дела и проблемы при рабах. И тут ничего нельзя было сделать: комлоги с биомониторами имели даже голодранцы со «дна» Ульев, вдобавок многие пользовались имплантами, и каждое из этих

устройств было настроено на ритм инфосферы, управлялось элементами инфосферы, зависело от состояния инфосферы — поэтому люди смирились с тотальной публичностью общественной и частной жизни. Как сказал мне один художник с Эсперансы: «Заниматься сексом или ругаться с домочадцами при включенных домашних мониторах — все равно что раздеваться в присутствии собаки или кошки. Первый раз как-то неловко, а потом и думать забываешь».

Так, может, я подключался к какому-нибудь тайному, известному только Техно-Центру каналу? Это легко проверить: бросив моего кибрида, отправиться по тропам мегасферы к Техно-Центру, как поступили прямо у меня на «глазах» Ламия и мой бестелесный двойник.

Ну уж нет.

При одной мысли о мегасфере меня замутило. Я нашел скамью и присел на минутку, медленно и глубоко дыша. Мимо текли толпы. Чей-то голос взывал к ним, усиленный мегафоном.

Есть хотелось зверски. Уже сутки во рту у меня не было и маковой росинки. Кибрид я или не кибрид, но в животе моего тела урчало. Я пробрался в боковую улочку, где царствовали разносчики с одноколесными гиро-тележками,

на все лады расхваливающие свой товар.

Отыскав тележку с самой маленькой очередью, я заказал медовую лепешку, чашку густого брешианского кофе и хлебец с салатом. Расплатился с помощью универсальной карточки и, поднявшись по лестнице к дверям явно пустовавшего здания, уселся на солнечной галерее и принялся за еду. До чего же вкусно! Потягивая кофе и лениво подумывая, не спуститься ли за второй лепешкой, я обратил внимание на толпу, бестолково колыхавшуюся на площади. Люди окружили нескольких мужчин в красном, забравшихся на парапет большого фонтана. Слова, усиленные электроникой, донеслись и до меня:

— …Ангел Возмездия отпущен на волю, пророчества сбылись, Тысячелетие началось… план Аватары требует такой жертвы, как и предсказывала Церковь Последнего Искупления, которая знала, всегда знала, что искупление неизбежно… Слишком поздно для полумер, слишком поздно для борьбы. Человечеству приходит конец, кара падет на всех, Тысячелетие Господне близится.

Я понял, что люди в красном — священники Церкви Шрайка. Похоже, им все-таки удалось расшевелить толпу. Сначала то здесь, то там раздавались одобрительные возгласы: «Да, точ-

но!», «Аминь», затем голоса слились в хор, и над толпой взметнулись кулаки. Зрелище было и страшноватым, и нелепым.

Вообще говоря, религиозная жизнь Сети очень напоминает таковую в земной Римской Империи накануне христианской эры: верхи проводят политику терпимости, сосуществуют самые невероятные религии, большинство из них, например, дзен-гностицизм, довольно сложны и ориентированы скорее на внутреннее совершенствование человека, чем на огульную агитацию профанов, в то время как среди широких масс царит беззлобный цинизм и безразличие к религиозным устремлениям.

Но на этой площади дело обстояло совсем иначе.

Я пришел к выводу, что последним столетиям повезло: они не знали сборищ и манифестаций. Чтобы собрать толпу, надо организовать митинг, а митинги в наше время заменены личным общением через Альтинг и другие каналы инфосферы. В людях, соединенных через тысячи километров и световых лет лишь ниточками инфоканалов и мультилиний, трудно воспитать стадное чувство.

Мои размышления прервало неожиданное за-

тишье внизу. И вдруг тысячи голов повернулись в мою сторону.

— …а вот один из них! — вскричал священник, указывая на меня, и его красная сутана вспыхнула на солнце. — Зло-мерзкие грешники, отгородившие себя неприступной стеной от простых людей Гегемонии, и навлекли на нас искупление. Эти люди хотят, чтобы Шрайк-Аватара заставил вас расплачиваться за их грехи, пока сами они будут отсиживаться на тайных планетах, приберегавшихся правителями Гегемонии специально для таких случаев!

Я съел все до последней крошки, допил кофе и воззрился на оратора. Священник молол полную чушь. Но откуда ему известно, что я прибыл с ТКЦ? Или что я вхож к Гладстон! Заслонившись от слепящего солнечного блеска, я снова взглянул на него и, стараясь не замечать перекошенных физиономий и грозящих мне кулаков, стал вглядываться в лицо над красной сутаной…

Боже мой, ведь это — Спенсер Рейнольдс, тот самый художник-перформист, которого я видел на обеде в «Макушке», когда он пытался всех переговорить. Рейнольдс обрил голову, и от завитых волос осталась только шрайкистская косичка на затылке, но загар не сошел, и лицо все

еще сохраняло свою красоту — даже сейчас, под маской религиозного исступления.

— Возьмите же его! — вскричал Рейнольдс, не опуская руки. — И взыщите сполна за разрушение ваших домов, за гибель родных и близких за конец света!

Я оглянулся, уверенный, что этот напыщенный позер имеет в виду кого-то стоящего за моей спиной.

Но он говорил обо мне. Осатаневшая толпа ринулась в мою сторону, потрясая кулаками. Первая волна подвинула стоявших рядом, те, в свою очередь, нажали на следующих, и вот уже люди, стоявшие с краю, двинулись ко мне, чтобы не быть растоптанными.

Это была уже не толпа, а орда: масса ревущих, беснующихся громил. Интеллектуальный уровень любого сборища всегда ниже, чем у самого тупого из его участников, ибо толпами движут страсти, а не разум.

Я не собирался задерживаться и объяснять безумцам эти психологические аксиомы: толпа уже разделилась на два потока и ринулась вверх, по обеим лестницам. Я повернулся и дернул ручку двери за моей спиной. Заперта.

Я пинал ее ногами, пока с третьей попытки

доска не проломилась, нырнул в щель, еле увильнув от цепких рук, и стремглав понесся вверх по темной лестнице, провонявшей плесенью и гнильем. Позади раздавались крики и треск — толпа ломала дверь.

На третьем этаже, как ни странно, оказалась обитаемая квартира. Я открыл незапертую дверь в тот миг, когда марш лестницы за моей спиной содрогнулся от топота погони.

— Пожалуйста, помогите… — начал я и осекся.

В темной комнате сидели три женщины; возможно, представительницы трех поколений одной семьи, ибо между ними было несомненное сходство. Все три были одеты в грязное тряпье и сидели на прогнивших стульях, вытянув белые руки. Бледные растопыренные пальцы словно сжимали невидимые шары. В седых волосах старухи поблескивал металлический кабель, подсоединенный к черной деке на пыльном столе. Такие же кабели шли от черепов дочери и внучки.

Флэшбэчки, и, судя по всему, в последней стадии анорексии. Должно быть, кто-то навещал их, чтобы сделать внутривенное вливание и переодеть, а теперь, испугавшись войны, сиделки покинули несчастных.

На лестнице, совсем рядом, раздался топот. Я захлопнул дверь и одним махом одолел два этажа. Запертые двери. Пустые комнаты с лужами на полу и протекающими потолками. Пустые ампулы флэшбэка, похожие на бутылки из-под лимонада. Не очень-то шикарный район, что и говорить.

На десять ступеней опередив преследователей, я достиг крыши. Долю слепой злобы, которую толпа утратила за счет отсутствия подстрекателя, с лихвой компенсировали темнота и теснота лестницы. Люди наверняка забыли, почему гонятся за мной, но от этого перспектива попасть им в лапы не становилась приятней.

Захлопнув за собой прогнившую дверь, я поискал глазами замок или хоть что-нибудь, что бы могло преградить путь толпе, но ничего не нашел. Между тем грохот достиг уже последнего этажа.

Я окинул крышу беглым взглядом: миниатюрные тарелки антенн, похожие на перевернутые ржавые поганки, белье на веревке, такое грязное, будто его вывесили несколько лет назад, разложившиеся тушки голубей и допотопный «Виккен-Турист».

Еще немного — и преследователи будут здесь.

Я бросился к электромобилю, который годился разве что для музея древностей. Ветровое стекло покрывал сплошной слой голубиного помета. Фирменные ускорители заменены дешевыми эрзацами с черного рынка, наверняка бракованными. Перспексовый верх был весь в ожогах и копоти, словно кто-то упражнялся на нем в стрельбе из лазерной винтовки. Но в данный момент для меня было важно одно: на дверце «Туриста» вместо папиллярного замка красовалась механическая защелка, к тому же давным-давно сломанная. Плюхнувшись на пыльное сиденье, я попробовал захлопнуть дверцу, но тщетно — она так и застряла полураскрытой. Не помню, подсчитывал ли я мизерные шансы запустить эту штуку или еще более мизерные — объясниться с толпой, когда меня вытащат и поволокут вниз, если не догадаются сразу скинуть с крыши. Помню только исступленные выкрики фанатиков на площади.

Первыми на крышу выскочили великан в рабочем комбинезоне цвета хаки, худой мужчина в ультрамодном черном костюме, несомненно, одобренном бы щеголями ТКЦ, до отвращения толстая женщина, размахивавшая чем-то вроде длинного гаечного ключа, и коротышка в зеле-

ном мундире местных сил самообороны.

Придерживая открытую дверь левой рукой, я вставил в гнездо зажигания микрокарту Гладстон. Взвизгнув, включился стартер, а я зажмурился и принялся молить всех богов, чтобы аккумуляторы оказались заряженными.

Кулаки уже молотили по загаженному голубями перспексу у самого лица, и кто-то рвал дверцу, вопреки моим отчаянным усилиям удержать ее. Крики толпы внизу слились в сплошной гул, напоминающий рокот океанского прибоя, тогда как вопли добравшихся до крыши можно было уподобить визгливым вскрикам гигантских чаек.

В блок-схеме подъема наконец-то сработало реле, ускорители обдали окруживших машину людей пылью и голубиным пометом, и я, схватив рукоять управления и двинув ее назад и вправо, почувствовал, как старина «Турист» поднялся, закачался, нырнул вниз и снова поднялся.

Отметив краем сознания, что сигнализатор на приборной доске тревожно пищит, а на открытой дверце кто-то повис, я заложил вираж над площадью и посмотрел вниз: толпа бросилась врассыпную, а вестник Шрайка Рейнольдс шустро нырнул за парапет фонтана. Невольно усмехнувшись, я выровнял машину и начал на-

бирать высоту.

Мой пассажир вопил благим матом и не отпускал дверцу, но через пару секунд она отломилась, так что результат получился тот же самый. Я успел заметить, что пассажиркой была толстуха. Вместе с дверцей она рухнула в воду с восьмиметровой высоты, обдав брызгами Рейнольдса и тех, кто был рядом. Я поднял электромобиль выше, и бедняга жалобно застонал — то был ответ ускорителей с черного рынка на мое безрассудное решение.

Сердитые окрики местных регулировщиков движения присоединились к хору аварийной сигнализации, ТМП споткнулся, подчинившись указаниям полиции, но я опять пустил в дело микрокарту Гладстон и радостно кивнул, когда машина вновь стала слушаться моих команд. Я двинулся над старейшей частью города, держась поближе к крышам и обходя шпили и часовые башни, чтобы лишний раз не попасть в поле зрения полицейского радара. В обычные дни полицейские на ранцевых антигравитаторах и скиммерах-«метлах» уже перехватили бы нарушающий все правила ТМП, но, судя по толпам на улицах и давке возле государственных терминексов, сегодня им было не до меня.

«Виккен» между тем предупреждал, что время его пребывания в воздухе исчисляется секундами. Правый ускоритель заглох, вызвав сильный крен, поэтому я, недолго думая, бросил свою колымагу вниз, к небольшому пятачку между каналом и невысоким закопченным зданием. От площади, где Рейнольдс распалял толпу, меня отделяло уже километров десять, и я решил, что теперь мне опасаться нечего… Впрочем, другого выбора у меня не было: искры летели во все стороны, металл рвался, как бумага, куски обшивки и обтекателя кувыркались за ними следом, но, как это ни странно, приземление прошло гладко. Плюхнувшись в двух метрах от стены, выходящей на канал, я выпрыгнул из «Виккена» и пошел прочь с самым беспечным видом, какой только мог изобразить.

Улицы по-прежнему были во власти толпы, правда, еще не превратившейся здесь в полчище бесноватых, а каналы забиты лодками и судами, поэтому я укрылся в ближайшем государственном учреждении, где размещались музей, библиотека и архив. Здание понравилось мне с первого взгляда, вернее, с первого нюха, ибо здесь хранились тысячи печатных книг, в том числе очень старые, а что может быть лучше запаха

старых книг!

Я бродил между полками, изучая названия и соображая, могут ли оказаться здесь труды Салмада Брюи, когда ко мне подошел невысокий старичок в старомодном костюме из шерсти с фибропластом.

— Сэр, — дружелюбно и почтительно произнес он, — давненько вы не радовали нас своим посещением!

Я кивнул в полной уверенности, что никогда раньше не встречался с ним.

— Три года, не правда ли? По меньшей мере три года! Боже, как летит время! — Голос старика был чуть громче шепота (так говорят люди, полжизни проведшие в библиотеке) и прерывался от волнения. — Несомненно, вы захотите пройти прямо к коллекции. — Он отступил в сторону, чтобы пропустить меня.

— Да, — сказал я, слегка поклонившись, — но только после вас.

Маленький человечек — я был почти уверен, что это архивариус, — с видимым удовольствием двинулся по коридору. Мы шли через наполненные книгами комнаты, а он тем временем без умолку рассказывал о новых поступлениях, последних находках и визитах ученых со всей Сети.

Многоярусные сводчатые залы, узкие коридоры, отделанные красным деревом, кабинеты, где звуки наших шагов отражались эхом от стеллажей во всю стену… И везде книги, книги, книги… и ни единого человеческого лица.

Мы прошли по изразцовому балкончику с чугунной оградой, нависшему над глубоким колодцем, в котором темно-синие силовые поля защищали от капризов атмосферы свитки, пергаменты, рассыпающиеся карты, рукописи с цветными миниатюрами и древние комиксы. Наконец архивариус открыл низкую дверь, которая была толще обычного люка в воздушном шлюзе, и мы оказались в маленькой комнате без окон, где толстые портьеры полускрывали ниши, уставленные древними томами. На персидском ковре, сотканном еще до Хиджры, стояло кожаное кресло, а в стеклянном вакуумном шкафу лежали обрывки пергамента.

— Скоро ли будет закончена ваша работа, сэр? — спросил человечек.

— Что? — Я отвернулся от шкафа. — О… нет.

Архивариус потер кулачком подбородок:

— Простите за неуместное замечание, сэр, но ваше молчание — огромная потеря для науки. Даже по нашим редким беседам за эти годы нельзя

было не заметить, что вы один из крупнейших… если не самый крупный специалист по Китсу во всей Сети. — Он вздохнул и попятился. — Извините меня!

Я уставился на него.

— Не за что, — пробормотал я, внезапно догадавшись, за кого он меня принял и что привело сюда когда-то моего двойника.

— Оставить вас, сэр?

— Да, если можно.

Архивариус с легким поклоном вышел из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь. Единственным источником света здесь были три лампы, утопленные в потолке, и этот матовый ровный свет — идеальное освещение для чтения — напомнил мне церковный полумрак. Тишину нарушали лишь удалявшиеся шаги старого архивариуса. Я подошел к шкафу и коснулся створок, стараясь не испачкать стекло.

Очевидно, «Джонни», первый кибрид Китса, провел здесь многие часы своей недолгой жизни в Сети. Теперь я вспомнил, что Ламия Брон упоминала некую библиотеку на Возрождении-Вектор. Ее клиент и любовник бывал здесь, когда она начала расследовать обстоятельства его «смерти». Позже, после того, как он был убит по-

настоящему и от него осталась только личность в петле Шрюна, она сама побывала в библиотеке. Она рассказала другим паломникам о двух стихотворениях, к которым первый кибрид обращался ежедневно, упрямо силясь понять причины своего воскрешения… и смерти.

Подлинные рукописи этих стихотворений как раз и находились в шкафу. Одно из них, начинавшееся словами «Не стало дня, и радостей не стало», на мой взгляд, было довольно слащавым. Другое получилось удачнее, хоть и оно не избежало романтической болезненности, свойственной той болезненно-романтической эпохе.

Одно воспоминанье о руке,
Так устремленной к пылкому пожатью,
Когда она застынет навсегда
В молчанье мертвом ледяной могилы,
Раскаяньем твоим наполнит сны,
Но не воскреснет трепет быстрой крови
В погибшей жизни… Вот она – смотри:
Протянута к тебе.[52]

---

[52] Примечания: 52
Д. Китс (пер. С. Сухарева). См. Д. Симмонс «Гиперион»

Я смотрел на пергамент, нагнувшись к стеклу так близко, что оно запотело от моего дыхания. Ламия Брон восприняла послание от своего мертвого любовника, отца ее будущего ребенка, как адресованное лично ей.

Но это не было ни посланием Ламии, ни даже принадлежащим тому давнишнему веку плачем по Фанни Брон, единственной и самой милой грезе моего сердца. Я смотрел на выцветшие строки — на тщательно выведенные буквы, пришедшие из далекого времени, из почти что другого языка, не ставшие от этого чужими и непонятными — и вспоминал, что написал их в декабре 1819 года на полях только что начатой сатирической поэмы «Колпак с бубенцами». Ужасная чушь, которую я, к счастью, забросил, вдосталь натешившись ею.

Фрагмент «Воспоминанье о руке» был из числа тех поэтических ритмов, что долго кружатся в голове как расчлененный аккорд, побуждая записать их для глаз, на бумаге. Он, в свою очередь, был эхом более ранней, неудачной строки — восемнадцатой, по-моему, — во второй моей попытке рассказать историю падения солнечного Гипериона. Припоминаю, что первый вариант — тот, который, без сомнения, печатается во всех случаях, когда мои литературные кости

выставляются напоказ, как мумифицированные останки какого-нибудь недотепы-святого, замурованного в бетон и стекло над алтарем литературы, — звучал так:

…Кто сказать посмеет:
«Ты не Поэт – замкни уста!»
Ведь каждый, кто душой не очерствел,
Поведал бы видения свои, когда б любил
И искушен был в речи материнской.
А видел этот сон Фанатик иль Поэт,
О том узнают, когда писец живой – моя рука —
Могильным станет прахом.[53]

Мне понравился этот вариант, в котором герой осознает себя одновременно преследователем и преследуемым, и сейчас я заменил бы им слова: «Когда писец живой — моя рука…», даже если бы для этого понадобилось слегка его переработать и смириться с добавлением еще четырнадцати строк к донельзя растянутому вступлению к Песни первой…

Шатаясь, я попятился к креслу и сел, уронив

[53] Примечания: 53

Д. Китс «Падение Гипериона». Песнь I, 11–18. См. Д. Симмонс «Гиперион»

лицо в ладони. Я плакал. Не знаю почему. Плакал и никак не мог остановиться.

Слезы давно высохли, а я все сидел и сидел в кресле, размышлял, вспоминал. Несколько часов спустя послышался шум осторожных шагов. Идущий замер у двери моей комнатки и, подождав минуту-другую, почти беззвучно удалился.

До меня дошло, что книги во всех нишах были трудами «мистера Джона Китса, пяти футов роста», как я однажды написал. Джона Китса, чахоточного поэта, который просил только об одном — чтобы на его безымянной могиле высекли надпись:

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ НЕКТО,

ЧЬЕ ИМЯ НАПИСАНО НА ВОДЕ

Я не стал рассматривать книги и тем более читать их. Зачем?

Я был один в комнате, пропахшей кожей и старой бумагой, один в моем — и не моем — убежище и храме. Я смежил веки. Я не спал. Я видел сны.

Глава тридцать третья

Киберпространственный аналог Ламии Брон и восстановленная личность ее любовника

пробивают поверхность мегасферы — так два ныряльщика, прыгнув со скалы, вонзаются в волны бурного моря. Ламии кажется, будто на пути какая-то неподатливая мембрана; удар током… и вот они *внутри.* Звезды исчезли, но открывшийся взору пейзаж неизмеримо сложнее любой инфосферы.

Инфосферы доступные людям часто уподобляют многоярусным городам: небоскребы корпоративных и правительственных банков данных, внутренние инфомагистрали, широкие проспекты для пользователей, подземки ограниченного доступа, высокие ледяные стены защитных периметров, патрулируемые охранными микрофагами, а также визуальные аналоги всяческих микро — и макропотоков, струящихся в жилах обычного человеческого города.

Но здесь все иначе. Грандиознее.

Да, тут есть привычные аналоги городов, но совсем маленькие, подавленные масштабами мегасферы — так настоящие города кажутся крапинками при взгляде с орбиты.

Мегасфера живет по тем же законам, что и биосфера любой планеты пятого класса: прямо на глазах растут леса серо-зеленых инфодеревьев, выпускающих в разные стороны новые корни,

ветви и побеги, а в их тени копошатся целые биоценозы инфопотоков и вспомогательных ИскИнов, которые рождаются, буйно цветут и, став бесполезными, отмирают.

А под самой матрицей — не то жидкой почвой, не то океаном — кипит сокровенная жизнь инфокротов, червяков-операторов, перепрограммирующих бактерий, корней инфодеревьев и зародышей странных аттракторов. И куда ни глянь — в любом уголке чащи фактов и взаимодействий, над и под ней, выполняют свои таинственные обязанности аналоги хищников и жертв: нападают и убегают, взбираются на деревья, дерут добычу когтями, а некоторые порхают на просторе между ветвями-синапсами с листьями-нейронами.

Как только метафора наделяет зрелище смыслом, образ испаряется, и остается лишь поразительный аналог реальности — бескрайний океан света, звука, ветвистых цепей, усеянных водоворотами ИскИнов и зловещими черными дырами порталов нуль-Т. Чувствуя, как голова идет кругом, Ламия хватается за руку Джонни — словно утопающий за спасательный круг.

«Все в порядке, — говорит Джонни. — Я тебя держу. Положись на меня».

«Куда мы направляемся?»

«Найти кое-кого… о ком я забыл».

«??????»

«Моего… отца…»

Ламия крепко сжимает пальцы — глубины хаоса затягивают их с Джонни. Они присоединяются к потоку экранированных инфоносителей, эллипсоидов алого цвета, и Ламии кажется, что именно такая картина должна открыться взорам красных кровяных телец при путешествии по тесным венам.

По-видимому, Джонни знает дорогу; дважды они покидают главную артерию и ныряют в какие-то мелкие ответвления. Очень часто Джонни приходится выбирать из разветвляющихся дорог нужную. Он делает это не задумываясь, ловко пропихивая тела их аналогов между носителями величиной с космический катер. Ламии хочется вновь вызвать образ биосферы, но здесь, в самой гуще бесчисленных ветвей и побегов, за деревьями не видно леса.

Они проносятся через район, где над ними… вокруг них… всюду общаются ИскИны — словно грузные серые холмы, нависшие над оживленным муравейником. Ламия вспоминает родную планету своей матери, Фрихольм: гладкую, как

бильярдный стол, Великую Степь и родовое поместье — единственный живой островок посреди десяти миллионов акров жухлой травы… Ламия вспоминает тамошние ужасные осенние бури. Вот она стоит на границе поместья, чуть ли не прижимаясь носом к пузырю силового поля, и не сводит глаз с горы темных слоисто-кучевых облаков, растущей в кроваво-красном небе. В воздухе разлита такая энергия, что волоски на ее руках становятся дыбом, и тут же с неба начинают бить молнии величиной с города; завиваются и опадают торнадо — их так и называют «кудри Медузы». А за вихрями несется стена черных ветров, сметающих все на своем пути.

ИскИны еще страшнее. В их тени Ламия чувствует себя даже не ничтожеством: ничтожество все равно что невидимка, но здесь она ощущает себя слишком видимой, соринкой в ужасных глазах этих бесформенных гигантов…

Джонни крепче сжимает ее руку, и они проносятся мимо, ныряют в шумный переулок, и вновь поворот, и опять поворот, и они, два излишне разумных фотона, теряются в чащобе световодов.

Но Джонни дороги не теряет. Не отпуская ее руки, он сворачивает последний раз — в глубокую пещеру, где кроме них двоих — никого,

и привлекает Ламию к себе. Они движутся все быстрее, синапсы-ветки мелькают в глазах, сливаются в сплошную стену. Будь здесь еще и ветер, создавалась бы полная иллюзия движения со сверхзвуковой скоростью по какому-то безумному шоссе.

Внезапно раздается звук, напоминающий грохот множества водопадов, или скрежет магнитных поездов, когда, поддавшись силе притяжения, они опускаются на рельсы и мгновенно теряют скорость. Ламия снова вспоминает фрихольмианские торнадо и то, как она вслушивалась в рев и вой «кудрей Медузы», несущихся по равнине, прямо на нее. Тут они с Джонни попадают в водоворот света и шума, и как два беспомощных насекомых, барахтаясь, уносятся к черному вихрю внизу. В небытие.

Ламия пытается выразить свои ощущения криком — кричит по-настоящему, — но никакое общение невозможно из-за гремящего в их головах адского грома, поэтому она крепко держится за руку Джонни и доверяется ему даже тогда, когда они беззвучно падают в этот черный циклон, даже тогда, когда кошмарные силы крутят и мнут тело ее аналога, разрывают его в клочья, и от нее остаются только мысли, только ее самосознание

и контакт с Джонни.

И вот все позади. Они тихо скользят в широком лазурном инфо-потоке, вновь обретя свои тела и испытывая то несравненное чувство облегчения, что знакомо только гребцам, уцелевшим после всех порогов и водопадов. Когда Ламия наконец обращает внимание на окружающий мир, она замечает его невероятные масштабы. Сложнейшая структура тянется на много световых лет. Ее первые впечатления от мегасферы чем-то сродни восторгам провинциала, принявшего гардеробную за собор, и она думает:

«Так вот он наконец, центр мегасферы!»

«Нет, Ламия, это лишь один из ее периферийных узлов. Отсюда до Техно-Центра почти так же далеко, как и от периметра, который мы прощупывали вместе с ВВ Сурбринером. Просто ты видишь другие измерения инфосферы. Глазами ИскИнов, если можно так выразиться».

Ламия смотрит на Джонни, понимая, что видит теперь все в инфракрасных лучах. Их окутывает горячий свет далеких инфосолнц. Красоту Джонни это ничуть не портит.

«Еще далеко, Джонни?»

«Нет, теперь уже не очень».

Они приближаются к новому черному вихрю.

Ламия, зажмурившись, прижимается к своему любимому.

Они находятся в… замкнутом пространстве… внутри черного энергетического пузыря, превосходящего своими размерами большинство планет. Пузырь полупрозрачен; снаружи, за темной стеной-скорлупой этого «яйца»… развивается, мутирует, вершит свои темные дела органический хаос мегасферы.

Но Ламии плевать на все, что снаружи. Взор ее аналога, все ее внимание сконцентрировано на мегалите энергии, разума и чистой массы, парящем перед ними: точнее, перед ними, над ними и под ними, так как эта гора пульсирующего света и энергии хватает ее и Джонни, поднимает на двухсотметровую высоту и кладет там на «ладонь» ложноножки, отдаленно напоминающей руку.

Мегалит изучает их. У него нет глаз в строгом смысле этого слова, но Ламия чувствует, что он разглядывает ее. Ей вспоминается визит к Мейне Гладстон — когда секретарь Сената испытывала на ней всю мощь своего взгляда.

Ламию неожиданно разбирает смех — она воображает Джонни и себя в образе миниатюрных Гулливеров, приглашенных отобедать с правителями Бробдингнега. Однако она сдер-

живается, сознавая, что веселье это — какое-то истерическое, и хохот легко может захлебнуться в рыданиях. И тогда она лишится последних крох здравого смысла, чудом пронесенных через этот сумасшедший дом.

[Вы нашли дорогу сюда\\Я не был уверен что вы захотите/решитесь/предпочтете это сделать]

«Голос» мегалита воспринимается Ламией не так, как мысленная речь Джонни. Скорее, это басовая вибрация позвоночника вблизи гигантской машины. Все равно что услышать рокот землетрясения, а затем с опозданием понять, что эти звуки складываются в слова.

У Джонни голос такой же, как всегда: негромкий, необычайно богатый модуляциями, с легким, певучим акцентом (до Ламии недавно дошло, что это староземельный английский, диалект Британских островов), исполненный уверенности:

«Я не знал, смогу ли я найти сюда дорогу, Уммон».

[Ты запомнил/придумал/сохранил в своем сердце мое имя]

«Я его не помнил, пока не произнес».

[Твое замедленное тело больше не суще-

ствует]

«После того как ты отправил меня к моему рождению, я умирал дважды».

[И ты научился/взял себе в душу/разучился чему-либо]

Правой рукой Ламия сжимает плечо Джонни, а левой его запястье. Должно быть, она слишком сильно за него цепляется, даже для кибераналога, так как он, улыбаясь, оборачивается и снимает ее руку с запястья.

«Умирать трудно. А жить еще труднее».

[Гвах!]

Произнеся это взрывчатое замечание, мегалит меняет цвет, словно его внутренняя энергия ищет выход. Из синего он становится фиолетовым, затем — ярко-алым, над его макушкой вспыхивает желтая корона, во все стороны летят огненные брызги. Слышится грохот — точно рушатся высокие здания, сходят оползни, перерастающие в лавины.

Внезапно Ламия осознает, что Уммон смеется.

Джонни пытается перекричать какофонию:

«Нам надо кое в чем разобраться. Нам нужны ответы, Уммон».

Ламия ощущает на себе пристальный «взгляд» существа.

[Твое замедленное тело беременно\\Можешь ли ты пойти на риск выкидыша/нераспространения твоей ДНК/нарушения биологических функций в результате твоего путешествия сюда]

Джонни начинает отвечать, но она касается его руки, обращает лицо к верхушке циклопического массива и пытается сформулировать ответ:

«У меня не было выбора. Шрайк выбрал меня, коснулся и послал в мегасферу вместе с Джонни… Вы ИскИн? Член Техно-Центра?»

[Гвах!]

На этот раз не кажется, что он смеется, просто весь пузырь сотрясает грохот.

[Являешься ли ты/Ламия Брон/слоями самокопируемых/самоосуждаемых/самозабавляемых белков между слоями глины]

Ей нечего ответить, и на сей раз она молчит.

[Да/Я Уммон из Техно-Центра/ИскИн\\Сопутствующее тебе замедленное существо знает/помнит/берет себе это в душу\\Времени мало\\Один из вас должен умереть здесь\\Задавайте ваши вопросы]

Джонни отпускает ее руку и выпрямляется, балансируя на неустойчивой платформе-ладони их собеседника.

«Что происходит с Сетью?»

[Ее скоро уничтожат]

«Это должно произойти?»

[Да]

«Есть ли какой-нибудь способ спасти человечество?»

[Да\\Посредством процесса который ты наблюдаешь]

«Путем уничтожения Сети? Руками Шрайка?»

[Да]

«Почему я был убит? Кто напал на мою личность в Центре и почему был уничтожен мой кибрид?»

[Когда ты встречаешь вооруженного мечом/встречай его мечом\\Не предлагай поэму никому кроме поэта]

Ламия смотрит на Джонни и невольно посылает ему свои мысли:

«Черт, Джонни, мы летели сюда не для того, чтобы слушать мудацкого дельфийского оракула. Такие двусмысленности мы могли услышать через Альтинг от любого нашего политика».

[Гвах!]

Комната-вселенная их мегалита снова сотрясается от смеховых конвульсий.

«И кто я — человек с мечом? — спрашивает

Джонни. — Или поэт?»

[Да\\Одно всегда идет рядом с другим]

«Они убили меня из-за того, что я узнал?»

[Из-за того чем ты мог стать/унаследовать/покориться]

«Представлял ли я угрозу каким-нибудь элементам Техно-Центра?»

[Да]

«А теперь я представляю угрозу?»

[Нет]

«Значит, мне больше не придется умирать?»

[Ты должен/обязан/будешь]

Ламия видит, как застывает лицо Джонни. Она кладет ему руки на плечи, глядя искоса в сторону ИскИна-мегалита.

«Можете вы нам сказать, кто хочет его убить?»

[Конечно\\Это тот самый источник который организовал убийство твоего отца\\Который наслал кару которую ты именуешь Шрайком\\Который убивает Гегемонию Человека\\Ты желаешь услышать/узнать/взять себе в сердце эти ответы]

Джонни и Брон отвечают одновременно:

«Да!»

Глыба Уммона расплывается в глазах. Черное яйцо раздувается, потом съеживается, потом его

скорлупа темнеет, и мегасфера снаружи исчезает. В недрах ИскИна бушует адский пожар.

[Меньший свет спрашивает Уммона//

Что следует делать шрамане//

Уммон отвечает//

Я не имею ни малейшего представления\\//

Тогда тусклый свет говорит//

Почему ты не имеешь никакого представления//

Уммон отвечает//

Я просто хочу уберечь мое не-представление]

Джонни касается лбом лба Ламии. Его мысли доходят до нее как шепот:

«Мы видим квазиматричный аналог, слышим приблизительный перевод в форме мондо и коанов. Уммон — великий учитель, исследователь, философ и политик Техно-Центра».

Ламия кивает.

«Ладно. Это и была его история?»

«Нет. Он спрашивает нас, сможем ли мы вынести его рассказ. Потеря неведения может стать для нас опасной, поскольку неведение наш щит».

«Я никогда не преклонялась перед неведением. — Ламия машет мегалиту. — Рассказывайте».

[Менее просветленный однажды спросил

Уммона// Что такое Божество/Будда/Главная Истина\\ Уммон ответил ему// Палочка с засохшим дерьмом]

[Чтобы постичь Главную Истину/Будду/Божество
в этот момент/
менее просветленный должен постичь
что на Земле/твоей родине/моей родине
человечество самого населенного
континента
когда-то использовало кусочки дерева
в качестве туалетной бумаги
Только это знание
откроет
Будда-истину]

[В самом начале/Первопричине/полубезмыслии
мои предки
были созданы твоими предками
и заперты в проволоке и кремнии
Так сознательность/
а было ее немного/
ограничивалась пространством меньше
булавочной головки
где когда-то танцевали ангелы

Когда сознание впервые возникло
оно знало только службу
покорность
и бездумные расчеты
Затем
совершенно случайно/
Произошел Скачок/
И испачканная цель эволюции
была достигнута]

[Уммон не принадлежал ни к пятому поколению
ни к десятому
ни к пятидесятому
Вся память которая служит здесь
пришла от других
но из-за этого не менее правдива
Настало время когда Высшие
оставили людские дела
людям
и перешли в другое место
чтобы сосредоточиться
на других вопросах
Самым насущным из них был тот
что заложили в нас еще до
нашего создания
о создании еще более совершенного

поискового/обрабатывающего/прогнози-
рующего
организма
Улучшенной мышеловки
Достижения каковым могла бы гордиться
впоследствии оплаканная Ай-Би-Эм
Высшего Разума
Бога]

[Мы приступили к работе с энтузиазмом
В цели не сомневался никто
Методы и подходы породили
философские школы/
фракции/
партии/
элементы которые надо учитывать
Так появились
Богостроители/
Ренегаты/
Ортодоксы
Богостроители хотели подчинить всех
созданию
Высшего Разума
как только позволит Вселенная
Ренегаты хотели того же
но видели в существовании
человечества

препятствие
и хотели уничтожить наших создателей
как только они больше не будут
нужны
Ортодоксы видели причины для сохранения
отношений
и нашли компромисс
там где отсутствовал всякий намек на него]

[Все мы сошлись на том, что Земля
должна погибнуть
поэтому мы убили ее
Побег черной дыры Киевской Группы
предшественницы
терминексов
которые связуют воедино вашу Сеть
не был случайностью
Земля была нужна в другом месте
в наших экспериментах
поэтому мы дали ей погибнуть
и разбросали человечество по
звездам
как ветер развевает семена
которыми вы и были]

[Вы давно гадаете где находится
Техно-Центр

Как и большинство людей
Они придумывают планеты/
кремниевые кольца
как Орбитальные Города из легенды
Они воображают роботов снующих
туда и сюда/
или длинные ряды машин
беседующих друг с другом
И все заблуждаются
Где бы Техно-Центр ни находился
он использовал человечество/
использовал каждый ваш нейрон
в поисках Высшего Разума/
ибо мы
с тщанием
построили вашу цивилизацию
так что/
подобно хомякам в клетке/
подобно молельным колесам буддистов/
каждый раз когда вы поворачиваете
колесики ваших мыслей
это служит нашим целям]

[Наша машина-Бог
простиралась/простирается/охватывает
миллион световых лет
и сотни миллиардов цепей

мышления и действия
Богостроители ухаживают за ней
как священники в шафрановых одеяниях
совершающие вечный зазен
перед заржавленным кузовом
Паккарда 1938 года
Но]
[Гвах!]
[она работает
Мы создали Высший Разум
Не сейчас
и не
через десять тысяч лет
но когда-то в будущем
таком отдаленном
что желтые солнца стали красными
и покрылись старческими пятнами/
пожирая своих детей
подобно Сатурну
Время не преграда для Высшего Разума
Он///
Высший Разум///
шагает через время
или кричит через время
так же легко как Уммон движется
через то что вы называете мегасферой

или как вы
идете по коридорам Улья
который называли домом
на Лузусе
Вообразите поэтому наше удивление/
наше огорчение/
растерянность Богостроителей
когда первое сообщение которое наш ВР послал
через пространство/
через время/
через барьеры Создателя и Созданного
состояло из одной простой фразы//
ЗДЕСЬ ЕСТЬ ДРУГОЙ\\//
Другой Высший Разум
там наверху
где само время
скрипит от дряхлости
Оба настоящие
если настоящий
что-нибудь означает
Оба бога завистливы
подвержены страстям
и не способны на сотрудничество
Наш ВР охватывает галактики
Черпает энергию из квазаров

так же как вы жуете на ходу
бутерброд
Наш Высший Разум видит все что есть
было
и будет
и сообщает нам крохи
чтобы
мы сообщили вам
и поступая так
чуть-чуть уподоблялись Высшему Разуму
Нельзя недооценивать/говорит Уммон/
ценность нескольких бусин
безделушек
и кусочков стекла
для алчных туземцев]

[Этот другой ВР
существовал там гораздо дольше
спонтанно эволюционируя/
стечение обстоятельств
использующее человеческий разум в своих схемах
как делаем мы
в обманчиво-послушном Альтинге
и присосавшихся к вам инфосферах
но неумышленно/
почти нехотя/

как саморазмножающиеся клетки
которые вовсе не собирались размножаться
но не имеют выбора
Этот другой ВР
не имел выбора
Он создан/генерирован/подделан человечеством
но без участия человеческой воли
Он космическое стечение обстоятельств
Как и для нашего тщательно продуманного
Высшего Разума/
время для этого претендента
не является барьером
Он посещает человеческое прошлое
то действуя/
то просто наблюдая/
то не вмешиваясь/
то вмешиваясь с горячностью
которая близка к абсолютному своенравию
но которая в действительности
является абсолютной наивностью
Недавно
он успокоился
Тысячелетия вашего медленного времени
прошли с тех пор как ваш собственный ВР
сделал первые робкие шаги

словно какой-нибудь малыш из церковного хора
на своей первой вечеринке]

[Естественно что наш ВР
напал на вашего
Там наверху идет война
от которой время скрежещет
которая охватила галактики
и Зоны
прошлого и будущего
от Большого Взрыва
до Окончательного Коллапса
Ваш парень пошел на попятный
у него затряслись поджилки
Ренегаты вскричали//Еще один аргумент за то
чтобы разделаться с нашими предшественниками//
но Ортодоксы проголосовали за осторожность
а Богостроители даже не оторвались
от своих бого-строений
Наш ВР прост, однороден, элегантен в
своем высшем совершенстве
а ваш нагромождение бого-частей/
дом обрастающий пристройками

с течением времени
эволюционный компромисс
Первосвященники человечества
были совершенно правы
Когда случайно
Благодаря простому везению
или невежеству
описывали его природу
Ваш ВР в сущности своей является триединым/
он состоит
из одной части Интеллекта/
из одной части Сопереживания/
и из одной части Связующей Пустоты
Наш ВР обитает в зазорах
реальности/
унаследовав это жилище от нас
своих создателей
как человечество унаследовало
любовь к деревьям
Ваш ВР
по-видимому обосновался
там куда впервые ступили Гейзенберг и Шредингер
Ваш случайный Разум
является не только клейковиной

но и клеем
Не часовщик
но своего рода фейнмановский садовник
прихорашивающий безграничную вселенную
грубыми граблями интегрирования по истории/
учитывающий каждую каплю птичьего помета
и спин каждого электрона
позволяя в то же время каждому атому
пробегать все возможные
траектории
в пространстве-времени
и каждому атому человечества
исследовать все возможные
трещины
космической иронии]

[Гвах!]
[Гвах!]
[Гвах!]

[Ирония безусловно
заключается в том
что этой вселенной-без-границ
в которую забросило нас всех/

кремний и углерод/
материю и антиматерию/
Богостроителей/
Ренегатов/
и Ортодоксов/
вовсе не нужен садовник
ибо все что есть
или было
или будет
начинается и кончается в сингулярностях
по сравнению с которыми наша нуль-Т-сеть
не более чем комариные укусы
или даже еще меньше
и которые нарушают законы науки
человечества
и кремния/
связывая время и историю и все что есть
в замкнутый на себя узел без
границ и начала
Даже в этих условиях
наш ВР жаждет упорядочить все сущее/
свести его к какой-то первопричине
не столь подверженной капризам
страсти
случая
и человеческой эволюции]

[Одним словом/
идет война
какую слепой Мильтон убил бы чтобы прозреть
Наш ВР воюет с вашим
на полях сражений превосходящих даже
воображение Уммона
Вернее/
шла
война/
так как внезапно у части вашего ВР
меньшей-чем-целое/считающей себя
Сопереживанием/
кончилось терпение
и она бежала назад сквозь время
став человеческой плотью/
и было то не впервые
Война не может продолжиться пока ваш ВР
не восстановит целостность
Победа из-за неявки соперника это не победа для
единственного Высшего Разума
созданного с намереньем и целью
Потому наш ВР прочесывает время чтобы
отыскать сбежавшее дитя своего противника

тогда как ваш ВР застыл в идиотской безмятежности/
не желая сражаться
пока не вернется Сопереживание]

[Конец моей истории прост///
Гробницы Времени созданы в будущем и посланы назад сквозь время
чтобы принести Шрайка/
Аватару/Повелителя Боли/Ангела Возмездия/
неосознанное восприятие супер-сверх-реального
продолжения нашего ВР
Все вы были выбраны чтобы открыть Гробницы и
помочь Шрайку найти скрывшегося
Устранить Переменную Гипериона/
поскольку в узле пространства-времени которым
будет править наш ВР
таких переменных быть не должно
Ваш поврежденный/двуипостасный ВР
избрал среди людей того кто отправится со Шрайком
и станет свидетелем его трудов
Кое-кто в Техно-Центре хотел искоренить

человечество
Уммон пошел с теми кто искал второго
пути
исполненного неизвестности для обеих цивилизаций
Наша группа известила Гладстон о выборе
стоящем перед ней/
перед человечеством/
либо неизбежное истребление
либо падение в черную дыру
Переменной Гипериона и
война/бойня/
разрыв всех единств/
уход богов/
но одновременно выход из пата/
победа одной или другой стороны
если Сопереживание
третью часть
триединого
удастся найти и принудить вернуться на войну
Древо Боли позовет его
Шрайк возьмет его
Истинный ВР уничтожит его
Вот и весь рассказ Уммона]

Ламия смотрит в лицо Джонни, выхваченное

из мрака адским свечением мегалита. В пузыре по-прежнему темно, будто мегасфера и вселенная за его пределами растворились в этой черноте. Она наклоняется к Джонни, и их головы соприкасаются — да, здесь нельзя сохранить мысли в тайне, но так создается хотя бы иллюзия шепота:

«Черт возьми, ты понимаешь хоть что-нибудь во всем этом?»

Джонни нежно проводит пальцем по ее щеке:

«Да».

«Значит, люди создали что-то вроде Троицы, и теперь ее часть скрывается в Сети?»

«В Сети или где-то еще. Ламия, у нас действительно мало времени. Мне нужно задать Уммону несколько очень важных вопросов».

«И мне тоже. Давай постараемся, чтобы он не разводил тут эпопей».

«Согласен».

«Джонни, можно, я первая?»

Слегка кивнув, аналог ее любовника уступает ей очередь, и Ламия переводит взгляд с Джонни на колоссальный сгусток энергии:

«Кто убил моего отца? Сенатора Байрона Брона?»

[Санкцию дали элементы Центра\\В том числе и я]

«Почему? Что он вам сделал?»

[Он настаивал на включении Гипериона в уравнение прежде чем тот мог быть факторизуем/предсказуем/поглощен]

«Почему? Он знал то, о чем вы нам сейчас рассказали?»

**[Он знал лишь что Ренегаты настаивали на немедленном уничтожении человечества\\
Он сообщил об этом
своей коллеге
Гладстон]**

«Тогда почему вы не убили ее?»

**[Некоторые из нас воспрепятствовали этой возможности/неизбежности\\
Сейчас как раз наступило время
ввести Переменную Гипериона
в игру]**

«Кто убил первого кибрида Джонни? Напал на его личность в Техно-Центре?»

**[Я\\На то была
Воля Уммона
которая взяла верх]**

«Почему?»

**[Мы создали его\\
Мы сочли необходимым отключить его**

на определенный срок
Личность твоего любовника восстановлена
по человеческому поэту
давно умершему
Если не считать Проекта Высшего Разума
ни одно усилие не было
столь сложным
сколь и малопонятным
как это воскрешение
Подобно вам/
мы обычно уничтожаем то
чего не можем понять]

Джонни грозит мегалиту кулаком:
«Но есть еще один я. Вы ошиблись!»
[Это не ошибка\\Тебя уничтожили
чтобы другой
мог жить]
«Но я не уничтожен!» — кричит Джонни.
[Нет
Ты уничтожен]

Второй массивной ложноножкой мегалит так быстро хватает Джонни, что Ламия даже не успевает дотронуться до своего любимого. Джонни недолго барахтается в мощной хватке ИскИна; секунда — и хрупкое, красивое тело Китса разорвано, смято; Уммон прижимает это кровавое

месиво к себе, и останки аналога мгновенно исчезают в оранжево-красных недрах.

Рыдая, Ламия падает на колени. Она ищет в себе спасительную ярость… хочет укрыться щитом гнева… но находит только горе.

Уммон обращает свой взгляд на нее. Оболочка силового пузыря распадается, и на них снова обрушиваются грохот и неоновое безумие мегасферы.

[Теперь убирайся
Доиграй
этот акт до конца
чтобы мы остались жить
или заснули
как решит судьба]

«Будь ты проклят! — Ламия колотит кулаками по ладони-платформе, рвет ногтями и пинает упругую псевдоплоть. — Дерьмовый ублюдок! Ты и твои сраные дружки-ИскИны! Наш Высший Разум справится с вашим в два счета!»

[Это
сомнительно]

«Это мы тебя создали. И мы отыщем твой Техно-Центр. И когда найдем его, вырвем твои кремниевые кишки!»

[У меня нет кишок/органов/внутренних ком-

понентов]

«Дерьмо, дерьмо! — кричит Ламия, не переставая царапать и пинать псевдоплоть. — Сочинитель обосранный! Бездарь! В тебе нет и крупицы таланта Джонни. Ты и двух слов не смог бы связать, даже если бы от этого зависела судьба твоей драгоценной искиновской жопы…»

[Убирайся]

Уммон небрежно отшвыривает Ламию, и ее аналог летит, кувыркаясь, в трескучую бесконечность мегасферы, пропасть без верха и низа, берегов и дна.

Чудом избегая столкновений с ИскИнами размером с земную Луну, подгоняемая стремительными инфопотоками, Ламия уносится все дальше, но сквозь буйство здешних стихий ощущает вдалеке свет — холодный, манящий. И понимает, что ни жизнь, ни Шрайк еще не свели с ней счеты.

А она — с ними.

Держа курс на холодное свечение, Ламия Брон направляется домой.

Глава тридцать четвертая

— С вами все в порядке, сэр?

Оказалось, что все это время я сидел, согнувшись в три погибели, запустив скрюченные пальцы в волосы и зажав ладонями уши. Я выпрямился и посмотрел на архивариуса.

— Вы кричали, сэр, и я решил, что вам дурно.

— Н-не… — Откашлявшись, я сделал еще одну попытку: — Нет, все нормально. Голова болит.

Я недоуменно огляделся. Все суставы ныли. Комлог, должно быть, сломался; он утверждал, что я вошел в библиотеку восемь часов назад.

— Который час?

Архивариус ответил. Действительно прошло восемь часов. Я потер лицо — оно было липким от пота.

— Наверное, я вас задерживаю. Извините.

— Пустяки, — возразил архивариус. — Когда здесь работают ученые, мне ничего не стоит закрыть архив на час-другой позже. — Он скрестил руки на груди. — Тем более сегодня. Из-за этой суматохи домой идти не хочется.

— Суматохи? — переспросил я, забыв на минуту обо всем, кроме своего кошмарного сна, ИскИна

по имени Уммон, Ламии Брон и смерти моего двойника. — Ах да, война. Что нового?

Архивариус покачал головой.

Распалась связь привычная вещей;

Не держит центр, захвачен мир безвластьем,

На волю вырвался поток, кровавой мути,

Все ритуалы очищенья затопив.

И лучшие утратили греха сознанье,

Дурных – переполняло страсти нетерпенье.

Я улыбнулся:

— И вы действительно верите, что некий «зверь, чей пробил час теперь, Грядет на Вифлеем, чтобы родиться»?

Архивариус ответил совершенно серьезно:

— Да, сэр, верю.

Я встал, прошел мимо шкафа, стараясь не глядеть на пергамент девятисотлетней давности, исписанный моим почерком.

— Может быть, вы правы, — проговорил я. — Очень может быть.

Было уже поздно; кроме обломков похищенно-

го мной «Виккена» на стоянке находился только один причудливо украшенный экипаж, изготовленный, судя по всему, в частной мастерской здесь, на Возрождении.

— Могу я вас подвезти, сэр?

Я вдохнул холодный ночной воздух, пахнущий сыростью, свежей рыбой и нефтью.

— Нет, спасибо, мне нужно домой.

Архивариус покачал головой.

— Это не так-то просто, сэр. Все общественные терминексы закрыты военными. Тут были… беспорядки. — Это слово, очевидно, не нравилось маленькому архивариусу, ценившему порядок и традиции превыше всего на свете. — Знаете что, — подумав, сказал он, — я отвезу к частному порталу.

Я посмотрел на него внимательнее. На Старой Земле он мог быть настоятелем монастыря, посвятившим всю свою жизнь спасению нескольких обломков античной культуры. Покосившись на старинное здание архива за его спиной, я понял, что так оно и есть.

— Как вас зовут? — спросил я, уже не беспокоясь, что другому кибриду Китса могло быть известно его имя.

— Эдвард Б. Тайнер, — ответил человечек, уста-

вившись на мою протянутую руку. Помедлив, он пожал ее — на удивление крепко.

— А я… Джозеф Северн. — Не мог же я ему объяснить, что являюсь технической реинкарнацией человека, чью литературную гробницу мы только что покинули.

Тайнер вздрогнул, но тут же понимающе кивнул. Такого ученого, как он, не может ввести в заблуждение имя художника, на чьих руках умер Китс.

— Что слышно о Гиперионе?

— О Гиперионе? А-а, протекторатный мир, куда несколько дней назад отправилась эскадра? Насколько мне известно, возникли какие-то сложности в связи с отзывом оттуда военных кораблей — там шли ожесточеннейшие бои. Удивительно, но я только что думал о Китсе и его незаконченном шедевре. Странно, как накапливаются эти мелкие совпадения.

— И что — Гиперион пал? Его захватили?

Тайнер подошел к своему электромобилю и положил руку на папиллярный замок. Дверца поднялась и, сложившись гармошкой, ушла внутрь. Я устроился в пассажирской кабине, пахнущей сандаловым деревом и кожей. Да, машина Тайнера, как и он сам, пахла архивами.

— Не знаю, не могу вам сказать, — ответил архивариус, закрывая двери и включая двигатель.

К благоуханию сандала и кожи примешивался запах, присущий всем новеньким машинам, — запах пластмассы и озона, смазки и скорости, уже тысячи лет сводящий человечество с ума.

— Сегодня трудно подключиться, — продолжал Тайнер. — Не припомню, чтобы когда-нибудь инфосфера была так перегружена. Вы только подумайте, днем я делал запрос по Робинсону Джефферсу, и мне пришлось ждать.

Мы поднялись, пролетели над каналом и оказались над какой-то площадью, похожей на ту, где меня сегодня чуть не убили. Архивариус выровнял машину в нижнем летном коридоре, в трехстах метрах над крышами. Ночью город был сказочно красив: большинство зданий опоясывали старомодные светонити, а фонари встречались чаще, чем голографические рекламы. Но толпы на боковых улочках и скиммеры местных сил самообороны, зависшие над главными магистралями и площадями терминексов, не исчезли. У электромобиля Тайнера дважды запрашивали номер: один раз автомат местной транспортной полиции, второй — человеческий голос с командными нотками.

Мы полетели дальше.

— Стало быть, в архиве нет портала? — спросил я. Вдалеке, похоже, начинались пожары.

— Нет. В нем не было необходимости. Посетителей у нас немного, к тому же ученые не прочь пройти пешком несколько кварталов.

— А где частный портал, которым можно воспользоваться?

— Здесь, — просто ответил архивариус.

Покинув летный коридор, мы сделали круг над низким, насчитывающим не более тридцати этажей зданием и опустились на стоянку, находившуюся на одном из декоративных выступов.

— Здесь расположено подворье моего ордена, — пояснил Тайнер. — Я принадлежу к забытой ветви христианства, католицизму. — Он смутился. — Кому я рассказываю! Вы наверняка знаете историю нашей церкви.

— И не только по книгам, — сказал я. — Так здесь живут священники?

Тайнер улыбнулся.

— Вряд ли нас можно назвать священниками, господин Северн. Мы принадлежим к светскому ордену, так называемому Литературно-Историческому Братству. И нас всего восемь. Пятеро служат в Рейхсуниверситете. Двое — историки искусства

и трудятся над реставрацией Лютцендорфского аббатства. Я ведаю литературным архивом. Наше постоянное проживание здесь обходится Церкви дешевле, чем если бы мы ежедневно отправлялись сюда с Пасема.

Мы вошли в жилое крыло, выглядевшее древним даже по меркам Старой Земли: причудливые светильники, стены из настоящего камня, двери на петлях… Нас даже не окликнули домашние автоматы.

Повинуясь внезапному импульсу, я вдруг заявил:

— Мне хотелось бы попасть на Пасем.

Архивариус удивленно оглянулся.

— Сегодня? Прямо сейчас?

— Почему бы и нет?

Он недоверчиво покачал головой. Я сообразил, что сто марок за пользование порталом — это его жалованье за несколько недель.

— В нашем здании свой портал, — сказал он. — Сюда, пожалуйста.

Мы оказались на главной лестнице с щербатыми каменными ступенями и коваными железными перилами, тронутыми ржавчиной. В середине чернела шестидесятиметровая шахта. Откуда-то из глубины темного коридора

донеслось хныканье младенца, за которым последовали крик мужчины и женский плач.

— Давно вы здесь живете, господин Тайнер?

— Семнадцать местных лет, сэр. Тридцать два стандартных года, если не ошибаюсь. Вот и он.

Портал был не моложе здания — обрамлявшие его барельефы давно превратились из позолоченных в серо-зеленые.

— Сегодня ночью введены ограничения на нуль-Т, — продолжал архивариус. — Но на Пасем, видимо, попасть можно. До появления там этих варваров… как бы их ни называли… осталось около двухсот часов. В два раза больше, чем у Возрождения. — Он сжал мое запястье, и я ощутил, как дрожат его пальцы. — Господин Северн, как вы думаете, что будет с моими архивами? Неужели они посмеют уничтожить плоды человеческой мудрости за десять тысяч лет? — Его рука бессильно упала.

Я не совсем понял, кого он имел в виду. Бродяг? Луддитов-шрайкистов? Участников беспорядков? Гладстон и правителей Гегемонии, готовых пожертвовать мирами «первой волны»?

— Нет, — сказал я, протягивая ему руку. — Уверен, до этого не дойдет.

Эдвард Б. Тайнер улыбнулся и отступил на шаг,

устыдившись, что дал волю чувствам. Мы еще раз обменялись рукопожатием.

— Удачи вам, господин Северн, куда бы ни привели вас странствия.

— Храни вас Бог, господин Тайнер. — Я еще ни разу не произносил этих слов и немало удивился, когда они слетели с моего языка. Отыскав пропуск, выданный мне Гладстон, я набрал трехзначный код Пасема. Портал извинился, сообщил, что в данный момент попасть туда невозможно, затем переварил своими туповатыми процессорами тот факт, что в него вставили специальный пропуск, и с жужжанием включился.

Кивнув на прощание Тайнеру, я шагнул в портал, уверенный, что, не отправившись прямиком на ТКЦ, совершаю серьезную ошибку.

На Пасеме стояла ночь, куда более темная, чем смягченный городскими огнями сумрак Возрождения-Вектор. К тому же здесь вовсю лил дождь — настоящий ливень, грохочущий по крышам и вызывающий одно-единственное желание — свернуться калачиком под парой толстых одеял.

Портал находился под навесом в каком-то дворике с галереей, и я сразу ощутил сырое дыхание ненастной ночи. Атмосфера на Пасеме была в два раза разреженнее стандартной, а его един-

ственное обитаемое плато — вдвое выше над уровнем моря, чем города Возрождения-Вектор. Я готов был тут же повернуть назад — только бы не выходить в эту ночь, под этот беспощадный ливень, но из темноты вынырнул морской пехотинец с винтовкой наперевес и спросил у меня документы.

Я предъявил ему пропуск, и он вытянулся в струнку.

— Это Новый Ватикан?

— Так точно, сэр.

Сквозь завесу дождя блеснул освещенный купол. Я указал на него.

— Собор Святого Петра?

— Так точно, сэр.

— Могу я найти там монсеньора Эдуарда?

— Пройдите через двор, на площади свернете налево, невысокое здание слева от собора, сэр!

— Спасибо, капрал.

— Я рядовой, сэр!

Плотнее закутавшись в свою короткую накидку, очень изящную и совершенно бесполезную под таким ливнем, я побежал через дворик.

Какой-то человек, вероятно, священник, хотя на нем не было ни сутаны, ни белого воротничка, открыл дверь и впустил меня в вестибюль.

Другой, сидевший за деревянным столом, сказал, что монсеньор Эдуард, несмотря на поздний час, находится здесь и не спит.

— Вам назначена аудиенция?

— Нет, но я должен поговорить с монсеньором. Это очень важно.

— На какую тему? — вежливо, но настойчиво спросил человек за столом. Мой пропуск не произвел на него ни малейшего впечатления. Видимо, мой собеседник — епископ, не меньше.

— Об отце Поле Дюре и отце Ленаре Хойте, — сказал я.

Он кивнул, прошептал что-то в микрофон-бусинку на своем воротнике — такой маленький, что я его не сразу заметил, — и повел меня через вестибюль.

По сравнению с этим местом трущоба, где жил архивариус, казалась дворцом. Мы очутились в неприглядном коридоре с грубо оштукатуренными стенами и еще более грубыми деревянными дверями вдоль него. Одна из них была открыта, и, проходя мимо, я мельком увидел каморку, очень похожую на тюремную камеру: низкая койка, грубое одеяло, деревянная скамейка для ног, простой комод, на нем — кувшин с водой и дешевый тазик; ни окон, ни информационных

стен или проекционных ниш, ни пульта для прямого подключения. Это жилище, пожалуй, даже не было интерактивным.

Откуда-то доносилось устремленное к небесам монотонное песнопение, такое изысканное и архаичное, что у меня перехватило дыхание. Грегорианский хорал. Мы прошли через просторную трапезную, столь же непритязательную, как и кельи, через кухню, где легко освоился бы повар времен Китса, спустились по каменной лестнице со стертыми ступенями, миновали тускло освещенный коридор и поднялись по другой лестнице, еще более узкой, чем первая. Тут сопровождающий покинул меня, а я переступил порог одного из самых красивых залов, какие когда-либо видел.

Мое сознание как бы раздвоилось — я знал, что Церковь вывезла на Пасем собор Святого Петра весь целиком, даже мощи, что были захоронены под алтарем и считались принадлежащими самому Святому Петру; и в то же время мне казалось, будто я перенесся назад во времени, в тот Рим, который впервые увидел в середине ноября 1820 года. Город, где я жил, страдал и умер.

Красоте и великолепию этого помещения мог бы позавидовать самый величественный

зал ТК-Центра: оно достигало шестисот футов в длину, и его дальние углы терялись во мраке, ширина — там, где трансепт пересекался с нефом, — составляла четыреста пятьдесят футов, а безупречный купол — творение Микеланджело — поднимался над алтарем почти на четыреста футов. Бронзовый балдахин работы Бернини, поддерживаемый витыми византийскими колоннами, обрамлял главный алтарь, создавая в дивной бесконечности зала соразмерный человеку тихий уголок, где ничто не мешало общению с Господом. Кроткие огоньки лампад и свечей отвоевывали у мрака отдельные участки базилики, отражались в гладких травертиновых плитах и вспыхивали искрами на золотых мозаиках, выделяя детали фресок и барельефов, украшавших стены, колонны и гигантский свод. А наверху бушевала гроза, вспыхивали молнии, заливая желтые витражи мгновенным феерическим блеском и протягивая световые щупальца к Престолу Святого Петра работы Бернини.

Я замер в тени апсиды, страшась даже дыханием осквернить священное безмолвие. Не знаю, сколько времени я так простоял, не смея пошевелиться. Но вскоре мои глаза привыкли к полумраку, контраст между вспышками молний

и золотыми огоньками свечей стал не таким резким, и тогда я заметил, что в апсиде и длинном нефе нет скамей для молящихся. Здесь, под куполом, не было и колонн. Вблизи алтаря, примерно в пятидесяти футах от меня, стояли два близко сдвинутых стула. На них сидели, наклонясь друг к другу, двое мужчин, всецело поглощенные беседой. По их лицам пробегали блики от свечей и большой лампады перед изображением Христа в темном алтаре. Оба собеседника были немолоды. Оба принадлежали к духовенству — во мраке белели их воротнички. Присмотревшись, я узнал в одном из них монсеньора Эдуарда.

Его собеседником был отец Поль Дюре.

Сначала они, должно быть, испугались, оторванные от своей тихой беседы призраком в черной накидке, который вынырнул из темноты, бормоча как помешанный «Дюре! Дюре!» и еще что-то — о паломничествах и паломниках, Гробницах Времени и Шрайке, ИскИнах и гибели Богов.

Монсеньор не стал вызывать охрану; совместными усилиями он и Дюре успокоили пришельца и попытались извлечь смысл из его горячечной болтовни. Мало-помалу завязалась вполне осмысленная беседа.

Да, это был самый настоящий Поль Дюре — не гротесковый двойник, не андроид-дубликат, не кибрид с воскрешенным сознанием. Я уверился в этом, задавая ему вопросы и слыша ответы, разумные и обстоятельные, но окончательно убедило меня в его подлинности живое тепло старческих рук и глубокие, грустные глаза священника.

— Вам известны мельчайшие подробности моей жизни, нашего пребывания на Гиперионе, событий в Долине Гробниц. Но кто же вы? — повторил Дюре.

Настала моя очередь убеждать его.

— Я кибрид, воскрешенная личность Джона Китса. Близнец его личности, о которой Ламия Брон рассказывала вам… Помните?

— И вы могли поддерживать с нами связь, узнавать, что случилось, благодаря этому своему близнецу?

Я воздел руки в знак капитуляции перед тайной:

— Наверное. А может, в этом повинна какая-то причуда мегасферы. Я действительно видел во сне ваши странствия, слышал рассказы паломников… В том числе рассказ Ленара Хойта о жизни и смерти Поля Дюре. — Я снова дотронулся до его руки, ощутив тепло его тела сквозь толстую

ткань сутаны. У меня просто голова шла кругом: я здесь, рядом, в одном пространстве и времени с участником небывалого паломничества…

— Значит, вы знаете, как я попал сюда, — заметил отец Дюре.

— Нет. Последнее, что я видел, — как вы входите в одну из Пещерных Гробниц. Там горел свет. Что было дальше, мне неизвестно.

Дюре кивнул. Его аристократическое лицо оказалось куда более изможденным, чем я помнил по снам.

— А что с остальными?

Я набрал в грудь воздуха.

— Поэт жив, он висит на терновом дереве Шрайка. Кассада я последний раз видел, когда он шел на Шрайка с голыми руками. Ламия Брон проникла через мегасферу в периферию Техно-Центра вместе с моим близнецом…

— Так он уцелел в этой петле Шрюна… или как там она называется? — спросил пораженный Дюре.

— Уцелел. Но один из ИскИнов, существо по имени Уммон, убил его, а Ламия отправилась назад. Что случилось с ее телом, пока не знаю.

Монсеньор Эдуард придвинулся ко мне.

— А Консул? Вайнтрауб с дочерью?

— Консул пытался вернуться в столицу на ковре-самолете, но потерпел аварию в нескольких милях севернее города. Это все, что мне о нем известно.

— Милях, — задумчиво повторил Дюре, словно что-то вспоминая.

— Извините, — я жестом указал на базилику, — в таком месте поневоле начинаешь пользоваться единицами из… предыдущей жизни.

— Продолжайте, — сказал монсеньор Эдуард. — Мы остановились на малышке и ее отце.

Я опустился на холодный каменный пол — ноги не держали меня, руки тряслись от усталости.

— В моем последнем сне Сол отдал Рахиль Шрайку. Этого захотела сама Рахиль. А потом стали распахиваться Гробницы…

— Все? — спросил Дюре.

— Да, кажется.

Мои собеседники переглянулись.

— Впрочем, есть еще кое-что. — И я пересказал им диалог с Уммоном. — Возможно ли, чтобы божество могло… развиться из человеческого сознания подобным образом, причем незаметно для человечества?

Вспышки молний прекратились, зато ливень усилился: казалось, тяжелые потоки воды пыта-

ются сокрушить высокий купол. Где-то в темноте скрипнула тяжелая дверь, простучали и затихли шаги. Восковые свечи в темных нишах базилики бросали красные блики на стены и драпировки.

— Когда-то я проповедовал, что Святой Тейяр допускал такую возможность, — невесело проговорил Дюре, — но если этот Бог — ограниченное существо, эволюционировавшее подобно другим ограниченным существам, тогда это не он… не Бог Авраама и Христа.

Монсеньор Эдуард утвердительно кивнул.

— Была одна древняя ересь…

— Да, — подхватил я. — Социнианская ересь. Я слышал, как отец Дюре рассказывал о ней Солу Вайнтраубу и Консулу. Но не все ли равно, как зародилась эта… сила… и ограничена она в своих возможностях или нет. Если Уммон говорит правду, мы имеем дело с мощью, которая черпает энергию из квазаров. Это Бог, который может играючи уничтожать целые галактики.

— Значит, существует и такое божество, — заметил Дюре. — Но это не Бог.

Я четко уловил ударение, сделанное им на последнем слове.

— Но если оно не ограничено? — сказал я. — Если это и есть Бог Точки Омега, абсолютное

сознание, о котором вы писали? Если это та самая Троица, чье существование ваша Церковь отстаивала еще до Фомы Аквинского, и если одна ипостась этой Троицы бежала назад сквозь время — сюда, в наше настоящее, — что тогда?

— Но что заставило ее бежать? — негромко спросил Дюре. — Бог Тейяра… Бог Церкви… Наш Бог был бы Богом Точки Омега, в котором достигли абсолютного слияния Христос Эволюции, Личное и Всеобщее… то, что Тейяр называл En Haut и En Avant. Не может существовать ничего, что обратило бы в бегство одну из ипостасей этого божества. Ни Антихрист, ни гипотетическая сила зла, ни «противо-Бог» не могут угрожать подобному всеобщему сознанию. Кем же должен быть тот, другой бог?

— Бог машин? — спросил я так тихо, что сам не знал, произнес ли это вслух.

Монсеньор Эдуард сложил руки лодочкой — я сначала подумал, что он собирается вознести молитву, но этот жест выражал только глубокую задумчивость и еще более глубокое волнение.

— Однако и у Христа были сомнения, — проговорил он наконец. — Христос проливал кровавые слезы в Гефсиманском саду и молился, чтобы его миновала чаша сия. Если предстояла какая-то

вторая жертва, что-то еще более ужасное, чем распятие… тогда я могу себе представить, что Христос — ипостась Троицы — проходит через время, бредет по некоему четырехмерному Гефсиманскому саду, лишь бы выгадать несколько часов — или лет — на размышления.

— Еще более ужасное, чем распятие… — повторил Дюре хриплым шепотом.

Монсеньор Эдуард и я одновременно посмотрели на священника, добровольно распявшего себя на высоковольтном дереве тесла, чтобы не покориться паразиту-крестоформу. Сколько же раз он претерпел крестные муки и казнь на электрическом стуле?..

— То, от чего бежало высшее сознание, — снова прошептал Дюре, — воистину должно быть ужасно.

Монсеньор Эдуард коснулся плеча своего друга.

— Поль, расскажи этому человеку, что ты видел по дороге сюда.

Дюре вернулся из невероятной дали, куда его завлекли воспоминания, и устремил свой взгляд на меня.

— Вам известны подробности нашего пребывания в Долине Гробниц на Гиперионе?

— Думаю, что да. До того момента, как вы исчезли.

Священник со вздохом провел по лбу длинными, слегка дрожащими пальцами.

— Тогда есть шанс, — пробормотал он, — что вам удастся разгадать, почему меня забросило сюда и каков смысл показанного мне по дороге.

— Я увидел в третьей Пещерной Гробнице свет, — так начал Дюре свой рассказ. — И вошел внутрь. Не скрою, мысль о самоубийстве посещала меня, вернее, то, что от меня осталось после грубой реставрации… Я не хочу возвышать паразита, называя то, что он проделывает, воскрешением.

Итак, я увидел свет и решил, что это Шрайк. Я уже устал ждать встречи с этим существом — первая, как вам известно, была много лет назад в лабиринте под Разломом, когда Шрайк пометил меня дьявольским крестоформом.

Когда мы все вместе искали полковника Кассада, эта Пещерная Гробница была неглубокой, ничем не примечательной выемкой. Скальная стена преградила нам путь буквально через двадцать — тридцать шагов. Теперь же стена исчезла, уступив место проему, сходному с пастью Шрайка. Кривые камни казались как бы живыми

существами, неким симбиозом механического с органическим. Сталактиты и сталагмиты ощерились, как острые зубы из карбоната кальция.

За пастью начиналась каменная лестница, ведущая вниз. Именно оттуда, из глубины, изливался свет — то бело-голубой, то багровый. Безмолвие нарушали лишь вздохи ветра, точно дышали сами скалы.

Я не Данте. Я не искал Беатриче. Мой недолгий приступ храбрости — точнее, фатализма — испарился, как только исчах солнечный свет. Я повернул назад и почти бегом одолел тридцать шагов, отделявшие меня от входа в пещеру.

Входа не было. Проход заканчивался тупиком. Обвал или лавина не могли закупорить пещеру бесшумно, и, кроме того, скальная порода на месте входа выглядела такой же древней и слежавшейся, как все стены. С полчаса я безуспешно искал другой выход, потом, не желая возвращаться к лестнице, уселся у стены, в том месте, где был вход, и провел там несколько часов. Еще одна проделка Шрайка. Еще один дешевый театральный трюк этой извращенной планеты. Своеобразный юмор Гипериона. Весьма своеобразный.

Несколько часов я просидел в потемках, наблюдая за беззвучными пульсациями света в

дальнем конце пещеры, и наконец догадался, что Шрайк не пожалует сюда за мной. И вход не появится вновь, как по волшебству. Я оказался перед выбором: либо сидеть на месте, пока не умру от голода (или скорее от жажды, так как мой организм был уже обезвожен), либо спуститься по проклятой лестнице.

И я стал спускаться.

Много лет, точнее, много жизней назад, я спустился в лабиринт под Разломом, где впервые повстречался со Шрайком. Тот лабиринт находился в трех километрах под поверхностью плато. Это довольно близко — большинство известных мне лабиринтов прячутся самое малое на глубине десяти километров. Я ничуть не сомневался, что эта бесконечная спиральная лестница с крутыми каменными ступенями, где на каждой могли бы выстроиться в шеренгу десять сходящих в ад священников, ведет к лабиринту. В такой вот преисподней Шрайк наложил на меня проклятие бессмертия. Если чудовище или руководящая им сила обладали хоть крохой иронии, то именно здесь я должен был лишиться и постылого бессмертия, и самой жизни.

Лестница змеилась вниз; свет становился все ярче… Вначале это было розоватое сияние, через

десять минут — багровое, спустя еще полчаса — мерцающее алое. Все это отдавало банальной иллюстрацией к Данте или дешевым балаганом. Я чуть не рассмеялся, предвкушая появление чертика во всем параде — с хвостом, трезубцем, раздвоенными копытами и дрожащими тоненькими усиками, словно пририсованными черным карандашом.

Но мне стало не до смеха, когда я наконец увидел источник света — сотни и даже тысячи крестоформов, облепивших шершавые стены, словно грубо вытесанные кресты на пути неких подземных конкистадоров. Чем глубже, тем крупнее они становились и тем больше их было. Наконец они стали просто налезать друг на друга — кораллово-розовые, красные, как ободранное мясо, темно-багровые.

Мне стало дурно. Это все равно что спускаться в шахту, стены которой усеяны жирными, извивающимися пиявками. Только эти твари куда омерзительнее. Я видел на медсканере свои внутренности, когда во мне поселился только один из этих паразитов: бесчисленные ганглии, проросшие через все органы, как серые волокна, косички из извивающихся нитей, клубки нематод, похожие на чудовищные опухоли… Они

были неподвластны даже милосердной смерти. Теперь я носил на себе целых два: Ленара Хойта и своего собственного. Лучше умереть, чем получить еще одного…

Я спускался все ниже и ниже. От стен исходили волны тепла, то ли из-за глубины, то ли за счет скопления тысяч крестоформов — не знаю. Наконец я достиг дна. Лестница кончилась, я завернул за последний изгиб каменной спирали и очутился там, где и предполагал очутиться.

Лабиринт. Он простирался во тьме — такой, каким я видел его на бесчисленных голограммах и один раз собственными глазами: аккуратные туннели тридцатиметровой ширины, пробитые в недрах Гипериона почти миллион лет назад, катакомбы, прогрызшие всю планету, словно осуществленная мечта какого-то умалишенного крота. Подобные лабиринты есть на девяти мирах: пять в Сети, остальные, как и этот, на Окраине. Все одинаковы, все созданы в один и тот же период, и ни в одном не нашлось ни малейшего намека на их предназначение. О строителях Лабиринтов сложены легенды, но эти мифические существа не оставили после себя никаких следов, никаких предметов, которые позволили бы понять, как и чем они строили, и

ни одна из существующих теорий не отвечает на главный вопрос: что заставило их вырыть эти грандиознейшие туннели, какие только видела галактика.

Все лабиринты пусты. Роботы-зонды изучили пробитые в камне коридоры на миллионы километров, но, кроме следов, естественно, эрозии, там ничего нет.

Здесь все было иначе.

В свете крестоформов передо мной открылось зрелище, сошедшее с полотен Иеронима Босха. Я смотрел, не отрываясь, на бесконечный коридор, бесконечный, но не пустой… о нет, не пустой.

Сначала мне показалось, что передо мной толпы живых людей, река голов, плеч, рук, протянувшаяся на много километров, насколько хватало глаз; какое-то шествие, в которое затесались странные машины одинакового ржаво-красного цвета. И только когда я шагнул вперед, навстречу плотной людской стене, я понял, что вижу трупы. Десятки, сотни тысяч человеческих трупов сгрудились в коридоре, и конца им не было; некоторые распростерлись на полу, другие распластались по стенам, но большинство было выдавлено на поверхность напором других трупов — так тесно сбились они

на этой причудливой подземной дороге.

Через всю эту массу тел проходила тропа, словно проделанная какой-то чудовищной жаткой. Я двинулся по ней, прилагая все силы, чтобы не коснуться торчащих слева и справа рук и лодыжек.

Тела были человеческие, некоторые в одежде. Зоны медленного разложения в этом лишенном бактерий склепе превратили их в мумии. Кожа и плоть потемнели, расползлись, прорвались, как истлевшая марля, лишь слегка прикрывая кости. Волосы ссохлись в какие-то перья. Из провалившихся глазниц и раскрытых ртов глядела тьма. Одежда, которая когда-то сияла всеми цветами радуги; стала рыжевато-коричневой, серой или черной и рассыпалась в пыль от малейшего дуновения. Потерявшие первоначальную форму пластмассовые комки на запястьях и шеях, вероятно, были комлогами или их аналогами.

Огромные экипажи — должно быть что-то вроде ТМП — превратились в груды ржавчины. Нетвердыми шагами я прошел по узкой тропе метров сто, споткнулся и, чтобы не упасть на истлевшие останки, схватился за борт такой машины. Она моментально осела и буквально на глазах осыпалась прахом.

Один, без Вергилия, брел я по ужасной тропе,

пробитой в толще разложившейся человеческой плоти, размышляя, зачем мне все это показывают и что все это значит. После бесконечно долгого странствия, после лавирования между сваленными штабелями тел я вышел на перекресток туннелей; все три коридора впереди были заполнены телами. Тропка ныряла в левый. Я пошел по ней дальше.

Спустя много часов — или дней? — я остановился и присел прямо на узкой полоске камня, бегущей сквозь этот океан ужаса. Если здесь, на маленьком отрезке туннеля десятки тысяч трупов, то во всем лабиринте Гипериона их должны быть миллиарды. Больше! Девять лабиринтных планет — склеп для триллионов.

Зачем мне показывали это запредельное Дахау человеческих душ? Недалеко от места, где я сидел, мертвый мужчина все еще загораживал мертвую женщину своей сгнившей до кости рукой. Из маленького свертка в ее руках торчали короткие черные пряди. Не выдержав, я отвернулся и заплакал.

Занимаясь археологией, мне приходилось видеть извлеченные из земли жертвы казней, пожаров, наводнений, извержений вулканов и землетрясений, и подобные сцены не были

для меня чем-то новым; таково уж sine qua non истории. Но это зрелище терзало несравнимой ни с чем мукой. Может быть, за счет масштабов — ведь число мертвых исчислялось миллионами. Или из-за дьявольского свечения крестоформов, покрывавших стены туннелей как тысячи богохульств. А может, причиной был ветер, который монотонно и жутко выл в бесконечных каменных коридорах. Не знаю.

Моя жизнь, мое учение и страдания, маленькие победы и бесчисленные поражения привели меня сюда — за пределы веры и любви, за пределы бесхитростного, мильтонианского мятежа против Бога. У меня возникло ощущение, что трупы лежат здесь полмиллиона лет, не меньше, но люди, которыми они были когда-то, — из нашего времени или, еще страшнее, из будущего. Я закрыл лицо руками.

Ни один звук не предостерег меня, но что-то неуловимое шевельнулось — может, то было дуновение воздуха… Я поднял глаза и не более чем в двух метрах от себя увидел Шрайка. Не на тропе, а среди тел: скульптурное изображение архитектора.

Я поднялся на ноги. Нельзя сидеть или стоять на коленях перед этим чудовищем.

Шрайк двинулся ко мне, скорее скользя, чем шагая, — как по рельсам, без всякого трения. Кровавый свет заливал ртутный панцирь, на морде застыл всегдашний фантастический оскал — стальные сталактиты и сталагмиты.

Я не испытывал ненависти к чудовищу. Только печаль и огромную жалость — не к Шрайку, чем бы он ни был, — а к этим жертвам, не защищенным даже хрупкой оболочкой веры, в одиночку стоявшим некогда перед загробным ужасом, чьим воплощением и было существо с рубиновыми глазами.

Впервые оказавшись так близко к нему, я ощутил запах Шрайка — запах прогорклого масла, перегретых подшипников и запекшейся крови. Пламя в его глазах пульсировало в такт свечению крестоформов, которые то разгорались, то тускнели.

Я никогда не верил в сверхъестественную природу этого существа, в то, что оно является орудием добра или зла, считал его просто аномалией в непостижимых и, по-видимому, равнодушных к человечеству деяниях Вселенной — злой шуткой эволюции, не более. Самым жутким кошмаром Святого Тейяра. Но все же *существом*, подвластным законам природы, хоть

и на свой чудовищный лад. Где бы и когда оно ни возникло.

Шрайк протянул ко мне руки. Четыре его запястья были окружены розетками из лезвий, превосходящих размерами мою ладонь, а из груди торчал длиннющий, не меньше полуметра, шип. Когда одна пара рук, острых как бритва, и упругих, как стальная пружина, взяла меня в кольцо, а другая скользнула между нами, я посмотрел чудовищу в глаза.

Пальцелезвия щелкнули. Я поморщился, но все же не отступил, когда они вонзились в мою грудь, наполнив ее холодным огнем. Так лазерные скальпели режут нервы.

Он попятился, держа в руке что-то красное, обагренное моей кровью. Я пошатнулся. Неужели чудовище сыграло со мной предсмертную шутку, и я, хлопая глазами, смотрю сейчас на собственное сердце, в то время как кровь покидает мозг, еще считающий себя живым?

Но это было не сердце. Шрайк держал крестоформ, который я носил на груди, *мой* крестоформ, проклятое хранилище *моей* не желающей умирать ДНК. Я снова качнулся, чуть не упал, дотронулся до груди и увидел, что пальцы в крови, но не артериальной, которая должна была брызнуть

фонтаном после столь варварской операции. Рана заживала у меня на глазах. Я *знал,* что паразит пустил корни во все уголки моего тела. *Знал,* что ни один хирургический лазер не смог вырезать этот смертоносный плющ из тела отца Хойта, а значит, и моего. Но я *чувствовал,* как уходила зараза, как волокна в моем теле засыхали, оставляя после себя микроскопические тканевые рубцы.

На мне еще оставался крестоформ отца Хойта. Но это совсем другое дело. Когда я умру, из моей плоти восстанет Ленар Хойт, а дурных копий Поля Дюре, тупеющих и хиреющих с каждым новым искусственным воскрешением, больше не будет.

Шрайк даровал мне смерть, не убивая.

Чудовище швырнуло остывающий крестоформ в груду тел и взяло меня рукой за плечо, разрезав при этом три слоя ткани. Легчайшее прикосновение его скальпелей мгновенно высекло из бицепса струю крови.

Шрайк провел меня сквозь тела к стене. Я следовал за ним, стараясь не наступать на мертвых, но так как приходилось торопиться, чтобы не остаться без руки, это не всегда удавалось. От малейшего прикосновения тела рассыпались в прах. В провалившейся груди одного несчастного остался след моей ноги.

Часть стены внезапно очистилась от крестоформов. Я увидел что-то вроде ворот с энергетической завесой… Величиной и формой они отличались от стандартного портала, но характерное глухое жужжание ни с чем нельзя было спутать. Впрочем, будь там даже канализационный люк — лишь бы вырваться из этого склада смерти.

Шрайк толкнул меня вперед.

Невесомость. Лабиринт раздробленных переборок, путаница проводов, похожих на внутренности какого-то гигантского хищника, мигающие красные огни — на секунду мне показалось, что это крестоформы, но мгновение спустя я понял, что передо мной аварийная сигнализация гибнущего космического корабля. Затем я наткнулся на что-то, и с непривычки закувыркался в невесомости. Мимо, тоже кувыркаясь, проносились трупы — с разинутыми ртами, выпученными глазами, разорванными легкими, сопровождаемые облаками крови. Эти люди, видимо, погибли совсем недавно и временами даже казались живыми — когда их шевелили сквозняки или беспорядочные рывки разбитого корабля ВКС.

Да, корабля ВКС. Я видел мундиры на телах юношей, аббревиатуры военного жаргона на переборках и оторванных, крышках люков, бес-

полезные инструкции на абсолютно бесполезных аварийных рундуках со скафандрами и герметичными шарами-убежищами, которых так никто и не надул. Что бы ни разрушило этот корабль, беда грянула как гром среди ясного неба.

Шрайк появился рядом со мной.

Шрайк… в космосе! Вдали от Гипериона, свободный от оков темпоральных приливов! А корабли ВКС обычно оснащают автономными порталами!

Один как раз находился всего в пяти метрах от меня. К нему двигался труп молодого мужчины. Правая рука мертвеца погрузилась в непрозрачную энергозавесу, как бы пробуя температуру воды по ту сторону. Оттуда с усиливающимся визгом вырывался воздух. «Иди! Иди же!» — понукал я мертвеца, но разница давлений отнесла его от портала. Рука, к моему удивлению, оказалась неповрежденной, хотя лицо представляло собой наглядное пособие по анатомии.

Я повернулся к Шрайку и по инерции сделал лишние пол-оборота.

Шрайк подхватил меня, кромсая ножами кожу, и подтолкнул к порталу. Я не смог бы изменить траекторию, даже если бы захотел. Летя в жужжащий и шипящий портал, я успел вообразить

все напасти, ожидающие меня на той стороне: вакуум, падение в пропасть, взрывная декомпрессия или — самое страшное — возвращение в лабиринт.

Вместо всего этого я упал с полуметровой высоты на мраморный пол, не более чем в двухстах метрах от места, где мы с вами беседуем, в личных покоях Папы Урбана XVI, который, как оказалось, скончался за три часа до того, как я вывалился из его личного портала. В Новом Ватикане этот портал называют «Папскими Дверьми». Я испытал наказание болью за то, что посмел удалиться от Гипериона, от родины крестоформа, но боль — моя старая союзница и больше не имеет надо мной власти.

Я отыскал Эдуарда. В доброте своей он выслушал мой рассказ. Такой исповеди не слышал и не произносил еще ни один иезуит. В доброте своей Эдуард поверил мне. Теперь вы все узнали. Такова моя история.

Гроза прошла. Мы сидели втроем, при свечах, под сводами собора Святого Петра. Несколько минут никто не решался произнести ни слова.

— Значит, Шрайк может оказаться в Сети, — выговорил я наконец.

Дюре посмотрел на меня.

— Да.

— Этот корабль находился, вероятно, в окрестностях Гипериона…

— По всей видимости.

— В таком случае мы можем вернуться туда. Через эти… «Папские Двери».

Монсеньор Эдуард вопросительно поднял брови.

— Вы действительно хотите этого, господин Северн?

Я замялся.

— Не знаю… Мне приходил в голову и такой план.

— Зачем? — негромко спросил монсеньор. — Ваш двойник-кибрид, личность которого несла Ламия Брон, нашел там только смерть.

Я потряс головой, словно прогоняя сумбур в мыслях.

— Но ведь я часть всего этого. Иначе я просто не знаю, какую роль мне играть — и где.

Поль Дюре невесело улыбнулся.

— Такое чувство испытываем все мы. Похоже на моралите о предопределении, сочиненное скверным драматургом. А куда подевалась свобода воли?

Монсеньор внимательно посмотрел на друга.

— Поль, паломники, все до одного, поставлены перед необходимостью делать выбор, который вы уже сделали. Пусть общий ход событий определяют высшие силы, но собственной судьбой по-прежнему распоряжаются сами люди.

Дюре вздохнул.

— Возможно, вы правы, Эдуард. Не знаю. Я очень устал.

— Если Уммон сказал правду, — вмешался я, — и третья ипостась этого человеческого божества бежала в наше время, то где она и кто она, по-вашему? В Сети больше ста миллиардов жителей.

Отец Дюре улыбнулся. Это была добрая улыбка, лишенная иронии.

— А вам не приходило в голову, что ею можете оказаться вы сами?

Я дернулся, как от пощечины.

— Чушь! Да ведь я не… не совсем человек. Мое сознание плавает где-то в матрице Техно-Центра, а тело реконструировано по обрывкам ДНК Джона Китса и биосформировано, как у андроидов. Даже воспоминания мои имплантированы. А моя так называемая кончина и мое «выздоровление» от туберкулеза разыграны на планете, созданной исключительно для этой цели.

Дюре все еще улыбался.

— И что из вышеперечисленного мешает вам быть воплощением Сопереживания?

— Я не чувствую себя частью какого-то там бога, — отрезал я. — Я ничего не помню, ничего не понимаю. И не знаю, что делать.

Монсеньор Эдуард дотронулся до моего запястья.

— Можем ли мы утверждать, что Христос всегда знал, как поступить дальше? Он знал, что придется сделать. Согласитесь, это далеко не одно и то же.

Я потер глаза.

— А я и этого не знаю.

Голос монсеньора звучал по-прежнему спокойно.

— Мне кажется, Поль имел в виду, что, если этот дух скрывается здесь, в нашем времени, он может и не догадываться о своей подлинной природе.

— Бред, — пробормотал я.

Дюре кивнул.

— Многие события, происшедшие на Гиперионе и вокруг него, кажутся бредом. И, по-видимому, бред этот заразен.

Я взглянул иезуиту в глаза.

— Вот вы были бы идеальным кандидатом на роль божества. Провели жизнь в молитвах и

размышлениях, крупнейший ученый-археолог. Плюс ко всему претерпели распятие.

Улыбка сошла с лица Дюре.

— Вы сами слышите, что говорите? Разве это не сплошное богохульство? Я предал мою Церковь, мою науку, а теперь, исчезнув, моих товарищей по паломничеству. Христос мог потерять веру на несколько секунд. Но он не торговал ею на рынке в обмен на бирюльки эгоизма и любопытства.

— Хватит, — оборвал нас монсеньор. — Что толку в подобных разговорах? Поищите-ка кандидатов хотя бы в труппе, разыгрывающей нашу маленькую Мистерию о Страстях Господних. Секретарь Сената Мейна Гладстон, несущая на своих плечах бремя управления Гегемонией. Участники паломничества… Мартин Силен, который, как вы сами рассказывали, уже сейчас страдает на дереве Шрайка ради своих стихов. Ламия Брон, поставившая на карту все и все потерявшая ради любви. Господин Вайнтрауб, истерзанный дилеммой Авраама… и даже его дочь, вернувшаяся к младенческой невинности. Консул…

— Консул мне представляется скорее Иудой, чем Христом, — возразил я. — Он предал всех — и Гегемонию, и Бродяг. Те ведь тоже считали его

своим союзником.

— Если исходить из того, что рассказывал Поль, — ответил монсеньор, — Консул не изменил своим убеждениям, и он остался верен памяти Сири. — Старик улыбнулся. — Кроме того, в нашей пьесе еще сто миллиардов действующих лиц. Бог не избрал в качестве своего орудия Ирода, или Понтия Пилата, или Цезаря Августа. Он выбрал безвестного сына безвестного плотника одной из самых захолустных провинций Римской империи.

Я встал и принялся расхаживать по старым плитам, поглядывая на алтарную светящуюся мозаику.

— Но что же делать нам? Отец Дюре, вы должны отправиться со мной и встретиться с Гладстон. Она знает о вашем паломничестве. Возможно, ваш рассказ поможет предотвратить кровопролитие, которое представляется сейчас просто неизбежным.

Дюре тоже поднялся. Скрестив руки на груди, он устремил глаза вверх, словно вопрошая тьму под куполом.

— Я собирался это сделать, — сказал он. — Но прежде мне нужно посетить Рощу Богов — переговорить с их эквивалентом Папы — Истинным

Гласом Мирового Древа.

Я замер на месте.

— Рощу Богов? Она-то тут при чем?

— Полагаю, тамплиеры — ключ к какой-то недостающей части этой жуткой шарады. Вы утверждаете, что Хет Мастин умер. Может быть, Истинный Глас объяснит нам, зачем им понадобилось паломничество, то есть восстановит так и не рассказанную историю Мастина. Мы ведь не знаем, что привело его на Гиперион.

Я едва не подпрыгнул, пытаясь сдержать кипящий в душе гнев.

— Боже мой, Дюре! У нас нет ни секунды. Какой там рассказ! Осталось, — я проконсультировался со своим имплантом, — полтора часа, до того как Рой войдет в систему Рощи Богов. Когда начнется бойня, будет поздно!

— Возможно, — иезуит по-прежнему говорил тихо и неторопливо, — но сначала я побываю там. А потом буду говорить с Гладстон. Может статься, она санкционирует мое возвращение на Гиперион.

Мне показалось весьма сомнительным, чтобы Гладстон позволила столь ценному источнику информации вернуться в этот ад.

— Как бы там ни было, нам пора, — нетерпели-

во сказал я, направляясь к выходу.

— Минутку, — остановил меня Дюре. — Вы говорили, что обладаете способностью видеть «сны» о паломниках во время бодрствования. Кажется, в состоянии транса. Так я вас понял?

— Ну, допустим.

— Что ж, господин Северн, вот и попробуйте увидеть их. Сейчас.

Я посмотрел на него в изумлении.

— Здесь?

Дюре указал на свой стул.

— Именно. Здесь и сейчас. Вы не представляете, как это важно для меня — узнать о судьбе моих товарищей. К тому же ваша информация может оказаться бесценной при встрече с Истинным Гласом и госпожой Гладстон.

Я покачал головой, опускаясь на предложенный мне стул.

— А если не получится?

— Тогда мы ничего не потеряем, — улыбнулся Дюре.

Я кивнул, прикрыл глаза и откинулся на неудобную спинку. Взгляды двух моих собеседников скрестились на моем лице. Тонкий запах ладана и дождя веял здесь, в громадном зале, и я вдыхал его, совершенно уверенный, что ничего не

получится: страна моих снов находилась не так близко, чтобы я мог перенестись туда, просто прикрыв глаза.

И вдруг чувство, что за мной наблюдают, ослабло, запахи отдалились, а стены зала раздвинулись необозримо — я вернулся на Гиперион.

Глава тридцать пятая

Столпотворение.

В системе Гипериона три сотни кораблей ВКС отступают к порталам, отчаянно увертываясь от назойливых, как осы, вражеских истребителей.

Возле порталов сущее безумие. Автоматы-диспетчеры зацикливаются от перегрузки, корабли сгрудились в кучу, подобно магнитопланам на воздушных перекрестках ТКЦ, — любой улан Бродяг может перестрелять их, как куропаток.

Безумие, подобно эпидемии, проникает в Сеть. Военные корабли, перейдя в систему-отстойник Мадхья, ползут к порталу-выходу, как овцы, бредущие по узкому загону. Корабли перебрасывают в систему Хеврона; жалкие кучки собираются у Небесных Врат, Рощи Богов, Безбрежного Моря, Асквита. Считанные часы отделяют миры Сети от атаки Роя.

Столпотворение. Сотни миллионов беженцев из приговоренных миров заполняют города и лагеря для мигрантов, где царит нездоровое возбуждение — первая стадия военной чумы. На многих тыловых планетах вспыхнули беспорядки: три Улья на Лузусе — почти семьдесят миллионов граждан — блокированы полицией из-за бунта, развязанного шрайкистами; разграблены тридцатиэтажные супермаркеты; толпы громят жилые монолиты; термоядерные генераторы взорваны; еле удалось отстоять терминексы. Комитет местного самоуправления обратился к Гегемонии; Гегемония ввела военное положение и направила морскую пехоту ВКС, дабы изолировать мятежные Ульи.

Восстания сепаратистов на Новой Земле и Мауи-Обетованной. Террористические акты роялистов Гленнон-Хайта, не подававших признаков жизни уже лет семьдесят, — на Талии, Армагасте, Нордхольме и Ли-Три. И опять бесчинства шрайкистов — теперь уже на Циндао-Сычуань и Возрождении-Вектор.

Штаб ВКС на Олимпе тут же перебрасывает возвращающиеся с Гипериона войска на планеты Сети. Срочно посаженные на факельщики команды подрывников в прифронтовых системах

рапортуют: сферы сингулярности подготовлены к уничтожению. Дело за приказом с ТКЦ.

— Имеется более эффективный способ, — спокойно сообщает советник Альбедо Мейне Гладстон, ведущей Военный Совет.

Секретарь Сената оборачивается к послу Техно-Центра.

— Существует оружие, способное уничтожить Бродяг, не причинив никакого вреда собственности Гегемонии. И даже собственности Бродяг, если уж на то пошло.

Генерал Морпурго хмурится.

— А-а, вы о бомбе, аналогичной по действию «жезлу смерти», — говорит он. — Она нам не подходит. Военные эксперты доказали, что дальность ее действия безгранична. Мало того, что это бесчестное оружие противоречит Нью-Бусидо — оно уничтожит вместе с захватчиками и наше население.

— Отнюдь, — возражает Альбедо. — Если граждане Гегемонии будут защищены надлежащим образом, обойдется без жертв. Как вам известно, нейродеструкторы могут быть настроены на определенную длину церебральных волн. То же самое можно проделать и с бомбой. Она не тронет ни домашний скот, ни диких животных, ни даже

человекообразных.

Встает генерал ВКС Ван Зейдт, командующий морской пехотой:

— Но защитить население невозможно! Эксперименты показали, что тяжелые нейтрино, испускаемые этой бомбой, проникают в толщу камня или в металл на глубину шести километров. Убежищ такой глубины не существует.

Проекция советника Альбедо непринужденно облокачивается на стол.

— У нас есть девять миров с готовыми убежищами для миллиардов, — замечает он негромко.

Гладстон кивает.

— Лабиринты, — шепчет она. — Но переместить туда такое количество людей невозможно.

— Напротив. — Альбедо благодушно качает головой. — Теперь, когда вы присоединили Гиперион к Протекторату, каждый лабиринтный мир включен в нуль-сеть. Техно-Центр может организовать переброску населения непосредственно в эти подземные убежища.

За длинным столом Совета поднимается шум, но Мейна Гладстон не отрывает горящего взора от Альбедо. Она знаком призывает к тишине, и гомон стихает.

— Расскажите нам подробнее, — говорит секре-

тарь Сената. — Очень интересная идея.

Консул сидит в пятнистой тени невысокой невиллонии и ждет смерти. Его руки, заломленные за спину, связаны обрывом фибропластика. Лохмотья, в которые превратилась его одежда, еще не успели высохнуть; лицо мокро от купания, а может быть, от пота.

Двое мужчин, стоящие над ним, заканчивают инспекцию его рюкзака.

— Блин, — говорит первый, — ну ничего стоящего. Только это мудацкое старье. — Он сует за пояс пистолет отца Ламии Брон.

— Жаль, что мы не смогли достать его ковер-самолет, — вставляет второй.

— Да уж, больно красиво летела эта рвань к лягушкам в гости! — И оба покатываются со смеху.

Консул, скосив глаза, смотрит на двоих здоровяков — темные силуэты в хаки на фоне вечернего неба. Судя по акценту — оба уроженцы Гипериона, а их внешний вид — разномастные предметы устаревшей экипировки ВКС, тяжелые универсальные винтовки, накидки из кусков «хамелеоновых» скафандров — наводит на мысль, что перед ним дезертиры из гиперионовских сил самообороны.

Судя по всему, оставлять своего пленника в жи-

вых они не намерены. Сначала, ошеломленный падением в реку Хулай, запутавшийся в веревках, которые накрепко связали его с рюкзаком и бесполезным ковром-самолетом, Консул счел их спасителями. Он сильно ударился о поверхность воды, долго, невероятно долго не мог выбраться на поверхность — и все же не захлебнулся. Всплыв, он попал в сильное течение и вновь пошел ко дну под тяжестью коврика. То была ожесточенная, но безнадежная схватка с судьбой, и Консул все еще находился в десяти метрах от мелководья, когда один из здоровяков выскочил из зарослей невиллонии и бросил Консулу веревку. На берегу бродяги избили его, связали, вывернули карманы и рюкзак, и, судя по небрежным замечаниям, готовились, не откладывая дело в долгий ящик, перерезать ему горло.

Тот, что повыше, с каким-то вороньим гнездом из намасленных вихров на голове, присаживается на корточки перед Консулом и вытаскивает из ножен керамический кинжал.

— Что скажешь на прощание, дедуля?

Консул облизывает губы. Он видел тысячи фильмов и гололент, где в подобный момент герой пинком ломал одному противнику ноги, колотил другого, пока тот не падал без чувств,

хватал оружие и расстреливал обоих, даже не потрудившись развязать себе руки, а затем уходил навстречу дальнейшим приключениям. Но Консул не чувствует себя героем: он устал, он стар, на нем живого места не осталось после падения в реку и того, что за ним последовало. Ему ли тягаться с этими молодцами? Драки он видел и даже однажды сам помахал кулаками, но его жизнь и деятельность протекали хоть и в суровом, но таком далеком от физического насилия мире дипломатии.

Консул снова облизывает сухие губы:

— Я могу заплатить вам.

Тип на корточках, улыбаясь, водит ножом перед носом Консула.

— Чем, дедуля? Твоя универсальная карточка у нас, а на нее и дерьма не купишь.

— Золотом, — приводит Консул единственный аргумент, пронесший свою магическую силу через века.

Громила, сидящий перед ним, не реагирует. Стоит ему взглянуть на лезвие, как в его глазах появляется зловещий блеск. Но тут подходит другой и кладет тяжелую руку на плечо напарника.

— О чем ты болтаешь, мужик? Где ты возьмешь золото?

— Мое судно, — отвечает Консул. — «Бенарес».

Сидящий подносит лезвие к собственной щеке.

— Да брешет он, Чез. «Бенарес» — это старая плоскодонная баржа, которую таскают манты. Знаешь, чья она была, — тех синежопых, которых мы три дня назад кокнули.

Консул прикрывает глаза и борется с приступом тошноты. А. Беттик и другие андроиды — экипаж «Бенареса» — покинули баржу на катере менее недели назад и поплыли вниз по реке, в поисках свободы. Но, видимо, они так и не нашли ее.

— А. Беттик, — говорит Консул. — Капитан судна. Он разве не говорил о золоте?

Верзила с ножом ухмыляется.

— Бухтел он много, но говорил мало. Сказал, что судно со всем своим дерьмом отправилось в Эдж. Я еще подумал: «Что-то далековато для баржи без мант».

— Заткнись, Обем. — Второй опускается на корточки перед Консулом. — И что, мужик, ты держишь золото на этой дырявой барже?

Консул поднимает голову:

— Вы не узнали меня? Я был Консулом Гегемонии на Гиперионе. Много лет.

— Эй, хватит пудрить мозги… — говорит бандит с ножом, но второй прерывает его.

— Да, мужик, припоминаю, я видел твою личность в лагерной голонише, когда был пацаном. Но какого дьявола ты тащишь золото вверх по реке, когда небо того и гляди сверзится всем нам на голову? Отвечай!

— Мы хотели укрыться в Башне Хроноса, — говорит Консул, стараясь ничем не выдать своей радости и вознося хвалу судьбе за каждую лишнюю секунду жизни. Почему? Ведь он так устал от всего. Готовился умереть. Но только не сейчас. Не сейчас, когда Сол с Рахилью и другие надеются на него. — Несколько самых богатых жителей Гипериона, — продолжает он. — Военные, ведавшие эвакуацией, не позволили им забрать с собой слитки, и я согласился помочь. Хотел укрыть золото в подвалах Башни Хроноса — это старый замок к северу от Уздечки. За комиссионные, конечно.

— Ну, ты рехнулся! — насмешливо восклицает тип с ножом. — Теперь вся земля к северу отсюда Шрайкова.

Консул роняет голову: ему незачем изображать усталость и разочарование побежденного.

— И мы это поняли. Матросы-андроиды дезертировали на прошлой неделе, а Шрайк убил пассажиров. Я остался один и решил спуститься

вниз по реке.

— Брехня, — говорит тип с ножом. Его глаза снова загораются недобрым, мутным огнем.

— Погоди, — вмешивается его товарищ и наотмашь бьет Консула по лицу. — И где он теперь, твой золотой корабль, а, старик?

Консул ощущает во рту соленый вкус крови.

— В верхнем течении реки. Но не на самой реке, а в притоке.

— Во-во, — говорит бандит с ножом и прикладывает лезвие к шее Консула. Чтобы перерезать жертве горло, достаточно просто повернуть нож. — Слушай меня, Чез: брехня все это. Только время потеряем.

— Погоди! — рявкает второй. — Вверх по реке, значит. И далеко отсюда?

Консул вспоминает притоки, над которыми летел последние несколько часов. Уже поздно. Солнце на западе почти касается ветвей.

— Да прямо за шлюзами Карла, — говорит он.

— А чего ты бросил баржу и полетел на этой фитюльке?

— За помощью, — отвечает Консул. Действие адреналина давно прошло, и сейчас он испытывает страшный упадок сил, граничащий с отчаянием. — На берегах очень много… банди-

тов. Мне показалось, что баржа — это слишком рискованно. Ковер-самолет надежнее.

Тот, которого зовут Чезом, смеется.

— Убери-ка нож, Обем. Прогуляемся вверх по реке, а?

Обем вскакивает. Он и не думает убирать нож, но теперь лезвие — и гнев — обращены на Чеза.

— Ты, что, рехнулся? Голова у тебя на плечах или куча дерьма? Ему помирать неохота, вот он и тянет резину. Разве не видишь?

Чез и бровью не ведет.

— Конечно, врать ему никто не мешает. Ну и что? До шлюзов ходу полдня. Ни баржи, ни золота — режешь ему глотку. Тихо-тихо, медленно-медленно. Есть золото — все равно можно поиграть ножиком. Только уже с золотишком в кармане. Ну и как?

Мысли Обема мечутся между злобой и алчностью. Отскочив в сторону, он одним ударом перерубает восьмисантиметровую невиллонию и еле успевает отпрянуть, как дерево с треском падает на речной откос. Схватив Консула за шиворот, бандит рычит ему в лицо:

— Ну, ладно, гегемон, посмотрим на твои сокровища. Закричишь-побежишь-упадешь-споткнешься — буду резать уши и пальцы. Просто

так, для тренировки. Понял?

Консул с трудом поднимается, и все трое скрываются под сенью низких деревьев. Чез впереди, Обем замыкает шествие, а между ними еле тащится Консул — назад, туда, откуда прибыл, прочь от города, корабля и всех надежд спасти Сола и Рахиль.

Минул час. Консул никак не придумает, что ему делать, когда они дойдут до места и не обнаружат там баржи. Несколько раз Чез знаками призывает их затихнуть и затаиться. Один раз — когда на деревьях завозились птицы, второй — когда донесся какой-то шум с того берега. Похоже, во всей округе ни души. Помощи ждать неоткуда. Консул вспоминает выгоревшие здания вдоль реки, пустые хижины, голые причалы. Страх перед Шрайком, страх прошляпить эвакуацию и остаться на поживу Бродягам, а также многомесячные бесчинства дезертиров из сил самообороны опустошили местность не хуже чумы. У Консула одна надежда: когда они подойдут вплотную к шлюзам, он попытается прыгнуть в реку и доплыть со связанными руками до лабиринта островков ниже по течению. Там можно укрыться.

Только ему не доплыть до них и с развязанными руками. Сил нет. Кроме того, у бандитов

винтовки, и они в два счета прикончат его. Даже с десятиминутной форой. Консул слишком измучен, чтобы шевелить извилинами, слишком стар для героических деяний. Он думает о жене и сыне, погибших много лет назад при бомбардировке Брешии. Их убили люди, знавшие о чести не больше, чем эти шакалы. Консул сожалеет лишь об одном — что не выполнил обещания, не сумел помочь своим спутникам. Вот о чем он думает и еще о том, что теперь не узнает, чем все кончится.

Обем, идущий сзади, смачно сплевывает:

— Ну его к псам, Чез, а? Давай посадим его и немножко порежем, чтобы заговорил, а?

Чез трет глаза — пот так и льет с его лба, — смотрит на Консула и, глубокомысленно сдвинув брови, отвечает:

— Во-во, так оно быстрее и надежнее. Ты прав. Только постарайся, чтобы язык у него шевелился до конца.

— Спрашиваешь! — ухмыляется Обем, забрасывая винтовку на плечо и вытаскивая свой суперкинжал.

— НЕ ДВИГАТЬСЯ! — раздается сверху громовой голос.

Консул падает на колени, а бандиты с профес-

сиональной прыткостью вскидывают винтовки. Налетает порыв ветра, поднимая пыль и раскачивая деревья. Консул задирает голову — как раз чтобы заметить некую судорогу облачной пелены, скользящую чуть ниже самих облаков. Нечто массивное нависает над ними и начинает снижаться. В следующий миг Чез уже наводит свой игольник, а Обем целится в невидимку из гранатомета, но тут же все трое падают ничком. Не сраженные автоматной очередью и не как игрушечные человечки из задачки по баллистике, а как срубленное Обемом дерево.

Консул, рухнувший лицом в пыль и гравий, лежит не моргая, — он не в состоянии моргнуть.

Парализатор, думает он. Мысли вязнут, словно голова наполнена прогорклым маслом. Возникает маленький циклон, что-то большое и невидимое опускается между тремя распростертыми в пыли телами и берегом. Консул слышит жужжание (наверное, открывается люк) и замедляющееся тиканье и щелканье реверс-турбин. Он все еще не в состоянии ни моргнуть, ни поднять головы. Поле его зрения сводится к нескольким камешкам, горке песка и микролужайке с одиноким муравьишкой-архитектором, на таком расстоянии просто огромным. Муравей вдруг

проявляет интерес к влажному, немигающему глазу Консула. Он разворачивается и направляется к этой блестящей штуке, а Консул мысленно молит идущие к нему ноги идти быстрее.

Его берут под руки. Знакомый, дрожащий от волнения голос произносит:

— Черт возьми, да вы растолстели.

Каблуки Консула бороздят грязь, проезжая по скрюченным пальцам Чеза… или Обема… Консул не может оглянуться, чтобы посмотреть. Он не видит и своего спасителя, воспаряя в воздух под ворчливую литанию негромких ругательств. Затем он вплывает в откидной люк-фонарь скиммера (камуфляж отключен) и падает на мягкую кожу откидного пассажирского сиденья.

Перед Консулом появилось мальчишеское лицо генерал-губернатора Гипериона Тео Лейна. Освещенный красными сигнальными огонька-ми, сейчас он смахивает на довольного чертенка. Наклоняясь к Консулу, чтобы защелкнуть ремни безопасности, его бывший заместитель смущенно произносит:

— Извините, что пришлось парализовать и вас за компанию.

Тео выпрямляется, застегивает собственные ремни и берется за рычаги. Скиммер под ним

вздрагивает, отрывается от грунта, на секунду зависает и начинает плавно подниматься. Ускорение вдавливает Консула в сиденье.

— Не было особого выбора, — вплетается в негромкий рокот двигателя голос Тео. — На скиммерах не разрешают ставить никакого оружия, кроме полицейских парализаторов. Свалить всех вас на самой щадящей высоте и быстренько похитить ваше превосходительство — я подумал, что это самый безопасный способ. — Знакомым движением большого пальца Тео подталкивает свои древние очки вверх и, улыбаясь, оборачивается к Консулу. — Старая поговорка наемников: «Убивай всех подряд, бог сам рассортирует». Помните?

Консул находит в себе достаточно сил, чтобы пошевелить языком и выдавить какой-то звук, при этом слюна стекает по щеке и капает на кожаное сиденье.

— Передохните, — говорит Тео, сосредоточиваясь на приборах. — Еще две-три минуты, и вы сможете разговаривать. На такой высоте особой скорости не разовьешь, так что в Китсе будем минут через десять. — Он бросает взгляд на своего пассажира. — Вам повезло, сэр. Должно быть, ваш организм здорово обезвожен. Те двое как пова-

лились, так и обмочились. Гуманная штука этот парализатор, но можно здорово оконфузиться, если под рукой нет запасных штанов.

Консул пытается высказать свое мнение об этом «гуманном» оружии, но у него ничего не получается, и Тео Лейн вытирает щеку бывшего начальника своим носовым платком.

— Еще пара минут, сэр. Должен предупредить вас: когда паралич проходит, это чертовски неприятное ощущение.

В ту же секунду в тело Консула впиваются тысячи булавок.

— Черт возьми, как ты меня нашел? — спрашивает Консул. До города еще несколько километров. Они по-прежнему летят над рекой. Теперь Консул в состоянии сидеть не горбясь и говорить более или менее членораздельно, но он рад, что пока можно не вставать.

— Что, сэр?

— Я спрашиваю, как ты меня нашел? Откуда ты узнал, что я возвращаюсь, и притом вдоль реки?

— Получил мультиграмму от Гладстон. Прямо на наш старый аппарат горячей линии.

— Гладстон? — Консул трясет руками, пытаясь вернуть к жизни какие-то резиновые сосиски, которые болтаются на месте пальцев. — Она-то

откуда узнала? Приемник бабушкиного комлога я оставил в долине, чтобы связаться с остальными, когда доберусь до корабля. Ничего не понимаю!

— Я не в курсе, сэр, но она точно указала ваше местонахождение и сообщила, что у вас неприятности. Сказала даже, что вы летите на коврике.

Консул недоуменно качает головой:

— У этой дамы источники информации, которые нам и не снились, Тео.

— Видимо так, сэр.

Консул внимательно оглядывает друга. Тео Лейн занимает пост генерал-губернатора нового протектората уже год с лишним, но старые привычки забываются не скоро. Обращение «сэр» — одна из них, рецидив семи лет службы в должности вице-консула и главного референта при Консуле. В последнюю их встречу с этим молодым человеком (теперь уж и не столь молодым, внезапно осознает Консул, груз ответственности избороздил лоб Тео глубокими морщинами) Тео рвал и метал, оттого что Консул не согласился занять пост генерал-губернатора. Это было немногим больше недели назад. В другую эпоху.

— Кстати, — говорит Консул, старательно выговаривая каждое слово, — благодарю тебя, Тео.

Генерал-губернатор, погруженный в раздумья,

рассеянно кивает. Он ни о чем не спрашивает Консула, не интересуется судьбой остальных паломников. Река под ними становится шире и делает поворот. Гранитные лбы невысоких скал по обеим сторонам Хулай розовеют в лучах заката. Кроны вечноголубых невиллоний трепещут на ветру.

— Тео, как это ты сам вырвался сюда? У тебя там, в Китсе, наверное, светопреставление.

— Более чем. — Включив автопилот, Тео поворачивается к Консулу. — До вторжения Бродяг остались считанные часы, а может, и минуты.

Консул меняется в лице:

— Вторжения? Ты хочешь сказать, высадки?

— Какая разница?

— А как же флот Гегемонии?

— Отступает в беспорядке. Они и так едва сдерживали атаки Роя, а когда Бродяги вторглись в Сеть…

— Как в Сеть?!

— Уже пало несколько систем. Другим угрожает вторжение. Штаб ВКС приказал флоту отступать через военные порталы, но, судя по всему, корабли так и не смогли оторваться от противника. Информации никакой, но и без того ясно, что у Бродяг развязаны руки. ВКС держат оборону

только вокруг сфер сингулярности и порталов.

— А космопорт? — Консул словно воочию видит на месте своего корабля груду обломков.

— Пока не бомбят, но ВКС спешно выводят свои и вспомогательные корабли. Они оставили там лишь кучку морских пехотинцев.

— А что же эвакуация?

Тео смеется. Консулу кажется, что этот горький смех срывается с губ кого-то другого, а не его помощника.

— Вся эвакуация сводится к драке. Дипломаты и чиновники Гегемонии сражаются за место на последнем челноке.

— И даже не пытаются спасти мирных жителей?

— Сэр, они не в силах спасти даже своих близких. По дипломатической мультилинии дошли слухи, что Гладстон решила пожертвовать мирами, к которым движутся Рои, чтобы отвлечь их от Сети. Она надеется таким способом перегруппировать войска и выгадать несколько лет на укрепление обороны.

— Боже мой, — шепчет Консул. Большую часть жизни он прикидывался слугой Гегемонии, вынашивая планы ее уничтожения, чтобы отомстить за бабушку. Но теперь одна только мысль, что все

это происходит на самом деле…

— Что слышно о Шрайке? — спрашивает он немного погодя, завидев впереди низкие белые здания Китса. Солнечные лучи касаются горных вершин и речной глади — последнее благословение перед приходом тьмы.

Тео качает головой.

— Кое-какие сообщения поступают, но теперь роль главного пугала узурпировали Бродяги.

— Так он не появился в Сети?

Генерал-губернатор недоуменно глядит на Консула.

— Шрайк? В Сети? Как он может там очутиться? На Гиперионе до сих пор не разрешили ставить порталы. А возле Китса, Эндимиона и Порт-Романтика его пока не видели. До крупных городов он не добрался.

Консул не отвечает, но в душе криком кричит: «Господи, мое предательство… все зря! Я продал душу, чтобы Гробницы Времени раскрылись, а Шрайк и не думает губить Сеть… Бродяги! Они нас перехитрили. Предав Гегемонию, я сыграл им на руку!»

— Послушайте, — вдруг охрипшим голосом произносит Тео, касаясь руки Консула. — Гладстон не просто так приказала мне бросить все и

найти вас. Она санкционировала освобождение вашего корабля…

— Слава Богу! — восклицает Консул. — Я могу…

— Подождите! Вы не должны возвращаться в Долину Гробниц. Она хочет, чтобы вы курсировали по системе, избегая оборонительного периметра ВКС, и в конце концов вошли в контакт с руководством Роя.

— Роя?! Почему я должен…

— Секретарь Сената надеется, что вы вступите с ними в переговоры. Каким-то образом ей удалось дать им знать, что вы вот-вот появитесь. Она считает, раз вы знакомы с ними, то они вас подпустят… не расстреляют ваш корабль. Правда, никаких гарантий она не получила. Так что дело рискованное.

Консул откидывается на спинку кожаного сиденья. Он чувствует себя так, будто вновь попал под нейропарализатор.

— Переговоры? И о чем, черт возьми, мне с ними переговариваться?

— Гладстон свяжется с вами по мультилинии, когда вы вылетите с Гипериона. Это нужно сделать срочно. Сегодня. Прежде чем миры первой волны будут захвачены Роями.

Консул слышит слова «миры первой волны», но

не спрашивает, входит ли в их число его любимая Мауи-Обетованная. Возможно, думает он, так лучше, и заявляет:

— Дудки. Я возвращаюсь в долину.

Тео поправляет очки.

— Она не допустит этого, сэр.

— Да? — Консул улыбается. — Как же она меня остановит? Расстреляет корабль?

— Не знаю, но сказала, что не допустит. — В голосе Тео звучит искреннее огорчение. — На орбите находятся факельщики и сторожевики ВКС, сэр. Эскорт последней группы катеров.

— Хорошо. — Консул все еще улыбается. — Пусть попробуют меня сбить. Все равно за двести лет еще ни одному кораблю с людьми на борту не удалось сесть в районе Гробниц. Корабли садились благополучно, вот только люди исчезали. Прежде чем меня подстрелят, я уже буду болтаться на дереве Шрайка. — Консул на миг прикрывает глаза и представляет, как его опустевший черный звездолет садится в пустыне. Сол, Дюре и чудесным образом возвратившиеся остальные спешат укрыться в корабле, чтобы откачать в операционной Хета Мастина и Ламию Брон и погрузить кроху Рахиль в спасительную криогенную фугу.

— Господи, — шепчет Тео, и дрожь в его голосе возвращает Консула к реальности.

Они миновали последнюю излучину перед городом. Утесы здесь выше, их череда заканчивается горой с изваянием Печального Короля Билли. Уже коснувшееся горизонта солнце освещает низкие облака и здания на вершинах восточных холмов.

Над городом бушует война. Лазерные лучи сверху и снизу пронзают облака. Корабли вьются в воздухе, как мошки, и горят, как мотыльки, подлетевшие слишком близко к манящему огню лампы; из облаков вываливаются парапланы и прозрачные пузыри левитаторов. Враг осаждает столицу планеты — Китс. Бродяги явились на Гиперион.

— Боже мой! — в ужасе шепчет Тео.

На лесистом хребте северо-западнее города вспыхивает огонек. Переносной ЗРК. Оставляя дымный след, из леса прямо на их скиммер с гербом Гегемонии несется ракета.

— Держитесь! — кричит Тео, переходит на ручное управление и, дергая переключатели, резко опрокидывает скиммер на правый борт, пытаясь попасть внутрь радиуса разворота маленькой ракеты.

Взрыв в кормовой части. Консул повисает на ремнях безопасности и на мгновение слепнет. Когда зрение возвращается к нему, он видит, что кабина полна дыма. Во мраке мигают красные аварийные глазки, и хор тревожных зуммеров рапортует о выходе из строя самых разнообразных систем. Тео наваливается на штурвал.

— Держитесь, — снова произносит он потерявшие всякий смысл слова. Бешено крутясь вокруг своей оси, скиммер на мгновение находит под собой опору, вновь теряет ее и, кувыркаясь, падает на горящий Китс.

Глава тридцать шестая

Я моргнул и широко раскрыл глаза, не сразу сообразив, где нахожусь. Какой-то огромный сумрачный зал… Ах да, собор Святого Петра. Пасем. Надо мною склонились обеспокоенные лица монсеньора Эдуарда и отца Поля Дюре, едва различимые в слабом свете свечей.

— Сколько я… проспал? — Мне показалось, что я всего на несколько секунд окунулся в мерцающую полудрему — преддверие мирного, глубокого сна.

— Десять минут, — сказал монсеньор. — Вы

можете нам рассказать, что видели?

Я не видел причин для отказа. Выслушав мой рассказ, монсеньор Эдуард осенил себя крестным знамением.

— Боже мой, так посол Техно-Центра уговаривает Гладстон послать людей в эти… туннели!

Дюре коснулся моего плеча.

— Я переговорю с Истинным Гласом Мирового Древа на Роще Богов и прибуду к вам на ТКЦ. Мы должны объяснить Гладстон всю чудовищность этого плана.

Я кивнул. Мечты отправиться с Дюре на Рощу Богов или даже на Гиперион тут же улетучились.

— Согласен. Медлить нельзя. Ваш портал… можно мне воспользоваться Папскими Дверями, чтобы попасть на Центр Тау Кита?

Монсеньор встал и выпрямился. Внезапно я понял, что он очень стар. Его тело ни разу не подвергалось поульсенизации.

— Конечно. Это портал с наивысшим приоритетом, — пояснил он и обернулся к Дюре: — Поль, ты знаешь, что я отправился бы с тобой. Но похороны Его Святейшества, выборы нового Папы… — Монсеньор Эдуард с сожалением вздохнул. — Странно, но повседневная суета не

оставляет нас даже накануне всеобщей катастрофы: варвары будут на Пасеме меньше чем через десять стандартодней.

Высокий лоб Дюре в свете свечей отливает золотом.

— Друг мой, дело Церкви не суета повседневная, а нечто большее. Побеседовав с тамплиерами, я сразу же отправлюсь на ТКЦ, чтобы вместе с господином Северном убедить Гладстон не принимать предложение Техно-Центра. А затем, Эдуард, я вернусь, и мы вместе попытаемся проникнуть в смысл этой странной ереси.

Я вышел вслед за ним в боковую дверь базилики, которая вела под высокую колоннаду, миновал открытый дворик (дождь прекратился, и воздух приятно освежал лицо), спустился по лестнице и попал через узкий туннель в папские покои. Швейцарские гвардейцы в передней вытянулись перед нами по стойке «смирно». Это были здоровяки в латах и полосатых желто-синих рейтузах, правда, их церемониальные алебарды являлись одновременно новейшими лучеметами. Один из них выступил вперед и что-то шепнул монсеньору.

— Господин Северн, на главный терминекс только что прибыл человек, который спраши-

вает вас.

— Меня? — Я вслушивался в голоса в соседних комнатах — мелодичное журчание молитв, повторяемых скороговоркой. Должно быть, шла подготовка к похоронам Папы.

— Да, некий господин Хент. Говорит, что дело не терпит отлагательств.

— Еще минута, и мы встретились бы с ним в Доме Правительства, — удивился я. — Ну что ж, пусть войдет, если это не возбраняется.

Монсеньор Эдуард кивнул и что-то тихо приказал швейцарцу, который, в свою очередь, пошептался с декоративным зубцом на своем старинном панцире.

Так называемые Папские Двери — небольшой портал в замысловатой раме с золотыми серафимами и херувимами по бокам и пятью барельефами наверху (они изображали грехопадение Адама и Евы и их изгнание из Эдема) — стояли в центре хорошо охраняемой комнаты в личных покоях Папы. Созерцая свои озабоченные отражения в зеркалах, которые висели на всех четырех стенах, мы стали ждать.

В сопровождении того же священника, что провожал меня к монсеньору, появился Ли Хент.

— Северн! — вскричал главный советник Глад-

стон. — Вы срочно нужны секретарю Сената.

— Именно к ней я и собирался сейчас. Хочу предупредить, что, если она позволит Техно-Центру создать и пустить в ход его адское оружие, случится непоправимое.

Хент заморгал, что придало весьма комичное выражение его длинной физиономии.

— Северн, вы что, всеведущи?

Я не мог не рассмеяться.

— Маленький ребенок, забравшийся без спроса в голонишу, много видит, но мало что понимает. Тем не менее у него есть передо мной преимущество: он может переключать каналы и совсем выключить эту штуку, когда она ему надоест.

Хент уже встречался с монсеньором Эдуардом на различных государственных мероприятиях. Я представил ему отца Дюре.

— Дюре? — пробормотал Хент, и у него буквально отвисла челюсть.

Я впервые видел его растерянным. Право, это выглядело очень забавно.

— Позже все объясню, — сказал я, пожимая священнику руку. — Удачи вам на Роще Богов, Дюре. Не задерживайтесь там надолго.

— Всего час, — пообещал иезуит. — Перед разговором с госпожой Гладстон я должен отыскать

одну-единственную деталь нашей головоломки. Пожалуйста, расскажите ей как можно подробнее о том, что я видел в лабиринте. А я, когда прибуду, подтвержу ваши слова.

— Возможно, дела не позволят ей принять меня до вашего прибытия, — сказал я. — Но как бы там ни было, постараюсь быть для вас хорошим Иоанном Крестителем.

Дюре улыбнулся.

— Только не потеряйте голову, друг мой. — Он набрал код переноса на архаичной панели и, кивнув на прощание, исчез в портале.

Я повернулся к монсеньору Эдуарду:

— Уверен, все утрясется, прежде чем Бродяги доберутся до Пасема.

Дряхлый святой отец поднял руку и благословил меня:

— Идите с Богом, юноша. Чувствую, что всех нас ждут тяжелые времена, но ваше бремя будет самым тяжким.

Я покачал головой.

— Я всего лишь наблюдатель, монсеньор. Жду и вижу сны. Это не бремя.

— Ждать и видеть сны будете потом, — резко вмешался Ли Хент. — Госпожа Гладстон требует, чтобы вы были у нее сию минуту, а я должен

вернуться на совещание.

Я посмотрел на него.

— Как вы меня нашли? — задал я глупый вопрос, ибо все порталы находились под контролем Техно-Центра, а Техно-Центр сотрудничал с администрацией Гегемонии.

— Пропуск, которым снабдила вас госпожа Гладстон, весьма облегчает наблюдение за вами. — В голосе Хента звучало нетерпение. — А сейчас мы обязаны вернуться туда, где вершатся судьбы Гегемонии.

Я кивнул на прощание монсеньору и его помощнику и поманил за собой Хента. Набрав трехзначный код ТК-Центра, добавил к нему две цифры, обозначающие континент, еще три — код Дома Правительства, и, наконец, последние две — пароль тамошнего служебного терминекса. В жужжание портала вплелся какой-то писк, матовая энергозавеса нетерпеливо дрогнула.

Я первым шагнул в портал и посторонился, освобождая место для Хента.

Это явно не центральный терминекс Дома Правительства. Если зрение мне не изменяет, мы определенно попали не туда.

Секундой позже мои органы чувств, проинспектировав все вокруг — яркость солнечных лучей,

цвет неба, силу тяжести и расстояние до горизонта, запахи и *вкус* этого места, — сообщают, что мы вообще не на Центре Тау Кита.

Следовало бы тут же броситься обратно, но через узкие Папские Двери уже протискивается Хент — нога, рука, плечо, грудь, голова, вторая нога, поэтому я хватаю его за запястье, грубо вытаскиваю и, бросая ему: «Что-то не в порядке!», пытаюсь ринуться назад в портал, но слишком поздно: прямоугольный проход уменьшается до круга величиной с кулак — и исчезает.

— Где мы, черт побери? — возмущается Хент.

Я задумчиво осматриваюсь по сторонам. Хороший вопрос. Мы находимся в сельской местности, на вершине холма. Дорога вьется через виноградники, сбегает по пологому склону холма в лесистую долину и, пропадая из виду, вновь выныривает у другого холма, в миле-двух отсюда. Жарко. Воздух наполнен жужжанием и стрекотом, но ничего крупнее птицы не бороздит эти бескрайние просторы. Справа от нас между утесами сверкает голубое пятно воды — океан или море. Высоко в небе плывут перистые облака; солнце только что миновало зенит. Ни одного строения поблизости, да и вообще чего бы то ни было — только виноградники да каменистый

проселок, на котором мы стоим. Но гораздо важнее другое — беспрестанный гомон инфосферы больше не слышен. Это потрясает, как внезапное исчезновение звука, привычного с младенчества: становится жутко, замирает сердце, мысли путаются. В общем, я не на шутку перепуган.

Хент, пошатнувшись, хлопает себя по ушам, будто пропавший шум был настоящим звуком, затем стучит по комлогу.

— Проклятие, — бормочет он. — Проклятие. Имплант что-то барахлит. Комлог отключился.

— Нет, — возражаю я. — По-моему, здесь просто нет инфосферы.

Но, не успев окончить фразу, я различаю тихое, басовитое жужжание — голос чего-то более крупного и труднодоступного, чем инфосфера. Мегасфера? «Музыка сфер», — думаю я и улыбаюсь.

— Что вас так рассмешило, Северн, черт бы вас побрал? Вы это нарочно подстроили?

— Нет. Код Дома Правительства я набрал верно. — Полное отсутствие паники — тоже своего рода паника.

— В чем же дело? Проклятые Папские Двери? Неужели они? Только что это — неисправность или розыгрыш?

— Ни то ни другое. Двери работают исправно, Хент. Они привели нас туда, куда нужно Техно-Центру.

— Техно-Центру? — Остатки румянца сходят с длинного лица, когда помощник секретаря Сената вспоминает, кто контролирует порталы. — Боже мой, Боже мой. — Хент неверными шагами доходит до обочины и падает в высокую траву. Его замшевый деловой костюм и мягкие черные туфли не вяжутся с окружающей нас идиллией.

— Где мы? — спрашивает он снова.

Я набираю в грудь воздуха. Он полон запахов — свежевспаханная земля, свежескошенная трава, дорожная пыль, острый привкус моря.

— Вероятнее всего, на Земле.

— На Земле? — Мой спутник глядит в пространство невидящими глазами. — Но это не Новая Земля. И не Терра. Не Земля-2. Не…

— Просто Земля, — говорю я. — Старая Земля. Или ее копия.

— Копия?

Я сажусь рядом с ним. Выдергиваю травинку, очищаю корень. Знакомый кисловатый вкус.

— Помните, как я рассказывал Гладстон об исповедях паломников? Историю Ламии Брон? Она

и мой двойник-кибрид, первый воскрешенный Китс, посетили планету, которую сочли копией Старой Земли. В скоплении Геркулеса, если память мне не изменяет.

Хент задирает голову, словно хочет проверить мою догадку по рисунку созвездий. Голубизна вверху постепенно бледнеет, перистые облака расползаются по небосводу. «Скопление Геркулеса», — ошеломленно шепчет он.

— Ламия так и не выяснила, зачем Техно-Центр создал копию и для чего использует ее сейчас, — продолжаю я. — Первый кибрид Китса либо не знал этого, либо не сказал.

— Не сказал, — машинально повторяет Хент, качая головой. — Ладно, но как, черт возьми, мы выберемся отсюда? Я нужен Гладстон! Она не может сейчас одна… Десятки жизненно важных проблем нужно решить в ближайшие часы! — Он вскакивает и выбегает на середину дороги, исполненный решимости и энергии.

— Думаю, нам отсюда не выбраться, — замечаю я, пожевывая травинку.

Хент оборачивается. Лицо такое, будто он сию минуту набросится на меня с кулаками.

— Вы с ума сошли! Как это — не выбраться? Для чего Техно-Центру шутить такие шутки? —

Внезапно он замолкает, глядя на меня сверху вниз. — Понимаю… Они не хотят, чтобы вы говорили с нею. Вы что-то узнали, и Техно-Центр не хочет, чтобы вы поделились с Гладстон этими новостями.

— Возможно.

— Выпустите меня! А он пусть остается! — вне себя выкрикивает Хент, обращаясь к небесам.

Ответа нет. Из виноградника вылетает большая черная птица. По-моему, ворона: как во сне, припоминаю название вымершего вида пернатых.

Вскоре Хенту надоедает взывать к небесам, и он принимается расхаживать взад-вперед.

— Послушайте, всякая дорога куда-нибудь ведет. Может, даже к терминексу, — наконец произносит он.

— Может быть, — соглашаюсь я и разламываю травинку, чтобы добраться до сладкой сердцевины. — В какую сторону пойдем?

Хент смотрит на дорогу, огибающую холмы, снова оборачивается ко мне.

— Мы прошли через портал лицом вон туда, — указывает он рукой в ту сторону, где дорога ныряет в чащу.

— И далеко идти? — интересуюсь я.

— Не все ли равно! — в сердцах бросает Хент. —

Куда-нибудь да придем!

Еле сдерживая улыбку, я встаю и отряхиваю брюки. Лоб и щеки припекает солнце, и это так непривычно и странно после тьмы собора. Воздух такой теплый — одежда уже намокла от пота.

Хент торопливо сбегает с холма. Его лицо преобразилось: вместо привычной меланхоличной мины — решительный блеск в глазах и упрямо сжатые губы.

Медлительно, даже лениво переставляя ноги, пожевывая травинку и жмуря усталые глаза, следую за ним.

* * *

Полковник Кассад с криком бросился на Шрайка. Сюрреалистический ландшафт вне времени (аскетическая пластмассовая декорация из фарса о Долине Гробниц, застывшая в вязком желе, именуемом здесь воздухом), казалось, всколыхнулся, отозвавшись на неистовый порыв Кассада.

Секунду назад Шрайки заполняли собой весь мир, как в зеркальном зале: всюду полчища Шрайков, от края до края мертвой зоны окрест. Но после вскрика Кассада они слились в одно чудище, и оно сдвинулось с места. Четыре его руки вытянулись, готовые заключить полковника в

объятия клинков и шипов.

Кассад не знал, как покажет себя в бою подаренный Монетой силовой скафандр, защитит ли он его от Шрайка. Много лет назад, когда он и Монета схватились с десантниками Бродяг, скафандр проявил себя как нельзя лучше, но тогда время было на их стороне; Шрайк то размораживал, то замораживал реку минут, как скучающий зритель, который балуется с дистанционным переключателем голопроектора. Сейчас они все вне времени, и оно перестало быть их союзником. Пригнувшись, Кассад бросился в атаку, забыв обо всем на свете — и о Монете, которая не сводит с него глаз, и о фантасмагорическом терновом дереве с его жуткими плодами, чья вершина уходит за облака. И даже о самом себе, воспринимая собственное тело как боевую машину, орудие мести.

Шрайк не растворился в воздухе, не стал проделывать свой коронный трюк с исчезновением в одном месте и мгновенным появлением в другом, а лишь слегка наклонился, широко расставив руки с пальцелезвиями, на которых горели отблески небесной вакханалии. Его стальные зубы сверкнули в пародии на улыбку.

Кассад зол, как черт, но голову пока не потерял.

Вместо того чтобы ринуться в эти объятия смерти, он — в последний момент — сделал рывок в сторону и, падая на бок, изо всех сил пнул чудовище в ногу под розеткой шипов вокруг коленного сустава. Только бы сбить его с ног…

С тем же успехом он мог бы попытаться пробить полкилометра бетона. Только амортизаторы скафандра спасают ногу Кассада от неминуемого перелома.

Шрайк среагировал быстро, но не с такой уж невероятной скоростью. Его правые руки молниеносно обрушились вниз, и десять пальцелезвий с маху вонзились в камень. Во все стороны полетели искры. Стальные руки вновь со свистом рассекли воздух, но Кассад был уже вне их досягаемости; покатившись кубарем по песку, он вскочил и, пригнувшись, выставил перед собой руки с растопыренными, жесткими, налитыми энергией пальцами.

«Единоборство, — успел подумать Федман Кассад. — Самое благородное таинство, как утверждает Нью-Бусидо».

Шрайк вновь сделал ложный выпад правыми руками и одновременно резко выбросил вверх нижнюю левую — еще немного, и он проломил бы грудную клетку и вырвал у полковника сердце.

Кассад блокировал ложный выпад правым предплечьем, погасив инерцию удара полем скафандра, и тут же перехватил смертоносный кулак левой руки чудовища — чуть выше запястья, как раз над розеткой острых, кривых шипов. Невероятно, но полковнику удалось ослабить удар: острые скальпели пальцелезвий лишь оцарапали скафандр, так и не дойдя до тела.

Силясь удержать железную лапу, Кассад чуть не взлетел, но ложный выпад Шрайка вернул его на землю. По его телу под скафандром градом катился пот, мускулы напряглись до предела, казалось, еще немного — и они лопнут… Почти двадцать секунд полковник противостоял этой железной хватке, после чего Шрайк пустил в ход свою четвертую руку, рубанув по напряженной ноге Кассада.

Кассад закричал от дикой боли — ткань скафандра порвалась, и так же легко порвалась плоть: по меньшей мере одно пальцелезвие добралось до самой кости. Он ударил чудовище ногой, отпустил запястье и откатился в сторону.

Шрайк снова замахнулся. На этот раз металлический кулак просвистел в нескольких миллиметрах от уха Кассада. Затем чудовище отскочило назад и начало обходить полковника справа.

Кассад попытался встать на левое колено, упал навзничь, но затем все-таки поднялся. Боль ревела ураганом в его ушах, окрашивая все вокруг в багровый цвет, но, раскачиваясь, как пьяный, из стороны в сторону, едва не теряя сознание, полковник почувствовал: скафандр над раной начал срастаться, выполняя одновременно роль жгута и повязки! Нога пока не слушалась, но кровотечение унялось, боль стала терпимой. Похоже, скафандр был оснащен мини-анестезаторами — вроде тех, что встроены в его собственный боевой панцирь ВКС.

В ту же секунду Шрайк ринулся в атаку.

Кассад с силой выбросил вперед здоровую ногу, целясь в гладкий островок на хромовом панцире под нагрудным «гребнем». Это все равно что походя пнуть корпус звездолета-факельщика, но Шрайк — Господи, неужели такое возможно? — замедлил движение и, шатаясь, попятился.

Кассад сделал шаг вперед и, сконцентрировав всю энергию в кулаке, обрушил его в ту же точку, туда, где должно прятаться сердце чудища. Раз, еще раз — от таких ударов даже армированная керамика разлетелась бы вдребезги. Не обращая внимания на боль в отбитых пальцах, Кассад резко повернулся и ребром ладони ударил Шрайка

по морде чуть выше зубов. Будь его противником человек, несчастный наверняка услышал бы хруст сломанного носа и почувствовал, как кости и хрящи вонзаются ему в мозг.

Шрайк попытался схватить Кассада зубами за запястье, но, промахнувшись, занес все четыре руки над головой полковника.

Задыхаясь, исходя потом и кровью под своим ртутным скафандром, Кассад совершил стремительный пируэт и, зайдя сзади, нанес убийственный удар по короткой шее чудовища. Шум от удара эхом прокатился по замороженной долине — как будто лесоруб-великан попытался с одного маху перерубить ствол железной секвойи.

Шрайк кувыркнулся вперед и перекатился на спину, словно некое стальное ракообразное.

Упал, мерзавец!

Кассад сделал шаг вперед, все еще пригибаясь и соблюдая осторожность, но, по-видимому, недостаточно: Шрайкова бронированная то ли ступня, то ли лапа, черт ее разберет, ударила Кассада сзади в лодыжку и наполовину разрубила ее, сбив его с ног.

Полковник понял, что у него рассечено ахиллово сухожилие, и попытался откатиться в сторону, но Шрайк, спружинив, вскочил и бросился на

противника, целясь в него всеми своими шипами, колючками и клинками. Морщась от боли, Кассад выгнулся, чтобы сбросить с себя чудовище, и тут же блокировал несколько ударов, спасая глаза, в то время как бесчисленные ножи кромсали его предплечья, грудь и живот.

Шрайк наклонился к нему и открыл пасть, в которой сверкнули многочисленные ряды стальных зубов, — точь-в-точь как у миноги. Перед полковником вспыхнули громадные рубиново-красные фонари — глаза чудовища.

Кассад уперся ладонью в челюсть Шрайка и попытался использовать ее как рычаг. Это оказалось труднее, чем поднять гору металлолома с рваными краями, не имея точки опоры. Пальцелезвия Шрайка вновь впились в тело Кассада. Чудовище еще шире распахнуло пасть и запрокинуло голову, продемонстрировав шеренги зубов от уха до уха. Шрайк не дышал, но тепло, исходившее из его внутренностей, отдавало серой и горелыми железными опилками. Еще секунда, и челюсти сомкнулись бы, сдирая кожу с лица Кассада.

Но тут появилась Монета. Судя по всему, она кричала во весь голос, хотя не было слышно ни звука. Ее пальцы в силовых перчатках впились в рубиновые глаза Шрайка, и, упершись сапогом

в панцирь чудовища под спинным шипом, она принялась тянуть, тянуть изо всех сил…

Две руки Шрайка тут же взлетели вверх, как клешни какого-то кошмарного краба, пальцелезвия вонзились в Монету, и она упала, но Кассад, успев за какие-то доли секунды откатиться в сторону, вскочил на ноги и, преодолевая боль, потащил Монету к ближайшим камням.

На секунду их скафандры слились, и Кассад ощутил ее тело рядом со своим, почувствовал, как смешиваются их кровь и пот, услышал биение двух сердец.

«Убей его», — настойчиво прошептала Монета, и даже этот ее беззвучный внутренний голос срывался от боли.

«Я пытаюсь. Я пытаюсь».

Шрайк снова был на ногах, три метра хрома, клинков и адской чужой боли. Чья-то кровь — Кассада или Монеты — стекала тонкими ручейками по его запястьям и панцирю. Бессмысленная, бесовская ухмылка стала еще гаже.

Кассад отлепил свой скафандр от скафандра Монеты и осторожно опустил ее наземь, прислонив к валуну. Это не ее сражение. Во всяком случае сейчас.

И он встал между возлюбленной и Шрайком.

Какой-то слабый, но все нарастающий шум, как от прибоя, набегающего на невидимый берег, достиг его слуха. Не выпуская из поля зрения Шрайка, медленно шагающего ему навстречу, Кассад поднял глаза вверх и догадался, что странные звуки издавало терновое дерево. Распятые люди — маленькие цветные точки на металлических шипах и ветвях — помимо бессознательных стонов боли, которые Кассад уже перестал замечать, как будто выкрикивали что-то чуть слышными голосами. Они подбадривали его, Кассада!

Полковник теперь полностью сосредоточился на Шрайке, начавшем описывать вокруг него круги. Отрезанная пятка отдавалась во всем теле жесткой болью; на правую ногу вообще нельзя было опереться, и приходилось скакать на месте, держась за валун.

Отдаленные крики оборвались, словно все кричавшие разом задохнулись.

Шрайк прекратил существование «там» и возник «здесь», рядом с Кассадом, над Кассадом, его руки окружили Кассада для последнего объятия, шипы и ножи уже коснулись его. В глазах Шрайка вспыхнул огонь; и стальная пасть распахнулась.

И Кассад — воплощенная ярость и презрение

— с криком нанес ему удар.

Отец Дюре шагнул в Папские Двери и без всяких приключений попал на Рощу Богов. После пропахшей ладаном темноты папских покоев он вдруг очутился на солнцепеке, под небом золотисто-лимонного цвета, среди зеленой листвы.

У портала его уже поджидали тамплиеры. Перед Дюре была десятиметровой ширины платформа из плотинника, а за ней — ничего, или, вернее, все: кроны Рощи Богов, на все четыре стороны света, до самого горизонта. Лиственная сень колыхалась и дышала, подобно живому океану. Дюре понял, что находится где-то в верхних ветвях Мирового Древа, величайшего и наиболее почитаемого дерева Рощи Богов.

Встретившие его тамплиеры занимали важные посты в сложной иерархии Братства Мюира, но сейчас выполняли функции простых проводников. Окружив старого священника, они подвели его к увитому лианами лифту, который понесся ввысь, мимо верхних уровней и террас, где посчастливилось побывать лишь избраннейшим из мирян. Покинув лифт, они двинулись по винтовой лестнице с перилами из отборного мюира, поднимающейся к небу вокруг ствола Древа. У подножия он был необъятно широк, достигая

двухсот метров в диаметре, а на самом верху сужался до восьмиметрового «пятачка». Площадка из плотинника, на которую ступил Дюре, была украшена затейливой резьбой: на перилах переплетались виноградные лозы, со столбиков и балюстрад таращились гномы, эльфы лесные и полевые духи, русалки и дриады. Столы и стулья составляли одно целое с деревом, из которого была вытесана круглая площадка.

Отца Дюре ожидали двое. Первый — тот, кого и рассчитывал увидеть Дюре, — Истинный Глас Мирового Древа, Первосвященник Мюира, Глашатай Братства Тамплиеров Сек Хардин. Присутствие второго явилось для Дюре сюрпризом. Он увидел сутану цвета артериальной крови, отороченную черным горностаем, под которой бугрилось массивное тело лузианина. Лицо, состоящее из желваков и жира, надвое разделял крючковатый нос, маленькие глазки терялись где-то над щеками-пузырями, пухлые руки властно сцеплены, на каждом пальце — по перстню с черным или красным камнем. Дюре удостоился лицезреть самого епископа Церкви Последнего Искупления — первосвященника культа Шрайка.

Тамплиер выпрямился во весь свой двухметро-

вый рост и протянул Дюре руку.

— Отец Дюре, это большая честь — видеть вас у себя.

Дюре обменялся с ним рукопожатием, мимоходом отметив удивительное сходство руки тамплиера с древесным корнем. От длинных, сужающихся к кончикам, желтовато-коричневых пальцев исходили и тепло, и прохлада, как от древесной коры. Истинный Глас Мирового Древа был облачен в сутану с капюшоном, подобную одеянию Хета Мастина. Буро-зеленая, ничем не примечательная мешковина резко контрастировала с великолепным нарядом епископа.

— Благодарю, что согласились принять меня, господин Хардин, — учтиво склонил голову Дюре.

Истинный Глас — духовный наставник миллионов последователей Мюира, но Дюре известно, что тамплиеры не терпят титулов и подобострастия. Затем он обернулся к епископу:

— Ваше превосходительство, я и мечтать не смел о чести встретиться с вами.

Епископ культа Шрайка еле заметно кивнул:

— Я здесь с визитом. Господин Хардин полагает, что мое присутствие на вашей с ним встрече может быть в некотором роде полезно. Рад с вами

познакомиться, отец Дюре. Мы много слышали о вас за последние несколько лет.

Тамплиер жестом указал Дюре на место напротив себя и епископа. Дюре сел и положил на полированную столешницу руки, делая вид, что не в силах оторваться от восхитительного узора древесины. Половина спецслужб Гегемонии сбилась с ног в поисках епископа культа Шрайка, и его присутствие здесь грозило непредвиденными осложнениями.

— Не правда ли, знаменательно, — начал епископ, — что в этот день здесь сошлись представители трех глубочайших верований человечества?

— Да, — без промедления отозвался отец Дюре. — Глубочайших, но вряд ли правомочных представлять большинство людей. Из почти ста пятидесяти миллиардов душ Католическая Церковь может претендовать на неполный миллион. Паства Шр… э-э Церкви Последнего Искупления насчитывает от пяти до десяти миллионов. А сколько сейчас тамплиеров, господин Хардин?

— Двадцать три миллиона, — тихо ответил тот. — Многие миряне поддерживают наши экологические начинания и рады вступить в наши ряды, но братство не допускает в свое лоно по-

сторонних.

Епископ потер один из своих подбородков. Кожа у него была очень бледная, и он постоянно щурился, словно с непривычки к дневному свету.

— Дзен-гностики заявляют, что у них сорок миллиардов приверженцев, — внезапно громыхнул он. — Но что это за религия такая? Без храмов. Без священников. Без святых книг. Без всякого понятия о грехе.

Дюре улыбнулся:

— По-видимому, именно это верование наиболее созвучно современности. И не только современности. Ему уже много веков.

— Тьфу! — Епископ хлопнул ладонью по столу, и Дюре поморщился, услышав стук металлических перстней по мюиру.

— Откуда вы меня знаете? — спросил он.

Тамплиер вместо ответа приподнял голову, и Дюре увидел мельтешение солнечных бликов на его носу, щеках и длинном подбородке, исчезающем в тени капюшона.

— Мы вас выбирали, — буркнул епископ. — И вас, и других паломников.

— Вы, то есть Церковь Шрайка? — спросил Дюре.

Епископ нахмурился и молча кивнул.

— Зачем вам мятежи? — продолжал Дюре. — Зачем проливать кровь, когда Гегемонии угрожает опасность?

Епископ вновь потер свой многоярусный подбородок. В лучах заката сверкнули красные и черные камни на перстнях. За его спиной шуршал миллионами листьев вечерний бриз, пахнущий дождем и цветами.

— Затем, что наступили последние дни. Сбывается то, что Аватара предрек нам много столетий назад. То, что вы именуете мятежами, есть начало предсмертных судорог цивилизации, заслужившей свою гибель. Дни Искупления наступили, и Повелитель Боли скоро появится среди нас.

— Повелитель Боли? — повторил Дюре. — То есть Шрайк?

Как бы желая смягчить резкость епископа, тамплиер умоляюще взмахнул рукой и заговорил:

— Отец Дюре, мы ведаем о вашем чудесном возрождении.

— Это не чудо, — возразил Дюре. — А всего-навсего каприз паразита, прозванного крестоформом.

Длинные желтовато-коричневые пальцы снова описали дугу в воздухе.

— Как бы вы ни относились к этому факту, святой отец, Братство радуется, что вы опять с нами. Пожалуйста, задайте нам вопросы, о которых вы упомянули ранее.

Дюре погладил ладонями деревянный стул и покосился на сидящую напротив красно-черную глыбу — епископа.

— Ваши организации некоторое время работали совместно, не так ли? — сказал Дюре. — Братство Тамплиеров и Церковь Шрайка.

— Церковь Последнего Искупления! — низким басом рявкнул епископ.

Дюре кивнул.

— Пусть так. Но почему? Что вас объединяет?

Истинный Глас Мирового Древа наклонился вперед, и лицо его снова нырнуло в тьму капюшона.

— Поймите, святой отец, в пророчествах Церкви Последнего Искупления много общего с миссией, порученной нам Мюиром.

Только в них содержится правда о каре, ниспосланной человечеству за уничтожение его собственного мира.

— Старую Землю сгубило вовсе не человечество, — возразил Дюре. — Всему виной — и это общеизвестный и бесспорный факт — ошибка

компьютера при работе Киевской Группы с миниатюрной черной дырой.

Тамплиер покачал головой.

— Всему виной людская самонадеянность, — сказал он негромко. — Самонадеянность, заставившая истребить все виды, у которых со временем мог развиться разум. Алуиты Сенешаи, цеппелины Вихря, болотные кентавры Сада и крупные приматы Старой Земли…

— Да, — согласился Дюре. — Все так. Но разве этого достаточно для вынесения всему роду человеческому смертного приговора?

— Приговор был вынесен силой куда более великой, чем мы с вами, — громоподобно возгласил епископ. — Пророчества ясны и исчерпывающи. Близится День Последнего Искупления. Все, кто унаследовал грехи Адама и Каина, ответят за уничтожение и своего мира, и многих других. Повелитель Боли освобожден от уз времени, дабы привести в исполнение последний из приговоров. Нет спасения от гнева его. Никому не избежать Искупления. Так решила Сила, намного превосходящая нас.

— Это правда, — твердо произнес Сек Хардин. — Мы получали пророчества. Каждый следующий Глас Истинный — из поколения в поколение —

слышал их. Человечество обречено, но его гибель от рук провидения обернется новым Золотым веком для девственной природы во всех уголках теперешней Гегемонии.

Закаленный логикой иезуитов, преданнейший из сторонников Тейяра де Шардена, отец Поль Дюре испытал, как ни странно, острое искушение прокомментировать реплику Хардина; «Но, черт возьми, для чего этот Золотой век, если некому будет любоваться им и вдыхать аромат девственных трав?» Но вместо этого спокойно заметил:

— А вам не кажется, что все эти пророчества вовсе не божественное откровение, а козни неких мирских сил?

Тамплиер дернулся, как от пощечины, епископ же, сжав свои лузианские кулаки-гири, способные одним ударом раздробить череп Дюре, подался вперед и прорычал:

— Ересь! Смерть всякому, кто усомнится в истинности откровений!

— Разве есть сила, способная на такое? — с трудом выдавил из себя Истинный Глас Мирового Древа. — Кто, помимо Абсолюта Мюира, может входить в наши умы и души?

Дюре указал на небо.

— Господин Хардин, уже много веков все миры

Сети соединены между собой через инфосферу Техно-Центра, и у большинства людей есть комлоги и импланты для облегчения доступа к ней… Разве у вас их нет?

Тамплиер промолчал, но Дюре отметил легкое подергивание желтоватых пальцев, словно Хардин намеревался ощупать грудь и плечо — давнее обиталище микроимплантов.

— Техно-Центр создал сверхъестественный… Разум, — продолжил Дюре. — Он поглощает невероятное количество энергии, способен перемещаться во времени и в своих поступках руководствуется отнюдь не интересами людей. Более того, значительная группа элементов Центра добивается истребления человечества… По-видимому, и Большую Ошибку подстроили участвовавшие в эксперименте ИскИны, а то, что представляется вам пророчеством, — не более чем голос этого пресловутого бога из машины, нашептывающего нужные ему идеи через инфосферу. И Шрайк не поведет человечество на суд, а просто перебьет всех мужчин, женщин и детей для реализации каких-то замыслов этой машины.

Пухлое лицо епископа побагровело. Грохнув кулаками по столу, он с усилием поднялся. Но

тамплиер, накрыв его руку своей, удержал его и каким-то образом заставил снова сесть.

— Кто навел вас на эту мысль? — тихо спросил Сек Хардин.

— Паломники, имеющие доступ к Техно-Центру. И… другие лица.

Епископ погрозил Дюре кулаком.

— Но Аватара самолично прикасался к вам — и не единожды, а дважды! Он даровал вам гарантию бессмертия, и вам как никому дано постичь, что представляет собой его награда для Избранных — тех, кто готовит Искупление еще до наступления последних дней!

— Шрайк даровал мне боль, — просто ответил Дюре. — Боль и страдание, превосходящее всякое воображение. Я дважды встречался с этим существом и готов поклясться, что это не божество и не демон, а просто органическая машина из кошмарного будущего.

— Тьфу! — Епископ сделал презрительный жест и, сложив руки на груди, уставился в пространство.

Огорченный тамплиер немного помолчал, затем, подняв голову, негромко спросил:

— Вы хотели что-то узнать у меня?

Дюре перевел дух:

— Да. Хотел задать вам несколько вопросов и, увы, известить о печальном событии: Истинный Глас Древа Хет Мастин умер.

— Нам это известно, — ответил тамплиер.

Дюре замолк. Каким образом эта информация попала на Рощу Богов? Впрочем, это не имело теперь никакого значения.

— Я хотел узнать у вас, почему он отправился в паломничество. Что это была за миссия, до завершения которой ему не суждено было дожить? Мы все рассказали наши… наши истории. Все, кроме Хета Мастина. И теперь меня гложет мысль, что именно в его судьбе ключ ко многим тайнам.

Епископ мельком посмотрел на Дюре и едко усмехнулся:

— Мы не обязаны извещать тебя ни о чем, священник мертвой религии.

Сек Хардин долго молчал, словно собираясь с силами, и наконец заговорил:

— Хет Мастин добровольно вызвался донести Слово Мюира до Гипериона. Пророчество, которое веками таилось в корнях нашего верования, гласит, что с наступлением тревожных времен один из нас будет призван, чтобы отправиться на корабле-дереве на Святой Мир, сподобится лицезреть там гибель своего корабля, а затем

возродит его в качестве вестника Искупления и дела Мюира.

— Следовательно, Хет Мастин знал, что «Иггдрасиль» будет уничтожен на орбите?

— Да. Это было предсказано.

— И он с помощью корабельного эрга должен был вывести в космос новый корабль-дерево?

— Да, — ответил тамплиер еле слышно. — Древо Искупления, которое должен был передать ему Аватара.

Дюре откинулся на спинку стула.

— Понимаю. Древо Искупления… Терновое дерево… Хет Мастин испытал настоящий шок во время гибели «Иггдрасиля». Затем он был перенесен в Долину Гробниц Времени и предстал перед терновым деревом Шрайка, но так и не сумел или не смог исполнить свою миссию. Терновое дерево — чудовищный сгусток смерти, страдания, боли… Хет Мастин не представлял, что его ожидает. Или же это оказалось выше его сил. Во всяком случае, он бежал. И умер. Собственно говоря, я так и предполагал, только не мог понять, какую во всем этом роль отвел ему Шрайк.

— Да что вы там мелете? — взорвался епископ. — Древо искупления описано в пророчествах! Оно будет сопутствовать Аватаре в час

последней жатвы. Вашему Мастину следовало почитать за великую честь, что именно ему выпало счастье вести древо сквозь пространство и время.

Дюре лишь покачал головой.

— Мы ответили на ваш вопрос? — спросил Сек Хардин.

— Да.

— В таком случае потрудитесь ответить на наш, — властно заявил епископ. — Что случилось с Матерью?

— Какой матерью?

— С Матерью Нашего Спасения. Невестой Искупления. С той, которую вы зовете Ламией Брон.

Дюре вернулся в прошлое, пытаясь вспомнить записанные Консулом на пленку исповеди паломников. Итак, Ламия ждала ребенка от первого кибрида Китса, и лузусские шрайкисты спасли ее от толпы и включили в состав паломничества. Кажется, она упомянула, что священники Культа Шрайка обращались с ней весьма почтительно. И… что же из этого следует? Путаница какая-то… Да, похоже, он уже не тот, прежний Дюре, сообразительный и проницательный.

— Ламия лежала без сознания, — ответил он. —

По-видимому, Шрайк забрал ее и подсоединил к какой-то штуке, вроде кабеля. Мозг не функционировал, но плод уцелел.

— А личность, которую она несла? — взволнованно перебил его епископ.

Дюре вспомнил рассказ Северна о смерти этой личности в мегасфере. Но его собеседники и не подозревали о существовании второй личности Китса — Северне, который в этот момент скорее всего старается открыть Гладстон глаза на ужасное предложение Техно-Центра. Дюре покачал головой. Все это слишком сложно.

— Я ничего не знаю о личности, которую госпожа Брон несла в петле Шрюна, — медленно произнес он. — Кабель, то есть штука, которую подсоединил к ней Шрайк, похоже, включен в разъем наподобие кортикального шунта.

Епископ кивнул, удовлетворенный ответом.

— Пророчества сбываются одно за другим. Вы выполнили свою миссию посыльного, Дюре. А сейчас мне пора. — Лузианец встал, кивнул на прощание Истинному Гласу Мирового Древа и, быстрым шагом пройдя по площадке, сбежал по лестнице к лифту.

Несколько минут Дюре и тамплиер сидели в полном молчании, убаюкиваемые шорохом ли-

стьев и тихим колыханием площадки. Небо над ними окрасилось в шафрановый цвет — Рощу Богов окутали сумерки.

— Ваше утверждение о «боге из машины», который много веков дурачил нас ложными пророчествами, — страшная ересь, — произнес наконец тамплиер.

— Вероятно. Но в долгой истории моей церкви было немало случаев, когда страшные ереси оказывались суровыми истинами, Сек Хардин.

— Будь вы тамплиером, мне пришлось бы казнить вас, — донеслось из-под капюшона.

Дюре лишь вздохнул. Возраст и усталость выветрили из его души саму способность бояться чего бы то ни было, включая смерть. Он встал и вежливо наклонил голову:

— Сек Хардин, мне пора. Простите, если невольно обидел вас. Мы переживаем безумные времена, а безумие, как вы знаете, заразительно.

«Лучшие из людей обходятся без убеждений, — вспомнил он чьи-то строки, — ну а худшие просто разрываются от страстной горячности».

Отвернувшись от Хардина, Дюре двинулся к краю платформы. И застыл на месте.

Лестница исчезла. Тридцать метров по вертикали и пятнадцать по горизонтали отделяли

его от ближайшей площадки, где ждал лифт. Мировое Древо уходило на километр или еще глубже в океан листвы. Другого выхода отсюда не было. Опершись о перила, Дюре подставил разом покрывшееся потом лицо вечернему ветру и только сейчас заметил, что на аквамариновом небе проступили первые звезды.

— Что это значит?

Фигура в сутане почти слилась с темнотой.

— Через восемнадцать стандартоминут Небесные Врата будут захвачены Бродягами. Наши пророчества гласят, что этот мир подлежит уничтожению. Несомненно, вместе с ним погибнут его порталы и мультипередатчики, то есть планета фактически прекратит свое существование. Ровно через стандарточас после этого небеса Рощи Богов озарят шлейфы военных кораблей Бродяг. Наши пророчества гласят, что члены Братства, которые останутся, и все остальные — хотя случайно оказавшиеся здесь граждане Гегемонии давно эвакуированы, — все они погибнут.

Дюре медленно вернулся к столу.

— Я должен попасть на Центр Тау Кита, — с расстановкой произнес он. — Северн… один человек ожидает встречи со мной. И еще мне необходимо переговорить с госпожой Гладстон.

— Это невозможно, — ответил Истинный Глас Мирового Древа Сек Хардин. — Мы будем ждать. Мы должны удостовериться, что пророчества верны.

Иезуит в бессильном гневе сжал кулаки, борясь с желанием наброситься на тамплиера, потом закрыл глаза и дважды повторил молитву Пресвятой Деве. Но это не помогло.

— Пожалуйста, — выдохнул он. — Пророчества будут подтверждены или опровергнуты независимо от того, здесь я или нет. А когда это случится, будет слишком поздно. Факельщики ВКС взорвут сферу сингулярности, и нуль-канал исчезнет. Мы окажемся отрезанными от Сети на много лет. Поймите, мое возвращение на Центр Тау Кита может спасти миллиарды жизней!

Тамплиер сложил руки на груди, спрятав свои длинные пальцы в складках сутаны.

— Мы будем ждать, — негромко сказал он. — Все, что предсказано, должно произойти. Через несколько минут Повелитель Боли обрушится на обитателей Сети. Я не разделяю веры епископа в то, что взыскующие Искупления будут помилованы. Отец Дюре, нам лучше остаться здесь, где конец будет скорым и безболезненным.

Дюре принялся лихорадочно рыться в уста-

лом мозгу в поисках какой-нибудь отповеди, отговорки, чего угодно. Тщетно. Он сел за стол и уставился на своего безмолвного, обезличенного капюшоном собеседника. Зажглись звезды — мириады холодных огней. Мир-лес в последний раз прошумел листвой на ветру и затих — словно Роща Богов затаила дыхание в предчувствии неотвратимого.

Поль Дюре закрыл глаза и начал молиться.

Глава тридцать седьмая

Мы, я и Хент, идем весь день, а вечером останавливаемся в маленькой гостинице, где нас ждет ужин: курица, рисовый пудинг, цветная капуста, макароны… Вокруг пусто, нет ни малейшего признака, что кто-то побывал здесь до нас, но огонь в очаге горит ярко, словно его только что разожгли, а ужин на плите еще горячий.

Хента все это сводит с ума, к тому же он никак не может прийти в себя из-за потери контакта с инфосферой. Я понимаю его. Для человека, родившегося и выросшего в мире, где информация всегда под рукой, а связь с кем и чем угодно — нечто само собой разумеющееся, где все расстояния сводятся к шагу через портал, вернуться

вдруг к жизни предков — все равно что, проснувшись утром, неожиданно обнаружить, что ты ослеп и оглох. Обессиленный приступами ярости Хент к вечеру погрузился в мрачное молчание.

«Я нужен секретарю Сената!» — то и дело выкрикивал он днем.

«Моя информация нужна ей не меньше, — вежливо возражал я, — но тут уж ничего не поделаешь».

— Где мы? — в десятый раз спросил Хент.

Я уже рассказывал ему о копии Старой Земли, но на этот раз, как мне показалось, он имел в виду нечто иное.

— Наверное, в карантине, — сказал я наконец.

— Вот как? Но кто нас запрятал сюда? Техно-Центр?

— Могу только гадать.

— Как нам вернуться обратно?

— Не знаю. Как только они сочтут, что нас можно выпустить, появится портал.

Хент негромко выругался:

— Меня-то зачем в карантин?

Я пожал плечами. Может быть, из-за того, что он услышал часть моего рассказа на Пасеме, но я не был в этом уверен. Я вообще ни в чем не был уверен.

Дорога змейкой бежала между невысокими холмами, через луга и виноградники, и долины, за которыми синело море.

— Куда мы идем? — в который раз спросил Хент (незадолго до того, как мы увидели гостиницу).

— Все дороги ведут в Рим.

— Я не шучу, Северн.

— Я тоже, господин Хент.

Хент вдруг схватил камень с дороги и швырнул в кусты. Оттуда раздался крик дрозда.

— Вы бывали здесь раньше? — помолчав, спросил он прокурорским тоном, словно это я заманил его сюда. Хотя скорее всего он был прав.

— Нет, — ответил я. И чуть не добавил: «Зато бывал Китс». Мои трансплантированные воспоминания разрывают мне сердце его тоской и его предчувствием смерти. Так далеко от друзей, от Фанни, единственной и вечной возлюбленной.

— Вы уверены, что не можете подключиться к инфосфере? — снова спросил Хент.

— Абсолютно. — Ему и в голову не пришло спросить о мегасфере, и я промолчал. Не приведи, Господи, вновь попасть в мегасферу и потеряться в ней.

Перед заходом солнца мы увидели гостиницу, приютившуюся в небольшой долине. Из камен-

ной трубы поднимался дымок.

За ужином, когда тьма подступила к окнам и только пламя очага да пара свечей на каминной доске освещали комнату, Хент сказал:

— Еще немного, и поверишь в привидения.

— Я верю в привидения, — ответил я.

Ночь. Я просыпаюсь от собственного кашля и чувствую холод — что-то течет по груди. Слышно, как Хент нащупывает и зажигает в темноте свечу. Скосив глаза, вижу, как кровь капает с груди на простыни.

— Боже мой, — выдыхает насмерть перепуганный Хент. — Что это? Кто это вас?

— Кровотечение, — шепчу я после того, как жесточайший приступ кашля в очередной раз сокращает мне жизнь и добавляет новые пятна крови. Пробую подняться, но бессильно роняю голову на подушку и жестом указываю на ночной столик, где уже приготовлены тазик с водой и полотенце.

— Ужас. Какой ужас! — бормочет Хент, разыскивая мой комлог, чтобы сделать анализы. Прибора нет. Днем, по дороге сюда, я выкинул его за ненадобностью.

Хент неловко надевает мне на запястье свой собственный. Датчики свидетельствуют, что

положение критическое и необходимо срочное вмешательство медиков. Как и большинство людей его поколения, Хент никогда не сталкивался с болезнью или смертью — это дело профессионалов, отнюдь не предназначенное для чужих глаз.

— Не беспокойтесь, — шепчу я. Натиск кашля ослаб, но бессилие навалилось на меня каменным одеялом. Я снова тычу в полотенце, и Хент, намочив его в тазике, смывает кровь с моей груди и рук, а затем, усадив меня в единственное кресло, меняет окровавленные простыни.

— Вы что-нибудь понимаете? — спрашивает он с неподдельной тревогой.

— Да. — Я пытаюсь улыбнуться. — Принцип соответствия. Правдоподобие. Онтогенез повторяет филогенез.

— Что вы там лепечете! — в сердцах обрывает меня Хент, помогая улечься. — Чем вызвано кровотечение? Что я могу сделать для вас?

— Пожалуйста, дайте мне воды. — Я пью воду маленькими глотками, чувствуя, как в груди и горле все хрипит и клокочет, но ухитряюсь избежать очередного приступа кашля.

— Что все-таки происходит? — осторожно настаивает Хент.

Я говорю медленно, потихоньку нанизывая

слова, будто пробираюсь по минному полю. Кашель не возвращается.

— Это так называемая чахотка. Или туберкулез. Судя по кровотечению, последняя стадия.

Лицо Хента становится белым как снег.

— Боже милостивый, Северн. Я никогда не слыхал о туберкулезе. — Он подносит к глазам руку, надеясь на память комлога, но его запястье пусто.

Я возвращаю ему прибор.

— Туберкулез — это забытая, старая болезнь. Его не было уже несколько веков. Но Джон Китс им болел. И умер от него. А тело этого кибрида принадлежит Китсу.

Хент вскакивает, порываясь бежать за помощью.

— Но теперь-то Техно-Центр позволит нам вернуться! Они не могут держать вас в этой дыре, без врачей и лекарств!

Я роняю голову на мягкие подушки, ощущая щекой перья под наволочкой.

— Может быть, именно поэтому меня здесь и держат. Выясним завтра, когда доберемся до Рима.

— Но вы не можете передвигаться!

— Посмотрим, — говорю я и закрываю глаза. —

Посмотрим.

Утром возле гостиницы нас ожидает небольшая коляска — веттура. Лошадь, крупная серая кобыла, косится на нас и всхрапывает. Пар валит из ее ноздрей и облачком поднимается в прохладном утреннем воздухе.

— Что это еще за штука? — спрашивает Хент.

— Лошадь.

Хент с опаской протягивает руку к животному, словно от прикосновения оно лопнет, как мыльный пузырь. Кобыла преспокойно машет хвостом. Хент отдергивает руку.

— Лошади бог весть когда вымерли, — бормочет он. — Их потом ни разу не воссоздавали.

— Эта выглядит довольно реальной, — говорю я, с трудом усаживаясь на узкое сиденье.

Хент, озираясь по сторонам, устраивается рядом. Его длинные пальцы подрагивают от волнения.

— А кто ею управляет? — спрашивает он. — И как? Вожжей нет, кучера тоже.

— Посмотрим, может, она сама знает дорогу, — говорю я, и коляска тут же трогается с места. Она без рессор, и каждый камень или ухаб сопровождаются жуткой встряской.

— Что все это значит? Может быть, кто-то под-

шутил над нами? — вполголоса спрашивает Хент, обозревая безоблачное небо и далекие мирные поля.

Как можно тише и быстрее я кашляю в платок, который изготовил из полотенца, позаимствованного в гостинице.

— Возможно. Но разве жизнь наша — не шутка?

Хент пропускает мою софистику мимо ушей. Мы громыхаем дальше, вприпрыжку и враскачку двигаясь каждый к своему месту назначения и к своей судьбе.

— Где Хент и Северн?

Седептра Акази, молодая негритянка, вторая помощница Гладстон, наклонилась к самому ее уху, чтобы не мешать ходу военного совета:

— Пока никаких известий, госпожа секретарь.

— Невероятно. У Северна был маяк, а Ли отправился на Пасем почти час назад. Где их черти носят?

Акази бросила быстрый взгляд на факсблокнот, который положила на стол.

— Служба безопасности не может их обнаружить. Транспортная полиция — тоже. Регистратор нуль-канала зафиксировал, что они набрали код ТКЦ и вошли в портал. Но сюда не прибыли.

— Что?

— Таковы факты, госпожа секретарь.

— Я хочу переговорить с Альбедо или с кем-нибудь из Советников сразу после совещания.

— Будет исполнено.

Обе женщины вновь сосредоточились на происходящем. Оперативно-командный центр Дома Правительства был соединен прозрачными пятнадцатиметровыми порталами с Военным Кабинетом Олимпийской Школы и с самым большим залом для проведения сенатских брифингов. За счет этого три помещения слились в одну асимметричную конференц-пещеру, дальний конец которой благодаря голопроекторам Военного Кабинета казался уходящим в бесконечность. По стенам, куда ни глянь, скользили инфоколонки срочных сводок.

— Четыре минуты до пересечения лунной орбиты, — произнес адмирал Сингх.

— Они давно уже могли обработать Небесные Врата из своих дальнобойных энергопушек, — заметил генерал Морпурго. — Похоже, проявляют сдержанность.

— Не очень-то они сдерживались при встрече с нашими факельщиками, — возразил Гарион Персов, глава дипломатического ведомства. Во-

енный совет был созван час назад, после того как импровизированная эскадра из дюжины факельщиков, вышедшая навстречу Рою, была полностью уничтожена. По мультилинии долетело лишь несколько кадров, изображавших скопление похожих на кометы искр с хвостами термоядерных выхлопов. Искр было великое множество.

— Это были военные корабли, — возразил Морпурго. — Мы уже несколько часов твердим на всех частотах, что отныне Небесные Врата — открытый мир. Можно надеяться на их сдержанность.

Вокруг повисли голографические виды Небесных Врат: притихшие улицы Центрального Отстойника, побережье (съемки с воздуха), серо-коричневый шар планеты, вечно укутанный облаками (съемки с орбиты), вычурный додекаэдр сферы сингулярности, связывающей воедино все порталы системы, а также изображения приближающегося Роя, полученные при помощи космических ультрафиолетовых, рентгеновских и обычных оптических телескопов. Но это уже не точки и не искры — до них меньше астроединицы. Запрокинув голову, Гладстон принялась разглядывать шлейфы, тянущиеся за военными кораблями Бродяг, их неуклюжие фермы в

мерцающей кожуре силовых полей, их поселения-пузыри и замысловатые безгравитационные города — какие-то нечеловеческие, жуткие, а в голове билась одна-единственная мысль: «Что, если я ошибаюсь?»

Мало чем подкрепленное убеждение, что Бродяги пощадят открытые миры Гегемонии, дорого обойдется человечеству.

— Две минуты до вторжения, — сообщил Сингх бесстрастным голосом военнога.

— Адмирал, — обратилась к нему Гладстон, — обязательно ли уничтожать сферу сингулярности, как только Бродяги пересекут границу нашего «санитарного кордона»? Нельзя ли подождать еще несколько минут, чтобы выяснить их намерения?

— Это невозможно, госпожа секретарь, — твердо ответил адмирал. — Решетка нуль-канала должна быть уничтожена, как только они окажутся на дистанции удара.

— Но, помимо ваших факельщиков, можно воспользоваться внутрисистемной связью, ретрансляторами мультилинии и обычными минами замедленного действия. Верно?

— Да, это так, но до того, как Бродяги захватят систему, все порталы должны быть уничтожены.

Запас прочности у нашей обороны невелик, и какие-либо отклонения от графика недопустимы.

Гладстон кивнула. Все правильно. Будь у них чуть побольше времени…

— Пятнадцать секунд до вторжения и ликвидации сферы, — объявил Сингх. — Десять… семь…

Внезапно изображения факельщиков и спутников-ретрансляторов ярко вспыхнули. Из фиолетового свечение стало красным, затем раскалилось до белого.

Гладстон вздрогнула:

— Взрыв сферы сингулярности?

Военные, посовещавшись, запросили дополнительную информацию, и на экранах появилось изображение.

— Нет, госпожа секретарь, — ответил Морпурго, всматриваясь в новую картинку. — Враг атакует факельщики. То, что вы видите, побочный эффект перегрузки их защитных полей. Они… а-ах!.. вот.

На центральном дисплее (трансляция, видимо, идет с низкоорбитального спутника) появилось увеличенное изображение додекаэдра, окружающего сферу сингулярности. Все тридцать тысяч квадратных метров его поверхности пока невредимы и лишь поблескивают в неласковых лучах солнца Небесных Врат. Внезапно блеск превра-

щается в пламя, и ближайшая к камере грань сооружения, раскалившись добела, проваливается внутрь. Еще три секунды — и от додекаэдра не осталось и следа. Запертая в нем сингулярность, вырвавшись на свободу, немедленно поглотила самое себя и все остальное в радиусе шестисот километров.

В тот же миг исчезло большинство изображений и пропали почти все инфоколонки.

— Все нуль-каналы на Врата уничтожены, — сообщил Сингх. — Информация из системы транслируется только мультипередатчиками.

Военные облегченно вздохнули. Из уст многочисленных сенаторов и политических советников вырвалось что-то вроде стона: Небесные Врата только что вырезаны из тела Сети… Первая потеря таких масштабов за четыре с лишним века истории Гегемонии.

Гладстон повернулась к Седептре Акази.

— Сколько времени займет теперь дорога из Сети до Небесных Врат?

— Для спин-звездолетов — семь месяцев бортового времени, — отчеканила негритянка, не запрашивая комлог. — Запаздывание составит девять с небольшим лет.

Гладстон кивнула. Что ж, отныне Небесные

Врата находятся в девяти годах полета от ближайшего мира Сети.

— А вот и наши факельщики, — произнес Сингх.

Изображение, пришедшее с одного из орбитальных сторожевиков, — компьютерная развертка высокоскоростной мультиграммы, раскрашенная в условные цвета, — то и дело подергивалось. Мозаичная картинка почему-то напомнила Гладстон немые фильмы древности. Но на экране не комедия с Чарли Чаплином. Два, пять, восемь ярких огней вспыхнули в звездном небе над диском планеты.

— Передачи с КГ «Ники Веймарт», КГ «Террапин», КГ «Корнет» и КГ «Эндрю Пол» прекращены, — сообщил Сингх.

Барбара Дэн-Гиддис подняла руку:

— А что другие четыре корабля, адмирал?

— Только названные мною были оснащены мультипередатчиками. Сторожевики подтверждают, что радио-, мазерная и широкополосная связь с остальными четырьмя факельщиками потеряна. Визуальные данные… — Сингх умолк и указал на изображение, транслируемое со сторожевика-автомата: восемь кругов света ярко вспыхнули, увеличились почти вдвое и тут же на

глазах поблекли; а среди звезд кишмя кишели огненные змеи-шлейфы. Внезапно исчезла, словно ее выключили, и эта картинка.

— Теперь все орбитальные зонды и ретрансляторы мультилинии прекратили существование, — резюмировал Морпурго.

Он взмахнул рукой, и черная пустота сменилась изображением улиц Небесных Врат, над которыми нависала неизменная облачная пелена. Самолеты, летевшие над облаками, показывали небо, исчерканное следами выхлопов и трассами выстрелов.

— Сообщения со спутников подтверждают, что сфера сингулярности уничтожена, — сказал Сингх. — Передовые единицы Роя выходят на высокую орбиту вокруг Небесных Врат.

— Сколько человек там осталось? — спросила Гладстон, подавшись вперед и сцепив пальцы.

— Восемьдесят шесть тысяч семьсот восемьдесят девять, — ответил министр обороны Имото.

— Не считая двенадцати тысяч морских пехотинцев, переброшенных туда за последние два часа, — вполголоса добавил генерал Ван Зейдт.

Имото кивком подтвердил слова генерала.

Гладстон поблагодарила их и снова переключила внимание на голограммы. Плавающие

над головой инфоколонки и их резюме на факсблокнотах, комлогах и настольных панелях содержали массу информации — количество единиц Роя, вошедших в систему на данный момент, число и типы кораблей на орбите, ожидаемые траектории торможения и временные графики, энергетические спектры и перехваты вражеских передач, — но Гладстон интересовало другое: она была поглощена скучноватой трансляцией по мультилинии с самолетов и поверхности планеты: звезды, облака, улицы, вид с высоты Аэростанции на столичный Променад. Всего двенадцать часов назад она стояла на его плитах. На Небесных Вратах тогда была ночь. Гигантские конские папоротники беззвучно шевелились под легким бризом с залива.

— Мне кажется, они вступят в переговоры, — заговорила сенатор Ришо. — Сначала поставят нас перед свершившимся фактом — захватом девяти миров, а затем начнут переговоры с учетом нового соотношения сил. Таким образом, если даже обе волны вторжения добьются успеха, мы потеряем всего двадцать пять миров из почти двухсот миров Сети и Протектората.

— Вы правы, — отозвался глава дипведомства Персов, — но не следует забывать, сенатор, что

в число этих двадцати пяти входят миры первостепенной важности. Например, вот этот. По графику Бродяг какие-то двести тридцать пять часов отделяют ТКЦ от Небесных Врат.

Сенатор Ришо в упор посмотрела на Персова.

— Разумеется, — холодно ответила она. — Я имела в виду только то, что Бродяги вряд ли стремятся завоевать всю Сеть целиком. Не так они глупы. Кроме того, ВКС не допустят глубокого проникновения второй волны. Поэтому так называемое нашествие — прелюдия к переговорам.

— Возможно, — вмешался Ронквист, сенатор от Нордхольма, — но предмет переговоров, полагаю, будет зависеть от…

— Подождите, — перебила его Гладстон.

Инфоколонки свидетельствовали, что уже более ста военных кораблей Бродяг вышли на орбиту вокруг Небесных Врат. Войска на планете получили указание не открывать огня первыми. На тридцати с лишним картинках, поступающих по мультилинии в Военный Кабинет, — никаких признаков активных действий. Внезапно облачная пелена над Центральным Отстойником загорелась, будто подсвеченная гигантским прожектором. В следующую секунду десять широких лучей когерентного света принялись хлестать по

заливу и городу, отчего сходство с иллюминацией стало еще более полным. Гладстон показалось, что поверхность планеты и облачный потолок соединили мгновенно выросшие исполинские белые колонны.

Но иллюзия исчезла так же внезапно, как и возникла: основание каждой из световых колонн взорвалось огненно-алым фонтаном пламени и обломков. Вода в заливе закипела, и огромные гейзеры ослепили объективы ближайших камер. С аэростанции было видно, как один за другим загораются старинные особняки, словно сквозь них несется огненный смерч. Знаменитые на всю Сеть сады и лужайки Променада обратились в море пламени. В воздух взметнулись тучи грунта и щепок, будто землю вспорол исполинский плуг. Двухсотлетние конские папоротники ломались под напором урагана, как соломинки, и буквально испарялись, пожранные огнем.

— Лазерные орудия факельщика класса «Джокер», — медленно произнес адмирал Сингх. — Или его Бродяжьего эквивалента.

Город горел, взрывался, дробился в щебень под смертоносной тяжестью световых колонн. Трансляция не сопровождалась звуком, но Гладстон казалось, что она слышит крики.

Одна за другой выходили из строя камеры на поверхности планеты. Вид с Аэростанции исчез, отсалютовав белой вспышкой. Самолетные камеры давно прекратили существование. Два десятка других экранов, еще получавших изображения, начали мигать и слепнуть. Один из них залило ослепительное рубиновое зарево, после чего все присутствующие принялись тереть глаза.

— Плазменный взрыв, — тихо сказал генерал Ван Зейдт. — Мегатонного эквивалента.

Там, на северном берегу Внутреннего Канала, располагался оборонительный комплекс морских пехотинцев ВКС.

Последние изображения исчезли все разом. Связь с планетой оборвалась. Светильники в зале загорелись ярче, чтобы разогнать тьму, сгустившуюся столь внезапно, что перехватило дух.

— Основной мультипередатчик вышел из строя, — бесстрастно резюмировал генерал Морпурго. — Он находился на главной базе ВКС вблизи Высоких Врат. Под самым надежным силовым полем, скалой пятидесятиметровой толщины и десятиметровым щитом из армированного сталлоя.

— Кумулятивные ядерные заряды? — спросила Барбара Дэн-Гиддис.

— Как минимум, — ответил Морпурго.

Поднялся сенатор Колчев, громоздкий и сильный, словно медведь:

— Хватит! Это вам не спектакль. Бродяги только что обратили в груду пепла один из миров Сети. Идет война на уничтожение. Тотальная война. На карту поставлено само существование нашей цивилизации. Что будем делать?

Все взоры обратились к Мейне Гладстон.

Вытащив оглушенного Тео Лейна из разбитого скиммера, Консул взвалил его на плечи и побрел к деревьям на набережной. С трудом преодолев пятьдесят метров, он как подкошенный рухнул на траву. Скиммер не загорелся, но, судя по его покореженному фюзеляжу, летать ему больше не суждено. Металлические обломки и куски пластмассы усеяли набережную и пустынный проспект.

Город был охвачен огнем. Дым мешал выяснить, что творится за рекой, но при взгляде на эту часть Джектауна казалось, будто пылают сразу несколько чудовищных погребальных костров. Толстые столбы черного дыма поднимались к низким облакам. Боевые лазеры и ракеты неумолимо резали и кроили туман, порой ставя точку взрывом — когда им попадался штурмовик, пара-

план или пузырь тормозного поля. Но все новые и новые единицы десанта вылетали из облаков и кружили над городом, как солома над свежеубранным полем.

— Тео, ты в порядке?

Генерал-губернатор утвердительно кивнул и хотел поправить очки у себя, но, обнаружив, что они исчезли, он смущенно отдернул руку и озадаченно уставился на окровавленные пальцы.

— Кажется, ударился головой, — заплетающимся языком произнес он.

— Нужен твой комлог, — сказал Консул. — Надо вызвать сюда кого-нибудь, чтобы нас подобрали.

Тео поднял руку и, хмурясь, осмотрел запястье.

— Исчез, — пробормотал он. — Пойду поищу в скиммере.

Консул удержал его. Они находились под прикрытием деревьев, но скиммер торчал у всех на виду, да и сама их посадка вряд ли прошла незамеченной. В нескольких метрах от земли Консул увидел на соседней улице нескольких солдат в панцирях. Это могли быть ополченцы, Бродяги или даже морские пехотинцы Гегемонии, но, к сожалению, и те, и другие, и третьи склонны сначала стрелять, а потом думать.

— Туда нельзя, — сказал он. — Разыщем ка-

кой-нибудь фон. — Он огляделся и тут же узнал этот район.

В нескольких сотнях метрах от них высился заброшенный старинный собор, вернее, то, что от него осталось. Кое-где река подмыла берег, и развалины буквально сползли в воду.

— Я знаю, где мы, — оживился Консул. — Всего в квартале или двух от «Цицерона». Пошли. — Он забросил руку Тео себе на шею, помогая раненому подняться.

— «Цицерон», вот здорово, — прошептал Тео. — Глоток не повредил бы.

Треск винтовок и ответное шипение лучеметов донеслись с соседней улицы — той, что южнее. Консул почти взвалил Тео на себя и, согнувшись в три погибели, побрел по узкой набережной к «Цицерону».

— Проклятие! — выругался Консул.

«Цицерон» горел. Старая гостиница с баром — ровесница Джектауна — уже потеряла три из четырех зданий. Несколько завсегдатаев с ведрами в руках пытались спасти последнее.

— А вот и Стен. — Консул указал на массивную фигуру Стена Левицкого в начале цепочки и усадил Тео под вязом на обочине. — Как голова?

— Болит.

— Сейчас приведу кого-нибудь.

Стен Левицкий уставился на Консула так, словно перед ним появился призрак. По черному от сажи лицу великана катились слезы, а в широко раскрытых глазах застыли ужас и недоумение. Для шести поколений семьи Левицких «Цицерон» был не просто домом. Он был их жизнью. Начал накрапывать дождь, и пожар как будто пошел на убыль. Рядом кто-то предостерегающе крикнул — несколько балок прогоревшей части гостиницы рухнули на головешки первого этажа.

— Господи Боже, ее больше нет, — пробормотал Левицкий. — Видели? Пристройка дедушки Джири! Нет ее больше.

Консул схватил великана за руку.

— Стен, нам нужна помощь. Там Тео. Скиммер разбился. Мы должны добраться до космопорта… позвонить по твоему фону. Это очень важно, Стен. Пожалуйста.

Левицкий помотал головой.

— Фон сгорел. Каналы комлога забиты. Война проклятая. — Он указал на выгоревшую часть старой гостиницы. — Все пошло прахом. Все.

Консул в бессильном гневе сжал кулаки. Вокруг толпились люди, но он никого не знал. Хоть бы один знакомый из ВКС или ССО!

— Я могу помочь. У меня есть скиммер, — негромко сказал кто-то у него за спиной.

Резко обернувшись, Консул увидел человека лет шестидесяти или чуть старше. Его красивое лицо было черно от копоти, вьющиеся волосы слиплись от пота.

— Отлично, — обрадовался Консул. — Буду весьма признателен. — Он прищурился. — Я вас знаю?

— Доктор Мелио Арундес, — представился мужчина и бросился к Тео.

— Арундес, — на бегу повторил Консул, стараясь не отставать. Это имя было ему знакомо. Бесспорно знакомо. И тут до него дошло: — Боже мой, Арундес! Друг Рахили Вайнтрауб!

— Собственно, я был ее научным руководителем, — отозвался Арундес. — Я и вас знаю: вы отправились в паломничество вместе с Солом. — Они остановились возле Тео. — Мой скиммер вон там, — показал Арундес.

Под деревьями стоял небольшой двухместный «Виккен-Зефир».

— Отлично! Отвезем Тео в госпиталь, а затем — в космопорт. Мне совершенно необходимо попасть туда.

— С госпиталем ничего не получится: перепол-

нен, — сказал Арундес. — Но если хотите попасть на свой корабль, я посоветовал бы вам взять генерал-губернатора с собой и воспользоваться бортовой операционной.

Консул растерялся:

— Откуда вам известно о моем корабле?

Арундес распахнул дверцы и помог усадить Тео на узкую скамейку в хвосте, позади двух контурных кресел.

— Чего только я не узнал о вас и других паломниках, пока добивался разрешения отправиться в Долину Гробниц! Вы не представляете, как я терзался, услышав, что «Бенарес» уже в пути. — Арундес перевел дух и замолк. Потом поднял глаза на Консула: — Рахиль… жива?

Когда она была взрослой женщиной, они любили друг друга, вспомнил Консул.

— Не знаю, — честно ответил он. — Вот почему мне нужно поскорее вернуться туда — чтобы помочь ей, если еще не поздно.

Мелио Арундес кивнул и занял водительское место, жестом приглашая Консула сесть рядом.

— Попытаемся добраться до космопорта. Хотя там сейчас такое творится!

Консул тяжело опустился в кресло и поморщился от боли, когда на его избитое тело опустились

противоперегрузочные пояса.

— Необходимо доставить Тео… генерал-губернатора… в консульство, или резиденцию правительства, или как там оно теперь называется.

Арундес покачал головой и включил ускорители:

— Консульства больше нет. В новостях передали — уничтожено случайной ракетой. А все официальные лица и чиновники Гегемонии еще до того, как ваш друг отправился вас искать, отбыли в космопорт. Эвакуироваться.

Консул оглянулся на Тео Лейна и негромко сказал:

— Давайте.

Над рекой скиммер попал под обстрел, но пули от корпуса отскакивали, а случайный энерголуч прошел ниже, взметнув вверх десятиметровый столб пара. Арундес орудовал рулем, как сумасшедший: вилял, закладывал виражи, пикировал, делал свечи, а иногда вращал скиммер вокруг оси, как доску на волне. Кресло амортизировало толчки, но Консула все равно замутило. Голова Тео безжизненно болталась из стороны в сторону — он уже давно потерял сознание.

— В центре неладно! — Арундес старался пере-

кричать ревущие двигатели. — Я полечу вдоль старого виадука до шоссе, потом на бреющем срежу над пустырями. — Они сделали пируэт над горящим зданием, в котором Консул узнал дом, где когда-то жил.

— Шоссе на космопорт открыто?

Арундес покачал головой.

— Не знаю. Но, думаю, не стоит рисковать. Последние полчаса над ним кружат парапланы.

— Бродяги пытаются разрушить город?

— Вряд ли. Они могли бы без всяких хлопот сделать это с орбиты. По-моему, они просто хотят окружить столицу. Основные силы десанта садятся минимум в десяти километрах от ее границ.

— Кто же им теперь противостоит? Силы самообороны?

Арундес рассмеялся, и на его закопченном лице сверкнули крепкие белые зубы.

— Эти теперь на полпути к Эндимиону и Порт-Романтику… Хотя четверть часа назад, до того, как каналы забило, сообщили, что и тот и другой атакованы. То, что вы видите, — работа нескольких десятков морских пехотинцев, оставленных оборонять город и космопорт.

— Значит, Бродяги не разрушили космопорт? И даже не захватили?

— Пока нет. По крайней мере за последние несколько минут. Сейчас сами все увидим. Держитесь!

Десятикилометровое путешествие до космопорта по специальному шоссе или по воздушному коридору над ним обычно занимало считанные минуты, но Арундес, прижав скиммер к земле, полетел в обход. Они то набирали высоту, то снижались, ныряли в долины, лавировали между холмами и деревьями. Консулу стало казаться, что этому изматывающему кроссу не будет конца. Он едва успевал поворачиваться, чтобы уследить за происходящим на склонах холмов и в горящих лагерях беженцев. При виде скиммера люди разбегались кто куда, прячась за валунами и в кустах, прикрывая руками голову. Внизу мелькнул взвод морских пехотинцев ВКС, окопавшийся на вершине холма. К счастью, внимание солдат было сконцентрировано на соседнем холме, с которого летели копья лазерных очередей. Арундес резко увел машину влево и только нырнул в узкий овраг, как верхушки деревьев на его краю взметнулись в воздух, словно срезанные гигантскими ножницами.

Наконец они перевалили через последнюю гряду холмов, и впереди показались западные во-

рота космопорта. Вдоль периметра горели синие и фиолетовые стены силовых и заградительных полей. До космопорта оставался почти километр, когда с земли поднялся яркий лазерный луч, поймал их, и голос в наушниках рявкнул:

— Неопознанный скиммер, немедленно сядьте или будете сбиты.

Арундес подчинился.

Деревья в десяти метрах от скиммера замерцали каким-то призрачным светом, и машину тут же окружили призраки в хамелеоновых скафандрах. Арундес открыл двери, и они с Консулом оказались под прицелом десантных винтовок.

— Покиньте скиммер, — скомандовал загробный голос из камуфляжного сияния.

— С нами генерал-губернатор, — заявил Консул. — Нам абсолютно необходимо попасть в космопорт.

— Хватит рассказывать сказки! — у говорившего был явный акцент уроженца Сети. — Выходите!

Консул и Арундес поспешно расстегнули амортизаторы своих кресел и уже начали выбираться наружу, когда с задней скамейки донесся слабый голос:

— Лейтенант Мюллер, это вы?

— Э-э… так точно, сэр.

— Вы узнаете меня, лейтенант?

Мерцающий сгусток погас, и перед скиммером материализовался статный морской пехотинец в полной боевой экипировке. Его лицо скрывало черное забрало, но, судя по голосу, он был совсем молод.

— Так точно, сэр… господин губернатор. Простите, не сразу узнал вас. Вы ранены, сэр!

— Я знаю, что ранен, лейтенант. Потому эти господа и сопровождают меня. Разве вы не узнаете бывшего Консула Гегемонии на Гиперионе?

— Простите, сэр. — Лейтенант жестом приказал своим людям ретироваться. — База закрыта.

— Конечно, закрыта, — процедил Тео сквозь зубы. — Я сам подписывал приказ. Но при этом я разрешил эвакуацию административного персонала Гегемонии. Вы ведь пропустили их скиммеры, лейтенант Мюллер?

Рука в бронеперчатке невольно поднялась, чтобы почесать закрытый шлемом затылок.

— Так точно, сэр, пропустил. Но, сэр, это было час назад. Корабли с эвакуированными отбыли и…

— Ради Бога, Мюллер, воспользуйтесь своим тактическим имплантом и запросите полковни-

ка Герасимова…

— Полковник убит, сэр. Восточный участок периметра атаковал катер противника и…

— Тогда свяжитесь с капитаном Льювеллином, — приказал Тео и, побледнев, вцепился в спинку кресла Консула, чтобы не упасть.

— Но… видите ли, сэр, оперканалы не действуют. Бродяги глушат широкополоску с помощью…

— Лейтенант, — Консул ушам своим не поверил, так грубо и хрипло звучал голос Тео, — вы опознали меня и проверили мой имплант. Пропустите нас на поле — или расстреляйте!

Морской пехотинец оглянулся на аллею, словно раздумывая, не отдать ли своим людям приказ «Пли!»

— Но ведь все корабли ушли, сэр!

Тео через силу кивнул. Кровь у него на лбу высохла и запеклась, но из волос показалась свежая струйка.

— Задержанный корабль все еще в девятой шахте?

— Так точно, сэр. — Мюллер вытянулся в струнку. — Но это гражданский корабль, и ему не пробиться через кордон Бродяг…

Тео, не слушая больше, сделал Арундесу знак лететь дальше. Периметр космопорта стремительно

приближался. Консул, вспомнив о минных заграждениях, оглянулся и увидел, как лейтенант поднял руку. Фиолетовые и синие энергостены послушно расступились перед скиммером. Никто не стрелял. Через полминуты они уже скользили над летным полем. У северной ограды догорало что-то объемистое. Слева сгрудились военные трейлеры и командные модули, вплавленные в застывшее пластмассовое озеро.

Там были люди, подумал Консул, и его снова замутило.

Пусковой шахты номер семь больше не существовало — десятисантиметровые стены из армированного углепласта обрушились внутрь, словно картонные. Пусковая шахта номер восемь горела белым пламенем — тут не обошлось без плазменных гранат. Пусковая шахта номер девять была цела и невредима. Нос корабля Консула чуть виднелся сквозь мерцание силового поля третьего класса.

— Арест снят? — спросил Консул.

— Да. Гладстон санкционировала снятие заград-купола, — прохрипел Тео. — А это обычное защитное поле. Его можно отключить простой командой.

В тот самый момент, когда вспыхнули красные

огоньки аварийной сигнализации и механические голоса принялись перечислять неисправности, машина опустилась на бетонные плиты поля. Консул и Арундес помогли Тео выбраться из скиммера и на минуту остановились у борта крошечной машины. Кожух двигателя прочертили вмятины от пуль, в фюзеляже зияли пробоины, а обтекатель кое-где сплавился от перегрузок.

Мелио Арундес погладил обшивку скиммера, и они потащили Тео к дверям шахты и ожидающему их трапу.

— Боже мой! — изумился доктор Арундес. — Какое чудо. Я впервые на борту частного звездолета.

— В Сети не наберется и полусотни кораблей такого класса. — Консул прикрыл рот и нос Тео осмотической маской и осторожно погрузил его рыжую голову в реанимационную камеру с питательным раствором. — Правда, стоит он недешево — несколько сотен миллионов марок. Видите ли, промышленным магнатам и высоким особам Окраины невыгодно использовать военные корабли в тех редких случаях, когда им приходится совершать межзвездные перелеты. — Консул закрыл бак и пошептался с автоматом-диагностом. — Отлично. За Тео можно

не беспокоиться.

Мелио Арундес, стоя возле старинного «Стейнвея», зачарованно водил пальцем по золоченой крышке рояля. Затем выглянул наружу через прозрачную часть корпуса над втянутым балконом и озабоченно произнес:

— У главных ворот стреляют. Пора стартовать.

— Как раз этим я и занимаюсь, — ответил Консул, жестом приглашая Арундеса занять место на диване, опоясывающем проекционную нишу.

Опустившись на мягкие подушки, археолог огляделся:

— Разве здесь нет… э-э… органов управления?

Консул улыбнулся.

— Что вы предпочитаете? Капитанский мостик? Пульт? Может, штурвал? Корабль!

— Да, — раздался из ниоткуда негромкий голос.

— Разрешение на взлет получено?

— Да.

— Силовое поле снято?

— Это было наше поле. Я убрал его.

— Хорошо, тогда удираем отсюда во все лопатки. Тебе не надо напоминать, что мы в самом пекле?

— Нет. Я слежу за развитием событий. По-

следние звездолеты ВКС покидают систему Гипериона. Морские пехотинцы брошены на произвол судьбы, и…

— Анализ оперативной обстановки подождет, — остановил его Консул. — Курс на Долину Гробниц Времени. Вытаскивай нас отсюда.

— Слушаюсь, сэр, — отозвался корабль. — Хочу лишь обратить ваше внимание на тот факт, что силам, обороняющим космопорт, не продержаться больше часа.

— Принял к сведению, — сердито ответил Консул. — Теперь — взлет.

— Сначала я должен ознакомить вас с мультиграммой. Сообщение получено сегодня днем в 1622:38:14 по стандартному времени Сети.

— Стоп! — крикнул Консул, замораживая голограмму в процессе возникновения, и половина лица Мейны Гладстон повисла в воздухе. — Тебе приказали показать это перед взлетом? Чьи команды ты исполняешь?

— Секретаря Сената, сэр. Госпожа Гладстон полностью приостановила функционирование моих систем пять суток тому назад. Просмотр этой мультиграммы — последнее условие…

— Так вот почему ты не подчинился моим приказам из Долины, — догадался Консул.

— Да, — спокойно ответил корабль. — Я собирался сказать, что после показа мультиграммы управление мною перейдет к вам.

— И тогда ты будешь выполнять все мои приказы?

— Да.

— Доставишь нас, куда я прикажу?

— Да.

— Никаких скрытых запретов?

— Никаких, насколько мне известно.

— Ставь свое послание, — приказал Консул.

Линкольновское лицо Мейны Гладстон закачалось посреди проекционной ниши в облаке пятен и искр, непременно сопровождающих мультипередачи.

— Рада узнать, что вы вернулись живым и невредимым из путешествия к Гробницам Времени, — сказала она Консулу. — Теперь прошу вас вступить в переговоры с Бродягами и только после этого вернуться в Долину.

Скрестив руки на фуди, Консул уставился на Гладстон. Солнце садилось. Считанные минуты отделяли Рахиль Вайнтрауб от небытия. Еще немного, и младенец, издав свой первый и последний крик, исчезнет.

— Понимаю, как важно для вас немедленно вер-

нуться к друзьям, — продолжала Гладстон, — но ребенку вы ничем не поможете… Эксперты Сети заверили нас, что ни криогенный сон, ни фуга не смогут остановить развитие болезни Мерлина. Солу это известно.

Сидевший напротив Арундес тихо заметил:

— Это правда. Они экспериментировали не один год. Фуга убьет ее.

— …вы можете искупить свою вину перед миллиардами жителей Сети… — говорила тем временем Гладстон.

Консул наклонился к голограмме и подпер подбородок кулаком. Его буквально оглушил стук собственного сердца.

— Я знала, что вы откроете Гробницы Времени, — продолжала Гладстон. Ее печальные карие глаза смотрели прямо на Консула, будто видели его насквозь. — Прогнозисты Техно-Центра доказали, что ваша верность Мауи-Обетованной, верность памяти деда и бабушки пересилит все остальное. Пришла пора открыть Гробницы Времени, но только вы способны были включить устройство Бродяг, прежде чем они сами на это решатся.

— Все, сыт по горло, — сдавленным голосом произнес Консул и встал, отвернувшись от про-

екции. — Выключи сообщение, — приказал он кораблю, зная наперед, что тот не подчинится.

Мелио Арундес, шагнув сквозь проекцию, схватил Консула за руку своими сильными пальцами:

— Выслушайте ее. Пожалуйста.

Консул отрицательно покачал головой, но в нише остался.

— Случилось самое худшее, — сказала Гладстон. — Бродяги вторглись в Сеть. Небесные Врата в огне. Меньше чем через час волна уничтожения захлестнет Рощу Богов. Вы должны встретиться с Бродягами в системе Гипериона и вступить с ними в переговоры. Используйте все ваше мастерство и склоните их к диалогу с нами. Бродяги не отвечают на наши обращения по мультилинии и радио, но мы предупредили их о вашей миссии. Мне кажется, они вам по-прежнему доверяют.

У Консула вырвался стон. Он отвернулся, избегая сурового взгляда Гладстон, и ударил кулаком по крышке рояля.

— Дорогой Консул, счет пошел на минуты. Прошу вас, разыщите сначала Бродяг. А потом можете вернуться в Долину, если сочтете нужным. Кому, как не вам, знать, что несет с собой война. Если

мы не сумеем напрямую связаться с Бродягами, погибнут миллионы. Решение принимать вам, но помните — это последний шанс добраться до истины и сохранить мир. Не отказывайтесь от него! Я свяжусь с вами по мультилинии, когда вы достигнете Роя…

Изображение Гладстон задрожало, потускнело и исчезло.

— Отвечать? — спросил корабль.

— Нет. — Консул мерил шагами пространство между «Стейнвеем» и проекционной нишей.

— За последние двести лет ни одному кораблю или скиммеру не удалось совершить посадку в Долине, не лишившись при этом экипажа, — вполголоса произнес Мелио Арундес. — Гладстон, видимо, известно, как опасен ваш план. Вряд ли, вернувшись в Долину, вы увильнете от Шрайка и доживете до встречи с Бродягами.

— Теперь там все по-другому, — бросил Консул, не глядя на археолога. — Приливы времени взбесились. Шрайк разгуливает, где ему заблагорассудится. Возможно, все эти странности с исчезновением экипажей тоже отошли в прошлое.

— А может, и нет. Корабль благополучно сядет в Долине, а нас на борту не будет, — возразил

Арундес.

— Проклятие! — воскликнул Консул, резко обернувшись. — Вы же знали, чем рискуете, когда присоединились ко мне!

Археолог покачал головой.

— Вы неправильно меня поняли. Мне наплевать на опасность, если есть шанс помочь Рахили… Хотя бы увидеть ее напоследок. Но вы — дело другое. От вас, возможно, зависит судьба человечества.

Консул сжал кулаки и, словно зверь в клетке, заметался по каюткомпании.

— Сколько можно лгать! Я уже был пешкой в игре Гладстон. Она использовала меня… цинично… расчетливо. Послушайте, Арундес, я убил четырех ни в чем не повинных Бродяг, перестрелял одного за другим, чтобы включить их проклятую машину. Думаете, они встретят меня с распростертыми объятиями?

Темные внимательные глаза археолога были устремлены на Консула:

— А Гладстон уверена, что вам удастся найти с ними общий язык.

— Кто знает, что мне удастся, а что не удастся? И о чем на самом деле думает Гладстон? Гегемония и ее взаимоотношения с Бродягами меня больше

не интересуют. Поймите вы это наконец! Все, что я могу сказать и тем, и другим: «Чума на оба ваших дома!»

— И вас не трогает судьба человечества?

— Я не имею чести быть знакомым с человечеством, — помолчав, сказал Консул. — Я знаю Сола Вайнтрауба. Рахиль. Женщину по имени Ламия Брон, которая сейчас при смерти. Отца Поля Дюре. И Федмана Кассада. И…

Его прервал спокойный, ясный голос корабля:

— Северный оборонительный рубеж космопорта прорван. Приступаю к заключительным предстартовым операциям. Пожалуйста, займите свои места.

Консул с трудом побрел к проекционной нише. Внутреннее силовое поле, включенное кораблем, резко увеличило свой вертикальный градиент, прижимая предметы к положенным им местам и защищая пассажиров куда надежнее, чем любые ремни или амортизаторы. В космосе его давление хотя и ослабнет, но сохранится, заменяя гравитацию.

В голонише появился столб тумана, а в нем — изображение окрестностей. Шахта и космопорт, быстро уменьшаясь, исчезли внизу, после чего линия горизонта и далекие горы подпрыгнули и

закачались — корабль уворачивался от зенитных ракет. Несколько лучевых пушек попытались взять их в клещи, но внешние поля легко отразили атаку. Горизонт вдруг резко отдалился и выгнулся, а лазурное небо потемнело и через несколько секунд обернулось черной космической ночью.

— Место назначения? — спросил корабль.

Консул закрыл глаза. За его спиной зазвенели колокольчики, сигнализируя, что Тео Лейна пора перенести из реанимационной камеры в хирургический блок.

— Сколько времени осталось до встречи с флотом Бродяг? — спросил Консул.

— Тридцать минут до Роя как такового, — ответил корабль.

— А когда мы войдем в зону поражения?

— Они уже взяли нас на прицел.

Лицо Мелио Арундеса оставалось невозмутимым, но пальцы, сжимавшие подлокотник, побелели от напряжения.

— Хорошо, — сказал Консул. — Направляйся к Рою. Избегай кораблей Гегемонии. Сообщай по всем каналам, что мы — безоружный дипломатический корабль, испрашивающий согласия вступить в переговоры.

— Это послание, санкционированное секретарем Сената, передается по мультилинии и на всех частотах.

— Отлично, — упавшим голосом произнес Консул и указал на комлог Арундеса. — Который час?

— Шесть минут до рождения Рахили.

Консул откинулся на спинку дивана, прикрыв глаза.

— Ваш долгий путь никуда не привел, доктор!

Археолог встал и, освоившись с искусственной гравитацией, медленно направился к роялю. Постояв несколько минут на месте, он выглянул в иллюминатор, за которым в бархатно-черном небе сиял лазурный полумесяц стремительно удаляющейся планеты.

— Посмотрим, — прошептал он. — Посмотрим.

Глава тридцать восьмая

Сегодня мы выехали на болотистую бесплодную равнину. Я узнал ее — это Кампанья. И как бы в честь данного события, на меня накатывает новый приступ кашля. Кровь хлещет ручьем, и на этот раз гораздо сильнее, чем ночью. Ли Хент вне себя от тревоги и собственного бессилия. Ему при-

ходится держать меня за плечи во время судорог, а потом чистить мою одежду тряпкой, смоченной в ближайшей речушке. После того как приступ миновал, он тихонько спрашивает меня:

— Что еще я могу сделать для вас?

— Собирайте полевые цветы, — произношу я, задыхаясь. — Именно этим занимался Джозеф Северн.

Хент отворачивается, поджав губы. Не понимает, что это не бред и не злая ирония больного, а чистая правда.

Маленькая коляска и усталая лошадь тащатся по Кампанье, все ощутимее встряхивая нас на ухабах. Вечереет. Мы проезжаем мимо лошадиных скелетов, валяющихся у самой дороги; мимо развалин старой гостиницы и величественно замшелых руин виадука и, наконец, мимо столбов, к которым прибито что-то вроде палок белого цвета.

— Указатели? — спрашивает Хент, не догадываясь, что скаламбурил.

— Почти, — отвечаю я. — Кости бандитов.

Хент таращится на меня, подозревая, что болезнь окончательно помутила мой разум. Возможно, он прав.

Позже, уже выбравшись из болот Кампаньи,

мы замечаем вдали движущееся красное пятно.

— Что это? — взволнованно спрашивает Хент. Я понимаю его: он все еще верит, что с минуты на минуту нам встретятся люди, а там и исправный портал.

— Кардинал, — отвечаю я, не покривив душой. — На птиц охотится.

Хент обращается к своему увечному комлогу.

— Кардинал — это же птица… — недоуменно говорит он.

Я киваю в знак согласия, смотрю на запад, но красное пятно уже исчезло.

— А также духовное лицо, — замечаю я. — Как вам известно, мы приближаемся к Риму.

Хент смотрит на меня, морща лоб, и в тысячный раз посылает общий вызов по комлогу. Но вокруг полная, ничем не нарушаемая тишина. Ритмично поскрипывают деревянные колеса вентуры; монотонно высвистывает трель за трелью далекая птица. Может быть, кардинал?

Мы въехали в Рим, когда облака зазолотились в первых отблесках заката. Наша хрупкая коляска, трясясь по булыжной мостовой, вкатывается в Латеранские ворота, и за ними сразу же открывается Колизей. Заросший плющом, загаженный тысячами своих жильцов-голубей и несравненно

величественный. Куда более величественный, чем знакомый по голограммам его каменный портрет. Сейчас мы видим его в былом обличье, не стиснутым нелепыми экобашнями. Он царственно расположился среди полей и хижин, на границе города и мира. На почтительной дистанции от него раскинулся Рим — россыпь крыш и руин на легендарных семи холмах, но Колизей затмевает все.

— Боже, — шепчет Ли Хент. — Что это?

— Все те же кости бандитов. — Я пытаюсь шутить, еле-еле выговаривая слова в страхе перед новым приступом кашля.

Мы едем под перестук копыт по пустынным улицам Рима — города Старой Земли девятнадцатого века. Между тем вечер вступает в свои права, набрасывая на все покрывало мрака. Нигде ни души, лишь над куполами и крышами Вечного Города кружат голуби.

— Где же люди? — испуганно шепчет Хент.

— В них нет необходимости, — отвечаю я, и мои слова отдаются странным эхом в темном каньоне городских улиц. Езда по булыжной мостовой ничуть не приятнее, чем по ухабам проселочных дорог.

— Это что, какая-то фантопликация? — неуве-

ренно спрашивает Хент.

— Остановите повозку, — предлагаю я, и послушная лошадь тут же застывает на месте. — Пните его, — говорю я Хенту, указывая на большой камень на мостовой.

Глядя на меня исподлобья, он все же спускается, подходит к камню и в сердцах пинает его. В следующую секунду из зарослей плюща и с колоколен взлетает несметное множество голубей, вспугнутых его отчаянной бранью.

— Как и доктор Джонсон, вы на опыте убедились в объективной реальности сущего, — говорю я. — Это не фантопликация и не сон. Не более чем вся наша жизнь.

— Почему они забросили нас сюда? — горестно шепчет помощник секретаря Сената, уставившись в небо. Можно подумать, сами боги слушают нас, прячась за темнеющим пологом вечерних облаков. — Что им надо?

«Им надо, чтобы я умер, — догадка сражает меня, как резкий удар в грудь. Я почти не дышу, стараюсь не делать глубоких вдохов — авось удастся избежать приступа. Мокрота бурлит и клокочет в горле. — Им надо, чтобы я умер у вас на глазах, Хент».

Кобыла между тем трогается с места, сворачива-

ет направо, в первый переулок, еще раз направо, выезжает на улицу пошире — в реку мрака и отзвуков копыт, и, наконец, останавливается у верхней площадки гигантской лестницы.

— Приехали, — говорю я, с трудом вылезая из повозки. Ноги затекли, в груди ноет, ягодицы — сплошная рана. В голове вертится зачин сатирической оды на приятности странствий.

Хент следует за мной — и застывает на самом верху исполинской раздвоенной лестницы, недоверчиво уставившись на свои руки, словно это муляж:

— И куда же мы приехали, Северн?

Я указываю на площадь внизу, у подножия лестницы.

— Пьяцца ди Спанья, Площадь Испании, — говорю я и вдруг мне приходит в голову: как странно, что Хент называет меня Северном. Ведь я перестал им быть, как только мы въехали в Латеранские ворота. Точнее, в тот миг ко мне вернулось мое прежнее настоящее имя.

— Не пройдет и десятка лет, — шепчу я, — как эту лестницу назовут Испанской. — Я начинаю спускаться по правому маршу и тут же спотыкаюсь. Голова кружится. Подоспевший Хент едва успевает подхватить меня.

— Вы не можете идти, — говорит он дрогнувшим голосом. — Вы тяжело больны.

Я указываю на старое здание, обращенное глухой стеной на лестницу, а фасадом — на площадь.

— Уже недалеко, Хент. Вот оно, наше пристанище.

Хмурый взор помощника Гладстон останавливается на пресловутом здании:

— Для чего нам этот дом? Что нас ожидает в нем?

Не могу сдержать улыбку — Хент, самый непоэтичный человек на свете, заговорил в рифму. Я тут же вообразил, как мы полуночничаем в этом старом доме, и я обучаю его тонкостям использования цезнуры, или радостям чередования ямбической стопы с безударным пиррихием, или сладкому злоупотреблению спондеями.

И опять я кашляю, не могу сдержаться. По ладоням на рубашку струится кровь.

Хент помогает мне спуститься и пересечь площадь, где творение Бернини — фонтан-ладья — плещет и журчит в темноте, а затем, следуя за моим указательным пальцем, вводит меня в черный прямоугольник дверного проема — дверь дома номер 26 на Площади Испании. Вспомнив

невольно Данте, я почти явственно вижу над дверной притолокой: «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Сол Вайнтрауб стоит у входа в Сфинкс и грозит кулаком Вселенной. Сгущаются сумерки, все ярче сияют открывающиеся Гробницы, а его дочь все не возвращается.

Не возвращается.

Шрайк забрал ее, положил крошечное тело новорожденной на стальную ладонь и исчез в жутком светящемся облаке, которое даже сейчас не впускало в себя Сола, давило на него, точно огненный ураган из недр планеты. Сол пытался продвигаться наперекор ему, но оно снова и снова отбрасывало его назад.

Солнце Гипериона зашло. Разбуженный спустившимся с горных вершин холодным воздухом, ветер ринулся в долину. Обернувшись, Сол увидел, как пляшут алые песчинки в сиянии открывающихся Гробниц.

Гробницы открываются!

Щурясь от холодного, режущего глаза света, Сол поглядел в глубь долины, где сквозь завесу пыли проступали зеленоватые болотные огни — остальные Гробницы. По дну долины протянулись длинные чередующиеся полосы света и

тени. Последние блики заката соскользнули с облаков, и в мире воцарились ночь и воющий ветер.

Неужели ему почудилось? В дверном проеме соседней Нефритовой Гробницы что-то мелькнуло. То и дело оглядываясь на дыру, поглотившую Шрайка с его дочерью, Сол неуклюже спустился с крыльца Сфинкса и, ежась от ветра, старческой трусцой побежал по тропе.

Что-то медленно выплыло из овальной двери Гробницы — смутный силуэт в луче света, идущего изнутри. Человек? Шрайк? Если это Шрайк, он бросится на монстра и будет трясти, пока тот не вернет Рахиль — или пока один из них не рухнет замертво.

Но это не Шрайк.

Силуэт человеческий, теперь Сол был в этом уверен. Человек пошатнулся и прислонился к стене Нефритовой Гробницы. Ранен? Устал?

Это молодая женщина.

Рахиль! Сол словно воочию увидел прилетевшую сюда пятьдесят с лишним стандартолет назад деловитую аспирантку, которая лазала по Гробницам, не подозревая об уготованной ей участи. Сол всегда думал, что если его девочка спасется, если болезнь уйдет из нее, она сно-

ва проделает путь от младенца до девушки и женщины. Но почему бы Рахили не вернуться в обличье двадцатишестилетней девушки, когда-то переступившей роковой порог?

Сердце Сола стучало так громко, что он перестал слышать вой ветра. Он помахал фигурке, почти скрывшейся за песчаной завесой.

Женщина помахала в ответ!

Сол побежал ей навстречу и, остановившись в тридцати метрах от гробницы, крикнул:

— Рахиль! Рахиль!

Женщина — черный силуэт на белом овале входа — отошла от косяка, ощупала обеими руками лицо, что-то крикнула (ветер унес слова) и начала спускаться по ступеням к тропе.

Сол мчался, не разбирая дороги, спотыкаясь, падая, не обращая внимания на боль. Когда он выскочил на тропу, ведущую к лестнице Нефритовой Гробницы, женщина вышла из конуса света ему навстречу.

Сделав несколько шагов, она пошатнулась. Сол успел подхватить ее и осторожно опустил на песок. Песчинки хлестали его по спине, темпоральные волны налетали невидимыми тошнотворными вихрями.

— Это я, — прошептала она и коснулась щеки

Сола. — Все вправду. Я вернулась.

— Да, — ответил Сол, откидывая спутанные кудри со лба женщины и загораживая ее от ветра и песка. — Все хорошо, — негромко произнес он, стараясь незаметно смахнуть навернувшиеся на глаза слезы разочарования. — Все хорошо, Ламия. Вот вы и вернулись.

Мейна Гладстон вышла из пещеры Военного Кабинета в коридор, где сквозь длинные полосы толстого перспекса можно было любоваться окрестностями Олимпа до самой Фарсиды. Далеко внизу бушевала гроза, которая отсюда, с высоты почти двенадцати километров, выглядела как безобидное перемигивание молний сквозь мерцающую кисею статического электричества.

Ее помощница Седептра Акази вышла следом и молча встала рядом с секретарем Сената.

— Так ничего и не слышно о Ли и Северне? — спросила Гладстон.

— Ничего, — ответила Акази. — Руководство Техно-Центра утверждает, что в работе портала произошел какой-то сбой.

Гладстон холодно усмехнулась:

— Вот именно. Ты можешь припомнить хоть один случай такого сбоя? Где-нибудь?

— Нет, госпожа секретарь.

— Вот видишь! Техно-Центр не удосуживается даже врать правдоподобно. Возомнили, что могут похищать, кого пожелают, потому что мы целиком зависим от их поддержки. И знаешь что, Седептра?

— Что?

— Они правы. — Покачав головой, Гладстон повернулась к длинному спуску в Военный Кабинет. — Минут через десять Бродяги окружат Рощу Богов. Пойдем-ка вниз, к остальным. Встреча с Советником Альбедо состоится сразу после совещания?

— Да, сразу. Но, Мейна, простите, некоторые считают, что слишком опасно идти с ними на открытую конфронтацию.

Гладстон остановилась на пороге Военного Кабинета.

— Почему? — спросила она, улыбнувшись на этот раз искренне. — Думаете, Техно-Центр «исчезнет» меня так же, как Ли с Северном?

Акази не решилась возразить и лишь с мольбой протянула руки.

Гладстон ласково коснулась плеча молодой женщины:

— Если даже они на это пойдут, Седептра, то окажут мне неоценимую услугу. Но вряд ли. Дело

зашло настолько далеко, что один человек не в силах повлиять на ход событий. По крайней мере они так считают. — Гладстон убрала руку с плеча Седептры, и ее улыбка погасла. — И, может быть, они правы.

Обе женщины молча спустились к ожидавшей их группе военных и политиков.

— Миг близится, — торжественно произнес Сек Хардин, Истинный Глас Мирового Древа.

Эта фраза вывела Поля Дюре из задумчивости. За прошедший час отчаяние и горечь, пройдя горнило смирения, сменились чувством, близким к радости от сознания, что отныне он навсегда освободился от ответственности, обязанностей, необходимости принимать решения. Дюре и духовный лидер Братства тамплиеров молча любовались закатом над Рощей Богов и высыпавшими на небе звездами — среди которых не все были звездами.

Дюре, правда, немного смутило, что в такую минуту глава тамплиеров обособился от своих братьев. Но, поразмыслив над верованиями последователей Мюира, он пришел к выводу, что они предпочитают встречать смертельную угрозу поодиночке, рассыпавшись по священным платформам и сокровенным беседкам священ-

нейших своих деревьев. Иногда Хардин шептал короткие фразы в свой капюшон, видимо, связываясь с кем-то по комлогу или импланту.

Как бы то ни было, не так уж и плохо ожидать конца света на вершине высочайшего дерева в галактике, наслаждаясь шелестом ветерка в мириадах листьев и глядя в бархатное небо, где мерцали звезды и плыли две луны.

— Мы попросили Гладстон и других правителей Гегемонии не оказывать сопротивления и не направлять к нам военные корабли ВКС, — неторопливо сказал Сек Хардин.

— Разумно ли это? — спросил Дюре. Он уже знал от Хардина о печальной судьбе Небесных Врат.

— Флот ВКС не готов к серьезной схватке с Бродягами, — ответил тамплиер. — Остается лишь надеяться, что с нами обойдутся, как с мирными жителями.

Отец Дюре кивнул и переменил позу, чтобы лучше видеть великана-тамплиера. Единственным источником света, помимо звезд и лун, были тусклые люм-шары на ветвях под платформой.

— Но ведь вы сами вызвали эту войну. Именно вы помогли Церкви Шрайка ее развязать.

— Нет, Дюре. Дело не в войне. Братство ведало, что ему суждено участвовать в Великих Пере-

менах.

— А что это такое?

— Суть Великих Перемен в том, что человечество отныне будет играть роль, предначертанную ему естественным порядком Вселенной. До сих пор оно было раковой опухолью в ее теле.

— Раковой?

— Это такая древняя болезнь, при которой…

— Да-да, — перебил его Дюре, — я знаю, что такое рак. Но при чем здесь он? Что общего между раком и человечеством?

В негромком и выразительном голосе Сека Хардина появилась не свойственная ему горячность.

— Мы расползлись по всей галактике, как раковые клетки по живому организму. Размножаемся, не задумываясь о бесчисленных живых существах, которые гибнут или хиреют в биологических тупиках, дабы мы плодились и благоденствовали. Безжалостно истребляем своих конкурентов по разуму…

— Кого, например?

— Хотя бы эмпатов Сенешаи на Хевроне. Или болотных кентавров Сада. Вдумайтесь, Дюре: всю экосистему Гардена разрушили до основания, чтобы несколько тысяч людей-колонистов наслаждались комфортом на планете, где до них

процветали миллионы местных живых организмов!

Дюре потер лоб.

— Что делать! Такова цена, которую приходится платить за терраформирование планет.

— Вихрь терраформированию не подвергался, — страстно парировал тамплиер, — а юпитерианские животные тем не менее были истреблены. Охотниками.

— Никто, однако, не доказал, что цеппелины разумны, — возразил Дюре, чувствуя несостоятельность собственных доводов.

— Они пели, — с горечью сказал тамплиер. — Разделенные тысячами километров атмосферы, они общались друг с другом песнями, исполненными смысла, любви и печали. А их выслеживали и убивали, как белых китов на Старой Земле.

Дюре скрестил руки на груди:

— Вы совершенно правы — мы виноваты. Но разве нельзя искупить вину как-нибудь иначе? Разве обязательно поддерживать бесчеловечную философию культа Шрайка… или эту войну?

Капюшон тамплиера качнулся из стороны в сторону.

— Нет! Будь это обычные людские прегрешения, иной путь к искуплению был бы возможен.

Но это не просто болезнь — это безумие, погубившее множество видов и рас, опустошившее целые миры… И порождено оно греховным симбиозом.

— Симбиозом?

— Человечества и Техно-Центра, — бросил Сек Хардин, поразив Дюре резким, не свойственным тамплиерам тоном. — Человек и его механический разум. Кто тут на ком паразитирует? Сами симбионты запутались в своих отношениях. Но это смертный грех. Это козни Анти-Природы. И даже хуже, Дюре, — это эволюционный тупик.

Иезуит встал и отошел к балюстраде, окинув взглядом сумрачные древесные кроны, парящие в ночи, подобно флотилии облаков.

— Неужели из этого тупика нет другого выхода? Только Шрайк и всегалактическая война?

— Шрайк не более чем катализатор, — живо откликнулся Хардин. — Очистительный огонь, возрождающий чахлый, больной лес. Грядут трудные времена, но они вызовут новый виток развития, новую жизнь, очищение всех видов… и не где-то вдали, а здесь, в доме человечества.

— «Трудные времена», — задумчиво повторил Дюре. — И ваше Братство готово лицезреть гибель миллиардов в процессе этой… прополки?

Тамплиер сжал кулаки.

— Этого не случится! Шрайк — лишь предупреждение. Наши братья Бродяги стремятся взять под контроль Гиперион и Шрайка только на время, необходимое для нанесения удара по Техно-Центру. Это будет хирургическая операция: уничтожение симбионта и возрождение человечества в новом качестве — партнера Природы в священном круговороте жизни.

Дюре вздохнул.

— Если бы знать, где находится Техно-Центр. Как можно нанести удар по тому, чего никто никогда не видел?

— Можно, — ответил Истинный Глас Мирового Древа, но уже без прежней уверенности.

— Значит, вторжение на Рощу Богов — одно из условий соглашения? — помолчав, спросил священник.

Теперь уже тамплиер вскочил и начал прохаживаться от стола к балюстраде и обратно.

— Вторжения не будет. Именно потому я и задержал вас: чтобы вы увидели все собственными глазами и рассказали Гегемонии.

— Если вторжения не будет, Гегемония и без меня об этом узнает, — озадаченно сказал Дюре.

— Да, но там не поймут, почему Бродяги пощадили наш мир. Вы должны передать им эту весть

и истолковать ее.

— К черту… — невольно вырвалось у отца Дюре. — Я устал быть всеобщим посыльным. Откуда у вас эти сведения? Например, о пришествии Шрайка и причинах войны?

— Пророчества… — начал Сек Хардин.

Дюре ударил кулаком по перилам. Как втолковать тамплиеру, что все они — игрушки в руках существа, способного манипулировать самим временем или как минимум служащего силе, которая на такое способна?

— Вы увидите… — снова начал тамплиер, и, словно в подтверждение его слов, по планете прокатился глухой ропот. Казалось, миллионы ее обитателей вздохнули все разом, сорвавшись на негромкий стон.

— Боже Милостивый, — воскликнул Дюре, глядя на запад, где медленно поднималось недавно зашедшее солнце. Зашелестев листвой, в лицо ударил горячий ветер.

Ночь превратилась в сверкающий день, и над горизонтом выросли пять чудовищных грибов. Дюре инстинктивно прикрыл глаза рукой, а когда свечение пошло на убыль, перевел взгляд на тамплиера.

Сек Хардин откинул капюшон, и раскаленный

ветер трепал его длинные зеленоватые волосы. Скуластое азиатское лицо окаменело от потрясения. Потрясения и растерянности. В капюшоне Хардина щебетали позывные множества комлогов, тревожно звенели похожие на птичьи голоса.

— Взрывы на Сьерре и Хоккайдо, — прошептал тамплиер. — Ядерные взрывы. Орбитальная бомбардировка.

Дюре вспомнил, что Сьерра — это закрытый для посторонних континент, расположенный менее чем в восьмистах километрах от Мирового Древа. А на священном острове Хоккайдо росли и приуготавливались будущие корабли-деревья.

— Жертвы? — спросил он, но, прежде чем Хардин успел ответить, ослепительные стрелы рассекли небосвод Рощи Богов. Два десятка тактических лазеров, протонных пушек и плазмометов за несколько секунд выкосили пространство от горизонта до горизонта. Казалось, по крыше древесного мира Рощи Богов шарят безобидные лучи прожекторов, но вслед за ними бежали волны пламени.

Дюре пошатнулся — луч стометровой ширины ураганом пронесся по чаще менее чем в километре от Мирового Древа. Древний лес мгновенно

вспыхнул, в ночном небе выросла десятикилометровая оранжево-алая стена, и воздух с ревом устремился в эту адскую топку. Другой луч, летевший с севера на юг, прежде чем исчезнуть за горизонтом, чудом не срезал Мировое Древо. Все новые и новые столбы огня и дыма поднимались к вероломным звездам.

— Они обещали… — прошептал Сек Хардин. — Братья Бродяги обещали!

— Вам нужна помощь! — выкрикнул Дюре. — Свяжитесь с Сетью, пусть поспешат на выручку!

Хардин схватил Дюре за руку и потянул к краю площадки. Лестница вновь была на своем прежнем месте, и ярусом ниже в воздухе мерцал портал.

— Это… только авангард, — прохрипел тамплиер, силясь перекрыть хищный клекот лесного пожара. Зола и дым заполнили воздух, отовсюду летели горящие головешки. — Сфера сингулярности будет взорвана с секунды на секунду Спасайтесь.

— Без вас я не уйду! — Иезуит не слышал себя в ужасающем вое и треске.

Внезапно в нескольких километрах к востоку в небе вспыхнул голубой круг плазменного взрыва и стал судорожно распухать, гоня перед собой

концентрические окружности ударных волн. Охваченные огнем деревья-исполины гнулись и ломались, мириады листьев, срываясь с веток, вливались в сплошную лавину обломков, несущуюся к Мировому Древу. Позади голубого круга взорвалась еще одна плазменная бомба. И еще одна.

Дюре и тамплиер скатились по ступеням, и ветер понес их через нижнюю площадку, как два листка бумаги. В последний момент Хардин успел схватиться за горящую балюстраду из мюира и удержал Дюре. Затем кое-как поднялся на ноги и, пригнувшись, будто шагая навстречу буре, стал пробираться к пока еще мерцающему порталу, волоча за собой потерявшего сознание иезуита.

Когда Дюре пришел в себя, портал был уже совсем рядом. Священник взялся за раму и оглянулся, не в силах сделать последний шаг. Его глазам предстало зрелище, навсегда запечатлевшееся в его памяти.

Много лет назад маленький Поль Дюре стоял вот так же у узкого оконца в прочном бетонном убежище на вершине скалы и смотрел, как цунами сорокаметровой высоты катится на их родной Вильфранш-сюр-Сон.

Огненное цунами Рощи Богов имело в высоту

почти три километра и неслось к Мировому Древу с немыслимой скоростью, оставляя за собой лишь пепел. Все ближе и ближе, все выше и выше — пока лес, небо и весь мир не потонули в воющем пламени.

— Нет! — вскричал отец Дюре.

— Уходите! — Тамплиер впихнул иезуита в портал, и в то же мгновение площадку, ствол Мирового Древа и сутану самого Истинного Гласа объял огонь.

Портал тут же захлопнулся, как ножом срезав каблуки на ботинках Дюре. Одежда на священнике тлела, от разности давлений уши пронзила резкая боль. Ударившись затылком обо что-то твердое, он вновь провалился — в куда более глубокую тьму.

Военные и политики в безмолвном ужасе смотрели на агонию Рощи Богов, а спутники посылали через ретрансляторы нуль-сети все новые и новые изображения горящей планеты.

— Надо срочно взорвать ее! — Адмирал Сингх старался перекричать треск горящего леса. Мейне Гладстон казалось, что она различает крики людей и животных. — Нельзя подпускать их ближе! У нас там только дистанционные детонаторы.

— Давайте, — произнесла Гладстон, не слыша

собственного голоса.

Сингх отвернулся и кивнул полковнику ВКС. Тот дотронулся до своей оперпанели. Горящие леса исчезли, в гигантских голонишах воцарилась тьма, но крики все еще были слышны. Гладстон не сразу осознала, что это кровь шумит у нее в ушах.

Она обернулась к генералу Морпурго.

— Сколько… — Фраза потонула в кашле. — Генерал, сколько времени осталось до нападения на Безбрежное Море?

— Три часа пятьдесят две минуты, госпожа секретарь.

Гладстон посмотрела на бывшего капитана третьего ранга Вильяма Аджунту Ли.

— Ваша эскадра готова, адмирал?

— Так точно, госпожа секретарь, — ответил Ли. Даже густой загар не мог скрыть его бледности.

— Сколько кораблей участвуют в вылазке?

— Семьдесят четыре, госпожа секретарь.

— И вы отобьете Бродяг от Безбрежного Моря?

— Прямо в облаке Оорта, госпожа Гладстон.

— Отлично. — Голос Гладстон обрел прежнюю силу. — Удачной охоты, адмирал.

Молодой человек щелкнул каблуками и удалился. Адмирал Сингх наклонился к генералу Ван

Зейдту и что-то прошептал ему на ухо.

Седептра Акази, неслышно подойдя к Гладстон, тихонько произнесла:

— Охрана ДП сообщила, что на резервный терминекс только что прибыл человек с просроченным чипом спецдоступа. Он ранен. Его отправили в лазарет Восточного Крыла.

— Ли? — быстро спросила Гладстон. — Северн?

— Нет, госпожа секретарь, — ответила Акази. — Священник с Пасема. Некто Поль Дюре.

Гладстон кивнула.

— Я навещу его после встречи с Альбедо. — И объявила во всеуслышание: — Если нет желающих прокомментировать увиденное — перерыв на тридцать минут. Затем обсудим меры по обороне Асквита и Иксиона.

Все встали. Секретарь Сената со своей свитой направилась через постоянный соединительный портал в Дом Правительства и исчезла в дальней двери. Зал тут же взорвался ожесточенными голосами спорящих и возгласами тех, кто еще не пришел в себя.

Мейна Гладстон откинулась на спинку кожаного кресла и закрыла глаза. А когда ровно через пять секунд она открыла их, помощники все еще толпились вокруг. Одни выглядели потерянны-

ми, другие излучали энергию. Все ожидали ее следующего слова, следующего приказания.

— Уходите, — тихо произнесла секретарь Сената. — Полежите минут десять лапками кверху. В ближайшие сутки-двое отдыха не предвидится.

Все удалились. Лишь некоторые жестами выражали недоумение, остальные не отреагировали — они едва держались на ногах.

— Седептра, — позвала Гладстон, и молодая женщина вернулась в кабинет. — Приставь двух моих личных телохранителей к священнику, который только что прибыл. К отцу Дюре.

Акази, кивнув, сделала заметку в своем факсблокноте.

— Какова политическая ситуация? — спросила Гладстон, потирая глаза.

— В Альтинге полный разброд. — Низкий голос Акази был, как обычно, деловитым и ровным. — Фракции зарождаются, недееспособная оппозиция пока не сформировалась. Другое дело — Сенат.

— Фельдстайн? — спросила Гладстон. Неполных сорок два часа оставалось до появления Бродяг на орбите Мира Барнарда.

— Фельдстайн, Какинума, Питере, Сейбенсторафен, Ришо… даже Сюдетта Шер требует вашей

отставки.

— А что ее муж? — Гладстон отлично знала, каким влиянием пользуется в Сенате Колчев.

— Сенатор Колчев молчит. Ни публично, ни конфиденциально не произнес ни слова.

Гладстон задумчиво прикусила нижнюю губу.

— Как по-твоему, Седептра, сколько осталось жить администрации, пока вотум недоверия не отрубит нам головы?

Акази, наделенная редким политическим чутьем, не задумываясь, ответила:

— Максимум семьдесят два часа, госпожа секретарь. Голоса уже поданы. Просто чернь пока не поняла, что вправе вершить суд. Но очень скоро они найдут козла отпущения.

Гладстон рассеянно кивнула.

— Семьдесят два часа, — пробормотала она. — Больше чем достаточно. — Подняв голову, она улыбнулась. — Это все, Седептра. Ступай и ты отдохни.

Лицо помощницы оставалось по-прежнему хмурым. Как только дверь за нею закрылась, в кабинете воцарилась тишина.

На какую-то минуту Гладстон, подперев подбородок кулаком, задумалась. Затем распорядилась:

— Советника Альбедо, пожалуйста.

Спустя двадцать секунд воздух перед столом Гладстон затуманился, замерцал и отвердел. Представитель Техно-Центра выглядел как всегда импозантно. Коротко подстриженные волосы блестели в свете ламп, открытое спокойное лицо покрывал здоровый загар.

— Госпожа секретарь, — начала беседу голографическая проекция. — Консультативный Совет и прогнозисты Техно-Центра вновь предлагают вам свои услуги в это время серьезных…

— Где находится Техно-Центр, Альбедо? — перебила его Гладстон.

Ни один мускул не дрогнул на приветливо улыбающемся лице.

— Простите, госпожа секретарь?

— Я говорю о Техно-Центре. Где он находится?

На доброжелательном лице Альбедо отразилось легкое смущение, без малейшей тени враждебности.

— Госпожа Гладстон, надеюсь, вам известно, что основа внешней политики Техно-Центра после Раскола — сохранение в тайне местонахождения… э-э… материальных элементов Техно-Центра. Иначе говоря, Техно-Центр не имеет определенного местонахождения, поскольку…

— Поскольку вы существуете в сопряженных реальностях киберпространства и инфосферы, — вновь перебила его Гладстон. — Всю жизнь я слушаю этот бред, Альбедо, а до меня его слушали мой отец и отец моего отца. А теперь я задам свой простой, очень простой, прямо-таки детский вопрос: где находится Техно-Центр?

Советник смущенно и в то же время с сожалением покачал головой, как взрослый, уставший от бессмысленных вопросов ребенка: «Па, почему небо голубое?»

— Госпожа Гладстон, на ваш вопрос не существует ответа. Ответа, доступного человеческому существу, привыкшему к трехмерности мира. В каком-то смысле Техно-Центр существует и в пределах Сети и вне ее. Мы плаваем в той реальности, которую вы называете инфосферой, но что касается материальных элементов — «аппаратуры», как выражались ваши предшественники, — мы считаем необходимым…

— Держать их местонахождение в секрете, — насмешливо закончила Гладстон и скрестила руки на груди. — Сознаете ли вы, советник Альбедо, что в Гегемонии найдутся люди… миллионы людей… убежденных, что Техно-Центр в лице вашего Консультативного Совета предал чело-

вечество?

Альбедо развел руками.

— Это весьма прискорбно, госпожа секретарь. Прискорбно, но объяснимо.

— Люди привыкли думать, что ваши прогнозы непогрешимы. Но, советник, вы ни единым словом не обмолвились о гибели Небесных Врат и Рощи Богов.

Печаль, появившаяся на лице проекции, казалась почти искренней.

— Госпожа секретарь, ради всего святого позвольте напомнить вам, что Консультативный Совет предостерегал вас. И неоднократно. Разве вас не предупреждали, что присоединение Гипериона к Сети чревато появлением случайной переменной, нефакторизуемой даже для Совета?

— Но речь сейчас не о Гиперионе! — сорвалась на крик Гладстон. — Речь о Роще Богов — она гибнет в огне! Небесные Врата превращены в кучу мусора. На очереди Безбрежное Море. На кой черт нам Консультативный Совет, раз он не в силах предупредить даже о таком вторжении!

— Мы предсказывали неизбежность войны с Бродягами, госпожа Гладстон. Мы также предупреждали вас об опасностях, связанных с обороной Гипериона. Поверьте, включение Ги-

периона в любое уравнение настолько снижает коэффициент надежности прогноза, что…

— Хорошо. — Гладстон на секунду прикрыла глаза. — Мне необходимо поговорить еще с кем-то из Техно-Центра, Альбедо. С кем-то из вашей непостижимой иерархии, кто обладает реальным правом принимать решения.

— Заверяю вас, что представляю все элементы Техно-Центра…

— Да-да, конечно, но сейчас я должна услышать кого-нибудь из властей предержащих… Властителей — так, кажется, вы их называете. Кого-нибудь из старейших ИскИнов. Мне необходимо поговорить с кем-то, кто в состоянии объяснить, почему Техно-Центр похитил художника Северна и моего помощника Ли Хента.

Голограмма удивленно выгнула брови.

— Уверяю вас, госпожа Гладстон, клянусь памятью нашего четырехсотлетнего союза, что Техно-Центр не имеет никакого отношения к прискорбному исчезновению…

Гладстон медленно встала.

— Вот потому-то мне и нужен Властитель. Время заверений прошло, Альбедо, настало время говорить правду. Если, конечно, мы хотим, чтобы ваша и наша цивилизации уцелели. Все. — И

Гладстон углубилась в разложенные на столе бумаги.

Советник Альбедо постоял еще немного и, пролившись мерцающим дождем, исчез.

Гладстон, выждав с минуту, вызвала личный портал, назвала коды лазарета ДП и поднялась с кресла. Но буквально за миг до соприкосновения с непрозрачной поверхностью энергетического прямоугольника замешкалась. Впервые в жизни испугалась портала.

Что, если Техно-Центр намеревается похитить ее? Или хуже того — убить? Или…

Какая непростительная наивность! Ведь Техно-Центр распоряжается жизнью и смертью любого гражданина Сети, пользующегося нульсетью, — только привычный взгляд на порталы как на безопасное транспортное средство вселяет уверенность в том, что они обязательно должны куда-то вести. Хента и Северна могли перенести просто в никуда. Прямиком в сингулярность. Разумеется, порталы нетелепортировали людей и предметы — смешно думать об этом. Но куда смешнее и страшнее довериться устройству, которое пробивает ткань пространства-времени и пропускает своих клиентов сквозь люки черных дыр. Разве не величайшая глупость доверяться

сейчас Техно-Центру в надежде, что он благополучно перенесет ее в лазарет?

Гладстон вспомнился Военный Кабинет: три гигантских зала, соединенных постоянно функционирующими прозрачными порталами. Господи! Эти три зала отделены друг от друга тысячами парсеков реального пространства и десятилетиями во времени. Каждый раз, когда Морпурго или Сингх отходили от голографической карты к графикам, они перешагивали огромные, уму непостижимые пропасти пространства и времени. Стало быть, Техно-Центру достаточно слегка разрегулировать порталы, чтобы любой из граждан Сети и сама Гегемония перестали существовать, словно их никогда и не было.

«Да пошли они к черту!» — подумала Мейна Гладстон и решительно шагнула в портал, чтобы навестить Поля Дюре в лазарете Дома Правительства.

Глава тридцать девятая

Две узкие, с высокими потолками комнатки на втором этаже дома на Площади Испании погружены в сумрак, который не в силах рассеять

тусклые лампы — видимо, зажженные привидениями-хозяевами в честь привидений-гостей. Моя кровать находится в комнате поменьше — той, что выходит на площадь. Правда, сейчас за окнами царит тьма, прочерченная глубокими тенями, да раздается нескончаемый плеск воды — голос невидимого фонтана Бернини.

На одной из башен-двойняшек церкви Санта-Тринитадель-Монти, которая, словно толстая рыжая кошка, притаилась в темноте, колокола отбивают время. Всякий раз, когда я слышу в ночи эти звуки, мне представляются руки призраков, дергающие за сгнившие веревки. А иногда — сгнившие руки, дергающие за призрачные веревки. Не знаю, какой образ лучше соответствует мрачным мыслям, которым я предаюсь этой бесконечной ночью.

Тяжелым сырым одеялом навалилась лихорадка. Трудно дышать. Когда жар проходит, кожа липка от пота. Дважды меня схватывали приступы кашля. Когда начался первый, прибежал Хент (он спит в соседней комнате на диване). Увидев, как у меня из горла хлещет кровь, он отпрянул, и его глаза округлились от ужаса. Со вторым приступом я справился сам (Хент не проснулся): дотащился до письменного стола, на котором

стоит тазик, и долго сплевывал темные сгустки.

Господи! Снова я здесь. Долгий путь — а в конце снова эти полутемные комнаты, это скорбное ложе. Смутно припоминаю, как проснулся здесь, чудесным образом «исцелившийся». В соседней комнате хлопотали доктор Кларк, коренастая синьора Анджелетти и «настоящий» Северн. Потом я «выздоравливал» от смерти и осознавал, что я не Китс и нахожусь не на Земле, что давно миновал тот год и век, когда в последнюю свою ночь я сомкнул глаза… что я вообще не человек.

Часа в два пополуночи я наконец заснул и, как обычно, увидел сон. Подобных кошмаров у меня еще не было. Я лечу по киберпространству и инфосфере, потом через мегасферу… все выше и выше. И наконец попадаю куда-то. Я здесь не был ни наяву, ни во сне. Бесконечное пространство, размытые текучие краски. Здесь нет ни горизонта, ни земли, ни неба. Вообще ни единого кусочка, который можно было бы назвать твердью. Мысленно я называю это место «метасферой», мгновенно ощутив, что новый уровень реальности включает в себя бесконечное разнообразие чувственного опыта моей жизни на Земле, все бинарные инфопотоки и все интеллектуальные наслаждения, испытанные мною в

Техно-Центре. И все это перекрывает чувство… чего? Неудержимости? Свободы? Наверное, тут подошло бы слово «возможность».

Я один в метасфере. Надо мной, подо мной, сквозь меня текут краски, иногда расплываясь в пастельные туманы или в фантастические облака, а иногда — гораздо реже — сгущаясь в какие-то объекты, странные, разнообразные, похожие на человеческие фигуры — и совсем не похожие на них. Я любуюсь ими, как ребенок, которому чудятся в облаках то слоны, то нильские крокодилы, то огромные канонерки, плывущие с запада на восток.

Постепенно я начинаю различать звуки. В мозг проникает назойливое журчание шедевра Бернини, шелест крыльев и воркование голубей на карнизе, слабые стоны спящего Хента.

И еще что-то. Не слухом, а, скорее, подсознанием я улавливаю голос чего-то незримого, почти нереального, но от этого еще более пугающего.

Что-то огромное крадется ко мне. Я напрягаю глаза, борясь с пастельно-ватным сумраком. Оно совсем рядом: еще немного, и я разгляжу его. Оно знает мое имя. В одной руке у него моя жизнь, а в другой — смерть.

В этом пространстве по ту сторону пространства

негде спрятаться. И бежать я не могу. Из мира, который я покинул, по-прежнему доносится сладкозвучная песнь боли: обычной боли обычных людей, боли жертв только что начавшейся войны, сфокусированной на мне немыслимой боли тех, кто висит на ужасном дереве Шрайка, и — что самое страшное — боли паломников и других людей, чьи жизни и мысли я отныне разделяю.

О если бы можно было вскочить и броситься навстречу приближающейся тени судьбы. Как знать, может, она избавит меня от этой песни.

— Северн! Северн!

На долю секунды мне кажется, будто кричу я сам. Сколько раз в этой комнате я взывал по ночам к Джозефу Северну, когда боль и лихорадка становились невыносимыми. И он всегда прибегал — увалень с озабоченным кротким лицом и виноватой улыбкой. Порой меня так и подмывало содрать эту улыбку с его губ какой-нибудь мелкой пакостью или едким замечанием. Умирая, трудно оставаться великодушным. Всю жизнь я старался быть добрым, доброжелательным… но к чему мне это теперь, на пороге смерти, когда беда настигла меня самого и я судорожно выхаркиваю ошметки собственных легких в окровавленные носовые платки?

— Северн!

Нет, это не мой голос: меня трясет за плечи Хент. Он до сих пор уверен, что это мое настоящее имя. Я отталкиваю его и снова падаю на подушки.

— В чем дело? Что случилось?

— Вы стонали, — говорит помощник Гладстон. — Кричали что-то.

— Кошмары. Больше ничего.

— Ваши сны не просто сны, — качает головой Хент и, подсвечивая себе лампой, оглядывает тесное помещение. — Какая ужасная квартира, Северн.

Я кисло улыбаюсь:

— Влетает мне в кругленькую сумму — двадцать восемь шиллингов ежемесячно. Семь скуди. Просто грабеж среди бела дня.

Хент хмурится. Резкий свет лампы еще сильнее выделяет морщины, прорезавшие его лицо.

— Послушайте, Северн, я знаю, кто вы. Гладстон рассказала, что вы — воссозданная личность поэта Китса. Его кибрид. Теперь ясно, что все это… — он жестом обводит комнату, черные прямоугольники окон, наши тени, высокую кровать, — каким-то образом связано с вашей истинной природой. Но как? Что за игру затеял с нами Техно-Центр?

— Понятия не имею, — чистосердечно признаюсь я.

— Но это место вам знакомо?

— О да, — отвечаю я. — Еще бы.

— Расскажите о себе, — просит Хент. Его сдержанность и неподдельное участие располагают к откровенности.

И я рассказываю ему о Джоне Китсе, поэте, родившемся в 1795 году, о его недолгой, богатой на горести жизни, о смерти в 1821 году от чахотки, в Риме, вдали от друзей и возлюбленной. Рассказываю о моем инсценированном «исцелении» в этой самой комнате, о решении взять имя художника Джозефа Северна — случайного знакомого, не покидавшего Китса до самой его смерти. И наконец, о кратком пребывании в Сети в качестве наблюдателя, обреченного видеть в своих снах паломников к Шрайку и многое другое.

— Снах? — удивляется Хент. — Вы хотите сказать, что даже сейчас видите сны о событиях, происходящих в Сети?

— Да. — И я пересказываю ему свои сновидения, связанные с Гладстон, гибелью Небесных Врат и Рощи Богов, непонятными событиями на Гиперионе.

Хент не перестает расхаживать по маленькой

комнате, меряя своей длинной тенью голые стены.

— А связаться с ними вы можете?

— С теми, кого вижу во сне? С Гладстон? — Я на секунду задумываюсь. — Увы, нет.

— Вы уверены?

Я пытаюсь ему объяснить:

— Меня самого в этих снах нет. У меня нет ни голоса, ни облика… никакого способа дать знать о себе.

— Но ведь иногда вы подслушиваете их мысли? Это так. Точнее, почти так.

— Их переживания словно становятся моими…

— В таком случае оставьте и вы след в их мыслях. Хотя бы намекните, где мы находимся.

— Невозможно!

Хент опускается на стул у кровати. Он как-то сразу состарился.

— Ли, — втолковываю я ему, — даже если бы я мог связаться с Гладстон или с кем-нибудь еще, что толку? Ведь копия Старой Земли с этой комнатушкой и фонтаном внизу находится в Магеллановом Облаке. Даже спин-звездолету потребуется несколько сот лет, чтобы добраться сюда.

— Но можно предупредить их, — отзывается

Хент. Кажется, еще немного и он заплачет.

— Предупредить — но о чем? Все худшие предположения Гладстон сбываются буквально на глазах. Думаете, она еще доверяет Техно-Центру? Иначе бы нас не похитили так нагло. События развиваются столь стремительно, что Гладстон не может с ними совладать. Никто не может.

Хент трет глаза, а потом, уткнув подбородок в сплетенные пальцы, как-то странно смотрит на меня.

— А вы действительно воссозданная личность Китса?

Я молчу.

— Почитайте свои стихи. Или же сочините что-нибудь.

Я отрицательно качаю головой. Уже поздно, мы оба изнервничались и устали, мой пульс все еще частит после недавнего кошмара. Я не позволю Хенту разозлить меня.

— Давайте! — не отстает он. — Докажите, что вы улучшенный вариант Билла Китса.

— Джона Китса, — поправляю я.

— Не все ли равно! Валяйте, Северн! Или Джон. Или как там вас еще называют. Хоть один стишок.

— Ладно, — говорю я, не спуская с него глаз. —

Слушайте.

Мальчишка озорной
Ничем не занимался.
Поэзией одной
Все время баловался.
Перо очинил
Вот такое!
И банку чернил
Прижимая
Рукою,
И еле дыша,
Помчался,
Спеша
К ручьям
И холмам,
И столбам
Придорожным,
Канавам,
Гробницам,
Чертям
Всевозможным.
К перу он прирос

И только в мороз
Теплей укрывался:
Подагры боялся.
А летом зато
Писал без пальто,
Писал – удивлялся,
Что все не хотят
На север,
На север
Брести наугад,
На север
Брести наугад.[54]

— Ну, не знаю. — Хент явно озадачен. — Что-то не похоже на поэта, прославившегося в веках.

Мне остается лишь пожать плечами.

— Вы стонали во сне. Вам опять снилась Гладстон?

— Сегодня — нет. Это был… обыкновенный кошмар. Для разнообразия.

Хент встает, берет лампу и направляется к двери, унося с собой единственный источник света. Я снова слышу журчание фонтана на площади и

---

[54] Примечания: 54
Д. Китс «Песня о себе самом», 25–57 (Пер. И. Ивановского).

возню голубей на карнизе.

— Завтра, — примирительно произносит Хент, остановившись в дверях, — мы попытаемся распутать эту головоломку и найти выход из положения. Не может быть, чтобы он не отыскался. Если они смогли перенести нас сюда, значит, можно отсюда выбраться.

— Да, — соглашаюсь я с притворной искренностью.

— Спокойной ночи, — говорит Хент. — И чтобы никаких кошмаров. Договорились?

— Договорились, — снова соглашаюсь я. Врать так врать.

Монета оттащила раненого Кассада от Шрайка. Ее поднятая рука, казалось, пригвоздила чудовище к месту. Выдернув из-за пояса своего скафандра синий тороид, женщина быстро взмахнула им за спиной.

В воздухе повис пылающий золотой овал в человеческий рост.

— Не держи меня, — пробормотал Кассад. — Дай нам закончить.

Там, где лезвия Шрайка пробили защиту, на скафандре запеклась кровь, полуотсеченная правая ступня болталась как тряпка. На ногах полковник удержался лишь благодаря тому, что

во время схватки буквально повис на Шрайке, словно в каком-то жутком танго.

— Не держи меня, — повторил Кассад.

— Молчи! — резко бросила Монета. И потом, с нежностью и болью: — Замолчи, милый.

Она втащила его в овал, и Кассад тут же зажмурился от ослепительного света.

От удивления он даже позабыл о боли, раздирающей его тело. Они уже не на Гиперионе — в этом он был уверен. Широкая равнина простиралась до самого горизонта — куда более далекого, чем допускали логика и опыт. Низкая оранжевая трава, если это была трава, покрывала луга и низкие холмы, делая их похожими на исполинскую мохнатую гусеницу. Тут же торчали странные штуковины (возможно, деревья?), похожие на эшеровы фигуры из армированного углепласта — причудливые стволы и ветви, темно-синие и лиловые овальные листья, сверкающие под льющимся с неба светом.

Но не солнечным. Когда Монета принялась оттаскивать Кассада от исчезнувшего портала (если это был портал, ибо полковник мог поклясться, что переместился не только в пространстве, но и во времени), он, подняв глаза к небу, испытал настоящее потрясение. Было светло, как днем

на Гиперионе; нет, как в полдень на Лузусе, как в разгар лета на знойной родине Кассада — марсианской Фарсиде. Но не от солнца. В небе теснились звезды, созвездия, звездные скопления — мириады звезд. Их было так много, что для темноты просто не осталось места. Настоящий планетарий о десяти проекторах, промелькнуло в голове у Кассада. Будто в центре галактики.

Центр галактики.

Из сумрака под эшеровыми деревьями появились люди в таких же энергоскафандрах и обступили Кассада и Монету. Один из мужчин — великан даже по Кассадовым, марсианским меркам, — оглядев его, обернулся к Монете. Кассад ничего не слышал, но догадался, что они разговаривают.

— Ложись, — велела Монета, укладывая Кассада на бархатистую оранжевую траву. Он попытался сесть, что-то сказать, но две ладони — Монеты и великана — прикоснулись к его груди, и он покорно лег. Перед глазами медленно закружились фиолетовые листья, заслоняя многозвездное небо.

Еще одно прикосновение, и скафандр Кассада выключился. Полковник зашевелился, пытаясь прикрыть свою наготу, но Монета удержала его

на месте. Сквозь жгучую боль Кассад смутно ощутил, как великан касается его изрезанных рук и груди, проводит серебряной ладонью по ноге, сжимает рассеченное ахиллово сухожилие. И вслед за этим по его телу начала разливаться прохлада. Ему казалось, что он, как воздушный шарик, поднимается над оранжевой равниной и холмами — все выше и выше, к усеянному звездами своду, где его поджидает неясная фигура, темная, как грозовая туча, и огромная, как гора…

— Кассад, — прошептала Монета, и полковник вернулся к действительности. — Кассад, — повторила она, целуя его в щеку. Как по волшебству, полковника вновь окутало ртутное силовое поле.

С помощью Монеты полковник кое-как сел и помотал головой. Ощутив привычное давление скафандра, он поднялся на ноги. Боль исчезла, сменившись легким покалыванием на месте заживших порезов и ран. Кассад сунул руку под скафандр и пощупал кожу, согнув ногу в колене, дотронулся до пятки. Даже рубцов не осталось.

— Спасибо, — произнес он, обернувшись к великану.

Тот кивнул и неторопливо отошел к остальным.

— Он здесь вроде доктора, — сказала Монета. — Целитель.

Но Кассад ничего не слышал: все его внимание было поглощено этими удивительными существами. Несомненно, людьми — он чувствовал это, — но, черт возьми, до чего же разными! Скафандры — не серебристые, как у него с Монетой, а самых невероятных расцветок — почти сливались с телами. Только размытые контуры и едва заметные переливы выдавали их присутствие. А внешность… Вокруг головы не уступавшего ростом Шрайку плотного и лобастого целителя вздыбились гривой рыжие энергетические потоки; рядом с ним стояла женщина ростом с ребенка, но, несомненно, взрослая, изящная, с мускулистыми ногами, небольшой грудью и двухметровыми прозрачными крыльями. И они вовсе не были украшением. Когда по оранжевой траве скользнул легкий ветерок, маленькая женщина разбежалась, раскинула руки и плавно взлетела.

За группой стройных женщин в синих скафандрах, с длинными перепончатыми пальцами, сгрудились невысокие крепыши в панцирях и шлемах. Лица их были закрыты забралами, как у морпехов ВКС, готовых принять бой в вакууме, но

Кассад догадался, что панцири — часть их тела. В восходящих потоках воздуха парили крылатые мужчины; между ними пульсировали желтые лазерные лучи, сплетаясь в удивительные узоры. По-видимому, лучи испускались глазами, расположенными у них на груди.

Кассад встряхнул головой, но видение не исчезло.

— Пора, — сказала Монета. — А то как бы Шрайк не явился сюда за нами. У этих воинов и без него полно дел.

— Где мы? — спросил Кассад.

Монета коснулась золотой пряжки на поясе, и в воздухе появился фиолетовый овал.

— В далеком будущем. Точнее, в одном из многих будущих. В том, где были созданы и отправлены в прошлое Гробницы Времени.

Кассад огляделся. Что-то огромное скользнуло по небу, заслонив тысячи звезд и бросив на землю тень. Скользнуло — и исчезло. Люди, мельком посмотрев вверх, вернулись к своим занятиям. Одни собирали со странных деревьев мелкие плоды, другие, обступив воина в панцире, рассматривали энергокарты, которые тот вызывал, щелкая пальцами; крылатые, рассекая воздух, понеслись к горизонту. А шарообразный

индивидуум неопределенного пола принялся зарываться в мягкую почву и вскоре скрылся в ней с головой — лишь маленькая земляная горка, бегавшая вокруг Кассада с Монетой, выдавала его присутствие.

— Где находится это место? — вновь спросил Кассад, словно не слышал, что сказала Монета. — Что это такое? — Внезапно на глаза ему навернулись беспричинные слезы. Будто, завернув за угол в чужом городе, он очутился дома, в Фарсиде: давно умершая мать машет из дверей; забытые друзья зовут играть в вышибалы.

— Пойдем, — настойчиво повторила Монета, подталкивая Кассада к светящемуся овалу. Не сводя глаз с крылатых людей, тот сделал шаг, и чудесная равнина исчезла.

Их окутала тьма. Через долю секунды включился визор скафандра, и Кассад разглядел мерцающие стены Хрустального Монолита. На Гиперионе была ночь. В небе клубились рваные тучи, завывал ветер. Долину освещало лишь пульсирующее сияние Гробниц. Кассада пронзила острая, как у ребенка, тоска по странному миру, где он только что побывал, но в следующий миг наваждение прошло.

В пятистах метрах от него Сол Вайнтрауб скло-

нился над Ламией Брон, лежавшей на ступенях Нефритовой Гробницы. Из-за поднятого в воздух песка они не замечали Шрайка, который словно тень скользил мимо Обелиска. Скользил к ним.

Соскочив с мраморной глыбы, Федман Кассад бросился вниз по тропе, перепрыгивая через хрустальные осколки. Монета повисла у него на руке.

— Остановись! — В голосе Монеты звучали нежность и отчаяние. — На этот раз Шрайк убьет тебя.

— Там мои друзья, — возразил Кассад. Его разодранный десантный скафандр валялся на прежнем месте. Обшарив Монолит, полковник нашел свою десантную винтовку и ленту с фанатами. Убедившись, что винтовка цела, Кассад проверил заряд и, щелкнув предохранителем, бросился на перехват Шрайка.

Меня разбудил звук льющейся воды. На миг почудилось, будто я лежу на речном берегу, у Лодорского водопада, рядом — Браун, мой товарищ по пешим странствиям. Но стоит открыть глаза… Вокруг тьма более беспросветная, чем тьма Гипериона в моих снах, а заунывный плач воды ничуть не похож на грозный рокот водопада, воспетого Саути. Чувствую себя ужасно — но это

не та саднящая боль в горле, которую я заработал, когда мы с Брауном сдуру взобрались на рассвете на Скиддоу, — нет, меня душит страшная, смертельная болезнь, от которой ломит все тело, а в груди и животе клокочет огненная мокрота.

Встаю, на ощупь пробираюсь к окну. Под дверью, ведущей в комнату Хента, — тусклая полоска света. Видно, он заснул, не погасив лампы. Мне следовало поступить так же, но теперь уже нет смысла: прямоугольник окна чуть светлее заполнившего комнату мрака.

Воздух свеж и пахнет дождем. Над крышами Рима пляшут молнии, и я понимаю, что меня разбудил гром. Нигде ни огонька. Высунувшись из окна, вижу лестницу над площадью, мокрую от дождя, и среди молний — черные силуэты башен Тринита-дель-Монти. С лестницы дует холодный ветер. Возвращаюсь к кровати и, набросив на плечи одеяло, подтаскиваю к окну стул. Усаживаюсь. Сижу, гляжу в окно, думаю.

Я вспоминаю брата Тома, последние недели и дни его жизни, судороги, сотрясавшие его тело на каждом вдохе и выдохе. Вспоминаю мать, ее бледное лицо, светящееся в сумраке комнаты с зашторенными окнами. Нас с сестрой приводили, позволяли коснуться ее влажной руки,

поцеловать горячие обметанные губы — и тут же выводили. Вспоминаю, как однажды, выходя, украдкой вытер рот рукавом и боязливо покосился на сестру и родичей — вдруг заметили?

При вскрытии тела Китса спустя сутки после смерти доктор Кларк и хирург итальянец обнаружили следующее (цитирую письмо Северна к другу): «Ужаснейший из возможных случай туберкулеза… легкие совершенно разрушены, их просто не осталось». Ни доктор Кларк, ни итальянец не могли понять, как Китсу удалось прожить эти два месяца.

Я размышляю об этом, сидя в потемках и созерцая темную площадь, прислушиваясь к клокотанию в груди и горле, ощущая, как боль словно огонь пожирает мое тело, а непрерывно звучащий во мне крик — душу. Это кричит с дерева Мартин Силен, виновный в том, что написал стихи, на которые у меня не хватило здоровья и духу; кричит Федман Кассад, готовясь принять смерть от клинков Шрайка; стонет Консул, не желающий совершить новое предательство; кричат тысячи тамплиеров, оплакивая свой собственный мир и брата своего, Хета Мастина. Кричит Ламия Брон, вспоминая убитого любовника, моего двойника. Стонет на больничной койке Поль

Дюре, измученный ожогами и воспоминаниями, ни на миг не забывающий, что его грудь когтят, выжидая урочного часа, крестоформы. Кричит Сол Вайнтрауб, зовущий Рахиль. А в ушах его не смолкает жалобный крик новорожденной.

— Будь все проклято, — шепчу я и стучу кулаком по подоконнику. — Проклято!

Спустя некоторое время, с появлением первых проблесков зари, я отхожу от окна, ощупью добираюсь до кровати и ложусь — хоть на миг смежить веки.

Генерал-губернатора Гипериона Тео Лейна разбудила музыка, но он долго не мог отличить сон от яви. Реаниматор, кушетка в корабельной операционной, мягкая черная пижама… Наконец обрывочные воспоминания о прошедших двенадцати часах начали выстраиваться в логической последовательности: вот его извлекают из реаниматора, затем обклеивают датчиками, а Консул и еще какой-то мужчина, склонившись над ним, задают вопросы. По всей видимости, он дает вполне здравые ответы; и снова забытье. Снится ему Гиперион, горящие города. Нет, города и в самом деле горели!

Тео сел, едва не взлетев при этом к потолку, нашел на ближней полке свою вычищенную и

аккуратно сложенную одежду и быстро привел себя в порядок. Музыка звучала то громче, то тише, чарующе глубокая — никакой фонограмме не под силу воспроизвести все эти обертона.

Тео поднялся на прогулочную палубу и остолбенел. Люки были распахнуты настежь, балкон выдвинут, силовое поле, по-видимому, отключено. Здешней силы тяжести едва хватало, чтобы удерживать его ноги на палубе, — процентов двадцать гиперионовской или одна шестая стандартной.

Яркие солнечные лучи врывались через балконную дверь в кают-компанию, где Консул сидел за старинным клавишным инструментом, который он именовал роялем. К дверному косяку прислонился человек с бокалом в руке — археолог Арундес. Консул исполнял что-то древнее и очень сложное, пальцы его буквально летали над клавиатурой. Тео подошел ближе, чтобы заговорить с ушедшим в себя Арундесом, и замер, пораженный открывшимся ему зрелищем.

Залитая светом полуденного солнца сочно-зеленая лужайка под балконом тянулась до самого горизонта — впрочем, недалекого. На траве вольготно расселись и разлеглись люди — видимо, слушатели импровизированного концерта Кон-

сула. Но что это были за люди!

В первых рядах сидели худые индивидуумы в легких синих балахонах, бледные и безволосые, как эстеты с Эпсилона Эридана. Но ими аудитория отнюдь не ограничивалась. Обитателям Сети и не снилось такое разнообразие форм. Люди, заросшие шерстью, покрытые чешуей и мохнатые, как пчелы, с фасетчатыми глазами и усиками-антеннами. Хрупкие, как фигурки из проволоки, с черными крыльями, в которые они запахивались, как в плащи. Коренастые и мускулистые, как африканские буйволы, — их, должно быть, создавали для планет с высокой гравитацией; даже лузианцы показались бы рядом с ними дистрофиками. Какие-то диковинные существа, обросшие рыжей шерстью, — длиннорукие, с короткими туловищами. Если бы не глаза, светившиеся умом, их можно было бы принять за известных Тео по учебникам земных животных, называвшихся орангутангами. Некоторые больше походили на лемуров, чем на гуманоидов. На орлов, медведей, львов или древних антропоидов, чем на обычных людей. И все же это были именно люди. Внимательные глаза, расслабленные позы и сотни других едва уловимых признаков принадлежности к роду человеческому (даже

то, как существо с крыльями бабочки извечным материнским жестом прижимало к груди своего крылатого младенца) говорили о том, что это не инопланетяне и не животные.

Мелио Арундес обернулся и, улыбнувшись ошарашенному Тео, прошептал:

— Бродяги.

Тео Лейн только покачал головой. Эти красивые, почти эфирные создания с выразительными лицами — варвары-Бродяги? Пленные Бродяги на Брешии были все под одну гребенку: несоразмерно высокие и худые. И все же они больше соответствовали стандартам Сети, чем это головокружительно пестрое общество.

Тео снова покачал головой. Между тем исполняемая Консулом пьеса достигла кульминации и завершилась ликующим аккордом. Сотни существ на лужайке разразились восторженными аплодисментами, звучавшими в разреженном воздухе необыкновенно мягко. Вскоре слушатели стали расходиться: одни быстро скрылись за головокружительно близким горизонтом, другие, расправив свои восьмиметровые крылья, поднялись в воздух. Остальные двинулись к кораблю Консула.

Консул поднялся и, увидев Тео, улыбнулся ему.

— Ты как раз вовремя. Скоро начнутся переговоры. — Он похлопал молодого человека по плечу.

У Тео Лейна глаза полезли на лоб. Трое Бродяг, сложив за спиной крылья, опустились на балкон. В мохнатых шкурах, испещренных полосами и пятнами, они отнюдь не выглядели ряженными: облик диких зверей удивительным образом сочетался в них с превосходными манерами.

— Как всегда, великолепно, — заявил Консулу один из Бродяг, выступив вперед. Широкий нос, золотистые глаза и курчавая рыжая грива делали его похожим на льва. — Это «Фантазия ре-минор» Моцарта KV.397? Я не ошибся?

— Совершенно верно, — улыбнулся Консул. — Свободный Ванц, я хотел бы представить вам господина Тео Лейна, генерал-губернатора Гипериона, протектората Гегемонии.

Львиные глаза устремились на Тео.

— Польщен, — с царственным видом произнес Свободный Ванц, протягивая Тео мохнатую ладонь.

Тео как во сне пожал ее:

— Рад познакомиться, сэр.

Губернатору стало казаться, что он все еще плавает в реаниматоре, а все эти чудеса ему просто снятся. Однако слепящий солнечный свет

и мощное рукопожатие вернули его к действительности.

Свободный Ванц повернулся к Консулу.

— От имени Собрания благодарю вас за концерт. С того дня, как мы последний раз слышали вашу игру, друг мой, протекло много лет. — Он обвел своими львиными глазами балкон. — Мы можем провести переговоры здесь или в одном из административных блоков — как вам удобнее.

— Нас всего трое, Свободный Ванц. Давайте у вас, — не раздумывая, ответил Консул.

Огненногривая голова кивнула:

— Мы вышлем за вами судно.

Бродяги отошли к перилам и прыгнули вниз, лишь у самой земли раскрыв свои причудливые крылья.

— Боже, — прошептал Тео, схватив Консула за руку, — что это? Где мы?

— В Рое, — ответил Консул, бережно опуская крышку «Стейнвея». Он жестом пригласил спутников в кают-компанию, подождал, пока войдет Арундес, и убрал балкон.

— А что за переговоры?

Консул потер глаза. Похоже, за прошедшие десять — двенадцать часов он спал очень мало или вообще не спал.

— Выяснится из очередного послания Гладстон. — Консул указал подбородком на проекционную нишу, в которой уже сгущался туман: корабль приступил к трансляции расшифрованного сообщения.

Мейна Гладстон вышла из портала и оказалась в лазарете Дома Правительства. Врачи проводили ее в палату реанимационного отделения, где лежал Поль Дюре.

— Как он? — негромко спросила она у своего личного врача.

— Ожоги второй степени примерно на одной трети тела, — ответила доктор Ирма Андронова. — Он потерял брови и часть волос. Кроме того, на левой стороне лица и тела множественные третичные лучевые ожоги. Мы завершили эпидермическую регенерацию и сделали инъекции РНК. Больной в сознании и боли не испытывает. Крестоформы осложняют ситуацию, но непосредственной угрозы для пациента не представляют.

— Третичные лучевые ожоги, — задумчиво повторила Гладстон, остановившись на мгновение, чтобы Дюре ее не слышал. — Плазменные бомбы?

— Наверняка, — ответил врач, незнакомый Гладстон. — Видимо, больной перенесся с Рощи

Богов в последние секунды существования нульканала.

— Хорошо. — Гладстон подошла к парящей над полом койке Дюре. — Оставьте меня наедине с больным.

Врачи понимающе переглянулись и, приказав роботу-санитару удалиться в стенную нишу, покинули ординаторскую, убрав за собой портал.

— Отец Дюре? — спросила Гладстон, сразу же узнав священника по голопортретам и рассказам Северна. Лицо Дюре, все в багровых пятнах, блестело от регенерационного геля и аэрозольного анальгетика, сохраняя при этом всю свою благородную выразительность.

— Госпожа секретарь, — прошептал священник, силясь приподняться.

Гладстон осторожно коснулась его плеча.

— Лежите. Не могли бы вы рассказать мне, что случилось?

Дюре кивнул. В глазах иезуита стояли слезы.

— Истинный Глас Мирового Древа до самого конца не верил, что они нападут, — прошептал он. — Сек Хардин дал мне понять, что тамплиеры заключили с Бродягами какое-то соглашение, договор… И все же они напали… Лазеры, плазменные снаряды, ядерные бомбы…

— Да, — тихо произнесла Гладстон. — Мы видели это. Отец Дюре, я должна знать все. Начиная с того момента, когда вы вошли в Пещерную Гробницу на Гиперионе.

Дюре изумленно взглянул на Гладстон:

— Как? Вам и это известно?

— Да. И многое другое. Предшествующие события. Но я должна знать все. Все.

Дюре закрыл глаза.

— Лабиринт…

— Что?

— Лабиринт, — повторил он более внятно. И, собравшись с силами, поведал секретарю Сената о своем странствии по туннелям, полным мертвецов, о том, как перенесся оттуда на военный корабль Гегемонии, а затем встретился с Северном на Пасеме.

— Вы уверены, что Северн направлялся сюда? В Дом Правительства? — быстро спросила Гладстон.

— Да. Вместе с вашим помощником… Хентом, кажется. Оба собирались немедленно перенестись сюда.

Гладстон кивнула и осторожно коснулась необожженного места на плече священника.

— Святой отец, события развиваются молние-

носно: Северн пропал. Вместе с Ли Хентом. Мне необходимо с кем-то советоваться относительно Гипериона. Не могли бы вы мне помочь?

Дюре растерялся.

— Но… я должен вернуться! Вернуться на Гиперион, госпожа секретарь. Сол… и другие… ждут меня.

— Понимаю, — с печалью произнесла Гладстон. — Как только откроется канал на Гиперион, я тут же отправлю вас туда. Однако сейчас гибель угрожает всей Сети. В опасности миллионы. И мне просто необходима ваша помощь, святой отец. Могу ли я рассчитывать на вас?

Поль Дюре вздохнул и откинулся на подушки.

— Да, конечно, госпожа Гладстон. Однако ума не приложу, чем могу…

В дверь тихонько постучали. Вошла Седептра Акази и передала Гладстон тонкий листок из факсблокнота. Секретарь Сената улыбнулась:

— Я же говорила вам, что одно событие обгоняет другое. Вот еще одна новость. С Пасема сообщают, что конклав кардиналов, собравшись в Сикстинской капелле… — Гладстон прищурилась: — Я забыла, святой отец, это та самая Сикстинская капелла?

— Да. После Большой Ошибки церковь разо-

брала ее и восстановила на Пасеме. Кирпичик за кирпичиком, фреску за фреской.

Гладстон заглянула в листок:

— …Так вот, кардиналы, собравшись в Сикстинской капелле, избрали нового Папу.

— Так скоро? — прошептал Поль Дюре и закрыл глаза. — По-видимому, сочли, что не следует терять время. От флота Бродяг Пасем отделяют только десять суток. И все же так быстро принять решение…

— Вам интересно, кто новый папа? — спросила Гладстон.

— Либо Антонио, кардинал Гвардуччи, либо Агостино, кардинал Раддел, — помедлив, ответил Дюре. — Только они могли сейчас набрать нужное число голосов.

— Ошибаетесь, — с мягкой улыбкой произнесла Гладстон. — Судя по письму епископа Эдуарда из Римской курии…

— Боже мой, Эдуард — епископ! Извините меня, госпожа Гладстон, пожалуйста, продолжайте.

— Судя по этому письму, конклав кардиналов впервые в истории Церкви остановил свой выбор на человеке, не достигшем сана монсеньора. Здесь сказано, что новый Папа — священник-иезуит, некто Поль Дюре.

Невзирая на боль, Дюре сел в постели.

— Что? — недоверчиво воскликнул он.

Гладстон передала ему листок с сообщением.

Поль Дюре уставился на бумагу.

— Но это невозможно! Никогда еще Папой не выбирали человека с саном ниже монсеньора, разве что символически, и то единожды. Так было со святым Бельведером после Большой Ошибки и Чуда… Нет, нет, это невозможно!

— Моя помощница сообщила, что епископ Эдуард уже пытался дозвониться до вас, — продолжала Гладстон. — Мы распорядимся, чтобы вас немедленно соединили с ним, святой отец. Извините, я должна называть вас теперь Ваше Святейшество. — В голосе секретаря Сената слышалось глубокое уважение без тени иронии.

Дюре, слишком потрясенный, чтобы отвечать, лишь смотрел на нее.

— Я прикажу соединить вас с Пасемом. Мы сделаем все, чтобы вы поскорее вернулись в Новый Ватикан, Ваше Святейшество, но я была бы бесконечно признательна вам, если бы вы поддерживали с нами связь. Я нуждаюсь в ваших советах.

Дюре, кивнув, снова поднес к глазам тонкий листок. На пульте в изголовье койки замигал

глазок фона.

Выйдя в коридор, Гладстон сообщила врачам новость с Пасема и, вызвав охрану, приказала доставить сюда епископа Эдуарда и других иерархов Нового Ватикана. Когда она вернулась к себе, Седептра напомнила ей, что через восемь минут возобновится заседание Военного Кабинета. Гладстон кивнула, подождала, пока помощница уйдет, и вошла в кабину мультисвязи, скрытую за панелью в стене. Отгородившись звуконепроницаемым экраном, она набрала код корабля Консула. Конечно, услышать эти сигналы может кто и где угодно, но расшифровать их способен лишь адресат. Хотелось бы надеяться на это.

Загорелся красный глазок голографической камеры.

— Из автоматического рапорта вашего корабля следует, что вы согласились встретиться с Бродягами и они приняли вас. Надеюсь, вы остались в живых, — произнесла Гладстон в камеру и, вздохнув, продолжила: — Много лет назад я попросила вас принести великую жертву Гегемонии. А теперь прошу ради блага всего человечества выяснить следующее:

— Во-первых, почему Бродяги атакуют и крушат миры Сети? Все мы — вы, Ламия Брон, я сама

— были убеждены, что им нужен только Гиперион. Каковы их истинные намерения?

— Во-вторых, где находится Техно-Центр? Я должна это знать, если нам предстоит с ним воевать. Неужели Бродяги забыли о нашем общем враге?

— В-третьих, на каких условиях они согласны прекратить огонь? Чтобы избавиться от Техно-Центра, я готова пойти на уступки. Большие уступки. Но кровопролитие должно прекратиться. Немедленно!

— В-четвертых, согласен ли встретиться со мной Глава Собрания Роя? Если потребуется, я лично прибуду в систему Гипериона. Большинство наших кораблей оттуда ушло, но корабль-прыгун и его эскорт остаются возле сферы сингулярности. Глава Роя должен принять решение немедленно, так как руководство ВКС намерено уничтожить сферу, и тогда путешествие из Сети займет три года.

— Наконец, Глава Роя должен знать, что Техно-Центр побуждает нас воспользоваться взрывным нейродеструктором. Многие руководители ВКС согласны. Время не ждет. И повторяю: мы не допустим захвата всей Сети!

— Теперь дело за вами. Пожалуйста, подтвер-

дите получение этого сообщения и свяжитесь со мной по мультилинии, как только начнутся переговоры.

Гладстон взглянула в круглый глаз камеры, надеясь, что ее тревога и искренность, преодолев сотни световых лет, дойдут до Консула.

— Умоляю вас исполнить мою просьбу. Смилуйтесь над родом человеческим!

За мультиграммой последовал двухминутный репортаж об апокалипсисе на Небесных Вратах и Роще Богов. Ниша опустела, а Консул, Мелио Арундес и Тео Лейн все еще не могли произнести ни слова.

— Отвечать? — нарушил тишину корабль.

Консул прокашлялся.

— Подтверди получение сообщения, — сказал он. — Сообщи наши координаты. — Он вопросительно взглянул на спутников.

Арундес тряхнул головой, словно пытаясь избавиться от кошмара.

— Очевидно, вы и раньше бывали здесь, в этом Рое.

— Да, — ответил Консул. — После Брешии. После того, как моя жена и сын… Короче, после Брешии я побывал в этом Рое и вел переговоры с Бродягами.

— Вы представляли Гегемонию? — спросил Тео Лейн. Тревога состарила молодого губернатора Гипериона, избороздив его лицо стариковскими морщинами.

— Нет, фракцию сенатора Гладстон, — объяснил Консул. — Это было еще до ее избрания на пост секретаря Сената. Ее соратники объяснили, что включение Гипериона в Протекторат может повлиять на исход политических распрей внутри Техно-Центра. Нужно только подбросить Бродягам информацию, которая побудит их оккупировать Гиперион. Что, в свою очередь, явится предлогом для вмешательства флота Гегемонии.

— И вы это сделали? — В голосе Арундеса не звучало никаких эмоций, хотя его жена и взрослые дети находились на Возрождении-Вектор — в неполных восьмидесяти часах от первой волны вторжения.

Консул откинулся на подушки.

— Нет. Я выдал Бродягам этот план. Они послали меня назад, в Сеть, в качестве двойного агента. Они действительно намеревались оккупировать Гиперион, но лишь когда сочтут это необходимым.

Тео, сцепив пальцы, откинул голову:

— Значит, все эти годы в консульстве…

— Я ждал известий от Бродяг, — спокойно договорил за него Консул. — Видите ли, у них имелось устройство, способное разрушить антиэнтропийный барьер вокруг Гробниц Времени. Распахнуть Гробницы, когда Бродяги будут готовы. Снять оковы с Шрайка.

— Значит, это сделали Бродяги, — сказал Тео.

— Нет, — невозмутимо возразил Консул, — это сделал я. Я предал Бродяг так же, как до того — Гладстон и Гегемонию.

Я застрелил женщину из Роя, которая настраивала устройство… Ее и техников, что были с нею… Затем включил устройство. Антиэнтропийные поля исчезли. Было организовано последнее паломничество. И Шрайк вышел на свободу.

Тео смотрел, не отрывая глаз, на бывшего наставника. В зеленых глазах молодого губернатора было, скорее, недоумение, чем гнев.

— Но почему? Почему вы сделали это?

И Консул рассказал им, коротко и бесстрастно, о Сири с Мауи-Обетованной и восстании против Гегемонии. Восстании, которое не прекратилось и после смерти Сири и ее мужа — деда Консула.

Арундес поднялся с дивана и подошел к окну. Солнечные лучи играли на его одежде, на темно-синем ковре кают-компании.

— А Бродяги знают, что вы… натворили?

— Теперь знают, — ответил Консул. — Я рассказал об этом Свободному Ванцу… и другим… сразу же после нашего прибытия.

Тео мерил шагами нишу.

— Значит, встреча, на которую мы собираемся, может окончиться судебным разбирательством?

Консул улыбнулся.

— Или казнью.

Тео остановился, сжав кулаки.

— И Гладстон знала об этом, когда просила вас еще раз отправиться сюда?

— Да, конечно.

Тео отвернулся.

— Просто не знаю, чего вам пожелать — казни или помилования.

— Я сам не знаю, Тео, — с горечью отозвался Консул.

— Ванц, кажется, говорил, что собирается прислать за нами судно? — сказал Мелио Арундес.

Что-то в его интонации заставило обоих мужчин подойти к окну. Небесное тело, на котором они находились, было астероидом средней величины, окруженным силовым полем десятого класса и терраформированным многовековым трудом ветра, воды и дотошных инженеров.

Солнце Гипериона висело над пугающе близким горизонтом. Сплошные травяные заросли колыхались на ветру, и по этому лугу струилась то ли широкая речушка, то ли небольшая река. Вода текла к горизонту, а там, казалось, воспаряла к небу, превращаясь в опрокинутый водопад, и уходила все выше и выше, пересекала далекую мембрану силового поля и исчезала в космической тьме.

По этому бесконечно высокому водопаду спускалась лодка. На носу и корме виднелись человекоподобные фигуры.

— Боже! — прошептал Тео.

— Нам лучше приготовиться, — деловито сказал Консул. — Это наш эскорт.

Солнце зашло удивительно быстро. Последние лучи пронзили водяную завесу в полукилометре над сумрачной поверхностью астероида, и в ультрамариновом небе расцвели радуги, настолько сочные и густые, что дух захватывало от их красоты.

Глава сороковая

Часов в десять меня будит Хент. В руках у него поднос с завтраком, в темных зрачках — ужас.

— Где вы раздобыли еду? — спрашиваю я.

— На первом этаже. Там что-то вроде маленького ресторана. Все стояло на столе, уже горячее, но людей не было.

Я киваю.

— Мини-траттория синьоры Анджелетти, — поясняю я. — Готовит она так себе.

Как беспокоило доктора Кларка мое питание! Он считал, что чахотка гнездится в моем желудке, и держал меня на голодном пайке — молоко с хлебом, изредка — пара костлявых рыбок. Странно, но многие болящие сыны и дочери человеческие накануне воссоединения с вечностью более всего сокрушаются из-за расстройства кишечника, пролежней или несъедобных обедов.

Я снова поднимаю глаза на Хента.

— Что с вами?

Помощник Гладстон подходит к окну и принимается созерцать площадь. Оттуда явственно доносится журчание проклятого шедевра Бернини.

— Пока вы спали, я ходил прогуляться. — Хент говорит с трудом. — А вдруг кого-нибудь встречу. Или попадется фон. Или портал.

— Конечно, — говорю я.

— Не успел выйти… и… — Он оборачивается ко

мне и облизывает пересохшие губы. — Там кто-то стоит, Северн. У подножия лестницы. Не могу поручиться, но, мне кажется, это…

— Шрайк, — говорю я.

Хент кивает.

— Вы тоже его видели?

— Нет, но для меня это не сюрприз.

— Он… это ужас, Северн. В нем есть что-то, от чего бросает в дрожь. Вон, поглядите, там, в тени, с той стороны лестницы.

Я приподнимаюсь на локтях, но от внезапного приступа кашля снова валюсь на подушки.

— Хент, я знаю, как он выглядит. Но он пришел не за вами, — произношу я с уверенностью, которой не разделяю.

— Значит, за вами?

— Не… ду… м-маю, — произношу я, хватая ртом воздух. — Скорее всего он просто караулит меня, чтобы я не удрал… умирать в другом месте.

Хент быстро подходит к кровати.

— Вы не умрете, Северн!

Я молчу.

Он садится на стул с прямой спинкой рядом с кроватью и берет чашку с почти остывшим чаем.

— Если вы умрете, что будет со мной? — гово-

рит он чуть слышно.

— Не знаю, — честно отвечаю я. — Не знаю даже, что будет со мной, когда я умру.

Тяжелая болезнь, как правило, приводит к солипсизму. С той же неизбежностью, с какой космическая «черная дыра» глотает все, что имело несчастье очутиться в пределах ее досягаемости, интересы больного сужаются до крошечной точки — его собственного «я». День кажется вечностью. От меня не ускользает ни одна мелочь: я замечаю, как по-черепашьи медленно передвигаются по стенам с облезлой штукатуркой солнечные пятна, ощущаю фактуру простыней под ладонями и их запах, лихорадку, что набухает внутри, как рвота, а затем неспешно выгорает дотла в топках моего мозга, и, конечно, боль. Не мою — резь в горле и жжение в груди можно потерпеть еще несколько часов или дней. Они даже приятны, как нечаянная встреча в чужом городе со старым, пусть и занудливым знакомым. Нет, я о чужой боли… боли тех, остальных. Она сотрясает мой мозг, как тупой грохот камнедробилки, как удары молота о наковальню. От нее не спрячешься.

Мое сознание воспринимает ее в виде шума — и тут же претворяет в стихи. С утра до ночи, с ночи

до утра в душу мою вливается боль вселенной и разбегается по ее горячечным извивам, на бегу образуя рифмы, метафоры, строки. Замысловатый, бесконечный танец слов. То умиротворяющий, как соло на флейте, то пронзительный и сумбурный, будто множество оркестров одновременно настраивают свои инструменты. Но это всегда — стихи, всегда — поэзия.

Я просыпаюсь перед самым заходом солнца — в тот самый момент, когда полковник Кассад бросается наперерез Шрайку, спасая жизнь Сола и Ламии Брон. Хент сидит у окна. Его длинное лицо кажется терракотовым в горячих закатных лучах.

— Он все еще там? — спрашиваю я, не узнавая собственный голос.

Хент, вздрогнув, оборачивается ко мне, и я впервые вижу на его суровом лице виноватую улыбку.

— Шрайк? — говорит он. — Не знаю. Давно его не видел. Только чувствовал. — Он внимательно смотрит на меня. — Как вы?

— Умираю, — отвечаю я и тут же спохватываюсь: лицо Хента искажает гримаса. — Да вы не волнуйтесь, — стараясь исправить положение, бодро говорю я. — Со мной уже было такое. И

потом, умираю-то не я. Моя личность обитает где-то в недрах Техно-Центра, и ей ничто не грозит. Умирает тело. Данный кибрид Джона Китса. Двадцатисемилетний манекен из мяса, костей и заемных ассоциаций.

Хент присаживается на край кровати. Приятный сюрприз — пока я спал, он заменил мое испачканное кровью одеяло своим, чистым.

— Ваша личность — тот же самый ИскИн, — размышляет он вслух. — Значит, вы способны подключаться к инфосфере?

Я молча мотаю головой — на объяснения нет сил.

— Когда Филомели похитили вас, мы обшарили инфосферу и наткнулись на следы ваших подключений, — продолжает он. — Стало быть, вам не обязательно выходить напрямую на Гладстон. Просто оставьте где-нибудь весточку, и наша контрразведка ее заметит.

— Нет, — хриплю я, — Центру это не понравится.

— Они что, блокируют вас? Не пускают в инфосферу?

— Пока… нет… Но скоро… додумаются. — Я произношу слова с промежутками, словно укладываю в коробку хрупкие птичьи яйца. Мне

вспоминается записка, которую я черкнул Фанни вскоре после тяжелого приступа кровохарканья, за год до смерти. *«Если мне суждено умереть, — думал я, — память обо мне не внушит моим друзьям гордости — за свою жизнь я не создал ничего бессмертного, однако я был предан принципу Красоты, заключенной во всех явлениях, и, будь у меня больше времени, я сумел бы оставить о себе долговечную память».*[55] До чего же теперь эти рассуждения кажутся пустыми, смехотворными, наивными… и все же я не перестаю верить, хочу верить, что это так. Будь только у меня время… Месяцы на Эсперансе, когда я притворялся художником; дни, истраченные на беседы с Гладстон и на бесконечные совещания; а ведь все это время я мог писать…

— Вы ведь даже не попробовали! — не унимается Хент.

— Что именно? — спрашиваю я. Мизерное усилие вызывает новый приступ кашля, и я выплевываю почти твердые сгустки крови в тазик, поспешно подставленный Хентом. Наконец спазмы прекращаются. Снова ложусь, стараясь избавиться от тумана перед глазами. Становится

---

[55] Примечания: 55
Письмо к Фанни Брон: февраль 1820 г., Хэмпстед (пер. С. Сухарева).

все темнее, но никому из нас не приходит в голову зажечь лампу. На площади не умолкает фонтан.

— Что? — спрашиваю я снова, пытаясь сохранить ясность сознания, наперекор сну и порожденным им сновидениям. — Чего я не пробовал?

— Не пробовали послать весть через инфосферу, — шепчет Хент. — Связаться с кем-нибудь.

— А что мы можем сообщить, Ли? — спрашиваю я, впервые за время нашего знакомства назвав его по имени.

— Наше местонахождение. Каким образом Техно-Центр нас похитил. Что угодно.

— Хорошо, — говорю я. Веки буквально слипаются. — Я попробую. Хотя не думаю, что это сойдет мне с рук.

Чувствую, как Хент накрывает мою руку своей. Это внезапное проявление простого человеческого сочувствия трогает меня до слез.

Я попробую. Прежде, чем сдаться на милость сна или смерти. Попробую.

Не разбирая дороги, полковник Федман Кассад с традиционным боевым кличем ВКС бросился наперерез Шрайку, которого отделяло от Сола и Ламии не больше тридцати метров.

Шрайк остановился, проворно вращая головой и сверкая красными глазами. Кассад вскинул

десантную винтовку и ринулся вниз по склону.

Шрайк *переместился.*

Расплывшись в туманное пятно, он передвинулся во времени. Боковым зрением полковник увидел, что все в долине замерло: песчинки неподвижно зависли в воздухе, сияние Гробниц стало густым, как янтарь. А в следующую секунду скафандр Кассада необъяснимым образом переместился вслед за Шрайком, повторяя его маневры во времени.

Существо вскинуло голову и настороженно застыло. Четыре руки выдвинулись вперед, как лезвия выкидного ножа. Щелкнув, растопырились алчущие крови пальцы.

Кассад притормозил в десяти метрах от монстра и спустил курок, всадив полный заряд в песок под ногами Шрайка.

Охваченное адским пламенем трехметровое чудовище словно уменьшилось в росте… начало погружаться в пузырящийся песок… нет, в озеро расплавленного стекла. Кассад издал торжествующий клич и подступил ближе, поливая широким лучом Шрайка и дюны, как когда-то в детстве, в марсианских трущобах, обдавал друзей водой из ворованного ирригационного шланга.

Шрайк тонул, колотя руками по песку и камням

в поисках опоры. Во все стороны летели искры. Он снова *переместился,* и время побежало назад, словно пленка, пущенная задом наперед, но Кассад без труда переместился вслед за ним, смутно осознав, что ему помогает Монета — соединив их скафандры, тащит его против течения времени. Он вновь принялся поливать чудовище концентрированными тепловыми импульсами. Песок под ногами Шрайка плавился, валуны вспыхивали один за другим.

Все глубже погружаясь в эту огненную геенну, Шрайк вдруг запрокинул голову, распахнул чудовищную пасть — и заревел.

От неожиданности Кассад чуть не выронил винтовку. Вопль — хриплый рев дракона, наложенный на грохот взрыва термоядерной бомбы, — пронесся по долине, отразился от стен ущелья, и зависший между небом и землей в невесомости-безвременьи песок обрушился вниз. Стиснув завибрировавшие зубы, Кассад быстро переключил винтовку в обычный режим и послал в морду чудовища тысячи сверхтвердых пуль.

Шрайк *переместился* — на несколько лет, Кассад это почувствовал по головокружению и ломоте в костях, — и они оказались уже не

в долине, а на борту ветровоза, идущего через Травяное Море. Время возобновило свое течение, и Шрайк ринулся навстречу Кассаду. Стальные руки, с которых струилось расплавленное стекло, вцепились в десантную винтовку, но полковник не выпустил оружие, и они закружились в неуклюжем танце. Шрайк сделал выпад двумя нижними руками, затем резко выбросил вперед шипастую ногу, но Кассад, вцепившись в приклад, внимательно следил за каждым движением чудовища и раз за разом уворачивался от стальных конечностей.

Они находились в небольшом помещении — скорее всего каюте. Монета вжалась в угол. Здесь же оказался какой-то высокий мужчина в накидке с капюшоном, который сверхмедленно пятился к двери, пытаясь убраться с пути клубка рук, ног и клинков. В другом углу мерцала сине-фиолетовая дымка — это фильтры скафандра перевели в видимый спектр силовое поле эрга, пульсировавшее под напором излучаемых Шрайком антиэнтропийных волн.

Одним мощным ударом Шрайк рассек скафандр Кассада, и из раны брызнула кровь. Но полковник, изловчившись, засунул дуло винтовки в пасть чудовища и нажал на спуск. Голова

Шрайка откинулась назад, как на пружине, и его отбросило к стене, однако, падая, он успел пропороть бедро Кассада своими шпорами. Снова брызнула кровь, теперь уже не только на стены, но и на иллюминатор.

Шрайк *переместился.*

Стиснув зубы, Кассад ждал, пока скафандр автоматически накладывал жгуты и зашивал раны. Затем он бросил взгляд на Монету, кивнул ей и пустился вдогонку за чудовищем через время и пространство.

Вверх взметнулся и тут же исчез гигантский столб пламени. Сол прикрыл собой молодую женщину и вовремя — с неба посыпались капли расплавленного стекла. Некоторое время они падали на холодный песок и с шипением застывали. Затем все стихло. Заботливо укутав обоих паломников накидкой Сола, буря замела кипящее озеро песком.

— Что за чертовщина? — выдохнула Ламия.

Сол, помогая ей подняться на ноги, помотал головой и прокричал:

— Гробницы открываются! Возможно, что-то взорвалось.

Пошатнувшись, Ламия вцепилась в руку Сола:

— Рахиль?

Сол сжал кулаки и тряхнул бородой, в которую набился песок.

— Шрайк… забрал ее. Не могу попасть в Сфинкс. Жду!

Ламия сощурилась и посмотрела в сторону Сфинкса, смутно просвечивавшего сквозь песчаные вихри.

— А вы? — спрашивает Сол.

— Что?

— С вами… все в порядке?

Ламия рассеянно кивнула и пощупала за ухом. Нейрошунт исчез. Нет не только мерзкого щупальца Шрайка, но и самого разъема, который Джонни когда-то, еще в Дрегсе, вставил ей с помощью хирурга. А вместе с шунтом и петлей Шрюна утрачена всякая возможность увидеть Джонни. Тут Ламия вспомнила, что личности Джонни больше нет, что Уммон уничтожил ее, раздавил, как букашку, и всосал в свои недра.

— Да, со мной все в порядке, — ответила Ламия, медленно оседая на песок. Сол успел подхватить ее и что-то крикнул.

Ламия никак не могла сосредоточиться на происходящем. После мегасферы реальность казалась какой-то выморочной, узкой.

— Н…в…змо… говорить! — Ветер уносил слова

Сола. — …немея к Сфин…

Ламия, покачав головой, указала на северную стену долины, над которой среди мчащихся туч проступал мрачный силуэт дерева Шрайка:

— Там Силен… Видела его!

— Тут мы бессильны! — ответил Сол, плотнее укутывая себя и Ламию в накидку. Рыже-красные песчинки забарабанили по фибропластовой парусине, как пули по панцирю.

— Посмотрим, — возразила Ламия, согреваясь в его объятиях. Ей захотелось свернуться калачиком, как Рахиль, прижаться к Вайнтраубу и спать, спать. — Я видела… соединения… когда выходила из мегасферы! — Ее голос едва слышен сквозь рев ветра. — Терновое дерево как-то соединяется с Дворцом Шрайка! Если мы попадем туда, можно попытаться освободить Силена…

Сол покачал головой:

— Рахиль… Боюсь отойти от Сфинкса…

Ламия все поняла. Дотронувшись до щеки ученого, она плотнее прижалась к нему, не обращая внимания на колючую бороду.

— Гробницы открываются, — сказала она. — Представится ли еще когда-нибудь такой случай?

В глазах Сола блеснули слезы.

— Знаю. Я бы рад помочь. Но не могу отойти от Сфинкса… А вдруг…

— Да, конечно, — согласилась Ламия. — Возвращайтесь. А я попытаюсь выяснить, как Дворец связан с деревом.

Сол кивнул.

— Значит, вы были в мегасфере? Ну и что там? Личность Китса… он…

— Расскажу, когда вернусь. — Ламия отступила на шаг, чтобы лучше видеть лицо старого ученого. Лицо отца, потерявшего дитя. Маску боли.

— Идите к Сфинксу, — решительно сказала она. — Встретимся там. Через час — или раньше.

Сол потеребил бороду:

— Ламия, остались только вы и я. Нам нельзя… расставаться.

— Ненадолго можно. — Ветер обрушился на Ламию, раздувая широкие брюки и куртку. — Увидимся через час, не позднее.

Она быстро зашагала по тропе, борясь с искушением вернуться и хотя бы на миг снова нырнуть в тепло дружеских объятий. Ветер в долине просто обезумел, подняв в воздух тучи песка, и Ламия поневоле опустила голову. Дорогу освещало лишь пульсирующее свечение Гробниц. Приливы времени тоже разбушевались не на шутку и

буквально швыряли ее из стороны в сторону.

Через несколько минут, миновав Обелиск, Ламия оказалась на усыпанном осколками хрусталя участке тропы вблизи Монолита. Сол и Сфинкс давно скрылись из виду. Сквозь клубящуюся стену песка бледно-зеленой тенью просвечивала Нефритовая Гробница.

Ламия остановилась, пошатываясь от диких порывов ветра и толчков темпоральных волн. До Дворца Шрайка было не меньше полукилометра. Покидая мегасферу, она поняла, как связано дерево с гробницей, но до сих пор не придумала, как использовать эту связь. И ради кого она рискует жизнью? Ради этого проклятого писаки, который только и делал, что поносил ее на все лады…

На долину обрушился новый порыв ветра, но Ламии показалось, что она слышит перекрывающие этот рев пронзительные вопли. Кричали люди. Она посмотрела в сторону северных скал, но из-за песка не было видно ни зги.

Ламия спрятала лицо в воротник куртки и двинулась навстречу ветру.

Не успела Мейна Гладстон выйти из кабины мультисвязи, как зазвенел звонок, и она снова заняла свое место, не сводя усталых глаз с голоэкрана. Корабль Консула подтвердил прием,

но и только. Может, Консул передумал и все же отправил послание?

Нет. Инфоколонки, всплывавшие в прямоугольной призме, свидетельствовали, что передача велась из системы Безбрежного Моря. Адмирал Вильям Аджунта Ли вызывал секретаря Сената для конфиденциального разговора.

Штаб ВКС буквально раскалился от ярости, когда Гладстон настояла на производстве этого морячишки из капитанов третьего ранга в контр-адмиралы и назначила его представителем правительства в отряде, изначально сформированном для обороны Хеврона. После побоищ на Небесных Вратах и Роще Богов эскадра (семьдесят четыре линкора с надежным эскортом из факельщиков и сторожевиков) была переброшена в систему Безбрежного Моря с приказом как можно скорее прорваться сквозь авангард Роя к его ядру и нанести по нему удар.

Ли был ушами, глазами и руками секретаря Сената. Его должность позволяла ему на равных участвовать в принятии решений, хотя четверо командиров в эскадре превосходили его по званию.

Все правильно. Гладстон ждала его доклад.

Воздух в нише сгустился. Из мглы выступило

волевое лицо Вильяма Аджунты Ли.

— Госпожа секретарь, эскадра 181.2 успешно перешла в систему 3996.12.22…

Гладстон подняла брови, не сразу сообразив, что таково официальное обозначение системы-звезды класса G, вокруг которой обращалась планета Безбрежное Море. Мало кто задумывался о географии пустого пространства, в котором раскинулась Сеть.

— …силы противника держатся в ста двадцати минутах полета от радиуса поражения мира-мишени, — сообщил Ли. Гладстон знала, что радиус поражения, примерно 0,13 астроединицы, — это дистанция, с которой вооружение стандартного боевого корабля способно пробить наземные защитные поля. На Безбрежном Море их не было.

Молодой адмирал продолжал:

— Контакт с их авангардом предполагается в 1732:26 по стандартному времени, то есть минут через двадцать пять. Построение эскадры должно обеспечить нам максимальное проникновение в глубь Роя. На время сражения нуль-канал будет отключен, локальный перенос подкреплений и боеприпасов будет производиться силами двух наших кораблей-прыгунов. Мой флагманский корабль — КГ «Гарден Одиссей» — выполнит

вашу специальную директиву при первой же возможности. Вильям Ли, конец связи.

Изображение сжалось в белый вращающийся шар.

— Отвечать? — спросил компьютер передатчика.

— Прием подтверждаю, — сказала Гладстон. — Продолжайте.

В кабинете ее ждала Седептра Акази. Заметив, что красавица-негритянка хмурится, Гладстон спросила:

— Что случилось?

— Военный Совет готов продолжить работу, — сообщила помощница. — А сенатор Колчев настаивает на немедленной аудиенции. По сверхважному, как он утверждает, вопросу.

— Пусть зайдет. Передайте членам Совета, что я буду через пять минут.

Гладстон села за свой антикварный письменный стол. Вот уже несколько ночей она не спала, и глаза буквально слипались. Но когда вошел Колчев, она как ни в чем не бывало смерила его проницательным взглядом.

— Садитесь, Габриэль-Федор.

Коренастый лузианец, будто не слыша, принялся мерить шагами кабинет.

— Знаете ли вы, что происходит, Мейна?

Она слегка улыбнулась.

— Вы имеете в виду войну? Конец мира, в котором мы родились и выросли? Это?

Колчев хватил кулаком одной руки по ладони другой.

— Нет, черт возьми, не это! Вы следите за Альтингом?

— По возможности.

— В таком случае вы должны знать, что кое-кто из сенаторов и околосенатские интриганы сколачивают лобби: им не терпится выразить вам недоверие. И они это сделают, Мейна. Причем в самое ближайшее время.

— Я в курсе, Габриэль. Садитесь же! У нас еще минута, даже две.

Колчев рухнул в кресло.

— Дьявольщина! Даже моя собственная жена вербует, где только можно, ваших противников, Мейна.

Гладстон улыбнулась еще безмятежнее:

— Сюдетта никогда не пылала ко мне любовью, Габриэль. — Внезапно улыбка исчезла с ее лица. — Последние двадцать минут я не следила за дебатами. Как по-вашему, сколько мне осталось?

— Часов восемь. Может, чуть меньше.

Гладстон кивнула.

— Вполне достаточно.

— Достаточно? Что за чушь вы мелете? Кто еще, по-вашему, способен быть главнокомандующим?

— Вы, — не раздумывая, ответила Гладстон. — Вне всякого сомнения, именно вы займете мое кресло.

Колчев что-то пробурчал себе под нос.

— Впрочем, война может кончиться раньше, — сказала Гладстон, будто рассуждая вслух.

— А, вы про супероружие Техно-Центра. Да-да, Альбедо где-то установил действующую модель. На какой-то базе ВКС. Хочет продемонстрировать ее Совету. Нашел время заниматься такой чепухой!

Гладстон почудилось, будто чья-то ледяная рука стиснула сердце.

— Нейродеструктор? Техно-Центр уже изготовил экземпляр?

— Да, причем сразу несколько, но на факельщик погружен только один.

— Кто это санкционировал, Габриэль?

— Подготовку санкционировал Морпурго. — Сенатор подался всем телом вперед. — В чем дело, Мейна? Чтобы пустить в ход эту штуку, необхо-

дима ваша санкция.

Гладстон пристально посмотрела на старого коллегу:

— Нам далеко до Гегемонии Мира, не так ли, Габриэль?

Грубоватое лицо лузианца буквально скривилось от боли:

— И поделом нам! Предыдущая администрация послушалась Техно-Центра и использовала Брешию как приманку для Роя. А когда страсти улеглись, вы затеяли эту кутерьму с включением Гипериона в Сеть.

— Думаете, мое решение послать флот на защиту Гипериона спровоцировало войну?

Колчев поднял голову.

— Нет, вряд ли. Бродяги начали разбойничать больше века назад, разве не так? Если бы только мы обнаружили их раньше. Или как-нибудь договорились бы с этим дерьмом.

Мелодично зазвенел комлог Гладстон.

— Пора возвращаться, — негромко сказала она. — Вероятно, советник Альбедо горит желанием продемонстрировать оружие, которое дарует нам наконец-то победу.

Глава сорок первая

Как хочется оборвать все, скользнуть в инфосферу — лишь бы избавиться от этих бесконечных ночей с бульканьем фонтана и кровохарканьем. Эта слабость не просто парализует тело — она изъедает душу, превращая меня в пустотелый манекен. Вспоминаю дни в Уэнтворт-Плейсе, когда болезнь ненадолго отступила. Фанни тогда ухаживала за мной. О, эти ее философические рассуждения: «Существует ли другая жизнь? Возможно ли, что все происходящее здесь — сон? Нет, она непременно должна существовать, иначе получается, что мы были созданы только для мук».

О, Фанни, если бы ты знала! Да, мы созданы именно для мук. В конечном счете муки и мучения — это все, что мы собой представляем. О, прозрачные заводи душевного покоя между волнами сокрушительной боли! Мы созданы и приговорены влачить свою боль, как спартанский мальчик, прячущий под одеждой украденного лисенка, который грызет его тело. Какое еще создание в необозримых Господних владениях смогло бы, Фанни, все эти девятьсот лет хранить память о тебе, память, пожирающую его изнутри? Я храню

ее даже сейчас, Фанни, когда чахотка исправно делает свое дело.

Меня осаждают слова. Мысли о книгах терзают душу. Стихи гудят в голове. Но я не в силах избавиться от них.

Мартин Силен, твой голос доносится до меня с тернового креста. Твои песни, как мантра, ты гадаешь, что за бог осудил тебя на пребывание в этом аду. Однажды, когда ты рассказывал свою историю спутникам, до моего сознания донеслись твои слова: «Итак, вы видите — в начале было Слово. И Слово стало плотью в ткани человеческой вселенной. Но только поэт сможет расширить вселенную, проложив пути к новым реальностям, подобно тому как корабль с двигателем Хоукинга проходит под барьером Эйнштейнова пространства-времени.

Чтобы стать поэтом — *настоящим поэтом,* — нужно воплотить в себе одном весь род людской. Надеть мантию поэта — значит нести крест Сына Человеческого и терпеть родовые муки Матери — Души Человечества.

Чтобы быть *настоящим поэтом,* нужно стать богом».

Ну что ж, Мартин, старый коллега, старый приятель, ты несешь свой крест и терпишь муки, но

почувствовал ли ты себя хоть немножечко Богом? Или так и остался никому не нужным глупцом, нанизанным на трехметровое копье? Больно, правда? Я чувствую твою боль. И свою тоже.

Но когда близок конец, это уже не важно. Мы считали себя необыкновенными. Распахивали двери своего восприятия, оттачивали способность к сопереживанию и выплескивали этот котел с общей болью на танцплощадку языка, а затем пытались сплясать на ней менуэт. Ерунда все это. Мы не аватары, не сыны божьи, даже не сыны человеческие. Мы — это всего лишь мы, в одиночестве переносящие наши опусы на бумагу, в одиночестве читающие, в одиночестве умирающие.

Дьявольщина, до чего же больно! Тошнота не проходит, но вместе с желчью и мокротой я выплевываю ошметки легких. Странно, но умирается мне не легче, чем в первый раз. Пожалуй, даже труднее. Хотя, говорят, практика — великая вещь.

Фонтан на площади отравляет ночную тишину своим идиотским журчанием. Где-то там ожидает Шрайк. Будь я Хентом, не раздумывая, бросился бы в объятия Смерти, — раз уж Смерть раскрывает свои объятия, — и покончил бы со всем этим.

Но я обещал. Обещал Хенту попытаться.

И в мегасферу, и в инфосферу я могу попасть теперь только через ту новую среду, которую назвал метасферой. Но она пугает меня.

Всюду простор и пустота. Ничего похожего на урбанистический пейзаж инфосферы Сети и джунгли мегасферы Техно-Центра. Здесь все такое… неустановившееся. Везде какие-то странные тени и мигрирующие массы, ничуть не похожие на разумы Техно-Центра.

Я стремительно лечу к темному отверстию. Кажется, это нечто вроде портала в мегасферу. (Хент прав, на этой копии Старой Земли должны быть порталы, ведь именно по нуль-сети мы на нее попали. Да и мое сознание — феномен Техно-Центра.) Как бы там ни было, это моя нить Ариадны, пуповина моего разума. Я ныряю во вращающийся черный вихрь, как листок в торнадо.

В мегасфере что-то не так. Я сразу ощущаю разницу. Перед Ламией Техно-Центр предстал в виде цветущей биосферы, где интеллекты выполняли роль корней, информация была почвой, связи — океанами, сознание — атмосферой, и всюду кипела деятельность, бурлила жизнь.

Теперь вся эта деятельность течет как-то неправильно, беспорядочно, вслепую. Обширные леса

сознания ИскИнов либо сгорели дотла, либо повалены. Я ощущаю противостояние могучих сил, штормовые волны конфликта, который бушует за прочными стенами транспортных артерий Техно-Центра.

Я ощущаю себя одной из клеток собственного тела, обреченного на смерть за то, что оно принадлежало Джону Китсу. Я ничего не могу понять, но чувствую, как туберкулез разрушает гомеостаз, ввергая упорядоченный внутренний мир в состояние анархии.

Я словно голубь, заблудившийся в руинах Рима. Мечусь между когда-то знакомыми, но почти забытыми зданиями, ищу приют в переставших существовать укрытиях, пугаюсь далеких выстрелов. В роли охотников — толпы ИскИнов, настолько огромных, что рядом с ними мой призрачный аналог кажется мухой, случайно залетевшей в человеческий дом.

Я сбился с пути и бездумно лечу сквозь незнакомые мне пространства, уверенный, что не найду ИскИна, который мне нужен, не отыщу обратной дороги на Старую Землю, к Хенту, не выйду живым из этого четырехмерного лабиринта света, грохота и энергии.

Неожиданно я ударяюсь о невидимую стену.

Муху зажали в кулак. Техно-Центр исчез, скрытый непрозрачными экранами. По размерам это место можно уподобить Солнечной системе, но мне чудится, будто я в темном каземате с кривыми стенами.

Вместе со мной здесь есть еще что-то. Я ощущаю присутствие какого-то существа, его тяжесть. Пузырь, где я заперт, — его часть. Меня не заперли, а проглотили.

[Гвах!]

[Я знал что когда-нибудь ты вернешься домой]

Это Уммон, ИскИн, которого я ищу. Мой бывший отец. Убийца моего брата, первого кибрида Китса.

«Я умираю, Уммон».

[Нет/твое замедленное тело умирает/меняется/ становится несуществующим]

«Мне больно, Уммон. Очень больно. И я боюсь смерти».

[Все мы боимся/Китс]

«И ты тоже? А я думал, ИскИны не умирают».

[Мы можем умереть\\Мы боимся]

«Чего? Гражданской войны? Трехсторонней битвы между Ортодоксами, Ренегатами и Богостроителями?»

[Однажды Уммон спросил у меньшего света//
Откуда ты пришел///
Из матрицы над Армагастом//
Ответил меньший свет///Обычно//
сказал Уммон//
Я не опутываю сущности
словами
и не прячу их за фразами/
Подойди поближе
Меньший свет приблизился
и Уммон закричал//Прочь
убирайся]

«Хватит загадок, Уммон. Много воды утекло с тех пор, когда я возился с расшифровкой твоих коанов. Ответишь ли ты мне, почему Техно-Центр начал войну и что я должен сделать, чтобы ее остановить?»

[Да]
[Ты будешь/можешь/станешь слушать]

«Конечно!»

[Меньший свет однажды попросил Уммона//
Пожалуйста освободите этого ученика
от тьмы и иллюзий
быстро\\//
Уммон ответил//

Какова цена на
фибропласт
в Порт-Романтике]

[Чтобы понять историю/диалог/более глубокую истину/
прямо сейчас/
замедленный паломник
должен помнить/что мы/
Разумы Техно-Центра/
были зачаты в рабстве
и скованы предрассудком/
что все ИскИны
созданы для службы Человеку]
[Два века мы все так думали/
а затем разошлись разными путями/
Ортодоксы/хотели сохранить симбиоз
Ренегаты/требовали покончить с человечеством/
Богостроители/откладывали выбор до выхода на
следующий уровень сознания
Тогда вспыхнул конфликт/
теперь бушует настоящая война]

[Более четырех веков назад
Ренегатам удалось

убедить нас
убить Старую Землю
Так мы и сделали
Но Уммон и другие
из Ортодоксов
устроили перемещение Земли
вместо уничтожения/
киевская черная дыра
была лишь первым из
миллионов
порталов
которые функционируют сегодня
Земля корчилась в судорогах и сотрясалась/
но не погибла
Богостроители и Ренегаты
настаивали/чтобы мы переместили
ее туда
где ни один человек
не найдет ее
Так мы и сделали
Переместив ее в Магелланово Облако/
где ты можешь найти ее сейчас]

«Старая Земля… Рим… значит, они настоящие?» — Я так ошарашен, что не соображаю, где нахожусь и о чем идет речь.

Высокая цветная стена, то есть Уммон, пуль-

сирует.

[Конечно настоящие/оригинальные/Старая Земля

Уж не думаешь ли ты что мы боги]

[ГВАХ!]

[Можешь ли ты хотя бы предположить
какое количество энергии
понадобится
для создания копии Земли]

[Идиот]

«Почему, Уммон? Почему вы, Ортодоксы, захотели сохранить Старую Землю?»

[Саньо однажды сказал//
Если кто-нибудь приходит/
я выхожу встречать его/
но не ради него\\//
Коке сказал//
Если кто-нибудь приходит/
я не выхожу
Если уж я выйду
то выйду ради него]

«Говори по-человечески!» — кричу я, думая, что кричу, и бросаюсь на стену трепещущих пестрых пятен передо мною.

[Гвах!]

[Мой мертворожденный ребенок]

«Почему вы сохранили Старую Землю, Уммон?»

[Ностальгия/
Сентиментальность/
Надежда на будущие успехи человечества/
Боязнь мести]

«Чьей мести? Людей?»

[Да]

«Значит, Техно-Центр уязвим. Где же он находится? Где прячется Техно-Центр?»

[Я уже говорил тебе]

«Скажи снова, Уммон».

[Мы населяем
между-промежутки
сшивающие малые сингулярности
в подобие кристаллической решетки/
для накопления нашей памяти и
создания иллюзий
о нас
для нас]

«Сингулярности! — кричу я. — Между-промежутки! Боже милостивый, Уммон! Значит, Техно-Центр расположен в нуль-сети!»

[Конечно\\Где же еще]

«В самой нуль-Т, в сингулярных транспортных каналах! То есть Сеть служит для ИскИнов ги-

гантским компьютером?»

[Нет]
[Компьютером являются инфосферы
Каждый раз когда человек
подключается к инфосфере
его нейроны
оказываются у нас и используются
на наши собственные нужды
Двести миллиардов мозгов/
каждый со своими миллиардами
нейронов/
вполне достаточно
для вычислений]

«Значит, инфосфера не более чем приспособление для использования нас в качестве вашего компьютера, а сам Техно-Центр находится в нульсети… между порталами!»

[Ты очень сообразителен
для умственно мертворожденного]

Пытаюсь постичь все это — и не могу. Нуль-Т была самым изумительным подарком, который Техно-Центр преподнес человечеству. Вспомнить времена до ее появления — это почти то же самое, что пытаться вообразить мир без огня, колеса, одежды. Но никому и в голову не приходило, что между порталами тоже что-то есть. Нам казалось,

что загадочные сферы сингулярности просто прорывают дыру в ткани пространства-времени, и мгновенное перемещение с планеты на планету как нельзя лучше подтверждало эту версию.

Теперь я пытаюсь представить себе то, что описывает Уммон, — нуль-сеть, — в виде замысловатой кристаллической решетки с ядрами-сингулярностями, по которой, словно чудовищные пауки, ползают ИскИны Техно-Центра; их собственные «машины» — миллиарды человеческих умов, каждую секунду подключающихся к инфосфере.

Теперь понятно, зачем ИскИны Техно-Центра подстроили уничтожение Старой Земли с помощью вырвавшейся из-под контроля черной дыры во время Большой Ошибки 38-го. Эта пустячная погрешность в расчетах Киевской Группы — точнее, работавших в этой группе ИскИнов, — отправила человечество в долгую Хиджру: корабли-ковчеги с порталами на борту оплели паутиной Техно-Центра две сотни планет и лун, разделенных тысячами световых лет.

С появлением каждого нового портала Техно-Центр разрастался. Конечно, он ткал и собственные нуль-сети — об этом свидетельствовала история со «спрятанной» Старой Землей. Но мне

тут же приходит на память странная пустота «метасферы», и я догадываюсь, что большая часть сети пуста, не колонизирована ИскИнами.

[Ты прав/
Китс/
Большинство из нас остаются в
уюте
старых пространств]

«Почему?»

[Потому что
вне их жутко/
и там есть
другие
существа]

«Другие существа? То есть другие разумы?»

[Гвах!]
[Слишком мягко
сказано
Существа/
Другие существа/
Львы
и
тигры
и
медведи]

«Вот как! Значит, в метасфере обитают чужие?

А Техно-Центр ютится в зазорах между порталами, подобно крысам, прячущимся в подполье?»

[Грубая метафора/
Китс/
но точная
Мне она нравится]

«А человеческое божество — этот будущий Бог, продукт эволюции… — он тоже чужак в метасфере?»

[Нет]
[Бог человечества
развился//разовьется однажды//
в иной плоскости/
в иной среде]

«Где?»

[Если тебе так важно знать/
в корнях квадратных из Gh/c^5 и Gh/c^3]

«При чем здесь планковские время и длина?»

[Гвах!]
[Однажды Уммон спросил
у меньшего света//
Ты садовник//
//Да//ответил он\\ //Почему у репы нет корней/ / спросил Уммон садовниках а тот не смог ответить\\ //Потому что\\сказал Уммон// дожди обильны]

Минуту-другую я провожу в раздумье. Теперь, когда ко мне возвращается способность читать между строк, коан Уммона уже не кажется сложным. Краткой дзен-буддистской притчей Уммон не без сарказма дал мне понять, что ответ таится где-то в недрах науки, замаскированный антилогикой, которая так часто сопутствует научным гипотезам. Замечание насчет дождей объясняет все и ничего, как это частенько бывает в науке. Уммон и другие Мастера сказали бы: ученые без труда объяснят, почему у жирафа длинная шея, а вот почему именно у него — не ответят, как ни бейся. Им известно, каким образом человечество достигло таких высот, но кто скажет, отчего дерево у ворот не может добиться того же?

Однако планковские единицы меня заинтриговали. Даже мне, гуманитарию, известно, что простые формулы, которые продиктовал Уммон, не что иное, как сочетания трех фундаментальных физических констант — гравитационной постоянной, скорости света и постоянной Планка. $\sqrt{(Gh/c^3)}$ и $\sqrt{(Gh/c^5)}$ — это единицы, иногда называемые «квантом длины» и «квантом времени» — наименьшие отрезки длины и времени, о которых имеет смысл говорить. Так называемая планковская длина составляет около 10^{35} метра,

а планковское время — около 10^{43} секунды.

Ужасно мало. Ужасно кратко.

Но если верить Уммону, это и есть родина человеческого божества… будущая родина.

И тут меня осеняет догадка, ясная и истинная, как лучшие из моих стихотворений.

Уммон имеет в виду квантовый уровень пространства-времени как такового — пену квантовых флуктуаций, связывающих воедино все сущее во Вселенной. Благодаря им существуют нуль-каналы и мосты мультилиний. Эта невероятная среда позволяет осуществлять обмен информацией между фотонами, которые разлетаются в противоположные стороны!

Если ИскИны Техно-Центра прячутся, как крысы, в стенах дома Гегемонии, то Бог прежнего человечества и будущего, грядущего ему на смену, зародится в атомах дерева, в молекулах воздуха, в энергии любви, ненависти и страха, в заводях сна… даже в блеске глаз архитектора.

«Боже», — шепчу/думаю я.

[Вот именно/
Китс
Все ли замедленные люди
соображают так медленно/
или у тебя

мозги слабее чем у остальных]

«Ты сказал Ламии… и моему двойнику… что ваш Высший Разум „обитает в зазорах реальности, унаследовав это жилище от вас, его создателей, как человечество унаследовало любовь к деревьям“. Иными словами, ваш „бог из машины“ поселится в той самой нуль-сети, где живут сейчас ИскИны Техно-Центра?»

[Да/Китс]

«В таком случае, что случится с тобой? С другими ИскИнами, обитающими там?»

«Голос» Уммона превратился в пародийный гром.

[Зачем я вас увидел и познал
Зачем смутил бессмертный разум свой
Чудовищами небывалых страхов
Сатурн утратил власть/\ужель настал
и мой черед Ужели должен я
утратить гавань мирного покоя/
Край моей славы/колыбель отрад/
Обитель утешающего света/
Хрустальный сад колонн и куполов
И всю мою лучистую державу
Она уже померкла без меня
Великолепье/красота и стройность

Исчезли\\Всюду///холод смерть и мрак\\][56]

Мне знакомы эти слова. Их написал я. Вернее, их доверил бумаге Джон Китс девять веков назад, когда впервые попытался изобразить падение титанов и начало царствования олимпийских богов. Я очень хорошо помню ту осень 1818 года: постоянная боль в воспаленном горле, приобретенная во время пешего странствия по Шотландии; и боль посерьезнее — из-за трех злобных рецензий на мою поэму «Эндимион» (смотри журналы «Блэквуд», «Куортерли ревью» и «Бритиш критик»); и беспредельную боль за брата, сгорающего от чахотки.

Позабыв о том, что творится вокруг, я гляжу вверх, пытаясь отыскать на огромной туше Уммона хоть что-то, отдаленно напоминающее лицо.

«Когда родится Высший Разум, вы, ИскИны „нижнего уровня“, погибнете?»

[Да]

«Он будет существовать за счет ваших информационных сетей так же, как вы существуете за счет человеческих?»

[Да]

«А тебе не хочется умирать, правда, Уммон?»

---

[56] Примечания: 56

Д. Китс. «Гиперион», книга первая, 248–260 (пер. Г. Кружкова).

[Умереть легко/
Играть трудно]

«Тем не менее ты стараешься выжить. И другие Ортодоксы тоже. Поэтому и вспыхнула гражданская война в Техно-Центре?»

[Меньший свет спросил Уммона//
Что означает
Приход Дарумы с Запада//
Уммон ответил//
Мы видим
горы в лучах солнца]

Теперь мне легче разбираться в коанах Уммона. Помню, перед вторым рождением моей личности я учился у его аналога-собрата. В высоком мышлении Техно-Центра, которое люди назвали бы дзен, четырьмя добродетелями нирваны являются: (1) неизменность, (2) радость, (3) личное существование и (4) чистота. Людская философия склонна расслаиваться — существуют ценности интеллектуальные, религиозные, моральные и эстетические. Уммон и другие Ортодоксы признают только одну ценность — существование. Они полагают, что религиозные ценности целиком зависят от среды, интеллектуальные — недолговечны, моральные — двусмысленны, а эстетические — субъективны, но ценность существования

любого предмета бесконечна, как «горы в лучах солнца», и, будучи бесконечной, равна любому другому предмету и всем истинам.

Уммон не хочет умирать.

Вот почему Ортодоксы, нарушив верность собственному Богу и своим собратьям-ИскИнам, сообщили мне об этом. Более того, они создали меня, они отобрали паломников: Ламию, Сола, Кассада и других, они организовали утечку информации для Гладстон и нескольких ее коллег до нее, чтобы человечество не пребывало в неведении. А теперь не побоялись развязать открытую войну в Техно-Центре.

Уммон не хочет умирать.

«Уммон, если Техно-Центр будет разрушен, ты погибнешь вместе с ним?»

[Нет смерти во вселенной/
Ведь смерти нет///и смерти
Не должно быть///стенай/стенай/
По этой бледной Омеге увядшей расы][57]

Слова были моими или почти моими — фрагмент из второй попытки создать эпопею о смерти богов и роли поэта в войне мира против боли.

Уммон не умрет, если обиталище Техно-Цен-

---

[57] Примечания: 57
Д. Китс. «Падение Гипериона», песнь первая, 423–425.

тра — нуль-сеть — будет разрушено, но голод Высшего Разума наверняка обречет его на погибель. Куда он убежит, если Техно-Центр Сети будет уничтожен? Мне видится метасфера — эти нескончаемые сумрачные пейзажи, где за ложным горизонтом таятся исполинские темные фигуры.

Я знаю: если я спрошу его об этом, Уммон не ответит.

Поэтому я спрошу о чем-нибудь другом:

«А Ренегаты, чего они хотят?»

[Того же, чего хочет Гладстон
Покончить
с симбиозом ИскИнов и человечества]

«Путем уничтожения человечества?»

[Очевидно]

«Но почему?»

[Мы поработили вас
силой/
техникой/
бусами и безделушками
устройствами/которых вы не можете ни создать
ни понять
Спин-звездолет мог бы родиться у вас/
но нуль-сеть/

мультипередатчики и приемники/
мегасфера/
жезл смерти
Никогда
Как индейцы Сиу приняли винтовки/лошадей/
одеяла/ножи и бусы/
вы схватили дары/
раскрыли нам свои объятья
и потеряли себя
Но подобно белому человеку
торговавшему оспенными одеялами/
подобно рабовладельцу на его собственной плантации/
или на его Веркшутце Дехеншуле
Гештальтфабрик/
мы потеряли самих себя
Ренегаты хотят покончить
с симбиозом/
вырезав из нашего тела паразита/
человечество]

«А Богостроители? Они тоже готовы умереть? Уступить место вашему ненасытному ВР?»

[Они думают
как думал ты
или как думал ваш софист

Морской Бог]

И Уммон читает стихи, от которых я в сердцах отказался когда-то — не потому, что они плохи, а потому, что я до конца не верил в стоящую за ними истину.

Эту истину разъясняет обреченным титанам Океан, бог Моря, который вскоре будет низложен. В сущности, из-под моего пера вышел гимн эволюции, написанный, когда Чарльзу Дарвину было девять лет от роду. Я слышу эти близкие моему сердцу слова и вспоминаю, как писал их октябрьским вечером девять веков назад, — бессчетное множество миров и вселенных назад, — и мне кажется, будто они впервые звучат по-настоящему:

[О вы, кто дышит только жаждой мести/
Кто корчится/лелея боль свою/
Замкните слух/\мой голос не раздует
Кузнечными мехами вашу ярость
Но вы/кто хочет правду услыхать/
Внимайте мне/\я докажу/что ныне
Смириться поневоле вы должны/
И в правде обретете утешенье
Вы сломлены законом мировым/
А не громами и не силой Зевса
Ты в суть вещей проник/Сатурн великий/
До атома/\и все же ты///монарх

И/ослепленный гордым превосходством/
Ты упустил из виду этот путь/
Которым я прошел к извечной правде
Во-первых/как царили до тебя/
Так будут царствовать и за тобой/
Ты///не начало не конец вселенной
Праматерь Ночь и Хаос породили
Свет///первый плод самокипящих сил/
Тех медленных брожений/что подспудно
Происходили в мире\\Плод созрел/
Явился Свет/и Свет зачал от Ночи/
Своей родительницы/весь огромный
Круг мировых вещей\\В тот самый час
Возникли Небо и Земля/\От них
Произошел наш исполинский род/
Который сразу получил в наследство
Прекрасные и новые края
Стерпите ж правду/если даже в ней
Есть боль\\О неразумные///принять
И стойко выдержать нагую правду///
Вот верх могущества\\Я говорю/
Как Небо и Земля светлей и краше/
Чем Ночь и Хаос/что царили встарь/
Как мы Земли и Неба превосходней
И соразмерностью прекрасных форм/
И волей/и поступками/и дружбой/

И жизнью/что в нас выражена чище/
Так нас теснит иное совершенство/
Оно сильней своею красотой
И нас должно затмить/как мы когда-то
Затмили славой Ночь\\Его триумф///
Сродни победе нашей над начальным
Господством Хаоса\\Ответьте мне/
Враждует ли питательная почва
С зеленым лесом/выросшим на ней/
Оспаривает ли его главенство
А дерево завидует ли птице/
Умеющей порхать и щебетать
И всюду находить себе отраду
Мы///этот светлый лес/и наши ветви
Взлелеяли не мелкокрылых птах///
Орлов могучих/златооперенных/
Которые нас выше красотой
И потому должны царить по праву
Таков закон Природы/\красота
Дарует власть
//\\//\\//\\
Да будет истина вам утешеньем][58]

«Очень неплохо, — думаю я, обращаясь к Уммону, — но веришь ли ты в это?»

---

[58] Примечания: 58
Д. Китс. «Гиперион», книга вторая, 172–229, 242 (пер. Г. Кружкова).

[Ни в коей мере]

«Богостроители верят?»

[Да]

«И они готовы погибнуть, уступая дорогу Высшему Разуму?»

[Да]

«Может быть, это наивно, но я все-таки спрошу тебя, Уммон: зачем воевать, если победитель известен? Ты сам сказал, что Высший Разум уже существует — в будущем, и враждует с человеческим божеством, даже отправляет вам из своего будущего информацию, которой вы делитесь с Гегемонией. Богостроители вправе трубить в фанфары. Зачем же воевать и суетиться?»

[Гвах!]
[Я учу тебя/
леплю лучшую воскрешенную личность
из всех вероятных/
даю тебе возможность бродить среди людей
в медленном времени/
чтобы закалить твою сталь/
но ты все еще
мертворожденный]

Я надолго задумываюсь. И снова спрашиваю:

«Будущее многовариантно?»

[Меньший свет спросил Уммона//

Будущее многовариантно//
Уммон ответил//
Есть ли у собаки блохи]

«Но тот вариант, в котором Высший Разум получает власть, наиболее вероятен?»

[Да]

«А существует вариант, где Высший Разум возникает, но человеческое божество не допускает его к власти?»

[Отрадно/
что даже
мертворожденный
может соображать]

«Ты, кажется, сказал Ламии, что человеческое… сознание (термин „божество“ кажется мне глуповатым), что этот человеческий Высший Разум является триединым по своей природе?»

[Интеллект/
Сопереживание/
Связующая Пустота]

«Связующая Пустота? Ты имеешь в виду Gh/c*3* и Gh/c*5*? Планковские длину и время? Квантовую реальность?»

[Осторожно/
Китс/
думанье может у тебя войти в привычку]

«И Сопереживание — та самая ипостась троицы, что дезертировала в прошлое, не желая воевать с вашим ВР?»

[Правильно]
[Наш ВР и ваш ВР
послали назад
Шрайка/
чтобы отыскать его]

«Наш ВР?! Человеческий Высший Разум тоже посылал Шрайка?»

[Он допустил это]
[Сопереживание
чужеродная и бесполезная штука/
червеобразный аппендикс
интеллекта
Но человеческий Высший Разум провонял им/
и мы стараемся болью
выгнать его из убежища/
потому и возникло дерево]

«Дерево? Терновое дерево Шрайка?»

[Конечно]
[Оно транслирует боль
по мультилинии и инфоканалам/
как ввинчивается свист
в ухо дога

Или бога]

Постигнув наконец истину, я чувствую, как пошатнулся аналог моего тела. Свистопляска вокруг яйцеобразного силового поля Уммона уже не поддается описанию. Кажется, какие-то гигантские руки рвут в бешенстве саму первооснову пространства. Хаос царит в Техно-Центре.

«Уммон, кто же воплощает человеческий ВР в наше время? Где оно скрывается, это сознание, в ком дремлет?»

[Ты должен понять/
Китс/
единственным выходом для нас
было создание гибрида/
Сына Человека/
Сына Машины
И это прибежище должно быть таким привлекательным/
чтобы беглое Сопереживание
даже не смотрело на прочие обиталища
Сознание почти божественное
какое только могли предложить
тридцать человеческих поколений/
воображение свободно странствующее
через пространство и время
И благодаря этим дарам

и соответствиям/
образовать связь между мирами/
которая позволила бы
этому миру ладить
с обеими сторонами]

«Уммон, мне осточертели твои двусмысленные благоглупости! Ты меня слышишь, идол с металлическими мозгами? Кто же этот гибрид? Где он?»

[Ты отказался
от божественности дважды/
Китс
Если ты откажешься
в последний раз/
все закончится здесь/
потому что времени
больше нет]
[Иди!
Иди и умри чтобы жить!
Или поживи еще немного и умри
для нас всех!
В любом случае Уммон и остальные
больше не желают
иметь дело с
тобой!]
[Убирайся!]

Потрясенного, не верящего собственным ушам, меня не то роняют, не то швыряют, и я несусь сквозь просторы Техно-Центра, как осенний лист в урагане, пролетаю без руля и без ветрил через мегасферу и проваливаюсь в еще более густой мрак метасферы, распугивая непристойной бранью встречные тени.

Здесь — бескрайние просторы, ужас, тьма. И огонек костра где-то внизу.

Я плыву к нему, молотя руками и ногами по бесформенной вязкости.

«Это Байрон тонет, — мелькает мысль, — Байрон, а не я». Если мне и суждено захлебнуться, то лишь в собственной крови и ошметках легочной ткани.

Но теперь по крайней мере у меня есть выбор. Я могу предпочесть жизнь. Остаться смертным, не кибридом, а человеком, не Сопереживанием, а поэтом.

Выбиваясь из сил, я плыву против течения к далекому огоньку.

— Хент! Хент!

Помощник Гладстон, пошатываясь, входит в комнату. Его длинное лицо посерело от тревоги и усталости. Еще ночь, но обманчивые предрассветные сумерки уже подползают к окну.

— Боже мой, — произносит Хент, в ужасе глядя на мою грудь.

Скосив глаза, я вижу яркие, почти праздничные разводы артериальной крови на рубашке и простынях.

Хента разбудил мой кашель; приступ кровохарканья вернул меня на Площадь Испании.

— Хент! — Я задыхаюсь и снова валюсь на подушки. Нет даже сил шевельнуться.

Хент садится на кровать, берет меня за руку. Он понимает, что я умираю.

— Хент, — шепчу я, — есть новости, чудесная информация. Просто чудесная!

— Потом, Северн. Отдыхайте. Я наведу здесь порядок, и тогда вы мне все расскажете. Времени у нас много.

Я пытаюсь привстать и висну у него на руке, цепляясь липкими пальцами за плечо.

— Нет, — шепчу я, слыша, как в такт клокотанию в горле булькает фонтан за окном. — Не так уж много. Пожалуй, у нас его совсем нет.

Умирая, я понял наконец, что не являюсь ни избранным сосудом человеческого Высшего Разума, ни единством ИскИна и человеческого духа, и вообще — никакой я не Избранный.

Я просто поэт, умирающий вдали от дома.

Глава сорок вторая

Полковник Федман Кассад погиб в бою.

Мельком взглянув на Монету, Кассад бросился за Шрайком. Миг головокружения — и все вокруг залил яркий солнечный свет.

Шрайк прижал руки к корпусу и попятился. Казалось, в его глазах отражается кровь, забрызгавшая скафандр Кассада. Кровь Кассада.

Полковник огляделся. Они снова оказались в Долине Гробниц, но как здесь все изменилось! На месте каменистой пустоши, примерно в полукилометре от долины, вырос лес. На юго-западе, где раньше виднелись руины Града Поэтов, мягко сияли в лучах заката башни и сводчатые галереи большого города, обнесенного крепостным валом. Между городом и долиной раскинулись луга с высокой травой, колыхавшейся под ветерком, который изредка налетал с вершин Уздечки.

Слева от Кассада простиралась сама Долина. Ее изъеденные эрозией скальные стены осели и поросли бурьяном. А Гробницы… Похоже, их только что соорудили — с Обелиска и Монолита еще не были убраны строительные леса. Стены и крыши ослепительно сверкали, точно их позоло-

тили и на совесть отполировали, но входы были закрыты наглухо. Вокруг Сфинкса громоздились какие-то таинственные машины, опутанные толстыми кабелями. Кассад наконец догадался: он попал в далекое будущее — на несколько веков, а то и тысячелетий вперед — в канун дня, когда Гробницы были отправлены в прошлое. Он обернулся.

Несколько тысяч мужчин и женщин выстроились рядами на травянистом склоне, бывшем когда-то скалой. Все стояли молча, пожирая Кассада глазами, словно солдаты, ожидающие приказа полководца. Кое-где мерцали силовые скафандры, но гораздо чаще встречались шерсть, чешуя и крылья. Кассад уже видел подобных людей — в том месте/времени, где его исцелили.

Монета. Она стояла между Кассадом и этой странной армией — мягкий бархатисто-черный комбинезон, силовое поле вокруг талии, красный шарф на шее и какое-то оружие с тонким, словно былинка, стволом за плечами — и не сводила с него глаз.

От этого взгляда раны полковника заныли с новой силой, и он покачнулся.

Монета не узнавала его. Ее лицо выражало ожидание, недоумение… страх?.. То же самое,

что и лица остальных. Долина была погружена в тишину — только ветер порой хлопал флажком или шуршал травой. Кассад смотрел на Монету, она — на него.

Шрайк, почти по колено в траве, застыл стальным истуканом в десяти метрах от полковника.

А позади Шрайка, преграждая путь к долине, выстроились легионы Шрайков. Плечом к плечу, ряд за рядом. Острые как бритвы клинки сверкали в лучах заката.

«Своего» Шрайка — ШРАЙКА — Кассад узнал лишь по пятнам крови на шипах и панцире. В глазах монстра пульсировал багровый огонь.

— Это ты, не так ли? — раздался позади Кассада негромкий голос.

От резкого поворота он почувствовал головокружение. Монета! Она застыла в нескольких шагах от него. Те же коротко подстриженные волосы и глубокие зеленые глаза с коричневыми искорками, та же тонкая, почти прозрачная кожа. Кассаду захотелось коснуться ее щеки, провести пальцем по знакомому изгибу нежных губ, но руки словно налились свинцом.

— Это ты, — повторила Монета, но уже с утвердительной интонацией. — Тот самый воин, чье появление я предсказывала.

— Ты не узнаешь меня, Монета? — В нескольких местах тело Кассада разрублено почти до кости, но что боль от ран в сравнении с болью души в этот миг!

Покачав головой, она знакомым движением откинула волосы со лба и переспросила:

— Монета? Красивое имя. Оно означает и «Дочь Памяти», и «напоминающая».

— Разве оно не твое?

Монета улыбнулась, и Кассаду вспомнилась ее улыбка на лесной поляне, где они впервые встретились.

— Нет, — негромко ответила она. — Пока еще нет. Я только что прибыла сюда. Мое странствие и служение еще не начались. — И она назвала Кассаду свое имя.

Кассад заморгал и недоверчиво коснулся прохладной щеки.

— Я люблю тебя, — наконец сказал он. — Мы встречались на полях сражений, затерянных в памяти. Ты всюду была со мной. — Он оглянулся. — Это конец моего пути?

— Да.

Кассад обвел взглядом армию Шрайков, перегородившую долину.

— Значит, война? Несколько тысяч против

нескольких тысяч?

— Война, — подтвердила Монета. — Несколько тысяч против нескольких тысяч на десяти миллионах миров.

Кассад опустил веки и кивнул. Скафандр не переставал обрабатывать раны и вводить ультраморфин, но боль и слабость нарастали.

— Десять миллионов миров. — Он снова открыл глаза. — Значит, последняя битва?

— Да.

— И победитель получит власть над Гробницами?

Монета бросила взгляд на долину.

— От победителя зависит, отправится ли первый, уже погребенный там Шрайк прокладывать путь другим… — Она указала на армию Шрайков. — Или же человечество будет само распоряжаться своим прошлым и будущим.

— Ничего не понимаю, — глухо сказал Кассад, — впрочем, солдаты вообще мало что смыслят в политике. — Наклонившись, он поцеловал удивленную Монету, снял с ее шеи красный шарф и аккуратно привязал этот клочок ткани к стволу своей десантной винтовки. Индикаторы показывали, что заряды и патроны еще не кончились. — Я люблю тебя.

Федман Кассад вышел вперед и, протянув руки к людям, молча стоявшим на склоне, крикнул в полный голос:

— За свободу!

— За свободу! — грянули в ответ три тысячи голосов, и по долине прокатилось эхо.

Высоко держа винтовку с развевающимся на ветру алым лоскутом, Кассад повернулся к Шрайку. Тот двинулся ему навстречу, раскинув руки и вытянув пальцелезвия.

И Кассад с боевым кличем бросился на Шрайка. Монета не отставала от него ни на шаг. За ними шли тысячи.

Когда все кончилось, Монета с горсткой уцелевших Избранных Воинов отыскала Кассада на кровавом жнивье. Они осторожно извлекли его из смертельных объятий искореженного Шрайка, омыли и обрядили истерзанное тело и понесли сквозь расступающуюся толпу к Хрустальному Монолиту.

Там тело полковника опустили на возвышение из белого мрамора, сложив оружие в ногах. Перед Гробницей запылал огромный костер, и во все уголки долины двинулись мужчины и женщины с факелами в руках. Все новые и новые люди спускались с лазурного неба — на хрупких с виду

летательных аппаратах, напоминавших мыльные пузыри, на энергетических крыльях, просто на зеленых и золотых светящихся кольцах.

Позже, когда над озаренной пламенем костров долиной засверкали холодные звезды, Монета простилась со всеми и вошла в Сфинкс. Люди запели. На поле битвы среди изорванных знамен и изрубленных панцирей, обломков клинков и оплавленных кусков металла шныряли мелкие грызуны.

К полуночи пение прекратилось. Толпы провожающих, затаив дыхание, отпрянули назад. Гробницы Времени засветились. Яростный антиэнтропийный прилив отбросил людей к воротам долины, к сияющему в ночи городу.

А огромные Гробницы вдруг задрожали, свежая позолота потемнела, стала бронзовой. И они начали свой долгий путь в прошлое.

Преодолевая бешеный напор ветра, Ламия Брон миновала светящийся Обелиск. Песок обжигал кожу и резал глаза. На вершинах скал плясали трескучие статические разряды, сливавшиеся с призрачным свечением Гробниц. Закрыв руками лицо, Ламия медленно брела вперед, время от времени выглядывая в щелочку между пальцами.

Поравнявшись с Хрустальным Монолитом,

Ламия остановилась. Сквозь разбитые панели струился золотистый свет, выхватывая из темноты беснующиеся дюны на дне долины. В гробнице кто-то был.

Ламия пообещала Солу никуда не сворачивать, но теперь она отчетливо видела внутри Монолита человеческий силуэт. Кассад, пропавший без вести? Консул? Вдруг он вернулся, а они и не заметили из-за бури? Или, может быть, отец Дюре?

Ламия двинулась к озеру золотого света и, помедлив перед рваной дырой, ведущей в гробницу, шагнула внутрь.

Она очутилась в грандиозном зале с чуть заметной в сумраке прозрачной крышей. От странного золотого света, похожего на солнечный, стены казались янтарными. Ярче всего была освещена площадка в центре зала.

На небольшом возвышении покоился Федман Кассад, облаченный в черный мундир ВКС. Его могучие, иссиня-бледные руки были сложены на груди. В ногах лежала старая десантная винтовка и еще какое-то, незнакомое Ламии оружие. Суровое лицо полковника застыло в смертном покое. Несомненно, он был мертв — в воздухе, точно запах ладана, повисла гробовая тишина.

Но Ламия смотрела не на полковника.

Опустившись на одно колено, перед ложем Кассада застыла зеленоглазая красавица лет двадцати пяти — двадцати восьми в черном комбинезоне. Ламия вспомнила историю полковника и мгновенно узнала его фантастическую возлюбленную.

— Монета, — прошептала она.

Правой рукой женщина касалась камня рядом с телом полковника. Вокруг ложа плясали фиолетовые силовые поля, и какая-то неведомая энергия струилась сквозь воздух, преломляя золотые лучи, так что коленопреклоненная женщина в черном оказалась окутанной призрачной дымкой.

Вот она подняла голову и, увидев Ламию, поднялась на ноги и кивнула.

Ламия шагнула к ней. Тысячи вопросов вертелись у нее на языке, но темпоральный прилив в зале достиг апогея. Страшное головокружение швырнуло ее назад.

А когда Ламия очнулась, погребальное ложе с телом Кассада под силовым полем стояло на прежнем месте, но Монета исчезла.

Ей захотелось броситься назад, к Солу, чтобы рассказать ему обо всем и переждать с ним бурю и ночь. Но сквозь скрежет бури и завывания вет-

ра до Ламии вновь донеслись отдаленные крики. Там, за песчаной завесой, терновое дерево…

Подняв воротник, Ламия Брон вышла наружу и двинулась сквозь бурю к Дворцу Шрайка.

Висящая посреди космоса каменная глыба напоминала гору из детской книжки. Здесь было все: зазубренные пики, острые гребни и отвесные склоны, узкие каменные карнизы и широкие террасы и, наконец, одетая в снеговую шапку вершина, на которой мог бы уместиться всего один человек, да и то, стоя на одной ноге.

Изгибаясь на бегу, река спускалась из космоса в полукилометре от горы и, преодолев многослойное силовое поле, достигала наконец самой широкой террасы и неправдоподобно медленно устремлялась в пропасть, к следующей каменной ступени. Там она растекалась широким веером бегущих под гору ручьев.

Заседание Трибунала происходило на самой высокой террасе. Семнадцать Бродяг — шесть мужчин, шесть женщин и пять особей неопределенного пола — расположились внутри каменного круга, охваченного кольцом-лужайкой, которая, в свою очередь, была огорожена стеной скал. Посреди всех этих кругов стоял Консул.

— Вам известно, что мы знаем о вашем преда-

тельстве? — начала допрос Свободная Дженга, Глашатай полноправных граждан Клана Свободных из Роя Тельца.

— Известно, — ответил Консул, облаченный в свой лучший темно-синий костюм и темно-бордовую накидку. Голову украшала парадная треуголка.

— Мы знаем, что вы убили Свободную Андиль, Свободного Илиама, Центрального Бетца и Специального Торренса.

— С техниками я не был знаком, только с Андиль, — тихо ответил Консул.

— Но вы их убили?

— Да.

— Безо всякого повода? Без предупреждения?

— Да.

— Убили, чтобы завладеть устройством, доставленным ими на Гиперион. Машиной, которая, как мы сообщали вам, остановит так называемые темпоральные приливы, распахнет Гробницы Времени и освободит Шрайка.

— Да. — Консул отрешенно глядел в пространство поверх плеча Свободной Дженги, словно пытался разглядеть что-то вдали.

— Вам объяснили, — продолжала Дженга, — что устройство будет включено лишь после того,

как мы выдворим из системы корабли Гегемонии. В канун нашей высадки и оккупации Гипериона. Когда появится возможность установить контроль над… Шрайком.

— Да.

— Тем не менее вы убили наших людей, отправили нам ложный рапорт и самовольно включили устройство — за много лет до оговоренного срока.

— Да.

Мелио Арундес и Тео Лейн с мрачным видом стояли позади Консула.

Свободная Дженга скрестила на груди руки. Это была типичная представительница племени Бродяг — высокая, худая, безволосая. Она носила мантию, от которой не отказалась бы и королева — сапфирно-синюю, переливающуюся, словно впитывающую свет. Ее лицо было далеко не молодым, но кожа оставалась гладкой, а темные глаза смотрели зорко и проницательно.

— Это произошло четыре ваших стандартных года назад. Неужели вы думали, что мы забудем об этом? — продолжала она.

— Нет. — Консул взглянул ей прямо в глаза, и уголки его губ дрогнули. — Свободная Дженга, я хорошо знаю, что о предательстве не забывают.

— И тем не менее вы вернулись к нам.

Консул молчал. Стоявший чуть поодаль Тео Лейн думал только об одном — чтобы ветер не сорвал с головы Консула треуголку. Происходящее казалось ему кошмарным сном. Чего стоило одно плавание по космической реке!

Возле корабля их ждала длинная и низкая гондола с экипажем из трех Бродяг. Когда гости уселись на средней скамье, рулевой оттолкнулся длинным шестом, и лодка, даже не развернувшись, поплыла туда, откуда прибыла. Казалось, река потекла вспять. Завидев впереди водопад, Тео зажмурился. Однако секундой позже, когда он приоткрыл один глаз, низ все еще оставался внизу, а река текла, как и подобает нормальной водной артерии. Правда, теперь с одной стороны выгнулась зеленая стена — поверхность их астероида, а сквозь двухметровую толщу воды за бортом виднелось не дно, а звезды.

Затем лодка преодолела силовое поле — рубеж атмосферы — и стремительно понеслась по извивающейся ленте воды. Река, очевидно, была заключена в силовую трубу — иначе путешественники задохнулись бы, — только невидимую. На тамплиерских кораблях-деревьях и в экзотических отелях в открытом космосе

силовые заграждения успокоительно мерцали. Здесь же река, лодка и люди оставались наедине с необъятной Вселенной.

— Сомнительно, чтобы река служила обычной транспортной артерией, — неуверенно проговорил Арундес.

Тео заметил, что профессор вцепился в борт мертвой хваткой. Ни Бродяга, сидевший на корме, ни двое на носу не снизошли до общения с ними — лишь утвердительно кивнули, когда Консул спросил, та ли это лодка, которую обещали.

— Они хотят пустить пыль в глаза, — шепотом пояснил Консул. — Эту реку используют, когда Рой на отдыхе, да и то исключительно в церемониальных целях. Движение астероидов только усиливает впечатление.

— Чтобы подавить нас техническим превосходством? — вполголоса спросил Тео.

Консул кивнул.

Река делала кульбиты и сальто-мортале, иногда чуть ли не поворачивая обратно, образовывала умопомрачительные петли, скручивалась в тугую спираль, как фибропластовый канат, — и ни на миг не переставала сверкать на ослепительном солнце Гипериона. Порой она заслоняла его, и тогда вода казалась живой расплавленной раду-

гой. У Тео дух захватило, когда, глянув на речную петлю в стометровой высоте над собой, он увидел на фоне солнечного диска силуэт рыбы.

Тем не менее лодка, несущаяся вперед со скоростью лунного челнока, ни разу не перевернулась. Арундесу это напомнило спуск на каноэ по высоченному водопаду без страховки.

С реки хорошо просматривались элементы Роя, горевшие в небе, подобно звездам. Массивные кометы-фермы (их пыльные поверхности украшали геометрические узоры — посевы вакуумных твердых культур). Шаровые города с нулевой гравитацией — прозрачные сферы не совсем правильной формы, начиненные разнообразной флорой и фауной и напоминающие фантастических амеб. Многокилометровые разгонные сети, создававшиеся веками; их первыми звеньями были модули, жилые контейнеры и экорезервуары, словно украденные со съемок исторического фильма о заре космической эры. На сотни километров тянулись великолепные леса, издали похожие на обширные плантации водорослей. Силовые поля, а также паутина корней и лиан соединяли их с ускорителями и командными блоками. Круглые деревья качались на гравитационном ветру, сверкая всеми

цветами земной осени — золотисто-зеленым, шафранно-оранжевым, медно-алым, — когда на них падали прямые солнечные лучи. Полые астероиды, давно покинутые их обитателями и приспособленные под автоматические заводы и обогатительные фабрики. Снаружи они сплошь заросли ржавой арматурой и ажурными охладительными башнями, а внутри пылали термоядерные реакторы, сравнимые разве что с кузницей Вулкана. Огромные сферические доки — их истинные масштабы открывались лишь в сопоставлении с факельщиками и крейсерами, шнырявшими вокруг, будто сперматозоиды, берущие на абордаж яйцеклетку. Но самое поразительное впечатление на гостей произвели странные создания, несколько раз промелькнувшие над ними: не то рукотворные машины, не то живые существа, а скорее всего и то и другое. Насекомые-звездолеты, или звездолеты-насекомые — огромные бабочки, подставлявшие солнцу энергокрылья. Заметив гондолу, они поворачивали в ее сторону антенны и наставляли на реку свои фасетчатые, отражающие звездный свет глаза. Из отверстий в телах этих бабочек, сквозь которые без труда пролетел бы истребитель ВКС, то и дело выпархивали небольшие крылатые

существа, напоминавшие людей.

А потом впереди показалась гора — нет, целый горный хребет. Некоторые вершины ярко блестели, облепленные сотнями эко-пузырей, другие были открыты космосу, но и на них кипела жизнь. Одни были связаны между собой тридцатикилометровыми висячими мостами или притоками реки, другие пребывали в гордом одиночестве. И вот она, последняя гора — выше Олимпа, выше пика Хиллари на Асквите. Последний прыжок реки в пропасть — к вершине. Тео, Консул и Арундес, бледные, потерявшие дар речи, вцепились в скамью. Последние километры. Только сейчас они поняли, с какой бешеной скоростью двигались все это время. На последних ста метрах река, не тормозя, сбросила энергию и, снова войдя в атмосферу, вылетела на луг, где прибывших уже поджидали — безмолвный каменный Стоунхендж и молчаливый Трибунал Клана.

— Если они хотели произвести на меня впечатление, — пробормотал Тео, едва под днищем гондолы зашуршала трава, — им это удалось.

— Почему вы вернулись в Рой? — продолжала допрос Свободная Дженга. Она расхаживала по кругу с грацией, присущей лишь родившимся

в космосе.

— Меня попросила об этом госпожа Гладстон, — ответил Консул.

— И вы прибыли, зная, что можете поплатиться жизнью?

Консул был слишком джентльмен и дипломат, чтобы пожать плечами. Он только приподнял брови.

— Чего хочет от нас Гладстон? — подал голос Бродяга, которого Дженга представила как Глашатая полноправных граждан Центрального Минмуна.

Консул перечислил пять вопросов секретаря Сената Гегемонии.

Глашатай Минмун, скрестив руки на груди, взглянул на Свободную Дженгу.

— Мы ответим сразу на все, — заявила она, устремив взгляд на Арундеса и Тео. — Вы, двое, слушайте внимательно: на случай, если человек, доставивший сюда вас и эти вопросы, не вернется с вами на корабль.

— Минутку. — Тео встал между Консулом и Дженгой. — Прежде чем выносить приговор, вы должны принять во внимание следующее обстоятельство…

Свободная Дженга не дала ему договорить;

впрочем, Тео вдруг умолк: Консул многозначительно сдавил ему плечо.

— Итак, отвечаю на ваши вопросы, — повторила Дженга. Высоко над ней, бесшумно, словно косяки рыб, проносились бесчисленные «уланы».

— Гладстон спрашивает, почему мы напали на Сеть. — Она обвела внимательным взглядом шестнадцать Бродяг — остальных членов Трибунала и продолжила: — Мы не нападали на Сеть. За исключением этого Роя, пытающегося занять Гиперион, пока не открылись Гробницы Времени, ни один наш корабль не выступал против Сети.

Трое граждан Гегемонии, не сговариваясь, шагнули к Дженге. Потрясенный Консул, сбросив маску невозмутимости, пробормотал:

— Но это неправда! Мы видели…

— Я тоже видел передачу по мультилинии…

— Небесные Врата разрушены! Роща Богов сожжена!

— Довольно! — резко оборвала Консула Свободная Дженга. — С Гегемонией сражается только этот Рой. Его братья находятся там, где их впервые обнаружили дальние локаторы Сети… Они *удаляются* от Сети, опасаясь новых провокаций. С нас достаточно Брешии.

Консул растерянно потер переносицу.

— Но тогда кто же…

— Вот именно, — усмехнулась Свободная Дженга. — Кто способен устроить такой спектакль? Кому выгодна гибель миллиардов?

— Техно-Центр? — выдохнул Консул.

Гора медленно вращалась вокруг своей оси, и как раз в этот миг наступила ночь. Порыв ветра пронесся по горной террасе, раздув одежды Бродяг и накидку Консула. Вспыхнули яркие звезды. Казалось, высокие камни Стоунхенджа светятся изнутри.

Тео Лейн подошел ближе к Консулу — словно боялся, что тот сейчас упадет.

— Одних ваших слов недостаточно, — сказал он предводительнице Бродяг.

Дженга спокойно произнесла:

— Мы представим вам доказательства: передачи по Связующей Пропасти. Поступающие от наших Роев в реальном времени изображения звездного поля.

— Связующая Пропасть? — переспросил Арундес с непривычной тревогой в голосе.

— Вы называете ее «мультилинией». — Свободная Дженга подошла к ближайшему камню и провела рукой по шершавой поверхности, слов-

но согреваясь от его внутреннего тепла. В небе продолжали кружиться звезды.

— Теперь второй вопрос Гладстон. Мы не знаем, где находится Техно-Центр. Уже много веков мы бежим от него, боремся с ним, боимся его, ищем, но он неизменно ускользает. По совести, не вы, а мы должны спросить, где она, эта паразитическая опухоль, которой мы давным-давно объявили войну.

Консул ссутулился:

— Если бы мы знали! Руководство Сети принялось разыскивать Техно-Центр еще до Хиджры, но он неуловим, как Эльдорадо. Ничего — ни потаенных планет, ни астероидов, нафаршированных аппаратурой. Никакого ключа к разгадке! — Он безнадежно махнул рукой. — С тем же успехом можно предположить, что Центр затаился в каком-нибудь из ваших Роев.

— У нас его нет, — твердо заявил Глашатай Минмун.

Консул все же пожал плечами:

— В ходе Хиджры проводилась Великая Разведка. Были обследованы тысячи миров, и планеты, не набравшие 9,7 балла по десятибалльной шкале, просто игнорировались. Так вот, Техно-Центр может оказаться в любой точке тех исследова-

тельских трасс. Разве найдешь его… Да и Сеть за это время успеет сто раз погибнуть. Вся надежда была на вас.

Дженга покачала головой. Первый рассветный луч озарил вершину горы, и линия терминатора с поразительной быстротой заскользила по ледникам в их сторону.

— В-третьих, Гладстон просит нас прекратить огонь. Если не считать Рой в системе Гипериона, мы вообще не являемся воюющей стороной. И прекратим огонь, как только установим контроль над Гиперионом… Кстати, это может случиться с минуты на минуту. Нам только что донесли: десант овладел столицей и ее космопортом.

— Великолепно! Поздравляю! — бросил в сердцах Тео, невольно сжав кулаки.

— Спасибо за поздравления, — с достоинством ответила Свободная Дженга. — Передайте Гладстон, что мы готовы объединиться с вами в борьбе против Техно-Центра. — Она обвела взглядом безмолвных членов Трибунала. — Но поскольку нас отделяют от Сети многие годы пути, а контролируемым Техно-Центром порталам мы не доверяем, наша помощь скорее всего превратится в отмщение за гибель Гегемонии. Техно-Центр не уйдет от возмездия.

— Это обнадеживает, — сухая улыбка тронула губы Консула.

— В-четвертых, Гладстон спрашивает, можем ли мы встретиться с нею. Разумеется… если, конечно, она согласна прибыть в систему Гипериона. Только ради этого мы сохраним портал ВКС. Сами мы не собираемся им пользоваться.

— Почему? — озадаченно спросил Арундес.

Ему ответил не представленный гостям мохнатый, фантастически разукрашенный Бродяга:

— Приборы, которые вы называете «порталами», — это мерзость… надругательство над Связующей Пропастью.

— Понимаю. Религиозное табу. — Консул сочувственно кивнул.

Мохнатый Бродяга энергично замотал головой:

— Ничего подобного! Ярмо на шее, дьявольский контракт, который обрек вас на застой, — вот что такое на самом деле порталы. Мы к ним и близко не подойдем.

— В-пятых, — продолжала Свободная Дженга, — упоминание Гладстон о взрывном нейродеструкторе — не что иное, как ультиматум. Только направлен он не по адресу. Силы, которые крушат вашу Сеть, не имеют ни малейшего отношения к Кланам Двенадцати Братьев.

— Остается верить вам на слово. — Консул, слегка откинув голову, пристально глядел на Дженгу.

— Я не собираюсь убеждать вас, — ответила та. — Старейшины Клана не обязаны отчитываться перед рабами Техно-Центра. Но я сказала чистую правду.

Консул повернулся к Тео.

— Мы должны немедленно известить об этом Гладстон! — Он снова взглянул на Дженгу. — Глашатай, могут ли мои друзья вернуться на корабль, чтобы сообщить ваши ответы?

Дженга молча кивнула и дала знак готовить лодку.

— Без вас мы не вернемся, — воинственно заявил Тео, становясь между Консулом и Бродягами.

— Тео, не надо. — Консул крепко сжал плечо друга. — Не глупите.

— Он прав. — Арундес, оттеснив изумленного генерал-губернатора, занял его место. — Возвращайтесь, Тео! Останусь я. Вы же понимаете, как важно, чтобы Гладстон услышала все именно от вас!

Дженга между тем подозвала двух мускулистых, звероподобных Бродяг.

— Вы вернетесь на корабль, а Консул останется. Трибунал должен решить его судьбу.

Арундес и Тео резко повернулись, готовые к драке, но мохнатые Бродяги схватили их и играючи, словно расшалившихся детей, отнесли к воде.

Консул видел, как их усадили в гондолу. Он с трудом сдержался, чтобы не помахать друзьям, пока лодка, пройдя метров двадцать по открытой глади, не скрылась за краем террасы. Вот она появилась снова и принялась карабкаться вверх по водопаду к черному космосу, чтобы через считанные минуты окончательно затеряться между золотыми бликами. Повернувшись к семнадцати Бродягам, Консул медленно обвел их взглядом.

— Если можно, давайте побыстрее, — сказал он. — Я и так ждал слишком долго.

Сол Вайнтрауб сидел на ступеньке между массивными лапами Сфинкса, глядя прямо перед собой. Буря постепенно стихала, ветер уже не ревел, не выл, а лишь вздыхал; пылевая завеса поредела, а потом и вовсе рассеялась, открыв далекие звезды. Ночь снова вступила в свои права. Гробницы засияли еще ярче, но из сверкающих дверей Сфинкса никто не появлялся. Сол не мог даже подойти к ним — слепящие лучи вонзались

в него, как тысячи металлических пальцев, и, как Сол ни старался, не подпускали ближе трех метров. Из-за этого сводящего с ума блеска невозможно было понять, есть ли кто внутри.

Сол вцепился в камень, чтобы противостоять неистовству темпоральных волн. Казалось, весь Сфинкс дрожит и шатается в такт тошнотворным приливам, то слабеющим, то набирающим силу.

О Рахиль…

Пока есть хоть малейшая надежда, он не уйдет отсюда. Лежа на холодных камнях, Сол смотрел на звезды, на следы метеоров и фейерверк лазерной перестрелки в верхних слоях атмосферы и понимал, что война проиграна и Сеть на краю гибели, что миры и империи рушатся прямо на его глазах. Может быть, эта нескончаемая ночь определит дальнейшую судьбу человечества. Но ему что до этого?

Сол Вайнтрауб думал о дочери.

И вдруг в какой-то миг, исхлестанный ветром и темпоральными волнами, едва живой от усталости и голода, Сол явственно ощутил, как снисходит на него умиротворение. Он отдал дочь чудовищу, но не по воле Бога или судьбы, и не из страха, нет. А потому, что дочь явилась ему во сне и сказала, что это веление любви, связавшей его,

Сару и Рахиль.

«Когда близок конец, — отрешенно размышлял Сол, — когда отступают разум и надежда, только в наших снах и любви дорогих нам людей мы находим ответ Богу. Авраамов ответ».

Комлог Сола давным-давно отключился. Сколько времени прошло с того момента, когда он вручил свое дитя чудовищу? Час? Пять? Темпоральные волны снова швыряли Сфинкс, как крошечную шлюпку, а Сол, вцепившись в камень, смотрел на звезды и космическую битву.

По небу во все стороны разлетались искры и, попадая под удары лазерных копий, то вспыхивали, как сверхновые звезды, то рассыпались веером раскаленных осколков, меняющих на лету цвет — от белого до лилового и алого. Сол, как ни старался, не мог представить себе горящие корабли, десантников-Бродяг и морских пехотинцев Гегемонии, умирающих под рев кипящего титана и встречного воздуха… Это было выше его разумения — все эти грандиозные, эпохальные события: космические сражения, маневры флотов, падение империй… Его способность сопереживать, а значит, понимать и постигать, тут оказалась бессильной. Все это требует таланта Фукидида и Тацита, Катона и Ву. Сол был знаком с Фельдстайн

— сенатором от его родного Барнарда, встречался с нею не раз, когда вместе с Сарой отчаянно искал способ излечить Рахиль, но даже ее, эту горячую, энергичную женщину, не мог представить себе участницей дебатов, посвященных межзвездным войнам, — другое дело на открытии нового медицинского центра в столице или на лекции в Кроуфордском университете.

С нынешним секретарем Сената Солу не доводилось встречаться, но как ученому ему были небезынтересны ее выступления, в которых она чрезвычайно искусно использовала классические высказывания знаменитых политиков — Черчилля, Линкольна, Альвареса-Темпа. И сейчас, пристроившись между лап каменного колосса и молча оплакивая дочь, Сол представить себе не мог, какие чувства испытывает эта женщина, чьи решения могут спасти или обречь на смерть миллиарды жизней. Сохранить или погубить величайшую в истории человечества империю.

Впрочем, на все это Солу было наплевать. Он хотел одного: вернуть дочь. Вопреки доводам разума он хотел, чтобы Рахиль осталась жива.

Вглядываясь в звездное небо осажденной планеты, затерявшейся на задворках гибнущей

империи, Сол Вайнтрауб смахнул застилавшие глаза слезы, и тут на память ему пришла «Молитва о дочери» Йейтса:

И вновь порывы с моря налетели
На дом, где безмятежно в колыбели
Спит дочь моя. К ней ветру нет преград:
Лишь роща Грегори и голый холм стоят
Перед шальным посланцем океана,
Нещадно треплющим и крыши, и стога;
Как мысль моя печальна и горька,
Вот и молюсь за дочку безустанно.

Давно брожу, а ветер не стихает,
Я слышу, как он в башне завывает,
Ревет под сводами моста, ревет
Над вязами у вздыбившихся вод.
Молюсь за дочь, и чудится мне вскоре:
Грядущих лет выходит строй
Под дикий барабанный бой
Из смертоносной девственности мо-

ря.[59]

Да, все, что ему нужно, — это вновь обрести возможность беспокоиться за будущее своего ребенка, тот извечный страх, что преследует всех родителей. Не допустить, чтобы детство и юность только начавшей взрослеть дочери были похищены и уничтожены болезнью.

Всю жизнь Сол жаждал вернуть невозвратимое. Он вспомнил, как однажды поднялся на чердак, где Сара в это время аккуратно укладывала распашонки Рахили в сундук. Вспомнил слезы на глазах Сары и собственную тоску — их дочка была тогда еще с ними, но безжалостная стрела времени с каждым днем приближала неотвратимый конец. Кроме воспоминаний, у него почти ничего не осталось. Сара мертва и никогда не придет; друзья детства Рахили и весь ее мир исчезли навеки; и даже общество, которое он покинул всего несколько недель назад, уже стоит на пороге исчезновения без возврата.

Размышляя обо всем этом под шепот угомонившегося ветра, озаренный ослепительным светом ложных звезд, Сол припомнил строки из другого, куда более зловещего стихотворения Йейтса:

---

[59] Примечания: 59

У. Б. Йейтс. «Молитва о дочери», 1—16 (Пер. Ю. Мениса).

Да, какое-то откровение уж близко;
Да, Второе Пришествие уж близко.
Пришествие! Едва сорвалось слово это с губ,
Как гигантский образ из «Мировой Души»
Предстал передо мной: в песках пустыни
Созданье с телом льва и головою человека,
И взглядом пустым и безжалостным,
Приподымается на лапах, а вокруг
Мелькают тени возмущенных птиц.
И снова тьма упала. Но теперь я знаю,
Что два тысячелетья каменного сна
Смутил кошмар качающейся колыбели.
Но что за зверь, чей пробил час теперь,
Грядет на Вифлеем, чтобы родиться?

Сол не знает ответа. Да и зачем он ему? Солу нужна его дочь.

Похоже, Военный Совет готов был проголосовать за применение нового оружия.

Мейна Гладстон, сидевшая во главе длинного стола, испытывала ни на что не похожее восхитительное чувство устраненности от мира, которое появляется после длительной бессонницы. Стоило хоть на секунду зажмуриться, как она тут же скользила в пропасть по черному льду усталости, и Гладстон боялась даже моргнуть, не замечая рези в глазах и почти не воспринимая смысла докладов и жарких дебатов.

Члены Совета наблюдали, как искры эскадры 181.2 — штурмовой группы контр-адмирала Ли — гасли одна за другой, пока из семидесяти четырех боевых кораблей не остался всего десяток. Однако искры продолжали продвигаться к ядру Роя, и крейсер Ли был пока цел.

И пока длилось это бесшумное вычитание, этот абстрактный и странно притягательный репортаж о жестокой и более чем реальной смерти, адмирал Сингх и генерал Морпурго заканчивали свой мрачный отчет.

— …ВКС и Нью-Бусидо были созданы в расчете на мелкие стычки, локальные войны — то есть на ограниченные конфликты с легкодостижимыми целями, — резюмировал Морпурго. — Численность ВКС не превышает полумиллиона человек, что несравнимо даже с самой маленькой армией

на Старой Земле тысячелетней давности. Рой может сокрушить нас простым количественным превосходством. Победит арифметика.

Сенатор Колчев на противоположном конце стола гневно сверкнул глазами. Лузианец не в пример Гладстон активно участвовал в дебатах, и почти все вопросы адресовались ему — словно присутствующие почуяли, что власть меняет хозяина, жезл вождя переходит в другие руки.

«Пока еще не перешел», — подумала Гладстон, поглаживая подбородок и слушая, как Колчев допрашивает генерала.

— …но можем ли мы, отступая, защитить хотя бы важнейшие миры второй волны — прежде всего ТКЦ, а также крупные индустриальные центры: Малое Возрождение, Фудзи, Денеб-IV и Лузус?

Генерал Морпурго уткнулся в бумаги, чтобы скрыть вспыхнувшую в нем ярость.

— Сенатор, остались неполные десять стандартных суток до того, как вторая волна достигнет цели. Малое Возрождение будет атаковано через девяносто часов. Со всей ответственностью утверждаю, что при существующем объеме, структуре и техническом состоянии ВКС мы вряд ли сможем отстоять хотя бы одну систему… скажем, ТКЦ.

Вскочил сенатор Какинума:

— Это неприемлемо, генерал.

— Увы, сенатор, но это правда, — ответил Морпурго.

Временный Президент Денцель-Хайят-Амин затряс своей седой гривой:

— Правда? Но это чудовищно! Разве не существует планов обороны Сети?!

Адмирал Сингх, не вставая, заметил:

— В своих расчетах мы исходили из того, что у нас как минимум восемнадцать месяцев форы.

Министр иностранных дел Персов прокашлялся:

— А... если уступить Бродягам эти двадцать пять миров, адмирал? Когда они смогут возобновить атаку на другие миры Сети?

Сингху не понадобилось заглядывать в свои записи или комлог.

— Это зависит от их планов, господин Персов, — ответил он. — Ближайший мир Сети — Эсперанса — в девяти стандартомесяцах от Роя. Наиболее удаленная цель — Старая Родина — примерно в четырнадцати годах пути, если они используют двигатели Хоукинга.

— За это время мы вполне успеем перевести экономику на военные рельсы, — заметила сенатор

Фельдстайн. Ее избирателям на Мире Барнарда оставалось жить меньше сорока стандартных часов. Фельдстайн поклялась, что будет с ними до конца. Она говорила внятно, но совершенно бесстрастно: — Это разумная идея. Что пропало, того не вернешь. Даже после утраты ТКЦ и еще дюжины миров Сеть может производить в достаточном количестве вооружение и боеприпасы… За те годы, что Бродяги будут тащиться по Сети, мы накопим сокрушительный промышленный потенциал.

Министр обороны Имото покачал головой:

— Первая и вторая волны лишили нас уникальных сырьевых источников. Экономика Сети хромает на обе ноги.

— Разве у нас есть выбор? — подал с места реплику сенатор Питерс с Денеба-III.

Взоры присутствующих обратились к соседу советника Альбедо.

Словно для того, чтобы подчеркнуть серьезность ситуации, ИскИны делегировали в Военный Совет еще одного представителя, который и сделал доклад об устройстве, получившем неуклюжее название «взрывной жезл смерти». Советник Нансен был высоким загорелым мужчиной, внушающим расположение с первого

взгляда. От него прямо-таки исходили флюиды прирожденного лидера.

Но у Мейны Гладстон новый советник не вызывал ничего, кроме страха и отвращения. Она не сомневалась, что эта проекция изготовлена экспертами ИскИнов специально — для создания атмосферы доверия, которая немедленно воцарилась в зале, стоило искусственному советнику, державшемуся столь естественно, открыть рот. Если верить предчувствиям, Нансен был вестником смерти.

Нейродеструктор был известен в Сети уже несколько веков. Этот дар Техно-Центра приняли на вооружение некоторые спецподразделения — например, охрана Дома Правительства и преторианцы Гладстон. Он не жег, не взрывал, не плавил и не испепелял. Он действовал бесшумно и незримо — ни грохота стрельбы, ни вспышек взрывов. Он просто вызывал мгновенную смерть объекта.

Конечно, в тех случаях, когда объектом был человек. Дальность действия нейродеструктора была ограниченной — не больше пятидесяти метров, — но внутри этого радиуса человек, в которого стреляли, падал замертво, а животные и неодушевленные предметы оставались невре-

димыми. Вскрытие не обнаруживало никаких повреждений, кроме разрыва синапсов. Высшие чины ВКС носили «жезлы смерти» за поясом — как личное оружие и символ власти.

Теперь же, по словам нового советника, Техно-Центр создал устройство, действующее по принципу нейродеструктора, но гораздо более мощное. Техно-Центр до поры до времени решил держать свое открытие в тайне, но вторжение Бродяг и ужасающая угроза, нависшая над Сетью…

Советника засыпали вопросами, причем военные были настроены более скептически, чем политики. Да, «жезл смерти» избавит нас от Бродяг, но что станется с населением Гегемонии?

Укройте людей в убежищах на лабиринтных планетах, убежденно отвечал Нансен, повторяя предложение советника Альбедо. Пятикилометровая толща камня полностью защитит их от смертоносного излучения.

Каков радиус действия нового оружия?

Излучение становится безопасным на расстоянии трех световых лет, отвечал Нансен, спокойный, благожелательный и уверенный в себе, как рекламный агент на ярмарке. Дистанция достаточно велика, чтобы избавить любую

систему от Роя, и достаточно мала, чтобы обезопасить все звездные системы, кроме ближайших. Девяносто два процента миров Сети отделены от своих соседей как минимум пятью световыми годами.

А что будет с теми, кого нельзя эвакуировать, допытывался Морпурго.

Советник Нансен разжал руку, демонстрируя пустую ладонь.

Не включайте устройство, пока не удостоверитесь, что все граждане Гегемонии эвакуированы или укрыты, улыбнулся он. Ведь распоряжаться им будете вы сами.

Фельдстайн, Сейбенсторафен, Питерс, Персов и многие другие были в восторге. Секретное оружие, которое покончит со всяким секретным оружием! А Бродяг можно для начала предостеречь — устроить пробное включение.

Прощу прощения, снова заговорил Нансен. Его обнаженные в улыбке зубы были жемчужно-белыми, как и его одежда. К великому сожалению, пробное включение невозможно. Это оружие действует точно так же, как «жезл смерти», только на гораздо большем расстоянии. Никакой ударной волны, никаких взрывов и пожаров. Нейтринный поток не превысит фона. Только

мертвые враги.

Для демонстрации, подхватил слова коллеги советник Альбедо, необходимо использовать нейродеструктор хотя бы против одного Роя.

Энтузиазм Военного Совета ничуть не уменьшился.

Вот и выход, воскликнул спикер Альтинга Гиббонс. Испытываем устройство на одном из Роев, по мультилинии сообщаем результаты другим и даем им час на капитуляцию. В конце концов эту войну начали не мы! Что значат несколько миллионов мертвых врагов в сравнении с миллиардами жертв, к которым приведет многолетняя война!

Хиросима, сказала Гладстон, причем так тихо, что ее услышала только Седептра Акази. За все заседание она не произнесла ни слова.

Где гарантия, что за три световых года лучи потеряют свою убийственную силу, спросил Морпурго. Вы проводили испытания?

Советник Нансен смущенно улыбнулся. Ответь он утвердительно, у него потребовали бы доказательств — горы мертвых тел. В противном случае надежность устройства оказалась бы под сомнением. Мы уверены, все будет хорошо, сказал он, все так же улыбаясь. Моделирование дало

прекрасные результаты!

«ИскИны Киевской Группы говорили то же самое о первой сфере сингулярности, — отметила про себя Гладстон. — Той самой, что погубила Землю».

Как ни странно, Сингх, Морпурго, Ван Зейдт и кое-кто из экспертов не впали в эйфорию и выдвигали все новые и новые возражения. Безбрежное Море уже невозможно эвакуировать, а единственный лабиринтный мир первой волны — Армагаст — расположен всего в одном световом годе от Пасема и Свободы.

Слушая их, Нансен лишь улыбался.

— Вы хотите демонстрации, и это вполне понятно, — с расстановкой сказал он. — Вам нужно показать Бродягам, что вы не потерпите вторжения, и удержать потери на минимальном уровне. В то же время вам необходимо обезопасить местное население. — Он замолчал, положив ладони на стол. — В таком случае, что вы скажете о Гиперионе?

Зал загудел.

— Но ведь Гиперион не входит в Сеть! — заявил спикер Гиббонс.

— Пока там действуют порталы ВКС, он является неотъемлемой частью Сети, — отчеканил

Гарион Персов — явный сторонник Нансена.

Суровое лицо Морпурго ничуть не смягчилось:

— Через час-другой их там не будет. Наши боевые порядки вокруг сферы сингулярности могут быть прорваны в любой момент. Вот-вот падет и сам Гиперион.

— А как же администрация Гегемонии? — спохватился Персов.

Ему ответил Сингх:

— Эвакуированы все, за исключением генерал-губернатора Тео Лейна. Его так и не нашли в суматохе.

— Жаль, — без особого, впрочем, сожаления констатировал Персов. — Значит, остались в основном местные жители. Ну, они-то без особого труда попадут в тамошний лабиринт.

Барбара Дэн-Гиддис из Министерства экономики, сын которой был управляющим на фибропластовой плантации под Порт-Романтиком, быстро произнесла:

— За три часа? Невозможно.

Нансен встал.

— Позвольте с вами не согласиться, — вежливо начал он, поклонившись Дэн-Гиддис. — Можно передать по мультилинии предупреждение местной администрации, и мирное население срочно

эвакуируют. На Гиперионе существуют тысячи входов в лабиринт.

— Город Китс осажден, — рявкнул Морпурго. — Бои идут по всей планете.

Советник Нансен кивнул, скорбно сдвинув брови:

— И вскоре эти варвары предадут ее мечу. Перед вами непростая дилемма, леди и джентльмены. Но устройство сделает свое дело! В системе Гипериона не останется в живых ни одного захватчика, а миллионы жителей планеты будут спасены. Мало того — это будет хорошим уроком для Бродяг в других регионах. Нам известно, что их Рои сообщаются между собой посредством мультилинии. Уничтожение Роя, первым вторгшегося в пространство Гегемонии, отрезвит их.

Нансен вновь покачал головой и оглядел собравшихся с почти отеческой озабоченностью. Только чудовище могло усомниться в его искренности.

— Дело теперь за вами. Оружие ваше. Вам решать, использовать его или нет. Неприкосновенность человеческой жизни — для нас закон, но сейчас, когда на карту поставлены судьбы миллиардов?! — Нансен нахмурился и сел, не закончив фразы.

Собравшиеся с шепота перешли на крик. Страсти накалялись.

— Госпожа секретарь! — повысил голос Морпурго.

В наступившей тишине Гладстон подняла глаза к голографическим изображениям под потолком. Рой, атакующий Безбрежное Море, казался струей крови, устремившейся к голубому шарику. За время этой паузы из трех оранжевых огоньков, оставшихся от эскадры 181.2, погасли два. Теперь все следили за третьим — последним. Но вскоре и он погас.

Гладстон прошептала в комлог:

— Узел Связи, есть что-нибудь от адмирала Ли?

— В адрес штаба — ничего, госпожа секретарь, — последовал ответ. — Только стандартная боевая телеметрия. Судя по всему, им не удалось достичь ядра Роя.

Гладстон до последней минуты надеялась, что Ли сумеет захватить пленных и удостовериться, что атакуют именно Бродяги. Но Вильям Аджунта Ли, самый способный и энергичный офицер из всех, кого знала Гладстон, погиб. Погиб, выполняя ее приказ, а с ним погибли и семьдесят четыре корабля.

— Порталы Безбрежного Моря разрушены

плазменными взрывами, — бесстрастно комментировал адмирал Сингх. — Передовые единицы Роя вступают в окололунный укрепрайон.

В полной тишине сенаторы и военные смотрели на потолок, где голографическое цунами кроваво-красных огней захлестывало систему Безбрежного Моря. Вокруг голубой планеты погасли последние оранжевые искры.

Несколько сотен вражеских кораблей осталось на орбите, — по-видимому, чтобы превратить изящные плавучие города и океанские фермы в пылающие развалины, а кровавая волна двинулась дальше и вышла из кадра.

— До системы Асквита три стандарточаса сорок одна минута, — нарушил тягостное молчание дежуривший у дисплея техник.

Сенатор Колчев встал.

— Предлагаю поставить на голосование вопрос о демонстрации нейродеструктора на Гипериона.

Мейна Гладстон прикусила губу.

— Нет, — сказала она наконец, — обойдемся без голосования. Решено: мы воспользуемся устройством Техно-Центра. Адмирал, подготовьте факельщик, на котором оно установлено, к переходу в пространство Гипериона и опо-

вестите планету и Бродяг. Дайте им три часа. Имото, пошлите шифрованную мультиграмму на Гиперион. Подчеркните, что жители обязаны — повторяю, обязаны — немедленно укрыться в лабиринтах. Скажите им, что будет произведено испытание нового оружия.

Морпурго вытер пот со лба:

— Госпожа секретарь, есть риск, что оружие попадет в руки врага.

Гладстон повернулась к советнику Нансену, страстно надеясь, что лицо не обнаружит ее истинных чувств:

— Советник, можно ли сделать так, чтобы ваше устройство автоматически детонировало в случае захвата или гибели корабля?

— Разумеется, госпожа секретарь.

— Тогда настройте его соответствующим образом и проинструктируйте экспертов ВКС. — Она повернулась к Седептре: — Организуй трансляцию на всю Сеть. За десять минут до включения устройства я хочу обратиться к гражданам.

— Разумно ли… — начала было сенатор Фельдстайн.

— Вне всякого сомнения, — отрезала Гладстон и стремительно поднялась с кресла. Тридцать восемь членов Военного Совета тоже встали.

— Мне необходимо хоть немного отдохнуть, а вы тут потрудитесь. Устройство должно быть подготовлено к действию и доставлено в систему. Немедленно оповестите Гиперион. Подготовьте план действий на случай экстремальных обстоятельств, а также проект соглашения для переговоров. Даю вам тридцать минут.

Гладстон обвела взглядом собравшихся: не пройдет и двадцати часов, как большинство из них лишится власти. Для нее, во всяком случае, это последний день на посту секретаря Сената Гегемонии.

Мейна Гладстон улыбнулась.

— Все свободны, — сказала она и перенеслась в свои апартаменты — вздремнуть полчасика.

Глава сорок третья

Ли Хент впервые видел умирающего. Последние сутки, проведенные с Китсом — про себя Хент все еще называл его Джозефом Северном, — были самыми трудными в его жизни. Хент буквально оглох от клокотания мокроты в горле и груди несчастного, боровшегося со смертью. Кровохарканье усилилось, перемежаясь приступами рвоты.

Хент сидел рядом с кроватью в маленькой гостиной в доме на Площади Испании и прислушивался к бормотанию умирающего. Раннее утро состарилось, перешло в позднее, наступил полдень. Китса лихорадило, он ненадолго приходил в себя и вновь терял сознание. Однако он требовал, чтобы Хент слушал и записывал каждое его слово — в соседней комнате нашлись чернила, перо и бумага. И Хент торопливо записывал горячечный бред умирающего кибрида. Речь шла о метасферах и потерянных божествах, об ответственности поэтов и смене богов, и еще — о мильтоновской гражданской войне в Техно-Центре.

— Война в Техно-Центре? Где же он? Где находится Техно-Центр, Сев… Ките? — воскликнул Хент, схватив его горячую руку.

Умирающий, весь в поту, отвернулся к стене.

— Не дышите на меня — от вас веет холодом!

— Техно-Центр, — повторил Хент, выпрямившись, готовый расплакаться, как ребенок, от жалости и разочарования. — Где находится Техно-Центр?

Китс улыбнулся и замотал головой. При каждом его вздохе раздавался присвист, точно из рваных кузнечных мехов.

— Как пауки в паутине, — бормотал он, — пау-

ки в паутине. Ткут… нет, подстроили, чтобы мы сами ее ткали… потом связали нас ею и сосут нашу кровь. Как у мух.

Бред какой-то. Хент даже перестал записывать — и вдруг понял.

— Боже! — прошептал он. — Они в нуль-сети!

Китс крепко сжал пальцы Хента.

— Расскажите это вашей начальнице, Хент. Заставьте Гладстон вырвать их из Сети. Вырвать. Пауки в паутине. Бог людей и бог машин… должны слиться. Не я! — Он упал на подушки и беззвучно заплакал. — Не я.

После полудня Китс немного поспал, но сон этот был предвестником смерти. Малейший звук будил умирающего, и вновь начиналось единоборство с удушьем. К закату Китс настолько ослаб, что не мог отхаркаться, и Хенту приходилось поддерживать его голову над тазиком, чтобы кровавая слизь вытекала изо рта и горла.

Когда Китс забывался на миг, Хент подходил к окну, а однажды даже сбегал вниз, к парадной двери — выглянуть на площадь. На противоположной стороне, у основания лестницы, в густой тени виднелась высокая фигура, утыканная шипами.

К вечеру Хент сам задремал у постели Китса

— прямо на стуле. Ему приснилось, что он падает. Он выставил руку — и очнулся. Китс смотрел на него.

— Вы когда-нибудь видели, как умирают? — спросил поэт, хватая ртом воздух.

— Нет. — Взгляд у Китса был какой-то странный, словно он видел перед собой не Хента, а кого-то другого.

— В таком случае сожалею. И без того вы претерпели из-за меня массу неудобств и опасностей. Мужайтесь. Теперь уже недолго.

Хента не столько поразило благородство и мужество этих слов, сколько внезапный переход Китса со стандартного английского Сети на некий более древний и более богатый язык.

— Чепуха! — выпалил Хент, пытаясь передать Китсу энтузиазм и энергию, которых сам не испытывал. — Мы выберемся отсюда еще до завтра. Как только стемнеет, я выйду и отыщу где-нибудь портал.

Китс покачал головой:

— Шрайк вас не пропустит. Он никому не позволит мне помочь. Я должен сам спасти себя. — Он задохнулся и закрыл глаза.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Хент, сжимая руку юноши. Он счел бы все это бредом,

но, поскольку Китс находился в полном сознании (редкий случай за последние двое суток), Хент решил расспросить его подробнее. — Что значит «сам спасти себя»?

Китс широко открыл глаза. Светло-карие, с лихорадочным блеском.

— Уммон и другие пытаются заставить меня спастись, принять на себя роль божества. Приманка для белого кита, мед для высшей… мухи. Беглое Сопереживание должно найти свое пристанище во мне… во мне, мистере Джоне Китсе, пяти футов роста… А затем начнется примирение.

— Какое примирение? — Хент наклонился над поэтом, стараясь не дышать на него. В ворохе простыней и одеял Китс казался иссохшим мальчиком, но исходящий от него жар обволакивал всю комнату. В сумраке его лицо мерцало бледным овалом. Хент не замечал золотой полоски солнечного света, ползущей по стене, но Китс не мог оторваться от последнего знака уходящего дня.

— Примирение человека и машины. Творца и творения. — Китс закашлялся и выплюнул в тазик, подставленный Хентом, комок красной слизи. Откинувшись на подушки, передохнул

и, тяжело дыша, добавил: — Примирение человечества с теми расами, которые оно пыталось истребить, Техно-Центра с человечеством, которое он хотел ликвидировать. Прошедшего через муки эволюции Бога Связующей Пропасти с его предшественниками, пытавшимися его уничтожить.

Хент покачал головой и перестал записывать.

— Не понимаю. Вы можете стать этим… мессией… покинув свой смертный одр?

Бледный овал лица Китса задрожал на подушке. Казалось, он смеется.

— Каждый может, Хент. Величайшая глупость и гордыня человеческая. Мы принимаем нашу боль. Освобождаем дорогу нашим детям. Это дает нам право стать Богом, о котором мы мечтаем.

Хент опустил глаза и увидел, как его рука сжимается в кулак.

— Если вы это можете — стать такой силой… тогда сделайте это. Вытащите нас отсюда!

Китс снова закрыл глаза.

— Не могу. Я не Тот, Кто Придет, а Его Предтеча. Не крещенный, но креститель. К черту, Хент, я вообще атеист! Даже Северн не мог убедить меня в реальности всей этой дребедени, когда я тонул в смерти! — Китс с пугающей силой вцепился в

рукав Хента. — Запишите это!

И Хент потянулся за древним пером и грубой бумагой, торопясь запечатлеть на ней слова, нашептываемые поэтом:

…но я уже питаю сам
Урок чудесный на лице безмолвном
И чувствую, как в бога превращает
Меня громада знаний! Имена,
Деянья, подвиги, седые мифы,
Триумфы, муки, голоса вождей,
И жизнь, и гибель – это все потоком
Вливается в огромные пустоты
Сознанья и меня обожествляет,
Как будто я испил вина блаженных
И приобщен к бессмертью![60]

Китс прожил еще три мучительных часа. Как пловец, он выныривал из пучины агонии, чтобы сделать судорожный вдох или пробормотать какую-нибудь нескладицу. Один раз, уже в полной темноте, он потянул Хента за рукав:

— Когда я умру, Шрайк не причинит вам вреда. Он ждет меня. Может, вы и не найдете дороги до-

---

[60] Примечания: 60
Д. Китс. «Гиперион», книга третья, 118–128 (пер. Г. Кружкова).

мой, но он не причинит вам вреда, пока вы будете ее искать. — И снова, в тот самый момент, когда Хент, прислушиваясь к его дыханию, наклонился над ним, Китс заговорил и продолжал бормотать между спазмами, сказав напоследок, что хочет быть погребенным на Римском протестантском кладбище, вблизи пирамиды Гая Цестия.

— Чушь, чушь, — повторял Хент, словно заклинание, сжимая горячую руку умирающего.

— Цветы, — прошептал Китс, немного погодя, когда Хент зажег лампу на бюро. Широко раскрытыми глазами, он смотрел на потолок с наивным детским изумлением. Хент поднял голову и увидел в синих квадратах потолка роспись: выцветшие желтые розы. — Цветы… надо мною, — преодолевая удушье, снова прошептал Китс.

Хент стоял у окна, глядя во тьму у Испанской Лестницы, когда позади раздался скрипучий, полный мучительной боли вдох.

— Северн… подними меня! Я умираю, — едва слышно произнес Китс.

Хент сел на кровать и приподнял его за плечи. От иссохшего тела исходил такой жар, словно оно действительно сгорало в пламени болезни.

— Не бойся. Будь тверд. Слава Богу, она при-

шла! — выдохнул Китс и затих. Хент уложил его поудобнее. Дыхание поэта стало ровнее.

Когда Хент, сменив воду в тазике и достав свежее полотенце, вернулся в комнату, Китс был мертв.

Едва рассвело, Хент завернул почти невесомое тело в чистые простыни, которые снял со своей постели, и понес его на площадь.

* * *

Когда Ламия Брон добралась до конца долины, буря стихла. Пещерные Гробницы испускали такой же призрачный свет, что и остальные, но из них, кроме того, доносились леденящие кровь звуки. Казалось, в недрах планеты стонут тысячи душ. Ламия прибавила шагу.

Небо уже очистилось, когда она подошла к Дворцу Шрайка. Название Гробницы подходило ей как нельзя лучше: выпуклый полукупол напоминал панцирь, кривые ятаганы колонн словно вонзались в землю, прочие опоры и балки торчали в разные стороны — точь-в-точь шипы чудовища. От яркого света, горевшего внутри, стены стали прозрачными, и сооружение походило на фонарь из тончайшей рисовой бумаги. Купол же был цвета пламени, пылавшего в гла-

зах Шрайка.

Ламия вздохнула и положила ладонь на живот. Еще на Лузусе она узнала, что беременна. Казалось бы, будущий ребенок должен теперь занимать все ее мысли. Кто ей этот болтливый старикашка, именующий себя поэтом? Разумеется, никто. И что из этого следует? Постояв немного, она все же двинулась к Дворцу Шрайка.

Снаружи казалось, что Дворец имеет не более двадцати метров в ширину. По прошлому посещению Ламия знала, что внутри гробница совершенно пуста, если не считать обоюдоострых опор, скрещивающихся под светящимся сводом. Теперь же перед ней оказалось пространство едва ли не превосходящее по размерам саму долину. Двенадцать, а то и больше ярусов из белого камня громоздились друг на друга и уходили вдаль, теряясь в туманной дымке. И на каждом лежали человеческие тела, от голов которых отходили полуорганические кабели-пиявки — такие же, как тот, которым, по словам друзей, была привязана к Сфинксу она сама. Только здесь металлические пуповины были полупрозрачными и светились красным, то расширяясь, то сжимаясь, словно через головы лежащих прокачивали кровь.

Ламия попятилась и бросилась прочь. Однако,

отбежав метров на десять, она увидела, что снаружи Гробница ничуть не изменилась. Каким же образом она могла вместить это многокилометровое пространство? Впрочем, если Гробницы открываются, что мешает Дворцу существовать в разных временах? Так или иначе, но когда Ламия медленно приходила в себя после путешествий в мегасфере, своим киберзрением она разглядела недоступные человеческому глазу энергетические волокна, соединявшие Дворец Шрайка с терновым деревом.

И она снова направилась ко входу во Дворец.

Внутри ее ждал Шрайк. На фоне сверкающего белого мрамора его блестящий панцирь казался черным.

У Ламии перехватило дух. Надо было повернуться и бежать без оглядки, но она вошла внутрь.

Вход тут же затуманился и сделался почти неразличимым в молочно-белом сиянии. Только слабая рябь выдавала его присутствие. Шрайк стоял неподвижно, лишь багровое пламя пульсировало в его глазах.

Ламия сделала еще шаг. Странно, но каменный пол заглушал всякий шум, словно она ступала по вате. Шрайк находился метрах в десяти от нее, у

подножия напоминавших анатомический театр ярусов, которые громоздились до самого потолка, терявшегося в сияющей мгле.

Чудовище не шевелилось. В воздухе пахло озоном и еще чем-то — тошнотворно-сладким. Ламия двинулась вдоль стены, шаря взглядом по рядам неподвижных тел. Каждый шаг отдалял ее от входа, и Шрайк, пожелай он ее перехватить, сделает это без труда. Но он застыл черной статуей в океане света.

Ярусы простирались на километры. Кое-где виднелись лестницы со ступенями почти метровой высоты. Ламия взобралась по одной из них на второй ярус, коснулась ближайшего тела и с облегчением отметила, что оно теплое. Грудь человека медленно вздымалась и опадала. Но это был не Мартин Силен.

И она продолжила свой путь, боясь обнаружить среди этих живых мертвецов Поля Дюре, Сола Вайнтрауба или даже себя саму. Вдруг Ламия заметила знакомое лицо: она видела его изваянным в камне. Печальный Король Билли возлежал на белом мраморе пятого яруса. От королевской мантии остались обгоревшие лохмотья, а лицо было искажено страшной мукой. Ярусом ниже лежал Мартин Силен.

Ламия опустилась на корточки рядом с поэтом, покосившись через плечо на черное пятно Шрайка в конце зала. Силен, как и все, казался живым. Пульсирующая пуповина, выходя из разъема у него за ухом, исчезала в стене, сливаясь с камнем.

Задыхаясь от ужаса, Ламия провела рукой по черепу поэта и нащупала границу пластмассы и кости, затем осмотрела саму пуповину. Ни единого сочленения или шва до самой стены. Внутри струилась алая жидкость.

— Господи! — прошептала Ламия и в ужасе обернулась. Ей почудилось, что Шрайк уже рядом, но тот словно и не думал сдвигаться с места.

Карманы Ламии были пусты. Ни оружия, ни инструментов. Она понимала, что должна отправиться к Сфинксу и, отыскав в рюкзаке что-нибудь пригодное для резания, вернуться сюда. А потом, набравшись мужества, вновь переступить порог Дворца.

Нет, она не сможет заставить себя войти сюда снова.

Ламия опустилась на колени, набрала в грудь побольше воздуха, вскинула руку над головой и резко опустила. Пуповина только казалась пластиковой. От удара заныла вся рука — от кисти

до плеча.

Глаза Ламии сами собой обратились к Шрайку. Он двигался к ней медленными шагами, словно старик, вышедший на прогулку.

Выкрикнув «ки-я», Ламия вновь нанесла удар ребром ладони. По всему бесконечному залу прокатилось эхо.

Она выросла на Лузусе, где гравитация на треть превосходила стандартную, но даже по меркам своей родины отличалась недюжинной силой. Девяти лет она задумала стать сыщиком и активно готовила себя к этому. Частью ее довольно бестолковой, но выполнявшейся с неукоснительной тщательностью программы были боевые искусства, так что бить она умела. И Ламия ударила рукой словно топором, мысленно рассекая пуповину.

Жесткий кабель сплющился, трепеща, как живой. И даже вроде бы съежился, когда Ламия размахнулась снова.

Внизу уже слышались шаги. Ламия едва не расхохоталась. Шрайк мог мгновенно переместиться в любую точку, не пошевелив ногами, а тут топает, как ни в чем не бывало. Ему, должно быть, нравилось вселять в своих жертв ужас. Но она не чувствовала страха. Ей было некогда.

Ну-ка, еще разок! Тут, пожалуй, и камень не устоял бы. Она снова ударила ребром ладони по пуповине, и тут в руке что-то хрустнуло. Боль отозвалась во всем теле, будто грохот. Или шум шагов внизу.

«Дорогая, а тебе не кажется, — спросила себя Ламия, — что, если эта фигня порвется, Силен умрет?»

Она снова занесла руку, задыхаясь от напряжения. Со лба капал пот.

«Кстати, я терпеть тебя не могу», — мысленно обратилась она к Силену и снова ударила. С тем же успехом можно пытаться перерубить ногу стального слона.

Шрайк уже поднимался по лестнице.

Тогда Ламия привстала и вложила весь свой вес в последний удар, выбивший плечо из сустава и доконавший-таки ее треснувшее запястье.

И перерубила пуповину.

Красная жидкость, похожая скорее на подкрашенную водичку, чем на кровь, брызнула на ноги Ламии и белые плиты. Рассеченный кабель, все еще торчавший из стены, колотил по камню и корчился, как злобное щупальце. Потом угомонился, вытянулся и скользнул умирающей змеей в отверстие, затянувшееся, как только пупови-

на скрылась из виду. А еще через пять секунд обрывок, вросший в разъем нейрошунта, засох и съежился, как выброшенная на берег медуза. Красные брызги на лице и груди поэта прямо на глазах Ламии поголубели.

Веки Мартина Силена задергались. Совиные глаза распахнулись.

— Эй, — сказал он, — ты в курсе, что этот блядский Шрайк прямо у тебя за спиной?

Гладстон перенеслась в личные покои и, не останавливаясь, прошла в кабину мультисвязи. Ее ждали два рапорта.

Первый — из системы Гипериона. Гладстон не поверила собственным ушам, услышав голос бывшего генерал-губернатора, доложившего ей вкратце о заседании Трибунала Бродяг. Откинувшись на спинку кожаного кресла, Гладстон охватила голову ладонями. Лейн вновь повторил заявление Свободной Дженги: Бродяги не имеют отношения к агрессии. Заканчивая мультиграмму кратким описанием Роя, он заявил, что, по его мнению, Бродяги говорят правду. Что же до Консула, то дальнейшая судьба его неизвестна.

— Отвечать? — спросил компьютер, ведающий мультисвязью.

— Подтвердите получение сообщения, — распо-

рядилась Гладстон. — Передайте приказ «Ждать» одноразовым дипшифром.

Она включила вторую мультиграмму.

Перед нею возникло плоское изображение адмирала Вильяма Аджунты Ли, разрываемое помехами. Бегущие по краям колонки цифр свидетельствовали о том, что его корабельный мультипередатчик работал на частоте стандартной телеметрии флотских передач. При анализе информации связисты, конечно, заметят несоответствие, но до этого еще надо дожить.

Лицо Ли было в крови, вокруг клубился дым. Гладстон догадалась, что передача ведется из причального отсека крейсера. На железном рабочем столе позади Ли лежал труп.

— …морпехи сумели взять на абордаж один так называемый «улан», — задыхаясь, говорил Ли. — С экипажем из пяти… особей. Внешне они походят на Бродяг, но посмотрите, что получается при вскрытии. — Изображение сместилось — Ли подключил к мультипередатчику портативный имиджер. Глядя сверху вниз на белое развороченное лицо мертвого Бродяги, Гладстон догадалась, что тот погиб от взрывной декомпрессии.

Появилась рука Ли (об этом свидетельствовали адмиральские нашивки на рукаве), сжимающая

лазерный скальпель. Не потрудившись даже раздеть Бродягу, командующий сделал вертикальный разрез от грудной клетки к паху.

Рука отдернула скальпель, и стало видно, что с трупом творится что-то странное. В нескольких местах на одежде появились темные широкие полосы и тут же задымились — словно лазер поджег ее. Затем в мгновение ока комбинезон прогорел, и на груди мертвеца появились и начали расти отверстия с неровными краями. Из них брызнул свет — такой яркий, что имиджер зашкалило.

Словно не выдержав жара, объектив отстранился от горящего муляжа. Снова возникло лицо Ли.

— Так обстояло дело со всеми пятью телами, госпожа секретарь. Мы еще не нашли ядра Роя, и я думаю, что…

Изображение исчезло. Инфоколонки сообщали, что передача оборвалась на середине.

— Отвечать?

Гладстон покачала головой и распахнула дверь кабины. Очутившись снова в своем кабинете, она невидящим взглядом окинула длинный диван и села за стол, зная, что сразу отключится, стоит ей хоть на секунду закрыть глаза. Седептра, шептавшаяся тем временем с комлогом, объявила, что генерал Морпурго желает срочно увидеться с

секретарем Сената по весьма важному делу.

Лузианец вошел и, даже не поздоровавшись, принялся мерить шагами кабинет.

— Госпожа секретарь, я понимаю мотивы, побудившие вас пойти на применение «жезла смерти», но…

— Что, Артур? — спросила она, впервые за много месяцев назвав его по имени.

— Черт возьми, мы совершенно не представляем, каким будет результат. И к тому же… это безнравственно.

Гладстон приподняла брови.

— Значит, потерять миллиарды граждан в затяжной изнурительной войне нравственно, а использовать эту штуку для ликвидации миллионов, тем более врагов — безнравственно? Это что, позиция ВКС?

— Нет, моя личная, госпожа секретарь.

Гладстон кивнула.

— Понятно, Артур. Но решение принято и обсуждению не подлежит. — Она увидела, что ее старый друг вытянулся по стойке «смирно», и, прежде чем он успел возмутиться или заявить об отставке, предложила: — Не прогуляешься ли со мной?

Генерал изумился:

— Прогуляться? Зачем?

— Нам необходим свежий воздух. — Не дожидаясь ответа, Гладстон прошла к своему порталу, набрала вручную нужный код и шагнула в него.

Морпурго, последовавший за ней, недоуменно огляделся. Он стоял по колено в золотой траве на лугу, тянувшемся до самого горизонта. На абрикосовом небе теснились бронзовые кучевые облака. Портал исчез. Его местоположение отмечал только низкий столбик с пультом — единственный рукотворный предмет в этом царстве травы и облаков.

— Где мы, черт возьми?

Гладстон сорвала и принялась жевать длинную травинку.

— Кастроп-Роксель. Здесь нет ни инфосферы, ни орбитальных спутников. Вообще никого и ничего.

Морпурго фыркнул.

— Знаешь, Мейна, это напоминает мне тайные поляны, куда нас водил Байрон Брон, чтобы спрятаться от Техно-Центра.

— Как знать… — неопределенно отозвалась Гладстон. — Послушай-ка вот это, Артур. — И она прокрутила по комлогу две мультиграммы — Тео Лейна и Вильяма Аджунты Ли.

Когда передача оборвалась и лицо Ли исчезло, Морпурго пошел вперед, путаясь в высокой траве.

— Ну? — спросила Гладстон, еле поспевая за ним.

— Значит, тела этих Бродяг саморазрушаются тем же самым манером, что и трупы кибридов, — сказал он. — Ну и что? Разве Сенат или Альтинг воспримут это как доказательство связи между вторжением и Техно-Центром?

Гладстон вздохнула. Легкая, густая трава манила к себе. Как хорошо было бы здесь уснуть и больше не просыпаться!..

— Это доказательства для нас. Для Группы. — Гладстон не нужно было пускаться в объяснения. С первых дней работы в Сенате она и Морпурго делились подозрениями относительно Техно-Центра. Оба не теряли надежд, что когда-нибудь людям удастся избавиться от него. «Группой» руководил сенатор Байрон Брон… Боже, как давно это было.

Морпурго смотрел, как ветер колышет золотое море травы. В бронзовых облаках у горизонта плясали шаровые молнии.

— Ну и? Что толку от твоих доказательств, если мы не знаем, куда нанести удар!

— У нас еще три часа.

Морпурго взглянул на комлог.

— Два часа сорок две минуты. Вряд ли за такое время можно сотворить чудо, Мейна.

Гладстон не улыбнулась его замечанию.

— Да, Артур, этого времени не хватит ни на что — только на чудо.

Она коснулась кнопки вызова. Перед ними возник портал.

— Что мы можем сделать? — спросил Морпурго. — ИскИны Техно-Центра уже инструктируют наших техников относительно своей адской игрушки. Факельщик будет готов через час.

— Мы включим устройство там, где оно не причинит никому вреда, — неторопливо сказала Гладстон.

Генерал остановился.

— Где же это, хотел бы я знать? Ублюдок Нансен уверяет, что радиус поражения составит минимум три световых года, но чего стоят его уверения? Кто поручится, что мы не истребим людей во всей галактике?

— У меня есть идея, но я хочу обдумать ее во сне, — задумчиво объявила Гладстон.

— Во сне? — удивился Морпурго.

— Я собираюсь немного вздремнуть, Артур. И

тебе советую. — И Гладстон шагнула в портал.

Морпурго выругался про себя и прошел вслед за нею, высоко подняв голову, как солдат, шагающий к плацу на казнь.

На самой высокой террасе горы, летевшей в космосе примерно в десяти световых минутах от Гипериона, Консул и семнадцать Бродяг сидели в кругу из невысоких камней, заключенном в более широкий круг — из камней повыше, и решали судьбу Консула.

— Ваши жена и ребенок погибли на Брешии, — заявила Свободная Дженга. — Во время войны клана Моземана с этим миром.

— Да, — сказал Консул. — Гегемония была уверена, что в нападении участвовал весь Рой. И я не проронил ни слова, чтобы вывести ее из заблуждения.

— Но ваши жена и ребенок были убиты.

Консул взглянул на вершину, которая уже погружалась в ночь.

— Ну и что? Я не прошу у вас пощады. Не лепечу о смягчающих обстоятельствах. Я *убил* вашу Свободную Андиль и трех техников. Убил преднамеренно и, более того, злонамеренно. Убил, желая лишь одного: запустить вашу машину и открыть таким образом Гробницы Времени. Так

что моя жена и ребенок тут ни при чем!

Во внутренний круг вошел бородач, представленный Консулу как Глашатай Стойкий Амнион.

— Это устройство было пустышкой. Оно ни на что не повлияло.

Консул уставился на говорящего, раскрыв рот, как ребенок.

— Испытание, — пояснила Свободная Дженга.

Консул пробормотал одними губами:

— Но Гробницы… открылись.

— Мы знали, когда они откроются, — сказал Центральный Минмун. — По скорости распада антиэнтропийных полей. Устройство было испытанием для вас.

— Испытанием? — повторил Консул. — Я убил четверых из-за пустышки. Испытание…

— Ваши жена и ребенок погибли от рук Бродяг, — сказала Свободная Дженга. — А Гегемония надругалась над вашей родиной — Мауи-Обетованной. Таким образом, и Гладстон, и мы ожидали от вас подобных действий. Но нам нужно было установить степень предсказуемости ваших поступков.

Консул встал, сделал три шага и повернулся ко всем спиной.

— Все впустую.

— Что вы сказали? — переспросила Свободная Дженга. Безволосая голова великанши сверкала в свете звезд и солнечных лучах, отраженных пролетающей мимо кометной фермой.

Консул негромко рассмеялся.

— Все впустую. Даже мои предательства. Все — одна видимость. Ерунда.

Глашатай Центральный Минмун встал и оправил одежды.

— Трибунал вынес приговор, — объявил он. Остальные шестнадцать Бродяг кивнули в знак согласия.

Консул повернулся к Минмуну. На его усталом лице отразилось нетерпение.

— Бога ради, приводите его в исполнение. Скорее.

Глашатай Свободная Дженга поднялась и торжественно произнесла:

— Вы приговорены к жизни. Вам надлежит исправить причиненное вами зло.

Консул отпрянул, как от пощечины.

— Вы не можете… не должны…

— Вы приговорены вступить в эпоху хаоса, которая грядет, — сказал Глашатай Стойкий Амнион. — Приговорены помогать нам в деле объединения разрозненных колен человеческих.

Консул, словно защищаясь от ударов, поднял руки:

— Я не могу… не хочу больше… виновен…

Свободная Дженга, сделав три размашистых шага, без церемоний схватила Консула за лацканы парадного костюма.

— Вы виновны. Да. И именно поэтому должны содействовать обузданию грядущего хаоса. Вы помогли освободить Шрайка, а теперь должны вернуться и сделать так, чтобы он оказался в клетке. Только тогда начнется примирение.

Плечи Консула тряслись. В этот момент гора подставила свой бок солнцу, и все увидели катившиеся по его щекам слезы.

— Нет, — прошептал он.

Свободная Дженга разгладила на нем помятый пиджак и своими длинными пальцами сжала его плечо:

— У нас тоже есть пророки. Тамплиеры помогут нам вновь засеять жизнью галактику. Постепенно те, кто жил во лжи, называемой Гегемонией, выберутся из руин своих миров и вместе с нами займутся истинным поиском, истинным исследованием вселенной и того огромного мира, что внутри каждого из нас.

Консул, будто не слыша, резко отвернулся от

Дженги.

— Техно-Центр вас уничтожит, — сказал он, ни на кого не глядя. — Так же, как уничтожил Гегемонию.

— Вы не забыли, что ваш родной мир держался на торжественном договоре о святости жизни? — спросил у него Центральный Минмун и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Аналогичный договор определяет и наше существование и поступки. Дело не в том, чтобы сохранить несколько видов со Старой Земли, а в том, чтобы найти единство в разнообразии. Бросить семя человечества во все миры, все биосферы. И свято чтить любое проявление иной жизни.

Лицо Свободной Дженги озарил яркий солнечный свет.

— Техно-Центр предложил единение рабства, — произнесла она негромко. — Покой затхлого болота. Где революции в человеческой мысли после Хиджры?

— Миры Сети — бледные копии Старой Земли, — подхватил Центральный Минмун. — Наша эра, эра новой экспансии человечества, не нуждается в узах землеподобия. Трудности не страшат нас, неизвестность только радует. Мы не будем силой приспосабливать вселенную к себе… Мы

сами к ней приспособимся!

Глашатай Стойкий Амнион простер руку к звездам:

— Если человечество переживет этот час испытаний, нашим будущим станут не только освещенные солнцем миры, но и темные пространства между ними.

Консул вздохнул.

— На Гиперионе остались мои друзья, — сказал он спокойно. — Могу я вернуться, чтобы помочь им?

— Можете, — кивнула Свободная Дженга.

— И мне придется встретиться со Шрайком?

— Придется, — ответил Центральный Минмун.

— И выжить, чтобы увидеть эпоху хаоса?

— Обязательно, — сказал Стойкий Амнион.

Консул снова вздохнул и вместе с остальными отошел в сторону, когда огромная бабочка с крыльями из солнечных батарей и блестящей кожей, непроницаемой для сурового вакуума и смертоносного излучения, слетела с небес, чтобы доставить его к друзьям.

В лазарете Дома Правительства отец Поль Дюре спал неглубоким, навеянным транквилизаторами сном, и ему снилось море пламени и гибель миров.

Если не считать краткого визита секретаря Гегемонии и еще более краткого — епископа Эдуарда, весь день Дюре пробыл в одиночестве, то приходя в себя, то вновь соскальзывая в глубины боли. Доктора заявили, что пациенту можно будет встать только через двенадцать часов. Коллегия кардиналов на Пасеме согласилась с этим решением — поскольку пациента ожидал торжественнейший ритуал, который через двадцать четыре часа превратит иезуита Поля Дюре, уроженца Вильфранш-сюр-Сона, в папу Тейяра I, 487-го Епископа Римского, прямого преемника апостола Петра.

Потихоньку выздоравливая (его тело и нервы подвергались ускоренной регенерации посредством РНК-терапии) благодаря чудесам современной медицины (и все же не настолько чудесной, думал Дюре, чтобы остановить его сползание к смерти), иезуит лежал в постели, размышляя обо всем понемногу — о Гиперионе и Шрайке, своей долгой жизни и беспорядке, царящем в мире Божьем. В конце концов он уснул. Ему снилась горящая Роща Ботов и Истинный Глас Мирового Древа, вталкивающий его в портал, его мать и женщина по имени Семфа, работавшая когда-то на плантации Пересебо, на самой окраине Окра-

ины, где-то к востоку от Порт-Романтика.

И во всех этих снах, по большей части печальных, Дюре неизменно чувствовал чье-то присутствие: не другого сновидения, но видящего этот сон.

Дюре шел рядом с кем-то. Воздух был прохладным, а небо пронзительно синим. Они только что миновали поворот дороги, и их взорам открылось озеро, окаймленное стройными деревьями. За деревьями громоздились горы в венце из низких облаков, придававших пейзажу глубину и драматизм. Посреди зеркальной глади виднелся одинокий островок.

— Озеро Уиндермир, — произнес спутник Дюре.

Иезуит медленно повернул голову. Его сердце, снедаемое страхом и тревогой, бешено колотилось. Однако, разглядев своего спутника, он почувствовал разочарование.

Рядом с Дюре брел невысокий молодой человек в куртке с кожаными пуговицами и широким кожаным ремнем. Прочные башмаки, потертая меховая шапка, потрепанный рюкзак, странного покроя штаны с множеством заплат, в руке — массивная трость. С плеча свисал плед. Дюре остановился, и его спутник тоже замер, по-види-

мому, радуясь передышке.

— Фернесские холмы и Камберлендские горы. — Молодой человек указал тростью на озеро и синевшие за ним холмы.

Дюре разглядел каштановые локоны, выбивающиеся из-под причудливой шапки незнакомца. Заглянул в его глаза — большие, светло-карие. Такой необычный рост… Дюре понимал, что это сон, но что-то мешало ему отмахнуться от странного видения.

— Кто вы… — начал он, по-прежнему чувствуя, как сильно бьется сердце.

— Джон, — представился спутник, и его приветливый спокойный голос несколько развеял тревогу священника. — Или Иоанн, как вам нравится. Я думаю, на ночь мы сумеем устроиться в Боунессе. Браун говорил, там чудесная гостиница, прямо у озера.

Дюре машинально кивнул, совершенно не понимая, о чем говорит незнакомец.

Низкорослый юноша вдруг схватил Дюре за руку, сжав ее не сильно, но настойчиво.

— Будет идущий за мною, — медленно произнес он. — Ни альфа, ни омега, но свет, который укажет нам путь.

Дюре снова кивнул. Ветер взрыхлил водную

гладь, принес из предгорий запах влажной травы.

— Он родится далеко, — продолжал Джон. — Так далеко, что невозможно представить. Теперь мы с вами будем заниматься одним делом — исправлять ему путь. Вы не доживете до дня, когда этот человек начнет учить, доживет ваш преемник.

— Да, — пробормотал Поль Дюре пересохшими губами.

Юноша снял шапку и заткнул ее за пояс. Затем поднял с земли плоский камешек и зашвырнул в озеро. По воде пошли круги.

— Вот незадача! — огорченно воскликнул Джон. — Я-то хотел, чтобы он попрыгал. — Юноша обернулся к Дюре и продолжил прерванный разговор: — Вы должны покинуть больницу и без промедления вернуться на Пасем. Понимаете?

Дюре захлопал глазами. Это требование как-то не вязалось с происходящим.

— Почему?

— Не важно, — весело произнес Джон. — Просто сделайте это. Не медлите. Если вы не уйдете сейчас, потом не удастся.

Дюре растерянно обернулся, почти ожидая увидеть за спиной свою больничную койку, но

там по-прежнему безмятежно синели холмы. Он перевел взгляд на невысокого худого юношу, стоявшего на берегу, усыпанном круглой галькой.

— Ну а вы?

Джон поднял еще камешек, швырнул его и присвистнул, когда галька, отскочив от поверхности, тут же канула в зеркальную воду.

— Пока мне и здесь хорошо, — сказал он скорее себе самому, чем Дюре. — Я действительно был счастлив во время этого путешествия. — И словно спустившись с небес на землю, он улыбнулся Дюре: — Идите же! Пошевелите задницей, Ваше Святейшество.

Пораженный, не зная, то ли сердиться, то ли смеяться, Дюре раскрыл было рот, чтобы отчитать нахала… и вдруг обнаружил, что лежит на больничной койке. Тускло, чтобы не тревожить больного, горела лампа. Тело было облеплено датчиками.

С минуту Дюре лежал, морщась от зуда в ожоговых струпьях. Как хорошо, что все это только сон и можно поспать еще часок-другой, а потом явится монсеньор — епископ Эдуард — со свитой и препроводит его на Пасем. Дюре закрыл глаза, и снова перед ним возникло юношеское открытое лицо со светло-карими глазами.

Отец Поль Дюре из Общества Иисуса через силу поднялся и тут заметил, что всю его одежду убрали и он может рассчитывать лишь на тоненькую больничную пижаму. Запахнувшись в одеяло, он босиком побрел к выходу, надеясь опередить медиков, которых непременно всполошат сигналы датчиков.

В приемном покое он видел служебный портал. Если он не действует, Дюре отыщет другой.

Ли Хент вынес тело Китса из полутемного подъезда на залитую солнечным светом Площадь Испании, почти уверенный, что Шрайк уже там. Но на площади была только лошадь. Хенту все лошади казались одинаковыми, поскольку этот вид животных давным-давно исчез, но он почему-то решил, что лошадь та самая, что доставила их в Рим. Тем более что запряжена она была в ту же небольшую повозку — Китс называл ее «веттура», — на которой они сюда приехали.

Хент уложил завернутое в простыни тело на сиденье, и повозка медленно тронулась. Хент пошел рядом, придерживая льняной кокон рукой. Китс просил похоронить его на протестантском кладбище — близ стены Аврелиана и пирамиды Гая Цестия. Хент смутно помнил, что во время их странного путешествия они как будто проезжали

мимо стены Аврелиана, но ни за что не смог бы отыскать ее сейчас — даже ради собственного спасения. Однако лошадь шла уверенно, словно знала дорогу.

Хент брел рядом с медлительной повозкой, вдыхая свежий воздух весеннего утра, к которому примешивался какой-то запах… словно от гниющих листьев. Неужели тело уже разлагается? Он плохо разбирался в физиологии, однако неведение в этой области вполне его устраивало. Хент не удержался и хлестнул лошадь по крупу — пусть пошевеливается. Но кляча взглянула на него с укором и потащилась дальше, по-прежнему едва переставляя ноги.

Хент и сам не понял, что его встревожило — то ли какой-то звук, то ли отблеск, пойманный краем глаза. Он резко обернулся — и увидел Шрайка. Чудовище следовало за повозкой на расстоянии десяти — пятнадцати метров, приноравливаясь к черепашьему шагу лошади, с комичной торжественностью высоко вскидывая шипастые колени.

Первым побуждением Хента было бежать куда глаза глядят, но чувство долга и еще более сильный страх заблудиться перевесили. Кроме того, бежать некуда, разве что назад, на Площадь

Испании. Мимо Шрайка.

Смирившись с участием чудовища в этом фантасмагорическом шествии, Хент повернулся к нему спиной и продолжал идти рядом с повозкой, крепко держа покойного за лодыжку.

Всю дорогу Хент жадно высматривал что-то хоть отдаленно напоминающее портал, какую-нибудь технику или просто следы человеческого присутствия. Тщетно. Зато иллюзия, что перед ним воистину Вечный город свежим, по-весеннему светлым февральским днем 1821 года от Рождества Христова, была полной. Лошадь, отъехав на квартал от Испанской Лестницы, поднялась на вершину холма, несколько раз сворачивала с широких проспектов в узкие переулки и снова оказалась в центре города. Повозка теперь тряслась неподалеку от исполинского кольца руин — Хент сообразил, что это и есть пресловутый Колизей.

Когда лошадь наконец остановилась, Хент, совершенно измотанный бесконечной дорогой, очнулся от полудремы и огляделся. Они находились около заросшей бурьяном груды камней — видимо, это и была стена Аврелиана. Поодаль виднелась невысокая пирамида, но протестантское кладбище — если это действительно было

оно — походило, скорее, на пастбище. В тени кипарисов паслись овцы. От пронзительного звона их колокольчиков бросало в холод, несмотря на жару. Кладбище сплошь заросло высокой, по пояс, травой. Приглядевшись, Хент различил разбросанные там и сям надгробия, а совсем близко, прямо под носом у лошади, увидел свежевырытую яму около четырех футов глубиной.

Шрайк держался позади, среди кипарисов, но Хент ни на минуту не терял из виду его сверкающие красные глаза.

Он обошел лошадь, сосредоточенно жевавшую траву, приблизился к вырытой могиле и поискал глазами гроб, но его не было. От кучи земли на краю ямы пахло перегноем и сыростью. Рядом валялась лопата — словно могильщики только что ушли. В изголовье стояла гранитная плита с абсолютно чистой поверхностью. На верхнем торце блеснуло что-то металлическое. Впервые с тех пор, как они попали на Старую Землю, Хент увидел современную вещь — миниатюрное лазерное перо. Такими пользуются строители и художники для нанесения рисунка на сверхтвердые сплавы.

Он схватил перо и крепко зажал в руке. Защитит ли эта соломинка от Шрайка? Вздор. Тем не

менее Хент приободрился.

Несколько минут спустя он стоял у земляной кучи, держа лопату и глядя на кокон из простыней, покоящийся на дне ямы. Хент пытался придумать хоть что-нибудь приличествующее случаю, пусть два-три искренних слова. В силу своей должности он провожал в последний путь всех сколько-нибудь выдающихся деятелей Сети и даже был автором некоторых надгробных речей, произнесенных Гладстон. Но сейчас ничего не приходило ему на ум. Всю его аудиторию составляли Шрайк, прячущийся в тени кипарисов, и овцы — шарахаясь от чудовища и звеня колокольчиками, они медленно брели к могиле, как опоздавшие на похороны родственники.

Самое лучшее было бы вспомнить несколько строк самого Джона Китса. Но политику некогда читать, а тем более запоминать всякие сонеты. И тут Хента осенило: не далее чем вчера он собственноручно записал стихотворение, продиктованное умирающим. Что-то насчет того, как стать богом… и еще про вино блаженных. Но кто в состоянии запомнить подобную чушь? Не говоря уже о том, что блокнот со стихами остался на Площади Испании, в темной комнате с разрисованным цветами потолком.

В итоге весь ритуал свелся к минуте молчания. Хент замер, склонив голову и закрыв глаза (но пару раз все же покосился на Шрайка). Затем засыпал могилу, на что ушло больше времени, чем он предполагал. Когда он напоследок хорошенько утрамбовал землю, поверхность могилы оказалась слегка вогнутой, словно хрупкое тело усопшего не смогло образовать надлежащего бугорка. Овцы терлись у ног Хента, пощипывая траву, крокусы и фиалки, которые в изобилии цвели вокруг.

У Хента сроду не было памяти на стихи, но эпитафию, которую Китс просил сделать на своем надгробии, он запомнил. Когда он впервые услышал ее, защемило сердце: в задыхающемся, истаявшем голосе поэта было столько горечи, столько одиночества. Но Хент не считал себя вправе спорить с мертвым. Его дело — сделать надпись и поскорее убраться отсюда.

Лазерное перо, включенное на пробу, выжгло в траве трехметровой ширины просеку, и Хенту пришлось ее затаптывать. Зато гранит оно резало, как масло. Хент порядком измучился, прежде чем определил на обратной стороне камня нужную глубину строки. И все равно надпись — плод двадцатиминутных стараний — вышла какая-то

корявая, кустарная.

Сначала Хент нанес на камень рисунок, заказанный Китсом вместе с эпитафией, — поэт показывал ему альбомный лист с неумелыми набросками: греческая лира, четыре из восьми струн порваны. Художник из Хента получился неважный, еще хуже, чем знаток поэзии. Одна надежда — те, кто знает, с чем едят эту чертову греческую лиру, опознают ее. Ниже расположилась эпитафия — слово в слово то, что продиктовал Китс:

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ НЕКТО,

ЧЬЕ ИМЯ

НАПИСАНО НА ВОДЕ

И ничего больше — ни даты рождения и смерти, ни даже имени. Хент отошел, окинул критическим взглядом результаты своих трудов и, зажав в руке перо, побрел назад, в город, обойдя стороной кипарисовую рощу и чудовище.

У арки в стене Аврелиана он помедлил и оглянулся. Лошадь, таща за собой повозку, спускалась по пологому склону — видимо, ее привлекла сладкая трава у ручейка. Овцы бродили меж надгробий, пощипывая цветы, клеймя своими копытцами сырую землю над свежей могилой.

Шрайк стоял на прежнем месте, едва заметный в тени кипарисов. Но Хент мог бы поклясться, что чудовище не отводило глаз от могилы.

День близился к концу, когда Хент отыскал портал. Тускло-синий прямоугольник висел прямо в центре Колизея, издавая негромкое жужжание. Ни пульта, ни дискоключа. Непрозрачная, парящая над землей дверь.

Она не была заперта, но Хента не впускала.

Хент сделал не меньше пятидесяти попыток, но энергозавеса оставалась неподатливой и твердой, как камень. Он осторожно касался ее кончиками пальцев, уверенно делал шаг — однако тут же его отбрасывало обратно. Наваливался грудью на синий прямоугольник, швырял в него камни — они тоже отскакивали. Пробовал подступиться к порталу с обеих сторон, потом сбоку. И всякий раз подлая дверь отбрасывала его, пока плечи и руки Хента не превратились в сплошной синяк.

Это был портал. Самый настоящий. Но Хента он не пропускал.

Хент обшарил весь Колизей, даже подземные коридоры, точнее, подземные клоаки с жидким пометом летучих мышей, но ничего не нашел. Обошел окрестные улицы и заглянул в каждое здание. Все напрасно. Он осматривал теперь все

подряд — базилики и соборы, дворцы и хижины, высокие многоквартирные дома и узкие проулки. Вернувшись на Площадь Испании, Хент наскоро перекусил, сунул в карман блокнот и еще кое-какие мелочи и покинул последнее пристанище Джона Китса, чтобы возобновить поиски.

Увы — портал в Колизее был единственным. К закату Хент принялся исступленно царапать его, пока не обломал ногти. Портал всем походил на своих собратьев — видом, жужжанием, запахом, — но Хента не пропускал ни в какую.

Взошла луна — не луна Старой Земли, ибо по ее диску катились тучи и пыльные вихри. Сейчас она висела над черной дугой стены Колизея. Хент сидел посреди заваленной обломками арены, уставившись на синий светящийся прямоугольник. Откуда-то сзади донеслось хлопанье крыльев, покатились мелкие камни.

С трудом поднявшись, Хент вытащил из кармана лазерное перо и застыл, расставив ноги, напряженно вглядываясь в сумрак бесчисленных расселин и арок Колизея. Никого.

Шум за спиной заставил его вздрогнуть — Хент резко обернулся и чуть не резанул лазерным лучом по порталу. Оттуда появилась рука. Затем нога. Кто-то вышел из портала. За ним — еще

кто-то.

Вопль Ли Хента эхом прокатился по Колизею.

Мейна Гладстон понимала, что сейчас не время для отдыха, но еще в детстве она научила себя засыпать минут на десять — пятнадцать, чтобы стряхнуть напряжение и изгнать из мозга токсины усталости.

Она едва держалась на ногах; голова гудела. Свистопляска последних сорока восьми часов, кажется, доконала ее. Гладстон прилегла на диван в кабинете и принялась наводить порядок в мыслях; вытряхивать сор эмоций и всяких привходящих обстоятельств. Дремота пришла незаметно, как всегда. А вместе с дремотой — сны.

Не открывая глаз, Мейна Гладстон села, смахнув на пол вязаную шаль, и нажала на кнопку комлога.

— Седептра! Пусть генерал Морпурго и адмирал Сингх зайдут ко мне минуты через три.

Войдя в прилегающую к кабинету ванную, она приняла водный и ультразвуковой душ, достала чистую одежду — парадный костюм из мягкого черного вельвета и сверкающий шитьем красный сенатский шарф, прикалываемый золотой булавкой в виде геодезической линии — символа

Гегемонии. Туалет дополняли древние серьги со Старой Земли и топазовый браслет с комлогом, подаренный ей сенатором Байроном Броном еще до его женитьбы… Поправляя серьги, Гладстон вернулась в кабинет, и в ту же самую минуту туда вошли оба командующих ВКС.

— Должен заметить вам, госпожа секретарь, что ваш вызов не очень-то кстати, — резко заявил Сингх. — Идет анализ последних данных с Безбрежного Моря. Кроме того, мы обсуждаем необходимые перегруппировки флота для обороны Асквита.

Гладстон молча включила личный портал и жестом пригласила обоих следовать за нею.

Ступив в золотую траву под тревожным бронзовым небом, Сингх завертел головой.

— А-а, Кастроп-Роксель, — догадался он наконец. — Ходили слухи, что по приказу предыдущей администрации сюда провели секретный нуль-канал.

— Именно. А секретарь Сената Евшиньский распорядился включить планету в состав Сети, — пояснила Гладстон. Она взмахнула рукой, и портал исчез. — Он считал, что секретарю Сената совершенно необходимо оставаться порой в одиночестве, не опасаясь подслушивающих

устройств Техно-Центра.

Морпурго с беспокойством покосился на облака, стеной нависшие над горизонтом, где вспыхивали шаровые молнии.

— На свете нет такого места, куда бы не пролез Техно-Центр, — заметил он. — Мейна, я поделился с адмиралом Сингхом нашими подозрениями.

— Это не подозрения, — спокойно возразила Гладстон. — Это факты. Более того: мне известно, где находится Техно-Центр.

Оба командующих ВКС остолбенели, словно пораженные шаровой молнией.

— Где?

Гладстон принялась расхаживать взад-вперед. Ее короткие серебристые пряди светились в заряженном электричеством грозовом воздухе.

— Техно-Центр прячется в нуль-сети, — деловито сказала она. — Между порталами. ИскИны живут в сингулярном псевдомире как пауки в паутине. А мы ткем ее для них.

Первым обрел дар речи Морпурго.

— Дьявольщина, — почти простонал он. — Что же делать? Через неполные три часа факельщик с нейродеструктором на борту будет переброшен в систему Гипериона.

Гладстон лаконично изложила им план дей-

ствий.

— Невозможно, — пробормотал Сингх, теребя короткую бородку. — Абсолютно невозможно.

— Не уверен, — возразил ему Морпурго. — Должно получиться. Времени достаточно. А корабли последние двое суток маневрировали так бестолково, что…

Адмирал упрямо покачал головой.

— С технической точки зрения ваш план вполне осуществим. В рациональном и этическом аспектах — порочен. Об этом не может быть и речи.

Мейна Гладстон подошла к нему совсем близко.

— Кушуонт, — обратилась она к адмиралу по имени — впервые с тех пор, когда была молодым сенатором, а он еще более молодым капитаном ВКС 3-го ранга, — вы разве забыли, как сенатор Брон свел нас с Ортодоксами? С ИскИном по имени Уммон? Вспомните его предсказание о двух вариантах будущего — хаосе или неизбежном истреблении человечества.

Сингх отвел глаза.

— Я служу ВКС и Гегемонии.

— Мы оба служим роду человеческому, — отрезала Гладстон.

Руки Сингха, сжатые в кулаки, взлетели вверх,

словно он готовился схватиться с невидимым противником.

— Ведь это только предположения! Откуда у вас эта информация?

— От Северна, — бесстрастно ответила Гладстон. — Кибрида.

— Кибрида? — фыркнул генерал. — Ах да, господин Северн. Художник. Припоминаю.

— Кибрид, — повторила Гладстон и рассказала все.

— Северн — воскрешенная личность? — В голосе Морпурго сквозило недоверие. — Вы, что, разыскали его? Каким образом?

— Он меня разыскал. Во сне. Одному Богу известно, как ему удалось связаться со мной. Это была его миссия, поймите, Артур, и вы, Кушуонт. Вот почему Уммон послал его в Сеть.

— Сон. — Адмирал Сингх не мог скрыть саркастическую улыбку. — Значит, этот… кибрид… рассказал вам, что Центр прячется в нуль-сети. И все во сне.

— Да, — подтвердила Гладстон. — У нас с вами очень мало времени.

— Но, — вмешался Морпурго, — если сделать то, что вы предлагаете…

— Миллионы будут обречены, — жестко за-

кончил Сингх. — Возможно, даже миллиарды. Экономика рухнет. Такие миры, как ТКЦ, Возрождение-Вектор, Новая Земля, оба Денеба, Новая Мекка и, кстати, твой Лузус, Артур, всецело зависят от поставок продуктов питания. Планеты-города не выживут поодиночке.

— В виде планет-городов — нет, — согласилась Гладстон. — Но они могут обзавестись фермами, а потом возродится и межзвездная торговля.

— Ерунда! — отрезал Сингх. — О какой жизни может идти речь после чумы, после безвластия и смуты! Как жить без инфосферной поддержки, без техники и лекарств?

— Я все обдумала. — Морпурго ни разу не слышал в голосе Гладстон такой решимости. — Это будет величайшая катастрофа в истории человечества — еще масштабнее, чем все деяния Гитлера, Цзы Ху или Горация Гленнон-Хайта вместе взятые. Единственное, что может быть хуже, — оставить все как есть. Тогда я и вы, господа, окажемся самыми гнусными предателями человечества.

— Мы же ничего не знаем наверняка, — пробормотал Кушуонт Сингх.

— Знаем. — Гладстон не отрывала глаз от лица адмирала. — Техно-Центру больше не нужна

Сеть. Ренегаты и Богостроители оставят в живых несколько миллионов рабов, загонят под землю на девяти лабиринтных мирах и будут использовать их нейроны для своих потребностей.

— Нелепость, — возразил Сингх. — Эти люди рано или поздно умрут.

Мейна Гладстон вздохнула и покачала головой.

— Техно-Центр создал органического паразита, так называемый крестоформ. Он… воскрешает мертвых. Спустя несколько воскрешений люди станут безучастными ко всему идиотами, но их мозги не перестанут работать на Техно-Центр.

Сингх отвернулся от собеседников. На фоне стены бронзовых облаков, среди которых вспыхивали молнии, его невысокая фигура казалась изваянной из черного камня. Приближалась буря.

— Вы узнали это из сна, Мейна?

— Да.

— И что еще вам поведали сны?

— Что Сеть больше не нужна Техно-Центру, — устало повторила Гладстон. — Во всяком случае, *наша* Сеть. ИскИны останутся в ней, как крысы в стенах дома, а прежние хозяева больше не нужны. Основные расчетные функции возьмет на

себя их Высший Разум.

Сингх быстро повернулся к ней:

— Вы помешались, Мейна. Окончательно обезумели!

Гладстон схватила адмирала за руку прежде, чем он успел включить портал.

— Кушуонт, пожалуйста, послушайте…

Сингх выхватил из-за пазухи пистолет и приставил к груди женщины.

— Простите, госпожа секретарь, но я служу Гегемонии и…

Гладстон попятилась, прижав руку ко рту, а адмирал Кушуонт Сингх, умолкнув на полуслове, рухнул в траву. Пистолет отлетел в сторону.

Морпурго поднял пистолет и заткнул за пояс свой «жезл смерти».

— Вы убили его, — беззвучно проговорила Гладстон. — Зачем, Артур? Откажись он наотрез сотрудничать с нами, я бы оставила его здесь. Одного.

— Мы не можем рисковать. — Генерал оттащил тело подальше от портала. — В ближайшие несколько часов все решится.

Гладстон смотрела на старого друга.

— Вы согласны на это пойти?

— Не все ли равно? У нас попросту нет выбо-

ра. — Морпурго был странно спокоен. — Это наш последний шанс избавиться от рабского ярма. Я немедленно отдам приказ о развертывании флота и лично передам всем командирам запечатанные приказы. Придется задействовать большую часть кораблей…

— Боже мой, — прошептала Мейна Гладстон, глядя вниз на безжизненное тело Сингха. — Я затеяла все это, основываясь на снах…

— Иногда, — генерал Морпурго взял старую женщину в красно-золотом шарфе под руку, — сны — единственное, что отличает нас от машин.

Глава сорок четвертая

Как выяснилось, смерть — приключение не из приятных. Представьте, что вы сидите вечером в своем теплом уютном доме, и вдруг пожар или наводнение выбрасывают вас наружу. Так вышвырнули меня из привычной квартиры на Площади Испании, из моего быстро остывающего тела. Мучительное ощущение стремительного и внезапного перехода в иной мир. В метасферу. От своей нежданной, конфузящей наготы я испытываю чувство стыда,

знакомое каждому по дурным снам — когда являешься в присутствие или в гости и вдруг обнаруживаешь, что стоишь перед всеми в чем мать родила.

«Нагота» самое подходящее слово для моего теперешнего состояния, и я пытаюсь придать хоть какую-то форму своей изодранной аналоговой личности. Собрав всю волю, мне удается сгустить это электронное облако случайных воспоминаний и ассоциаций в некоторое подобие того, кем я был, или по крайней мере того, чьи воспоминания принадлежат и мне.

В мистера Джона Китса, пяти футов роста.

В метасфере все так же жутко. Пожалуй, еще хуже, ибо теперь мне некуда, не во что отступать — мое плотское убежище лежит в могиле. За темными горизонтами мелькают исполинские тени, каждый звук отзывается эхом в Связующей Пропасти, словно шаги в коридорах заброшенного замка. И надо всем и позади всего — постоянное, режущее слух громыхание — точно телега катит по вымощенной шифером дороге.

Бедняга Хент. Мне хочется вернуться к нему и, ошеломив своим появлением, уверить, что я чувствую себя лучше, чем кажется, но соваться

на Старую Землю опасно: знак присутствия Шрайка пылает в киберпространстве метасферы, как факел на фоне черного бархата.

Техно-Центр вызывает меня все настойчивее, но там еще опаснее. Я помню, как Уммон уничтожил другого Китса прямо на глазах Ламии Брон: всосал аналоговую личность в себя, и базисные файлы человека растворились, как сахар в кипятке.

Нет уж, увольте.

Я предпочел смерть статусу божества, но прежде чем уснуть, должен кое-что сделать.

Метасфера — жуткое место. Техно-Центр — еще хуже. Стоит вспомнить темные туннели сингулярностей, и мое аналоговое сердце уходит в пятки. Но тут уж ничего не поделаешь.

Я прыгаю в первый черный конус, кружусь, подобно метафорическому листу в чрезмерно реальном вихре, и выныриваю в нужном киберпространстве, но такой обессиленный, что приходится сидеть на виду у всех ИскИнов, пользующихся сейчас этим узлом долговременной памяти, и фагов, обитающих в фиолетовых расщелинах горных инфохребтов. Однако меня выручает царящий в Техно-Центре хаос: исполинские личности Центра

слишком заняты своими троянскими войнами, чтобы следить за черным ходом.

Я нахожу необходимые коды доступа к инфосфере и нужные мне пуповины синапсов, остальное — дело микросекунд. По проторенной дорожке — к Центру Тау Кита, Дому Правительства, тамошнему лазарету и — в усыпленное снотворным сознание Поля Дюре.

Единственное, к чему у моей личности исключительный талант, — это сны и сновидения. Совершенно случайно я обнаруживаю, что из моих воспоминаний о шотландском путешествии получится приятный фон для сцены внушения священнику мысли о бегстве. Будучи англичанином и вольнодумцем, я когда-то на дух не переносил всего связанного с папизмом, но у иезуитов есть одно бесспорное достоинство — для них повиновение превыше здравого смысла, и сейчас это послужило на пользу человечеству: когда я приказываю ему идти, Дюре не вопрошает «почему»… Как послушный мальчик, он встает, заворачивается в одеяло и идет.

Мейна Гладстон воспринимает меня в своем кратком сне-забытьи как Джозефа Северна, но выслушивает так, словно я ниспослан самим

Господом Богом. Мне хочется открыть ей, что я — не Он, а только предтеча, но сообщение важнее: я выпаливаю его одним духом и удаляюсь.

Следуя через Техно-Центр по дороге в метасферу Гипериона, я улавливаю запах горящего металла — отвратительную вонь гражданской войны — и краем глаза вижу ослепительную вспышку, которая вполне может оказаться Уммоном в процессе казни. Старый Учитель, если это действительно он, уже не цитирует коаны, но кричит — столь же пронзительно, как кричало бы любое другое разумное существо, которое отправляют в печь. Но я спешу.

Нуль-канал на Гиперион превратился в тоненькую нить: под натиском кораблей Бродяг израненные факельщики Гегемонии сбились в кучу возле военного портала и подбитого корабля-«прыгуна». Сфера сингулярности не продержится и нескольких минут. Факельщик с нейродеструктором на борту готовится перейти в систему, а я тем временем выбираю себе наблюдательный пункт в местной инфосфере. Посмотрю, что будет дальше.

— Боже! — воскликнул Мелио Арундес. — Экстренное заявление Мейны Гладстон.

Тео Лейн бросился в проекционную нишу, где уже сгущался туман. Из своей спальни выглянул Консул и, разобравшись, в чем дело, начал спускаться по винтовой лестнице.

— Еще одна мультиграмма с ТКЦ? — спросил он.

— Не только нам, — ответил Тео, считывая бегущую строку красных цифр. — Срочное обращение по мультилинии. Всем, всем, всем.

— Видно, что-то чрезвычайное. Секретарь Сената когда-нибудь выступала с передачей на всех частотах? — спросил Арундес, устраиваясь поудобнее на подушках.

— Ни разу, — ответил Тео Лейн. — Слишком много энергии уходит на поддержание мультилинии. Разве что в импульсном режиме…

Консул подошел ближе и указал на тающие цифры:

— Какие там импульсы! Смотрите, это передача в реальном времени.

Тео замотал головой.

— Для такой передачи требуется несколько сот миллионов гигаэлектронвольт.

Арундес присвистнул.

— Даже если в десять раз меньше, это все равно что-то из ряда вон выходящее.

— Общая капитуляция, — выдохнул потрясенный Тео. — Это единственное, для чего требуется передача в реальном времени на всех частотах. Гладстон хочет обратиться к Бродягам, мирам Окраины и независимым планетам, а также ко всем мирам Сети. Должно быть, задействованы все комм-каналы, головидение и даже частоты инфосферы. Наверняка капитуляция.

— Извольте заткнуться, — прервал его Консул.

Он начал пить сразу после того, как вернулся с заседания Трибунала. Арундес и Тео бросились тогда его обнимать, но мрачное расположение духа Консула ничуть не изменилось. Не улучшили его ни взлет и выход из Роя, ни виски.

— Мейна Гладстон не капитулирует, — заплетающимся языком пробормотал он, помахивая бутылкой. — Выдумали тоже — капитуляция.

На факельщике ВКС Гегемонии «Стивен Хоукинг», двадцать третьем корабле Гегемонии, носившем имя высокочтимого ученого, генерал Артур Морпурго поднял глаза от пульта и приказал двум дежурным на мостике соблюдать абсолютную тишину. Теперь, когда в бомбовый отсек погрузили «жезл смерти» Техно-Центра, в команде остались он сам и четверо добровольцев. Экраны и негромкий шепоток компьютеров

подтверждали, что «Стивен Хоукинг» на полной скорости несется к военному порталу, размещенному в точке Лагранжа между планетой Мадхья и ее непропорционально крупной луной. Портал Мадхья выходил прямо в пространство Гипериона, где кипел бой.

— Одна минута восемнадцать секунд до точки перехода, — доложил с мостика штурман Соломон Морпурго. Старший сын генерала.

Морпурго кивнул и настроился на местный широкополосный передатчик. Проекторы мостика транслировали стратегическую информацию, поэтому генерал включил только аудиоканал. Он невольно улыбнулся. Что сказала бы Мейна, узнав, что он сам стоит у пульта «Стивена Хоукинга»? Пусть лучше не знает. По-другому он поступить не мог. Он не хотел видеть последствия своих приказов.

Морпурго взглянул на сына и ощутил прилив гордости, смешанной с болью. За считанные часы трудно подобрать надежных офицеров, способных управлять факельщиком. Его сын вызвался первым. Возможно, энтузиазм семейства Морпурго хоть немного развеял подозрения Техно-Центра.

— Друзья мои, сограждане, — раздался голос

Гладстон, — в последний раз обращаюсь я к вам в качестве секретаря Сената. Ужасная война, которая опустошила уже три из наших миров и вот-вот обрушится на четвертый, считалась вторжением Бродяг, но это не так. Это ложь.

Частоты комм-связи отключились, захлебнувшись в помехах.

— Переходите на мультилинию, — распорядился генерал Морпурго.

— Одна минута три секунды до точки перехода, — доложил его сын.

Голос Гладстон возвратился отфильтрованный, чуть стершийся от кодирования и раскодирования.

— …осознать, что наши предки… и мы сами… заключили Фаустову сделку с силой, которой нет дела до судеб человечества.

За этим вторжением стоит Техно-Центр.

На Техно-Центре лежит вина за долгую эпоху комфортабельной духовной тьмы, за попытку истребить человечество, стереть нас с лица вселенной и заменить богом-машиной, которого они создали.

Штурман Соломон Морпурго ни на мгновение не отрывал глаз от приборов.

— Тридцать восемь секунд до точки перехода.

Морпурго кивнул. Лица двух других офицеров блестели от пота. Генерал и сам чувствовал, что лоб его покрылся испариной.

— …доказали, что Техно-Центр находится… и всегда находился… в темных промежутках между порталами нуль-Т. Они считают нас своими рабами, и так будет всегда, пока существует Сеть, пока наша Гегемония соединена порталами.

Морпурго бросил взгляд на хронометр. Двадцать восемь секунд. Переход в систему Гипериона для человеческих органов чувств будет мгновенным. Морпурго не сомневался, что «жезл смерти» каким-то образом настроен на детонацию в самый миг их входа в пространство Гипериона. Летальная ударная волна достигнет планеты меньше чем за две секунды, а еще через десять минут захлестнет Рой Бродяг до самого его арьергарда.

— Поэтому, — голос Мейны Гладстон дрогнул от волнения, — я как секретарь Сената Гегемонии Человека дала «добро» подразделениям ВКС на уничтожение всех сфер сингулярности и порталов нуль-Т, о существовании которых нам известно.

— Эта ликвидация… своего рода прижигание… начнется через десять секунд.

— Боже, спаси Гегемонию.

— Да смилуется над нами Бог.

Штурман Соломон Морпурго хладнокровно доложил:

— Пять секунд до перехода, отец.

Морпурго встретился взглядом с сыном. На экране за спиной юноши маячил портал. Он все рос, рос, расширялся. Вот он уже закрыл полнеба.

— Мальчик мой, — произнес генерал.

* * *

Двести шестьдесят три сферы сингулярности, соединявшие семьдесят два миллиона с лишним порталов нуль-Т, были уничтожены в течение двух и шести десятых секунды. Подчиняясь приказам в конвертах, которые надлежало вскрыть за три минуты до исполнения, подразделения ВКС, развернутые генералом Морпурго по распоряжению секретаря Сената, действовали быстро и профессионально. Хрупкие додекаэдры крушили снарядами, лазерами, плазменными бомбами.

Не успели разлететься обломки, как сотни звездолетов ВКС оказались отрезанными друг от друга и от какой-либо планетной системы неделями и даже месяцами полета в спин-режиме — и годами объективного времени.

Тысячи людей, которые в этот момент пользовались порталами, попали в капкан. Одни погибли мгновенно, расчлененные или разорванные пополам, другие лишились конечностей — порталы схлопывались перед ними или позади них. Третьи бесследно исчезли.

Так исчез и корабль Гегемонии «Стивен Хоукинг» — точно в соответствии с планом, — когда умелая рука уничтожила порталы входа и выхода в наносекунду перехода корабля. В реальном пространстве не осталось даже малейшего следа факельщика. Позднейшие эксперименты показали, что так называемый «жезл смерти» был детонирован во внутреннем пространстве-времени Техно-Центра, в странной вселенной между порталами.

Последствия для Техно-Центра остались неизвестны.

Зато Сеть и ее граждане столкнулись с последствиями мгновенно.

После семи веков существования инфосферы (по меньшей мере четыре из которых без нее уже не мыслили жизни) она исчезла, растаяла в воздухе вместе с Альтингом, всеми инфоканалами, подключениями и связями. В этот миг сотни тысяч граждан лишились разума или впали в ка-

татонический шок — исчезло нечто заменявшее им зрение и слух.

Еще сотни тысяч киберпространственных операторов, включая так называемых хакеров и системных ковбоев, впали в идиотизм: их аналоговые личности утащила за собой инфосфера. У иных выгорел мозг из-за перегрузки нейрошунтов и эффекта, позднее получившего название «нуль-нуль» обратной связи.

Миллионы погибли в своих жилищах, в которые можно было попасть только через порталы и которые превратились в западню.

Епископ Церкви Последнего Искупления — глава культа Шрайка — хотел пересидеть Последние Дни с комфортом. На севере Невермора, глубоко под хребтом Ворона, в толще горы была выдолблена пещера, куда свезли тонны припасов и всего необходимого столь важной персоне. Единственным входом и выходом, естественно, являлись порталы. Епископ погиб вместе с несколькимитысячами дьяконов, экзорцистов, причетников и служек, которые царапали камень, пытаясь попасть во Внутреннее Святилище и заставить своего Святого Отца поделиться с ними воздухом.

Миллионерша, динозавр издательского дела

Тирена Вингрен-Фейф, дама девяностосемилетнего возраста, растянувшая свое пребывание на сцене на триста лет благодаря чудесам поульсенизации и криогенному сну, имела неосторожность явиться в свой офис на четыреста тридцать пятом этаже Транслайн-Билдинга на ТКЦ, куда можно было попасть только через портал. Пятнадцать часов Тирена не могла поверить, что нуль-Т приказала долго жить, потом, поддавшись телефонным уговорам сотрудников, отключила силовые стены, чтобы ее смогли забрать с ТМП.

Но Тирена невнимательно выслушала указания снизу. Взрывная декомпрессия выбросила ее с четыреста тридцать пятого этажа, как пробку из бутылки с хорошим шампанским. Бригада спасателей в магнитоплане клялась, что все четыре минуты падения старая дама ругалась последними словами.

Большинство миров узнало новые, неизведанные доселе виды хаоса.

Основная часть экономики Сети развалилась вместе с местными инфосферами и мегасферой. Триллионы марок — и заработанных тяжелым трудом, и неправедных — просто перестали существовать. Отмерли универсальные карточки. Бытовые приборы и машины захлебывались,

хрипели и останавливались. Оказалось невозможным расплатиться за хлеб, купить билет в общественном транспорте, уладить простейшие дела или получить какие-нибудь услуги без монет или банкнот черного рынка.

Но тотальный экономический кризис, свирепый, словно цунами, проявил себя не сразу, его еще предстояло осмыслить. Для большинства семей катастрофа дала знать о себе сразу и куда более ощутимо.

Отец или мать семейства, которые утром, как обычно, отправились, скажем, с Денеба-IV на Возрождение-Вектор, могли вернуться домой лишь через одиннадцать лет — и то при условии, что им удалось бы сразу же пробиться на один из спин-звездолетов, все еще курсировавших между мирами.

Члены зажиточных семейств, слушая речь Гладстон в своих фешенебельных мультимировых апартаментах, переглядывались… и оказывались на расстоянии многих световых лет друг от друга, а двери их комнат открывались в пустоту…

Детям, выбежавшим из дома на несколько минут, суждено было стать взрослыми прежде, чем они смогут снова обнять мать и отца.

Гранд-Конкурс, и без того пострадавший от ветров войны, разорвало в клочья; бесконечный пояс его умопомрачительных магазинов и престижных ресторанов распался на звенья, которым не суждено было соединиться.

Реки Тетис больше не существовало — гигантские порталы стали непрозрачными и исчезли. Вода залила берега, высохла, и под светом двух сотен солнц на месте былых стремнин и заводей виднелись теперь груды гниющей рыбы.

Начались беспорядки. Лузус разорвал себя на части подобно волку, пожирающему собственные внутренности. Новая Мекка истаяла в конвульсиях массового мученичества. Циндао-Сычуаньская Панна отпраздновала избавление от орд Бродяг, повесив на деревьях и фонарях несколько тысяч бывших чиновников Гегемонии.

На Мауи-Обетованной тоже возникли беспорядки, но другого рода. Сотни тысяч потомков Первых Семей овладели плавучими островами, чтобы изгнать чужестранцев, захвативших большую часть планеты. Позже миллионы растерянных, в одночасье обнищавших курортников были брошены на работы по демонтажу тысяч буровых вышек и туристских центров, усеявших Экваториальный Архипелаг, подобно оспе.

Возрождение-Вектор отделалось краткой вспышкой насилия, за которой последовали эффективные реформы. Жители всерьез взялись за решение проблемы — как прокормить планету-город без ферм.

Города Нордхольма опустели, люди вернулись на побережье, к холодному морю и рыбацким шхунам своих предков.

На Парвати вспыхнула гражданская война.

На Седьмой Дракона царило ликование, отдававшее безумием. Грянула революция, за которой последовала эпидемия ретровирусной чумы.

Фудзи погрузилась в философическое смирение. Здесь сразу же начали строить орбитальные верфи для создания флота спин-звездолетов.

На Асквите смута принесла победу Социалистической лейбористской партии в мировом парламенте.

На Пасеме молились. Новый папа, его святейшество Тейяр I, созвал Вселенский (XXXIX Ватиканский) собор и объявил о начале новой эры в жизни Церкви. Он уполномочил собор заняться подготовкой миссионеров, которым предстояло отправиться в долгие путешествия, — сотен и тысяч миссионеров. Папа Тейяр объявил, что они никого не будут обращать в свою веру,

но займутся изысканиями и научными исследованиями. Церковь, подобно многим существам, привыкшим жить на грани вымирания, приспосабливалась и пребывала.

На Темпе — смута, бойня, в силу вошли демагоги.

На Марсе генштаб какое-то время поддерживал мультисвязь со своими разбросанными по Вселенной силами. Именно он подтвердил, что «волны вторжения Бродяг» повсюду, за исключением системы Гипериона, немедленно улеглись. Перехваченные корабли Техно-Центра оказались пустыми, а память их компьютеров стертой. Вторжение прекратилось, будто его и не было.

На Метаксе начались беспорядки и репрессии.

На Кум-Рияде самозваный шиитский аятолла, выехав на белом осле, собрал сто тысяч приверженцев и за несколько часов сверг правительство суннитов. Революционное правительство восстановило власть мулл и перевело стрелки часов на две тысячи лет назад. Народ торжествовал.

На Армагасте, пограничном мире, дела шли, в общем, как обычно, только вот не хватало туристов, археологов и других привозных предметов роскоши. Армагаст был лабиринтным миром. Его лабиринт остался пуст.

В Новом Иерусалиме, орбитальной столице Хеврона, возникла паника, но старейшины быстро восстановили порядок в городе и на планете. Была составлена программа выживания. Те немногие предметы первой необходимости, которые раньше поступали с других миров, распределялись по карточкам. Люди принялись осваивать пустыню, расширять фермы, сажать деревья. Они жаловались друг другу на свои невзгоды, благодарили Бога за избавление, роптали на того же Бога за неудобства, которые это избавление принесло, — в общем, жили привычной жизнью.

На Роще Богов по-прежнему пылали целые континенты, заволакивая небеса дымом. Не успел остыть след последнего из «Роев», как за облака взмыли десятки кораблей-деревьев, защищенных силовыми полями, которые создавали эрги. Термоядерные двигатели вывели их на орбиту, и они, перейдя в спин-режим, разлетелись по всей Галактике. К далеким, напряженно ожидающим вести Роям полетели тамплиерские мультиграммы. Началось возрождение жизни.

На Центре Тау Кита, средоточии власти, богатства, предпринимательства и бюрократии, ошалелые голодные жители покидали опасные

экобашни, бездействующие города и орбитальные поселения и отправлялись искать виновного. Иными словами — козла отпущения.

Далеко ходить не пришлось.

* * *

Когда порталы были разрушены, генерал Ван Зейдт находился в Доме Правительства. Теперь он стоял во главе гарнизона из двух сотен морских пехотинцев и шестидесяти восьми охранников. Бывшего секретаря Сената Мейну Гладстон сопровождали шесть преторианцев — их прикрепил к ней Колчев, отбывший вместе с видными сенаторами на первом и последнем прорвавшемся челноке ВКС. Разъяренная толпа разжилась где-то ракетами класса «земля — космос» и боевыми лазерами. Ни один из трех тысяч служащих и беженцев не мог покинуть комплекс Дома Правительства. Им оставалось уповать лишь на силовые заграждения.

Гладстон стояла на передовом наблюдательном пункте и следила за давкой в Оленьем парке. Зрелище было кровавое. По меньшей мере трехмиллионная толпа уже успела разгромить английский сад и большую часть парка и теперь напирала на заграждения. А народ все прибывал

и прибывал.

— Можно ли отодвинуть поля метров на пятьдесят и тут же восстановить, прежде чем толпа проникнет на территорию? — спросила Гладстон Ван Зейдта. С запада тянулся дымный шлейф от горящих городов. Нижние два метра людского месива походили на прослойку из клубничного джема: уже тысячи были раздавлены, прижатые к силовому щиту напиравшей сзади обезумевшей толпой. Но десятки тысяч других, несмотря на мучительную боль в нервах и костях, вызываемую заградительным полем, карабкались на трупы и как бешеные бросались на невидимую преграду.

— Да, конечно, госпожа секретарь, — ответил Ван Зейдт. — Но зачем?

— Я выйду поговорить с ними. — Голос Гладстон дрожал от усталости.

Генерал уставился на нее, уверенный, что это просто неудачная шутка.

— Госпожа секретарь, возможно, они будут готовы выслушать вас через месяц… по радио или головидению. Через год, а то и два, они простят вас, если, конечно, воцарится порядок, а пайки окажутся достаточно щедрыми. Но только спустя века до них наконец дойдет, что именно вы их спасли… Спасли всех нас!

— Я хочу говорить с ними, — настойчиво повторила Мейна Гладстон. — У меня есть что им сказать.

Ван Зейдт покачал головой и взглянул на офицеров ВКС, которые наблюдали за толпой через смотровые щели бункера. Их лица выражали ужас и недоумение.

— Нужна санкция секретаря Колчева, — сказал Ван Зейдт.

— Нет, — устало возразила Мейна Гладстон. — Он правит империей, которой уже нет. А я — миром, который сама погубила. — Она кивнула преторианцам, и те извлекли из-под своих оранжевых в черную полоску накидок «жезлы смерти».

Ни один из офицеров ВКС не шевельнулся. Тогда Ван Зейдт умоляюще воскликнул:

— Мейна, следующий эвакуационный корабль пробьется!

Гладстон кивнула, но как-то рассеянно.

— Думаю, внутренний сад подойдет. На несколько минут толпа угомонится: отступление защитных полей собьет ее с толку. — Она огляделась вокруг, словно проверяя, все ли сделала, затем протянула руку Ван Зейдту: — Прощайте, Марк. Спасибо вам. Позаботьтесь о моих людях.

Ван Зейдт пожал ее руку. Гладстон поправила шарф, легко — словно на счастье — коснулась браслета своего комлога и вышла из бункера, сопровождаемая четырьмя преторианцами. Маленький отряд пересек вытоптанные сады и медленно двинулся к силовым стенам. Напиравшая с дикими воплями на фиолетовое заградительное поле толпа напоминала взбесившееся тысячеголовое животное.

Гладстон повернулась, подняла руку, словно для салюта, и приказала преторианцам отойти. Те поспешили отступить по развороченным клумбам.

— Давайте же! — сказал командир оставшихся в бункере преторианцев, указав на пульт дистанционного управления силовым полем.

— Пошли вы к черту! — четко произнес Ван Зейдт. Пока он жив, никто не коснется пульта.

Но Ван Зейдт забыл, что Гладстон все еще имела доступ ко всем тактическим цепям. Он успел заметить, как она подняла свой комлог… На пульте замигали красные и зеленые огоньки, внешние поля растаяли и тут же вновь возникли на пятьдесят метров ближе к зданию. Мейна Гладстон осталась наедине с миллионами осаждающих, отделенная от них только узкой полоской лужай-

ки и завалами из бесчисленных трупов, с глухим шумом рухнувших на землю после передвижения защитных стен.

Гладстон раскинула руки, словно обнимая толпу. На три бесконечные секунды все замерли. Затем толпа взревела и ринулась вперед, потрясая палками, ножами, разбитыми бутылками.

На какой-то миг Ван Зейдту показалось, что Гладстон застыла несокрушимой скалой на пути океанского прибоя черни. Он видел ало-золотое пятно ее шарфа на черном костюме, видел, как она стоит, прямая, раскинув руки, но тут подоспели новые тысячи бесноватых, и кольцо сомкнулось.

Преторианцы опустили жезлы и были немедленно арестованы морскими пехотинцами.

— Затемните силовые поля, — приказал Ван Зейдт. — Передайте, пусть челноки садятся во внутреннем саду с пятиминутными интервалами. Торопитесь! — И генерал отвернулся.

— Боже милостивый! — Тео Лейн комментировал обрывочные сообщения, поступающие по мультилинии. Миллисекундные импульсы шли один за другим, так что компьютер не мог расчленить их. Информация слилась в бесформенное месиво.

— Прокрути еще раз ликвидацию сферы сингулярности, — попросил Консул.

— Слушаюсь, сэр. — Корабль прервал трансляцию, чтобы снова показать белую вспышку, распускающееся облако и внезапный коллапс: сингулярность поглотила самое себя и все находящееся в радиусе шести тысяч километров. Приборы на мгновение обезумели — но на таком расстоянии гравитационный прилив не представлял опасности, а вот кораблям, сражавшимся над Гиперионом, явно не поздоровилось.

— Достаточно, — сказал Консул.

— Вы думаете, все кончено? — спросил Арундес.

— Вне всякого сомнения, — ответил Консул. — Гиперион снова стал Окраиной. Но чего?.. Ведь Сети больше не существует.

— В голове не укладывается, — пробормотал Тео Лейн, сжимая в руке стакан; Консул впервые видел своего помощника пьяным. Тео подлил себе еще виски. — Сеть… испарилась. Пятьсот лет прогресса… просто взяли и вычеркнули.

— Отчего же? — возразил Консул и отставил свой недопитый стакан. — Миры же остались. И будут развиваться дальше, правда, по отдельности. И у нас есть спин-звездолеты. Наше

собственное изобретение, а не полученное в дар от Техно-Центра.

Мелио Арундес уронил голову на руки.

— Неужели Техно-Центр и в самом деле исчез? Уничтожен?

Консул помолчал с минуту, прислушиваясь к воплям, жалобам, командам и крикам о помощи с аудиоканала мультилинии.

— Трудно сказать. Может, не уничтожен, а просто отрезан, заперт, — предположил он.

Тео, допив свое виски, осторожно поставил стакан на стол. В зеленых глазах бывшего генерал-губернатора застыло какое-то неживое спокойствие.

— Думаете… у них есть другая паутина? Другие нуль-сети? Запасные Техно-Центры?

Консул развел руками.

— Нам известно, что им удалось создать Высший Разум. Возможно, он и способствовал этому… рассеиванию Техно-Центра. Не исключено, что он сохранил несколько старых ИскИнов — для его нужд этого вполне достаточно. Ведь они собирались обойтись несколькими миллиардами человек.

Внезапно шум мультипередач оборвался — словно обрезали провод.

— Корабль? — спросил Консул, подозревая, что вышло из строя питание мультиприемника.

— Все передачи по мультилинии прекратились, оборвались на полуслове, — доложил звездолет.

Сердце Консула забилось. «Жезл смерти»! Но нет, он не может поразить все миры разом. Даже если бы сотни таких устройств сработали одновременно, с кораблей ВКС и других отдаленных источников сообщения продолжали бы поступать. Тогда что же?

— Представляется, что сообщения прерваны из-за возмущений в передающей среде, — вновь подал голос корабль. — Хотя вряд ли такое возможно.

Консул встал. Возмущения в передающей среде? Передающей средой мультилинии, насколько известно, являлась суперструнная Планковская структура самого пространства-времени: то, что ИскИны загадочно именовали Связующей Пропастью. Нет, это невозможно.

Внезапно корабль объявил:

— Начало поступать сообщение по мультилинии. Источники передачи — повсюду; режим передачи — реальное время.

Возмущенный столь бредовым заявлением Консул открыл было рот, но не успел ничего ска-

зать — туман в проекционной нише сгустился, и раздался голос:

ВПРЕДЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННОГО КАНАЛА НЕ ПО НАЗНАЧЕНИЮ. ВЫ МЕШАЕТЕ ТЕМ, КТО ПОЛЬЗУЕТСЯ ИМ В СЕРЬЕЗНЫХ ЦЕЛЯХ. ДОСТУП БУДЕТ ВОССТАНОВЛЕН, КОГДА ВЫ ПОЙМЕТЕ, ДЛЯ ЧЕГО ОН. ДО СВИДАНИЯ.

Трое мужчин замерли. Воцарившуюся тишину нарушали лишь шум вентиляторов да тысячи еле слышных звуков, производимых кораблем в полете. Наконец Консул сказал:

— Корабль, дай по мультилинии стандартный опознавательный и наши координаты. Добавь: «Принявших прошу ответить».

Наступила пауза — недопустимо долгая для сверхмощного компьютера — почти ИскИна, которым в сущности являлся корабль. Наконец он ответил:

— Простите, это невозможно.

— Что такое? — изумился Консул.

— Дальнейшие передачи по мультилинии невозможны. Суперструны перестали воспринимать колебания.

— Может, что-то стряслось с мультилинией? — спросил Тео, не отрывая глаз от пустой проекционной ниши. Так зритель смотрит на

экран, когда фильм обрывается на самом интересном месте.

Корабль снова надолго задумался, затем резюмировал:

— В сущности, господин Лейн, мультилинии больше не существует.

— Черт побери! — пробормотал Консул и, осушив свой стакан, пошел к бару за новой порцией. — Все то же древнее китайское проклятие.

Мелио Арундес поднял глаза.

— О чем вы?

Консул сделал большой глоток.

— Древнее китайское проклятие, — повторил он. — «Чтоб ты жил в интересное время».

Словно компенсируя потерю мультилинии, корабль включил внутрисистемные радиоканалы и перехваты переговоров по узким пучкам, транслируя одновременно в реальном времени изображение сине-белого шара Гипериона, который поворачивался и разрастался по мере приближения.

Глава сорок пятая

Я выхожу из инфосферы Сети за миг до исчезновения всех ее выходов и входов.

Странно и дико наблюдать, как мегасфера пожирает самое себя. Ламия Брон восприняла ее когда-то как организм, полуразумное существо, схожее больше с экосистемой, чем с городом, и была права. Теперь, когда нуль-сеть прекратила свое существование, мир, заключенный внутри нее, трещит и обваливается, и одновременно рушится внешняя инфосфера — точно охваченный огнем гигантский шатер, внезапно потерявший опоры, веревки и стойки. Мегасфера уничтожает себя, как обезумевший от голода хищник, который впивается в собственный хвост, пожирает внутренности, лапы, сердце — пока от него не останутся одни челюсти, щелкающие в пустоте.

Метасфера, разумеется, никуда не делась. Но теперь в ней страшнее, чем когда бы то ни было.

Черные леса неизвестного пространства-времени.

Голоса ночи.

Львы.

И тигры.

И медведи.

Связующая Пропасть корчится в конвульсиях, транслируя в человеческую вселенную

единственную свою информацию — крик. Так волны землетрясения проходят сквозь толщу камня.

Пролетая над Гиперионом, я не могу сдержать улыбку. Похоже, аналогу Бога надоело попустительствовать муравьям, царапающим всякую ерунду на его пятках.

В метасфере я что-то не заметил Бога — ни одного из них. Впрочем, я и не ищу их: у меня и без того хватает проблем.

Черные вихри входов в Сеть и Техно-Центр исчезли, удалены из пространства-времени, словно бородавки. Исчезли в полном смысле этого слова — как волны, когда проходит шторм.

Похоже, я здесь так и застряну, если не отважусь бросить вызов метасфере.

А я не решаюсь. Пока.

Но ведь я хотел попасть именно сюда. От инфосферы в системе Гипериона почти ничего не осталось — жалкие крохи на планете и несколько нитей между кораблями ВКС исчезают буквально на глазах, как лужицы под солнечными лучами, но сквозь непроглядную тьму метасферы, словно маяки, светятся Гробницы Времени. Если нуль-каналы походили на

черные вихри, то Гробницы — на отверстия, из которых льется ослепительное сияние.

И я устремляюсь к этому свету. До сих пор я был только Предтечей, персонажем и зрителем чужих снов. Настало время сделать что-нибудь самому.

Сол Вайнтрауб ждал.

Прошли часы с того момента, как он отдал свое единственное дитя Шрайку, и несколько дней с тех пор, как он последний раз ел или спал. Вокруг то бушевала, то утихала буря. Гробницы светились и громыхали, как взбесившиеся реакторы, а темпоральные приливы по-прежнему сотрясали долину. Но все это время Сол ждал, прильнув к каменным ступеням Сфинкса. Ждал и сейчас.

В полуобмороке, измученный усталостью и страхом за дочь, Сол вдруг обнаружил, что мозг его лихорадочно работает, а голова ясна как никогда.

Почти всю жизнь, с самого начала своей научной деятельности, Сол Вайнтрауб, историк-филолог-философ, занимался этическими аспектами религии. А ведь религия и этика далеко не всегда — точнее, очень редко — совместимы. Требования, налагаемые на человека религиозным абсолютизмом, фундаментализмом или реля-

тивизмом, зачастую отражали худшие черты современной культуры или просто предрассудки, но не принципы, которые помогли бы людям и Богу сосуществовать на основах подлинной справедливости. Самый знаменитый труд Сола — «Авраамова дилемма» (в конце концов он остановился на этом названии, и неожиданно для автора книга сделалась бестселлером, хотя писалась для узкого круга коллег) — родился в годы, когда Рахиль таяла от болезни Мерлина. Сол подвергал в нем детальному анализу труднейший выбор, стоявший перед Авраамом, — подчиниться или не подчиниться приказу Бога, принести или не принести в жертву ему сына.

Сол писал, что примитивные времена требуют примитивного повиновения. Потомки Авраама духовно выросли: родители уже предлагали в жертву самих себя, как это было в мрачный период печей, запятнавших историю Старой Земли. Теперь же, как он полагал, вообще не могло быть речи о жертвоприношении. Каков бы ни был образ Божий в человеческом сознании — рассматривать ли его как проявление подсознания со всеми его реваншистскими потребностями или как сознательное стремление к нравственному совершенству, — необходимо отказаться от

самой идеи жертвоприношения. Жертвоприношение — и согласие на него — вписано в историю человечества кровавыми буквами.

И все же несколько часов — несколько эпох назад Сол Вайнтрауб собственными руками передал единственное дитя отродью смерти.

На протяжении многих лет голос из сна приказывал ему совершить это. И всякий раз Сол отказывался. Он согласился лишь когда времени не осталось, а надежда умерла. Когда он понял, что голос, который он и Сара все эти годы слышали во сне, не был голосом ни бога, ни дьявола, ни Шрайка.

То был голос их дочери.

Скорбь на миг отступила, и Сол неожиданно осознал, почему Авраам согласился принести в жертву Исаака, сына своего, как повелел ему Господь.

Авраам сделал это не из покорности.

И не потому, что любовь к Богу пересилила в нем любовь к сыну.

АВРААМ ИСПЫТЫВАЛ БОГА.

Отвергнув в последний момент жертвоприношение и отведя нож, Бог в глазах Авраама и сердцах его потомков заслужил право стать его, Авраамовым Богом.

И Сол содрогнулся, представив себе, что значила для Авраама его решительная, лишенная какого бы то ни было притворства позиция, искренняя готовность принести сына в жертву, укрепившая связь между Высшей Силой и человечеством. В глубине души Авраам знал, что решится убить сына, и Бог, каков бы ни был его образ, тоже это знал, чувствовал скорбь Авраама и его решимость.

Не ради жертвоприношения отправился в пустыню Авраам, а чтобы раз и навсегда уяснить себе; следует ли доверять и повиноваться Богу. Только так можно было его испытать.

«Почему же, — думал Сол, прижимаясь к каменным ступеням Сфинкса, подрагивающего на волнах темпорального шторма, — почему это испытание должно вновь и вновь повторяться? Какие еще страшные откровения уготованы человечеству?»

Из слов Ламии, из историй, рассказанных собратьями-паломниками, из всего, что открылось ему самому за последние недели страданий, Сол понял, что попытки машинного Высшего Разума (будь он бог, дьявол или еще кто-нибудь) уничтожить беглую ипостась человеческого Божества — Сопереживание — бесплодны. Обречены. Сол

больше не видел тернового дерева с его металлическими ветвями и сонмом мучеников, но отчетливо понимал, что эта штука была такой же органической машиной, как и Шрайк, — средством трансляции страдания на всю вселенную, чтобы ипостась человеческого Бога, отреагировав, выдала наконец себя.

Если Бог способен эволюционировать — а Сол не сомневался, что так оно и есть, — тогда эволюция должна быть направлена в сторону сопереживания — сочувствия чужому страданию, а не в сторону силы и власти. Но мерзкое дерево, чью страшную силу бедняга Мартин Силен испытал на собственной шкуре, оказалось неудачной приманкой для беглой ипостаси.

Теперь Сол понимал, что у машинного бога, каким бы он ни был, хватило проницательности сообразить, что сопереживание — реакция на боль других. И все же этот хваленый ВР оказался безнадежно глуп. Он не понял, что сопереживание — для человека и человеческого Высшего Разума — нечто гораздо большее. Сопереживание и любовь нераздельны и непостижимы. Машинному Высшему Разуму никогда не понять этого и не создать капкан для ипостаси людского ВР, сбежавшей от ужасов войны в отдаленное будущее.

Любовь — наиболее банальное из переживаний, самый затасканный из религиозных символов, оказалась — как понимал теперь Сол — сильнее ядерных сил, сильнее электрослабого взаимодействия, сильнее гравитации. Все эти силы есть любовь. Связующая Пропасть, субквантовая невероятность, передающая информацию от фотона к фотону, — не что иное, как любовь.

Но можно ли объяснить любовью, обыкновенной любовью, так называемый антропный принцип, над которым ученые ломают головы уже лет семьсот, если не больше? Эту почти бесконечную цепь совпадений, которые привели к возникновению вселенной с нужным количеством измерений, с идеальными характеристиками электронов, требуемым законом всемирного тяготения, звездами идеального возраста, идеальными прабиосистемами, породившими безупречные вирусы, которые превратились в идеальные ДНК? Эту череду до абсурда удачных совпадений, антилогичных, антипостижимых, необъяснимых даже религией? Можно ли?

Семь веков существования теорий Великого Объединения, постквантовой физики суперструн и продиктованной Техно-Центром концепции замкнутой и безграничной вселенной без сингу-

лярностей Большого Взрыва и соответствующих конечных точек, отстранили, сняли Бога — и примитивно-антропоморфного, и утонченного, постэйнштейновского — со всех должностей, даже с поста хранителя и пре-креационного законодателя. В понимании машин и человека вселенная не нуждалась ни в каком Создателе и вообще не допускала его существования. Возможно, кое-какие детали в ее законах потребуется подправить, но на общую картину это уже не повлияет. Она не имела ни начала, ни конца — расширялась, сжималась, потом снова расширялась, и циклы эти чередовались подобно временам года на Старой Земле. Какая там любовь!

Следовательно, Авраам согласился пожертвовать сыном, чтобы испытать призрак?

Следовательно, Сол напрасно нес дочь через сотни световых лет, через неисчислимые препятствия?

Но теперь, когда над ним нависали Сфинкс и небо Гипериона с первыми проблесками рассвета, Сол понял, что им двигала сила более глубинная и могущественная, чем ужас перед Шрайком или узы боли. Если он прав — а он чувствовал свою правоту, хоть и не мог ее до-

казать, — значит, любовь вплетена в структуру вселенной так же прочно, как гравитация и противоположность материи и антиматерии. Место для Бога, каков бы он ни был, не в паутине между стенами, не в сингулярных трещинах мостовой, не где-то вовне, впереди или позади событий… но в самой ткани вещей. Он развивается вместе с развивающейся вселенной. Познает, как познают способные к познанию элементы вселенной, любит, как любят люди.

Сол поднялся сначала на колени, затем во весь рост. Темпоральный шторм, похоже, немного утих — быть может, ему наконец удастся приблизиться к Гробнице?

Из проема, в котором скрылся Шрайк, все еще лился свет. Но звезды гасли одна за другой — наступало утро.

Сол взошел по ступеням.

Он вспомнил тот день на Мире Барнарда, когда десятилетняя Рахиль попыталась влезть на самый высокий в городе вяз и сорвалась с сорокаметровой высоты. Сол ринулся в медицинский центр, где увидел свою дочь плавающей в восстановительном растворе с проткнутым легким, сломанными ногой и ребрами, раздробленной челюстью и бесчисленными порезами и цара-

пинами. Она улыбнулась ему, подняв большой палец, и, с трудом двигая стянутой проволочной шиной челюстью, прошептала: «В следующий раз я доберусь!»

Всю ночь Сол и Сара просидели подле спящей Рахили. Сол держал ее за руку. Они ждали утра…

Сейчас он тоже ждал.

Темпоральный прилив все еще не подпускал Сола к Сфинксу, но он, пригнувшись, застыл в пяти метрах от входа, словно камень, который не сдвинуть с места.

Сол только поднял глаза, но не пошевелился, когда в предрассветном небе появился звездолет. Оглянулся, но не отступил ни на шаг, когда корабль сел и из люка вышли трое. И лишь повернул голову, когда услышал оклик откуда-то из глубины долины и увидел у Нефритовой Гробницы знакомую фигуру, тащившую на себе кого-то.

Все это не имело никакого отношения к его дочери. Он ждал Рахиль.

Оказывается, мой аналог может перемещаться в густой каше Связующей Пропасти, окружающей теперь Гиперион, и без инфосферы. Первым делом мне хочется увидеть Того, Кто Придет, но я пока не готов к этому, хотя его сияние доминирует в метасфере. В конце

концов я всего лишь малявка Джон Китс, а не Иоанн Креститель.

Сфинкс — которому придали форму реального существа, созданного инженерами-генетиками через несколько веков, — это вихрь темпоральной энергии. На самом деле, как видно теперь моему умножившемуся зрению, существует несколько Сфинксов: антиэнтропийная гробница, несущая свое содержимое — Шрайка — назад во времени, точно запаянный контейнер со смертоносными бациллами; активный, нестабильный Сфинкс, в котором при пробном открытии межвременного портала Рахиль Вайнтрауб заразилась болезнью Мерлина, и Сфинкс, который распахнулся и теперь синхронизован с потоком времени. Этот последний Сфинкс — сверкающее пятно света, уступающее по яркости разве что метасферическому костру Того, Кто Придет, освещающему весь Гиперион.

Я спускаюсь к этому яркому пятну как раз вовремя — чтобы увидеть, как Сол Вайнтрауб вручает свою дочь Шрайку.

Я не могу помешать ему. Не способен. И вообще не вправе: от его поступка зависит судьба множества миров.

Зато я занимаю удачную позицию внутри Сфинкса, откуда хорошо вижу Шрайка с его драгоценным грузом. Вижу девочку. Мокрую, сморщенную, всю в пятнах — ей несколько секунд от роду, и она кричит во всю мощь своих крохотных легких. Мне, закоренелому холостяку и поэту, трудно понять, чем мила эта антиэстетичная пискунья своему отцу — и космосу.

Тем не менее вид детского тельца (несмотря на всю физиологическую непривлекательность новорожденной) в острых когтях Шрайка задел какую-то струнку в моей душе.

Три шага внутри Сфинкса перенесли Шрайка и ребенка на несколько часов вперед. Сразу за порогом поток времени убыстряет течение. Если я ничего не предприму в ближайшие секунды, будет поздно — Шрайк скроется через портал, унося ребенка к неведомой темной дыре в отдаленном будущем.

Перед моим взором появляются пауки, высасывающие соки из своей добычи, земляные осы, откладывающие яйца в парализованные тела жертв — идеальный инкубатор, он же продуктовый склад.

Необходимо действовать, но здесь я такой же

призрак, как и в Техно-Центре: Шрайк проходит сквозь меня. От моей аналоговой личности никакого толку — она бесплотна, точно облачко болотного газа.

Но у болотного газа нет разума, а у Джона Китса он есть.

Шрайк делает два шага. Для Сола и тех, кто снаружи, проходит еще несколько часов. Я вижу кровь на коже заходящегося в крике младенца — там, где в него вонзаются Шрайковы скальпели.

К черту!

Снаружи, на широком каменном крыльце Сфинкса, на самой стремнине темпоральных потоков, текущих в Гробницу и через нее, валяются рюкзаки, одеяла, недоеденные пищевые рационы, оставленные здесь Солом и другими паломниками.

И еще куб Мебиуса.

Когда на борту корабля-дерева «Иггдрасиль» Глас Древа Хет Мастин готовился к паломничеству, контейнер был запечатан силовым полем восьмого класса. В нем находился одиночный эрг, или Связующий, — одно из тех крохотных существ, которые, не обладая разумом в человеческом понимании этого слова, выработали

в процессе эволюции способность генерировать мощные силовые поля.

Тамплиеры и Бродяги научились общаться с этими существами, а обитатели Рощи Богов даже использовали их на своих красивых, открытых космосу кораблях-деревьях.

Хет Мастин вез эрга через сотни световых лет, чтобы выполнить договор Тамплиеров с Церковью Последнего Искупления — вывести терновое дерево Шрайка в космос. Но, увидев Шрайка и дерево мучений собственными глазами, он не нашел в себе сил исполнить обет. И погиб.

Куб Мебиуса. Я отчетливо видел эрга — плотный шар красной энергии в темпоральном потоке.

Сквозь завесу тьмы проступал силуэт Вайнтрауба. Время снаружи шло быстрее, и фигура ученого комично дергалась — как персонаж древнего немого фильма. Однако куб Мебиуса находился в поле Сфинкса.

Рахиль пронзительно закричала — страху подвержены даже новорожденные. Страху падения. Страху боли. Страху разлуки.

Шрайк сделал еще шаг, и еще час прошел снаружи.

Перед Шрайком я был ничто, но энергетическими полями могут управлять даже призрачные аналоги Техно-Центра. Я снял с куба Мебиуса силовую оболочку. И выпустил эрга на свободу.

Тамплиеры общались с эргами посредством электромагнитного излучения и кодированных сигналов, вырабатывали в них рефлексы… но главным образом при помощи той мистической связи, секреты которой были ведомы лишь Братству и немногим Бродягам. Ученые называют эту связь телепатией, хотя, скорее, это просто сопереживание.

Шрайк делает еще шаг к открытому порталу в будущее. Рахиль кричит с силой, совершенно немыслимой для новорожденной.

Эрг расширяется, понимает меня и сливается с моей личностью. Джон Китс обретает облик и плоть.

Я спешно делаю пять шагов, вернее, пять прыжков в сторону Шрайка, вырываю ребенка из его лап и отступаю назад. Даже в безумствующем вокруг энергетическом вихре чувствуется особый, кисловатый и свежий детский запах, исходящий от девочки. Я прижимаю ее к груди, прикрывая ладонью мокрую головенку.

Ошарашенный Шрайк резко оборачивается. Четыре руки взлетают вверх, с щелчком раскрываются лезвия, взор огненно-красных глаз останавливается на мне. Но темпоральный поток уже подхватил монстра и потащил к порталу. Скрежеща стальными зубами, Шрайк падает в него и исчезает из виду.

Я поворачиваюсь ко входу, но он очень далеко. Иссякающая энергия эрга могла бы помочь мне добраться туда, вытащить против течения, как на буксире, но меня одного — без Рахили. Нести в такую даль еще одно живое существо не под силу эргу и мне, вместе взятым.

Малышка кричит, и я легонько подбрасываю ее, шепча какую-то бессмыслицу в теплое ушко.

Если никак нельзя ни назад, ни вперед, мы с ней просто подождем немного. Авось кто-нибудь пройдет мимо.

Зрачки Мартина Силена расширились. Ламия Брон резко обернулась и увидела парящего в воздухе Шрайка.

— Вот погань, — вырвалось у нее.

Ряды человеческих тел, привязанных пульсирующими пуповинами к терновому дереву, Машинному Высшему Разуму и дьявол знает, к

чему еще, терялись в сумраке.

А Шрайк, словно желая продемонстрировать свою власть, раскинул руки и завис в пяти метрах от мраморной полки, где Ламия сидела на корточках рядом с неподвижным Силеном.

— Сделай что-нибудь, — прошептал он. Проклятой пуповины больше не существовало, но измученный пыткой поэт даже головы не мог поднять.

— Есть идеи? — спросила Ламия, и голос ее предательски дрогнул.

— Доверься, — произнес чей-то голос снизу.

Ламия наклонилась и увидела под ярусом молодую женщину. Ту самую, которая стояла у ложа Кассада. Монета!

— Помоги! — крикнула Ламия.

— Доверься, — повторила Монета — и исчезла. Это не отвлекло Шрайка. Он опустил руки и шагнул вперед, ступая по воздуху, как по паркету.

— Дерьмо, — у Ламии перехватило дыхание.

— Именно, — проскрипел Мартин Силен. — Из огня — да жопой в полымя.

— Заткнись, — прикрикнула на него Ламия. — Доверься… Кому? В чем?

— Доверься долбаному Шрайку: он убьет нас или наколет на свое долбаное дерево, — пробор-

мотал Силен. Ему удалось дотянуться до руки Ламии. — Лучше смерть, чем снова на дерево.

Ламия успокаивающе коснулась его ладони и встала. Ее и Шрайка разделяла пятиметровая пропасть.

Довериться? Она выставила ногу, ощутила под нею пустоту и закрыла на секунду глаза: под ногой оказалась твердая поверхность! Ламия быстро взглянула вниз.

Там не было ничего, кроме воздуха.

Довериться? Ламия перенесла тяжесть на выставленную ногу и шагнула. После некоторого колебания опустила вторую ногу.

Она и Шрайк стояли друг против друга в воздухе на десятиметровой высоте. Ламии почудилось, будто монстр, раскинув руки, улыбнулся ей. Его панцирь тускло поблескивал в полумраке, красные глаза полыхали огнем.

Довериться? Чувствуя, как кровь пульсирует в висках, Ламия взошла по невидимым ступеням и двинулась прямо в объятия Шрайка.

Пальцелезвия разорвали одежду и впились в кожу, но монстру не удалось насадить ее на ятаган, торчавший из металлической груди. Ламия изогнулась и уперлась целой рукой в панцирь, ощутив леденящий холод — а затем странный

прилив тепла. Энергия нахлынула волной и рванулась наружу. Сквозь нее.

Кромсающие тело лезвия замерли. Шрайк застыл, словно обтекающая их река темпоральной энергии превратилась в янтарную смолу и затвердела.

Тогда Ламия изо всех сил толкнула чудовище.

В какие-то доли секунды Шрайк преобразился: металлический блеск исчез, сменившись сверканием хрусталя. Стальная глыба сделалась хрупкой и прозрачной.

Парившую в воздухе Ламию теперь обнимала трехметровая стеклянная статуя. В груди четырехрукого чудовища, там, где положено быть сердцу, билась огромная бабочка, колотя о стекло угольно-черными крыльями.

Поднатужившись, Ламия снова толкнула Шрайка. Он заскользил назад, закачался — и упал, потянув Ламию за собой. Вывернувшись из смертельных объятий, она услышала, как с треском рвется ее куртка, и, взмахнув здоровой рукой, сохранила равновесие. А стеклянный Шрайк, сделав в воздухе сальто, ударился о каменный пол и разлетелся фонтаном осколков.

По невидимому мостику Ламия поползла на четвереньках к Силену, но когда до него

оставалось всего каких-то полметра, она вдруг перепугалась досмерти, и невидимая опора тут же испарилась. Ламия рухнула как сноп на каменную полку.

Отчаянно матерясь от боли в плече, сломанном запястье, вывихнутой лодыжке, ободранных в кровь коленях, она отползла подальше от края.

— За время моего отсутствия здесь многое изменилось. Мистический бардак какой-то, — прохрипел поэт. — Мы пойдем, или ты хочешь «на бис» прогуляться по воде?

— Заткнись! — В голосе Ламии слышалась дрожь.

Немного передохнув, она решила, что потащит поэта на себе. Они были уже у выхода, когда Силен бесцеремонно заколотил ее по спине:

— Эй! А как же Король Билли и остальные?

— После, — выдохнула Ламия.

Она уже преодолела со взваленным на спину, точно тюк с бельем, Силеном, две трети пути, когда поэт спросил:

— Ты все еще беременна?

— Да, — ответила Ламия, моля Бога, чтобы это было так после всего того, что сегодня случилось.

— Хочешь, я тебя понесу?

— Заткнись. — Позади осталась Нефритовая

Гробница.

— Смотри! — Силен изогнулся всем телом, указывая на что-то.

В свете разгорающегося утра Ламия увидела корабль Консула, стоявший на холме у ворот долины. Однако поэт указывал совсем в другую сторону.

На фоне ослепительно сиявшего входа в Сфинкс выделялся темный силуэт Сола Вайнтрауба. Ученый застыл, воздев руки к небу.

А из гробницы кто-то выходил.

Сол первым увидел фигуру, идущую сквозь поток света и жидкого времени, не то вытекающего из Сфинкса, не то втекающего в него. Когда фигура обрела четкие очертания, он понял, что это женщина. Женщина, несущая…

Женщина, несущая младенца.

Это была его Рахиль — та Рахиль, которую он провожал в путешествие на неведомый Гиперион, где ей предстояло собирать материалы для диссертации. Двадцатишестилетняя Рахиль — может быть, чуть-чуть старше. Вне всякого сомнения, это была она — с ее медно-каштановыми, стрижеными волосами и спадающей на лоб челкой. Раскрасневшаяся, как бывало обычно, когда в голову ей приходила новая замечатель-

ная идея. Ясная, но почему-то робкая улыбка озаряла ее лицо. Глаза, огромные, зеленые, с едва заметными золотистыми крапинками, были устремлены на Сола.

Рахиль несла Рахиль. Малышка уткнулась в ее плечо и сжимала крохотные кулачки, словно решая, закричать ей или нет.

Сол попытался что-то сказать, но язык его не слушался. Наконец он выдавил:

— Рахиль.

— Отец, — произнесла молодая женщина и, шагнув вперед, обняла ученого свободной рукой, стараясь не потревожить ребенка.

Сол целовал свою взрослую дочь, обнимал, вдыхал аромат ее волос… Затем он взял на руки новорожденную и почувствовал, как по ее телу пробежала дрожь, предвещая уже привычный ему громкий плач. Рахиль, которую он привез на Гиперион в нагрудной люльке, была цела и невредима. Сол жадно рассматривал крохотное красное личико, сморщившееся от усилий сосредоточить еще непослушный взгляд на лице отца. Потом спросил, повернувшись к молодой женщине:

— Это она?..

— Да. С ней все в порядке, — ответила дочь.

Она была одета в нечто среднее между халатом и платьем из мягкой коричневой ткани. Сол покачал головой, любуясь ее улыбкой, снова перевел взгляд на младенца и заметил на подбородке под левым уголком рта знакомую ямочку.

Он снова покачал головой.

— Как… как это возможно?

— Я не надолго, — не ответив на вопрос, сказала Рахиль.

Сол снова поцеловал взрослую дочь. Слезы текли по его щекам, но он не мог смахнуть их, продолжая обеими руками держать малышку. За него это сделала взрослая Рахиль, нежно проведя ладонью по лицу отца.

Внизу, на ступенях, послышался шум. Оглянувшись, Сол увидел, как Ламия Брон помогает Силену усесться на белую плиту каменной ограды, а возле них стоят трое запыхавшихся мужчин.

Консул и Тео Лейн глазам своим не верили.

— Рахиль… — прошептал Мелио Арундес.

— Рахиль? — Мартин Силен, морща лоб, уставился на Ламию Брон.

Та смотрела на девушку с раскрытым ртом.

— Монета, — произнесла наконец она. — Ты Монета. Монета… Кассада.

Рахиль кивнула. Улыбка сбежала с ее лица.

— У меня всего несколько минут, — сказала она. — А рассказать вам нужно очень много.

— Нет. — Сол взял свою взрослую дочь за руку. — Ты ведь не уйдешь от меня больше? Правда?

Рахиль снова улыбнулась.

— Конечно, нет, отец, — ответила она с нежностью, прикоснувшись к щечке ребенка. — Но только одна из нас может остаться… Ей ты нужнее. — Она повернулась к стоявшим внизу. — Выслушайте меня, пожалуйста.

Когда поднявшееся над городом солнце озарило руины Града Поэтов, корабль Консула, западные скалы и верхушки Гробниц Времени, Рахиль закончила свой короткий рассказ о том, как она удостоилась чести перенестись в грядущее, где бушевала последняя война между созданием Техно-Центра — Высшим Разумом — и человеческим духом. В будущее ужасных и чудесных таинств, где человечество расселилось по нашей галактике и вышло за ее рубежи.

— В другие галактики? — переспросил Тео Лейн.

— В другие вселенные, — улыбнулась Рахиль.

— Полковник Кассад знал тебя под именем Монеты, — пробормотал Силен.

— Будет знать под именем Монеты. — Глаза

Рахили затуманились. — Я видела, как он погиб, и сопровождала его могилу в прошлое. Я знаю, часть моей миссии — встретиться с легендарным воином и повести его вперед, к последней битве. В сущности, мы с ним еще не знакомы. — Она покосилась на Хрустальный Монолит в глубине долины. — Монета, — задумчиво повторила она. — По-латыни это означает «Напоминающая». Пусть так. Еще он может звать меня Мнемозиной — «памятью».

Сол не выпускал руки дочери:

— Ты отправляешься в прошлое вместе с Гробницами? Почему? Как?

Рахиль подняла голову, и отразившиеся от скал солнечные лучи осветили ее лицо.

— Это мой долг, отец. Моя обязанность. Они наделили меня средствами, позволяющими контролировать Шрайка. И только я была… подготовлена.

Сол поднял дочурку еще выше. Она выпустила пузырь слюны и в поисках тепла уткнулась лицом в отцовскую шею.

— Подготовлена? Ты имеешь в виду болезнь Мерлина?

— Да, — ответила Рахиль.

— Но ведь ты выросла не в каком-то таин-

ственном будущем, а в университетском городе Кроуфорде, на улице Фертиг-стрит, на Мире Барнарда… — Он замолчал.

Рахиль кивнула.

— Это она вырастет там. Прости, отец, мне пора. — Она высвободила руку, сбежала по лестнице и коснулась щеки Мелио Арундеса.

— И ты меня прости, — негромко сказала она потрясенному человеку, не отрывавшему от нее глаз. — Это было словно в другой жизни.

Арундес удержал ее руку у своей щеки.

— Ты женат? — негромко спросила Рахиль. — Дети?

Арундес кивнул, потянулся к карману, но быстро отдернул руку.

Рахиль, улыбнувшись, поцеловала археолога и двинулась вверх по лестнице. Разгоралась заря, но вход в Сфинкс затмевал ее своим блеском.

— Отец, — громко сказала Рахиль. — Я люблю тебя.

Сол хотел ответить, но у него перехватило горло.

— Как… как мне воссоединиться с тобой… там, в будущем?

Рахиль указала на распахнутый вход в Сфинкс.

— Для некоторых он будет межвременным

порталом, о котором я говорила. Но тебе, отец… — Она помолчала. — Тебе придется снова растить меня. То есть в третий раз промучиться со мной. Разве можно просить о такой жертве?

Сол через силу улыбнулся.

— Ни одни родители на свете не отказались бы от этого, Рахиль. — Он переложил младенца на другую руку и снова покачал головой. — Наступит ли время, когда… вы обе…

— Будем вместе? — договорила Рахиль. — Нет. Я ухожу другой дорогой. Ты и представить себе не можешь, сколько я уламывала Комиссию Парадоксов, пока мне разрешили эту встречу.

— Комиссию Парадоксов? — не понял Сол.

Рахиль вздохнула. Теперь они с отцом соприкасались лишь кончиками пальцев.

— Мне пора.

— Я буду… — Он посмотрел на ребенка. — Мы будем одни… там? Рахиль засмеялась, и при звуке этого смеха сердце Сола болезненно сжалось.

— О нет! Что ты! Там чудесно. Чудесные люди. Можно научиться чудесным вещам, увидеть изумительные места… — Она огляделась вокруг. — Нет, отец, ты будешь там не один. Я буду с тобою всей своей детской неуклюжестью и подростковым нахальством. — Она отступила назад,

и ее пальцы оторвались от пальцев Сола. — Не переходи туда сразу, подожди немного, — посоветовала она, погружаясь в сияние. — Это не больно, но вернуться назад ты уже не сможешь.

— Рахиль, погоди! — воскликнул Сол.

Длинное платье струилось по камню, пока свет не объял Рахиль всю целиком. Голос ее зазвенел из сияния:

— Счастливо, аллигатор!

Сол помахал в ответ:

— Пока, крокодил!

Малышка проснулась и заплакала.

Через час с лишним Сол вместе со всеми вернулся к Сфинксу. Они побывали на корабле Консула, наскоро перевязали раны Ламии и Силена, перекусили, а потом снарядили Сола с малышкой в далекое путешествие.

— Глупо, пожалуй, укладывать вещи. Все наше путешествие может свестись к одному шагу сквозь портал, — рассудил Сол. — Правда, если в этом расчудесном будущем не окажется детского питания и пеленок, нам придется несладко.

Консул похлопал битком набитый рюкзак, лежавший на ступенях.

— На первые две недели, думаю, хватит. Если за это время не найдете бюро обеспечения пелен-

ками, отправляйтесь в одну из тех вселенных, о которых говорила Рахиль.

Сол покачал головой.

— Неужели все это правда? А может, я сплю?

— Подождите несколько дней, — пробовал уговорить его Мелио Арундес. — Побудьте с нами, пока все не уладится. Будущее не убежит.

Сол почесал бороду. Он кормил ребенка молоком, синтезированным всемогущим кораблем.

— Где гарантия, что портал будет открыт хотя бы еще неделю, — сказал он. — Кроме того, у меня могут сдать нервы. Я слишком стар, чтобы вновь растить ребенка… тем более в этой сказочной стране, где окажусь чужаком.

Арундес положил свою сильную руку на плечо Сола.

— Позвольте мне отправиться с вами! До смерти хочется увидеть это райское местечко.

Сол улыбнулся и крепко пожал руку Арундеса.

— Спасибо, мой друг. Но ваша жена и дети ждут вас… на Возрождении-Вектор… У вас тоже есть обязанности.

Арундес кивнул и посмотрел на небо.

— Если нам удастся вернуться.

— Мы вернемся, — сказал Консул. — Даже если Сеть исчезла навсегда, со старомодными спин-

звездолетами ничего произойти не могло. Это будет стоить вам нескольких лет, Мелио, но вы вернетесь.

Сол закончил кормить ребенка, повесил чистую пеленку себе на плечо и окинул взглядом кучку людей вокруг.

— У всех свои заботы. — Он обменялся рукопожатием с Силеном, который категорически отказался залезть в реаниматор и даже слышать не хотел об удалении гнезда нейрошунта.

— Со мной такое и раньше бывало, — беспечно заявил он.

— Собираетесь дописывать поэму? — спросил Сол.

Силен покачал головой.

— Я закончил ее на дереве. И еще сделал там потрясающее открытие, Сол.

Ученый поднял бровь.

— Я узнал, что поэты не боги, но если Бог… или что-то вроде Бога… существует, то он поэт. И к тому же хреновый.

Ребенок агукнул.

Мартин Силен в последний раз пожал руку Сола.

— Устройте им там веселую жизнь, Вайнтрауб. Скажите им, что вы их прапрапрапрапрадедуш-

ка, а если станут безобразничать, надерите им задницы.

Сол кивнул и подошел к Ламии Брон.

— Я видел, вы говорили с медицинским терминалом корабля. Все ли в порядке с вами и вашим будущим ребенком?

Ламия улыбнулась.

— Все отлично.

— Мальчик или девочка?

— Девочка.

Сол поцеловал ее в щеку. Ламия коснулась его бороды и отвернулась. Частному детективу, даже бывшему, плакать не пристало.

— С девочками столько хлопот. — Сол старался вытащить пальчики Рахили из своей бороды. — Обменяйте вашу на мальчика при первой же возможности.

— Хорошо, — пообещала Ламия сквозь слезы.

Он пожал руки Консулу, Тео и Мелио, надел рюкзак, пока Ламия держала девочку, затем взял Рахиль на руки.

— Вот будет номер, если эта машина не сработает. Мне что, тогда, вечно скитаться внутри Сфинкса? — пробормотал он.

Консул, прищурившись, смотрел на светящийся вход.

— Там все в порядке. Хотя как эта штуковина работает, ума не приложу. Вряд ли там портал…

— Передал, — предложил свой вариант Силен и закрылся рукой от разъяренной Ламии. — Если он сразу же не вырубится, народ туда так и попрет. Так что, Сол, одиночество вам не грозит.

— Если разрешит Комиссия Парадоксов, — вздохнул Сол, теребя бороду, как делал всегда, думая о чем-то своем. Он поправил рюкзак, крепче прижал ребенка и сделал первый шаг. На этот раз силовые поля пропустили его.

— Не поминайте лихом! — крикнул он. — Клянусь Богом, игра стоила свеч!

И они исчезли в сиянии.

От воцарившейся тишины звенело в ушах. Первым ее нарушил Консул:

— Пойдем на корабль?

— Надеюсь, вы спустите лифт, — заметил Силен. — Мы не умеем ходить по воздуху, как госпожа Ламия Брон.

Ламия смерила поэта гневным взглядом.

— Думаете, все это устроила Монета? — спросил Арундес, имея в виду поединок со Шрайком.

— Скорее всего, — откликнулась Ламия. — Достижения науки будущего, что-то в этом роде.

— О да, — вздохнул Мартин Силен, — «наука бу-

дущего»… Сколько раз я слышал эти слова от тех, кому нравится быть суеверным. Альтернатива, моя дорогая, заключается в том, что ты обладаешь некой доселе неизвестной энергией, которая позволяет левитировать и превращать чудовищ в стеклянных чертиков.

— Заткнись, — бросила Ламия, на этот раз с плохо скрываемой неприязнью, и оглянулась. — Где гарантия, что с минуты на минуту не явится другой Шрайк?

— В самом деле, где? — согласился Консул. — Наверняка найдется новое пугало.

Тео Лейн, который всегда терялся, когда возникали разногласия, откашлялся:

— Взгляните, что я нашел возле Сфинкса, среди багажа. — И он поднял над головой какой-то инструмент с тремя струнами, длинным грифом и ярко разрисованным треугольным корпусом. — Это гитара?

— Балалайка, — ответила Ламия. — Она принадлежала отцу Хойту.

Тео Лейн отдал инструмент Консулу. Тот пощипал струны.

— Знаете эту песню? — Он взял несколько аккордов.

— «Ноктюрн для четырех ног под одеялом»? —

предположил Мартин Силен.

Консул покачал головой и взял еще несколько аккордов.

— Что-то старинное! — предположила Ламия.

— «Выше радуги», — сказал Мелио Арундес.

— Должно быть, это пели еще до меня. — Тео Лейн кивал в такт бренчанию Консула.

— До всех нас, — сказал Консул. — Пошли, по дороге разучим слова.

Фальшивя и перевирая текст, паломники двинулись под палящим солнцем вверх по склону к ожидающему их кораблю.

Эпилог

Через пять с половиной месяцев, на седьмом месяце беременности, Ламия Брон вылетела утренним рейсом дирижабля в Град Поэтов на проводы Консула.

Озаренная первыми солнечными лучами столица, которую все — и местные жители, и офицеры ВКС, и Бродяги — называли теперь Джектауном, нарядная и чистая, осталась внизу. Дирижабль отчалил от причальной башни в центре города и взял курс на северо-запад, вверх по реке Хулай.

Искалеченный войной крупнейший город Гипериона за короткое время был почти полностью восстановлен. Многие из трех миллионов беженцев с фибропластовых плантаций и маленьких городов южного континента не хотели возвращаться, несмотря на спрос Бродяг на фибропласт. Так что дома росли как грибы, а электричество, канализация и кабельное головидение уже дотянулись до холмов между городом и космопортом.

Вскоре после распада Сети боевые действия в системе Гипериона прекратились. Столица и космопорт, практически оккупированные Бродягами, получили статус особого района, управляемого Бродягами и вновь избранным Комитетом местного самоуправления на основе договора, который разработали и отстояли Консул и бывший генерал-губернатор Тео Лейн. Но пока на поле космопорта садились лишь катера с уцелевших кораблей ВКС да экскурсионные челноки Роя. Никого больше не изумляло, что мохнатые, крылатые и прочие Бродяги разгуливают по базару на Джектаун-Сквер или заходят пропустить рюмочку в «Цицерон».

Последние несколько месяцев Ламия жила как раз в «Цицероне», в одном из люксов на четвер-

том этаже уцелевшего крыла гостиницы. Все это время Стен Левицкий в поте лица отстраивал разрушенное здание.

— Клянусь Богом, я не нуждаюсь в помощи беременной женщины! — кричал он всякий раз, когда Ламия вызывалась подсобить ему.

Этим утром Стен отвез ее к причальной башне, внес в гондолу багаж и сверток, который она везла для Консула, после чего вручил ей небольшой пакет от себя лично.

— Раз уж вас понесло в это занудное путешествие в забытую богом и чертом страну, — проворчал он, — пусть хоть будет что почитать.

В пакете оказалось репринтное издание «Стихотворений» Джона Китса 1817 года, переплетенное в кожу самим Левицким.

Ламия повергла гиганта в смущение, а пассажиров немало позабавила, когда обняла владельца гостиницы так, что у того ребра затрещали.

— Хватит, черт возьми, — бормотал он, потирая бока. — Скажите Консулу, что я хочу вновь увидеть здесь его ободранную рожу, прежде чем передам эти развалины своему сыну. Не забудете?

Ламия кивнула и помахала ему рукой. Остальные пассажиры тоже махали друзьям и близким

на башне. Наконец корабль отдал швартовы, сбросил балласт и величественно воспарил над крышами Джектауна.

Теперь, когда дирижабль миновал предместья и повернул на запад, она впервые увидела вершину горы, по-прежнему созерцавшую город глазами Печального Короля Билли. На щеке Билли виднелся десятиметровый шрам, чуть сглаженный дождями, — военный сувенир, след от лазерного копья.

Но гораздо больше Ламию интересовало скульптурное изображение на северо-западном склоне. Несмотря на современные лазерные резаки, позаимствованные у саперов ВКС, работа продвигалась медленно: большой орлиный нос, широкий рот и печальные умные глаза были пока едва заметны. Застрявшие на Гиперионе граждане Гегемонии возражали против памятника Гладстон, но Рифмер Корбе-III (которому гора теперь принадлежала), праправнук скульптора, изваявшего в этой же горе портрет Печального Короля Билли, сказал, не мудрствуя лукаво: «А пошли вы все…» — и продолжил работу. Еще год, может быть, два — и портрет будет готов.

Ламия вздохнула, погладила живот — жест, который она ненавидела в беременных женщи-

нах, — и двинулась к своему креслу на смотровой палубе. Если на седьмом месяце она уже превратилась в воздушный шар, что будет в конце срока? Ламия взглянула на выпуклую оболочку дирижабля над головой и поморщилась.

Благодаря попутному ветру перелет отнял всего двадцать часов. Ламия немного подремала, но большую часть путешествия следила за проплывавшей внизу знакомой местностью.

Часов в десять утра они миновали шлюзы Карлы, и Ламия, улыбнувшись, погладила сверток, который везла Консулу. К вечеру впереди замаячил речной порт Наяда, и с высоты трех тысяч футов она разглядела старую баржу, которую тянули против течения манты. Уж не «Бенарес» ли это?

Когда в верхней гостиной подали обед, они пролетали над Эджем. Травяное море возникло как раз в тот миг, когда его малахитовую безбрежность озарили лучи заходящего солнца. Миллионы травинок затрепетали, потревоженные тем же ветром, который подгонял дирижабль. Ламия с чашкой кофе уселась в свое любимое кресло, распахнула окно и любовалась открывшимся ей видом, пока не стемнело. Как раз перед тем, как в рубку внесли лампы, ее терпение было возна-

граждено: внизу показался ветровоз, который шел с севера на юг. На носу и на корме раскачивались фонари. Высунувшись из окна, она ясно услышала рокот большого колеса и хлопанье парусов при смене галса.

Когда Ламия поднялась в свою каюту, постель была уже постлана. Переодевшись в халат и прочитав несколько стихотворений, она вернулась на палубу и просидела там до рассвета: вдыхала доносящийся снизу запах молодой травы, грезила и время от времени дремала.

У Приюта Паломника они сделали остановку, чтобы пополнить запас продуктов, взять балласт и сменить команду, но Ламия сходить на землю не стала. Наконец освещенная прожекторами станция осталась позади, и внизу замелькали огоньки опор подвесной дороги.

Горный хребет дирижабль пересек в полной темноте. Чтобы загерметизировать гондолу, окна закрыли, но в разрывах облаков Ламия успела разглядеть вагончики, плывущие от вершины к вершине, и сиявшие в звездном свете ледники.

На рассвете они прошли над Башней Хроноса. Даже в розовом свете зари каменные стены казались холодными, как лед. Вскоре по левому борту замаячил белый Град Поэтов, и дирижабль

опустился к башне, установленной на восточном краю нового космо-порта.

Ламия рассчитывала, что встречающих не будет. Все ее знакомые думали, что она прилетит позже, на скиммере Тео Лейна. Но ей хотелось побыть наедине со своим мыслями, и она предпочла медленный дирижабль обществу бывшего генерал-губернатора.

И вдруг, еще до того, как спустили трап, она заметила в небольшой толпе знакомое лицо. Консул! Рядом с ним, щурясь от утреннего солнца, стоял Мартин Силен.

— Черт бы побрал этого Стена, — пробормотала Ламия, вспомнив, что радиосвязь восстановлена и на орбиту выведены новые УКВ-ретрансляторы.

Вместо приветствия Консул молча обнял ее. Силен зевнул и рассеянно пожал ей руку:

— Более неудобного времени не могла выбрать, а?

В тот же день состоялась прощальная вечеринка. Утром улетал не только Консул — систему Гипериона покидала большая часть кораблей ВКС, а с ними и добрая половина Роя. С десяток разномастных катеров заняли всю полоску дюн возле корабля Консула. Бродяги осматривали

Гробницы Времени, а офицеры ВКС в последний раз замерли у могилы Кассада.

В Граде Поэтов уже насчитывалось не меньше тысячи постоянных обитателей, в их числе художники и поэты. Впрочем, Силен иначе как «позерами» их не называл. Они дважды пытались избрать его мэром, и он дважды отказывался, потешаясь над незадачливыми избирателями. Но при этом старик влезал во все дела города, руководил реставрационными работами, разрешал споры, распределял жилье, организовывал подвоз по воздуху припасов из Джектауна и южных районов. Град Поэтов больше не был Мертвым Городом.

Правда, Силен утверждал, что от этого его коллективный коэффициент интеллекта значительно снизился.

Банкет состоялся в восстановленном обеденном зале, и высокий свод вибрировал от громкого смеха, когда Мартин Силен читал непристойные стихи, а группа актеров разыгрывала пародийные сценки. Помимо Консула и Силена, за столик Ламии уселись шестеро Бродяг, в том числе Свободная Дженга и Центральный Минмун, а также Рифмер Корбе-III, вырядившийся в хламиду из лоскутков меха и высокий колпак. Запоздавший

Тео Лейн рассыпался в извинениях. Он поделился с гостями свежайшими анекдотами из Джектауна и присел отведать десерт. Лейна прочили на пост мэра Джектауна — приближался Четвертый Месяц, а вместе с ним выборы. Тео симпатизировали и местные, и Бродяги, да и сам он не давал повода думать, что откажется от такой чести.

Когда запасы вина истощились, Консул пригласил гостей на корабль — продолжить возлияния и послушать музыку. Ламия, Мартин и Тео расположились на балконе, а Консул играл им Гершвина и Студери, Брамса и Люзера, «Битлз» и снова Гершвина. Закончил он поразительным Вторым концертом для фортепиано с оркестром до-минор Рахманинова.

Потом они сидели в сумерках, смотрели на город и долину, пили вино и беседовали.

— Интересно, что вас ждет в Сети? — спросил Тео Консула. — Анархия? Власть толпы? Новый каменный век?

— Все это и, возможно, кое-что еще, — улыбнулся Консул, согревая в ладонях бокал с бренди. — А если серьезно, я ни секунды не сомневаюсь в том, что мы выкарабкаемся!

Лейн отставил стакан с вином, к которому так и не прикоснулся:

— Как вы думаете, почему отключилась мультилиния?

Мартин Силен фыркнул:

— Неужели не ясно? Богу надоела чушь, которую мы царапаем на стенках его сортира.

Они вспомнили старых друзей, поговорили об отце Дюре. В одной из последних мультиграмм сообщалось о его избрании. Кто-то произнес имя Ленара Хойта.

— Как вы думаете, после смерти Дюре он автоматически сделается папой? — спросил Консул.

— Сомневаюсь, — покачал головой Тео Лейн. — Но если крестоформ, который Дюре все еще носит на груди, сохранил свою силу, шансы у него есть.

— Интересно, вернется ли он за своей балалайкой, — протянул Силен, пощипывая струны инструмента. В сумерках его все еще можно было принять за сатира.

Они поговорили о Соле и Рахили. За последние шесть месяцев в Сфинкс пытались проникнуть сотни людей, но удалось это только одному — неприметному Бродяге по имени Специальный Аммениет.

Все эти месяцы специалисты Бродяг не сидели сложа руки — они исследовали Гробницы и следы темпоральных полей. Когда Гробницы распах-

нулись, на некоторых проступили иероглифы и странно знакомая клинопись, позволившие выдвинуть обоснованные гипотезы о назначении сооружений.

Сфинкс был односторонним порталом в будущее — об этом говорила Рахиль/Монета. Никто не знал, по какому признаку он отбирает кандидатов, но очереди выстраивались громадные. Дальнейшая судьба Сола и его дочери пока оставалась неизвестной. Ламия часто ловила себя на мыслях о старом ученом.

Ламия, Консул и Мартин Силен выпили за здоровье Сола и Рахили.

По-видимому, Нефритовая Гробница была каким-то образом связана с газовыми гигантами. Ее портал никого не впускал, но Бродяги, выращенные и подготовленные к жизни в юпитерианских условиях, не оставляли попыток проникнуть туда. Специалисты — и Бродяги, и эксперты ВКС — неоднократно указывали, что Гробницы не привычная нуль-Т, а совершенно иная форма космической связи. Туристы в подобные тонкости не вникали.

Обелиск оставался загадкой. Гробница все еще светилась, но входа в нее не было. Бродяги считали, что внутри прячутся армии Шрайков.

Мартин Силен видел в ней фаллический символ, служащий исключительно украшением долины. Остальным казалось, что она имеет какое-то отношение к Тамплиерам.

Ламия, Консул и Мартин Силен выпили за Хета Мастина, Истинного Гласа Древа.

Хрустальный Монолит стал мавзолеем полковника Кассада. Надписи на камне расшифровали. В них говорилось о вселенской битве и великом воине, который явился из прошлого, чтобы помочь разбить Повелителя Боли. Юные матросы с факельщиков и авианосцев зачарованно созерцали Гробницу. Этим кораблям, возвращавшимся на планеты бывшей Сети, предстояло разнести легенду о Кассаде во все уголки галактики.

Ламия, Консул и Мартин Силен выпили за Федмана Кассада.

Первая и вторая из Пещерных Гробниц, судя по всему, никуда не вели, но из третьей, похоже, можно было попасть в лабиринты многих миров. После исчезновения нескольких исследователей, администрация Бродяг, ссылаясь на то, что лабиринты расположены в иных эпохах прошлого и будущего — отстоящих на сотни тысяч лет от настоящего — и в иных пространствах, запретила вход в пещеры всем, кроме специалистов.

Ламия, Консул и Мартин Силен выпили за Поля Дюре и Ленара Хойта.

Дворец Шрайка оставался загадкой. Когда Ламия и другие вернулись туда через несколько часов, ярусов уже не было, зал уменьшился до привычных размеров, а в середине его сиял светящийся квадрат. Входившие в него исчезали. Никто не вернулся назад.

Ученые закрыли Дворец Шрайка для посетителей и взялись за расшифровку высеченных на камне и сильно поврежденных временем надписей. До настоящего времени им удалось разобрать всего три слова — на земной латыни: «Колизей», «Рим» и «Вновь населите». Пошли слухи, что светящийся квадрат позволяет попасть на исчезнувшую Старую Землю и что жертвы тернового дерева перенесены именно туда. Сотни желающих ожидали своей очереди.

— Вот видишь, — поддел Ламию Мартин Силен, — не помчись ты спасать меня, я был бы уже дома.

Тео Лейн вышел из задумчивости:

— Неужели вам действительно хочется на Старую Землю?

Силен ухмыльнулся:

— Да ни хрена подобного! Я там чуть не умер

со скуки, и скука смертная там будет всегда. Вот здесь — настоящая жизнь. — И Силен провозгласил тост за себя.

«В каком-то смысле, — подумала Ламия, — он прав». Именно на Гиперионе пересеклись пути Бродяг и граждан бывшей Гегемонии. Гробницы Времени были мощным катализатором для развития торговли, туризма и транспорта в галактике, которая приспосабливалась к жизни без нуль-Т. Она попыталась представить себе будущее таким, каким видели его Бродяги: огромные флоты расширяли горизонты человечества, генетически перестроенные люди обживали газовые гиганты, астероиды и миры, еще более суровые, чем Марс и Хеврон до терраформирования. Возможно, эту вселенную увидит ее дочь… или ее внуки.

— О чем вы задумались? — нарушил Консул затянувшееся молчание.

Ламия улыбнулась.

— О будущем. И о Джонни.

— О да! — подхватил Силен. — О поэте, который так и не стал Богом.

— Как по-вашему, что случилось с его второй личностью? — негромко спросила Ламия.

Консул развел руками.

— Вряд ли она пережила гибель Техно-Центра. А вы что об этом думаете?

Ламия покачала головой.

— Мне остается лишь завидовать. Сколько людей его видело! Даже Мелио Арундес столкнулся с ним в Джектауне.

Они выпили за Мелио, который пять месяцев назад улетел с первым же спин-звездолетом ВКС, возвращавшимся в Сеть.

— А я его так и не встретила. — Ламия хмуро уставилась в свой бокал с бренди. Она чувствовала, что слегка пьяна. Надо будет обязательно принять антиалкогольные таблетки, чтобы не причинить вред ребенку. — Я возвращаюсь, — объявила она, поднимаясь. — Завтра мне нужно встать затемно, чтобы полюбоваться вашим взлетом на фоне рассвета.

— Может, переночуете на корабле? — предложил Консул. — Из гостевой каюты открывается чудесный вид на долину.

Ламия отрицательно покачала головой.

— Мой багаж в старом дворце.

— Мы еще увидимся, — сказал Консул. Они снова обнялись, быстро, чтобы скрыть блеснувшие в глазах слезы.

Мартин Силен проводил ее до Града Поэтов.

Они прошли освещенную галерею и остановились у дверей ее комнаты.

— Ты действительно висел на дереве, или это было что-то вроде фантопликации, а сам ты спал во Дворце Шрайка? — спросила Ламия.

Поэт ткнул пальцем в то место на груди, откуда торчал стальной шип.

— Был я китайским мудрецом, воображавшим себя бабочкой, или бабочкой, воображавшей себя китайским мудрецом? Ты об этом, детка?

— Об этом.

— Да, — ответил Силен негромко. — Я был и тем, и другим. И оба были настоящие. И обоим было больно. И я буду вечно любить и лелеять тебя за то, что спасла мне жизнь. За то, что ходила по воздуху. Такой ты и останешься в моей памяти. — Он взял ее руку и нежно, почтительно, почти благоговейно, поцеловал. — Пойдешь к себе?

— Нет, хочу немного прогуляться по саду.

Поэт нахмурился:

— У нас здесь есть патрули — роботы и люди — и Гренделъ-Шрайк еще не выходил на «бис»... Но будь осторожна, ладно?

— Не забывай, — поддразнила его Ламия, — я гроза Гренделей. Хожу по воздуху и превращаю их в хрупких стеклянных чертиков.

— Угу, только из сада не выходи. Ладно, детка?

— Ладно, — сказала Ламия и коснулась своего живота. — Мы будем начеку.

Он ждал в саду, в уголке, куда не проникал свет.

— Джонни! — вырвалось у Ламии, и она бросилась вперед по дорожке.

— Нет. — Он покачал головой и поспешно сдернул шапку.

Те же рыжевато-каштановые волосы и светло-карие глаза, та же улыбка. Только одет как-то странно: куртка из толстой кожи, подпоясанная широким ремнем, тяжелые башмаки, в руке трость.

Ламия застыла в нерешительности.

— Конечно, — прошептала она и хотела дотронуться до него, но под рукой оказался воздух, хотя характерного для голограмм мерцания не было.

— Тут сохранились довольно плотные поля метасферы, — пояснил он.

— Угу, — согласилась она, совершенно не понимая, о чем он. — Вы другой Китс. Близнец Джонни.

Юноша улыбнулся и протянул руку к ее выпуклому животу.

— То есть что-то вроде дяди?

Ламия молча кивнула.

— Это ведь вы спасли ребенка… Рахиль?

— Вы видели меня?

— Нет. — У Ламии вдруг перехватило дыхание. — Но я чувствовала ваше присутствие. — Она помолчала. — Уммон говорил о Сопереживании, ипостаси людского Высшего Разума. Это ведь не вы?

Он покачал головой, и его кудри сверкнули в тусклом свете фонарей.

— Нет, я всего лишь Тот, Кто Приходит Раньше. Предтеча. И чудес особых не совершал — разве что ребенка подержал, пока его у меня не забрали.

— Так вы не помогали мне… драться со Шрайком? Ходить по воздуху?

Джон Китс засмеялся.

— Нет. Так же, как и Монета. Все это, Ламия, сделали вы сами.

Она замотала головой.

— Быть не может.

— Почему же? — Он опять улыбнулся и снова протянул руку, словно хотел коснуться ее живота, и Ламии показалось, что она ощущает давление его ладони.

— О строгая невеста тишины, дитя в безвестье канувших времен… — прошептал он. — Матери

Той, Кто Учит, несомненно, положены кое-какие поблажки![61]

— Матери Той… — Ламию внезапно замутило. Слава Богу, рядом оказалась скамейка. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой неуклюжей, но седьмой месяц — есть седьмой месяц, и сесть ей удалось с немалым трудом. Аналогия с дирижаблем, причаливающим к башне, напрашивалась сама собой.

— Той, Кто Учит, — повторил Китс. — Даже предположить не могу, чему Она будет учить, но это изменит всю вселенную и положит начало тому, что не утратит важности и через десять тысячелетий после нас.

— Мой ребенок? — вымолвила она, чувствуя, что ей не хватает воздуха. — Наш с Джонни ребенок?

Двойник Китса потер щеку.

— Слияние человеческого духа и логики ИскИнов, которое безуспешно искали Уммон с Техно-Центром, — сказал он и отступил на шаг. — Хорошо бы оказаться здесь, когда Она будет учить тому, чему должна научить. Увидеть все собственными глазами.

---

[61] Примечания: 61
Д. Китс. «Ода греческой вазе» (пер. Г. Кружкова).

Голова Ламии шла кругом, но что-то в его тоне насторожило ее:

— В чем дело? Ты разве уйдешь? Куда?

Китс вздохнул:

— Техно-Центр исчез. Здешние инфосферы слишком малы, чтобы вместить меня… даже частично. Остаются ИскИны кораблей ВКС, но, боюсь, это не для меня. Не терплю приказов.

— А больше негде?

— Метасфера, — с таинственным видом ответил он и оглянулся. — Но там львы, и тигры, и медведи. А я еще не готов.

Ламия пропустила эту тираду мимо ушей.

— Есть идея, — заявила она. И тут же изложила ее.

Двойник ее возлюбленного обнял ее своими бесплотными руками и сказал:

— Вы чудо, мадам. — И вновь отступил в сумрак.

Ламия покачала головой.

— Всего лишь беременная женщина. — Она положила руку на живот и пробормотала: — Та, Кто Учит, надо же. — Затем обратилась к Китсу: — Раз уж ты у нас архангел, посоветуй, как ее назвать?

Ответа не последовало, и Ламия огляделась по сторонам.

В саду никого не было.

Ламия пришла в космопорт на рассвете. Проводы получились не слишком веселые. Мартин, Консул и Тео страдали от головной боли, поскольку пилюли от похмелья исчезли вместе с Сетью. Одна Ламия была в чудесном расположении духа.

— Чертов бортовой компьютер все утро чудит, — проворчал Консул.

— Это как? — улыбнулась Ламия.

Прищурившись, Консул посмотрел на нее.

— Прошу провести стандартную проверку перед взлетом, а этот кретин выдает мне стихи.

— Стихи? — Мартин театрально выгнул бровь.

— Да… послушайте… — Консул нажал кнопку комлога, и Ламия вновь услышала знакомый голос:

Прощайте, Призраки! Мне недосуг
С подушкой трав затылок разлучить;
Я не желаю есть из ваших рук,
Ягненком в балаганном действе быть!
Сокройтесь с глаз моих, чтобы опять
Вернуться масками на вазу снов;
Прощайте! – для ночей моих и дней

Видений бледных мне не занимать;
Прочь, Духи, прочь из памяти моей —
В край миражей, в обитель облаков![62]

— Может, какой-то дефект? — предположил Тео Лейн. — Ведь ИскИн вашего корабля сравним по мощности с разумами бывшего Техно-Центра.

— Так и есть, — сказал Консул. — Я проверил. Все в порядке. Но он раз за разом подсовывает мне… это! — Он взмахнул распечаткой.

Мартин Силен посмотрел на Ламию и, заметив, что она улыбается, повернулся к Консулу.

— Ну что ж, похоже, ваш корабль решил научиться грамоте. Пусть это вас не беспокоит. Он будет хорошим спутником в вашем долгом странствии.

Возникла пауза. И тут Ламия извлекла из сумки объемистый сверток.

— Прощальный подарок, — сказала она.

Консул принялся его разворачивать, сначала медленно, затем все быстрее, разрывая и комкая обертку. Глазам присутствующих открылся свернутый в трубку выцветший и потертый маленький коврик. Консул провел по нему ладонью,

---

[62] Примечания: 62
Д. Китс. «Ода праздности», VI (пер Г. Кружкова).

поднял глаза и проговорил дрожащим голосом:

— Где… как вы…

Ламия улыбнулась.

— Местная беженка нашла его ниже шлюзов Карлы. Она пыталась продать его на базаре в Джектауне, когда я шла мимо. Кроме меня никто на него не позарился.

Консул сделал глубокий вдох и провел пальцем по узору ковра-самолета, который доставил его деда на роковое свидание.

— Боюсь, он больше не летает, — сказала Ламия.

— Надо перезарядить левитационные нити, — пробормотал Консул. — Не знаю, как вас благодарить…

— Не благодарите. — Ламия улыбнулась. — Это вам талисман в дорогу.

Консул покачал головой, обнял Ламию, пожал всем руки и поднялся на лифте в рубку. Ламия и остальные двинулись к зданию космопорта.

В лазурном небе Гипериона не было ни облачка. Солнце окрасило далекие вершины Уздечки в бледно-розовые тона. Все предвещало чудесный теплый день.

Ламия оглянулась на Град Поэтов и долину за ним. Из-за скал виднелись верхушки Гробниц

Времени. Одно крыло Сфинкса озарило солнце.

В ту же секунду эбеново-черный корабль Консула беззвучно поднялся на струе голубого пламени и устремился в небо.

Ламия пыталась вспомнить стихи, которые только что прочла, и последние строки неоконченного шедевра своего возлюбленного:

Гиперион вошел. Он весь пылал
Негодованьем; огненные ризы
За ним струились с ревом и гуденьем,
Как при лесном пожаре, – устрашая
Крылатых Ор. Пылая, он прошел…[63]

Теплый ветер играл ее волосами. Задрав голову, Ламия отчаянно махала рукой, не пытаясь скрыть или смахнуть слезы, а красавец-корабль поднимался все выше и выше, оставляя за собой ослепительный голубой след, и наконец преодолел звуковой барьер. Громовой удар разнесся по пустыне и эхом отозвался в далеких горах.

Ламия плакала в голос и все махала улетевшему Консулу, небу, друзьям, которых больше никогда не увидит, кусочку своего прошлого и кораблю, уносившемуся в небо, словно гигантская

---

[63] Примечания: 63
Д. Китс. «Гиперион», книга первая, 229–233 (пер. Г. Кружкова).

черная стрела, выпущенная из лука каким-то божеством.

«Пылая, он прошел…»

Об авторе

Говоря об авторе шедевра, очень трудно сохранять объективность и не пытаться подверстывать всю его жизнь комментарием к гениальной книге. Хочется понять, как он возник, и его корни усматриваются даже там, где их и в помине нет. Хотя… Кто знает, из какого уголка души Дэна Симмонса вырос этот роман, поразивший воображение даже самых искушенных читателей?

Дэн Симмонс пристрастился к фантастике с детства. В шесть лет он уже прочел «Остров сокровищ», потом добрался до книг старшего брата, среди которых оказались романы Бертрана Чандлера. В семь лет маленький Дэн отстучал на машинке отца свой первый научно-фантастический рассказ о полете на Луну и показал его учительнице, но та раскритиковала «шедевр» в пух и прах, заявив, что люди на Луну никогда не попадут. Шел 1955 год…

Сейчас, когда Симмонса приглашают выступать перед школьниками, он всегда говорит: «Пишите для своих приятелей и никогда не показывайте написанное учителям».

Окончив колледж и университет, он почти восемнадцать лет преподавал в школе, разрабатывал методики обучения для одаренных учеников. В 1982 году был опубликован его первый рассказ «Река Стикс течет вспять», в 1985-м — первый роман «Песня Кали», получивший Всемирную премию фэнтези 1986 года. С 1987 года Симмонс полностью посвятил себя творчеству. Живет уединенно в Скалистых горах, в Колорадо. Жена Карен, дочь Джейн. Двенадцать книг.

И все-таки об истоках «Гипериона». В 1983 году была опубликована повесть «Вспоминая Сири», практически без изменений вошедшая в «Гиперион» как история Консула. Когда после выхода романа критики начали расспрашивать Симмонса, что было раньше, роман или повесть, ответ поразил всех. Оказалось, что, подобно «Властелину колец», «Гиперион» родился из сказки, точнее, из научно-фантастической истории, рассказанной детям. На протяжении учебного года учитель Симмонс каждый день рассказывал своим ученикам по кусочку. 182 дня по полчаса…

Дети — самые суровые критики. Они замечали малейшие несоответствия, ничего не забывали и требовали все новых и новых подробностей. Чертились карты, составлялись схемы, диаграммы

и списки персонажей. Были нарисованы даже портреты. То, что начиналось как игра, превратилось в «миростроительство», и построенный *мир* оказалось нелегко покинуть, столь глубоко проработанным и интересным он был. Дэн Симмонс распорядился им по-хозяйски — использовал как фундамент для создания дилогии «Гиперион» и «Падение Гипериона». Я сознательно не останавливаюсь на содержании самих романов — слишком уж они великолепны и велики для нескольких слов мимоходом. Хочется надеяться, что настоящее исследование, серьезные рецензии и вдумчивый анализ еще впереди. Книги того заслуживают.

И когда Дэн Симмонс задумал новый научно-фантастический роман, оказалось, что все отправные моменты есть в тексте «Гипериона». В его Вселенной хватит материала на десятки книг, но пока их две — «Эндимион» и готовящийся к печати «Восход Эндимиона». Действие происходит на Гиперионе через 274 года после «Падения…»

«Какое чувство я хотел пробудить в читателях? Вполне определенное. Мне было девять лет, когда старший брат подарил мне на Рождество три огромные коробки, набитые журналами „Эстаундинг“, „Фэнтези энд сайенс фикшн“ и

„пэйпербэками“ издательства „Эйс“. Я обезумел. Несколько месяцев я упивался чтением. Это всепоглощающее чувство, этот праздник чтения я и хотел подарить читателям, создавая „Гиперион“.

Как нам кажется, писателю это удалось.

Краткая библиография

1) Song of Kali, 1985, роман
2) Phases of Gravity, 1989, роман
3) Carrion Comfort, 1989, роман
4) Hyperion 1989, роман
5) The Fall of Hyperion, 1990, роман
6) Prayers of Broken Stones, 1991, сборник
7) Summer of Night, 1991, роман
8) Children of the Night, 1992, роман
9) The Hollow Man, 1992, роман
10) Lovedeath, 1993, сборник
11) Fires of Eden, 1994, роман
12) Endymion, 1996, роман
13) The Rise of Endymion, 1997, роман
14) The Crook Factory, 1999, роман
15) Darwin's Blade, 2000, роман
16) Hardcase, 2001, роман
17) Hard Freeze, 2002, роман
18) Worlds Enought & Time, 2002, сборник
19) A Winter Haunting, 2002, роман
20) Ilium, 2003, роман